

АЛЬФОНСО Х
МУДРЫЙ
И СОТРУДНИКИ

ИСТОРИЯ
ИСПАНИИ

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ALFONSO X
EL SABIO
Y COLABORADORES

ESTORIA DE ESPANNA

QUE FIZO EL MUY NOBLE REY DON ALFONSO
FIJO DEL NOBLE REY DON FERNANDO
ET DE LA REYNA DONNA BEATRIZ

*Traducción comentada de la transcripción del texto
medieval realizada por Ramón Menéndez Pidal
(«Primera Crónica General de España»)*

TOMO PRIMERO

АЛЬФОНСО Х
МУДРЫЙ
И СОТРУДНИКИ

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ

КОТОРУЮ СОСТАВИЛ
БЛАГОРОДНЕЙШИЙ КОРОЛЬ ДОН АЛЬФОНСО,
СЫН БЛАГОРОДНОГО КОРОЛЯ ДОНА ФЕРНАНДО
И КОРОЛЕВЫ ДОНЬИ БЕАТРИС

*Комментированный перевод по транскрипции средневекового
текста, осуществленной Рамоном Менендесом Пидалем
(«Первая всеобщая хроника Испании»)*

ТОМ ПЕРВЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

2019

УДК 94(460)
ББК 63.3(0)4
А59

А58 Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис. Т. 1 / Под общей редакцией О. В. Аурова (составитель, ответственный редактор), И. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. — СПб.: Наука, 2019. — 763 с.

ISBN 978-5-02-039690-6

«История Испании» — выдающийся памятник средневекового историописания, одна из первых западноевропейских хроник, написанных на разговорном (средневековом кастильском) языке. «История Испании» была составлена под руководством короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252—1284) и охватывает период от заселения Испании легендарным Геркулесом до смерти короля Фернандо III Святого (1217—1252), отца Мудрого Короля. Книга адресована ученым-медиевистам, специалистам по истории и культуре Испании, студентам и всем интересующимся историей западноевропейского Средневековья.

*Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00135а
«Научный комментированный перевод „Первой всеобщей хроники“» (2013—2015))*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-19-00048, не подлежит продаже*

- © Ауоров О. В., составление, 2019
- © Ауоров О. В., Ершова И. В., Пастушкова Н. А., общая редакция текста, 2019
- © Ауоров О. В., Ершова И. В., Марей А. В., Марей Е. С., Пастушкова Н. А., Чернина Л. В., Айяла Мартинес К. де, Ньето Сория Х. М., Фернандес-Ордоньес И., Мартен Ж., вступительные статьи, 2019
- © Ауоров О. В., Ершова И. В., Пастушкова Н. А., Марей Е. С., Марей А. В., Чернина Л. В., Караулова М. К., Копылов И. А., перевод, 2019
- © Ауоров О. В., Марей Е. С., Ершова И. В., Пастушкова Н. А., Чернина Л. В., Марей А. В., комментарии, 2019
- © Ауоров О. В., Пастушкова Н. А., Сабирова Д. Н., Камина А. А., Александренко С. А., Смоленский Д. А., Матвеева В. А., Рябоконь А. М., Курпеева В. С., Мамедова Г. М., Бузина Е. А., Романенко М. А., указатели, 2019
- © Издательство «Наука», 2019

ISBN 978-5-02-039690-6

PRESENTACIÓN

Existe una conocida relación de admiración mutua e intercambio literario y cultural entre escritores españoles y rusos desde al menos el siglo XIX, desde el importante libro de Pushkin sobre España y Rusia y la posible influencia española en aquella tierra, en plena época romántica de defensa de la libertad y la dignidad humana, hasta nuestra gran escritora Emilia Pardo Bazán con también su famoso libro «La revolución de la novela rusa» de finales de siglo (1897) que tuvo una influencia decisiva en los intelectuales españoles del 98 y posteriores. Pero es menos sabida la relación historiográfica entre historiadores y eruditos de uno y otro país. Precisamente, la Real Academia de la Historia acogió ya en 1896 al primer historiador ruso interesado por España, o más concretamente por su Edad Media.

Preocupada como estaba la naciente historiografía rusa por las luchas del campesinado por liberarse de la servidumbre y por los primeros pasos del parlamentarismo, la lejana Península ibérica podía ser un espejo en el que mirarse y comparar problemas y evoluciones. Así, en marzo de 1896 el joven Vladimir Piskorski hizo un viaje a Madrid, con el fin de recabar fuentes y bibliografía para los que serían sus dos libros más importantes: el dedicado a las Cortes de Castilla (1897) y el referido a los problemas del campesinado en Cataluña (1901). Provisto de cartas de recomendación de I. Luchitski, su maestro de Kiev, y del conocido hispanista francés Alfred V.P. Morel-Fatio, el joven Piskorski fue acogido con afecto y atención en la Real Academia de la Historia por intelectuales de la talla de Marcelino Menéndez y Pelayo y Fidel Fita. En sus memorias Piskorski consideró a la Real Academia como la más importante institución española para el conocimiento y estudio de nuestra historia, valorando mucho sus esfuerzos en la edición de fuentes, a pesar de contar con escasos recursos económicos.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Начиная по крайней мере с XIX века между испанскими и русскими писателями существует очевидная симпатия и взаимодействие в сфере литературы и искусства. И возникла она с момента появления известного сочинения А. С. Пушкина об Испании и России,¹ когда заговорили о возможном влиянии испанской культуры на эту далекую страну, это был период расцвета романтизма (и связанной с ним борьбы за свободу и человеческое достоинство), а продолжилось все в конце того же столетия (в 1887 г.) публикацией не менее знаменитой книги нашей великой писательницы Эмилии Пардо Басан² «Революция и роман в России», которая оказала заметное влияние на испанских интеллектуалов «поколения 98 года» и писателей последующего периода. Однако в гораздо меньшей степени известны связи в области исторической науки между учеными-историками двух стран. А именно, Королевская Академия Истории уже в 1896 г. приняла в своих стенах первого русского историка, интересовавшегося прошлым Испании, а точнее — ее Средневековьем.

Русская историческая наука, переживавшая в тот момент период становления, живо интересовалась борьбой крестьянства за освобождение от крепостной зависимости и первыми шагами на пути становления парламентского строя, и история далекой Испании служила своего рода зеркалом, смотрясь в которое можно было сравнить схожие проблемы и возможные пути дальнейшего развития. Следствием подобного интереса стало то, что в марте 1896 г. молодой историк Владимир Пискорский предпринял путешествие в Мадрид, чтобы получить доступ к источникам и литературе, знакомство с которыми привело в дальнейшем к появлению двух его наиболее важных книг, одна из которых была посвящена истории кастильских кортесов (1897), а другая — проблемам истории каталонского крестьянства (1901). Снабженный рекомендательными письмами от И. В. Лучицкого, своего учителя в Киевском уни-

¹ Имеется в виду «Дон Жуан» из пушкинского цикла «Маленькие трагедии» (*прим. перев.*).

² Пардо Басан, Эмилия (1851—1921 гг.) — выдающаяся испанская писательница, литературовед, общественный деятель (*прим. перев.*). Упомянутый текст переведен на русский лишь фрагментарно (*прим. перев.*).

Con estas tempranas y brillantes relaciones con la historiografía rusa, la Real Academia de la Historia acoge con entusiasmo la publicación de la traducción al ruso, con un amplísimo comentario, de la Estoria de España de Alfonso X el Sabio (1252—1274). La importancia especial de esta última obra en la historia de la historiografía hispana y europea no hace falta glosarla. Tan sólo merecería la pena, por su misma actualidad, a pesar de los más de ocho siglos pasados, resaltar cómo la idea central de la Estoria fue demostrar el destino unitario que unía a los territorios y pueblos peninsulares a lo largo de sus siglos de historia compleja y dramática, incluida lo que el rey Sabio consideraba una primera «pérdida de España» en el 711. También cabría recordar cómo en la utilización para su redacción de lo que se consideraba entonces una lengua vulgar, el castellano, frente al latín, no sólo fue pionera en el ámbito hispano sino en el de todo el Occidente cristiano medieval.

El libro que ahora se presenta es sin duda el fruto logrado de una laboriosa investigación obra de un equipo internacional dirigido por el profesor Oleg V. Aurov, académico correspondiente en Moscú de nuestra Real Academia de la Historia. Entre ellos hay -incluso a pesar de la juventud de algunos- conocidos medievalistas rusos, españoles y extranjeros. Gracias a esta traducción comentada, la Estoria de España de Alfonso el Sabio se abre al conocimiento del público rusoparlante, y no solo de los especialistas en el Medioevo y cultura hispanos. Sin duda constituirá un instrumento utilísimo para el desarrollo de los estudios hispánicos en Rusia y en otros países del espacio postsoviético. El trabajo del equipo internacional sobre este proyecto es un buen ejemplo de la colaboración científica y cultural fructífera que puede y tiene que ser extendido a otras esferas de estudios para investigar, conocer y comprender el común pasado medieval de nuestra casa común europea. El nuevo libro se une ya a una importante serie de contribuciones hechas a la historia de la España tardo-antigua medieval por parte de O. V. Aurov y sus discípulos, dando así un presente y futuro de continuidad al hispanismo medievalista ruso, que con el lejano precedente de Piskorski también estuvo presente en los tiempos soviéticos para renacer ahora con más fuerza en esta nueva fase de la historia de Rusia.

Todo ello es motivo de congratulación y alegría para los historiadores de uno y otro país y para todos los amantes de la historia europea comparada. Nuestras felicitaciones efusivas al prof. Oleg V. Aurov y a su excelente equipo internacional

верситете, и известного французского испаниста Альфреда Морель-Фатьо,¹ молодой Пискорский был тепло и гостеприимно принят в Королевской Академии Истории интеллектуалами такого высокого уровня, каковыми являлись Марселино Менендес-и-Пелайо² и Фидель Фита.³ В своих воспоминаниях Пискорский рассматривает Королевскую Академию Истории как наиболее важное испанское научное учреждение, занятое изучением нашей истории, и приложившее значительные усилия для издания исторических источников, несмотря на ограниченность его финансовых возможностей.

С учетом этих давних и блестящих отношений с российской исторической наукой, Королевская Академия Истории с энтузиазмом встречает публикацию русского перевода, снабженного подробнейшим комментарием, «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого (1252—1284 гг.). Особая значимость этого труда для истории испанского и европейского историописания не нуждается в дополнительном обосновании. Стоит обратить внимание лишь на актуальность (несмотря на восемь веков, прошедших с момента создания памятника) основной для «Истории...» идеи единства исторической судьбы земель и народов полуострова на протяжении всех столетий их сложной и драматичной истории, включая и эпизод, который Мудрый Король считал первой «утратой Испании» в 711 г. Также следует отметить использование народного языка (средневекового кастильского) для составления хроники в противовес латыни, что не имело аналогов не только в пределах Пиренейского полуострова, но и на всем средневековом христианском Западе.

Настоящая книга является результатом усердного труда международного научного коллектива, руководимого профессором Олегом В. Ауоровым, членом-корреспондентом нашей Королевской Академии Истории. В числе его участников, — несмотря на молодость некоторых из них, — присутствуют известные российские, испанские и зарубежные медиевисты. Благодаря этому комментированному переводу «История Испании» Альфонсо X Мудрого станет доступна русскоязычной аудитории, и не только специалистам в области истории и культуры испанского Средневековья. Вне всякого сомнения, она даст импульс развитию испанистики в России и других странах постсоветского пространства. Совместный труд международного научного коллектива над реализацией этого проекта — хороший пример плодотворного научного и культурного сотрудничества, который может и должен быть распространен и

¹ Морель-Фатьо, Альфред Поль Виктор (1850—1924 гг.) — французский историк-испанист, переводчик. Труды посвящены, главным образом, истории и культуре Испании XVI—XVII вв. (*прим. перев.*).

² Менендес-и-Пелайо, Марселино (1856—1912 гг.) — выдающийся испанский философ, историк общественной мысли и литературы, писатель и общественный деятель. Главный труд — фундаментальная «История испанских еретиков» (1880—1882 гг.) (*прим. перев.*).

³ Фита Коломэ, Фидель (1835—1918 гг.) — выдающийся испанский археолог, историк и эпиграфист. Основное значение имеют подготовленные им издания античных и средневековых источников и надписей (*прим. перев.*).

de historiadores y traductores por esta aportación excepcional para la historiografía rusa e hispana, y, por ende, europea y universal.

Carmen Iglesias
Condesa de Gisbert
Directora de la Real Academia de la Historia

на другие сферы исследования и осознания значимости единого средневекового прошлого нашего общего европейского дома. Новая книга пополнит ряд исследований по истории позднеантичной и средневековой Испании, принятых О. В. Аурувым и его учениками, которые олицетворяют настоящее и будущее традиции российской испанистики и медиевистики, заложенной еще Пискорским и продолженной в советский период, а теперь, на новом этапе российской истории, переживающей состояние подъема.

Это событие с радостью приветствуют историки обеих стран и все поклонники компаративных исследований по истории Европы. От души поздравляем профессора Олега В. Аурова и его блестящий международный научный коллектив историков и переводчиков с этим значимым вкладом в историю российской и испанской — а также европейской и мировой, — исторической науки.

*Кармен Иглесиас,
графиня де Хисберт,
директор Королевской Академии
Истории*

PRESENTACIÓN

La *Estoria de España* (h. 1270—74 / 1283) del rey de Castilla y León, Alfonso X el Sabio (1252—1284), es una obra esencial para entender la gestación medieval de la identidad española. No solo es la primera historia de España así titulada, sino que también fue pionera en adoptar la lengua romance, el castellano.

El planteamiento de la obra se basa en la unidad geográfica formada por la península Ibérica, *Hispania* o *España*, para la que persigue relatar de forma estructurada la historia de todos sus dominadores a lo largo de los siglos, «el fecho de España», como aclara el prólogo y proclama el título, y no sólo la de los miembros de una *gens* o pueblo, de los practicantes de una religión o de los de una parte del territorio. Puesto que es la entidad geográfica peninsular la que delimita el ámbito de la obra, la historia queda estructurada como la historia del dominio que ejercieron sobre ella los varios pueblos que la aseñorearon desde sus primeros pobladores frente a, o juntamente con, la colectividad que habitaba ese solar ibérico. De todos esos pueblos, la obra atribuye a los godos y a sus «herederos», los reyes de León y Castilla, el dominio definitivo sobre el territorio, manifestando así las aspiraciones de la monarquía castellano-leonesa a ser reconocida como heredera del *regnum* sobre toda la península Ibérica, basándose en el presupuesto, defendido desde la primitiva historiografía asturiana, de que los reyes asturianos, luego leoneses y castellanos, eran los descendientes de los reyes godos.

El modelo historiográfico transmitido por la *Estoria de España*, imbuido del neogoticismo de la monarquía castellanoleonesa y de sus aspiraciones imperialistas sobre todo el territorio peninsular, *Hispania*, representa una avanzadilla de la ideología que, exacerbada en el siglo XV, sustenta la legitimación ideológica de la monarquía de los Reyes Católicos en los albores de la Edad Moderna y posteriormente. La repercusión que alcanzó se debe, ante todo, a que fue copiado y refundido en múltiples modelos de crónica general de España desde el siglo XIII hasta la Edad Moderna, cuando su huella aún es palpable en la *Historia*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

«История Испании» (*Estoria de España*) (ок. 1270—1274 /1283) короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252—1284 гг.) является произведением, имеющим первостепенное значение для понимания средневековых истоков испанского самосознания. Она не только стала первой историей Испании, получившей такое название, но и явилась первопроходцем в использовании народного языка (так называемого «романсе») — средневекового кастильского.

Замысел произведения опирается на идею географического единства Пиренейского полуострова, *Hispania* или *España*, которая позволяет изложить в структурированном виде историю всех его властителей на протяжении столетий, «созидание Испании» («el fecho de España»), как это поясняется в прологе и заявлено в заглавии, а не только историю представителей отдельного «рода» (*gens*) или народа, исповедовавшего какую-либо одну конкретную религию или проживавшего в одной конкретной части территории Испании.

Поскольку именно географическое единство полуострова определяет общие содержательные рамки произведения, то повествование выстраивается как история властвования над ним различных народов, завоевывавших его начиная со времен первых обитателей, в противовес тем (или — наряду с теми), кто населял землю Иберии. Из всех этих народов лишь готам и их «наследникам», королям Леона и Кастилии, произведение приписывает полную власть над территорией Испании, в чем проявляется стремление кастильско-леонской монархии быть признанной в качестве наследницы *regnum* на всем Пиренейском полуострове, исходя из положения, отстаиваемого еще в ранней астурийской хронистике, согласно которому, астурийские (а впоследствии — леонские и кастильские) короли являются потомками королей готов.

Историографическая модель, отраженная в *Estoria de España* и продиктованная неоготицизмом¹ кастильско-леонской монархии и ее имперскими претензиями на господство над всей территорией полуострова, над *Hispania*, стала отправным пунктом развития идеологии, усилившейся в XV в. и определившей

¹ Неоготицизм в истории Испании — подлинная или мнимая преемственность политической и культурной традиции Толедского королевства вестготов (вторая половина VI — начало VIII вв.) (*прим. перев.*).

general de España (1592—1595, 1601) de Juan de Mariana. De esta forma, el esquema narrativo que asumía el neogoticismo y otorgaba a Castilla un papel protagonista en la formación nacional española se trasladó a las historias de España decimonónicas, como la de Modesto Lafuente (1850—1867), y a través de ellas, perduró hasta bien entrado el siglo XX. Sin riesgo de equivocarnos, podemos afirmar que la *Estoria de España* contribuyó decididamente a crear una conciencia hispánica y a proponer y divulgar un relato fundacional asociado a ella.

No podemos sino recibir con los brazos abiertos, enorme gratitud y profunda admiración la traducción comentada al ruso de esta obra fundamental de la cultura española, en la que ha trabajado un excelente equipo de investigadores coordinado con entusiasmo y mano maestra por el profesor Dr. Oleg Aurov. Primero, por la propia traducción, que permitirá conocer en Rusia el relato mítico de la historia hispánica que fue punto de partida e hilo conductor de todos los historiadores posteriores. Segundo, por la excelente selección de textos introductorios, donde figuran los mejores especialistas en Alfonso X el Sabio y en la historiografía medieval hispánica. Tercero, por las ilustraciones de manuscritos, índices, esquemas genealógicos y mapas, que harán posible una comprensión adecuada al contexto de los personajes y lugares mencionados en la obra. Bienvenida sea, pues, esta hercúlea traducción, destinada a tender y estrechar lazos entre los dos extremos, occidental y oriental, de nuestra Europa.

Inés Fernández-Ordóñez

легитимацию монархии Католических Королей в канун Нового времени и в последующий период. Достигнутый результат, в первую очередь, объясняется воспроизведением и умножением числа моделей всеобщей хроники Испании с XIII в. и вплоть до Нового времени, когда его влияние все еще ощущается во «Всеобщей истории Испании» (1592—1595, 1601 гг.), написанной Хуаном де Марианой.¹ В таком виде нарративная схема, вобравшая в себя идеи неоготтицизма и отводившая Кастилии особую роль в складывании испанской нации, была воспринята историческими трудами XIX в., в том числе — сочинением Модесто Лафуэнте (1850—1867 гг.),² а через них — и историографией XX в. Можно уверенно утверждать, что *Estoria de España* оказала решающее влияние на процесс складывания испанского самосознания, предложив основополагающую версию прошлого, с ним связанную, и способствовал ее распространению.

Мы можем лишь приветствовать с распростертыми объятиями, бесконечной признательностью и глубоким восхищением комментированный русский перевод этого первостепенного по своей значимости памятника испанской культуры, над которым работал блестящий коллектив ученых, с энтузиазмом и высоким профессионализмом руководимый д-ром Олегом Аутовым. Во-первых, хочется отметить значимость самого перевода, поскольку он позволит русской аудитории познакомиться с мифологическим повествованием об испанской истории, ставшим отправным пунктом и путеводной нитью для всех последующих поколений историков. Во-вторых, показателен отбор текстов для вступительного исследования, в числе авторов которого фигурируют лучшие специалисты по эпохе Альфонсо X и испанской средневековой историографии. В-третьих, удачной представляется структура приложений, включая отбор иллюстраций, указатели, генеалогические схемы и карты, которые сделают возможным адекватное восприятие контекста, в котором в хронике упоминаются лица и географические объекты. Так поприветствуем же этот поистине геркулесов труд, цель которого — объединять и сближать западный и восточный пределы нашей Европы.

Инес Фернандес-Ордоньес Эрнандес

действительный член Испанской Королевской Академии

¹ Мариана, Хуан де (1536—1624 гг.) — испанский иезуит, выдающийся историк, философ и богослов эпохи Золотого Века испанской культуры. «Всеобщая история Испании», изначально написанная на латинском языке, а затем переведенная автором на испанский (кастильский), охватывает период от начала испанской истории до эпохи Католических Королей (Изабеллы (1474—1504 гг.) и Фердинанда (1474—1516 гг.)) и возникновения испанской монархии (хотя первым «королем Испании» официально был назван лишь Филипп (Фелипе) III (1598—1621 гг.)) (*прим. перев.*).

² Лафуэнте-и-Самальоа, Модесто (1806—1866 гг.) — испанский историк, журналист и писатель-сатирик либерального направления. Действительный член Королевской Академии истории (с 1853 г.). Автор монументальной «Всеобщей истории Испании» (6 тт. в 30 частях) (1850—1867 гг.), в дальнейшем доведенной его преемниками до начала XX в. включительно и ставшей наиболее значимым памятником испанской историографии XIX в. (*прим. перев.*).

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«История Испании» — один из важнейших памятников не только кастильской, но и всей средневековой западноевропейской историографии. Более известный под названием «Первая всеобщая хроника Испании», данным ему выдающимся испанским филологом, историком-медиевистом и знатоком средневековой испанской рукописной традиции Р. Менендесом Пидалем (1869—1968 гг.), текст хроники переиздавался трижды (1906, 1955, 1977 гг. (переиздание текста по изданию 1955 г.)).¹ С тех пор представления о судьбе самого памятника и характере связанной с ним рукописной традиции существенно изменились, появились новые издания отдельных редакций хроники, более соответствующие современным научным представлениям, однако до настоящего времени именно версия текста, созданная Р. Менендесом Пидалем, остается наиболее полной.

Создание «Истории Испании» под личным руководством просвещенного монарха Альфонсо X Мудрого (1252—1284 гг.) явилось одним из выдающихся плодов кастильского «ренессанса XIII века», ставшего значимым следствием успеха «быстрой реконкисты», последовавшей за победой при Лас-Навас-де-Толоса (1212 г.), итогом которой стало подчинение большей части территорий мусульманской Испании (Аль-Андалуса) и превращение Кастильско-Леонского королевства в значимый фактор политической жизни латинского Запада XIII в. Демонстрацией амбиций Кастильско-Леонского королевства, ранее являвшегося глубокой европейской провинцией, в политике Запада стало *«fecho del imperio»* — борьба Альфонсо X (Гогенштауфена по материнской линии) за вакантный пре-

¹ Primera crónica general o sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289; publicada por R. Menéndez Pidal. T. I: Texto. Madrid: Bayllí y Bailére e hijos, 1906 (Nueva Biblioteca de Autores Españoles bajo la dirección de M. Menéndez y Pelayo, 5); Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal; con la colaboración de A. G. Solalinde, M. Muñoz Cortés y J. Gómez Pérez / 2 vols. Madrid: Gredos, 1955; Primera Crónica General de España, editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán / 2 vols. Madrid: Seminario Menéndez Pidal (UCM), Gredos, 1977 (Fuentes cronísticas de la historia de España, I).

стол Священной Римской империи, продолжавшаяся около 20 лет (между 1256 и 1275 гг.), вплоть до избрания на этот престол Рудольфа Габсбурга и отказа Альфонсо X от имперских амбиций после встречи в Бокере с папой Григорием X. И хотя имперский проект «мудрого короля» потерпел полный крах, он оставил блестящий след, в том числе — и в историографии принципиально нового типа, созданной на разговорном кастильском языке (в отличие от безраздельно доминировавшей ранее латыни).

Историю становления этой новой историографии следует рассматривать в тесной связи с осуществленным Альфонсо X переводом делопроизводства королевской канцелярии на разговорный (старокастильский) язык, а также с активной деятельностью располагавшегося в Паленсии королевского скриптория, мастерской по созданию рукописных книг. Под прямым руководством «мудрого короля» там был создан целый ряд текстов на разговорном языке; в их числе — памятники права («Зерцало», «Королевское Фуэро», «Семь Партид»), эрудитские сочинения («Книга об астрономии», «Альфонсовы таблицы», «Лапидарий», «Книга об игре в шахматы» и др.), переводы с арабского языка, литературные произведения (прежде всего — знаменитые «Кантиги о Святой Марии») и др. Неотъемлемой составной частью этого ряда стали и историографические труды, которые, по плану «мудрого короля», должны были составить дилогию: монументальная «Всеобщая история» (каст. «General Estoria»), начинавшаяся от сотворения мира и доведенная до времени создания памятника, должна была воспроизводить общемировой историко-политический контекст, тогда как «История Испании» была призвана подчеркнуть особое место и роль Испании в этом контексте, а также подчеркнуть факт доминирования в испанских землях Кастилии и Леона и их просвещенного монарха.

Сложные политические перипетии эпохи не позволили реализовать этот грандиозный план в полной мере; истощение сил и ресурсов к концу правления Альфонсо X, провал имперского проекта, драматический конфликт с сыном, инфантом Санчо (будущим королем Санчо IV), поднявшим в 1282 г. мятеж против собственного отца, заставили существенно ограничить масштабы замысла. Что же касается «Истории Испании», то она осталась незавершенной: лишь ее начальная часть соответствует изначальным критериям историописания. Далее круг источников постепенно сокращается, а историографические обобщения становятся все более скромными. После 1274 г. работа над памятником была приостановлена (Изначальная редакция, 1270—1274 гг.), затем, через некоторое время, возобновлена (но в гораздо более скромном объеме) (1282—1284 гг., т. н. «Критическая редакция»). Далее (со смертью Альфонсо X) последовал следующий перерыв, и к «Истории Испании» вернулись лишь при Санчо IV Храбром (1282/1284—1295 гг.), когда около 1289 г. возникла так называемая «Пространная редакция (или хроника)».

Однако даже с учетом этого, «История Испании» стала явлением, беспрецедентным для своего времени. Поражают небывало широкие гео-

графические и хронологические рамки. Первые, пусть и не всегда систематически (притом, что формально хроника носила локальный характер), включают территории древнего греческого мира, Римской империи (в том числе — ее восточные провинции), значительной части арабского халифата (в главах, касающихся возникновения ислама и арабских завоеваний VI—VII вв.), большей части средневековой Западной, Центральной, а эпизодически — даже Восточной Европы (вплоть до Венгрии и Польши). Хронология памятника начинается от пророка Моисея и легендарного Геркулеса («основателя городов Испании») и доводится до середины XIII в., до смерти Фернандо III Святого (1217—1252 гг.), отца «мудрого короля» (сам Альфонсо X собирался завершить хронику рассказом о завоевании его отцом Кордовы в 1236 г.). Впечатляет и весьма значительный для своего времени круг привлеченных источников, как латинских, так и арабских (прежде всего — сочинения Ибн Алькамы (ум. в 1116 г.), содержащего развернутый рассказ о валенсийской эпопее знаменитого рыцаря Руя (Родриго) Диаса (Сиды)), переведенных на кастильский язык. Особую группу источников составляли памятники эпической традиции, прозаический пересказ которых является важным свидетелем несохранившихся поэтических версий; в их числе: «Майнете» (эпос о будто бы проведенных в Испании юных годах Карла Великого), «Поэма о Бернардо дель Карпью», «Поэма о Фернанде Гонсалесе» (легендарном основателе графства Кастилия), «Поэма о Сиде» и нек. др.

Последнее, в свою очередь, предопределило особую значимость лингвистических и филологических особенностей альфонсова текста, одного из наиболее ранних и обширных памятников разговорного (кастильского) языка, для лингвистов и филологов, историков испанского языка и испанской литературы. Кроме того, «История Испании» важна как значимый памятник средневековой политической мысли, отразивший общую атмосферу имперского проекта Альфонсо X. Содержащийся в хронике подробный экскурс в историю Рима (гл. 23—364), выходящий далеко за пределы локальной истории римских провинций в Испании, явно перекликался с амбициями Альфонсо X короноваться королем римлян. Следующий далее «германский экскурс» (с гл. 365) не только излагал подробную историю королей вандалов, свевов и (особенно) готов, но и представлял их прямыми преемниками испанских королей эпохи Реконкисты, что было, несомненно, важно в контексте стремления Альфонсо X короноваться германской короной в Ахене. В связи с этим же следует обратить особое внимание и на то место, которое занимает в хронике история Карла Великого, начиная с рассказа о его юности, будто бы проведенной в Испании (гл. 597—599, не считая многочисленных упоминаний более частного характера).

Наконец, отдельный интерес представляют история бытования памятника и связанная с ним рукописная традиция, отражающая не только три перечисленные выше версии текста, но и всякого рода промежуточные варианты, сочетающие элементы разных редакций. При этом ни одна из по-

следних не получила полного завершения, что породило целый «шлейф» их частичных переложений, «продолжений» и «завершенных» XIV—начала XV вв., в числе которых — т.н. «Хроника двадцати королей», «Сокращенная хроника» инфанта Хуана Мануэля, т.н. «Хроника 1344 года» и др., вплоть до т.н. «Хроники 1404 года»; и их содержание, и их рукописная традиция пересекаются с названными выше редакциями XIII в.

* * *

Идея перевода «Истории Испании» на русский язык существовала уже давно, но лишь в последние годы появилась возможность ее практического осуществления. Формирование круга квалифицированных испанистов (историков и филологов), имеющих опыт перевода и комментирования средневековых текстов, установление прочных научных связей с испанскими коллегами-медиевистами — историками, филологами, историками права, специалистами по истории рукописной традиции, — а также финансовая поддержка Российского гуманитарного научного фонда (ныне — отделения РФФИ, любезно согласившегося профинансировать это издание) позволили осуществить масштабный международный проект. Его целью стало не только создание полного перевода памятника на русский язык (отметим, что речь идет о первом полном переводе на современный язык не только в отечественной, но и в мировой историографии, включая испанскую), но и его представление в соответствии с наиболее жесткими критериями европейской науки. Участники проекта постарались учесть новейшие достижения в таких областях, как исследование рукописной традиции памятника (что, помимо прочего, предполагало и непосредственную работу с важнейшими рукописями из фондов Национальной библиотеки (Мадрид) и Королевской библиотеки Монастыря св. Лаврентия в Эскориале), изучение истории и культуры Кастилии эпохи Альфонсо X, история испанской (по преимуществу — кастильской) литературы и кастильского языка эпохи их становления и др.

Решение всех этих задач стало возможным лишь благодаря работе в Испании и прямым личным контактам с испанскими (и не только испанскими) коллегами. Организаторы проекта стремились привлечь к участию в его реализации наиболее видных зарубежных ученых, исследования которых определяют современную ситуацию в изучении истории Испании. Большой честью стало участие в проекте таких видных специалистов, как И. Фернандес-Ордоньес Эрнандес, работы которой являются определяющими в изучении текстологии, рукописной традиции и языка «Истории Испании», Х.-М. Ньето-Сории, знатока проблематики, связанной с историей взаимоотношений Церкви и государства в Кастилии и Леоне в эпоху Высокого и Позднего Средневековья (в том числе — и в период правления Альфонсо X), К. де Айяла Мартинеса, основную сферу научных интере-

сов которого составляют европейская и военная политика Альфонсо X, а также французского испаниста Ж. Мартена, крупнейшего специалиста по истории литературы и историографии эпохи Альфонсо X, основателя и многолетнего руководителя семинара испанистов в университете Париж-Сорбонна, занимающегося переводом и исследованием памятников историографии и права XIII—XIV вв.

Однако при всем значении участия видных зарубежных коллег в нашей работе, сам ее характер как проекта по переводу предполагал определяющую роль российской группы специалистов по истории и культуре средневековой Испании. Подлинную междисциплинарность нашей работе придало участие историков-медиевистов О. В. Аурова, Е. С. Марей, М. К. Карауловой, филологов-испанистов И. В. Ершовой и Н. А. Пастушковой, крупнейшего отечественного специалиста по истории средневекового кастильского права А. В. Мареев, работающей в Израиле, тесно связанной с российской школой испанистики Л. В. Черниной, историком-антиковеда И. А. Копылова.

О. В. Ауровым переведены и откомментированы панегирик королю Альфонсо Мудрому, открывающий хронику, гл. 65—130 (совместно с И. А. Копыловым и Е. С. Марей), а также гл. 965—1135; И. В. Ершовой — пролог, гл. 1—48, 394—460, 658—682; Н. А. Пастушковой — гл. 49—64, 219—256, 315—391, 566—657; А. В. Мареев — гл. 802—964; Е. С. Марей — гл. 65—130 (совместно с И. А. Копыловым и О. В. Ауровым), 131—218, 461—565 (кроме того, она приняла активное участие в составлении комментария ко всему тексту хроники); Л. В. Черниной — гл. 267—314, 744—801; М. К. Карауловой — гл. 683—743; И. А. Копыловым — гл. 65—130 (совместно с О. В. Ауровым и Е. С. Марей).

В заключение (но не в последнюю очередь) отмечу огромную работу над составлением и выверкой указателей, проведение которой было бы невозможно без активного участия студентов РГГУ и РАНХиГС, без вклада которых она не могла бы быть доведена до конца. Наконец, необходимо отметить труд Е. С. Гришина по составлению оригинальных карт, ставший великолепным завершением нашей общей работы.

Не будет преувеличением сказать, что за годы, проведенные в совместной напряженной работе, мы многому научились друг у друга — как в профессиональном, так и в человеческом плане, и в этом смысле уже сама возможность такого взаимодействия была колоссальной удачей.

* * *

Принципы работы по переводу и комментированию текста были подчинены ряду задач, в числе которых — далеко не только сугубо академические, хотя едва ли нужно доказывать очевидное: без учета роли и места пиренейских государств научные представления об истории и культуре

средневекового Запада не могут быть полными и всесторонними, а в конечном итоге — и корректными. Научная проблематика испанистики, находящаяся «на стыке» медиевистики в ее традиционном понимании и востоковедения (арабистики, исламоведения), имеет колоссальное — познавательное, культурное и даже политическое значение — для нашей науки и нашей страны в целом. И в этом смысле перевод «Истории Испании», несомненно, будет востребован самым широким кругом специалистов.

Еще одной — и не менее значимой, — задачей, решению которой была подчинена наша работа, являлась пропаганда в России истории и культуры средневековой Испании и Испании в целом. Несмотря на высокий (и растущий) уровень политических, экономических, культурных контактов между нашими странами и гражданами, знания образованного российского читателя об Испании (за пределами узкого круга профессиональных испанистов) остаются весьма ограниченными. На русский язык до сих пор не переведено большинство ключевых памятников испанской средневековой литературы и историографии, а существующие переводы в значительной мере не соответствуют современным научным требованиям. В массе своей россияне, миллионы которых в последние десятилетия посетили испанскую землю, до сих пор знают об Испании гораздо меньше, чем о Франции, Англии, Германии, Италии и ряде других европейских стран. Такая ситуация была понятна и простибельна для XIX, и даже для XX вв., когда уровень российско-испанских связей был относительно невысок, но не для начала XXI столетия. Разумеется, перевод одного (пусть и весьма значимого) памятника не решает этой задачи; но он, несомненно, станет шагом в верном направлении.

Наконец, третьей (но далеко не последней по значению) нашей задачей являлось развитие преподавания испанского (кастильского) языка, истории, литературы и культуры Испании в высшей школе. Наличие полных переводов ключевых памятников станет существенным подспорьем как для преподавателей соответствующих дисциплин, так и для студентов и аспирантов. Именно на них мы в первую очередь ориентировались, определяя критерии перевода и комментирования текста хроники. Ниже перечислены главные из них.

- Сохранив в качестве основы текст по изданию Р. Менендеса Пидалья 1955 (=1977) г. (которое, при всех своих недостатках, все равно остается самым полным из существующих и отражает средневековую (пусть и не аутентичную) версию текста, сложившуюся уже к середине XIV в., участники проекта учитывали и другие существующие издания (И. Фернандес-Ордоñez (1993 г.), Ф. Баутисты (2006) и М. де ла Кампа (2009 г.) и др.¹), обращаясь к ним по мере необходимости.

¹ Versión crítica de la «*Estoria de España*» Estudio y edición desde Pelayo hasta Ordoño II / por I. Fernández-Ordóñez. Madrid: Fundación Menéndez Pidal. Universidad Autónoma de Madrid, 1993 (Fuentes cronísticas de la historia de España, VI); *Bautista F.* La «*Estoria de*

- В ходе работы было решено сохранить и максимально выявить средневековую природу текста, свойственный ему западо- и испаноцентризм, что предопределило принципы перевода нами правовой терминологии; понятия «сеньор», «вассал», «оммаж», «король», «королева», «феод» и т. п. использованы не только применительно к содержащимся в хронике экскурсам в период Средневековья, и при переводе тех частей текста, которые относятся к истории древности (главным образом, Греции и Рима), а также мусульманского мира (как в границах Испании, так и за ее пределами).
- Транскрипция пиренейской ономастики (антропонимики и топонимики) осуществлена в соответствии с современными требованиями; уходя от «кастилецентризма», мы ориентировались на воспроизведение форм, бытующих в языках тех средневековых пиренейских государств, с которыми связаны соответствующие персоналии и географические объекты (*Sancho* — Санчо (для Кастилии), Саншу (для Португалии); *Porto* — Порту, *Coruña* — А-Корунья и т. п.). Особую оговорку следует сделать лишь относительно транскрипции королей Арагона XI—XII вв.: применительно к периоду до момента объединения этого королевства с владениями барселонских графов и образования Арагонской Короны, имена правителей передавались соответственно произношению на арагонском диалекте (Альфонсо I, Педро I и т. п.), тогда как для последующего времени для обозначения правителей Арагонской Короны из барселонской династии использовались транскрипции, ориентирующиеся на нормы каталонского языка (Альфонс II, Пере II, Жауме I). Редкие исключения делались лишь для имен тех персонажей, употребление определенных форм которых в русском языке имеет устоявшуюся традицию, отступление от которой создаст дополнительные проблемы для читателя (*Fernan(do) Gonçalez* — Фернан Гонсалес и т. п.).
- Разнообразие форм одних и тех же антропонимов и топонимов, присущее средневековым языкам с их еще не до конца устоявшимися фонетическими и грамматическими нормами, как правило, в переводе не отражалось, чтобы не создавать для читателя проблем в идентификации и без того многочисленных персоналий и географических объектов (*Fernando, Ferrando, Ferrant* etc. — Фернандо, *Pedro, Pero, Per* — Педро и т. п.).
- Существенные трудности представляла транскрипция арабских собственных имен, написание которых в оригинале, помимо прочего, отражает и некоторые особенности особого арабо-андалусийского диа-

España» en época de Sancho IV: sobre los reyes de Asturias. London: Department of Hispanic Studies, Queen Mary and Westfield College, 2006; La «Estoria de España» de Alfonso X. Estudio y edición de la «Versión crítica» desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II / Ed. por M. de la Campa Gutiérrez. Málaga: Analecta Malacitana, 2009.

лекта; к тому же, соответствующие имена передавались хронистами, которые, насколько можно понять, не знали арабского языка и воспроизводили незнакомые им антропонимы не всегда одинаково (*Mahoma*, *Mahomat*, *Mahomad* и т. п.). В данном случае переводчики ориентировались на традицию, принятую в российской арабистике (*Aberrahman* — Абд ар-Рахман, *Ysca* — Хишам, *Abenhut* — Ибн Худ и т. п.), за исключением тех случаев, когда арабское имя оказывалось настолько искажено в передаче хронистов, что понять его или проверить его корректное написание по другим источникам было практически невозможно; в этом случае оно транскрибировалось на русский непосредственно с кастильского оригинала (*Abenbex* — Абенбеш и т. п.); однако таких случаев относительно немного, да и соответствующие имена принадлежат, как правило, малозначимым персонажам.

- Вместе с тем, личные имена не-пиренейских исторических деятелей, фигурирующих в хронике, представлены в транскрипции, привычной русскому читателю (*Carlos el Grande* — Карл (а не Карлос) Великий, *emperador don Fadrique* — император Фридрих (II) (а не дон Фадрике) и т. п.). Иное чрезмерно затруднило бы чтение текста и заставило читателя практически беспрестанно обращаться к комментарию, и без того обширному по объему.

Отдельно следует остановиться на критериях, которыми авторы руководствовались при составлении комментария к тексту памятника:

- Комментированию подлежали все аспекты содержания текста (исторические, филологические, лингвистические), которые способны вызвать вопросы у современного читателя, главным образом — у студента (историка и филолога), на потребности и уровень знаний которого, в первую очередь, наш комментарий и рассчитан;
- Сведения, касающиеся широко известных исторических персонажей, являются относительно краткими (полное имя, годы жизни, годы правления, важнейшие эпизоды биографии) и не включают ссылок на специальную литературу. В случае с малоизвестными для читателя-неиспаниста и немедиевиста персонажами информация является более пространной, а, при необходимости, содержит и отсылки к литературе;
- Широко известные основной массе читателей географические названия (Рим, Бургос, Севилья, Кордова и т. п.) не комментировались. Объектом внимания комментаторов являлись менее известные топонимы, почти исключительно испанские и португальские; представлены их полное средневековое и современные названия, а также привязка к конкретному современному региону (уровня провинции). Отсылки к специальной литературе даются лишь в случае особой необходимости;
- Реалии, связанные с системой власти, правом, историей культуры и повседневной жизни, комментировались по мере необходимости. То же правило касается и принципов включения / не включения в соответствующую часть комментария ссылок на специальную литературу.

- Перечень источников хроники, представленный в издании Р. Менендеса Пидалья 1955 г. и структурированный по главам, в настоящее время нуждается в значительной корректировке. Именно поэтому указания на источники содержания отдельных глав и / или фрагментов текста давались в постраничных примечаниях лишь в тех случаях, когда авторы перевода и комментариев считали это необходимым. Как правило, такие случаи оговариваются особо.

Роль своеобразного фундаментального введения к комментарию выполняет вступительное исследование, не только информирующее русского читателя о важнейших сюжетах по истории Кастилии и Леона эпохи создания памятника (статья О. В. Аурова), а также по истории кастильской литературы (статья И. В. Ершовой) и языка (статья Н. А. Пастушковой) этого времени, но и знакомящего с важнейшими (и новейшими) результатами зарубежных исследований проблемы (статьи К. де Айялы, Х.-М. Ньето-Сории, И. Фернандес-Ордоньес). Все эти статьи составили первый (и основной) раздел вступительного исследования («История Испании: время, текст, контекст»). Второй раздел (*Miscellanea*¹) призван расширить представление читателя о частных сюжетах, связанных с памятником и его автором. Он включает исследования более частных по тематике проблем, в ряду которых — эволюция образа Альфонсо X в хронистике конца XIII—начала XIV вв. (статья А. В. Марей), драматическая история отношений Альфонсо X и его сына и преемника Санчо IV (статья Ж. Мартена), восприятие начального периода истории ислама и личности его основателя, пророка Мухаммада (статья Е. С. Марей), а также аллегорические образы иудеев в хронике (статья Л. В. Черниной).

* * *

В заключение следует сделать еще несколько значимых оговорок, учет которых необходим для адекватного восприятия текста перевода.

Прежде всего, они касаются самого названия памятника. В процессе знакомства с литературой вопроса и с оригинальными средневековыми рукописями было установлено, что в основу издания положены две принципиально разные по характеру и времени создания рукописных версии, ныне находящиеся в собрании Королевской библиотеки Монастыря св. Лаврентия в Эскориале. Первая (шифр *Y.I.2*) представляет собой оригинальную версию «Истории Испании», созданную в скриптории Альфонсо X и под его личным руководством в 1270—1274 гг. Второй кодекс (шифр *X.I.4*) относится к XIV в. и является позднейшей компиляцией, составленной, вероятно, королевским нотариусом Фернаном Санчесом из Вальядолида между 1321 и 1344 гг. Стремясь получить завершение текста

¹ Дословно — «смесь» (лат.).

рукописи *Y.I.2*, в погоне за «полной» версией он искусственно соединил под одной обложкой фрагменты разных кодексов (и, что наиболее важно, разных редакций) конца XIII—первой половины XIV вв., подогнав их друг к другу. Так оказались буквально «перемешанными» часть Изначальной и Пространной редакций, к которым были добавлены отдельные тексты иного происхождения, в частности — «Легенда о графине-предательнице» (начало XIV в.). Кроме того, компилятор несколько расширил первоначальные хронологические рамки памятника, доведя его не только до взятия Кордовы (1236 г.), но и до смерти короля Фернандо III (1252 г.); для этой цели была частично использована «Хроника Святого Фернандо» (начало XIV в.). Начало текста, внесенное компилятором на первый лист вновь переплетенной рукописи («Это — хроника Испании...»), в дальнейшем использовал Р. Менендес Пидаль, назвавший памятник «Первой всеобщей хроникой». В процессе работы над переводом было решено предпочесть оригинальную версию Альфонсо X — «История Испании».

Вместе с тем, несмотря на критическое отношение зарубежных коллег к изданиям Р. Менендеса Пидалья, было решено все же не отказываться от опоры на текст кодекса *X.I.4*, ставший основой для второго тома названного издания. Скомпилированный всего через несколько десятилетий после создания оригинала, этот текст, по существу, обрел вторую жизнь, воспринимался читателями как законченное сочинение (наряду с другими сохранившимися версиями). Именно в этом качестве текст кодекса *X.I.4* неоднократно копировался, в том числе — в XV—XVI вв. (рукописи *X.I.7* (XV в.) (Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале) и *ms. 1487* (XVI в.) (Национальная библиотека (Мадрид))). Однако переведенный текст представлен в нашем переводе не как единое целое (как это было в издании Р. Менендеса Пидалья), а как сумма отдельных фрагментов XIII—XIV вв., границы которых четко обозначены как в оглавлении, так и в самом тексте.

К сожалению, в силу технических причин в настоящем издании не удалось воспроизвести двухтомную структуру изданий Р. Менендеса Пидалья 1955 и 1977 гг., в основу которой положены эскориальские кодексы *Y. I.2* и *X.I.4*. Текст хроники разделен на три части (тома) по следующему принципу:

- Пролог — глава 307 (Т. 1): от начала истории Испании до начала правления первого христианского императора Константина I, традиционно занимающего особое место в христианской историографии; исключением из этого правила не стала и «История Испании»;
- Главы 308—801 (Т. 2): от начала правления Константина I до конца истории Астури-Леонского королевства (1037 г.); эта часть выбрала в себя период становления христианской Испании — от позднеримского времени до мусульманского завоевания и становления системы новых христианских государств, в ряду которых (как это явствует из содержания хроники) Астури-Леонская монархия занимала особое место;

- Главы 802—1135 (Т. 3) посвящены истории независимого королевства Кастилия, от его становления при Фернандо I до апогея его истории, связываемого с именем Фернандо III.

* * *

Осуществление этого проекта не было бы возможным без помощи и содействия целого ряда учреждений и частных лиц. Мы выражаем искреннюю благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, трехлетний грант которого (2013—2015 гг.) позволил покрыть все необходимые расходы, связанные с нашей работой. Должны поблагодарить также администрацию Российского государственного гуманитарного университета, через который осуществлялось финансирование нашей деятельности, за четкую организацию работы, обеспечившую комфортные условия для нашего труда. Особую благодарность выражаем Алле Борисовне Антоновой, выполнявшей функции координатора нашего проекта от РГГУ и все эти годы бывшей нашим добрым гением; ее помощь, понимание и поддержка стали значительным вкладом в успешную реализацию наших планов.

Большую помощь на завершающем этапе работы участникам проекта оказало руководство Школы актуальных гуманитарных исследований (директор — Н. П. Гринцер), действующей в системе Института общественных наук РАНХиГС (директор — С. Э. Зуев).

Из числа испанских коллег, в первую очередь, персонально благодарим видных современных испанских ученых Инес Фернандес-Ордоньес, действительного члена Испанской Королевской академии, и Луиса Агустина Гарсия Морено, действительного члена Королевской академии истории, без помощи и постоянного внимания которых осуществление проекта в его нынешнем виде было бы невозможным. Работа с этими людьми была честью для нас и многому нас научила.

Из числа испанских учреждений особенно выделим содействие Департамента истории права Юридического факультета Университета «Комплутенсе» (директор — профессор Хосе Санчес-Арсилья Берналь), его профессоров и сотрудников, многолетняя и бескорыстная помощь и неизменная доброжелательность которых имели для нас принципиальное значение. Хочется также поблагодарить сотрудников Аргентинского коллегия Богоматери Луханской (Мадрид) (директор — д-р Гильермо Гольцман), являвшегося нашим домом на протяжении всех наших поездок в Испанию.

Выражаем нашу глубокую благодарность сотрудникам всех архивов и библиотек, как российских, так и испанских, без содействия которых успех нашей работы был бы абсолютно невозможен.

И, разумеется, мы должны поблагодарить также и всех тех, кого по разным причинам не смогли назвать здесь поименно, но чьи помощь и поддержку мы ценим и на которые неизменно рассчитываем.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙЯЛА Мартинес Карлос де — профессор Гуманитарного факультета Автономного университета (г. Мадрид)

АЛЕКСАНДРЕНКО Светлана Александровна — выпускница Отделения истории ШАГИ ИОН РАНХиГС¹

АУРОВ Олег Валентинович — ведущий научный сотрудник Лаборатории антиковедения ШАГИ ИОН РАНХиГС, кандидат исторических наук, доцент

БУЗИНА Екатерина Андреевна — студентка Института филологии и истории РГГУ²

ГРИШИН Евгений Сергеевич — специалист 1-й категории ФГБУ «Гидроспецгеология»

ЕРШОВА Ирина Викторовна — заведующая Лабораторией историко-литературных исследований, доктор филологических наук, профессор

КАМИНА Алина Андреевна — выпускница Института филологии и истории РГГУ

КАРАУЛОВА Мария Кирилловна — сотрудник НИУ ВШЭ³

КОПЫЛОВ Иван Александрович — доцент Института восточных культур и античности РГГУ, кандидат исторических наук

КУРПЕЕВА Валерия Сергеевна — студентка Института филологии и истории РГГУ

МАМЕДОВА Гюнел Мовлан кызы — студентка Отделения истории ШАГИ ИОН РАНХиГС

МАРЕЙ Александр Владимирович — доцент НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук

¹ ШАГИ ИОН РАНХиГС — Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

² РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва).

³ НИУ ВШЭ — Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики (г. Москва).

МАРЕЙ Елена Сергеевна — доцент Школы исторических наук НИУ ВШЭ, кандидат исторических наук

МАРТЕН Жорж — почетный профессор Университета Париж-Сорбонна

МАТВЕЕВА Валерия Александровна — выпускница Института филологии и истории РГГУ

НЬЕТО СОРИЯ Хосе-Мануэль — профессор Факультета географии и истории Университета «Комплутенсе» (г. Мадрид), директор Департамента истории Средних веков

ПАСТУШКОВА Наталья Александровна — старший научный сотрудник Лаборатории историко-литературных исследований ШАГИ ИОН РАНХиГС, кандидат филологических наук

РОМАНЕНКО Мария Андреевна — студентка Института филологии и истории РГГУ

РЯБОКОНЬ Александр Максимович — студент Отделения истории ШАГИ ИОН РАНХиГС

САБИРОВА Дина Нябиулловна — выпускница Института филологии и истории РГГУ

СМОЛЕВСКИЙ Даниил Александрович — выпускник Отделения истории ШАГИ ИОН РАНХиГС

ФЕРНАНДЕС-ОРДОНЬЕС ЭРНАНДЕС Инес — профессор Гуманитарного факультета Автономного университета (Мадрид), действительный член Испанской Королевской академии

ЧЕРНИНА Любовь Витальевна — доктор (PhD) истории, независимый исследователь (Израиль)

«ИСТОРИЯ ИСПАНИИ»

ВРЕМЯ, ТЕКСТ, КОНТЕКСТ

Глава 1

АЛЬФОНСО X МУДРЫЙ, ЕГО ЭПОХА И ЕГО «ИСТОРИЯ ИСПАНИИ»

«Король, краса Гесперии,¹ сокровищница философии»: Альфонсо X Мудрый, король Кастилии и Леона (1252—1284 гг.) мечтал остаться в истории именно таким, каким его рисовали строки латинского стихотворения, открывающего создававшуюся под его личным руководством «Историю Испании», главный исторический труд его жизни в той же мере, в какой его главным трудом в области права стали знаменитые «Семь Партид». Увы, оба эти масштабных проекта так и не были завершены: точку в них поставили уже преемники Альфонсо X. Однако они в полной мере отдали ему должное.

Несколько десятилетий спустя, в 30-х годах XIV в., при Альфонсо XI (1312—1350 гг.), правнуке и достойном преемнике *Мудрого Короля*, королевский хронист Фернандо Санчес из Вальядолида, написавший биографическую хронику Альфонсо X, с явным одобрением отмечал: «...этот король дон Альфонсо, чтобы можно было понять все документы, приказал перевести их с латинского на кастильский. И об этом приказал составить «Фуэро законов», в котором кратко изложил все нормы права... И поскольку с помощью этого фуэро не могли разрешить все тяжбы, а король дон Фернандо, его отец, начал составление книг Партид, этот король дон Альфонсо, его сын, завершил их и приказал, чтобы все люди его королевств приняли их как закон и как фуэро, и чтобы алькальды (судьи — О.А.) судили именно по ним. А еще он приказал перевести на кастильский весь текст Библии, и все церковное, и науку о природе и об астрологии» [Crónica de Alfonso X. Cap. 9].

Несомненно, однако, что жизнь *Мудрого Короля* состояла далеко не только из ученых штудий. Наоборот, перо, которое он твердо держал в руке, должно было стать много большим, чем просто подспорье мечу: Альфонсо X осознал этот непреложный факт за многие столетия до того, как

¹ Испании.

возникло понятие «мягкая сила». Именно поэтому прежде, чем читатель обратится к «Истории Испании», ему необходимо дать хотя бы самое общее представление об эпохе *Мудрого Короля*, о тех вызовах — политических, культурных, личных, — с которыми он столкнулся и которым стойко противостоял на протяжении всей жизни. Вставший во главе созданного его отцом обширного и богатого государства, всецело доминировавшего на Пиренейском полуострове и простиравшего свое влияние за его пределы, Альфонсо X стал для создавшего это государство своего отца Фернандо III Святого (1217—1252 гг.) приблизительно тем же, чем персидский царь Дарий I стал для своего отца Кира: то, что один завоевал силой оружия, другой должен был упрочить реформами. Поэтому без учета времени отца невозможно понять эпоху сына: не случайно описание событий правления Фернандо III заняло такое важное место в «Истории Испании».

1. Предшественник *Мудрого Короля*: Фернандо III Святой и его политика

1.1. Пиренейские королевства к началу XIII в.

К середине XI в. в христианской части Пиренейского полуострова оформилась система «пяти государств» — Кастилия, Леон, Арагон, Наварра и графство Барселонское (Каталония), которые противостояли слабейшему Кордовскому халифату, после 1031 г. окончательно распавшемуся на отдельные княжества-тайфы (так называемая «первая эпоха» тайф (1031—1090 гг.). Они явились легкой добычей для непрерывно усиливавшегося христианского Севера Испании; ключевым событием стало взятие Толедо королем Кастилии и Леона Альфонсо VI (1065—1109 гг.) в 1085 г., что закрепило за христианами центральные области полуострова вплоть до реки Тахо. Располагавшиеся южнее нее тайфы мусульманской Испании (Аль-Андалуса), постоянно враждовавшие между собой, были обложены данью и уже не смели думать о реванше. Именно на это время приходится эпопея знаменитого Сида — кастильского магната Родриго (Руя) Диаса де Вивар (ок. 1048—1099 гг.), имя которого внушало страх его мусульманским и христианским врагам и который в одиночку овладел Валенсией и удерживал ее до самой своей смерти (правда, вскоре после этого христиане были вынуждены оставить город). Положение ненадолго изменило приглашение в Аль-Андалус в 1090 г. фанатичных берберов-альморавидов, но и они, даже одержав ряд серьезных побед, не смогли отбросить христиан на прежние рубежи, а лишь приостановили их победное продвижение.

Впрочем, испано-христианский мир бы также далек от монолитности: в начале XII в. от объединенного Королевства Кастилия и Леон отколо-

лось Королевство Португалия. Затем, в середине XII в., после смерти Альфонсо VII Императора (1126—1157 гг.) разделились Кастилия и Леон, тогда как Арагон и Каталония, наоборот, в тот же период объединились под властью династии каталонских графов в своеобразное «содружество», составные элементы которого — Каталония, Арагон, графства на юго-западе нынешней Франции, Валенсия (после 1238 г.), — сохраняли высокую степень самостоятельности. Это государственное образование принято именовать *землями Арагонской Короны* или просто *Арагонской Короной*.

Таким образом, во второй половине XII столетия в христианской части полуострова вновь существовало пять христианских королевств — Кастилия, Леон, Португалия, Арагонская Корона и Наварра (в дальнейшем в разные периоды тяготеющая то к Кастилии, то к Франции). Что же касается противостоявшего им Аль-Андалуса, то он по-прежнему пребывал в состоянии нестабильности. Формально интегрированный в огромную державу альморавидов, растянувшуюся от р. Сенегал до Средиземного моря, он был во многом предоставлен самому себе. Между тем, в Северной Африке в середине 1140-х гг. берберы-альморавиды потерпели жестокое поражение от берберов-альмохадов; андалусийские тайфы снова обрели формальную независимость (так называемая «вторая эпоха» тайф (1145—1172 гг.). Она завершилась лишь в последней трети XII в., когда альмохады распространили свою власть на Аль-Андалус.

Войско альмохадов, усиленное андалусийскими отрядами, представляло собой мощную военную силу. В 1195 г. оно нанесло христианскому войску во главе с кастильским королем Альфонсо VIII жестокое поражение под Аларкосом. Однако и после этого отбросить христиан на север мавры не смогли. А в 1211 г. по инициативе примаса Испаний (главы испанской Церкви, подчиненного непосредственно Риму) толедского архиепископа Родриго Хименеса де Рады (ок.1170—1247 гг.) папа Иннокентий III объявил крестовый поход, завершившийся битвой при Лас-Навас-де-Толоса (16 июля 1212 г.). Объединенное христианское войско (Кастилия, Леон, Наварра, Арагонская Корона), усиленное отрядами духовно-рыцарских орденов, а также запиренейскими крестоносцами (короли Португалии и Леона в битве не участвовали) возглавил кастильский король Альфонсо VIII и на голову разбил альмохадов, которых возглавлял халиф Мухаммад (1199—1213 гг.). Вскоре после этого восстание мусульман-андалусийцев против берберского владычества восстановило независимость испано-мусульманских государств (так называемая «третья эпоха тайф» (1228—1262 гг.).

1.2. Непредвиденная пауза

После 1212 г. доминирование христиан на полуострове стало полным и всецелым. Подчинение Аль-Андалуса отсрочили лишь субъективные факторы: после смерти в 1218 г. Альфонсо VIII кастильский престол занял его

10-летний сын Энрике I (1214—1217 гг.), неспособный возглавить кастильское войско. Гегемония на полуострове временно перешла от Кастилии к Леону, амбициозный правитель которого Альфонсо IX (1188—1230 гг.) спешил воспользоваться ситуацией, чтобы закрепить статус-кво.

Ранняя и неожиданная смерть Энрике I снова поставила вопрос о престолонаследии. Официальной наследницей стала старшая из детей покойного короля — Бергела, до 1204 г. — королева Леона. Но уже в 1218 г. она отказалась от своих прав в пользу своего сына, 17-летнего леонского инфанта-наследника Фернандо, являвшегося также наследником и леонской короны. При ее помощи Фернандо сумел заручиться поддержкой основных группировок кастильской знати, а затем — подчинить и мятежников, возглавлявшихся могущественным родом Лара (и его главой — графом Альваро Нуньесом), ориентировавшихся на поддержку Леона. В 1218 г. Альфонсо IX признал права сына на кастильский престол.

Важным фактором, способствовавшим укреплению положения молодого короля, стал заключенный в следующем году (1219 г.) династический брак между Фернандо III и Беатрис¹, дочерью герцога Филиппа Швабского из династии Штауфенов (Гогенштауфенов). Она являлась двоюродной сестрой императора Фридриха II, потому брак стал исполнением давнего стремления кастильских королей породниться со Штауфенами, могущественными правителями Священной Римской империи, земли которой простирались от средней Италии до берегов Северного моря. Кроме того, по линии своей матери (Ирины) Беатрис была родственницей и других императоров — византийских (она являлась внучкой императора Исаака II Ангела). Сам же Филипп Швабский, по смерти своего брата, Генриха VI, в 1196 г., был избран «римским королем» (хотя короноваться императором ему так и не удалось). Таким образом, через Штауфенов кастильская королевская династия связывала себя прямым родством с последним (после Плантагенетов и Капетингов) из трех наиболее влиятельных правящих домов Запиренейской Европы.

Следует добавить, что в дальнейшем Фернандо III организовал еще два династических брака, на этот раз — для своих сестер. Инфанта Леонор (Алиенора) в 1221 г. была выдана замуж за арагонского короля Хайме I Завоевателя, а инфанта Бернгела — за Жана де Бриенна, короля

¹ Беатрис Гогенштауфен (1203—1235 гг.) — в русскоязычной научной литературе иногда именуется также Беатрисой или даже Елизаветой (ср. англ. *Elisabeth of Swabia*). Речь идет о производном от латинского женского имени *Viatrix* (ср. муж. *Viator*); в России эти производные в европейских языках принято транскрибировать и как Беатриса (ср.: св. Беатриса Назаретская (1200—1268 гг.), св. Беатриса из Орнасье (ок. 1240—1306/1309 гг.) и др.), и как Беатрис (ср.: Беатрис Бургундская (1257—1310 гг.), Беатрис (Беатрикс), королева Нидерландов (род. в 1938 г.), Беатрис Йоркская, английская принцесса (род. в 1988 г.)). В данном случае предпочтение отдано форме Беатрис как наиболее фонетически близкой к старокастильскому *Beatriz*.

Иерусалимского (1224 г.). Наконец, сам король, овдовевший в 1235 г., вступил во второй брак с нормандской графиней Жанной де Понтье. Организатором этого союза стала его сестра, французская королева Бланка Кастильская, заинтересованная в укреплении отношений Франции с ее родиной. Кроме того, в интересах парижского двора графиню следовало удалить из Нормандии: ранее она уже была замужем первым браком (аннулированным папой как близкородственный) за королем Англии Генрихом III (1216—1272 гг.), стремившимся использовать свою женитьбу для укрепления позиций английской короны в недавно утраченном ею герцогстве.

Но главным средством окончательно утвердиться на престоле для кастильского короля стали все же активные завоевания на юге. После битвы при Лас-Навас-де-Толоса и падения державы альмохадов вопрос об их начале был только вопросом времени, и Фернандо III не преминул этим воспользоваться. Так началась «Великая (Быстрая) Реконкиста».

1.3. Великая Реконкиста¹

В 1224 г. Фернандо III осадил и взял крепость Кесада. Тогда же его вассалами признали себя аль-Байязи, правитель Баэсы, и его брат Абу-Саид, эмир Валенсии, стремившиеся таким образом закрепить недавно достигнутую ими независимость от альмохадов. Начиная с 1225 г., при помощи своих мусульманских вассалов Фернандо III совершил походы на Гранаду, Хаэн, Лоху, Альхаму, Убеду, область Уэльмы и др. Эти походы приблизили окончательный крах державы альмохадов. В 1228 г. в районе Мурсии вспыхнуло восстание мусульман-андалусийцев, которое возглавил потомок выходцев из Сарагосы Ибн-Худ. Несмотря на поражение от альмохадского халифа Абу-л-Улы, уже в 1229 г. он распространил свою власть на Гранаду, Хаэн, Кордову и Бадахос, а затем — и Севилью.

Эти победы, а также крах державы альмохадов окончательно утвердили статус молодого короля, и, когда в 1230 г. скончался его отец, Альфонсо IX, Фернандо III, в то время осаждавший Хаэн, немедленно предъявил претензии на вакантный леонский престол. Между тем, после 1218 г. Альфонсо IX, не отрицая полностью прав своего сына, назначил своими наследницами также двух дочерей от первой жены, Тересы Португальской, — инфант Санчу и Дульсе (или Альдонсу), причем позаботился о гарантиях их прав со стороны Римской курии (в лице папы Гонория III). В этой непростой ситуации большую роль сыграло вмешательство матери Фернандо III, королевы Беренгелы, которая вступила в прямые переговоры с матерью инфант, Тересой Португальской в Койянсе (Валенсия-

¹ В литературе иногда используется понятие «Быстрая Реконкиста».

де-дон-Хуан). В итоге дело было решено компромиссом: по договору в Бенавенте (1230 г.), ратифицированному Фернандо III, инфанты получили щедрые отступные, состоявшие из обильных рент.

Таким образом, к концу 1230—началу 1231 г. никто уже не подвергал сомнению прав нового леонского короля (он же — король Кастилии). Два королевства, после 73 лет отдельного существования, теперь уже навсегда были объединены под одной короной.

После объединения королевств (а вместе с тем — и их военного потенциала) начался новый этап Великой Реконквисты. Начав с кратких (но опустошительных для врага) набегов 1231—1232 гг., Фернандо III постепенно перешел к захвату территорий. Воспользовавшись непрекращавшейся враждой правителей тайф между собой, в 1232 г. король взял крепость Убеда. В 1235 г. небольшой отряд кастильских наемников (альмогаров) подступил к Кордове, сумел захватить часть укреплений и призвал на помощь Фернандо III. Тот немедленно выступил и через несколько недель осадил бывшую столицу халифата. По прошествии еще нескольких месяцев (осада продолжалась с февраля по июнь 1236 г.) Кордова сдалась. Победенным было позволено покинуть город, взяв с собой только то движимое имущество, что они могли унести немедленно. Главная мечеть была освящена в христианский храм и стала собором Св. Марии. Колокола базилики Св. Иакова (Сантьяго) Компостельского, некогда как трофей доставленные в Кордову могущественным хаджибом аль-Мансуром (Альмансором христианских хроник), около 1000 г. державшим в страхе христианские земли, теперь были торжественно возвращены на прежнее место.

Вслед за покорением Кордовы, один за другим в руки кастильцев перешли крепости и города долины р. Гвадалquivир. В 1238 г. был предательски убит Ибн Худ (Абу Абдаллах Ибн Юсуф Ибн Худ аль-Джудами (ум. 1237)), руководивший восстанием против альмохадов в 1228 г. и все это время остававшийся самым могущественным андалусийским лидером. Члены его клана (Бану-Худ) оказались перед выбором: попасть под власть берберов (от которых они, как мятежники, не ждали пощады) или же покориться кастильскому королю. Они выбрали последнее. В 1243 г. сын и наследник Фернандо III, инфант Альфонсо (будущий Альфонсо X) от имени отца принял у них оммаж за города Мурсии. В итоге, к Кастилии отошли Мурсия, Лорка, Картахена и другие города области. В 1246 г. был заключен еще один договор, впоследствии оказавшийся много более значимым, чем первый: согласно т. н. «хаэнскому пакту» были признаны права Мухаммада Ибн аль-Ахмара, правителя Гранады (1235—1273 гг.), ставшего вассалом кастильского короля. С этого времени и до 1264 г. договор неоднократно продлялся, превратившись в правовую базу «особых» отношений между Кастилией и Гранадой.

Завоевания были настолько стремительными, что понадобилось обновить старый договор в Касола (1179 г.) о разграничении сфер влияния

между Кастилией и Арагонской Коронай (арагонцы оспорили права кастильцев на взятие Альсиры и Хативы). В 1244 г. между Фернандо III и Жауме I Завоевателем (1213—1276 гг.) был заключен договор в Альмисре, по которому была установлена новая граница сфер влияния двух королевств. Действуя в соответствии с ним, кастильский король в 1244 г. взял Архону и соседние с ней города. После длительной осады (август 1245—март 1246 гг.) сдался Хаэн. Следующей была очередь Севильи. В 1246—1247 гг. пали соседние с ней города долины р. Гвадалквивир — Алькалá-де-Гвадалахара, Кармона, Константина, Рейна, Лора, Кантильяна, Гильена, Херена, Алькалá-дель-Рио и др. После этого Севилья была взята в кольцо не только со стороны суши, но и с моря: морская блокада города стала первой крупной операцией кастильского флота, построенного с помощью генуэзцев (а его командующий, каталонец по происхождению Рамон де Бонифас (1196—1252/56 гг.), стал, соответственно, первым кастильским флотоводцем).

После почти полуторагодовой осады (июль 1247 — ноябрь 1248 г.) Севилья сдалась. Жителям было разрешено покинуть город и унести с собой движимое имущество (они получили месяц на сборы). Севильцы-мусульмане могли выбрать между путями в Херес-де-ла-Фронтера, еще не занятым христианами, или в Сеуту, в Марокко (куда их должны были доставить кастильские корабли). В декабре 1248 г. Фернандо III торжественно вступил в Севилью. Город стал центром вновь образованного архиепископства. Король организовал его заселение. Кроме того, в благодарность за помощь при создании флота и иные заслуги в 1251 г. Генуе была пожалована привилегия открытия в Севилье генуэзского торгового подворья (фондакко).

Главное было сделано: Великая Реконкиста почти завершилась. На долю Альфонсо X оставалось всего несколько непринципиальных штрихов, окончательно изменивших карту полуострова в пользу Кастилии и Леона. И он сделал их, впрочем, как будет показано ниже, ими он вовсе не ограничился.

1.4. Начало реформ

В результате завоеваний Фернандо III в течение менее двух десятилетий территория Кастильско-Леонского королевства значительно увеличилась. Никакое другое из христианских государств полуострова не сумело в такой степени расширить свои границы за счет земель мусульманского юга. Огромная военная добыча и колоссальный земельный фонд, оказавшиеся в распоряжении кастильских королей, сделали Кастильскую Корону, успевшую к этому времени породниться со всеми наиболее влиятельными западноевропейскими династиями, одной из самых могущественных не только на полуострове, но и на Латинском Западе в целом. Стремясь дополнить военно-политическое и экономическое могущество

влиянием в сфере культуры, тем самым возвысив престиж своего двора, Фернандо III выступил деятельным покровителем культуры.

Первый на полуострове университет — *studium generale* в кастильской Паленсии, — был открыт не позднее 1208 г., еще Альфонсо VIII. Но при Фернандо III на первое место вышел университет в Саламанке, который был создан леонским королем Альфонсо IX (1188—1230 гг.) ок. 1218—1219 гг. и который кастильско-леонский король наделил широкими привилегиями (1243 г.). Тогда же в Кастилии и Леоне появились пользовавшиеся покровительством монахи нищенствующих орденов (как доминиканцы, так и францисканцы), из среды которых за Пиренеями рекрутировалась значительная часть университетской профессуры. Ряд профессоров прибыл и непосредственно из Болонского университета. Единственного из них мы знаем по имени — Джакомо Бонаджунта (ок. 1220—1294 гг.). В Кастилии он получил известность под именем Хакобо-де-лас-Лейес (Хакобо-Законник) и прославился как видный легист, впоследствии — сподвижник Альфонсо X и один из идеологов всеобъемлющей правовой реформы периода альфонсовского «ренессанса».

Фернандо III и сам оставил значительный след в истории кастильского законодательства, распространив действие кастильских фуэро — местных (в том числе — городских) хартий, история которых берет начало на рубеже 1000 г., — на вновь завоеванные земли. Так, фуэро Куэнки, с некоторыми модификациями, было пожаловано Базсе, Убеде (1234), Иснаторафу (1240) и Сан-Эстебан-дель-Пуэрто; фуэро Толедо — Кордове (1241 г.), Хаэну и Картахене (оба — 1246 г.) и Севилье (1250 г.; в том же году и в том же городе впервые были созваны первые полноценные кастильские кортесы, с участием не только светских и духовных магнатов, но и представителей городов). За этой практикой массовых пожалований уже существующих фуэро стояла важная тенденция — стремление к унификации местного права. Тогда же начались работы по подготовке всеобъемлющей правовой реформы, получившие завершение уже в царствование Альфонсо X (составление «Зеркала» («Espéculo»), правовой энциклопедии «Семичастие» («Setenario»), кастильского переложения вестготского кодекса (так называемое «Фуэро Хузго», представлявшее собой не только перевод, но и интерпретацию оригинала применительно к изменившимся условиям середины XIII в.) и некоторые другие). Важно также отметить факт активного внедрения в делопроизводство кастильского языка: большое количество составленных в этот период документов (и некоторые фуэро) написаны уже не на латыни, а на кастильском (известны также случаи (например, фуэро Кордовы), когда документы и правовые акты составлялись сразу в двух версиях (латинской и старокастильской)). Впрочем, насколько известно, документы и памятники законодательства, составленные на разговорном языке, еще не имели полной юридической силы (они приобретут ее лишь в царствование Альфонсо X).

Фернандо III не успел закончить ни одной из своих реформ. Его смерть оказалась неожиданной; король похоронен в севильском соборе Св. Марии. В 1671 г. папа Климент X провозгласил причисление кастильского короля к лику святых. Незадолго до своей кончины он планировал экспедицию в Северную Африку. Только смерть помешала реализации этих планов, переложив эту (и многие другие) задачи с плеч отца на плечи сына.

2. Время *Мудрого Короля*

2.1 *Альфонсо X: начало пути*

Сын Фернандо III, рожденный в браке с Беатрис Швабской, Альфонсо X появился на свет в Толедо в 1221 г. и был старшим из 13 детей своего отца. Он получил свое имя в честь деда (Альфонсо VIII), победителя в битве при Лас-Навас-де-Толоса, и это в определенной степени предопределило его дальнейший жизненный путь. Будущий король получил обычное для того времени воспитание, которое полагалось детям из знатных семей и которым руководил майордом вдовствующей королевы Беренгелы (бабки инфанта) Гарсия Фернандес де Вильямайор.

Образование инфанта Альфонсо связано с придворной средой двора Фернандо III. Нам не известны ни учителя, которые с ним занимались, ни учебные программы, которыми они руководствовались. Возможно, среди его наставников был знаменитый юрист Хакобо-де-лас-Лейес, посвятивший инфанту Альфонсо свой трактат «Цветы законов», но это лишь предположение. В основном же учителями были какие-то образованные клирики и придворные нотариусы. Они выучили инфанта латинскому и арабскому языку (галисийско-португальский, на котором он позднее слагал свои песни как трубадур, он, видимо, усвоил от своего галисийского окружения). От придворных хугларов он, вероятно, получил какие-то основы музыкальных знаний и навыки стихосложения. Кроме того, уже в ранние годы он обучался основам астрономии (астрологии), математики, минералогии и некоторых других наук. В итоге, будущий король стал одним из самых образованных людей своего времени. Еще будучи инфантом, он написал свой первый трактат «Лапидарий», посвященный драгоценным камням (а также их символике, как это было принято со времен неоплатоников).

В жены для своего сына Фернандо III избрал Виоланте, дочь арагонского короля Хайме I Завоевателя. В 1246 г. (когда инфанте было всего 10 лет) молодые люди были обручены, а через три года в Вальядолиде состоялась свадьба. Ради брака Альфонсо был вынужден оставить любовь своей юности — донью Майор Гильён де Гусман, дочь знатного ка-

стильского магната, которая должна была теперь удалиться от двора и направиться в одну из своих сеньорий. От этого союза родилась дочь Беатрис (1243), которая в 1253 г. была выдана замуж за португальского короля Афонсу III.

Уже в молодые годы Альфонсо был вовлечен в круг государственных дел. Таким образом, к моменту смерти отца он являлся уже достаточно опытным государственным деятелем. Заняв отцовский престол, Альфонсо X унаследовал не только колоссальный военный и экономический потенциал, накопленный в царствование Фернандо III, но и его целый комплекс амбициозных политических задач, соответствовавших статусу возвысившейся кастильской короны и, прежде всего, — в области внешней политики (при всей условности этого понятия применительно к периоду, предшествовавшему появлению национальных государств).

2.2. Основные направления внешней политики Альфонсо X

Рассказ об основных направлениях внешней политики Альфонсо X в настоящей главе будет предельно кратким, поскольку эта тема станет объектом подробного разговора ниже, в главе 2. Замечу только, что, после подчинения большинства мусульманских тайф в эпоху «быстрой Реконкисты», особую стратегическую важность для христианских королевств полуострова приобрел район Гибралтара: узость пролива позволяла берберам достаточно эффективно реагировать на все происходящее в Испании и при необходимости быстро приходить на помощь единоверцам. Для смягчения решения проблемы необходимо было, как минимум, овладеть районом Гибралтара, отняв у африканцев удобный плацдарм для нападения на земли христиан. Однако уже в первые годы царствования Альфонсо X выдвинул более амбициозный план, включавший завоевание всего Марокко путем организации африканского крестового похода — т.н. *fecho de allende*. В 1253 г. были предприняты первые шаги в этом направлении. Но после 1260 г., вовлеченный в борьбу за престол Священной Римской империи, король был вынужден отказаться от этих планов. Однако часть их все же была реализована: сосредоточение значительных сил на юге полуострова позволило подчинить тайфы, еще сохранявшие независимость — области Хереса-де-ла-Фронтера (1261 г.) и Ньеблы (1262 г.), а к 1265 г. — и район Кадиса. После этого на полуострове осталось только одно мусульманское владение — Гранада, отношения с которой подчас складывались весьма драматично.

Помимо мусульманского юга, в сфере интересов Альфонсо X на полуострове неизменно находились и христианские королевства: стремясь закрепить лидерство Кастильско-Леонской монархии южнее Пиренеев, *Мудрый Король* активно вмешивался в дела своих соседей, прежде всего —

Португалии и Наварры. В первом случае объектом противоборства стала область Альгарве, от претензий на которую Альфонсо X был вынужден отказаться только в 1267 г., несмотря на большие усилия, вплоть до вмешательства в борьбу за португальский престол на стороне одного из претендентов.

Что касается отношений с Наваррой, то здесь камнем преткновения стало герцогство Гасконь, некогда обещанное королю Альфонсо VIII в приданое за Аленорой Английской, но так и не переданное Кастилии. В 1253 г. Альфонсо X снова поднял этот вопрос как средство давления на Наварру. Изолировать ее кастильский король попытался путем установления союза с Англией. Несмотря на противодействие Арагонской Короны, в 1256 г. дело было решено компромиссом и наваррский король Тибо II все-таки принес Альфонсо X оммаж в Витории.

Но наиболее амбициозным из политических проектов *Мудрого Короля* стала уже упоминавшаяся борьба за престол Священной Римской империи — знаменитое *fecho del imperio*. Ее прологом стала кончина в 1254 г. последнего представителя династии Штауфенов на престоле Священной Римской империи — Конрада IV (Конрад Римский) (1237—1254 гг.), сына и наследника императора Фридриха II (1212—1250 гг.). Последний представитель династии, Конрадин, герцог Швабский (1254—1268 гг.) не получил признания, и позднее (1268 г.) погиб при попытке отвоевать Сицилийское королевство. В этих условиях в 1256 г. коммуна итальянского города Пиза направила к Альфонсо X посольство во главе с синдиком Бандино Ланчия, представлявшее интересы гибеллинов (сторонников императорской власти) ряда городских республик центральной Италии. Как родственника Штауфенов по материнской линии и «самого славного из всех королей, которые только были и есть во времена, достойные памяти», его просили принять участие в выборах.

Не буду пересказывать основных событий, связанных с историей *fecho del imperio*: о них подробно сказано ниже.¹ Отмечу лишь, что первоначально перспективы кастильского претендента выглядели вполне реально: ему удалось заручиться поддержкой не только умеренных гибеллинов (как коммун, так и влиятельных феодальных сеньоров), но и Рима. Однако в силу ряда причин борьба затянулась, что привело к постепенному изменению ситуации. В 1273 г. большинством голосов (в отсутствие лишь Оттокара II Чешского) императором был избран швабский граф Рудольф I Габсбург (1273—1291). Причем позиции нового избранника были гораздо прочнее тех, что имели его предшественники. Альфонсо X, теряющий поддержку не только в далекой Империи, но и в своем собственном королевстве, попытался использовать последний шанс — личную встречу с папой. Переговоры о ее организации затянулись.

¹ См. Главу 2.

Наконец, папа Григорий X согласился встретиться с ним, и Альфонсо X направился в путешествие, вошедшее в историю как *ida al imperio* (каст. «хождение в Империю»). Однако до Империи он так и не доехал: встреча состоялась в г. Бокере, на французской стороне р. Роны, в мае 1275 г. Переговоры продолжались до конца июля или начала августа. Они оказались абсолютно безуспешными. В итоге, все усилия пошли прахом, что был вынужден признать и сам кастильский король (хотя он некоторое время еще и после этого продолжал именовать себя «королем римлян»). По возвращении его ждали горькие вести: на юг Кастилии неожиданно вторглись берберы-мариниды во главе со своим эмиром Абу Юсуфом. К тому же скоропостижно скончался сын и наследник Альфонсо X инфант Фернандо де ла Серда, оставленный в качестве регента.

Так закончилась история *fecho del imperio*. Несмотря на неудачу, связанные с ним события имели огромное историческое значение: в первый раз в своей истории Кастилия не только стала частью большой европейской политики, но и оказалась в самом центре ее. Правда, пройдет еще несколько столетий, пока страна (уже объединенная Испания) прочно утвердится в этом качестве, а один из ее королей одновременно станет и германским императором. По иронии судьбы, этот король (Карл I Испанский, он же — Карл V в Германии) будет принадлежать к тому самому роду Габсбургов, представитель которого закрыл Альфонсо X дорогу к имперскому престолу.

Тем не менее, для самой Кастилии ближайшие последствия *fecho del imperio* были трагическими. Борьба за имперский престол истощила страну, отвлекла ресурсы и внимание от решения внутренних проблем. Она стала одной из основных причин осложнений в отношениях короля и магнатов и в конечном итоге обернулась жестокой волной усобиц.

2.3. Кастилия и Леон в эпоху Мудрого Короля

При всей значимости южного (африканского) и восточного (европейского) направлений политики *Мудрого Короля*, в историю он вошел, в первую очередь, как реформатор Кастилии, неотъемлемой частью которой его отец сделал Леон (то есть весь запад и северо-запад нынешней Испании, вплоть до португальской границы) и большую часть испанского юга. Эта существенно увеличившаяся Кастилия не могла управляться так же, как раньше, уже в силу своих размеров, численности своего населения, изменившегося географического положения. Таким образом, любой правитель, оказавшийся во главе Кастильско-Леонского королевства в середине XIII в., был буквально обречен на проведение реформ. Однако личность *Мудрого Короля*, его убеждения и колоссальные амбиции вывели эти реформы далеко за рамки скромных потребностей средневекового кастильско-леонского социума и весьма эфемерной системы власти, которой мно-

гие современные исследователи не без ряда оснований отказывают в праве гордо именоваться «государством». Для того, чтобы представить масштаб реформ Альфонсо X, необходимо четко понять их отправную точку, разобраться в том, что представляли собой общество и власть Кастилии и Леона к концу правления Фернандо III.

2.3.1. Власть, общество и Церковь Кастилии и Леона к середине XIII в.

В свое время израильская исследовательница Е. Лурье, а за ней — с привлечением намного более обширного материала, — британский историк Дж.Ф. Пауэрс назвали кастильско-леонский социум этого времени «обществом, созданным для нужд войны». Исходя из этого определения, легко понять основной принцип, составлявший основу социальной структуры, согласно которому светское население¹ подразделялось на четыре основные группы — *невоинов*, *непрофессиональных воинов*, *воинов профессиональных*, *служивших по найму*, и, наконец, *воинов потомственных*, то есть *воинов* в собственном смысле слова.

К первым относились дискриминируемые меньшинства — мусульмане (те из них, кто проживал на христианской территории, именовались *мудехарами*) и иудеи. Их положение не было идентичным (последние обладали все же несколько большими правами, чем первые), однако главное было общим: социальная и правовая дискриминация по отношению к христианскому большинству, бытовая сегрегация — жизнь в отдельных, отгороженных от христианской части городов, кварталах (альхамах), особая одежда, отличавшая этноконфессиональные меньшинства от большинства (для евреев — с желтой шестиконечной звездой), повседневные унижения, но главное — отсутствие права носить оружие, этой главной привилегии свободного человека в «обществе, созданном для нужд войны».

Вторую группу составляли те, кто привлекался к военной службе лишь эпизодически, нес ее в наименее привилегированных (и даже обременительных) формах — в пешем ополчении (местных милициях), в усилении основных сил гарнизонов при защите городов, замков и крепостей, а также рабочими при строительстве и ремонте укреплений, стратегически важных дорог, мостов и т. п. Такие повинности могли выполняться лично (в случае, если город или деревня находились относительно недалеко от театра военных действий) или компенсироваться выплатой соответствующих взносов и платежей, каковых было немало (*фонсадера*, *анубда*, *марсадга*, *кастеллярия* и др.). А поскольку граница отодвигалась все дальше на юг, а средневековая пехота вместе с обозами передвигалась

¹ О духовенстве как особой сословной и социальной группе см. ниже.

слишком медленно и с трудом поспевала к району военных действий из отдаленных городов и деревень, все большая часть незнатного населения превращалась из воинов (*peones*) в плательщиков (*pecheros*), что негативно сказывалось на их общем статусе. Впрочем, и без того пеший воин ценился ниже конника даже несмотря на то, что средневековое войско не могло обойтись без пешего ополчения, выступавшего в поход под знаменем своей территориальной общины-консехо. К категории непрофессиональных воинов-ополченцев относились крестьяне (как мелкие и средние собственники, так и арендаторы и батраки), а также незнатные горожане (ремесленники и торговцы).

К третьей группе относились наемники, которых в Кастилии и Леоне называли *альмогаварами*, составлявшими особые конные отряды под командованием *адалидов*, которых, если верить «Семи Партидам», должны были вводить в должность, подняв на щите и дав в правую руку обнаженный меч. Отряды альмогаваров нередко использовались для выполнения специальных заданий, превосходивших по своей сложности возможности воинов-ополченцев. Это видно, например, на примере осады Кордовы Фернандо III в 1236 г., когда альмогавары под командованием Педро Руиса Тафура, Мартина Руиса д'Арготе и Доминго Муньоса, используя специальное снаряжение и переодетые в мавританскую одежду, сумели скрытно забраться на городские стены, снять часовых и захватить целый район города — Ахаркию (или Ашаркию), который удерживали до подхода основных сил. В таком же положении находились и матросы, и воины абордажных команд военно-морского флота, созданного Фернандо III для осады Севильи.

Наконец, четвертую группу составляли профессиональные конные воины-рыцари разных категорий — простые всадники-кабальеро (*caballeros*), инфансоны (*infanzones*), а также магнаты (*ricos omnes, altos omnes, grandes*). Представителей всех этих сословных групп объединяли профессиональная военная служба в коннице, к которой готовились с детства, почетный статус рыцаря, доступ в который открывал ритуал посвящения в рыцари, а также сословное самосознание и комплекс идеалов и ценностей, для обозначения которых Ж. Флори использовал понятие *рыцарская идеология*.

Ритуал посвящения, который был обязателен для рыцарей всех категорий, включая короля — первого рыцаря своего королевства, мог происходить по разным сценариям, один из которых описан в «Семи Партидах» Альфонсо X: «...это следует провести таким образом, чтобы, по прошествии всенощной, когда настанет день, он, прежде всего, прослушал мессу и помолился Богу, чтобы он направил его действия к служению. А затем пусть явится тот, кто должен посвятить его в рыцари, и спросит, хочет ли посвящаемый присоединиться к рыцарскому сословию; и если он ответит «да», его следует спросить, будет ли он поступать так, как следует рыцарю; и после того, как он согласится, ему следует надеть посвящае-

тому шпоры или попросить сделать это кого-либо из присутствующих рыцарей... И этот акт совершается для того, чтобы показать, что так, как рыцарь надевает правую и левую шпоры, дабы заставить коня скакать по правильному пути, точно так же он должен направлять свои поступки таким образом, чтобы никому не нанести ущерба. И своими руками он должен опоясать посвящаемого мечом поверх бриалья¹ так, чтобы пояс не болтался, а прилегал к телу... Издревле установлено, что знатные люди посвящают в рыцари, будучи облачены в полный доспех так, как когда они идут в бой. Но древние не считали правильным, чтобы головы при этом были покрыты... А после того, как посвящаемый будет опоясан мечом, он должен извлечь его из ножен и возложить на него правую руку и поклясться в этих трех вещах: о том, что, если это будет необходимо, он не испугается умереть, во-первых, за свой Христианский Закон, во-вторых, за своего сеньора по рождению и, в-третьих, — за свою страну. И когда он принесет эту клятву, ему следует дать подзатыльник, чтобы он запомнил три эти названные вещи, прося при этом, чтобы Бог направил его в служении и позволил ему исполнить обещанное. А вслед за этим его следует поцеловать в знак верности, мира и братства, которые надлежит хранить в среде рыцарей» (перевод мой — О.А.).²

Наряду с фундаментальными чертами сходства, в статусе рыцарей разных категорий были и существенные отличия. Простые рыцари были не более чем профессиональными конными воинами, обязанными выступать в походы по приказанию короля или своего сеньора. Их материальное положение могло быть довольно скромным и не особенно отличаться от положения крестьянина или горожанина: небольшой участок земли, а также дом с хозяйственными постройками, часть которого могла сдаваться в аренду. От незнатных сограждан их отличали особые рыцарские привилегии, к которым, как правило, относились: освобождение от большинства и даже всех платежей, взимавшихся в местах их постоянного проживания (распространявшееся на членов их семей и челядь (*paniaguados*)), льготные права по выпасу и перегону принадлежавших им отар овец (поступления от овцеводства были главным источником доходов), льготный порядок судопроизводства, включая освобождение от судебных платежей, преимущественное (или даже монопольное право) на занятие должностей в местном консехо. Незнатные сограждане оплачивали рыцарям участие в походах; кроме того, в качестве вассалов от своих сеньоров они получали денежный феодал (*soldada*) — ежегодные выплаты

¹ Бриаль (*brial*) — вид рыцарской одежды, род туники с короткими рукавами или без таковых, по длине достигавший колен и сшитый из шелка или другой дорогой ткани.

² Здесь и далее кодекс «Семь Партид» цитируется по изданию: *Las Siete Partidas del muy noble Rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio López, del Consejo Real de Indias de S. M. / 4 vols. Madrid: Compañía General de Impresores y libreros del Reyno, 1843—1844. (далее — *Partid*). В данном случае приведен фрагмент закона *Partid*. II. 24. 14.*

фиксированного размера, которыми вознаграждалась вассальная верность рыцарей.

В совокупности, рыцарские привилегии были призваны обеспечить не только высокое положение лиц, несших военную службу в коннице (роде войск, игравшем решающую роль в ходе военных действий), но и гарантировать материальные возможности для службы такого рода — приобретение и содержание боевого коня, а также все более сложного вооружения (меч, копье, щит) и снаряжения (шлем, кольчуга, кольчужные чулки, одевавшаяся под доспехи стеганая куртка (пурпуан), кольчужный доспех для коня, колет для всадника и длинная попона для коня, защищающая металл доспехов от перегрева в летнее время, предметы конской упряжи, вплоть до колокольчиков, подвешивавшихся на сбрую, палатку и др.). Дороговизна боевого коня, а также вооружения и снаряжения, всем комплектом которого обладали далеко не все рыцари, поясняет запрет законодателей (включая Альфонсо X) завещать его части по отдельности; подчеркивается, что после смерти рыцаря он должен полностью перейти к его старшему сыну, а в случае отсутствия такового — к мужу старшей дочери.

По всей видимости, в социально-правовом плане эта группа рыцарей не представляла абсолютного единства. Источники выделяют в особую группу наиболее привилегированную часть рыцарей — рыцарей-идальго (*fijosdalgo*), рыцарский статус которых передавался от отца к сыну на протяжении нескольких (возможно — более двух) поколений. Подобные же замечания касаются и оруженосцев (точнее — «щитonosцев» (*escuderos*)), для большинства из которых, в силу невозможности приобретения боевого коня и доспехов, их изначально вспомогательный статус становился постоянным, в результате чего появилась особая группа потомственных оруженосцев (*escuderos fijosdalgo*).

Что касается инфансонов, то в военной сфере они выполняли функции командиров кавалерийских отрядов, состоявших из их рыцарей-вассалов, а также *алькайдов* (шателенов), то есть командующих гарнизонами замков (включая городские замки-алькасары), переданных им (вместе с землями) в качестве вассальных держаний. Знаком сеньориальной власти инфансона являлся прикреплявшийся на его пику флажок (значок) с родовым гербом, вошедшим в обиход в XIII в.

На высшей ступени сословия профессиональных потомственных воинов (как и общества в целом) стояли магнаты, обладатели многочисленных держаний и феодалов — городов и замков с прилегающими к ним территориями, в границах которых они выполняли судебные, административные и иные властные функции. В качестве прямых королевских вассалов они занимали центральное место в системе местного управления; кроме того, их роль была велика и в системе центрального управления: вместе с верхушкой клира (епископами и аббатами крупнейших монастырей) они составляли королевский совет (курую). В королевское

войско по призыву короля магнаты являлись во главе целых соединений, включавших их вассалов-рыцарей и ополчение, набранное на подвластных им территориях.

Объединяясь в группировки по территориальному принципу и/или на основе общности или близости интересов, магнаты получали возможность прямого давления на королевскую власть. Но они же были и главной ее опорой, что предопределяло ориентацию на решение возникавших конфликтов путем соглашений. Частные войны магнатов против короля в конечном итоге имели единственную цель: обеспечить их активным участникам более привилегированные позиции в процессе переговоров с короной; такие войны являлись своеобразным *ultima ratio* — крайним методом давления на королевскую власть, задействование которого могло происходить только в самом крайнем случае.

Договорное начало обладало колоссальным значением в этом обществе, феодальный характер которого представляется очевидным. Вассальный контракт, регулировавший взаимные обязательства сеньоров и вассалов разного уровня, объединял все элементы социальной системы в единое целое, выстраивая обладателей феодального суверенитета — отдельных лиц и целые коллективы, — в единую цепочку, состоявшую из сеньоров и вассалов.

В отношениях короля и всех, кто родился на его земле, т. е. на территории его страны (*naturales*) он оформлялся в ходе традиционного объезда каждым новым королем своих земель, в процессе которого все обладатели сеньориальных прав и все жители королевства, принимая его власть, тем самым признавали себя *вассалами по рождению* (*vasallos naturales*) своего короля как *сеньора по рождению* (*dominus naturalis, sennor natural*); впервые это понятие применительно к описанию сеньориальных прерогатив короля появилось в первой трети XII в. в латинской «Хронике Альфонсо Императора».

Получая признание своего статуса как *сеньора по рождению*, король автоматически получал и признание своих прав распоряжаться территориями, людьми и укреплениями (отдельно стоящими башнями, замками, крепостями, укрепленными городами) в пределах границ королевства. В дальнейшем значительная часть этих прав уступалась магнатам, вместе с соответствующими административными, военными, судебными и иными властными прерогативами и правами; в обмен на это магнаты заключали с королем договор, скрепление которого происходило в ходе акта публичного целования правой руки короля и которому всегда предшествовал закусительный торг, в ходе которого стороны — король и конкретный магнат — стремились расширить свои полномочия за счет ущемления прав контрагента; при необходимости с обеих сторон могли использоваться и методы военного давления.

Начиная с XII в. из Каталонии через Арагон в Кастилию проник вариант тесного (нерасторжимого) вассального контракта — т.н. «оммаж

рта и руки» (*homenage, homenatge, omenaie* и т. п.), предполагавший в ходе скрепления использование жеста вложения рук и поцелуя в губы в знак особой прочности принимаемых на себя обязательств.¹ В Кастилии (как и в тех регионах, из которых он был заимствован) этот тип соглашения изначально использовался в качестве формы фиксации любых частных обязательств (далеко не только вассальных), когда было необходимо акцентировать особый характер последних. В частности, в «Поэме о Сиде» мы видим, что именно таким образом инфанты Наварры и Арагона подтвердили свои устные обещания жениться на дочерях знаменитого рыцаря.²

Суть *оммажа-оменаie* как формы контракта подчеркивалась в кастильском языке добавлением слова «*pleito*» (соглашение): *pleito e omenaie*. Конкретные же детали, связанные с этим ритуалом, так и не были упорядочены: например, известны случаи (правда, более позднего времени, начала XIV в.), когда жест вложения рук заменялся простым рукопожатием. Да и в целом, вассальный контракт в Кастилии и Леоне не имел единого образца ни по содержанию, ни по форме заключения. Неясно также, всегда ли последняя включала продолжение в виде клятвы вассальной верности (аналога французского *фуа*) и акта вручения символа феода (инвеституры). Например, последняя не требовалась в случае простых рыцарей, которые получали от своих сеньоров не земельные, а денежные феодалы. Да и сам термин «феод» встречается в текстах лишь изредка; в большинстве случаев имущество вассала определяется как простое держание (*tenençia*) или даже наследственное (т. е. аллодиальное) владение (*hereditat*), права на которое не были непосредственно связаны с вассальными обязательствами.

Эта разнородность явно противоречила интересам укрепляющейся королевской власти, однако она в полной мере соответствовала той разнородности норм и правил, которые были свойственны феодальному времени. Среди прочего, именно этим объясняется «черезполосица» правовых норм, носивших выраженный локальный характер и оформленных самым различным образом.

¹ О том, как выглядели эти ритуалы, мы можем судить, в частности, по миниатюрам каталонского картулярия, известного как «Большая книга феодалов» (ок. 1200 г.), оригинал которого хранится в Архиве Арагонской Короны в Барселоне и который доступен в электронном виде. См.: http://pares.mcu.es/ParesBusquedas/servlets/Control_servlet?accion=2&txt_id_fondo=120476 (дата обращения: 06.01.2014).

² «Поэма о Сиде» цитируется по изданию: Cantar de Mio Cid /Edición, estudio y notas de Alberto Montaner, con el ensayo de Francisco Rico. Madrid: Real Academia Española, Barcelona: Galaxia Gutenberg-Círculo de Lectores, 2011 (далее — *Cid*). В данном случае речь идет о фрагменте: *Cid*. V. 3425.

2.3.2. Кастильское и леонское право к середине XIII в.

В период Раннего Средневековья, приблизительно до 1000 г., на большинстве территорий Королевства Леон и входившего в его состав небольшого графства Кастилия продолжали действовать правовые принципы, унаследованные от позднеримского времени. Главными сводами законов, которыми руководствовались королевские и местные суды, являлись официальная кодификация законов вестготских королей («Книга приговоров» (более известная как «Вестготская правда»)) и собрание постановлений церковных соборов позднеримского и вестготского времени — так называемый «Испанский канонический свод» (*Hispana*). Однако чем дальше, тем в большей мере это единообразие нарушалось, что обуславливалось как слабостью королевской власти, не способной жестко контролировать регионы, удаленные от центра, так и практическими потребностями колонизации вновь завоеванных территорий, привлечь на которые поселенцев можно было лишь предоставив им всякого рода льготы и привилегии, фиксировавшиеся в поселенных хартиях.

С течением времени степень разнородности правовых норм, действовавших в различных частях королевства, становилась все более значительной. Политические перипетии (включение Кастилии в состав Наваррской державы Санчо III Великого, пресечение королевской династии Леона, набеги Альмансора и др.), все более ослабляя центральную власть, лишь усугубляли этот процесс. К середине XIII в. в качестве источников права выступали всякого рода судебные прецеденты («добрые постановления» — *fazañas*), «свободы», «вольности», иммунитетные привилегии, поселенные хартии-фуэро и др.

Происхождение *fazañas* довольно разнородно: некоторые из них восходили к нормам «Вестготской правды», другие — к местным правовым обычаям римского или вестготского времени. Общим, при этом, являлся акт провозглашения судьей в присутствии сторон, а также сугубо локальный характер. В дальнейшем судьи могли ссылаться на них в той же мере, что и на местные фуэро (отсюда — понятие *fuero de albedrío*, применявшееся к ним как синоним *fuero de fazaña* или *fazaña de fuero*). Кроме того, целый ряд прецедентов вошел в содержание местных фуэро в качестве одного из источников.

Что касается *фуэро*, то они являлись основным источником местного феодального права. Их предыстория связана с формированием на рубеже X—XI вв. на окраинных территориях (Галисия, Кастилия, Эстремадура, системы частных гарантий зависимому населению со стороны магнатов (прежде всего — кастильских графов). Такие гарантии становились основой коллективных договоров, объединявших всех потенциальных нарушителей локального мира в целях обеспечения режима безопасности (*cautum*).

Чисто кастильским по происхождению типом правового акта стали пакты между магнатами и их зависимыми людьми, определявшие отношения сторон в процессе заселения и освоения определенных территорий. Для стимулирования этого процесса такие договоры (в форме поселенных хартий и ранних кратких фуэро) обязательно включали привилегированные нормы, полностью или частично выводившие поселенцев из сферы действия единого королевского права. Этот процесс подрывал действие прежнего законодательства, на место которого приходили всякого рода частные привилегии — «добрые фуэро» на языке той эпохи (его антоним — понятие «дурной» — применялся в их текстах лишь применительно к отменяемым нормам).

Очевидная привлекательность привилегированных норм приводила к их сознательному «тиражированию», когда «доброе фуэро» одного поселения жаловалось другому (часто — практически без изменений), причем акт пожалования был лишь началом, а не концом истории местного права. Фуэро постоянно дополнялись как за счет местных «добрых» правовых обычаев (лат. *consuetudines*, каст. *costumbres*) и прецедентов (лат. *usus*, каст. *usos*), так и за счет заимствования отдельных положений, а порой — и значительной части текста других «добрых фуэро», изначально возникших в иных сеньориальных владениях. Главным образом, такие изменения вносились в ходе акта подтверждения фуэро новым королем или сеньором. При этом старый текст полностью или частично утрачивал свое значение. Так возникали группы («семейства») фуэро.

Отмечу лишь наиболее важные фуэро и группы фуэро применительно к конкретным территориям. Так, применительно к Галисии можно выделить фуэро области Сантьяго (1113 г., пожаловано епископом Диего Хельмиресом) и фуэро самого города Сантьяго-де-Компостела (1105 г., Альфонсо VI, редакция — 1126 г.). В области Леон целый ряд леонских местечек довольно рано получил собственные фуэро кастильского типа. Это произошло в правление Фернандо I (Фенар (1042 г.), Сан-Андрес-де-Эспинареда (1043 г.), Сан-Хуан-де-Пескейра (1055—1065 гг.) и Альфонсо VI (Санта-Кристина (1062 г.), Осорно-де-Эскорбарилья (1073 г.), Санта-Мария-де-Дуэньяс (1078 г.) и др.). Однако поворотным этапом в истории местного леонского законодательства стало пожалование фуэро монастыря и области Саагун (1085 г., Альфонсо VI), дополнения к которому в 1110 г. были внесены с санкции аббата, представлявшего орден Ключни, к которому с начала XI в. формально принадлежала данная обитель. Дальнейшие коррективы и дополнения (1115 г., 1152 г.) в основном сформировали это фуэро в том виде, в котором оно дошло до нашего времени.

В 1085 г. фуэро Саагуна получили также Овьедо и Авилес (оба — Астурия), которые затем, в 1155 г., получили фуэро Бенаvente (ранняя версия которого также датируется рубежом XI—XII вв.). В леонской части Эстремадуры одними из первых стали фуэро Саморы (?), затем — Саламанки (1081 г.), изначально получившей «фуэро Леона», дополненное при

Альфонсо VI и, в свою очередь, впоследствии пожалованное Ледесме. 1140 г. датируется фуэро Альбы-де-Тормес, пожалованное Альфонсо VII. В 1229 г. Альфонсо IX пожаловал фуэро Касересу и т. д.

В Кастилии древнейшим считается фуэро Браньосеры (829 г.), по традиции пожалованное местечку графом Нуньо Нуньесом. Следующие по времени — поселенные хартии Хативы (941 г.), Сан-Хулиан-дель-Монте (964 г.), Ресмондо (969 г.), Карденьи (972 г.) и Кобаррубиас (978 г.), а также фуэро Кастрохериса (974 г.), Паленсуэлы (конец X в.), Наве-де-Альбура (1012 г.), а также Сан-Садорнина, Бербехо и Баррио (ок. 1012 г.) и нек. др., изданные от имени кастильских графов Гарсия Фернандеса и Санчо Гарсия. Около 1039 г. город Бургос получил первое собственное фуэро, впоследствии включившее в свой текст целый ряд дополнений и привилегий. Такая же судьба была характерна и для большинства других кастильских фуэро. Так, фуэро Нэхеры (область Риоха) изначально было пожаловано Санчо Великим, а в 1076 г., с учетом его содержания, Альфонсо VI, включивший область в состав Кастилии, пожаловал городу новое фуэро. Таким же образом в 1095 г. появилось фуэро Логроньо (также — Риоха), вобравшее в себя, среди прочего, право «франков» — колонистов из-за Пиренеев, поселявшихся вдоль «дороги Сантьяго».

После взятия Толедо Альфонсо VI санкционировал права христиан-мосарабов (христиан, ранее проживавших на мусульманских территориях), кастильцев и «франков»-колонистов: в 1128 г. привилегии получили клирики толедской епархии, в 1136 г. собственное фуэро получили «франки», а в 1155 г. Альфонсо VII было дополнено «фуэро мосарабов». Сохранившийся дополненный общий текст этих отдельных фуэро датируется 1166 г., но в качестве времени издания первоначального варианта в рукописи фигурирует 1118 г. В итоге, каждая община получила правовые нормы, соответствовавшие их собственной традиции, причем для мосарабов было санкционировано использование «Вестготской правды». В 1179 г. эту норму подтвердил Альфонсо VIII. Правовой дуализм отмечался в городе еще и в начале XV в. Среди городов, заселенных по фуэро Толедо, следует выделить Мадрид, в то время — приграничный замок, который получил свое первое фуэро в 1118 г. от Альфонсо VIII. В дальнейшем оно претерпело значительные изменения.

Но не фуэро Толедо стало определяющим в праве кастильской части Эстремадуры. Эта роль принадлежала фуэро Сепульведы, начало которому было положено около 1000 г., еще в графский период. Наиболее же известным стало фуэро Сепульведы 1076 г., пожалованное Альфонсо VI и впоследствии пожалованное многим поселениям не только Кастилии, но и Арагона — Уклес, Теруэль, Альбаррасин, Дарока, Сория, Мединасели, Алькала-де-Энарес и др. Процесс его распространения носил сложный, нередко — косвенный, характер (когда фуэро Сепульведы жаловалось другим поселениям не непосредственно, а в версиях, утвердившихся за пределами города; так, например, Сория получила это фуэро как фуэро

Дароки и т. п.). Кроме того, можно уверенно констатировать факт влияния фуэро Сепульведы на главный из сводов местного права — фуэро Куэнки.

Это фуэро является наиболее известным, а его семейство — наиболее представительным. Оно было издано Альфонсо VIII вскоре после взятия города (1177 г.), но не позднее 1190 г. Текст сохранился в двух редакциях — латинской (Парижская и Эскориальская рукописи, обе — XIII в.) и старокастильской, более поздней (Валенсийская рукопись XV в.). Он выделяется своим объемом — 982 статьи, которые в Эскуриальской рукописи сводятся в 44 главы (титула), а в Валенсийской — еще и в 4 книги. Ни одно фуэро предшествующего периода не было столь объемным. Именно издание фуэро Куэнки открыло эпоху «пространных фуэро» (по существу, местных кодексов) в истории права Кастилии и Леона, которые пришли на смену «кратким фуэро» (т. е. локальным хартиям) рубежа Раннего и Высокого Средневековья.

В разных вариантах фуэро Куэнки получили десятки поселений Кастилии, Леона, Арагона и некоторых других областей. При этом одним из них (Аро, Консуэгра, Алькасар) текст был пожалован в латинской версии, а другим (Иснатораф, Базса, Бехар, Пласенсия, Сепульведа, Аларкон, Алькарас, Алькасар, Сорита-де-лос-Канес, Вильяэскуса-де-Аро, Теруэль, Альбаррасин и др.) — в старокастильской. Еще больше поселений, фуэро которых испытали более или менее осязаемое влияние фуэро Куэнки; к их числу следует отнести Мадрид, Гвадалахару, Самору, Корию, Молину, Альфамбру и др. В чисто техническом смысле акт пожалования мог иметь следствием почти дословное копирование текста фуэро Куэнки (латинского или старокастильского), который менял лишь название (например, фуэро Иснаторафа). Но гораздо чаще этот текст в большей или меньшей степени пополнялся местными нормами, доля которых порой могла быть весьма значительной. В любом случае, начиная с XIII в., трудно найти местное фуэро в Кастилии и Леоне, которое не испытало бы влияния этого почти всеобщего эталона феодального права.

2.3.3. Церковь и власть в Кастилии и Леоне к середине XIII в.

В этом всеобщем нагромождении учреждений и нормы Церковь казалась островком организованности, стабильности и порядка, и, в немалой степени, так оно и было на самом деле. После того, как в начале XII в. церковь Кастилии и Леона окончательно отказалась от литургии и церковной организации римско-вестготского времени, она восприняла модель, усиленно насаждавшуюся Римом по инициативе папства, которое в тот период находилось на подъеме.

Кастильское и леонское духовенство отличалось от основной массы мирян не только своими специфическими обязанностями, но и более вы-

соким уровнем образования, позволявшим оказывать прямое и весьма значительное влияние на светское общество, а также ключевыми принципами организации, которая носила не клановый, а корпоративный характер. Как и духовенство других земель папской *Res Publica Christiana*,¹ в Кастилии и Леоне оно подразделялось на секулярное и регулярное. К первому относились духовные лица, служащие в миру — примас Испаний (глава церковной организации полуострова; по должности, эта честь принадлежала архиепископу Толедо), архиепископы (главы церковных провинций или архиепископств), епископы, архидьяконы, архипресвитеры, архиепископские и епископские викарии, приходское духовенство (пресвитеры, диаконы, чтецы) — как штатное (бенефициарии), получавшее фиксированные отчисления от церковных платежей (*десятин, первиннок* и др.), так и внештатное, жившее за счет пожертвований паствы и платы за требы.

Регулярное духовенство составляли духовные лица — клирики и монахи, — жившие общинами по нормам особых уставов (лат. *regula*). Собственно монашескими орденами (члены которых не имели права совершать церковные таинства и самостоятельно вести церковную службу) являлись бенедиктинцы и цистерцианцы. Черты статусов монахов и клириков (священников) совмещали в своем положении регулярные каноники-августинцы, а также премонстранты. Наконец, не монахами, а регулярными клириками в собственном смысле слова являлись представители нищенствующих орденов — доминиканцы, францисканцы и др.; в отличие от своих братьев, они не бежали от мира, а активно внедрялись в него, создавая многочисленные благочестивые сообщества мирян и вовлекая их в более высокие по уровню формы христианской духовности.

Несмотря на устоявшийся благодаря протестантской историографии образ католического священника эпохи Высокого Средневековья как не желающего каяться грешника, обжоры, прелюбодея, драчуна и сребролюбца, общепризнанные стандарты поведения западного духовенства того времени определяли совсем другие образцы, в числе которых — святой Франциск, целующий прокаженных, или его ученица святая Клара, моющая ноги своим сестрам-монахиням. Разумеется, лишь единицы были способны приблизиться к ним своим подвигом; но, за небольшим исключением, подавляющее большинство духовных лиц пыталось подражать именно им, а не закоренелым грешникам из числа своих братьев (пусть и в меру своих скромных сил).

Этот факт крайне важен, поскольку объясняет колоссальное влияние на мир Церкви, заставлявшей даже короля уважать ее и считаться с ее интересами. Однако свою роль играла и продуманная система церковной ор-

¹ «Христианского государства» (лат.); это понятие в Риме использовалось при обосновании факта первенства папской власти над властью любых светских государей.

ганизации. По мере того, как границы христианского мира продвигались все дальше на юг полуострова, одна за другой возникали все новые епархии — архиепископства и епископства, причем их центрами (за небольшим исключением) становились те города, в которых соответствующие кафедры находились и в вестготское время.

В первой половине XIII в. этот процесс значительно ускорился. В короткий срок на вновь завоеванных территориях возникли епископства Сильвеш (в области Альгарве, отошедшей к Португалии, но длительное время оспаривавшейся Кастилией) (1255 г.), Бадахос (1255 г.), Кордова (1236 г.), Баэса (1228 г.) (в 1248 г. епископская кафедра из нее была перенесена в Хаэн), Медина-Сидония (1261 г.) (откуда в 1267 г. кафедра была перемещена в Кадис), Севилья (1248 г.), Картахена (1250 г.), Валенсия (1238 г.) и Майорка (1238 г.). Тем не менее, древняя «митрополия» Мерида так и не была восстановлена в прежних границах: ее роль перешла к Сантьяго-де-Компостела, превратившемуся во второй по значению после Рима центр паломничества на латинском Западе. Особенностью Компостельской церковной провинции стала очевидная «чересполосица» ее владений: с одной стороны, она включила епископства, расположенные в центральной и южной Португалии, тогда как прилегающие к Сантьяго-де-Компостела области Галисии были подчинены Браге. С другой стороны, кастильская Калаорра оказалась в границах Тарраконской, а затем (с 1318 г.) — Сарагосской провинции.

Помимо нее, к середине XIII в. сложились следующие церковные провинции (во главе с архиепископами):

- Толедская (центр — Толедо), включавшая епископства Сеговии, Сигуэнсы, Осмы, Паленсии, Куэнки и Альбаррасина (пров. Сегобре). После «великой Реконкисты» к их числу добавились Хаэн и Кордова.
- Браккарская (или Галисийская) (центр — Брага (Португалия)): епископства Асторги, Луго, Туя, Мондоньедо, Оренсе, Порту, Коимбры и Визеу. После «великой Реконкисты» юрисдикции Браги какое-то время подчинялся Бадахос.
- Лузитанская (центр — Мерида, впоследствии — Лиссабон): епископства Саморы, Саламанки, Авилы, Кории, Сьюдад-Родриго, Пласенсии, Бадахоса, Ламегу, Иданди, Эворы и Лиссабона (Мерида).
- Севильская (центр — Севилья): Кадис и Сильвеш (последний позднее был передан в состав вновь созданной Лиссабонской провинции).

Епископства являлись основным элементом всей системы церковной администрации на местах; поэтому о них следует сказать особо. Центром епископства становился город, история которого, как правило, восходила к римско-вестготской эпохе. Первым и главным лицом в епархии являлся ее епископ. Его резиденция располагалась в епископском «дворце», организованном по принципам, аналогичным «дворцам» светских сеньоров. Прелат нес личную ответственность за все происходящее на подведомственной ему территории и не имел права проживать вне ее и даже выез-

жать за ее пределы без особой необходимости (на последнее требовалось особое разрешение архиепископа, примаса, короля или даже самого папы). Епископ обладал духовной властью как над духовенством, так и над мирянами своего диоцеза. Его административная власть формально распространялась только на клириков, однако на деле (с учетом сеньориальных привилегий) нередко самым непосредственным образом касалась и части монашества, а также светских лиц. На него возлагалась обязанность общего надзора за церковными имуществами, причем даже епископ не обладал правом их отчуждения: это разрешалось лишь в исключительных случаях и только с согласия соборного капитула.

Помимо особых литургических обязанностей, связанных с кормлением паствы и осуществляемых непосредственно в кафедральном соборе, епископ был обязан ежегодно объезжать территорию диоцеза, совершая пасторские визитации. В период пребывания вне епархиального центра, епископ имел право требовать постоя, пищи и фуража для себя и сопровождавших его людей (нередко именовавшихся «епископским дворцом», по аналогии с аналогичным институтом светских сеньорий). В каноническом законодательстве такое право получило наименование «права прокуратуры» (лат. *ius procurationis*, каст. *derecho de procuración*). Конкретные формы его реализации подлежали фиксации в особых договорах между епископом, с одной стороны, и приходскими клириками либо аббатами подчиненных епископу монастырей — с другой. Соответствующие соглашения ограничивали круг оснований для совершения визитаций, а также число лиц, сопровождавших прелата и максимальные нормы положенного им рациона. Еще одной привилегией епископа было исключительное право созывать синоды в своем диоцезе. В свою очередь, он был обязан участвовать в провинциальных и национальных, а также (с особой санкцией) — во вселенских соборах.

В случае нарушений соответствующих норм епископ был подсуден лишь вышестоящим прелатам (архиепископу, примасу и папе), а также (в делах светского характера) — королю. Общие принципы его избрания были приведены в соответствие с нормами, закрепившимися в Западной Церкви (правда, с учетом некоторых местных особенностей). Неукоснительным было правило выдвижения в число кандидатов лишь духовных лиц (каноников, реже — монашествующих, прежде всего — аббатов), имевших незапятнанную репутацию, не являвшихся отлученными от Церкви или находящимися под судом или следствием. Соответствующие кандидатуры могли вноситься только королем, папой или же самими избирателями-канониками.

Основным местом епископского служения был кафедральный собор. Под влиянием Клуни, грандиозная главная базилика которого, возведенная на рубеже X—XI вв., стала образцом романского стиля, соборы северной и, частично, центральной Испании изначально были возведены именно в этой традиции. В центральных и южных районах полуострова, где

местом епископских резиденций стали средние (Толедо, Сарагоса и др.) или крупные города (Севилья, Кордова, Хаэн и др.) роль соборного здания изначально выполняли переосвященные мечети мусульманского времени. Однако во второй трети XIII в. в христианской Испании наступило «время соборов» (Ж. Дюби) — массового возведения строений в новом, готическом, стиле, образцом которого стали соборы Франции.

Неотъемлемым элементом готического собора (помимо знаменитых арок и контрфорсов) стал обширный внутренний двор (клаустр), закрытый для посторонних, в который выходили внутренние жилые и служебные помещения. Клаустр являлся резиденцией соборного капитула — группы особых клириков (т.н. «каноников»; от лат. *canon* — «норма», «устав»), которые были призваны не только сослужить епископу в торжественной литургии, но оказывать ему помощь в управлении диоцезом, самостоятельно проводить менее значимые церковные церемонии. Кроме того, важнейшей обязанностью капитулов являлось избрание епископов.

Каждый «штатный» каноник (как рядовой, так и принадлежащий к верхушке капитула) наделялся особым держанием — пребендой, доходы с которой шли на его содержание и обеспечивали выполнение им соответствующих обязанностей. В повседневной жизни каноники подчинялись главе капитула — декану. Состав сообщества не был четко фиксирован, однако, как правило, включал регента хора, эконома, ведавшего соборным имуществом, ризничего (сакристия), обязанностью которого был надзор за церковным облачением, утварью, реликвиями и др. сакральными предметами, хранившимися как в главном здании собора, так и в специальной кладовой (ризнице), архидьякона (дьякон, сослужащий непосредственно епископу) и учителя (магистра) соборной школы, в которой учились как будущие клирики, так и (в меньшей степени) те, кто не планировал избрать для себя церковную карьеру, но нуждался в образовании (долгое время, до появления университетов соборные школы являлись едва ли не единственным типом учебных заведений в городе). Именно капитул объединял наиболее образованных людей епархии.

В церковно-административном плане диоцез подразделялся на городские и сельские церковные приходы, центрами которых являлись приходские церкви, объединявшиеся в более крупные церковно-административные единицы — архидьяконаты (во главе с архидьяконами) и подчиненные им архипресвитерии (во главе с архипресвитерами); главы таких округов назначались лично епископами из числа соборных архидьяконов и архипресвитеров. Помимо архидьяконатов и архипресвитерии, в границах диоцезов существовали также викариаты — территориальные единицы, находившиеся под непосредственным управлением епископа, осуществлявшимся через епископского викария.

2.3.4. Система местного управления

Относительная стройность церковной организации лишь в ограниченной степени компенсировала рыхлость светских властных структур, весьма разнородных по характеру и юрисдикции.

Наиболее стабильным элементом системы организации власти на местах была возникшая в период Реконквисты и связанной с ней колонизации территориальная община — консехо (лат. *concilium*, каст. *concejo*). Центром консехо являлся город, именовавшийся *çibdat*, если он являлся центром епархии, или *uilla* (во всех остальных случаях). Все эти отличавшиеся друг от друга по населению, площади, степени экономического развития и размеру подчиненной городу пригородной территории (*término*, *alfoz*) поселения объединял лишь факт наличия в них собственной системы укреплений, включавшей внешние городские стены, валы и рвы, а также городской замок (или алькасар) (*castillo*, *alcázar*), составлявший внутренний рубеж обороны. Город подразделялся на районы (*barrios*), расположенные *infra* и *extra muros*, т. е. в пределах или за пределами городских стен; в последнем случае для обозначения пригородных поселений использовалось понятие *arraual*. Определяющим элементом городской топографии, помимо внешних и внутренних укреплений, являлись также церкви, вокруг которых складывались городские кварталы — *collaçiones*, одновременно являвшиеся и церковными приходами. Как уже говорилось выше, неотъемлемой частью городской топографии являлись также особые кварталы этноконфессиональных меньшинств — иудейский (*iudería*) и / или мавританский (*morería*), окруженные внешними стенами, ворота которых обязательно выводились вовне городской территории.

Традиционно (Л. Г. де Вальдеавельяно и др.) принято выделять три типа городов Кастилии и Леона применительно к особенностям их топографии, архитектуре, численности и структуре населения и др. параметрам:

- Города севера полуострова, тесно интегрированные в систему экономических и культурных связей с запыренейскими странами (особенно — Провансом и Францией), на развитие которых оказала особое влияние их близость к «дороге Сантьяго» — Бургос, Саагун, Леон, Сантьяго и др. Для этих городов характерен высокий уровень экономического (торгового и ремесленного), а также культурного развития; одна из их особенностей — постоянное присутствие «франков», выходцев из запыренейской Европы.
- Города центральной части королевства, расположенные южнее р. Дуэро, в средневековой Эстремадуре (в период Высокого Средневековья это название распространялось не только на территорию современной испанской провинции Эстремадура у границы с Португалией); в силу своего стратегического положения эти города формировались как города-крепости, а основу их экономики составляло отгонное овцеводство.

- Крупные города юга с большими пригородными территориями, завоеванные в ходе «великой (быстрой) Реконкисты» (Хаэн, Баэса, Кордова, Севилья, Мурсия и др.), густо населенные и, в значительной мере, сохранившие архитектуру и топографию мусульманского времени.

Эта типология не более условна, чем все остальные типологии, и приведена здесь для того, чтобы подчеркнуть крайнее многообразие городских поселений Кастилии и Леона. Общим же была высокая степень заинтересованности в них королевской власти, для которой города являлись источником фискальных доходов и ключевым элементом военной организации. В качестве такого город (вместе с прилегающей к нему округой) конституировался в качестве самостоятельной территориальной единицы — консехо, наделенной особыми знаками власти — знаменем городского ополчения, печатью, сундуком для хранения архива, рукописью местного фуэро и др. Община играла значительную роль как инструмент, гарантировавший востребование как прямой военной службы, так и заменявших (или дополнявших) ее военных и иных платежей.

Главным институтом власти в рамках консехо являлся сход (также именовавшийся *conçeio*), объединявший всех постоянных свободных жителей города и деревень — так называемых «соседей» (*весино*). Сходы собирались по звуку колокола одной из городских церквей и с течением времени проводились все более регулярно, главным образом — по воскресеньям, после окончания церковной службы. В обязательном порядке на сходе присутствовали представители местной власти — судьи (главы городского управления, одновременно командиры местной милиции), алькальды (члены судебной коллегии), сайоны (судебные исполнители), альгуасилы (ведавшие городской тюрьмой и исполнявшие полицейские функции), присяжные, городские писцы-нотарии, альмотасены (смотрители мер и весов) и др. Все эти должностные лица до середины XIV в. являлись министриалами (т. е. представляли власть сеньора или самого короля), но их назначение неизменно осуществлялось с участием консехо и, как правило, лишь из числа рыцарей, местных жителей. Помимо них, консехо могло избирать из своей среды и своих прямых представителей — так называемых *добрых людей*, *персонеро*, *прокурадов* и др., назначавшихся для выполнения конкретных поручений и с самыми разными полномочиями, включая сбор определенных платежей и урегулирование поземельных и иных конфликтов.

Применительно к королю или сеньору консехо неизменно выступало как коллективный вассал, от лица которого специально назначенные представители на сходе общины приносили оммаж сеньору (или королю, если он выступал в качестве такового) или его людям. В этой своей роли консехо играло огромную роль в системе местной власти; однако разнородность местных обычаев, правовых норм (фуэро и привилегий), а вследствие этого — и местных институтов власти существенно тормозили действие властных механизмов на местах.

Консехо могли подчиняться королям непосредственно; однако, чаще в качестве опосредующего звена выступали светские и церковные сеньории, весьма аморфные по внутренней структуре образования, объединенные лишь принадлежностью конкретному субъекту системы феодальной власти — королю, магнату, епархии, монастырю или духовно-рыцарскому ордену.¹ В большинстве случаев границы этих образований не были стабильными: как правило, более или менее четким было лишь небольшое территориальное ядро, из поколения в поколение находившееся в руках одного и того же феодального клана или иного субъекта власти.

В наибольшей степени эти особенности были характерны для светских сеньорий; тем не менее, они фиксируются и в случае церковных владений. В качестве примера можно привести епархиальную сеньорию, каковой являлась сеньория епископов (с начала XII в. — архиепископов) Сантьяго-де-Компостела. Компостельская епархия возникла в период Раннего Средневековья (по легенде — в IX в.) и вступила в период подъема начиная с XI в., когда ей покровительствовали короли Санчо Великий, Фернандо I, Альфонсо VI и Альфонсо VII. Ее наивысший расцвет связан с именем епископа Диего Хельмиреса (1100—1140), при котором культ св. Иакова Компостельского окончательно обрел общеевропейский характер. Значительную роль в этом сыграло и прямое покровительство папы Каликста II (1119—1124), активного адепта этого культа. В 1120 г. епископство было преобразовано в архиепископство, унаследовав статус митрополии от древней Мериды, тогда еще находившейся под властью мусульман.

Статус общезападного центра паломничества, выше которого стоял лишь Рим, способствовал быстрому обогащению епархии. Наряду с доходами от обслуживания паломников, она получала в дар обширные владения. Власть над городом Сантьяго-де-Компостела и его областью прелаты делили с королями, светскими сеньорами и орденом Сантьяго, но в их ряду епископы (затем — архиепископы) занимали ведущее место. Проявлением их сеньориальной власти стало, в частности, санкционирование уже упоминавшимся Диего Хельмиресом первого фуэро области Сантьяго (1113 г.), ставшее лишь началом процесса развития местного права региона в результате пожалования местных фуэро (1254 г. — фуэро Понтеведра и др.).

Центр сеньории — Сантьяго — вырос на месте небольшого римского поселения Ирия-Флавия. Городское население быстро прирастало за счет поселенцев не только из Галисии, но и из других районов полуострова, а также из-за Пиренеев (т.н. «франки»). Пестрота этнического и социального состава населения города обусловила острые конфликты между го-

¹ В данном случае ограниченные рамки работы не позволяют специально рассмотреть такой специфический тип сеньорий, как бегетрии; ограничусь лишь замечанием о том, что им также были свойственны особенности, выделенные здесь в качестве наиболее значимых.

рожданами. Другими причинами волнений являлись авторитарная власть сеньора-прелата и события, связанные с противостоянием королевы Урраки и ее мужа, арагонского короля Альфонсо I Воителя. В 1116 г. в городе вспыхнуло восстание. Показательно, что, среди прочего, восставшие требовали передачи горожанам права назначения главы городского управления — виллика, назначавшегося архиепископом, однако добиться этого им не удалось. Тем не менее, при вмешательстве короля в 1130 г. архиепископ утратил право назначения городских судей. Острота ситуации не была исчерпана, и в 1136 г. поднялось новое восстание, и на этот раз восставшие добились права утверждать постановления виллика собранием именитых горожан («*communi consilio*»). Но конфликты между горожанами и их сеньорами-архиепископами продолжались и далее, вплоть до середины XIV в.

Общие правовые основы сеньориальной власти прелатов мало отличались от статуса сеньоров иных категорий. Зависимые люди (вассалы) епархии должны были приносить оммаж каждому новому прелату после его рукоположения в сан. Некоторые из этих контрактов сохранились. Так, например, в 1202 г. консехо города Луго (Галисия) принесло оммаж своему епископу, признавая, среди прочего, его право назначать городских алькальдов. Однако, при всей множественности общих и сходных черт между епископскими сеньориями и сеньориями других субъектов феодальной власти, существовали и существенные различия. Первым из них была относительно частая смена сеньоров, обусловленная смертью или перемещением епископов на другую кафедру. На период, предшествующий избранию и рукоположению нового прелата, право на «опеку» епископских владений автоматически переходило к королям, активно использовавшим его как для укрепления своих позиций в епархии, так и для извлечения максимально возможного объема доходов. Соответственно, время пребывания кафедры в вакантном состоянии затягивалось. Вторая особенность касалась степени дисперсности епископских владений: как правило (хотя и не всегда), они все же концентрировались в пределах соответствующих епархий.

Следует обратить внимание и на тот факт, что сеньориальная власть епископов и архиепископов никогда не распространялась на всю территорию их епархий (и даже на большую ее часть). Применительно к церковной провинции или диоцезу в целом прелаты выступали не в качестве сеньоров, а как представители публичной власти. Именно этот факт и определял место епархий в территориальной организации королевства. Их границы, а также пределы составлявших их церковных округов не менялись столь быстро, как границы сеньорий. Именно поэтому механизм функционирования целого ряда институтов территориального управления (прежде всего — фискальных) был в значительной мере ориентирован именно на церковно-административное, а не на светское территориально-административное деление. В итоге, епископства превратились в основ-

ные административные единицы, заменив в этом качестве графства раннего Средневековья. Более того, с течением времени они стали главным образом для формирования новой системы территориального управления.

Что касается другой категории церковных сеньорий, а именно — сеньорий монастырских, то их характерной чертой являлся почти непрерывный территориальный рост за счет дарений королей и знати. При этом на них полностью распространялся принцип неотчуждаемости церковных земель, зафиксированный еще в начале VI в. канонами Агдского собора. Наделение монастырских владений иммунитетными привилегиями способствовало их превращению в самостоятельные территориально-административные единицы, поскольку они целиком (или в значительной мере) выводились из сферы юрисдикции светских властей.

Классическим примером такого рода являются владения Саагунского монастыря. Они включали не только обширные территории, перешедшие под власть обители свв. Факундо и Примитиво, начиная со времени ее основания (рубеж IX—X вв.), но и город Саагун, возникший у монастыря в благоприятных условиях близости к «дороге Сантьяго». Основная власть в городе долгое время принадлежала аббатам. Неслучайно в 1110 г. именно настоятель Диего единолично пожаловал городу его второе, более льготное, фуэро. В разное время аббаты жаловали собственные фуэро (как правило, в основном повторявшие текст фуэро Саагуна) местечкам, расположенным во владениях монастыря — Вильявисенсио (1091 г.), Гальегильос и Талавере (1127 г.), Ребольере (1157 г.), Ломас (1166) и некоторым другим.

Впрочем, несмотря на значительность имевшегося у них круга властных прерогатив, аббаты вовсе не являлись абсолютными хозяевами как города, так и других монастырских владений. В конечном итоге, их юрисдикция носила смешанный характер, в полной мере соответствующий принципам феодальной раздробленности. Неслучайно в целом ряде случаев аббаты жаловали фуэро не самостоятельно, а совместно с королем. В ряде случаев они были вынуждены делить свою власть над отдельными местечками со светскими сеньорами. Так, свое первое фуэро (1085 г.) Саагун получил от Альфонсо VI, хотя инициатором пожалования был аббат Бернар. После восстания горожан, происшедшего около 1115 г., власть монастыря над городом несколько сократилась, но и новое фуэро 1152 г. было издано при участии аббата (Доминго), хотя главную роль в достижении компромисса сыграло вмешательство короля Фернандо II. Наконец, в 1254 г., после нового восстания, изменения в местное право были внесены Альфонсо X, но также при участии аббата (Николаса).

Кроме того, в ряде случаев аббаты были вынуждены делить юрисдикцию и со светскими сеньорами: так, в грамоте 1156 г. аббат Доминго был вынужден признать (при участии Альфонсо VII в качестве арбитра) права на Вильявисенсио неких «сыновей Педро Мартинеса и Марии Гомес». В 1221 г. другой аббат, Мигель, пожаловал тому же местечку новое фуэро

не единолично, но наряду с группой других сеньоров — как духовных (аббатиса донья Мария Гарсия), так и светских. Судя по этому документу, на момент издания акта различными правами в небольшом поселении обладало не менее 13 феодалов.

Еще в большей мере раздробленность власти и дисперсный характер территории выражен применительно к другой категории церковных сеньорий — сеньориям духовно-рыцарских орденов. Их «ядром» являлись укрепленные города, имевшие стратегическое значение, а также замки и крепости, изначально пожалованные орденам в момент их основания — Калатрава (Орден Калатрава), Уклэс (Орден Сантьяго), Санта-Мария-де-Монтеагудо и Трухильо (Орден Монсфрагуэ) и др. В дальнейшем владения прирастали как счет завоеваний, осуществленных самими орденами, так и за счет щедрых пожалований королей и знати. Кроме того, ордена занимались активным освоением и заселением пустующих земель, привлекая на них поселенцев путем предоставления им фискальных льгот, закрепленных в местных фуэро. В результате структура орденских владений приобретала все более дисперсный характер. Так, изначально основная часть сеньории Ордена Сантьяго располагалась в районах Сьюдад-Реаль, Куэнки и Толедо, но в дальнейшем его деятельность была распространена на всю территорию полуострова, включая Португалию, что самым непосредственным образом отразилось и на сфере его юрисдикции.

Тесная связь духовно-рыцарских орденов с королевской властью (прежде всего это касается орденов пиренейского происхождения — Сантьяго, Калатрава и Алькантара) предопределила роль их владений как важного резерва королевской власти, одного из средств ее укрепления. Именно поэтому орденам был гарантирован «режим наибольшего благоприятствования», а их владения (а вместе с ним — и политическое влияние) постоянно прирастали.

2.3.5. Система центрального управления

Весь описанный выше разнородный конгломерат местных институтов феодальной власти, связанный лишь тонкими нитями вассальных контрактов, положения которых, к тому же, нередко нарушались, несмотря на всю изощренность процедур их фиксации, в конечном итоге замыкался на короле — правителе «Божьей милостью», верховном военачальнике, *сеньоре по рождению* и признанном символе государственного единства. Однако имевшиеся у него возможности для реального контроля подчиненных ему людей и территорий были весьма ограничены.

Единственным постоянно действующим учреждением, находившимся в его распоряжении, была королевская канцелярия — место, где осуществлялось официальное делопроизводство короны. Она существовала при королевском дворе всегда; учреждение специальной должности коро-

левского канцлера относится лишь ко временам Альфонсо VII, последовавшего примеру курии французских королей. Первым ее занял епископ компостельский Диего Хельмирес, и в дальнейшем она также замещалась высшими церковными иерархами. Но, в отличие от французского аналога, эта должность изначально носила скорее представительский, чем реальный характер. На деле руководящая роль в королевской канцелярии принадлежала старшему нотарию, как правило — лицу духовного звания (архидьякону или архипресвитеру), которому, в свою очередь, подчинялись рядовые писцы-нотарии (изначально — также ученые клирики). Помимо прямых обязанностей в канцелярии, старшие нотариусы обладали определенной судебной и административной юрисдикцией. Но главной функцией все равно оставался контроль за делопроизводством короны.

Старший нотариус разрабатывал формуляры документов, составлял их тексты, контролировал процесс их оформления, внесения в регистры и лично прикладывал королевскую печать, которая стала использоваться со времен Альфонсо VI. Он же являлся и хранителем этой печати, которая представляла собой две бронзовые матрицы с рельефными изображениями. При использовании они с обеих сторон накладывались на кусок расплавленного свинца или воска с вложенным в него концом шерстяной или льняной нити определенного цвета, так, чтобы с обеих сторон получился оттиск изображения. Другой конец нити прикреплялся к пергаменту с текстом документа (т.н. «вислые печати»). С момента своего появления именно печать являлась главным знаком, подтверждавшим подлинность документа в целом. Его публичное оглашение начиналось с оповещения о внешнем виде прикрепленной к нему печати.

Текст, написанный писцом под диктовку старшего нотариуса, передавался затем для подтверждения светским и духовным магнатам. Лишь затем оформление вступало в завершающую стадию. Вышедшая из канцелярии грамота в особо торжественных случаях содержала личный круглый знак (роду) короля и / или его подпись или монограмму, а также подписи или, по меньшей мере, указания на подтверждение актов магнатами и важнейшими должностными лицами (королевским знаменосцем, майордомом и др.) (в случае их личного присутствия при совершении акта вместо слова «подтверждает» («conf[irma]t») ставилось «свидетельствует» («test[at]»)). Соответствующие клаузулы, следовавшие за указанием имен и статуса, располагались в две колонки под подписью короля (а нередко — и королевсы, инфантов и королевского знаменосца). При этом слева стояли имена епископов, а справа — мирян. В конце документа ставились имя или монограмма старшего нотариуса, его личный знак, а также имя писца, написавшего чистовой текст. Приложение печати завершало оформление грамоты.

Очевидно, однако, что никакой прямой властью королевская канцелярия не обладала. Такая власть была сосредоточена в других учреждениях — «дворце» и курии.

Ее зачатками становились учреждения, постепенно оформлявшиеся в среде непосредственного королевского окружения, для обозначения которого чаще всего использовался термин *дворец* (лат. «palatium», каст. «palacio»), унаследованный от вестготской эпохи. Под ним подразумевалась не только собственно королевская резиденция, но и круг лиц, входивших в окружение монарха, т. е. королевский двор. Дворец эпохи Высокого Средневековья отличала мобильность: несмотря на наличие номинальных центров королевства (или королевств, в период разделения Кастилии и Леона) — Леона, Бургоса, а затем — Толедо, — на самом деле монархи проживали в них не более, чем во многих других больших и малых поселениях, и королевский двор пребывал в постоянных переездах с места на место (в этом смысле к Кастильско-Леонской монархии полностью применимы слова М. Блока, сказанные применительно к современной ей Франции: и здесь, и там короли «буквально не вылезали из седла»).

Отсутствие сколь-нибудь развитой системы центрального управления и, тем более, бюрократического аппарата, заставляло монархов Высокого Средневековья лично присутствовать при решении широкого круга важных вопросов административного, военного, законодательного и судебного характера, обеспечивая, тем самым, «обратную связь» между центром и областями королевства. По пути короли лично инспектировали состояние укреплений и степень боеготовности местных ополчений, разбирали наиболее важные судебные дела и другие конфликты (включая пограничные споры между консехо), принимали прошения (нередко королевские распоряжения или привилегии издавались по прямым просьбам с мест), издавали публично-правовые акты (привилегии, подтверждения фуэро и местных обычаев и т. п.).

В пути, помимо вооруженной свиты (конной и пешей, в том числе — королевских арбалетчиков, выделявшихся особо), возглавлявшейся особым должностным лицом — рыцарем меснады (каст. «cavallero de la mesnada»), короля сопровождали члены его курии, а также их оруженосцы, должностные лица более низкого статуса и слуги. К числу первых относились нотариусы, а также королевский капеллан и королевский исповедник (*limosnero mayor, confesor del rey*), клирики, составлявшие их свиту, а также судебные чины (прежде всего — королевские сайоны) и др. Среди слуг следует выделить глав дворцовых ведомств, отвечавших за обеспечение, питание, размещение двора, — главного майордома, главного камергера, главного казначея, ведавшего личной казной и сокровищницей короля, главного дворецкого или кравчего, эконома, главного квартирьера, главного конюшего (коннетабля), главного «привратника» — портера, которому подчинялись герольды, обычные портеры, гонцы и др.

В совокупности все эти лица именовались «людьми дворца». Кроме того, нередко вместе с монархом следовало несколько магнатов, прежде

всего — держателей земель, по которым передвигался король. Вся эта масса людей пользовалась правом на постой, продовольствие и фураж — *янтаром*.

В определенной мере синонимом понятия «дворец» являлся термин «курия» (лат. *curia regis*, каст. *corte del rey*), также обозначавший круг лиц, находившихся при персоне монарха. Однако значение этого последнего понятия было все же более широким, т. к. включало не только наиболее стабильную часть королевского окружения (собственно *дворец*), но и феодалных магнатов, присутствовавших лишь при обсуждении и принятии важнейших решений. Курия выполняла роль королевского совета и рассматривала все дела, относящиеся к компетенции короны. Ее состав никогда не был четко определенным, но, как правило, включал королевского майордома (ведавшего королевскими имуществами, казной и фискальными вопросами), королевского канцлера (с момента появления этой должности), главнокомандующего королевским войском (*alferez del rey*), отвечавшего за королевское знамя.

Кроме того, как и в период Раннего Средневековья, курия выполняла функции верховного королевского суда. Главным судьей в нем выступал сам король, а также действовавшие от его имени *судьи дворца*, появившиеся в XI в. и изначально назначавшиеся главным образом из числа духовных лиц. Они рассматривали дела, относившиеся к компетенции монарха; остальные категории дел входили в сферу ведения местных судов.

Напряженная внешняя и военная политика *Мудрого Короля* требовала много более эффективных институтов власти, как в центре, так и на местах. Требовались не отдельные коррективы, а принципиально новое представление о характере и функциях власти как таковой. Именно поэтому, продолжая дело своего отца, Альфонсо X начал с реформы права.

2.4. Реформы Альфонсо X: планы, ход, последствия

2.4.1. Право как главный инструмент реформ

В античности и в Средние века право во всем многообразии его функций занимало в общественном сознании гораздо более значительное место, чем ныне. И римские юристы, и их средневековые коллеги понимали роль права в соответствии со словами знаменитого римского юрисконсульта Цельса: «Право — это наука о добром и справедливом». Способное не только регулировать, но и совершенствовать общество и власть, именно право должно было изменить мир.

Именно поэтому непосредственное окружение *Мудрого Короля* составили ученые-юристы (легисты) — как кастильцы, так и иностранцы по происхождению, прямо или (по меньшей мере) косвенно связанные с бо-

лонской *alma mater studiorum*¹ и традицией *ius commune*, ученого права, теоретическую основу которого составили вновь открытый «Свод гражданского права», составленный в правление восточноримского императора Юстиниана I (527—565), а также реформированный в XII в. на основе действовавшего в Церкви канонического права.

В числе легистов из окружения Альфонсо X выделялись уже упоминавшийся Хакобо-де-лас-Лейес, а также Гонсало из Толедо, Фернандо Мартинес из Саморы, Хуан Альфонсо, магистр Рольдан (имена других нам неизвестны). Под их влиянием сложился политический идеал Альфонсо X. Его основу составили представления, почерпнутые из реформированного канонического права, воспринятого весьма своеобразно. Для *Мудрого Короля* не только папа, но и король в своем королевстве выступал викарием Бога на земле, головой *общего тела* королевства (*Partid.* II. 1. 5). Таким образом, средневековая теория «двух мечей» понималась в смысле относительной независимости светской власти от церковной. На этом основании королю атрибутировалась высшая судебная, законодательная и военная власть. При этом как юрисдикция, так и персона монарха объявлялись священными и неприкосновенными. Разумеется, все это не означало отсутствия ответственности королей перед обществом: им в обязанность вменялись забота о благе королевства и счастье его народа, честность и справедливость (прежде всего — в судебной деятельности), действия в соответствии с духом и принципами христианской веры и т. д. Однако, единственным судьей, облеченным правом карать монархов за нарушение этих обязанностей, в этой системе взглядов выступал Бог.

Особая роль в деятельности короля отводилась совершенствованию законодательства как инструмента достижения *общего блага* королевства. Это учение, достаточно утопичное применительно к реалиям XIII в., тем не менее, оказало огромное влияние на политическую практику Альфонсо X. Его законодательная деятельность была крайне активной именно потому, что он рассматривал ее как средство кардинальной перестройки всей системы политических и социальных отношений на принципах высшего блага. *Мудрый Король* последовательно двигался в направлении унификации законодательства, причем его правовая мысль намного обгоняла правовую практику.

В опоре на идеи болонских легистов были один за другим созданы «Королевское фуэро», «Зерцало» («*Espéculo*»), но, прежде всего, знаменитые «Семь Партид». Наиболее ранним из них стало «Королевское фуэро» (в некоторых рукописях именуемое также «Фуэро законов», «Фуэро книги», а также «Книга фуэро»). Первые редакции памятника возникли около 1249 г. (еще при Фернандо III), однако официально он был введен в действие в 1255 г. Структурно его текст включает пролог и четыре книги

¹ Так в Средние века неофициально именовали Болонский университет.

основной части, подразделенные на 72 главы («титула») и 552 статьи («закона»). В основных чертах эта система заимствована из сборника папских декреталий, собранных по указанию Григория IX юристом каталонского происхождения Рамоном (Раймундо) Пеньяфортским (1234 г.), и, наряду со знаменитым «Декретом Грациана», ставших основой «Корпуса канонического права».

Первая книга содержит нормы церковного и королевского права, а также нормы процессуального характера, в которых влияние римского права (формы судебного представительства) ощущается наиболее явно. Вторая также регулирует процессуальные нормы (сфера юрисдикций, доказательства, апелляции и др.). Третья книга включает нормы гражданского (семейного, наследственного и договорного) права; в ее содержании ощущается влияние соответствующих положений вестготского периода, а «юстинианово» римское право более всего отразилось в сфере регламентации договоров (контрактов). Четвертая книга посвящена уголовному праву, а также тем областям, которые не были затронуты в других книгах (супружеская неверность, содомия и т. п.). Альфонсо X рассматривал «Королевское фуэро» как важнейшее средство унификации местного феодального права, которое должно было постепенно заменить все местные фуэро. Первым оно было пожаловано местечку Агилар-дель-Кампо (1255 г.). Затем, между 1255—1272 гг., «Королевское фуэро» получили несколько десятков общин-консехо по всей территории королевства, от Старой Кастилии до Андалусии.

Следующим по времени издания кодексом стало «Зерцало» (или «Зерцало права»). Структурно его текст включает пролог и пять книг основной части (182 «титула» и 2500 законов), в числе которых первая книга посвящена определению закона и его роли в системе права, а также касается вопросов веры; вторая включает право короны, а третья — обязанности по отношению к ней (таким образом, содержание первых трех книг приблизительно соответствует содержанию Первой и Второй Партиды); четвертая и пятая регламентируют процессуальные нормы (т. е. соответствуют Третьей Партиде). Считается, что текст был создан в 1255 г. и, как это видно уже из описания структуры, стал важным подготовительным этапом к созданию знаменитых «Семи Партид». (В этом смысле по содержанию к нему примыкает «Семичастие» («Setenario») — собрание этических норм, ориентированных на наследника престола, созданное ок. 1250 г.). Использовалось ли «Зерцало» непосредственно в судебной практике, окончательно не ясно. Исследователи, положительно отвечающие на этот вопрос, датируют применение памятника 1255—1272 гг.

Но первое место в ряду Альфонсовых кодификаций несомненно принадлежит «Семи Партидам Мудрого короля дона Альфонсо» — выдающемуся памятнику не только кастильской, но и европейской правовой мысли в целом. Формально его составление (начало которому было положено не ранее 1256 г.) было тесно связано с имперскими претензиями кастильского монарха. Но, вместе с тем, «Партиды» стали и закономерным итогом

всей законодательной деятельности великого правителя. Семичастная структура памятника (каст. *partida* — «часть») следует, прежде всего, традиционному для средневековой юриспруденции семичастному подразделению «Дигест Юстиниана»; вместе с тем, ощущается и влияние сборника декреталий папы Григория IX, составленного в 1234 г. Рамоном Пеньяфортским.

Каждая из частей, следуя традиции позднеимператорских кодексов, подразделяется на «титулы» и «законы» (поскольку общее критическое издание памятника отсутствует, количество законов (а порой — и титулов) различается в разных редакциях; на данный момент известно 83 рукописи разного времени). Первая Партида, регламентирующая церковную жизнь, подразделяется на 24 (25) «титула». Во второй (31 «титул») рассматриваются вопросы, касающиеся статуса и прерогатив императорской и королевской власти, а также основных категорий должностных лиц короны (канцлер, советники, нотариусы, судьи и др.); здесь же содержатся нормы, регламентирующие обязанности короля по отношению к его «народу», а также отдельный титул, регламентирующий статус рыцарства, а также принципы деятельности университетов.

Третья Партида (32 «титула») включает процессуальные нормы, вплоть до формуляров основных типов документов. Четвертая Партида (27 «титулов») начинает раздел, касающийся гражданского права. Ее предметом является семейное право в широком смысле, включая воспитанников, вассалов, различные виды клиентских связей и т. п. Пятая Партида (15 «титулов»), продолжая гражданско-правовую часть, посвящается обязательственному и договорному, а также торговому праву (включая статус торговых корпораций). Шестая (19 «титулов») регламентирует вопросы наследственного права. Наконец, Седьмая Партида (33 (34) «титула») охватывает сферы уголовного и уголовно-процессуального права. Следует обратить особое внимание на два последних «титула» «Седьмой Партиды»: согласно римской традиции, в них содержались пояснение основных терминов и важнейшие теоретико-правовые принципы, облеченные в краткую и понятную форму.

Составленные под руководством легистов, кодексы Альфонсо X Мудрого провозглашают власть короля на земле подобием власти Бога на небе, а его двор — аналогом «небесного двора», состоящего из архангелов, ангелов и святых. «Королевское фуэро» констатировало: «Поскольку наш сеньор Иисус Христос есть король над королями, и короли правят данной от Него властью, и от Него же они получают само свое название, то Он пожелал и наказал охранять права королей» (FR. I. 5. 4). Потому, слово короля есть слово Божье, а его воля является высшим законом. Сам же он стоит выше всякого людского права.

Как земной «викарий Господа», он должен поддерживать справедливость и правосудие, защищать христианскую веру и права каждого из своих подданных (революционным по своему значению было уже само ве-

дение категории «подданства», априори предполагавшей равенство основных прав перед монархом, что в корне противоречило самому существованию феодального права), а также поддерживать мир и спокойствие во вверенном ему народе. Крайне значимым являлось также приравнивание власти «короля в королевстве» к статусу «императора в империи» (проявление важнейшего принципа легистов «*rex in suo regno imperator est*») (*Partid.* II. 1, II. 9. 6, II. 13. 15, 26; III. 7. 15). Он наделяется правом верховной сеньории (лишь королю надлежало обладать «сеньорией по рождению»), т. е. может передавать земли в держание тем, кому пожелает.

Но, вместе с тем, кодексы возлагают на короля и определенные обязанности. В соответствии с римско-правовыми представлениями о природе публичной власти, он должен выступать защитником высшего блага, ставя его по значению над своим собственным. Ему следует быть примером для своих подданных, а потому он не смеет предаваться излишествам, обязан хранить нравственность и быть добродетельным супругом. «Партиды» перечисляют семь главных королевских добродетелей, которые надлежит воспитывать у будущих монархов: надежду и милосердие (дабы снискать расположение Бога), а также благоразумие, здравомыслие, умеренность, силу и справедливость (чтобы обрести расположение людей) (*Partid.* II. 4. 6—8). Ему надлежит воздерживаться от гнева и скоропалительных решений, а также быть образованным. Он должен постоянно упражняться во владении оружием, как в военное, так и в мирное время.

Большое значение придавалось законодательным и судебным прерогативам королевской власти. Так, «Партиды» уподобляют короля фруктовому саду, народ — произрастающим в нем плодам, правовые нормы — насыпи, этот сад ограждающей, а справедливых судей — ограде, оберегающей его от посягательств (*Partid.* II. 10. 1—2). Приговор, вынесенный королем, имеет силу окончательного и не подлежит обжалованию (*Partid.* III. 23. 17). Факт, засвидетельствованный им одним, рассматривался как доказанный (т. е. его личность ставилась выше римской нормы «*testis unus testis nullus*»). Как глава военной организации, он должен любить и охранять свою страну, заботиться о строительстве укреплений и заселении пустующих территорий (*Partid.* II. 11. 1—3). Лишь король имеет право на пересмотр границ королевства и его раздел (*Partid.* III. 32. 20). Для нужд войны, признанной справедливой, он может требовать платежа даже с клира (пусть эта война и не является войной за веру — *Partid.* I. 22. 14).

В свою очередь, жители королевства также обязываются законодательством защищать своего короля, действовать во благо ему и оказывать ему помощь во всех его начинаниях. Даже высказывания негативного характера, направленные против правящего монарха и его властных прерогатив, надлежит карать конфискацией половины имущества и изгнанием из королевства, простолюдина же за это преступление следует лишать всего его имущества, а самого его — казнить. Такое же деяние, направленное

против покойного короля, наказывается штрафом в 100 мараведи или, при отсутствии у виновного такой суммы, решение его судьбы целиком передается на усмотрение действующего монарха (*Partid.* II. 13. 17). От посягательства охраняются даже изображения короля, надписи с его именем и королевский герб, выставленные в публичных местах (*Partid.* VII. 2. 1 и др.) (норма, явно заимствованная из римского права, поскольку в Риме скульптурные портреты императоров, помещавшиеся в судах и на городских форумах, приравнивались по статусу к статуям языческих богов). Покушение на жизнь и здоровье короля наказывается смертью и конфискацией всего имущества. Как тяжкое преступление квалифицируется и карается также недоносительство о планах совершения такого деяния, кем бы то ни совершалось (*Partid.* VII. 2. 1—2). Королевские дела надлежало рассматривать в судах в первую очередь.

Разумеется, эта концепция содержала значительную долю юридической утопии: у кастильско-леонских королей XIII в. еще не было инструментов, позволяющих в полной мере воплотить в жизнь ее положения. Да и современное им общество было явно не готово ее принять. В итоге, альфонсовы кодификации длительное время выполняли роль не столько сводов действующего законодательства, сколько сочинений преимущественно теоретико-правового характера. Однако уже в середине XIV в., при Альфонсо XI, в «Постановлениях Алькалы-де-Энарес» (1348 г.) они обрели статус реальных источников права, а в полной мере изложенные в них принципы стали действующими лишь в Раннее Новое время.

Таким образом, право, созданное под руководством *Мудрого Короля*, пусть и не сразу, но действительно перевернуло мир. Не вдаваясь далее в детали, выделим лишь несколько ключевых моментов, определивших дальнейшее развитие правовой и политической мысли:

- представление об абсолютной власти монарха как защитника общего блага;
- представление о публичном характере власти в противовес по преимуществу частноправовому началу, свойственному ей в феодальный период;
- отказ от феодальных принципов структурирования общества и власти и замена их принципами корпоративными, реально восторжествовавшими лишь в Раннее Новое время;
- представление о правовом равенстве, звучавшее откровением в феодальном мире.

2.4.2. Реформы системы власти

Достижения *Мудрого Короля* в области реформирования реальной системы власти были несколько менее впечатляющими; но и их следует признать заслуживающими внимания. Охарактеризуем лишь наиболее значимые из них.

В королевскую курию именно Альфонсо X ввел «адмирала моря» — обладателем вновь учрежденной должности стал магнат Руй Гонсалес де Мендоса. Это решение стало закономерным следствием другого — о строительстве нового военного флота, начатого в 1253 г. в преддверии планов *fecho de allende*. О масштабе планов *Мудрого Короля* в этом направлении может свидетельствовать содержание титула Второй Партиды (*Partid. II. 24*), специально посвященного регламентации военно-морской деятельности. В нем упоминается не только гребной (галерный), но и парусный флот, состоявший из кораблей разных типов (каррака, каравелла, нао и др.). Штатное расписание флота, помимо адмирала, включало командиров кораблей, штурманов, различные категории матросов и воинов абордажных команд.

Значимые изменения произошли в системе делопроизводства. Должности королевских канцлеров Кастилии и Леона по-прежнему не объединялись и сохраняли характер почетных рангов; в дополнение к ним Альфонсо X ввел три должности главных нотарииев — для Леона, Кастилии и Андалусии. Именно эти должностные лица и возглавляли королевскую канцелярию де-факто. Существенно выросли общие штаты канцелярии: в документах эпохи правления *Мудрого Короля* фигурируют 175 имен канцелярских служащих различного ранга, деятельность которых достигла высокой степени специализации по редактированию отдельных частей документов, ведению различных канцелярских регистров и т. п. (для сравнения: к концу правления Фернандо III весь штат королевской канцелярии не превышал 15 чиновников). Появилось большое количество новых типов документов: *привилегия с ротой (priuilegio rodado)*, *грамота об уведомлении, скрепленная свинцовой печатью (carta plomada notificativa)*, *грамота, скрепленная свинцовой печатью, о назначении на должность (carta plomanda intitulative)*, *открытое послание об уведомлении (carta abierta notificativa)*, *открытое послание о назначении на должность (carta abierta intitulative)*. Главной же инновацией стал окончательный перевод делопроизводства на кастильский язык: тем самым Альфонсо X окончательно узаконил тенденцию, проявившуюся еще в правление его отца.

Далее, именно в правление Альфонсо X произошел переход от спорадических созывов расширенной королевской курии, с участием не только более широкого круга светских и духовных магнатов, а также представителей отдельных городов, к полноценным кортесам, эффективному сословно-представительному учреждению. Считается, что первым созвал кортесы король Леона Альфонсо IX в июле 1188 г. Однако, при всем значении леонской курии 1188 г., заседавшей в клаустре церкви Св. Исидора в Леоне, она едва ли может быть признана «первым европейским парламентом»: в конце XII—начале XIII вв. это учреждение еще не мыслилось как постоянное и собиралось в экстраординарном порядке. Альфонсо X коренным образом изменил как состав представителей, так и функции учреждения. В его правление кортесы созывались неоднократно, при-

чем самые значимые решения были приняты на кортесах в Вальядолиде (1258 г.), Хересе-де-ла-Фронтера (1268 г.), Бургосе (1259 г.) и Саморе (1274 г.). Всякий раз созыв объяснялся непосредственными потребностями власти в дополнительных денежных дотациях, связанных с реализацией масштабных проектов *fecho del imperio* и *fecho de allende*. Однако именно с этого времени институт прижился окончательно и занял свое место в системе государственных учреждений.

В этот же период постепенно сложились и общие процедурные принципы деятельности кортесов. Они созывались королем путем рассылки соответствующих распоряжений светским и духовным магнатам, а также консехо. Грамоты содержали указания места и времени собраний, а также перечень основных вопросов, предлагавшихся для обсуждения. Как правило, кортесы заседали в клаустрах соборов или монастырей, расположенных в городской черте. Председательствовал в них лично король, по обеим сторонам от которого рассаживались представители светской и духовной знати, а далее — специальные представители («добрые люди») от общин-консехо. Постановления оформлялись, а затем — копировались и рассылались, королевскими писцами (в дальнейшем оформилась специальная канцелярия).

Короли созывали их по своему собственному усмотрению именно потому, что хорошо понимали: королевские законы, принятые в кортесах, являются наиболее авторитетными и сбалансированными по содержанию. А именно это и требовалось в сложные политические моменты. Не менее важным было и обязательное вручение королю перед началом заседаний индивидуальных и коллективных прошений и петиций, отражавших претензии населения и отдельных сословных групп, а также законодательные инициативы. Как правило, тексты постановлений начинались суммированным изложением положений, содержащихся в этих петициях. Таким образом, кортесы обеспечивали и обратную связь между королем и населением его «земли».

Прежде всего, в сферу законодательства кортесов вошли вопросы, связанные с раскладкой и взиманием платежей: именно они являлись наиболее острыми и потенциально конфликтными. Однако ими никогда не ограничивался круг обсуждаемых проблем. Так, кортесы в Вальядолиде (1258 г.) обсуждали вопросы не только о платежах («янтар» и связанные с ним повинности, взимание таможенных тарифов и платежей с солеварен, марсадги и матриньегги (поземельный сеньориальный платеж), «сервисио» (субсидии короне и ее должностным лицам), кондучо (натуральный платеж продовольствием, «монтазго», «портазго» и др.), но и об облачении клира (которому предписывалось носить тонзуру и не облакаться в пестрые дорогие одежды), некоторые процессуальные нормы, порядок рассмотрения дел консехо в королевском суде, импорт живого скота за пределы королевства, облачение мавров, живущих на землях христиан, правила охоты, отдельные аспекты семейного права и др.

Творцами постановлений кортесов со времен Альфонсо X были все те же легисты. И совсем не случайно именно к постановлениям кортесов законодатель впервые применяет определение «закон» (лат. «lex», каст. «ley») — то, которое практически вышло из употребления со времен римских императоров и ориентировавшихся на них вестготских королей. Публично-правовой по своей природе, «закон» должен был прийти на смену пестроте местного феодального законодательства — фуэро, правовым обычаям и прецедентам. Естественным образом, в постановлениях кортесов с каждым шагом все более явно ощущались не только дух, но и буква *iuris commune*, идеи которого были так близки *Мудрому Королю*.

Стала меняться и система управления на местах. В 1252 г. началось создание новых территориальных округов — мериндадов, во главе с *главными мерино*¹ (*merinos mayores*). Всего их было четыре — Кастилия, Леон, Галисия и Мурсия. Главные мерино назначались непосредственно королем. В свою очередь, им подчинялись *младшие мерино*. Все они должны были представлять на местах интересы короля в судебной и административной сфере точно так же, как ранее сеньориальные мерино представляли интересы соответствующего сеньора. Разница заключалась лишь в том, что территория, на которую распространялись прерогативы королевских мерино, была много более значительной.

В 1253 г. был создан институт главных аделантадо (каст. «adelantados mayores»). Впервые должность аделантадо появилась еще во второй половине XI в., однако теперь она уже не носила чрезвычайного характера. Главные аделантадо являлись наместниками приграничных округов — аделантамьенто, — с широкими полномочиями — военными, а также судебными, административными и фискальными (при этом особая категория главных аделантадо возглавляла королевские суды на местах). Изначально были учреждены посты главных аделантадо для Леона, Кастилии и Мурсии. В 1258 г. должности главных мерино Кастилии и Мурсии были упразднены, а их полномочия перешли к соответствующим главным аделантадо. В 1261 г., в период подавления восстания мудехаров на юге, был учрежден пост главного аделантадо Андалусии, а в 1263 г. — главного аделантадо Галисии.

Реформы Альфонсо X, касавшиеся системы местного управления, вызвали сопротивление знати. Столкнувшись с открытым неприятием его политики на кортесах в Бургосе (1272 г.), Альфонсо X был вынужден пойти на уступки. С конца 1260-х гг. не упоминаются главные аделантадо иных аделантамьенто, кроме Мурсии, Алавы и Гипускоа. В том же 1272 г. были упразднены также должности главных мерино Галисии и Леона. Тем не менее, эти уступки были лишь временными. Уже Санчо IV вновь ввел должности главных мерино областей, а также Кастилии. К середине

¹ От позднелатинского *maiorinus* — старший.

XIV в., наряду с главными мерино Кастилии, Леона и Галисии и близкими к ним по статусу королевскими мерино Гипускоа, Алавы и Астурии, существовали также главные аделантадо Мурсии и Андалусии.

Таким образом, и здесь *Мудрый Король* значительно опередил свое время.

3. «Император культуры»

Уже неоднократно отмеченная выше способность Альфонсо X видеть то, что проявится лишь столетия спустя, пожалуй, наиболее четко прослеживается применительно к его интеллектуальным проектам. За многие столетия до начала рассуждений о «мягкой силе» он осознал значимость направленного воздействия на массовое сознание как вербальными (литературные тексты), так и невербальными (миниатюра, роскошное внешнее оформление кодексов и др.) средствами. После появления статьи молодой исследовательницы из Севильи М. Кляйне (2013 г.), впервые в колоссальной историографии, посвященной *Мудрому Королю*, назвавшей вещи своими именами и прямо констатировавшей значимость пропаганды как средства политической деятельности Альфонсо X, об этом можно говорить с полной уверенностью.

Ниже я попытаюсь рассмотреть этот аспект политики *Мудрого Короля*, поэтапно проанализировав три его основные составляющие: внимание к системе образования (в первую очередь — университетского), деятельность королевского скриптория в широком смысле и, наконец, то направление этой деятельности, которое представляется наиболее важным, а именно — создание исторических текстов.

3.1. Кадры для «мягкой силы»: университеты в политике *Мудрого Короля*

Уже в первый год своего правления (1252 г.) Альфонсо X одну за другой издал две привилегии, адресованные университету Саламанки. Основанный его дедом, леонским королем Альфонсо IX, в 1218 или 1219 г., к середине столетия этот университет находился в плачевном состоянии. Первая из этих привилегий, датированная 9 ноября и адресованная консехо Саламанки, приказывала ему соблюдать права профессоров и студентов университета и всячески защищать их привилегии, полученные во времена Альфонсо IX и Фернандо III. Вторая привилегия (от 10 ноября того же года), также адресованная консехо, была посвящена вопросу частного характера: она строго запрещала горожанам вмешиваться в драки студентов, оказывая помощь одной из сторон конфликта, и предоставлять им оружие.

Однако наибольшую значимость имело третье королевское постановление, провозглашенное полтора года спустя, 8 мая 1254 г., по просьбе студентов Саламанкского университета (*estudio*), переданной через посредство их представителя (прокуратора). Постановление представляет собой пространную королевскую привилегию, затронувшую главные стороны университетской жизни.

Оно начинается нормами, регламентирующими сдачу студентам жилья в городе для устройства dormitorioв (студенческих общежитий). Запрещалось занимать помещения, ранее арендованные другими студентами. Собственникам домовладений (горожане из числа мирян, каноники или клирики) не разрешалось взвинчивать плату за него свыше 17 мараведи (вероятно, в год): за этим должны были следить особые должностные лица — консерваторы университета (*conseruadores del estudio*). Кроме того, студенты должны были неукоснительно соблюдать запреты, связанные с отлучением от церкви, наложенные на них местным епископом. К тому же, без согласия последнего, студенческой корпорации (*vniuersidad*) запрещалось иметь собственную печать (причем местным алькальдам вменялось в обязанность защищать королевские права и привилегии, пожалованные корпорации ранее). Право наказывать студентов — вплоть до заключения в карцер и изгнания из города, — отныне предоставлялось исключительно епископу и старшему магистру (лат. *magister scholarum*, каст. *maestreescuela*), назначавшемуся папой и имевшему широкие полномочия (в частности, в вопросах о присуждении ученых степеней); правда, преступления, совершенные горожанами против студентов, по-прежнему были в ведении суда алькальдов Саламанки.

Значимость этих норм не подлежит сомнению, однако уступает важности завершающей части документа, которая не только устанавливает четкое штатное расписание, включавшее как профессоров (магистров и бакалавров), так и служащих университета, но и — беспрецедентная норма для XIII в. — гарантирует университету государственное финансирование, покрывавшее расходы как на выплату должностных окладов, так и на другие статьи, связанные с деятельностью учебного заведения. Размер жалования соотносился со сферой деятельности соответствующего должностного лица. В итоге, получалась следующая картина. Для преподавания гражданского права учреждались 1 ставка магистра (с оплатой 500 мараведи в год — сумма весьма значительная) и 1 бакалавра из числа каноников (которому жалования не полагалось, поскольку он получал доход от своей пребенды). Каноническое право должны были преподавать 1 магистр-декретист (300 мараведи в год) и 2 магистра-декреталиста (500 мараведи в год). Преподавание «искусств» (*artes*) возлагалось на 2 магистров логики (200 мараведи в год) и 2 магистров грамматики (200 мараведи в год). Штат служащих включал стационария (100 мараведи в год) (особо оговаривалось, что все имеющиеся у него экземпляры текстов должны быть качественными и точно соответствовать оригиналу), магистра-орга-

ниста (50 мараведи в год) и аптекаря (50 мараведи). Консервадорами (ректорами) с окладом в 200 мараведи в год назначались сенешаль Арналь и декан Саламанкского собора; кроме того, последний получал еще 200 мараведи для покрытия иных расходов, связанных с деятельностью университета. В целом, королевские расходы на Саламанкский студий должны были, таким образом, составить 2500 мараведи в год, что следует признать весьма значительной суммой; распоряжение этими деньгами поручалось консервадорам, которые становились подотчетными королю и / или назначенному им представителю.

Очевидно, что именно эти меры, проведенные по приказанию Альфонсо X, и имел в виду папа Иннокентий IV, заявляя в своем послании королю, датированном 1255 г., что тот фактически «учредил» («*statiuisti*») Саламанкский университет. Однако королевская привилегия 1254 г. интересна и в другом отношении: ее содержание свидетельствует о наличии у *Мудрого Короля* довольно целостного представления об университетской жизни. В этом плане особенно показательным видится содержание специальной главы (титула) Второй Партиды (*Partid.* II. 31), озаглавленной «Об училищах, в которых получают знания, и о магистрах, и об учащих»,¹ которая оказывается прямым и непосредственным развитием привилегии 1254 г. С той, однако, разницей, что если в первом случае предметом заботы законодателя являлась регламентация жизни реально существующего учебного заведения, то в «Семи Партидах» в качестве такового предмета выступал университет идеальный, некая обобщенная модель, призванная стать образцом для дальнейшего реформирования существующих студий и основания новых.

Титул *Partid.* II. 31, ориентация которого на болонскую (южную) модель организации университетов, представляется очевидной,² состоит из 11 законов, регламентирующих все стороны университетской жизни — от классификации типов учебных заведений (*Partid.* II. 31. 1) до организации книгопроизводства (*Partid.* II. 31. 11). Рассмотрим содержание этого титула несколько подробнее.

Первый из представленных в нем законов (*Partid.* II. 31. 1) устанавливает перечень дисциплин, преподавание которых отличает «общие училища» (университеты) от «частных училищ» (школ): грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия и астрология, а также каноническое и цивильное право. Интересно сравнить перечень дисциплин, представ-

¹ Русский перевод титула см.: *Partid.* II. 31: «Об училищах, где усваиваются науки, и о магистрах, и о студентах» // Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 454—465 (URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8001/580380/> (дата обращения: 14.12.2015)).

² Подробнее см. об этом в моей статье: Из Болоньи в Кастилию: люди, книги, образ жизни (Заметки по истории университетов в Кастилии и Леоне в XIII—XIV веках) // Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 12—79 (URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8001/580380/> (дата обращения: 14.12.2015)).

ленный в *Partid.* II. 31. 1, с тем списком, который содержится в уже неоднократно упоминавшейся привилегии Саламанкскому университету 1254 г. Спектр «свободных искусств», предлагаемых для преподавания студентам, выглядит в последней гораздо скромнее; однако этот факт лишь подтверждает подчиненный характер, который преподавание *artes* носило в Болонье и в университетах, построенных по образцу болонской *alma mater studiorum*. «И такое училище должно быть основано по приказанию либо папы, либо императора, либо короля», добавляет законодатель.

Следующий закон (*Partid.* II. 31. 2) определяет место расположения идеального университета и устанавливает некоторые меры, защищающие интересы преподавателей и студентов. Закон *Partid.* II. 31. 3 устанавливает штаты университета и порядок выплаты жалования профессорам. Закон *Partid.* II. 31. 4 определяет принципы организации учебного процесса. Закон *Partid.* II. 31. 5 регламентирует расположение «школ» (факультетов) идеального университета. Закон *Partid.* II. 31. 6 предоставляет профессорам и студентам право на самоуправление, создание специального совета и избрание ректора. Закон *Partid.* II. 31. 7 практически дословно воспроизводит в переводе на кастильский содержание привилегии 1158 г., определяющей порядок привлечения к суду студентов и профессоров и пожалованной Болонскому университету Фридрихом I Барбароссой, с которой, собственно, и началась его история. Закон *Partid.* II. 31. 8 перечисляет особые права профессоров (магистров) гражданского права. Закон *Partid.* II. 31. 9 устанавливает квалификационные испытания для лиц, желающих получить степень магистра и право на преподавание. Закон *Partid.* II. 31. 10 предоставляет студентам право иметь особого представителя (педея), в обязанности которого, среди прочего, входит и обеспечение доступа студентов к системе копирования книг. Наконец, закон *Partid.* II. 31. 11 определяет детали, связанные с этим процессом, регламентируя статус и должностные обязанности стационариев — книготорговцев, занимавшихся также предоставлением книг во временное пользование, в том числе — для копирования.

Причины, по которым император культуры уделял такое внимание регламентации университетской жизни, в рассмотренном титуле определяются без обиняков: «Изучение гражданского права — это как бы источник справедливости, и мир пользуется им в большей мере, чем другими науками» (*Partid.* II. 31. 8). Если связать это замечание со сказанным выше о роли права в реформах *Мудрого Короля*, становится очевидным, что университеты воспринимались им, в первую очередь, как своеобразная «фабрика» по подготовке легистов, творцов нового права, способного перевернуть мир.

Это действительно так; однако, одним этим задачи, ставившиеся перед университетами, не исчерпывались. Об этом свидетельствует история создания училища (*estudio*) в Севилье в том же 1254 г. Детали, свя-

занные с организацией в нем учебного процесса, известны по документу об утверждении статуса училища папой Александром IV в 1260 г., из которого следует, что там преподавались латинский и арабский языки, причем, подобно университету, училище именовалось *generale studium*, а его преподаватели и учащиеся наделялись правом взимать доходы со своих пребенд и церковных бенефициев так же, как это делали профессора и студенты других учреждений университетского типа. Причины, определившие как *curriculum* училища, так и столь широкие права связанных с ним лиц, внешне лежат на поверхности: учебное заведение было создано непосредственно в преддверии *fecho de allende* и должно было выпускать миссионеров для будущих новых епархий в Северной Африке. Однако, если учесть то внимание, которое придавалось королем переводу ученых арабских текстов на кастильский язык, становится понятным, что у севильского училища были и другие задачи, о которых будет подробнее сказано ниже.

Однако прежде, чем обратиться к этой проблеме, завершим рассказ об итогах деятельности Альфонсо X по реформированию университетского образования в Кастилии и Леоне. К сожалению, судьба этих реформ мало отличается от судеб других важнейших начинаний *Мудрого Короля*. Вновь созданные университеты в Вальядолиде (1260-е гг.), Мурсии (1269 г.) и Алькала-де-Энарес (середина XIII в.), а также севильское училище захирели после смерти своего основателя. Упоминания о преподавании латинского и арабского языков в Севилье исчезают в 1270-х гг., училище в Алькале уже к началу XIV в. прекратило существование, а Вальядолидский университет до конца XIII в. так и не получил официального статуса: это произошло много позднее, лишь в 1346 г. Есть, однако, и позитивный пример: вновь воссозданный *Мудрым Королем* университет в Саламанке не только не исчез, но и постоянно развивался, уже в XIV в. превратившись в одно из главных учебных заведений такого рода на латинском Западе. Впрочем, это уже другая история.

3.2. Королевский скрипторий: создавая образ *Мудрого Короля*

Для того чтобы в полной мере понять причины особого внимания Альфонсо X к преподаванию как латинского, так и арабского языков, необходимо связать их со все той же сферой использования «мягкой силы», в рамках которой политическая борьба в значительной мере сводится к противостоянию образов — позитивных и негативных, планомерно внедряемых в общественное сознание. На этот факт давно уже обращается внимание в историографии проблемы. Так, задолго до появления упомянутой выше работы М. Кляйне, один из крупнейших современных испан-

ских медиевистов Х. М. Ньето Сория предложил классификацию образов короля и королевской власти, использующих средства теологии и права и пригодных для использования в целях пропаганды:

(а) *теоцентрические образы* (божественное происхождение короля и королевской власти, король как представитель Бога на земле, Царство Божие как политический архетип);

(б) *сакрализованные образы* (король-помазанник, король-целитель, король, находящийся под покровительством Бога, король-мессия);

(в) *морализаторские образы* (христианнейший король, добродетельнейший король);

(г) *органические образы* (концепция королевства как корпорации, теологический феодализм, приписывание королю функций всего королевства);

(д) *образы верховенства* (верховенство короля, долг повиноваться, концепция величества, абсолютная королевская власть, идея суверенитета);

(е) *образы, связанные с ограничением королевской власти* (король и закон, понимание королевской власти, общее благо);

(ж) *образы, связанные с функцией короля как правителя* (справедливый король, король как покровитель, король-законодатель, король-судья);

Используя эту классификацию, М. Кляйне указывает на связанные с ней черты даже в таком внешне аполитичном сочинении, как цикл «Песнопений о Пресвятой Марии». Уже одно это заставляет обратиться к более детальному анализу интеллектуальной продукции, связанной с именем Мудрого Короля.

Какое внимание придавал своей литературной деятельности сам Альфонсо X, видно из текстов целого ряда его сочинений, содержащих замечания о факте и формах личного участия правителя в создании того или иного труда: «El rey faze un libro, non por qué lo escriba con sus manos, mas por que compone las razones dél, e las emienda, e yegua, e endereça, e muestra la manera de cómo se deuen fazer, e desi escrívelas qui él manda, pero dezimos por esta razón que el rey faze el libro», читаем мы, например, во «Всеобщей истории» (*General Estoria*. I. 16. 14) («Король создает книгу не в том смысле, что пишет ее своими руками, но потому, что собирает ее части, исправляет их, и правит, и выверяет, и показывает, каким образом их (эти части — *O.A.*) следует писать, и таким образом их записывает тот, кому он приказал, и на этом основании мы говорим, что король создает книгу».)

Если с учетом сказанного обратиться к перечню текстов, созданных в королевском скриптории Альфонсо X, помимо уже рассмотренных выше сводов права, а также историографических сочинений, речь о которых пойдет ниже, получится, что тексты, созданные за весь период существования мастерской, можно разделить на три основные группы.

Первая представлена сочинениями, основу которых составили переводы с арабского. Наиболее известными из их числа являются «Книга об

астрономических (=астрологических) знаниях» («Libro del saber de astrología»), написанная на основе переработки содержания 15 арабских трактатов IX—XII вв. К ней непосредственно примыкают так называемые «Альфонсовы таблицы» («Tablas Alfonsinas») — астрономические таблицы, составленные на основе уточненных данных, собранных кордовским астрономом Аз-Заркали (1029—1087 гг.). Далее следует «Книга канонов Альбатени» («Libro de los canones de Albateni»), переложение арабского астрономического трактата, созданного Ибн Ябиром аль-Баттани (X в.). Следующая в этом ряду — «Полная книга суждений о звездах» («Libro complido de los juicios de las estrellas»), автором которой являлся арабский астролог Абу Али ибн ар-Ригаль (Abenrangel) (начало XI в.) и которую для Альфонсо X перевел с арабского Иехуда бен Моше ха-Козн, один из наиболее выдающихся переводчиков из ученого окружения *Мудрого Короля*. Следующий труд, заслуживающий внимания, — «Книга крестов» («Libro de las cruces»), написанная астрологом Убейдаллой бин Джалафой аль-Истийи и к 1259 г. переведенная на кастильский язык упомянутым Иехудой бен Моше ха-Козном, а также Иоганном Даспа под личным контролем Альфонсо X. Еще одним арабским трактатом о магических свойствах планет и звезд, на этот раз — переведенным с латинского, стал «Пикатрикс» (*Picatrix*).¹ Замыкает ряд более раннее сочинение самого Альфонсо X — «Лапидарий» («Lapidario») — книга о магических свойствах камней, в основе которой также лежат арабские ученые трактаты.

Вторую группу составляют «развлекательные» сочинения, в числе которых — «Книга о животных» (частичный перевод трактата о соколиной охоте, написанный Моамином (Мухаммад ибн Абдаллах ибн Умар аль-Байзан), арабским писателем IX в., полностью сохранившийся лишь в переводах на латынь и средневековые итальянские диалекты), «Книга об играх» (вар.: «Книга о шахматах, игре в кости и доски») (*Libro de ajedrez, dados y tablas* (=Libro de los Juegos)), а также сборник сказок о животных «Калила и Димна» (*Calila e Dimna*) — перевод переложения индийского сборника «Панчатантра» (III—IV вв.), созданного арабским писателем Абдаллахом ибн Аль-Мукаффой.

Наконец, третью группу составляют поэтические сочинения Альфонсо X, написанные в жанре поэзии трубадуров на галийско-португальском языке, усвоенном, как принято считать, от галисийского окружения *Мудрого Короля*. Наиболее значимые среди них — «Песнопения о Пресвятой Марии», сборник 420 песнопений, составляющих наиболее значимую часть поэтического наследия Альфонсо X. Далее следуют еще 38 стихотворений, из которых 26 четко атрибутируются Альфонсо X, 3 написаны им в соавторстве, а 9 — приписаны Альфонсо, королю Леона, хотя на деле принадлежат самому Альфонсо X. К ним следует прибавить еще пять

¹ Пикатрикс — латинская транскрипция имени арабского автора сочинения псевдо-аль-Маджрити Гайята аль-Хакима.

песен о любви, а также песни «насмешки и хулы», высмеивающие рыцарей, которые не исполнили воинского долга, а предаются разговорам с трубадурами.

Сохранившиеся в роскошных, украшенных многочисленными миниатюрами рукописях, все эти сочинения явно не были рассчитаны исключительно на удовлетворение интеллектуального любопытства самого *Мудрого Короля*. Кроме того, степень его личного участия в их создании была совсем неодинаковой — от несомненного авторства до одобрения тематики и весьма поверхностной редакции. Очевидно, что главную цель создания этих сочинений следует связать с потребностями придворной жизни и, шире, со стремлением поддерживать определенный образ правителя как в глазах его собственного окружения, так и (по всей видимости) далеко за его пределами.

Суть этого образа, а также его новаторский характер, как представляется, наиболее емко определил в одной из своих работ Ж. Мартен: «В то время как святой Людовик идентифицировал себя с Соломоном как справедливым королем, Альфонсо X, вслед за Альфонсо VIII и Фернандо III, предпочитал представлять себя как *Мудрого Короля*; полстолетия спустя горстка активно работающих интеллектуалов придала бóльший резонанс стремлению Филиппа Красивого к территориальному суверенитету и независимости, но лишь еще через полстолетия, при короле Франции Карле V, интеллектуальные амбиции достигли того уровня, до которого их поднял Альфонсо X Кастильский».¹

Таким образом, перечень образов королевской власти, предложенный Х. М. Ньюто Сорией, следует дополнить, как минимум, еще одним — образом короля-интеллектуала, столь последовательно сформированным Альфонсо X. Впрочем, был ли он абсолютным пионером в этой области? Едва ли, если вспомнить об аналогичной деятельности его родственника по материнской линии, «Нового Константина» — Фридриха II Гогенштауфена. Впрочем, на эту параллель уже давно указано в литературе.

3.3. «*Carpian bona, dent loca ianis*»: ² исторические штудии Альфонсо X

Замысел и создание историографических трудов *Мудрого Короля*, вышедших из скриптория Альфонсо X — «Всеобщей истории» и «Истории Испании» — и сохранившихся в роскошных прижизненных ру-

¹ *Martin G.* Los intelectuales y la Corona: la obra histórica y literaria // Alfonso X y su época. Murcia: Carroggio, 2002. P. 285.

² «...И пусть они воспримут добродетельное, а многословие оставят для суетных» (лат.).

копиях, следует, разумеется, также связать со сферой формирования позитивного образа короля-интеллектуала и его использования в пропагандистских целях. Однако этим задача обоих сочинений далеко не исчерпывалась. Для того чтобы понять те дополнительные задачи, которые ставились при их создании, следует вновь обратиться к тексту «Семи Партид».

Речь идет о Второй Партиде, соответствие содержания которой критериям средневекового жанра «зерцал правителей» убедительно доказано испанской исследовательницей И. Нану. Титул *Partid*. II. 21 в структуре этой Партиды занимает особое место и представляет собой трактат об идеальном рыцаре. В этом смысле особенно значимым представляется следующее рассуждение законодателя: «А потому в обычае у рыцарей было, чтобы во время приема пищи они читали истории о великих военных подвигах, совершенных другими, и о мыслях и усилиях, которые они предприняли, чтобы суметь победить и довести желаемое до конца. И там, где не было записей таких историй, заставляли рассказывать о них рыцарей отважных и пожилых, которые участвовали в этих подвигах. А если не было и этого, они не допускали, чтобы хуглары декламировали перед ними другие песни, кроме как о войнах, или повествовали о военных подвигах. И то же самое рыцари делали тогда, когда, не будучи способными заснуть, каждый из них приказывал у себя читать или пересказывать перечисленное выше. И это делалось для того, чтобы у слушателей укреплялись воля и сердца, и чтобы они воодушевлялись, совершая благие дела и стремясь сравняться с совершенными другими или превзойти их» (*Partid*. II. 21. 20).

На значимость этого замечания в контексте проблемы трансляции сословных идеалов и ценностей кастильского рыцарства я специально указывал в одной из своих давних работ.¹ Тогда один из моих наиболее значимых выводов касался не только содержательных, но и лингвистических аспектов исторических сочинений на кастильском языке, которые могли восприниматься не только *de visu*, но и на слух, и были предназначены именно для последнего, что гарантировало иную — светскую по преимуществу, — по характеру и много более обширную — по численности, — аудиторию, чем это было в случае латинской историографии, предназначенной исключительно для чтения и напрямую адресованной лишь узкому кругу образованных клириков. Представляется, однако, что в контексте политической пропаганды речь идет о еще более значимом явлении, а именно — о внедрении в сознание представителей господствующего феодального класса образа принципиально нового —

¹ "Deuen leer las estorias...": Истоки и развитие сословной идентичности кастильского рыцарства (XII—середина XIV вв.) // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А. А. Сванидзе, П. Ю. Уваров. М., 2007. С. 88—127.

общеевропейского — государства и его власти, единой для всего полуострова.

Если это действительно так, то в рамках грандиозного замысла *Мудрого Короля* каждое из сочинений обрело свое особое место. Сначала король приступил к созданию «Истории Испании» (1270—1274 гг.), занимавшей главное место в его замысле. Затем параллельно началось создание «Всеобщей истории» (полное название — «Великой и всеобщей истории») («Grande e General Estoria») — изложение истории всего человечества от сотворения мира, грандиозного «внешнего контура», призванного подчеркнуть место Испании и испанской государственности во всемирно-исторической перспективе, необъятной как хронологически (от сотворения мира до времени создания памятника), так и географически, поскольку сценой действия стал не только латинский Запад, но и все пространство библейской и всемирной (в тогдашнем понимании) истории.

Для этой цели был задействован широкий круг самых разнородных источников, к числу которых, помимо Библии, относились классические тексты («Метаморфозы» и «Героиды» Овидия, «Фарсалия» Лукана, «Естественная история» Плиния Старшего, «Иудейские древности» Иосифа Флавия, «Хроника» Евсевия-Иеронима, «Этимологии» Исидора Севильского), средневековые западные исторические и литературные сочинения («История» Петра Коместора, «Пантеон» Готофреда из Витербо, «Роман о Фивах» (1150), «Роман о Трое» (1170) Бенуа де Сен-Мора, «Александрия» Готье де Шатильона, «Древняя история до Цезаря», посвященная Рожеру Лилльскому, «История королей Британии» Гальфрида Монмутского и др.), некоторые памятники арабской историографии («Халдейская история» аль-Гуазиля и др.), но прежде всего — «Всемирная хроника» Луки Туйского и «Готская история» («Об испанских делах») Родриго Хименеса де Рада. Следует подчеркнуть, что два последних латинских автора заняли особое место и в ряду источников «Истории Испании», что лишний раз подчеркивает органическое единство замысла *Мудрого Короля*.

Как и «История Испании», «Всеобщая история» так и осталась незавершенной. При этом из шести ее частей лишь две — I (события от сотворения мира до времен Авраама) и IV (события вавилонского пленения от времен Навуходносора до Птолемея Филопатра), — составлены в период правления Альфонсо X, соответственно, в 1272—1275 и 1280 гг., III часть (события от времен Давида до вавилонского пленения) написана на рубеже XIII—XIV вв., в правление Санчо IV и Фернандо IV (1295—1312 гг.). II (события от времен Авраама до времен Давида) и неоконченная VI части созданы в XIV в., а V часть (события от Вавилонского пленения до Христа, Книги Маккавеев, Фарсалия, Юлий Цезарь и Октавиан Август) — в XV в. От завершающей части, которая должна была объять события от времен Христа и завершиться правлением Альфонсо X, уцелело лишь 20 листов, ныне хранящихся в архиве Толед-

ского собора. Повествование в них начинается с рассказа о родителях Иоанна Крестителя и Девы Марии и прерывается на моменте, когда святая Анна чувствует, что она беременна.

* * *

С учетом сказанного, сегодня уже трудно четко вычлениить все скрепы, которые должны были объединять «Всеобщую историю» с главным историческим трудом его жизни — «Историей Испании». Однако основной замысел *Мудрого Короля* — показать всемирно-исторический характер миссии испанцев — прослеживается достаточно ясно.

Одна из этих скреп — содержащаяся в прологе «Истории Испании» отсылка к ветхозаветным временам, находящимся в центре повествования во «Всеобщей истории»: «...И мы сложим эту книгу о всех тех фактах, которые только сможем отыскать в ней, от времен Ноя до нашего времени» (История Испании. Пролог). Показательно и продолжение этого фрагмента, связывающее историю испанцев с античной мифологией, со временами легендарного Геркулеса: «И сделаем мы это затем, чтобы было ведомо о происхождении испанцев; и о том, от каких народов претерпела Испания; и чтобы стали известны сражения Геркулеса Греческого...» (и т. д.) (Там же).

Еще одна показательная скрепа: воспроизведенный в хронике в кастильском переводе «*Laus Hispaniae*», панегирик своей стране, написанный Исидором Севильским и включенный в его «Историю готов, вандалов и свевов»: «...Среди всех стран мира Испания — самая изобильная и самая добрая из всех земель... Так что эта Испания, о которой мы рассказали, была как бы раем Божьим... Большая часть Испании орошается ручьями и источниками, и никогда не иссыкают колодцы в местечках или для какого-либо дела. Испания изобильна хлебами, восхитительна фруктами, преисполнена рыбой, вкусным молоком и всем, что делают из него; полна охотничьими угожьями, покрыта стадами скота, богата лошадьми и мулами, защищена замками, радостна от доброго вина, в ней достаточно хлеба; она богата металлами, свинцом, оловом, серебряными жилами, железом, медью, серебром, золотом, драгоценными камнями, всеми видами мрамора, морской солью, соляными копиями в земле, соляными слитками и другими минералами: синим кобальтом, красной охрой, голубой глиной, квасцами и многим другим, что есть и в других землях. Она славится шелком и тем, что делается из него, сладка от меда и сахара, светла от воска, полна оливкового масла, радостна от шафрана. Среди всех земель Испания — самая искусная, отчаянная и сильная в битвах, легкая к страстям, верная сеньору, способная к наукам, учтивая в речах, исполненная самых лучших качеств; нет в мире земли, которая похожа на нее изобилием, никто не сравнится с ней в крепости, и мало земель столь же больших,

как она. Испания среди всех земель выделяется величиим и более всех гордится верностью. Ах, Испания! Ни один язык, ни один талант не может хорошо рассказать о тебе!» (*Estoria de España (Primera Crónica General)*. Cap. 558).

Откровенно игнорируя современные ему политические реалии, существование, наряду с Кастильско-Леонским, Португальского королевства, Арагонской Короны и Гранады, Альфонсо X уверенно сводил все главное и наиболее существенное к истории Кастилии и Леона, а в ее рамках — главным образом, к истории Кастилии. Как и Исидор Севильский столетиями ранее, *Мудрый Король* хорошо понимал колоссальную силу образа, осознавал, что прежде, чем единая Испания возникнет как политическая реальность, она должна утвердиться в умах как притягательный образ, и делал все от него зависящее, чтобы этот образ восторжествовал в сознании его современников.

Изначальный замысел поражает своей грандиозностью уже на уровне перечисления источников хроники в «Прологе» (хотя, как это характерно для средневекового историописания, в реальности этот перечень призван скорее подчеркнуть эрудицию хронистов, чем показать реальные источники их информации). Весь круг текстов, использованных хронистами, можно условно объединить в десять групп:

1. Латинские хроники «Готская история» («Об испанских событиях») Родриго Хименеса де Рада (ок. 1170—1247 гг.) (включая ее дополненную кастильскую версию) и «Всемирная хроника» Луки Туйского (ум. в 1249 г.) (последняя, несмотря на название, посвящена почти исключительно описанию испанских событий), которые выполняют своеобразную организующую функцию, связывая воедино разнородные свидетельства, почерпнутые из других источников.

2. Священное Писание (четыре Евангелия, книга Даниила).

3. Произведения античных авторов классической эпохи («Фарсалия» Лукана, «Эпитома» Помпея Трога, «Естественная история» Плиния Старшего, «Героиды» Овидия, «Римская история» Веллея Патеркула, «Писатели истории Августов», возможно — «Естественная история» Плиния Старшего и некоторые другие).

4. Сочинения позднеантичных христианских писателей («История против язычников» Павла Орозия, «Хроника» Евсевия-Иеронима, «Церковная история» Евсевия-Руфина, «О граде Божьем» Аврелия Августина, «Хроникон» Евтропия, «О цезарях» Секста Аврелия Виктора, «Церковная история» Кассиодора, «Хроника» Идация).

5. Латинские исторические сочинения, созданные за пределами Испании («История» Павла Диакона, «Гетика» Иордана, «Хроника» Сигеберта из Жамблу, «Зерцало историй» Винсента из Бове, «Хроника пап и императоров» Мартина Поляка).

6. Испанские и португальские средневековые латинские хроники (хроника Исидора Бежского, «Альбельдская хроника», «Хроника Альфон-

со III», хроника Пелайо Овьедского, «О восхвалении Испании» Хиля Саморского, «Карденская история», «Толедские анналы», «История Родриго», «Лузитанская хроника», «Комплутенские анналы»).

7. Арабские исторические сочинения (возможно — аль-Маккари, ибн Аль-Хатиба, но особенно — «История Валенсии» Ибн Алькамы).

8. Небольшие эрудитские сочинения упомянутого выше Родриго Хименеса де Рада, компилятивные по содержанию («История арабов», «История гуннов, вандалов, свевов, аланов и силингов»).

9. Другие источники («Этимологии» Исидора Севильского, постановления ряда толедских церковных соборов, «Книга св. Иакова» (сборник гимнов о Сантьяго).

10. Эпические произведения в прозаическом изложении («Майнете», «Поэма о Сиде», «Поэма о Фернанде Гонсалесе», «Поэма о графине-предательнице», «Поэма о Бернардо дель Карпью», «Поэма об инфантах де Лара», кастильская версия «Песни о Роланде», «Романсеро об инфанте Гарсия», «Песнь о доне Фернадо», «Песнь о Санчо II и осаде Саморы», «Песнь о мавританке Саиде»).

Несмотря на то, что «История Испании» не была завершена и сохранилась в многочисленных версиях, отраженных рукописной традицией, включающей десятки манускриптов,¹ в нашем распоряжении имеется достаточно материала для создания общего представления о концепции хроники. Ее главный автор исходил из двух ключевых идей — о единстве испанской земли и о преемственности власти над ней, поэтапно переходившей из рук африканских завоевателей в руки римлян, от них — к готам, от готов — к астуру-леонским королям и их леонским и кастильским преемникам, которых, вслед за Родриго Хименесом де Рада, тоже считал готами, а следовательно — обладателями прав на власть над всей Испанией. Дополнительным мотивом выступала Реконкиста: уже в прологе подчеркивалось стремление завершить хронику рассказом о том, «...как помог этой земле Бог; каким способом, за какое время и какие короли отвоевали землю вплоть до Средиземного моря; и какие деяния совершил каждый из них, как следовали они один за другим вплоть до нашего времени».

Таким образом, «История Испании» должна была прямо заявить о политических планах кастильских королей на объединение полуострова. Политический идеал Альфонсо X — единая сильная Испания, единая абсолютная королевская власть, победа над исламом и господство в Европе, — поставил планку для нескольких поколений преемников *Мудрого Короля*. Однако самому ему, как известно, взять ее оказалось не по силам.

¹ См. Об этом в гл. 5.

4. Печальные итоги, позитивные перспективы

Несмотря на колоссальные интеллектуальные и физические усилия, привлечение огромных материальных ресурсов и незаурядные личные качества *Мудрого Короля*, в конечном итоге амбициозная и блестящая политика Альфонсо X потерпела крах. Планы африканского похода (*fecho de allende*) так и не были реализованы. Борьба за имперский престол (*fecho del imperio*), буквально истощившая Кастильско-Леонское королевство, не имела успеха: в 1275 г. кастильский король был вынужден окончательно признать свое поражение. Давление, а затем и прямые мятежи непокорной знати, сначала косвенно, а затем и напрямую поддержанные верхушкой духовенства, заставили короля пойти на значительные уступки и аннулировать результаты некоторых из его главных реформ, в частности, отказаться от идеи повсеместного внедрения «Королевского фуэро». Разумеется, в этих печальных итогах была и несомненная вина *Мудрого Короля*, однако, не она стала их главной причиной.

Трагедия реформатора состояла в том, что он значительно опередил свое время.¹ Все основные «правила игры», действовавшие в его эпоху, диктовались нормами политической культуры феодального времени. Прежде чем реализоваться в конкретных политических действиях, идеал централизованного государства с сильной монархической властью, выдвинутый *Мудрым Королем* и его сподвижниками (прежде всего — образованными легистами), оказался слишком новым и неясным для современников, точно так же, как в ту же эпоху были обречены и на непонимание и многие идеи родственника и старшего современника *Мудрого Короля* — «Нового Константина», императора Фридриха II Гогенштауфена.

Отвергнутая современниками, политическая утопия Альфонсо X, реализованная в его правовых кодексах («Зерцале», «Королевском фуэро», «Семи Партидах»), в культурных проектах (прежде всего — в историографии — «Всеобщая история» и «История Испании»), а частично — и в политической практике (двор и придворная культура, система взаимоотношений короля и его окружения и др.), в дальнейшем сыграла колоссальную роль не только в испанской, но и в европейской истории в целом. Идеи *Мудрого Короля*, не воплотившиеся в реальности, тем не менее, стали образцом, на который неизменно ориентировались его преемники до тех пор, пока не достигли некогда поставленной планки. Правда, в основном это произошло уже в эпоху Раннего Нового времени, в период наивысшего политического и военного могущества Испании и в «Золотом веке» испанской культуры.

Однако разговор об этом выходит далеко за пределы беседы о жизни и свершениях *Мудрого Короля* — Альфонсо X.

¹ Иную точку зрения см. в гл. 2.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ¹

Основные источники

А. Памятники средневековой кастильской историографии (XIII — середина XIV вв.)

1. Alfonso X el Sabio. General Estoria / Coord. por P. Sánchez-Prieto. VI partes (tomos I—X). Madrid: Biblioteca Castro. Fundación José Antonio de Castro, 2009.
2. Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora / Ed. F. Fita // Boletín de la Real Academia de la Historia. Año 1884. Tomo 5. Cuaderno 5. P. 308—328.
3. Crónica de Alfonso X. Según el Ms. II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) / Ed., transcr. y notas por M. González Jiménez. Murcia: Real Academia Alfonso X el Sabio, 1998.
4. Crónica del Sancto rey don Fernando tercero deste nombre... // Colección de las antiguas crónicas de los reyes de Castilla y de León / Publ. por A. de Llano Ponte. Madrid: Imprenta de la viuda de don Miguel de Burgos, 1847.
5. Crónica latina de los reyes de Castilla / Ed. L. Charlo Brea. Cádiz: Servicio de publicaciones de la Universidad de Cádiz, 1984.
6. Estoria de los Godos. Critical edition and contextual introduction by A. Ward. Oxford: Society for the Study of Medieval Languages and Literature / Oxbow Books, 2006 (Medium Aevum Monographs, New Series, XXIV).
7. Gran crónica de Alfonso XI. Edición crítica / Prep. por D. Catalán. / 2 vols. Madrid: Gredos, 1976.
8. Juan Gil de Zamora. De praeconiis Hispaniae. Estudio preliminar y edición crítica / Ed. M. de Castro y Castro. Madrid: Universidad de Madrid. Facultad de Filosofía y Letras, 1955.
9. La «Estoria de España» de Alfonso X. Estudio y edición de la «Versión crítica» desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II / Ed. por M. de la Campa Gutiérrez. Málaga: Analecta Malacitana, 2009.
10. Lucae Tudensis Chronicon Mundi / Ed. Emma Falque // Lucae Tudensis Opera Omnia. Turnhout: Brepols Publishers, 2003 (Corpus Christianorum. Continuatio Medievalis, LXXIV)
11. Memorias de D. Fernando IV de Castilla. T. 1: La Crónica de dicho rey / Por A. Benavides. Madrid: Imprenta de José Rodríguez, 1860.
12. Primera Crónica General de España, editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán / 2 vols. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1977 (Fuentes cronísticas de la historia de España, I).
13. Primera Crónica General ó sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid: Bailly-Bailliére é hijos, editores, 1906.

¹ См. также библиографию к главе 2.

14. Primera Crónica General que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal, con la colaboración de A. G. Solalinde, M. Muñoz Cortés, J. Gómez Pérez / 2 vols. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1955.
15. Roderici Ximenez archiepiscopi Toletani Historia arabum // Hispaniae Illustratae... / Andreae Schotti (S. I.). T. 3. Francofurti: Apud Claudium Marnium & heredes Iohan. Auberii, 1608. P. 162—195.
16. Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / Cura et studio J. Fernández Valverde // Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis. T. LXXII. Turnholti, 1987.
17. Versión crítica de la «Estoria de España». Estudio y edición desde Pelayo hasta Ordoño II / por I. Fernández-Ordóñez. Madrid: Fundación Menéndez Pidal. Universidad Autónoma de Madrid, 1993 (Fuentes cronísticas de la historia de España, VI).

Б. Нормативные источники (XIII — середина XIV вв.)

1. Castigos del rey don Sancho IV / Edición, introducción y notas de H. Oscar Bizzarri. Frankfurt am Main: Vervuert; Madrid: Iberoamericana, 2001.
2. Cortes de los antiguos reynos de León y de Castilla. T. 1. Madrid, 1861.
3. El Ordenamiento de Leyes, que D. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año de mil trescientos y cuarenta y ocho, con notas y un discurso sobre el estado y condición de los Judíos en España, los doctores D. Ignacio Jordan de Asso y del Río y D. Miguel de Manuel y Rodríguez. Madrid: Librería de los señores Viuda e hijos de D. Antonio Calleja, 1847.
4. Fuero Juzgo (Manuscrit Z. III.6 de la bibliothéque de San Lorenzo de Escorial) / Ed. C. Mence. Paris: Septentrion, Presses universitaires, 1996.
5. Leyes de Alfonso X. T. 1: Espéculo / Ed. y anal. crít. por G. Martínez Díez con la colaboración de J. M. Ruiz Asencio. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 1985.
6. Leyes de Alfonso X. T. 2: Fuero Real / Ed. y anal. crít. por G. Martínez Díez con la colaboración de J. M. Ruiz Asencio. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 1985.
7. Setenario / Ed. K. Vanderford. Buenos Aires: Instituto de Filología, 1945.
8. Las Siete Partidas de Rey don Alfonso el Sabio. /Por la Real Academia de la Historia. T. 1—3. Madrid, 1807.
9. Las Siete Partidas del muy noble Rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio López, del Consejo Real de Indias de S. M. / 4 vols. Madrid: Compañía General de Impresores y libreros del Reyno, 1843—1844.

В. Избранные публикации документальных источников

1. Beltran de Heredia V. Bulario de la Universidad de Salamanca (1219—1549). Vol. 1. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966.

2. Beltrán de Heredia V. Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218—1600). T. 1. Salamanca, 1970.
3. Diplomatario andaluz de Alfonso X / Ed. por M. González Jiménez. Sevilla: El Monte. Caja de Huelva y Sevilla, 1991.
4. Documentos de la época de D. Alfonso el Sabio // Memorial histórico español: colección de documentos, opúsculos y antigüedades, que publica la Real Academia de la Historia. T. 1—2. Madrid: Imprenta de la Real Academia de la historia, 1851.
5. Documentos inéditos de Alfonso el Sabio y del infante su hijo don Sancho. Estudio. Transcripción y Fascículos / Ed. J. M. del Estal. Alicante: Universidad de Alicante, 1984.
6. González J. Reinado y diplomas de Fernando III / 3 vols. Córdoba: Publicaciones del Monte de Piedad y Caja de Ahorros de Córdoba, 1980, 1983, 1986.
7. Memorias de D. Fernando IV de Castilla. T. 2: La Colección diplomática que comprueba la crónica / Por A. Benavides. Madrid: Imprenta de José Rodríguez, 1860.
8. Memorias para la vida del Santo Rey don Fernando III... / Por M. de Manuel Rodríguez. Madrid: En la Imprenta de la viuda de don Joaquín Ibarra, 1800.

Литература

A. Исследования обобщающего характера по истории и культуре средневековой Испании

1. История Испании. Т. 1: С древнейших времен до конца XVII века. М.: Индрик, 2012.
2. Плавский З.И. Литература Испании IX—XV веков. М.: Высшая школа, 1986.
3. *García Marin J.M.* El oficio público en Castilla durante la Baja Edad Media. Alcalá de Henares: Instituto Nacional de Administración Pública, 1987.
4. *García y García A.* Derecho común en España: los juristas y sus obras. Murcia, 1991.
5. Historia de España. Fundada y dirigida por R. Menéndez Pidal. T. XIII: La expansión peninsular y mediterránea (c. 1212—c. 1350) / Dir. por J. M. Jover Zamora. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1990.
6. Historia de la Iglesia en España. T. 2.2: La Iglesia en la España de los siglos VI—II al XIV / Dir. por J. Fernández Conde. Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 1982.
7. Historia militar de España. / Dir. por H. O'Donnell. T. 2: Edad Media. / Coord. por M. A. Ladero Quesada. Madrid: Ediciones del Labirinto, S. L.; Ministerio de Defensa, Secretaria General Técnica, 2010.
8. *Ladero Quesada M.A.* Fiscalidad y poder real en Castilla (1252—1369). Madrid: Real Academia de la Historia, 2011.
9. *Ladero Quesada M.A.* La formación medieval de España. Territorios. Regiones. Reinos. Madrid: Alianza Editorial, 2004.
10. *Ladero Quesada M.A.* Poder político y sociedad en Castilla. Siglos XIII al XV. Madrid: Dykinson, 2014.

11. *Linehan P.* History and the Historians of Medieval Spain. Oxford, 1993.
12. *Linehan P.* Spanish Church and Society, 1150—1300. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
13. *Mila y Fontanals D.* De los trovadores en España. Estudio de lengua y poesía provenzal. Barcelona: Librería de Joaquín Verdaguier, 1861.
14. *Nieto Soria J.M.* Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII—XVI). Madrid, 1988.
15. *Nieto Soria J.M.* Iglesia y poder real en Castilla: el episcopado, 1250—1350. Madrid: Universidad Complutense. Departamento de historia medieval, 1988.
16. *Nieto Soria J.M.* La época medieval: Iglesia y Cultura. Madrid, 2002.
17. *O'Callaghan J.F.* A History of Medieval Spain. Ithaca, London, New York, 1975.
18. *O'Callaghan J.F.* Reconquest and Crusade in Medieval Spain. Philadelphia, 2003.
19. *Pérez de Urbel J.* Los monjes españoles en la Edad Media. T. 2. Madrid: Ediciones Ancla, 1934.
20. *Pérez Martín A.* El Derecho procesal del «Ius commune» en España. Murcia, 1999.
21. *Riaza R.* Historia de la literatura jurídica española // Interpretatio: Revista de História del Derecho. T. V. Madrid, 1998.
22. Teoría y práctica de la historiografía hispánica medieval / Ed. por A. Ward. Birmingham: University Press of Birmingham, 2000.
23. *Torres Sevilla-Qiñones de León M.* Linajes nobilitarios de León y Castilla. Siglos IX—XIII. Salamanca: Junta de Castilla y León. Consejería de Educación y Cultura, 1999.

Б. Биографию

1. *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio. Barcelona: Ariel, 2004.
2. *González Jiménez M.* Fernando III el Santo. El rey que marcó el destino de España. Sevilla, 2006.
3. *Keller J.E.* Alfonso X, El Sabio. New York: Twayne Publishers, Inc, 1967.
4. *Nieto Soria J.M.* Sancho IV de Castilla (1284—1295). Gijón: Ediciones Trea, 2014.
5. *O'Callaghan J.F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla: Universidad de Sevilla. Secretariado de publicaciones, 1999.
6. *Socarras C.J.* Alfonso X of Castile: A Study on Imperialistic Frustration. Barcelona: Ediciones Hispam. Colección Blanquerna, 1976.

В. Исследования, посвященные отдельным аспектам политики Альфонсо X

7. Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona: Carrogo S. A. De Ediciones, 2001.
8. *Ayala Martínez C. de.* Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263). Madrid: Antiqua et Mediaevalia, 1986.

9. *Devia C.* Disidentes y minorías religiosas en las Partidas de Alfonso X el Sabio. Vigo: Academia del Hispanismo, 2009.
10. El castillo medieval en tiempos de Alfonso X / Eds. A. L. Molina Molina, J. A. Eiroa Rodríguez. Murcia: Servicio de publicaciones de la Universidad de Murcia, 2009.
11. *Maravall J.A.* Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X. // *Idem.* Estudios de historia del pensamiento español. Part. 1. Madrid, 1983. P. 97—145.
12. *Martínez Martínez J.G.* Acerca de la Guerra y de la paz, los ejércitos, las estrategias y las armas, según el libro de la Siete Partidas. Cáceres: Universidad de Cáceres, 1984.
13. *Procter E.S.* The Castilian Chancellery during the Reign of Alfonso X (1252—1284) // *Oxford Essays in Medieval History presented to H. E. Salter.* Oxford, 1934. P. 104—121.
14. *Salvador Martínez H.* La convivencia en la España del siglo XIII. Perspectivas alfonsíes. Madrid: Ediciones Polifemo, 2006.
15. *Кучумов В.А.* Феодалная оппозиция внешнеполитическим планам Альфонсо X Кастильского (50-е — 80-е годы XIII в.) // *Господствующий класс феодальной Европы.* М., 1988. С. 98—109.
16. *Марей А.В.* Язык права средневековой Испании: От «Законов XII Таблиц» до «Семи Партид». М., 2008.
17. *Масленников Н. С.* «Siete Partidas» как исторический памятник // *Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена.* 1941. Т. XLV. С. 79—107.

Г. Исследования о политике Альфонсо X в области культуры

1. Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona, 2001; González Jiménez M. Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004.
2. *Arce A.* Federico II en Palermo y Alfonso X en Toledo: dos cortes y una misma cultura // *Il Duecento.* Actas del IV Congreso nacional de italianistas. Santiago de Compostela, 24—26 de Marzo de 1988. Santiago de Compostela: Universidad de Santiago de Compostela, 1989. P. 97—104.
3. *Craddock J.R.* Palabra de rey: Selección de estudios sobre legislación alfonsina. Salamanca: Seminario de Estudios Medievales y Renacentistas. Sociedad de Estudios Medievales y Renacentistas, 2008.
4. *Emperor of Culture.* Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance / Ed. by R. Burns. Philadelphia (Penn.), 1990.
5. *Fuente Pérez M.J.* El monte Helicon. El *studium generale* de Palencia y los inicios de la Universidad / *Lección Inaugural del Curso Académico 2012—2013.* Valladolid: Universidad de Valladolid, 2012.
6. *Kleine M.* El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // *De Medio Aevo.* 2013. Vol. 2. No. 2. P. 1—42 (<http://www.capire.es/eikonimago/index.php/demedioaevo/article/view/87> (дата обращения: 19.01.2016)).
7. La lengua y la literatura en tiempos de Alfonso X: Actas del Congreso Internacional. Murcia, 5-10.05.1984. Murcia: Departamento de literaturas románicas. Facultad de letras, 1985.

8. *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí / 2-a ed. Barcelona: Edicions Bellaterra, 2004.
9. *Nanu I.* La Segunda Partida de Alfonso X el Sabio y la tradición de los *Specula Principum* / Tesis doctoral. Valencia, 2013 (http://roderic.uv.es/bitstream/handle/10550/29240/Tesis%20doctoral_INanu.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.12.2015)).
10. El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las “Cantigas de Santa María” / Coord. por J. Montoya y A. Rodríguez. Madrid, 1999.

Д. Историография и политика Альфонсо X

1. Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / Ed. por I. Fernández Ordoñez. Valladolid, 2001. P. 61—82.
2. *Barrios Dias I.* La identidad de la historiografía. Criterios aplicados en la composición de la «Estoria de Espanna» alfonsí respecto de las materias épicas y de devoción. San Millán de la Cogolla: Cilengua, 2013.
3. *Catalán D.* De Alfonso X al Conde de Barcelos: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal, Madrid. Seminario Menéndez Pidal, Gredos, 1962.
4. *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo, Madrid. Seminario Menéndez Pidal, Fundación Ramón Menéndez Pidal, Universidad Autónoma de Madrid, 1997.
5. *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X: creación y evolución, Madrid. Seminario Menéndez Pidal, Fundación Ramón Menéndez Pidal, Universidad Autónoma de Madrid, 1992.
6. *Fernández Ordoñez I.* Las «Estorias» de Alfonso el Sabio. Madrid: Istmo, 1992.
7. *González C.* La tercera crónica de Alfonso X: «La Gran Conquista de Ultramar». London: Tamesis Book limited, 1992.
8. La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII—XV) / Ed. G. Martín. Madrid, Casa de Velázquez, 2000.
9. *Rico F.* Alfonso X el Sabio y la «General Estoria». Tres lecciones. Barcelona: Editorial Ariel, 1984.

Справочники и словари

1. *Carrasco I.* Los cargos de la hueste real en tiempos de Alfonso X. Estudio onomasiológico. Granada: Universidad de Granada, 1992.
2. *Corominas J., Pascual J. A.* Diccionario crítico-etimológico castellano e hispánico. Vols. 1—5. Madrid, 1980—1983.
3. Diccionario de historia de España. T. 1—3. Madrid, 1968—1969 (2 ed.).
4. Diccionario de la prosa castellana del Rey Alfonso X / Bajo la dir. de L. A. Kasten, J. J. Nitti / 3 vols. New York: Hispanic Seminary of Medieval Studies, 2002.
5. Diccionario español de documentos alfonsíes / Dir. por Mª Nieves Sánchez. Madrid, 2000.

6. *Medieval Iberia, an Encyclopedia* / Ed. by M. Gerli. New York, London, 2003.
7. *Tentative Dictionary of Medieval Spanish* / L. A. Kasten, F. J. Cody. New York: Hispanic Seminary of Medieval Studies, 2001.

Специализированная периодика

1. *Alcanate. Revista de Estudios alfonsíes*. Sevilla: Catedra de Alfonso X el Sabio, 1998—1999 — <http://editorial.us.es/es/alcanate-revista-de-estudios-alfonsies> (дата обращения: 17.01.2016).

Глава 2

АЛЬФОНСО X, КОРОЛЬ КАСТИЛИИ И ЛЕОНА: К ИСТОРИИ ОДНОГО НЕУДАВШЕГОСЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

1. Введение: Альфонсо, инфант

Инфант Альфонсо, наследник короля Кастилии и Леона Фернандо III, родился в Толедо в ноябре 1221 г. Большая часть детства его прошла в расположенных недалеко от Бургоса городах Вильялдемиро и Селада, а также в галисийской Маседе, что близ Альяриса. Это были наследственные владения его воспитателей Гарсии Фернандеса де Вильямайора и Майор Ариаса, которым было доверено растить инфанта.

Как бы то ни было, не перестает удивлять тот факт, что мы практически ничего не знаем об образовании наследника, хотя можно предположить определенное участие в нем архиепископа Родриго Хименеса де Рада, скончавшегося в 1247 г.¹ Принимая в расчет информацию, представленную св. Альбертом Великим в его работе «О минералах» (*De mineralibus*), можно было бы предположить, что Альфонсо находился в Париже в конце 1240-х гг.,² но приведенное свидетельство, с наибольшей вероятностью относится к его брату, инфанту дону Фелипе,³ который в скором

¹ *Rucquoi A.* El Rey Sabio: cultura y poder en la monarquía medieval castellana // Repoblación y reconquista. Actas del III Curso de Cultura Medieval. Aguilar de Campoo: Centro de Estudios del Románico, 1993. P. 83; *Ruiz Souza J. C.* Alfonso X. El paisaje monumental de la Corona de Castilla: renovación e islamización // Alfonso X el Sabio [Catálogo de exposición, Murcia, 2009]. P. 302.

² *García Avilés A.* Alfonso X, Albumasar y la Profecía del nacimiento de Cristo // *Imafron- te.* 1992—1993. No. 8-0. P. 198.

³ Инфант дон Фелипе Кастильский (1231—1274 гг.) — сын Фернандо III от его первой жены, Беатрис Швабской, родной брат Альфонсо X. Изначально находился на церковной службе (архиепископ-элект Севильи, аббат капитулов свв. Козьмы и Дамиана в Коваррубиас и вальядолидского собора св. Марии). После 1258 г. вернулся в мир; сеньор Вальдекорнехи, возможно — член Ордена Тамплиеров (*прим. перев.*).

времени должен был посвятить себя служению Церкви.¹ Так или иначе, согласно широко распространенному представлению о неумолимой тяге к знаниям *Мудрого Короля*, очевидно, что его образование должно было быть основательным; не исключено, что в нем принимал участие кто-то из интеллектуалов арабского или еврейского происхождения,² и весьма вероятно, что инфант в совершенстве овладел арабским языком, благодаря хорошим отношениям с аль-Рикути,³ мудрецом из Мурсии.⁴ Что касается вопросов правления, хотя и сегодня этот аспект не представляется до конца проясненным, возможно, Фернандо III приказал сочинить особый труд, предназначенный для воспитания инфанта; ныне он известен как «Книга о двенадцати мудрецах» или «Трактат о благородстве и верности» (*Libro de los Doce Sabios* или *Tractado de la Nobleza y Lealtad*).⁵

Начиная с 1240-х гг., вступив в двадцатилетний возраст, инфант начал исполнять определенные управленческие функции, которые, по сути, являлись не чем иным, как настоящим со-правлением.⁶ Точно известно, что на тот момент Альфонсо располагал собственной резиденцией и владениями, а также осуществлял довольно широкие судебные функции в королевстве Леон, где преимущественно были сосредоточены его земли в период пребывания в статусе инфанта.⁷ Но в десятилетие, предшествующее

¹ *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí. Madrid: Mapfre, 1994. P. 131. Cp.: González Jiménez M. Alfonso X, rey de Castilla y León (1252—1284) // El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las «Cantigas de Santa María» / Ed. J. Montoya Martínez, A. Domínguez Rodríguez. Madrid: Editorial Complutense, 1999. P. 2—3.

² *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí... P. 130.

³ Мухаммад Ибн Ахмад аль-Рикути (?) — уроженец г. Рикоте (Мурсия). Полиглот, знаток в области геометрии, логики, арифметики, музыки, медицины, один из наиболее видных ученых своего времени. Тесно связан с суфийским тарикатом Сабини (*нрпм. перев.*).

⁴ *Fernández y González F.* Estado social y político de los mudéjares de Castilla, considerados en sí mismos y respecto de la civilización española, Madrid: Imprenta á cargo de Joaquín Muñoz, 1866. P. 154; *Torres Fontes J.* Los mudéjares murcianos en el siglo XIII // Murgetana. 1961. No. 17. P. 75.

⁵ *Walsh J.K.* El Libro de los Doze Sabios o Tractado de la Nobleza y lealtad [ca. 1237]. Estudio y edición, Madrid: Anejos del Boletín de la Real Academia Española, 1975. Ф. Гомес Редондо считает, что речь идет о документе пропагандистского характера, отредактированном в первые годы правления Альфонсо X, не ранее 1255 г.: *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa castellana, I. La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano. Madrid: Cátedra, 1998. P. 245—259.

⁶ *Francisco Olmos J.M. de.* La Figura del Heredero del Trono en la Baja Edad Media Hispánica, Madrid, 2003. P. 112—119.

⁷ *González Jiménez M.* Alfonso X, infante // Acta Historica et Archaeologica Mediaevalia. 1999—20001. Vol. 22: Homenatge al Dr. Manuel Riu i Riu, 22. P. 292—309 [переиздание: Estudios Alfonsíes / Ed. M. González Jimenez. Granada: Universidad de Granada-Universidad de Murcia, 2009. P. 281—299].

его восшествию на трон, наследный принц в первую очередь сосредоточил свое внимание на двух инициативных проектах, имевших огромное политическое значение и продемонстрировавших его широчайшую независимость в сфере управления: включение королевства Мурсии во владения короны и вмешательство во внутренний конфликт в Португалии, который положил конец правлению короля Саншу II.

Действия в отношении Мурсии стали явной демонстрацией королевских полномочий и начались с подписания так называемого Алькарасского договора 1243 г. Вследствие этого акта, а также прямого политического давления, усилившегося в последние годы, местные власти Мурсии во главе с правителем Мухаммадом ибн Худом договорились с Кастилией о принятии ее покровительства с последующей передаче крепостей и рент при условии сохранения минимальной автономии. Именно инфант-наследник был тем, кто сначала достиг компромисса, а затем принял меры по подчинению Мурсии, которая воплотила в жизнь подписанные соглашения. Естественным образом, принимая в расчет то, что это мусульманское королевство и район его нечетких границ на юге с Валенсией были зоной обоюдной экспансии как Кастилии, так и Арагона, инфант должен был незамедлительно подписать соглашение с арагонским монархом Жауме I;¹ им стал договор, заключенный в Альмисре в 1244 г., который уточнял границы Мурсии и гарантировал кастильцам контроль над значительной частью земель тайфы Аликанте. Однако, инфанту предстояло столкнуться с враждебно настроенными раисами — мусульманскими наместниками южных территорий королевства Мурсия, а конкретно — городов Мула, Лорка и Картахена, которые отказались принять подчинение согласно Алькарасскому договору. Тем не менее, в первые месяцы 1245 г. три эти анклава перешли под кастильский контроль.²

Причины вмешательства в дела Португалии были несколько иными. Если ситуация в Мурсии стала объектом открытой демонстрации королевских полномочий инфанта, то в случае с Португалией он проявил

¹ Жауме I Завоеватель (1208—1276 гг.) — сеньор Монпелье (1213—1276 гг.), правитель земель Арагонской Короны в 1213—1276 гг. Носил также титулы сеньора Майорки (1229—1276 гг.), короля Валенсии (1238—1276 гг.), графа Урхельского и сеньора Монпелье (1219—1276 гг.), графа Россельона и Сердани с 1241 г. и др. Получил власть в малолетнем возрасте, после смерти отца, Пере II, в битве при Мюре (1213 г.). В 1214 г. официально принес клятву в качестве короля на кортесах в Льейде (Лериде). В 1218 г. на кортесах Каталонии и Арагона в том же городе был провозглашен совершеннолетним. С его именем традиционно связывают начало периода наивысшего подъема Арагонской Короны, завоевания Валенсии, начала средиземноморской экспансии и др. До 1229 г. был женат на кастильской инфанте Леонор, однако затем брак был расторгнут из-за близкого родства супругов (*прим. перев.*).

² *Torres Fontes J.* La reconquista de Murcia en 1266 por Jaime I de Aragón. Murcia: Patronato de Cultura de la Exma. Diputación de Murcia, 1987 (2ª ed.). P. 31—44.

собственную инициативу и действовал вопреки воле своего отца. И хотя корни проблемы уходили в прошлое, внутренний конфликт в Португалии разразился вследствие появления буллы о смещении Саншу II,¹ обнародованной папой Иннокентием IV в июле 1245 г.; эта булла признавала короля низложенным (*rex inutilis*) и временно, до совершения коронации, передавала власть его брату Афонсу, графу Булони.² Установить причины конфликта непросто, но все указывает на складывание в Португалии обстановки своего рода анархии, пресечь которую королевская власть была неспособна. В частности, многие епископы жаловались на нарушение буллы «*Libertas Ecclesiae...*».³ Ясно одно: в то время как Фернандо III придерживался нейтралитета, его сын Альфонсо принял сторону смещенного короля и без согласия отца собрал войско, для чего испросил средств у короля Арагона Жауме I, и вступил в Португалию зимой 1246—1247 гг. Кампания, стоившая ему отлучения от церкви со стороны португальских епископов, оказалась непродолжительной и неудачной, и уже весной 1247 г. инфант отправился обратно в Кастилию. Загнанный в угол, Саншу II покинул Португалию при поддержке кастильского инфанта и скончался в Толедо в январе 1248 г.⁴

Причины разногласий между Фернандо III и его сыном относительно португальского конфликта различны. Несомненно, король Кастилии и Леона, поглощенный в тот момент походом против неверных в Андалусию, несколько не был заинтересован в том, чтобы его силы отвлекались на поддержку португальского монарха, лишённого власти папой и женатого на Менсии, сестре Диего Лопеса де Аро, магната, всего лишь тремя годами ранее возглавившего мятеж против него. Кроме того, нам также известно, что инфант Альфонсо вел переговоры с Саншу II о передаче Кастилии ряда португальских территорий, что в тогдашней ситуации могло привести к опасным последствиям.⁵ Мы не знаем ни о том, о каких имен-

¹ Саншу II (1209—1248 гг.) — король Португалии в 1223—1248 гг. Сложные отношения с Римом (обусловленные отлучением от Церкви его отца Афонсу II) с течением времени переросли в прямой конфликт, следствием которого стало низложение короля (*прим. перев.*).

² Афонсу III, будущий король Португалии, получил титул графа Булонского, вступив ок. 1223 г. в брак с обладательницей этого титула Матильдой II (1202—1259/60 гг.), являвшейся также графиней Даммартена и Омаля (*прим. перев.*).

³ «*Libertas Ecclesiae...*» («Свобода Церкви») — знаменитая булла папы Григория VII, обнародованная в 1079 г. и провозгласившая независимость папы от власти Империи и светской власти в целом (*прим. перев.*).

⁴ Тщательное рассмотрение обстоятельств этого португальского кризиса см.: *História de Portugal. Vol. 2: A Monarquia Feudal (1096—1480)* / Ed. J. Mattoso. Lisboa: Editorial Estampa, 1993. P. 126—133.

⁵ *Quintana Prieto A. La documentación Pontificia de Inocencio IV (1243—1254)* / 2 vols. Roma: Instituto Español de Historia Eclesiástica, 1987. Doc. 288; *Ayala Martínez C. de. Di-*

но территориях шла речь, ни о том, какова была природа договора, связавшего португальского монарха и кастильского инфанта, но не было бы удивительным, если все это касалось Алгарве, уже тогда ставшего объектом пристального внимания со стороны Альфонсо.

Вероятно, единство взглядов между Фернандо III и его сыном Альфонсо не было столь уж велико в годы, предшествовавшие вступлению последнего на престол. К разногласиям по португальскому вопросу могли добавиться и другие,¹ и не похоже, чтобы инфант торопился явиться в Севилью, куда его призвал отец в 1248 г.² В любом случае, не следует искать в этом следы возможного и дестабилизирующего неподчинения со стороны инфанта: годы спустя он проявит себя искренним почитателем своего отца, что открыто продемонстрирует в своем «Семичастии» (*Setenario*) или даже в «Кантигах».³ Что действительно заслуживает более тщательного рассмотрения, так это существование некоего собственного политического проекта, который вынашивал уже зрелый наследник. И нет сомнений, что важную роль в этом проекте играла женитьба на инфанте Виоланте Арагонской, дочери короля Жауме I, задуманная некоторое время назад, но осуществленная лишь в январе 1249 г.

Фернандо III скончался 30 мая 1252 г. И всего лишь два дня спустя, 1 июня, инфант Альфонсо стал королем, будучи провозглашенным таковым у незадолго до этого закрытой гробницы отца в кафедральном соборе Севильи. Кажется, тогда же он формально сам произвел себя в рыцари. И все это произошло в ходе ритуала, вероятнее всего, не изобиловавшего скаральными элементами.⁴

rectrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263) // *Antiqua et Mediaevalia*. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 1986. P. 31.

¹ Среди них можно указать на удачные переговоры инфанта с латинским императором Константинополя Балдуином II с целью добиться от того военной поддержки. Соглашение об оказании такой поддержки было утверждено магистром ордена Сантьяго и подписано инфантом в мае 1246 г., но мы знаем, что Фернандо III сделал все возможное, что воспрепятствовать осуществлению этого проекта, что в итоге и произошло (Benito Ruano E. *La Orden de Santiago y el Imperio Latino de Constantinopla* // *Estudios Santiaguistas* / Ed. E. Benito Ruano. León: Colegio Universitario de León, 1978. P. 29—60).

² *González J. Reinado y diplomas de Fernando III. Vol. I: Estudio*. Córdoba: Publicaciones del Monte de Piedad y Caja de Ahorros de Córdoba, 1980. P. 275.

³ *Alfonso X el Sabio. Setenario* / Ed. K. H. Vanderford. Barcelona: Crítica, 1984. P. 8—25; *Snow J. T. Alfonso X y las «Cantigas»: documento personal y poesía colectiva* // *El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las «Cantigas de Santa María»* / Ed. por J. Montoya Martínez, A. Domínguez Rodríguez. Madrid: Editorial Complutense, 1999. P. 159—172. P. 168.

⁴ Об аскетизме кастильской монархии периода позднего Средневековья в свое время писали: *Ruiz T. Unsacred Monarchy: the Kings of Castile in the Late Middle Ages* // *Rites of Power. Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages* / Ed. S. Wilentz. Philadelphia:

Сделав небольшой экскурс в тот период жизни Альфонсо, когда он являлся наследником престола, и прежде, чем перейти к обзору его правления, необходимо обратить внимание на два обстоятельства, делающих его чрезвычайно интересным в качестве объекта исследования: его долголетие — необходимое условие для проведения анализа в достаточной перспективе, а также наличие у него целостной программы, включающей столь разнообразные аспекты, что отражает политический идеал эпохи в целом. Более чем тридцатилетнее правление является подтверждением первого обстоятельства. Второе подкрепляется навязчивой идеей монарха быть «сеньором над всеми жителями своих земель» («señor sobre todos los de su tierra»),¹ весьма своеобразный и примитивный способ выразить неуемное желание господствовать.

Этому неуемному желанию подчинены самые разнообразные политические, экономические и культурные начинания. Все они составляют стройную программу, чье осуществление не всегда было последовательным и которая, конечно, в ряде аспектов столкнулась с ожесточенным сопротивлением. Следующие страницы мы посвятим размышлениям об этой программе.

2. В стремлении к высшей власти

Обзор обширного корпуса правовых текстов, созданных под руководством Альфонсо X, предоставляет нам достоверные сведения о том, как монарх понимал королевскую власть, каковы были ее функции и границы. Итак, в «Зерцале» мы находим одно изречение, которое наиболее емко отражает его политические взгляды: «...милостью Божьей над нами нет иного высшего начала в мирских делах»² (*por la merced de Dios non ave-mos mayor sobre nos en lo temporal*). Речь не идет об оригинальном подходе

University of Pennsylvania Press, 1985. P. 109—144; *Linehan P.* The Accession of Alfonso X (1252) and the Origins of the War of the Spanish Succession // *God and Man Medieval Spain: Essays in Honour of R. L. Highfield / Ed. by D. W. Lomax, D. Mackenzie.* Warmisnter: Aris and Phillips, 1989. P. 59—79. Противоположная точка зрения была высказана в работе: *Nieto Soria J. M.* Imágenes religiosas del poder real en Castilla (siglos XIII—XVI // *En la España Medieval.* 1986. T. 5. No. 2. P. 709—729; *Nieto Soria J. M.* Iglesia y poder real en Castilla. El episcopado, 1250—1350. Madrid: Universidad Complutense, 1988. P. 67—68; *Nieto Soria J. M.* Origen divino, espíritu laico y poder real en la Castilla del siglo XIII // *Anuario de Estudios Medievales.* 1997. T. 27. P. 43—100. Резюмирующий взгляд на проблему представлен у: *O'Callaghan J. F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla: Universidad de Sevilla, 1996. P. 47—49; *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio. Madrid: Ariel, 2004. P. 46.

¹ Espéculo. II. 1. 5.

² Espéculo. I. 1. 13.

Мудрого Короля. Скорее, он вписывается в традиционную для XIII в. линию аргументации, сводящуюся к тому, что короли стремятся к полноте власти, не обусловленную универсалистскими амбициями. На Пиренейском полуострове Альфонсо X будет первым, кто представит ее, основываясь на теории такого сторонника передовых взглядов, каковым являлся канонист Висенте Испанский.¹

Естественным образом в представлениях короля отражалась новая концепция верховной власти. Для Альфонсо X она являлась прямым отражением представления о короле как законном наместнике Бога на земле: «*vicarios de Dios son los reyes, cada uno en su reino, puestos sobre las gentes para mantener en justicia e en verdad, cuanto en lo temporal, bien así como el emperador en su imperio*» (*Partid.* II. 1. 5).² Таким образом, этот статус «наместника» влечет за собой теснейшую связь между королем и Божеством, от которого он получил семь даров Святого Духа: мудрость, разумение, совет, крепость, благоразумие, благочестие и богобоязненность.³ Поэтому неудивительно, что в своей «Всеобщей истории» сам Альфонсо X говорит о том, что «короли более остры умом, нежели остальные люди».⁴ Этот и никакой другой принцип лежит в основе его понимания сакральности. Она происходит не из формальных атрибутов, не из ритуализованных литургических актов, ни даже из вероятных чудотворных способностей,⁵ от которых сам *Мудрый Король* отрешается в знаменитой кантиге 321.⁶ Как убедительно было показано Аделин Рюкуа, сопричастность божественной мудрости и является теологическим основанием его верховной власти.⁷

¹ Висенте Испанский (либо Викентий Испанский) (лат. Vicentius Hispanus) (ум. в 1248 г.) — выдающийся юрист-канонист португальского происхождения, выпускник (впоследствии — профессор) Болонского университета, в конце жизни — архидьякон собора Св. Марии Старшей (Лиссабон), автор комментариев к постановлениям IV Латеранского собора (1215 г.) и ряда других выдающихся произведений (*прим. перев.*).

² «Короли являются vicaribus Господа, каждый в своем королевстве, поставленные над народом для поддержания справедливости и мира во всех мирских делах, подобно императору в его империи» (ст. каст.).

³ Alfonso X el Sabio. Setenario / Ed. K. H. Vanderford... P. 7—8.

⁴ Martin G. El modelo historiográfico alfonsí y sus antecedentes // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII—XV) / Ed. por G. Martin. Madrid: Casa de Velázquez, 2000. P. 20.

⁵ Подобных, например, приписывавшихся французским и английским королям способностям исцелять золотуху путем прикосновения руки. См.: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: «Языки славянской культуры», 1998 (*прим. перев.*).

⁶ O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Cantigas de Santa María. A Poetic Biography. Leiden-Boston-Köln: Brill, 1998. P. 76—83.

⁷ Rucquoi A. El Rey Sabio: cultura y poder en la monarquía medieval castellana... P. 80—82.

Эта верховная власть выступает наилучшей гарантией правильного функционирования политического порядка, которая всего лишь воспроизводит на земле гармоничный порядок небесного устройства, и подобно тому, как Христос стоит во главе сонма ангелов, так и король возглавляет свою политическую рать, в которую входят его подданные.¹ Соответственно, связь, установленная между последними и королем, — это естественная (*natural*) связь, связь от рождения, превосходящая договорную условность феодализма.² Узы естественной (*por naturaleza*) связи соединяют таким образом короля с его «*naturales*» (ибо он является душой народа³); от последних же ожидается лишь верное подчинение, гарантирующее неделимость и благополучное существование единого тела.

Как мы видим, концепция королевской власти Альфонсо X имеет прочное юридическое основание. Памятники законодательства *Мудрого Короля* — наиболее известный и выдающийся плод его долгого правления, и, без сомнения, тот инструмент, который позволил ему развернуть программу, базирующуюся на той самой концепции власти. Наиболее значимых произведений на правовую тематику три: «Королевское Фуэро», «Зерцало» и «Семь Партид». Задачей первого было представить единую модель местного права преимущественно для территорий, не имевших на тот момент фуэро или получивших последние не от королей. Большое число поселений и городов в Старой Кастилии, в Эстремадуре и Трансьерре,⁴ в королевстве Толедо и даже в Андалусии и Мурсии обрели это фуэро в период с 1255 по 1272 гг.

«Зерцало», в свою очередь, осталось незавершенным и должно было стать единым сводом права для всего королевства; в отличие от «Королевского Фуэро», его главным новшеством стал территориальный принцип. Неясно, вошло ли его использование в судебную практику или, напротив, он так и остался материалом для служебного пользования и консультаций для королевских судей. В любом случае, его разработка была, несомненно, прервана вследствие начала работы над новым трудом, более систематизированным и амбициозным, коим стали «Семь Партид», в основу которых, пусть и в переработанном виде, легли материалы «Зерцала». И хотя относительно хронологии создания обеих компиляций у ученых не существует единого мнения, очевидно, что «Зерцало» представляет

¹ FUERO REAL, II, 2.

² *Maravall J. A. Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // Estudios de Historia del Pensamiento Español. Madrid: Ediciones Cultura Hispánica, 1973. P. 103—156.*

³ ESPÉCULO. II. 1. 4: «...es el alma del pueblo, ca así como el cuerpo vive por el alma, así el pueblo vive por el rey» («Он есть душа народа; подобно тому, как тело живет благодаря душе, так и народ живет благодаря королю»).

⁴ Трансьерра — историческая область к северу от г. Касерес (*прим. перев.*).

собой произведение весьма сложное по замыслу, материалы для которого должны были собираться еще в период предшествующего правления и чья частичная разработка — и дальнейшее обнародование — должны были иметь место в первые годы правления Альфонсо X, с 1254 по 1255 гг. Традиционно принято считать, что создание «Семи Партид» началось между 1256 и 1257 гг.¹ Так или иначе, перед нами новаторский политический подход романского толка и с унифицирующим юридическим уклоном.

Именно на этой основе король наиболее полно показал свое могущество в его самых разнообразных и репрезентативных формах; все его меры были нацелены на усиление и укрепление политической власти, стремившейся к полному суверенитету. К сожалению, у нас нет возможности даже кратко остановиться на последовательном изложении этих мер. Ясно, что они должны были охватить круг вопросов — от рационального использования приграничных таможенных сборов до утверждения средневекового кастильского в качестве официального языка королевства. Первое направление проявилось во введении таможенных «десятин», которые, наряду с протекционистскими функциями, усиливали политическую волю короля к четкой фиксации пределов его суверенной территории, хотя, как известно, недовольство знати этой мерой вынудило в 1273 г. приостановить ее применение.² Что же касается придания кастильскому языку статуса официального, то эта тема хорошо известна, как и то, что королевская канцелярия, да и не только она одна, переняла ряд начинаний, принятых еще в последние годы предыдущего царствования.³

¹ Мы опускаем пространный библиографический список работ авторов, писавших об этих правовых проблемах; сошлемся лишь на стройный обзор, представленный в монографии М. Гонсалеса Хименеса (см.: *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio...* P. 92—96), хотя в том, что касается хронологии создания произведений, следует отметить исследования Дж. Р. Крэдока (*Craddock, J. R. La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio // Anuario de Historia del Derecho Español. 1981. T. 51. P. 365—418* [переиздание: *Craddock, J. R. Palabra de rey: selección de estudios sobre legislación alfonsina. Salamanca: SEMYR, 2008. P. 43—101*] и Х. Санчеса-Арсильи (Sánchez-Arcilla Bernal J. *La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polémica // El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las «Cantigas de Santa María» / Ed. por J. Montoya Martínez, A. Domínguez Rodríguez. Madrid: Editorial Complutense, 1999. P. 17—81*).

² *Cortes de los antiguos reinos de León y Castilla. Vol. I. Madrid: Imprenta y estereotipia de M. Rivadeneyra, 1861. P. 85—86.*

³ *Procter E. S. The Castilian Chancery during the Reign of Alfonso X // Oxford Essays Presented to H. E. Salter. Oxford: Clarendon Press, 1934. P. 103—121; Kleine M. La cancellería real de Alfonso X. Actores y prácticas en la producción documental. El Puerto de Santa María: Cátedra Alfonso X el Sabio-Universidad de Sevilla, 2015; Martin G. Alphonse X et le pouvoir historiographique // L'histoire et les nouveaux publics dans l'Europe médiévale (XIIIe—XVe siècles) / Ed. par J.-Ph. Genet. Paris: Publications de la Sorbonne, 1997. P. 229—245.*

Действительно, как мы уже отметили выше, меры, избранные Альфонсо X для укрепления центральной власти, стремившейся к абсолютному верховенству, были весьма различны. В экономической и фискальной сфере они, разумеется, не ограничивались лишь введением упомянутых «десятин». Обратим внимание, например, на его попытки упорядочить систему мер и весов во всем королевстве, в чем также сказывается явное политическое стремление сделать из этого правового принципа, работающего на общее благо, инструмент территориальной консолидации: «*porque nuestro señorío es uno, queremos que todas las medidas e los pesos en nuestros regnos (...) sean unas*».¹ И если это начинание весьма значимо, то не менее важным в той же экономической и фискальной сфере является знаменитая политика *Мудрого Короля* в области скотоводства, призванная унифицировать в пользу монархии пеструю и разрозненную картину взимания «монтазго»;² в этом отношении меры, одобренные кортесами Севильи в 1261 г., стали наиболее важными.³

В институциональном и административном плане политика Альфонсо X также была весьма показательна в том, что касается проявления тенденции к укреплению системы власти и ее централизации. Об этом явно свидетельствуют правовые установления королевства; но здесь мы выделим всего один аспект, наиболее заслуживающий внимания: оформление статуса кортесов в качестве политического инструмента, расширяющего базу для консолидации королевства, укрепление корпоративного единства этого института и превращение его в средство для торжественной легитимации королевской воли. Кортесы созывались более двадцати раз в течение долгого правления и именно в тот период приобрели характерную форму. На этом особо настаивает Дж. О'Каллагэн, ни в коей мере не отделяющий историю кортесов времен Альфонсо X от фискальной политики королевства.⁴

¹ «Поскольку власть наша едина, то мы желаем, чтобы все меры и веса в наших королевствах были едины» (*см. каст.*). С этими словами король обратился в письме к консехо Леона в 1261 г., хотя существуют и другие свидетельства такого рода. Успех предпринятой попытки имел явно ограниченный характер (*Ayala Martínez C. de. Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263)*... P. 158—159).

² Монтазго (*см. каст. montazgo*) — платеж за право выпаса скота (главным образом — овец) при их перегоне через определенную территорию с зимних пастбищ на летние и наоборот (*прим. перев.*).

³ Argente del Castillo Ocaña C. *La ganadería medieval andaluza. Siglos XIII—XVI (Reinos de Jaén y Córdoba)* / 2 vols. Jaén: Diputación Provincial de Jaén, 1991. P. 648—650; *Ladero Quesada M. A. Fiscalidad y poder real en Castilla (1252—1369)*. Madrid: Editorial Complutense, 1993. P. 121—122.

⁴ *O'Callaghan J.F. The Cortes and Royal Taxation during the Reign of Alfonso X of Castile // Traditio. 1971. Num. 27. P. 379—398; O'Callaghan J. F. Las Cortes de León y Castilla,*

Но, пожалуй, сферой сугубо идеологического толка, где претензии короля Альфонсо на верховенство достигли наибольших высот, и в этом смысле их нельзя не упомянуть, являются отношения монархии с Церковью. Мы уже видели, как король присваивает себе позицию «наместника» (викария) Бога. Такой подход возвышал его, в рамках королевства, над любой другой властной структурой и давал право осуществлять эффективный контроль над всеми и каждым из учреждений королевства. Церковь не являлась исключением. Скорее, наоборот. Ее положение как хранителя ценностей и доктринально-теологических аргументов, способных узаконить и разрешить любое действие со стороны власти, делали ее объектом особого интереса для короля. В той же мере ему не были безразличны ни опасения из-за возможного ограничения его власти со стороны структуры, подчиняющейся внешней юрисдикции, ни экономический потенциал, которым та же Церковь обладала в пределах королевства. Требованиями морали Альфонсо X объяснял покровительственное и патерналистское отношение к Церкви и ее институтам, которое делало необходимым прямое вмешательство в их дела.¹

На практике подобный подход предполагал наделение полномочиями, чреватými злоупотреблениями как при назначении епископов или сознательной отсрочке занятия приносящих доходы вакантных кафедр, так и (и более того) в том, что касается присвоения третьей части собранных десятин и других церковных платежей, включая причитающиеся Церкви доходы, которые могли использоваться в интересах частных лиц, а также политическую заинтересованность в издании папами некоторых булл о крестовых походах. Борьба с неверными несомненно являлась ресурсом, веками использовавшимся для укрепления тех основ, опираясь на которые короли полуострова укрепляли свою власть как минимум с середины XI в. Альфонсо X проявил себя как неутомимый борец с мусульманами, сумевший воспользоваться привилегиями, проистекающими от подобного положения, при этом не осуществив ни единой кампании, достойной звания крестового похода. Еще будучи инфантом, он получил буллу от папы Иннокентия IV, которая в 1246 г. даровала индульгенцию, изначально пожалованную Иерусалиму и изданную для всех тех, кто оказывает помощь в борьбе против «*hostes fidei in frontaria Castelle et*

1188—1350. Valladolid: Cortes de Castilla y León-Ámbito, 1989. P. 33—40. Cp.: *Ayala Martínez C. de, Villalba Ruiz de Toledo F. J.* Las Cortes en el reinado de Alfonso X // Las Cortes de Castilla y León, 1188—1988. Actas de la Tercera Etapa del Congreso Científico sobre la Historia de las Cortes de Castilla y León. León, del 26 al 30 de Septiembre de 1988, I. Valladolid, 1990. P. 239—270.

¹ *Nieto Soria J. M.* Principios teóricos y evolución de la política eclesiástica de Alfonso X // *Mayurqa*. 1989. No. 22. P. 465—474; *Nieto Soria J. M.* Iglesia y génesis del Estado Moderno en Castilla (1369—1480). Madrid: Editorial Complutense, 1993. P. 30—31.

Legionis».¹ Примечательно, что к тому моменту военная кампания в Мурсии, ради которой и была испрошена булла, уже победоносно завершилась. Но в сущности это не играло большой роли, поскольку ее можно будет использовать и в дальнейшем.

Первые десять лет правления Альфонсо X прошли под знаком борьбы с маврами, и об этом написано уже довольно много.² В действительности, африканский крестовый поход (*fecho de allende* или *fecho de África*), как в ряде случаев королевская канцелярия именovala этот первый проект, вероятнее всего, перешедший к нему от отца, заключался в присоединении исламских территорий обширного побережья Кадисского залива к западу от границ Гранадского королевства и установлении контроля над Гибралтаром при определенной стратегической поддержке в североафриканских землях. Среди прочего, это был способ ограничить действия гранадского эмирата, без необходимости уничтожить его. Но, несмотря на удачное развитие этого проекта, африканский крестовый поход, освященный и поддержанный Римом, так и остался весьма далек от первоначальных высоких целей. В 1261 г. был установлен режим протектората над г. Херес-де-ла-Фронтера и районом г. Гуадалете, в рамках которого контроль над хересской крепостью играл очень важную роль, позволив, среди прочего, шаг за шагом начать заселение Аликанате (Санта-Мария-дель-Пуэрто, ныне Пуэрто-де-Санта Мария) и самого Кадиса. Кроме того, известно, что в начале 1262 г. было завершено завоевание недавнего данника Кастилии и Леона, королевства Ньеблы, хотя в реальности последнее было сдано путем заключения соглашения.³ Однако африканский крестовый поход ограничился лишь быстрым захватом в 1258 г. местечка, расположенного западнее Орана, вероятно — Таоунта,⁴ недалеко от Гибралтарского пролива, и нападением в 1260 г. на порт Сале, близ Рабата, которое едва ли стало большим, чем набег, важный с точки зрения пропаганды, в условиях непростой международной обстановки, о которой мы поговорим ниже.⁵

¹ «Врагов веры на границах Кастилии и Леона» (лат.). См.: Quintana Prieto A. La documentación Pontificia de Inocencio IV (1243—1254)... Doc. 272.

² Комплексный подход представлен в работе: *González Jiménez M.* Las cruzadas de Alfonso X contra el Islam occidental // Alfonso X y su época. El siglo del rey Sabio / Coord. por M. Rodríguez Llopis. Barcelona: Carroggio, S. A. de Ediciones, 2001. P. 175—193. Также см. недавние работы: *Rodríguez García J. M.* Ideología cruzada en el siglo XIII. Una visión desde la Castilla de Alfonso X. El Puerto de Santa María: Cátedra Alfonso X el Sabio-Universidad de Sevilla, 2014; *Idem.* La cruzada en tiempos de Alfonso X. Madrid: Sílex, 2014.

³ *García Sanjuán A.* La conquista de Niebla por Alfonso X // Historia, Instituciones, Documentos. 2000. No. 27. P. 89—111; *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio... P. 142—152.

⁴ *O'Callaghan J. F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla... P. 214.

⁵ *Ayala Martínez C. de.* Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263)... P. 277—279. Иную точку зрения выска-

Между тем, каковы бы ни были итог и истинные задачи африканского похода Альфонсо X, в глазах Церкви они выглядели вполне легитимно для того, чтобы использовать доходы, полученные от десятинных третей,¹ на нужды эфемерной «войны за веру».

Отдельную главу истории открытого стремления *Мудрого Короля* установить эффективный контроль над Церковью составляет тема духовно-рыцарских орденов. Эти особые действенные инструменты политики крестовых походов являлись объектом регулярного посягательства со стороны монарха, испытывавшего все: начиная с контроля над их владениями (*maestrazgos*) и заканчивая изъятием принадлежавших им крепостей. Но аспектом, в котором это вмешательство приобрело оттенок поистине неумолимого авторитаризма, стали попытки поставить службу орденов братьев² под прямой королевский контроль, упразднив, таким образом, верховенство капитула.³ Это явно видно на примере Устава Ордена Сантьяго (1259 г.), во вводной части которого говорится, что его обнаружение осуществляется «по приказу папы и короля Кастилии». Речь идет о клишированной формуле, которая, будучи таковой, не утрачивала глубинного политического смысла, того же, что подтолкнул короля в 1254 г. к попытке объединить ордена Калатрава и Алькантара или который годы спустя, в 1272 г., привел его к созданию нового духовно-рыцарского ордена — Санта-Мария-де-Эспанья, целиком его детища, чьи установления (*ordinationes* и *constitutiones*) содержались в «королевской книге».⁴

Очевидно, что подобное масштабное и явное наступление Альфонсо X, призванное установить непреложное королевское верховенство над всеми институтами и социальными сообществами в его владениях, имело значимую политическую цену. Сразу вскоре после его прихода к власти и вплоть до печального конца, включая и низложение, все королевство погружилось в беспрестанные волнения, а порой — и открытые выступления, и подобная реакция на проводимую королем политику последовала со стороны всех сословий и социальных слоев королевства, поскольку

зал М. Гонсалес Хименес (*González Jiménez M. Las cruzadas de Alfonso X contra el Islam occidental...*).

¹ O'Callaghan J. F. *El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla...* P. 212.

² Братья — члены духовно-рыцарских орденов, в состав которых входили, как правило, братья-рыцари и братья-клирики (*прим. перев.*).

³ Капитул — коллегиальный орган управления духовно-рыцарскими орденами (*прим. перев.*).

⁴ Ayala Martínez C. de. *Evolución institucional de los órdenes militares durante el reinado de Alfonso X // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes. 2000—2001. No. 2. P. 43—65; Ayala Martínez C. de. Las órdenes militares hispánicas en la Edad Media (siglos XII—XV), Madrid: Marcial Pons. Ediciones de Historia, 2003. P. 710—714.*

в каждом этот реформаторский и категорично авторитарный настрой монарха будил опасение и несогласие.

В первую очередь, так отреагировала высшая знать королевства. В разные моменты, в отличие от случившегося в предшествующее правление, знать восставала против королевского авторитаризма. Уже в 1254 и 1255 гг. это сделали Диего Лопес де Аро, сеньор Бискайи, которому вскоре наследовал его сын Лопе Диас, и представители остальной знати его дома и связанных с ним родов совместно с инфантом доном Энрике, братом короля. Имели место отказ от подчинения суверену и заключение соглашений с Жауме I Арагонским, готовым в непростой момент начала правления своего зятя дестабилизировать обстановку всеми возможными способами. Причинами восстания, в которое прямо или косвенно оказались вовлечены обширные части королевства, было возвышение, с согласия короля, дома Лара в ущерб их соперникам — Аро, возвышение, которое вносило разлад в систему взаимоотношений знатных родов, унаследованную еще от прежнего правителя, а также отказ монарха исполнять обещания Фернандо III, данные своему сыну Энрике, по передаче ему важнейшей пограничной сеньории с центром в Херес-де-ла-Фронтера. С самого начала Альфонсо X хотел прояснить два момента: большая или меньшая власть знати зависела от его власти суверена, а его сознательная политика на границах не должна была компрометироваться неумеренным присутствием там светской аристократии.

Твердость короля объясняет мощную атаку на его власть со стороны более широкого сегмента знати, возглавляемой на тот момент другим инфантом — доном Фелипе, а также возвысившимся представителем старинного рода Нуньо Гонсалесом де Лара, разразившейся в 1271 и 1273 гг. Серьезность нового движения основывалась на двух обстоятельствах. Прежде всего, на его необычайной широте, поскольку в него оказались вовлечены все основные знатные дома — Лара, Аро, Кастро, Камерос...; были установлены контакты как с королем Генрихом I Наваррским,¹ так и с правителями африканских берберов-маринидов, и в особенности, с гранадскими эмирами из династии Назридов, в чьи земли сбежали изгнанные с земли суверена главные предводители мятежа. Кроме того, серьезность движения заключалась также и в том, что в данном случае и независимо от частных требований, знати удалось четко выстроить свою программу действий, которая, как альтернатива, должна была радикально противостоять королевской. Эта «программа», составленная на имевшем гибельные последствия собрании в Лерме в 1271 г., приняла

¹ Генрих I Толстый (ок. 1244—1274 гг.) — граф Шампани и Бри, король Наварры в 1270—1274 гг., последний представитель Шампанского дома на наваррском престоле. Его планы скрепить союз Кастилии и Наварры династическим браком своего сына Тибо с дочерью Альфонсо X инфантой Вьоланте закончились крахом из-за трагической смерти Тибо, сорвавшегося со стены в замке Эстелья в 1273 г. (*прим. перев.*).

окончательный вид на кортесах, созванных королем в Бургосе в 1272 г. Она состояла из шести пунктов: отмена экстраординарных платежей, которые могли распространяться на вассалов, имеющих сеньоров; приостановка законодательной политики короля, позволявшая осуществить возврат к традиционным правовым нормам; восстановление судов рыцарей-идальго, которые позволили бы избежать подсудности знати королевским судьям, традиционно верным директивам монарха; прекращение устройства новых поселений со стороны короля в землях Галисии и Леона, поскольку они становились центрами притяжения для вассалов, имеющих своих сеньоров; отмена фискальных нововведений как в сфере таможенных тарифов, так и во всем, что касается упорядочения платежей, связанных с перегонным овцеводством; и, наконец, ограничение расходов на внешнюю политику, в особенности тех, что были вызваны имперскими притязаниями короля. Переговоры, состоявшиеся во время кортесов в Альмагро в 1273 г., завершились непростым компромиссом явно в пользу знати: король был вынужден приостановить свою амбициозную законодательную политику, и прежде всего — отказаться от применения «Королевского фуэро», с вытекающими из этого последствиями в виде ослабления его политического влияния, в обмен на временное право на получение доходов от платежей, обозначенных в качестве экстраординарных.¹

Победа, добытая знатью в 1271—1273 гг., сильно сказалась на развитии событий в последнее десятилетие правления Альфонсо и, несомненно, связана с восстанием, начавшимся в 1282 г. и положившим конец его правлению, о чем мы расскажем ниже.

Епископы в меньшей степени, нежели представители светской знати, выказывали свое недовольство централизующей и авторитарной политикой монарха, но во многих случаях они также чувствовали себя притесненными в том, что касается откровенных нападков на *libertas Ecclesiae*,² и давали выход своему недовольству. Подобные проявления стали неизбежным итогом того, что король видел в Церкви незаменимую поддержку трону, которая в любой момент должна быть готова к сотрудничеству с ним. На деле, Альфонсо X превратил ее в своего рода хранилище, из которого он мог извлекать верную и надежную поддержку, компенсированную епископскими должностями, и, в особенности, из которого он получал значительные суммы, позволявшие покрывать бесконечные нужды казны. В 1255 г. он потребовал и получил от собрания епископов, собравшегося в Вальядолиде, выплату, предназначенную для погашения долгов его отца перед папой; мы знаем также, что взимание третей церковных де-

¹ Эти события нашли всестороннее освещение в главах с XIX по LIX хроники правления, предположительно основанных на документах канцелярии: *Crónica de Alfonso X según el Ms. II / 2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid)*... P. 53—174.

² «Свободу Церкви» (лат.) (*прим. перев.*).

сятин, регулярно осуществлявшееся королем, составляло более 10 % всех доходов Короны.¹

Подобное почти постоянное давление на Церковь, несмотря на преданность королю, традиционно присущую епископам Альфонсо X, вызывало временами напряженные отношения и недовольство в их среде. Похоже, что такого рода тенденции стали проявляться на провинциальных церковных соборах в период с 1257 по 1258 гг.,² и несколько лет спустя, зимой 1262—1263 гг., епископы, не выражая своего недовольства королю напрямую, сообщили папе Урбану IV: экономическое положение кастильско-леонской Церкви настолько катастрофично, что оно не позволяет внести требуемую Римом в качестве помощи сумму на восстановление Латинской империи в Константинополе. Они уже оказали достаточную помощь и продолжают это делать, финансируя походы Реконкисты их собственных монархов.³

В действительности первое проявление открытого протеста епископов произошло, когда около десяти из них (чуть меньше половины от общего числа) присоединились в ходе бургосских Кортесов 1272 г. к мятежу знати. Их требования были приблизительно теми же, что три года спустя были удовлетворены на собрании клириков, прошедшем в Пеньяфьеле в апреле 1275 г. и возглавляемом наследником, инфантом доном Фернандо: признание церковных судов, в чьи обязанности входит рассматривать дела клириков; исполнение королевскими служащими предписаний цензуры и судебных постановлений, вынесенных прелатами; а также прекращение взимания платежей с церковного имущества.⁴

Так или иначе, речь шла о формальном признании в особо деликатный момент для монархии, в канун вторжения берберов-маринидов, когда Альфонсо X находился за пределами королевства, пытаясь добиться от папы хоть какой-то материальной выгоды в обмен на отказ от притязаний на императорский престол. Проблемы между Церковью и *Мудрым Королем* были велики и сложны, об этом можно судить по содержанию знаменито-

¹ По крайней мере, на конец XIII в. она составляла 11 %: *Hernández F. J.* Las Rentas del Rey. Sociedad y fisco en el reino castellano del siglo XIII / 2 vols. Madrid: Fundación Ramón Areces, 1993. P. CIX—CVII.

² *Linehan P.* La Iglesia española y el Papado en el siglo XIII. Salamanca: Universidad Pontificia, 1975. P. 140 ss.

³ *Benito Ruano E.* La Iglesia española ante la caída del Imperio latino de Constantinopla // *Hispania Sacra*. 1958. No. 11. P. 5—20; *Linehan P.* The Gravamina of the Castilian Church in 1262—3 // *English Historical Review*. 1970. No. 85. P. 730—754.

⁴ *Pardo Rodríguez M^aL.* La cancellería de don Fernando de la Cerda. Infante de Castilla y León (1255—1275). León: Universidad de León, 2009. Docs. 34—35; *O'Callaghan J. F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla... P. 88; *Ayala Martínez C. de.* La política eclesiástica de Alfonso X. El rey y sus obispos // *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies*. 2014—2015. No. 9. P. 79—84.

го «секретного мемориала» 1279 г., который папа Николай III направил в Кастилию со своим специальным нунцием Педро де Риети. В «мемориале» были отражены все жалобы кастильско-леонской Церкви, а также и самого Рима на действия короля. Речь шла, говоря выразительными словами П. Линехэна, о «*vadecum* регалиста»¹). К уже привычным вопросам, таким, как присвоение третей и отягощающие отсрочки доступа к занятию вакантных епископских кафедр, добавились принудительные ссылки епископов (в тот момент архиепископа Компостелы Гонсало Гарсии и его старинного и верного союзника епископа Леона Мартина Фернандеса) и всякого рода способы контроля, которые обуславливали занятие епископских кафедр и облегчали грабеж епархий, позволяли контролировать церковные решения либо незаконно использовать папские документы, а также вынуждали епископов выдавать карт-бланш² и не позволяли им связаться с Римом.³

Эта череда событий объясняет, почему во время кризиса престолонаследия, разразившегося после смерти наследника дона Фернандо в 1275 г., и последовавшего восстания дона Санчо, отстаивавшего свое право занять трон, в то время как указ короля передавал его в пользу внуков (сыновей скончавшегося инфанта), епископы открыто поддержали восставшую сторону: между 1282 и 1284 гг. (учитывая стратегические движения, традиционно носившие конъюнктурный характер); не более трети прелатов всего королевства остались на стороне Альфонсо, большинство же приняло сторону инфанта дона Санчо, высказывавшегося за уважение старинных привилегий церковью королевства. И даже стойкая позиция папы Мартина IV в поддержку монарха не смогла воспрепятствовать тому, что кастильско-леонские клирики приняли сторону мятежного инфанта.⁴

¹ *Vadecum* (лат.) — путеводитель (дословно: «иди со мной»); регалист — защитник исключительных прав Короны (регалий) в отношениях между государством и Церковью. П. Линехэн подразумевает, что документ содержал перечень всех традиционных претензий последней к королевской власти, которые регалисты считали неоправданно жестокими (*прим. перев.*).

² Незаполненные листы с подписью и печатью, которые получатель имел право заполнить так, как считал нужным (*прим. перев.*).

³ *Linehan P.* La Iglesia española y el Papado en el siglo XIII... P. 190—192; *Linehan P.* The Spanish Church revisited: The Episcopal gravamina of 1279 // *Autorithy and Power: Studies on Medieval Law and Government presented to Walter Ullmann on his seventieth birthday.* Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 122—147; *Ayala Martínez C. de.* Las relaciones de Alfonso X con la Santa Sede durante el pontificado de Nicolás III (1277—1280) // *Alfonso X el Sabio: Vida, obra y época, I.* Madrid: Sociedad Española de Estudios Medievales, 1989. P. 137—151; *Ayala Martínez C. de.* La política eclesiástica de Alfonso X. El rey y sus obispos... P. 84—95.

⁴ *Nieto Soria J. M.* Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII—XVI), Madrid: Eudema Universidad, 1988. P. 79—83; *Ayala Martínez C. de.* La política eclesiástica de Alfonso X. El rey y sus obispos // *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes.* 2014—2015. No. 9. P. 95—104.

Последовательное сопротивление Церкви, включая десятки аббатов, программе и действиям *Мудрого Короля*,¹ характерно также и для главных должностных лиц духовно-рыцарских орденов. Некоторые из них продемонстрировали свою двойственную позицию уже в конфликте знати 1271—1273 гг., облегчив тем самым положение дел для мятежников, хотя в то же время часто внешне они сохраняли верность монархии, что особенно видно в случае главы ордена Сантьяго Пелайо Переса Корреа. Теперь же, когда под конец правления Альфонсо X оппозиция все более выказывала решимость добиться отречения монарха, большинство магистров приняло сторону мятежного инфанта, а один из них, магистр ордена Сантьяго Педро Нуньес, развернул необычайную активность для развития движения братств-эрмандад городов и знати, ставших способом организации участников мятежа 1282—1284 гг.²

Очевидно, что одну из центральных ролей в этих братствах играл городской элемент, поскольку большие и малые города королевства также примкнули к оппозиции программе укрепления королевской власти. Правда, они сделали это с меньшим энтузиазмом, чем тот, который проявила знать, и чем тот чуть более сдержанный, но не менее заметный, который отличал духовенство. Преобразования Альфонсо X объективно могли способствовать укреплению экономических возможностей консехо и городских олигархий, но даже с учетом этого, уже в 1272 г. они выступили в поддержку ряда требований знати и, помимо отмены «Королевского фуэро» во многих городах королевства, вынудили монарха публично подтвердить традиционные фуэро и привилегии консехо.³

Ясно, что начиная с 1275 г. состояние королевства и его опоры в лице городов выглядит истощенным; непрекращавшиеся фискальные требования на фоне исламской угрозы только и делали, что возрастали. Когда кортесы в Севилье в 1281 г. по инициативе короля установили новую денежную систему, предлагая чеканить монеты двух видов: из серебра и меди, консехо согласились «скорее с опаской, нежели с одобрением»,⁴ как гласит известное замечание в «Хронике Альфонсо X», поскольку предложенная альтернатива выглядела неосуществимой, да и не могла ограничить, а скорее, наоборот, значительно усугубляла инфляционный

¹ Сорок аббатов бенедиктинцев, цистерцианцев и премонстрантов создали 2 мая 1282 г. братство в поддержку мятежного инфанта, в защиту поправных «свобод» (*O'Callaghan J. F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla...* P. 312).

² *Ayala Martínez C. de. La monarquía y las órdenes militares durante el reinado de Alfonso X // Hispania. 1991. No. 51. P. 409—465.*

³ *O'Callaghan J. F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla...* P. 267—268. О городских олигархиях и их связи с рыцарством и идальгией в период правления Альфонсо X см.: *Sánchez Saus R. Caballeros e hidalgos en la Castilla de Alfonso X // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes. 2014—2015. No. 9. P. 177—210.*

⁴ В оригинале идет игра со словами *temor* и *amor*. (нпм. *неперв.*)

процесс. Поэтому, когда инфант дон Санчо годы спустя на кортесах в Вальядолиде в апреле 1282 г. поднял знамя мятежа, отвергнув отцовские решения относительно порядка престолонаследия, городам не хватило времени для взятия под контроль растущих фискальных инициатив монархии, поскольку они в полной мере включились в движение братств-эрмандад на стороне дона Санчо.¹

3. Внешнеполитический курс

До сих пор мы рассматривали наиболее значимые аспекты программы действий Альфонсо X по укреплению его верховной власти, а также те противоречия, что возникли в ходе ее воплощения. Теперь пора остановиться, пусть и кратко, на обширной программе внешней политики Кастилии при *Мудром Короле*. Безусловно, эти отношения также явились плодом той политической программы, которую мы постарались проанализировать на предыдущих страницах. В действительности, проекцией этой программы вовне стало укрепление гегемонии на полуострове, которое не исключало активных действий в масштабах всего христианского мира. Это был не первый раз, когда леонские и кастильские короли устремились к подобной гегемонии, и не впервые, как в случае с Альфонсо X, они сделали это посредством использования императорского титула. Новаторство *Мудрого Короля* заключается в том, что, будучи наследником старинных имперских традиций сугубо испанского происхождения, он задействовал в дискуссии о притязаниях на императорский титул (и, тем самым, на верховную власть) источник, признанный всем христианским миром, каковым являлась романо-германская Империя.² Происхождение от Беатрис Швабской, его матери, делало эти притязания обоснованными,³ а потому *fecho del Imperio* стало важнейшим событием периода правления.⁴ Но не стоит обманываться: человек такого интеллектуального масштаба и такого политического опыта, как Альфонсо X, никогда не мог всерьез пола-

¹ *Hernández F. J.* Las Rentas del Rey. Sociedad y fisco en el reino castellano del siglo XIII / 2 vols. Madrid: Fundación Ramón Areces, 1993. P. CLXXXIII—CLXXXIV; *Castán Lanaspa G.* Política económica y poder político. Moneda y fisco en el reinado de Alfonso X el Sabio. Valladolid: Junta de Castilla y León, 2000. P. 212—213; *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio... P. 342.

² Священная Римская империя (*прим. перев.*).

³ В 1255 г. папа Александр IV признал права Альфонсо на герцогство Швабия (*Rodríguez de Lama I.* La documentación Pontificia de Alejandro IV (1254—1261). Roma: Instituto Español de Historia Eclesiástica, 1976. Doc. 23). Cp.: *O'Callaghan J.F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla... P. 244.

⁴ *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio... P. 9.

гать, что действительно станет германским императором. Его имперские амбиции вписываются, скорее, в рамки идеологического обоснования его собственной политической программы, согласно которой *auctoritas* неотделима от императорского титула, являвшегося бесспорным источником усиления притязаний на верховенство; эти притязания, с точки зрения международного признания, были намного выше, чем любые столкновения на полуострове: оспариваемая испанская империя превращалась в несомненную христианскую империю, бесспорное средство для признания истинного верховенства на полуострове.

Все это означает, что напряженная и непростая внешняя политика, проводившаяся *Мудрым Королем*, в рамках которой главными объектами выступали Англия, Франция или Италия, была подчинена сугубо испанской цели: укреплению гегемонии на полуострове. По этой причине и потому, что на полуострове лишь Арагон мог бросить тень на кастильско-леонские притязания, внешнеполитический курс Альфонсо X был, в основном, обусловлен темпами и отношениями с соседней Коронай.¹ В конечном итоге именно кастильско-арагонские отношения позволяют установить этапы столь сложного политического процесса, каковым являлась внешняя политика Кастилии во второй половине XIII в.² Давайте кратко проанализируем шесть этапов этой внешней политики.

Первый из них продлился всего лишь 4 года: с момента восхождения на трон весной 1252 г. и до встречи Альфонсо X и его тестя Жауме I в Сирии в марте 1256 г. с целью пересмотреть политические взаимоотношения, серьезно испорченные в предыдущие годы. Причиной раздора стало недовольство Арагона тем, что Кастилия значительно увеличила свои территории за последние 15 лет. В начале своего правления Альфонсо X захотел испытать способность соседней Короны ответить на его попытки воплотить идеи о гегемонии. Для этого первым, что он сделал, было обеспечение себе тыла, путем подписания соглашения с Португалией, которое номинально положило конец «вопросу Алгарве». В конце 1252 г. брак Беатрис, дочери Альфонсо X, с королем Афонсу III скрепил договор двух

¹ Государство, которое возникло во второй половине XII вв. в результате слияния графства Барселонского и Арагонского королевства и к которому в 1238 г. была присоединена область Валенсии, принято именовать в литературе Арагонской Коронай, или землями Арагонской Короны. Все входившие в состав Короны земли сохраняли широкую внутреннюю автономию, будучи объединены почти исключительно единством династии. (*прим. перев.*).

² *Ayala Martínez C. de. Alfonso X y sus relaciones políticas con la Corona de Aragón: los decisivos años de la alianza gibelina (1264—1274) // Relaciones de la Corona de Aragón con los Estados cristianos peninsulares (siglos XIII—XV). Actas del XV Congreso de Historia de la Corona de Aragón, II. Zaragoza: Diputación General de Aragón. Departamento de Cultura y Educación, 1993. P. 41—71; Ayala Martínez C. de. Relaciones de Alfonso X con Aragón y Navarra // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies. 2004—2005. No. 6. P. 101—146.*

королевств, согласно которому устанавливалась граница между ними по Гвадиане и который по взаимному согласию признавал кастильское господство над Алгарве.¹

Покончив с этим, Альфонсо X обратил свои взоры на Наварру. В июле 1253 г. скончался король Тибо I,² оставив в качестве наследника малолетнего Тибо II,³ *Мудрый Король* же не скрывал своих планов в отношении слабого северного соседа. Ввиду этого, Жауме I попытался предотвратить возможное вторжение и заключил с наваррским регентским правительством договор, который был подписан в Туделе 1 августа 1253 г. Реакция Альфонсо X была скорее политическая, нежели военная, и пока в королевстве Памплоны начинала создаваться партия для защиты его интересов, за его пределами сложилась сеть союзников, выступивших против наварро-арагонского договора, среди них стоит упомянуть соглашение с королем Англии Генрихом III,⁴ вступившее в силу в апреле 1254 г.: по нему английский наследник получал в жены инфанту Алиенору (Леонор), сестру кастильского короля, в обмен на отказ Англии поддержать мятежных гасконцев, таким образом, Альфонсо X получал поддержку английского монарха в преддверии предстоящего вторжения в Наварру.⁵

¹ Существуют различные взгляды на происхождение этой гегемонии. Оспаривая наиболее традиционные (уступки Санчо II или царьку Ньеблы Ибн Махфузу), профессор М. Гонсалес Хименес предлагает возвести ее начало к договору в Саагуне в 1158 г.: *González Jiménez M. Alfonso X y Portugal // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes. 2004—2005. No. 6. P. 22—28. Ср.: Mattoso J. As relações de Portugal com Castela no reinado de Alfonso X, o Sábio // Fragmentos duma composição medieval. Lisboa: Editorial Estampa, 1987. P. 73—93.*

² Тибо (каст. Теобальдо) I Трубадур (1201—1253 гг.) — граф Шампани и Брие под именем Тибо IV, король Наварры с 1234 г. Приглашен на престол наваррской знатью, отказавшейся исполнить волю умершего монарха Санчо VII Сильного и передать вакантный престол правителю земель Арагонской Короны Жауме I. Пытался выдать за инфанта Альфонсо (будущий Альфонсо X) свою дочь Бланку, однако достичь этой цели ему не удалось. В результате крестового похода 1238—1240 гг. в Святую Землю добился возвращения христианам Иерусалима (*прим. перев.*).

³ Тибо (каст. Теобальдо) II Младший (1238—1270 гг.) — король Наварры с 1253 г., граф Шампани и Брие (под именем Тибо V). Альфонсо X в 1256 г. уступил ему право пользования портами Фуэнтэрабиа и Сан-Себастьян. Участник крестового похода 1269 г. в Тунис под главенством главного союзника Наварры — Людовика IX Святого. После смерти последнего отказался от участия в походе. Умер на о. Сицилия по пути на родину (*прим. перев.*).

⁴ Генрих III — король Англии (1216—1272 гг.) из династии Плантагенетов, сын короля Иоанна Безземельного. Проиграв две гражданские войны, был вынужден согласиться на требования баронской оппозиции во главе с Симоном де Монфором, следствием чего, в частности, стало начало созыва английского парламента (1265 г.) (*прим. перев.*).

⁵ *Hernández F. J. Relaciones de Alfonso X con Inglaterra y Francia // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes. 2004—2005. P. 172 ss.*

Подобная перспектива была довольно тревожной и вынудила советников Тибо II искать поддержки у Арагона, а также отправить во Францию юного монарха, чтобы укрепить связи с Людовиком IX, принеся ему феодальный оммаж. Подобный ход мог навредить планам Альфонсо, особенно потому, что папа никогда не уезжал далеко от Франции. Поэтому, желая заручиться папской поддержкой, Альфонсо X разрабатывал свой знаменитый план африканского похода, которому, как мы знаем, не суждено было воплотиться в жизнь.

Карты были розданы, и на полуострове лицом к лицу встретились два ключевых участника этого непростого политического конфликта: Кастилия и Арагон. Вторжение в Наварру не состоялось, также обошлось без открытого столкновения между двумя испанскими державами, однако их перемирия сопровождались жестами и инициативами открытого потрясения оружием перед лицом противника. Обе стороны поддерживали врагов своего соперника: Альфонсо X — валенсийских мудехаров аль-Азрака,¹ а Жауме I — знатных противников *Мудрого Короля*, и оба стремились расширить сеть союзников дипломатическим путем. Здесь Альфонсо X одержал победу, поскольку ему удалось привлечь на свою сторону самого Людовика IX. Надо сказать, что это оказалось не так уж и сложно, учитывая плохие отношения Франции с Арагоном по вопросу *Midi*,² точно одно — в 1255 г. Людовик IX пообещал сделать все возможное, чтобы расторгнуть наварро-арагонский договор, в то время как он дал согласие на брак своего наследника Людовика с Беренгелой, наследницей кастильского престола.³ Такому удачному ходу, который сближал папскую курию с Альфонсо X, — в 1255 г. Александр IV признал его права на герцогство Швабия, — Жауме I смог противопоставить лишь соглашение с Португалией.⁴

Совершенно очевидно, что сеть союзников Альфонсо X была гораздо более разветвленной и крепкой, нежели у Жауме I, и ее действия не заста-

¹ Мухаммад Абу Абдаллах Бен Худзайль ль Сахур (прозванный Аль-Азрак — араб. «голубой», по цвету глаз) (1208—1276 гг.) — военачальник из Валенсии; после ее присоединения к владениям Арагонской Короны по «Договору Аль-Азрака» (1245 г.) сохранил право на управление рядом крепостей. В 1244, 1247—1258 и 1276 гг. поднимал восстания против Арагонской Короны, но потерпел поражение и погиб (*прим. перев.*).

² *Midi* (*франц.*) — территория современного средиземноморского юга Франции, от Прованса до района Тулузы. Западная часть этого региона некоторое время подчинялась власти Арагонской Короны; арагонцы утратили эти территории в результате Альбигойских войн и борьбы за влияние в Пиренеях (*прим. перев.*).

³ *Hernández F. J. Relaciones de Alfonso X con Inglaterra y Francia... P. 188—189.*

⁴ *Adao da Fonseca L. Contribución para el estudio de las relaciones diplomáticas entre Portugal y Aragón en la Edad Media: el tratado de alianza de 1255 // Jaime I y su época, 1 y 2. X Congreso de Historia de la Corona de Aragón. Zaragoza: Institución «Fernando el Católico», 1980. P. 547—556.*

вили себя долго ждать. Наварра разорвала договор с Арагоном, и на кортесах, собранных Альфонсо X в Витории в январе 1256 г., Тибо II принес вассальный оммаж королю Кастилии;¹ подобный шаг стал неоспоримым доказательством принятия его политической гегемонии. Жауме I, королю Арагона, не оставалось ничего иного, кроме как выбрать путь переговоров, и именно это привело его к известным «встречам в Сории» весной 1256 г. После них угроза столкновения исчезла, хотя напряженная политическая обстановка сохранялась еще на протяжении некоторого времени.

Второй этап внешней политики Альфонсо X пришелся на период 1256—1263 гг., время окончательного идеологического и доктринального оформления формирования его политической программы, наиболее продуктивное с точки зрения законодательной деятельности.

Этот этап начался с любопытного, однако не столь уж неожиданного, как можно было бы подумать, факта: предложения в марте 1256 г. королю Кастилии престола Священной Римской Империи по инициативе независимой республики Пизы. Подобное предложение легко объяснимо принадлежностью кастильского монарха к династии Штауфенов, что следует воспринимать в контексте весьма непростых интересов различных сторон. Этот факт привнес дополнительное теоретическое обоснование в программу Альфонсо X, связанное с пониманием *auctoritas*. Как известно, текст «Партид», создание которых, скорее всего, началось сразу после пизанского предложения, включает пространную доктринальную разработку, в которой присутствует и фигура императора.²

Пизанское предложение и последовавшие за ним выборы во Франкфурте в 1257 г. превратили короля Кастилии в лидера христианского мира, поддерживавшего идеи умеренных гибеллинов, в противовес радикализму Манфреда.³ Поначалу вокруг Альфонсо сплотилась часть итальянских гибеллинов,⁴ которые по политическим и даже преимущественно по

¹ *González Jiménez M., Molina Molina A. L. Los milagros romanizados de Santo Domingo de Silos de Pero Marín. Murcia: Real Academia de Alfonso X el Sabio, 2008. P. 51.*

² *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio... P. 121; Demontis L. Alfonso X e l'Italia. Rapporti politici e linguaggi del potere, Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2012. P. 35—63.*

³ Манфред (итал. Манфреди) Гогенштауфен (Швабский, Сицилийский) (1232—1266 гг.) — король Сицилии (1258—1266 гг.), незаконный сын императора Фридриха II, один из конкурентов Альфонсо X в борьбе за имперский престол (*прим. перев.*).

⁴ Гибеллины — партия сторонников укрепления императорской власти, изначально сложившаяся вокруг представителей швабской династии Гогенштауфенов (которым, в частности, принадлежал замок Вайблинген в юго-западной Германии; отсюда — название группировки) в ходе противостояния императоров Священной Римской империи и папства в XII—XIV вв. В противовес им, гвельфы (центром консолидации которых стала баварская династия Вельфов, давшая название партии) выступали в этом конфликте на стороне пап. Считается, что изначально эти названия возникли как боевые кличи (*Hye Welf! Hye Waiblingen!*) противостоящих сторон в битве при Вайнсберге (1140 г.), где вой-

коммерческим соображениям противостояли, подобно Пизе, временному альянсу между Манфредом и Генуей, а уж тем более не могли принять стабильный и прочный союз с Венецией: при таком раскладе получить альтернативного лидера гибеллинства, достаточно удаленного от итальянской действительности, чтобы не вмешиваться в ее дела, могло быть весьма выгодным. Папа Александр IV первоначально поддерживал короля Альфонсо; он одобрил кастильского претендента на имперский трон, поскольку рассчитывал таким способом достичь сразу двух целей: остановить увеличивающуюся власть Манфреда в Италии, а также ослабить позиции гибеллинов, разделив их.

Очевидно, что оружие, при помощи которого Альфонсо X старался укрепить свою власть на полуострове, изыскивалось на международной арене; а Жауме I, испуганный тем, что его ждало в таком случае, попытался воспользоваться тем же способом, чтобы нейтрализовать действия противника. Как и следовало ожидать, он обратил свои взоры на Манфреда, который взошел на трон Сицилии в 1258 г. и был готов при содействии Венеции и хафсидского¹ султаната Туниса взять под контроль проход между двумя частями Средиземного моря. В том же году Жауме I вступил в переговоры с Манфредом, но особенно старался укрепить свои традиционно хорошие отношения с Тунисом, решительно запретив нападения на североафриканское королевство.

Действия арагонцев, без сомнения, взволновали Альфонсо X. Его итальянских сторонников было недостаточно для того, чтобы противостоять Манфреду, а присоединение к последнему Арагона могли и вовсе свести на нет его планы по захвату гегемонии на полуострове: следовало укрепить свои позиции в качестве претендента на империю. В этом отношении необходимо проанализировать стремительное заключение соглашения в 1257 г. между Кастилией и Норвегией,² чье обсуждение велось уже до-

ска короля Конрада III Гогенштауфена нанесли поражение Вельфу VI. Однако большинство исследователей относит возникновение партий к более раннему периоду, последовавшему непосредственно за смертью императора Генриха V (1125 г.), т. е. ко времени соперничества в борьбе за имперский престол Фридриха Одноглазого (Гогенштауфена) и саксонского герцога Лотаря (будущий император Лотарь II), поддержанного Баварией. Современники не особенно часто использовали понятия «гибеллины» и «гвельфы», предпочитая именоваться, соответственно, «партией императора» и «партией папы» (*прим. перев.*).

¹ По названию династии Хафсидов, правившей в Тунисе после распада Империи альмохадов. В указанный период султаном Туниса являлся Мухаммад I аль-Мустансир (1249—1277 гг.) (*прим. перев.*).

² Королем Норвегии в этот период являлся Хокон IV Старый (Хокон Хоконссон) (1217—1263 гг.). Его правление считается «золотым веком» средневековой Норвегии. Отношения с Альфонсо X были установлены как с будущим императором Священной Римской империи, что объяснялось прямой заинтересованностью Норвегии в ситуации в се-

вольно долго, но было значительно ускорено, а также дополнено военным союзом.¹

В конце 1258 г. Альфонсо X посчитал, что пришел момент политической реализовать свою кандидатуру на имперский трон, для этого нужно было заручиться поддержкой своего собственного королевства и со всей уверенностью провозгласить гегемонию на полуострове, что являлось естественным продолжением акта выдвижения кандидатуры. Кастильско-леонские кортесы, торжественно созданные в начале 1259 г. в Толедо, послужили своего рода театральной сценой для достижения поставленных целей.²

Последовавшие за этим годы *Мудрый Король* потратил на то, чтобы в полной мере реализовать свою сложную пропагандистскую программу. Мы уже видели, как в 1260—1262 гг. был выдвинут план африканского крестового похода.³ В этот же период кастильский двор принял пышное посольство египетского султана Бейбарса,⁴ а принц Филипп,⁵ сын низложенного императора Константинопольского, там же был посвящен в рыцари;⁶ в довершение ко всему, в 1262 г. Альфонсо X предложил королю Англии Генриху III помощь в подавлении баронского восстания.⁷

Сложившаяся ситуация заставила Жауме I волноваться. Еще до того, как закончится год, когда были созваны кортесы в Толедо (1259 г.), он наказал своим послам помешать осуществлению любого кастильского проекта, который бы поставил «*regna nostra in aliqua subiectione ratione impe-*

веро-германском (в том числе — балтийском) регионе. Среди прочего, был решен вопрос о браке норвежской принцессы Кристины с одним из братьев Альфонсо X, однако ее ранняя смерть помешала исполнению этого плана (*прим. перев.*).

¹ *Gelsing B. A Thirteenth-Century Norwergian-Castilian Alliance // Medievalia et Humanistica. New Series. 1981. No. 10. P. 55—80.*

² *O'Callaghan J.F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla... P. 191, 253; González Jiménez M. Alfonso X el Sabio... P. 133—136.*

³ *González Jiménez M. Las cruzadas de Alfonso X contra el Islam occidental... P. 175—193; Rodríguez García J. M. Ideología cruzada en el siglo XIII. Una visión desde la Castilla de Alfonso X...; Idem. La cruzada en tiempos de Alfonso X...*

⁴ Бейбарс I — мамлюкский султан Египта и Сирии в 1260—1277 гг. (*прим. перев.*).

⁵ Филипп де Куртене (1243—1283 гг.) — сын императора Латинской империи Балдуина II (1228—1273 гг.), свергнутого в 1261 г.; несмотря на этот факт, Филипп формально носил титул императора с 1273 г. до своей смерти (*прим. перев.*).

⁶ *Martínez Montávez P. Relaciones de Alfonso X de Castilla con el sultán mameluco Baybars y sus sucesores // Al-Andalus. 1962. No. 27. P. 343—376; Benito Ruano E. Huéspedes del Imperio de Oriente en la corte de Alfonso X el Sabio // Estudios dedicados a Menéndez Pidal, VI. Madrid: CSIC, 1956. P. 631—645.*

⁷ *Ayala Martínez C. de. Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263)... P. 289—290.*

gii vel qualibet alia ratione».¹ Альфонсо X, зять арагонского короля, постарался сгладить нескрываемое недовольство тестя, но все было напрасно. Жауме I не собирался отказываться от своего твердого решения вступить в альянс с гибеллинами, возглавляемыми Манфредом. Это намерение получило завершение в виде брачного договора в июле 1260 г., согласно которому наследник Арагонской Короны инфант Пере брал в жены дочь Манфреда и наследницу Сицилийского королевства Констанцу. Жауме I прекрасно понимал, что такой его шаг нанесет сокрушительный удар по амбициозным планам короля Кастилии. Последний не преминул выразить свое недовольство в письме к тестю в сентябре 1260 г., в котором говорил, что «ningun omne del mundo tan grande tuerto nunca recibio de otro».²

Однако Жауме I и не думал пытаться смягчить нанесенную ему *tuerto*;³ напротив, он захотел усилить ее, еще больше укрепив свои связи с радикальными гибеллинами Манфреда, а особенно с Венецианской республикой, поскольку годом ранее, в 1261 г., Альфонсо X упрочил отношения с Генуей,⁴ которая вот уже несколько лет как была непримиримым соперником венецианского *dogo*⁵ в Средиземноморье. Тем не менее, все решалось не только в рамках заpireнейской дипломатии. Более чем напряженные отношения Кастилии и Арагона вылились в почти непрерывные столкновения на границе и обоюдное вмешательство во внутренние дела каждой из двух монархий.⁶

Третий этап, который следует выделить, приходится на 1264—1268 гг. В этот момент усилия Альфонсо X, прилагаемые для воплощения своей амбициозной политической программы, наткнулись на ряд серьезных препятствий как внутри-, так и внешнеполитического (заpireнейского) характера. С одной стороны, внутри страны Альфонсо X получил жесткий отпор со стороны весьма значимого демографического элемента Андалусии и Мурсии — мусульман. Их восстание, поддержанное гранадским эмиром

¹ «Наши королевства в какую-либо зависимость в силу фактора империи или по какой-либо иной причине» (лат.). См.: Archivo de la Corona de Aragón. *Cancillería*, Reg. 11, fol. 218; опубликовано: *Memorial Histórico Español*. Т. 1. Madrid, 1851. P. 151.

² «Ни один человек на земле не нанес другому столь страшной обиды» (ст. каст.). См.: Archivo de la Corona de Aragón. *Pergaminos de Jaime I*. N°1630. *MHE* I. P. 165.

³ «Обиду» (*прим. непер.*).

⁴ *Collantes de Terán Sánchez A. Sevilla en la Baja Edad Media*. La ciudad y los hombres. Sevilla: Servicio de Publicaciones del Excmo. Ayuntamiento de Sevilla, 1977. P. 215; *Diplomatarario Andaluz de Alfonso X* / Ed. M. González Jimenez. Sevilla: El Monte. Caja de Huelva y Sevilla, 1991. Docs. 250, 251.

⁵ «Дожа» (ст. каст.); кастильское слово, является производным от формы *doxe* (на венецианском диалекте), напрямую восходящей к лат. *dux*. В указанный период дожем Венеции являлся Реньеро Дзено (1253—1268 гг.) (*прим. непер.*).

⁶ *Ayala Martínez C. de. Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X* (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263)... P. 311—330.

Мухаммадом I¹ весной 1264 г., стало серьезным потрясением, в ходе которого, если верить рассказу «*Llibre dels Feits*»,² Кастилия менее чем за три недели лишилась около 300 городов и замков. Это также означало практически полный разрыв с Гранадой, итогом которого стал новый конфликт на юге страны, так окончательно и не решенный.³

С другой стороны, с точки зрения записанной политики, еще одно событие поставило под угрозу достижение политических целей *Мудрого Короля*. В период 1263—1264 гг. появилось объединение, чьи политические и экономические интересы шли вразрез с имперскими планами кастильской внешней политики. Это объединение, сложившееся вокруг Франции и получившее финансовую поддержку от банкиров гвельфской Тосканы, а также благословение от папского престола, имело в своем распоряжении очень эффективное оружие: Карла Анжуйского.⁴ Пропапски настроенные гвельфы наконец-то обрели решительную силу в лице брата набожного Людовика Французского.⁵ Но время покажет, что Карл не являлся игрушкой в руках папы и даже порой не одобрял внешнюю политику представителей династии Капетингов; позднее станет ясно и то, что анжуйские имперские амбиции во главе с Карлом всегда имели больше общего с пропапски настроенными гвельфами, нежели с иными политическими силами. А посему, сторонники гибеллинов, как в своем радикальном варианте, к которому примкнули арагонцы, так и в умеренном (кастильцы) получили очень серьезного противника.

¹ Мухаммад I ибн Юсуф ибн Наср (прозвища: аль-Галиб би-ллах («Побеждающий во имя Аллаха»), аль-Ахмар (Рыжий)) (1194—1273) — эмир Гранады с 1232 г., основатель династии Назридов, правившей до 1492 г. (*прим. перев.*).

² «*Llibre dels Feits*» (полное название — “*Llibre dels feits del rei en Jacme*” («Книга о деяниях короля Жауме»)) — хроника правления короля Жауме I, написанная под его руководством приблизительно между 1229 (год взятия Майорки) и 1276 (год смерти правителя) годами на средневековом каталонском языке. Сохранилась в рукописях более позднего времени в латинской и каталонской версиях. Охватывает период 1207—1276 гг. (*прим. перев.*).

³ *Jaime I. Libro de los Hechos* / Ed. J. Butiñá Jiménez. Madrid: Gredos, 2003. P. 415; García Fitz F. Alfonso X y sus relaciones con el Emirato granadino: política y guerra // *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies*. 2004—2005. No. 6. P. 55—56.

⁴ Карл I Анжуйский (1227—1285 гг.) — граф Анжу и Мэна, Прованса и Форкалькье с 1246 г., король Сицилии в 1266—1282 гг., король Неаполя с 1266 г., король Албании с 1272 г., король Иерусалима (формально) с 1277 г., князь Ахейский с 1278 г., основатель Анжу-Сицилийского дома. В 1266 г., после смерти Манфреда, получил от папы права на сицилийскую корону, т. к. папа не желал, чтобы она вновь досталась Гогенштауфену, на этот раз — Конрадину (*прим. перев.*).

⁵ Людовик IX Святой (1214—1270 гг.) — король Франции в 1226—1270 гг., родственник Альфонсо X по линии матери (Бланки Кастильской). Погиб в ходе VIII крестового похода в Тунис (*прим. перев.*).

Новый расклад сил неизбежно привел к пересмотру отношений между основными силами на полуострове. Первым шагом Альфонсо X стало укрепление дружественных связей с Португалией. Обеспечить надежный тыл на границе было стратегически необходимо. Вероятно, по этой же причине, а также для окончательного разрешения старых спорных вопросов с португальским королевством Альфонсо X отказался от своих притязаний на Алгарве. Это произошло 20 сентября 1264 г. и было сделано с целью получения военной помощи от Афонсу III, зятя *Мудрого Короля*, в борьбе против восстания мудархаров. В дальнейшем такое изменение южной границы по р. Гвадиане было закреплено в Бадахосском договоре (февраль 1267 г.). Отказ от прежних суверенных планов стал не столь уж высокой ценой за надежную и прочную границу.¹

Но что действительно волновало Альфонсо X, так это заключение договора с тестем, Жауме I Арагонским. Неблагоприятная политическая обстановка подталкивала к примирению. Оба обстоятельства, терзавшие *Мудрого Короля*, стали поводом для беспокойства и для арагонского монарха: восстание мудархаров, подданных короля Кастилии, могло распространиться и на валенсийские владения Арагона, столь чувствительные к такого рода движениям; с другой стороны, создание гвельфо-французского блока вокруг фигуры Карла Анжуйского напрямую угрожало торговым интересам каталонского дома, тесно взаимодействовавшего со средиземноморскими гибеллинами короля Сицилии Манфреда. В таких условиях новые обстоятельства действительно способствовали сближению позиций между Кастилией и Арагоном, что и произошло в 1264—1268 гг. В этот период Жауме I оказал военную помощь своему зятю в столь тонком деле, как восстание мудархаров в Андалусии и Мурсии.²

Четвертый этап внешней политики Альфонсо X (1269—1274 гг.) продолжил начатое в предшествующий период и отмечен все более отчетливым взаимодействием двух испанских держав — Кастилии и Арагона. И снова внешне- и внутривнутриполитические обстоятельства, без сомнения, тесно взаимосвязанные, обусловили стремительное сближение интересов. В первом случае речь шла о безоговорочном успехе союза гвельфов и Анжу в Италии. Победа Карла Анжуйского над Конрадином³ в Тальякочцо,

¹ *Ayala Martínez C. de. El Algarve y Andalucía: el destino histórico de Serpa, Moura y Mourao // Actas del II Congreso de Historia de Andalucía. Historia Medieval, I. Córdoba: Consejería de Cultura y Medio Ambiente de la Junta de Andalucía, 1994. P. 289—301; González Jiménez M. Alfonso X y Portugal // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies. 2004—2005. No. 6. P. 28—33.*

² *Torres Fontes J. La reconquista de Murcia en 1266 por Jaime I de Aragón... P. 100ss; Ayala Martínez C. de. Jaime I y la sublevación mudéjar-granadina de 1264 // Homenaje al profesor D. Juan Torres Fontes. Murcia: Universidad de Murcia, 1987. Vol. I. P. 93—107.*

³ Конрадин (1252—1268 гг.) — последний законный правитель из династии Гогенштауфенов, внук императора Фридриха II, сын короля Германии Конрада IV; являлся королем Иерусалима (под именем Конрада III) (1254—1268 гг.), королем Сицилии (под

а также его планы по созданию анжуйской империи в Средиземноморье с центрами в Провансе, Италии и самом Константинополе, вызвали тревогу у испанского гибеллинства. С этого момента Кастилия и Арагон значительно укрепили свои отношения, подобное сближение — очевидно, более приемлемое для Кастилии, занимавшей умеренные позиции, — позволило обоим королевствам достичь дотоле невообразимых политических высот.

Дела внутренней политики отражали всеобщее нестабильное положение, в котором находились оба королевства. Как известно, с 1271 по 1273 г. Альфонсо X пришлось столкнуться с наиболее серьезной угрозой за все время его правления — восстанием магнатов; примерно в это же время Жауме I наткнулся на неповиновение арагонских и каталонских магнатов, частично сговорившихся с кастильцами. Одной из главных жалоб со стороны мятежников обоих королевств были издержки от тех приглашений с гибеллинами, на которые пошли их монархи.

Альфонсо X и Жауме I отреагировали на подобные претензии политическим сближением интересов как внутри, так и за пределами полуострова. Для этого на протяжении нескольких лет состоялось не менее шести встреч между монархами, каждая из которых отличалась демонстрацией взаимного радушия. На них обсуждались планы сотрудничества в международной сфере, как, например, арагонский крестовый поход 1269 г. или возможное совместное вторжение в Ломбардию в 1271 г., но, несомненно, именно нестабильная социально-политическая обстановка в обоих королевствах в первую очередь привлекала внимание монархов. Следствием взаимной озабоченности этими вопросами стали попытки Жауме I оказать военную помощь Альфонсо X в борьбе против знатных мятежников и их мусульманских союзников из Гранады,¹ попытки эти были осложнены наличием внутренних противников в самом Арагоне, также Жауме I мог попытаться выступить посредником для разрешения конфликта в Кастилии.²

Из этой идиллической картины согласия среди гибеллинов оказалась абсолютно исключена Наварра, которая тяготела к франко-анжуйскому блоку. Как только мятежные кастильцы это поняли, то поспешили обра-

именем Конрада II) (1254—1258 гг.), а также герцогом Швабии (под именем Конрада IV) с 1254 г. В 1267 г. вступил в борьбу за императорский престол и вступил в Рим (июль 1268 г.). Однако в решающей битве при Тальякоццо 23 августа 1268 г. потерпел поражение от войск Карла Анжуйского; Конрадин бежал, но вскоре был схвачен и выдан Карлу, который судил его как изменника и казнил в Неаполе 29 октября 1268 г. (*прим. перев.*).

¹ *García Fitz F.* Alfonso X y sus relaciones con el Emirato granadino: política y guerra... P. 61—65.

² *Jaime I.* Libro de los Hechos... P. 499—500; *Crónica de Alfonso X según el Ms. II / 2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) / Ed. M. González Jimenez.* Murcia: Real Academia Alfonso X el Sabio, 1998. P. 153, 165.

таться за поддержкой¹ к ее королю Генриху I в январе 1273 г. Этот недружественный шаг объясняет приказ Альфонсо X собрать силы у границ наваррского королевства после известия о кончине Генриха I в июле 1274 г. И лишь решительное вмешательство Жауме I, несмотря на имевшийся договор с Кастилией, ненамеренного допустить увеличения территории последней, помешало осуществить вторжение.²

В 1275 г. начался новый этап правления Альфонсо X, совпадающий с пятой стадией в развитии его внешней политики, которую можно довести до 1280 г. Король Кастилии постепенно осознал, что избранная им стратегия политического поведения не приносит желаемых результатов. Он был вынужден купить мир с магнатами ценой отказа от некоторых из наиболее значимых притязаний монаршей власти — что было открыто заявлено в «Уложении кортесов Саморы» (*Ordenamiento de Zamora*) 1274 г.;³ кроме того, в Бокере в 1275 г.,⁴ хотя и, возможно, в рамках соразмерных и согласованных действий, папа Григорий X отказал ему в праве на имперский престол.⁵

Дальнейшее ослабление кастильского влияния на Наварру, вторжение африканских берберов-маринидов в 1275 г. и разразившийся в том же году институциональный кризис после смерти инфанта-наследника⁶ стали последней каплей, заставившей Альфонсо X начать пересматривать свою политику и, как следствие, свои дипломатические контакты. Однако на этот пересмотр потребовалось еще немало времени. Пока же драматические обстоятельства, в которых находилось королевство, не способствовали переменам в политических делах. На самом деле, первые два решения, принятые Альфонсо X по возвращении из Бокера, несли явный оттенок гибеллинских идей: признание второго по старшинству сына Санчо в качестве наследника на трон в обход

¹ *Zabalo Zabalegui F.J.* Colección diplomática de los reyes de Navarra de la dinastía de Champaña. Vol. 3: Enrique I de Navarra (1270—1274). San Sebastián: Instituto de Estudios Vascos, 1995. Docs. 35—40.

² *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio... P. 287.

³ *Iglesia Ferreirós A.* Las Cortes de Zamora de 1274 y los casos de Corte // *Anuario de Historia del Derecho Español*. 1971. T. 41. P. 945—971.

⁴ В ходе встречи во французском городе Бокере в 1275 г. папа Григорий X, который еще в 1273 г. высказался в пользу вновь избранного императора, австрийского герцога Рудольфа I Габсбурга, окончательно отказал Альфонсо X в поддержке его прав на императорский престол, что вынудило кастильского короля публично отречься от них в мае 1275 г. (*прим. перев.*).

⁵ *Ayala Martínez C. de.* Alfonso X: Beaucaire y el fin de la pretensión imperial // *Hispania*. 1987. No. 165. P. 5—31.

⁶ Фернандо де ла Серда (1255—1275 гг.), сын Альфонсо X в браке с Виолантой Арагонской. После его смерти возникла проблема наследования престола, на который претендовали, с одной стороны, сыновья покойного инфанта — Альфонсо (1270 — после 1324) и Фернандо (1275—1322 гг.), а с другой — инфант Санчо (будущий Санчо IV Храбрый) (*прим. перев.*).

внуков, инфантов де ла Серда, получивших поддержку короля Франции. И, кроме того, разработка целенаправленного плана вторжения в Наварру, которое было остановлено французским контрнаступлением: вспыхнувшая летом 1276 г. в королевстве Памплона гражданская война не только помешала кастильскому вторжению, но и привела к зверскому нападению короля капетингов Филиппа III¹ на два кастильских оплота: квартал Наваррерия, который был взят штурмом, и памплонский кафедральный собор, который был разграблен. «Офранцузивание» Наварры² стало уже неизбежным.³

Альфонсо X пришлось отступить от своих намерений, в том числе, и потому, что Арагон его в этом не поддерживал, и если Жауме I не одобрял кастильского вторжения в Наварру, то его наследник Пере III,⁴ ставший королем в середине 1276 г., выступил категорически против. И снова в кастильско-арагонских отношениях воцарилась холодность, да по-другому и быть не могло: новый арагонский монарх рассматривал средиземноморское единение гибеллинов (в том числе и коммерческого толка), доставшееся ему в наследие от отца, как нечто, о чем Жауме I и не мог помыслить — как средство достижения гегемонии на полуострове. Принимая во внимание ослабление Кастилии, Пере III попытался изменить баланс сил на полуострове, превратив Арагонскую Корону в гегемона. Совершенно очевидно, что для Пере III на полуострове не было места для двух схожих проектов борьбы за верховенство.

Поэтому с самого начала он обозначил враждебную позицию в отношении кастильского родственника, пытаясь усилить наметившуюся изоляцию последнего: в 1277—1280 гг. Пере III приложил все усилия, чтобы вытеснить Альфонсо X с севера Италии,⁵ наладить, насколько это было возможно, отношения со Святым Престолом, поскольку в тот момент

¹ Филипп III Смелый (1245—1285 гг.) — король Франции в 1270—1285 гг. Вмешавшись в наваррские события по просьбе вдовствующей королевы Бланки д'Артуа, ввел войска в Наварру. Впоследствии выдал малолетнюю наследницу наваррского престола Иоанну (Жанну, Хуану) I замуж за своего сына Филиппа (будущий Филипп IV Красивый во Франции в Филипп I в Наварре) (*прим. перев.*).

² Т. е. переход королевства в сферу влияния Франции (*прим. перев.*).

³ *Hernández F.J. Relaciones de Alfonso X con Inglaterra y Francia...* P. 200—208.

⁴ Пере III Великий (1240—1285 гг.) — правитель земель Арагонской Короны в 1276—1285 гг. Носил также титулы короля Валенсии (как Пере I), графа Барселонского (как Пере II) и короля Сицилии (с 1282 г.). Был родственником Альфонсо X по линии сестры, Виоланте, являвшейся супругой кастильского короля. В 1262 г. будущий король Пере III женился на Констанции Гогенштауфен, дочери и наследнице Манфреда I Сицилийского. Этот брак дал королю право на сицилийский престол; в конечном итоге, ему удалось вытеснить оттуда Карла Анжуйского (*прим. перев.*).

⁵ *Wieruszowski H. Conjuraciones y alianzas políticas del rey Pedro de Aragón contra Carlos de Anjou antes de las Vísperas Sicilianas. Nuevos documentos procedentes del Archivo de la Corona de Aragón // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1935. No. 107. P. 567—570.*

Альфонсо X не получал от Рима ничего кроме упреков из-за своего «реализма»,¹ а также установить хорошие отношения с хранителем Гибралтарского пролива, коим являлся гранадский эмир, с которым кастильский король безуспешно пытался бороться. И в довершение ко всему Пере III не предпринимал никаких действий, когда берберы-мариниды уничтожили кастильский флот у стен Альхесираса в 1279 г.²

Но главной целью Пере III, помимо изоляции Кастилии, было стремление подорвать саму основу Альфонсово́й власти, разжигая династический кризис путем постоянного вмешательства во внутренние дела соседнего королевства. Он стремился завоевать расположение дон Санчо и, одновременно с этим, захватить инфантов де ла Серда, что связало бы будущего короля Кастилии по рукам и ногам, поскольку наследование престола напрямую зависело от последних. При таком раскладе дону Санчо была бы отведена роль «делегата гибеллинов» арагонской власти в Кастилии, а Альфонсо X не оставалось бы ничего иного, как ответить на арагонский вызов, отдавшись в руки Франции и союза гвельфов и Анжу.³

Такой впечатляющий политический поворот характеризует последние годы правления Альфонсо X, ставшие временем гражданской войны в Кастилии и знаменующие последний, шестой, период его сложной внешнеполитической деятельности.

Прологом к этой последней стадии стали удивительные и неоднозначные соглашения, подписанные Кастилией и Арагоном в Кампильо и Агреде в марте 1281 г., которые, помимо прочих оценок, наглядно продемонстрировали раскол правящей династии в Кастилии и ту выгоду, что сумел извлечь из этого король Пере III.⁴ Соглашение, подтолкнувшее Альфонсо X к сближению с Францией и отдававшее предпочтение внукам короля, инфантам де ла Серда, создавало возможность для возрождения в дальнейшем союза гибеллинов в границах полуострова. Вероятно, этот момент требует пояснения: поддержка Альфонсо X своих внуков в обход Санчо удовлетворяла французским требованиям по разделению королевства, которые явно превышали все разумные пределы. Верно и то, что за спиной у отца Санчо подписывал договор со своим дядей Пере III, который явно превосходил договоренности, достигнутые некогда его отцом. Так или иначе, это был последний раз, когда официальная Кастилия Альфонсо X вела дипломатические отношения с Арагонской Коронай. Начиная с этого момента, трав-

¹ *Ayala Martínez C. de. Relaciones de Alfonso X con Aragón y Navarra...* P. 130.

² *Manzano Rodríguez M.A. La intervención de los benimerines en la Península Ibérica.* Madrid: CSIC, 1992. P. 58—66; *García Fitz F. Alfonso X y sus relaciones con el Emirato granadino: política y guerra...* P. 71—73.

³ *Ayala Martínez C. de. Relaciones de Alfonso X con Aragón y Navarra...* P. 131—134.

⁴ *Ayala Martínez C. de. Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263)...* P. 151—168.

ля, объектом которой стал король Кастилии со стороны активного и крепнувшего союза Педро III и инфанта Санчо, закончится тем неожиданным поворотом в политике Альфонсо X, о котором мы упомянули ранее.

С этого началось военное противостояние Кастилии Альфонсо X, заключившего сделку с Францией, допускавшей разделение королевства в пользу инфантов де ла Серда, и Кастилии дона Санчо, отстаивавшей идею единства королевства в общих интересах полуострова и выступавшей союзником Арагонской Короны. Гражданская война, разразившаяся в тот же момент, что и антианжуйский мятеж — «Сицилийская вечерня»,¹ то событие, которое следует воспринимать и рассматривать в контексте борьбы Арагона за первенство в средиземноморском регионе, еще один эпизод противостояния между блоком гвельфов и Анжу, за которым маячила Франция, и прогибеллинской торговой политикой Арагона в бассейне Средиземного моря.

Рост масштаба военных действий диктовался преимущественно Арагонской Короной, проявившей наибольшую активность, начиная с середины 1283 г. Череда заключенных ею союзов является наглядным тому подтверждением: за спиной набиравшего силу мятежного инфанта стояли активная поддержка Арагона, показательная — Гранады и символическая — Португалии;² за спиной старого короля ощущалась помощь — Франции и ее наваррского приложения, частичная — Англии,³ моральная — папы⁴ и постыдная⁵ — эмира Марокко.⁶ Налицо вся совокупность непростых дипло-

¹ «Сицилийская вечерня» — восстание, поднятое сицилийцами против анжуйского владычества 29 марта 1282 г., завершившееся изгнанием Карла I Анжуйского. В сентябре 1282 г. собравшийся в Палермо парламент предложил сицилийскую корону Пере III, который и принял ее под тронным именем Пьетро I (*прим. перев.*).

² *García Fitz F.* Alfonso X y sus relaciones con el Emirato granadino: política y guerra... P. 74; *Mattoso J.* As relações de Portugal com Castela no reinado de Alfonso X, o Sábio... P. 91.

³ Со стороны короля Эдуарда I (1272—1307 гг.), включенного в пиренейские дела, главным образом, через принадлежавшую плантагенетовской Англии французскую Гиень (*прим. перев.*).

⁴ Мартина IV (1281—1285 гг.) (*прим. перев.*).

⁵ Имеется в виду характер религиозно-политического режима, существовавшего в Марокко в период правления династии Маринидов (исп. *benimerines*), пришедшей на смену Альмохадам. Объединив в 1269 г. под своей властью территорию Марокко, современник Альфонсо X султан Абу Юсуф Якуб (1259—1286 гг.) активно включился в политику на Пиренейском полуострове, неизменно выступая в поддержку Гранады. До середины XIV в. берберы-мариниды неоднократно совершали набеги на владения Кастилии и представляли прямую угрозу христианским государствам в целом (вплоть до битвы при Саладо (1340 г.), неслучайно вошедшей в историю как «вторая битва при Лас-Навас-де-Толоса»). Именно поэтому автор называет альянс Альфонсо X с ними «постыдным» (*прим. перев.*).

⁶ *Hernández F.J.* Relaciones de Alfonso X con Inglaterra y Francia... P. 216—219; *Ayala Martínez C. de.* Relaciones de Alfonso X con Aragón y Navarra // *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies.* 2004—2005. No. 6. P. 140—146.

матических и торговых взаимоотношений, существовавших в тот период в Западном Средиземноморье. В конце концов, Альфонсо X потерпел поражение в этой войне скорее вследствие морального и физического истощения, а также потому, что франко-анжуйский гвельфизм проигрывал по всему Средиземноморью, нежели вследствие явной победы Санчо. В любом случае, будущее показало, что Кастилия Санчо IV не стала приложением к Арагону, как того желал Пере III.

4. Заключение: культура и власть

Посвятить последние страницы этого обзора правления Альфонсо X богатейшим вопросам культуры представляется отчасти вызовом, и не потому, что речь идет о чем-то важном, но маргинальном применительно ко всей политике *Мудрого Короля*, а потому, что они выступают логическим завершением к его портрету. Выше мы уже сказали, что мудрость для Альфонсо X являлась атрибутом Бога, позволявшим, в свою очередь, монархам вступать с ним в близкий контакт, обосновывая при этом свое право на власть. Наместник Бога был наделен этим божественным даром не для себя самого, его задачей было передать его своим подданным: знание становилось неотъемлемой частью долга истинного *rex magister*,¹ того, кого Бернс охарактеризовал как «Императора Культуры».²

В самом деле, культура, понятая как интеллектуальная деятельность на службе у политического сообщества, являлась частью программы действий короля, как и любое другое проявление его стремления к верховенству; более того, она представляла собой основополагающую их часть, поскольку неотъемлемой составляющей его деятельности являлось множество идеологических мотивов, придающих форму этой программе.

Оставив в стороне поэтические сочинения короля, в частности его «Кантиги» (*Cantigas*),³ являющиеся своего рода «духовной автобиографией», индивидуальным и идеализированным отражением образа монарха и

¹ «Король-учитель» (*прим. перев.*). MÁRQUEZ 1994, 19—27.

² Emperor of Culture. Alfonso X of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance. / Ed. I. Burns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.

³ Речь идет о знаменитом цикле «Песен (кантиг) святой Марии» (*Cantigas de Santa María*), написанном на галисийско-португальском языке (который использовали пиренейские трубадуры, к числу которых принадлежал и Альфонсо X) и включающем 420 посвященных Деве Марии одноголосых песнопений, прославляющих ее добродетели и рассказывающих о чудесах, происшедших благодаря ее заступничеству. Не все песнопения, содержащиеся в сборнике, принадлежат самому Альфонсо X; проблема их авторства остается открытой (*прим. перев.*).

портретом его собственного пути,¹ ученые труды, созданные самим *Мудрым Королем*, под его началом и руководством, а также те, где он выступал в качестве мецената, затрагивают три сферы: изображение жизни человека и его способностей сквозь призму поступков в прошлом (история); изображение правил этического и социального поведения человека в настоящем (право); и, наконец, то, что помогает ему выстраивать, с Божьего позволения, проекты на будущее (астрология).²

В любом случае, речь идет о системе инструментов, а, следственно, прагматической системе, выстроенной вокруг и во имя человеческого блага, системе, верящей в силу знания и пронизанной секуляризмом, которая не лишена аверроистского влияния, а также оказывается созвучна умеренным гибеллинским взглядам монарха.³ Альфонсо X, восхищавшийся Аристотелем, которому в его «Всеобщей истории» даже приписывается испанское происхождение,⁴ тем не менее, не погружается в метафизические рассуждения и еще менее задается проблемами богословия (ни один из преподавателей, поставленных им в Саламанкском университете в 1254 г., не являлся теологом), и это при том, что вся его интеллектуальная программа пронизана дидактизмом и преследует воспитательные цели, должны возыметь быстрый эффект. Именно поэтому он прибегнул к кастильскому языку и требовал от своих соавторов высказываться предельно ясно. При работе над «*Книгой об астрономии*» он наказал переводчику по имени Рабисаг «переводить как можно лучше и понятнее» с тем, чтобы «каждый, кто возьмет эту книгу, смог бы в ней разобраться».⁵

¹ *Snow J. T.* Alfonso X y las «Cantigas»: documento personal y poesía colectiva // *El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las “Cantigas de Santa María... P. 159—172.* О ряде вопросов, связанных с авторством «Кантиг» со стороны Альфонсо X, пишет Дж. О’Каллагэн: *O’Callaghan J. F.* Alfonso X and the Cantigas de Santa María... P. 6—8. Ср.: *Montoya Martínez J.* Composición, estructura y contenido del cancionero marial de Alfonso X. Murcia: Real Academia de Alfonso X el Sabio, 1999.

² *García Solalinde A.* General Estoria. Edición e introducción. Vol. 1. Madrid: Centro de Estudios Históricos, 1930. P. IX.

³ *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí... P. 206—207.

⁴ «...Аристотель впоследствии стал великим философом, который когда-либо рождался на свет среди мужей и жен, происходил из западной части Испании, а еще некоторые говорят, якобы из Португалии... И с большой жадностью получить знания, в юном возрасте он отправился в Грецию». Цит. по: *Niederehe H. J.* Alfonso X el Sabio y la lingüística de su tiempo. Madrid: Sociedad Española de Librería, 1987. P. 194. Указание на испанское происхождение Аристотеля встречается уже у Луки Туйского в его «Хрониконе» (*Chronicon Mundi*)(*Linehan P.* La Iglesia española y el Papado en el siglo XIII. Salamanca: Universidad Pontificia, 1975. P. 112).

⁵ *Cárdenas A.J.* Alfonso X and the Studium generale // *Indiana Social Studies Quarterly.* 1980—1981. No. 33. P. 71. Цит. по: *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí... P. 33.

Из трех основных сфер, на которые можно условно разделить «интеллектуальную программу» короля, мы обратимся в данной главе (оставляя в стороне сочинения собственно художественные, а потому и носящие более личный характер) к рассмотрению только историографических и «естественнонаучных» трудов, так как выше мы уже имели возможность затронуть правовой аспект его деятельности. Историографические сочинения представлены двумя капитальными трудами: «История Испании» (*Estoria de Espanna*), окрещенная Менендесом Пидалем и с его легкой руки более известная как «Первая всеобщая хроника Испании» (*Primera Crónica General de España*), а также «Всеобщая история» (*General Estoria*) — монументальный по своему замыслу памятник, однако незавершенный, поскольку изложение событий было доведено лишь до рождения Христа. Мы сосредоточимся на первом произведении, которое доведено до правления Фернандо III.

Известно три последовательно созданных версии «Истории Испании», относящиеся ко времени жизни Альфонсо X — первая до 1270 г., следующая, исправленная, после 1274 г. и, наконец, «критическая версия», писавшаяся в период гражданской войны: 1282—1284 гг.; четвертая, «Пространная редакция», была закончена по инициативе Санчо IV, предположительно в 1289 г.¹ Иными словами, значимость «Истории Испании» — в новом методологическом подходе и переработке двух основных аргументов. Новизна же заключается в том, что, если прежняя историография, даже та, что представлена великими фигурами первой половины XIII в., понималась как собрание материала, отобранного историками и предложенного королям в качестве модели, то теперь король самолично создает наставления, чтобы показать идейную основу монаршей власти своим подданным и, в частности, элите королевства.² С другой стороны, основополагающими доводами, вокруг которых строится повествовательный дискурс сочинения, является концепция единой Испании (восходящая еще ко временам вестготского королевства), должной сложиться вследствие гегемонии кастильско-леонской монархии,³ а также понимания «*señorío natural*» как связующего политического звена, находящегося в тесном соответствии с правовыми принципами «Партид».⁴

¹ *Fernández-Ordóñez I.* Variación en el modelo historiográfico alfonsí en el siglo XIII. Las versiones de la Estoria de España // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII—XV) / Ed. G. Martín. Madrid: Casa de Velázquez, 2000. P. 42.

² *Martin G.* El modelo historiográfico alfonsí y sus antecedentes... P. 13—15.

³ *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio... P. 428.

⁴ *Catalán D.* La Estoria de España de Alfonso X. Creación y evolución. Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal, Universidad Autónoma de Madrid, 1992. P. 28—31; *Martin G.* De lexicología alfonsí: naturaleza // Alcanate. Revista de estudios alfonsíes. 2008—2009. No. 6. P. 125—138.

В корпусе сочинений Альфонсо, который мы будем определять как «естественнонаучный», выделяются важные переводы арабских авторов, связанные преимущественно с тремя темами, разграничение которых для того времени весьма затруднительно: астрология, астрономия и магия, не связанная с обращением к дьяволу.¹ Все великие мыслители в ту эпоху исходили из научного взгляда, согласно которому вся природа, а соответственно и человеческое бытие, подчиняются воздействию небесных тел и их движению. Их тщательное исследование давало возможность познать законы развития природы, и, как следствие, предвидеть ее эволюцию. Склонность к изучению будущих возможностей была, кроме всего прочего, распространенной чертой общества, а для политической власти это было почти неотъемлемым элементом, так как она часто прибегала к ее помощи. Широко известен рассказ арагонского хрониста Херонимо Сури-ты, позаимствованный им у одного португальского автора, согласно которому в 1277 г. Альфонсо X приказал казнить своего брата дона Фадрике и аристократа Симона Руиса де лос Камерос, испугавшись исполнения предсказания о свержении с престола и связав его возможное осуществление с ними.² В любом случае, способствуя появлению произведений астрологического характера, *Мудрый Король* отвечал тем самым интересам публики и оставался верен пониманию политической ответственности как ученой деятельности. Среди сочинений такого рода³ следует отметить: «*Лапидарий*», «*Полную книгу суждений о звездах*», «*Книгу Пикатрикс*», «*Книгу крестов*», — в прологе к которой Альфонсо X именуется королем Испании, «*Книгу знания об астрологии*», собрание разных произведений, и, наконец, так называемые «*Толедские таблицы*» или «*Альфонсовы таблицы*», сочинение, имевшее хождение вплоть до XVI в., когда для Запада толедский меридиан⁴ перестал считаться точкой отсчета вычислений.

¹ *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí... P. 187; *Alvar C.* Alfonso X: Astro- nomía, astrología y magia // Alfonso X el Sabio [Catálogo de exposición. Murcia, 2009]. P. 418.

² *Ballesteros-Beretta A.* Alfonso X el Sabio. Barcelona, Madrid: Salvat Editores S. A., 1963. P. 820. Ср.: *González Jiménez M.* Alfonso X el Sabio... P. 454.

³ См. общие обзоры *Samsó J.* Alfonso X y los orígenes de la astrología hispánica // Es- tudios sobre la historia de la ciencia árabe / Ed. por J. Vernet. Barcelona: CSIC, 1980. P. 83— 114; *Idem.* La ciencia española en la época de Alfonso el Sabio // Alfonso X. Catálogo de la Exposición de Toledo. Toledo, 1984. P. 89—101; *Idem.* Sevilla y la obra científica de Alfon- so X // Sevilla 1248. Congreso Internacional Conmemorativo del 750 aniversario de la Con- quista de la Ciudad de Sevilla por Fernando III, rey de Castilla y León, Sevilla 23—27 de noviembre de 1998 / Coord. por M. González Jimenez. Madrid: Fundación Ramón Areces, 2000. P. 567—578. См. также: *Fernández Fernández L.* Arte y Ciencia en el scriptorium de Alfonso X el Sabio. El Puerto de Santa María: Cátedra Alfonso X el Sabio-Universidad de Sevilla, 2013.

⁴ *Crombie A.C.* Historia de la Ciencia. De San Agustín a Galileo. Vol. 1: Siglos V—XIII. Madrid: Alianza Universidad, 1974. P. 54.

Весь этот громадный корпус переводов, включающий в себя и сочинения иного рода (вспомним первые переводные образцы восточных новеллистических сборников вроде «Калилы и Димны» или более поздний известный трактат «Книга игр» («Книга о шахматах, игре в кости и играх на досках»), так или иначе отображает толедскую традицию, воплощенную в «Толедской школе переводчиков»,¹ никогда не представлявшей собой конкретного института, но сохранявшей жизнеспособность благодаря покровительству наиболее выдающихся архиепископов, сменявших друг друга на архиепископской кафедре на протяжении периода с XII до середины XIII вв. Изменения, произошедшие в этот период, сводятся к тому, что, с одной стороны, отныне переводы выполняются не на латынь, а прямо на кастильский, а с другой, толедское влияние распространяется по всему королевству, чему немало способствовал скрипторий Альфонсо Мудрого.²

Однако, невозможно говорить об этом проекте, не вспомнив о тех мусульманах и иудеях, которые сыграли, безусловно, одну из первостепенных ролей в его реализации. Еще сорок лет назад Давид Романо³ писал о том, что доля участия иудеев в интеллектуальной деятельности *Мудрого Короля* составляла 74%. Этот факт неизбежно заставляет нас, пусть и мимоходом, обозначить проблему политических и культурных отношений Альфонсо X с нехристианскими меньшинствами в его владениях. И тут историку не остается ничего другого, как выразить полное несогласие с ложным и «слащавым» образом «сосуществования трех культур», и в то же время отметить особенную предрасположенность интеллектуального свойства, но вовсе не юридического, *Мудрого Короля* к мусульманам и

¹ Под «Толедской школой переводчиков» принято понимать группу лиц, с начала XII в. работавшую (каждый индивидуально) под покровительством толедских архиепископов (начиная со времен ключицы Раймунда де Советá (1126—1152 гг.) над переводами с арабского на латинский (в эпоху Фернандо III и Альфонсо X — средневековый кастильский) язык сочинений Аристотеля («Метафизика», «Физика», «Категории», «Риторика», «Топика» и некоторые другие) и его арабских комментаторов (Ибн Габироля, аль-Газали, Ибн Рушда (Аверроэс), Ибн Сину (Авиценна), аль-Фергани, аль-Фараби и нек. др.). В числе переводчиков, работавших в рамках этой традиции, следует выделить крещеного иудея Иоанна Севильского (работал между 1136 и 1155 гг.), архидьякона Доминго Гундисалво (ок. 1150 — ок. 1190), Герарда Кремонского (ок. 1150 — 1187 гг.), Михаила Скота (между 1214 и 1219), Германа Немецкого (между 1240 и 1256 гг.) и некоторых других. Именно в этих переводах латинская Европа впервые познакомилась с аристотелизмом, ставшим основой средневековой схоластики (*прим. перев.*).

² Fernández Fernández L. El scriptorium de Alfonso X el Sabio // Alfonso X el Sabio [Catálogo de exposición, Murcia, 2009]. P. 212—213.

³ Romano D. Le opere scientifiche di Alfonso X e l'intervento degli Ebrei // Oriente e Occidente nel Medioevo. Filosofia e scienze. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1971: P. 677—712.

иудеям. Подобное расположение, абсолютно не согласующееся с целым рядом дискриминирующих и карательных законов, созвучных настроениям того периода,¹ тем не менее демонстрирует способность короля совершить действительно значимые достижения в культурной сфере. Эта восприимчивость к восточной культуре, подтверждением которой служит и практика меценатства, о которой уже упоминалось, в случае с мусульманами получила особое воплощение в переводе «*Mi'rau*» («*Книги лестницы Мухаммада*»), образце своеобразного рассуждения об эсхатологических мусульманских идеях на основе Корана;² но прежде всего — в создании сеvilьского *studium* для изучения латыни и арабского в 1254 г. В любом случае, не нужно заблуждаться: прагматизм, присущий Альфонсо X при назначении евреев на позиции ведущих финансистов (каким был, например, знаменитый королевский казначей Зак де ла Малка³), тот же самый, что заставлял его прибегать к их помощи — иначе и быть не могло, — для воплощения политического проекта по разделению культуры и латыни в пользу кастильского языка.⁴

* * *

Альфонсо X умер 4 апреля 1284 г. в Севилье, лишив права наследования своего сына, который двумя годами ранее *de facto* отобрал трон у отца на собрании заговорщиков в Вальядолиде. Специалисты и по сей день спорят, состоялось ли в итоге примирение между ними или нет. Ясно одно: *Мудрый Король*, потомок германских и византийских императоров, состоявший в родстве с главными королевскими домами Европы, умер почти всеми покинутый, не имея возможности действовать, разлученный

¹ Romano D. Alfonso X y los judíos. Problemática y presupuestos de trabajo // Anuario de Estudios Medievales. 1985. T. 15. P. 151—177.

² Конечно, нельзя отбрасывать тот факт, что подобная инициатива подчинялась желанию выстроить текст с политической и религиозной точек зрения. (Echevarría Arsuaga A. La reescritura del Libro de la escala de Mahoma como polémica religiosa // Cahiers d'études hispaniques médiévales. 2006. No. 29. P. 173—199).

³ Зак де ла Малка (*Zag de la Maleha*) (ум. в 1280 г.) — наиболее видный из сподвижников Альфонсо X из числа иудеев, главный альмохарифе (сборщик таможенного тарифа — альмохарифазго) короля. В 1277 г. получил на откуп королевские «трети» с королевства Мурсия. В дальнейшем, в период осады Альхесираса (1278—1279 гг.), отвечал за сбор доходов от королевских рент и выплату жалования воинам и морякам; задержка этих выплат была поставлена ему в вину, поскольку собранные им суммы были переданы не королю, а его сыну инфанту дону Санчо (который использовал их для погашения долгов своей матери, королевы доньи Бьоланте): иудей-откупщик королевских рент во главе с Заком де ла Малка были схвачены, а сам он — казнен осенью 1280 г. (*прим. перев.*).

⁴ Márquez Villanueva F. El concepto cultural alfonsí... P. 65—66.

с женой и с немногими сторонниками, среди которых были советы его любимых городов — Севильи и Мурсии. Очевидно, что со смертью короля потерпел поражение и его политический проект, выкованный им еще в первое десятилетие правления; но столь же известно, что этот самый проект будет возрожден и обновлен некоторыми из его блестящих потомков, в том числе — его правнуком Альфонсо XI.¹ В любом случае, вряд ли стоит поддерживать широко распространенный тезис о том, что *Мудрый Король* опередил свое время. Его эпоха (как слишком часто утверждается) была временем великого синтеза, эпохой зрелого подхода к преобразованию общества, хорошо организованного в политическом, экономическом и культурном отношении. Не кто иной, как Леопольд Женико, пришел к выводу о том, что XIII столетие было временем «стремления к упорядочиванию и осмыслению».² Именно этим и занимался Альфонсо X на протяжении всей своей жизни — упорядочиванием и осмыслением. Впрочем, возможно, перед нами монарх, не претендующий на роль оригинального созидателя как раз потому, что он сам является образцовым отражением своего времени. В чем ему точно не откажешь, так это в уме и образованности, позволивших ему воплотить в своих владениях великий синтез той эпохи, который оказался способен связать живые традиции с перспективными нововведениями. Из соединения одних с другими и родился основательный проект, который другие эпохи не сумели понять из-за консерватизма и инертности.

Перевод с испанского Н. А. Пастушковой

¹ Альфонсо XI Справедливый (1311—1350 гг.) — король Кастилии и Леона в 1312—1350 гг. Его правление началось с анархии, вызванной мятежами магнатов, самоуправством городских олигархий и интригами регентов, опекунов малолетнего короля. С 1327 г. управлял государством самостоятельно; на это время приходится период нового укрепления влияния Кастилии и Леона и возобновление борьбы за гегемонию королевства на полуострове. Целый ряд значимых культурных инициатив Альфонсо X, в частности, в области историографии и права, был возобновлен и получил завершение. В 1340 г. в битве при Саладо Альфонсо XI нанес поражение берберам-маринидам. В 1344 г. был взят Альхесирас, и вскоре правитель Кастилии оказался в шаге от контроля над стратегически важным Гибралтаром, что позволило бы запретить берберам путь на полуостров и изолировало бы Гранаду от помощи извне. В начавшейся Столетней войне Альфонсо XI принял сторону Франции; впервые после Альфонсо X политическое влияние Кастилии вышло за пределы полуострова. Однако страшная эпидемия чумы — «Черная смерть», — прервала эти начинания: заразившись, король скончался в кастильском лагере во время осады Гибралтара (*прим. перев.*).

² *Genicot L. Europa en el siglo XIII. Barcelona: Labor, 1970. P. 246.*

Глава 3

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ АЛЬФОНСО X: КЛЮЧИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1. Общие тенденции

Начавшееся с середины XIII столетия расширение полномочий королевской власти в западных монархиях — в том виде, в каком эта тенденция проявлялась вплоть до конца Средневековья, — оказалось теснейшим образом связано с проблемой взаимоотношения монархии и Церкви. И именно XIII век оказался тем наиболее значимым моментом в процессе эволюции этих отношений, когда вследствие новых притязаний правителей проявилась тенденция к их усложнению, завершившаяся полным преобладанием королевской власти над Церковью. Это обстоятельство отразилось во множестве различных сторон церковной жизни, от очень частных аспектов существования клириков на местах вплоть до весьма сложных и щекотливых сценариев отношений между монархией и папством.

Все более очевидный интерес к Церкви, который демонстрируют монархии, стремящиеся определить линию своего поведения в зависимости от своих политических интересов, отражает осознание того, что многие характерные особенности королевской власти, как и утверждение ее легитимности, имеют под собой очевидные церковные, религиозные и правовые основания. Точно так же в монархических кругах возникло — согласно особенностям того культурного периода, о котором мы ведем речь, — убеждение в том, что монархия должна полагать в качестве своих ближайших и непосредственных союзников людей духовного звания. И, наконец, вряд ли стоит сомневаться в том влиянии, какие особенности Церкви в каждой конкретной стране оказывали на специфику самой монархической власти.

Значимость воздействия отношений между королевской властью и церковью на глубинные изменения в политической структуре отразилась —

в ходе эволюции различных западноевропейских монархий от Средневековья к современности — прежде всего в двух сферах:

1) в формировании светского пространства, утверждающего свою собственную легитимность;

2) в конституировании общегосударственной («национальной») Церкви.

Между тем как второй процесс проявит свои наиболее характерные черты в более поздние времена, особенно в XV—XVI вв., первый же очевидным образом засвидетельствовал свои изначальные проявления в течение XIII века, обретя тем самым важнейшее значение для любой попытки осмыслить церковную политику разных монархических систем в ходе этого столетия.

В случае Кастилии формирование светского пространства как способа утверждения легитимности монархии не порождало никаких конфликтов подобных тому, что произошел у французов в конце XIII в. — известное столкновение Филиппа IV с Бонифацием VIII; однако этот процесс послужил некоторым импульсом для приобретения королевской властью законных прав в ее стремлении избежать чрезмерной зависимости от Церкви (не предполагая полного устранения церковного присутствия в пирамиде политической власти), а также для обеспечения эффективности работы механизмов контроля за клиром. Иными словами, существовал целый ряд вопросов, в связи с которыми следует усматривать начало проявления указанной тенденции, и среди них следующие:

- легитимирующая роль Церкви при восшествии короля на престол;
- декларирование и развитие королевской властью идеологической доктрины, определявшей способ ее взаимодействия с Церковью;
- сосредоточение высокопоставленных прелатов на исполнении политико-административных функций;
- политический компромисс с епископатом и папством в рамках политических конфликтов;
- появление признаков антиклерикализма выраженного политического оттенка.

Во всех этих процессах налицо решимость короля создавать независимые сферы легитимизации королевской власти, не зависящие от церковного посредничества; вместе с тем это не препятствовало участию Церкви в политической жизни, которую монархия стремилась контролировать во всех ключевых пунктах, что не всегда получалось в реальности. Все это в то же время подталкивало монархическую идеологию к явному вмешательству в церковную жизнь и утверждению, исходя из собственных оснований, идеи божественного происхождения королевской власти. Разлад, возникший из-за внимания консехо к этим обстоятельствам, не был ни проявлением особой формы антиклерикализма, ни отражением каждодневной напряженности, с которой вынуждены были сталкиваться городские олигархии в их конфликтных отношениях как с представителями высшей знати, так и с епископами.

2. Теоретические основания церковной политики Альфонсо X

Во многих сферах политики Альфонсо X дистанция между теоретическими идеями и каждодневной реальностью являлась достаточно внушительной. Так называемое «*fecho de imperio*» стало, наряду с прочими, одним из тех вопросов, к которым это наблюдение имеет самое непосредственное отношение. Устремления монарха шли одним путем, а реальные процессы — другим.

В позиции, занятой Альфонсо X по отношению к кастильско-леонской Церкви, можно наблюдать схожее явление. Альфонсо X имел абсолютно четкое представление о том, каковы должны быть отношения политической власти и Церкви и на каких теоретических основаниях должны базироваться столь фундаментальные для интересов монархии и единства страны отношения. Однако случайности и временные интересы, в конце концов, возобладали над великими концепциями и теоретическими построениями.

Изложение теоретических воззрений Альфонсо X на отношения монархии и Церкви, а также потрясение, которое испытали эти идеи при столкновении с реальностью, и станут объектом исследования в этой статье. Конечная же цель — прояснить то, что осталось в результате этого столкновения теории и реальности.

Кастильско-леонское королевство оказалось целиком поглощенным тем процессом трансформации политических идей, который охватил весь Запад на протяжении XIII—XIV вв. Кастилия оказалась вовлеченной в этот процесс как раз в эпоху правления Альфонсо X; процесс этот, по крайней мере, в области теории, характеризовался идеологическим перевооружением королевской власти, все более опиравшейся на постепенно вырабатываемый концептуальный аппарат и на то, что зачастую принято именовать секуляризацией политической теории, представленной во времена Альфонсо X, среди прочих текстов, его «Партидами».

В обширных правовых уложениях, сформированных во время его царствования, и в привилегиях, выданных по его указам, Альфонсо X установил базовые теоретические принципы, которые, с точки зрения монархии, должны были вдохновлять королевское отношение к Церкви. И хотя данные принципы не были оригинальным творением этого короля, именно в его правление они нашли свое самое яркое воплощение за все время вплоть до наших дней, став источником вдохновения для последующих монархий.

Основных теоретических принципов, определявших церковную политику Альфонсо X, было три: патерналистский протекционизм, интервенционизм и согласие.

2.1. Патерналистский протекционизм

Этот принцип стал фундаментальным теоретическим основанием, на котором покоилась политическая деятельность кастильско-леонской монархии по отношению к Церкви. Ее обоснование строилось, прежде всего, на политической теологии и традиции. Согласно этому принципу, монархия обязана была оказывать поддержку всем легитимным интересам Церкви в государстве, приняв на себя патерналистскую позицию, превращавшую монархию в главного и естественного покровителя кастильско-леонской Церкви.

В документах Альфонсо X обнаруживается отчетливое присутствие аргументов, принятых обычно для обоснования этого принципа. Среди соображений теолого-политического характера выделяется положение о том, что монархия имеет божественное происхождение. Все блага происходят от Бога, и, в особенности, те, что принадлежат королям: «*sa los bienes de los reyes en manos de Dios son*».¹ Все короли правят от имени Иисуса Христа, который есть царь всех царей и которого полагали главным защитником и гарантом королевских прав каждого монарха, ведь он «*quiso e mandó guardar los derechos de los Reyes*».² Альфонсо X уточнил это общее положение применительно к себе, отметив «*la grant merçed que Dios siempre fizo al mio linage dont yo vengo*».³

Следствием всего этого стало то, что монархи должны были покровительствовать и почитать ту, кого полагали истинным воплощением божественного на земле: Церковь. Если король таков, каким его возлюбил Бог, если он создан «*fehçura al su fazedor*»»,⁴ он должен был выполнять некоторые неизбежные действия, поддерживающие веру, а также «*honrrando e guardando las iglesias*».⁵

В качестве компенсации за такое отношение монархи получали право утверждать, что «*avremos por ende galardón de Dios a los cuerpos e a las almas en vida e en muerte*».⁶ Тем самым, следование этому принципу имело для монархии совершенно определенную цель: обрести божественную поддержку, а в конечном счете, и поддержку собственной церкви. Основанием для такого единства, согласно утверждению «Королевского фуэро», было то, что почитание Церкви и государства суть одно и то же.

Отсюда с очевидностью следует, что конечной целью для Альфонсо X в развитии первого постулата было желание продемонстрировать, что церковь и монархию во все времена должна объединять общность интересов.

¹ «Разве не пребывают королевские блага в руках Господа?».

² «Пожелал и повелел охранять права Королей».

³ «Ту великую милость, которую Господь всегда оказывал роду, из которого я происхожу».

⁴ «По образу своего создателя».

⁵ «Прославляя и почитая храмы».

⁶ «Мы имеем за это защиту от Бога душам нашим и телам в жизни и в смерти».

2.2. Интервенционизм

В соответствии с политическим мышлением эпохи Альфонсо X, основанием интервенционизма следует считать осознаваемую монархией возможность вмешиваться — поверх Церкви, — во всякое дело, даже в то, что имеет характер сугубо церковный. Существовали также теологические и философские концепции, используемые для теоретического обоснования этого положения. Эти идеи, весьма распространенные на всем Западе в XIII в., представляли монархию таким институтом власти, под знамена которого должно становиться все, что так или иначе воздействует на политический организм королевства; никоим образом не должен был избежать подобного контроля со стороны монархической власти и такой важный институт, как Церковь.

В «Королевском фуэро» и в «Партидах» эта позиция изложена широко и полно. Согласно «Королевскому фуэро», двор короля есть отражение двора небесного, и той властью, которой там должен обладать Христос, здесь должен обладать король. Точно так же, как Бог создал человека своим разумом, который управляет всеми его действиями, королю долженствует божественным вмешательством быть головой и разумом своего тела, его королевства, дабы держать под контролем этого разума все действия тела. Что же касается отношений с церковью, то там было сказано, что последняя не может находиться вне пределов королевской власти.

Единственным ограничением королевской власти является лишь то, которое может быть наложено самой божественной властью. Король должен воздерживаться от посягательств на божественный закон, будучи обязанным неустанно трудиться ради того, чтобы «*non se mengue, nin se pierdan los derechos de Dios por mingua de la nuestra justicia, mas que crescan cada dia al servicio dél, e a onra de Sancta Eglesia e de nos*».¹

В «Партидах» широкие претензии монархии на власть сформулированы еще более ясно и прозрачно, и одним из таких утверждений стало право вмешательства в дела Церкви: «*El rey es puesto en la tierra en lugar de Dios*».² Тем самым монархические права в отношении церковной сферы получили окончательное обоснование не только с теологической точки зрения, но и с философской. Для этого власть прибегла к самому модному на западе во времена Альфонсо Мудрого философскому течению: к аристотелизму. В «Партидах», с их отчетливо выраженной апелляцией к аристотелевской «Политике», нашел выражение древнейший политический идеал монарха, который ныне воплощает Альфонсо X и который

¹ «Не ущемлялись и не утрачивались права Бога посредством нашего правосудия, более того преумножались от каждодневного служения ему, во славу Святой Церкви и нас».

² «Король занимает на земле место Бога».

гласит, что «El Rey non tan solamente era guiador e cabdillo de las huestes, e juez sobre todos los del reyno, mas aun era sennor en las cosas espirituales».¹

2.3. Идея согласия

Идея гармоничных отношений включает в себя два различных соображения: убежденность в развитии наибольшего взаимодействия между политической и церковной властью и необходимость поддерживать согласие между двумя продекларированными принципами — протекционализмом и интервенционизмом; в противном же случае одна из составляющих будет ущемлена, будь то монархия, предоставляющая защиту, которая не будет компенсирована широкими возможностями вмешательства в церковные дела, или церковь, страдающая от постоянного вмешательства, не имеющего в качестве противовеса достаточной степени защиты со стороны монархической власти.

Принцип согласия в отношениях — тема, многократно повторяющаяся в многочисленных королевских привилегиях, выданных на протяжении царствования Альфонсо X. Одна фраза, регулярно повторяющаяся в этих привилегиях, выражает эту мысль наиболее отчетливо: «Que el poder temporal e el espiritual, que viene todo de Dios, se acuerde en uno».² Очередной раз теологический постулат — божественное происхождение светской и духовной власти — служит для оправдания политического принципа: согласия в отношениях Монархии и Церкви.

3. Теория и действительность

Если обратиться к вопросу о том, каким образом монархия могла осуществить на практике весь комплекс этих теоретических положений, то следует отметить, что именно принцип протекционизма стал тем, что дало законные основания для развития двух остальных теоретических положений. Если Альфонсо X не желал превратить свои отношения с Церковью в постоянный источник конфликтов, то ему следовало выказать себя решительным защитником собственных интересов, прежде чем притязать на возможность вмешиваться в ее дела. Равновесное применение обоих принципов, протекционизма и интервенционизма, могло породить то состояние гармонии, которого стремился достичь Альфонсо Мудрый в своих отношениях с Церковью.

¹ «Король не только является предводителем и военачальником над войсками и судьей над всеми жителями королевства, но и господином в решении дел духовных».

² «Дабы власти светская и духовная, целиком исходящие от Бога, были во всем едины».

Однако в итоге реальная ситуация вышла за пределы теории. Если в первые годы своего правления Альфонсо X пытался во всех своих действиях придерживаться этой теоретической схемы, то возникавшие со временем политические нужды, сиюминутные интересы и изменения реальной ситуации вынудили монарха меньше заботиться о соблюдении принципа протекционизма, нежели об укреплении вновь и вновь повторяющегося интервенционизма, нарушая тем самым необходимое равновесие между покровительством и вмешательством. Вследствие этого отношения короля и Церкви шаг за шагом все больше приобретали тот конфликтный характер, которого Альфонсо X так стремился избежать. В течение его правления политическая позиция короля в том, что касается его отношений с Церковью, претерпела весьма существенные изменения. Если взглянуть на эволюцию этой позиции с точки зрения тех теоретических рассуждений, о которых шла речь выше, станет ясно, что хотя в какой-то момент монарх и отдавал предпочтение политике протекционизма — это происходило в первые десять лет его правления, в конечном счете преобладающим в его действиях стал принцип вмешательства в дела Церкви.

Так или иначе, весь этот эволюционный процесс характеризуется одним главным свойством — значительным разладом в применении двух базовых теоретических принципов, лежащих в основании отношений монархии и Церкви, в каждый конкретный момент времени. В то время как временами наблюдается почти безусловное следование принципу протекционизма, в другие периоды преобладающим становится интервенционизм. А поскольку правление короля явно тяготело к перевесу последнего, то постепенное противостояние монарху почти неизбежно вызревало в лоне кастильско-леонской Церкви: ярким проявлением его стала позиция, занятая прелатами и аббатами в связи с мятежом инфанта дона Санчо. Для того чтобы лучше понять, каковы были отношения Альфонсо X и церковных властей и как применялись указанные выше теоретические принципы, следует поделить его правление на четыре периода. Первый начинается с его приходом к власти и заканчивается с окончанием андалузских завоеваний около 1263 г. Второй длится до восстания знати в 1272 г. Третий должен продлиться до начала мятежных действий инфанта дона Санчо; окончание четвертого совпадает с концом самого правления.

3.1. Первый период (1252—1263): создание модели

На этом этапе правления Альфонсо X принцип протекционизма по отношению к Церкви получает свое наиболее ясное воплощение. Покровительство и защита короля идут по нескольким направлениям. Это золотое время для королевских дарений; хороший пример — раздел Севильи, от которого получили выгоду несколько прелатов. Правда, необходимо учитывать, что эти пожалования получили лишь 30 процентов от общего чис-

ла всех кастильско-леонских епископств. Новые дарения продолжали осуществляться и в последующие годы, исчерпавшись, похоже, лишь к концу эпохи завоеваний в Андалусии, или, быть может, чуть раньше; тем самым временем наибольшей концентрации королевских пожалований церкви стали первые восемь лет правления монарха. На период с 1252 по 1258 гг. пришелся и пик раздачи королевских привилегий — еще одно из проявлений королевского протекционизма в отношении к Церкви. Пример такого рода привилегий — расширение сферы денежных обложений в пользу соборного клира, в отдельных случаях — приходского клира; или, например, привилегия распространения королевских налогов на некоторые отдельные епархии.

Наряду с подобными проявлениями протекционизма, это время ознаменовано и другими проявлениями (куда более трансцендентного свойства) того, что являло собой королевское отношение к Церкви. Речь идет о действиях и решениях королевской власти в области законодательства. Будь то правовые нормы, принятые королем и обнародованные с целью обязательного и всеобщего применения во всем объединенном королевстве, как, например, взимание десятины, призванное обеспечить со стороны монарха регулярные взыскания в пользу Церкви; или положение об охране епископского имущества; или распоряжения, данные властям провинций, чтобы они полагали среди первоочередных задач необходимость «guardar las Iglesias, que ninguno no las quebrante».¹ Все эти привилегии были приняты в течение 1255 г., периода особой важности с точки зрения королевских инициатив, направленных на защиту церковных интересов. В призме этого стоит рассматривать и допущение монаршего покровительства для церковных владений, что свидетельствует о высокой степени доверия к королю как к естественному защитнику церковного имущества.

Нет сомнений, что это время было и временем вмешательства короля в дела церкви. Происходила узурпация отдельных видов церковной ренты; монарх достаточно часто вмешивался в выборы епископов или передавал церковные бенефиции доверенным церковникам. Однако протекционистские действия короны делали вполне переносимыми вмешательства подобного рода. Для большинства клира, включая высших иерархов, фискальная прибыль оказывалась достаточно ощутимой.

3.2. Второй период (1264—1272): от согласия к разъединению

Значимыми историческими событиями, с помощью которых можно обозначить границы этого периода, следует полагать мавританский мятеж 1264 г. и восстание знати 1272 г. События эти, исключительно важные и сами

¹ «Охранять церкви, дабы никто не мог их разрушить».

по себе, особенно значимы в контексте тех глубинных изменений, которые претерпели отношения Альфонсо X и кастильско-леонской Церкви. В начале периода перед нами король, с уверенностью опирающийся на Церковь, знающий, что он в любой момент в случае необходимости может прибегнуть к ее помощи. Именно поэтому в момент начала мавританского мятежа, случившегося в 1264 г. при поддержке гранадской знати, Альфонсо X, не сомневаясь в том, что его прелаты бросят клич к крестовому походу, взывал к уже просроченным буллам, демонстрирующим одобрение клира. Епископы приняли их, проповедь похода дала свой результат, хотя подлинное воззвание к крестовому походу не было принято папой Клементом IV вплоть до следующего года. И все же это пример взаимного доверия.

Напротив, восстание знати 1272 г., в ходе которого епископская часть клира, преимущественно галисийская и леонская, как отмечает Антонио Бальестер, оказалась на стороне мятежников, ясно показывает, что отношения взаимного доверия пришли к завершению. Теперь уже король понимает, как трудно было бы ему вновь обнаружить в своей Церкви нерушимую преданность былых времен. Наоборот, он обретает уверенность в том, что некоторые именитые представители Церкви в альянсе с аристократическими кругами могут стать источником очевидной нестабильности.

Что же произошло между этими двумя событиями, что стало основанием для такого изменения курса?

Джозеф Ф. О'Каллаган выделяет, прежде всего, причины экономического характера. В годы, непосредственно предшествующие мятежу, Альфонсо X успешно и подчеркнуто широко осуществлял политику налоговых взиманий с церковью государства. Ярким проявлением позиции монарха стало необязательное изъятие королевских «третьей». Для А. Бальестера мотивы, побуждающие прелатов противостоять королю в ходе восстания, имеют отношение к защите ими своей сеньориальной юрисдикции и церковного права. Это те сферы, вмешательство в которые со стороны короля противоречило интересам клира в целом и епископата — особенно. Ко всему этому следовало бы добавить и тот факт, что с 1260 г. ощущается исключительная скудость королевских пожертвований церковным институциям, в противовес тому, что происходило в этой сфере в начале правления. Тем самым, именно 1266—1270 гг. стали временем наименьших пожалований Церкви со стороны короны за все время правления Альфонсо X. Столь же печальная картина сложилась в это время и с предоставлением королевских привилегий, так щедро раздаваемых до 1260 г.

3.3. Третий период (1273—1281): разрушение модели

Эти восемь лет стали тем временем, когда система отношений монархия-церковь, введенная в практику Альфонсо X в начале его правления, рухнула окончательно. Протекционизм был забыт, а вмешательство в де-

ла Церкви и стремление контролировать ее стали теперь теми основными принципами, на которых базировалась церковная политика Альфонсо X. Клир, а в особенности епископат, чувствовал все больше угроз со стороны королевской власти. Это ощущение опасности затрагивало самые разные сферы.

Первая сфера — церковная собственность. Уже в 1274 г. стали раздаваться жалобы соборных капитулов, объявивших, что под видом опеки епископских вакансий королевские чиновники пытаются присвоить церковное имущество епархий, затронутых этой ситуацией. Недовольство духовенства стало массовым, когда в 1278 г. монарх решил начать следствие в отношении имущества, перешедшего к Церкви.

Начиная с 1275 г. борьба с берберами-маринидами стала поводом к тому, что король стал регулярно взимать экстраординарные платежи, которые кастильско-леонская Церковь в конечном счете сочла слишком чрезмерными. По мнению Дж. О'Каллагана, именно это стало причиной, которая побудила некоторых прелатов выступить на стороне восставшей знати в 1272 г.

Защита церковного судопроизводства от возможного вмешательства светского правосудия всегда являлась традиционной заботой кастильско-леонской Церкви, добивавшейся того, чтобы монархия взяла на себя обязательства осуществлять подобного рода защиту. Кажется, среди прочего, в эти годы Альфонсо X забыл об этом соглашении. Поэтому, когда король отбыл из королевства в 1275 г., некоторые епископы воспользовались этой ситуацией для того, чтобы возвести на трон инфанта дона Фернандо, обещавшего покровительство Церкви, в котором ей было отказано в последние годы царствования Альфонсо X. Именно промежуток между 1270 и 1281 гг. стал временем самого интенсивного вмешательства королевской власти в выборы епископов.

В период между 1279 и 1281 гг. был нанесен невосполнимый ущерб отношениям Альфонсо X и кастильско-леонской Церкви. Записка, представленная в 1279 г. самому монарху папским легатом Педро де Риети по результатам его обследования положения Церкви в королевстве, является, по мнению Питера Лайнхэна, точным обобщением всего того, за что духовенство в тот период порицало церковную политику Альфонсо X; в первую очередь, суть претензий состояла в следующем:

- узурпация «третьей» и десятин;
- наложение незаконных поборов;
- королевское вмешательство в выборы епископов;
- широкое вмешательство в дела исключительной церковной юрисдикции;
- изъятие монастырского имущества;
- запрет прелатам вывозить из королевства доходы, необходимые им для осуществления их поездок.

Сам папский легат Педро де Риети, узнав обо всем этом неблагоприятно, отмечает, что священнослужители не решаются представить королю

общую жалобу, призванную вынудить монарха исправить совершенные им злоупотребления.

Вместе со всем сказанным не стоит забывать столь значимый факт, что в годы, непосредственно предшествовавшие мятежу инфанта дона Санчо против своего отца, по крайней мере, четверо прелатов находилось в изгнании вследствие их разногласий с Альфонсо X. Речь идет о Родриго Тельо, епископе Сеговии, о Педро Йанесе де Новоа, епископе Оренсе, о Мартине Фернандесе, епископе Леона, и Гонсало Гарсии, архиепископе Сантьяго. Сам папа Николай III, высказываясь по поводу позиции Альфонсо X в отношении Церкви, говорил о «*conculcationem ecclesiastice libertate*».¹

3.4. Четвертый период (1282—1284): открытое противостояние

Мятеж инфанта дона Санчо против его отца стал для широких кругов кастильско-леонской Церкви средством выражения того общего недовольства, которое существовало у правящих ее членов по отношению к церковной политике монарха. Большинство епископов в итоге поддержало мятежного инфанта. Из высших иерархов только архиепископы Толедо и Севильи, аббат Вальядолида и епископы Сеговии, Овьедо, Авилы и Кадиса сохранили свою верность королю. Во время восстания множество монастырей открыто заявило о своей поддержке дона Санчо. Все это по сути было формой отрицания королевской политики в отношении Церкви. Ни неоднократные вмешательства папы Мартина IV в пользу Альфонсо X, ни угрозы наказания в виде отлучения от Церкви для священнослужителей, оппозиционных монарху, не смогли лишить дона Санчо той широкой церковной поддержки, которую он обрел в годы мятежа.

Выводы

Альфонсо X отнюдь не был создателем изложенной выше системы взаимоотношений Монархия-Церковь, которая основывалась на равновесии позиции покровительства, с одной стороны, и вмешательства, с другой. Подобная же теория — сознательно или бессознательно, — применялась и во времена правления Фернандо III. Король был ответственным за то, чтобы его отношения с Церковью строились в должном соответствии с определенными принципами. Однако, как и в других вопросах, идеи Альфонсо X разбились о реальность, которая весьма трудно уживалась

¹ «Попрании церковных свобод» (лат.).

с теоретическими воззрениями. Поддержание политики протекционизма монархии по отношению к Церкви в том виде, в каком она происходила в первые годы его правления, было возможно только ценой значительных финансовых обязательств, которые быстро стали чрезмерными. Также и обещание короля поддержать юридические права церкви не могло быть полностью выполнено из-за отсутствия соответствующего институционального аппарата.

Помимо этих изъянов в применении принципа протекционизма, собственные политические обстоятельства требовали все большего вмешательства короля в дела Церкви. Экономические нужды монархии подталкивали короля к тому, чтобы обложить ее поборами. Политическая нестабильность и собственная политическая значимость церковной власти, прежде всего епископов, вынудила короля (особенно после восстания знати 1272 г.) попытаться обеспечить себе поддержку ее наиболее влиятельных членов, что повлекло за собой контроль за выборами епископов и присвоение церковных доходов. Тем самым личный конфликт короля с некоторыми прелатами стал неизбежным. С началом восстания инфанта дона Санчо даже вмешательство папы не смогло обеспечить кастильскому королю поддержку церкви.

В итоге стремление к равновесию между протекционизмом и вмешательством, лежащее в основании всей теоретической системы Альфонсо X, из которого исходили наиболее характерные аспекты его церковной политики, со временем показало свою нежизнеспособность. Монарх не мог оказать Церкви всю требующуюся ей поддержку так же, как не мог уступить в своем стремлении к вмешательству и контролю.

Несмотря на очевидное поражение Альфонсо X в попытке создать действенные нормы в системе отношений монархии и Церкви, удовлетворяющие обе стороны, его ближайшие преемники смогли осуществить на практике те самые принципы, применение которых заложил Альфонсо Мудрый. Неудачи повторялись вновь и вновь в правление Санчо IV и Фернандо IV. Быть может, причина этого лежала в недостаточной развитости институтов, необходимых для точной реализации теоретической схемы. Теория одержала превосходство над практикой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Настоящая работа частично воспроизводит содержание моей статьи: Nieto Soria J. M. Principios teóricos y evolución de la política eclesiástica de Alfonso X // *Mayurqa*. 1989. No. 22. P. 465—474. Затронутая здесь тема более широко освещается в моих книгах: Nieto Soria J. M. Iglesia y poder real en Castilla. El episcopado, 1250—1350. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1988; Idem. Las relaciones monarquía-episcopado castellano como sistema de poder (1252—1312) / 2 vols. Madrid: Universidad Complutense de

Madrid, 1983. В этой последней книге содержится обширный материал из источников по обсуждаемой здесь теме, на котором и основывается предпринятый здесь анализ. Все, что касается вопросов идеологии, в значительной мере обсуждалось в статье: *Nieto Soria J. M. Origen divino, espíritu laico y poder real en la Castilla del siglo XIII // Anuario de Estudios Medievales. 1997. T. 27. P. 43—101.* Как наиболее свежее исследование по теме можно рассматривать работу Карлоса Мартинеса де Айала: *Ayala Martínez C. de. La política eclesiástica de Alfonso X. El rey y sus obispos // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes. 2014—2015. No. 9. P. 41—105.* О новых аспектах, имеющих отношение к церковной политике Альфонсо X, особенно в последние годы его царствования, а также вновь выявленные документы по этой теме, содержатся в монографии Франсиско Х. Эрнандеса и Питера Лайнхэна: *Hernández F. J., Linehan P. The Mozarabic Cardinal. The Life and Times of Gonzalo Pérez Gudiel. Florencia: Sismel-Edizioni del Galluzzo, 2004.* По поводу западноевропейского контекста обсуждаемых здесь проблем из последних исследований следует учесть следующие: *Eglise et État, Église ou État? Les clercs et la genèse de l'État moderne / Dir. par Ch. Barralis, J.-P. Boudet, F. Delivré, J.-Ph. Genet. Paris, Rome: Publications de la Sorbonne y École Française de Rome, 2014.*

Перевод с испанского И. В. Ершовой

Глава 4

«ИСТОРИЯ ИСПАНИИ» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

XIII—XIV вв. в европейской культуре были эпохой формирования прозы¹ — правовой, религиозной, дидактической, исторической и художественной — на национальных языках.² Особенности прозаического дискурса и его цели в испанской словесности также начинают постепенно оформляться в первой половине XIII века. Тогда же складывается система средневековых (латинских и кастильских) обозначений для прозаической речи (*prosa, rythmus, cursus, prosa rítmica, curso rimado, leyenda suelta, fablar comunal*) и вырабатываются механизмы переноса формально-риторических приемов и методов латинской прозы на «народный» язык. Главной сферой формирования навыков построения прозаической речи становится переводная литература, которая в межнациональном пространстве средневековой Испании играет особую культуртрегерскую и объединяющую роль: «переводная литература» выполнила одновременно функцию урегулирования культурной многослойности Пиренейского полуострова в IX—XII вв. и роль посредника между миром Востока и христианской словесностью. Перевод греческих, арабских и древнееврейских книг (сочинения Авиценны, Аверроэса, Аристотеля, Платона, Евклида, Птолемея, Галена, Гиппократы, аль-Хваризми, Ибн Рушда и многих иных ученых и философов древнего Запада и Востока был начат в знаменитой «школе пе-

¹ См. Об этом подробно: *Евдокимова Л. В.* У истоков французской прозы. М.: Наследие, 1997.

² Важнейшую роль в этом процессе сыграло становление и развитие университетской системы образования; во исполнение идей Латеранского собора 1215 г. университетам надлежало уделить приоритетное внимание преподаванию грамматики и риторики латинского языка и выработать механизмы, в первую очередь, для изложения церковных догм и установлений на народных языках, в частности, на «романском» (*romance*), как именовали в средневековых текстах кастильский.

реводчиков» в Толедо (год основания — 1130),¹ а ее величайшие деятели (Раймундо Толедский, Доминго Гундисальво, Хуан Испанский) выработали особый переводческий метод, включающий в процесс рождения латинского текста три (арабский-кастильский-латинский), а то и четыре языка (арабский-еврейский-кастильский-латинский). При этом надо учитывать, что записывался только финальный текст, все же промежуточные этапы проходили в устной форме, что, однако, в немалой степени способствовало развитию основного языка-посредника — кастильского. Переводная и компиляторская деятельность была продолжена в скрипториях Альфонсо X Мудрого и Санчо IV, сыграв ключевую роль в истории формирования испанской прозы.

Заметим, что процесс становления прозы в Испании (как, впрочем, и в других европейских литературах) начинается тогда, когда романскую речь при преобразовании в язык письменной культуры, подобно речи на латыни, стали кодифицировать, «преобразуя в формальный дискурс» («*convierte en discurso formal*»)² с помощью всех тех риторических приемов, которые излагали многочисленные предписания по *ars dictandi*, *ars poetriae*, *ars praedicandi*. Подобные сочинения в изобилии стали появляться на рубеже XII—XIII вв. (Иоанн Гарландский, Матвей Вандомский, Иоанн Солсберийский и др.). Именно этот процесс преобразования кастильского в основной письменный язык королевского скриптория и происходит во время правления Альфонсо Мудрого, в частности, в двух начатых им историографических сочинениях («История Испании» (*Estoria de España*, 1272), «Великая и всеобщая история» (*Estoria grande e general*, 1284)).

Говоря о роли исторических хроник Альфонсо X в процессе формирования испанской прозы, следует учитывать несколько существенных моментов. В первую очередь, особую роль кастильского языка (*castellano*, *romance*) в культурном проекте Альфонсо Мудрого; кроме того, политические и культурные цели и задачи, которые ставили перед собой компиляторы и редакторы хроник и, прежде всего, сам король при создании историографического текста (здесь очень важна работа по реконструкции разных редакций хроники, позволяющая восстановить Альфонсову концепцию хроник), а соответственно этим задачам — работа с источниками (их состав, отбор, перевод, переложение и трансформация), которые складывают повествование в средневековой хронике, а также оказывают воздействие на последующую традицию — как формальное (влияние на язык прозы), так и смысловое (изменение состава жанровой системы испанской прозы XIV—XV вв.).

¹ В настоящее время в испанистике активно обсуждается вопрос о правомерности и содержании понятия «толедская школа переводчиков».

² *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana, I. Madrid, Cátedra. 2007. P. 20.

Давно отмечено, что культурная политика Альфонсо Мудрого была процессом глубоко продуманным и целенаправленным. Культурный проект испанского короля, «не имеющий параллелей в христианском мире» Запада,¹ оказывается важен не столько суммированием предыдущего опыта, но своей устремленностью в будущее. «Концепция культуры» Альфонсо опирается на идею последовательной секуляризации знания, заимствованную им у Толедской школы переводчиков, цель существования которой заключалась в передаче христианскому западу арабских книг, средоточия самого передового научного знания той эпохи (особую роль в этом процессе играли еврей-переводчики, переводившие на латынь арабские ученые труды). Описывая взаимодействие трех языков и культур в эпоху Альфонсо X, ставшее основой его культурной политики, Маркес Вильянуэва использует термин «*mudejarismo*», понимая под ним обширный процесс культурной гибридизации, взаимного окультуривания, где элементы западноевропейского мира смешиваются с элементами мира восточного, определяя тем самым особый характер развития мысли, литературы, институций, политики.

Тем самым достижения Альфонсово́й эпохи представляют собой не просто естественный результат средневекового «возрождения» XII века, не имевшего столь яркой выраженности на Пиренеях в силу особых обстоятельств, и не следствие «национальной мечты» в ее современной трактовке, а результат осмысленной и продуманной политики конкретного человека, его ясного и основательного видения происходящего, внимательного и тщательного анализа реального положения дел. Политика эта опередила, по мнению многих, свое время лет на сто и была не вполне понята даже ближайшими потомками испанского короля (в частности, его сыном Санчо IV).

Стремление Альфонсо X к обновлению носило всеобщий и политически мотивированный характер; его культурная концепция была не абстрактным идеальным горизонтом, к которому надлежало стремиться, а целью осознанной и прагматической. Для Альфонсо власть и культура суть понятия синонимичные. Осознающий свою ответственность перед народом и свою культурную миссию монарх превратил ее в политическую стратегию, став не только монархом, но и учителем для всего общества. Его понятие «тела народа», выведенное за пределы традиционного средневекового членения, отсылает ко всему обществу в целом, к каждому отдельному человеку (*omne qualesquien*), утверждая, вслед за Аристотелем, столь почитаемым испанским монархом, естественное право народа на осознание своей «природы». Культурно-просветительская программа Альфонсо Мудрого обращена к среднему человеку, и взгляд этот в значительной мере был заимствован монархом из тогдашней арабской культуры.

¹ Этой теме специально посвящена монография Фр. Маркеса Вильянуэвы: *Márquez Villanueva F. El concepto cultural alfonsí. Barcelona: Ed. Bellaterra, 2004.*

Обращаясь к «среднему» человеку, Альфонсо осознанно выбирает и «средний» язык, понятный всем и каждому. Из трех доступных языков — латынь (язык церкви и документа), арабский (язык литературы и мудрости) и кастильский (язык бытового общения), он выбирает последний как всеобщий для всех народов, населяющих его земли, и свободный от закрепленных за ним устойчивых функций. Именно кастильскому языку предстояло стать ключевым элементом интеллектуальной реформы Альфонсо Мудрого. При этом, если само преобладание кастильского в качестве разговорного являлось процессом естественным и спонтанным, то желание Альфонсо вытеснить им латинский как язык прозы — осозанным. В XIII в. только в Кастилии народный язык полноценно вторгся в область права и государственных бумаг, чтобы тем самым, вытесняя и заменяя латынь, секуляризировать культурное поле, сделать кастильский в первую очередь языком светского знания. В ситуации трехгlossии выбор кастильского, с одной стороны, подчеркивал западную ориентацию Испании, а с другой, свидетельствовал о выборе особого пути, открывая дорогу для арабской мысли и знания.¹ Выбор кастильского определял и новые задачи: создание языка истории, права, науки и политики. Для поэзии готовый язык уже существовал (галисийско-португальский), король сам сочинял на нем песнопения в честь Девы Марии и песни «хулы и насмешки»; при этом интересно, что обожавший поэзию и музыку Альфонсо не особенно заботился о развитии поэзии и всего того, что можно обозначить как «вымышленное повествование» (*ficción narrativa*). Альфонсо язык нужен для других целей и для другого рода словесности — научной, исторической и правовой прозы, то есть всего того, что должно выполнить главную цель монарха-просветителя — учить и образовывать свой народ.

Исторические труды Альфонсо Мудрого — «История Испании» и «Всеобщая история», — создававшиеся вначале последовательно, а затем одновременно в двух королевских мастерских-скрипториях, даже в том усеченном виде, в котором они дошли до нас (это результат сохранности королевских копий, разных стадий складывания текстов, и, наконец, весьма сложная современная история изданий той и другой хроники²), тем не менее позволяют достаточно исчерпывающе представить историографический замысел короля и способы работы королевских компиляторов в работе над двумя историями.

Принятая в современной историографии точка зрения на состав и принадлежность скрипторию Альфонсо X публикуемой нами «Истории

¹ Заочно включаясь в «большой спор» А. Кастро и С. Альборноса по вопросу о статусе *alfonsí*, упомянутый выше Ф. Маркес Вильянуэва отстаивает тезис о целенаправленном выборе Альфонсо кастильского как всеобщего языка трех народов для его культурных целей.

² Подробно о рукописной истории хроник Альфонсо X см.: *Fernández-Ordóñez I. Las «Estorias» de Alfonso el Sabio*. Madrid: Ediciones Istmo, 1992.

Испании» коротко выглядит следующим образом: изданная Р. Менендесом Пидалем в 1906 г. «Первая всеобщая хроника» (*Primera Crónica general*) объединила рукопись первого тома, созданного при жизни Альфонсо X и датированного 1272 г. (так называемая *Versión primitiva*. Escorial. Ms. Y. 1.2), и второго, который исследователь датировал также Альфонсовой эпохой. Однако впоследствии внук Менендеса Пидалья, филолог-медиевист Д. Каталан доказал, что второй том является компиляцией нескольких хроник, собранных в правление Альфонса XI в первой половине XIV в.¹ Работы Инес Фернандес-Ордоньес привели ученых к убеждению в том, что собственно Альфонсов текст (т. е. текст, написанный во время его правления и с ведома короля) заканчивается на гл. 616 (616. *O кресте, сотворенном ангелами для короля дона Альфонсо*, [PCG. Cap. 616]), причем лингвистический и содержательный анализ помог специалистам уточнить даже строку и конкретное место, где меняется рука автора-редактора текста, и доказать, что следующие тетради не имеют отношения к эпохе Альфонсо X и — возможно, самая финальная часть — даже к скрипторию его сына Санчо IV, отчасти продолжившему историографическую деятельность отца. А это означает, что реконструировать цели и задачи, а также нарративные принципы исторических трудов короля на начальном этапе замысла Альфонсо Мудрого мы можем, для точности научной верификации, на том материале (весьма обширном и значимом) «Истории Испании», который включает достоверно сохранившийся фрагмент от пролога и библейских времен до правления короля Альфонсо II (в случае с кодексом *E*, речь идет о так называемой «королевской версии» — *version regia*). Однако существует и имеет гораздо больше текстуальных свидетельств еще одна ветвь Альфонсовой редакции «Истории Испании», которая может быть прослежена от начала рассказа о варварах до смерти короля Леона Фернандо II (Вторая редакция памятника или так называемая «критическая версия» — *Versión crítica*, ок. 1282—1284 гг.)).

Прийти к такого рода выводам не в последнюю очередь позволили именно анализ прозаического языка «Истории Испании» и ее повествовательной стратегии. Оставив в стороне исторические аспекты, стоит обратить внимание именно на литературную составляющую хроники, для начала оговорив, что для современных исследователей и читателей средневековые «истории» с полным правом входят в состав средневековой словесности и даже точнее — литературы, хотя бы уже тем материалом, который (помимо собственно хроникальных записей, материалов анналов) они включают в свое повествование и который при всем историческом правдоподобии и легендарной функции является зачастую вымышленным и в дальнейшем окажется востребованным именно литературой «fic-

¹ *Catalán D. De Alfonso X al Conde de Barcelós: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal*. Madrid: Gredos, 1962.

ción» — поэзией и прозой, рыцарским романом, драматургией, новеллистикой и пр.

Далек от современного понимания исторической точности и состав источников средневековых хроник, ставящий в один ряд по степени надежности и достоверности для средневекового читателя, скажем, художественную латинскую поэзию и исторические труды. Состав источников историй Альфонсо Мудрого необычайно велик: Библия, античные и средневековые историографические сочинения (Павел Орозий, Павел Диакон, Евсевий, Иероним, Иордан, Исидор Севильский, Гальфрид Монмутский, латинские и романские версии «Всемирной хроники» Луки Туйского, «О делах испанских» Родриго Хименеса де Рада и т. д.), литературные сочинения античности (Овидий, Вергилий, Лукан, Стаций), наконец, эпико-легендарные сюжеты, дошедшие в староиспанских *cantares de gesta* или их переложения: сказания о графе Фернанде Гонсалесе, об инфантах Лара, о Бернардо дель Карпью, о Сиде Кампеадоре.

Все эти источники не просто отобраны, трансформированы и сложены друг с другом, они сплавлены в единое повествование и существенно изменены в соответствии с идеологическими целями Альфонсо Мудрого; так вырабатывался особый способ повествовательной техники хроник Альфонсо X, повлиявший на процесс формирования кастильской прозы в целом. Если основным способом ввода историко-легендарного материала в XII—XIII вв. в европейскую словесность стало появление на национальном языке рифмованных хроник и рыцарских романов, перелагавших латинские истории и хроники (ср., например, историю переложений «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского), то в Испании процесс будет скорее обратным — стихотворные хроники и рифмованные поэмы и романы будут перелагаться внутри историографических сочинений прозаическим языком (помимо хроник Альфонса тот же процесс можно наблюдать в «Великом завоевании за морем», рыцарской хронике крестовых походов, куда включены полные прозаические переложения «Рыцаря с Лебедем», «Берты Большеногой», «Майнета»).¹

Стоит оговорить, что внутри Средневековья дихотомия *fabla / historia* была сформулирована вполне отчетливо; ее базовое различие утверждает в своих «Этимологиях» еще Исидор Севильский и продолжает почти каждый пролог средневекового текста. Да и внутри самих текстов найдется немало уточнений для различения двух типов повествования. Так или иначе, истории и хроники стремятся вобрать в себя все то, что в их представлении подходит под значение «история, правда», тщательно, хотя и не всегда убедительно, отбрасывая все то, что грешит против возможной достоверности. Тем самым в понятие «правдивого» включается все,

¹ В первой трети XIII в. во Франции начнут перелагаться прозой рыцарские романы, например, цикл «Ланселот-Грааль», однако это будет прозаический вариант поэтических сюжетов, а не включение их в иной жанровый регистр.

что освящено: 1) авторитетом древности (хотя в этом случае предполагается некоторый отбор материала и способ его интерпретации); 2) включением в состав предыдущих историографических сочинений; 3) привязкой материала к историческим событиям; например, включение в хронику крестовых походов истории Рыцаря с Лебедем как части генеалогии Готфрида Бульонского, или сюжетов староиспанских и старофранцузских «песен о деяниях» и легендарных романсов, рассказывающих об исторических (на самом деле преимущественно псевдоисторических) событиях. Сами хронисты и хуглары между тем вполне различали правдивую, точную (*verdad*) и не совсем достоверную информацию. Доверяя общей канве «песен о деяниях», чему есть множество свидетельств, они считают более достоверным материал латинских источников (и не всегда только историографических).

Для вымысла — *fabla* (*fabliella*) — то есть того, что «говорят, поговаривают, рассказывают», важно то, как строится рассказанное (нарративная структура), что сам рассказ измыслен (*inventio*), что он предназначен для увеселения слушающего и рассчитан на устное исполнение (рецептивный аспект), а потому он чаще всего предстает в форме поэтической украшенной речи. Не последнюю роль играет необходимость толкования смысла (главное средство — аллегория).¹ Такого рода формальным признакам отвечает, скажем, староиспанская «Книга Благой любви».

Все относящееся к *estoria* должно было быть устроено и изложено иначе (при этом необходимо учитывать, что историография в Испании вплоть до первой трети XIII в. существует на латинском языке, а потому многие оговариваемые свойства «историй», «хроник», «анналов» сформулированы прежде всего по отношению к латинской историографии): речь должна быть проста и безыскусна (она не знает «счета и метра»); изложение событий не требует искусности в организации повествования; смысл не нуждается в дополнительном толковании и приукрашенности (буквальный смысл рассказываемого); рассказ преимущественно рассчитан на чтение и хранение. Немаловажным оказывается и принцип правдоподобия излагаемого материала.

Многие из этих принципов восприняла и ранняя историография на национальных языках. В той же «Истории Испании» часто возникает внутренний комментарий к прежним рассказам о том или ином событии, как это происходит, например, в случае с описываемой генеалогией гуннов, устранивших и поработивших всю Европу. Древняя легенда, изложенная у Иордана, гласит, что гунны появились от браков колдуний с нечистыми духами, что, с точки зрения испанских хронистов, все же маловероятно, а потому в кастильской истории следует уточнение: гунны родились от браков ведьм с сатирами, что кажется средневековому хронисту гораздо

¹ См.: *Díez de Revenga F. J. Literatura en las obras históricas de Alfonso X el Sabio* // Mester. 1988. No. 17 (2). P. 39—50.

более правдивым, ведь животное «сатир» упомянуто в любом средневековом bestiarii и тем самым узаконено в своем реальном существовании.¹ Таких поправок и уточнений в «Истории Испании» немало.

Исследование историографии Альфонсо X в последнее время ведется в двух основных направлениях: 1) в контексте «критики текста» исследуются источники и стадии формирования текста хроник; 2) проводится дискурсивный анализ историографических текстов как с точки зрения их литературной составляющей, так и в связи с социокультурным контекстом породившей их эпохи. Исследования Д. Каталана, И. Фернандес-Ордоньес, Ж. Мартена и Л. Фунеса о способах создания текста в «историографической мастерской» Альфонсо X много прояснили в понимании повествовательного метода королевских хронистов. Филологическая критика особенно внимательно изучает лингвистические и стилистические особенности языка прозы, ведь, по сути, речь идет о начале складывания литературной нормы кастильского, а также о влиянии литературных приемов на стилистику и повествовательную технику хроникального текста. К зоне литературности отходит весь спектр проблем, связанный с переводом латинских источников.

По справедливому замечанию Л. Фунеса, использование *romance* отграничило историографию королевского скриптория от латинских хроник и анналов, тем самым изучение «латинского» следа — это, прежде всего, материал сферы перевода.² В жанровом отношении «История Испании» принадлежит к типу «всеобщих хроник», вбирая в себя все разновидности историографических сочинений и типов повествования (хроники королевские и частные, монастырские анналы, генеалогии, жизнеописания). Вместе с тем рассказ внутри отдельного сюжета черпает приемы из всей системы повествовательных жанров эпохи. В случае с «Историей Испа-

¹ «...Жили среди его народа женщины, сведущие в заклинаниях и колдовстве, и называли их на готском наречии аллируны. И опасаясь, что они причинят какой-либо вред его воинам, он изгнал их от своего войска и отослал очень далеко, дабы они ушли в горы и пустыни. И те, уйдя туда в скорби, обнаружили там мужей, живущих в горах, которых называли сатирами и шаловливыми фавнами. Этих-то существ и обнаружил святой Антоний в пустыне, когда бродил в поисках святого Павла, первого отшельника. Согласно рассказу святого Иеронима, одного из них привезли однажды живым в Александрию императору Констанцию, но не застали там императора и оставили сатира умирать; однако те, кто его привез, вскрыли его, засолили и отвезли в Антиохию, дабы показать императору Констанцию; был он очень маленьким, и вся его голова была полна небольшой спорыньей. Эти-то существа, когда встретили тех готских женщин, совокупились с ними и породили сыновей и дочерей, от которых и пошел род гуннов» (Estoria de España. Cap.406).

² См. Funes L. De Alfonso el Sabio al Canciller Ayala: variaciones del relato histórico // Memorabilia: boletín de literatura sapiencial. 2003. No. 7 (<http://pamaseo.uv.es/Memorabilia/Memorabilia7/Funes/Funes.htm> (дата обращения: 12.06.2018)).

нии» мы имеем дело с «тройным феноменом»: *традицией* знаний (исторических, научных, моральных, религиозных), *перевод* которых осуществляется в соответствии с концепцией *учености*, вдохновлявшей все произведения Альфонсо Мудрого».

Если идеологию обоих Альфонсовых исторических сводов определяют нормы политического и гражданского права, формируемые тем же Альфонсо X в его своде законов — «Семь частей» или «Семь Партид» (*Siete Partidas*), то их повествовательный облик создают, как и свойственно средневековой историографии, самые разные жанры средневековой словесности. Эпос, исторический анекдот, сказка, житийный сюжет, чудо, легенда — все эти жанры активно отдают свои сюжеты и приемы для создания исторических «примеров». Этот строительный материал достаточно легко вычленяется, и порой его включение выглядит очень механическим, как, например, в случае с отдельными легендарными и житийными мотивами.

Временами даже кажется, что некоторые сюжеты «Истории Испании» были осознанно введены с сугубо литературными целями. Например, таковы две версии рассказа о гибели Дидоны. Сначала дана история Элисы Дидоны и ее трагическая смерть из-за нежелания вступить в брак с царем макситанов Ярбом, а сразу за ним идет другой вариант — известная по Вергилию и Овидию трагическая история расставания царицы с Энеем. Первый вариант следует за изложением событий, представленных у Помпея Трога и Родриго Толедского, тогда как второй является переложением собственно Вергилиевой истории со вставкой письма из «Героид» Овидия. С одной стороны, перед нами обычное для древних хронистов изложение нескольких известных всем авторитетных версий одного события, с другой — явное стремление сделать рассказ занимательным и драматически ярким. Предпочитаемая латинскими хрониками версия Помпея Трога изложена простым перечислением событий, тогда как драматический сюжет о любви Энея и Дидоны дополнен письмом Дидоны, введение которого, как кажется, мотивировано в первую очередь повествовательной занимательностью и привлекательностью. Маловероятно, что «Героиды» к концу XIII в. могли восприниматься как текст документально-достоверный, хотя осознание вымышленности в данном случае не мешало воспринимать переписку героев древности как нечто вполне вероятное, т. е. правдоподобное. Письмо, взятое из «Героид», воспринималось не как устное свидетельство очевидцев, но как пример морального урока для всякого, претерпевающего удары судьбы из-за любовных страстей, который был бы более уместен в рыцарских книгах, а не в историографии.

Важную дидактическую и повествовательную роль в хрониках традиционно играют эпико-легендарные сюжеты. Легендарные сказания о разбойниках и мятежной знати времен завоеваний варваров не просто делают историю завоеваний и правлений свевов, вандалов, вестготов в Испании увлекательной и яркой, но прежде всего создают образ славного и воин-

ственного народа, возводящего историю своих героических деяний к самым древним временам. История любого «господства» — это история непрекращающегося противостояния и битв за свои земли. В «Истории Испании» Альфонсо X почти любой традиционный сюжет достраивается или преобразуется (или создается заново) таким образом, чтобы не только укрепить его связь со славной историей иберийских земель, но и создать драматически-напряженную картину прошлого, захватывающего память и воображение. При этом «свои» сюжеты должны масштабom и напряжением соответствовать тому материалу, который берется из античных историй, латинской литературы и раннесредневековых хронистов.

В качестве еще одного примера намеренной поэтизации и драматизации рассказа можно упомянуть один из великих впоследствии национальных сюжетов Испании — рассказ о взятии Нуманции / Нумансии (самой известной версией которого служит трагедия Сервантеса). Источником является «История против язычников» Павла Орозия (*Oros. V*), где этот эпизод дан весьма патетично и, в свою очередь, взят, по-видимому, у Луция Аннея Флора в его «Эпитомах Тита Ливия» (*Flor. I. 34. 9—10*). Возможно, он и сам по себе использовался в «Истории Испании». Для испанских хронистов XIII в. противостояние Рима и Нумансии (у Альфонсо она выступает под названием Самора [PCG (*Estoria de España*), cap.47]) — отдаленное событие легендарного прошлого.

История Саморы в испанской хронике становится законченным и повествовательно цельным рассказом. В нем три основных темы — стойкость и мужество саморцев; возможность победить римское войско; воля и хитрость Сципиона. Уже у Орозия (*Oros. Hist. V. 3—17*) были убраны подробности, которыми изобиловало описание разрушения Нуманции у Флора и Аппиана Александрийского (*App. Hisp. 97—98*): в рассказе про саморцев исчезли указания на их слабости, неоднократное отступление, изначально большие запасы продовольствия, жестокое убийство своих послов, которые не добились договора с римлянами, подрезание подруг женами нумантинцев, чтобы никто не мог сбежать; в отношении римского войска исчезают указания на наемный характер, раздоры и отчаяние, царившие в рядах римлян, жестокость Сципиона к своим, чрезмерно долгий срок осады, усталость войска: в отношении самого римского полководца — его жестокость, стремление избегать битв. Многие из этого ушло уже в описании Орозия, но он сохраняет численность войск римлян (40 000), время осады — 14 лет, подробности местности, строительства осадных сооружений, описание горячительного напитка, который возбудил защитников города на битву.

Следуя ближе к рассказу Орозия, испанские хронисты изменили многое, а оставшимся деталям зачастую придали иной смысл. Почти все акценты в рассказе об этом событии в «Истории Испании» оказываются смещены — дидактический эпизод Флора или патетическое описание маленькой, но стойкой Нуманции, противостоящей четырнадцать лет

осаждающему ее Риму, у Орозия становится героическим рассказом из прошлого испанцев. В «Истории Испании» героизация осуществлена последовательно и осмысленно, при этом вся избыточная патетика и противоречивость в характеристиках обеих сторон, наличествующая у Орозия, намеренно убрана: мужественны и отчаянны саморцы (нумантинцы); коварен, умен и талантлив полководец Сципион, а римская армия, если и отступает, то из-за мощи и пыла осажденных, что только повышает цену доблести саморцев. Очень стройно и последовательно изложены причины голода — долгая осада, ров, насыпь и ограждение, построенные войском Сципиона, а главное — придумана хитроумная причина изначально бедственного положения саморцев (что заведомо предрекает их гибель): Сципион подгадал нападение на город к моменту сбора урожая, и запертые внутри жители не смогли убрать поля.

Мужественные и готовые к битве саморцы предлагают честные и приятные условия либо сдачи, либо битвы, подробно растолкованные (Орозий их не конкретизирует), но Сципион, почувствовав возможность успеха, доводит осаду до победы. Спасаящий от голода согревающий напиток придает саморцам (в хронике убран рецепт его изготовления, данный Орозием), обреченным на гибель, силы для последней вылазки, давая возможность многим пасть в бою. Заметим, что тот же напиток (в добавлении к погребальному сырому мясу) у Флора выглядит проявлением дикости и иступленности нумантинцев; Орозий же дает рецепт горячительного и пьянящего напитка, больше подчеркивая экзотичность его для римлян, а не причины, по которым его пьют. У Альфонсо целия (так именуется напиток) согревает оголодавших саморцев, чтобы дать им силы для последнего боя. В «Истории Испании» самоубийство жителей и самосожжение города — это не только акт безысходности, а целенаправленное решение, знаменующее героическую стойкость жителей Саморы (Нумансии). Рассказ приобретает отчетливый литературный характер, а само повествование связность, мотивацию и завершенность эпического деяния.

Вместе с тем, при переводе-переложении как этой истории, так и всякой другой редакторы и компиляторы историй убирают из текста все вставки — пословицы, поговорки, латинские стихотворные цитаты из античных авторов, чем не только усиливают хроникально-описательный характер повествования, отодвигающий речь историка от речи поэта, но и поддерживают стилистическое единообразие прозаического текста, демонстрируя стремление разнообразить и обогатить прозаическую речь не столько поэтическими метафорами и сравнениями, т. е. сугубо стилистически, а прежде всего сюжетно-нарративными способами: привлечь как можно больше источников, разнообразить повествование включениями легендарного, эпического, литературного и фольклорного материала. О важности события скорее говорит не манера и стиль описания, но пространственность, логичность и выстроенность рассказа, его сюжетная продуманность и привлечение дополнительных деталей и сведений.

Отнюдь не всякий материал, который складывает отдельную часть рассказа, обрабатывается хронистами одинаковым способом. Более всего подвержена изменениям «старая», ученая материя, традиционный и устоявшийся в историографии сюжет. Приведу пример выстраивания отдельного сюжета в «Истории Испании». Сюжет этот интересен тем, что для обретения выделенного ему идеологического смысла он претерпевает все характерные для Альфонсовых хроник трансформации и очень ярко показывает, как складывается отдельный сюжет при помощи комбинации книжных и фольклорных источников.

Скажем, примером такого сцепления разнородных источников в связный, продуманный и обширный рассказ может быть история Геркулеса. Статус Геркулеса как одного из основателей Испании и прародителя ее первого королевского рода начал оформляться в латинской хронике Родриго Хименеса де Рада, архиепископа Толедского «О делах испанских» (*De Rebus Hispaniae*. Rodrigo Jiménez de Rada. 1243). В обширной хронике-компиляции, каковой является «История Испании», история Геркулеса (PCG (*Estoria de España*). Cap. 4—8), с одной стороны, представлена как фрагмент единого целого, связующий легендарную историю заселения полуострова и историю возникновения государственности в Испании с последующими совершенно достоверными событиями, эпохами и правлениями. С другой стороны, следуя идеям Альфонсо X о том, что рассказ должен быть не только полезным, но и увлекательным, история Геркулеса, героя и предводителя народов, изложена с множеством любопытных деталей и подробностей.

При этом, даже несмотря на беглое упоминание событий и мест, не имеющих прямого отношения к испанскому походу Геркулеса, биография греческого героя в истории обретает целостный и законченный вид. В хронике к рассказу Родриго Хименеса де Рада добавлены история рождения Геркулеса, рассказ о кознях врагов как причине странствий героя, упомянуты все основные места его походов — Троя, Рим, Гесперия, Гибралтар, Галисия, перечислены основанные им в походах города, его смерть, центральная часть, как и в латинской хронике, отдана двум главным противостояниям и поединкам — с Герционом и Каком (той его частью, что происходит в Испании). Правда, Геркулес в них выступает не как захватчик, а как освободитель.

К биографии героя добавлен зачин о трех Геркулесах (что само по себе не новость, трех Гераклов называет Диодор Сицилийский, шестерых — Цицерон, а максимальное число появится у Варрона — 24). Согласно версии Альфонсо X, древние волхвы предсказали, что однажды родится великий герой; зная об этом, люди, ожидая его, всякий раз думали, что родился именно тот герой, потому и давали одно и то же имя нескольким персонажам. Главная цель введения трех Геркулесов (два ошибочны, и только последний оказывается тем самым) — предсказание о рождении великого героя. Источник рассказа о предвидении рождения Геркулеса

древними мудрецами неизвестен. Возможно, таким образом оказалось переосмыслено известное предсказание будущей судьбы героя Тиресием, однако, скорее всего, предсказание рождения Геркулеса древними волхвами-астрологами и ожидание его сформировано по библейскому образцу. Сама же генеалогия трех Геркулесов — плод смешения разных источников (один из главных — «Хроника» Евсевия-Иеронима).

Хроника таким образом, воссоздавая эпический образ Геркулеса, дополняет его особым статусом в свете будущей истории Испании: легендарный предок испанцев предопределяет будущую славу страны, что подтверждается и избранной хронистами этимологией его имени: «...и каждый из первых двух Геркулесов, так как мог быть тем самым человеком, получил это имя, которое происходит из греческого и составлено из двух частей: из *her* и из *cleos*, что означает «прославленный воин» или «славный силой и боем».¹ Эпичность в значительной мере подтверждается мотивацией поступков Геркулеса: ссора с Эврисфеем, его господином, укладывающийся в традиционный зачинный мотив ссоры героя и властителя; ненависть царицы Юноны; молва о силе врага и причиняемых им бедствиях, побуждающая героя к действию.

Героическая и идеологическая составляющие усилены тем, что залогом славы героя оказываются не столько его собственные деяния, сколько предвосхищение грядущей славы Испании. Именно это объясняет трансформацию Испана латинской хроники Родриго Толедского из неведомого героя при Геркулесе в его племянника и наследника, сам же рассказ об Испане разрастается в хронике на две пространные главы. И снова возникает вопрос, что же послужило образцом для выстраивания такой пары — герой-завоеватель земель и его потомок-король. Сам Геркулес не правит (вполне в соответствии со своей античной ролью — здесь я вполне соглашусь с сугубо героической трактовкой Геракла, нежели с его трактовкой в роли «царя-жреца» в духе кембриджской школы), он лишь сражается и захватывает земли.

Можно предположить, что такого рода мотив, отсутствующий у Родриго Толедского, мог быть подсказан хронистам из Альфонсова скриптория историей главного испанского эпического героя Сиды Кампеадора (слово *batallador*, которым поясняется имя Геркулеса, по сути представляет собой дословный вариант прозвища Сиды — *Campeador*). Сид — герой-завоеватель чужих земель для Испании, а потомки его, как свидетельствует молва и «Песнь о моем Сиде», — короли Испании, роль которых в истории страны будет скорее созидательной, нежели военной. Более того, король Испан в хронике характеризуется «отважным и благоразумным»

¹ «E los dos hercules primeros cuydando que cada uno dellos serie aquel. pusieron se nombre assi. ca segund el language griego. fue tomado este nombre de dos partes de letras. de her e de cleos que quier dezir batallador onrado o alabado en fuerça y en lib» (Estoria de España. Cap. 4).

(*muy esforzado y de buen seso*), что является важнейшей и определяющей характеристикой испанских эпических героев и испанских монархов.

Как очевидно, заявленный статус Испана — «племянник» — простейший способ подчеркнуть не выявленное родство с героем (Карл-Роланд). По мнению исследователей хроник Альфонсо X, эта пара (Геркулес-Испан) в своем окончательном виде должна была стать легендарной параллелью к паре король Фернандо III Кастильский, объединивший Кастилию, Леон и Галисию и его сын Альфонсо X Мудрый, более прославившийся знаниями и писаниями, нежели воинскими деяниями. По-видимому, эта мысль действительно была, хотя вызревала она постепенно, в полном виде проявившись во «Всеобщей истории». И, на наш взгляд, вдохновлена она была именно параллелью с Сидовой ситуацией. Вот как сказано в истории: «После того как Геркулес завоевал всю Гесперию и подчинил ее своей власти, пожелал он пойти дальше по миру и совершать великие дела там, где их находил, так как не хотел, чтобы существовала такая земля, где бы не было его потомков; ведь если он оставлял там своих людей, то становилось известно, что он завоевал те земли; поэтому заселял он их теми людьми, которых привез с собой из Греции и в каждом оставил своих потомков».

Напомню знаменитый финал «Песни о моем Сиде»: «Ныне мужа я у них лучше, чем прежде./ Рожденный в час добрый стал всюду известен./ В Арагоне с Наваррой царят его дети./ Монархи испанские — Сидова семья».¹ Мотив потомков героя, ставших королями, в испанской эпической традиции отчетливо и прямо появляется только в сказании о Сиде. К тому же и сам сюжет о Сиде занимает в «Истории Испании» весьма значительное место, начиная с его предка Лаина Кальво, одного из кастильских судей, и заканчивая огромным пересказом собственно истории Сида. Рассказ о Геркулесе, тем самым, может рассматриваться как аналог законченного эпического повествования о герое-воине, создавший, в определенном смысле, модель и механизм адаптации такого рода повествований внутри исторических сводов Альфонсо Мудрого. Хронисты повествуют о славном эпическом герое, где каждый элемент сюжета осознанно и целенаправленно работает на героическую биографию. Испанский Геркулес становится первым среди так называемых *figura ejemplar* в испанской хронике, наряду с Цезарем, Сидом, графом Фернаном Гонсалесом и прочими.

Старый традиционный сюжет (античный миф о Геркулесе) не просто выступает как часть средневековой хроники, но становится главным носителем идеологии хроники, а также смысловой и нарративной моделью для создания других легендарных сюжетов, в том числе и эпических вставок, которыми изобилует «История Испании». В значительной мере именно

¹ «Ved quál ondra creçe al que en buen ora nació, quando señoras son sus hijas de Navarra e de Aragón, oy los reyes d'España sos parientes son, a todos alcança ondra por el que en buen ora nació» (Cantar de Mio Çid. VV. 3722-25).

благодаря таким сюжетам¹ хроники Альфонсо обретут основополагающую роль в истории формирования повествовательного языка испанской прозы. В отличие от латинской хроники, мы видим не собрание сведений, подкрепленных цитатами из авторитетных источников, а связный рассказ, где все источники не переведены или включены в виде цитат, но переработаны в цельное повествование. При этом все цитаты в тех местах, где они были в латинской хронике, убраны; текст лексически и стилистически становится однородным. Более того, изменяется состав источников — он расширяется за счет вставок самого разного рода. Тут и толковый словарь, и латинские хроники, и легендарный, и фольклорно-сказочный материал. Если латинские источники служат для уточнения и пояснения сведений, то для достраивания сюжетной основы в тех местах, где не хватает материала, чтобы сформировать рассказ в заданном духе, события либо придумываются, либо заимствуют сюжетные ходы из легендарного и фольклорно-сказочного материала.

Строительным материалом для хронистов оказывается любой малоизвестный или типологически нейтральный мотив, а также готовый сюжет, взятый как из фольклора (и он в каком-то смысле оказывается предпочтительнее), так и из книжной словесности. Единственное условие его включения — правдоподобие и уместность с точки зрения идеологических задач хроники. Иногда рассказ встраивается очень естественно и органично, хотя его общая содержательная структура почти никогда не претерпевает существенных изменений и легко реконструируется в тексте. Реконструировать фольклорный сюжет, в частности, помогают те самые принципы сюжетосложения повествовательного фольклора, которые мы вычленили применительно к героическому эпосу. Фольклорный сюжет почти всегда входит в хронику целиком, в совокупности своей мотивной структуры и ролевых функций персонажей.

В качестве примера использования сказочного сюжета в «Истории Испании» можно взять историю уже упомянутого племянника Геркулеса — Испана.² Герой-эпоним Испан, став потомком Геркулеса, не только

¹ Сама история Геркулеса будет продолжена в следующей хронике Альфонсо, во «Всеобщей истории», и там она займет уже сорок шесть глав, превратившись по сути в средневековый «Роман о Геркулесе». А затем будет пересказана во многих знаменитых романизованных испанских хрониках (см., например, *Historia Troiana Polimétrica*) и станет сквозным сюжетом испанской литературы Средних веков и Возрождения.

² История Геркулеса у Родриго Толедского заканчивается кратким капитулом о некоем героическом муже Испане (он — *de heroum maioribus*), его соратнике, которого Геркулес «поставил во главе несчастных гесперийцев» (*quem Hercules profecerat genti misere Hesperorum*) и от которого Гесперия обретает новое имя — Испания. Вот этот Испан как раз и оказался тем благим властителем, который залечил раны бедной Испании после походов Геркулеса. Считается, что впервые имя Испан (в разных вариантах — *Hispalus*, *Hispan*) упоминается у Помпея Трога (в переложении Марка Юния Юстина, римского исто-

получает родословную, но обретает и потомков — дочь Либерию (передача власти через удачный брак дочери тоже, как кажется, навеяна «Песню о Сиде»). Была у него «красавица дочь по имени Либерия, и была она весьма сведуща в астрологии, так как тот, кто ее обучал, был самым большим мудрецом в Испании в ту пору; был он звездочетом Атласом, и за это его высоко ценил Геркулес; потому испросил Испан ее одобрения для основания Калиса». Она сама, этимология ее имени и вся ее роль целиком придуманы: во-первых, по аналогии с самим Геркулесом, Либерия — знаток астрологии и советчица своего отца (напомним, что советчик-астролог вносит тему предопределения и судьбоносности последующих событий); во-вторых, Либерия, подыскивая мужа по любви, дает женихам три задания — соорудить по ее велению город, выложить его мостовыми и выстроить мост-акведук, и выбрав того, кто мил ее сердцу, хитростью добывается того, что все три жениха обустраивают Кадис. Дочь избирает греческого королевича Пирра (два других соперника родом из Скандинавии и Африки), который займется дальнейшим обустройством Испании. Вот здесь и возникает сказочный сюжет, почерпнутый, скорее всего, из городского фольклора; не случайно его источник до сих пор точно не установлен. Так, основой рассказа о дочери Испана — Либерии, строительстве Сеговии и греческих корнях испанской монархии становится сказочный сюжет о царевне и *выборе жениха испытанием* (решение трудной задачи).

Интересен также пример рассказа о Башне Геркулеса. Согласно «Истории Испании», она была заложена Геркулесом в ознаменование победы над Герионом, а затем достроена Испаном, который изобрел огромное стекло, сквозь которое можно было видеть очень далеко и тем самым заранее приготовиться к набегам врагов. Старый римский маяк в А-Корунье (древней Бригантти) в X—XI вв. в европейской историографии прочно связывали с древними кельтами («Книга захватов Ирландии»). По преданию, кельтиберы разглядели с башни берега Ирландии (Башня Бреогана), куда и отправились легендарные основатели Ирландии Ит и сыновья Ми-

рика III века); затем оно было повторено в «Этимологиях» Исидора Севильского (*postea ab Hispalo Hispania cognominata est — Isid. Hisp. Etym. XIV. 4.28*), причем не вполне понятно, имел ли в виду Исидор человека по имени Испан или название места (древнее имя Севильи — Гиспалис — известно со времен «Записок о галльской войне» Цезаря). Архиепископ Толедский первым разворачивает имя в целиком вымышленную биографию конкретного человека, намечая ее контуры по хроникальной модели идеального правителя: мудрый правитель — создатель/строитель/основатель города — эпоним, в котором логично все, кроме именованного его «великим героем». Однако, по логике хрониста, получая Гесперию из рук Геркулеса, Испан оказывается привязан к славе легендарного героя и таким образом становится связан с его великими завоеваниями, да и имя, странное и невнятного происхождения, видимо, скорее ассоциировалось с греко-финикийскими корнями. Гесперия же именование, очевидно, греческое.

ля.¹ В X в. была известна и местная легенда, зафиксированная в местных анналах, о башне Бригантия, с которой однажды некий монах Трезензоний увидел прекрасные зеленые острова.

В скриптории Альфонсо X одну легенду изымают, а другую создают. При этом хронисты стремятся сохранить древность башни, дать ей другую генеалогию — она отмечает собой крайнюю западную точку походов Геркулеса и Испании, а также сохранить ее основную функцию, видимую вооруженным глазом, — маяк. Так и получается, что Геркулес возвел эту башню на голове убитого им гиганта Гериона, дабы восславить свою победу, а маяком ее сделал первый правитель Испан, придумавший удивительное магическое стекло, сквозь которое видно море далеко-далеко, а соответственно, можно лучше защищаться от врагов. Кельтская версия, нашедшая отражение в легенде о сыновьях Миля, не требует особого стекла — древние кельты видят далекие земли с высоты башни. А вот фольклорная галисийская легенда явно связала башню со сказочным мотивом о магических предметах-талисманах, которые охраняют земли той страны, где они находятся.

Довольно часто редакторы используют в качестве сюжетного строительного материала одни и те же мотивы, совсем не смущаясь их очевидным повтором. Например, скажем, агиографический мотив тела, не истекающего после смерти и совершающего чудеса, упоминается в истории Бернардо дель Карпио (речь идет о теле отца героя, несправедливо заключенного в темницу королем и привезенного на коне сыну) и в истории Сида. С этим чудом связана последняя победа великого эпического героя — неповрежденное тело умершего героя, водруженное на коня, отпугивает врагов от Валенсии. В обоих случаях мотив выполняет отчетливую дидактическую функцию. Такого рода примеры можно множить и множить.

Так или иначе, малый сюжет в Альфонсовой историографии, начиная с «Истории Испании», обычно целиком сохраняет свою форму и легко встраивается в любое жизнеописание в том месте, где хронисты ощущают недосказанность истории или когда необходимость добавлений диктуется требованиями идеологических задач хроники. При этом никаких примет источника такой малый сюжет не сохраняет; имена, география и топонимика легко заменяются в зависимости от повествовательных нужд. Особенно это относится к сказочным, новеллистическим сюжетам, житийным мотивам.

Совсем иначе «История Испании» обращается с эпическо-легендарными сюжетами. И, как ни парадоксально, связано это с особым статусом сказания о знаменитом Сиде Кампеадоре. Культ героя, сложившийся к середине XII в., повлиял на непременно включение повествований о Сиде

¹ Испания возникла в «Книге захватов Ирландии» благодаря Исидору Севильскому, который утверждал созвучие *Hibernia* (латинское название Ирландии) и *Iberia* (древнее название) Испании.

в хроникальные истории Кастилии и даже в королевские хроники (напр., «Нахерская хроника»), а вместе с ним и других эпических сюжетов. На рубеже XII—XIII вв. почти официальный статус сказания побудил к записи текста поэмы. Авторитет «Песни о Сиде», по-видимому, можно назвать одной из причин масштабного включения сюжетов эпоса в официальную историю государства, созданную в скриптории Альфонсо X. Вместе с тем ученые не исключают того, что «Песнь о Сиде» стала одной из первых сложившихся поэм, послужив моделью для последующих сюжетов легендарной истории Кастилии.

Все остальные известные сюжеты заполняют лакуны прошлого, описывая события, уходящие в глубь веков. Если смотреть на них с точки зрения внутренней хронологии испанской эпической истории, то сказание о Родриго Кампеадоре оказывается последним (первый сюжет связан с легендарным Бернардо дель Карпью и событиями испанской истории VIII—IX вв.; далее история графа Фернана Гонсалеса, X в.; предание об инфантах Лара и событиях около 990 г.; убийство инфанта Гарсии, 1009 и 1029 гг., раздел королевства Фернандо I между его сыновьями в XI в.). За редким исключением (более позднее происхождение легенды о графине-предательнице) основной корпус эпических сюжетов связан с двумя центральными военно-политическими процессами средневековой Испании: объединением испанских земель (преимущественно Кастилии, Наварры, Леона и Арагона) под властью кастильских монархов и отвоеванием земель у мавританских владык.

Очевидный квазиисторический характер испанских «песен о деяниях» сделал естественным их включение в хроники и истории. Результатом же хроникальной фиксации эпоса стало то, что большая часть поэм просто не была записана в хугларском варианте. В Испании героический эпос целиком вошел в зону историографии, остановившей его дальнейшее развитие на путях квазиисторического вымысла. Историография также затормозила развитие рыцарского романа, а его отсутствие, в свою очередь, также повлияло на сворачивание хугларского искусства сложения больших поэм. При почти полном отсутствии поэтического рыцарского романа (да и прозаические переложения до середины XV в. будут весьма редки), т. е. той ветви повествований о подвигах рыцарей, которая была целиком построена на вымысле и находилась в постоянном взаимодействии с эпосом, занимая и отдавая ему мотивы, сюжетные элементы, топику и стилистику, как это произошло во Франции XII—XIV вв., средневековые песни о деяниях в Испании выжить в устной традиции не могли.

Хроникальные пересказы эпических сюжетов внутри «Истории Испании» или так называемые *прозификации* испанских песен о деяниях (*pro-sifificación* — устойчивый в испанистике термин, предложенный Менендесом Пидалем), с одной стороны, отражают общую для древности тенденцию включать мифологические, легендарные, литературные и эпические сюжеты в историографическую литературу (И. де Баррос Диас справед-

ливо называет хроники *specula* всех нарративных форм Средневековья), а с другой — приобретают масштаб существенно больший, нежели в других национальных традициях. Речь идет не об изложении поэтических эпических сказаний в прозаических рассказах о героях (французские прозаические пересказы *chansons de geste*, относящиеся к XIV—XV вв., или норвежская прозаическая компиляция «Карламагнуссага» XIII в.), не о видоизмененном и свободном их использовании в исторической биографии («Хроника Псевдо-Турпена» или, например, песен о Сигурде и Гудрун в древнеисландских рассказах о правителях), не о кратком их пересказе при упоминании соответствующих имен и событий в хрониках, историях и анналах (напр., история Изамбара в «Истории Бриттов»), а о планомерной, достаточно точной и развернутой прозификации эпико-легендарных сказаний внутри кастильских королевских хроник.

Появление испаноязычных историй Альфонсо X по сути изменило жанровую картину испанского Средневековья, где основным прозаическим жанром и источником повествовательных сюжетов вплоть до XVI в. будут оставаться хроники и истории. Готовый язык прозы, благодаря Альфонсо Мудрому, определит также преимущественную прозаическую форму как средневековых (первый автохтонный роман — «Книга о Рыцаре Сифаре», 1300), так и возрожденческих испанских рыцарских романов.¹ В Испании именно историография станет вместилищем всякого рода повествовательного материала, включая сюжеты рыцарских романов.

После создания «Историй» Альфонсо Мудрого окончательно начнет оформляться жанровый спектр средневековой кастильской прозы: хроники и истории, книги о рыцарях, назидательные и дидактические сочинения, книги примеров, сентенций, изречений, трактаты. И траектория его развития во многом будет определена «Историей Испании». Это же касается постоянного обращения к «национальным» эпическим сюжетам и приоритета исторических сочинений над рыцарскими романами, по крайней мере до конца XV в. Альфонсовы истории повлияют на рождение ряда специфических испанских жанров, таких как, например, сентиментальная повесть (ее жанровым прообразом будет та самая переписка Энея и Дидоны в «Истории Испании», взятая из «Героид» Овидия²), а также на общий сдвиг испанской прозы Средних веков и Возрождения в сторону «историзованного» повествования и малого присутствия фантастически-сверхъестественного даже в жанрах сугубо вымышленных.

¹ См.: Полетаева Е. А. «Книга о рыцаре Сифаре»: прообраз испанского рыцарского романа // Новый филологический вестник. 2011. № 4 (19). С. 49—61.

² См.: Пастушкова Н. А. Традиция «Героид» Овидия и ее роль в формировании испанской сентиментальной повести XV в. // Новый филологический вестник. 2009. № 3(10). С. 42—49.

Глава 5

КАСТИЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ СОЗДАНИЯ «ИСТОРИИ ИСПАНИИ»

Активная политическая деятельность Альфонсо Мудрого была немислима без параллельных занятий науками и литературой, того, что часто именуется «языковой политикой».¹ Параллельно тому, как король отвоевывал и собирал под своим началом испанские земли, происходила выработка и унификация норм кастильского языка, который стал образцом для испанской литературы на несколько последующих веков. В XIII в. состав разговорных языков и диалектов был весьма пестрым: с одной стороны, варианты, образованные на базе латыни — мосарабе, галисийско-португальский, астур-леонский, кастильский, арагонский, каталанский; с другой, существовали такие языки, как баскский, по-прежнему значительную роль играли арабский и иврит.

В условиях языкового многообразия на территории Пиренейского полуострова, а также при повсеместном преобладании латыни в качестве основного письменного языка, Альфонсо X и его окружение поставили перед собой цель создать такие выдающиеся памятники слова, как *Партиды*, *Хроники*, *Астрономические трактаты* и пр., именно на кастильском языке, чтобы эти тексты воспринимались не только как переводы-переложения арабских и прочих прототипов, но заявили Иберии и всему миру о самобытности испанской культуры / литературы / истории. Эта цель была поистине амбициозной.

Мудрый Король воплощал свой план в жизнь последовательно и методично. Одной из главных заслуг и в то же время способом усвоения огромного багажа знаний других культур стало создание скриптория и развитие традиции переводов, в свою очередь, развивавшей задел толедской школы XII—XIII вв. Именно благодаря им происходил взаимовыгодный процесс обмена знаниями, пример своего рода «гуманистических»

¹ Хотя ему не удалось заполучить титул императора, некоторые исследователи стали называть его так — *«emperador de cultura»*.

штудий периода Средних веков. Надо заметить, что огромное число прежде всего арабских текстов, переведенных в рамках этой школы и традиции, стали неиссякаемым источником знаний для всей европейской культуры.

Однако вернемся к языку. Традиционно в науке стиль Альфонсовой прозы обозначается как «*norma alfonsí*» (альфонсийская норма) или также словосочетанием «*castellano drecho*» (прямой, правильный кастильский), которое единожды представлено у самого Альфонсо в прологе к «Книге о восьмой сфере» («*El Libro de la ochava esphera*», 1276): «Et después lo endreçó, et lo mandó componer este rey sobredicho et tolló las razones que entendió eran soueianas, et dobladas et que non eran en *castellano drecho*. et puso las otras que entendió que complian; et quanto en el language endreçólo él por sí» (*Rico y Sinobas*. I. P. 7).¹

Появившееся здесь сочетание «*castellano drecho*» (*koiné castellano*) и стало отправной точкой споров и рассуждений о стиле и языке Альфонсовых сочинений. Оставим в стороне вопрос о том, почему именно в такой форме использовано слово *drecho* (влияние арагонского диалекта, синкопа, ошибка переписчика), этой проблеме посвящено значительное количество работ. Также было высказано много предположений о том, как стоит истолковывать смысл этих слов из пролога. Возможно, король действительно выступал в качестве редактора, правившего стиль созданных под его началом произведений. Следовательно, можно попытаться вычленил и описать этот стиль, который в той или иной степени присущ всей продукции скриптория. Такой подход был, в основном, отвергнут. Также была отмечена та точка зрения, согласно которой это сочетание должно быть сведено исключительно к лингвистическому истолкованию: намеренное устранение следов иных диалектов (как то — арагонского, леонского) на фонетическом, грамматическом и иных уровнях. Речь должна идти скорее о некоем глобальном замысле и идее Альфонсо: кастильский язык должен стать инструментом, средством передачи той многочисленной терминологии и научных понятий, которые переводились с арабского и латыни. Поэтому главными были максимальная точность, «правильность» кастильских эквивалентов (а порой и изобретение новых слов), ясность изложения. Содержательный критерий должен превалировать над чисто лингвистическим.² Скорее всего, именно этот оттенок стоит вкладывать в определение *drecho*.

¹ *Solalinde A.G.* Intervención de Alfonso X en la redacción de sus obras // *Revista de Filología Española*. 1915. No. 11. P. 287. «А затем его поправил, и приказал привести в порядок этот вышеназванный король, и убрал все излишние и повторяющиеся фразы, не принадлежавшие к *правильному / прямому кастильскому*, а на их место поставил другие, казавшиеся ему более удачными, и так сам исправил то, что касается языка».

² *Cano Aguilar R.* Castellano ¿drecho? // *Verba: Anuario gallego de filoloxia*. 1985. No. 12. P. 125—128, 145—146); *Cárdenas A.J.* Alfonso X nunca escribió castellano drecho // *Actas del*

Х.-Й. Ниедереэ отмечает: «Альфонсо Мудрого интересует исключительно ясность выражения. Ему чуждо стремление высказываться в соответствии с лингвистической моделью той или иной этнической или социальной группы. Он хочет передать конкретное содержание наиболее точным способом. Другими словами, его лингвистический подход ориентируется не на систему, не на язык, а на предмет, и носит прагматический характер».¹

В прологах почти к каждому произведению «Альфонсовой мастерской» можно найти высказывания, которые передают цель и задачи сочинения: «*Complidas dezimos que deven seer las leyes, e muy cuydadas e muy catadas por que sean derechas e provechosas comunalmiente a todos, e deven seer llanas e paladinas por que todo omne las pueda entender e aprovecharse d'ellas a su derecho, e deven seer sin escatima e sin punto por que non pueda venir sobr'ellas disputación ni contienda*»² [*Primera Partida*. F. 1v)]

«*Et por ende mandamos a nuestro sabio Rabiçag el de Toledo que lo fiziesse bien complido e bien llano de entender [el libro], en guisa que pueda obrar con él [el instrumento] qual omne quier que cata en este libro*» [*Astrología, Armillas*, f. 132v]³

«*Por end Nós, rey don Alfonso el sobredicho, mandamos al dicho Rabiçag que lo fiziesse bien complido e bien paladino [el libro], de guisa que lo entiessen aquellos que oviessen sabor de lo fazer nuevamientre [el astrolabio]*» [*Astrología, Astrolabio redondo*. F. 40r].⁴

Почти всегда отдельно отмечается роль короля: это он «приказал» «написать», «составить» (*mandó escribir, componer*) книги, что он лично заботился о полезности сочинений, призванных стать источником сведений и знаний, ранее доступных лишь узкому кругу лиц и к которым теперь должно было приобщиться много большее количество людей: «*lo mandó trasladar del arábigo en lenguaje castellano porque los omnes lo entiessen*

X Congreso de Asociación Internacional de Hispanistas. Barcelona, 1992. P. 151—159; *Lodares Marrodán J.R.* Las razones del “castellano derecho” // *Cahiers de linguistique hispanique médiévale*. 1993—1994. Vol. 18—19. P. 313—334.

¹ *Niederehe H.-J.* Alfonso el Sabio y la lingüística de su tiempo. Madrid: SGEL, 1987. P. 128.

² «Мы говорим, что законы должны быть совершенными и тщательно выверенными и рассмотренными, чтобы они были правильными и полезными повсеместно для всех, а также они должны быть простыми и ясными, дабы каждый человек мог их понять и воспользоваться ими по своему праву, в них не должно быть изъяна и таких пунктов, по которым могли бы возникнуть споры и разногласия».

³ «А по сему мы велим нашему мудрецу Рабисагу из Толедо, чтобы он сделал его [перевод] полным и простым для понимания книги, так, чтобы любой человек мог бы воспользоваться им, заглянув сюда».

⁴ «А по сему мы, вышеназванный король дон Альфонсо, велим Рабисагу, чтобы он сделал ее [книгу] тщательно и ясно, так, чтобы ее поняли те, кому пожелается взяться за него [астролябий]»

mejor et se sopiessen dél más aprovechar» [Lapidario] («он велел перевести с арабского на кастильский язык, чтобы люди лучше ее поняли и извлекли из нее бóльшую пользу»). В любом случае, *Мудрый Король* выступал, прежде всего, как стратег и идейный вдохновитель, контролирующий процесс, отбирающий книги для перевода.

Вряд ли можно говорить о выработке единого стиля альфонсовой прозы. Она не обладает личным стилем, и, прежде всего, потому, что ее создателями явились разные лица (неважно, как они обозначены в самих текстах: *escribanos, trasladadores*, etc.). Можно проследить определенную тенденцию в предпочтительном использовании тех или иных глагольных форм, лексике, схожести синтаксиса, но не более того. Во-вторых, слишком велика роль переводимых/перелагаемых материалов, оказывающих влияние на язык. Соответственно стиль других источников влиял на складывающийся испанский язык. Поэтому, как совершенно справедливо заметил Кано Агилар, Альфонсо X находился лишь в начале того пути, который предстояло в дальнейшем проделать кастильскому языку.¹ Все больше исследователей склоняется к тому, что бессмысленно пытаться говорить о некой языковой норме, выработанной при Альфонсо Мудром.² По справедливому замечанию И. Фернандес Ордоньес,³ процесс «стандартизации» любого языка, как правило, является неспешным, многовековым процессом. Его становление идет по трем направлениям и сопровождается выполнением определенных условий: во-первых, должен произойти отбор языковых единиц из всего имеющегося многообразия, которые в дальнейшем и станут базой «стандартизированного» языка; во-вторых, эти самые средства должны начать использоваться во всех возможных сферах и представлять социальный интерес в данном лингвистическом ареале; и, в-третьих, кодификация (фиксация) использования этих лингвистических вариантов. Именно в период правления короля Альфонсо были заложены основы и начался процесс «нормализации» языковой нормы, отвечающий заявленным направлениям, который завершится спустя несколько столетий.

Ниже мы постараемся показать ряд характерных особенностей кастильского языка XIII в. в том виде, в каком они встречаются непосредственно в «Истории Испании» (далее — PCG). Как уже говорилось выше, в основные задачи хронистов входило перевести и представить на кастильском языке весьма разнородный по своему происхождению материал. Мы не будем останавливаться на проблемах, принципах и методоло-

¹ *Cano Aguilar R.* La construcción del idioma en Alfonso X el Sabio // *Philologia Hispalensis*. 1989. No. 4(2). P. 463—473.

² В том числе И. Фернандес-Ордоньес: *Fernández-Ordóñez I.* Alfonso X el Sabio en la historia del español // <http://www.cervantesvirtual.com/obra/alfonso-x-el-sabio-en-la-historia-del-espaol-0/>.

³ Там же.

гии перевода, это заслуживает отдельного планомерного исследования. Безусловно, написание хроники было делом неспешным и кропотливым. Хронисты имели в своем распоряжении преимущественно латинские и арабские тексты, и очевидно, язык как одних, так и других находился в гораздо более развитом состоянии. То есть кастильский *a priori* уступал им, а потому нужно было приложить немало усилий, чтобы приспособить его для передачи весьма высоких материй.

Лексика

Одной из первостепенных задач был поиск / придумывание аналогов на кастильском для передачи «научной / ученой» терминологии, которая до сих пор существовала лишь в арабском и латинском вариантах. В РСГ это, в первую очередь, касается географических названий, явлений природы и т. п. Зачастую от латинского корня образовывались новые: *ladeza* (совр. *anchura*), *longueza* (совр. *longitud*), *asmanza* (совр. *opinión*, *steencia*). В ряде случаев происходил простой перенос в кастильский латинских форм, которые были понятны и средневековому испанскому читателю: *septentrión*, *horizon* и т. п.

Сходным образом приходилось поступать с реалиями других эпох: использовать современные термины, заменявшие прежние; сохранять оригинальные, сопровождая их при этом пояснением; либо оставлять исконные латинские / арабские слова, значение которых не должно было вызвать затруднения у читающего.

Вкрапление и использование в качестве образовательной модели слов некастильского происхождения: галлицизмы и окситанизмы (*doncel*, *linaje*), германизмы (*albergue*, *guardián*, *agasajar*), каталанизмы, баскизмы (*izquierdo*, *boina*), слова арагонского или леонского происхождения, итальянизмы (*belleza*, *bonanza*), арабизмы (*alcalde*, *alferez*) и пр.

В целом стилю хроники присуще употребление удвоенных конструкций, это касается, в том числе, и лексических удвоений: *homne malo et de malas costumbres*; *yuras y pleitos*; *la mi buen fama y el mi buen prez*, что можно объяснить поиском соответствующего слова на кастильском.

Зачастую новые слова вводятся через возведение этимологии к греческому или латыни: «*tirano tanto quiere dezir como señor cruel*»; «*E a este princep pusieron nombre «dictador», et al so poder «dictadura»; segund el latin... dictador tanto quiere decir cuemo dezidor, que dize mucho et todavía bien et apuesto*». Тяготение к использованию латинских корней и форм в то же время сообщало стилю более ученый, книжный характер,¹ придавая на-

¹ Г. Боссонг охарактеризовал этот процесс как «интеллектуализацию» испанского языка. См.: *Bossong G. Probleme der Übersetzung wissenschaftlicher Werke aus dem Arabischen in das Altspanische zur Zeit Alfons des Weisen*. Tübingen: M. Niemeyer, 1979.

родному языку более возвышенное звучание и отделяя его от чисто разговорной сферы.

Что касается глагольных форм, то можно выделить следующие моменты:

-для передачи продолженного действия в прошлом (имперфекта) предпочтению отдается формам на — *ié: tenie, dizien, podien*;

-еще довольно распространено образование причастных форм для глаголов второго и третьего спряжения путем добавления окончания -udo (ныне абсолютно вышедшего из употребления): *tenudo, segudo; perduto*.

-архаичные перфектные формы: *dexeste, partiemos, partiestes* и *partieron*, сильные перфектные формы: *troxo вместо trexo, traxo*.

Не всегда апокопируются глагольные формы *viniesse, souiesse, ouiesse* ни местоимения *me, te se*, однако довольно часто усекаются местоимения *le/ lo* (как в дательном, так и в винительном падежах): *firiol, matol, saliol*.

Допускается вставка слов между местоимением и глаголом: *que me non den; se de mi partio*.

Формы притяжательных местоимений в старокастильском зачастую еще сохраняли разделение по мужскому и женскому роду: *mío, to, so* (м.р.) / *mía, tua sua, mie, tue* (ж.р.) даже в безударной позиции — *so poder; so rey; sua muger; sos uarones*. Также довольно распространено употребление форм притяжательных местоимений *to* и *so* в ударной позиций после существительного с местоименными функциями: *setaenta de los sos; ouo muy grand duelo de los sos*. В средневековом кастильском абсолютно допустимо использование перед притяжательными местоимениями определенных и неопределенных артиклей, а также указательных местоимений: *las sus caras; con la su estoria*.

Как справедливо отмечает И. Фернандес-Ордоньес,¹ благодаря историческим сочинениям *Мудрого короля* в практику употребления испанского языка вошло много лексики из разных сфер жизни – слова, характеризующие:

- быт, институты, одежду античных времен: *anfiteatro, termas, catacumbas, coliseo, túnica, toga, monarquía, cónsul, tribuno*;
- обозначения литературных жанров и понятий: *prosa, teatro, anales, himnos, crónica*;
- названия древних племен и мифических существ: *amazonas, centauros, sirenas, celtíberos, helenos, helvecios*;
- названия животных, деревьев: *cocadriz (cocodrilo), cigno (cisne), delfin, murciélago, ébano (ébano), cinamomo (cinamono) или coriandro*.

¹ Fernández-Ordóñez I. Alfonso X el Sabio en la historia del español...

Отличительной особенностью стиля хроник является синтаксис. Пожалуй, именно с ним связано большинство нововведений и приемов, придающих своеобразие и узнаваемость всей письменной продукции «Альфонсовой мастерской». Конечно, в этом случае снова следует учитывать то, что хронисты в большой степени занимались переводом, а следовательно, это влияло и на синтаксис испанского языка. Одним из способов адаптации «чужого» текста было пояснение «темных мест», развертывание не только отдельных конструкций, но даже и слов. За счет этого фразы значительно увеличивались в объеме, использовались не только сложносочиненные предложения, вводимые сочинительным союзом *у*, но и сложноподчиненные. При этом кажущийся на первый взгляд простым способ соединения при помощи сочинительных союзов (*у*, *et*, *e*) последовательных действий ни в коем разе не является свидетельством неразвитости и примитивности синтаксиса хроники. Даже наоборот: это может служить подтверждением того, насколько переписчики стремились выстроить и связать текст.

Не будем при этом забывать, что у них не было прозаических образцов литературного стиля на испанском. Они насыщают свой текст союзами, при помощи которых пытаются показать причинно-следственные связи происходивших событий, их временное следствие друг за другом и т. п., используют параллельные конструкции вроде: *primeramiente...demas; e otrossi; lo uno...al*. Также были выработаны своего рода «формульные» конструкции анафорического и эпифорического типа, придающие единство тексту, а также избавляющие от необходимости придумывать каждый раз новое построение фразы: «*mas agora aqui dexa la estoria de fablar de...*», «*auino assi que...*».

Если сравнить отдельные фразы в латинском тексте, например, Хименеса де Рады, с тем, как они стали выглядеть в PCG, то станет заметна та амплификация, к которой прибегают хронисты: *Ingredientes, hospites capitibus mutilabant* (XIMÉNEZ DE RADA, *Historia arabum*, 24) > *ca assi como entravan, assi los descabeçavan* (A. Sabio, *Estoria de España II*, f. 19r) или *Belgi autem, audiens indignanter* (XIMÉNEZ DE RADA, *Historia arabum*, 16) > *Belgi, cuando ovo leidas las cartas, fue muy sañado a demás* (A. Sabio, *Estoria de España II*, F. 9v). В первую очередь это объясняется той дидактической задачей, которая перед ними стояла.

Морфология, орфография

Как и в случае с грамматикой и лексикой, в отношении орфографии практически невозможно говорить о сложившейся норме и пытаться вывести более или менее стройную систему правил. Отличительным при-

знаком стиля, пожалуй, всей средневековой литературы является *variatio*.¹ Что уж говорить о графическом написании и орфографии. Определяющую роль играли писцы (*scriptores*), переписчики, а соответственно, можно говорить о человеческом факторе. Практически не представляется возможным установить, чем они руководствовались при выборе того или иного способа написания. Применительно к средневековому написанию исследователи традиционно исходят из взаимосвязи следующих трех факторов:

1. палеографический метод или принцип написания букв;
2. графические знаки или уровень распознавания букв;
3. фонетические предпочтения.

То есть в любом случае необходимо рассматривать орфографию как отражение фонетических особенностей времени, а также не забывать о влиянии уже имевшейся письменной традиции (в частности, сильное влияние латыни). Параллельно, естественно, будут добавляться второстепенные факторы, такие, как, например, географический.

И всё же именно орфография, принцип более или менее единого написания слов, является тем связующим звеном, на основе которого можно говорить о выработке некой языковой нормы кастильского языка XIII века. В скриптории Альфонсо Мудрого не было выдуманно ни одной новой графемы, использовались все те же обозначения, что и при его отце.

Различия между: *-c/-z-*, *-ss-/s-* и *-x-/j-,g-* существовали еще в XI и XII вв.; можно выявить предпочтение в употреблении *ç* перед гласными *a*, *o*, *u* и *c* перед *e* и *i*; *m* перед *p*, *b*: *Pompreuo*... Однако это все равно не позволяет говорить о наличии систематичного и последовательного принципа их написания.

I-J-Y

использовались для обозначения как гласных, так и согласных звуков: *conseio (i como g/j)*, *julio*, *ayuntar*, *ysla*, *yentes*, *judioliudio*

Для их применения характерны:

- чередование *o* с дифтонгом *ue/u*: *como* — *cuemo*; *complido-cumplido*;
- усечение конечного *e*: *huest(e)*, *orient*, *fuert(e)*;
- удвоение *f/ff* в интервокальной позиции: *affero*, *deffender*, *soffrir*, *affincado*, *officio*, *Affrica* (гораздо реже встречается удвоение в начале слова);
- неустойчивое употребление *f/h* в начальной позиции: *fazer*, *fablar*, *fermoso/hermoso*, *fambre/hambre*.

¹ *Sánchez-Prieto Borja P. Normalización del castellano escrito en el siglo XIII. Los caracteres de la lengua: grafías y fonemas // Historia de la lengua española / Coord. por R. Cano Aguilar. Madrid: Ariel, 2004. P. 426.*

B-U-V

С одной стороны существует оппозиция для согласного «б/в»: *b- u, v* причем предпочтение отдается *u* и *b*, а последняя вообще почти никогда не используется (чаще в именах собственных: *Vespasiano* и т. п.): *uision, auie, nouaenta, echaua, estaua, recabdo, cibdad*;

с другой — *u/v* (использовались как для передачи гласного «у», так и согласного «б/в»): *uno/vno; ver/ueer; enuiol*.

C (перед а, о, u) — Ch

Перед обозначенными гласными традиционно передавала звук «к», хотя порой все еще можно было встретить иное написание — через *ch*: *patriarcha, Luchas, bronchas, Marcho, christianos*.

- иногда происходило удвоение *r* в середине слова: *onrrado, onrra, Henrric, enrriquecio*;
- удвоение *l*: *aquell, ell, reuellar, llinage*,
- для передачи назального палатального, который в современном испанском передается при помощи тильды — *ñ* — ранее использовалось удвоенное написание *nn*: *companna, Espanna, donna, enganno, sennor*. Правда, порой это удвоение не передает мягкость, а является одним из вариантов написания: *connoscer*.

C — Ç — Z

Ç седиля использовалась в испанском языке вплоть до реформы в XVIII в.; изначально она нужна была прежде всего для передачи звука «ц/тс», а потом стала аналогом буквы «z», поскольку использовалась при написании как перед «а-о-и», так и «е-и», то есть передавала межзубный звук: *coraçon, plaça, açacanes, fizo, uezes, palacio, çerco, oraçion*;

- удвоение *s/ss* в интервокальной позиции для различения звонкого «з» и глухого «с»: *pusso, esso, passo, ossos, assi, huessos*;
- распространено использование графемы *x* для передачи шипящего передненёбного (что-то среднее между «ш» и «щ»), который, в свою очередь, мог легко заменяться при написании на *i-j-g*: *dixo, aduxo, dexasse*;
- оглушение конечного «d» при написании передавалось при помощи «t»: *ciubdat, piedat, falsedat, verdat*;
- встречается сочетание *ph* в словах (скорее всего, греческого происхождения) вроде: *philosophos, Phebo, ystoriographos, elephant, propheta*;
- добавление лишней согласной в корень слова: *cobdicia, dubdar*.

* * *

Таким образом, одним из аспектов деятельности Альфонсо Мудрого было не просто создание обширного корпуса текстов различной тематики, но и поиск и «нормализация» того языка, который для этого будет исполь-

зован. Этим языком стал кастильский. А одним из основных способов создания текстов стали перевод и адаптация. Процесс этот был сложным и неоднородным, учитывая охват текстов и их разнообразную тематику, вряд ли стоило ожидать, что он может быть унифицирован. И, тем не менее, наличие фигуры *Мудрого короля*, непосредственно контролировавшего и инициировавшего процесс разыскания, переписывания и создания многих рукописных книг, скрепляет воедино его «помощников» и свидетельствует о наличии единой цели, продуманного плана унификации страны и народов, ее населявших, посредством развития и «стандартизации» единого языка.

Глава 6

«ИСТОРИЯ ИСПАНИИ»: ИСТОРИЯ ТЕКСТА И РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ¹

«История Испании» — это большое компилятивное сочинение, повествующее о прошлом народов Пиренейского полуострова, которое должно было охватывать период от начала их истории до времен правления Альфонсо X. Его составление началось, вероятно, около 1270 г., на что указывает факт наличия двух документов, датированных февралем этого года, которые подтверждают капитулу монастыря св. Мартина в Альбельде и обители св. Марии в Нэхере получение различных книг, использованных при составлении обеих «Историй»² («Фарсалия» Лукана, «Героид» Овидия).³ Работа над обеими «Историями» должна была вестись параллельно, по меньшей мере, до завершения второй части «Всеобщей истории», в силу

¹ Этот текст обобщает результаты следующих исследований текстологической и рукописной традиций «Истории Испании»: *Fernández Ordoñez I. La transmisión textual de la «Estoria de España» y de las principales “Crónicas” de ella derivadas // Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Al cuidado de I. Fernández Ordoñez. Valladolid: Universidad de Valladolid. Centro para la Edición de los Clásicos Españoles, 2000. P. 219—164; Fernández Ordoñez I. Estoria de España // Diccionario filológico de literatura medieval española. Textos y transmisión / Coord. por C. Alvar, J. M. Lucía Megías. Madrid: Editorial Castalia, 2002. P. 54—86. Иллюстративный материал по истории рукописной традиции памятника см. в т. 3 настоящего издания (Приложение III. Рукописная традиция «Истории Испании»: иллюстрации).*

² «Истории Испании» и «Всеобщей истории» Альфонсо X (прим. перев.).

³ Alfonso X. General Estoria. Primera parte / Ed. por A. G. Solalinde. Madrid: Centro de estudios históricos, 1930. P. XXIII; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289 / Ed. R. Menéndez Pidal, con colaboración de A. G. Solalinde, M. Muñoz Cortés y J. Gómez Pérez. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1977 (Fuentes cronística de Historia de España, I). P. 856—857.

частичного совпадения названий использованных там источников, переводов и материалов.¹

Объект «Истории Испании», как показывает ее название, определялся понятием *España*, т. е. территорией, землями Пиренейского полуострова; хроника должна была представлять собой историю всех связанных с ней племен, а не конкретного народа, что было свойственно историкам прошлых времен. Структура текста определялась преемственностью периодов господства определенных народов на полуострове: греков, африканцев или карфагенян, римлян, варваров и готов, — которые, согласно концепции Альфонсо X, добивались власти над испанскими землями, тогда как остальные правители — короли Астурии-Леона и Кастилии-Леона, — оказывались их преемниками, но не новыми господами-завоевателями. За арабами же признавалось лишь ограниченное и временное господство на землях Пиренейского полуострова.

Если мы оставим в стороне историю первых завоевателей (греков, альмухусов, карфагенян и римлян), то главными источниками «Истории» окажутся труды толедского архиепископа дона Родриго Хименеса де Рада «История вандалов, аланов и силингов» (*Vandalorum, Alanorum et Silinguotum Historia*) — для описания истории варварских народов, а также «Готская история» (*Historia Gothica*) — для реконструкции истории готских, леонских и кастильских королей, которая развивается параллельно с историей арабов, основанной, в свою очередь, на «Истории арабов» (*Historia Arabum*) того же автора. Переводы трудов толедского архиепископа сочетаются с повествованием на основе «Всемирной хроники» (*Chronicon Mundi*) епископа Луки Туйского, уточняющим значимые детали и тщательно дополненным другими латинскими источниками эрудитского характера — такими, как «История Родриго» (*Historia Roderici*) или «Книга хроник» (*Liber Chronicorum*) леонского епископа Пелайо, либо источниками на разговорном языке, такими как «Книга королей» (*Liber Regum*),² песни о Майнете, Бернардо дель Карпио, инфантах де Лара, Санчо Сильном, моем Сиде, ученая поэма о графе Фернанде Гонсалесе, а так-

¹ *Fernández-Ordóñez I.* Las «Estorias» de Alfonso el Sabio. Madrid: Istmo, 1992; Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal; Universidad Autónoma de Madrid, 1997 (Fuentes crónicas de Historia de España, IX).

² «Книга королей» (вар.: «Книга о происхождении королей и королевских родах») — анонимная хроника на средневековом арагонском диалекте, составленная между 1196 и 1209 гг. Это самая древняя история Испании, составленная на разговорном языке. Изложение начинается с ветхозаветной Книги Бытия, а завершается рассказом о пиренейских государствах XII в. Кратко сообщается о правителях — от персов до французских королей (последний из которых — Филипп II Август (1180—1223 гг.), при особом внимании к королям Арагона. Вскоре после создания хроника была переведена на кастильский язык (1220 г.), а позднее — на галисийско-португальский. См., например: *Bautista F.* Original,

же анналами, содержащими информацию записанной происхождения, в числе которых — «Хронография» Сигеберта из Жамблу.¹

Перевод трудов толедского архиепископа всегда предшествовал составлению основного текста «Истории», и, как свидетельствуют различные пометы в тексте «Готской истории», сочинении, законченном доном Родриго в 1243 г., уже к 1271 г. был завершён рассказ о королях Леона, а к 1273 г. — о правлении леонского короля Альфонсо IX.²

Несмотря на то, что по своему объёму «История Испании» являлась не более чем одной из частей исторической диалогии, она так никогда и не была завершена, а цели, провозглашенные в прологе, — не были достигнуты; её составление прервалось на разных стадиях работы над частями, освещавшими периоды от смерти короля Кастилии и Леона Фернандо I до взятия Кордовы Фернандо III, отцом Мудрого короля,³ — события, которыми завершалась «Готская история», основной источник, определявший структуру хроники. Падение интереса к «Истории Испании» можно датировать временем около 1274 г., причем причины этого явления остаются неясными.

Ещё одна причина, которой стремились объяснить прекращение работы над «Историей Испании», исходит из оценки события, на рассказе о котором обрывается содержание хроники в оригинальной рукописи сочинения из скриптория Альфонсо X: и действительно, в конце одной из тетрадей, на середине фразы повествование прекращается в середине рассказа о правлении Альфонсо II Целомудренного, на главе, непосредственно предшествовавшей той, которая была посвящена истории Бернардо дель Карпыо. Этот обрыв повествования связывают с проблемами, которые должна была вызывать у историков, работавших под руководством Альфонсо X, интеграция в «Историю» эпического материала,⁴ что, возможно, объяснялось отраженным в последнем конфликтом в отношениях короля и знати, который соотносился с драматическим ходом современных хроникам событий, начиная с мятежа магнатов против их сеньора (Альфонсо X) в 1270—1272 гг.⁵

versiones e influencia del Liber regum: estudio textual y propuesta de stemma // e-spania. 2010. No. 9 (<http://e-spania.revues.org/19884> (дата обращения: 13.07.2017)).

¹ *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución. Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal; Universidad Autónoma de Madrid, 1992 (Fuentes crónicas de Historia de España, V). cap. II.

² *Procter E. S.* Alfonso X of Castile. Patron of Literature and Learning. Oxford: Clarendon Press, 1951. P. 89—96.

³ Альфонсо X (прим. перев.).

⁴ *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

⁵ *Gómez-Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana, I (La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano). Madrid: Cátedra, 1998.

Тем не менее, хотя работа над «Историей Испании» была временно прервана около 1274 г., однако не вызывает сомнения тот факт, что она вновь возобновилась около 1282—1284 гг., что привело к появлению второй редакции хроники — «Критической версии». В той мере, в которой нам позволяет судить сложная текстологическая традиция памятника, к настоящему времени известно, что в правление Альфонсо X и по его инициативе были созданы две версии «Истории Испании». Первая редакция хроники (или «Изначальной версии») (ок. 1270—1274 гг.) была завершена в части от пролога до рассказа о последнем короле Леона Бермудо III или, может быть, о смерти Фернандо I. С этого момента и далее сохранившиеся косвенные текстологические свидетельства позволяют говорить лишь о прогрессирующем упадке уровня работы компиляторов над следующей частью хроники, вплоть до того момента, когда, начиная с рассказа о правлении Альфонсо VIII, она превращается в простой перевод «Готской истории».

Вторая редакция памятника (или «Критическая версия») (ок. 1282—1284 гг.) может быть прослежена от начала рассказа о варварах до смерти короля Леона Фернандо II, хотя есть основания полагать, что эта история включала также повествование о первых господах-завоевателях.

Две редакции были связаны с прототипом независимо одна от другой — факт, который проявляется не только в наличии в каждой из них ошибок, отсутствующих в другой, но и в том, что в обеих версиях прослеживаются изменения и упорядочения, вносившиеся с целью повышения изначального уровня компиляции, который, надо полагать, обе они унаследовали от этого прототипа. Более ранний характер «Изначальной версии» подтверждается свойственной ей верностью следования источникам компиляции, что явно контрастирует с удалением от последних на уровне как вербальных формулировок, так и структуры содержания, характерных для более поздней редакции.

Однако «Изначальная версия» не получила окончательного одобрения короля, о чем свидетельствует незавершенность текста с момента начала повествования о королях Кастилии. Наоборот, «Критическая версия», — хотя и она также осталась неоконченной, — в этом отношении представляет собой более целостную редакцию; кроме того, она была написана в последние два года жизни короля с очевидной целью фиксации его политических идей, прежде всего — в том, что касалось акта (*fecho*) передачи престола. Многочисленные отличия, которые проявляются в «Критической версии» в сравнении с более ранней редакцией хроники, могут быть сведены в три основные группы: (а) глубоким изменениям подверглась структура текста с целью уточнения хронологической последовательности и повышения степени правдоподобия многих сообщений; (б) более радикально проявились политические идеи, благоприятствовавшие отказу от неприятия Альфонсо X любых соглашений с сословиями; (в) в-третьих, были сильно сокращены

рассказы, основанные на поэтических произведениях, которые не заслуживали особого доверия, главным образом по политическим причинам.¹

История текста

Судьба текста «Истории Испании», несомненно, является одной из самых сложных и запутанных в нашей средневековой литературе, сопоставимой лишь с историей текста «Партид». Однако существует одно важное отличие рассматриваемой хроники Альфонсо X от его правового кодекса: в то время, как в случае «Партид» отсутствие работ по исследованию рукописной традиции не позволяет нам уверенно понять ни то, каковы были различные версии текста памятника, ни то, в какой мере эти версии могут быть атрибутированы юристам Альфонсо X, а в какой — позднейшим доработкам, в случае «Истории Испании», благодаря результатам, полученным Д. Каталаном в процессе его сорокалетних исследований,² стало возможным отделить две редакции, предпринятые Альфонсо X, от их позднейшего использования историками последующего периода, положившего начало различным моделям «всеобщей хроники Испании». Эти хроники составлялись путем смешения двух «Альфонсовых» версий текста (посредством использования рукописей, относящихся к разным ветвям рукописной традиции памятника) либо между собой, либо с источниками самого разного происхождения, и можно сказать, что в итоге типов «Всеобщей истории Испании» было создано почти столько же, сколько могло существовать различных текстовых комбинаций.

Множественность этих не связанных друг с другом «хроник» привела к тому, что на протяжении столетий никто не знал, какой из этих текстов действительно принадлежит Альфонсо X; это смешение продолжалось почти до последнего времени: единственное полное издание «Истории Испании», осуществленное Менендесом Пидалем и, к несчастью, названное «Первой всеобщей хроникой»,³ узаконило смешанную версию текста, которой лишь частично связан с Альфонсо Мудрым.

¹ *Fernández-Ordóñez I.* «Versión crítica» de la «Estoria de España». Estudio y edición parcial desde Pelayo hasta Ordoño II. Madrid: Fundación Ramon Menéndez Pidal, Universidad Autónoma de Madrid, 1993 (Fuentes cronísticas de Historia de España, VI); *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

² *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. Madrid: Gredos, 1962; Idem. *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución...; *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

³ Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289 / Ed. R. Menéndez Pidal. Madrid: Bailly-Baillière e Hijos, 1906; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo

В той же мере, как хроники комбинировали тексты разного происхождения, текстологические свидетельства, составившие «Историю Испании» (в двух ее редакциях), обычно считаются не происходящими от одного текстуального прототипа, а использующими различные текстологические модели в разных частях работы, идентифицируемых через изменения используемого антиграфа — рукописи, с которой осуществлялось копирование.

Существуют, по меньшей мере, три типа значимых границ в рукописной традиции «Истории Испании». С одной стороны, речь идет о пределах, отмеченных структурными границами, которые отделяют части, автономно разрабатывавшиеся группами составителей, практически не связанными между собой, о чем свидетельствуют различия критериев компиляции (например, хронологических и формульных), внутренние противоречия, повторяющиеся сообщения вследствие независимых друг от друга обращений к одним и тем же источникам, а также многие другие моменты. Различные структурные границы, известные к настоящему времени применительно к содержанию «Истории Испании», подразделяют ее на следующие части: начало истории Испании и история римских консулов (гл. 1—116 «Первой всеобщей хроники»¹), пять следующих глав, посвященные Цезарю (гл. 117—121), история периода Империи (гл. 122—364), история варварских народов и готов вплоть до времен Эвриха (гл. 365—429), а также история королей готов начиная с Алариха II и далее (гл. 430).

К этим содержательным границам, возникшим в первой редакции хроники и воспроизведенным во второй, следует прибавить границы, созданные в «Критической версии», исходящей из критерия господства. Таким образом, вторая редакция разделила текст «Истории Испании» на четыре части: первая включила историю первых господ-завоевателей (гл. 1—364), вторая — историю варваров и готов (365—565), третья — историю астури-леонских и леонских королей (от Пелайо до Бермудо III, гл. 566—801) и четвертая — кастильских королей (от Фернандо I и далее, с гл. 802).

С другой стороны, наряду с двумя этими типами, рукописная традиция содержит и другие границы, возникшие в последующую эпоху, когда текст какой-либо редакции использовался в качестве основы какой-либо

Sancho IV en 1289 / Ed. R. Menéndez Pidal, con colaboración de A. G. Solalinde, M. Muñoz Cortés y J. Gómez Pérez / 2 vols. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1955; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289 / Ed. R. Menéndez Pidal, con colaboración de A. G. Solalinde, M. Muñoz Cortés y J. Gómez Pérez. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1977 (Fuentes cronísticas de Historia de España, I).

¹ Здесь и далее ссылки на главы, страницы, колонки (а и b) и строки в колонках (например: страница 241b₅₂) даются по изданиям Р. Менендеса Пидала («Первая всеобщая хроника» (далее — *PCG*); см. предыдущее примечание) как наиболее полным из существующих изданий хроники (*прим. перев.*).

хроники посредством внесения добавлений. Например, речь идет о случае «Хроники, или Риторически расширенной версии» (1289 г.), составленной на основе текста первой редакции, которая начиналась с правления Рамиро I (гл. 628). Другим примером искусственной границы, имеющей большое значение, является та, которая была проведена во времена Альфонсо XI создателем сфабрикованной рукописи E_2 после отделения последних тетрадей оригинальной рукописи E_1 , которые были вставлены в начало рукописи E_2 (с добавлением нескольких пояснительных заметок в оба манускрипта). Таким образом, «История...» была разделена на два отдельных тома: один — вплоть до мавританского завоевания при короле Родриго и появления Пелайо (гл. 565, современная рукопись E_1), второй — начиная с провозглашения Пелайо королем (гл. 566, рукопись E_2).

Как границы, проведенные в первой редакции, так и те, которые несомненно были установлены во второй, а также границы, искусственным образом введенные кем-либо из хронистов последующего периода, подчас закрепляются рукописной традицией, а потому не вызывают удивления тот факт, что позднейшие рукописи меняли прототип, обрывали или продолжали его текст.

Поэтому для лучшего понимания истории текста представляется необходимым разделить изложение на несколько частей, отделенных друг от друга теми границами, о которых говорилось выше. Применительно к первой редакции (или «Изначальной версии») основные изменения текстологической традиции привели к выделению следующих частей:

1. История первых завоевателей, варваров и готов, вплоть до окончания правления короля Эвриха (от пролога до гл. 429).
2. История готских королей от Алариха до третьего года правления Пелайо (гл. 430—563).
3. История от четвертого года правления Пелайо до восемнадцатого года правления Альфонсо II (гл. 564—616).
4. История астуру-леонских королей от восемнадцатого года правления Альфонсо II до конца его царствования гл. 616—627).
5. История астуру-леонских и леонских королей от правления Рамиро I до завершения царствования Бермудо III (гл. 628—801).
6. История кастильских и леонских королей до взятия Кордовы Фернандо III (гл. 802—1049).

Применительно ко второй редакции (или «Критической версии») соотношение вариантов текста сохраняется; отличаются лишь наименования рукописей, отражающих каждую из этих частей. Принимая во внимание модификации существующих текстологических свидетельств рукописной традиции, можно выделить четыре разные части:

1. От пролога к истории варварских народов до конца истории королей готов (гл. 365—565).
2. История астуру-леонских и леонских королей (от Пелайо до Ордоньо II (гл. 566—677)).

3. История королей Леона (от Фруэлы II до Бермудо III, гл. 678—801).

4. История королей Кастилии и Леона (от Фруэлы I до конца правления Фернандо II, гл. 802—996).

Другая общая проблема, касающаяся рукописной традиции «Истории Испании», заключается в том, что иногда тексты двух редакций времен Альфонсо X, используемые в качестве источника для какой-либо «Всеобщей хроники Испании», сохранились в рукописях, которые мы вынуждены реконструировать и идентифицировать как несохранившийся манускрипт «Истории Испании», использованный соответствующим хронистом. Эти утраченные рукописи могут быть восстановлены лишь посредством сопоставления всех данных, относящихся к текстологической традиции хроники. В качестве примера можно привести утраченную рукопись «Истории Испании», краткое содержание которой дон Хуан Мануэль¹ пересказал в своей «Сокращенной хронике». В подобных случаях мы обращаемся к хроникам, в которых в качестве источника использована искомая утраченная рукопись для составления перечня данных, сохранившихся необходимый вариант текста.

Прямые рукописные свидетельства истории текста

В целом, «История Испании» (в двух ее редакциях) сохранилась в следующих прямых рукописных текстологических свидетельствах (т. е. тех, которые дословно передают содержание отдельных частей текста памятника):

- В, рукопись 2022, Библиотека Саламанкского университета.
- С, рукопись 12837, Национальная библиотека (Мадрид).
- Саh, рукопись 9/5651, Библиотека Королевской академии истории (Мадрид).
- Се, рукопись 1526, Национальная библиотека (Мадрид).

¹ Хуан Мануэль, инфант Кастильский (1282—1348 гг.) — выдающийся политический и военный деятель и писатель. Сын инфанта Мануэля (1234—1283 гг.), младшего брата Альфонсо X, приходился племянником последнему. Один из богатейших и влиятельнейших кастильских магнатов своего времени, герцог и князь Вильены, сеньор Эскалоны, Пеньяфьеля, Куэльяра, Эльче, Картахены, Лорки, Алькосера, Сальмерона, Вальдеолиवास и Альменары. Занимал высшие должности в королевстве, в том числе — главного аделантадо Андалусии (с 1295 г.); в этом качестве нанес поражение войску марокканских берберов-маринидов, переправившихся в Испанию, в битве при Гуадальоче (1326 г.). Автор многочисленных произведений, наиболее известными из которых являются «Граф Луканор» (1335 г.), «Книга о рыцаре и оруженосце» (между 1326 и 1328 гг.), «Книга о состоянии» (1330 г.) и др. «Сокращенная хроника» написана Хуаном Мануэлем около 1325 г. (*прим. перев.*).

- *Cf*, рукопись 2684, Библиотека Саламанкского университета.
- «Хроника двадцати королей» (*Crónica de veinte reyes*).
- «Хроника, сохранившаяся фрагментарно» (*Crónica fragmentaria*).
- «Всеобщая упрощенная хроника» (*Crónica general vulgata*).
- *Cs*, рукопись 1865, Национальная библиотека (Мадрид).
- *E₁*, рукопись Y-I-2, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.
- *E₂*, рукопись X-I-4, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.
- *Eg*, рукопись 17769, Национальная библиотека (Мадрид).
- *En*, рукопись 1487, Национальная библиотека (Мадрид).
- *Ei*, рукопись 1195, Национальная библиотека (Мадрид).
- *Ej*, рукопись 11.13.3, Библиотека Королевской академии истории (Мадрид).
- «Истории деяний готов» (*Estorias del fecho de los godos*).
- *F*, рукопись 2628, Библиотека Саламанкского университета.
- *G*, рукопись X-I-11, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.
- *I*, рукопись 10134ter, Национальная библиотека (Мадрид).
- *L*, рукопись 1298, Национальная библиотека (Мадрид).
- *Min*, рукопись Z946.02/fC881, Библиотека Университета Миннесоты (Миннеаполис).
- *N*, рукопись II/2063, Библиотека Королевского дворца (Мадрид).
- *Nn*, рукопись II/1264, Библиотека Королевского дворца (Мадрид).
- *O-F*, рукопись 828, Национальная библиотека (Мадрид).
- *Q*, рукопись 5795, Национальная библиотека (Мадрид).
- *Qq*, рукопись Z-III-3, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.
- *R*, рукопись II-2038, Библиотека Королевского дворца (Мадрид).
- *Ss*, рукопись 40, Библиотека Сберегательной кассы (Caja de Ahorros) (Саламанка).
- *St*, рукопись D. 1262 a, Королевская библиотека (Стокгольм).
- *T*, рукопись M-550, Библиотека им. Менендеса-и-Пелайо (Сантандер).
- *To*, рукопись 104, Библиотека Кастилии-Ла-Манчи (Толедо).
- *U*, рукопись 158, Библиотека Университета «Комплутенсе» (Мадрид).
- *Uu*, рукопись 645, Национальная библиотека (Мадрид).
- *V₁*, рукопись 1343, Национальная библиотека (Мадрид).
- *V₂*, рукопись 1277, Национальная библиотека (Мадрид).
- *Vv*, рукопись 8213, Национальная библиотека (Мадрид).
- *X*, рукопись 10213 + 10214, Национальная библиотека (Мадрид).
- *Y*, рукопись Y-II-11, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.
- *Z*, рукопись X-I-7, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.

Косвенные рукописные свидетельства истории текста

Косвенными свидетельствами истории текста памятника являются «Расширенная версия 1289 г.», «Сокращенная хроника» дона Хуана Мануэля (ок. 1320—1325 гг.), «Хроника Кастилии (ранее 1295 г.), «Переработанная хроника 1344 года» (*Refundición de la Crónica de 1344*) (ок. 1400 г.), «Всеобщая хроника Испании» (1404 г.) и «Перечень правителей Испании» (*Repertorio de Príncipes de España*) Педро де Эскавиас (1468—1469 гг.).¹ Все эти хроники использовались в качестве источника ныне утраченные рукописи «Истории Испании». В некоторых случаях изначальные версии были существенно расширены («Расширенная версия 1289 г.», сокращены («Сокращенная хроника», «Перечень правителей...») или пересказаны («Хроника Кастилии...»); в других случаях, хотя текст «Истории Испании» и передавался дословно, он давался в переводе на галисийско-португальский язык («Переработанная хроника 1344 года» (1400 г.), «Всеобщая хроника Испании 1404 года»). В любом случае, все эти тексты представляли собой лишь косвенные текстологические свидетельства хроники, созданной при Альфонсо X.

Свидетельствами версий текста, о которых сохранились упоминания, но которые к настоящему времени утрачены, являются:

- Рукопись I_1 , первый том рукописи I , которая содержала первую редакцию от пролога до рассказа об утрате Испании, скопированную с рукописи E_1 ; этот кодекс принадлежал маркизу де Сантьягу² и Херонимо Сурите,³ о нем также сообщал маркиз де Мондехар.⁴
- Рукопись J_1 , являющаяся копией E_2 и воспроизводившая рассказы от Пелайо до Ордоньо II, которая в качестве первой части рукописи J принадлежала маркизу де Мондехар около 1700 г.

¹ Педро де Эскавиас (вторая половина XV в.) — кастильский историк-эрудит и поэт, расцвет творчества которого пришелся на период 1470-х гг. Занимал должность алькальда г. Андухар (в современной провинции Хаэн, в Андалусии). Автор 22 поэм. Как историк, помимо «Перечня правителей Испании», являлся автором «Деяний коннетабля Мигеля Лукаса де Ирансо» (*прим. перев.*).

² Иньиго Лопес де Мендоса (1398—1458 гг.), 1-й маркиз де Сантьягу, 1-й граф де Реаль-де-Мансанарес, сеньор Ита и Буитраго-де-Лосойя — кастильский военный деятель, поэт и историк литературы, выдающийся деятель культуры кастильского Предвозрождения (*прим. перев.*).

³ Херонимо Сурита-и-Кастро (1512—1580 гг.), арагонский эрудит, государственный деятель и историк, главный хронист Королевства Арагон (с 1548 г.). После 1571 г. оставил государственную службу и всецело посвятил себя работе над «Анналами Королевства Арагон» и другими трудами по истории Арагона. Знаток и собиратель средневековых рукописей (*прим. перев.*).

⁴ Гаспар Ибаньес де Сеговия Перальта-и-Мендоса (1628—1708 гг.), маркиз де Мондехар, выдающийся испанский эрудит, историк и библиофил (*прим. перев.*).

Первая редакция (или «Изначальная версия»)

Вследствие неполноты и / или смешанного характера значительной части текстологических свидетельств, отношения между ними варьируются применительно к доступным свидетельствам в каждом конкретном случае и в зависимости от изменения антиграфа, что создает различные варианты текста, прослеживаемые на всем его протяжении.

*История первых завоевателей, варваров и готов,
вплоть до конца правления Эвриха
(от пролога до гл. 429)*

В этой части совокупность текстологических свидетельств, сохранивших первую редакцию, подразделяется на два главных семейства: те, которые восходят к кодексу E_1 из скриптория Альфонсо X, и остальные, восходящие к прототипу вне связи с E_1 . К первым применяется наименование «королевская версия» (с учетом королевского происхождения E_1), а ко вторым — «упрощенная версия» («*versión vulgar*»). Варианты, являющиеся текстологическими свидетельствами «упрощенной версии» (если мы исключим те из них, которые содержат чтения, унаследованные от архетипа, и ошибки, возникшие в процессе копирования), представляют собой не более чем совокупность небольших новаций точечного характера. В их числе своим инновационным характером выделяется лишь модификация хронологии в прологе «истории готов» (*estoria de los godos*). Поэтому, помимо наименования «упрощенная версия», вероятно, более уместно было бы говорить о текстологических свидетельствах «упрощенного характера».

Текстологические свидетельства, воспроизводящие рукопись E_1 , — это C (и косвенно — сделанные с нее копии Cs и семейство U, X, V и Uu), $R, O-F$, прототип «Всеобщей упрощенной хроники», общего предшественника связанных между собой рукописей Z и Min , а также другие *descripti*, такие, как Ei и Eg (помимо поздних копий, таких, как Ej).

Текстологические свидетельства, относящиеся к «упрощенной версии», — это Q , общий антиграф для Qq и для St (и копий последнего — B, N и Nn), прототип для семейства рукописей, включающего Y, To, T, L и «Истории деяний готов» (*Estorias del fecho de los godos*). Косвенные текстологические свидетельства этой ветви представлены первой книгой «Сокращенной хроники» и «Переработанной хроникой 1344 года». В качестве единственного исключения из этих групп следует выделить тот факт, что начиная с рассказа о третьем годе правления короля Эвриха (гл. 425, страница 241b₅₂) большая часть свидетельств «упрощенного» текста меняет модель последнего и использует ту, которая восходит к кодексу E_1 вплоть до окончания рассказа об этом царствовании (гл. 429). Лишь L и

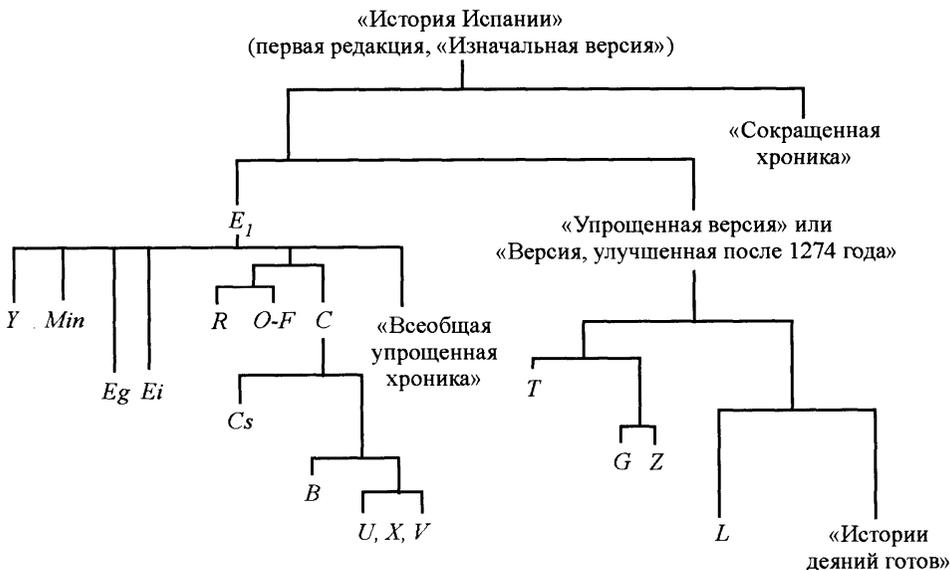
«Истории деяний готов» воспроизводят в этих главах текст, относящийся к «упрощенной» ветви.

В завершение следует отметить, что как E_1 (и восходящие к нему версии текста), так и «упрощенная» ветвь восходят к общей модели, которая содержала всякого рода несущественные ошибки, от которых свободны лишь две взаимосвязанные рукописи, сохранившие лишь историю первых господ-завоевателей — *Cf* и *Cah*. Поскольку, помимо отмеченного, эти рукописи содержат и другие специфические варианты текста, рискованно утверждать об их принадлежности ко второй редакции.

Эта группа была издана Р. Менендесом Пидалем, взявшим за основу кодекс E_1 (PCG).

*История королей готов
от Алариха до третьего года правления Пелайо
(гл. 430—563)*

В этой части рукописная традиция также может быть сгруппирована в два семейства с похожими характеристиками: E_1 и восходящие к нему рукописи («королевская версия»), а также группу рукописей, происходящих от архетипа вне связи с королевским кодексом («упрощенная версия»).

Применительно к периоду, начинающемуся от правления Алариха, семейство кодекса E_1 , в целом, не меняет количества и характера составляющих его текстологических свидетельств: C и его копии (Cs , с одной стороны, и U, X, V , с другой), $O-F$ и R (которые, вместе с C , восходят к общей модели текста), «Всеобщая упрощенная хроника», Min , Ei и Eg . К перечисленным добавляются два текстологических свидетельства, причисленные выше к числу «упрощенных» — Y и еще одна копия с рукописи C , во вторую очередь связанная с B . Наоборот, ветвь «упрощенных» теряет восемь текстологических свидетельств: исчезают Q, Qq, St (и восходящие к ним копии) и меняют прототип «Сокращенная хроника» (со второй книги) и «Переработанная хроника 1344 года». Эти потери частично компенсируются включением рукописей, связанных с T : G и Z .

«Упрощенная версия» следует примеру предшествующей группы: наряду с ошибками частного характера и вариантами, которые свидетельствуют о ее восхождении к архетипу вне связи с E_1 , она с абсолютной верностью сохраняет первую редакцию, лишь обновляя ее в некоторых деталях. В их числе наиболее значительны те, которые касаются рассказа о перенесении останков короля Вамбы из Памплиеги в церковь св. Леонарда (Новую) в Толедо, осуществленном Альфонсо X в 1274 г., варианта, который подчеркивает связь короля-реформатора с Толедо и его епархией и который дает нам дату *post quem* этой ветви текстологических свидетельств, заслуживающей названия «Улучшенной версии, возникшей после 1274 года» (*Versión enmendada después de 1274*). Другие характерные нововведения «Улучшенной версии» отдают преимущество в сроке правле-

ния короля Родриго Луке Туйскому (семь лет вместо трех у Родриго Толедского) и отделяют историю королей готов от истории астура-леонских королей и правителей последующего периода, предпосылая ей заглавие «История о деяниях королей Испании» (гл. 564, рассказ о четвертом годе правления Пелайо). Это отделение противоречит выдвинутому Альфонсо X критерию преемственности *imperium* испанской земли, а потому очень вероятно, что хронист, который добавил его в текст, уже не работал, следуя приказам Мудрого короля.

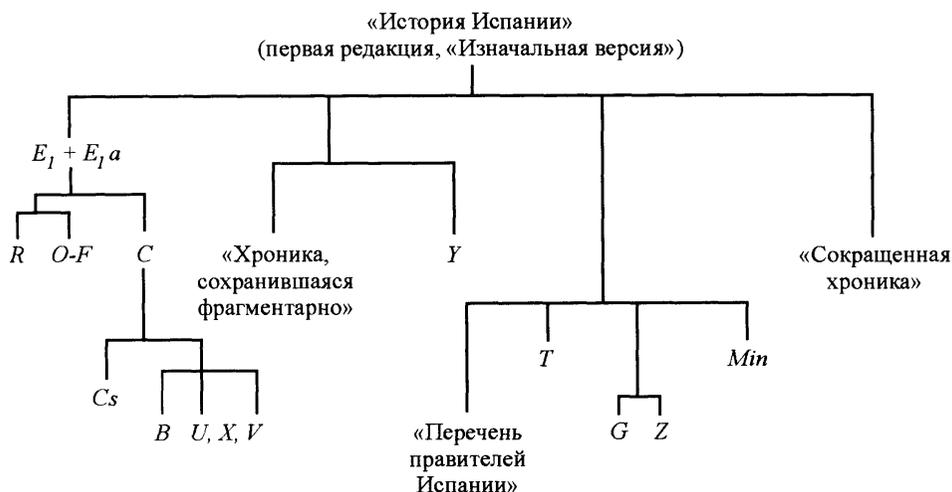
Вторая книга «Сокращенной хроники» представляет собой косвенное свидетельство состояния текста, аналогичного содержанию рукописей *Cf* и *Сah*, относящихся к первой группе, поскольку в нем не прослеживается ошибок, характерных для E_1 , как и нововведений, проявляющихся в «упрощенной» ветви.

Текст этой группы был издан Р. Менендесом Пидалем, взявшим в качестве основы кодекс E_1 (*PCG*).

*История астура-леонских королей
от четвертого года правления Пелайо
до восемнадцатого года царствования Альфонсо II
(гл. 564—616)*

Начиная с рассказа о конце правления Пелайо появляется новая реорганизация рукописной традиции, хотя текстологические свидетельства по-прежнему подразделяются на две группы. С одной стороны, сохраняются преемники линии королевского кодекса E_1 , частью которого, как мы знаем, являлись две первые тетради кодекса E_2 , E_2a , вплоть до момента, когда та же рука доводит до середины фразу в рассказе о восемнадцатом годе правления Альфонсо II Целомудренного (*PCG*, гл. 616, страница 350a₁₀): рукопись *C* и ее копии (*Cs*, с одной стороны, и *B*, *U*, *X*, *V*, с другой), *O-F* (третья группа) и *R* (которая, наряду с *C* восходит к общей модели). С другой стороны, существуют рукописи, которые происходят от архетипа вне связи с $E_1 + E_2a$: помимо взаимосвязанных текстологических свидетельств *T*, *G* и *Z*, а также второй книги «Сокращенной хроники», в настоящее время к этой группе относятся *Min* (которая восходит к тому же антиграфу, что и *T*, *G* и *Z*) и *Y*. Кроме того, копии, не связанные с $E_1 + E_2a$, использовали «Хроника, сохранившаяся фрагментарно» и «Перечень правителей...» Педро де Эскавиас. Рукопись, выправленная последним, была связана с семейством, состоящим из *T*, *G*, *Z* и *Min*, в то время, как кодекс, переработанный для «Хроники, сохранившейся фрагментарно», вероятно, был связан с *Y*.

Немногие текстологические свидетельства воспроизводят вторую редакцию: таковы *L* и связанная с ним рукопись, использованная для «Историй деяний готов» (с гл. 564), а также для «Всеобщей упрощенной хроники» (с гл. 566).

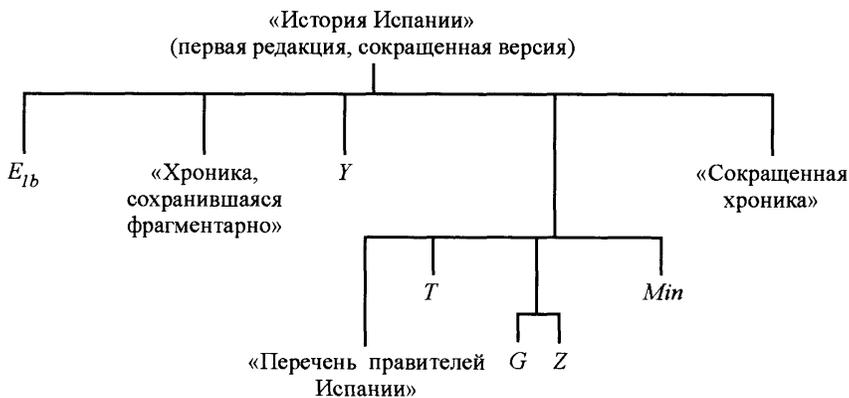
Небольшие характерные варианты так называемой «Улучшенной версии после 1274 года», присутствующие в рассказе о правлении Пелайо, как будто продолжают в дальнейшем повествовании о его царствовании в рукописи *Y* и в некоторых других текстологических свидетельствах, тогда как рукописям *T*, *G* и *Z* они неизвестны, начиная с момента провозглашения Пелайо королем (гл. 566). С этого момента ветвь текстов, происходящая от архетипа вне зависимости от $E_1 + E_2a$, не содержащая характерных новаций и воспроизводящая варианты, которые лишь позволяют исправить некоторые ошибки, содержащиеся в кодексе из королевского скриптория Альфонсо X, не может являться частью группы, восходящей к какому-либо субархетипу.

Наконец, в перечне текстологических свидетельств, относящихся к этой группе, нельзя забывать копии, сделанных с рукописи E_1 , когда из нее уже были вырваны последние листы, таких, как Ei , или с E_2 , когда этот кодекс был уже составлен, таких, как рукописи I и Eh .

Эта группа не отражена в издании Р. Менендеса Пидалья, взявшего за основу рукописи $E_1 + E_2$ (PCG).

*От восемнадцатого года правления Альфонсо II
до конца его царствования
(гл. 616—627)*

Помимо свидетельств текста, содержащегося в оригинальном кодексе из скриптория Альфонсо X $E_1 + E_2a$, текстологическая традиция «Истории Испании» подразделяется на две большие группы, которые уже были охарактеризованы выше. Рукописи, восходящие к кодексу из королевско-

го скриптория и продолжавшие его содержание, все без исключения изменили свойственную ему модель текста. *O-F* и *R* перешли к транскрипции второй редакции, будучи включенными в «Всеобщую упрощенную хронику», а *B*, *U*, *V* и *X* с этого места воспроизводили текст по «Хронике, сохранившейся фрагментарно».

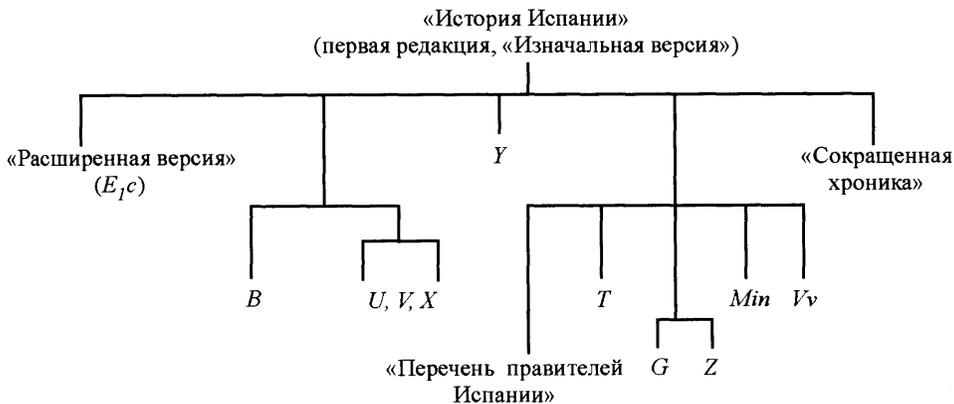
Таким образом, прямыми текстологическими свидетельствами первой редакции являлись рукопись *Y*, семейство, состоящее из манускриптов *T*, *G*, *Z* и *Min*, а также рукопись, использованная «Хроникой, сохранившейся фрагментарно», для создания своей особой версии исторического повествования. К ним мы должны добавить манускрипт, созданный рукой, писавшей *E2b*, которая в середине XIV в. собрала воедино результат соединения *E1 + E2a* с кодексом XIII в., содержащим «Расширенную версию» (скопированную третьей рукой с *E2*, *E2c*), а также скопированные с *E2* рукописи *I* и *Eh*. Косвенным свидетельством здесь остается «Сокращенная хроника» в той же мере, как это было ранее, и «Перечень правителей...» Педро де Эскавиас; оба эти свидетельства не изменили расположения текста.¹

Тексты этой группы были учтены в издании Р. Менедеса Пидалья, взявшего в качестве одной из основных рукописей *E2b* (*PCG*).

*История астура-леонских и леонских королей
от правления Рамиро I
до завершения рассказа о царствовании Бермудо III
(гл. 628—801)*

По сравнению предыдущей, эта группа содержит две новации: главная из них связана с появлением «Расширенной версии 1289 года», сохранившейся в рукописи XIII в. *E2c* (третья рука писца в современном кодексе).

¹ Применительно к рассматриваемому фрагменту хроники (*прим. перев.*).

се E_2), варианта текста, расширенного риторически и искажающего свидетельство первой редакции, очень близкой к архетипу. Поскольку она содержится в оформленном с королевской роскошью кодексе E_2 , эта версия иногда именуется «королевской». В противовес этой версии времен Санчо IV, текст, содержащийся в остальных текстологических свидетельствах, именуется «упрощенной версией» или «Краткой версией» (*Versión concisa*), хотя на самом деле это просто не вызывающее сомнений отражение первой редакции. Таким образом, «Расширенная версия» входит в перечень косвенных текстологических свидетельств той же группы.

Вторая новация — это исчезновение переработанных элементов текста «Истории Испании», характерных для «Хроники, сохранившейся фрагментарно». Рукописи B , U , V и X , которые до этого места передавали текст этой хроники, начинают дословно отражать «Расширенную версию» (рассказ о первом и втором годах правления Рамиро I, гл. 628—629, страницы 358b₄₇—360b₂₈), а непосредственно вслед за этим — первую редакцию, таким образом, все они могут рассматриваться как прямые текстологические свидетельства «Истории Испании» вплоть до рассказа о конце царствования Ордоньо II включительно.

Остальные текстологические свидетельства первой редакции остаются без изменения; это рукописи: Y , далее — семейство, включающее T , G , Z , Min (последняя, начиная с рассказа о шестом году правления Альфонсо IV, следует «Хронике двадцати королей»), а также манускрипт, использовавшийся Педро де Эскавиас. Это семейство выделяется тем, что по кодексу E_2 воспроизводит текст «Расширенной версии» от рассказа о начале правления Рамиро I до повествования о первом году царствования Альфонсо III включительно (гл. 628—645).

Применительно к некоторым кратким фрагментам мы сталкиваемся и с другими текстологическими свидетельствами: рукописью Vv , применительно к рассказу о последних годах правления Альфонсо III и царствова-

ниях королей Гарсии и Ордоньо II, также относящейся к рассмотренному выше семейству, и «Краткой историей (деяний) готов»,¹ текст которой продолжает «Историю Испании» в части, повествующей об истории Фернана Гонсалеса (гл. 684—696).

Косвенным же текстологическим свидетельством продолжает оставаться «Сокращенная хроника».

Эта группа текстов частично вошла в издание М. де Кампа (1995 г.);² речь идет о рассказе, начиная с правления Фруэлы II и до царствования Бермудо III (в PCG этому соответствуют гл. 678—801); в качестве основы там избран манускрипт *T*, уточненный и исправленный с учетом связанных с ним рукописей *Y*, *G*, *Min* и *Z*.

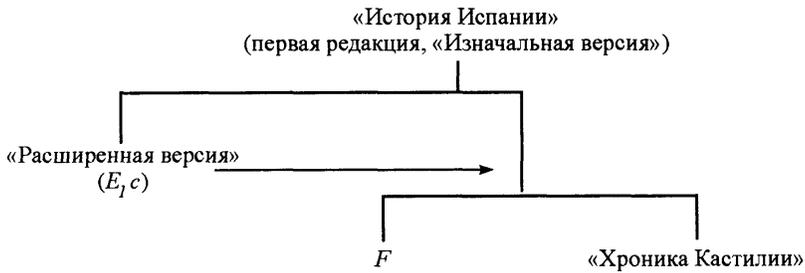
*История кастильских и леонских королей вплоть
до взятия Кордовы Фернандо III
(гл. 802—1049)*

В этой группе не сохранилось прямых текстологических свидетельств первой редакции «Истории Испании», поскольку отражение ею текста оказывается менее полным, чем в рукописях других групп. Текстологическими свидетельствами, передающими содержание в ограниченном виде, являются: «Расширенная версия 1289 года», «Хроника Кастилии» и рукопись *F*, в которых эта тенденция прорывается в рассказе о вступлении на престол Фернандо I. Они восходят к общей модели, характеризующейся смешением «Расширенной версии» с другим текстом, также восходящим к архетипу «Испании Испании» и более лаконичным по изложению, возможно — текстологическим свидетельством первой редакции. Детальная характеристика этого смешанного текста, сильно выправленного в «Хронике Кастилии», является объектом для будущих исследований.

Отмеченные связи между тремя текстологическими свидетельствами текста сохраняются в рассказах о событиях от начала правления Фернандо I до царствования королевы Урраки (гл. 802—996), поскольку начиная с повествования о правлении Альфонсо VII «Хроника Кастилии» (гл. 802—996) меняет прототип во имя следования традиции «Готской истории» Родриго Толедского, связанной с той, которая отражена во второй редакции «Истории Испании» или «Критической версии». С этого момента и вплоть до рассказа о взятии Кордовы (гл. 997—1049), где, возможно, заканчивалась «История Испании» (или то, что следовало о ней написать), мы располагаем лишь «Расширенной версией» и рукописью *F*.

¹ Одна из известных версий «Историй деяний готов»; подробнее о «Краткой истории (деяний) готов» и «Пространной истории (деяний) готов» см. ниже (*прим. перев.*).

² Campa (1995) (издание хроники).

Но очень скоро после рассказа о начале правления Фернандо III (гл. 1035, страница 719a₄₂) «Расширенная версия» становится известной нам лишь по позднейшей переработке ее текста — «Хронике о св. Фернандо» (*Crónica particular de san Fernando*).

Наконец, необходимо уточнить, что еще одно косвенное текстологическое свидетельство «Истории Испании», которое применительно к предыдущим разделам обладало большой содержательной ценностью, поскольку восходило к тексту, близкому к архетипу, теряет свое значение применительно к рассказу о Фернандо III: речь идет о «Сокращенной хронике», которая в своей третьей книге исходит либо из содержания рукописи *F*, либо из «Хроники Кастилии», либо из «Хроники святого Фернандо».

Вторая редакция (или «Критическая версия»)

Рукописная традиция «Критической версии» позволяет нам проследить ее текст от начала рассказа об истории варварских народов до конца правления короля Леона Фернандо II (что соответствует гл. 365—996 *PCG*). На всем ее протяжении, известном к настоящему времени, наиболее близкой к архетипу является рукопись *Ss*, которая, несмотря на свойственную ей высокую степень связи с текстом версии, несвободна от множества ошибок частного характера, что вполне ожидаемо от рукописи поздней и не относящейся к числу роскошных. Кроме этой рукописи, ни одно из оставшихся текстологических свидетельств не отражает полный текст на всем его протяжении, из-за чего следует выделить разные части в соответствии с последовательностью содержания существующих текстологических свидетельств. Тем не менее, межтекстуальные связи между ними сохраняют один и тот же характер.

*От пролога к estoria варварских народов
до конца истории королей готов
(гл. 365—565)*

Для этой части у нас есть прямое текстологическое свидетельство, рукопись *Ss*, а в качестве свидетельств косвенных — галисийская «Всеобщая хроника Испании 1404 года» и португальская «Переработанная хроника 1344 года» (ок. 1400 г.).

Из них лишь «Хроника 1404 года» сохранила текст второй редакции в рассказе об истории варварских народов в первых главах истории готов (гл. 365—388, до страницы 217_{b26}), вплоть до момента, когда она проявляется и в рукописи *Ss*. «Переработанная хроника 1344 года» присоединяется к этой группе начиная с рассказа о четвертом годе правления Алариха и до начала царствования Родриго, где прототип меняется. Оба текста на галисийско-португальском языке происходят от общей модели, от которой они унаследовали самые разные ошибки.

В числе многочисленных изменений второстепенного характера в качестве наиболее значимых отличий «Критической версии» от первой редакции следует выделить:

- Изменение хронологии в прологе к *estoria* готов и появление в ней несоответствий, касающихся франкских королей и римских пап и исходящих из положений «Хронографии» Сигеберта из Жамблу.
- Замена рассказа о «*Divisio*»¹ Вамбы, содержащегося в хронике Луки Туйского, более пространной версией, заимствованной из «Книги хроник» (*Liber chronicorum*) епископа Пелайо Овьедского.²

¹ Т. н. «Подразделение Вамбы» — описание границ епархий, сложившихся в Толедском королевстве вестготов к концу VII в., составленное в правление короля Вамбы (672—680) (*прим. перев.*).

² Пелайо Овьедский (ум. в 1153 г.) — церковный и политический деятель Королевства Леон, епископ Овьедо, стремившийся обосновать первенство своей епархии по сравнению с архиепископством Браги; для подтверждения своих утверждений создал (в т.ч. путем фальсификации) целый «*Corpus relagianum*», в состав которого вошла и названная хроника (*прим. перев.*).

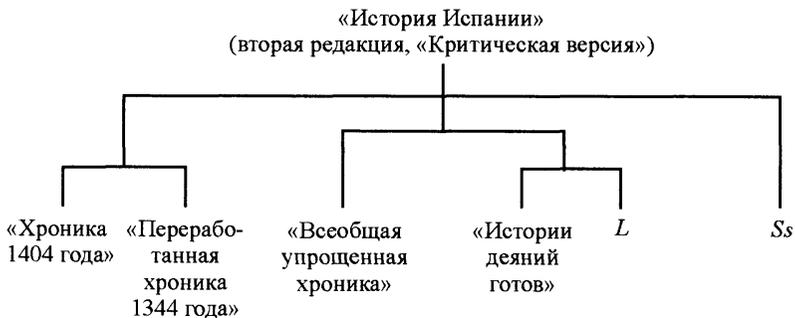
- С точки зрения идеологии важно добавление двух интересных параграфов: в одном отстаивается обоснованность письменного закона, содержащегося в эдикте Эвриха, в противовес устному обычаю, в полном соответствии с положениями «Королевского фуэро», «Зерцала» или «Партид»; в другом параграфе осуждается восстание инфанта дона Санчо и магнатов королевства против Альфонсо X как события предельной актуальности. Этот параграф позволяет нам с большой уверенностью датировать вторую редакцию временем между 1282 и 1284 гг.

*История астура-леонских и леонских королей
от Пелайо до Ордоньо II (гл. 566—677)*

Текстологическими свидетельствами второй редакции в этой части хроники являются: *Ss, L*, «Истории деяний готов», «Всеобщая упрощенная хроника», «Хроника 1404 года», «Переработанная хроника 1344 года». Однако не все они унаследовали одну и ту же долю текста и не всегда передают его с достаточной степенью верности. Среди них лишь рукопись *Ss* сохранила текст в полном объеме и без тех новаций или ошибок, которые свойственны рукописной традиции.

«Хроника 1404 года» следует «Критической версии», хотя и подправляя ее текст с большей, чем ранее, интенсивностью, вплоть до рассказа о царствовании Альфонсо I, после чего полностью отходит от этого источника (с гл. 582). В свою очередь, «Переработанная хроника 1344 года» также воспроизводит вторую редакцию в рассказе от второго года правления Пелайо до конца царствования Альфонсо I (гл. 568—591) (хотя и опуская при этом весь материал, касающийся аль-Андалуса и сообщения о папстве и Империи). В этой части обе хроники, так же как и готская история, восходят к общему антиграфу.

«Всеобщая упрощенная хроника» приводит «Критическую версию» как основную в рассказе от Пелайо до Бермудо III (гл. 566—801), хотя в некоторых небольших фрагментах она замещается на другую из-за сличения с рукописью первой редакции, связанной с семейством, состоящим из манускриптов *T, G, Z, Min* и др. «Истории деяний готов», кроме того, использовали антиграф «Критической версии» в рассказе от правления Пелайо (гл. 564), но в данном случае обширные фрагменты текста комбинируются с кастильской версией хроники Родриго Хименеса де Рада (*Toledano romanzado*). Текстологические свидетельства второй редакции, использованные «Всеобщей упрощенной хроникой» и «Историями деяний готов», восходят к общей модели, от которой они унаследовали различные ошибки. Рукопись *L* связана с той, которая использовалась «Историей деяний...», и, подобно ей, начинает следовать «Критической версии» с рассказа о четвертом годе правления Пелайо (гл. 564), однако, неиз-

вестно, каков был изначальный объем текста в этой рукописи, поскольку она испорчена начиная с места в середине рассказа о царствовании Альфонсо II.

Число и интенсивность изменений, которые «Критическая версия» привнесла в текст, унаследованный от первой редакции, резко увеличивается, начиная с этого раздела. Далее «Критическая версия» не ограничивается лишь «совершенствованием» некоторых фрагментов с помощью глосс или обращения к дополнительным источникам, но придает иную структуру повествованию в его первой редакции. История, касающаяся арабов, и рассказы, опирающиеся на источники в стихах, были по-новому размещены на временной шкале и изменили свое местоположение в структуре сочинения, исходя из соображений большей правдоподобности и внутренней хронологии. Другой неотъемлемой характеристикой второй редакции, которая впервые отмечается именно в этой части, является критический подход к содержанию поэтических текстов, используемых в качестве источников; очень часто этот подход приводит к их изъятию из повествования по причинам чисто идеологического характера.

Эта часть представлена в критическом издании И. Фернандес-Ордоñez,¹ использовавшей в качестве основной рукопись Ss, текст которой был снабжен примечаниями и исправлен с учетом остальных текстологических свидетельств.

История королей Леона от Фруэлы II до Бермудо III (гл. 678—801)

Нововведение, свойственное этой части, — это появление на хронологическом древе «Хроники двадцати королей». Вливающаяся в общую реку начиная с правления Фруэлы II и игнорирующая историю пред-

¹ *Fernández-Ordóñez I. “Versión crítica” de la “Estoria de España”...*

шествующего периода, она сохранила для нас «Критическую версию» с этого момента и до конца правления Фернандо II (гл. 678—996). В отличие от более ранних хроник, которым свойственны добавления в текст второй редакции и его правка, «Хроника двадцати королей» — вариант текста, лишь дословно передающий «Критическую версию» без каких-либо модификаций, кроме типичных ошибок писцов и иных особенностей. «Хроника двадцати королей» связывает конец «Критической версии» с текстом «Хроники Кастилии».

Отражающий лишь пару несущественных вариантов, полигенетические истоки которых (соединяющие его с семейством рукописей, известным как «Хроника двадцати королей») восстанавливаются без особого труда, манускрипт Ss оказывается наиболее близким к архетипу представителем второй редакции, поскольку свободен от ошибок, свойственных прототипу этой фамилии и вариантам, связывающим с ним «Упрощенную всеобщую хронику» и «Историю о деяниях готов». Кроме того, это единственная рукопись, которая сохранила «критическую версию» на всем протяжении своего текста.

Направления правки, характерные для «Критической версии» в предшествующей части, сохраняются и здесь: реструктурирование исторического дискурса, сопровождаемое новой датировкой событий, и критический подход к поэтическим текстам, используемым в качестве источников.

Эта часть представлена в критическом издании М. де Кампа,¹ который также использовал в качестве основы рукопись Ss, которая была снабжена замечаниями и выправлена с учетом многочисленных текстологических свидетельств, относящихся к семейству «Хроники двадцати королей».

¹ Campa M. La «Crónica de veinte reyes» y las «Versiones crítica» y «concisa» de la «Estoria de España». Ediciones críticas y estudio / Tesis doctoral. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 1995.

«История Испании»
(вторая редакция, «Критическая версия»)

«Хроника двадцати королей»

Ss

*История королей Кастилии и Леона от Фернандо I
до конца правления Фернандо II
(гл. 802—996)*

Эта последняя часть характеризуется исчезновением текстологических свидетельств, содержащих «Всеобщую упрощенную хронику» и «Истории деяний готов». Первая заканчивается по завершении рассказа об истории королей Леона, а вторые более не используют в качестве источника «Критическую версию» (за исключением одного короткого рассказа). Таким образом, немногие сохраняющиеся текстологические свидетельства, содержащие дальнейшее повествование, — это манускрипт Ss и семейство рукописей «Хроники двадцати королей».

В рассказе об истории королей Кастилии составление «Критической версии» не было доведено до конца, что явствует из повторов, в разной редакции и с разной хронологической компоновкой, данных, полученных из одних и тех же источников. Придерживаясь той же позиции в *stemma*,¹ что и в предшествующих частях, рукопись Ss наиболее точно отражает то, что большинство остальных текстологических свидетельств представляет в незавершенном виде.

Хотя техника правки и намерения, определившие составление «Критической версии», в полной мере сохраняются в этой части хроники, необходимо оговорить, что в данном случае отсутствует материал для сопоставления, который содержат рукописи — прямые текстологические свидетельства первой редакции.

Применительно к этой группе существует упоминавшееся выше издание М. де Кампа (1995 г.).

«Расширенная версия (или Хроника) 1289 г.»

Составленная во времена Санчо IV (уже потому, что она упоминает о событиях 1289 г., где и намекает на этого короля), так называемая «Риторически расширенная версия» использовала в качестве источника текст

¹ Родословная (лат.) (*прим. перев.*).

первой редакции «Истории Испании», начиная с рассказа о возведении на престол астура-леонского короля Рамиро I и вплоть до сообщения о взятии Кордовы Фернандо III, где заканчивались сообщения ее основного источника — «Готской истории» Родриго Хименеса де Рада. Этот текст «Истории Испании» был систематически изменен поправками и расширением за счет риторических пассажей и дополнен спорадическими обращениями к латинским источникам — сочинениям Родриго Хименеса де Рада и Луки Гуйского, а время от времени — и к «Хронике Альфонсо Императора», хотя и без изменения изначальной структуры первой редакции.

С идеологической точки зрения «Версия 1289 г.» знаменовала собой дистанцирование от политической мысли эпохи Альфонсо X, что ощущается как во внесенных в нее пояснениях и комментариях, так и в опущенных фрагментах изначального текста. Основные отличия от «Истории Испании» прослеживаются в том, что:

- не разделяется представление о «неоготизме» касильско-леонской монархии;¹
- хроника придерживается стороны Кастилии (в противовес Леону) как королевства, претендующего на политическую гегемонию на полуострове;
- превозносятся достоинства аристократии и прелатов как элиты, участвующей в управлении королевством и выполняющей роль опоры королевской власти.

Обращение автора этой «Версии...» к источникам, находившимся в библиотеке толедского собора, таким, как «Хроника Альфонсо Императора», а также значимость, которая придается в одном из рассказов толедской кафедре, заставляют думать, что к ее составлению была причастна школа при толедском соборе и его архиепископ Гонсало Перес Гудьель, сподвигнутый к этому самим Санчо IV.²

Исследованиям Д. Каталана мы обязаны идентификацией природы «Расширенной версии» и изучением ее принципиальных характеристик, а также реконструкцией ее текстологической традиции.³

¹ То есть о ее прямой преемственности от вестготской монархии.

² Гонсало Перес Гудьель (он же — Гонсало Гарсия Гудьель) (ок. 1238—1299 гг.) — архиепископ толедский (1280—1298 гг.). Видный политический и церковный деятель своего времени, выходец из среды толедских мосарабов, активный сподвижник короля Санчо IV. Изучал теологию и право в Париже и (вероятно) в Болонье. Вступил в капитул толедского собора в 1255 г. Занимал епископские кафедры в Куэнке (1272—1275 гг.) и Бургосе (1275—1280 гг.). При Санчо IV занимал должность королевского канцлера. Умер в Риме. Похоронен в базилике св. Марии (Санта-Мария-Маджоре). См., например: *Hernández FJ, Linehan P. The Mozarabic Cardinal. The Life and Times of Gonzalo Pérez Gudiel*. Firenze, 2004 (прим. перев.).

³ *Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal...*; *Idem. La "Estoria de España" de Alfonso X.*

Изначальная рукопись этой версии состояла из листов, заполненных письмом XIII в., ныне входящих в состав манускрипта E_2 : (fols. 23—79, 82—198 (третья рука или E_{2c}) у fols. 257—320 (пятая рука или E_{2e}). «Расширенная версия» обрела большое значение в текстологической традиции «Истории Испании», поскольку тот кодекс, который изначально ее содержал, во времена Альфонсо XI был использован (вероятно, Фернаном Санчесом из Вальядолида) для создания искусственного¹ королевского кодекса E_2 , ныне находящегося в собрании Королевской библиотеки Монастыря св. Лаврентия в Эскориале, который стал основой последнего и который был собран для того, чтобы добавить заключение к неполному рассказу, содержащемуся в кодексе из скриптория Альфонсо X, E_1 , который содержал первую редакцию «Истории Испании».

Но еще до того, как она была включена в состав E_2 , «Расширенная версия» была переведена на галисийско-португальский язык, не позднее царствования короля Кастилии и Леона Фернандо IV (1295—1312). Эта «Галисийско-португальская версия» стала основной частью «Всеобщей хроники 1344 года» графа Педру Афонсу де Барселуша² и «Хроники 1404 года», написанных на галисийско-португальском, в той их части, которая повествует о королях Леона (от Рамиро I до Бермудо III (в PCG :³ гл. 628—801).

Текст первой редакции, переработанный в «Расширенной версии», в рассказе о леонских королях от Рамиро I до Бермудо III содержал повествование, которое мы можем рассматривать как компиляцию практически завершенную (за исключением отдельных деталей, как, например, в рассказе о кастильском графе Гарсии Фернандесе), а потому идентичную той версии текста, которую содержат такие прямые текстологические свидетельства первой редакции, как рукописи Y , T , G , Z , Min , B , X , U и V . Однако, с началом истории королей Кастилии и Леона, т. е. от Фернандо I и далее, версия текста, являвшаяся основой для дополнений, не

Creación y evolución...; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

¹ Здесь и далее под «искусственным» кодексом понимается манускрипт, основу которого составляет механическое соединение фрагментов других, ранее существовавших рукописей (*прим. перев.*).

² Педру Афонсу, граф Барселуш (ок. 1287—1354 гг.) — португальский аристократ, 3-й граф Барселуш, незаконный сын короля Португалии Диниша I (1279—1325 гг.). Видный политический деятель и писатель. Сам являвшийся известным трубадуром, выступил собирателем поэзии пиренейских трубадуров, писавших на галисийско-португальском языке («Книга кантиг»). Собрал и обобщил сведения по генеалогии кастильско-леонской и португальской знати («Книга о знатных фамилиях» (1340 г.). Главный исторический труд — «Всеобщая хроника Испании 1344 года» (о ней см. выше) (*прим. перев.*).

³ PCG — здесь и далее так обозначается текст «Первой всеобщей хроники» по изданию Р. Менедеса Пидала 1955 и 1977 гг.

отшлифована в достаточной степени и может рассматриваться как «черновик» или «рабочая тетрадь». В соответствии с качеством компиляции, мы должны выделить несколько частей:

1. В рассказе о событиях от времени Фернандо I и до момента смерти королевы Урраки (PCG. Гл. 802—967) текст первой редакции, усвоенный «Расширенной версией», вбирает в себя контрастирующие друг с другом доступные источники и создает структуру, подобную анналам, в которую включаются данные записей происхождения, касающиеся папства и Империи. Однако этот текст еще не достигает желанной степени совершенства, о чем свидетельствуют «лакуны компиляции», сообщения, где техника историописания, свойственная мастерской Альфонсо X, «зависает», создавая пустоты, которые затем, в разные эпохи, заполнялись для того, чтобы избежать разрывов в повествовании, возникавших из-за существования этих пустот. Речь идет о следующих лакунах компиляции, выделенных в процессе критического исследования:

А. От рассказа о 35-м году правления Фернандо I до сообщения о втором году царствования Санчо II, рассказ о смерти Фернандо I (PCG. P. 491b₂₈—495b₁₅).

В. Рассказ о 17—22-м годах правления Альфонсо VI, сообщение о взятии Толедо, вторжении альморавидов и битве при Уклесе (PCG. Гл. 867—885. P. 538a₂₈—556b₃).

С. Рассказ от начала 25-го и до 41-го года правления Альфонсо VI, вся «валенсийская история» Сиды (PCG. P. 565a₂₉-643b₇).

В то время, как первая и вторая лакуны были «заполнены» самим писцом, создавшим копию рукописи E_2 — «Расширенную версию», E_{2c} , третья лакуна была прикрыта копиистом, работавшим в XIV в., E_{2d} (fols. 199—256).

2. В рассказе о событиях от правления Альфонсо VII до царствования Санчо III (гл. 968—987) версия текста, являвшаяся основой для расширения, ограничивается комбинированием фрагментов из «Готской истории» Родриго Хименеса де Рада и «Всемирной хроники» Луки Туйского, забыв о привлечении других источников, а также о помещении повествования в «ячейки» структуры, свойственной рассказу анналиста.

3. В рассказе о событиях от времен Альфонсо VIII и до завоевания Кордовы Фернандо III, где изначально должна была заканчиваться «Расширенная версия» (PCG. Гл. 988—1049), версия текста, являвшаяся основой для расширения, представляет собой простой перевод «Готской истории». Поскольку оригинальная рукопись «Расширенной версии», E_{2e} , заканчивается вскоре после сообщения о начале царствования Фернандо III (PCG. Гл. 1035. P. 719a₄₂), мы можем получить представление о заключительной части этой «Версии...», включая рассказ о завоевании Кордовы, лишь посредством ее косвенного текстологического свидетельства — «Частной хроники св. Фернандо».

Наряду с оригинальными листами, датируемыми периодом около 1289 г., использованными в качестве основы при составлении искусственного кодекса E_2 в середине XIV в., сохранилось некоторое количество свидетельств *descripti*¹ этого кодекса. Речь идет о фрагментах «Расширенной версии», использованных в качестве прототипов в двух семействах рукописных свидетельств: того, которое включает манускрипты B , U , X и V , и того, в которое входят рукописи T , G , Min , Vv и Z (а также экземпляр, привлеченный Педро де Эскавиасом для составления его «Перечня правителей Испании», 1468—1469 гг.). Они могут рассматриваться как прямые текстологические свидетельства:

- B , рукопись 2022, Библиотека Саламанкского университета.
- E_2 , рукопись X-I-4, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.
- Eh , рукопись 1487, Национальная библиотека (Мадрид).
- Ej , рукопись 11.13.3, Библиотека Королевской академии истории (Мадрид).
- F , рукопись 2628, Библиотека Саламанкского университета.
- G , рукопись X-I-11, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.
- I , рукопись 10134ter, Национальная библиотека (Мадрид).
- J , рукопись 1347, Национальная библиотека (Мадрид).
- Min , рукопись Z946.02/fC881, Библиотека Университета Миннесоты (г. Миннеаполис, США).
- T , рукопись M-550, Библиотека им. Менендеса-и-Пелайо (Сантандер).
- U , рукопись 158, Библиотека Университета «Комплутенсе» (Мадрид).
- V_2 , рукопись 1277, Национальная библиотека (Мадрид).
- Vv , рукопись 8213, Национальная библиотека (Мадрид).
- X , рукопись 10213 + 10214, Национальная библиотека (Мадрид).
- Xx , рукопись 7583, Национальная библиотека (Мадрид).
- Z , рукопись X-I-7, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале.

Косвенным текстологическим свидетельством является «Частная хроника св. Фернандо», использованная в качестве источника для завершающей части «Расширенной версии», а также для «Хроники Кастилии», которая унаследовала, наряду с рукописью F , смешанный текст, который комбинировал первую редакцию с «Расширенной версией».

Кроме того, «Расширенная версия» получила широкое распространение в западной части Пиренейского полуострова. В качестве ее косвенного текстологического свидетельства следует рассматривать перевод на галисийско-португальский язык, сохранившийся как в независимых друг от друга рукописях, так и включенный во «Всеобщую хронику Испании

¹ Описательного характера (*прим. перев.*).

1344 года» и «Хронику 1404 года». Этот перевод имел дело с «Расширенной версией» в ее изначальном состоянии (начиная с рассказа о правлении Рамиро I) и следовал ей вплоть до сообщения о конце царствования Бермудо III. Начиная с этого момента, с истории правления Фернандо I, основой для перевода становилась «Хроника Кастилии. Рукописными текстологическими свидетельствами этой переводной версии являются:

- *A*, рукопись 8817, Национальная библиотека (Мадрид).
- *A'*, рукопись 2497, Библиотека Саламанкского университета.
- *Ae*, рукопись 643, Национальная библиотека (Мадрид).

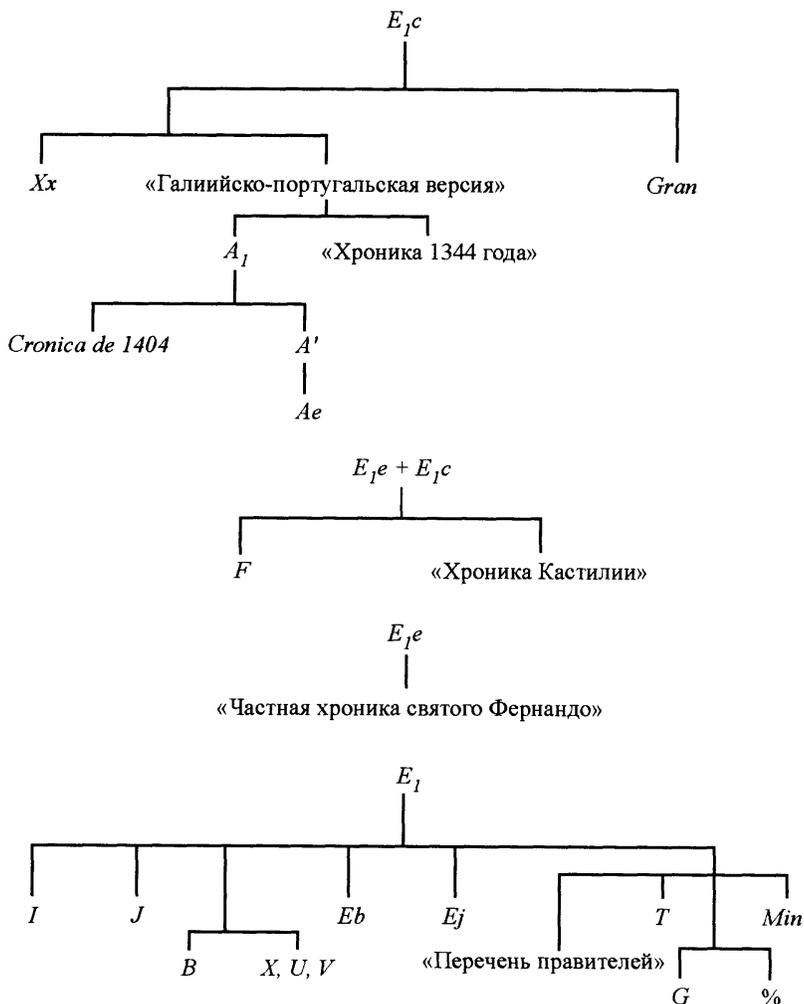
Утраченными текстологическими свидетельствами «Расширенной версии», о которых сохранились сведения, являлись:

- Рукопись *Gran*, которую в 1591 г. Королевской капелле Гранадского собора пожаловал представитель короля Филиппа II и которая начиналась с рассказа о правлении Рамиро, короля Леона.
- Рукопись *J*₁, которая являлась копией манускрипта *E*₂ в части от правления Пелайо и до царствования Ордоньо II и которая, в качестве части *J*, принадлежала маркизу де Мондехару ок. 1700 г.

«Расширенная версия» была издана Р. Менендесом Пидалем (*PCG*), взявшим в качестве основы своего издания «Истории Испании» рукопись *E*₂. Фрагменты этой версии (*E*_{2c} + *E*_{2e}) следуют ей в повествовании от начала правления астура-леонского короля Рамиро I и до 25-го года царствования Альфонсо VI, где она прерывается на рассказе о замках, плативших дань Сиду, и прямо перед рассказом о вторжении на полуостров берберов-альморавидов (*PCG*. P. 358b₃₉—426a₁₈ [fols. 23—79]; P. 429a₃₉—565a₂₉ [fols. 82—198]). Текст «Расширенной версии» возобновляется в сообщении о конце царствования Альфонсо VI (42-й год правления) и продолжается до начала правления Фернандо III включительно (*PCG*. P. 643b₉—719a₄₂ [fols. 257—320]).

Как показал Д. Каталан,¹ все рукописные текстологические свидетельства прямо или косвенно связаны с рукописью *E*_{2c} (+ *E*_{2e}), текст которой копировался в разные эпохи. Они восходят к очень древней копии, более ранней, чем время, когда *E*_{2c} была интегрирована в искусственный кодекс *E*₂ в середине XIV в. (но более поздней по сравнению с временем руки XIV в., исправившей *E*_{2c}), а также чем период создания рукописи *Hx* и галисийско-португальского перевода «Расширенной версии» (известного как «Галисийско-португальская версия»), сохранившегося в манускрипте *A* (*A*₁) и «Всеобщей хронике Испании 1344 года». От *A*₁ происходят, через посредство общей узловой версии, «Всеобщая хроника 1404 года» и *A'*, а от последней — ее обратный перевод на кастильский язык, *Ae*. Кроме того, рукопись *E*_{2c} в ее изначальном состоянии воспроизводил утраченный манускрипт *Gran*.

¹ *Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...*

«Расширенная версия» ($E_2c + E_2e$) была соединена с текстом из первой редакции, ныне утраченным. Эта особая комбинация, до сих пор должным образом не исследованная, была унаследована рукописью F и «Хроникой Кастилии», которые, таким образом, сохранили для нас косвенное свидетельство этой версии.

Рукопись E_2 также sporadически использовалась для дополнения некоторых сообщений. Создатель общего прототипа манускриптов T , G , Z , Min , Vv и кодекса, кратко пересказанного Педро де Эскавиасом в его «Перечне правителей Испании», заимствовал из E_2 один фрагмент — главы о правлении Рамиро I и рассказ о первом году царствования Альфонсо III

(PCG. Гл. 628—645. Р. 358a₃₉—368b₅₂). В свою очередь, общая модель рукописей *B*, *U*, *X* и *V* следовала дополненному сообщению о начале правления Рамиро I (в PCG — гл. 628—629. Р. 358b₄₇, до середины второго года царствования этого короля, р. 360b₂₈), когда версия текста E_{2c} уже была включена в E_2 . Такое же состояние характерно для копий кодекса E_2 , завершенных в XV в. (*I* и *J*) и в XVI в. (*Еh*).

Наоборот, вне всякого сомнения, «Частная хроника святого Фернандо» восприняла «Расширенную версию» (E_{2e}), которую использовала в качестве источника сообщений о первых годах правления Фернандо III, ранее того момента, когда она была интегрирована в кодекс E_2 , поскольку, в свою очередь, «Частная хроника...» стала источником для «Сокращенной хроники» Хуана Мануэля, составленной ок. 1320—1325 гг.

Описание рукописей

Показав смешанный характер и / или неполноту содержания большей части текстологических свидетельств хроники, обратимся далее к краткому описанию характеристик текстовых версий, сохраненных каждым из этих свидетельств (дополнением, версией (или версиями) и ветвью (ветвями), к которым он (или они) восходи(я)т), дополнив это описание краткой информацией кодикологического характера.

A. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 8817 (*olim*¹ X-61). Кодекс XIV в. Галисийско-португальское письмо. Это искусственный кодекс, который связывает две рукописи, изначально переплетенных по отдельности — кодексы A_1 и A_2 . Поэтому с точки зрения текстологии необходимо различать разные части этого кодекса, написанные, кроме того, разными писцами:

(A_1) fols. 1r—88v: содержит перевод на галисийско-португальский язык «Расширенной версии 1289 года», содержащейся в рукописи E_{2c} , который был произведен раньше, чем E_{2c} был объединен с другими материалами в искусственном кодексе E_2 в середине XIV в., и после того, как E_{2c} был выправлен также в XIV в. Текст в кодексе A_1 , происходящий от E_{2c} , продолжается от сообщения о начале правления Рамиро I и до конца царствования Бермудо III (PCG. Р. 358b₄₇—482b₃₇). Этой части кодекса *A* предшествуют заголовки, написанные красными чернилами.

(A_2) fols. 89r—90v: схема рассказа об истории правления королей готов, астура-леонских королей и кастильских графов основывается на

¹ *Olim* (некогда, прежде (*лат.*)) — принятое в испанской кодикологии понятие, указывающее на прежний шифр рукописи, включенный в ранее существовавшие описи архивных или библиотечных собраний (*прим. перев.*).

Liber regum. Эта часть написана единым текстом, без разделения на столбцы.

(A₂) fols. 91r—229r: Перевод на галисийско-португальский язык «Хроники Кастилии», сообщающей о событиях от правления короля Фернандо I до смерти леонского короля Альфонсо IX. Эта часть является наиболее древней в кодексе А. Заглавия титулов даны красными, а инициалы — синими и красными чернилами; те и другие украшены каллиграфическими росчерками — красными по синему и синим по красному фону.

(A₂) fol. 229b, с у d: Краткие извлечения из рассказа об истории правлений Фернандо III, Альфонсо X и Санчо IV, сделанные в период царствования Фернандо IV. Текст сохранился в виде палимпсеста.

(A₂) fols. 230r—265r: С этого момента рукопись содержит перевод на галисийско-португальский язык «Частной хроники святого Фернандо», добавленный впоследствии. Заголовки и инициалы даны красными чернилами, подобными использованным в A₁.

(A₂) fol. 265b, с у d: Тот же писец, который переписал «Частную хронику святого Фернандо» на fols. 230—265, скопировал сюда извлечения, стертые с fol. 229.

В целом, кодекс А состоит из 265 пергаментных листов (295 x 215 мм); текст написан в две колонки. В Средние века рукопись принадлежала епархии Мондоньедо, а затем — дону Педро де Веласко, графу Аро,¹ и его наследнику, коннетаблю Бернардино Фернандесу де Веласко.² Текст по рукописи А был издан в 1975 г. Р. Лоренсо³ и неоднократно исследовался в работах Р. Менендеса Пидала, Л. Ф. Синтры, Р. Лоренсо и Д. Каталана.⁴

¹ Педро Фернандес де Веласко, 2-й граф Аро (1425—1492 гг.) — кастильский магнат, политический и военный деятель королевства Кастилия и Леон, коннетабль (с 1473 г.) и главный камергер короля Энрике IV. Участник осады и взятия Гранады (1491—1492 гг.) (*прим. перев.*).

² Бернардино Фернандес де Веласко-и-Мендоса, 1-й граф Фриас (ок. 1454—1512 гг.) — кастильский магнат, политический и военный деятель испанской монархии в период правления Католических королей, сын Педро Фернандеса де Веласко, 2-го графа Аро. Носил титулы 1-го графа Фриас, 3-го графа Аро. Занимал пост коннетабля Кастилии. После взятия Гранады был назначен ее вице-королем и капитан-генералом (*прим. перев.*).

³ Lorenzo R. La tradición gallega de la «Crónica general» y de la «Crónica de Castilla». Vol. 1. Orense: Instituto de Estudios Orensanos «Padre Feijoo», 1975.

⁴ Menéndez Pidal R. La Leyenda de los infantes de Lara // Idem. Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 384—385; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LXI; Cintra L. F. Crónica Geral de España de 1344. Vol. 1. Lisboa: Academia Portuguesa de História, 1951; Lorenzo R. La tradición gallega de la «Crónica general» y de la «Crónica de Castilla». Vol. 1. Orense: Instituto de Estudios Orensanos «Padre Feijoo», 1975. P. IX—XLVI; Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la histo-

А'. Библиотека Саламанкского университета: рукопись 2497 (*olim* 2-Н-3, II-910, Библиотека Королевского дворца). Кодекс XV в. Галисийско-португальский язык.

fols. 1—137: текст является копией A_1 , т. е., ее fols. 1—188 до того момента, как они были переплетены в один том с A_2 , в результате чего появился кодекс А.

fol. 139v: Перечень.

fols. 140v—142: Фрагмент «Жалобы любви» маркиза де Сантьяна¹ и строфы 491—493 и 547 «Книги благой любви».²

Рукопись состоит из 142 бумажных листов (285 x 215 мм); текст расположен в две колонки; утрачены два листа между современными листами 7 и 8. Заглавия титулов, знаки абзацев и инициалы написаны красными чернилами. Первые строки некоторых глав написаны более крупными буквами. Происходит из библиотеки Куэнкского коллегия. Принадлежал Лоренсо Рамиресу де Прадо.³ Текст по рукописи использован в издании Р. Лоренсо.⁴ Рукопись исследовалась Р. Менендесом Пидалем, Л. Ф. Синтрой, Р. Лоренсо, Д. Каталаном и др. учеными.⁵

riografía romance en Castilla y Portugal... P. 447; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 335; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 484.

¹ Иньиго Лопес де Мендоса, 1-й маркиз де Сантьяна, 1-й граф Реаль-де-Мансана-рес, сеньор Иты и Буитраго-де-Лосоя (1398—1458 гг.) — кастильский магнат, политический и военный деятель времен правления короля Хуана II, один из наиболее выдающихся поэтов своего времени, родоначальник истории кастильской литературы, гуманист и меценат. Среди его произведений наиболее известны «Посвящение и письмо коннетаблю дону Педро Португальскому» (1448 г.), «Маленькая комедия о Понце» (1444 г.), «Ад влюбленных», «42 сонета на итальянский лад», «Беседа Биаса с Фортуной», «Поучение фаворитам», а также циклов «Песни», «Сказы», «Серранильи» и др. (*прим. перев.*).

² «Книга благой любви» — знаменитое произведение выдающегося кастильского средневекового поэта Хуана Руиса, архипресвитера из Иты (ок. 1283 — ок. 1351) (*прим. перев.*).

³ Лоренсо Рамирес де Прадо (1583—1658 гг.) — гуманист, библиофил и политический мыслитель. Сподвижник знаменитого графа-герцога Оливареса (Гаспар де Гусман и Пиментель Рибера и Веласко де Товар (1587—1645 гг.), 3-й граф де Оливарес, 1-й герцог Санлукар-ла-Майор, 1-й маркиз Эличе, 1-й граф Арсакольяр, 1-й князь Арасена), все-мощного фаворита короля Филиппа IV, под покровительством которого сделал успешную карьеру. Наиболее известное сочинение на политическую тему — «Совет и советник правителей» (1617 г.), посвященное графу де Лерма. Друг М. де Сервантеса (посвятившего ему «Путешествие с Парнаса»), Лопе де Вега и др. видных интеллектуалов своего времени (*прим. перев.*).

⁴ Lorenzo R. La tradición gallega de la «Crónica general» y de la «Crónica de Castilla». Vol. 1.

⁵ Menéndez Pidal R. Crónicas Generales de España. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. Madrid: Blass y Cia., 1918. P. 149—153; Cintra L. F. Crónica Geral de España de 1344. Vol. 1;

Ае. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 643 (*olim* F-114). Кодекс конца XV в. Состоит из двух частей, различающихся формально и текстологически:

fols. 1—175v: содержит «Расширенную версию» в обратном переводе с галисийско-португальского языка на кастильский; рассказ о правлениях королей от Рамиро I до Бермудо III. Восходит к рукописи *A*, через посредство рукописи *A'*, дополнения и ошибки, содержащиеся в которой, воспроизводит.

fols. 176—183v: Поджо Браччолини¹ «Трактат, который рассуждает о тяжелой жизни, исполненном трудов времяпровождении и печальном положении правителей... каковой трактат перевел Мартин из Авилы»² (*Poggio Bracciolini*). Рукопись состоит из 183 бумажных листов (260 x 200 мм), один из которых (между современными листами 180 и 181) утрачен. Оставлены места для заголовков и инициалов. Содержит заметки на полях. Принадлежала неким Алонсо Мигелю и лиценциату Альфонсо из Валенсии. Рукопись исследована Х. Гомесом Пересом и Д. Каталаном.³

В. Библиотека Саламанкского университета: рукопись 2022 (*olim* II-18, а ранее — 2-B-2, VII-F-2, Библиотека Королевского дворца (Мадрид), кодекс XV в. С точки зрения текстологии можно выделить несколько частей, скопированных разными переписчиками:

fols. 1—6: Оглавление.

fols. 7ra—8rb: Характерный пролог, упорядочивающий начальную часть пролога, написанного при Альфонсо X и «дополненного, главным образом, длинным экскурсом в библейскую историю (о которой сохранилась реминисценция в первой главе хроники) и кратким изложением содержания произведения. Ко второй части пролога времен

Lorenzo R. La tradición gallega de la «Crónica general» y de la «Crónica de Castilla». Vol. 1. P. IX—XXV, XLVII—LVII; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 447; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 335; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 484; *Lilao Franca O., Castrillo González C.* Catálogo de manuscritos de la Biblioteca Universitaria de Salamanca, II. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2001.

¹ Браччолини, Поджо (1380—1459 гг.) — видный итальянский гуманист, писатель, политический мыслитель, собиратель античных рукописей (*прим. перев.*).

² «Tractado que tracta de la cargosa vida e trabajoso estado e angustiosa condiçion de los principes... el qual tractado romanço Martin de Auila».

³ *Gómez Pérez J.* Elaboración de la “Primera crónica general” y su transmisión manuscrita // *Scriptorium*. 1963. T. 17. No. 2. P. 271, nota 17); *Catalán D.* La “Estoria de España” de Alfonso X. Creación y evolución... P. 335; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 484.

Альфонсо X добавляется сообщение об описании мира, составленном Юлием Цезарем». Эта часть рукописи издана Р. Менендесом Пидалем.¹

fols. 9va—121vb: другой переписчик скопировал первую редакцию от ее начала до сообщения о втором годе правления короля Эвриха (PCG. P. 4b₂₆ а р. 242a₇, конец гл. 425) без характерных ошибок для E₁, включив в текст ряд дополнений, свойственных «упрощенной» версии, которая входит в отдельное семейство с рукописями N и Nn, восходя к St.

fols. 121vb—192v: с этого момента (гл. 426), когда меняется рука переписчика, и до конца текст рукописи B происходит от прототипа, к которому также восходят X, U и V, который отразил первую редакцию C вплоть до завершения сообщения о 18-м годе правления Альфонсо II (PCG. Гл. 616. P. 350a₈); эта версия совпадает в продолжении сначала с «Хроникой, сохранившейся фрагментарно» (вплоть до завершения рассказа о царствовании Альфонсо II (PCG. Гл. 627. P. 358b₃₇), а затем — с «Расширенной версией» (от начала правления Рамиро I и до середины второго года царствования того же короля (PCG. Гл. 628—629. P. 358b₄₇—360b₂₈)) и с первой редакцией — вплоть до завершения рассказа о правлении Ордоньо II (PCG. Гл. 629—677. P. 387a₃).

В настоящее время рукопись состоит из 189 бумажных листов (364 x 262 мм.); текст написан в две колонки; нумерация достигает fol. 192, стерта на fols. 74—75 и отсутствует на fol. 101. Заглавия титулов написаны красными чернилами, а инициалы — красными и синими с каллиграфическими росчерками. В рукописи содержатся многочисленные маргиналии, сделанные письмом XVI—XVII вв. Кодекс принадлежал дону Амбросио Суаресу дель Агила,² затем — библиотеке Коллегия «Сан-Бартоломе» в Саламанке. Рукопись исследовалась Р. Менендесом Пидалем, Х. Гомесом Пересом, Д. Каталаном, Ф. Лилао и К. Кастрильо Гонсалес.³

¹ Menéndez Pidal R. *Crónicas Generales de España*. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. P. 24—30.

² Суарес дель Агила, Амбросио — выходец из среды знати г. Хаэна (Андалусия), испанский хронист и специалист по генеалогии, живший в XV в. Длительное время рассматривался как возможный автор «Хроники Энрике IV». См.: Soto Vázquez J., Montes Salas A. *Notas para un crítica textual de la Crónica de Enrique IV // Alcántara*. 2008. No. 68. P. 9—20.

³ Menéndez Pidal R. *Crónicas Generales de España*. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. P. 22—31, nota 9, lámina 5.ª; *Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289 / Ed. R. Menéndez Pidal, con colaboración de A. G. Solalinde, M. Muñoz Cortés y J. Gómez Pérez*. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1955. Vol. 1. P. LVII; Gómez Pérez J. *Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita...* P. 276, nota 28; Catalán D. *De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal*. P. 440; Idem. *De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...* P. 484—485; Lilaо Franca O., Castrillo González C. *Catálogo de manuscritos de la Biblioteca Universitaria de Salamanca*, II.

С. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 12837 (*olim* Сс-36). Кодекс первой половины XIV в. Начинается с пролога «Всеобщей истории» (*General Estoria*.¹ Т. I. Р. 3a₇-b₁₈), за которым следует текст «Истории Испании» (начиная с *PCG*. Р. 4a₁) вплоть до середины сообщения о правлении Альфонсо II (*PCG*. Р. 350a₁₀). Текст копирует рукопись E_1 в ее изначальном состоянии, до того, как из нее были извлечены две последние тетради (включенные в середине XIV в. в искусственный кодекс E_2 [часть E_2 , названная E_{2a}]) и в них были добавлены записи, отсылающие одну рукопись к другой (*PCG*. Р. 320b₈₋₁₁ и 321a₁₋₁₆). Оборванный конец кодекса C не восстанавливается по самой рукописи, 9 строк которой на fol. 148vb не содержат записей, но по ее модели, как показал Д. Каталан.²

Кодекс состоит из 148 пергаментных листов (370 x 270 мм); текст написан в две колонки; в прошлом утрачены листы 30 и 88. Титулы, знаки абзацев и знак астериска написаны красными чернилами, инициалы — красными и фиолетовыми, с каллиграфическими росчерками и выступами маргиналий. Заметки и т. н. «маргиналии» сделаны разными руками. Рукопись описана Х. Гомесом Пересом и Д. Каталаном.³

Cah. Библиотека Королевской академии истории (Мадрид): рукопись 9/5651 (*olim* D-41). Кодекс XV в. Его содержание следующее:

fol. 1r—4r: Оглавление.

fol. 5r—6rb: Пролог такой же, как в рукописи C .

fol. 7r—133vb: Следует первая редакция от ее начала до сообщения о смерти Юлия Цезаря (*PCG*. Р. 4a₁—97a₁₈). С точки зрения текстологии эта часть текста явно связана с представленной в рукописи Cf и, подобно последней, происходит от архетипа первой редакции, не имея ошибок, свойственных тексту в манускрипте E и связанных с ним рукописях, а также в текстологических свидетельствах «упрощенной» версии.

¹ Текст «Всеобщей истории», составленной под руководством Альфонсо X, см. по изданию: Alfonso X. *General Estoria*. Primera parte / Ed. por A. G. Solalinde...; Alfonso X. *General Estoria*. Segunda parte / Ed. por A. G. Solalinde, L. I. Kasten y V.R. B. Oelschläger / 2 vols. Madrid: CSIC, 1957—1961. В 2009 г. вышло в свет новое, полное, издание памятника: Alfonso X el Sabio. *General Estoria*, VI partes (tomos I—IX) / Coord. por P. Sánchez-Prieto. Madrid: Biblioteca Castro. Fundación José Antonio de Castro, 2009.

² *Catalán D*. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal...; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

³ *Gómez Pérez J*. Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 272, nota 20; *Catalán D*. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 440; Idem. *Catalán D*. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 485.

Состоит из 133 бумажных листов (точнее, 134, из-за повторения fol. 85), en papel (323 x 235 мм); текст написан в две колонки. Заглавия титулов и знаки абзацев даны красными чернилами, инициалы выписаны грубо, с сочетанием черного и красного цветов. Встречаются надрывы от пера и заметки на полях. Есть замечание, намекающее на пленение короля Франции Франциска I и его пребывание в плену в Мадриде в 1525 г. (fol. 4v). О кодексе упоминает Д. Каталан.¹

Се. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1526 (*olim* F-102). Кодекс XV в. Содержит текст, известный по изданию в *PCG* от гл. 2 (*PCG*. P. 5a₂) до сообщения о правлении императора Коммода (*PCG*. Гл. 221. P. 155b₄₇). С точки зрения текстологии не имеет вариантов текста, собственных «упрощенной» версии. Состоит из 168 бумажных листов (285 x 205 мм); утрачены два листа между нынешними fols. 105 и 106. Оставлены пробелы для инициалов и заголовков. Принадлежала Мартину Сальседо-и-Сосе, а затем — библиотеке маркизов Монтеалегре, судя по автографу ее администратора Томаса Тамайо-и-Варгаса.² Описание рукописи дано в трудах Х. Гомеса Переса и Д. Каталана.³

Cf. Библиотека Саламанкского университета: рукопись 2684 (*olim* 2-M-1, VII-B-3, II-1793, Библиотека Королевского дворца (Мадрид)). Кодекс XVI в. Состоит из частей, скопированных разными переписчиками:

fols. 1—96r: «История Испании». Начинается с пролога ко всеобщей истории (*General Estoria*. Т. I. P. 3a₇-b₁₈), как и рукопись C, а далее следует текст «Истории Испании», известный по изданию (*PCG*. P. 4a₁), до сообщения о смерти Юлия Цезаря (*PCG*. P. 97a₁₈). С точки зрения текстологии эта рукопись связана с *Cah*, и, подобно ей, восходит к архетипу первой редакции, не включив ошибок, содержащихся ни в манускрипте *E*₁ и рукописях, с ним связанных, ни в текстологических свидетельствах «упрощенной» версии.

fols. 97r—196r (fols. 1—104 в прежней нумерации): от момента после изложения трех причин, по которым Рим захватил власть над ми-

¹ Catalán (1997: 485).

² Тамайо-и-Варгас, Томас (ок. 1589—1641 гг.) — испанский библиофил, издатель и эрудит, гуманист, переводчик. Профессор Толедского университета. С 1626 г. — официальный королевский хронист Кастилии, с 1634 г. совмещал этот пост с должностью официального хрониста Индий. Написал целый ряд исторических трудов. Как переводчик, в частности, подготовил собрание эпиграмм Марциала. См.: *Sierra Matue V. Tomás Tamayo de Vargas y las cartas al cronista Andrés de Uztarroz // Voz y Letra*. 2009. Т. 20. No. 2. P. 137—162 (прим. перев.).

³ *Gómez Pérez J. Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 273, nota 22; Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 485).*

ром (PCG. P. 18b₇₋₂₅), сходится с версией текста «Истории Испании» от сообщения о начале правления императора Августа до конца царствования Константина (PCG. Гл. 122. P. 97a₁₈ до гл. 330. P. 197a₄₂).

fol. 197r—200v: «Представление Отца Нашего».

fol. 202v: «Краткое наставление в вере».

fol. 203r: «Глосса о кредо против иудеев»

fol. 203r: «Глосса Отца Нашего против Климента».

Состоит из XCV + 106 (общее количество — 201) бумажных листов (302 x 210 мм), текст в вытянутую линию; нумерация римскими и арабскими цифрами соответственно; ошибочно пропущены номера 56—59. Рукопись описана Р. Менендесом Пидалем, Х. Гомесом Пересом, Д. Каталаном, Ф. Лилао и К. Кастрильо Гонсалес.¹

Сs. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1865 (*olim* S-225). Кодекс XVIII в. С точки зрения текстологии представляет собой копию рукописи C, отсутствует завершающая часть (от характерного пролога и до места PCG. P. 338a₂₁). Таким образом, косвенно текст восходит к E₁ до того момента, когда из нее были извлечены последние тетради.

Состоит из 628 бумажных листов (366 x 260 мм), текст в вытянутую линию. Информацию об этом кодексе дают Х. Гомес Перес и Д. Каталан.²

E₁. Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале: рукопись Y-I-2. Кодекс XIII в., происходящий из скриптория Альфонсо X. Стал основой для первого тома издания «Первой всеобщей хроники», предпринятого Р. Менендесом Пидалем;³ содержит текст первой редакции «Истории Испании» (ок. 1270—1274) и является текстологическим свидетельством, наиболее близким к архетипу, хотя и не свободным от мелких ошибок переписчика. В настоящее время содержит текст от пролога до сообщения о конце правления Пелайо (PCG. Гл. 565), хотя изначально продолжался до середины царствования Альфонсо II (PCG. Гл. 616. P. 350a₁₀), до того момента, пока из него не изъяли две заключительные тетради,

¹ *Menéndez Pidal R. Crónicas Generales de España. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. P. 35—37, nota 12 y lámina 8.ª; Gómez Pérez J. Elaboración de la “Primera crónica general” y su transmisión manuscrita... P. 273—274, nota 23; Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 485; Lilao Franca O., Castrillo González C. Catálogo de manuscritos de la Biblioteca Universitaria de Salamanca, II.*

² *Gómez Pérez J. Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 272—273, nota 21; Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 491—492.*

³ *Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... (1906, 1955, 1977).*

чтобы добавить их в кодекс E_2 в середине XIV в. Вопреки традиционному представлению о том, что вся рукопись написана одной рукой, в ее создании принимали участие несколько переписчиков.¹

В настоящее время состоит из 197 пергаментных листов (416 x 290 мм); текст в две колонки; также в рукопись входили листы 217 рукописи E_2 , прежде чем они были включены в этот искусственный кодекс. Fol. 197 был добавлен в XIV в. для копирования первых 34 строк, которые были соскоблены с оригинального fol. 197 (ныне fol. 2 кодекса E_2), к которым было добавлено сообщение (PCG. P. 320b₈₋₁₁), отсылающее к рукописи E_2 . Богато иллюстрированный кодекс E_1 включает 6 миниатюр на 7 первых листах, помимо цветных инициалов, включающих фитоморфные и зооморфные элементы. В оставшейся части тома помещены инициалы, украшенные каллиграфическими росчерками красными, синими и фиолетовыми чернилами и оставлено место для миниатюр перед сообщениями о начале правления королей. Декоративное оформление кодекса не было завершено, на что указывает отсутствие некоторых заголовков и незаполненные пространства для миниатюр. Описания рукописи были даны Х. Сарко Куэвасом, Р. Менендесом Пидалем, Х. Гомесом Пересом; всех их превзошел Д. Каталан.² Миниатюры были изучены А. Домингес Родригес.³

E_2 Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале: рукопись X-I-4. Искусственный кодекс, составленный в середине XIV в., в эпоху Альфонсо XI (позднее 1321 и ранее 1344 гг.), вероятно, Фернаном Санчесом из Вальядолида и соединивший материалы разных периодов, чтобы продолжить неполный текст оригинальной рукописи, происходящей из скриптория Альфонсо X, E_1 , как это с подробным обоснованием, не оставившим оснований для сомнений, показал Д. Ката-

¹ Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

² Zarco Cuevas J. Catálogo de manuscritos castellanos de la Real Biblioteca de El Escorial. T. 2. Madrid: Imprenta Helénica, 1926. P. 50—51; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LVII—LVIII; Gómez Pérez J. Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 268—269, nota 12; Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal... P. 440—441; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 485—486.

³ Domínguez Rodríguez A. Miniaturas alfonsíes poco conocidas de un códice escurialense: la «Estoria de España» o «Primera crónica general» (Ms. Y. I.2 de la Biblioteca de El Escorial) // Actas de Primeras Jornadas de Estudios sobre la provincia de Madrid. Madrid, 1980. P. 159—164; Idem. Hércules en la miniatura de Alfonso X el Sabio // Anales de Historia del Arte. 1989. No. 1. P. 91—103.

лан.¹ Текст стал основой для второго тома издания «Истории Испании», предпринятого Р. Менендесом Пидалем (*PCG*); его структура такова:

fol. 1r: Миниатюра времен Альфонсо XI, представляющая короля с мечом в руке, восседающего на троне и окруженного двумя пажимами; заглавие титула дано красными чернилами (*PCG*. P. 321).

fol. 2ra: Замечание, добавленное в XIV в. и отсылающее к тому E_1 (*PCG*. P. 321a₁₋₁₆).

fols. 2rb-17: E_2a . Эта часть состоит из двух первых тетрадей, изначально входивших в кодекс E_1 , из которого они были извлечены для искусственного создания E_2 . Письмо XIII в., идентичное использованному в E_1 , начиная с fol. 155v и далее. Текст, скопированный рукой этого переписчика, продолжается до сообщения о середине правления короля Альфонсо II (гл. 616) и в издании *PCG* занимает P. 321a₂₀—350a₁₀.

fols. 18—22: E_2b . Письмо середины XIV в., идентичное E_2f , которая датируется тем же периодом и с которой совпадает по оформлению инициалов и графическим особенностям. Текст, написанный этой рукой, охватывает финальную часть правления Альфонсо II (*PCG*. P. 350a₁₀—358b₃₇) и относится к первой редакции, хотя и содержит многочисленные ошибки, в ней не встречающиеся.

fols. 23—79, 82—198vc: E_2c . Рукопись XIII в., содержащая оригинальный текст «Расширенной версии 1289 года», охватывающей период от правления Рамиро I до 25-го года царствования Альфонсо VI (*PCG*. P. 358b₃₉-426a₁₈ [fols. 23—79]; P. 429a₃₉-565a₂₉ [fols. 82—198]).

fols. 80—81: Рука корректора XIV в., скопировавшего «Легенду о графине-предательнице» (*PCG*. Гл. 729—732. P. 426a₂₅—429a₃₇), на двух листах, изначально незаполненных в составе E_2c .

fols. 200—256vc: E_2d . Рука середины XIV в., необработанные инициалы красными и синими чернилами; содержит запись рассказа о пребывании Сида в Валенсии, основанного, во-первых, на переведенном в скриптории Альфонсо X сочинении Ибн Алькамы,² а во-вторых — на расширенной версии «Поэмы о моем Сиде», использованной в т. н. «Карденской истории Сида».³ Создание этого текста должно было произойти ранее начала XIV в., поскольку он стал источником для «Сокращенной хроники» инфанта Хуана Мануэля и «Хроники Кастилии». Рассказ об этих событиях в *PCG* занимает страницы 565b₁—643b₇.

¹ *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal...; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

² Абу Абдаллах Мухаммад Ибн аль-Халаф Ибн Алькама — испано-мусульманский историк, живший в XII веке (*прим. перев.*).

³ Связана с кастильским монастырем св. Петра в Карденье (*прим. перев.*).

fols. 257—320: *E_{2e}*. Переписчик этой части текста — тот же, что и *E_{2c}*; текст датируется XIII в., и переписчик точно так же передает «Расширенную версию 1289 года» от сообщения о событиях 42-го года правления короля Альфонсо VI до начала царствования короля Фернандо III (*PCG*. P. 643b₉—719a₄₂).

fols 321—359: *E_{2f}*. Письмо середины XIV в., возможно, то же, что и в *E_{2b}*, которым передается «Частная хроника святого Фернандо».

Рукопись состоит из 359 пергаментных листов (420 x 312 мм); текст дан в две колонки. Неизвестный корректор в XIV в. внес различные поправки и интерполяции в *E_{2c}*: помимо небольшой шлифовки текста, он интерполировал «Легенду о графине-предательнице» на fols. 80—81 (*PCG*. P. 426a₂₀—429a₃₇) и добавил один параграф на fol. 101v (*PCG*. P. 453b₁₇₋₂₉) и другой на fol. 102r (*PCG*. P. 454a₂₇₋₃₇), чтобы дополнить эту легенду некоторыми деталями; кроме того, он дополнил рассказ о королях Арагона, добавив несколько замечаний о короле Альфонсо I Воителе на fol. 123r (*PCG*. P. 476a_{50, nota}), короле Рамиро Монахе на fol. 124v (*PCG*. P. 477b_{50, nota}), а также о завоевании Майорки на fol. 124r (*PCG*. P. 480a_{21, nota}). Внимание на рукопись обращали Р. Менендес Пидаль, Х. Сарко Куэвас, Э. Б. Франклин и Х. Гомес Перес.¹ Их наблюдения могут считаться устаревшими после исследований Д. Каталана, как в плане кодикологии, так и текстологии.²

Eg. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 17769. Кодекс XV в. Содержит первую редакцию, восходящую к *E₁* от пролога и почти до конца сообщения о правлении короля Эгики (*PCG*. P. 3a₁—302a₃₈).

В настоящее время содержит 116 бумажных и пергаментных листов (340 x 270 мм; 6x2); текст дан в две колонки; многие фрагменты текста утрачены. Инициалы выполнены красными и синими чернилами, некоторые — с каллиграфическими росчерками и завершениями, выходящими на поля, другие — без разметки. В первый инициал вписан герб: четыре цветка лилии на красном поле. Заголовки и знаки абзацев даны красными

¹ *Menéndez Pidal R.* La Leyenda de los infantes de Lara // *Idem.* Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 384; *Zarco Cuevas J.* Catálogo de manuscritos castellanos de la Real Biblioteca de El Escorial. T. 3. Madrid: Imprenta Helénica, 1929. P. 2; *Franklin A.B.* A detail concerning scribal peculiarities found in Ms. E of the “Primera crónica” // *Hispanic Review*. 1938. Num. 6. P. 332—336; *Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289...* 1955. Vol. 1. P. LVIII—LIX; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 268—269, nota 12.

² *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 441—442; *Idem.* *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 485—486.

чернилами. Маргиналии сделаны разными руками. Рукопись принадлежала библиотеке Паскуаля де Гайянгоса;¹ исследована Х. Гомесом Пересом.²

Eh. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1487 (*olim* F-160). Кодекс первой половины XVI в. Содержит ту же смесь текстов, восходящих к «Истории Испании», что и E_2 , с которого скопирован.

Состоит из 601 бумажного листа (310 x 215 мм); текст — в вытянутую линию. Содержит большой рисунок, изображающий короля дона Пелайо, сделанный пером и колорированный акварелью, со всех сторон окруженный рамкой, очерченной чернилами и помещенный на двух дополнительных листах перед fol. 1. Письмо разных рук. Рукопись принадлежала Хуронино Сурите, доктору Хуану Баутисте Валенсуэле³ и бухгалтеру Хосе Пулидо. Кодекс исследовал Х. Гомес Перес.⁴

Ei. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1195 (*olim* F-4 у C-86). Кодекс XV в. (датируется периодом 1429—1461 гг.). Содержит историю королей готов, за которой следует замечание, включенное в рукопись E_1 и отсылающее к манускрипту E_2 (PCG. P. 215b₄₆—329b₁₁). Представляет собой прямую или опосредованную копию E_1 и, таким образом, содержит первую редакцию.

Состоит из 108 бумажных листов (410 x 290 мм); текст дан в две колонки. Оглавление, заголовки и знаки абзацев написаны красными чернилами, оставлено место для инициалов. Многочисленные маргиналии. Рукопись принадлежала библиотеке графов Бенаvente, а затем — лицензиату Андресу Гонсалесу де Барсия Клавидо, в 1699 г. являвшемуся королевским адвокатом. Рукопись описали Х. Гомес Перес и Д. Каталан.⁵

¹ Гайянгос-и-Арсе, Паскуаль де (1809—1897 гг.) — испанский историк, филолог, арабист и библиофил, переводчик и нумизмат. Действительный член Королевской академии истории (*прим. перев.*).

² *Gómez Pérez J.* Elaboración de la “Primera crónica general” y su transmisión manuscrita... P. 269—270, nota 14.

³ Валенсуэла Веласкес, Хуан Баутиста (1574—1645 гг.) — испанский церковный, государственный и культурный деятель, известный эрудит и библиофил. Епископ Саламанки (1642—1645 гг.). Юрист, специалист по каноническому праву. В разное время являлся членом Священного королевского совета, главой Совета по Италии, членом Высшего Совета Кастилии, председателем Королевской канцелярии Гранады. См.: *Diccionario bibliográfico español*. Vol. 48. Madrid: Real Academia de la Historia (<http://www.rah.es:8888/ArchiDocWeb-RAH/action/isadg?method=retrieve&id=4788> (дата обращения: 17.07.2017)) (*прим. перев.*).

⁴ *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 270—271, nota 16.

⁵ *Ibid.* P. 269, nota 13; *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 486.

*Е*₁. Библиотека Королевской академии истории: рукопись 11.13.3. Кодекс второй половины XIX в. С точки зрения текстологии представляет собой копию $E_1 + E_2$.

Четыре связки листов, с поправками чернилами, сделанными рукой Паскуаля де Гайянгоса. Об этой рукописи сообщает Х. Гомес Перес.¹

Ф. Библиотека Саламанкского университета: рукопись 2628 (*olim* II-429, 2-E-4 у VII-F-5, Библиотека Королевского дворца (Мадрид)). Кодекс XV в. fols. 1—10: Оглавление.

fols. 1—212: Рассказ начинается с правления Фернандо I и должен был завершиться с окончанием перевода «Готской истории» Родриго Хименеса де Рада (*PCG*. Гл. 802—1049. P. 482b₃₉, 736b₄₉), хотя утрата последнего листа не позволяет видеть завершающую часть текста (он заканчивается в середине гл. 1047 по *PCG* (P. 734b₂₃)).

С точки зрения текстологии, хотя со времен Р. Менендеса Пидалья было принято ошибочно считать *F* текстологическим свидетельством первой редакции (именуемой здесь «упрощенной» версией), возникает ощущение, что в тексте этой рукописи вперемешку представлены разные модели, причем детали их взаимного расположения не выяснены до сих пор: с одной стороны, это «Риторически расширенная версия 1289 года», с другой — фрагменты, вероятно, связанные с первой редакцией, о которой не существует никаких прямых текстологических свидетельств в этой части рукописи; кроме того, составитель был также знаком и с утраченной «Карденской историей Сиды».

Рукопись состоит из 10 + 212 бумажных листов (285 x 195 мм); текст дан в две колонки; утрачен последний лист и fols. 205—207. Инициалы написаны черными чернилами с росчерками красным до fol. 12v; далее для них оставлено место. Заголовки и знаки абзацев даны красными чернилами. Рукопись описывали Р. Менендес Пидаль, Х. Гомес Перес, Д. Каталан, Ф. Лилаго и К. Кастрильо Гонсалес.²

Г. Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале: рукопись X-I-II. Кодекс XV в. С точки зрения текстологии необходимо выделить:

¹ *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 272, nota 19).

² *Menéndez Pidal R.* Crónicas Generales de España. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. P. 19—22, nota 8; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LIX; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 267, nota 10; *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 442; *Idem.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 486; *Lilao Franca O., Castriльо González C.* Catálogo de manuscritos de la Biblioteca Universitaria de Salamanca, II.

fols. IV—29v: Оглавление.

fols. 30r—130v: Воспроизведение первой редакции «Истории Испании» по модели, свойственной рукописям *T*, *Min*, *Z* и др., которые восходят к архетипу без опосредования E_1 . Далее, начиная с сообщения о начале царствования короля Родриго и до рассказа до четвертом годе правления Пелайо (*PCG*. Гл. 552 (P. 306a₃₃) — гл. 564 (P. 319a₃₀)), рукопись *G* содержит собственную вариацию текста, именуемую «Версия, улучшенная после 1274 года» (fols. 30r—38v). Затем, начиная с сообщения о пятом годе правления Пелайо и до конца царствования Бермудо III (*PCG*. Гл. 565—801. P. 482b₃₇), модель текста, представленная в *G*, вновь следует первой редакции, за исключением фрагмента, скопированного из кодекса E_2 (от начала царствования Рамиро I и до первого года правления Альфонсо III (*PCG*. Гл. 628—645. P. 358a₃₉—368b₅₂)), который представлен по «Расширенной версии 1289 года» (fols. 64r—70v).

fols. 131r—274v: От сообщения о начале царствования Фернандо I (*PCG*. Гл. 802) передается «Хроника Кастилии».

Рукопись состоит из 274 бумажных листов (366 x 260 мм), текст дан в две колонки. Заголовки и знаки абзацев написаны красными чернилами. Инициалы даны красными и синими чернилами и перемежаются росчерками пером, за исключением инициала на fol. 30r, который украшен миниатюрой. Сообщения о рукописи содержатся в работах Х. Сарко, Р. Менендеса Пидалья, Л. Ф. Синтры и Д. Каталана.¹

И. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 10134ter (*olim* 10134bis, R-234 и Vit. 2-3). Кодекс конца XIV в. или XV в.; является копией рукописи E_2 в ее современном состоянии, включая поправки, внесенные корректором в XIV в.

Состоит из 202 пергаментных листов (452 x 330 мм); текст дан в две колонки. Кайма выделена цветом и золотом, с изображениями фито- и зооморфных мотивов, в верхней части — герб Леона и Кастилии, поверх соскобленного изображения, под ним — герб маркиза де Сантильяна (fol. 1r). Инициал украшен миниатюрой с грудным изображением Альфонсо X в короне, скипетром и державой (fol. 1r). Инициалы, украшенные

¹ *Zarco Cuevas J.* Catálogo de manuscritos castellanos de la Real Biblioteca de El Escorial. T. 2. P. 457—458; *Menéndez Pidal R.* La Leyenda de los infantes de Lara // Idem. Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 386; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LIX; *Cintra L. F.* Crónica Geral de España de 1344. Vol. 1; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 442; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 336—337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 486.

миниатюрами и декорированные цветом и росчерками сбоку, находятся на fols. 1r и 26r. На fols. 34r, 36r и 37v — незавершенные миниатюры на подготовительном этапе работы. В остальной части кодекса оставлено лишь место для изображений. Заголовки, написанные красными чернилами, а знаки абзацев — красными и синими, находятся на fols. 1—19v и 26r. В остальной части рукописи беспорядочно обозначены некоторые заглавия глав красными чернилами или красными же намечены их контуры, но, как правило, оставлены лишь свободные пространства как для заглавий, так и для миниатюр, знаков абзацев и т. п. Над кодексом *I* работали два переписчика один за другим (fols. 1—70 и fols. 71—202, соответственно). Рукопись *I* принадлежала библиотеке маркизов де Сантильяна, а затем — герцогов Осуны; она представляет собой второй том кодекса, первая — утраченная, — часть которого, насколько нам известно в настоящее время, содержала копию манускрипта *E*₁. Этот первый том, также написанный на пергаментных листах и столь же богато иллюминированный, принадлежал Иньиго Лопесу де Мендоса, маркизу де Сантильяна, и позднее Херонимо Сурита использовал его для составления заметок на полях его собственного печатного экземпляра «Хроники» Окампо,¹ с которым был знаком Гаспар Ибаньес де Сеговия, маркиз де Мондехар. Об этом кодексе сообщается в исследованиях М. Шиффа, Р. Менендеса Пидалья, Д. Катала-на и Х. Гомеса Переса.²

¹ «Хроника» Окампо — издание версии «Истории Испании», предпринятое испанским эрудитом Флорианом де Окампо (ок. 1499 — ок. 1558), официальным хронистом императора Карла I (с 1539 г.). Впервые хроника была опубликована в 1541 г. под названием «Четыре полных части хроники Испании, которую приказал составить светлейший король дон Альфонсо, прозванный Мудрым, где содержатся главные и наиболее известные события и подвиги, которые произошли в Испании с начала ее заселения и почти до времен означенного сеньора короля» (т.н. «Всеобщая хроника Альфонсо X»). В основу сочинения были положены разные хроники, связанные со скрипторием Альфонсо X. Три первые части, вплоть до смерти Бермудо III, короля Леона, содержат текст «Всеобщей упрощенной хроники»; четвертая же часть (названная Д. Каталаном «хроникой Окампо»), включавшая рассказ об истории Кастилии со времен короля Фернандо I, использовала версию текста, отраженную в рукописи *F* (о ней см. выше), в соединении с «Хроникой Кастилии» (ок. 1300 г.), а начиная с правления Альфонсо IX, короля Леона, в основу хроники положена «Частная хроника святого Фернандо». В 1543 г. Ф. де Окампо опубликовал свою собственную «Всеобщую хронику Испании», в 1553 г. дополнил ее пятой книгой, а в 1578 г. хронику продолжил испанский гуманист, историк и археолог Амбросио де Моралес (1513—1591 гг.). См.: *Mar Bustos M. del. Crónica oscampiana // Diccionario filológico de literatura medieval española*. Madrid: Castalia, 2002. P. 351—357 (*прим. nepes.*).

² *Schiff M. La bibliothèque di Marquis de Santillane*. Paris: Lib. Émile Bouillon, 1905 (Bibliothèque de l'École des Hautes Études, CLIII). P. LXIV, 391—393, B-C); *Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955*. Vol. 1. P. LIX; *Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos*. Cuatro estudios

J. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1347 (*olim* F-42). Кодекс 1446 г. Имеет следующее содержание:

fols. 1—24: Оглавление (fols. 1 у 24 были скопированы реставратором более позднего времени).

fols. 25—145r (1—120 ant): Воспроизведение «Расширенной версии» от начала правления короля Фруэлы II и до конца царствования Бермудо III (*PCG.* P. 387a₁₆—482b₃₇).

fols. 145v—496 (120—471 ant): От сообщения о правлении Фернандо I и до смерти Фернандо III текст следует «Хронике Кастилии».

Состоит из 496 бумажных листов (295 x 215 мм); текст дан в две колонки. Заглавия глав и знаки абзацев написаны красными чернилами, оставлено свободное пространство для инициалов. Этот кодекс принадлежал брату Педро де Карвахалю, главному проповеднику Ордена доминиканцев, в 1640 г., Гаспару Ибаньесу де Сеговия, маркизу де Мондехар, около 1700 г., а затем библиотеке короля Филиппа V.¹ Когда рукописью *J* владел маркиз де Мондехар, она не заканчивалась сообщением о смерти Фернандо III, но продолжалась рассказом о правлении Альфонсо X, а, кроме того, существовала ее вторая часть в одном «экземпляре», начало которого содержало сообщение о правлении Пелайо и который продолжался до рассказа о правлении Ордоньо II. Эта первая часть кодекса *J* также являлась копией рукописи *E*₂. О кодексе сообщают Р. Менендес Пидаль и Д. Каталан.²

L. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1298 (*olim* F-88). Написана готическим курсивом XIV—XV вв. Состоит из двух разных частей:

fols. 2—285rb: Содержит первую редакцию текста через посредство ветви, независимой от кодекса *E*₁ и изначально известной как «упрощенная» версия, а впоследствии — как «Версия, улучшенная после 1274 года» (начиная со второй части пролога (*PCG.* P. 4a₂₁) и до третьего года правления Пелайо (*PCG.* Гл. 563. P. 318b₂₁₋₂₅).

sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 442—443; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 487; Gómez Pérez J. Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 270. Nota 15.

¹ Филипп V — первый испанский король из династии Бурбонов (1700—1746 гг.) (*прим. перев.*).

² Menéndez Pidal R. La Leyenda de los infantes de Lara // Idem. Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 385; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LXI; Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 443, 445—446; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 487.

fols. 285v—316v: Передается вторая редакция (или «Критическая версия») от сообщения о четвертом годе правления Пелайо до окончания рассказа о 38-м годе царствования Альфонсо II (*PCG*. Гл. 564—620. P. 354_{a44}, 28-й г. правления в первой редакции). Текст второй редакции из этой рукописи использован при подготовке критического издания второй редакции, осуществленного И. Фернандес Ордоньес,¹ в котором он предстает снабженным комментариями.

В настоящее время рукопись состоит из 313 бумажных листов (296 x 227 мм); текст дан в две колонки; утрачены fols. 1, 300—301, а также, возможно, последние шесть листов [fols. 317—322] последней тетради, поскольку ее окончание выглядит незавершенным. Заглавия глав и знаки абзацев даны красными чернилами, для инициалов оставлено свободное место. Об этом кодексе сообщают сведения Р. Менендес Пидаль, Д. Каталан и И. Фернандес Ордоньес.²

Min. Библиотека университета Миннесоты (Миннеаполис): рукопись Z946.02/fC881. Кодекс начала XV в. С точки зрения текстологии в нем следует выделить несколько частей:

fols. I—Iv: Незавершенное оглавление.

fols. 1r—v: Введение.

fols. 1vb—498r: По большей части текст воспроизводит вариант, представленный в рукописи Z; он содержит первую редакцию от пролога до сообщения о начале правления Алариха, скопированную с манускрипта *E*₁ (вплоть до конца гл. 434) (fols. IV—301r). Продолжение опущено; текст прямо переходит к рассказу о правлении Атанагильда (с гл. 460); изложение продолжается вплоть до сообщения о правлении короля Лиувы (*PCG*. Гл. 479. P. 266b₃₈; fols. 301r—307v), точки, в которой прерывается из-за утраты ряда листов. Эта часть соответствует первой редакции, но в ее варианте, представленном в рукописи Z. Текст возобновляется с рассказа о правлении Фруэлы I (*PCG*. Гл. 592. P. 337b₄₂; fol. 436r) и теперь отходит от модели, общей для рукописей *T*, *G* и *Z*, которая происходит от первой редакции, но не содержит характерных ошибок, свойственных манускрипту *E*₁. Рукопись *Min* продолжается до рассказа о конце правления Альфонсо IV (*PCG*. Гл. 682. P. 389b₈), следуя прототипу *E*₂ в «Расширенной версии 1289 года» в со-

¹ *Fernández-Ordóñez I*. «Versión crítica» de la «Estoria de España»...

² Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LIX; *Catalán D*. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 445; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 487; *Fernández-Ordóñez I*. «Versión crítica» de la «Estoria de España»... P. 27—34, 205—209, особо см.: P. 268.

общении от царствования Рамиро I до первого года правления Альфонсо III (PCG. Гл. 629—645. P. 359b₃₁—368b₄₆; fols. 460r—467v).

fols. 498r—547v: Текст меняет прототип, следуя «Хронике двадцати королей» от последней главы рассказа о царствовании Альфонсо IV (PCG. Гл. 682), которая воспроизводит характерные для «Критической версии» хронологию (шестой год) и формулировку.

Состоит 11 + 547 бумажных листов (280 x 215 мм); текст дан в две колонки. Рукопись сильно испорчена, утрачен целый ряд листов (в том числе, fols. 308—435, 456—459, а также еще два листа за fol. 463 и fols. 468—479, 491—492). Заголовки даны красными чернилами; инициалы украшены цветом и каллиграфическими росчерками и чередуются с незавершенными инициалами, намеченными красным. Рукопись содержит маргиналии. Между fols. 1—307 унциалами даются первые слова многих глав, что окончательно исчезает с fol. 436. Сведения о рукописи дают Х. Гомес Перес, Р. Менендес Пидаль, Л. Л. Коллинз и Д. Каталан.¹

Н. Библиотека Королевского дворца (Мадрид): рукопись II/2063 (*olim* 2-N-1). Кодекс XV в. С точки зрения текстологии в нем следует выделить следующие части:

fols. 1—7: Оглавление.

fol. I: Неполный пролог (PCG. P. 4a₂₁—5a₁₂).

fols. 2v—234v: Содержит первую редакцию до сообщения о конце правления Эвриха (PCG. P. 7b₄₂—244a₄₂), скопированную с рукописи *St*; эта часть текста связана с семейством «упрощенной» версии, восходящей к архетипу вне влияния *E*₁.

Состоит из 7 + 234 бумажных листов (т. е. из 242, из-за повторной нумерации, начиная с fol. 81) (305 x 215 мм); текст дан в вытянутую линию. Инициалы даны красным с каллиграфическими росчерками и ответвлениями сбоку, сделанными синими чернилами (кроме первого большого инициала, написанного синими чернилами с украшениями, данными красным и фиолетовым цветом). Заголовки даны красным, а знаки абзацев в индексе — сочетанием красного и синего. Рукопись происходит из библиотеки графов Гондомар. О ней сообщают Р. Менендес Пидаль, Х. Гомес Перес, М. Л. Лопес-Видриеро и Д. Каталан.²

¹ *Gómez Pérez J.* La «*Estoria de España*» de Fruela II a Fernando III // *Hispania*. 1965. No. 25. P. 519; *Menéndez Pidal R.* La *Leyenda de los infantes de Lara* // *Idem. Obras completas*. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 572; *Collins L. L.* An unknown manuscript of the *Crónica de veinte reyes* // *Scriptorium*. 1979. No. 28. P. 51—60; *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. *Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...* P. 487.

² *Menéndez Pidal R.* *Crónicas Generales de España*. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. P. 31—33, nota 10 y lámina 6.ª); *Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289...* 1955. Vol. 1. P. LX; *Gómez Pérez J.*

Nn. Библиотека Королевского дворца (Мадрид): рукопись II/1264 (*olim* 2—J-3). Кодекс конца XV в. или начала XVI в. Содержит текст первой редакции вплоть до рассказа о правлении Эвриха (*PCG*. P. 5a₉—242b₃₇), восходящий к той же модели, что и *N*.

В настоящее время рукопись состоит из 299 бумажных листов (298 x 215 мм); текст дан в две колонки; первый лист утрачен. Присутствуют заметки и примечания на полях, некоторые из которых, вероятно, принадлежат Херонимо Суристе. Оставлены свободные пространства для заголовков и инициалов. Кодекс происходит из библиотеки графов Гондомар. Сведения о нем дают Р. Менендес Пидаль, Х. Гомес Перес, М. Л. Лопес-Видриеро и Д. Каталан.¹

O-F. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 828 (*olim* F-21). Кодекс XVI в. В его формировании участвовали разные переписчики в разные периоды, а изменения иногда связаны с изменением антиграфа.

fols. 1—24 + 25—83va: Два переписчика один за другим скопировали текст первой редакции «Истории Испании», происходящий из рукописи королевского скриптория *E*₁, от сообщения о начале правления императора Домициана до рассказа о царствовании готского короля Родриго, где на половине прерывается плач об Испании (*PCG*, pp. 139a₂₈—311b₂₅).

fols. 83va—93: Другой переписчик интерполировал «Пространную историю деяний готов» от этого момента до завершения рассказа о 13-м годе правления Альфонсо I (*PCG*. P. 336a₂₆).

fols. 94—127r: От сообщения о 14-м годе правления короля Альфонсо I до 16-го года царствования Альфонсо II второй переписчик вновь скопировал первую редакцию «Истории Испании», восходящую к рукописи *E*₁ в ее изначальном состоянии, до извлечения из нее последних тетрадей (*PCG*. P. 336a₃₁—349b₃₃). Тот же копиист с этого момента свел ее текст с версией «Всеобщей упрощенной хроники», которой следует до рассказа о 14-м году правления Альфонсо V (fols. 98—127).

Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 264—265, nota 3; Catálogo de la Real Biblioteca. T. 11: Manuscritos / Dir. por M. L. López-Vidriero. Vol. 2. Madrid: Patrimonio Nacional, 1995. P. 398; *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 487.

¹ *Menéndez Pidal R.* Crónicas Generales de España. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. P. 33—35, nota^o 11, lámina 7.ª; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 265, nota 4; Catálogo de la Real Biblioteca. T. 11: Manuscritos / Dir. por M. L. López-Vidriero. Vol. 1. Madrid: Patrimonio Nacional, 1994. P. 593—594; *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 487—488.

fol. 128—146: С этого момента текст передает «Пространную историю деяний готов».

Кодекс состоит из 146 бумажных листов (400 x 250 мм); текст дан в две колонки. Оставлено место для заголовков и инициалов. О кодексе сообщают Р. Менендес Пидаль, Д. Каталан, М. дель Мар де Бустос.¹

Q. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 5795 (*olim* Q-66). Кодекс начала XIV в. Содержит первую редакцию от пролога до рассказа о конце правления короля Теодориха (*PCG*. P. 3a₁—241a₃₁), происходящую от текстологических свидетельств, независимых от E₁, и известную как «упрощенная» версия.

Рукопись состоит из 178 пергаментных листов (305 x 205 мм); текст дан в две колонки; два листа утрачены в давний период (один после fol. 100, а другой — после fol. 108). Знаки абзацев и инициалы украшены красными и синими каллиграфическими элементами, так же как и заголовки, написанные красными чернилами. Присутствуют заметки на полях (в их числе — три четверостишия о любви, адресованные некоей даме, fol. 150v). О кодексе сообщают Р. Менендес Пидаль, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.²

Qq. Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале: рукопись Z-III-3 (*olim* V-N-12 у III-B-16). Кодекс XV в. В ней содержатся копии двух сочинений:

fol. 3—15rb: Оглавление + 3 чистых листа без нумерации.

fol. 16—429va: Текст по первой редакции «Истории Испании» от пролога до сообщения о конце правления короля Эвриха (*PCG*. P. 3a₁—244b₄₅), происходящий от семейства текстологических свидетельств, независимых от рукописи E₁, и известного как «упрощенная» версия.

fol. 430—435v: «En el nombre de Dios aqui comiençan los fechos que se fyzieron [en España] en los tiempos pasados en anno e de cada anno su era de commo se ganaron los lugares segund se fallo escripto en vn libro de la disputaçión de sant Agostin e de sant Bernal... En la era de mill e

¹ Menéndez Pidal R. La Leyenda de los infantes de Lara // Idem. Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 405; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 445; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; особенно см.: Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 488; *Bustos M. del Mar.* La «Crónica General Vulgata». Estudio y edición crítica. (Tercera parte, acompañada de la «Vulgata Interpolada») / Tesis doctoral. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 1994.

² Menéndez Pidal (1952: LX), Gómez Pérez (1963: 264, n.º 1); *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 488.

trezientos e treynta e siete annos çerco el rey don [Fe]rrando a Algeziras e gano a Gibraltar».¹ Настоящее завершение текста, попавшее в переплет на fol. 435, проявляется на внешней стороне листа: «En la era de mill e trezientos e setenta e seys annos gano el rey don Alfonso a Oluera a çinco dias del mes de junio e a la torre».²

Кодекс состоит из 435 бумажных листов (273 x 210 мм); текст дан в две колонки; утрачено два листа в начале и еще многие из-за повреждения рукописи. Некоторые инициалы написаны красными чернилами, но для большей части оставлены свободные места. Знаки абзацев даны красным. О кодексе сообщают Х. Сарко, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.³

Р. Библиотека Королевского дворца (Мадрид): рукопись П-2038 (*olim* 2-N-4). Кодекс второй половины XV в., составление которого продолжилось в XVI в. Содержит две части, различающиеся в формальном и текстологическом отношениях:

fols. 1r—437r: Переписчик XV в. скопировал первую редакцию «Истории Испании», восходящую к тексту E_1 в его изначальном состоянии, до удаления из рукописи ее последних тетрадей; далее версия текста в манускрипте *R* прерывается вплоть до сообщения о 16-м году правления короля Альфонсо II (*PCG*. P. 5b₁₇, 349b₃₇). С этого момента изложение продолжается согласно «Всеобщей упрощенной хронике» вплоть до рассказа о царствовании Бермудо III, где завершается сообщением о смерти короля Наварры Санчо Великого (fols. 342r—437r).

fols. 437v—455r: Продолжатель XVI в. излагает «Историю Испании» согласно «Историям деяний готов».

Рукопись состоит из 455 бумажных листов (298 x 205 мм); текст дан во всю страницу; утрачены один лист в начале и один в конце. Оставлено место для заголовков и инициалов. Кодекс происходит из библиотеки графов де Гондомар. О нем сообщают Р. Менендес Пидаль, Д. Каталан, М. дель Мар де Бустос, М. Л. Лопес-Видриеро.⁴

¹ «Во имя Бога здесь начинаются события, происшедшие [в Испании] в прошедшие времена из года в год, как захватывали поселения, как о том написано в книге о диспуте между святым Августином и святым Бернардом... В году эры тысяча и триста и тридцать и седьмом осадил король дон [Фе]рнандо Альхесирас и завоевал Гибралтар».

² «В год эры тысяча и триста и семьдесят шестой захватил король дон Альфонсо Ольверу и еще башню в пятый день месяца июня».

³ *Zarco Cuevas J.* Catálogo de manuscritos castellanos de la Real Biblioteca de El Escorial. T. 3. P. 132; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 265—266, nota 5; *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; *Idem.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489.

⁴ *Menéndez Pidal R.* Crónicas Generales de España. Catálogo de la Real Biblioteca. Vol. 3. P. 131—132, 146, not. 22 y 27, lámina 19.ª; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos.

Сs. Библиотека Сберегательной кассы¹ Саламанки: рукопись 40. Кодекс XV в.

Содержание:

fols. 2—264va: Текст второй редакции «Истории Испании» (т. е. ее «Критическую версию») от пролога до «Истории ... готов», которая доводится до конца правления короля Леона Фернандо II (PCG. P. 217b₂₆—676b₂₉). Этот текст стал основой для изданий «Истории Испании», подготовленных, соответственно, в 1993 г. И. Фернандес-Ордоньес (оно охватывает период от правления Пелайо до царствования Ордоньо II включительно (fols. 70v—118v)) и в 1995 М. де ла Кампа (от правления Фруэлы II до царствования Фернандо II включительно (fols. 118v—264v)).

fols. 264va—325ra: Начиная от начала правления леонского короля Альфонсо IX, как и другие связанные с ним рукописи «Хроники двадцати королей», этот кодекс переходит к изложению согласно сначала «Хронике Кастилии», а затем — «Частной хронике святого Фернандо».

Рукопись состоит из 325 бумажных листов (358 x 260 мм); текст дан в две колонки; первый лист утрачен. Другой рукой в более поздний период красными чернилами вписаны заглавия некоторых глав, которые в иных случаях отсутствуют, как и инициалы. В ранний период не меньше двух переписчиков внесли в рукопись многочисленные заметки и поправки в соответствии с текстом первой редакции. Подробные сведения о кодексе даны И. Фернандес-Ордоньес, М. де Кампа и Д. Каталаном.²

Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 445; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 488); Bustos M. del Mar. La «Crónica General Vulgata». Estudio y edición crítica. (Tercera parte, acompañada de la «Vulgata Interpolada»); Catálogo de la Real Biblioteca. T. 11: Manuscritos / Dir. por M. L. López-Vidriero. Vol. 2. P. 390.

¹ Сберегательная касса (Caja de Ahorros y Monte de Piedad) — особый тип кредитного учреждения, получивший широкое распространение в Испании. В отличие от банков, сберегательные кассы изначально сочетали активную финансовую деятельность с социальной и благотворительной и объединены в Испанскую конфедерацию сберегательных касс (СЕСА). Сберегательная касса в Саламанке возникла в 1881 г.; в числе ее учредителей находились провинциальные исполнительные и представительные власти Саламанки, Саламанкский университет, Провинциальная комиссия по памятникам истории и культуры, Коллегия адвокатов и др. Организация просуществовала до 1991 г., когда слилась со Сберегательной кассой Сории в единую организацию — «Каха Дуэро» (Caja Duero), в настоящее время являющуюся одним из крупнейших кредитных учреждений Испании (*прим. перев.*).

² Fernández-Ordóñez I. «Versión crítica» de la «Estoria de España»...; Campa M. La «Crónica de veinte reyes» y las «Versiones crítica» y «concisa» de la «Estoria de España...»; Catalán D. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489.

St. Королевская библиотека (Стокгольм): рукопись D. 1262a (*olim* Sp. 30, Phil. 69). Кодекс XIV в. Содержит первую редакцию текста от пролога и почти до конца правления Эвриха (*PCG*. P. 3a₁—244a₂₂), напрямую происходящую от архетипа, без опосредования рукописью *E*₁ и характерных подновлений, свойственных семейству, отражающему «упрощенную версию».

В настоящее время состоит из 180 пергаментных листов, последний из которых утрачен. Инициалы и заглавия глав даны красными чернилами. Рукопись принадлежала Херонимо Сурите, графу-герцогу Оливаресу, а позднее — маркизам Эличе.¹ Она была куплена в 1690 г. Ю. Г. Спарвенфельдом,² который передал ее в Королевскую библиотеку в Стокгольме. Данные о кодексе сообщают П. Хёгберг, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.³

T. Библиотека им. М. Менендеса-и-Пелайо (Сантандер): рукопись M-550. Кодекс конца XIV в. или начала XV в. Он содержит первую редакцию «Истории Испании» от пролога к истории готам (*PCG*. Гл. 386. P. 215b₄₆) до того момента, когда прерывается незадолго до завершения рассказа о царствовании Бермудо III (*PCG*. Гл. 800. P. 481b₈). Текст первой редакции, сохраненной в T, восходит к архетипу без опосредования рукописью *E*₁ и относится к ветви, известной как «упрощенная», вплоть до рассказа о правлении короля Эвриха (fols. 1—25va). Начиная с описания начала правления Алариха и до 4-го года царствования Пелайо (*PCG*. Гл. 430—564 включительно) текст воспроизводит модель, общую для рукописей Z, Min, G и др., которые сначала отражают ветвь, именуемую «Улучшенная версия после 1274 года» (*PCG*. fols. 25va—91vb), а начиная с описания 5-го года правления Пелайо и до конца царствования Бермудо III передают текст по первой редакции (fols. 92r—201v). Этот прототип в рукописи *E*₂ иска-

¹ Титул маркиза де Эличе был одним из титулов Оливареса. После его смерти (1645 г.) титул унаследовал его племянник Луис де Аро-и-Гусман (1598—1661 гг.), среди прочих своих титулов носивший и титул 2-го маркиза де Эличе. Следующим (3-м) маркизом де Эличе стал его сын Гаспар Мендес де Аро (1629—1687 гг.). Вскоре после его смерти рукопись, в числе других материалов, была приобретена Ю. Г. Спарвенфельдом (см. ниже) (*прим. перев.*).

² Спарвенфельдт, Юхан Габриэль (1655—1727 гг.) — шведский языковед, славист, дипломат, востоковед, коллекционер исторических документов, приближенный короля Карла XI. Рукопись «Истории Испании» была приобретена им наряду с др. документами в ходе специальной миссии, целью которой было доказать шведское происхождение готам (*прим. перев.*).

³ Högberg P. Manuscripts espagnols dans la bibliothèque suédoises // *Revue hispanique*. 1916. No. 36. P. 393—398; Gómez Pérez J. Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 264, nota 2; *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489.

зил текст от начала правления Рамиро I и до первого года царствования Альфонсо III (PCG. Гл. 628—645. P. 358a₃₉—368b₅₂), привнеся вариант из «Расширенной версии 1289 года» (fols. 120ra—128rb). Рукопись *T* является основой издания первой редакции сообщения о правлениях Фруэлы II и Бермудо III, осуществленной М. де Кампа.¹

Рукопись состоит из 201 пергаментного листа (315 x 248 мм); текст дан в две колонки; утрачены последний лист и парный к нему между fols. 199 и 200, а также листы [110bis] и [118bis], также являющиеся первым и последним в тетради. Заглавия глав написаны красными чернилами, а знаки абзацев и инициалы — красными и фиолетовыми, с каллиграфическими росчерками. Кодекс подразделен на две части, вторая из которых (fols. 92—142) отличается выделением первой главы создания о правлении каждого короля 4—5 строками, написанными унциальным письмом красными и фиолетовыми чернилами и большими инициалами, украшенными каллиграфическими росчерками. О кодексе сообщают Р. Менендес Пидаль, М. Артигас, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.²

To. Библиотека Кастильи-Ла-Манчи (Толедо): рукопись 104. Кодекс конца XV в. Он содержит:

fols. 1 + 5: Заглавие + оглавление и начало пролога (PCG. P. 4a₂₁₋₄₅) письмом XVI в.

fols. 2—188: Передает первую редакцию от пролога до конца правления варварских народов (PCG. P. 4a₄₆—215b₄₆), и его текст происходит от архетипа без опосредования рукописью *E*₁ и с вариантами, свойственными «упрощенной» ветви. Фрагмент заканчивается заглавием, которое предшествует содержанию «Истории ... готов». Вероятно, он восходит к модели, которая явно соотносится с первой частью рукописи *T*.

Рукопись состоит из 193 бумажных листов (295 x 205 мм); текст дан в две колонки. Красными чернилами написаны заголовки и инициалы, следующие за текстом, в котором изначально они исполнялись в красном

¹ *Campa M.* La «Crónica de los veinte reyes» y las «Versiones crítica» y «concisa» de la «Estoria de España»...

² *Menéndez Pidal R.* La Leyenda de los infantes de Lara // *Idem.* Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 386; *Artigas M.* Catálogo de los Manuscritos de la Biblioteca Menéndez y Pelayo. Santander: Tipografía Martínez, 1930. P. 375. Nota 316; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LX; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 267, nota 8; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 443; *Idem.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 337—338; *Idem.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489.

цвете и имели размер, не отличавшийся от основного письма. Происходит из библиотеки инфанта дона Луиса.¹ О кодексе сообщают Ф. Эстеве-Барба, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.²

U. Библиотека Университета «Комплутенсе» (Мадрид): рукопись 158 (*olim* Библиотека Комплутенсе Ильденфонсина (Алькала-де-Энарес)). Кодекс конца XV в. Текст в нем происходит от модели, общей для рукописей B, U и V, которые воспроизводят первую редакцию, происходящую от манускрипта C, пока этот кодекс не был испорчен (в части от начала царствования Альфонсо II (PCG. P. 5a₅₁—350a₈). В дальнейшем этот прототип смыкается с «Хроникой, сохранившейся фрагментарно» (до сообщения о конце правления Альфонсо II (PCG. P. 350a₃₆—58b₃₇), затем — с «Расширенной версией» (от начала правления Рамиро I до середины второго года царствования этого короля (PCG. Гл. 628—629. P. 358b₄₇—360b₂₈) и, наконец, с первой редакцией — вплоть до рассказа о начале царствования Ордоньо II (PCG. Гл. 629—677. P. 387a₃).

Рукопись состоит 1 + 508 (т. е. 1 + 506) бумажных листов (287 x 202 мм); текст дан в две колонки; в ранний период были утрачены fols. 1—3, 5 и 7: в 1567 г. они были заменены текстом «Хроники Окампо» («Всеобщая упрощенная хроника»), написанным в вытянутую линию Хуаном Лопесом де Леонам. Опущена нумерация fol. 308, 314 и 339; повторяется нумерация на fol. 372. Заголовки и знаки абзацев даны красными чернилами, так же как и некоторые инициалы, хотя большая часть из последних не прописаны. Присутствуют маргиналии (знаки и заметки). Кодекс был куплен Хуаном Лопесом де Леонам, капелланом Капеллы Новых королей Толедского собора у книгопродавца А. Кабреры 30 января 1567 г. О кодексе сообщают Х. Вилья-амиль-и-Кастро, Р. Менендес Пидаль, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.³

¹ Луис де Бурбон-и-Фарнезе (1727—1785 гг.) — инфант Испании, шестой сын короля Филиппа V. Изначально для него предполагалась религиозная карьера: уже в 1735 г. Он стал архиепископом Толедо и примасом Испаний, а в 1745 г. — архиепископом Севильи. В 1761 г. оставил духовный сан, к которому явно не имел склонности, возвратился в мир и получил титул графа Чинчона. Являлся видным меценатом; среди прочих, покровительствовал художникам Ф. Гойе и Л. Парету, а также музыканту Л. Боккерини (*прим. перев.*).

² *Esteve-Barba F.* Catálogo de la colección de manuscritos Borbón-Lorenzana, Biblioteca Pública de Toledo. Madrid: Imprenta Góngora, 1942. P. 90. Nota 104; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 266. Nota 6; *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; *Idem.* Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489.

³ *Villa-amil y Castro J.* Catálogo de manuscritos existentes en la Biblioteca de Noviciado de la Universidad Central. Madrid: Aribau y C^a, 1878. P. 69—70, nota 158); *Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en*

U. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 645 (*olim* F-136). Кодекс конца XV в. Содержит первую редакцию от пролога до конца правления императора Антонина Пия (*PCG*. P. 4a₁₆—152b₂₇); текст, при посредстве рукописи *C*, происходит от кодекса из королевского скриптория *E*₁.

В настоящее время состоит из 225 бумажных листов (270 x 205 мм); текст дан в две колонки; утрачены первый лист и, возможно, несколько листов в конце. Также утрачены листы между *fol.* 8 и 9. Заголовки даны красными чернилами, оставлено пространство для инициалов и знаков абзацев (лишь некоторые знаки абзацев вне порядка представлены начиная с *fol.* 163v и далее). Кодекс принадлежал библиотеке герцогов де Уседа в XVII в., а затем библиотеке короля Филиппа V. О нем сообщают Х. Гомес Перес и Д. Каталан.¹

*V*₁. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1343 (*olim* F-41). Кодекс конца XV в. Изначально этот кодекс составлял единое целое с кодексом *V*₂.

fol. 2—245 (2-237 mod.): Фрагмент содержит первую редакцию от пролога до конца описания истории римлян, завершаясь вскоре после изложения первого титула содержания «Истории варварских народов» (*PCG*. P. 4a₄₅—207a₃₉). Текст косвенным образом восходит к кодексу из королевского скриптория *E*₁ через рукопись *C*, от которой берет начало *V*₁.

Рукопись состоит из 236 бумажных листов (305 x 210 мм); текст дан в растянутую строку; первый лист утрачен. Ранняя нумерация перескакивает с *fol.* 69 на *fol.* 80 (*fol.* 71—72 mod.), повторяется нумерация *fol.* 50, опущена нумерация на *fol.* 55. Над рукописью работали разные переписчики (*Va*, *fol.* 2—142, 155—156; *Vb*, *fol.* 143—154, 163—237; *Vc*, *fol.* 157—163). Присутствуют многочисленные маргиналии (заметки и знаки), подчеркивания и поправки; в большинстве своем они сделаны рукой владельца кодекса дона Санчо Уртадо де ла Пуэнте, члена Королевского Совета,²

1289... 1955. Vol. P. LX; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 274—275, nota 25; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 443; *Idem.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; *Idem.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489.

¹ *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 275. Nota 26; *Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489.

² Уртадо де ла Пуэнте, Санчо (1561—1647 гг.) — доктор канонического права, историк и политический деятель. Получил образование в коллегии «Сан-Бартоломе» Саламанкского университета. В 1617 г. был назначен членом Севильской аудиенции. Являлся членом Королевского Совета. Исправил и дополнил «Хроники королей Леона и Касти-

которому он принадлежал до передачи в библиотеку короля Филиппа V. О кодексе сообщают Х. Гомес Перес и Д. Каталан.¹

*V*₂. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 1277 (*olim* F-85). Кодекс конца XV в. Изначально составлял единое целое с кодексом *V*₁. В его тексте следует выделить две части:

fols. 246—409v (1—166 mod.): Содержит первую редакцию от второго титула содержания истории варварских народов до середины правления Альфонсо II, где резко меняет модель на свойственную рукописи *C* (*PCG*. P. 207a₄₁—350a₈), от которой происходит через посредство другого текстологического свидетельства, как и близкие ему по содержанию манускрипты *B*, *X* и *U*. Таким образом, косвенно рассматриваемый текст восходит к оригиналу *E*₁. Это утраченное свидетельство далее примыкает, прежде всего, к тексту, взятому из «Хроники, сохранившейся фрагментарно» (вплоть до сообщения о завершении царствования Альфонсо II (*PCG*. Гл. 627. P. 350a₃₆—358b₃₇)), затем — к заимствованному из «Расширенной версии» (от начала правления Рамиро I до середины второго года правления этого короля (*PCG*. Гл. 628—629. P. 358b₄₇—360b₂₈)), и, наконец, к первой редакции — вплоть до завершения царствования Ордоньо II (*PCG*. Гл. 629—677. P. 387a₃).

fols. 410—478 (167—237 mod.²): Другие переписчики (*Ve*) передают в 1512 г. текст по «Всеобщей упрощенной интерполированной хронике» от времен Альфонсо IV до Бермудо III; этот текст издан в 1994 г. М. дель Мар де Бустос.³

fols. 238—248 mod.: Оглавление, позднее добавленное другим переписчиком.

fol. 251r: Рукописная заметка Санчо Уртадо, владельца и корректора кодекса.

Рукопись состоит из 251 бумажного листа (310 x 220 мм); текст дан в вытянутую линию. Ранняя нумерация повторяется на fols. 270 (fols. 25 и 26 mod.), 271 (27 и 28 mod.) и трижды на fol. 412 (fols. 169, 170 и 171 mod.). Фиксируются руки нескольких переписчиков (*Vb*, fols. 246—279r; *Vd*, fols. 279v—409v; *Ve*, fols. 410—478; *Vf*, fols. 238—248). Присутствуют мно-

лии», в частности — хроники, написанные Педро Лопесом-де-Айяла. См.: Hurtado de la Puente, Sancho // *Añamendi Eusko Entziklopedia* (<http://aunamendi.eusko-ikaskuntza.eus/artikuluak/artikulu.php?id=eu&ar=53749> (дата обращения: 22.07.2017)) (*прим. перев.*).

¹ *Gómez Pérez J.* Elaboración de la “Primera crónica general” y su transmisión manuscrita... P. 275, nota 27; *Catalán D.* La “Estoria de España” de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; *Idem.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489—490.

² Mod. (*исп. numeración moderna*) — в современной нумерации (*прим. перев.*).

³ *Bustos M. del Mar.* La «Crónica General Vulgata». Estudio y edición crítica. (Tercera parte, acompañada de la «Vulgata Interpolada»).

гочисленные маргиналии (замечания и заметки). Кодекс происходит из библиотеки короля Филиппа V в ее первоначальном составе. О нем сообщает Р. Менендес Пидаль, Д. Каталан и М. дель Мар де Бустос.¹

IV. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 8213 (*olim* V-15). Кодекс XVI в. С точки зрения текстологии следует выделить несколько частей:

fols. 1—100: Приводится текст кастильской версии хроники Родриго Хименеса де Рада (*Toledano romanzado*).

fols. 101—109: Начиная с 33-го года правления Альфонсо III и до конца царствования Ордоньо II воспроизводится первая редакция «Истории Испании» (*PCG*. P. 379b₄—387a₁₈), происходящая от кодекса, связанного с рукописями *T*, *G*, *Min* и *Z*.

Кодекс состоит из 109 бумажных листов (302 x 250 мм); текст дан в вытнутую линию. Заглавия глав и первые слова каждой главы даны более крупными буквами, чем в остальной части текста. Данные о кодексе сообщает Д. Каталан.²

X. Национальная библиотека (Мадрид): рукописи 10213 + 10214 (*olim* Ii-113 e Ii-114). Кодекс конца XV в., состоящий из двух томов.

fols. 1—2: Неполное оглавление истории римлян.

fols. 1—337vb (*X*₁) + 338ra-593v (*X*₂): Содержит первую редакцию от пролога до середины правления Альфонсо II, где модель резко меняется на свойственную рукописи *C* (*PCG*. P. 350a₈), к которой *X* восходит наряду с близкими к ней манускриптами *B*, *V* и *U* посредством общего прототипа. Таким образом, косвенным образом эта группа связана с оригинальным кодексом *E*₁. Этот субархетип продолжается сначала «Хроникой, сохранившейся фрагментарно» (вплоть до сообщения о конце правления Альфонсо II (*PCG*. Гл. 627. P. 350a₃₆—358b₃₇), затем — «Расширенной версией» (от начала царствования Рамиро I до середины 2-го года правления этого короля (*PCG*. Гл. 628—629. P. 358b₄₇—360b₂₈), и, наконец, первой редакцией вплоть до описания конца правления Ордоньо II, хотя *X* прерывается незадолго до этого момента (*PCG*. P. 386b₅).

¹ *Menéndez Pidal R.* La Leyenda de los infantes de Lara // *Idem.* Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 405—406, 571—572); *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 443; *Idem.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; *Idem.* Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 489—490; *Bustos M. del Mar.* La “Crónica General Vulgata”. Estudio y edición crítica. (Tercera parte, acompañada de la “Vulgata Interpolada”).

² *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 334; *Idem.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 484, 490.

Рукопись состоит из двух томов, соответственно, 1 + 337 и 256 бумажных листов (282 x 205 мм.); текст дан в две колонки; листы пронумерованы до fol. 593; последний лист утрачен. Заголовки и знаки абзацев написаны красными, а инициалы — попеременно красными и синими на трех первых листах первого тома; в остальной части для них оставлено свободное пространство. Кодекс принадлежал библиотеке герцога Инфантадо и герцога Осуны.¹ Данные о нем сообщают М. Шифф, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.²

Хх. Национальная библиотека (Мадрид): рукопись 7583. Кодекс XV в. С точки зрения текстологии в его составе следует выделить две части:

fols. 1r—101r: Содержит текст по «Истории, сохранившейся фрагментарно», начинающийся с лакуны сразу с третьего года правления Пелайо и продолжающийся до рассказа о конце царствования Альфонсо II (*PCG*. P. 324b₂₇—358b₃₇). Начало оригинального текста следует связать с сообщением о четвертом году правления Пелайо (*PCG*. Гл. 564).

fols. 101r—207v: От начала царствования Рамиро I и до завершения сообщения о начале правления Бермудо III (*PCG*. P. 358b₄₇—468a₆) текст дается по «Расширенной версии».

В настоящее время рукопись содержит 207 бумажных листов (250 x 165 мм); текст дан в две колонки; утрачены пять листов в начале, а также листы между fols. 4 и 5, 12 и 13, 131—132, 197 и 198, а также в завершающей части кодекса. Инициалы раскрашены в красный цвет, некоторые из них украшены каллиграфическими росписями и рисунками; знаки абзацев и заголовки даны красным вплоть до fol. 139r включительно, где художник прервал свою работу. Рисунки на полях: лицо рыцаря (fol. 4v), гербы (fols. 104r и 149r), а также замок (fol. 126r). О кодексе сообщают Х. Гомес Перес, который транскрибировал главы из «Хроники, сохранившейся фрагментарно», а также Д. Каталан.³

¹ Два этих герцогских титула одновременно носили Педро де Алькантара Тельес-Хирон и Бофор Спонтин (1810—1844 гг.), 11-й герцог Осуны, в 1841 г. унаследовавший от умершего бездетным родственника титул 14-го графа Инфантадо, а также его сын Мариано Тельес-Хирон и де Бофор Спонтин (1814—1882 гг.) (12-й герцог Осуны и 15-й герцог Инфантадо). В дальнейшем титулы вновь были разделены (*нрм. перев.*).

² *Schiff M.* La bibliothèque di Marquis de Santillane. P. 395—396; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 274. Nota 24; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 444; *Idem.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; *Idem.* De la silva texual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 490.

³ *Gómez Pérez J.* Leyendas medievales españolas del ciclo carolingio // *Anuario de Filología* (Macaibo). 1963—1964. No. 2—3. P. 7—136; *Idem.* Leyendas carolingias en España //

У. Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале: рукопись У-II-11. Кодекс XV в. С точки зрения текстологии его следует разделить на несколько частей:

fol. 1r—260va: Часть содержит текст первой редакции от пролога до конца правления Эвриха без опосредования рукописью E_{1n} с дополнениями, характерными для семейства, отражающего «упрощенную» версию (PCG. P. 3a_a—244b₄₅). На 12 первых листах текст воспроизведен с переводом на каталонский язык.

fol. 262r—337va: От правления Алариха до третьего года царствования Пелайо (PCG. Гл. 430—563) продолжает воспроизводиться первая редакция, но теперь уже по кодексу E_1 .

fol. 338r—345v: Начиная от четвертого года правления Пелайо и конца его царствования (PCG. Гл. 564 и далее) сохраняется текст по первой редакции с модификациями, характерными для семейства, именуемого «Версия, улучшенная после 1274 года».

fol. 347r—461v. Содержит текст по первой редакции от правления Фавилы (PCG. Гл. 579) до 22-го года царствования Альфонсо V, где он оказывается испорчен (PCG. Гл. 775, página 463b₁₃); в этой части текст является текстологическим свидетельством, близким к архетипу.

Состоит из 461 бумажного листа (287 x 215 мм); текст дан в две колонки; утрачены fol. 66, 117, 179, 199—200, 305, 346 и 435, а также несколько листов в завершающей части. В нумерации дублируется fol. 1. Оставлено место под заголовки и инициалы. О кодексе сообщают Х. Сарко, Р. Менендес Пидаль, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.¹

Z. Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале: рукопись X-I-7 (*olim* II.N. 1 у I.D. 6). Кодекс XV в. (в тексте датирован «mil e quatrocientos e»)² (далее лакуна). С точки зрения текстологии, текст воспроизводит разные модели, а потому следует выделить:

Anuario de Filología (Macaibo). 1965. No. 4. P. 121—193; *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; Idem. D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 490.

¹ Zarco Cuevas J. Catálogo de manuscritos castellanos de la Real Biblioteca de El Escorial. T. 3. P. 30—31; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LX; Menéndez Pidal R. La Leyenda de los infantes de Lara // Idem. Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 385; Gómez Pérez J. Elaboración de la “Primera crónica general” y su transmisión manuscrita... P. 266, nota 7; Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 444; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 490—491.

² «Тысяча четыреста...» (*прим. перев.*).

fols. 1—2rb: Введение, определяющее характер копии.

fols. 2rb—149v: Содержит текст первой редакции от пролога до завершения правления Алариха (*PCG*. р. 3а₃—247b₃₅) (до гл. 436), скопированный с рукописи *E*₁.

fols. 149v—192r: От Гезалеха до четвертого года правления Пелайо (*PCG*. Гл. 437—564) продолжается первая редакция по модели фамилии т. н. «Версии, улушенной после 1274 года».

fols. 192r—259v: От пятого года правления Пелайо и до конца 16-го года царствования Альфонсо V, где она резко прерывается (*PCG*. Гл. 565—769 (Р. 458b₅₀)), следует первая редакция, переданная без опосредования *E*₁, но через прототип, общий с рукописями *T*, *G*, *Min* и др., в который с манускрипта *E*₂, в качестве единственного исключения, была скопирована «Расширенная версия 1289 года» от сообщения о правлении Рамиро I и до первого года царствования Альфонсо III (*PCG*. Гл. 628—645, fols. 213vb—219va).

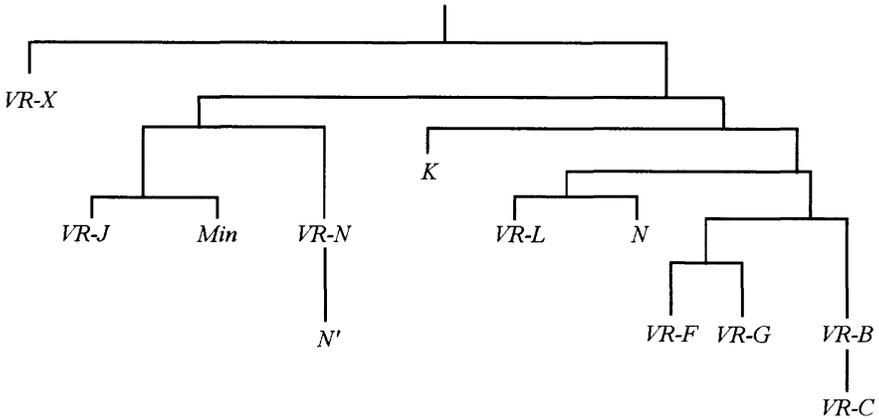
Рукопись состоит из 259 бумажных листов (380 x 260 мм); текст дан в две колонки; утрачено несколько листов в завершающей части. Грубо прописанные инициалы сделаны красными чернилами; оставлено место для заглавий глав. Как утверждается во введении, кодекс *Z* являлся первым томом из трех, которые включали описания периодов от Ноя до Санчо Великого, от Фернандо I до Фернандо III и Альфонсо X до Альфонсо XI. И сохранившийся том, и два другие, ныне утраченные, были написаны по инициативе Бартоломе Мартинеса из Эсихи, на улице Франкос в Севилье. О кодексе сообщают Х. Сарко, Р. Менендес Пидаль, Х. Гомес Перес и Д. Каталан.¹

«Хроника двадцати королей»

Сочинение об истории Испании, традиционно именуемое «Хроника двадцати королей», на самом деле представляет собой группу рукописей, отдельную ветвь «Критической версии», которую она буквально передает и чьей главной особенностью является начало исторического повествования с сообщения о правлении Фруэлы II, которое совпадает с началом

¹ *Zarco Cuevas J.* Catálogo de manuscritos castellanos de la Real Biblioteca de El Escorial. T. 2. P. 454—455; *Menéndez Pidal R.* La Leyenda de los infantes de Lara // Idem. Obras completas. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1971 (reimpresión). P. 386; Primera crónica general de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuó bajo Sancho IV en 1289... 1955. Vol. 1. P. LX; *Gómez Pérez J.* Elaboración de la «Primera crónica general» y su transmisión manuscrita... P. 267, nota 9; *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. P. 444; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución... P. 338; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo... P. 491.

«Хроника двадцати королей»
 («Критическая версия», вторая редакция)

пятой книги «Готской истории» Родриго Хименеса де Рада, и рассказа о появлении судей Кастилии.¹ «Критическая версия» продолжается до хорошо известного окончания, т. е. до завершения правления леонского короля Фернандо II, после которого следуют тексты, сначала по «Хронике Кастилии», а затем — по «Частной хронике святого Фернандо». Известны следующие текстологические свидетельства «Хроники двадцати королей»:

- *VR-B*, рукопись М-549, Библиотека им. М. Менендеса-и-Пелайо (Сантандер), XVI в.
- *VR-C*, рукопись 1507, Национальная библиотека (Мадрид), 1587 г.
- *VR-F*, рукопись 1501, Национальная библиотека (Мадрид), XVI в.
- *VR-G*, рукопись 18146, Национальная библиотека (Мадрид), XVI в.
- *VR-J*, рукопись X-I-6, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале, XV в.
- *K*, рукопись 2211, Библиотека Саламанкского университета, XVI в.
- *VR-L*, рукопись X-II-24, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале, XVI в.
- *Min*, рукопись Z946.02/fc881, Библиотека Университета Миннесоты (Миннеаполис), XV в.
- *VR-N*, рукопись Y-I-12, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале, XV в.
- *N'*, рукопись II-2437, Библиотека Королевского дворца (Мадрид), XVI в.
- *N̄*, рукопись М-159, Библиотека им. М. Менендеса-и-Пелайо (Сантандер), XV в.

¹ Судьи Кастилии (ст. каст. «iueces de Castilla») — первые правители этой области, прямые предшественники кастильских графов (*прим. перев.*).

• *VR-X*, рукопись 1824, Библиотека Саламанкского университета, XV в.

Как убедительно доказал М. де Кампа,¹ рукописная традиция этой «хроники» подразделяется на две ветви: с одной стороны *X*, а с другой стороны — остальные кодексы, происходящие от общей модели, изобилующей лакунами. В рамках этой второй группы можно выделить еще и два основных семейства рукописей: одно, в которое входят манускрипты *VR-J*, *Min*, *VR-N*, *N'* и которое характеризуется отсутствием рассказа о правлении Фруэлы II, и второе, состоящее из рукописей *K*, *VR-L*, *N̄*, *VR-F*, *VR-G*, *VR-B* и *VR-C*, которое стремится заполнить упомянутую лакуну.

«Всеобщая упрощенная хроника»

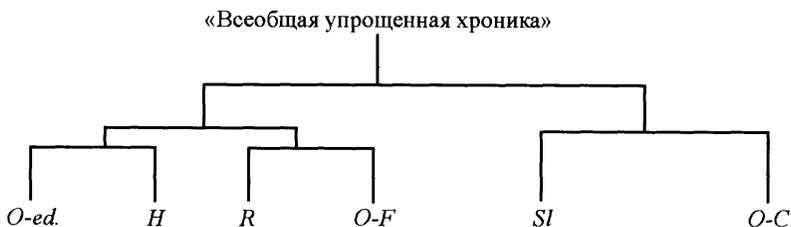
Названная таким образом, поскольку является одной из версий «Истории Испании», напечатанной в 1541 г. Флорианом де Окампо, эта хроника сохранила смешанный текст, который мог быть скомпилирован лишь после середины XIV в. При изложении древней истории и истории готов памятник следует первой редакции «Истории Испании», восходящей к рукописи *E₁* (*PCG*. Гл. 1—565), но начиная с рассказа о правлении Пелайо и до сообщения о последнем короле Леона (*PCG*. Гл. 566—801), где заканчивается эта хроника, «Всеобщая упрощенная хроника» воспроизводит текст второй редакции, хотя и на основе весьма сильно испорченного текстологического свидетельства. В этой второй части составитель «Всеобщей упрощенной хроники» sporadически обращался к рукописи «Изначальной версии», относившейся к семейству, к которому принадлежали манускрипты *T*, *G*, *Min*, *Z* и др., чтобы дополнить данные поэтических текстов, регулярно включавшихся в «Критическую версию».

«Всеобщая упрощенная хроника» сохранилась в следующих рукописных текстологических свидетельствах:

- *O-C*, рукопись Y-I-9, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале, XV в.
- *O-ed.*, «*Las quatro partes enteras de la Crónica de España que mandó componer el Serenissimo rey don Alonso llamado el Sabio... Vista y emendada mucha parte de su impresión por el maestro Florián Docampo, Cronista del emperador rey nuestro señor. Zamora, 1541*».²
- *O-F*, рукопись 828, Национальная библиотека (Мадрид), XVI в.

¹ *Campa M.* La «Crónica de veinte reyes» y las «Versiones crítica» y «concisa» de la «Historia de España»...

² «Четыре полные части хроники Испании, которую приказал составить светлейший король дон Альфонсо, прозванный Мудрым... Просмотренная и улучшенная, главным образом — по его впечатлению магистром Флорианом де Окампо, хронистом господином нашим императором и королем. Самора, 1541».

- *H*, рукопись 10216, Национальная библиотека (Мадрид), XV в.
- *R*, рукопись П-2038, Библиотека Королевского дворца (Мадрид), XV в.
- *SI*, рукопись 39, Сберегательная касса (Саламанка), XV в.

Благодаря исследованиям М. дель Мар де Бустос¹ мы точно знаем организацию текстологической традиции этой хроники и обладаем критическим изданием части текста (от Пелайо до Бермудо III).

«Хроника, сохранившаяся фрагментарно»

Среди всех остальных хроник, позволяющих реконструировать текст «Истории Испании», эта хроника, вне всякого сомнения, полезна своим кратким фрагментом — описанием истории первых астурио-леонских королей от Пелайо до Альфонсо II (в *PCG* соответствует в гл. 564—627). Этого достаточно для того, чтобы уверенно говорить о преемственности наименования «Хроника, сохранившаяся фрагментарно», которое, на самом деле, имеет основание, поскольку изначально составители хроники имели доступ лишь к малой части текста — сохращенному в рукописях *B*, *U*, *V* и *X* рассказу о последних годах правления короля Альфонсо II. Характерным для этой переработки является соединение «Истории Испании» с сочинением, именуемым «Великая история королей мавров, бывших в Африке, которые овладели Испанией», атрибутируемым Сигиберту или Хильберту, которое содержало почерпнутые из эпоса и романов и представленные в прозаической форме легенды о Флоресе и Бланкафлор, Берте и Майнете.² Кроме того, описание было дополнено за счет обращения к компиляции Пелайо Овьедского.

¹ *Bustos M. del Mar*. La «Crónica General Vulgata». Estudio y edición crítica. (Tercera parte, acompañada de la «Vulgata Interpolada»).

² Перечислены персонажи эпических произведений о юных годах Карла Великого, прежде всего — романа «Майнете». Флорес и Бланкафлор (вар.: Флуар и Бланшефлор) — король и королева Венгрии, родители Берты Большеногой, вышедшей замуж за Пипина Короткого. Согласно роману «Майнете» (Майнете — молодой Карл, еще не ставший Великим (франц. Charlemagne)), кормилица Пипина Маргиста в первую брачную ночь поло-

Эта переработка дошла до нас в пяти рукописных текстологических свидетельствах, и все они, кроме того, являются носителями и разных версий «Истории Испании». Это рукописи Хх (единственная, сохранившаяся полностью), В, U, V и X (их краткую характеристику см. выше).

Помимо наиболее полного из существующих исследований об историографической технике того, кто осуществил переработку текста, Д. Каталан представил четкие обоснования преемственности текстологической традиции памятника.¹

«Хроника Кастилии»²

Для получения общих сведений о структуре и рукописной традиции этой хроники сошлюсь на исчерпывающие исследования Х. Б. Креспо и С. Г. Армистеда.³

«Истории деяний готов» («Краткая история (деяний) готов» и «Пространная история (деяний) готов»)

Под этим названием упоминаются два типа хроники Испании, которые объединяются некоторыми общими характеристиками, хотя и не являются полностью идентичными. Они совпадают в том, что имеют

жила на супружеское ложе короля свою дочь Алису (внешне весьма сходную с молодой женой Пипина), тогда как законная супруга Берта была изгнана в лес. Лишь по прошествии времени обман раскрылся и Берта смогла вернуться во дворец и родить законного преемника Пипина — Майнете. Существуют и др. вариации изложенной легенды. См.: Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наблюдение, 1995. С. 67—68, 115—116, 265—266 (прим. перев.).

¹ *Catalán D.* La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución...; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

² Автор опустила специальный разбор этой хроники в настоящем тексте, ограничившись лишь ссылками на литературу. Отметим, однако, что «Хроника Кастилии» или «Хроника королей Кастилии» написана ок. 1300 г. на основе переработки завершающей части «Истории Испании» и включает описание событий от правления кастильского короля Фернандо I до царствования Фернандо III. Важным источником при составлении компиляции стали эпические памятники, связанные с традицией легендарного Родриго Диаса Кампеадора (Сида) — «Песнь о юности Родриго» и «Песнь о Санчо II». Перечень рукописных текстологических свидетельств «Хроники Кастилии» представлен в приложении к настоящей работе (прим. перев.).

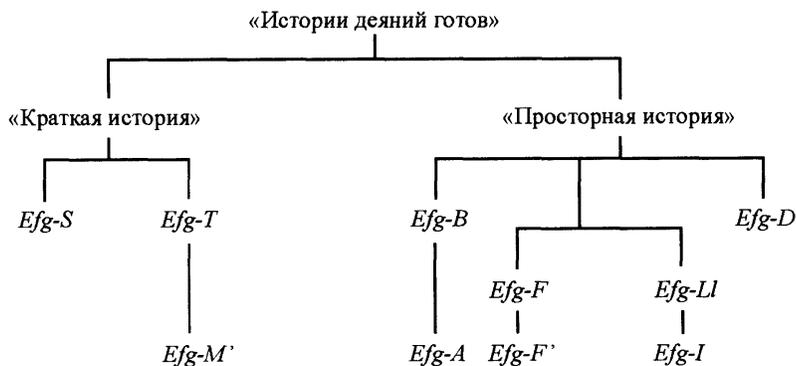
³ *Crespo J.B.* La «Estoria de España» y las crónicas generales // Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Al cuidado de I. Fernández-Ordóñez. Valladolid: Universidad de Valladolid. Centro para Edición de Clásicos Españoles, 2000. P. 122—126; *Armistead S. G.* La «Crónica de Castilla» y las «Mocedades de Rodrigo» // Ibid. P. 163—165.

в качестве основы историческое сочинение, предшествующее времени Альфонсо X — кастильскую версию «Готской истории» архиепископа Родриго Хименеса де Рада, известную как «*Toledano romanzado*», а также в том, что обогащают ее содержание путем обращения к текстологическим свидетельствам «Истории Испании». «Истории ... готов» подразделяются на два семейства не потому, что содержат разные редакции отдельных частей, но по признаку либо спорадического, либо более частого использования текста утраченной рукописи «Истории Испании», которая была тесно связана с моделью, представленной в манускрипте *L*. Следовательно, «Истории ... готов» принадлежат к «упрощенному» семейству или к «Версии, улучшенной после 1274 года», и в описании истории, следующей за правлением Пелайо, они смыкаются с «Критической версией». В то время, как «Краткая история (деяний) готов», в целом, остается более близкой к «*Toledano romanzado*», «Пространная история (деяний) готов» в свободной манере обращается к «Истории Испании» Альфонсо X.

Наоборот, две «истории», «Краткая...» и «Пространная...», полностью совпадают с того момента, на котором в период правления Фернандо III заканчивается их главный источник, кастильская версия «Готской истории». Обе хроники продолжают историческое повествование в своем особом стиле от последних лет царствования Альфонсо X и первых годах Санчо IV, опираясь на «Историю до 1288 года, написанную в форме диалога» («*Historia hasta 1288 dialogada*»).¹ После завершения лапидарного рассказа о конце правления Санчо IV и о царствовании Фернандо IV, хроники кратко излагают «Хронику Альфонсо XI» вплоть до взятия Альхесираса (1344) и приводят прозаическое изложение «Поэмы об Альфонсо XI», вплоть до момента, на котором она завершается. Далее хроники смыкаются с «Севильскими анналами», из которых заимствуют краткие сведения о правлениях королей Педро I, Энрике II, Хуана I, Энрике III и Хуана II вплоть до 1407 г. Таким образом, составление этой смешанной по составу хроники не могло произойти ранее этой даты.

Главные рукописные текстологические свидетельства, в которых сохранилась эта оригинальная хроника, следующие:

¹ «История до 1288 года, написанная в форме диалога» (или «История в форме диалога») — историческое сочинение, созданное в правление короля Санчо IV и отражающее реакцию знати на политические процессы конца царствования Альфонсо X и начала правления его преемника. Отражает события начиная с конца правления Фернандо III. Сохранилась в рукописи 9559 из Национальной библиотеки (Мадрид) в составе «Истории деяний готов». Подробнее см., например: *Sarracino E. P. La «Historia hasta 1288 dialogada» y su relación con la «Crónica de tres reyes» //e-Spania. 18.06.2014 ((дата обращения: 25.07.2017)).*

«Краткая история (деяний) готов»

Efg-S, рукопись 6429, Национальная библиотека (Мадрид), XVI в.

Efg-T, рукопись 7074, Национальная библиотека (Мадрид), XVI в.

Efg-M', рукопись 3606, Национальная библиотека (Мадрид), XVIII в.

«Пространная история (деяний) готов»

Efg-A, рукопись 131, Библиотека Кастилии-Ла-Манчи (Толедо), 1545 г.

Efg-B, рукопись 9563, Национальная библиотека (Мадрид), XV в.

Efg-D, рукопись 9559, Национальная библиотека (Мадрид), XV в.

Efg-F, рукопись 1517, Национальная библиотека (Мадрид), XVI в.

Efg-F', рукопись 1295, Национальная библиотека (Мадрид), XVII в.

Efg-Ll, рукопись II—2981, Библиотека Королевского дворца (Мадрид), XVI в.

Efg-l, рукопись 10154, Национальная библиотека (Мадрид), 1572 г.

Всем, что нам известно о создании этого текста, его датировке, рукописных текстологических свидетельствах «Историй деяний готов», мы обязаны Д. Каталану,¹ который, кроме того, наметил следующую гипотезу относительно генеалогического древа памятника:

«Пространная история деяний готов» была весьма небрежно издана в 1893 г. маркизом де Фуэнсанта-дель-Валье,² взявшим за основу рукопись *D*. Но это рукописное текстологическое свидетельство не является

¹ *Catalán D.* El «Toledano romanizado» y las «Estorias del fecho de los godos del siglo XV // Estudios dedicados a James Homer Herriott, Universidad de Wisconsin. [Madrid], 1966. P. 9—102; Idem. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución...

² Имеется в виду историк и издатель средневековых текстов Фелисиано Рамирес де Арельяно-и-Гутьеррес-де-Саламанка-Баэна-и-Префель, маркиз де Фуэнсанта-дель-Валье

наиболее репрезентативным из существующих, поскольку отличается от остальных заменой изначального описания правления Педро I и продолжением оригинального завершения текста новыми сообщениями о Хуане II, в обоих этих случаях — на основе одного и того же источника, хроники царствования Педро I и Хуана II, составленной, вероятно, Алонсо Диасом де Мон-тальво.¹

«Хроника 1344 года» и «Переработанная хроника 1344 года» (ок. 1400 г.)

Сочинение по истории Испании, которое дон Педру Афонсу, граф Барселуш, написал в середине XIV в., — так называемая «Хроника 1344 года», — основывалось на различных историографических материалах: «Хронологических канонах» Евсевия-Иеронима,² так называемой «Книге поколений» (1258—1270), т. е. версии «*Liber regum*», объединенной в единой интерполяции с «Легендой об избрании Вамбы»³ и «Суммой истории королей Британии»,⁴ собрании хроник Пелайо Овьедского или «Пеллагиевом корпусе»,⁵ переводе на португальский язык «Хроники мавра Раси-

(1826—1896 гг.).

¹ Диас де Монтальво, Алонсо (1405—1499 гг.) — выдающийся испанский юрист (специалист по каноническому и публичному праву) и историк. Из числа составленных им правовых компиляций наиболее известно «Уложение Монтальво» (*Ordenamiento de Montalvo*), обнародованное в 1484 г. и ставшее главным источником права до начала XVI в. включительно. В 1491 г. подготовил комментированное издание «Семи Партид» Альфонсо X, снабдив его отсылками к современному ему праву. Историографическое наследие А. Диаса де Монтальво еще ждет своего исследователя.

² «Хронологические каноны» — вторая часть «Хроники» церковного историка Евсевия Кесарийского (ок. 263—340 гг.), переведенная на латинский язык и продолженная до 379 г. Софронием Евсевием Иеронимом (342—419/420 гг.). Сочинение представляет собой сборник синхронических таблиц, отражающих события мировой истории, начиная от библейского Авраама до 325 г. (Евсевий Кессарийский), а впоследствии — до 379 г. (Иероним). Один из важнейших памятников христианской историографии, оказавший огромное влияние на развитие средневековой хронистики.

³ Об этом сочинении см., например: *Bautista Pérez F. Wamba en el «Libro de las Genealogías» //Edad Media: revista de historia. 2011. No. 12. P. 67—97 (прим. перев.)*.

⁴ Версия «Истории королей бриттов», написанной между 1130 и 1136 гг. Готфридом Монмутским (*прим. перев.*).

⁵ «Пеллагиев корпус» (*Corpus Pelagianum*) — корпус материалов, полностью или частично сфабрикованный начиная с 1119 г. епископом Овьедо Пелайо (ум. в 1153 г.), стремившимся доказать первенство своей кафедры перед кафедрой португальской Браги. Вместе с тем, в состав корпуса, положившего начало архиву овьедского собора, вошел и целый ряд подлинных документов (*прим. перев.*).

са»,¹ осуществленном клириком Жилом Перешем по приказу короля Диниша и др. В этом круге источников, который, кажется, стремился превзойти историографический импульс, исходивший от сочинений Альфонсо X, вне всякого сомнения, не фигурировала ни одна из ранних редакций «Истории Испании». Наоборот, в основу повествования «Хроники 1344 года» были положены в качестве основных источников несколько переводов на галисийско-португальский язык компиляций более позднего периода: «Расширенной версии 1289 года» и «Хроники Кастилии». Кроме того, труд дона Педру представил историю Испании, предшествующую правлению Рамиро I, с которого начиналась «Расширенная версия», в виде очерка наследования престола, сначала — во всемирном масштабе, а затем — применительно к готским и астуру-леонским королям.

Переработка этой хроники, осуществленная около 1400 г. в Португалии, ставила своей целью приблизить текст к модели «Истории Испании» и сделать более емкими сообщения об истории, предшествующей правлению Рамиро I. В результате были активно привлечены к работе один или несколько кодексов, которые содержали «Изначальную версию» и «Критическую версию» «Истории Испании», для дополнения частей «Хроники 1344 года», касавшихся древней истории, а также историй готов и первых астуру-леонских правителей. Текст «Изначальной версии» (происходящий из рукописей «упрощенного» семейства) стал основой для повествования от пролога до времен Юлия Цезаря, а также готской истории вплоть до царствования Эвриха, тогда как «Критическая версия» дала материал для продолжения рассказа — от Алариха до правления астуру-леонского² короля Альфонсо I.

Эта переработка «Хроники 1344 года» стала основой для текстологической традиции, более обширной, чем в случае первоначальной редакции труда дона Педру, сохранившегося лишь в двух рукописных текстологических свидетельствах в кастильском переводе (и в одном из них, манускрипте E, фрагментарно).

¹ «Хроника мавра Расиса» — историко-географическое сочинение, написанное андалусийским писателем из Кордовы Ахмадом ибн Мухаммадом ал-Раси (887—955 гг.). Включало три части: (1) географическое описание Пиренейского полуострова, (2) очерк домусульманской истории Испании, а также (3) хронику истории Аль-Андалуса от мусульманского завоевания до времен правления Абд ар-Рахмана III (912—961 гг.), первого андалусийского халифа из династии Омейядов. В начале XIV в. хроника по приказанию короля Португалии Диниша I (1279—1325 гг.) была переведена на галисийско-португальский язык Жилом Перешем (1279—1325 гг.). Около 1430 г. хроника была переведена с португальского на средневековый кастильский в качестве приложения к «Сарацинской хронике». Позднее этот перевод приобрел характер оригинала, т. к. и арабский оригинал, и перевод Жила Переша были утрачены (*прим. перев.*).

² Так в тексте. Реально этот король управлял только Астурией, но не Леоном, завоеванным христианами позднее (*прим. перев.*).

- *M*, рукопись 2656, Библиотека Саламанкского университета, конец XV в.
- *E*, рукопись &-II-1, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале, XVI в.

Переработанная версия, в противовес этому, дошла до нас в пяти рукописях на португальском языке:

- *C*, рукопись 103, Муниципальная публичная библиотека, Порту, XV в. (фрагмент).
- *Ev*, рукопись CV/2-23, Публичная библиотека, Эвора, XVII в.
- *L*, рукопись I-Azul, Библиотека Академии наук, Лиссабон, XV в.
- *Li*, рукопись 8650, Национальная библиотека, Лиссабон, XVII в.
- *P*, рукопись Port. 4, Национальная библиотека (Париж), 1460—1464 гг.

Кроме того, следует принять в расчет косвенное текстологическое свидетельство четырех рукописей, которое происходит от одного и того же перевода на кастильский язык:

- *Q*, рукописи 10814 + 10815, Национальная библиотека (Мадрид), 1434 г.
- *S*, рукописи M-109, Библиотека им. М. Менендеса-и-Пелайо (Сантандер), XV в.
- *U*, Библиотека маркизов Эредиа Спинола (Мадрид), XV в.
- *V*, рукопись II—875, Библиотека Королевского дворца (Мадрид), XV в.

Достижениями Л. Ф. Синтры (1951—1990) стали выделение двух редакций «Хроники 1344 года», доказательство ее португальского происхождения и авторства, прояснение связей между различными рукописными текстологическими свидетельствами, а также тщательная подготовка критического издания «Переработанной хроники...» (ок. 1400 г.). В тесной координации с ним вышло в свет частичное издание кастильского текста первой редакции, ставшее результатом трудов Д. Каталана и М. Соледад де Андрес.¹ Кроме того, исследования Д. Каталана позволили уточнить особенности конкретных моделей текста и круг источников, использованных при составлении компиляции.²

«Хроника 1404 года»

Эта хроника, написанная на галисийском языке в районе Мондоньедо, возможно — в 1404 г., согласно заметке в завершающей части текста, также возникла из стремления дополнить рассказ об истории Испании, который содержался в переводах на галисийско-португальский язык «Расширенной версии» и «Хроники Кастилии». «Расширенная версия» пред-

¹ Crónica de 1344 / Ed. D. Catalán y M. Soledad de Andrés. Madrid: Gredos, 1970.

² Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal...; Crónica de 1344...; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...

ставлена в соответствии с текстом в кодексе, происходящем от рукописи A_1 , но не от нее самой, тогда как «Хроника Кастилии» была скопирована напрямую с манускрипта A_2 . История, предшествующая царствованию Рамиро I, — то место, с которого начинается «Расширенная хроника», — взята из кодекса, содержащего «Критическую версию» и родственного тому, который был использован для составления «Переработанной хроники 1344 года». Авторы «Хроники 1404 года» использовали эту «версию» с начала изложения истории варваров до второго года правления Альфонсо I; и она является важным косвенным текстологическим свидетельством рассматриваемого текста. Наоборот, описание истории предшествующего периода было осуществлено в опоре на «Пелагиев корпус» и (лишь точно) на наваррскую «Книгу поколений» (*Liber Regum*). Царствования, последовавшие за правлением Санчо IV, на котором заканчивался рассказ в тексте, содержащемся в рукописи A_2 , т. е. королей от Фернандо IV до Энрике III (до 14-го года его правления (1404 г.)), были описаны самим компилятором, не использовавшим ни один из ныне известных источников.

О «Хронике 1404 года» сохранилось лишь два текстологических свидетельства. В рукописи E на кастильский язык переведен весь оригинальный галисийский текст, тогда как эта трансформация затронула в манускрипте V или *Vindel* лишь первую часть хроники.

- E , рукопись X-I-8, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эскориале, XV в.
- V , рукопись B-2278, Библиотека Общества испанистов Америки (*Hispanic Society of America*) (Нью-Йорк), XV в.

Мы обязаны Х. И. Пересу Паскуалю единственным критическим изданием этой хроники, пусть даже частичным, а также Д. Каталану, исследовавшему происхождение текстов разных моделей, использованных для составления памятника.¹

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рукописи «Хроники Кастилии»

A 8817, Национальная библиотека (Мадрид) (перевод на галисийско-португальский язык).

* A Утраченная рукопись; источник «Хроники 1344.»

B 326 (*olim* 1582), Национальная библиотека (Париж).

¹ *Pérez Pascual J. I. Crónica de 1404 / Tesis doctoral. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1990; Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal...; Crónica de 1344...; Catalán D. La «Estoria de España» de Alfonso X. Creación y evolución...; Idem. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo...*

- * *C* Утраченная рукопись: цитируется Франциско Де Берганца.
CH 830 (*olim* F-32), Национальная библиотека (Мадрид).
D 220 (*olim* 166), Национальная библиотека (Париж).
E II-758 (*olim* 2-L-4), Библиотека Королевского дворца (Мадрид).
G X-I-II, Королевская библиотека Монастыря св. Лаврентия в Эско-
риале.
J 1347 (*olim* F-42), Национальная библиотека (Мадрид).
K Add. 25690, Британская библиотека (Лондон).
**Le* Утраченная рукопись, Императорская публичная библиотека;
1922 г. — передана Польше; уничтожена в 1939 г. в Варшаве.
M 321, Библиотека им. М. Менендеса-и-Пелайо (Сантандер).
N 10210 (*olim* I-i-53), Национальная библиотека (Мадрид).
**O* Утраченная рукопись, изданная Флорианом де Окампо.
P 12 (*olim* 9988), Национальная библиотека (Париж).
Ph 1396 (*olim* F-119), Национальная библиотека (Мадрид).
R 2303 (*olim* Biblioteca Real 1075 у 2-J-2), Библиотека Саламанкского
университета.
S 1810 (*olim* G-123), Национальная библиотека (Мадрид).
T 7403 (*olim* T-186), Национальная библиотека (Мадрид).
U Eg. 288, Британская библиотека (Лондон).
V Lat. 4798, Ватиканская библиотека (Рим).
Y 8539 (*olim* V-440), Национальная библиотека (Мадрид).
Z 16-99, Библиотека графа Эредиа Спинола (ранее — Библиотека
им. Ф. Сабалбуру) (Мадрид).

Перевод с испанского О. В. Аурова

Глава 7

АЛЬФОНСО X МУДРЫЙ В ЗЕРКАЛЕ ХРОНИСТИКИ
КОНЦА XIII — НАЧАЛА XIV ВЕКОВ¹

После смерти Альфонсо X, случившейся в Севилье, 4 апреля 1284 года, его скрипторий резко прекратил свою деятельность, работа над целым рядом проектов, в том числе историографических, была приостановлена. Причиной тому, по утверждению Д. Каталана, стало прекращение финансирования этих работ со стороны нового короля — Санчо IV Храброго (1284—1295 гг.).² Должно было пройти несколько лет, прежде чем этот монарх, при активном участии своей жены — королевы Марии де Молина, — вновь обратился к разработке текстов исторического, этико-идеологического и правового содержания и, как следствие, к оплате трудов их авторов.³ Именно тогда, около 1289 года, была продолжена «История Испании», изложение событий в которой при Альфонсо X было доведено только до короля Леона Фернандо II (1158—1188). При Санчо IV повествование «Истории Испании» было дополнено правлениями последующих королей и завершено рассказом о смерти и погребении Фернандо III Святого.⁴ Однако ни в одной официальной хронике, вышедшей из двора Сан-

¹ Текст опубликован под названием «Альфонсо X в отражении средневековой историографии: конец XIII — начало XIV в.» в издании: Исторический вестник. 2015. № 12. С. 316—353.

² *Catalán D.* El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // *Romanía*, 84 (1963), P. 354—375; *Funes L.* Una versión nobiliaria de la historia reciente en la Castilla post-alfonsí: la *Historia hasta 1288 Dialogada // *Revista de Literatura Medieval*. XV/2 (2003), pp. 71—83.

³ Обзор письменной культуры двора Санчо IV и основных произведений, созданных в период его правления, см., например, в работе: *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana. Vol.1. La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano. Madrid, 1998, P. 853—1092; роль королевы Марии в развитии историографических проектов при дворе Санчо IV особо подчеркивается на стр. 959—979.

⁴ О генезисе «Истории Испании», соотношении ее различных версий и, шире, об историографической технике сотрудников скриптория Альфонсо X, написано достаточно

чо IV, не было сказано ничего о правлении его отца, короля Альфонсо X Мудрого.

Подобное молчание, было оно умышленным или спонтанным, может создать впечатление, что Альфонсо X появился в зеркале историографии только в середине XIV века, в правление своего правнука, Альфонсо XI, когда была создана знаменитая «Хроника Альфонсо X».¹ Однако подобное впечатление будет обманчивым, поскольку информация о правлении Альфонсо X и о его личности фиксируется в ряде нарративных источников, написанных вне королевской канцелярии как в правление самого *Мудрого короля*, так и при его сыне, внуке и правнуке, и, впоследствии, оказавших влияние как на названную выше «Хронику Альфонсо X», так и на исторические памятники последующей эпохи. Значительная часть упомянутых хроник и иных исторических сочинений привлекалась в разное время исследователями жизни Альфонсо X для установления или уточнения каких-либо деталей биографии кастильского монарха, однако, как правило, они играли роль вспомогательных источников, уступая актовому материалу, привлекавшемуся в качестве основного источника.² Единствен-

большое количество исследований. Чтобы не перегружать статью, я сошлюсь лишь на несколько основных работ, без учета которых уже нельзя представить себе исследования по исторической культуре эпохи Мудрого Короля. Прежде всего, это статья И. Фернандес Ордоньес и подготовленная ей же коллективная монография: *Fernández-Ordóñez I. La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama // Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale*, 18—19, 1993—1994, P. 101—132; *Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / Ed. por I. Fernández-Ordóñez*, Valladolid, 2000. Также следует отметить две ставших уже классическими книги Д. Каталана: *Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución*, Madrid, 1992; *Id. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo*, Madrid, 1997; названные работы хороши еще и тем, что в них проводится тщательный анализ всей предшествующей им исследовательской традиции.

¹ *Crónica de Alfonso X según el ms. II / 2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) / Edición, transcripción y notas por Manuel González Jiménez. Índice por Mª A. Carmona Ruiz. Murcia, 1998.*

² На исследовании документов Альфонсо X с привлечением в качестве вспомогательных источников правовых текстов его эпохи, а также разнообразных анналов и хроник построены все наиболее серьезные биографии Альфонсо X, написанные А. Бальестеросом, М. Гонсалесом-Хименесом, Дж. Келлером, Дж. О'Кэллехеном и Х. Сальвадором Мартинесом: *Ballesteros Beretta A. Alfonso el Sabio*. Barcelona, 1984; *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio*. Barcelona, 2004; *Keller J.E. Alfonso X, El Sabio*. New York, 1967; *O'Callaghan J.F. El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla / Trad. esp. por M. González Jiménez*. Sevilla, 1999; *Salvador Martínez H. Alfonso X, el Sabio. Una biografía*. Madrid, 2003. Исключением из этого ряда смотрится блестящее биографическое исследование Дж. О'Кэллехена, написанное на материалах анализа «Кантиг св. Деве Марии»: *O'Callaghan J. F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria. A Poetic Biography*. Leiden: Brill, 1998.

ным исключением из этого утверждения смотрится статья барселонского исследователя Акилино Иглесиас, подробно исследовавшего отражение законодательной деятельности Альфонсо Мудрого в испанских исторических сочинениях Средних веков и Нового времени.¹

В своей статье я делаю попытку проанализировать образ Альфонсо Мудрого, сложившийся именно в нарративных источниках. Разумеется, он будет дальше от реальности, нежели тот, который можно построить, читая его документы, но представляется, что эти источники — хроники, анналы, памятные записки и т. д. — и формировали картину исторической памяти для большинства людей Средневековья, а значит, именно по ним образованная публика Пиренейских королевств создавала себе впечатление об одном из наиболее ярких своих королей.² В ряду малых и больших хроник, историй и анналов, в которых освещается в той или иной мере жизнь и правление Альфонсо Мудрого, совершенно особое место занимает посвященная ему «Хроника Альфонсо X», составленная Фернандо Санчесом де Товаром в первой половине 40-х годов XIV века. До нее не существовало ни одного обобщающего текста, посвященного *Мудрому королю*, зато после нее уже ни один историк, автор хроники или любого другого текста, не мог обойтись без этого произведения, говоря о знаменитом кастильском монархе. Таким образом, вся средневековая историография, содержащая сколь-нибудь значимую информацию об Альфонсо X, совершенно логично распадается на три блока: а) хроники и анналы, созданные до «Хроники Альфонсо X»; б) собственно, сама эта хроника и подготовительные материалы к ней; и в) разноплановые исторические сочинения, созданные после ее завершения, в период с середины XIV по начало XVI века. Эта статья первая из цикла, и посвящена она анализу отражения Альфонсо X в историографических памятниках, составленных до появления на свет «Хроники Альфонсо X», то есть в период с середины XIII века и до начала 40-х годов следующего столетия.

Следует заметить, что проведение этого исследования было бы невозможно без поддержки и помощи со стороны коллег, консультировавших меня и предоставлявших в мое распоряжение свои материалы, в том числе и рукописные. Я благодарен им всем, и было бы несправедливо не упомянуть их в начале этой статьи. Профессор Автономного университета (Мадрид, Испания) Инес Фернандес-Ордоньес (*Ines Fernández Ordóñez*) лю-

¹ *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // *HID*. 1982. Т 9. P. 9—104.

² По причине, прежде всего, ограниченного объема статьи, исследование построено на материалах именно кастильских хроник, за единичными исключениями. В данной работе не используются ни французские, ни провансальские, ни итальянские источники, сохраняющие данные об Альфонсо X. Остаются за кадром и арабские анналы, в которых *Мудрый король* также оставил свой след. Исследование этих источников является делом будущего.

безно предоставила в мое распоряжение материалы, использовавшиеся ей при подготовке издания «Всеобщей истории» Альфонсо Мудрого, включая текст самого этого издания, а доцент университета Дархэма (Великобритания) Мануэль Ихано (*Manuel Hijano*), великодушно откликнувшись на мою просьбу, помогал мне консультациями, прислал текст своей диссертации, а также, что невозможно переоценить, свою транскрипцию Бирмингемской рукописи «Истории деяний готов», нигде на сегодняшний день не опубликованную. Но особенно многим я обязан заслуженному профессору университета Севильи, дону Мануэлю Гонсалесу Хименесу (*Manuel González Jiménez*), общение с которым, вышедшее далеко за рамки консультаций, имело для меня огромное научное и человеческое значение.

* * *

Источники, созданные или завершённые в означенный период, достаточно обильны. Среди них необходимо назвать следующие: сочинение Родриго Хименеса де Рады «Об испанских делах»¹ и «Всемирную хронику» Луки Гуйского,² Хрониконы Карденьи I и II,³ Толедские анналы II и III,⁴ «Анналы инфанта Хуана Мануэля»,⁵ «Хронику заселения Авилы».⁶ Сюда же следует добавить «Первую всеобщую хронику»,⁷ завершённую при Санчо IV и содержащую ценную, хотя и достаточно немногочисленную информацию об Альфонсо X в то время, когда он еще был инфантом. Дополнить эту группу можно латинской «Хроникой королей Кастилии», написанной Хофре де Лоайсой,⁸ анонимными анналами правления Альфонсо X,⁹ основное ядро которых было составлено, согласно опубли-

¹ Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / Ed. J. Fernández Valverde. Turnhout: Brepols, 1987 (= Rod.Tol.)

² *Lucae Tudensis* Chronicon mundis / Ed. E. Falque. Turnhout: Brepols, 2003 (= Luc.Tud.)

³ Chronicon de Cardeña // España Sagrada. Vol. 23/ Por E. Florez. Madrid, 1767. P. 370—380 (= Card. I / Card. II)

⁴ Anales Toledanos // España Sagrada. Vol. 23 / Por E. Florez. Madrid, 1767. P. 401—423 (= Tol. II / Tol. III)

⁵ Chronicon del Excelentísimo señor D. Juan Manuel, hijo del infante D. Manuel // España Sagrada. Vol. 2 / Por E. Florez. Madrid, 1754. P. 213—222 (= Anales JM)

⁶ Crónica de población de Ávila / Ed. e ind. por A. Hernandez Segura. Valencia, 1966

⁷ Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955. (= PCG)

⁸ *Jofré de Loaysa*. Crónica de los reyes de Castilla Fernando III, Alfonso X, Sancho IV y Fernando IV (1248—1305) / Edición, traducción, introducción y notas de Antonio García Martínez. 2ª edición. Murcia, 1982.

⁹ *González Jiménez M.* Unos anales del reinado de Alfonso X // BRAH. 192 (1995). P. 461—491 (= Anales)

ковавшему их М. Гонсалесу Хименесу, в правление Санчо IV и, разумеется, историческим сочинением, называемым, с легкой руки Д. Каталана, «Историей в диалогах до 1288 года».¹ Наконец, сюда же следует добавить и еще один небольшой, но весьма примечательный текст несколько иного плана, чем предыдущие — краткую биографию Альфонсо X, составленную около 1278 г. для наследного инфанта Санчо французским теологом Хуаном Хилем де Самора,² автором знаменитого труда «О восхвалении Испании». Я сознательно не перечисляю здесь еще некоторое количество местных анналов и хроник, поскольку единственная информация об Альфонсо X, которую они содержат — это сообщение о том, что он стал королем.

Для удобства обращения перечисленные тексты представляется целесообразным разбить на три группы. Первая из них объединит в себе сочинения, повествующие об Альфонсо в бытность его наследным инфантом и не затрагивающие, по тем или иным причинам, событий его правления. Сюда следует отнести исторические труды Родриго Толедского и Луки Туйского (второй — с его кастильским продолжением), «Первую всеобщую хронику», а также «Толедские анналы II». Во вторую группу можно включить «Хрониконы Кардени I и II», а также «Толедские анналы III», так называемые «Анналы инфанта Хуана Мануэля» и «Хронику заселения Авилы», повествование которых, как будет показано ниже, охватывает правление Альфонсо X частично или полностью, но в силу ряда объективных причин, связанных, прежде всего, с жанровыми ограничениями анналов, затрагивает лишь некоторые события из него, показавшиеся составителям анналов достойными внимания. Наконец, в третью группу войдут «Анналы правления Альфонсо X» и латинская биография монарха, составленная Хуаном Хилем де Самора, описывающие последовательно все правление Альфонсо Мудрого, с большей или меньшей степенью подробности останавливаясь на конкретных событиях. От произведений второй группы их отличает, во-первых, жанровое своеобразие, а во-вторых, то, что для их авторов Альфонсо X был, безусловно, основным или, по крайней мере, одним из основных героев их повествования.

Разбору хроники Хофре де Лоайсы, также известной, как «Хроника королей Кастилии», и «Истории в диалогах до 1288 года», несмотря на то, что они вписываются в хронологические рамки, заявленные в данной статье, я посвящаю отдельную работу. Причина подобного решения прежде всего в том, что эти источники, наряду с «Хроникой Альфонсо X», формируют ту базу, на которой потом будет развиваться вся последующая историографическая традиция, относящаяся к Альфонсо Мудрому поло-

¹ *Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X...* P. 248—268.

² *Fita F. Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora* // BRAH, 5, 1884. P. 308—328 (= Bio.)

жительно, вслед за Хофре де Лоайсой, или отрицательно, наследуя пафос двух других произведений. Уже поэтому эти тексты следует разбирать в непосредственной связи с «Хроникой Альфонсо X», сопоставляя их свидетельства между собой и выстраивая взаимосвязи между ними.

* * *

Анализ текстов первой группы логично открыть рассмотрением двух наиболее крупных латинских историографических проектов Пиренейского полуострова — леонской «Всемирной хроники» Луки Туйского и кастильской «Готской истории» Родриго де Рады. С одной стороны, именно они стали основными источниками как для «Первой всеобщей хроники», так и, в случае с «Готской историей», для Толедских анналов II.¹ С другой же, именно в них, по очевидным причинам, содержится наименьшее количество информации об Альфонсо X. Поскольку Лука Туйский довел свою хронику до 1237 г., а Родриго де Рада — до 1243, то Альфонсо и так мог фигурировать у них обоих лишь в качестве наследного инфанта; при этом туйский каноник ограничился лишь указанием его в числе детей Фернандо III и королевы Беатрис,² тогда как толедский митрополит, помимо аналогичного упоминания,³ отметил еще брак Альфонсо с дочерью арагонского короля Хайме I Виолантой⁴ и участие наследного инфанта в покорении округи Кордовы в 1241 году.⁵

«Толедские анналы II», в составлении которых, по мнению Э. Флореса, мог принимать участие сам митрополит Толедо Родриго де Рада,⁶ об-

¹ См. Об этом вступительные замечания Э. Флореса к Толедским анналам II: *Anales Toledanos // España Sagrada / Por E. Flórez*. Madrid, 1767. P. 363—364

² *Luc. Tud.* IV. 93: *Duxit namque uxorem ex imperiali genere Romanorum Deo deuotissimam feminam nomine Beatricem, ex qua genuit Adefonsum, Fredericum, Fernandum, Philippum, Henricum, Sancium, Emanuelem, Alienor, Berengariam et Mariam.*

³ *Rod. Tol.* VIII. 12: *Suscepit autem rex Fernandus ex uxore sua gratissime Beatrice filios hic notatos: Aldefonsum primogenitum, Fredericum, Fernandum, Henricum, Philipum...*

⁴ *Rod. Tol.* VI. 5: *Hic, ut diximus, [rex Iacobus] a prima uxore per Ecclesiam separatus, duxit aliam nomine Yolesam filiam Andree regis Vngarie et Yolese regine, qua fuit filia Petri imperatoris et Yolese imperatricis Constantinopolitanensis, qui erant de genere regum Francorum; et ex hac uxore suscepit filiam nomine Yolesam, quam dedit uxorem domino Aldefonso primogenito regis Fernandi, qui Castelle, Toletto, Legioni, Gallecie, Cordube, Lusitanie et Murcie principatur.*

⁵ *Rod. Tol.* VIII. 18: *Verum rex Fernandus cum filiis suis Aldefonso et Fernando, qui tunc in flore adolescencie letabantur, Cordubam est reuersus, et in aduentu suo multa castra Sarracenorum, que Christianorum incuribus et intestinis cedibus longo tempore tabescebant, uolentes colere pacifice terras suas pactis interpositis se regis dominio tradiderunt.*

⁶ *Anales Toledanos // España Sagrada / por E. Flórez*. Madrid, 1767. P. 363—364.

ращаются к личности будущего Альфонсо X только трижды. Первое упоминание приходится на 1221 г. и содержит новость о рождении первенца у короля Фернандо и королевы Беатрис, второе и третье датируются 1243 и 1244 годами соответственно, и речь в них идет о покорении наследным инфантом королевства Мурсии и взятии городов Мула и Лорка.

Здесь же можно упомянуть и кастильскую версию «Всемирной хроники» Луки Туйского,¹ составленную, по всей видимости, в конце XIII — начале XIV века. Во всех рукописях этого текста к хронике Туйского каноника дописаны еще 9 глав, посвященных кампании Фернандо III по взятию Севильи, смерти этого короля и возведению на престол Альфонсо X.² Дописаны они были, по мнению Х. Гонсалеса, разделяемому М. Гонсалесом Хименесом, — в конце XIV или даже в XV в.³ Я, со своей стороны, склоняюсь к тому, чтобы уточнить эту датировку в пользу более позднего происхождения кодекса, полагая, что рассматриваемые главы были добавлены в кастильскую версию «Всемирной хроники» в самом конце XV или, скорее, в начале XVI века. Причины этого уточнения я изложу чуть ниже, при анализе рассказа о коронации Альфонсо X. Автор девяти добавленных глав был далек как от Севильи, так и от королевской канцелярии — материал для своего рассказа он черпал, по всей видимости, из утерянной ныне хроники Пелайо де Коррала, магистра ордена Сантьяго при Фернандо III,⁴ другой информацией не владел или практически не владел, что и обуславливает относительно низкую ценность этого источника. Так, он совершенно не упоминает кампанию Альфонсо X по завоеванию королевства Мурсии, мало — по сравнению с той же «Первой всеобщей хроникой» — рассказывает о его участии в севильской кампании. Единственный фрагмент этой хроники, интересный мне в рамках данной статьи, — это рассказ о провозглашении Альфонсо X королем после смерти его отца, когда «он принял скипетр королевства».⁵

Согласно последней главе хроники, сразу после того, как тело его отца, Фернандо III, было упокоено в севильском соборе святой Марии Девы, Альфонсо X предъявил свои права на корону, а все присутствующие подтвердили, что они о них осведомлены, хотя он еще и не король. Затем, по окончании формальностей, связанных с похоронами, в той же собор-

¹ *Crónica de España por Lucas, obispo de Túy. Primera edición del texto romanceado conforme a un códice de la Academia preparada y prolongada / Por J. Puyol. Madrid, 1926 (= Luc. Tud. Rom.)*

² *Crónica de España por Lucas, obispo de Túy... P. XVIII—XIX, 431—449.*

³ *González J. Reinado y diplomas de Fernando III. Vol. 1 Cordoba, 1983. P. 46—47; González Jiménez M. Fernando III el Santo. Sevilla, 2006. P. 21*

⁴ *González J. Op.cit. P. 46*

⁵ *Luc. Tud. Rom. IV. 102: Mas la señora muy noble reyna doña Juana, su muger, y don Alfonso fijo del rey, que recibió el cetro del reyno despues de la muerte de su padre...*

ной церкви Альфонсо X посадили на «королевского коня», провозгласили королем и, сменив траурные одежды на праздничные, провезли на этом коне по улицам Севильи. Во время публичной аккламации Альфонсо X называли «королем и правителем всего народа испанцев». Затем окружающие его люди, «подданные и повинующиеся», посадили Альфонсо на трон его отца, после чего он объявил собравшимся «прелатам, и рыцарям, и горожанам, и всем прочим», что будет блюсти добрые фуэро и привилегии, выданные предыдущими королями, не будет обременять подданных и просить от них того, «к чему они не привыкли».¹

В этом описании бросаются в глаза несколько деталей, которые и составляют меня уточнить датировку анализируемого текста, предлагаемую другими исследователями. Прежде всего, я говорю о титуловании Альфонсо «правителем всего народа испанцев» (*príncipe de todo el pueblo de los españoles*). Понятие *príncipe* в королевской титулатуре начинает использоваться в Испании достаточно поздно, в правление Энрике II (1369—1379 гг.),² и утверждается окончательно при его преемнике, Хуане I (1379—1390 гг.).³ Но в этот период еще совершенно не используется словосочетание «народ испанцев» (*pueblo de los españoles*), которое начинает постепенно появляться в языке лишь в первой половине XVI века, после объединения Кастильской и Арагонской корон в единое государство. Обращает на себя внимание и речь Альфонсо X, обращенная к «прелатам, рыцарям и горожанам», точнее даже, не речь, а именно эта формулировка. Подобная формула впервые фиксируется в источниках лишь в правление Изабеллы I Кастильской (1474—1504 гг.), до того, как правило, король обращается к «прелатам, рыцарям и представителям (прокурадорам) горо-

¹ *Luc. Tud. Rom. IV. 103*: En la hera de mill e trezientos, despues que fue asentado el glorioso cuerpo del nuestro príncipe Fernando en la yglesia cathedral de Sancta Maria Virgen <...> su fijo don Alfonso, primogenito, en la yglesia de Santa Maria, dixo a los perlados y caualleros que estauan presentes: «Soy yo agora rey». Estonçe respondieronle los que ende estauan: «Sabemos çiertamente que de vuestro padre soys fijo primogenito para rescibir el gouierno del reyno». Y despues que acabaron los offiçios del enterramiento del rey Fernando, venieron todos en essa yglesia y dieronle el cauallo real y pussieron al señor Alfonso ante el altar de Santa Maria sobre él, llamando todos a vna voz el señor rey Alfonso, dexando las vestiduras llorosas y vestiendole vestiduras e paños reales de sirgo; despues traxeronlo por toda la çibdad de Seuilla con pregones y trompetas de alegria grande: «Ahe vuestro rey: dalde reverençia y honor y obedescdedlo, porque este es el nuestro rey y príncipe de todo el pueblo de los españoles». Estonçes lo rescibieron por rey todos los pueblos y fueronle subditos y obedientes, y asentaronlo altamente en la silla del padre; y prometio a todos los de su reyno, tan bien a los perlados como a los caualleros e çibdadanos y a todos los otros de su reyno de traer buenos fueros y guardar los priuilegios y cartas y todas las otras cosas que auian ganado de los reyes antiguos, y de los non afrigir con algun enojo nin demandarles cosas non acostumbradas.

² CLC. Toro, 1371, 12:

³ CLC, Briuesca, 1387, proem.

дов» или к представителям отдельных консехо. Высказанные замечания и приводят меня к убеждению в том, что последние 9 глав кастильской версии «Всемирной хроники» Луки Туйского были дописаны лишь в конце XV — первой половине XVI века.

Наконец, «Первая всеобщая хроника Испании», завершенная при Санчо IV около 1289 года и доведенная до смерти деда правившего монарха, Фернандо III Святого (1214—1252 гг.), также содержит относительно немногочисленную информацию об участии инфанта Альфонсо в политике королевства в 40-х годах XIII века. Причины, по которым составители «Хроники...» при дворе Санчо IV не сочли возможным включить в свое повествование рассказ о правлении Альфонсо X, определить сложно. Они, безусловно, владели всем необходимым объемом информации, как документами, так и показаниями еще живых свидетелей недавних событий, но при этом почему-то промолчали. При этом примерно в это время в кругах знати, близких ко двору короля, писалась так называемая «История в диалогах до 1288 года», а в королевских архивах уже хранились аналитические материалы по восстаниям знати в 1272—1274 и инфанта Санчо — в 1281—1284 гг., легшие потом в основу соответствующих глав «Хроники Альфонсо X». Свежа была память и о так называемом «походе за императорской короной» Альфонсо Мудрого, и о его встрече в Бокере с папой Григорием X, отразившейся даже в некоторых местных анналах Кастильского королевства. Краткое резюме правления Альфонсо X вошло, однако, только в состав галисийского перевода «Хроники...», созданного в период правления короля Фернандо IV (1295—1312 гг.).¹

Классический же текст «Хроники...», помимо перечисления, вслед за Родриго де Радой, Альфонсо в числе детей Фернандо III,² его свадьбы с Виолантой³ и участия в осаде Кордовы,⁴ приводит ряд других фактов из биографии наследного инфанта, не упоминающихся ни в хронике толедского примаса, ни у Луки Туйского. Так, в «Хронике...» подробно описаны вылазка отряда кастильских рыцарей, во главе которых стояли инфант дон Альфонсо и Альвар Перес де Кастро по прозвищу «Кастилец», под стены Хереса, где им пришлось выдержать серьезное сражение с превосходящими силами мавров,⁵ посольство из Мурсии к Фернандо III с предложением сдать ему город, последующее покорение королевства Мурсии

¹ См. текст данного синопсиса, приведенный в статье А. Иглесии Феррейроса: *Iglesia Ferreiros A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 33.

² PCG. Cap.1036. P. 720^a.

³ PCG. Cap.798. P. 480^b.

⁴ PCG. Cap.1048. P. 735—736.

⁵ PCG. Cap. 1040—1044. P. 725—729; «Толедские анналы III» тоже описывают этот рейд, датируя его 1232 годом, но утверждают, что в нем участвовал не сын Фернандо III, а его брат, инфант Альфонсо де Молина (см. Tol. III. A. 1232).

инфантом Альфонсо¹ и, отдельно, взятие им города Мулы.² Помимо этого ряд глав посвящен описанию участия Альфонсо в осаде Севильи, в том числе попытке покушения на него, организованного маврами. В качестве источника всех этих сведений Р. Менендес Пидаль указывал некое кастильское продолжение «Готской истории» Родриго де Рады, известное только благодаря «Мемории об исключительной святости и героических добродетелях короля дона Фернандо»,³ составленной в начале XVII века испанским иезуитом Хуаном де Пинедой с целью содействия канонизации Фернандо III.⁴ На настоящий момент проверить эти данные не представляется возможным, поскольку из всех существующих переложений на кастильский язык «Готской истории» опубликовано лишь одно,⁵ и оно не содержит данной информации. Остальные же хранятся в виде рукописей в различных библиотеках Испании (прежде всего, в Национальной библиотеке, в Мадриде), и потому для изучения данного вопроса необходима длительная архивная работа.

Однако более всего привлекают внимание два других фрагмента из «Первой всеобщей хроники», где упоминается имя *Мудрого Короля*. Один из них описывает встречу Фернандо III со своей матерью, королевой Бернгелой, происшедшую в местечке под названием Посуэло. Уточняя место встречи, хронист отмечает, что «сейчас это место называется Вилья Реаль, и построил там большой город по прошествии времени король дон Альфонсо...».⁶ Интересен этот фрагмент тем, что позволяет с уверенностью датировать данную главу периодом после правления Альфонсо X — глагол в сочетании с его именем стоит в прошедшем времени, а упоминание того, что прошло «некоторое время» (*depues a tienpo*) показывает, что на момент написания этих строк после основания города прошло уже достаточно много лет.

Второй момент, на котором я завершу рассмотрение «Истории Испании» («Первой всеобщей хроники») в рамках данной статьи, — это сцена

¹ PCG. Cap. 1060—1062. P. 741—743.

² PCG. Cap. 1065. P. 744.

³ *Pineda Juan de., S.I. Memorial de la excelente santidad y heroicas virtudes del señor rey Don Fernando, tercero deste nombre, primero de Castilla i de Leon. Eficaz motivo a la magestad catolica de Filipo III, nuestro Señor, para que afectuosamente mande solicitar con la Sede Apostolica la deuida i breue Canonizacion del Rey Santo, su XIII Progenitor. Sevilla, 1624.*

⁴ *Op.cit.* P. 128—142; о кастильских продолжениях «Готской истории» см. также: *Gómez Redondo F. Op.cit.* P. 168—170; *Catalán D. El Toledano Romanzado y las Estorias del fecho de los godos del siglo XV // Estudios dedicados a J. H. Herriott. Madison, 1966. P. 9—102.*

⁵ *Crónica de España del arzobispo don Rodrigo Jiménez de Rada. Tradujóla en castellano y la continuó hasta su tiempo don Gonzalo de Hinojosa obispo de Burgos y después un anónimo hasta el año de 1454 // CODOIN. Vol. 105—106. Madrid, 1897.*

⁶ PCG. Cap. 1067. P. 745^a.

оглашения королем Фернандо III своей последней воли. Перед смертью он подзывает к себе Альфонсо, благословляет его и поручает ему, как старшему сыну, заботиться о своих братьях, о своей матери и дяде — Альфонсо де Молине, а также обо всех магнатах и рыцарях королевства; применительно к последним король отдельно просит своего наследника хранить их «фуэро, и вольности, и свободы», обещая ему, в случае его правильного поведения, свое благословение, в противном же случае, грозя проклятием.¹ Завершая свое обращение к наследнику, король говорит, что оставляет ему «всю землю, которую мавры отняли у короля Родриго», частью завоеванную, частью — обложенную данью, и предусматривает три возможных варианта развития дальнейших событий: если Альфонсо удержит все это в своих руках и не потеряет ничего, то будет он столь же хорошим королем, как и его отец, если сумеет увеличить, будет лучше, если же утратит хоть что-то — будет хуже него.²

Рассматриваемая сцена интересна сразу по нескольким критериям.³ Во-первых, в тексте «Хроники...» она уникальна, там нет больше ни од-

¹ PCG. Cap. 1132. P. 772^b: ...Primeramiento fizo açercar a si don Alfonso su fijo, et alço la mano contra el, et santiguolo et diol su bendiçion, et desi a todos los otros sus fijos. Et rogo a don Alfonso que llegase sus hermanos a sy, et los criase et los mantouiese bien, et los leuase adelante quanto podiese, et rogol por la Reyna que la touiese por madre et que la onrrase et la mantouiese sienpre en su onrra commo a Reyna conuiene, et rogol por su hermano don Alfonso de Molina, et por las otras hermanas que el auie, et por todos los ricos omnes de los sus regnos, et por los caualleros que los onrrasse et les feziere sienpre algo et merçed et se touiese bien con ellos et les guardse bien sus fueros et sus franquezas et sus libertades todas, a ellos et a todos sus pueblos. Et si todo esto quel el encomendaua et rogaua et mandaua conpliese et lo feziere asi, que la su bendiçion conplida ouiese; et si non, la su maldiçion; et fizol responder «amen».

² PCG. Cap. 1132. P. 772^b-773^a: ...Et dixol mas: «Ssennor te dexo de toda la tierra de la mar aca, que los moros del rey Rodrigo de Espanna ganado ouieron; et en tu sennorio finca toda: la una conquerida, la otra tributada. Sy la en este estado en que te la yo dexo la sopieres guardar, eres tan buen rey commo yo; et sy ganares por ti mas, eres meior que yo; et si desto menguas, non eres tan bueno commo yo».

³ Любопытно, но, насколько нам известно, не существует не только специальных работ, рассматривающих эту речь Фернандо III, но и сколь-либо серьезных попыток ее анализа в контексте общих трудов, посвященных Альфонсо X. Дж. Келлер и Х. Сальвадор Мартинес акцентируют внимание только на последней реплике Фернандо III, касающейся объема передаваемого им сыну королевства, Дж. О'Кэллэкен и А. Бальестерос вовсе оставляют этот момент без внимания. Нам удалось найти лишь два прямых обращения к этому монологу монарха: в монографии М. Гонсалеса Хименеса, посвященной Фернандо III, и в неоднократно приводившейся выше статье А. Иглесии. Мануэль Гонсалес отмечает, что в этой главе ясно выражена точка зрения сторонников Санчо IV на последние годы правления Альфонсо X. А. Иглесия высказывается в том же ключе, говоря, что «данный сюжет мог быть использован в равной мере, как для осуждения Альфонсо X, так и для оправдания восстания, поднятого инфантом Санчо». С известными оговорками мы, как это видно из нашего текста, присоединяемся к мнению двух названных исследовате-

ного хоть сколько-нибудь схожего с ней сюжета. Традиционное описание смерти короля, если он умирал своей смертью, а не в бою и не в результате предательства, выстраивалось несколько по-другому: король перед смертью исповедовался, принимал причастие, произносил несколько последних слов и, собственно, умирал. В ряде случаев в «Хронике...» отдельно отмечалось, кому король передавал королевство (например, в описании смерти Альфонсо VII Императора тот завещает королевство Кастилии своему старшему сыну Санчо, а Леона — Фернандо), но ни разу не приводилось подробных обращений королей к своим наследникам. Единственным исключением из этого утверждения выглядит описание смерти Фернандо I Великого, который незадолго до кончины разделил свое королевство между тремя сыновьями. Но даже в том тексте смысловой центр тяжести приходится не на слова короля — они передаются косвенной речью, — а на ответ, даваемый ему старшим сыном, инфантом Санчо, будущим королем Санчо II.¹ Здесь же, в рамках анализируемой сцены, инфант Альфонсо присутствует только в качестве адресата высказывания — он молча стоит и слушает последнюю волю своего родителя. Уникальность данного сюжета наводит на мысль о том, что он был введен в «Хронику...», во-первых, не случайно, а во-вторых, вовсе не для того, чтобы лишний раз рассказать, как события происходили на самом деле.

На это указывает и второй момент, выделяющий разбираемый сюжет из перечня других. Как говорилось выше, завершающие главы «Хроники...» писались уже после смерти Альфонсо X, в правление его сына, короля Санчо IV Храброго. Соответственно, авторам, вложившим эту речь в уста Фернандо Святого, были прекрасно известны события предшествующего правления, в том числе лишение королем наследственных владений своего брата, инфанта Энрике, и его последующее изгнание за пределы королевства, восстание, поднятое против Альфонсо X другим его братом — инфантом Фелипе, наконец, казнь еще одного сына Фернандо III — инфанта Фадрике, произведенная в 1277 году по приказу короля. Также авторы этого монолога не могли не знать об обвинениях, выдвинутых инфантом Санчо против своего отца в 1281 году, когда он начал восстание против короля, приведшее в итоге Альфонсо X к низложению, а самого Санчо — на трон в 1284 году. Среди этих инвектив главное место занимало как раз обвинение в том, что Альфонсо Мудрый лишил магнатов, рыцарей и консехо многих городов их фуэро, не соблюдал их привилегии и вольности.² Соответственно, составители «Хроники...», очевидно,

лей. См.: *Salvador Martínez H.* Op.cit. P. 13, 111; *Keller, J.* Op.cit. P. 33; *González Jiménez, M.* Fernando III el Santo. Barcelona, 2006. P. 261, infra 59; *Iglesia Ferreirós A.* Alfonso X, su labor legislativa... P. 24

¹ PCG. Cap. 813. P. 494^a

² Максимально кратко и одновременно полно все эти обвинения были отображены в приговоре королю, зачитанном на кортесах в Вальядолиде в 1282 г. его братом, инфан-

одобрявшие действия Санчо IV в его конфликте с отцом, давали понять своему читателю, что Альфонсо X пал жертвой проклятия своего отца, Фернандо III, не исполнив практически ни одного из его заветов.¹ Более того, по всей видимости, именно содержанием и тональностью данной главы «Хроники...» была, во многом, обусловлена позиция Фернана Санчеса де Товара — канцлера короля Альфонсо XI и, одновременно, автора-составителя «Хроники Альфонсо X», задумывавшейся именно как продолжение «Первой всеобщей хроники». Если все это так, то можно с известной долей уверенности утверждать, что истоки отрицательного образа *Мудрого Короля*, сложившегося в средневековой историографии, были заложены еще в начатой им же «Истории Испании».

Переходя ко второй группе источников, следует сделать несколько предварительных замечаний. В этой группе объединены несколько текстов, написанных в период с 80-х годов XIII до конца 20-х годов XIV века и обладающих некоторыми общими чертами. Прежде всего, это касается их жанровых отличий — все собранные здесь тексты относятся к жанру местных анналов или хроник, причем достаточно значимы в данном случае оказываются обе характеристики. Жанр анналов сам по себе предполагает ведение достаточно кратких погодных записей, при этом записи, как правило, делаются непосредственно *ad hoc*, по следам событий, а не потом, по результатам осмысления и переработки информации. Таким образом, информация, относящаяся к правлению Альфонсо X, фиксировалась в этих анналах непосредственно в этот период, а не после того. Некоторое исключение составляют хроники или *chronicones*, в которых запись событий иногда представляет собой краткий синопсис всего, относящегося к теме записи за последние несколько лет, как это видно, например, на материале «Хроникона Карденьи II». Вторая особенность всех собранных в эту группу текстов, как уже говорилось, в том, что все они имеют местный характер. Правление Альфонсо X отражалось в них лишь в той мере, в какой те или иные его действия или события затрагивали интересы авторов анналов или их покровителей — монастырь святого Петра в Карденье, толедскую митрополию, консехо Авилы, монастырь Саагуна

том Мануэлем. Приводится текст, как он был сохранен во «Всеобщей хронике 1344 года», составленной Педро, графом Барселос: «Por quanto el rey don Alfonso mato a don Fadrique su hermano e a don Ximon Ruyz señor de los Cameros e otros muchos fidalgos sin derecho como non deuia, pierda la justiçia. E por que deseredo los fidalgos de Castilla e los de Leon e los çibdananos e los conçejos, non lo resçiban en las villas nin en las fortalezas e sea deseredado dellas. E por que desaforo los fidalgos, que non cumplan sus cartas nin le respondan con los fueros. E por que despecho la tierra e fizo malas monedas, non le den pechos nin seruiçios nin monedas foreras nin las martiniegas nin otros derechos ningunos de la tierra aunque los demande». Cit.: *González Jiménez M. Sancho IV, infante // HID. 2001. T. 28. P. 69.*

¹ Ср. упоминавшийся выше синопсис правления Альфонсо X, вошедший в состав галисийского перевода «Хроники...».

или сеньорию Пеньяфьеля. Это, с одной стороны, сужает круг описываемых событий, с другой же дает возможность посмотреть на, казалось бы, уже известные факты с новой точки зрения, переоценивая их значение и важность.

Две хроники эпохи Альфонсо X, происходящие одна из Авилы, вторая — из Саагуна, содержат крайне мало информации о его правлении и учтены в этой статье скорее для порядка, нежели по необходимости. Как в «Хронике заселения Авилы», так и в «Анонимных хрониках Саагуна» изложение прерывается на начале правления Альфонсо Мудрого, и уже потому они содержат лишь отдельные его эпизоды. «Хроника заселения Авилы» завершается описанием имевшей место в 1255 г. подготовки Альфонсо X к походу на Сорию (1255 г.), направленному против короля Арагона, «Анонимные хроники Саагуна» — визитом короля в монастырь в том же году, завершившимся пожалованием Саагуну «Королевского фузро».¹

Документ, известный под именем «Хроникон Карденьи I», представляет собой погодные записи, ведшиеся в монастыре святого Петра в Карденье (Кастилия). Изложение в них начато двумя записями, посвященными рождению Христа и Его распятию, продолжено сообщением о заселении Амайи, произведенном по приказу короля Ордоньо I в 856 г. Доведено изложение до 1327 г., запись под которым гласит об избрании в Бургосе нового епископа — дона Гарсии — и, одновременно, о завершении хроники.² На то, что хроника была закончена уже в XIV веке, указывает и ряд других признаков, в частности, сделанная под 1275 г. запись о смерти инфанта Фернандо де ла Серда, в которой также содержатся сведения о местах захоронения Альфонсо X (умер в 1284 г.) и его супруги, королевы Виоланты, умершей в 1300 г. в Ронсевале, на обратном пути из паломничества в Рим.³ Тем не менее, представляется очевидным, что в 1327 г. произошла лишь окончательная редакция текста хроники, тогда как основная информация в ней появлялась в порядке погодных записей. Как источник по истории правления Альфонсо X, «Хроникон Карденьи I» интересен весьма ограниченно, поскольку кругозор хрониста, очевидно, был ограничен в основном местными событиями, непосредственно касавшимися монастыря или его округа. С другой стороны, расположение монастыря в непосредственной близости от одного из наиболее важных цен-

¹ См. разбор этого эпизода в упомянутой выше статье А. Иглесии Феррейроса: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 19—20

² Card. I: Era de MCCCLXV años fueron en la Iglesia de Santa Maria de Burgos fasta el obispo D. Garcia, que era obispo, quando este libro fue fecho, veinte y ocho obispos.

³ Card. I: Era de MCCCXII años murió el Infant D. Fernando. Este Infant D. Fernando fue fijo del Rey D. Alfonso que yace en Sevilla, e de la Reyna Doña Violant, que yace en Rocas-Valles: e este oviera a reynar, mas fino ant que su padre, e fue casado con Doña Blanca fija del Rey de Francia, e yace en las Huelgas de Burgos.

тров королевства Кастилии — Бургоса — позволяло составителю хроники быть в курсе дел, происходивших в этом городе.

Именно по этой причине в тексте «Хроникона» оказался отражен ряд матримониальных торжеств, таких, как свадьба сестры Альфонсо X, принцессы Алианоры с Эдуардом, наследным принцем и будущим королем Англии (1254 г.), прибытие в Бургос норвежской принцессы Христины и ее последующая свадьба с инфантом Фелипе, братом Альфонсо X, ради этой свадьбы отказавшимся от церковной карьеры (1254 г.), и свадьба старшего сына Альфонсо X — Фернандо де ла Серда с французской принцессой Бланкой, дочерью короля Людовика IX Святого (1269 г.). Все эти свадьбы происходили в Бургосе, и вполне очевидно, что в монастыре святого Петра в Карденье, бывшем заметным церковным центром в той округе, были прекрасно осведомлены о них. Помимо свадеб в «Хрониконе» предсказуемо фиксировались сведения о проходивших в Бургосе или в его округе похоронах знатных особ. Так, благодаря тому, что один из крупнейших магнатов королевства дон Нуньо де Лара был похоронен в доминиканском монастыре в Бургосе, в анналах сохранилась запись о его гибели в битве при Эсихе, происшедшей в 1275 г. Под одним годом с этой новостью записаны сведения о гибели в битве с маврами при Мартосе архиепископа Толедо, сына арагонского короля Хайме I дона Санчо. Уже упоминавшаяся выше весть о смерти инфанта Фернандо де ла Серда также попала в «Хроникон» именно потому, что инфант был похоронен в бургосском монастыре святой Марии де лас Уэльгас.

Наконец, кроме новостей о свадьбах и похоронах, «Хроникон» сохранил известия о нескольких чрезвычайных событиях, касавшихся короля и королевства. К таковым, в данном случае, относятся приезд к Альфонсо X послов из Священной Римской империи, привезших ему предложение стать их императором,¹ и обрушение в Сеговии королевского дворца в тот момент, когда там находился король со своим двором, имевшее место в 1258 г. Представляется весьма интересным, что ни в одной из редакций текста «Хроникона» не нашлось места для упоминания о пожаловании Бургосу «Королевского фуэро», которое произошло, согласно сохранившемуся документу, 27 июня 1256 г.² Возможно, это следует объяснить тем, что пожалование «Королевского фуэро» не затрагивало напрямую интересы монастыря, который, хотя и располагался вблизи Бургоса, все же обладал отдельной от него юрисдикцией, и потому нормы «Королевского фуэро» на него не распространялись.

¹ Card. I: Era de MCCXCV, entraron los alemaños en Burgos, para dar el Emperazgo al rey D. Alfonso fijo del rey D. Fernando en el mes de junio.

² МНЕ, I. Doc. 45. P. 97—100; различные версии объяснения того, почему в Хрониконе отсутствует эта информация, см. в классической статье А. Иглесии Феррейроса, посвященной отражению законодательной деятельности Альфонсо X в трудах историков различных эпох: *Iglesia Ferreirós A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 17—20

Так называемый «Хроникон Карденъи II», составление которого также было завершено в период малолетства Альфонсо XI, представляет собой собрание кратких аннотаций правлений всех королей Кастилии и Леона, начиная с Альфонсо II Целомудренного и заканчивая Фернандо IV, который умер в 1312 г. Правлению Альфонсо X в «Хрониконе» отведено больше места, чем любому другому королю, что заставляет предположить, что текст в основном записывался в первые годы правления Санчо IV, а уже окончание было приписано позже.

Альфонсо характеризуется в этой хронике как «прекрасный и весьма разумный король», отмечаются его военные успехи, в частности покорение королевства Мурсии, в бытность еще инфантом, участие в осаде Севильи, взятие Ньеблы и Хереса, а также и других замков по границе с маврами. Политическое значение Альфонсо подчеркивается рассказом о том, что он посвятил в рыцари целый ряд монархов, среди которых были английский король Эдуард, португальский Диниш, «король Германии» Рудольф¹ и даже император Константинополя Филипп. Хорошая слава кастильского правителя была столь велика, подчеркивает «Хроникон», что представители Германии избрали его императором, ради чего он поехал на встречу с папой в Бокер, во время которой умер наследный инфант Фернандо де ла Серда, остававшийся в Кастилии. Императором Альфонсо все же не стал, по причине козней, чинимых ему Церковью. Наконец, последние годы правления Альфонсо описываются в «Хрониконе» со словами сожаления о том, что король поддался советам «дурных людей», заставившим его поссориться со своим народом, и жители королевства были вынуждены обратиться за помощью и поддержкой к наследному инфанту Санчо. Подобного рода заблуждение короля длилось два с половиной года, а когда все прошло и весь народ вместе с Санчо пришел «вернуться в милость короля», Бог пожелал призвать того к себе.²

¹ Рудольф I Габсбург, избранный императором Священной Римской империи вместо Альфонсо X.

² Card.II: Era de MCCCXII años de la era del emperador Cesar, era de MCCLXXXIV años, que Jesu Cristo vino en Santa Maria, murió el muy noble rey D. Alfonso, fijo del santo rey D. Ferrando, e della reyna Doña Beatriz, martes antes de Pascua, IV días andados de abril. Este fue el deceno rey de este su nome, que ovo en Castiella, e en Leon, e fue muy bueno, e muy sesudo, e seyendo infant ganó el reyno de Murcia; e fue con el rey D. Fernando su padre en ganar Sevilla; e despues que fue rey, ganó el reyno de Niebla, e Xerez, e otros castiellos muchos en la frontera. E fizo caballero al rey de Inglaterra D. Adivar, e despues el rey D. Dionis de Portugal, e despues a D. Felipe emperador de Constantinopla, e a Rodolfo rey de Alemaña, e muchos omes onrados, que vos non podremos aqui contar. E por bondat que este rey ovo en si, esleyeronle los de Alemaña por emperador, e fue a vistas a Belcayre con el Papa, e seyendo alla, vinol que era finado so fijo don Ferrando. O oviera a ser emperador si non por fuerza quel fizo la Iglesia. De si por consejo de omes malos, quel aconsejaron cosas, porque ovo de desavenir de con sos gentes, e los de la tierra pidieron merced al infant D. Sancho, so fijo,

Последний пассаж описанного текста с еще большей убедительностью свидетельствует в пользу того, что «Хроникон» или по крайней мере, его часть, посвященная Альфонсо X, был написан в самом начале правления его сына, Санчо IV. С одной стороны, очевидно, что восстание инфанта Санчо против своего отца описано здесь одним из его сторонников. Санчо не восстает в собственном смысле этого слова, а лишь «поддерживает в королевстве фуэро и право», пока его отец, поддавшись дурным советам, не делает этого. С другой стороны, и Альфонсо X описывается в тексте с положительной стороны, в отличие от галисийского перевода «Первой всеобщей хроники» или анонимных анналов правления Альфонсо X, — автор возлагает вину за происшедшее не на короля, а на неких «дурных людей», дававших королю советы, следуя которым, он оказался вынужден рассориться со своим народом и отказать им в милости вершить право и правосудие. Более того, король в итоге оставляет это свое заблуждение, и весь народ во главе с инфантом собирается вернуться под его руку и в его милость, но не успевает сделать этого. За рамками изложения остается вопрос о том, кем были эти «дурные люди», но можно предположить, что речь шла о легистах и советниках Альфонсо X, разрабатывавших и пытавшихся внедрить вместе с ним проект нового права королевства — «Королевское фуэро», «Зерцало» и «Семь Партид»; в таком случае, правда, непонятно, почему эти события относятся хронистом к самым последним годам правления Альфонсо Мудрого. Вторая возможная трактовка образа «дурных людей» состоит в том, что под ними имелись в виду политические противники Санчо, отстаивавшие права на трон малолетнего Альфонсо де ла Серда, сына наследного инфанта Фернандо де ла Серда, умершего в 1275 г. Впрочем, следует отметить, что и та, и другая версия, безусловно, имеют лишь предварительный характер.

Практически теми же словами, что и в «Хрониконе Карденьи II», описывается правление Альфонсо X еще в одной краткой хронике, составленной в период малолетства Альфонсо XI. Речь идет о неопубликованном «Собрании хроник царей Ветхого Завета, язычников, консулов и римских императоров, королей готы и королевств Кастилии, Арагона, Наварры и Португалии»,¹ рукопись которого, датируемая 20-ми годами XIV века, хранится в Национальной библиотеке Испании, в Мадриде. Портрет Альфонсо X размещен там на одной странице с портретом его сына, Санчо IV. Подпись под изображением *Мудрого короля*, как уже было сказано, почти

que los mantoviese a fuero, e a derecho fasta que combrasen merced del rey so padre: e esto duró dos años e medio. E quando infant D. Sancho e todos los de la tierra venien con el a la su merced, quisol Dios levar para si. E este rey D. Alfonso regnó XXXII años, e asi fue toda su vida LXII años e medio.

¹ Biblioteca Nacional de Madrid. Ms.7415 [Compendio de crónicas de reyes del Antiguo Testamento, gentiles, cónsules y emperadores romanos, reyes godos y de los reinos de Castilla, Aragón, Navarra y Portugal]

дословно совпадает с синопсисом, сохранившимся в тексте «Хроникона Карденьи II», что наводит на мысли о знакомстве автора краткой хроники с текстом «Хроникона». Есть, однако, в тексте и некоторые разночтения, на которых стоит ненадолго остановиться. Так, в тексте этой хроники упоминается, что Альфонсо X был женат на донье Виоланте, дочери Хайме I Арагонского. Сам король характеризуется как «очень хороший, и весьма образованный, и очень удачливый в бою, так что, еще будучи инфантом, он захватил королевство Мурсии». Среди знатных мужей, посвященных в рыцари Альфонсо X, упоминаются те же, что и в «Хрониконе...», кроме Абенмарона, короля Ньеблы. В отличие от «Хроникона Карденьи», в данной хронике не говорится ничего про последние годы правления Альфонсо X — рассказ о нем останавливается на том, что он стал бы императором, если бы не козни, чинимые ему Церковью. После строчки, содержащей дату его смерти, другой рукой, почерком начала XVI века сделана приписка: «Он составил Семь Партид законов».¹

Небольшие, но все же имеющиеся различия между «Хрониконом Карденьи II» и «Собранием хроник...», по-моему, следует объяснять разными целями написания этих текстов. «Собрание...» представляет собой 176 небольших рассказов о царях древности, римских правителях и всех испанских королях, где каждый рассказ иллюстрируется отдельной миниатюрой, изображающей того или иного короля. При этом стоит отметить особо, что качество миниатюр сильно уступает традиционным иллюминированным сводам, создававшимся в этот период. Здесь они напоминают, скорее, любительские рисунки, нежели точную работу профессионала. Подобную подборку, по-моему, могли составить только при дворе, в качестве своеобразного учебника истории в картинках, предназначавшегося для маленьких инфантов. Этим объясняются и простые, короткие предложения, и относительная простота миниатюр. Если принять мою версию за основу, то можно предположить, что автор «Собрания...» совершенно осознанно не стал писать в нем о восстании инфанта Санчо против своего отца и о лишении последнего трона. В данном случае ему было гораздо важнее показать непрерывную цепочку правителей, обосновать легитим-

¹ BNE. Ms. 7415. Fol. 37v: Era de mill & CC & XC anos regno el muy noble rrey don Alfonso fijo del muy santo rrey don Fernando. Este rrey don Alfonso el XIIº (sic!) rrey que por este nombre fueron llamados en Castilla & en Leon. E caso con donna Violante fija del rrey don Jaymes de Aragon. E fue muy buen rrey, & muy letrado, & muy auenturado en armas & seyendo infante gano el rregno de Murçia & despues fue con el rrey don Fernando su padre en ganar a Seuilla. E despues que fue rrey gano a Niebla & a Xeres & a otros logares muchos. E fizo cauallero a don Dionis rrey de Portugal & a don Doart rrey de Inglaterra & a don Felipe rrey de Costantinopla, & a Redulfo rrey de Allemania & Abenmaron rrey de Niebla & a otros muchos hombres honrrados. E por la bondat & por nobleza que auia ensi, los de Alemania eligieronlo por emperador, & fueralo, sinon por fuerça quele fizo la yglesia. E fino en Seuilla martes IIIº dias de abril era de mill CCCXXII annos.// hizo las siete partidas de leyes

ность присутствия на троне малолетнего Альфонсо XI, нежели выяснять, кто был прав в той войне отца и сына.

«Толедские анналы III»¹ представляют собой наиболее запутанный документ из всех трех анналов, формирующих серию (т. е. Толедских анналов I и II). Как следует из замечаний их первого издателя — эрудита Э. Флореса — рукопись этих анналов состоит из достаточно большого количества фрагментов (Флорес выделяет 10), каждый из которых написан своей рукой. Таким образом, мы, по всей видимости, имеем дело с продолжающимися погодными записями, которые дополняли самые разные люди, имевшие доступ к ним. Этим объясняются, по всей видимости, и накладки с хронологией, и наличие пропусков в изложении событий, и разный язык анналов — то старокастильский, то латынь. Плохой сохранностью рукописи следует объяснить наличие лакун в самом тексте анналов: не все фразы и даже не все слова сохранились в целости. Наиболее подробно, хотя и достаточно путано, в «Толедских анналах III» излагаются события 1270-х—1280-х гг., из чего можно сделать вывод, что, по большей части, редактировались они в первые годы правления Санчо IV, после чего к ним была сделана приписка (рука № 10, в классификации Флореса), рассказывающая о смерти инфанта Энрике, брата Альфонсо X, имевшей место в 1303 г., и о двух событиях 1390 и 1391 годов, не имеющих уже отношения к предмету данной статьи. Как источник по истории правления Альфонсо Мудрого «Толедские анналы III» имеют достаточно высокую ценность, поскольку содержат в себе ряд важных упоминаний о событиях 1275—1284 гг.

Сообщив о рождении инфанта Альфонсо в 1221 г., «Толедские анналы III» возвращаются к нему уже только в 1275 г., сообщая о смерти инфанта Фернандо де ла Серда, гибели ряда магнатов в битве при Эсихе и, одновременно, о поездке Альфонсо X на встречу с папой Григорием X по поводу избрания императором Священной римской империи.² Затем анналы последовательно освещают события следующих нескольких лет, среди которых следует упомянуть оммаж, принесенный магнатами королевства инфанту Санчо, ставшему основным наследником после смерти

¹ Как было указано выше, я пользуюсь изданием Толедских анналов, вошедшим в состав серии *España sagrada*, издававшейся Энрике Флоресом. Мне известно о существовании нового издания этого памятника, осуществленного в 1967 г. Антонио Флориано (*Anales toledanos III // Cuadernos de historia de España*. 43—44 (1967). P. 154—87), но к этому сочинению у нас, к сожалению, нет доступа.

² Tol. III. A. 1275: Anno Domini MCCLXXV, VIII Kalendis Agusti, obiit Dominus Ferdinandus, filius regis Castellae, illustris Domini Alfonsi filius. Et in eadem era obiit Dominus Nunio... .Ecija Sabato VII nonas Septembris; & obiit cum eo Gaufridus de Loaysa, nepos Domini Gaufridi, qui erat alcaide Decija, & Alfonsus Gaufridi, filius Domini Gaufridi de [Loaysa]. Et in isto eodem anno fuit rex Alfonsus Castellae... .ad videndum Papam Gregorium X & [lo]cutus est cum eo de facto Imperii, & de aliis...

Фернандо де ла Серда,¹ казнь инфанта Фадрике и магната Симона Руиса Камероса, осуществленная по приказу Альфонсо X², и отъезд в Арагон жены *Мудрого короля*, королевы Виоланты с ее внуками, детьми инфанта Фернандо, а также последовавшее заключение этих детей в тюрьму в Арагоне.³ Из событий начала 80-х гг. XIII века «Анналы» рассказывают о двух походах кастильских войск под Гранаду, героем которых оба раза был инфант Санчо,⁴ и о мятеже названного инфанта против своего отца. Из событий мятежа упоминаются низложение Альфонсо X в 1281 г.,⁵ разрушение силами Санчо города Талаверы и его округа за то, что те поддерживали его отца,⁶ и, наконец, смерть короля Альфонсо X.⁷

«Толедским анналам III» вторят в некоторых моментах так называемые «Анналы инфанта Хуана Мануэля»,⁸ начинающие свое изложение с отъезда Альфонсо X в Империю в 1274 г.⁹ и завершающие его 1329 г.

¹ Tol. III. A. 1276: Anno Domini MCCLXXXVI. Magnates regni Castellae, & Legionis, & Galicie adque Lusitaniae fecerunt omagium Domino Sancto filio illustris regis Alfonsi Castellae, & fratris Domini Fernandi; & eodem anno mortuus est Jacobus rex.

² Tol. III. A. 1277: Anno Domini MCCLXXVII. Nobilis rex Alfonsus mediante justitia occidit Dominum Fredicum, & Dominum Simonem Roderici de los Cameros.

³ Tol. III. A. 1278: Anno Domini MCCLXXVIII. Domina Yoles regina Castellae et uxor Domini Alfonsi ...dem regis recesit cum nepotibus suis filiis Domini Fernandi in Aragoniam in mense Jenuarii: & eodem anno Dominus Petrus frater reginae, Rex Aragonum... ..sorori, & posuit eos in sua custodia.

⁴ Tol. III. A. 1280: Era de MCCCXVIII annos entró D. Sancho en la Vega de Granada, y Don Gonzalvo Roiz Giron Maestre duclés, e otros muchos caballeros seglares y freires: ovieron hacienda con los moros, y duró todel dia fata que los partió la noche, y el maestre salio ferido, y murio dessas feridas, y el dia murieron hi muchos hombres buenos...

Tol. III. A. 1281: [Anno Domini] MCCLXXXI entró el rey D. Alfonso en la Vega de Granada, y Don Sancho su fijo y heredero, y Don Pedro, y Don Juan sus fijos: y Don Sancho, y Don Pedro ovieron hacienda con los moros el otro dia de Sant Juan, asi que por el esfuerzo de Don Sancho fueron vencidos los moros, y ante las puertas de Granada murieron tantos, que eran sin cuenta.

⁵ Tol. III. A. 1281: Anno Domini MCCLXXXI. Los ricos hombres de Castiella... .. e los concejos privaron alrey D. Alfonso, fijo del rey D. Fernando, que gano Sevilla.

⁶ Tol. III. A. 1283: Era de MCCCXXI annos, anno Domini MCCLXXX[III] obiit Dominus Petrus, filius nobilissimi regis Alfonsi, & frater Domini Fernandi. Et eodem anno el arabal de Talavera fuit destructus, eo quod tenebant, & favebant partem regis Alfonsi, & fuit ille locus destructus...

⁷ Tol. III. A. 1284 : Erra de MCCCXXII, anno Domini MCCLXXXIII, pridie nonas april, obiit nobilissimus rex Alfonsus, Ispali, & pater Domini Fernandi & praedicti Petri.

⁸ А. Иглесия Феррейрос утверждает, что эти анналы ошибочно приписываются перу Хуана Мануэля, и я присоединяюсь к нему в этом утверждении. См.: *Iglesia Ferreirós, A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 17.

⁹ Anales JM. A. 1274

Этот источник также упоминает гибель на войне с маврами графа Нуньо де Лара и митрополита Толедского дон Санчо, сына арагонского короля Хайме I,¹ отмечает приговор, вынесенный против Альфонсо X на кортесах в Вальядолиде, датируя его апрелем 1282 г.,² и, наконец, фиксирует смерть Альфонсо Мудрого, случившуюся в Севилье, в апреле 1284 г.³ От каких бы то ни было оценочных суждений автор данных анналов воздерживается, ограничиваясь лишь фиксацией фактов, однако, как это обычно бывает, даже из подбора им фактов для изображения в своих анналах можно сделать некоторые выводы о его политических пристрастиях. Вполне очевидно, что составитель этой краткой хроники принадлежал к сторонникам инфанта Санчо и последовательно поддерживал его в конфликте с Альфонсо X. На это указывают как косвенные (именно инфант Мануэль зачитывал «приговор», вынесенный Альфонсо X на Вальядолидской ассамблее), так и прямые признаки. Так, рассказывая о событиях 1282 г., хронист, помимо решения о низложении Альфонсо Мудрого, отмечает свадьбу Санчо с Марией де Молина и, говоря об этом бракосочетании, называет Санчо королем, хотя и с прибавлением — «будучи еще инфантом».⁴ Конечно, подобная оговорка хрониста может свидетельствовать и о том, что данная новость записывалась им в анналы уже в правление Санчо IV, чем и вызвано его королевское титулование. Но даже это не объясняет еще одной особенности языка рассматриваемой хроники — говоря о Санчо IV, ее составитель всегда использует формулу «король дон Санчо» (*rex Dominus Sancius*), тогда как, упоминая Альфонсо X, он достаточно вольно обходится без обязательного титула «дон», называя монарха просто «король Альфонсо».

Автор «Толедских анналов III», напротив, хотя и восхищался Санчо как бравым рыцарем и прекрасным воителем (что подтверждается записями о походах под Гранаду 1280 и 1281 гг., отличающимися по стилю от остальных), а также признавал в нем наследного инфанта, все же симпатизировал Альфонсо X в том, что касалось конфликта, развернувшегося в 1282—1284 гг. между отцом и сыном. На это указывает, во-первых, то, что об Альфонсо X «Толедские анналы» всегда отзываются с максимальным почтением — его имя крайне редко употребляется в этом тексте без эпитета «знатный» (*noble*) или «знатнейший» (*nobilissimus*), в то время, как Санчо не удостоивается никаких эпитетов; во-вторых, записывая новость о смерти *Мудрого короля*, хронист называет среди его детей инфантов Фернандо де ла Серда и Педро, но не Санчо. Наконец, в-тре-

¹ Anales JM, 1275

² Anales JM, 1282: Era MCCCXX fuit lata sententia contra regem Alfonsum in Valleoleti, in mense Aprilis.

³ Anales JM, 1284

⁴ Anales JM, 1282: Proxima praecedenti era contraxit rex Dominus Sancius adhuc infans, cum regina Maria Toleti, in mense Julii.

тых, автор анналов явно держит сторону короля в его конфликте с феодальной знатью королевства — передавая новость о казни инфанта дона Фадрике и магната Симона Руиса, он особо подчеркивает, что казнь эта состоялась по результатам судебного процесса и вынесения приговора (*mediante justitia*). Для сравнения достаточно отметить, что в целом ряде других источников, авторы которых, очевидно, более симпатизировали магнатам, нежели королю, утверждается либо то, что «король услышал что-то» и на основании этого приказал убить своего брата,¹ либо и вовсе прямо противоположное рассматриваемым анналам. Так, около века спустя после описываемых событий Педро Лопес де Айала в своей «Хронике Энрике II» вкладывает в уста магнатов следующее обвинение: «Король дон Альфонсо, который был избран императором Германии, и был сыном короля дона Фернандо, завоевавшего Севилью и Андалусию, и отцом короля дона Санчо, убил в замке Бургоса инфанта дона Фадрике, своего родного брата, и великого магната дона Симона де лос Камерос, и были они умерщвлены скрытно, без объявления королем причины, по которой он их убил...»²

В этом месте представляется логичным перейти к рассмотрению источников, включенных мной в начале статьи в третью группу. Два памятника, разобранные ниже, были созданы в период с конца 70-х гг. XIII века и до первых десятилетий XIV столетия, разными людьми и с различными намерениями. Однако, как уже говорилось выше, есть несколько моментов, объединяющих их и позволяющих рассматривать вместе, как тексты одного порядка. Прежде всего, Альфонсо Мудрый является если не главным героем всех повествований, то, безусловно, одним из главных; в тех главах хроник, где речь идет о его правлении, именно его поступки, решения и высказывания становятся основным предметом для рассмотрения. Применительно к правлению Альфонсо Мудрого анализируемые тексты ясно демонстрируют наступление качественно нового этапа в его осмыслении и интерпретации: из современности или очень недавнего прошлого оно становится историей, понемножку обрастая всеми необходимыми для средневековой «истории» атрибутами — легендами, домыслами и риторическими отступлениями.

Самым ранним из рассматриваемых источников, безусловно, является краткая биография Альфонсо X, составленная наставником инфанта Санчо, выдающимся францисканским теологом Хуаном Хилем де Самора. Создание ее датируется приблизительно 1278 г., то есть тем же временем, когда было закончено главное произведение Хиля де Самора — трактат «О восхвалении Испании».³ Францисканец был не просто современни-

¹ См., например, CRC. Cap. CCXIX, 23; CAH. Cap. 68.

² Crónica de Enrique II. Cap. 5

³ Fita, F. Biografías... P. 308; Castro y Castro, M. de., P. LXXXII.

ком Альфонсо X, но его верным подданным и близким другом, знавшим монарха много лет¹ и часто работавшим с ним вместе. В годы восстания, поднятого его воспитанником, он, по всей видимости, поддерживал законного короля, однако это не мешало ему находиться в близких отношениях и с мятежным инфантом. Биографии деда и отца инфанта Санчо — королей Фернандо III и Альфонсо X, — Хиль де Самора писал, очевидно, и с воспитательными целями, и, одновременно, отдавая дань своим дружеским чувствам к этим монархам. Все сказанное выше заставляет с особым вниманием относиться к образу Альфонсо Мудрого, сформированному наставником его сына и наследника.

Обращаясь к юношеским годам Альфонсо X, Хиль де Самора отмечает ряд его характеристик, среди которых следует выделить усердие в учебе, остроту ума, хорошую память, а также щедрость, «порой походившую на вид расточительства».² Эти его добродетели снискали ему такую славу к моменту восхождения на трон, что люди, стекавшиеся под его руку со всех краев, видели в нем «убежище от врагов, совет, разрешающий сомнения, утешение в безутешности, сокровище от нищеты...».³ Сквозь фимиам этих риторических построений удастся увидеть некоторые черты Альфонсо X, на которые будут впоследствии обращать внимание все авторы, будь они дружественны *Мудрому королю* или, напротив, настроены к нему отрицательно. Прежде всего, речь идет о щедрости Альфонсо X, столь впечатлявшей современников, что она даже вошла в легенды, как это будет показано ниже. Вторая черта кастильского монарха, которую тоже отмечали практически все авторы последующих хроник, — это его образованность и тяга к распространению знаний среди своих подданных. Именно

¹ О биографии Хуана Хиля де Самора см. прекрасный очерк, составленный издателем его «О восхождении Испании» М. де Кастро: *Castro y Castro, M. de. / Ed. Fray Juan Gil de Zamora, O. F. M., De preconiis Hispanie*, Madrid, 1955. P. XXXV—CXXVII; современное состояние исследований творчества Хиля де Самора см. в статье: *Ferrero Hernández, C. Nuevas perspectivas sobre Juan Gil de Zamora // Studia Zamorensia. IX. 2010. P. 19—33*. Для отечественного читателя и исследователя фигура наставника Санчо IV остается практически неизвестной, ее освещение представляется мне делом ближайших нескольких лет.

² Bio. 16: *Infantilibus vero ac puerilibus annis in deliciis, ut moris est Regum filiis, evolutis, cepit infantulus jam in adolescencia constitutus esse acer ingenio, pervigil studio, memoria luculentus; quoad exteriora vero, discretus eloquentia, procerus elegantia, modestus in risu, honestus in visu, planus in incessu, sobrius in victu. Adeo nihilominus extitit liberalis, quod ipsius liberalitas prodigalitatís speciem induebat.*

³ Bio. 21: *Ad ipsum quoque de universis fere mundi partibus confluebant Comites, Marchiones, Principes et Barones, milites et burgenses, propter ipsius fame fragrantiam universaliter respirantem, habentes [ad] ipsum contra inimicos refugium, contra dubia consilium, contra desolationem solatium, contra penuriam et pauperiem thesaurum munificum, comunicatum liberaliter, non signatum.*

в связи с этим Хиль де Самора сообщает о том, что Альфонсо X приказал перевести на кастильский все книги, необходимые для преподавания в университетах, включая своды права, Библию и святоотеческие тексты, а также сам, уподобляясь царю Давиду, писал гимны, прославляющие Деву Марию.¹

Интересно отметить, что, создавая подобный панегирик Альфонсо Мудрому, его биограф ни разу не упомянул ни про масштабные правовые проекты короля, будь то «Королевское фуэро», «Зерцало» или Партиды, ни про его исторические труды. В более поздних текстах, посвященных Альфонсо X, этот сюжет претерпел уже некоторые перемены. Так, например, «Хроника Альфонсо X» указывает, что кастильский король приказал перевести на разговорный язык «все документы», а также книги Библии, книги различных искусств и астрологии, а помимо этого повелел создать «Фуэро законов» (т. е. «Королевское фуэро») и книги Партид, дабы дать их своему королевству в качестве законов.²

Помимо описания характера Альфонсо X и его мероприятий по переводу книг с латыни на старокастильский, Хуан Хиль де Самора останавливается на нескольких политических инициативах короля. Прежде всего, речь идет о поддержке, оказанной юным наследным инфантом португальском королю Саншу II Благочестивому, когда тот был смещен с престола своим братом, будущим королем Афонсу III.³ Упоминает францисканец и участие Альфонсо X в осаде и взятии Севильи его отцом, королем Фернандо III. Из событий, имевших место непосредственно в правление Аль-

¹ Bio. 21: Adeo quoque animum suum transtulit ad investigandas et perscrutandas mundanas scientias et divinas, quod omnes fore scripturas triviales et quadrivales, canonicas et civiles, scripturas, quoque theologicas seu divinas transferri fecit in linguam maternam; ita et omnes possent evidentiissime intueri et intelligere quoquomodo illa, que sub lingue latine phaleris et figura tecta et secreta, etiam ipsis sapientibus, videbantur. More quoque Davitico etiam, [ad] preconium Virginis gloriose multas et perpulchras composuit cantinelas, sonis convenientibus et proportionibus musicis modulatas.

² SAX. Cap. 9: ...Este rey don Alfonso por saber todas las escripturas, fizolas tornar de latín en romance. Et desto mandó fazer el Fuero de las Leyes, en que asomó muy breuemente muchas leyes de los derechos. E dio por ley e por fuero a la çibdat de Burgos e a otras çibdades e villas del reyno de Castilla, ca en el reyno de León avía el Fuero Judgo que los godos ovieron fecho en Toledo. Et otrosy en las villas de las Estremaduras avian otros fueros apartados. Et porque por estos fueros non se podían librar todos los pleytos, e el rey don Ferrando su padre avia començado a fazer los libros de las Partidas, este rey don Alfonso su fijo fizolas acabar et mandó que todos los omnes de los sus reynos los oviesen por ley et por fuero, et los alcaldes que judgasen por ellos los pleitos. Et otrosy mandó tornar en romance todas las escripturas de la Bribia e todo el Eclesiástico e el arte de las naturas, e de la estrología.

Подробный разбор этой главы «Хроники Альфонсо X» см. в статьях Акилино Иглесии, прежде всего: *Iglesia Ferreirós, A. Alfonso X, su labor legislativa...* P. 41 ss.

³ Bio. 18

фонсо Мудрого, в его биографии отразилась ссора с братьями — инфантами Энрике и Фадрике, — которых Альфонсо X, «не без причины, как говорят», изгнал из королевства,¹ обрушение дворца в Сеговии² и, разумеется, избрание Альфонсо Мудрого королем римлян, осуществленное частью электоров Священной римской империи.³ Помимо этого Хиль де Самора коротко упоминает о победе кастильского короля над маврами в 1266 г. и более уже к Альфонсо X не возвращается, посвящая остаток своего произведения рассказу о делах, происходивших в те годы в иных странах (в частности, он описывает смерть короля Франции Людовика IX Святого в его последнем крестовом походе).

Критерии, по которым наставник будущего Санчо IV отбирал события для биографии его отца, в целом понятны. Как уже говорилось выше, основной целью для него было воспитание наследного инфанта, для чего был написан трактат «О восхвалении Испании», а биографии Фернандо и Альфонсо, по сути дела служили иллюстрациями к трактату. Это особенно видно при сопоставлении описания идеальных королевских добродетелей, выведенных в трактате, с портретами двух ведущих пиренейских монархов XIII столетия.⁴ Соответственно, и события из жизни монарха Хилем де Самора отбирались такие, которые могли бы либо проявить одну или несколько из этих добродетелей — как, например, ученость Альфонсо X и его тяга к просвещению, — либо показать Божью заботу о своем помазаннике. Как очевидный пример последнего францисканский теолог приводит казус с обрушением дворца в Сеговии, когда «многие иные погибли и покалечились, он же (Альфонсо) остался цел и невредим». Этой же цели служит и приведенный в той же главке биографии рассказ о покушении на короля, предпринятом кем-то неизвестным под Сеговией, когда

¹ Bio. 22: Adeo vero circa regni sui principia, et etiam post, fuit prefatus Aldefonsus a sui regni comparticibus infestatus, quod ipsum etiam oportuit causa pacis duos germanos suos a regni finibus propulsave, non tamen sine causa rationabili et nota, sicut fertur.

² Bio. 23: Aldefonsum etiam prefatum Dominus altissimus et eternus a multis periculis liberavit. Nam semel, cum esset apud Secobiam cum suis secretariis secreta consilia sua tractans, solarium corrui cum eisdem; et aliis dirutis et destructis, evasit ipse incolumis et illesus.

³ Bio. 24: Alexandri vero quarti temporibus, cum vacaret Imperium per mortem Friderici et Corradi filii sui, et duorum qui ad Imperium sub contradictione fuerant electi, scilicet Landegravii Turingie ac Comitum Holandie, qui antequam ad imperialem benedictionem pervenissent vite terminum exegerunt, Romani quidem Imperii Electores, die prefixa convenientes ad eligendum, in eligendo inventi sunt non unanimes sed discordes. Sanior namque pars et melior Aldefonsum inclitum regem Legionis, Castelle ac Vandalie in Regem Romanorum et semper Augustum electione canonica preelegit. Alia vero pars in Richardum Comitem Cornubie germanum Regis Anglie concordavit. Super quo negotio longo tempore fuit in Curia decertatum.

⁴ Подобное сопоставление интересно само по себе и вполне заслуживает стать предметом отдельной статьи. Здесь мы опустим его из соображений объема и целостности текста.

Альфонсо X пытались застрелить из лука,¹ но стрелы «божественной волей» отклонились от цели. Этого рассказа, кстати, нет больше ни в одном источнике, содержащем информацию о *Мудром короле*. Вместе с тем, Хуан Хиль, по всей видимости, сознательно не стал включать в биографию Альфонсо те ее эпизоды, которые могли быть истолкованы неоднозначно с теологической или просто с моральной точки зрения.

Следующий источник редактировался, по всей видимости, в начале правления Санчо IV, в кругах знати, близких ко двору, но непосредственно не входивших в него. Он дошел до нас лишь в рукописях XVI и XVII веков, но язык и подборка событий, включенных в него, позволяют с известной уверенностью утверждать, что он был создан в 1287—1295 гг. Речь идет об анонимных анналах правления Альфонсо X, опубликованных в 1995 г. Мануэлем Гонсалесом Хименесом в «Вестнике королевской академии истории». С точки зрения жанровой специфики этот источник, скорее, тяготеет к памятникам, включенным мной во вторую группу, поскольку тоже, как и прочие анналы, выполнен в форме погодных записей. Однако, в отличие от всех приведенных выше местных анналов, эти посвящены конкретному человеку и описывают события, происшедшие с ним во время его правления. Это сближает рассматриваемый текст с представителями жанра так называемых «королевских хроник», то есть хроник, выстроенных вокруг рассказа о правлении того или иного короля.²

Текст «Анналов...» разбит на 20 глав, пронумерованных от 1 до 19 (глава 6 повторена дважды). Эти 20 глав, в свою очередь, довольно четко делятся на две части, различающиеся стилем, особенностями языка и содержанием. Первая часть, включающая в себя главы с 1-й по 17-ю, была составлена около 1287 г. и немного отредактирована в начале правления Альфонсо XI, тогда как вторая, охватывающая две последних главы текста, писалась позже, в конце правления Педро I или в начале Энрике II Трастамара.³ На это указывает, помимо разного почерка писцов, и совер-

¹ Bio. 23: Apud Secobiam similiter cum in sero de civitate tres in ipsum sagitas emisissent ut ipsum vita et regno privarent, sagite in partem aliam voluntate deifica declinarunt, et in quodam lignum loco superpositum impegerunt, Regis interitum declinantes. A quibus vero vel a quo sagite fuerunt misse, et cuius seu quorum consilio, varie decantatur; et sanius iudicio subticere quam super facto tam enormi aliquid sorsptitare.

² Подробнее о становлении в кастильской историографии «королевских хроник» и об их жанровых особенностях см.: *Gómez Redondo, F.* De la crónica general a la real. Transformaciones ideológicas en «Crónica de tres reyes» // La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII—XV). Seminario organizado por la Casa de Velázquez (30.01.1995). Estudios reunidos e introducidos por Georges Martin. Madrid, 2000. P. 95—124; *Id.* La construcción del modelo de la crónica real // Alfonso el Sabio y las Crónicas de España. / al cuidado de Ines Fernández Ordoñez. Valladolid, 2000. P. 133—158.

³ См. Об этом: *González Jiménez, M.* Unos anales... P. 469, 473—474

шенно иное содержание, принципиально отличное от первых 17 глав: завершающие главы «Анналов...» посвящены подробному изложению легенды о богохульстве Альфонсо X, о небесном суде, собравшемся по этому поводу у престола Бога и о приговоре, вынесенном Всевышним кастильскому суверену. Анализ данной легенды, ее происхождения, генезиса и бытования в историографической традиции, как представляется, имеет смысл только в контексте иных источников, совпадающих с ней по времени создания, и потому будет вынесен в следующую статью, в которой будет рассматриваться образ Альфонсо X в исторических сочинениях Пиренейского полуострова сер. XIV — XVI вв.

В качестве места создания «Анналов...» М. Гонсалес Хименес определяет Бургос, а точнее, находящийся неподалеку от него монастырь святого Доминика Силосского.¹ На это указывают рассказ о чудесном сне Альфонсо X и его воплощении, сохраненный в первых трех главах «Анналов...», а также рассказ о случившемся в монастыре чуде с могилой святого Доминика, непосредственно предпосланный краткому сообщению о смерти Альфонсо X в главе 15-й. Собственно, эти главы, по замечанию М. Гонсалеса Хименеса, представляют собой краткое переложение соответствующих разделов «Чудес святого Доминика Силосского, изложенных на кастильском языке» — труда, составленного монахом этого монастыря Педро Марином в последней четверти XIII века.²

Содержание «Анналов...» (повторю, за исключением двух последних глав) создает четкое впечатление, что они были составлены лишь для того, чтобы написать в них главы с 12-й по 14-ю. В самом деле, в первых трех главах, а также в первой части 15-й главы автор отдает должное своему монастырю, рассказывая о чудесах, происходивших в его стенах и связанных с именем Альфонсо X. Главы, начиная с 4-й, представляют собой традиционно краткое, привычное для традиции средневековой анналистики, изложение событий 1256—1281 гг. В них отмечаются рождение детей Альфонсо и Виоланты с перечислением дат их рождения,³ брак наследного инфанта Фернандо де ла Серда с французской принцессой Бланкой,⁴ поездка Альфонсо X в Бокер на встречу с папой и заставшая короля за границей смерть его старшего сына, а также гибель королевского фаворита Нуньо де Лара и архиепископа Толедо дона Санчо от рук мавров,⁵ казнь инфанта Фадрике и магната Симона Руиса де Камероса,⁶ разгром

¹ Ibid. P. 471

² Ibid. P. 471—472; *Los Milagros Romanzados de Santo Domingo de Silos de Pero Marin / ed. por M. González Jiménez y L. A. Molina Molina*. Murcia, 2009

³ *Anales*. 4

⁴ *Anales*. 6

⁵ *Anales*. 6

⁶ *Anales*. 9

войск и флота Альфонсо X под Альхесирасом¹ и смерть матери Альфонсо Мудрого, королевы Беренгелы.² При этом составитель анналов допускает неточности, а то и прямые ошибки в хронологии, путается в родственных связях действующих лиц (так, он неточно перечисляет детей короля, делает Бланку Французскую дочерью Филиппа III, тогда как она была его сестрой и т. д.).

Все меняется, когда автор «Анналов...» приступает к описанию розни, возникшей между инфантом Санчо и его отцом и последовавшего между ними вооруженного конфликта: с этого момента и вплоть до рассказа о смерти Альфонсо Мудрого он перестает путаться в именах и датах, изложение приобретает развернутый, пространный характер. Автор совершенно определенно занимает в конфликте монарха и его сына-наследника позицию последнего. Согласно его версии, когда король отправился в 1281 г. в Севилью, чтобы похоронить там свою мать, королеву Беренгелу, он оставил Санчо управлять Кастилией вместо себя, чтобы все магнаты, инфансоны, рыцари и консехо относились бы к нему так же, как к своему королю. Санчо, объезжая королевство, нашел его в полном беспорядке и разорении и пожелал узнать их причину. В ответ на его вопрос он услышал многочисленные жалобы и прошения людей, уверявших его, что его отец, король Альфонсо Мудрый, разорил свою страну бесконечными поборами и лишил города и рыцарство их привычных фуэро. Завершались же эти жалобы общими просьбами к инфанту взять их под защиту от незаконий короля.³ Приняв эти жалобы и прошения близко к сердцу, инфант созвал своих единомышленников, среди которых перечисляются его дядя, инфант Мануэль, братья Педро, Хуан и Хайме, магнаты Лопе Диас и Диего Диас де Аро и ряд епископов, в том числе Хуан Альфонсо, епископ Паленсии, и фрай Фернандо, прелат Бургоса, и с их согласия объявил о созыве кортесов в Вальядолиде.

По результатам прошедшей ассамблеи, Санчо послал к своему отцу с просьбой уменьшить подати, дабы не опустошать страны. Альфонсо X в ответ призвал к себе на помощь сеньора Марокко Абен-Юсафа, прося его обуздать восставшего инфанта. Тот, в свою очередь, собрал вторые кортесы, на которых потребовал от собравшихся помощи в войне против

¹ Anales. 10

² Anales. 11

³ Anales. 12: ...Dexo [el rey] al ynfante don Sancho en toda Castilla que catassen los ricos homes e ynfançones e cavalleros e todos los conçejos, que fizieren por él asi como por él mismo. E el ynfante don Sancho, andando por las villas e por la tierra, fallóla toda despojada, e demandó por que hera aquello. E los pueblos dábanle voces e pidíanle merçed que los oyese. E mostraronle que heran todos despoblados e despachados e que cada dia se hericarien mas los pecheros por los muchos pechos que les hechava el rey don Alfonso su padre, e que los desaforaba e que los despassava muchas cosas. <...> E pidieronle por merçed todos en cada villa que el pesasse e que les ayudasse e que quisiesse contraer los pueblos por que no se perdiessse la tierra...

отца. Затем, как замечает автор анналов, началась война, в которой Альфонсо X вместе с армией мавров воевал с доном Санчо и войском христиан.¹ Автор упоминает, что войска собирались у Кордовы, однако подробно о боях под этим городом не говорит, в отличие, скажем, от составителей «Истории в диалогах». Война отца и сына закончилась смертью Альфонсо X, последовавшей в апреле 1284 г. Приведя сообщение о смерти короля и о начале правления его сына, хронист снова теряет все свое красноречие, возвращается к краткому, лапидарному стилю повествования и доводит свой рассказ до 1286 г. Затем, уже в правление Альфонсо XI, в конце 17-й главы «Анналов...» была сделана приписка о гибели под Гранадой двух инфантов — Хуана и Педро, — случившейся в 1319 г.

Желая доказать правоту Санчо в случившемся конфликте, автор «Анналов...» вынужден был где-то давать информацию не полностью, а где-то и вовсе идти на прямую подмену фактов. Так, он не мог не знать, что епископы Бургоса и Паленсии, хотя и присутствовали на ассамблее в Вальядолиде, но никоим образом ее не поддерживали; напротив, этим двум прелатам принадлежало письмо протеста, в котором они отказались принимать участие в антикоролевском собрании и, более того, упрекали собравшихся аббатов в создании эрмандад с мирянами, что противоречило их статусу как духовных лиц.² Не мог составитель «Анналов...» не знать и того, что Санчо вообще не имел права собирать подобных ассамблей, поскольку право созыва кортесов всегда было зарезервировано только за королем. Наконец, согласно «Анналам...», на первых кортесах в Вальядолиде было принято лишь обращение к королю с просьбой уменьшить подати и обременения, дабы не опустошать свое королевство. Однако, как прекрасно известно из других источников (и наверняка было известно составителю «Анналов...»), на этой ассамблее было принято решение о низложении Альфонсо X,³ на что Санчо также не имел никакого права. Наконец, умалчивает автор и о роли папского престола в развернувшемся конфликте, в частности, об интердикте, наложенном Мартином IV на Санчо за восстание против отца. Опустив же все эти детали, хронист создал

¹ *Anales*. 13: El ynfante don Sancho, avido su acuerdo, enbiógelo mostrar al rey su padre e pidirle merçed que no despechasse atanto los pueblos que se ermaria toda la tierra. E el rey don Alfonso no le tovo en nada e enbiólo amostrar Avenyuçaf, señor de Marruecos, como se levantava contra el su fijo e toda Castilla e que le acorriese, e que le embiase ayuda... <...> E guerreaba el rey don Alfonso de Sevilla con poder de los moros al ynfante don Sancho, su fijo, e él con poder de los christianos a su padre, asi que se juntó gran gente de christianos de la una parte e de la otra...

² *O'Callaghan, J.F.* *El Rey Sabio...* P. 92, 311

³ *Tol.* III, a. 1281: Anno Domini MCCLXXXI. Los ricos hombres de Castiella... .. e los concejos privaron al rey D. Alfonso, fijo del rey D. Fernando, que gano Sevilla.

Anales JM, 1282: Era MCCCXX fuit lata sententia contra regem Alfonso in Valleoleti, in mense Aprilis.

образ инфанта-защитника королевства и короля, не просто опустошающего свое королевство чрезмерными поборами, но еще и наводящего на него мавров.

* * *

К моменту создания Фернаном Санчесом де Товаром официальной королевской «Хроники Альфонсо X», образ *Мудрого короля* уже вполне сформировался в исторических сочинениях, имевших хождение в Кастильском королевстве. Значительная часть этих текстов, разумеется, концентрировалась не на личных качествах Альфонсо, а на событиях его правления, из которых наиболее значимыми признавались его поход за имперской короной 1274—1275 гг. и последовавшая за ним катастрофа. Практически все разобранные памятники так или иначе отводят какое-то место этим событиям — смерть в битве при Эсихе одного из могущественнейших магнатов королевства и фаворита Альфонсо X, графа Нуньо де Лара, последовавшая за ним, с разрывом в несколько дней, гибель от рук мавров архиепископа Толедо Санчо и кончина наследного инфанта Фернандо де ла Серда, сраженного болезнью и умершего в Вильяреале, практически обезглавили королевство. В отсутствие короля, находившегося в Бокере, командование над собирающимся войском принял еще совсем молодой инфант Санчо, в одночасье превратившийся из обычного инфанта в наследного. Ему, как известно, удалось, в общем, сдержать натиск берберов-маринидов и дожидаться возвращения короля, практически сразу подписавшего двухлетнее перемирие. Можно с известной долей уверенности предположить, что именно успешная кампания 1275—1276 гг. в сочетании со смертью старшего брата и отсутствием отца вскружили голову юному инфанту и заставили его мечтать о короне.

Второй блок событий, отразившийся в подавляющем большинстве нарративных источников конца XIII — начала XIV веков, — это, собственно, восстание инфанта Санчо. Поскольку практически все разбираемые тексты либо создавались в первые годы правления Санчо IV, либо подвергались тогда редакции, почти все они транслируют именно его точку зрения на конфликт Альфонсо X со своим сыном и наследником, в соответствии с которой наследный инфант выступал не мятежником, но защитником королевства от неправомерных претензий своего отца. Редкое исключение представляют собой «Толедские анналы III» и «Хроникон Карденьи II», авторы которых, как представляется, в целом поддерживали сторону Альфонсо X и не приветствовали нового короля. На фоне сказанного представляется странным практически полное молчание источников о восстании знати, имевшем место в 1272—1274 гг. Отдельные упоминания о нем всплывают при чтении «Анонимных анналов», но, пожалуй, и все. Этот сюжет начнет появляться несколько позже, в пространных хрониках конца XIII — первой половины XIV века (в частности, в «Истории

в диалогах»), но выйдет на первый план только в «Хронике Альфонсо X», где его разбору будет отдано больше половины всего объема хроники.

Еще одна «зона умолчания», хорошо заметная при анализе историографических текстов этой эпохи, — это законодательная деятельность Альфонсо X. За исключением одного короткого упоминания в «Анонимных хрониках Саагуна», мы не встретим ни слова ни о создании и распространении «Королевского фуэро», ни о «Зерцале», ни, тем более, о «Семи Партидах». Единственный момент, имеющий к этому отдаленное отношение, — это рассказ Хуана Хиля де Самора о проекте Альфонсо X по переводу на разговорный язык (*lingua materna*) большого объема различных текстов, в том числе всех книг канонического и гражданского права. Все же остальные памятники не дают ни одного упоминания переводческой, историографической или правотворческой деятельности короля. Весьма показательным в этом плане видится полное молчание на этот счет такого памятника «историографии знати», каким была «История в диалогах до 1288 года». Должна была появиться на свет «Хроника Альфонсо X», чтобы об этой стороне его деятельности понемногу начали писать в исторических сочинениях.

Несмотря на краткие и немногочисленные упоминания в источниках личных качеств Альфонсо X, можно все же утверждать, что к началу правления Альфонсо XI в историографии сложился обобщенный образ его прадеда. Он предстает читателю человеком весьма начитанным, любящим и умеющим учиться и учить, опытным в военном деле. Еще одна важнейшая характеристика монарха, введенная в оборот Хуаном Хилем де Самора и закрепившаяся впоследствии в более поздних текстах, — это его щедрость. Именно это качество Альфонсо X станет впоследствии базой для складывания первой из знаменитых легенд об этом монархе — легенды о его щедрости. Параллельно, источниками создается устойчивое представление о *Мудром короле* как о человеке, имевшем серьезные проблемы с Церковью; хотя папа и дарует ему временное право на сбор десятины в своем королевстве, все же именно «насилие со стороны Церкви» мешает Альфонсо X стать императором Священной римской империи. Впрочем, касаясь проблемных отношений с клириками, ни один из источников, разобранных в этой статье, не подвергает сомнению богообязанность короля и, ответно, любовь к нему Бога. Изменение этого представления и складывание второй легенды об Альфонсо X — легенды о его богоульстве, — станет еще одной из серьезнейших инноваций историографической традиции последующего периода. Наконец, в традиции, восходящей к «Первой всеобщей хронике Испании», косвенно и непрямым образом создается образ Альфонсо X как человека жестокого по отношению к своим близким, неверного и неуважающего правовых обычаев старины.

Все оговоренные и некоторые оставшиеся неназванными моменты будут развиты в историографии последующего периода, когда на смену анналам и кратким хроникам придут полномасштабные историописания Позднего Средневековья.

Глава 8

АЛЬФОНСО X ПРОКЛИНАЕТ СВОЕГО СЫНА¹

*Посвящается Хуану,
сыну инфанта Мануэля,
и Эркюлю Пуаро*

Летом 1275 г. умер старший сын Альфонсо X, Фернандо по прозвищу де ла Серда, провозглашенный наследником престола. По традиции наследования, существовавшей в Кастильско-Леонском королевстве, предполагалось, что трон перейдет Санчо, второму сыну короля.² Новый закон, изданный королем Кастилии и его юристами в *Семи Партидах*³ (возможно,

¹ Впервые опубликовано как: «Alphonse X maudit son fils», communication au colloque «L'investiture au Moyen Age (Espagne, France, Italie)», Paris, 4—6 février 1993. Atalaya, 5. 1994. P. 153—178. В работе над этой моей статьей мы весьма обязаны Карлосу Ойшу, Жан-Пьеру Жардену и Хесусу Родригесу Веласко, которые во время памятных мне семинаров подняли на очень высокий уровень мои размышления, существовавшие лишь в виде набросков. Возможно, мне удалось сохранить какой-то отблеск их света и энтузиазма.

² *Valdeavellano L.G. de. Curso de historia de las instituciones españolas. Madrid: Revista de Occidente, 1975 (4ème éd.). P. 433—436; Craddock J.R. La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio // Anuario de Historia del Derecho Español. 1981. T. 51. P. 365—418; Wolf A. Derecho electivo y sucesión hereditaria en los reinos y en el imperio de Alfonso el Sabio // España y Europa, un pasado jurídico común. Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia: Publicaciones del Instituto de Derecho Común. Universidad de Murcia, 1986. P. 223—255 (особенно см. p. 225—228). См. также: *Valdeavellano L.G. de. Curso de historia... P. 434.**

³ Использованное издание: *Las siete partidas ... / Ed. por G. López. Salamanca: Andrea de Portonaris, 1555.* Этот кодекс был составлен между 1256 и 1265 гг. Второй закон пятнадцатого титула Второй Партиды, носящий название «Каким образом старший сын

это последствия договора, заключенного в 1266 г.¹ во время подготовки к бракосочетанию Фернандо де ла Серда и Бланки Французской, дочери Людовика IX), предписывал назначить наследником Альфонсо де ла Серда, старшего отпрыска умершего сына Альфонсо X. Уступил ли король Кастилии настойчивости своего второго сына или же склонился к этому из истинного уважения к традиции, опасаясь усилить и без того могущественную группу противников обновления права, которое он предпринял?² После почти что трехлетнего молчания — безусловного показателя колебаний Альфонсо, документы свидетельствуют, что, начиная с весны 1278 г. Санчо именуется «старшим сыном и наследником».³ Возможно, те же самые юристы Альфонсо изменили соответствующим образом смысл

получает первенство и большую часть [наследства] относительно прочих детей», гласит: «(...) Кроме того, согласно древнему обычаю, поскольку все родители испытывали жалость и к другим детям, они не пожелали, чтобы старший сын владел всем, но чтобы у каждого была своя доля. Однако люди мудрые и понимающие, заботясь об общем благе для всех и сознавая, что в отношении королевств подобный раздел неизбежно приведет к их крушению, — как говорит Господь наш Иисус Христос, что всякое разделенное царство будет уничтожено, — они ввели правило, согласно которому никто, кроме старшего сына, не может получить сеньориальную власть над королевством после смерти отца. И таковой обычай был установлен во всем мире, где сеньориальная власть переходила по наследству, особенно же в Испании. И чтобы избежать несчастий, которые последуют или могут последовать, они предписали, чтобы сеньориальная власть над королевством всегда наследовалась по прямой линии. И еще установили они, что, если не будет старшего сына, королевство наследует старшая дочь. Они также распорядились, чтобы, если старший сын умрет до вступления в наследование и оставит сына или дочь, прижитых от законной жены, пусть он или она получат королевство и никто иной» (fol. 44v—46v).

¹ Относительно этого договора, от которого не осталось и следа в документах, см.: *Daumet G. Mémoire sur les relations de la France et de la Castille de 1255 à 1320*. Paris: Fontemoing et Cie, 1913. P. 10—85; *Craddock J. R. La cronología...* P. 400—402 (см. представленную там библиографию); *Chronique générale d'Espagne de 1344* // *Biblioteca Nacional*. ms. 10815. fols. 182v^o-183r^o (*Craddock J. R. Op. cit.* P. 212); *Chronique latine de Guillaume de Nangis de 1113 à 1300* / Éd. Par H. Géraud. Vol. 1. Paris, 1843. P. 235, 247 (цит. по: *Craddock J. R. Dynasty in dispute. Alfonso X el Sabio and the succession to the throne of Castile and Leon in history and legend* // *Viator*. 1986. Num. 17. P. 201).

² О «клятве в Лерме» (1270 или 1271 г.) и ее дополнениях (Бургос, 1272, Альмагро, 1273) см. *Ballesteros Beretta A. Alfonso X el Sabio*. Barcelona: CSIC, 1963. P. 477—535, 594—673. См. также: *Martin G. Les Juges de Castille. Mentalités et discours historique dans l'Espagne médiévale*. Paris: Klincksieck, 1992 (обзор недавних работ: p. 321—324; библиография: p. 384 n. 5; p. 386—387 n. 17—23).

³ *Ballesteros-Beretta A. Ibid.* P. 790; *Memorial histórico español*. Madrid: Imprenta de la Real Academia de la Historia, 1851. T. 1. docs. 143 (Арагон, март 1278), 145 (Кастилия, июнь 1278).

закона *Партид*.¹ Санчо, кем бы он ни был, был признан наследником на кортесах, собравшихся в Сеговии летом 1278 г.²

Тем не менее нашлись защитники прав Альфонсо де ла Серда и апанажа Фернандо, его младшего брата: королева Виоланта, жена Альфонсо X, которая сразу после кортесов в Сеговии бежала вместе с внуками в Арагон, желая обрести поддержку своего брата, Педро III;³ Хуан Нуньес, глава могущественного дома Лара, которому, умирая, Фернандо де ла Серда вверил судьбу своих сыновей;⁴ и особенно Филипп III Смелый, дядя инфантов. В декабре 1280 г. Альфонсо X предложил королю Франции возместить причиненный его племяннику ущерб, выделив для последнего королевство Хаэна, подчиненное Кастильскому королевству;⁵ в октябре 1281 г. по случаю созыва кортесов в Севилье это предложение обсуждалось в окружении короля.⁶ Этого было достаточно, чтобы спровоцировать столь пугающее сближение интересов Санчо и защитников традиционного права. В апреле 1282 г. в Вальядолиде инфант, окруженный братьями и родственниками, при поддержке большинства знатных семейств, прелатов и городов, опираясь на королей Португалии и Арагона, был утвержден наследником и добился того, чтобы ему были переданы все королевские права.⁷ 8 октября того же года он был торжественно лишен права наследования и проклят своим отцом.⁸ 8 ноября Альфонсо X продиктовал завещание, в котором он подтверждал лишение Санчо наследства, повторял свое

¹ *Craddock J. R. La cronología...* P. 407—411; *Idem. Dynasty in dispute...* P. 200. Изменение (ср. с первоначальной версией, приведенной в прим. 3) заключалось в следующем: «И они также распорядились, чтобы если старший сын умрет до вступления в наследство и оставит сына или дочь, прижитых от законной жены, пусть он или она получают королевство, но, если остается другой сын короля, чтобы наследовал он, а не внук» (*Biblioteca del Real Monasterio de San Lorenzo, El Escorial. Ms. Y. II.4, fol. 56v; Biblioteca Nacional (Madrid). Ms. 6725. fol. 62v^oa*). Первая версия Семи Партид, по всей видимости, была завершена в 1265 г., согласно точке зрения Дж. Р. Креддока, это изменение, целью которого было усилить права Санчо, должно датироваться 1275—1278 гг. Весьма вероятно, тем не менее, что она была вызвана необходимостью защитить права сына наследника Санчо IV, Фернандо IV, которые резко оспаривались из-за его малолетства. Те же рукописи свидетельствуют о снижении возраста совершеннолетия короля с двадцати до шестнадцати лет (*Craddock J. R. La cronología...* P. 410—411). Под давлением обстоятельств Фернандо IV принял власть, едва ему исполнилось 16 лет...

² *Ballesteros Beretta A. Alfonso X...* P. 852—857.

³ *Ibid.* P. 860—885.

⁴ *Ibid.* P. 764—765 et 801—804.

⁵ *Ibid.* P. 923—931.

⁶ *Ibid.* P. 945—953.

⁷ *Ibid.* P. 963—978.

⁸ *Ibid.* P. 992—998.

проклятие, присовокупляя другие поношения, и передавал королевство Альфонсо де ла Серда.¹

Проклятие, произнесенное Альфонсо X, заслуживает нашего внимания во многих отношениях. Прежде всего, потому, что это довольно редкое событие: хотя политическая история королевства Леона и Кастилии знала и другие случаи мятежа сына против отца или даже низложения отца сыном — вспомним злоключения Альфонсо III Великого или графа Гарсиа Фернандеса, — в ней нет и следа упоминаний о том, чтобы виновный в преступлении навлек бы на себя столь торжественное отцовское проклятие. Далее, поскольку оно обладало исключительной важностью: действуя одновременно, как в самых известных библейских примерах, на уровне родительском и духовном, оно также затронуло и политическую сферу. Не менее удивителен и его мировоззренческий контекст: возникнув на почве обновлений, оно повторяет жесты, пришедшие из самой древности. Наконец, поскольку, каким бы эфемерным оно ни было в момент своего изречения, оно, тем не менее, достигло нужного эффекта.

Итак, начнем с причин. И — возможно, эта попытка будет иллюзорной — попробуем понять, почему акт проклятия в духе Альфонсо X был столь внезапным.

Три документа содержат свидетельства о том, что именно привело к проклятию: акт торжественного воззвания от 8 октября,² севильское завещание от 8 ноября и второе завещание, дополняющее первое, составленное в Севилье 21 января 1284 г.³ К этим трем документам, вызванным реальными обстоятельствами, можно добавить (для того чтобы лучше оценить его идеалы и цели) общий абрис юридических сочинений *Мудрого короля*. Мы увидим, что факты и идеалы во многих отношениях вместе способствовали своему злосчастному столкновению.

В то время, когда происходит мятеж Санчо и разрыв королевства и короля, Альфонсо X руководит редактированием *Септенария*. На этом

¹ Ibid. P. 1000—1008. Текст первого завещания (и его подтверждение, в январе 1284): кастильская версия, весьма неполная, содержится в: *Chronica del muy esclarecido principe y rex don Alonso el qual fue par de emperador e hizo el libro de las siete partidas*. Valladolid, 1554, fol. 52r sq., а также в: *Memorial histórico español*. T. 2. Madrid: Imprenta de la Real Academia de la Historia, 1851. P. 110—122. Латинский перевод, сделанный для Филиппа Смелого, см.: *Daumet G. Les testaments d'Alphonse X le Savant roi de Castille // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. 1906. Num. 67. P. 70—99.

² Латинская версия опубликована в: *Zurita G. Anales de la corona de Aragón*. Zaragoza, 1610 («Indices rerum...», p. 171—175) и переведена на кастильский маркизом де Мондехаром: *Ibáñez de Segovia Peralta y Mendoza G., marqués de Mondéjar. Memorias históricas del rey don Alonso el Sabio*. Madrid: En casa de D. Joachin Ibarra..., 1777. Pp. 409—413. Перезидание перевода с комментарием см.: *Ballesteros Beretta A. Alfonso X el Sabio...* P. 992—998.

³ О публикациях кастильского и латинского текстов см. выше.

своем последнем произведении, которое во многих отношениях явилось окончательной версией того, что принято называть *Семью Партидами*,¹ Альфонсо завершает свою законодательную деятельность, целью которой было утвердить в более полной и строгой форме, чем раньше,² идеал и инструментарий королевского порядка. Донельзя упрощая, можно сказать, что сердцем его была модель *природной* (полученной от рождения) *сеньории* короля,³ распространявшейся на всех людей, рожденных на земле, причем под *природой* понималась их неизбежная зависимость от отца, который их породил, и от Бога, который их создал. С другой стороны, хронология произведений и их версий показывает, что в рамках этой же концепции в том изображении, которое они стремились придать законодательной власти короля, Альфонсо и его юристы с каждым разом все сильнее развивали идею единства отца (в данном случае, Фернандо III) и сына в разработке королевского права и понимания духовного начала и конца монархии.⁴ *Семичастие* открывается развитием аналогичной идеи: Альфонсо приводит свое имя, которое на кастильском состоит из семи букв, начинаясь на А (альфу) и заканчиваясь О (омегой), а затем — имя своего отца, также состоящее из семи букв, по образу имен Бога.⁵ В этом смысле мятеж Санчо, отринув естественную преемственность и духовную трансцендентность королевской власти, одним ударом поразил политическую идеологию Альфонсо X в самое сердце. Запомним это и теперь поразмышляем над текстами, где приводится проклятие.

¹ О датировке «Семичастия» и хронологической последовательности правовых произведений Альфонсо X см.: *Craddock J. R.* La cronología... (см. прим. 2); *Idem.* *El Setenario: última e inconclusa refundición alfonsina de la Primera Partida* // *Anuario de Estudios Medievales.* 1986. No. 56. P. 441—446; *Linehan P.* Pseudo-historia y pseudo-liturgia en la obra alfonsina // *España y Europa: un pasado jurídico común...* P. 264, 266; *Iglesia Ferreiros A.* Fuero Real y Espéculo // *Anuario de Historia del Derecho Español.* 1982. T. 52. P. 111—191; *Idem.* La labor legislativa de Alfonso el Sabio // *España y Europa: un pasado jurídico común...* P. 275—599; *Pérez-Prenó J. M.* Las leyes de Alfonso el Sabio // *Alfonso X y du época* // *Revista de Occidente.* 1984. No. 11 (extraordinario). P. 67—84. Что касается датировки Setenaria и эволюции идей, в контексте которых он появился, см.: *Martin G.* Alphonse X ou la science politique (Septénaire, 1—11) // *Cahiers de linguistique hispanique médiévale.* 1994. Num. 18—19.

² О европейском контексте см.: *Wolf A.* El movimiento de legislación y de codificación en Europa en tiempos de Alfonso el Sabio // *Alfonso X el Sabio, vida, obra y época.* Vol. 1. Madrid: Sociedad Española de Estudios Medievales, 1989. P. 31—37.

³ Partid. IV. 23. 2—4. Исследование: *Martin G.* «Alphonse X ou la science politique...» // *Cahiers de linguistique hispanique médiévale.* 1995. Num. 20.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*; Alfonso el Sabio. Setenario / Ed. por K. H. Vanderford. Barcelona: Crítica, 1984. P. 3—8. Эти имена были также именами инфантов де ла Серда. Санчо не дотянул до божественной модели.

Первый текст проклятия от 8 октября 1282 г. более других вписан в событийный контекст. Воспоминание об обстоятельствах, так сказать, создает короткое замыкание в размышлениях об акте проклятия и несколько не проясняет дорогу, которой я намерен следовать. Текст достаточно интересен, поскольку он свидетельствует о фактах и передает слова, которые избрал Альфонсо, чтобы обратиться ко всему королевству, а также указывает, как король представляет самого себя. На основании этого текста мы можем заключить, что Санчо делал упор на подтверждении традиционного права,¹ тратил деньги, собранные в виде налогов, и расхищал имущество короны² и, наконец, узурпировал всю власть.³ Из него видно, что король доходит до ограничения своей власти лишь городом Севильей, ищет помощи только у «(своих) врагов и (врагов) (своей) веры» — армий эмира Марокко Ибн Юсуфа, и все же — его поддерживает Бог...⁴ Наконец, мы видим воображаемое пространство, откуда он говорит: «И за эти грехи и преступления и за многие другие, которые он дерзко совершил против нас, не боясь Бога, не испытывая уважения к своему отцу... мы проклинаем его в той степени, в какой он заслужил отцовское проклятие, когда он был отвергнут Господом и по справедливому размышлению людей достоин лишь ненависти. И отныне мы придаем его божественному и человеческому проклятию».⁵ Далее следует приговор о лишении наследства.⁶

¹ «(Он подстрекал) людей против нас, говоря, что мы нарушили их фуэро, свободы и добрые обычаи... (И он дал им и уступил) сразу же фуэро, обычаи, свободы и привилегии, которые они получили и которыми наслаждались, обещая им, что он всегда будет их соблюдать» (*Ballesteros Beretta A. Alfonso X el Sabio... P. 994*).

² «(...) он завладел серебром и налогами, которые нам должны были заплатить мавры» (*Ibid. P. 993*); «Он насильственно похитил наши сокровища, деньги и драгоценности, как в Толедо, так и повсюду, где он мог их найти» (*Ibid. P. 994*).

³ «(...) он захватил силой и узурпировал сеньорию в наших королевствах, приняв во владение города, укрепленные места, замки, крепости и виллы, смещая наших судей, алькальдов и посланников с их должностей и ставя других на их место; арестовывая наших слуг и доверенных, как церковных, так и светских, и равным образом наших посольных и послов и каждого, кто приходил к нам...» *Ibid. P. 994*).

⁴ «Однако его покушению, столь жестокому, воспротивился Господь наш, вооружив для нас не только жителей города Севильи и прочих наших «верных», но даже самих наших врагов и врагов нашей святой веры» (*Ibid. P. 996*).

⁵ *Ibid. P. 997*.

⁶ Здесь я воспроизвожу выражения, которые понадобятся нам в дальнейшем: «И поскольку сын оказался мятежным, непокорным и заслуживающим осуждения, неблагодарным и неблагодарнее всех и поэтому недостойным сыном, мы исключаем его из наследства и лишаем права владения нашими королевствами, сеньориями, землями, почестями и должностями, и всеми прочими вещами, которые любым способом нам принадлежат, так что ни он, ни кто-либо за него, ни кто бы то ни было из его потомков никогда не сможет ничего от нас унаследовать» (*Ibid. P. 997*).

Он открывается такими словами: «Поскольку наше решение вынесено по Божьему внушению...»¹

Мы видим, как на самом высоком уровне проявляются те значительные категории идеала политической власти, о котором шла речь. Севильское завещание от 8 ноября дополняет взгляд на события и содержит статью о наследстве, имеющую колоссальную важность. Без сомнения, о ней, как и о завещании,² умолчали при публичном произнесении проклятия. Плод долгих раздумий, завещание освещает ткань понятий, которая обволакивает события и поношения. Она сделана из юридического материала.

Главный смысл речи — вверить Богу «того, кто получит (королевство) *по праву*».³ После изложения основной темы следует единственный правовой принцип, который в завещании не вызывает вопросов и который венчает следующие предписания — право первородства, основанное сразу на «обычаях», «обыкновениях», «естественном праве» и «фуэро и законах Испании».⁴ Для короля и его нотариев эта терминология, как мне кажется, служит отсылкой к трем правовым сущностям, которые, с их точки зрения, взаимосвязаны: к традиционной практике наследования королевского престола в Кастилии и Леоне;⁵ к понятным большинству людей

¹ Ibid. P. 992.

² А. Бальестерос-Беретта ясно показал, что дипломатические демарши Альфонсо X перед соседними королевствами имели место на несколько месяцев раньше произнесения торжественного проклятия (Ibid. P. 973—992).

³ «qui illud habuerint fideliter et de jure» См.: *Daumet G. Les testaments...* P. 76. С большой ясностью и настойчивостью этот вопрос был поставлен во втором завещании (январь 1284 г.): "(...) hec omnia habeat ille qui de jure pro nobis dominium majus Castelle et Legionis fuerit dominatus" (Ibid. P. 91), «Et si ille qui noster de jure fuerit successor...» (Ibid. P. 91), «Similiter mandamus illi qui noster de jure fuerit successor...» (Ibid. P. 91), «dominium recognoscant illi qui juste et pro nobis Castellam et Legionem et alia nostra regna heredare contingerit» (Ibid. P. 92), «Et istud quod nos mandamus quod dominus Johannes teneatur obedire illi cui totum nostrum de jure heredare debuerit...» (Ibid. P. 93), «Item mandamus... quod remaneat in illo qui juste et pro nobis Castellam et Legionem heredaverit» (Ibid. P. 94).

⁴ «Et quia est consuetudo, et usus et jus naturale, et eciam forus et lex Yspanie qod filius major heredare debeat regna et dominium sui patris, non comitendo aliqua contra ista jura prebita, quare illud amittere debeat...» (Ibid. P. 77).

⁵ Этот обычай объединял астура-леонскую традицию (идушую с XI в.), согласно которой корона передавалась по праву первородства, и наваррскую, когда король оставлял завещание, которым, как правило, делил королевство (королевства) между своими сыновьями. Л. Гарсия де Вальдеавельяно подводит итог этому процессу: «Начиная с XI в. в Кастилии и Леоне была принята система добровольной передачи наследства посредством завещания или изъявления последней воли короля, однако одновременно с этим согласно обычному праву утверждается передача престола старшему сыну короля, в крайнем случае — других сыновей, равным образом признаются наследственные права

«естественным», иначе говоря, божественным законам, среди которых, без сомнения, право первородства, как оно показано в Библии; и, наконец, к писаному гражданскому праву, которое здесь не может быть ничем иным, кроме собственно кодификации Альфонсо, дополненной, как известно, «естественным правом»¹ (ведь старый свод законов, *Liber iudiciorum*, еще

дочерей» (*Valdeavellano L. G. de: Curso de historia... P. 434*). После того как по воле случая и благодаря искусным переговорам Беренгеры ее сын Фернандо III получил короны Кастилии и Леона без соправителей, он передал оба эти королевства своему старшему сыну Альфонсо X. После этого фактически применялся исключительно неделимая передача королевства по праву первородства.

¹ Обычай/ естественное право/ (право народов)/ гражданское право: D. 1.1.9 (*Gaius libro I Institutionum I.I*): «Omnes populi, qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum iure utuntur; nam quod quisque populus ipse sibi ius constituit, id ipsius proprium est vocaturque ius civile, quasi ius proprium civitatis; quod vero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur vocaturque ius gentium, quasi quo iure omnes gentes utuntur. Populus itaque Romanus partim suo proprio, partim communi omnium hominum iure utitur». D. 1.1.3 (*Ulpianus Libro I Institutionum*): «Ius naturale est, quod natura omnia animalia docuit: nam ius istud non humani generis proprium, sed omnium animalium quae in terra, quae in mari nascuntur, avium quoque commune est. Hinc descendit maris atque feminae coniunctio, quam nos matrimonium appellamus; hinc liberorum procreatio, hinc educatio: videmus etenim cetera quoque animalia, feras etiam istius iuris peritia censeris». D. 1.1.4 (*Ulpianus Libro I Institutionum*): «Ius gentium est, quo gentes humanae utuntur, quod a naturali recedere facile intellegere licet, quia illud omnibus animalibus, hoc solis hominibus inter se commune sit». D. 1.1.6pr. (*Ulpianus Libro I Institutionum*): «Ius civile est, quod neque in totum a naturali vel gentium recedit, nec per omnia ei servit; itaque quum aliquid addimus vel detrahimus iuri communi, ius proprium, id est civile, efficimus». Isidorus Hispalensis. Etimologiarum sive Originum libri XX. V.2.1: «Omnes atem leges aut divinae sunt, aut humanae. Divinae natura, humanae moribus constant; ideoque haec discrepant, quoniam aliae aliis gentibus placent. Ius autem naturale, aut civile, aut gentium. Ius naturale est commune omnium nationum, et quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur; ut viri et feminae coniunctio, liberorum successio et educatio... Ius civile est quod quisque populus vel civitatis sibi proprium humana divinaque causa constituit. Ius gentium est sedium occupatio, aedificatio, munitio, bella, captivitates, servitutes, postlimina, foedera pacis, indutiae, legatorum non violandorum religio, conubia inter alienigenas prohibitas. Et inde ius gentium, quia eo iure omnes fere gentes utuntur» (cfr.: Decretum Gratiani.I.d.1.c. 1, 7—8). Decretum Gratiani.I.d.1.pr.: «Humanum genus duobus regitur, naturali videlicet iure et moribus. Ius naturale est, quod in Lege et Evangelio continetur...»; Ibid. I.d.9.c.11: «Cum ergo naturali iure nichil aliud precipiatur, quam quod Deus vult fieri, nichilque vetetur, quam quod Deus prohibet fieri; denique cum in canonica scriptura nihil aliud, quam in divinis legibus inveniatur, divinae vero leges natura consistent; patet, quod quaecumque divinae voluntati, seu canonicae scripturae contraria probantur, eadem et naturali iuri inveniuntur adversa». См. также у средневекового болонского юриста, глоссатора Плацентина (ок. 1130/1192 гг.) (*Placentin. Summa institutionum. I.2*): «Ius naturale est quod natura omnia animalia docuit. Natura id est Deus, quia facit omnia nasci». Правовые категории обычая, естественного и гражданского права, как мне кажется, лежат в основе мало чем отличающихся друг от друга аргументов в пользу права первородства, изложенных в со-

ответствующем законе Семи Партид (*Partid.* II. 15. 2): «Старшинство означает родиться первым. Это великий знак любви, явленной Богом детям королей, из которых одному Он дает его, помимо прочих его братьев, рожденных после. Ибо Он ясно дает понять, что того, кому Он хочет отказать подобную честь, Он ставит впереди и над прочими, так что другие должны ему повиноваться и почитать его за отца или сеньора. Истинность этого подтверждается тремя доводами: во-первых, естественным, во-вторых, по закону, в-третьих, согласно обычаю. Ведь согласно природе, раз уж отец и мать желают иметь потомство, которое унаследует их имущество, тот, кто рождается первым и быстрее достигает возможности осуществить их желание, и должен быть по праву любим ими больше всех и получить [их наследство]. Еще это подтверждается законом, теми словами, которые сказал Господь Бог Наш Аврааму, когда, чтобы испытать его, приказал ему взять Исаака, его первенца, и зарезать его из любви к Нему. И сказал он это по двум причинам: во-первых, потому что этого сына он любил больше всех, как себя, из-за того, о чем мы сказали выше; во-вторых, потому что Бог избрал его святым, раз уж Он захотел, чтобы тот родился первым, и вот почему Он приказал Аврааму принести эту жертву, ведь сказал Он Моисею в Ветхом Завете, что всякий мальчик, родившийся первым, должен почитаться священной вещью Бога. А что прочие братья должны почитать его за отца, доказывается тем, что он старше их и пришел в мир первым. А то, что они должны почитать его как сеньора, доказывается словами, которые сказал Исаак сыну своему Иакову, когда благословил его, имея в виду, что он был старшим: «Будь господином над братьями своими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинаящие тебя — прокляты, благословляющие тебя — благословенны». Итак, этими словами он дал понять, что старший сын имеет власть над остальными братьями как отец и сеньор и что они должны почитать его таковым. Кроме того, согласно древнему обычаю, поскольку все родители испытывали жалость и к другим детям, они не пожелали, чтобы старший сын владел всем, но чтобы у каждого была своя доля. Однако люди мудрые и понимающие, заботясь об общем благе для всех и сознавая, что в отношении королевств подобный раздел неизбежно приведет к их крушению, — как говорит Господь наш Иисус Христос, что всякое разделенное царство будет уничтожено, — они ввели правило, согласно которому никто, кроме старшего сына, не может получить сеньориальную власть над королевством после смерти отца. И таковой обычай был установлен во всему миру, где сеньориальная власть переходила по наследству, особенно же в Испании». Подобные идеи можно проследить и в «Зерцале права» (*Espéculo*), составление которого, как представляется, было прервано в 1256 г. в связи с началом работы над Партидами: «В вышеуказанном законе (речь идет о прологе — *прим. автора*) мы сказали, что старший сын короля является наследником по праву; теперь же мы хотим показать, как он им является по трем другим основаниям: по природному основанию, согласно закону и обычаю. По [природному] основанию это доказывается так, что, поскольку отец и мать естественным образом желают иметь потомство, которое унаследует их имущество, и ради этого они вступают в брак, первый сын для них — радость, так что естественно, что, раз они счастливы, что он исполнил их желание в том, о чем мы сказали выше, он и получает их имущество и наследует его, поскольку власть над этим имуществом не может быть разделена. И кроме того, естественно, что тот, кто рождается первым, быстрее приходит к тому, чтобы управлять народом и занять место своего отца. Законом это доказывается на том основании, что святые патриархи давали благословение первенцам, так что те становились сеньорами над своими братьями

действующий,¹ в области частного права предусматривает равный раздел имущества между детьми,² а королевская власть трактовалась там не как наследственная, а как выборная³). После этого солидного вступления завещание от начала и до конца пронизано искажениями, которые смешивают факты и право.

Если мы рассмотрим текст чуть выше, мы непременно заметим, что все, что он предписывает, противоречит обычному порядку наследования престола в Леоне и Кастилии и соответствует первой версии *Partid.* II. 15. 2, т. н. «представительству»:⁴ второй сын короля, Санчо, лишен права наследования в пользу первого сына покойного наследника, Альфонсо де ла Серда.⁵ Конечно, после Санчо все сыновья Альфонсо X были замешаны в мятеже и, следовательно, представлялись лишенными своих прав.⁶

и, следовательно, наследовали их имущество. Обычаем: поскольку короли всего мира, где власть была прямой и полной, пользовались им и пользуются до сих пор, как и другие знатные люди, сеньоры, владеющие большими участками земли, городами, замками и другими местечками, где пожелали, чтобы власть была единой. То же самое мы относим и к старшей дочери, если не будет сына; и даже если дочь родится раньше сына и у нее будет потомок мужского пола, то как раз последний и должен наследовать. Это мы тоже желаем подтвердить законом и правовым основанием: законом, поскольку в Ветхом Завете наследует сын, а не дочь, даже если он младше, а тем более старший сын, который по этому закону назван святым Господа; правом же, поскольку старший сын может обладать сеньориальной властью, чего не может делать дочь» (*Espec.* II. 16. 1).

¹ *Fuero juzgo en latín y castellano.* Madrid: Real Academia Española, 1815. Влияние *Liber Iudiciorum* («Книги приговоров»), переведенной на кастильский под названием «*Fuero juzgo*», усиливается в правление Фернандо III, который приказал перевести ее на разговорный язык, и Альфонсо X. Среди многочисленных территорий и городов, в которых она имела силу закона в интересующий нас период, были Леон и Толедо, а также значимые города Андалусии и Леванта (Кордова, Севилья, Херес, Лорка, Эсиха, Картахена, Аликанте, Мурсия, Ориуэла).

² LI. IV.2.1; *Fuero Juzgo.* IV.2.1. Относительно появления привилегий в наследовании, связанных с правом первородства, см.: *Martin G. Les juges de Castille...* P. 556—565.

³ Указ. издание, *Primus titulus.* I—2 (P. I—III) (латинская версия); *Primero titolo.* I—2. P. I—III (кастильская версия).

⁴ См. сн. 3. «*Représentation*»: первенец умершего сына правит как представитель своего отца.

⁵ «*Et ideo ordinamus, damus, concedimus et mandamus in hujusmodi testamento, quod nostrum dominium majus omnium que habemus et habere debemus, post nostros dies remaneant nostris pronepotibus, filiis doni Ffernandi nostri filii quondam primogeniti et heredis, taliter quod major sit heres in isto dominio supradicto et alteri bonum faciat prout sibi competit, secundum quod forus Ispaniae mandat fieri illis filiis qui dominium majus sunt minime habituri, ac cum tali modo quod illud sibi contulerit quod teneat de eo tanquam de domino naturali*» (*Daumet G. Les testaments...* P. 85).

⁶ «*Et quia ille alios nostros filios ad hujusmodi factum induxit, faciendo eis intelligere falsitates per quas oportuit eos moveri contra nos crudeliter...*» (*Ibid.* P. 79). За многие престы-

Как и инфант Мануэль,¹ брат короля, и его потомки. Как и король Диниш Португальский, потомок Урраки, первой младшей сестры Беренгелы, бабушки Альфонсо, который тоже поддержал Санчо.² Конечно, наваррская традиция, часть традиции кастильской, предоставляла королю полную свободу в составлении завещания.³ И тем не менее Альфонсо не пришлось в голову передать королевство, например, своему брату Энрике,⁴ который оставался в стороне от мятежа; или детям Фернандо III от второго брака с Жанной де Понтье, своим сводным братьям Фернандо и Людовику.⁵ Более того, предусмотрев в первом завещании возможность перехода на его сторону братьев Санчо, он все равно исключил их из наследования «главной сеньориальной власти».⁶ И в самом деле, если бы они вернулись, совершив публичное покаяние,⁷ они бы не получили от Альфонсо ничего, кроме своеобразного возмещения.⁸ Что же касается свободы составлять завещание, пришедшей из обычая Наварры, она была сильно ограничена традиционными правилами наследования: вспомним единодушное отклонение завещания Альфонсо I Воителя.⁹ Итак, здесь необходим закон

пления Санчо, о которых идет речь в завещании (мятеж против короля, порочащие толки, попытка умерщвления и т. д.), в «законах Испании» предусматривается наказание: по «Fuero Juzgo» (*Tit.* 1, 9—10) — отлучение от Церкви, по «Зерцалу» (2, 6—10) — смертная казнь и конфискация имущества. Таким образом, цивилизованное право придает обоснование санкциям, принятым в завещании Альфонсо X, сразу на двух уровнях — на человеческом и духовном. Однако это обоснование, особенно в Fuero Juzgo, само должно быть подкреплено тем же, чем Альфонсо X подкрепляет свое завещание — Законом Бога.

¹ «Et amplius dono Manuelo nostro fratri...» (*Ibid.* P. 79)

² Диниш I Земледелец был внуком Альфонсо X со стороны его родной дочери Беатрис («Et habebamus spem in rege Portugalie, qui erat noster pronepos, filius nostre filie...») (*Ibid.* P. 80). Как потомок Альфонсо VIII, король Португалии уступал право наследования королю Франции, которого Альфонсо назначил своим вторым, после де Ла Серда, наследником, поскольку тот происходил от Бланки, младшей сестры Беренгеры и Урраки (ср.: *Aguado Bleye P. Manual de historia de España. Vol. 1. Madrid: Espasa-Calpe, 1947. P. 695*).

³ *Craddock J. R. La cronología... P. 365—418; Wolf A. Derecho electivo y sucesión hereditaria... P. 223—255; Valdeavellano L. G. de. Curso de historia... P. 434*

⁴ В самом деле, взаимоотношения Альфонсо и Энрике были натянутыми, и инфант был выслан сначала в Тунис, затем в Рим (*Aguado Bleye P. Op. cit. P. 680a*).

⁵ *Ibid.* P. 681a.

⁶ «(...) Attamen hoc retinuimus semper in nobis quod si aliquis nostrorum filiorum, dono Sançio excepto, quem non credimus esse in numero aliorum, ad nostrum serviciū evenerit, quod ei possemus facere aliquod bonum signatum, excepto dominio majori» (*Daume G. Les testaments... P. 84*).

⁷ *Ballesteros Beretta A. Alfonso X... P. 1012—1020.*

⁸ Согласно второму завещанию короля, Хуан получает «королевства» Севильи и Бадахоса, Хайме — Мурсии (*Daumet G. Les testaments... P. 91—92, 94*).

⁹ *Martin G. Les juges de Castille... P. 174—177.*

о представительстве. Кстати, в завещании ничто не указывает на создание Альфонсо наследственного предписания. Более того, перед объявлением о лишении Санчо наследства Альфонсо X излагает причины, которые ранее заставили его назначить того наследником; так король провозглашает: «После смерти нашего старшего сына, инфанта Фернандо (...), и хотя у него был сын от законной жены, который, если бы наш сын прожил дольше нас, имел бы право наследовать имущество своего отца, как тот — наше, но поскольку Бог захотел, чтобы он покинул мир (или «круг»¹), а он был ступенью, через которую право передавалось от нас к его детям, мы, поразмыслив о древнем праве и о законе фуэро Испании, согласились, чтобы Санчо, наш второй сын, наследовал нам вместо Фернандо...»² Хотя Альфонсо рассказывал здесь о неформальной передаче, проходящей в духе традиционного права (как оно проявляется в *Liber iudiciorum* IV. 2. 2³), или же он делал аллюзию на переработку закона *Partid*. II. 15. 2,⁴ его завещание признает, что право наследования было на стороне Санчо. Разумеется, тот своим поведением показал себя недостойным и оказался лишенным прав — дальнейший текст говорит об этом довольно подробно.⁵ Тем не менее, необходим был закон, от которого вместе с применением *Partid* целиком⁶ Альфонсо X вынужден был отказаться; закон, а за ним право, сослаться на который Альфонсо не чувствовал себя способным и который ушел в подтекст его завещания.

Итак, где король нашел поддержку этого решения, лишенного юридических оснований, и кто не осмеливался его поддержать? Прежде все-

¹ Согласно кастильской версии завещания (М. Н. Е., 2, p.112).

² Латинский текст завещания здесь, как и в других случаях, кажется более надежным, чем его кастильская транскрипция: «(...) post mortem infantis doni Ffernandi nostri filii primogeniti (...), quantumcumque ille haberet filium de sua legitima muliere, qui si preabitus infans viveret plus quam nos de jure suum heredare debebat, utpote ille nostrum, sed ex quo Deus voluit quod ille de mundo (medio?) exivisset, qui erat linea unde jus de nobis ad suos filios descendebat, nos inspiciendo jus antiquum et legem rationis secundum forum Yspanie, concessimus tunc quod donus Sancius alter noster filius secundogenitus nobis succederet in loco doni Fferrandi, quia per rectam lineam propinquier nobis erat quam nostris pronepotes filii doni Ffernandi...» (*Daument G. Les testaments... P. 77*).

³ Латинская версия: «In haereditate illius, qui moritur, si intestatus discesserit, filii primi sunt: si filii desunt, nepotibus debetur haereditas...»; кастильская: «En la heredad del padre vienien los fijos primeramiente. E si non oviere fijos, dévenlo aver los nietos...» (*Ibid. P. 50a, 67a*).

⁴ См. прим. 7 и мои оговорки относительно тезиса Креддока. Само завещание и его переработка в данном случае дословно совпадают, но остается вопрос, что из них чему предшествует.

⁵ *Daument G. Les testaments... P. 78—79*.

⁶ О переходе законодательства Альфонсо из области закона в область доктрины см.: *Martin G. Alphonse X ou la science politique... (nota 5)*.

го, папа и король Франции.¹ Это были две силы христианского мира, от которых король терпел оскорбления на протяжении всего своего царствования — во время «погони за Империей», столь важной для оправдания его политического проекта, а также, что было еще опаснее, — в его отношениях с аристократией, оппозиционно настроенные семьи которой нашли в партии гвельфов рычаг влияния на королевскую политику.² Сам Альфонсо, будучи не в силах разрешить этот парадокс, вспоминает, что король Франции не был его другом;³ он обращается к нему в последнюю очередь, «как тот, у кого не будет другого пристанища».⁴ И все же поддержка короля Франции была единственным основанием — тактическим, но не «по праву», — которым король оправдывает лишение братьев Санчо наследства.⁵ Даже хуже: почти дойдя до края логики, которая ведет его к тому, чтобы отстранить от трона всех мятежников и тех, кто не пришел ему на помощь, Альфонсо делает короля Франции, потомка Альфонсо VII Императора и правнука Альфонсо VIII, своим вторым наследником в случае, если графы де ла Серда умрут, не оставив потом-

¹ *Daument G. Les testaments...* P. 83—86.

² Синтез и библиография: *Martin G. Les juges de Castille...* P. 317—324, 384—387.

³ «Item regi Francie illud ostendi misimus postremo quam omnibus aliis regibus et hoc tribus de causis : primo quia ille non erat tunc temporis noster amicus, quia hoc sibi minime complacebat; alia de causa quia sciebamus quod dictum fuerat sibi quod hec contencio, que ffuerat inter nos et dominum Sançium, non ffuerat aliud nisi quedam fictio oculuta, quam inter nos et illum adinvicem traebamus; tercio quia jam in aliquibus per experientiam sciebamus per preterita quod illud, pro quo nos ille rogare consueverat causa nobiscum amiciciam reformandi, si modo nos illud sibi moveremus, vel eciam rogaremus, fforte se nobis ostenderet mage carum vel fforte illud nollet ffacere ullo modo» (*Daument G. Les testaments...* P. 81).

⁴ Альфонсо подчеркивает свою родственную связь с Санчо и его братьями, чего не будет в случае с графами де Ла Серда: «Verumtamen rex Francie misit nobis dici et amplius quam alii, quod ssi nos daremus suis nepotibus, filiis Ffernandi quondam, illud quod ille petebat, quod ipse sse oponeret ad omnia nostra facta. Et nos, quando hoc intendimus et de hominibus cuntis mundi ex quibus solamen et sbssidium sperabamus, nos vidimus desolatam, quamvis de dono Ssançio et de aliis nostris filiis reciperemus illa dedecora et mala, que jam superius dicta sunt, attamen nunquam nos volueramus ire contra eos in exeredacione eorum nec eis maledicere secundum ius dictat super tali facto quod contra nos comiserunt; sed tunc temporis, sicut ille qui alium reffugium non habet, oportuit nos concedi miterere regi Francie omnia que volebat, illo se opponente ad omnia nostra facta et ffaciendo quod dominus papa se oponeret similiter ad eadem» (*Daument G. Les testaments...* P. 83—84).

⁵ «Et hoc facimus similiter, quia nullus nostrorum filiorum, secundum quod nobis videtur, per sse non posset defendere nostrum secundum quod modo remaneat ordinatum et secundum quod gentes sunt pauperes et pessimi intellectus; quod oportet ex necessitate quod ille qui illud haberet, quereret aliunde aliquem qui illud ei defendere adjuvaret. Idcirco non potest habere ita magnum iuvamen sicut regem Francie nec eciam ita bonum» (*Daument G. Les testaments...* P. 85).

ства.¹ Наконец, наряду с папой и королем Франции военную и финансовую поддержку королю Кастилии оказывает не кто иной, как главный представитель его политического и религиозного врага — Ибн Юсуф,² чьи мусульманские войска сражаются с восставшими под знаменами Альфонсо... то есть это почти целое королевство.

Тот, кто продиктовал завещание от 8 ноября 1282 г., был королем целого мира. Он чувствовал, что вынужден подробным образом оправдать свои действия. Перед этим Альфонсо успел снестись со всеми сильными мира сего, которые под разными предложениями могли бы прийти ему на помощь: с королем Португалии, королем Арагона, королем Англии.³ Всех троих он уговаривал как *родственников*, а двух последних — еще и как *друзей*.⁴ Ничего не добившись, Альфонсо смог лишь констатировать несостоятельность традиционных связей — родственных и дружеских.⁵ В то же время он взывал к принципам нового политического идеала. Он запросил помощи королей во имя общности их положения и судьбы — отцов

¹ «Et ut ista omnia rata maneant et stabilia, statuimus et ordinamus adhuc magis quod si filii decerent sine liberis qui heredare deberent, quod istud dominium ad regem Francie revertatur, quia venit recta linea ex imperatore Yspanie unde nos venimus et est abnepos regis doni Alfonso Castelle sicut nos, nam est pronepos sue filie» (*Daument G. Les testaments... P. 85*).

² *Daument G. Les testaments... P. 82—83*. Ибн Юсуф представляется здесь единственным королем, из тех, с кем контактировал Альфонсо, который смог постичь истинное право, несмотря на все разногласия с королем Кастилии: «Et videndo nos ita desertum ex omnibus rebus mundi, nisi solum de mercede Dei, et intendendo quod Abeynçaf, rex Cartagonum et omnium Ssaracenorum, trecolendo de amicia que inter nos erat firmata et respiciendo preçium mundi, preponendo, sse ante alios reges christianos et sarraçenos ad deffendendum veritatem et ius (...) credebat quod tam magnum preçium non poterat ffacere prout istud quo ad mundum, nec tantum honorem quo ad suam legem sicut custodire istam nostram domum, quod non fforet destructa, nec nos mortuus neque factus pro tam maxima prodicione, prout ista quam contra nos faciebant *proditores Dei et nostri*» (*Daument G. Les testaments... P. 82—83*).

³ *Daument G. Les testaments... P. 80—81*. Что касается контактов с королем Филиппом III, то Альфонсо, как мы видели, уточняет: «Item regi Francie illud ostendi misimus postremo quam omnibus aliis regibus...» (*Ibid. P. 81*). О двойственности политики испанской короны по отношению к Англии см.: *Goodman A. Alfonso X and the English crown // Alfonso X el Sabio, vida... Vol. 1. P. 39—54*.

⁴ «Et habebamus spem in rege Portugalie, qui erat noster pronepos, filius nostre filie...» (*Daument G. Les testaments... P. 80*); «Item tentavimus regem Aragonum, qui est ex duabus partibus noster levir et noster amicus ab antiquo huc usque, ex amicia quam nostrum genus et suum pariter habuerunt...» (*Ibid.*); «Et ad regem Anglie similiter destinavimus, qui est noster consanguineus, et noster levir etiam et amicus...» (*Ibid. P. 81*).

⁵ Cfr.: *Martin G. Le mot pour les dire. Sondage de l'amour comme valeur politique dans le Poema de mio Cid // Le discours amoureux. Paris: Université de la Sorbonne Nouvelle (Paris III), 1986. P. 17—59*; *Idem. Alphonse X ou la science politique...; Heusch C. Les fondements juridiques de l'amitié à travers les Partidas d'Alphonse X et le droit médiéval // Cahiers de linguistique hispanique médiévale. 1994. No. 18—19*.

народа и воплощений Бога.¹ Но короли остались глухи к новому воззванию, как и к традиционным ценностям. Тогда в поисках «права» понятийная конструкция — та самая, прославление которой мы видели в *Семичастии*, к которой прибегает Альфонсо в своем заявлении от 8 октября, — заменяет все прочие. Она подменяет собой «совесть» (которая, тем не менее, содержит ее²) и «обычай», и даже «природу» и «естественное право» (которое она же и основывает).³ Это — самая абстрактная идея, как и «закон», как и «цена» или «стоимость (*pretium*) мира»,⁴ как «истина»;⁵ идея настойчивая и в конце концов затмевающая весь горизонт — «право Бога». ⁶ То есть в своей неумолимой, хотя и имплицитной логике Священным Писанием этого права являются книга Бытия, которая устанавливает право первородства;⁷ книга Исхода, которая включает в себя четвертую

¹ «Et ostendendo sibi quod hoc factum quod contra nos commiserunt erat *contra Deum et contra omnes reges et patres* qui habebant filios aut vassallos...» (*Daument G. Les testaments...* P. 80; здесь речь идет о короле Арагона); «(...) et totum hoc malum quod nobis evenerat ita sibi, Deo volente, poterat evenire, *nam rreges et regna omnia in Dei potestate consistunt* ad dandum ea cui voluerit et aufere; et ideo eum rogavimus quod inspiciendo illud quod Dei est, quod nos juvaret...» (*Ibid.* P. 81; о короле Англии); «At cum illud sibi ostendi misimus tali modo quod hoc sibi cederet *pro eo quod Dei erat et regum...*» (*Ibid.* P. 81—82). Последняя цитата описывает взаимоотношения с королем Франции; о чем ярко свидетельствует кастильская версия: «pero enbiamosgelo mostrar en tal manera, que le pesase, e por *lo de Dios, et por lo de los reyes...*» (*Memorial Histórico Español*. Т. 2. P. 117). Итак, в этом завещании мы можем увидеть политическую модель «Семичастья» и ее описание в русле традиционных ценностей (*Martin G. Alphonse X ou la science politique...*).

² *Daumet G. Les testaments...* P. 79.

³ К месту упоминается «*ius naturale*», которое нарушает Санчо, особенно в отношении «*debitum nature*» (естественного долга), который сын должен исполнять по отношению к отцу; однако все это перекрывается мощным потоком «*ius divinum*» (*Daument G. Les testaments...* P. 78).

⁴ «*per forum et per legem mundi*» (*Daument G. Les testaments...* P. 79); «*preçium mundi*» (*Ibid.* P. 81, 82).

⁵ «*Contra veritatem et contre ius*» (*Ibid.* P. 79); «*veritatem et ius*» (*Ibid.* P. 82).

⁶ «(...) *In Dei gracia confidendo quod ex quo Ille omnium jurium radix estat...*» (*Ibid.* P. 77); «*ius divinum*» (*Ibid.* P. 78); «*Deus vult et lex mandate*» (*Ibid.*); «*contra preceptum Dei*» (*Ibid.*); «*per jus divinum*» (*Ibid.* P. 79); «*secundum Deum et legem*» (*Ibid.*); «*illum malum quod Deus stabilivit*» (*Ibid.*); «*contra Deum et contra ius*» (*Ibid.* P. 80); etc. Подобные отсылки рассыпаны по всему тексту завещания, но в кульминации его — проклятии Санчо — приводятся все скопом (*Ibid.* P. 79).

⁷ По словам Альфонсо, назначение Санчо наследником было сделано в надежде на Бога, «источника всего права»: «(...) et hoc sibi contulimus et concessimus perffectius quod illud sibi confferre potuimus et concedere, in Dei gracia confidendo quod ex quo Ille omnium jurium radix estat, quod ffaceret dono Sançio quod hoc intelligeret et servaret» (*Ibid.* P. 77). Как мы видели, в Зерцале и Семи Партидах право старшинства обосновывается отсылкой к Ветхому Завету: *Partid.* II. 15. 2; *Espec.* II. 16. 1.

заповедь, предписывающую сыну почитать отца и мать (и предусматривает смерть за неповиновение);¹ книга Второзакония, которая налагает божественное проклятие на того, кто презирает своего отца и мать и кто нарушает заповеди Божьи.²

Перед нами фактическая отмена права, имеющего под собой основания, но с которым король в глубине души не согласен, и реальное применение права, в которое он верит, но которым он не может воспользоваться без того, чтобы лишиться трона. Хаос, усугубляемый мятежом и лихорадочными поисками новых союзов, — при таких-то обстоятельствах возрастала и освобождалась от прочих составляющих права его божественная часть, Закон Бога, в соответствии с которым проклятие и было брошено. В этом неопровержимом и вечном основании, которое ставится выше истины, пространства и времени действия права, где *Бог* устанавливает *отцовские* законы, Альфонсо находит две опоры своей «природной» концепции королевского порядка. Предусмотренное для Санчо наказание, реверансы в сторону графов де Ла Серда находят здесь свои незыблемые устои, тогда как проклятие («И да будет он проклят Богом, святой Марией, всеми небесными святыми (букв.: всей небесной курией — прим. пер.) и нами»³), оперируя теми же самыми словами, которые в последних версиях *Партид* используются для обозначения высшего источника королевского права («дабы завершить столь большой и полезный труд, мы прибегли к милости Бога, его благословенного сына Господа Нашего Иисуса Христа,... святой Девы Марии, его матери,... и всех святых»⁴), этим духовным жестом, одновременно архаическим и вечным, знаменует возвращение вытесненных было представлений о праве.

Конечно, была и другая причина. Санчо получил поддержку всех сил этого мира. Альфонсо X — «Но если наше несчастье будет столь велико (он предвидел свое второе завещание — прим. автора), что, предав

¹ «Item filius qui contra preceptum Dei patrem dedecorat, nam lex dicit quod qui patrem aut matrem dedecorat morte moriatur» (*Daument G. Les testaments... P. 78—79*).

² «Item quia ipse nobis abstulit omnimodam potestatem crudelius quam nunquam factum fuit alicui viventi, potestas debet sibi auferri, secundum Deum et legem, et jus ex omnibus rebus in quibus potestatem habere posset, et pro illo malo quod ipse de nobis dixit contra veritatem et contra jus, dicimus nos contra eum illum malum quod Deus stabilivit contra illum qui talia diceret, et est hoc quod sit maledictus a Deo...» (*Ibid. P. 79*).

³ «(...) Sit maledictus a Deo et a Beata Virgine Maria, et ab omni celesti curia et a nobis» (*Ibid. P. 79*).

⁴ «Mas porque tantas razones, ni tan buenas como auia menester para mostrar este fecho, no podíamos Nos fablar por nuestro entendimiento, ni por nuestro seso, para cumplir tan gran obra, e tan buena, acorrimonos de la merced de Dios, e del bendicto su Fijo, nuestro Señor Jesu Christo, en cuyo esfuerço Nos lo començamos, e de la virgen Santa Maria su Madre, que es medianera entre Nos e el, e toda la Corte celestial...» (*Partid. fol. 3v^ob*).

тех, кто на нашей земле, захотят они сделать Санчо сеньором...»¹ — знал, что, несмотря на все его ухищрения, его сын будет править после него. С этой точки зрения проклятие из всех возможных наказаний было наиболее надежным и даже наименее иллюзорным. Став необратимым, лишив Санчо той трансцендентности, благодаря которой закон короля сливался с законом его отца и Бога, оно стремилось и дальше поразить его. После царствования Санчо правили, передавая власть от отца к сыну, Фернандо IV, Альфонсо XI и Педро I. Но графы де ла Серда все это время помнили о своих правах и о проклятии Альфонсо X. Сначала они бередили другие раны: кровосмесительный брак Санчо, малолетство Фернандо IV, потом Альфонсо XI.² В 1369 г. они наконец составили заговор, убили короля Педро I и возвели на трон Энрике II Трастамара. Последний был женат на наследнице де ла Серда. С воцарением их сына, Хуана I, сбылись распоряжения Альфонсо X относительно наследования. И во многом это случилось по причине проклятия Санчо. В глазах современного человека успех такого действия ощущается, прежде всего, как некое чудо, на самом же деле оно прекрасно отражает стиль мышления королевской семьи и ее династические стратегии. И как упоительно по прошествии более шести веков сорвать маску с подстрекателя и главного виновника, задолго планировавшего убийство короля! Рассмотрим теперь второй аспект проклятия — его воздействие на людей.

В своей *Книге об оружии* (*Libro de las armas*, около 1340 г.)³ Хуан Мануэль, племянник Альфонсо X, сын его младшего брата, инфанта Мануэля, так рассказывает о смерти короля Санчо IV. Еще молодой, терзаемый жестокими приступами кашля, страшаясь опасностей, которые угрожали его жене и ребенку, король будто бы заявил своему кузену: «Верьте, что я умираю не от болезни — эту смерть принесли мне мои грехи и особенно проклятие, которое наложили на меня родители и которое я заслужил».⁴ Кроме того, в противоположность благополучию, которое познал Хуан Мануэль, получив благословение от предков, передающееся из поколе-

¹ Daument G. Les testaments... P. 92.

² *Gaibrois de Ballesteros M.* Historia del reinado de Sancho IV de Castilla / 3 vols. Madrid: Revista de archivos, bibliotecas y museos, 1922; *González Minguez C.* Fernando IV de Castilla (1295—1312). La guerra civil y el predominio de la nobleza. Vitoria: Colegio Universitario de Alava, 1976; *Rosell C.* Crónica del rey don Alfonso el Onceno // *Crónicas de los reyes de Castilla*. Vol. 1 (66). Madrid: Biblioteca de autores españoles, 1875. P. 171—392; подробный анализ и библиографию см.: *Martin G.* Les juges de Castille... P. 459—470, 492—498 (notae).

³ Андрес Хименес Солер датирует составление этого произведения между 1337 и 1342 гг. (*Giménez Soler A.* Don Juan Manuel. Biografía y estudio crítico. Zaragoza: Academia Española, 1932. P. 175—176). Хоце Мануэль Блекуа (José Manuel BLECUA) считает, что оно было составлено после 1337 г. (*Don Juan Manuel*. Obras completas. T. 1. Madrid: Gredos, 1982. P. 21).

⁴ *Don Juan Manuel*. Libro de las armas // Don Juan Manuel. Obras completas. T. 1. P. 137.

ния в поколение, несчастье короля состояло в том, что он не мог передать дальше того, чего не получил: «Что касается меня, то я не могу дать моего благословения, ведь я не получил его от своих родителей. Даже наоборот: за грехи мои, за то, что я потерял их расположение, я удостоился их проклятия. Отец мой многожды проклял меня при жизни, пока был здоров, да и умирая, тоже проклял. Мать моя (она еще жива) также много раз прокляла меня, и я знаю, что она так и поступает до сих пор, и уверен, что так и сделает в свой смертный час». Хуже того: «И даже если бы они пожелали дать мне свое благословение, они не смогли бы этого сделать, так как никто из них не унаследовал и не получил его ни от отца, ни от матери. В самом деле, король Фернандо Святой, мой дед, дал свое благословение королю, моему отцу, под жесточайшими условиями, которые тот должен был соблюдать, а он не исполнил ни одного, так что нет у него благословения. Так же и мать моя, я думаю, лишена благословения своего отца, так как он не любил ее, подозревая, что она умертвила инфанту Констанцию, свою сестру».¹ Не стоит спрашивать себя, насколько эти строки правдивы. Суть в том, что раскрывается все более детально:² через проклятие Санчо — не благословенная, а затем и проклятая ветвь, которая начинается с Альфонсо X, в противоположность ветви Мануэля, где благословение, не прерываясь, нисходит через Фернандо III на Хуана Мануэля.³ Характер этого литературного воспоминания — внутрисемейные беседы, обстоятельства которых нам известны, — позволяют нам оценить его влияние.

¹ Ibid. P. 138ss. Продолжение текста рассказывает о благословении, полученном инфантом Мануэлем от его отца (Фернандо III) и матери (Беатрис Швабской) перед тем, как он сам передал его «своему желанному и любимому сыну» (Ibid. P. 138—139). Ср.: *Don Juan Manuel. Obras completas*. Т. 1. P. 139.

² Мы ничего не знаем о проклятии, которое, возможно, наложила королева Виоланте на своего сына, ни о проклятии, наложенном Фернандо III на Альфонсо X, ни о том, которое было наложено на Виоланту ее отцом — ничего, кроме зловредных слухов. Ситуация выглядит так, будто отец Альфонсо X доверил ему важные политические обязанности задолго до того, как назначил его своим преемником, и он изображает свои отношения с Фернандо в идиллической картине Септенария; однако далее рассказ о прошлом ведется не без умысла. В своей «Хронике Альфонсо X» (см.: *Crónicas de los reyes de Castilla...* Vol. 1 (66). P. 66), канцлер Альфонсо XI, Фернандо Санчес де Вальядолид, приближенный благодаря мятежу и защищавший права преемников, напротив, пытается представить, что Альфонсо X успел простить своего сына перед тем, как умереть...

³ В тот момент, когда я должен был отдать эту статью в печать, я получил замечательную работу Рафаэля Рамоса Ногалеса (*Ramos Nogales R. Notas al «Libro de las armas» // Anuario medieval*. 1992. Т. 4. P. 179—192) с прекрасной библиографией. Интерпретация этого памятника, данная Р. Рамосом, совпадает с моей; для полного понимания не хватает только объяснения ключевой зависимости между изображением династических связей по версии Хуана Мануэля и его весьма гибкой династической политикой (о чем будет сказано ниже).

Приводя последние слова другого Санчо, который также пошел против воли отца и противился разделу королевства, — Санчо II, короля Кастилии, убитого под Саморой после того, как он лишил наследства своих братьев, — авторы *Истории Испании* (1270) писали «(...) я прекрасно сознаю, что этим я обязан своим грехам и оскорблениям, которые я нанес моим братьям: я нарушил приказ моего отца и данную мной клятву не отнимать у братьев ничего, что им принадлежит».¹ К 1300 г. (началась ли уже над ней работа? — прим. автора) *Хроника Кастилии* заимствовала из его речи только тему сыновней виновности: «(...) я прекрасно сознаю, что этим я обязан своим грехам и нанесенным мною обидам, ведь я нарушил приказ моего отца и данную мной клятву». Во всяком случае, в 1344 г. Педро Альфонсо, португальский граф Барселуша, детализируя *Галисийско-португальский перевод «Истории Испании»* и *«Хроники Кастилии»*,² привнес в свою *Всеобщую хронику Испании* новые мотивы лишения наследства и проклятия. Так, разделив королевство между сыновьями, Фернандо I произносит следующую речь: «(...) однако Богу не было угодно, чтобы Санчо получил эти королевства и чтобы он оставил сына, который унаследовал бы их после его смерти (...). Я молю Бога, чтобы он никогда не получил королевства и чтобы не было дано ему сына, который бы правил после него».³ Затем, обращаясь к будущему Альфонсо VI относительно наследства, которым тот только что наделил своих дочерей, он говорит: «Бог дает тебе мое благословение, будь же благословен между братьями своими. А тот, кто отнимет от Урраки и Эльвиры то, что ты даешь им, получит мое проклятие»⁴ Нужно ли говорить, что в португальскую хронику мало-помалу вводятся выражения из публичного проклятия или из первого завещания Альфонсо X, и даже речи Хуана Мануэля, обращенной к умирающему Санчо IV?⁵ Как бы то ни было, при всей ее современности,

¹ Эта сцена и эти слова могли послужить образу, созданному доном Хуаном Мануэлем, который хорошо знал произведение своего ученого дяди и особенно «Историю Испании», «сокращение» которой он составил (*Crónica abreviada // Don Juan Manuel. Obras completas...* T. 2. P. 507—815).

² *Catalán D.* De Alfonso X al conde de Barcelos, Madrid, Gredos, 1962, p. 305 sq.; издание текста см.: *Lorenzo R.* La traducción gallega de la Crónica general y de la Crónica de Castilla. Orense: Instituto de Estudios Orensanos «Padre Feijoo», 1975. P. 348—349.

³ *Crónica geral de Espanha de 1344 / Ed. L. F. Lindley Cintra.* T. 3. Lisboa: Academia Portuguesa da História, 1961. P. 336.

⁴ *Ibid.* P. 342.

⁵ О проклятии см.: *Ballesteros Beretta A.* Alfonso X el Sabio... P. 997. В первом завещании Альфонсо было сказано: (...) non sit heres in nostro ille nec sui imperpetuum successores" (*Daument G.* Les testaments... P. 79); в кастильской версии: "(...) non herede en lo nuestro el, ni lo que vinieren del, por siempre jamas" (*Memorial Histórico Español.* T. 2. P. 114). Затем, в заключении (здесь речь идет о топике завещания): «Et si aliquis nostri generis qui velit ire contra ista omnia supradicta vel contra aliqua illarum, ... sit maledictus a Deo et ab Ec-

там можно обнаружить романские черты: «То не Вельдидо меня убил, / Но Господь это свершил; / Ведь я спокойно шел / по самой надежной дороге. / Верно, это свершилось проклятие / Того, кому обязан я рождением, / Ведь небо захотело, чтобы уничтожил меня тот, / Кто смог породить».¹ Длительный, подробный и детальный изобразительный ряд в литературе хорошо показывает, в какое место проклятие ударит Санчо. Вне литературы о том же самом свидетельствует династическая культура: так, именем проклятого не называли законных потомков королей Кастилии.² Сын Альфонсо X был последним королем Санчо. Помимо лишения политического наследства Санчо IV был наказан символической передачей его имени. На нем история остановилась, тогда как образ Санчо II служил совершенно не страшному изображению сына, подвергнутого проклятию отца. С этой точки зрения Санчо IV действительно был *лишен наследства*.

Наряду с письмами и династической политикой, роковой судьбе Санчо большое внимание уделяется в тех текстах, целью которых было оправдание узурпации и убийства короля династией Трастамара, объяснив это предначертанием Провидения.³ Эта литература стремилась связать про-

clesia Romana, et habeat maledictionem illorum unde nos venimus et nostram...» (*Daument G. Les testaments... P. 86*); кастильская версия: «Et si alguno quier de nuestro linage, quier de otro fuer... contra estas cosas sobredichas... que sea descomulgado et maldito de Dios et de la Iglesia de Roma, e aya la maldicion de aquellos onde nos venimos et la nuestra» (*Memorial Histórico Español. T. 2. P. 121*). В отношении благословения, данного инфанту Мануэлю Фернандо III, Санчо IV в «Книге об оружии» говорится следующее: «(...) кроме того, он дал ему свое благословение, говоря, что просил у Бога милости передать ему и даровать благословение, которое Тот дал ему, ведь Он дал ему все возможные благословения; и из всех вещей, которыми он владел, он наделил его лучшим наследством, чем кого-либо из своих сыновей» (*Don Juan Manuel. Obras completas. T. 1. P. 139*).

¹ *Durán A. Romancero general. T. 1. Madrid: Biblioteca de Autores Españoles, 1945. P. 507. Romance No. 781.*

² У Санчо IV было пятеро сыновей от Марии де Молина: Фернандо, Альфонсо, Энрике, Педро, Фелипе. У Фернандо IV был только один сын. Он должен был носить имя своего деда по отцовской линии, но ему дали имя его прадеда, Альфонсо. От брака с Марией Португальской у Альфонсо XI родилось двое сыновей — Фернандо и Педро. Зато среди тех родных детей, которых принесла ему Элеонора де Гусман, двое носили имя Санчо. Сын Педро I и Марии де Падилья носил имя деда — Альфонсо. Мальчика с именем Санчо мы видим среди детей Педро, рожденных от Исабель. См. Об этом: *Aguado Bleye P. Manual... T. 1. P. 705, 709, 716, 758—759 etc.*

³ Особенно см.: *Entwistle W.J. The arthurian legend in the literatures of the Spanish peninsula. New York: Phaeton Press, 1975 (2—ed.). P. 56—63, 175—181; Bohigas P. La «Visión de Alfonso X» y las «Profecías de Merlín» // Revista de filología española. 1941. No. 25. P. 383—398; Ballesteros Beretta A. Alfonso X... P. 209—211 (библиография); Craddock J.R. Dynasty in dispute... P. 207 (nota 7), относительно библиографии см.: *Ballesteros Beretta A. Alfonso X el Sabio. P. 994; Jardin J.-P. La figure du roi Alphonse X chez quelques chroniqueurs du XVème siècle // Cahiers de linguistique hispanique médiévale. 1994. No. 18—19.**

клятие Санчо с легендарной темой, развивавшейся в течение нескольких лет.¹ В самом деле, Педру, граф де Барселуш, был также первым историком, который развил тему «кошунства Альфонсо X».² Его рассказ начинается с пророчества, данного Беатрис Швабской, матери *Мудрого короля*, согласно которому ее старший сын «будет более могущественным и почитаемым, чем его отец, что так будет долгое время, что из-за слова, сказанного в гордыне против Бога, он будет лишен своей земли, кроме одного города, где он и умрет». Факты соответствуют пророчеству. «Став королем, Альфонсо часто произносил слова, преисполненные великой гордыни: что если бы он оказался рядом с Богом и стал бы Его советником, то многие вещи, если бы он был вверен Богу, были бы созданы намного лучше, чем они созданы сейчас». Некому рыцарю из Пампльеги было видение, где был оглашен приговор: «Король Альфонсо умрет лишенным наследства». Он предупредил об этом короля, но тому слишком вскружила голову гордыня: «если бы он был с Богом во время сотворения мира, он бы исправил и улучшил многие вещи, чтобы они были созданы лучше, чем теперь». Затем последуют предостережения, и король в конце концов принесет покаяние, но будет уже слишком поздно, чтобы изменить приговор.

Я умолчал об одной детали рассказа, которая касается разбираемой мной темы. Граф Барселуша описывает, что рыцарь из Пампльеги был «вскормлен» инфантом Мануэлем; и он показывает, что сначала он вернулся «в Пеньяфьель, где находился инфант Мануэль», чтобы поведать ему о своем видении. И, наконец, именно инфант, как пишет Барселуш, «приказал ему идти рассказать об этом королю, который был в Бургосе».

Что же касается логичности этого рассказа, то вписывание легенды в историю семьи и недавно отстроенной³ резиденции Мануэлей кажется излишним. Следует отнести ее к двум пассажирам из *Книги об оружии*, где Хуан Мануэль затрагивает историю рождения и детства своего отца. Инфант Мануэль, по словам его сына, был передан по поручению Фернандо III «Педро Лопесу де Айяле, который вскормил его в Пампльеге и Вильямуньо».⁴ Что касается его рождения, то оно, как и рождение Альфонсо

¹ К этим двум интересующим нас темам для полного комплекта следует добавить тему из «Пророчества Мерлина» и ее форму. См.: *Ibid.*; *Bohigas P. La 'visión de Alfonso X...* P. 390—393.

² *Craddock J.R. Dynasty in dispute...* P. 214—219 (переведенные нами фрагменты транскрибированы Дж. Р. Крэдкоком по рукописи из Национальной библиотеки (Мадрид) ms. 10815. fol. 188r^o-189v^o (эта часть хроники графа Барселуша остается неизданной)).

³ См. ниже. Если верить «Книге об оружии», именно дон Хуан Мануэль при финансовой поддержке дон Санчо, ставшего королем, построил или расширил замок (*Juan Manuel. Obras completas. T. 1. P. 135*). Но эта легенда поздняя и, как кажется на первый взгляд, связана с темой мятежа дон Санчо.

⁴ *Juan Manuel. Obras completas. T. 1. P. 123*. Возможно, речь идет о первом Педро Лопесе де Айяле (по прозвищу «Мотила»), упоминаемом в Древе дома Айялы (*García M.*

во *Всеобщей хронике 1344 г.*, связано с «пророчеством, данным Беатрис», которая увидела во сне, «что через это дитя и его род будет искуплена смерть Христова».¹ Впоследствии ребенок получил имя Мануэля, «имя Господа», подчеркивает автор;² и заметим, что эта символическая идентификация, кажется, воспроизводит ту, которую Альфонсо X в *Септенарии* относил к себе и к своему отцу...³ Кстати, комментируя сон, Хуан Мануэль заявляет: «И я слышал, как король (Фернандо, ее муж) ответил ей, что этот сон противоположен тому, что она видела, пока была беременна сыном Альфонсо, который стал потом королем Кастилии и отцом короля Санчо».⁴ Изложения первого сна нет ни в *Книге об оружии*, ни в других дошедших до нас произведениях Хуана Мануэля. Его содержание, противоположное тому сну, который касался инфанта Мануэля, и, следовательно, неблагоприятное, а также аналогия с рассказом о пророчестве, приведенным графом де Барселушем, заставляют думать, что подобного рода рассказ Хуан Мануэль и держал в голове. Кроме того, упоминание Хуаном Мануэлем Санчо в том самом месте, где он касается злосчастной судьбы Альфонсо («Альфонсо, который стал потом королем Кастилии и отцом короля Санчо»), совершенно ненужное со смысловой точки зрения вписывание графом де Барселушем эпизода с пророчеством в семейную историю Мануэлей и особенно связывание с Пеньяфьелем, который, как он знал, был подарен инфанту Мануэлю инфантом Санчо в честь рождения сына в 1283 г.,⁵ в разгар мятежа (затем этот замок, если верить *Книге об оружии*,⁶ был (пере)строен Хуаном при поддержке того же Санчо, ставшего королем) — все это побуждает увидеть во враждебной Альфонсо легенде о кошунстве, а также в ее легендарном продолжении о проклятии, составленном против Санчо, некую бинарную систему, задуманную и воплощенную в колыбели дома Мануэлей.

В сущности, можно ли согласиться с Джерри Крэдкоком, который видит в пророчестве Педро Барселушского эхо оправдания Санчо IV?⁷ По моему личному мнению, следующий пассаж из *Всеобщей хроники 1344 г.* бросает тень на легитимность преемника Альфонсо X. Педро Альфонсо был пер-

Obra y personalidad del canciller Ayala. Madrid: Alhambra, 1983. P. 340). В рукописи из Национальной библиотеки (Мадрид) ms. 10815 рыцаря зовут Педро Маргинес.

¹ Ibid. P. 122.

² Ibid. P. 123.

³ Martin G. «Alphonse X ou la science politique...; Alfonso el Sabio. Setenario» / Ed. por K. H. Vanderford. Barcelona: Crítica, 1984. P. 3—8.

⁴ Juan Manuel. Obras completas. T. 1. P. 122.

⁵ Giménez Soler A. Don Juan Manuel... p. 10; Ballesteros Beretta A. Alfonso X... P. 976—977.

⁶ Juan Manuel. Obras completas. T. 1. P. 135.

⁷ Craddock J.R. Dynasty in dispute... P. 207.

вым, кто возвел к графам де ла Серда и даже еще выше права французской короны на власть в Кастилии. Согласно его изложению, Беренгела, мать Фернандо III, не была старшей из дочерей Альфонсо VIII (и, следовательно, раз умерли все его потомки мужского пола, его законной наследницей¹). Ее сестра Бланка Кастильская, мать Людовика IX, родилась раньше и была выдана замуж за Людовика VIII как старшая дочь короля Кастилии.² Поэтому наследственные претензии французской короны могли быть исчерпаны только после брака Фернандо де ла Серда, старшего сына Альфонсо X, с Бланкой, дочерью Людовика Святого и сестрой Филиппа Смелого, поскольку ключевой пункт их брачного договора состоит в том, — и Педро Альфонсо связывает его с тем, что ок. 1300 г. писал Гийом де Нанги,³ — что сын Фернандо будет править в Кастилии, даже если у короля Альфонсо будут другие сыновья.⁴ Перед нами доказательство прав графов де ла Серда, несомненно, сформулированное во Франции, которое перенимает граф де Барселуш. И он воспринял его во всей глубине и полноте, поскольку, не удовлетвовавшись существованием имевшего силу брачного контракта (о котором сам Альфонсо X никак не упомянул в своем завещании, так что никакого документального подтверждения у нас нет),⁵ он намекает на первенство потомков Бланки Кастильской перед потомством Беренгелы. Созданная историком конструкция более двусмысленна, чем кажется. В ней можно обнаружить многожды усиленный мотив, намеченный в *Книге об оружии*: причины неудач Санчо кроются в тех, кто был до него: в Альфонсо X и даже в его отце Фернандо III и бабушке Беренгеле. В этих генеалогических глубинах берут свое начало права инфантов де ла Серда. Нельзя сказать, что Хуан Мануэль честно защищал права Санчо IV.

¹ См. выше. *Martin G. Les juges de Castille...* P. 201—203. О Фернандо III и обстоятельствах его восхождения на трон Кастилии и Леона см.: *González J. Reinado y diplomas de Fernando III / 3 vols. Cordova: Publicaciones del Monte de Piedad y Caja de Ahorros, 1980.*

² *Craddock J. R. Dynasty in dispute...* P. 203—204 et 206—207. Эта генеалогическая легенда, несомненно, исходит от рода де Лара, который таким образом оправдывал связь с инфантами де ла Серда и союз с королями Франции (это оправдание отмечено графом Барселуша в его хронике, см.: *Ibid.* P. 203 (и nota 14)). О дружбе Педро Альфонсо с домом де Лара и о его интересе к выявлению смысла и формирования наших легенд см.: *Lindley Cintra L. F. Crónica geral...* T. 1. P. CXLVII.

³ *Chronique latine de Guillaume de Nangis de 1113 à 1300 / Éd. Par H. Géraud. Vol. 1. Paris, 1843. P. 235, 247 (цит. по: Craddock J. R. Dynasty in dispute... P. 201).*

⁴ *Chronique générale d'Espagne de 1344 // Biblioteca Nacional. ms. 10815. fols. 182v—183r° (Craddock J. R. Op. cit. P. 212).*

⁵ *Daumet G. Mémoire sur les relations de la France et de la Castille...* P. 10—85; *Craddock J. R. La cronología...* P. 400—402; *Chronique générale d'Espagne de 1344...* fols. 182v°—183r° (Цит. по: *Craddock J. R. Op. cit. P. 212*); *Chronique latine de Guillaume de Nangis de 1113 à 1300...* P. 235, 247.

В самом деле эта последняя конструкция не уделяет никакого внимания Мануэлям и будто бы ничем им не обязана. Тем не менее, обе они возникают одновременно в Кастилии и Португалии в 1340-е гг., имея целью принизить ветвь королевского рода, идущую от Санчо IV и даже от Альфонсо X, и напротив, возвысить ветвь Мануэлей и де ла Серда. Заметим, что, как мы сразу же могли понять, они иначе подогнаны друг к другу и очень тесно связаны, ведь на самом деле то, что бьет по Санчо IV, возвышает де ла Серда, а то, что бьет по Альфонсо X, — Мануэлей. Кроме того, переплетающиеся исторические и легендарные мотивы берут свое начало из дома Мануэлей в трех случаях из четырех; и даже в четырех из пяти, если мы вспомним о сцене, включенной в то же самое время в *Хронику Альфонсо X*, в которой инфант Мануэль развивает в разговоре со своим братом «природный» принцип передачи королевской власти второму сыну, то есть Санчо. Но делается это в форме наставления, почти что выговора, в тот момент, когда король Кастилии, колеблясь, собирает советников, чтобы принять решение относительно преемника. То есть, то, что, согласно хронике, могло содействовать правам Санчо IV, точно так же в другой смысловой системе, когда мятеж и последовавшее проклятие уничтожили его естественные права, могло бы оказаться серьезным ударом по памяти Альфонсо и быть поставлено в заслугу славной и правой памяти Мануэлей...

Семейные легенды всегда основаны на семейных историях; в те годы, о которых идет речь, единокровные семьи Мануэлей и де ла Серда, общим родоначальником которых был король Фернандо III, находились в союзе. В самом деле, в 1329 г. Хуан Мануэль вступил в третий брак с Бланкой де ла Серда и Лара, дочерью младшего брата Альфонсо де ла Серда, Фернандо, и Хуаны Нуньес де Лара, дочери Хуана Нуньеса де Лара, представлявшего интересы инфантов де ла Серда.¹ От этого союза Хуан Мануэль имел сына и наследника Фернандо. Его имя — я обращаю на это внимание — трижды показательно с точки зрения генеалогической конструкции, которую я стремлюсь исследовать: это имя его деда по отцу, короля Фернандо III, благословившего инфанта Мануэля, а не Альфонсо; имя его деда по матери, Фернандо II де ла Серда, и, конечно, его прадеда по материнской линии, Фернандо I де ла Серда, старшего сына и наследника Альфонсо X. Кроме того, от Бланки Хуан Мануэль имел дочь Хуану.

В тот момент, когда появляются эти легендарные темы, о которых я говорил и которые отныне формируют династическую картину, Хуан Мануэль, вероятно, находился в неплохих отношениях с королем Альфон-

¹ Андрес Хименес Солер опускает эту деталь биографии (*Giménez Soler A. Don Juan Manuel... P. 91*). Эта родственная связь восстанавливается в работах: *Ballesteros Beretta A. Alfonso X... P. 802—803*; *Araluce Cuenca J. R. El libro de los estados. Don Juan Manuel y la sociedad de su tiempo. Madrid: Porrúa, 1976. P. 27*; *Craddock J.R. Dynasty in dispute... P. 199*. Сообщение в кн.: *Agüado Bleye P. Manual... P. 763*, является ошибочным.

со XI.¹ Но на самом деле это всего лишь видимость, которая длилась только до 1337 г.² В 1335 г. Хуан Мануэль «был денатурализирован», то есть порвал связь и природную зависимость от короля Кастилии. Менее чем за десять лет до этого, между 1327 и 1329 гг., он не только был денатурализирован, но даже вел войну против Альфонсо. Эти нехорошие взаимоотношения, более неизменные, чем может показаться из двух примеров, на которых я остановился и о которых упоминает Хуан Мануэль в *Книге об оружии* и в *Книге о государствах*,³ в свою очередь, имели под собой династические претензии. Немногим после 1320 г. имели место переговоры, касающиеся женитьбы молодого Альфонсо XI на Констансе, дочери Хуана Мануэля от второго брака с Констансой Арагонской.⁴ В ноябре 1325 г. собравшиеся в Вальядолиде кортесы одобрили брак, и Констанса стала тут же упоминаться как «королева Кастилии».⁵ Между тем, в 1327 г. Альфонсо XI изменил своему слову и стал искать брака с Марией, дочерью короля Португалии.⁶ Это и стало первой причиной раздора. Вторая, связанная с первой, задевшая Хуана Мануэля, все произведение которого пронизано

¹ *Giménez Soler A.* Don Juan Manuel... P. 112—118; *Araluce Cuenca J. R.* Op. cit. P. 29—31.

² Хроника Альфонсо XI, как и документальные источники, свидетельствует, что верность Хуана Мануэля своему королю не была безупречной и что оба были не без задних мыслей (*Giménez Soler A.* Op. cit. P. 114—118, 631—652 (docs.)).

³ «И пусть Господь спросит меня о моем теле и о душе, действительно ли за все благодеяния и наставления, которые я получил от него (доброего короля Санчо), я служил ему не самым преданным образом в меру сил моих, как и королю Фернандо, его сыну, и этому королю Альфонсо, его внуку; так что этот король определил мне место службы, и я не мог уклониться от его злобы» («Libro de las armas» // *Juan Manuel. Obras completas.* T. 1. P. 135); Хулио говорит королю Моравану: «Я уроженец Кастилии, далекой от вас земли, и когда я был там и был гораздо моложе, чем теперь, случилось так, что у инфанта по имени Мануэль родился сын, а матью его была Беатрис, графиня Савойи, жена того инфанта; и нарекли они сына Хуаном... я всегда видел его в крупных войнах, то со знатными людьми королевства, то с королем Арагона, то с королем Гранады, а иногда и с обоими. А теперь, когда я уехал, он ведет большую войну с королем Кастилии, который раньше был его сеньором» («Libro de los estados» // *Juan Manuel. Obras completas.* T. 1. P. 232—233). Источник с другой стороны, «Поэма об Альфонсо XI», свидетельствует о том же самом (*Poema de Alfonso Onceno / Ed. J. Victorio. Madrid: Cátedra, 1991: § 261—266, 295—300, 529—547, 589—600.*

⁴ *Giménez Soler A.* Op. cit. P. 77. Этот брак был приемом, изобретенным советниками юного короля Альфонсо XI для того, чтобы разрушить союз Хуана Мануэля и инфанта Хуана, брата покойного короля Санчо IV (оба они были попечителями короля), и таким образом положить конец их браженюю.

⁵ *Ibid.* P. 81 (docs.: 406 (p. 523); 413 (p. 527), и особенно: 417 (p. 531)).

⁶ *Ibid.* p. 85—86 (docs.: 434 (p. 541—542), 436 (p. 543—544); 447 (p. 549—550); 450 (p. 551—558)).

гордостью за свою принадлежность к королевскому роду и выдает нетерпение выказать самый высокий и глубокий восторг по этому поводу,¹ имела место между 1335 и 1337 гг., когда Альфонсо XI запретил Констансе, отец которой только что устроил ее брак с наследным принцем Португа-

¹ Этот мотив переходит из текста в текст. Приведем здесь отрывок из пятой и шестой глав «Книги без конца», где Хуан Мануэль будто бы обращается к сыну: «(5) Фернандо, сын мой, в предшествующей главе я говорил Вам о том, каким манером люди, подобные Вам, должны держать себя с королями, их сеньорами; в этой же я расскажу Вам, как люди, подобные Вам, должны вести себя со своим друзьями более высокого ранга. Совершенно точно можно сказать, что на сегодняшний день в Испании нет человека более высокого ранга, чем Вы, кроме короля. А поскольку короли чтимы более прочих людей из-за того состояния, в которое поставил их Господь, Вы всегда должны оказывать им почести на словах и оберегать данное им Богом первенство перед другими людьми, благодаря которому они являются королями. Что же касается действий, то Вы должны вести себя с ними как с соседями: ведь и отец, и дед Ваши, не имея столького, сколько имеете Вы, обращались с ними как с соседями...»; «(6) Фернандо, сын мой, так как в предыдущей главе я говорил Вам о том, каким манером люди, подобные Вам, должны вести себя со своими друзьями более высокого ранга, в этой я расскажу Вам о том, как Вы должны вести себя с друзьями, равными Вам. Итак, знайте, что, хотя я говорю в общем (ведь такова манера беседы) о том, о чем я размышлял, в этой главе я признаюсь Вам, что не знаю, как говорить дальше с Вами о том, что Вас касается, поскольку я не вижу в Испании друзей равного статуса. Ибо если речь о короле Кастилии или о его наследнике, они являются Вашими сеньорами, но никакой другой инфант или любой другой человек в сеньории Кастилии не является для Вас другом равного статуса; ведь, хвала Господу, благодаря Вашему роду Вы ничего никому не должны. Наконец, на полученное Вами наследство Вы можете содержать почти тысячу рыцарей, не ожидая королевского бенефиция, и можете отправиться в королевство Наварра или в королевство Гранада и на пути туда каждую ночь останавливаться в укрепленном городе или замке, который принадлежит мне. Что же касается статуса, который поддерживал Хуан Мануэль, Ваш дед, и сын его, Альфонсо, ставший его наследником, и я сам после смерти Альфонсо, которому я наследовал в свою очередь, то я не знаю ни одного инфанта, либо его сына или внука, который бы поддерживал свой статус так, как поддерживали и поддерживаем его мы. И я прошу и советую Вам и впредь поддерживать его так же, и пусть ничто не заставляет Вас думать, будто Вы поддерживаете статус знатного магната, и вести себя подобным образом. Ведь знайте, что Ваш статус и статус Ваших наследников приближается скорее к королевскому, чем к положению знатного магната. И если у Вас получится, и вы сможете и дальше так вести себя, то мало в Кастилии останется магнатов, которые, если у Вас будет, что им дать, не станут Вашими вассалами. А лучшие из них, представители самых знатных и древних домов, сочтут выгодным получить что-то от Вас и почитать Вас величайшим и лучшим, ведь так всегда и происходило с Вашими предками. То, что я говорю Вам здесь, согласуется с нынешним положением вещей, и я уповаю на милость Божью, что, если Он продлит мои дни и будет благоволять мне, как Он делал до этого, то, когда я покину Вас, все, о чем я говорил, осуществить будет еще легче» (*Juan Manuel. Obras completas. T. 1. P. 161—163*).

лии, покинуть Кастилию, чтобы соединиться с супругом.¹ Так, Мануэли, которые в 1282 г. в лице родоначальника дома, инфанта, примкнули к Санчо² и в лице его сына Хуана остались, правда, без особого энтузиазма, на стороне Фернандо IV, а затем, не без смятения, примкнули к юному Альфонсо XI,³ с 1327 г. оказались в весьма щекотливых отношениях с правящей ветвью. Когда Хуан Мануэль писал свою *Книгу об оружии*, он уже не был мужчиной в расцвете лет (он умер в 1348 г.), и Альфонсо XI держал королевство твердой рукой. Однако брак Хуана с Бланкой де ла Серда, состоявшийся спустя два года после оказавшихся бесплодными надежд, возлагаемых на Констанцию, свидетельствует о его решительном характере и дальновидности, на чем основаны и наши легенды. Перед смертью Хуан Мануэль имел достаточно времени, чтобы соткать тонкую ткань из союзов, литературных мифов и слухов и подарить ее тому, кто сможет воспользоваться случаем, чистокровному потомку королей, и здесь наиболее четко обозначились наследственные права де ла Серда и образ благословенного потомства Мануэлей, что — я еще раз подчеркиваю, поскольку здесь все необычайно серьезно, — было тесно связано с двумя пунктами завещания Альфонсо X: лишением наследства и проклятием.

Мы не можем разглядеть всю искусную ловкость, всю тщательность проведения этого маневра. Относящаяся к Мануэлю литература (по крайней мере, та часть, которая нам известна) доносит лишь ужас от проклятия Санчо, неблагословение Альфонсо, счастливое предзнаменование и благословение Мануэля. Сверх того, остаются слухи: о наставлении о праве преемства, которое преподал инфант Мануэль королю Альфонсо, и о «пророчестве, данном Беатрис», о котором слышал Педру де Барселуш. На самом деле, информацию об этих двух событиях португальский граф мог получить от Мануэлей,⁴ раз он без особой надобности связывает с ними детали своего рассказа. Внебрачный сын короля, Педру встречался с Констансой Мануэль при португальском дворе. В чистом виде враждебные Альфонсо мотивы в легендах дома Мануэлей должны были возвеличить королеву и ее потомство; кроме того, они оберегали память о коро-

¹ *Giménez Soler A.* Op. cit. P. 107—111 (docs.: 534—535 (p. 619)).

² В конце своего первого завещания Альфонсо X горестно жалуется на него: «Et amplius dono Manuelo nostro fratri similiter feceramus, nam sic erat suus amor in nostro animo radicatus, sicut illius filii quem amplius amabamus; et credendo nos quod primi qui hoc deberent dono Sancio ignorare et esse etiam contra eum quod illi essent, sed totum contrarium de hoc vidimus, nam sufecit eis solummodo sustinere illud quod ille faciebat nec ipsum ad hoc faciendum adjuvare, sed laboraverunt pro viribus homines terre indicare quod insurgerent contra nos, negando nostrum dominium et omnia alia debita boni que nobiscum habebant» (*Daument G.* Les testments... P. 79—80).

³ *Giménez Soler A.* Op. cit. P. 1—77.

⁴ См. об этом биографическую заметку: *Lindley Cintra L. F.* Crónica geral... T. 1. P. CXXX—CLXIX.

ле Динише, отце графа, который внес свою лепту в падение Альфонсо X. С другой стороны, Педро был очень дружен с родом Лара, родственниками Бланки де ла Серда по материнской линии.¹ Слухи, распускаемые Хуаном Мануэлем, могли дойти до него и через Лара, чьи интересы в деле де ла Серда были старинными и как никогда были связаны с судьбой отодвинутой от трона ветви рода. Кто знает, не узнал ли Педро Альфонсо их из уст нашего манипулятора² (ведь обратная ситуация, в самом деле, выглядела бы странно). Во всяком случае, Педру де Барселуш бывал в Кастилии трижды: между 1317 и 1322 гг., когда он был изгнан из-за участия в междоусобице против короля Диниша и его наследника Афонсу; в 1336 г., когда Афонсу IV объявил войну своему кузену, кролю Кастилии, как раз из-за того, что тот удерживал супругу его сына, Констансу Мануэль; и наконец, в 1340 г., в связи с военной помощью, которую Португалия предоставила Альфонсо XI в битве при Саладо. Дата последней поездки совпадает с датой составления *Книги об оружии*. Перед нами — два образованных человека, которые договорились позаботиться об основаниях для ослабления одной ветви и замене ее другой, однако вдалеке друг от друга, скрывая свой союз, уничтожая следы преступления из памяти потомков? Это было бы заманчивым и коварным делом. И только дружба Педру де Барселуша и Альфонсо XI, о которой нельзя забывать,³ мешает нам разделить эту гипотезу. Нам остается лишь полагать, что португальский историк не смог устоять перед искушением включить в свое произведение оригинальную информацию, которая не затрагивала бы интересы португальской короны. Остается только адская машина, одновременно выдуманная и реальная, которую оставил после себя Хуан Мануэль.

Мы считаем так, потому что все эти словесные козни, придававшие смысл матримониальной стратегии, — а ведь вся литературная и, шире, культурная ситуация, которая только что была обрисована, доказывает, что выдумки, рожденные в стенах Пеньяфьеля, оказали реальное влияние на королевские фамилии полуострова,⁴ — в итоге привели к смерти. Амбиции и жажда интриг Хуана Мануэля столкнулись с теми же самыми качествами у женщины. Любимая фаворитка Альфонсо XI, родившая от него не менее десяти детей, девять из которых были мальчиками, Элеонора де Гусман питала относительно своего потомства планы того же рода, но тревожилась за него гораздо больше, чем Хуан Мануэль. Она тотчас раз-

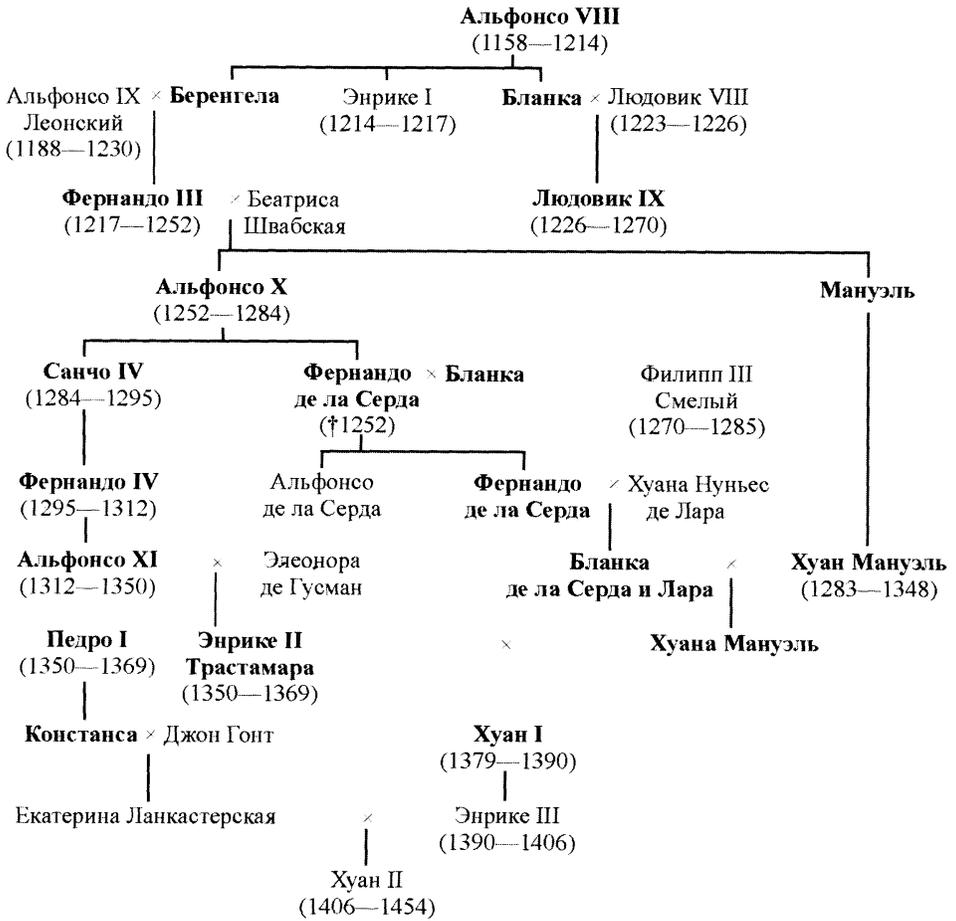
¹ О взаимоотношениях графа Барселуша с Хуаном Нуньесом, братом Бланки, см.: Ibid. P. CXLVII.

² Ibid. P. CL.

³ Ibid. P. CLXIII—CLXV и CLXVII—CLXVIII. Я напоминаю, что король Кастилии был женат на Марии, дочери короля Португалии Афонсу IV.

⁴ Легенда о кощунстве Альфонсо была также известна в Арагоне; ее приводит автор арагонской «Хроники Педро Церемонного» (*Bohigas P. La 'visión... P. 388*).

ДИНАСТИЧЕСКАЯ СХЕМА

глядела на династическом древе Хуану и в 1350 г. устроила ее брак со своим старшим сыном Энрике Трастамара. Королевская спесь Хуана Мануэля, его союз с де ла Серда, его литературные рассказы, распространявшиеся как изустно, так и с помощью чужих перьев, материнская страсть любовницы кастильского короля при благоприятствующих им обстоятельствах скрепили печатью смерть короля Педро Жестокого,¹ устранение

¹ Нам не кажется правильным искать возможную связь между мифом об иудейских корнях Педро Жестокого, исходящим от Трастамара, и предназначением ветви инфанта донна Хуана Мануэля отомстить за смерть Христа...

законного потомства Санчо IV и, как следствие, возвели на трон Кастилии ветвь де ла Серда. Так исполнилось проклятие — посредством ближайших королевских родственников, соперников правящей ветви.

Равновеликость слов и политической истории — не надо удивляться, что все это так любил человек, находившийся на границе литературы и власти, — получит свое последнее воплощение после смерти Педро I при первых Трастамара. *Пророчество¹ Мерлина²* свяжет кару за гордыню Альфонсо X с действием произнесенного им проклятия, которое, тем не менее, должно было свершиться только в четвертом поколении (как раз Педро I..), — двойная тематика Мануэля, основанная на смерти, которую она сама же и подготовила. Она работала еще долго: в 1386 г., когда Хуан I был вынужден защищать свои права на трон Кастилии от графа Ланкастерского, мужа Констансы, дочери и наследницы Педро I, его адвокаты делали упор именно на легитимности графов де ла Серда как наследников и на проклятии Санчо. В рассказе, который приводит ученый Педро Лопес де Айяла, как мы не без удивления и восхищения обнаруживаем, слова Хуана Мануэля проходят красной нитью: «(И Санчо) занял королев-

¹ Так в тексте статьи (*prophétie*). В кастильском оригинале — *baladro* (крик, вскрик) (*прим. перев.*).

² Опубликовано в: *Bohigas P. La 'visión de Alfonso X... P. 390—393*; и недавно (в продолжение «*Libro de los fueros de Castilla*») и первого завещания Альфонсо X): *Bares K., Craddock J. R. Text and concordance of the Libro de los fueros de Castiella. Ms. 431, Biblioteca Nacional, Madrid. Madison (Wisconsin): Hispanic Seminar of Medieval Studies, 1989. P. 170ss.* Здесь приводятся все необходимые ссылки, чтобы подкрепить догадку У. Дж. Энтвайстла относительно действительного присутствия Хуана Мануэля при обнаружении первой серии пророчеств, собранных в «Крике мудрого Мерлина»: «Следовательно, мы сталкиваемся с неуместной двойственностью: либо весь рассказ был составлен сторонником Трастамара (в 1467 г.?) с явно выраженной скандальной стилизацией под прошлое, или (что мы считаем более вероятным) существует памфлетный подтекст, привнесенный человеком, зависимым от дона Хуана Мануэля, и позднейшие пометы времен Трастамара» (*Entwistle W. J. The arthurian legend... P. 57*). Мы не нашли никаких формальных доказательств причастности дона Хуана Мануэля ко второй серии пророчеств с зоологической символикой, сохранившихся в «Крике...». Конечно, некоторые типические элементы из второго сборника встречаются в «Поэме об Альфонсо XI» (§ 1808—1843), составленной им же после 1344 г. — тогда же, когда, по всей видимости, появились и интересующие нас рассказы (*Poema de Alfonso Onceno... P. 25—27*). Однако эти пророчества в том виде, в каком они фигурируют в *Baladro* и во многих рукописях, никак не отсылают нас к Мануэлю, а его произведения не содержат никакого фрагмента из них. Они существуют в другой трастамарской редакции (*cfr.: Bohigas P. La visión...*), первой вехой которой является Готфрид Монмутский, а на испанском — «Поэма об Альфонсо XI». Мы сомневаемся относительно той роли, которую Энтвистль отводит Хуану Мануэлю, основываясь на контекстуальной близости (*Ibid. P. 178—179*). С другой стороны, очевидно, что вдохновение посетило Хуана в царствование Альфонсо XI, а не Санчо IV, как полагал У. Энтвистль (*Ibid. P. 178 и 181*).

ства Кастилии и Леона, и принял управление ими, лишив таким образом наследства короля Альфонсо, своего отца, вот почему *король не дал ему своего благословения, но, напротив, лишил наследства*» и т. д.¹

Вот как символическое воззвание, практически признание в собственном бессилии, подкрепленное отчасти литературой и во многом — амбициями, изменило ход истории, предписанной ей тогдашними хозяевами положения! С проклятием дело обстоит как с любой порчей: правила общественной игры и верования берут дело на себя и совершают таинственное и практически неизбежное превращение слов в факты.

Перевод с французского Е. С. Марей

¹ López de Ayala P. Crónicas / Ed. por J. L. Martín. Barcelona: Planeta, 1991 (Crónica de Juan I. P. 620—621). Ср. работу Ж.-П. Жардена (*Jardin J.-P. La figure du roi Alphonse X chez quelques chroniqueurs du XVème siècle...*). Здесь Лопес де Айяла избегает разговора о проклятии, которое, в конечном итоге бесчестило память представителя потомков Трастамара. Благодаря Мигелю Гарсия мы ознакомились с актом изложения прав Хуана I на кортесах в Сеговии в 1286 г. (Национальная библиотека (Париж). ms. Esp. 216, fol. 65v—68v°). Более подробная аргументация включала права, идущие от ветви Мануэлей и переданные через род де ла Серда: «И также вы можете видеть, почему мы являемся вашим королем по рождению и каким образом мы легитимно приходим от законной ветви, которой, как ни крути, принадлежат права на королевство. Во-первых, мы являемся легитимными потомками вышеупомянутого короля Альфонсо, его сына, инфанта Фернандо, и его сыновей, которые были лишены наследства инфантом Санчо. *А также мы являемся законными и легитимными потомками инфанта Мануэля, который был сыном инфанта (sic!) Фернандо, взявшего Севилью*» (67v°). В той же самой рукописи есть указания, что Айяла хорошо знал зоологические пророчества Мерлина, версию которых он приводит и истолковывает в своей «Хронике Педро I» (fol. 62v—65v°).

Глава 9

«ЕРЕСИАРХ» И «ЛЖЕПРОРОК»: ОБРАЗ МУХАММАДА В «ИСТОРИИ ИСПАНИИ»

В истории Испании и в историческом сознании ее жителей мусульмане и мусульманская культура занимают совершенно особое место. Связано это с арабским завоеванием 711—713 гг. и с последующей Реконкистой, т. е. Освобождением Пиренейского полуострова от мавров, начавшейся с битвы при Ковадонге (718—722 гг.) и завершившейся в 1492 г. взятием Гранады — последнего оплота мусульман на территории Испании. Мусульманское завоевание трактовалось средневековыми хронистами как Божье наказание за грехи всего народа готов или (чаще) последних готских правителей. Соответственно, Реконкиста понималась ими как искупление этих грехов и возвращение Божьей милости.¹

В этом смысле отнюдь не случаен неослабевающий интерес испанских хронистов к основателю ислама и, следовательно, виновнику столь страшной беды для всех христиан Испании — пророку Мухаммаду.² При этом образ мусульманского пророка в средневековых европейских хрониках был неотъемлемой частью образа Другого,³ а противопоставление «себя»

¹ См., например, *Martin G. Un récit (la chute du royaume wisigothique d'Espagne dans l'historiographie chrétienne des VIII et IX siècles) // Id. Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero. Paris, 1997. P. 11—42; Bronisch A. P. Reconquista y guerra santa: la concepción de la guerra en la España cristiana desde los visigodos hasta comienzos del siglo XII / traducción de M. Diago Hernando. Granada, 2006; Le Morvan G. Le mythe néo-wisigothique dans la culture historique de l'Espagne médiévale (XIIe—XIIIe siècles). Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris-Sorbonne. Sous la direction de: Monsieur Georges Martin. Paris, 2013. P. 275—284.*

² В данной статье будет использовано имя Мухаммад, чтобы подчеркнуть специфически европейское, точнее, испанское восприятие образа Пророка.

³ Об образе мусульманина как Другого подробно писала С. И. Лучицкая, рассматривавшая эту проблему на материале французских хроник. См. *Louchitskaja S. L'image des musulmans dans les chroniques des croisades // Le Moyen Age. Revue d'histoire et de philologie. 1999. № 3—4. P. 717—735; Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках*

и Другого служило одним из способов выстраивания национальной и религиозной идентичности.

Одно из наиболее красочных и ярких описаний биографии Мухаммада содержится в «Истории Испании», созданной по приказу короля Альфонсо X Мудрого (1252—1284 гг.) и при его непосредственном участии. Именно поэтому фигура Мухаммада в этой колоссальной по масштабу хронике может считаться, если можно так выразиться, первой «официальной версией» образа пророка, который подлежал распространению и тиражированию на территории Кастилии и Леона.

В целом составители «Истории Испании» следуют общей канве европейских рассказов о жизни Мухаммада,¹ однако один из эпизодов представляет собой оригинальную, специфически испанскую легенду. Речь идет о несостоявшемся аресте Мухаммада по приказу Исидора Севильского. Отталкиваясь от этой истории, мы постараемся раскрыть образ Мухаммада, каким он предстает в «Истории Испании».

Но прежде чем перейти к разбору, следует поговорить о нашем источнике.

«История Испании» как источник представлений о Мухаммаде и мусульманах

«История Испании» — грандиозный исторический труд, созданный при дворе короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252—1284 гг.), который нельзя рассматривать в отрыве от общей культурной политики это-

крестовых походов. СПб., 2001. На испанском материале образ мусульман разрабатывал Дж. Толан. См. *Tolan J. V. Saracenos: el islam en la imaginación medieval europea / traducción de J. R. Gutiérrez, S. Moreta. Valencia, 2007.* См. также *Miranda García F. Legitimar al enemigo (musulmán) en las crónicas hispanocristianas (Ss. XI—XII) // Cristaos contra muçulmanos na Idade Média peninsular. Cristianos contra musulmanes en Edad media peninsular. / Coord. C. de Ayala Martínez, I.C. F. Fernández. Lisboa, 2015. P. 219—239; Sánchez Medina E. La imagen del *moro* en la literatura y la historiografía de Alfonso X // Historiografía y representaciones. III Estudios sobre las fuentes de la conquista islámica / Edd. L. A. García Moreno, E. Sánchez Medina, L. Fernández Fonfría. Madrid, 2015. P. 305—338.*

¹ См. *Лучицкая С. И. «Жизнь Мухаммада» Эмбрико Майнцского: легенда и история // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2013. Т. 4. Выпуск 6 (22) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000601-0-1>; *Журавский А. В. Мухаммад-кардинал: к истории одного образа Мухаммада в средневековой Европе // Свет Христов просвещает мир. Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 9. 2014. С. 83—109; González Muñoz F. Apuntes sobre el tratamiento literario del profeta Mahoma en Occidente // La cultura clásica y su evolución a través de la Edad Media. Homenaje al Prof. J. Mellado Rodríguez con motivo de su jubilación académica / ed. J. P. Monferrer-Sala, M. Rodríguez-Pantoja Márquez. Córdoba, 2014. P. 93—106.**

го короля. XIII в. для Кастилии — время небывалого политического, военного и экономического подъема. В правление отца Альфонсо Мудрого, Фернандо III Святого, происходит так называемая «Быстрая (или Великая) Реконкиста»: в короткое время отвоеваны Кáсерес, Бадахос, Мерида (1229 г.), Медина-Сидония, Херес, Кадис (1235), Кордова (1236), Валенсия (1238) и Севилья (1248 г.). Наконец, при самом Альфонсо взята Ньебла — один из крупнейших городов мусульманского юга (1262 г.). Все это способствовало росту авторитета королевской власти. Захват богатейших городов мусульманского юга, присоединение новых плодородных территорий, к тому же выгодно расположенных географически, обеспечили экономическое процветание Кастильского королевства и упрочение королевской власти. Альфонсо X чувствовал себя настолько уверенно, что даже ввязался в борьбу за престол императора Священной Римской империи (*fecho del imperio*, 1256—1275 гг.), ставшую для него роковой.¹

Так или иначе, политический и экономический подъем влечет за собой подъем культуры. Упрочение королевской власти требует идеологического оформления. С этой целью в 1265 г. король Альфонсо создает «Семь партий» на старокастильском языке — первый национальный свод права, действующий на территории всего королевства и ставящийся выше многочисленных местных фуэро. Несколькими годами позже, в 1270 г., начинается работа над национальной историей — грандиозной «Историей Испании».

Тот факт, что «История» была написана на старокастильском языке, говорит о том, что она была адресована прежде всего рыцарям, не знавшим латинского языка. Неслучайно, как подчеркивает О. В. Ауров, Альфонсо X специальным указом (*Partid*. II. 21. 20) повелел рыцарям слушать исторические рассказы в часы отдыха или во время трапезы.² Таким образом, «История Испании» задумывалась одновременно и как идеологическое (цель которого — сплотить рыцарей и магнатов вокруг короля),³ и как дидактическое произведение (которое должно было продемонстрировать рыцарям примеры храбрости и воинской доблести).

¹ Подробнее см. *Корсунский А. Р. История Испании IX—XIII веков*. М., 1976; *История Испании*. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII в. М., 2013. С. 180—315; *O'Callaghan J. A History of Medieval Spain*. London, 1965; *Sánchez Albornoz C. Despoblación y Repoblación del valle del Duero*. Buenos Aires, 1966; *Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance* / ed. R. I. Burns. Pensilvania, 1990; *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio 1252—1284*. Palencia, 1993 etc.

² *Ауров О. В. «Deuen leer las estorias...»: истоки и развитие сословной идентичности кастильского рыцарства (XII — середина XIV в.) // Социальная идентичность средневекового человека*. М., 2007. С. 120—127.

³ *Марей А. В. Дружба и доверие в испанском обществе XI—XIII вв.: неправовые регуляторы правового поля*. М., 2011. С. 11.

Правда, в том виде, в котором его задумывал Альфонсо X (масштабное историческое произведение, опирающееся на максимально широкий круг источников), проект был реализован лишь отчасти: при жизни Альфонсо его хронисты успели довести повествование лишь до арабского завоевания. Хронисты Санчо IV, которые возобновили работу в 1289 г., опирались на узкий круг источников, практически не переосмысливая их (из-за чего их труд получил в историографии остроумное название «труд ножниц и клея»¹).

«История Испании» в ее сохранившемся виде, наиболее известном по изданию Р. Менендеса Пидалья, начинается с истории всемирного потопа и расселения потомков Иафета, потом переходит к подвигам Геракла в Испании. Далее «История...» описывает прошлое народов, в разное время населявших Испанию, и, наконец, заканчивается эпохой правления Фернандо III. Большое место занимает история Мухаммада и становления ислама, и «мухаммадовы» главы переплетаются с главами «готскими», очевидно, для того, чтобы подчеркнуть одновременность происходящих событий.

Источниками «Истории...» стал целый ряд произведений античных и средневековых авторов, которые указаны в прологе. Однако исследователи отмечают, что главными (а для многих глав — единственными) источниками были сочинения Луки, епископа города Туя (ум. в 1249), и Родриго Хименеса де Рады, епископа Толедо (1189?—1247), чьи имена стоят в этом ряду первыми.² Не стали исключением и «мусульманские главы».

Лука Туйский написал свою «Всемирную хронику» (*Chronicon mundi*) в 1236 г. по заказу королевы Беренгелы. Его произведение начинается с сотворения мира и заканчивается взятием Кордовы (1236 г.). В своем

¹ Подробнее см. *Catalán D.* La Estoria de España de Alfonso X. Creación y evolución. Madrid, 1992; *Martin G.* Le pouvoir historiographique (l'historien, le roi, le royaume. Le tournant alphonsin) // *Histoires de l'Espagne médiévale. Historiographie, geste, romancero.* Paris, 1997. P. 123—136; *Id.* Compilation (cinq procédures fondamentales) // *Ibid.* P. 107—121; *Id.* Los intelectuales y la Corona: la obra histórica y literaria // *Alfonso X y su época / coord. M. Rodríguez Llopis.* Murcia, 2002. P. 259—285; *Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Coord. I. Fernández Ordóñez.* Valladolid, 2000 etc.

² PCG. Prol.: ...mandamus ayuntar quantos libros pudimos auer de istorias en que alguna cosa contassen de los fechos dEspanna, et tomamos de la cronica dell Arçobispo don Rodrigo que fizo por mandado del rey don Ffernando nuestro padre, et de las Maestre Luchas, Obispo de Tuy (выделено мной — Е. М.), et de Paulo Orosio, et del Lucano, et de San Isidro el primero, et de sant Alffonso, et de sant Esidro el mancebo, et de Idacio Obispo de Galizia, et de Sulpicio Obispo de Gasconna, et de los otros escriptos de los Concilios de Toledo et de don Jordan, chancellor del sancto palacio, et de Claudio Tholomeo..., et de Dion..., et de Pompeyo Trogo, et dotras estorias de Roma las que pudimos auer que contassen algunas cosas del fecho dEspanna, et compusiemos este libro...

сочинении епископ Туя использовал произведения Иоанна Бикларского, Исидора Севильского, Идация, Орозия, а также предшествовавшие хроники, например «Хронику Альфонсо III» и «Хронику Саагуна» (*Crónica silense*).¹ При этом отличительным качеством Луки Туйского является, пожалуй, его любовь к неправдоподобным и даже анекдотичным историям, о некоторых из которых я расскажу ниже.

Однако гораздо более важным источником для хронистов Альфонсо X стали произведения Родриго Хименеса де Рады (ок. 1170—1247 гг.), архиепископа Толедо, историка, военного и политического деятеля. Об авторитете Родриго Толедского, в частности, говорит тот факт, что именно он стал идейным вдохновителем «крестового похода» против мавров, завершившегося триумфальной победой при Лас-Навас-де-Толоса 1212 г. В отличие от Луки, Родриго подходил к своим источникам гораздо более взвешенно. Кроме того, его исторические произведения (*Historia arabum*, *Historia romanorum*, *Historia de rebus Hispaniae*) отличаются большей детальностью по сравнению с хроникой Луки. Так, интересующая нас «История арабов» была закончена незадолго до смерти Родриго, ок. 1245 г.; она начинается с рождения пророка Мухаммеда и описания его жизни и заканчивается правлением халифа Юсуфа ибн Ташфина (1061—1106 гг.) из династии аль-Моравидов. Следует отметить, что *Historia arabum* является первым специальным историческим произведением об арабах, написанным автором-христианином, и поэтому представляет собой первый целостный портрет арабской цивилизации, увиденный глазами Запада. Кроме того, Родриго Толедский, в отличие от своих предшественников, использовал не только христианские, но и арабские источники, причем, согласно выводам испанской исследовательницы М. Грегго Гомес, Родриго относился к используемым арабским хроникам довольно бережно и, в общем, тщательно следовал изложенным в них фактам (хотя мог по-другому эти факты интерпретировать или подавать их в другом свете).² Все это делает произведение Родриго весьма информативным, взвешенным и потому ценным источником, и поэтому составители «Истории Испании» следовали в основном ему. Теперь вернемся к легенде о Мухаммаде, а точнее, пожалуй, самой любопытной ее части — к несостоявшейся встрече Исидора и Мухаммада.

¹ Подробнее об источниках Луки Туйского, а также об обстоятельствах создания его труда см. *Jérez Cabrero E.* El Chronicon mundi de Lucas de Tuy (с. 1238): técnicas composativas y motivaciones ideológicas. Tesis Doctoral. Universidad Autónoma de Madrid, 2006.

² *Grego Gómez M.* La fuente árabe de la historia del Emirate omeya de al-Andalus en la *Historia arabum* de Jiménez de Rada // e-Spania, 2 (2006). [Электронный ресурс: <http://e-spania.revues.org/274>]. Об источниках Родриго см. также *Pick L. K.* What did Rodrigo Jiménez de Rada Know About Islam? // Anuario de historia de la iglesia. Vol. 20. 2011. P. 221—235.

Несостоявшаяся встреча Мухаммада и Исидора Севильского

В «Истории» говорится о том, что Мухаммад, уже будучи женатым на Хадидже и обладая большим авторитетом среди своих соплеменников, решил отправиться в Испанию проповедовать свое учение. Так, в главе 478 читаем: «...он отправился в Испанию и прибыл в Кордову, и проповедовал там свою дурную ересь. И в одной из своих проповедей он сказал, что Господь наш Иисус Христос, родившийся от Девы посредством Святого Духа, не является Богом. Когда же об этом узнал блаженный отец святой Исидор, который тогда вернулся из римской курии, он послал своих людей в Кордову, чтобы те схватили его и привели к нему».¹ Абсурдность этого рассказа очевидна. Примечательно, что, по всей видимости, это осознают и составители «Истории», поскольку через несколько глав довольно подробно говорится о благочестии Исидора и о его значении для всей христианской церкви, но не упоминается о Мухаммаде. Кроме того, известно, что Исидор Севильский никогда не бывал в Риме. Однако в том, что перед нами — именно Исидор Севильский, не может быть сомнений, т. к. других отцов вестготской Церкви с таким именем просто нет.

Откуда же хронист заимствовал этот эпизод? Очевидно, что источником в данном случае стала «Всемирная хроника» Луки Туйского, рассказ которого совпадает с изложенным в «Истории» почти дословно.² В свою очередь Лука Туйский узнал об этой истории из анонимной «*Vita Isidorigi*», составленной в Леоне в XII в.³ Такой интерес к Исидору не случаен. В 1063 г. по приказу короля Фернандо I мощи Исидора были перенесены из Севильи в Леон, и с этого момента культ Исидора в Леоне переживает второе рождение. Он начинает восприниматься как покровитель христиан

¹ PCG. 478: *Despues desto passo el a Espanna et fuesse pora Cordoua, et predigo y aquella su mala secta; et diez le en su predicacion que Nuestro Sennor Ihesu Cristo que nasciera de uirgen por obra de Spiritu Sancto, mas que non fuesse el Dios. Quando esto sopo el buen padre sant Esidro, que llegara estonces de la corte de Roma, enuio luego sus omnes a Cordoua quel prisiessen e ge le leuassen; mas el diablo apparescio a Mahomat, et dixol que partiesse daquel logar; ell estonces saliosse de Cordoua et fuxo et passo allend mar...*

² *Luc. Tud. Chron. mundi. III. 5: Vnde est ut in exordio sue subdole predicationis adiret Yspaniam et Cordube sue perditionis sectam doceret. Dicebat enim Ihesum Christum Dominum de uirgine esse natum operatione Spiritus Sancti, non tamen esse Deum. Quod cum beatissimo patri Ysidoro nunciatum fuisset, qui tunc reuertebatur a Romana curia, confestim misit ministros, qui caparent eum. Sed diabolus Machometo aparuit et quam cicius fugeret imperauit.*

³ *González Muñoz F. La leyenda de Mahoma en Lucas de Tuy // Actas III Congreso Hispánico de Latín Medieval (León, 26—29 de septiembre de 2001). Vol. I. León, 2002. P. 353—354. См. также Falque Rey E. La vida de Mahoma en las fuentes cristianas medievales: Lucas de Tuy // Philologia Hispalensis. 14. Fasc. 2 (2000). P. 211—216.*

Испании в их борьбе против мусульман. Подтверждением тому является приводимое Лукой пророчество, якобы составленное Исидором, о завоевании Испании маврами и о ее освобождении.¹

«Всемирная хроника» Луки Туйского отличается ярко выраженной антиисламской направленностью: достаточно прочесть начало рассказа о Мухаммаде, где пророк ислама назван нечестивым проповедником (*iniquus concionator*) и наивреднейшим соблазнителем (*pessimus seductor*).² Лука Туйский является столь непримиримым противником сторонников ислама, что отказывает им в наличии хоть какой-либо развитой культуры; так, он «разоблачает» даже великого и знаменитого Авиценну. Согласно утверждению Луки Туйского, помощник Исидора Севильского и его преемник по кафедре, некий епископ Теодист, злодейским образом выкрал неизданные и никому не известные труды Исидора Севильского по медицине, переработал их и отдал человеку по имени Авиценна перевести их с латинского на арабский.³ Таким образом, перед нами — еще одна явно пропагандистская и идеологическая история, призванная показать превосходство христиан и ничтожность арабов. В этом же ключе ее истолковывает современный испанский исследователь Ф. Гонсалес Муньос, и я здесь лишь присоединяюсь к его точке зрения.⁴ Примечательно, однако, что составители «Истории Испании», в целом следующие тексту «Истории арабов» Родриго де Рады, включили эту фантастическую историю в свое произведение.⁵

Возвращаясь к истории про несостоявшуюся встречу, надо заметить, что в этом смысле она тоже несет в себе очень сильную идеологическую нагрузку. Лука Туйский, а вслед за ним составители «Истории Испании», противопоставляют основателя новой религии, Мухаммада, самому знаменитому и авторитетному святому Испании, Исидору Севильскому, последнему Отцу Церкви; противопоставляют опасную ересь и чистое хри-

¹ *Luc. Tud. Chron. mundi. III. 3.*

² *Luc. Tud. Chron. mundi. III. 5: Tunc surrexit quidam iniquus concionator ortus in Arabia nomine Mahumet. Qui pessimus seductor uidens inter Orientales et Romanos ortam discordiam, se contra Deum erexit...*

³ *Luc. Tud. Chron. mundi. III. 4: Successit beatissimo doctori Ysidodo Teodistus natione Grecus... Nam libros quosdam de naturis rerum et arte medicine necnon et de arte notoria, quos pater Ysidorus facundo stilo composuerat et necdum ad publicum uenerant, in odium fidei corrupit, resecans uera et inserens falsa; atque per quemdam Arabum nomine Auicennam de Latino in Arabicam transtulit.*

⁴ *González Muñoz F. La leyenda de Mahoma en Lucas de Tuy ... P. 11—12.*

⁵ PCG. 504: Este Theodisto... e libros que fiziera san Esidro et compusiera muy fremosamientre, et que non eran aun leydos, nin oydos, que fablauan de la natura de la fisica et de la scientia que llaman notoria, corrompiolos el como en razon de fe, et tiro dellos las cosas verdaderas, et escriuió y las falsas, et fizo las otras trasladar de latin en arauigo a uno que auie nombre Auiscennian.

стианское вероучение. В этом смысле показательны также, что Исидор возвращается из Рима — оплота католической веры (где он, кстати, в реальности никогда не был). Из рассказа становится очевидно, что, если бы не содействие дьявола, Мухаммад обязательно предстал бы перед Исидором, и тот непременно изобличил бы его. Поспешное бегство Мухаммада может быть истолковано как страх поражения: он понимает, что его учение — обман, но боится, что этот обман будет раскрыт.

Мухаммад как ересиарх

В чем же заключается это вероучение? Из текста «Истории Испании» понять этого нельзя, т. к. хронисты не уделили этому вопросу внимания. Единственное положение мусульманской религии, которое они упоминают, — утверждение, что Иисус не был Богом, которое Мухаммад проповедовал в Кордове.¹ Кроме того, довольно подробно описывается рай, а также упоминается о некоторых обязанностях каждого правоверного мусульманина, например, молиться пять раз в день.² Зато с небывалым усердием хронист рассказывает о том, как сформировалось это вероучение и почему оно должно считаться еретическим. Говоря о детстве и юношестве пророка, составитель «Истории» утверждает, что семилетнего Мухаммада отдали в обучение к некоему иудею-звездочету, приятелю его отца, и тот наставлял его как в естественных науках, так и в иудейской и христианской верах. Именно от него Мухаммад позаимствовал основы своего вероучения, придуманного им, по утверждению хрониста, для погибели душ.³ Источником этого фрагмента послужил отрывок из «Истории арабов» Родриго Толедского, где также рассказывается об иудее-наставнике Мухаммада. Однако, по сравнению с «Историей...», «История арабов» говорит об этом менее эмоционально: назвав учение Мухаммада еретическим, Родриго больше не заостряет на этом внимание.⁴

Как отмечают исследователи, в арабской традиции также существует легенда о том, что учителем Мухаммада был некий монах по имени Ба-

¹ См. PCG. 478.

² См. PCG. 478, 489.

³ PCG. 472: ...Mahomat auiendo ya ocho annos de edad ... Este Abutalib diol a ensennar al judio estrellero de quien dixiemos ya. El iudio ensennol estonces en las sciencias naturales et en la ley de los cristianos et de los iudios, et daqui apriso Mahomat et tomo despues cosas que metio en aquella mala secta que compuso pora perdicion de las almas daquellos que la creen, por fazer creer a las yentes que era uerdadera aquella predigacion.

⁴ *Rod.Tol. Hist.arab. II: recepit eum Abutalib patruus eius in curam, et iste tradidit eum predicto geneatico instruendum, qui instruxit in naturalibus scientiis et lege Catholica et Iudayce perfidie documentis, unde et ipse postmodum aliqua de fide Catholica, aliqua de lege ueteri in sue secte subsidium usurpauit.*

хира, так что истоки этого рассказа мусульманские.¹ Другое дело, что и Родриго, и хронист Альфонсо X намеренно создают изначально порочный образ этого учителя — он не только принадлежит к иудейскому народу, дурному и нечестивому по своей природе (с точки зрения вестготских и кастильских авторов), но и вдобавок к тому занимается астрологией — наукой, связанной с магией и потому греховной. Итак, дискредитируя образ наставника, наши авторы ставят под сомнение образование и самого Мухаммада. Правда, далее и Родриго, и составители «Истории» утверждают, что пророк хорошо знал Ветхий и Новый заветы, а также естественные науки,² однако, как мы можем заключить, ему не хватало самого главного — благочестия и истинной веры, а без этого все его знания лишь предопределили его погибель и погибель многих людей, которые пошли за ним.

Родриго Толедский ничего больше не сообщает об образовании Мухаммада, но Лука Туйский рассказывает, будто бы Мухаммад, путешествуя с торговыми караванами по Египту и Палестине, познакомился с неким антиохийским монахом по имени Иоанн, и тот научил его гнуснейшей ереси.³ Этот же отрывок почти без изменений заимствуют и хронисты «мастерской» Альфонсо X.⁴ Следуя тексту Луки и в дальнейшем своем повествовании, он рассказывает, что это была секта николаитов, по имени Николая Антиохийского, одного из семи дьяконов, выбранных апостолами для раздачи пищи в иерусалимской общине.⁵ Об этой ереси известно

¹ Источник — Ibn 'Ishâq, *La Vie du Prophète Muhammad L'Envoyé d'Allâh (que Dieu répande sur lui Ses bénédictions et qu'Il lui accorde Son salut!)*, traduction française avec introduction et notes par A. Badawi. Beyrouth-Liban 2001. vol. I. P. 137—140. См. *Starczewska K. K. El retrato de Mahoma en la Historia Arabum de Jiménez de Rada y en el Prologus Alcorani de Marcos de Toledo. Ejemplos de literatura de confrontación islamo cristiana. Trabajo de investigación dirigido por Dra. Cándida Ferrero Hernández. Barcelona, 2009. P. 84—88.*

² PCG. 475: ...seyendo ya Mahomat muy grand clerigo en la nueua ley et en la uieia et en ciencia de las naturas et grand mancebo et mucho esforçado... (cfr. Rod.Tol. Hist.arab. II)

³ *Luc. Tud. Chron.mundi. III. 5: Qui cum in adolescencia cepisset esse mercator prouidus, pergebat frequenter cum camelis suis apud Egiptum et Palestinam, et morabatur cum Iudeis et Christianis, et maxime cum monacho Antiocono supersticionis amico, qui uocabatur Iohannes, a quo tam Nouum quam Vetus superficialiter et supersticiose didicidit Testamentum.*

⁴ PCG. 477: Mahomat... començo a seer mercador, ca era omne muy pobre et lazado, et yua muy amenudo con sus camellos a tierra de Egipto et de Palestina; et moraua alla con los iudios et los cristianos que y auie una sazón dell anno, et mayormiente con un monge natural de Anthiochia, qua auie nombre Johan, que tenie el por su amigo et que era herege; e daquel monge malo aprendio el muchas cosas tan bien de la nueua ley como de la uieia pora deffender se contra los iudios et los cristianos quando con ellos departiesse, ca todo lo que aquel monge le demonstra, todo era contra Dios et contra la ley, et todo a la manera de heregia.

⁵ PCG. 487: Agora sabet aqui que entre todas aquellas malas et descomulgadas leys que Mahomat predigo et demonstro a los moros que fue secta de Nicolas de Antiochia, et fuera uno

очень немного; однако церковные авторы, например Иринея Лионский, упоминают о том, что николаиты считают разврат и ежедневные совокупления необходимым условием для спасения.¹ Обычай многоженства у мусульман всегда служил излюбленной мишенью для христиан, и наш хронист не упустил случая, чтобы обвинить Мухаммада и его последователей в сладострастии и в следовании богопротивному учению. Кроме того, хронист прямо говорит о том, что ислам — это не оригинальная религия, а лишь видоизмененная древняя ересь. Тем самым Мухаммад становится не пророком, а еретиком, не творцом нового учения, а ловким обманщиком, наслушавшимся речей какого-то нечестивого монаха.

Причины успеха Мухаммада

Несмотря на это, ислам довольно быстро распространился по всей Аравии. Исходя из текста «Истории Испании», можно выделить три причины столь ошеломительного успеха.

Во-первых, это совершенное невежество мавров и их нетвердость в вере. Так, в год рождения Мухаммада, по уверению хрониста, жители Аравии не знали, к какому вероучению примкнуть: иудеев, христиан или арианской ереси.² Мухаммад же был достаточно сведущ в магических искусствах и часто прибегал к демонстрации различного рода чудес, чтобы произвести должное впечатление на своих легковерных соплеменников. Они же были настолько невежественны, что не смогли понять истинную природу его чудес и дали себя обмануть.³ В этом смысле, конечно,

de los seyte diaconos disciplos de los apostolos; e esta secta fuera ya desfecha et destroyda por los sanctos apostolos; e este Mahomat torno la toda et cobro la segund ell estado en que Nicolas la touiera et la leuantara primeramientre (Cfr. *Luc. Tud. Chron. mundi* III.5).

¹ *Иринея Лионский*. Против ересей. I. 26. 3: Николаиты суть ученики Николая, одного из семи диаконов, поставленных апостолами. Они живут развратно. Свойства их вполне обозначены в Апокалипсисе Иоанна, где сказано, что они учат, что ничего нет законопреступного в нецеломудрии и в еде идоложертвенного. Поэтому сказано о них (*Отк.* 11:6): «в тебе хорошо то, что ты ненавидишь дело николаитов, которое и Я ненавижу» (*Пер. П. Преображенского*).

² PCG. 467: A aquella sazón que este Mahomat nascio eran los de Arauia et los de Affrica en muy grand cuedado por que non sabien ciertamientre a quales de las creencias se atener, si a la de los cristianos o de judios o a secta de los arrianos.

³ PCG. 493: ... e a muchos dellos engannaua por que les predicaua un Dios solo tan solamientre, e mintiendo dizieles que ell angel Grabiel uinie a el et quel dizie yl demonstraua tod aquello que les predigaua; et fazie enfinta muy amenudo que demientre que estaua en oracion que açaua suso en alto ell spirito de Dios et que caye en tierra como muerto; e demientre quel yazie en tierra cuedauan los pueblos locos et sandios que fablaua con ell ell angel de Dios, ca el ge lo fazie despues assi creer.

встреча и диспут с Исидором Севильским, знатоком Священного Писания и канонического права, имели бы для Мухаммада роковые последствия.

Во-вторых, причиной быстрого распространения ислама стал авторитет Мухаммада и его довольно жесткая политика. Происходивший из бедной семьи, рано оставшийся без родителей, Мухаммад сумел разбогатеть и приобрести положение в обществе сначала благодаря своей тетке Хадае, а потом — своей жене Хадидже, которую он пленил с помощью магических уловок. Далее он завоевал авторитет среди арабов, водрузив магнитный камень на вновь отстроенную мечеть. Составители «Истории» довольно подробно пересказывают эту историю, следуя тексту Родриго Толедского. По их словам, когда в Мекке была построена новая мечеть вместо разрушенной, старейшины арабов стали спорить, кто же достоин закрепить на ее фронте священный магнитный камень. Они пришли к следующему соглашению: кто первым войдет в дверь, тот его и возложит. Случилось так, что первым вошел Мухаммад. Он сорвал с себя плащ, положил на него камень, «а потом позвал четверых из рода курайшитов и предложил им поднять его на место, куда его нужно было положить, и, подобно каменщику, водрузил его туда, где он должен быть. И когда мавры увидели это, они приняли это за чудо и уверовали, что он — пророк». Таким хитроумным способом Мухаммад помирил старейшин курайшитов, и они поставили его старшим над собой.¹ Интересно, что и в «Истории Испании», и в «Истории арабов» эта легенда излагается в нейтрально-спокойном тоне без использования уничижительных и оскорбительных эпитетов. Вероятно, это было связано с тем, что Родриго Толедский при описании этой легенды использовал арабские источники, что повлияло на стиль описания.

После того как он вполне заслуженным образом добился уважения к себе, Мухаммад в «Истории Испании» опять превращается в жестокого, циничного, готового на все обманщика. По мнению составителей «Истории Испании», Мухаммад с помощью лжи, обмана и запугиваний сумел распространить свое учение на всю Аравию.²

И все же, несмотря на авторитет Мухаммада, несмотря на поддержку Хадиджи и Абу-Талиба, из текста «Истории Испании» явствует, что Му-

¹ PCG. 483: ... et los mayores omnes del pueblo, auiendo entressi su desabedenencia por que cada uno dellos querie poner aquella piedra en somo por tal de auer el prez que por el se acabaua aquella obrar, al cabo auinieron se et ouieron su acuerdo tal que el primero que entrasse por la puerta que era dicha Baysayba que aquel pudiesse y. E auino assi que fue Mahomat el primero que entro por aquella puerta... Ell entonces tendio el manto et crubio dell aquella piedra, dessi llamo quatro daquellos del lingnaie de los coraxinos et fizo ge la leuar al logar del laour o la auien de poner; e ell assi como albanne assento la alli o auie de estar. Los moros quando aquello uieron, touieron lo todos como por miraglo, et creyeron que era propheta... (cfr. *Rod. Tol. Hist.arab. II*).

² PCG. 488—489, 493.

хаммад не смог бы обратить народы Аравии в свое учение без помощи дьявола. О кознях дьявола в «Истории» говорится неоднократно и очень красноречиво. Так, очевидно, что все чудеса и фокусы Мухаммад творил с помощью дьявола,¹ да и законы были внушены ему злым духом.² Таким образом, мухаммаданское вероучение — это не просто искаженная ересь, это весьма опасное учение, придуманное на погибель человечеству.

Мухаммад как анти-Иисус

Из текста «Истории», как уже говорилось, явствует, что Мухаммад не смог бы обратить народы Аравии в свое учение без помощи дьявола.³ Иначе говоря, мухаммаданское вероучение — это не просто искаженная ересь, это весьма опасная доктрина, придуманная на погибель человечеству. В этом смысле Мухаммад в «Истории» противопоставлен Иисусу Христу, пришедшему спасти род людской, и это противопоставление особенно заметно в финале истории о Мухаммаде, где рассказывается о его смерти. Пророк утверждал, что он воскреснет на третий день после смерти, и тогда один из его учеников по имени Альбимор отравил его, чтобы проверить это утверждение. В итоге, несмотря на все ожидания, на третий день тело стало разлагаться, а на одиннадцатый его пожрали собаки.⁴

¹ PCG. 478: Luego que estol ouo dicho trabaiosse por sus encantamientos et sus artes magicas, et con la ayuda del diablo por quien se el guiaua, de fazer antella assi como sennales et miraglos, e por que a las uezes se torna el diablo assi como diz la Escripura en figura de angel de lux; entraua el diablo en ell a las uezes et faziel dezir algunas cosas daquellas que auien de uenir, e por esta manera le auien de creer todas las yentes de lo que les dizie.

² PCG. 493: ...e pero estas zoharas le recibieron aquellos pueblos malaenturados seyendo beldos de la ponçon del diablo e adormidos en el peccado de la luxuria, e oy en dia los tienen et estan muy firmes en su porfia e non se quieren llegar non acoger a la carrera de la uerdadera fe...

³ PCG. 478, 493, 494.

⁴ PCG. 494: ...un su discipl que auie nombre Albimor quiso prouar si resuscitarie Mahomat de muert a uida a tercer dia como dixiera, ca ell auie dicho que despues que los diez annos fuessen complidos de su regnado que morrie, et desi que resuscitarie al tercer dia; e por ende aquel su disciplo destempro un uenino et diogelo a beuer muy encubiertamiente. Mahomat, assi como lo beuio, mudosse le luego a soora toda la color, e por que ell entendio que su muerte era ya llegada, dixo a aquellos moros que estauan e con el que por agua serien saluos et auien perdon de sus peccados. Assi como lo dixo, dio luego ell alma al diablo, et murio. E sus disciplos guardaron bien el cuerpo cuedando que resuscitarie al tercer dia, assi como les dixiera; mas pues que ellos uiron que non resuscitaua et que fedie ya muy mal, desampararonle e fueronse su uia. Desi a cabo de los onze dias pues que el muerto, uino Albimor, sus disciplo, ueer de como yazie, e segund cuenta don Lucas de Thuy, fallol tod el cuerpo comido de canes. Albimor cogio estonces todos los huessos del et soterrolos en Medina Rasul...

Эту историю хронист заимствовал у Луки Туйского,¹ а тот, в свою очередь, — очевидно, из произведения Евлогия Кордовского, христианского автора, жившего в IX в., так что это предание достаточно древнее.² С помощью столь подробного описания кончины Мухаммада хронисты ставят в эффектную точку в конце произведения и показывают, что и сам Мухаммад — обманщик и лжепророк.

* * *

В «Истории Испании» (как и в предшествовавшей ей кастильской и леонской латинской хронистике) Мухаммад предстает обманщиком, изобретателем богопротивной ереси, основанной на ереси николаитов, лжепророком, выдававшим себя за Мессию и т. п. При этом автор не отказывает ему в некоторых положительных качествах, замечая, что тот был сильным, красивым и сметливым юношей, хорошо знал закон христиан и иудеев и имел достаточно выдержки и мудрости, чтобы разрешить спор курайшитов о том, кто возложит магнитный камень.

При написании «мусульманских глав» составители «Истории Испании» использовали главным образом два источника — достаточно нейтральную (насколько это вообще было возможно) по отношению к мусульманам «Историю арабов» Родриго Толедского и подчеркнuto антиисламскую «Всемирную историю» Луки Туйского. При этом тон повествования в «Истории» меняется в зависимости от того, какому источнику следует хронист. Так, «История арабов» Родриго Толедского предлагает более взвешенный и лишенный сильной эмоциональной окраски взгляд, тогда как произведение Луки Туйского несет ярко выраженную антиисламскую направленность. Постольку хронист Альфонсо X черпал свои сведения то из одного, то из другого источника, образ Мухаммада получается отрицательным, но все же не плоским и не карикатурным.

Интересно, что при написании «мусульманских глав» хронист Альфонсо X прибегал к «Всемирной хронике» Луки Туйского во много раз чаще, чем при написании глав, скажем, готского цикла. По всей видимости, антиисламский пафос этого произведения оказался ему ближе, чем спокойное и обстоятельное изложение Родриго (тоже, впрочем, не испытывавшего к мусульманам никакой любви). История об Исидоре и Мухаммаде указывала читателям и слушателям на то, что противостояние ислама и христианства в Испании имеет очень древнюю традицию.

¹ *Luc. Tud. Chron. mundi.* III.5.

² *Eulog. Cord. Liber apolog. Martyrum.* 16. О Евлогии Кордовском см. Рыбина М. В. Евлогий Кордовский: священнослужитель, интеллектуал и мученик // Испанский альманах. 2008. Вып. 1. С. 110—128.

Принятые сокращения

Eulog. Cord. Liber apolog. Martyrum — *Eulogii Cordubensis Liber apologeticus Martyrum* // Gil Fernández J. *Corpus Scriptorum Muzarabicorum*, Madrid, 1973;

Luc. Tud. Cron. — *Lucae Tudensis Chronicon mundi* / cura et studio Emma Falque. // *Lucae Tudensis Opera omnia. Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis.* — LXXIV. Turnhout, 2003. T. 1.;

PCG — *Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289* / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955. Vol. 1;

Rod. Tol. Hist. arab. — [*Roderici Toletani Historia arabum*] *Hispaniae Illustratae seu Urbium rerumque hispanicarum, academiarum, bibliothecarum, clarorum denique in omni disciplinarum genere scriptorum auctores varii chronologi, historici, mpartim editi nunc primum* / Andreae Schotti Antverp. Societas Iesu. Tomus IIII. Francofurti, 1608.

Глава 10

«TRAYCIÓN DE LOS JUDÍOS»: «АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ» ЕВРЕИ «ИСТОРИИ ИСПАНИИ»

Иницилируя создание «Истории Испании» (*Estoria de España*; далее PCG¹), Альфонсо X ставил себе амбициозную задачу — осветить историю Испании во всем ее хронологическом, географическом и политическом многообразии, вписать PCG во всеобщую историю, показать универсальное значение событий, происходивших на Пиренейском полуострове, и подчеркнуть величие и славу нынешнего правления. Одним из важных оттенков этой многоцветной сферы было и наличие в пестром этническом составе населения Испании еврейского народа, которое не могло не найти отражения в нарисованной хронистом исторической картине.

Однако парадоксальным образом персонажей-евреев в «Истории Испании» немного. Во-первых, PCG не библеецентрична. Хотя хронист² открывает повествование ссылкой на самое первое историческое сочинение — книгу Бытия, в которой описаны сотворение мира и древнейшая история человечества, но библейская история как таковая почти не занимает его — ей отведены всего три главы, причем в них содержится информация сугубо географического характера. Для человека, пишущего историю Испании, имеет значение только расселение потомков Ноя по земле, центр которой перенесен из Иерусалима на Пиренейский полуостров. Мы не видим в PCG библейской истории как таковой — глобальной истории человечества, с которой начинается немалая часть средневековых историо-

¹ В настоящей работе использовано известное издание Р. Менендеса Пидалья, в котором текст озаглавлен как «Первая всеобщая хроника»; отсюда — используемая далее аббревиатура PCG («*Primera crónica general de España*»).

² Мы оставляем в стороне сложную проблему «историографической мастерской», этапов создания хроники и ее авторов. «Хронистом» мы будем более или менее условно называть весь коллектив работавших над ней в разные периоды авторов и даже их высококордных заказчиков — Альфонсо X и Санчо IV.

графических сочинений.¹ Но наш хронист ставит себе задачу очень четко: его интересует не история вообще, а именно история Испании. Король приказывает «объединить все книги об истории, какие только можем обрести и в которых рассказывается что-либо о событиях в Испании»,² так что нет необходимости начинать рассказ от Адама. В этом он берет пример с предшественников: так, и Исидор в «Истории готв, вандалов и свевов», и Родриго Хименес де Рада в «Истории об испанских делах» сразу приступают к событиям, непосредственно касающимся Пиренейского полуострова — истории готв. Однако автор PCG все же в большей степени, чем они, видит необходимость вписать испанскую историю в мировую: рассказ о событиях, связанных с готами, начинается только с 386 главы, тогда как все предыдущие посвящены детальному изложению истории Рима. Это значит, что хронист ощущал потребность встроиться в некий большой поток, но, тем не менее, для него важнее проследить хронологию владык Рима, а не еврейских праотцев и царей. Такое предпочтение принято связывать с имперскими амбициями Альфонсо X, который стремился связать Испанию и себя как ее владыку с длинной и славной историей Римской империи.³ Но нас эта идеологическая тенденция лишает первой важной группы персонажей, которые могли бы помочь в определении позиции хрониста по еврейскому вопросу.

Итак, евреи появляются в PCG лишь постольку, поскольку они имеют значение для внутренней истории Испании. Однако и здесь они интересны автору существенно меньше, чем другая иноконфессиональная группа — мусульмане. «История Испании» подробно знакомит нас с жизненным путем Мухаммада и успехами его последователей. И это легко объяснимо:

¹ Бернар Гене указывает, что библейская история в больших объемах влетает в исторические повествования начиная с XII в. См. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с франц. Е. Баевской и Э. Береговской. М., 2002. С. 34—37. Однако, например, в «Большой хронике» Исидора Севильского библейская история излагается довольно подробно, переплетаясь с классической историей в том виде, в котором она подавалась античными авторами (см. *Isidorus Hispalensis, Chronica maiora, cura et studio J. C. Martín, CC, CXII, Turnhout: Brepols, 2003*). Очень подробно ветхозаветные события изложены в таком важном источнике PCG, как «Всемирная хроника» Луки Туйского, но наш хронист предпочитает не заимствовать у Луки содержание соответствующих глав.

² См. PCG, prólogo. Об «испаноцентричности» PCG см. *Catalán D.* La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución. Madrid, 1992, pp. 28—31; *Fernández Gallardo L.* “De Lucas de Tuy a Alfonso el Sabio: idea de la historia y proyecto historiográfico”, *Revista de poética medieval*, 12 (2004), pp. 83—84.

³ См. *Burke J. F.* «Alfonso X and the Structuring of Spanish History», *Revista Canadiense de Estudios Hispánicos*, 9, 3 (1985), pp. 468—469; *Martín G.* «El modelo historiográfico alfonsí y sus antecedentes», en: *La historia alfonsí: El modelo y sus destinos (siglos XIII—XV)*. Madrid, 2000. P. 22.

в условиях многовекового противостояния мусульмане были важным, хорошо знакомым и опасным соседом. Для успеха Реконкисты важны были не только усилия королей и рыцарей, но и «теоретическая часть» — знание противника, которое черпалось в том числе и из изучения его истории. Мавры в хронике многочисленны, их образы полнокровны, их верование описано ярко и подробно. История мусульманских государств на территории Испании изложена ненамного менее детально, чем история христианских государств. О евреях этого сказать нельзя — и не только потому, что они не имели отдельных государственных образований. Еврейские персонажи появляются в «Истории Испании» лишь мимоходом, автор обращает на них внимание лишь вскользь, вся информация о них практически дословно взята из более ранних текстов, и их образы достаточно схематичны. Более того, даже в тех сюжетах, где в других источниках евреи присутствуют, составители «Истории...» совсем не обязательно переносят их в свой текст. Так, например, в истории Сида очень кратко пересказан красочный эпизод общения Альвара Фаньеса с еврейскими ростовщиками, а христианские короли и магнаты почти не держат при себе придворных евреев, как и их мусульманские коллеги.¹ Из всех многочисленных врачей и официалов, подвизавшихся при дворах христианских королей, упомянут лишь Сидьельо, врач Альфонсо VI, и то только тем, что навлек на себя праведный гнев кастильского короля.² Этот же король, по сообщению PCG, держал при себе некоего посла, который занимался переговорами с маврами по разнообразным политическим и денежным вопросам.³

Бегло отражена в хронике и антииудейская кампания, которую проводили вестготские короли VIII в. Хронист копирует из «Истории готов» Исидора сообщение о принудительном обращении, провозглашенном Сисебутом,⁴ добавляя к нему уместную цитату из Послания к Филиппийцам:

¹ Например, довольно подробно рассказывая о политике мусульманских правителей середины XI в., наш хронист ни словом не упоминает о крупнейшем государственном деятеле, дипломате и военачальнике Шмуэле ха-Нагиде. Кажется, единственными исключениями в этом отношении служат анонимный иудей, королевский майордом, чье имущество было конфисковано «королем Валенсии» за дурные советы, поданные им монарху (PCG. Cap. 879), и анонимный же альмохариф замка Хубалья (PCG. Cap. 900).

² PCG. Cap. 963.

³ PCG. Cap. 882.

⁴ Este rey Sisebuto era muy buen Cristiano, e luego que començo a regnar amonesto a los judios que en su regno eran que uiniessen a la fe de Ihesu Cristo, y los judios fizieronlo; pero mas por fuerça que por su grado. — PCG. Cap. 485. Cp. Sisebutus christianissimus post Gundemarum, ad regale fastigium evocatur, regnat ann. VIII, mens. VI; qui initio regni Judaeos ad fidem Christianam permovens, aemulationem quidem habuit, sed non secundum scientiam; potestate enim compulsi quos provocare fidei ratione oportuit. Sed, sicut est scriptum, sive per occasionem, sive per veritatem, donec Christus annuntiatur. (*Isid. Hisp., Hist. Goth., 60*).

«А король сделал это из-за слов, которые сказал святой Павел: «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться».¹ Одновременно Хильдерик изгнал евреев, поднявших восстание, из Нима в Нарбонну,² где с ними столкнулся Вамба, когда преследовал мятежника Павла.³

Пожалуй, большая часть евреев, о которых сообщает хроника, выполняет сходную функцию: они дурные советчики (*malos consejeros*), если не прямые отравители, как еврей Седекия, который под видом лекарства дал Карлу Лысому какие-то травы, от которых тот умер,⁴ или богохульники, вроде того еврея, который послужил причиной смерти халифа Язида II, подговорив его уничтожить все изображения Христа и христианских святых.⁵ Сходную роль выполняют евреи и в истории зарождения ислама, в которой еврейские колдуны и звездочеты предсказывают рождение и величие Мухаммеда, обучают его, первыми признают его мессией.⁶ Все это дает мало фактической информации о евреях, но формирует их образ в истории — евреи связаны с обманом, а также с противной христианству силой.

Правда, не все евреи настолько плохи, как эти. Некоторые из них способны на исправление, а из исправившихся могут получиться весьма достойные люди. Первый пример подобного исправления — епископ восточной эпохи Юлиан Толедский. Автор PCG заимствует у Родриго Хименеса де Рада оду этому сыну еврейских родителей, который «был столь добрым и благочестивым, что никто не мог его в этом превзойти».⁷ Наш хронист вслед за Родриго сравнивает этого епископа с розой среди ши-

¹ E fizo esto el rey por aquella palabra que dize sant Paulo: «en esto me alegro et alegrar me que el nombre de Cristi sea predigado de las yentes siquier por uerdad, siquier por enfinta». — PCG. Cap. 485. См. Фил. 1:18.

² PCG. Cap. 513.

³ PCG. Cap. 525.

⁴ Et en tornandose a Roma, un judio, que auie nombre Sedechia, diol en cibdat Mantua como por melezina yeruas con que murio (PCG. Cap. 661).

⁵ En este anno uino un judio al Izid rey de los alaraues, et dixol que si fiziesse crebantar todas las ymagenes de Cristo et de sus sanctos, las que eran en su regno, que regnarie el por ende quarenta annos; et esto que lo sabie el muy bien. E Izid, a feuz a deueur mucho, fizo lo quell conseio aquel falso judio; mas fue en ello engannado, ca luego a ora fue muerto. — PCG. Cap. 574.

⁶ См. PCG. Cap. 467, 469, 472, 478.

⁷ Este Julian... uinie de linnage de iudios, e fue tan Bueno et tan piadoso que mas non lo podrie seer omne, e salio de entre los iudios assi como sal la rosa de entre las espinas... — PCG. Cap. 541. Cp. Iulianus episcopus... ex trducee Iudeorum ut flores rosarum de inter r̄ uepres spinarum productus, omnibus mundi partibus in doctrina Christi manet preclarus... — *Roder. Tolet. De rebus Hisp.*, III, 13 (*Roderici Ximenii de Rada. Historiae de rebus Hispaniae sive Historia Gothica, cura et studio J. Fernández Valverde, CC LXXII. Vol. I. Brepols, 1987. Pp. 93*).

пов. Информация о еврейском происхождении Юлиана Толедского (вместе с метафорой розы среди шипов) восходит к Мосарабской хронике 754 г.¹ Это сообщение не всеми историками признается достоверным на том веком основании, что такие данные отсутствуют в самом раннем жизнеописании Юлиана, составленном его преемником на епископской кафедре Феликсом. В позднейшей традиции идея о еврейском происхождении Юлиана Толедского закрепилась в силу красоты образа: важный епископ, причисленный к лику святых, — и происходит от евреев. Тем не менее, хронисты предпочитали отдалить Юлиана от иудеев еще на один шаг и дополняли изначально содержавшиеся в их источнике слова *ex traduce Iudaeorum*, указывая, что уже родители Юлиана стали христианами, и он, соответственно, вырос в лоне истинной веры.

Следующие «хорошие иудеи», появляющиеся в хронике, креститься не стали, зато «от всего сердца желали ему, чтобы Бог дал ему жизни и здоровья, чтобы он распространял христианство».² Так описано прощение, охотно дарованное Сиду бургосскими торговцами и ростовщиками Рахилью и Иудой, у которых прославленный герой брал деньги на свои военные кампании, оставив им в залог сундуки с песком. PCG, где рассказ о Сиде изрядно отличается от «Песни о моем Сиде»,³ описывает, что в итоге верные вассалы Сиды Мартин Антолинес и Альвар Фаньес вернули долг и принесли извинения, тем самым дав возможность ростовщикам прославить своего повелителя.⁴ Исследователи неоднократно обращались к проблеме имени и половой принадлежности этих героев, которые в эпосе, как и в нашей хронике, именуется *Rachel* и *Uidas*. Поскольку ничто, кроме имени, не указывает на то, что один из них был женщиной, в русском переводе закрепилась удивительная форма «к Иуде с Рахилем». Трудно, однако, заподозрить, что люди Средневековья настолько плохо знали бы ветхозаветную историю, чтобы назвать мужчину женским именем. Было установлено, что имя *Rachel* представляет собой вариант имени Роджель или Араджел, которое не зафиксировано в пиренейской еврейской традиции, но присутствовало у средневековых евреев Прованса. Что касается имени *Vidas*, то оно встречается в испанских источниках и пред-

¹ In cuius tempore iam Iulianus episcopus, ex traduce Iudaeorum, ut flores rosarum de inter uepres spinarum productus, omnibus mundi partibus in doctrina Xpi manet preclarus, qui etiam a parentibus Xpianis progenitus splendide in omni prudentia Toletum manet edoctus, ubi et postmodum in episcopio extitit decoratus. (Cron. Mozar., 38) — Crónica mozárabe de 754, ed. crítica y trad. José Eduardo López Pereira. Zaragoza: Ediciones Anubar, 1980. P. 56.

² Et ellos respondieron... quell diesse Dios vida et salut con que ensanchasse en christianismo... — PCG. Cap. 923.

³ См. Gómez Redondo F. «La materia cidiana en la crónica general alfonsi», en: Teoría y práctica de la historiografía hispánica medieval, ed. por E. Ward. Birmingham UP, 2000. P. 102.

⁴ Эти эпизоды из истории Сиды взяты хронистом не из «Песни», а из других chansons de geste соответствующего цикла. См. Gómez Redondo. «Materia cidiana». P. 103.

ставляет собой испанизованную форму традиционного имени Хаим, которое означает «жизнь». Это слово существует только во множественном числе, и оно переводилось на романский язык с сохранением множественного числа — *Vidas*.¹

Самое подробное и красочное описание положительного образа еврея также связано с историей Сиды. Это история чудесного обращения иудея над телом покойного героя. Фольклорный и литературный образ Сиды имеет множество характеристик, связанных со святостью, и в числе прочего — нетленность мощей и происходящие над мощами чудеса.² Хроника, вслед за своим источником — «Легендой Карденьи»,³ собранием фольклорных текстов, связанных, главным образом, с пребыванием Сиды в монастыре Сан-Педро-де-Карденья, рассказывает, что тело Сиды оставалось нетленным и непогребенным в течение десяти лет после его смерти. Эпизод, изложенный в 961—962 главах, составлен по традиционной модели чудесного обращения: иудей хочет осквернить мощи святого, но тот вступает за себя. В данном случае иудей пытается сделать то, чего не осмелился и не смог сделать никто при жизни Сиды — дернуть его за бороду. Но как только он поднимает руку, мертвый Сид хватается за меч и почти выхватывает его из ножен. Потрясенный еврей падает замертво, его приводят в себя, он рассказывает о случившемся, после чего под влиянием пережитых впечатлений принимает христианство и остается в монастыре до конца жизни, чтобы «служить и помогать должным образом и с подобающими почестями устраивать праздники, посвященные телам... Сиды Руя Диаса и доньи Химены».⁴

Можно привести множество параллелей этого эпизода, построенного по традиционной схеме чудесного обращения еврея-нечестивца. Так, история с Сидом напоминает историю первосвященника Иефонии (Афонии), который пытался помешать погребению Богородицы, опрокинув носилки, но невидимый ангел отрубил ему руки. Пораженный Иефоний немедленно уверовал и взмолился Христу о прощении, и его руки тут же приросли обратно.⁵ Другая похожая история с пресечением нечестивой попытки над-

¹ Подробное изложение проблемы и обзор историографии см.: *Montaner Frutos A. Cantar de Mio Cid*. Madrid — Barcelona, 2011. P. 677—679.

² Об агиографической стороне образа Сиды см. *Gómez Redondo, «Materia cidiana»*. Pp. 115—118.

³ См. *Menéndez Pidal R. «Las fuentes de cada capítulo de Primera crónica general en particular» // Primera crónica general de España*, ed. por R. Menéndez Pidal. Zaragoza, 1955, p. CLXXXVII; *Gómez Redondo, «Materia cidiana»*. P. 103.

⁴ ...sirviendo et faziendo fazer sis fiestas a los cuerpos de sus sennores el Çid Ruy Diaz et donna Ximena... — PCG. Cap. 962.

⁵ Хотя этот сюжет получил более широкое распространение в православной традиции, чем в католической, однако он отражен и в ряде западных источников (в том числе в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского) и в живописи.

ругаться над мощами содержится в испанском житии святых Винцентия, Сабины и Крестеты, действие которого относится к временам гонений на христиан в римскую эпоху. Тела казненных святых были выброшены на дорогу, и некий иудей попытался приблизиться к ним. Но тела святых охраняют не только от тех, кто хочет надругаться над ними, но и от праздных зевак, и на этого еврея набросилась змея, которая стиснула и душила его, пока он не уверовал и не взмолился о прощении Христу.¹ Так что наш иудей, взявший после крещения имя Диего Хиль, вполне вписывается в существовавшие каноны житийной литературы.

Перечисляя эпизоды PCG, в которых упоминаются иудеи, мы не затронули главы, посвященные одному из ключевых событий в истории Испании — мусульманскому завоеванию полуострова в 711 г. Осмысление причин и последствий завоевания стало важным элементом в мировоззрении того христианского общества, которое сформировалось на полуострове по следам завоевания, образования новых христианских государств и начавшегося долгого процесса Реконксты. По понятным причинам с течением времени ясности в этом вопросе не прибавлялось, зато появлялись все новые и новые «художественные» версии событий начала VIII в., и в центре всех этих версий стояла трагическая фигура последнего вестготского короля Родриго, который «потерял Испанию» (*el Rey Rodrigo que perdió la España*). «Потере» Испании способствовали разные факторы, но важнейшим из них в массовом сознании была преступная любовь короля к состоявшейся при дворе девице Ла Каве (Флоринде), горе обесчещенной Ла Кавы и мечь ее отца графа Хулиана, наместника короля в африканской Сеуте, который привел из Африки мавров, чтобы наказать Родриго.² Автор PCG тоже видит в оскорблении, нанесенном Родриго дочери графа Хулиана, причину появления мавров на испанской земле.³

Грехом Родриго и предательством Хулиана не ограничивается список причин поражения, событий, непосредственно предшествовавших арабскому завоеванию и приведших к его успеху. Хронисты ищут и другие факторы, повлиявшие на такой исход, и находят их в поведении других персонажей поздней вестготской истории. Таким персонажем, носите-

¹ См. *Fàbrega Grau A. Pasionario hispánico (siglos VII—XI). Vol. I, Madrid-Barcelona, 1955. Pp. 165—167.*

² О проблеме исторических оснований легенды о дочери графа Хулиана см. *García Moreno L. A. España 702—719. La Conquista Musulmana. Sevilla, 2013. Pp. 88—98.* Роджер Коллинз категорически отрицает какую бы то ни было историческую подоплеку этих образов, считая их полностью вымышленными — см. *Collins R. Visigothic Spain. 409—711. Blackwell Publishing, 2004. P. 129.* О литературной судьбе сюжета см. *Weiner J. De Rodrigo a Rodrigo en el romancero histórico. Kassel, 2003. Pp. 3—22; Gozalbes Cravioto E. «El Conde Juliánus (Conde Julián de Ceuta), entre la historia y la literatura», Al Qantir, 11 (2011). Pp. 3—35.*

³ См. PCG. Cap. 553.

лем зла, стал непосредственный предшественник Родриго король Витица (698—710). Наш автор описывает целый ряд его неблагоприятных поступков, которые рисуют его человеком злым, властолюбивым, «враждебным Богу и канонам святой церкви». Но как будто ему мало было истребления соперников и самовольной передачи Толедской епархии из рук законного епископа собственному брату, «он лишил церкви всех привилегий, вернул в Испанию иудеев и даровал им свободы и привилегии, так что иудеи были уважаемы и почитаемы больше, чем Церковь».¹ Эта фраза намекает на длинную, сложную, но не особенно удачную кампанию по христианизации еврейского населения полуострова, проводимую вестготскими монархами VII в. Эта кампания завершилась, насколько видно из источников, в 694 г. указом короля Эгика, отца Витицы, об обращении в рабство всех конверсов, которые так и не стали добрыми христианами и преданными подданными королевской власти.² Наш хронист дословно перевел это сообщение из латинского сочинения Луки Туйского, который относится к Витице крайне враждебно и пишет: «Витица добавил одну несправедливость к другой и призвал евреев в Испанию, а также, нарушив привилегии церковей, дал привилегии иудеям».³ Это утверждение лежит на совести Луки, поскольку ни одна предшествующая хроника такой информации не содержит, хотя ряд более ранних историков относился к Витице плохо: они считали, что его пороки навлекли на Испанию гнев Божий.⁴ Именно

¹ Et poniendo un mal sobre otro, crebanto todos los priuilegios de las eglesias, et torno los iudios en la tierra et dioles priuilegios et franquezas, et mass ontrados et mas cotados eran los iudios que non las eglesias... — PCG. Cap. 552.

² Судьба евреев вестготской Испании многократно становилась объектом исследования. Из числа хронологически последних обобщающих работ назовем: *Bronisch A. P.* Die Judengesetzgebung im katholischen Westgotenreich von Toledo. Hannover, 2005; *Barcala Muñoz A.* Biblioteca antijudaica de los escritores hispanos. Vol. II: Siglos VI—VII. El reino visigodo de Toledo. Parte 1—2. Madrid, 2005; *García Moreno L. A.* Los judíos de la España antigua: Del primer encuentro al primer repudio. Madrid, 2005; а также целый ряд статей из сборника: *Jews in Early Christian Law: Byzantium and the Latin West, 6th-11th Centuries*, ed. by J. Tolan, N. de Lange, L. Foschia, C. Nemo-Pekelman. Turnhout: Brepols, 2014. О попытках решения еврейского вопроса, предпринятых Эгикой, см. нашу работу: *Chernina L.* «Quod fidei plenitudine fines semper Spaniae floruerunt... Egica and the Jews», *Sefarad* 69, 1 (2009). Pp. 7—24.

³ Addidit et Vitiça iniquitatem super iniquitatem et Iudeos ad Yspanias euocauit atque fractis ecclesiarum priuilegiis Iudeis immunitatum priuilegia dedit — *Lucas Tudens.* Chron. Mundi, III, 61 (*Lucas Tudensis*, Chronicon Mundi, cura et studio E. Falque, CC, 74, p. 219).

⁴ В «Мосарабской хронике» 754 г. сказано, что Витица предпринял попытку положить конец разногласиям своего отца со знатью и «не вернул былую радость тем, кого притеснял его отец» (Срон. mozar., 44). Отрицательно к Витице относятся «Хроника Альфонсо III» (III, 5) и «Силосская хроника» (6). Эта традиция сохраняется у Родриго Хименеса де Рады (*Rod. Tol.*, Hist. III, 17).

благосклонность, которую Витица якобы оказал евреям, и стала главной причиной бедствий, обрушившихся на Испанию.¹ Приписывая Витице проеврейскую политику, Лука, а вслед за ним и его почтительные читатели, объединяет два фактора, в которых он видел источник бедствий. Он «вставляет» евреев в историю Витицы, уже давно пользовавшегося дурной репутацией у испанских историков, тем самым одновременно подкрепляет обвинение против Витицы новыми аргументами и добавляет еще одну причину поражения готов, которая представлялась ему ничуть не менее убедительной, чем порочность короля.

Первая информация, которую наша хроника предоставляет об участии евреев в конкисте как таковой — это упоминание о еврейских гарнизонах, которые завоеватели оставляли в покоренных городах, а именно в Кордове и Малаге.² Это сообщение заимствовано у Родриго Хименеса де Рада,³ но восходит к мусульманским хроникам, хронологически наиболее близким к самой конкисте.⁴ В них встречаются два сообщения, которые хронисты заимствуют друг у друга. Первое из них впервые можно обнаружить в хронике «Ахбар Маджмуа» начала IX в. — там сказано, что в целом ряде городов (особенно южных) мусульманские войска встречали большое еврейское население, которое оказывало им поддержку, и нередко завоеватели оставляли еврейские гарнизоны по мере продвижения дальше на север. Это утверждение повторяют несколько арабских историков, причем указываются разные города.⁵ В принципе, оно выглядит достаточно правдоподобно, если мы вспомним о предшествующей истории евреев на территории Пиренейского полуострова. Антииудейская кампания велась в Вестготском королевстве на всем протяжении VII в., переживала свои взлеты и падения, однако ведущей ее характеристикой была удивительная неэффективность. Чем более суровые и изобретательные меры принимали короли и соборы, тем быстрее выяснялось, что эти меры мало влияют

¹ Deus autem tantum facinus tantamque maliciam aborrrens, hominum ruinam et subuersionem Yspaniarum populis intulit. — *Luc. Tud.*, Chron. Mundi, III, 61.

² PCG. Cap. 560—561.

³ Arabibus ad populationem et custodiam Cordube dimiserunt (*Rod. Tol. De rebus Hisp.* III, 23); Alius exercitus Granatam diucius impugnatam uictoria simili occupauit et Iudeis ibidem morantibus et Arabibus stabiliuit (*Ibid.* III, 24); Ipse autem captam Hispalim de Iudeis et Arabibus populauit (*Ibid.* III, 24).

⁴ Общий обзор арабских хроник, освещающих события мусульманского завоевания см. *García Moreno L. A.* «De Witiza a Rodrigo. Las fuentes literarias», *Zona arqueológica*, 15, 1 (2011). Pp. 15—30; *Idem*, *España 702—719*. Pp. 37—53.

⁵ *Ajbar Machmua* (colección de tradiciones): *Crónica anónima del siglo XI*, trad. y anotada por Emilio Lafuente y Alcántara. Madrid, 1867, p. 25. Анализ этого сообщения см.: *Roth, Norman*, «The Jews and the Muslim Conquest of Spain», *Jewish Social Studies*, 38 (1976). Pp. 145—158, *passim*; *Taha A. D.* *The Muslim Conquest and Settlement of North Africa and Spain*. L.-NY. 1989. P. 92. P. 106. N. 68.

на самосознание еврейского меньшинства. Это не значит, разумеется, что кампания вообще не возымела никаких результатов: к концу столетия еврейская община *de jure* как таковая перестала существовать, и если не все без исключения, то подавляющее большинство выходцев из нее, по крайней мере формально, были обращены в христианство. Однако они весьма поверхностно придерживались новой религии, всячески стремились поддерживать обычаи предков и, по возможности, сохраняли старые общинные рамки, сопротивляясь бракам со «старыми» христианами. Такое упорство возбуждало не просто недовольство властей, но и справедливые подозрения в нелояльности еврейского населения, которые и привели к тому, что в 694 г. евреев обвинили в заговоре с «заморскими единоверцами» с целью свержения короля Эгики и наказали поголовным обращением в рабство. Есть все основания предполагать, что это постановление оказалось не намного более действенным, чем предыдущие, и через какое-то время лица еврейского происхождения опять оказались на свободе и вернулись к своему криптоиудаизму разной степени скрытости. Однако совершенно очевидно, что подобное отношение со стороны правящей верхушки вовсе не укрепило преданность еврейского населения родине и королю, и радушный прием, оказанный им победителю, в принципе, не должен возбуждать большого удивления, хотя, повторимся, этот факт нельзя считать однозначно доказанным.¹

Следующий эпизод конкисты, нашедший отражение в «Первой всеобщей хронике», — это завоевание Толедо Тариком. Арабские хронисты сходятся в том, что к тому моменту, когда Тарик подошел к этому городу, большая часть жителей покинула его, сдав, таким образом, на милость победителя. Не ушли, по некоторым сообщениям, только евреи, которые и

¹ Существует гипотеза о том, что рассказ о взятии Кордовы в «Ахбар Маджмуа», а также прочие сообщения о еврейских гарнизонах в завоеванных городах Испании повторяют аналогичные сообщения арабских хроник о взятии Кесарии и других городов Ближнего Востока, возбуждая тем самым подозрения в том, что исторические факты заклонены здесь литературным топосом. См. *Astren F.* «Re-reading the Arabic Sources: Jewish History and the Muslim Conquests», *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*, 36 (2009). Pp. 99—112. Хотя в целом исследователи отмечают склонность составителя «Ахбар Маджмуа» следовать легендарным источникам (этот факт общепризнан в классической испанской историографии: *Sánchez Albornoz C.* El «Ajbār Maʿmūʿa». *Cuestiones historiográficas que suscita.* Buenos Aires, 1944. P. 42), сообщение о еврейском коллаборационизме чаще считают достоверным, именно в силу логичности такой реакции в свете предшествующих событий. См., например, работы таких разных авторов, как: *Saavedra E.* *Estudio sobre la invasión de los árabes en España.* Madrid, 1892. P. 89; *Baron S. W.* *Social and Religious History of the Jews.* Vol. III. Philadelphia, 1964. P. 46; *Ashtor E.* *The Jews of Moslem Spain.* Vol. I. Philadelphia, 1973. P. 15—16; *O'Callaghan J. A.* *History of Medieval Spain.* Cornell UP, 1975. P. 92; *Simon L. J.* «Jews, Visigoths and the Muslim Conquest of Spain» // *UCLA Historical Journal* 4 (1983). Pp. 25—26; Bronisch, *Judengesetzgebung*, S. 201.

встретили завоевателей и, по некоторым сообщениям, даже выторговали себе у мусульман некоторые привилегии, вроде права остаться в городе. Древнейшая из арабских хроник, составленная в X в., но сохранившаяся исключительно в позднейших переводах, так называемая «Хроника мавра Расиса» (*Crónica del Moro Rasis*), сообщает, что после взятия Толедо оставшиеся в городе евреи пришли на поклон к Тарику и тот отдал им город на жительство.¹ Другие хронисты, например ибн аль-Асир в XIII в., говорят, что Тарик нашел город пустым и заселил его евреями. Ему торит ибн-Адари Марракеши, который пишет, что к моменту прибытия Тарика город был пуст, и в нем оставалось лишь небольшое число евреев.² Евреи появляются не во всех сообщениях о событиях, связанных со взятием Толедо, однако практически везде присутствует представление о том, что к моменту перехода города под власть мусульман христианские жители его оставили.

Совсем другую информацию мы находим в PCG. В главе 561 говорится следующее: «Дон Лука Туйский воздаст хвалу этому городу, который был хорошо устроенным, могучим, крепким и всегда в нем было много добрых рыцарей и который в одночасье перешел под власть исмаилитов и был взят без боя из-за предательства иудеев. Говорят, что в день вербного воскресенья все христиане по случаю столь большого праздника вышли из города и пошли в церковь святой Леокадии слушать проповедь и слово Божие, а иудеи, подав маврам сигнал о предательстве, закрыли ворота города для христиан и открыли их для мавров. И тогда мавры вышли навстречу христианам и всех убили, ведь те были безоружны и не ждали никакого зла. После этого они утвердили свою власть в городе, и поселили там Тарик мавров и иудеев, которые там проживали раньше».³

¹ Et quando los judios vieron que se perdian, et toda la tierra se perdia, vieronse todos para Tarife, et rogaronle que les diesse donde poblasen, et él tovo por bien de les dar á Toledo, et dioselo et encerrólos hy et pusso hy homes que tuviesen las fortaleças de la villa en derredor, et dexóles y señor de su mano. (*Gayangos P. De. «Memoria sobre la autenticidad de la crónica denominada del Moro Rasis»*, *Memorias de la Real Academia de la Historia*, 8 (1852). 3. 72).

² T'arik' trouva cette ville abandonnee; il n'y restait qu'un petit nombre de juifs, tandis que le prince de cette ville c'était retiré dans une autre ville, derrière la montagne (*Fagnan G. Histoire de l'Afrique et de l'Espagne intitulée Al-Bayano' L-Mogrib. Algiers, 1904. T. II. P. 18*).

³ Et dize don Lucas de Thuy en loor desta cibdad, que seyendo ella buena, poderosa, fuert et complida de mucha buena caualleria que siempre ouo en ella, que a otra fue metuda en poder de los ismaelitas et uençida sin otra batalla que y ouiesse por la traycion de los judios; ca dizen que en dia de Ramos que saliron los cristianos, por onrra de la fiesta que era grand, fuera de la uilla, et fueron a la iglesia de sancta Locadia por oyr y la predigacion et la palabra de Dios; e los judios que auien puesta su sennal de traycion con los moros, cerraron las puertas de la villa a los cristianos et abriron las a los moros; e desi por que el pueblo de los cristianos estaua desarmado et sin sospecha de mal, salieron a ellos los moros et mataron los y a todos. Pues que esto ouieron fecho, apoderaronse ellos en la uilla, y basteciola Tarif de los moros que con ell andauan et de los judios que morauan y. — PCG. Cap. 561.

Ссылка, данная хронистом, верна. Речь идет о сюжете, который впервые появился во «Всемирной хронике» Луки Туйского и оттуда распространился в целый ряд других произведений. Лука пишет: «Город Толедо, победитель многих народов, покоренный исмаилитами, пал лишь из-за предательства иудеев, потому что был силен и воинственен. Ведь, когда христиане в вербное воскресенье из почтения перед великим праздником собрались в церкви св. Леокадии, что за пределами королевского города, чтобы послушать слово Божье, иудеи, подав предательский сигнал сарацинам, заперли ворота за христианами и открыли их сарацинам. Так все истинно верующие жители Толедо оказались безоружными за пределами города и полегли от меча».¹ Этот интереснейший фрагмент можно оценить только в контексте сочинения Луки в целом, а также отношения этого хрониста к событиям последних лет существования Вестготского королевства.

Нам не очень много известно о личности Луки Туйского,² за исключением того, что с 1230 г. он был приближен ко двору королевы Беренгелы, матери короля Кастилии Фернандо III. В 1236 г. она заказала епископу города Туй, уже получившему известность благодаря своим сочинениям против альбигойцев, всеобщую историю, которая освещала бы события от сотворения мира до взятия Кордовы славным сыном Беренгелы. «Заказной» характер хроники, над которой Лука продолжал работать вплоть до 1241 г., во многом определил ее содержание — она должна была основываться на историческом сочинении Исидора Севильского³ — первого испанского «государственника», автора знаменитой «Хвалы Испании» и идеологической триады *lex, gens et patria Gothorum*. Государственнические эмоции совсем не чужды и самому Луке, для которого очень важна концепция единства Испании.⁴ Кроме того, для Луки характерно более чем

¹ *Urbs quoque Toletana multarum gentium uictrix, Ismaelitis triumphis uicta subcubuit per proditorem Iudeorum, quia forcior et rebellior fuerat. Nam dum Christiani in die ramis palmarum ad ecclesiam sancte Leocadie extra urbem regiam ob reuerentiam tante sollempnitatis ad audiendum uerbum Domini conuenissent, Iudei qui proditionis signum dederant Sarracenis, Christianis claudentes portas Sarracenis aperuerunt et Deo fidelis Toletanus populus inermis inuentus extra urbem gladio deletus est. (Lucas Tudensis. Chronicon mundi, cura et studio Emma Falque. CC, LXXIV, Turnhout: Brepols, 2003. III, 62. P. 222).*

² Биографические данные см.: *Falque E.* «Introducción», en: *Lucas Tudensis, Chronicon mundi*. Pp. VII—XII; *Jerez Cabrero E.* *El Chronicon Mundi de Lucas de Tuy (c. 1238): Técnicas compositivas y motivaciones ideológicas*. Tesis doctoral. Universidad Autónoma de Madrid, 2006. Pp. 180—182.

³ *Astrictus preceptis gloriosissime ac prudentissime Yspaniarum regine domine Berengarie, que ut cronicorum libros a beato Ysidoro et a quibusdam aliis peritis de ystoria regum Yspanorum et quorundam aliorum editos sibi scriberem imperauit... (Chronic.. Praefatio. P. 4).*

⁴ *Henriet P.* «Sanctissima patria. Points et thèmes communs aux trois œuvres de Lucas de Tuy» // *Cahiers de linguistique et de civilisation hispaniques médiévales*, 24 (2001). P. 258ff.; *Jerez Cabrero.* *El Chronicon Mundi*. P. 14.

творческое отношение к историческому прошлому, с которым он обращается весьма вольно, нередко домысливая факты и выдумывая источники, на которые он якобы опирается.¹ Для каждого конкретного хронологического отрезка Лука подбирает базовый источник, на основе которого строится повествование, и по мере необходимости добавляет к нему данные других хроник и даже устных источников. Для истории эпохи мусульманского завоевания таким базовым источником становится «Хроника Альфонсо III», составленная в IX в., к которой автор добавляет сведения из «Силосской хроники» XI в., «Нахерской хроники» XII в. и ряда других источников.² В этих текстах история завоевания, в том числе взятие Толедо, описаны достаточно подробно, но эпизода с евреями нет ни в одной из них. Конечно, возможно, что в распоряжении Луки находились какие-то дополнительные, неизвестные нам или не дошедшие до нас письменные источники, где эта история могла присутствовать, однако это предположение представляется маловероятным³ именно потому, что другие, более поздние авторы, которые ее приводят, явно опираются именно на текст Луки. С другой стороны, Лука мог просто придумать этот сюжет или почерпнуть его из устной традиции. Последний вариант довольно правдоподобен, поскольку доказано, что при составлении «Хроникона» Туйский епископ прибегал к устным преданиям и сюжетам народных героических поэм шансон де жест.⁴ Нам неизвестны фольклорные сюжеты, связанные с ролью евреев в событиях 711 г., но это вовсе не означает, что таковых в принципе не могло быть.

В любом из этих двух случаев ясно, что Лука вставил историю о еврейском предательстве не за ее литературные достоинства или, по крайней мере не в первую очередь, с этой целью. Ее появление должно было быть обусловлено не только личными антииудейскими эмоциями автора, но и неким требованием политической и идеологической конъюнктуры, которые, прежде всего, и определяли подбор материала в «Хрониконе». Лука

¹ Linehan P. «Dates and Doubts about don Lucas», *Cahiers de linguistique et de civilisation hispaniques médiévales*, 24 (2001). P. 202; Jerez Cabrero. *Chronicon Mundi*. P. 12

² Falque E. «Introducción». P. V, XLVI; Jerez Cabrero. *Chronicon Mundi*. P. 159, 173, 310, 312.

³ Falque, «Introducción». P. C. Правда, некоторые историки XIX века находили подтверждение этому сюжету и в арабских источниках. В одной из арабских хроник якобы говорилось: «Y estuvo Tharek sobre Toledo, y como habitaban en ello judíos, se abrió la ciudad». Эту фразу повторяли некоторые из авторов XIX в. (см., например, *Martín Gamero A. Historia de la ciudad de Toledo*. Toledo. 1862. P. 513) со ссылкой на: *Borbón F. de. Cartas para ilustrar la historia e la España árabe*. s.l. 1796. P. lxiv, где присутствует даже арабский «оригинал» цитаты. Однако впоследствии этот сюжет был заслуженно забыт, поскольку, по всей видимости, был одной из фальшивок, характерных для этого автора конца XVIII в. См. *Gozalbes Crayoto. «Comes Iulianus»*. P. 11.

⁴ Falque. «Introducción». P. CIII; Jerez Cabrero. *Chronicon Mundi*. P. 159.

работал по государственному заказу и, соответственно, порождал только те вымышленные сюжеты, которые были выгодны правящему режиму или, по крайней мере, укладывались в его картину мира. Поэтому совершенно очевидно, что этот мотив, полностью вымышленный или имеющий фольклорную подоплеку, укладывался в представления правящей элиты эпохи Фернандо III о евреях вообще и о причинах «потери Испании».

У нас нет оснований считать, что Фернандо III и его мать были как-то особенно враждебно настроены к евреям. Напротив, среди грамот этого короля есть привилегии евреям разных городов, а при дипломатических переговорах с мусульманскими правителями он пользовался посредническими услугами евреев.¹ Однако существовали два фактора, которые не могли не повлиять на распространение сюжета о взятии Толедо. Во-первых, Фернандо был королем-завоевателем. Существенную часть своей жизни он провел в военных походах, по большей части, весьма успешных, и тема предательства на войне должна была звучать для него довольно остро. Объяснение такого болезненного поражения, как падение столицы Испании в борьбе с маврами, кознями предателей выглядело логично и позволяло гордиться не только набожностью предков (немаловажной для благочестивого короля), отправившихся на торжественную молитву, несмотря на явную опасность, но и их военной храбростью. Если бы не предательство, Толедо не сдался бы врагу так легко. С другой стороны, начало XIII в. — это время масштабного усиления антииудейской пропаганды, начала миссионерской деятельности нищенствующих орденов и увеличения числа полемических текстов.² В связи с этим совершенно напрашивающимся выглядит выбор евреев на роль страшного внутреннего врага, тем более что все предшествующие тексты подтверждали присутствие евреев в городе в момент завоевания. Выбор церкви, куда удаляются христиане в этом рассказе, обусловлен не только реальной важностью и популярностью этого святилища, но и его местоположением. Путь в церковь св. Леокадии Завратной пролегал через ворота, которые в XIII в. уже имели устойчивое название «Еврейских», поскольку к ним прилегал средневековый еврейский квартал города. К XIII в. эта церковь, одна из важнейших для вестготского Толедо, уже перестала существовать, но ее руины еще были известны.³

¹ *Amador de los Ríos J.* Historia política, social y religiosa de los judíos de España y Portugal. Madrid. 1960. P. 356ff.; *González J.* Las conquistas de Fernando III en Andalucía. Madrid, 1946. P. 28.

² *Simon L. J.* Jews, Visigoths and the Muslim Conquest. P. 27; *Cohen J.* Scholarship and Intolerance in the Medieval Academy: The Study and Evaluation of Judaism in European Christendom AHR. 91. 3 (1986). P. 593; *Chazan R.* Dagers of Faith: Thirteenth-Century Christian Missionizing and Jewish Response. Berkeley. 1989. P. 23ff.

³ *Ashtor.* Jews in Moslem Spain. P. 408. N. 5. Об этой церкви см.: *Barroso Cabrera R., Morin de Pablos J.* Regia Sedes Toletana: El Toledo visigodo a través de su escultura monu-

Историю о падении Толедо заимствовал у Луки не только составитель PSG. Она присутствует, расцвеченная новыми подробностями, в составленной в конце XIII в. хронике Хуана Хиля де Самора,¹ в «Хронике короля дона Педро» Перо Лопеса де Айялы,² у архипресвитера Талаверы Альфонсо Мартинеса в середине XV в.³ и даже в литературе того жанра, который призван был не столько наставлять, сколько развлекать: в «Хронике короля дона Родриго и разрушения Испании» (*Crónica del rey don Rodrigo*

mental. Toledo. 2007. P. 109; *Gurt i Esparraguera J. M., Diarte Blasco P.* La Basílica de Santa Leocadia y el final del uso del Circo romano de Toledo: una nueva interpretación, *Zephyrus*. 69 (2012). Pp. 149—163. О местонахождении еврейского квартала Толедо в XIII в. см. *León Tello P.* La judería, un air de réusite // *Tolède XIIe-XIIIe. Musulmans, chrétiens et juifs: le savoir et la tolérance*, dir. par L. Cardaillac. Paris. 1991. Pp. 126—128.

¹ Hec civitas regia per iudeos fuit amissa tempore Roderici regis. Nam dum christiani in die ramis palmarum ad ecclesiam sancte Leocadie extra urbem regiam ob reverenciam tante sollempnitatis ad audiendum verbum Domini convenissent, iudei qui prodicionis signum dederant sartuconis, christianis claudentes portas, sarracenis aperuerunt, et ideo fidelis tholetanus populus inermis inventus extra urbem, gladio est deletus. In hac urbe Lxx.^a milia judeorum tributa solvencium, absque parvulis et mulieribus, nostri temporibus sunt inventa; christianorum et sarracenorum est innumera multitudo.. Цит. по: *Fita F.* Dos libros (inéditos) de Gil de Zamora. *Boletín de la Real Academia de Historia*. 5 (1884). Pp. 138—139. О Хуане Хиле де Самора и его концепции истории см.: *Costas Rodríguez J.* Juan Gil, alabanzas e historia de Zamora. Zamora. 1994. Pp. 11—30.

² E despues desto los moros ganando e conquistando a España, llegaron a la çibdat de Toledo, e commo quier que algunos dias se detouo la çibdat de Toledo y se defendio, enpero dizen que vn dia, con maldat de judíos que allí biuian, dixeron a los moros commo los christianos de la çibdat de Toledo sallian, el dia de Ramos, todos fuera de la çibdat a oyr las horas de aquel dia y a tomar los rramos bendichos a vna iglesia que es en la vega, que dizen Santa Leocadia la de fuera, e que poniendo anssy sus çeladas, que los podrían tomar e ganar la çibdat. E los moros fizieronlo assy, e vn dia de Ramos, commo lo auian acostunbrado, los christianos salieron a oyr sus oras aquella dicha iglesia de Santa Locadia, que es fuera de la çibdat. E los moros tenían puesta su çelada en vnas huertas ý çerca, e fueron a ellos e tomaron los mas catiuos e mataron muchos... — Pero López de Ayala, *Crónica del rey don Pedro y del rey don Enrique su hermano, hijos del rey don Alfonso Onceno* // Ed. crít. y notas de G. Orduna. Buenos Aires. 1994. P. 58—59 (Cáp. 18).

³ E en esto Tarif fuese después a Toledo e ouo su fabla e trato con los judios de Toledo por tomar la çibdad a trayçion. E vn dia de Ramos, estando Tarif con ssus moros escondido por las huertas fuera de la çibdad, e los christianos estando en Santa Leocadia fuera de la çibdad en su fiesta, los judios cerraron las puertas de la çibdad, en espeçial la del Canbron, que es en derecho de Santa Leocadia, e salieron los moros que estauan escondidos por las huertas de la vega, e mataron todos los christianos e christianas, que vno non queda a vida — *Alfonso Martínez.* *Atalaya de las Corónicas* // Ed. by J. B. Larkin. Madison, 1983. P. 31. Об этой хронике см. *Bombín I.* La «Atalaya de las corónicas» de Arcipreste de Talavera: Edición crítica del parte del texto con un estudio introductorio y vocabulario. PhD thesis, University of Toronto. 1976. Pp. 8—83.

con la destrucción de España), написанной в 1433 г. Педро де Корралем¹ и в романсе *Toma de Toledo por Tarif*, впервые опубликованном сочинителем XVI в. Лоренсо де Сепульведа.²

Средневековые хронисты легко и естественно заимствовали друг у друга сюжет о взятии Толедо не только в силу традиционности средневекового мышления с его тенденцией опираться на авторитеты, но и в силу отношения к истории как к совокупности назидательных примеров — *exempla*. Всякий историк заявлял в предисловии к своему труду, что его задача состоит в том, чтобы подвинуть читателей к добродетели посредством хороших примеров.³ История о предательстве, приведшем к падению вестготской столицы, исполняла в этом контексте важнейшую функцию. Совершенно очевидно, что падение столицы Вестготского государства считалось одним из важнейших моментов арабского завоевания, привлекая к себе внимание историков. Уже этот высокий статус события делал его желанным объектом для псевдоисторических реконструкций. И именно в силу особенного положения Толедо мысль о том, что город был потерян из-за неудачной стратегии или военных действий, казалась средневековым авторам особенно неправдоподобной или даже неприятной и оскорбительной.⁴ Автор PCG подчеркивает эту мысль, повторяя ее дважды. Через несколько страниц после описания взятия Толедо он снова возвращается к этой истории и напоминает, что, если бы не еврейский заговор, мавры не смогли бы овладеть этим городом.⁵

Мотив предательства не просто присутствовал во всех нарративах, связанных с *pérdida de España*, но и играл в них ключевую роль: вся Испания была потеряна из-за предательства графа Хулиана и епископа Оп-

¹ *Pedro de Corral*. Crónica del Rey Don Rodrigo, Alcalá de Henares. 1586. Cap. XXXVI—XLIII. О Педро де Коррале и его сочинении см.: *Fogelquist J. D.* «Pedro de Corral's Reconfiguration of La Cava in the Crónica del Rey Don Rodrigo» // *e-Humanista: Monographs in Humanities*. 3 (s.d.). Pp. 4—9; *G. Álvarez-Hesse*. La «Crónica sarracina»: Estudio de elementos novelescos y caballerescos (New York et al., 1990). Pp. 15—54.

² *Lorenzo de Sepúlveda*. Toma de Toledo por Tarif // *A. Durán*. Romancero general, o colección de romances castellanos anteriores al siglo XVIII. T. 1 (Madrid, 1854). P. 413. См. также *R. Menéndez Pidal*. Romancero hispánico: hispano-portugués, Americano y sefardí (Madrid, 1953). T. 2. P. 111.

³ *Guenée B.* Histoire et culture historique. Pp. 27—29; применительно к испанской историографии см. например: *Catalán D.* Historia de España. Pp. 38—42; *Linehan P.* Lucas de Tuy, Rodrigo Jiménez de Rada y las historias alfonsíes // *Fernández-Ordóñez I.*, ed., Alfonso X el Sabio y las crónicas de España. Valladolid, 2000. P. 23; *Fernández Gallardo*. De Lucas de Tuy. Pp. 89—91.

⁴ См. *Astren*. «Re-reading Arabic sources». P. 111.

⁵ Mas despues que la cibdad de Toledo fue metida en poder de los moros — por pleytesia que troxieron con los judios, ca otramiente non la pudieran tomar por fuerça, pero que aquella pleytesia luego la crebantaron ellos... PCG. Cap. 571.

пы.¹ Для позднего Средневековья фигура еврея представлялась идеальной для образа предателя. Не случайно этот мотив появляется в начале XIII в., в эпоху активизации антииудейской полемики, и получает наибольшее распространение в XV столетии. На примере эпизода взятия Толедо в 711 г. мы видим, как в сознании испанских христиан высокого и позднего Средневековья накладывались друг на друга исторические события и идеологические клише. История беспрекословно подчинялась идеологии, обслуживая, в данном случае, антииудейские настроения, характерные для этой эпохи. Сюжет, придуманный Лукой Туйским и подхваченный последующими хронистами, идеально вписался в традиционный образ еврея — обманщика, злодея и предателя, чья «неверность» касается не только религиозных вопросов, но и сугубо политической лояльности родине и государю.

История взятия Толедо наглядно показывает нам, какую роль отводит евреям автор PCG — при всей склонности к аллегоризации событий, характерных для средневекового исторического жанра, еврейские персонажи, пожалуй, в большей степени условны и обезличены, чем христианские короли и рыцари или даже мусульманские захватчики. Евреи в хронике практически не выступают как настоящие исторические фигуры, за исключением нескольких вскользь упомянутых придворных. Они нужны в хронике как аллегория предательства или объект чуда Господня, совершенного через Сиду. Кажется, составители «Истории Испании» вполне сознательно шли на это, поскольку в одной из завершающих глав предмет их повествования описывается следующим образом: «Ведь в этой нашей всеобщей истории Испании мы рассказали обо всех ее королях и обо всех событиях, которые случились в прошлом и которые случаются в настоящее время, в котором мы живем — о маврах, как о христианах, и даже об иудеях, если таковые попадались, и еще о чудесах Господа Бога нашего, когда бы они ни произошли или ни произойдут в будущем».² Дойдя почти до конца повествования, рассказчик обнаруживает, что евреи практически не попадались ему по пути, поскольку все его внимание было сосредоточено на христианских и мусульманских правителях и героях, действительно важных для его видения истории. Мусульмане живо интересуют составителей (и заказчика) «Истории Испании» — они представляют собой реального политического игрока, движущую силу истории, тогда как евреи могут появиться лишь как второстепенные действующие лица: инструмент демонстрации благоволения высших сил к Сиду, мелкие порученцы

¹ *Linehan. History and Historians. P. 76.*

² ...ca esta nuestra estoria de las Espannas general la leuamos nos de todos los reyes dellas et de todos los sus fechos que acaescieron en el tiempo passado, et de los que acaescen en el tiempo present en que agora somos, tan bien de moros como de cristianos, et aun de judios si y acaesciesse en que, et otrossi de los milagros de nuestro sennor Dios quando y acaescieron et quando acaescieren en el tiempo que es de uenir — PCG. Cap. 972.

или — как в нашем примере, как обезличенный литературный образ, воплощение неверности и предательства. Причем почти все эти упоминания взяты составителями хроники из их источников без какой-либо творческой переработки или переосмысления — евреи просто «попадались» им по ходу повествования. Поэтому «История Испании» практически не дает материала для изучения отношения Альфонсо X и его окружения к еврейскому вопросу, в отличие от богатейшего законодательного наследия этого короля или от его «Кантиг», где евреи нередко становятся объектом чудес Девы.¹ Впрочем, это уже объект отдельного исследования.

¹ В этом, видимо, главная причина равнодушия исследователей к проблеме евреев в «Истории Испании». Обстоятельный Давид Романо, обрисовывая общую проблематику «еврейских» исследований, связанных с наследием Альфонсо X, даже не касается «Истории...». См. *Romano D. «Alfonso X y los judíos: problemática y propuestas de trabajo»// Anuario de estudios medievales. 15 (1985). Pp. 151—177.*

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ
КОММЕНТИРОВАННЫЙ
ПЕРЕВОД

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ В КОДЕКСАХ Y.I.2 И X.I.4 ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ЭСКОРИАЛА

А. Текст по кодексу Y.I.2 (XIII в.) [e1]

«Nobilis Hesperie princeps, quem gracia Cristi...»

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ «ИСТОРИЯ ИСПАНИИ»,
КОТОРУЮ СОСТАВИЛ БЛАГОРОДНЕЙШИЙ КОРОЛЬ ДОН АЛЬФОНСО,
СЫН БЛАГОРОДНОГО КОРОЛЯ ДОНА ФЕРНАНДО
И КОРОЛЕВЫ ДОНЬИ БЕАТРИС

Пролог

НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ

1. О том, как Моисей написал книгу, называемую «Бытие», и о потопе.
2. Как мудрецы поделили земли.
3. Как Европа была заселена сыновьями Иафета.
4. О трех Геркулесах, существовавших в этом мире, и почему они носили это имя.
5. Как Геркулес основал Кадис и о делах, которые он совершил.
6. Как Юлий Цезарь основал Севилью по обнаруженным им на том месте знакам Геркулеса.
7. Как Геркулес сразился с королем Герионом и убил его.
8. О городах, которые Геркулес основал в Испании.
9. О деяниях короля Испана и о том, как он заселил остров Кадис.
10. Как был заселен остров Калис, как он был окружен, построен мост и сделаны мостовые.
11. О том, как Пирус основал Осуну и Гранаду и о короле Рокасе.
12. О том, как Рокас пребывал в пещере и что произошло с Таркусом.
13. О том, как Рокас ушел с Таркусом и о великой засухе в Испании.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ГОСПОДСТВА,
КОТОРОЕ ОБРЕЛИ В ИСПАНИИ АЛЬМУХУСЫ

14. Как альмухусы завоевали Испанию и стали ее владыками.
15. Как пришедшие из Фландрии и Англии разрушили Испанию.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ВЛАДЫЧЕСТВА В ИСПАНИИ ТЕХ,
КТО ПРИШЕЛ ИЗ АФРИКИ

16. Как захватили власть в Испании народы, пришедшие из Африки.
17. О смерти императора Гамилькара.
18. О деяниях, совершенных Гамилькаром до его смерти.
19. О том, как Ганнибал пришел в Испанию и разрушил Сигуэнсу.
20. О чуде, случившемся в Сигуэнсе.
21. О деяниях Ганнибала в Испании.
22. О сражениях Ганнибала с испанцами и римлянами до его возвращения в Африку.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ГОСПОДСТВА,
ОБРЕТЕННОГО В ИСПАНИИ РИМЛЯНАМИ

23. Как власть римлян утвердилась в Испании.
24. О деяниях, содеянных двумя братьями Сципионами.
25. Как Сципионы сразились с Магоном, братом Ганнибала, и как они пленили его.
26. Как Гасдрубал сразился с римлянами и был побежден.
27. Как были разбиты римляне и убиты оба Сципиона.
28. О совете, который дал Сципион-младший римлянам.
29. Как Сципион уничтожил флот Ганнибала.
30. Как Сципион пришел в Испанию и о его делах там.
31. Как Гасдрубал сразился со Сципионом и был побежден.
32. Как Гасдрубал отправился к своему брату Ганнибалу, а Сципион стал господином Испании.
33. Как римляне преградили дорогу Гасдрубалу, сразились с ним и убили его.
34. Что делал Сципион в Испании после гибели Гасдрубала.
35. Как Сципион ушел из Испании и отправился в Рим.
36. Как Сципион пошел в Африку, и о деяниях, им там совершенных.
37. Как Ганнибал вернулся в Африку и как он встретился со Сципионом.
38. Как Ганнибал сражался со Сципионом и как он был побежден.
39. Как Испания поднялась против Рима после того, как Сципион покинул ее.
40. О смерти Сципиона Африканского и Ганнибала.

41. Об упорнейших схватках между испанцами и римлянами.
42. О предательстве, которое содейл Сергей Гальба лузитанам.
43. О том, как восстал разбойник Вириат.
44. О том, как Самора восстала против римлян и о смерти Вириата.
45. О том, как жители Саморы снова восстали против римлян.
46. Как Брут пришел из Рима и разрушил Галисию.
47. О том, как жители Саморы восстали в другой раз против римлян, за что были разгромлены.
48. О том, что совершил Сципион в Испании после того, как разрушил Самору, как он вернулся в Рим и там умер.
49. О том, как город Тир был заселен и как рабы предали своих сеньоров.
50. О том, как рабы из Тира убили своих сеньоров.
51. Как Элисса Дидона вышла замуж за своего дядю Асерба и как по приказу короля был убит ее брат.
52. О том, как Дидона уехала из Тира и отправилась в Африку.
53. О том, как королева Дидона прибыла в Африку, и о том, что там с ней произошло.
54. О том, как Тибирса была переименована в Карфаген.
55. О том, как Дидона основала Картахену в Испании.
56. О том, как умерла царица Дидона, согласно некоторым рассказам.
57. О том, как Эней прибыл в Африку и женился на королеве Элисе Дидоне.
58. О том, как Эней бежал из Африки и бросил королеву Дидону.
59. Письмо, отправленное королевой Дидоной Энею.
60. О том, как умерла царица Дидона.
61. О том, что делали жители Карфагена после смерти королевы Дидоны.
62. О совете, на котором карфагеняне решали, как дать отпор римлянам.
63. О том, как римляне осадили Карфаген и ушли оттуда.
64. О том, как римляне оставили Карфаген, а Сципион направился в Рим.
65. О том, как Сципион осадил Карфаген.
66. О том, как Карфаген был разрушен в последний раз, таким образом, что никогда не возродился впредь.
67. О том, как определили те, кто писал истории, время, когда был заселен Карфаген.
68. О времени, когда был разрушен Карфаген.
69. О причинах, которые указали мудрецы, почему был разрушен Карфаген.
70. О том, как Сципион отправился в Рим после того, как был уничтожен Карфаген, и затем в Испанию, и как он умер после этого.
71. Об извержении вулкана Этна и о произошедшем на острове Липара в консульстве Марка Эмилия и Луция Ореста.
72. О полчищах саранчи, которые были в консульство Марка Плавция и Марка Фульвия Флакка.
73. О событии, которое произошло с римлянами в консульство Луция Цецилия Метелла и Квинта Тита.
74. О Нумидийской войне.

75. О чуде с молнией, которое также произошло в год тех же самых консулов.
76. О некоторых знаменьях, которые произошли в консульство Секста Юлия Цезаря и Луция Марка.
77. О войне Сертория и Помпея Великого в Испании.
78. О том, как Помпей был принят в Риме, и о зависти Юлия Цезаря.
79. О родстве между Помпеем и Юлием Цезарем.
80. О разбойниках, наводнивших различные земли, и о том, как их разбил Помпей.
81. О том, как консул Лукулл пошел войной на Митридата.
82. О том, как Помпей пошел войной в Азию против Митридата.
83. О том, как Помпей победил Митридата, и при каких обстоятельствах.
84. О завоеваниях Помпея в Испании и о смерти короля Митридата.
85. О том, как Помпей отправился в Рим и завоевал любовь многих римлян.
86. О завоеваниях Юлия и Помпея.
87. О том, что сделал Юлий Цезарь на землях, которые были ему присуждены по праву завоевания, о короле Оргенте, об Ариовисте, о Крассе и об Испании.
88. О том, как римляне послали Публия Красса в Испанию, которые подняли мятеж.
89. О завоеваниях, которые совершил Юлий Цезарь, и об Испании.
90. О том, как Юлий Цезарь потребовал от римлян дать ему еще одно консульство, которым уже обладал Помпей, и о пожаре, разгоревшемся в городе Риме.
91. О том, как Юлий Цезарь обнаружил в себе неприязнь к Помпею.
92. О видении, которое было Юлию Цезарю, и о его походе на Рим.
93. О народах, которые пришли на помощь Юлию Цезарю.
94. О том, как отправился Юлий Цезарь в Рим, и о том, как он взял казну города, которая была там с незапамятных времен.
95. О том, как Юлий Цезарь вышел из Рима и отправился в Испанию и как он взял Марсель.
96. О войне Юлия Цезаря с Афранием и Петреем в Лериде.
97. О стихийном бедствии, случившемся с Юлием Цезарем в Лериде, и как ушли оттуда Петрей и Афраний.
98. О том, как Петрей разделил римлян, утешавших друг друга, и как он заставил их пойти на битву.
99. О том, как Афраний и Петрей вступили в сражение с Юлием.
100. О том, как Афраний и Петрей сдались Юлию Цезарю.
101. О том, как Юлий Цезарь пошел воевать против Помпея.
102. О народах, которые пришли на помощь Помпею против Юлия Цезаря.
103. О первой битве между Помпеем Великим и Юлием Цезарем.
104. О второй битве между Юлием Цезарем и Помпеем и о гибели Помпея.
105. О похвале, расточаемой Плинием Помпею Великому.

106. О том, как Юлий Цезарь прибыл в Александрию Египетскую и убил короля, который обезглавил Помпея, и передал землю королеве Клеопатре.
107. О том, что Юлий Цезарь совершил в Азии.
108. О наименованиях римских правителей и их должностей.
109. О порядке занятия должностей в Риме.
110. О первых королях Рима, когда город получил свое имя.
111. О консулах первого года.
112. О консулах и других правителях поименно, как они приходили к власти один за другим.
113. От какого слова произошло это имя — Цезарь, и по каким причинам оно было принято; кого так называли впервые и кого потом; и что оно значит.
114. Откуда взялось слово «император» и что оно означает.
115. О том, как Юлий Цезарь пошел в Африку и сражался с королем Юбой и со Сципионом и победил их, и о том, что произошло с ним в дальнейшем.
116. О том, как Юлий Цезарь прибыл в Испанию, в город Сигуэнса, и сражался там с двумя Помпеями, сыновьями Помпея Великого, и с военачальниками Лабием и Ацием Варом, которые были там с ними.
117. О власти Юлия Цезаря и о том, каковы были его внешность и поведение.
118. О том, как Юлий Цезарь дал свое имя месяцу июлю и о причинах, по которым остальные месяцы получили те названия, которые носит каждый из них.
119. О знаменьях, которые были явлены миру накануне убийства Юлия Цезаря.
120. О том, как Юлий Цезарь был убит в результате предательства на Капитолии.
121. Об именах римских императоров.
122. О правлении Октавиана, племянника Юлия Цезаря, и затем — о событиях, произошедших в первый год его царствования.
123. О событиях второго года правления императора Октавиана Цезаря, когда он победил Антония, а после подружился с ним и взял в жены его сестру.
124. О событиях третьего года.
125. О событиях четвертого года правления Октавиана Цезаря.
126. О событиях пятого года.
127. О событиях шестого года.
128. О событиях седьмого года.
129. О событиях восьмого года.
130. О событиях десятого года.
131. О том, что произошло в одиннадцатый год.
132. О событиях двенадцатого года.

133. О том, что произошло в тринадцатый год.
134. О событиях четырнадцатого года.
135. О том, что произошло в пятнадцатый год.
136. О событиях шестнадцатого года.
137. О том, что произошло в семнадцатый год.
138. О том, что произошло в восемнадцатый год.
139. О событиях девятнадцатого года.
140. О том, что произошло в двадцатый год.
141. О том, что произошло в двадцать четвертый год правления.
142. О том, что произошло в двадцать пятый год правления.
143. О событиях, которые произошли на тридцатый год правления.
144. О событиях, которые произошли в тридцать второй год правления.
145. О том, что произошло в тридцать третий год правления.
146. О том, что произошло в тридцать четвертый год правления.
147. О том, что произошло в тридцать пятый год.
148. О том, что произошло в тридцать шестой год.
149. О том, что произошло в тридцать девятый год.
150. О том, что произошло в сорок первый год правления.
151. О событиях, которые произошли на сорок второй год правления.
152. О том, что произошло в сорок третий год.
153. О том, что произошло в сорок пятый год.
154. О том, что произошло в сорок седьмой год правления.
155. О том, что произошло в пятьдесят четвертый год правления.
156. О том, что произошло в пятьдесят шестой год правления.
157. О правлении Цезаря Тиберия и о событиях, происшедших в первый год.
158. О том, что произошло в пятнадцатый год.
159. О том, что произошло в шестнадцатый год.
160. О том, что произошло в семнадцатый год.
161. О том, что произошло в восемнадцатый год.
162. О том, что произошло в девятнадцатый год.
163. О том, что произошло в двадцать первый год.
164. О том, что произошло в двадцать третий год правления.
165. О правлении Гая Калигулы и о тех событиях, которые произошли в первый год его правления.
166. О том, что произошло в четвертый год правления.
167. О правлении Клавдия и о том, что произошло в первый год.
168. О том, что произошло на второй год его правления.
169. О событиях четвертого года.
170. О том, что произошло в пятый год.
171. О том, что произошло в четырнадцатый год.
172. О правлении Нерона и о событиях, которые произошли в первый год его правления.
173. О событиях третьего года.
174. О том, что произошло в четвертый год.

175. О том, что произошло в десятый год.
176. О событиях двенадцатого года.
177. О том, что произошло в тринадцатый год.
178. О том, что произошло в четырнадцатый год.
179. Об императоре Гальбе.
180. Об императоре Отоне.
181. Об императоре Вителлии.
182. О правлении императора Веспасиана и о том, что произошло в первый год.
183. О событиях второго года.
184. О событиях третьего года.
185. О том, что произошло в девятый год.
186. О правлении императора Тита и о том, что произошло в первый год его царствования.
187. О событиях третьего года.
188. О правлении императора Домициана и о том, что произошло в первый год.
189. О событиях пятнадцатого года.
190. О правлении императора Нервы и о том, что произошло в первый год его царствования.
191. О том, что произошло во второй год.
192. О правлении императора Траяна и о том, что произошло в первый год его царствования.
193. О событиях седьмого года.
194. О событиях семнадцатого года.
195. О событиях девятнадцатого года.
196. О правлении Адриана и о том, что произошло в первый год.
197. О том, что произошло в третий год.
198. О событиях тринадцатого года.
199. О том, что произошло в девятнадцатый год.
200. О том, что произошло в двадцать первый год.
201. О правлении Антонина Пия и о событиях первого года.
202. О том, что произошло во второй год.
203. О том, что произошло в третий год.
204. О том, что произошло в четвертый год.
205. О том, что произошло в пятый год.
206. О шестом годе.
207. О событиях десятого года.
208. О событиях семнадцатого года.
209. О том, что произошло в восемнадцатый год.
210. О том, что произошло в двадцать второй год.
211. О правлении Марка Аврелия Антона Вера и Луция Аврелия Коммода, а также о событиях, происшедших в первый год их правления.
212. О втором годе.

213. О том, что произошло в третий год.
214. О том, что произошло в четвертый год.
215. О том, что произошло в шестой год.
216. О событиях седьмого года.
217. О том, что произошло в восьмой год.
218. О событиях девятого года.
219. О событиях десятого года.
220. О том, что произошло в девятнадцатый год.
221. О правлении Луция Аврелия Коммода и о том, что произошло в первый год.
222. О том, что произошло во второй год правления.
223. О происшедшем в третий год.
224. О происшедшем в четвертый год.
225. О происшедшем в пятый год.
226. О шестом годе
227. О седьмом годе.
228. О том, что произошло в восьмой год.
229. О событиях тринадцатого года.
230. Об императоре Гельвии Пертинаксе и о событиях, происшедших во время его правления.
231. О правлении императора Севера и о первом годе.
232. О втором годе.
233. О пятом годе.
234. О том, что произошло в шестой год.
235. О том, что произошло в седьмой год.
236. О происшедшем в восьмой год.
237. О том, что произошло в десятый год.
238. О том, что произошло в одиннадцатый год.
239. О том, что произошло в тринадцатый год.
240. О четырнадцатом годе.
241. О том, что произошло в пятнадцатый год.
242. О событиях шестнадцатого года.
243. О том, что произошло в семнадцатый год.
244. О том, что произошло в восемнадцатый год.
245. О правлении Антонина Каракаллы, звавшегося Бассианом, и о том, что произошло в первый год.
246. О том, что произошло в третий год.
247. О том, что произошло в четвертый год.
248. О том, что произошло в шестой год.
249. О правлении императора Маркина.
250. О правлении Марка Аврелия Антонина, а также о событиях первого года.
251. О происшедшем во второй год.
252. О событиях третьего года.
253. О том, что произошло в четвертый год.

254. О правлении Аврелия Александра и о том, что произошло в первый год.
255. О событиях второго года.
256. О том, что произошло в тринадцатый год.
257. О правлении Максимиана и о том, что произошло в первый год его царствования.
258. О том, что произошло во второй год.
259. О том, что произошло в третий год.
260. О правлении Гордиана, а также о том, что произошло в первый его год.
261. О том, что произошло в шестой год.
262. О правлении Филиппа, а также о событиях первого года.
263. О событиях седьмого года.
264. О правлении Деция и о событиях первого года.
265. О правлении Галла Гостилиана и Волузиана, его сына, и о событиях первого года.
266. О том, что произошло во второй год.
267. О правлении Валериана и Галлиена и о событиях первого года.
268. О том, что произошло в седьмой год.
269. О событиях восьмого года.
270. О событиях девятого года.
271. О событиях десятого года.
272. О событиях пятнадцатого года.
273. О правлении Клавдия и также о событиях первого года.
274. О событиях второго года.
275. О правлении Аврелиана и о событиях первого года.
276. О событиях второго года.
277. О событиях третьего года.
278. О событиях четвертого года.
279. О событиях пятого года.
280. О правлении Тацита.
281. О правлении Проба и о событиях первого года.
282. О том, что произошло во второй год.
283. О том, что произошло в третий год.
284. О том, что произошло в четвертый год.
285. О пятом годе.
286. О том, что произошло в шестой год.
287. О правлении Кара и его сыновей Нумериана и Карина.
288. О том, что произошло во второй год.
289. О правлении Диоклетиана и Максимиана.
290. О том, что произошло во второй год его правления.
291. О событиях третьего года.
292. О том, что произошло в четвертый год.
293. О событиях пятого года.

294. О том, что произошло в седьмой год.
295. О событиях восьмого года.
296. О том, что произошло в девятый год.
297. О событиях десятого года.
298. О том, что произошло на двенадцатый год.
299. О событиях тринадцатого года.
300. О том, что произошло на четырнадцатый год.
301. О том, что произошло на пятнадцатый год.
302. О том, что произошло на шестнадцатый год.
303. О событиях восемнадцатого года
304. О событиях девятнадцатого года.
305. О событиях двадцатого года.
306. О правлении Галерия Максимиана и о том, что произошло в первый год его царствования.
307. О событиях второго года.
308. О воцарении Константина, сына Елены, и о том, что произошло в первый год его правления.
309. О событиях второго года.
310. О том, что произошло в третий год.
311. О событиях четвертого года.
312. О том, что произошло в пятый год.
313. О событиях шестого года.
314. О том, что произошло в седьмой год.
315. О восьмом годе.
316. О событиях десятого года.
317. О том, что произошло в одиннадцатый год.
318. О событиях двенадцатого года.
319. О том, что произошло в тринадцатый год.
320. О событиях четырнадцатого года, в который был найден крест.
321. О событиях семнадцатого года.
322. О том, что произошло в девятнадцатый год.
323. О событиях двадцатого года.
324. О том, что произошло в двадцать второй год.
325. О событиях, происшедших в двадцать пятый год.
326. О том, что произошло в двадцать седьмой год.
327. О двадцать восьмом годе.
328. О двадцать девятом годе.
329. О том, что произошло в тридцатый год.
330. О событиях, происшедших в тридцать первый год.
331. О правлении Константина, Констанция и Константа и о событиях первого года.
332. О втором годе.
333. О третьем годе.
334. О четвертом годе.

335. О пятом годе.
336. О шестом годе.
337. О седьмом годе.
338. О восьмом годе.
339. О девятом годе.
340. Об одиннадцатом годе.
341. О тринадцатом годе.
342. О четырнадцатом годе.
343. О пятнадцатом годе.
344. О шестнадцатом годе.
345. О семнадцатом годе.
346. О том, что произошло в двадцать четвертый год.
347. О правлении императора Юлиана.
348. О событиях второго года.
349. О правлении Иовиана и о событиях, случившихся в этот год.
350. О правлении Валента и Валентиниана и о событиях, произошедших в первый год.
351. О втором годе.
352. О третьем годе.
353. О четвертом годе.
354. Об одиннадцатом годе.
355. О двенадцатом годе.
356. Об Аркадии и Гонории.
357. О втором годе.
358. О третьем годе.
359. О четвертом годе.
360. О шестом годе.
361. О событиях, происшедших в тринадцатый год.
362. О событиях четырнадцатого года правления Гонория и о первом Феодосия Младшего.
363. О шестнадцатом годе Гонория, являвшемся третьим для Феодосия.
364. О событиях семнадцатого года правления Гонория.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ВАНДАЛОВ
И СИЛИНГОВ, АЛАНОВ И СВЕВОВ

365. Из какой земли и что за народами были вандалы, силинги, аланы и свевы, а также о событиях, произошедших с ними до прихода в Испанию.
366. О правлении вандалов, силингов, аланов и свевов в Испании и о вреде, ей причиненном.
367. О восьмом годе Гундериха, в который аланы стали его вассалами.
368. О девятом годе Гундериха, в который он решил оставить Испанию и бежать в Африку, опасаясь готов.

369. О событиях четырнадцатого года, в который Гундерих взял свевов в осаду.
370. О пятнадцатом годе правления, в который король Гундерих осадил и разрушил Картагену.
371. О шестнадцатом годе, в который король Гундерих силой взял Севилью, и о его смерти.
372. О царствовании короля вандалов Гейзериха, и о том, как в четвертый год варвары и прочие местные народы объединились и пошли на него, а тот их победил и многих убил.
373. О событиях, произошедших в Испании в двадцать седьмой год царствования короля свевов Хермериха.
374. О том, как в тридцать второй год царствования Хермерих отправил своего сына Рехилу против римлян и победил их.
375. О царствовании Рехилы и о том, как в первый год правления аланы приняли его в качестве властителя.
376. О втором годе, в который король Рехила осадил Севилью и захватил ее.
377. О третьем годе, в который король Рехила осадил Картагену и захватил ее.
378. О четвертом годе, в который император Валентиниан послал заключить мир с королем Гейзерихом.
379. О шестом годе, в который король Рехила возвратил римлянам провинцию Карпетания.
380. О седьмом годе, в который король Гейзерих осадил Карфаген, что в Африке, и захватил его.
381. О восьмом годе, в который умер Рехила.
382. О царствовании Рехиара и о том, как в первый год он послал просить у Теодориха руки его дочери.
383. О втором годе, в который Рехиар отправился просить помощи у своего тестя, короля Теодориха.
384. О четвертом годе, в который скончался император Феодосий, и о том, как Гейзерих приказал сжечь все книги Священного Писания.
385. О событиях шестого года, в который умер король Теодорих.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ГОТОВ

386. Здесь начинается история готов и рассказывается, что это было за племя и откуда оно пришло.
387. О том, как готы пришли жить на земли Скифии.
388. О расположении Скифии и о том, как пребывало там готское войско.
389. О короле Танаузисе и о происхождении турков.
390. О женщинах из племени готов, которых называли амазонками.
391. О деяниях готов, о Телефе и Еврипиле, их королях, а также о королеве Томирис.

392. О победах, одержанных готами в битвах с персами и греками.
393. О мудрецах готов и об их советниках.
394. О том, что произошло с готами за девять лет до начала эры.
395. О том, что произошло с готами во времена императора Домициана.
396. О событиях, которые произошли с готами во времена императора Деция.
397. О том, что произошло с готами во времена императоров Валериана и Галлиена.
398. О том, что произошло с готами во времена императора Клавдия.
399. Об Ариаке, Аурике и Геберихе, королях готов, и о том, что с ними произошло во времена императоров Диоклетиана, Максимиана и Константина.
400. Об Эрманарихе, короле готов, и о том, что произошло во времена императоров Константина, Констанция и Константа.
401. О деяниях гуннов; что это был за народ, какого рода и как они захватили землю Скифии.
402. Как гунны победили остготов, и умер король Эрманарих, и были изгнаны готы с земель Скифии во времена императоров Валента и Валентиниана.
403. О правлении Атанариха и Фритигерна, королей готов, и о разногласиях между ними из-за разделения на две части.
404. О голоде у готов и о смерти императора Валента.
405. О том, что произошло с готами во времена императоров Грациана и Феодосия, и о смерти королей Атанариха и Фритигерна.
406. О том, как готы жили без короля в правление Феодосия.
407. О том, как готы сбросили господство римлян, и о битвах, которые вел Стилихон во времена императоров Аркадия и Гонория, ибо взошли на престол Аларих и Радагайс.
408. О разрушении Рима и смерти Алариха.
409. О короле Атаульфе и его смерти.
410. О короле Сигерихе и его гибели.
411. О короле Валии и о битвах, выигранных в Испании, и о его смерти.
412. О короле Теодориде и победах, одержанных им в битвах.
413. О величайшей битве на Каталаунских полях, в которой был разгромлен король Аттила и убит король Теодорид.
414. О правлении Торисмунда и о том, как Аттила разорил всю землю Италии.
415. О втором годе правления Торисмунда, в который умер король Аттила.
416. О смерти короля Торисмунда на третий год его правления.
417. О событиях, которые произошли с готами и остготами, свевами, вандалами и гуннами в первый год правления Теодориха, короля готов.
418. О том, как Гезерих, король вандалов, разрушил Рим.
419. О том, как был побежден Эрнак, король гуннов, и Ардарих, король гепидов, вышел из-под его сеньориальной власти.

420. О том, что произошло на второй год правления Теодориха и как был взят Нарбон.
421. О Франте и Маздре, королях свевов.
422. О том, как остготы разбили гуннов, и о том, как император Лев заключил договор о дружбе с королем Баламером.
423. О событиях тринадцатого года и смерти короля Теодориха.
424. О правлении Эвриха, короля готов, и о том, что произошло в первый год его правления.
425. О событиях второго года.
426. О том, что произошло в пятый год.
427. О том, что произошло в восемнадцатый год.
428. О событиях девятнадцатого года.
429. О том, как король Теодорих дважды одержал победу над Одоакром, королем герулов.
430. О короле готов Аларихе и о том, что произошло на первом году его правления.
431. О том, как Гунтамунд, король вандалов, послал за Евгением, архиепископом Карфагенским.
432. О том, как король Теодорих убил короля герулов Одоакра и стал господином над Италией.
433. О том, как Теодорих, король остготов, удерживал власть над Италией и Римом.
434. О том, что произошло в десятый год правления короля Алариха.
435. О том, что произошло в восемнадцатый год правления короля Алариха.
436. О битве, которая произошла между королем Аларихом и королем Хлодовиком, и о смерти короля Алариха.
437. О том, как взошел на трон король Гезалих и что совершила королева Амаласвинта.
438. О том, как король Теодорих послал в Испанию своего сына и графа Ива, которые отвоевали землю, захваченную королем Хлодовиком, и вернули ее под власть королей Испаний.
439. О том, как Гезалех дважды бежал.
440. О том, как Теодорих, король остготов, правил в Испании; и о смерти короля Гезалеха.
441. О том, что произошло на пятый год правления короля Теодориха.
442. О том, как Хильдерих, король вандалов, смог вернуть в свои места епископов и других клириков, которых Тразамунд отправил в ссылку, и о конце королевства гуннов.
443. О том, как Теодорих передал королевства Испаний своему внуку Амалариху, и вернулся в Италию, а также о его деяниях там.
444. О том, как император Юстин повелел изгнать и уничтожить всех ариан, и о смерти короля Теодориха.
445. О том, как умер король Амаларих.

446. О том, как Тевдегизил победил франков в битве и истребил многих из них.
447. О том, как Гелимер пленил Хильдериха, короля вандалов.
448. О том, как король Теода казнил королеву Амаласвинту.
449. О том, как Велизарий взял город Карфаген.
450. О том, Витигес, король остготов, взял в осаду Рим и как его пленил Велизарий.
451. О том, как Велизарий захватил Гелимера и всю землю Африки.
452. О том, как Тотила, король остготов, захватил Рим.
453. О том, как погиб Теода и готы, ходившие за море, и о возвращении Теодомира, короля севов, и его людей к вере в Иисуса Христа
454. О том, как поставили королем Тевдегизила, и о деяниях Тотилы, короля остготов, в Италии.
455. О том, как был убит король Тевдегизил своими вассалами, и о смерти Велизария.
456. О том, как Агила отправился завоевывать Кордову и был там разбит.
457. О том, как Нарсес уничтожил короля Тотилу и остготов.
458. О том, как готы убили в Мериде своего короля Агилу.
459. О том, каким образом Атанагильд завоевал все королевство Испанию.
460. О том, как умер король Атанагильд и что произошло в четырнадцатый год его правления.
461. О том, как король Лиува сделал соправителем своего брата, и о его смерти.
462. О завоеваниях короля Леовигильда.
463. О том, как по совету доньи Фредегунды убили Сигиберта.
464. О том, как Миро, король севов, сражался с теми, кто жил в Руконских горах.
465. О том, как Леовигильд захватил своего сына Герменегильда, и о смерти Миро, короля севов.
466. О роде, из которого происходил Мухаммад.
467. О том, как родился Мухаммад, и что ему сказал иудейский звездочет.
468. О том, как Леовигильд подчинил своей власти королевство севов.
469. О том, как иудей-звездочет предсказал, что два ангела вырвут сердце Мухаммада.
470. О том, как король Леовигильд убил своего сына Герменегильда, и о злодеяниях, совершенных против христианской веры.
471. О том, как умерла мать Мухаммада.
472. О том, как Мухаммада отдали учиться читать.
473. О том, как умер король Леовигильд.
474. О том, как король Рекаред послал за архиепископами, которых изгнал его отец.
475. О том, как Мухаммад жил у своей тетки Хадайти.

476. О соборе, который король Рекаред созвал в Толедо относительно христианской веры.
477. О том, как умер король Рекаред.
478. О том, как Мухаммад женился на королеве Хадидже, и о том, как он обратил многие народы в свой закон посредством проповеди.
479. О том, как умер король Лиува.
480. О том, как король Витерих пленил и разбил рыцарей в Сигуэнсе, а также о его дурных обычаях.
481. О том, как убили короля Витериха.
482. О короле Гундемаре и о том, как он разбил басков.
483. О том, как Мухаммад положил магнитный камень на верхушку церкви.
484. О кончине короля Гундемара.
485. О том, как король Сисебут заставил иудеев обратиться к вере в Иисуса Христа.
486. О том, как Мухаммад пленил курайшитов, и о том, что он приказал сделать маврам.
487. О том, как Мухаммад боролся с властью императора Ираклия, победил и был провозглашен королем.
488. О том, как Мухаммад сказал, что он беседовал с Авраамом, Моисеем и Иисусом в Иерусалиме.
489. О том, как Мухаммад рассказал, что поднялся на седьмое небо.
490. О том, как король Сисебут созвал собор в Севилье, и о том, как он сражался с римлянами.
491. О том, как умер король Сисебут.
492. О том, как король Свинтила победил гасконцев и отвоевал у римлян всю землю, которой они владели в Испании.
493. О том, как Мухаммад проповедовал в своей секте и как он потерял сознание и сказал, что с ним разговаривал ангел, и о том, как он дал суры, которые мавры называют законами.
494. О том, как умер Мухаммад.
495. О том, как умер король Свинтила.
496. О правлении Сисенанда.
497. О соборе, который созвал в Толедо король Сисенанд.
498. О том, как умер король Сисенанд.
499. О соборе, который созвал в Толедо король Хинтила.
500. О благодеяниях св. Исидора и о его смерти.
501. О соборе, который созвал в Толедо король Хинтила, и о его смерти.
502. О короле Тульге и о его добрых обычаях.
503. О том, как умер король Тульга.
504. О том, как король Хиндасвинт отправил прошение о привилегии примасии в Испании у папы, и о том, как Теодисит был смещен с архиепископской кафедры Севильи.
505. О том, как король Хиндасвинт послал просить у папы книги, называемые «Моралиями на книгу Иова».

506. О том, как умер король Хиндасвинт.
507. О соборе, который созвал король Рецесвинт в первый год своего правления.
508. О том, как король Рецесвинт созвал собор в Толедо во второй раз.
509. О третьем соборе, который созвал в Толедо король Рецесвинт.
510. О том, как святая Мария подарила святому Ильдефонсу палий.
511. О том, как умер святой Ильдефонс.
512. О том, как умер король Рецесвинт.
513. О том, как Вамба был провозглашен королем и как против него восстал граф Хильдерик.
514. О том, как Павел нарушил принесенный королю оммаж.
515. О том, как Павел был провозглашен королем.
516. О том, как король Вамба стал восхвалять готов и воодушевлять их против Павла.
517. О том, как король Вамба вторгся в Гасконь и как гасконцы перешли под его власть, и о том, как он разделил войско на три части и занял Барселону и Жирону.
518. О том, как король Вамба взял четыре замка, которые подняли мятеж вместе с Павлом, и как там были схвачены в плен графы Ранозинд и Ильдигиз, а также много других предателей.
519. О том, как Павел бежал и как были пленены епископ Ранимир и Виктимир, и как были взяты города Нарбон, Безье и Агд.
520. О том, как король Вамба искал Павла в городе Ниме.
521. О том, как был взят город Ним, о раздорах среди соратников Павла, и о том, как они поубивали друг друга.
522. О том, как архиепископ Аргебад попросил короля Вамбу простить его сотоварищей, и о том, как был взят в плен Павел и все его сторонники.
523. О том, как Павел и его сообщники предстали перед судом двора в качестве предателей и как король Вамба приказал выстричь им на голове крест и выколоть глаза.
524. О том, как король Вамба настиг Лупа, герцога земли Безье.
525. О том, как король Вамба отправился в Испанию.
526. О том, как король Вамба отстроил стены Толедо и написал эпитафии на воротах города.
527. О соборе, который созвал король Вамба, и о том, как он разделил архиепископства и епископства.
528. О разделении епископства Леона.
529. О разделении архиепископства Браги и о том, какие епископства к нему относятся.
530. Об архиепископстве Толедо и о том, какие епископства к нему относятся.
531. Об архиепископстве Севильи и о том, какие епископства к нему относятся.

532. Об архиепископстве Мериды и о том, какие епископства к нему относятся.
533. О местечках, которые король Вамба прибавил к епископствам архиепископства Браги.
534. Об архиепископстве Таррагоны и о том, какие епископства к нему относятся.
535. Об архиепископстве Нарбона и о том, какие епископства к нему относятся.
536. О вопросах, которые обсуждались на этом соборе.
537. Об изменении названий городов.
538. О том, как Эрвигий дал королю Вамбе ядовитых трав, чтобы убить его.
539. О том, как король Эрвигий выдал замуж дочь, и о соборе, который он созвал в Толедо.
540. О тринадцатом соборе, который был созван в Толедо.
541. О четырнадцатом соборе, который был созван в Толедо.
542. О кончине короля Эрвигия.
543. О короле Эгике, о том, как он развелся с женой и о пятнадцатом соборе в Толедо.
544. О шестнадцатом соборе, который был созван в Толедо.
545. О семнадцатом соборе, который был созван в Толедо.
546. О том, как король Эгика передал своему сыну Витице управление над Галисией.
547. О кончине короля Эгики.
548. О благодеяниях, которые начал творить Витица сразу после прихода к власти.
549. О злодеяниях и бесчинствах короля Витицы.
550. О том, как король Витица приказал клирикам брать столько жен, сколько они пожелают.
551. О беспечности, которую дьявол наслал на испанцев, и о том, как король Витица приказал сломать оружие.
552. О том, как король Витица выколол глаза Теодофреду, отцу короля Родриго, и как он был в конце концов пленен, ослеплен, изгнан из королевства, и о его смерти.
553. О том, как король Родриго открыл запертый дворец в Толедо и об избрании арабов, которые он увидел на стене.
554. О насилии, совершенном над дочерью или женой графа Юлиана, и о том, как он вступил в заговор с маврами.
555. О первом вторжении мавров в Испанию.
556. О том, как мавры напали на Испанию во второй раз.
557. О том, как мавры напали на Испанию в третий раз и как погиб король Родриго.
558. Плач по Испании, которая лишилась всех благодеяний.
559. О скорби по готам Испании и о причине, по которой она пала.

560. О том, как Тарик приказал разграбить Испанию, и о том, как была взята Кордова.
561. О том, как были взяты Малага, Гранада, Мурсия, Толедо и многие другие города.
562. О том, как были взяты Кармона, Севилья, Бежа и Мерида.
563. О том, как Муса спросил отчет у Тарика, и о том, как они общими силами взяли Сарагосу и землю Карпетании и Кельтиберии.
564. О том, как инфант дон Пелайо поднялся в горы Астурии.
565. О том, как Мунуса женился на сестре инфанта дона Пелайо против его воли, о том, как он ее потом потерял и как послал к Тарику рыцарей, о которых тот просил.

В. Текст по кодексу Х.І.4 (XIV в.) [E2]

ЭТО — ХРОНИКА ИСПАНИИ,
КОТОРАЯ НАЧИНАЕТСЯ СО ВРЕМЕН КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО,
ПЕРВОГО КОРОЛЯ ЛЕОНА,
И ДОХОДИТ ДО СМЕРТИ КОРОЛЯ ДОНА ФЕРНАНДО,
ЗАВОЕВАВШЕГО СЕВИЛЬЮ, КОРДОВУ, КОРОЛЕВСТВО МУРСИИ
И ХАЕНА, А ТАКЖЕ МНОГО ДРУГИХ МЕСТ У ГРАНИЦЫ

Фрагмент 1 (E2a) (извлечение из рукописи E1) [фрагмент «Истории Испании» по Изначальной редакции] (XIII в.)

566. О том, как дон Пелайо был провозглашен королем, о войске, отправленном Тариком в Астурию, и о смерти Мусы и халифа Аль-Валида.
567. О том, как мавры окружили короля дона Пелайо в пещере.
568. О том, как мавры напали на короля дона Пелайо в пещере, и в итоге все они погибли.
569. О смерти Мунусы и сыновей Витицы, а также о графе Юлиане.
570. О том, как к королю дону Пелайо пришли все люди, скрывавшиеся в горах, и о том, как они отвоевали у мавров город Леон.
571. О том, как архиепископ Толедо Урбан привез в Астурию святые реликвии, книги и священные одежды, подаренные святой Марией святому Ильдефонсу.
572. О налогах, установленных королем Кордовы Аль-Самхом в Испании.
573. О том, как король арабов Язид назначил Хасана королем Испании и отправил его установить налоги в тех землях.
574. О смерти халифа Язида и Хасана, короля Кордовы.
575. О том, как дон Альфонсо, прозванный Католиком, пришел на помощь королю дону Пелайо в борьбе с маврами.
576. О названиях провинций, находившихся во власти мавров.
577. О смерти короля дона Пелайо.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ФАВИЛЫ,
ЦАРСТВОВАВШЕГО ВТОРЫМ ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

- 578. О правлении короля Фавилы и о том, как Карл Мартелл захватил Нарбон.
- 579. О смерти короля Фавилы и о зле, которое причинил король Кордовы Алькатаном маврам, восставшим против него.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСО КАТОЛИКА,
ТРЕТЬЕГО ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

- 580. О завоеваниях короля дона Альфонсо Католика.
- 581. О великих завоеваниях короля дона Альфонсо Католика.
- 582. О том, как Мунуса восстал против Абд ар-Рахмана, и о его гибели.
- 583. О том, как Абд ар-Рахман победил герцога Эда и франков в городе Арле.
- 584. О том, как Карл сразился с Абд ар-Рахманом и убил его и всех его людей.
- 585. О том, как к королю дону Альфонсо явились люди, восставшие против мавров.
- 586. О подлых деяниях короля Кордовы Абд аль-Малика.
- 587. О том, как Укба схватил Абд аль-Малика и отправился сражаться с франками.
- 588. О смерти короля Кордовы Укбы, Абд аль-Малика и халифа Хишама.
- 589. О том, как Аль-Валид был провозглашен халифом, и о том, что произошло у мавров.
- 590. О том, как восстали арабы в Испании против короля Кордовы Юсуфа.
- 591. О добрых делах, содеянных королем доном Альфонсо Католиком, и о его смерти.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА ФРУЭЛЫ
НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ

- 592. О том, что сделал король дон Фруэла против христианского духовенства.
- 593. О том, как король дон Фруэла победил короля Кордовы Юсуфа и подчинил себе Галисию, Наварру и Гасконь.
- 594. О том, как умер халиф Марван.
- 595. О разногласии, возникшем среди представителей рода Мухаммада, пророка мавров.
- 596. О том, как Абд ар-Рахман пришел в Испанию и сделался сеньором всего королевства.
- 597. О том, как Карл сразился с Браманте в долине Сомориан.
- 598. О битве Карла и Браманте и о том, как погиб Браманте.

599. О том, как граф дон Морант отвез Галиану во Францию.
600. О том, как король дон Фруэла убил своего брата Вимару, и о его смерти.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ АВРЕЛИЯ,
ПЯТОГО ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

601. О том, как Аврелий отдал христианок в жены маврам.
602. О смерти короля Аврелия.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ СИЛО
НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ

603. О том, как король Сило пошел на Галисию и завоевал ее.
604. О смерти короля Сило.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ МАУРЕГАТА

605. О том, как Маурегат пошел к маврам и с их помощью стал королем.
606. О смерти Маурегата.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА БЕРМУДО

607. О том, как дон Бермудо был провозглашен королем, и о битве между Хишамом и Сулейманом.
608. О том, как Хишам вынудил двух своих братьев уехать за море, и о том, что сказал звездочет.
609. О том, как король дон Бермудо передал королевство своему племяннику дону Альфонсо.
610. О том, как король Кордовы Хишам приказал разорить Нарбон и Жиронду.
611. О смерти короля дона Бермудо.

ПРАВЛЕНИЕ ДОНА АЛЬФОНСО ВТОРОГО ЦЕЛОМУДРЕННОГО
И ДЕВЯТОГО ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО
НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ

612. О жизни дона Альфонсо Благочестивого.
613. О смерти Хишама, короля Кордовы.
614. О благих деяниях короля дона Альфонсо Целомудренного.

615. О том, как Сулейман и Абдалла пришли в Испанию и сразились с королем Кордовы Аль-Хакамом.
616. О кресте, сотворенном ангелами для короля дона Альфонсо.

***Фрагмент 2 (E2b) [фрагмент «Истории Испании»
по Изначальной редакции] (сер. XIV в.)***

617. О том, как король дон Альфонсо взял в плен графа Санчо Диаса, поскольку тот забрал его сестру.
618. О том, как Абд ар-Рахман и Амрус обманом убили наиболее могущественных людей Толедо.
619. О битве между королем доном Альфонсо и королем Франции Карлом в Ронсевальском ущелье, в которой Карл был побежден.
620. О том, как Аль-Хакам убил мавров, задумавших восстать против него.
621. О том, как Бернардо просит короля дона Альфонсо освободить своего отца.
622. О смерти Аль-Хакама, короля Кордовы.
623. О смерти императора Карла, о городах Испании и о тех, кто их завоевал.
624. О том, как Абд ар-Рахман, король Кордовы, захватил Барселону и много других мест.
625. О том, как король дон Альфонсо принял как своего вассала одного могущественного человека по имени Мухаммад.
626. О том, как король дон Альфонсо убил Мухаммада.
627. О смерти короля дона Альфонсо Целомудренного.

***Фрагмент 3 (E2c) [фрагмент «Истории Испании»
по Пространной редакции (хронике) 1289 г.] (XIII в.)
с включением «Легенды о графине-предательнице» (XIV в.)]***

**НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ДОНА РАМИРО ЛЕОНСКОГО.
И НАЧИНАЕТСЯ ЕГО ИСТОРИЯ**

628. О том, как графы дона Рамиро убили Непоциана, восставшего против короля.
629. О том, как святой Иаков явился во сне королю дону Рамиро, о том, как он укрепил его дух, и как король дон Рамиро победил мавров.
630. Об обете, данном королем доном Рамиро, в церкви апостола св. Иакова.
631. О короле доне Гарсии, о королеве донье Урраке, жене короля дона Рамиро, и о ее милосердных и праведных делах.
632. О том, как в Севилью прибыли чужестранцы и уехали оттуда в страхе перед Абд ар-Рахманом, королем Кордовы.

633. О том, как король дон Рамиро победил норманнов и убил двух магнатов, восставших против него.
634. О благих делах короля дона Рамиро.
635. О смерти короля дона Рамиро и о том, как это произошло.

О ПРАВЛЕНИИ КОРОЛЯ ДОНА ОРДОНЬО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ОДИННАДЦАТЫМ
ПОСЛЕ ДОНА ПЕЛАЙО

636. О том, как король дон Ордоньо сразился с маврами и победил их.
637. О смерти короля Кордовы Абд ар-Рахмана и о том, как мавр Мухаммад напал на Толедо и захватил Талаверу, Сориту и Калатраву.
638. О том, как король Кордовы Мухаммад пришел в Толедо и разрушил мост.
639. О том, как король дон Ордоньо одолел Мусу Бану-Кази.
640. О том, как король дон Ордоньо завоевал Саламанку и Корию.
641. О том, что учинили норманны в Испании.
642. О смерти короля дона Ордоньо.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСО ВЕЛИКОГО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ В ЛЕОНЕ ДВЕНАДЦАТЫМ
ПОСЛЕ ДОНА ПЕЛАЙО

643. О том, как дон Альфонсо Великий был провозглашен королем.
644. О том, как король Кордовы Мухаммад уничтожил хлеба и виноградники наваррцев.
645. О том, как король дон Альфонсо Великий взял в плен в Алаве графа Эйлона, который восстал против него и чинил зло в его землях.
646. О том, как король дон Альфонсо победил войско мавров, пришедшее на его земли, и о том, как он женился.
647. О бедах, причиненных королем доном Альфонсо маврам, и о сокровищах, дарованных христианам.
648. О том, как король дон Альфонсо Великий победил мавров Толедо.
649. О том, как король дон Альфонсо победил мавров, которые осадили Бенавенте и Самору.
650. О том, как состоялась другая битва между королем доном Альфонсо и маврами.
651. О том, как Бернардо убил Буэсо и потребовал у короля освободить из плена своего отца.
652. О том, как Бернардо просил короля отпустить своего отца и как снова стал служить ему, и о том, как вызвал короля на поединок, так как тот не отдавал отца.

653. О том, как король Кордовы Мухаммад пришел на Толедо.
654. О том, как Бернардо сразился с силами короля дона Альфонсо, победил и основал замок Карпио.
655. О том, как Бернардо передал королю дону Альфонсо замок Карпио, и о смерти графа Сан Диаса.
656. О том, как король дон Альфонсо Великий ослепил своих братьев из-за предательства, которое они собирались совершить против него.
657. О смерти короля Кордовы Мухаммада.
658. О тех поселениях, которые король дон Альфонсо основал в Португалии и Кастилии.
659. О том, как Абдаллах, король Кордовы, изгнал из своей земли могущественного мавра по имени Омар, который его возвысил.
660. О том зле, которое содеял король дон Альфонсо маврам, и о том, как он восстановил церкви.
661. О том, как король дон Альфонсо заселил Самору.
662. О том, что написал в своем послании королю дону Альфонсо Великому преемник Князя апостолов.
663. О другом письме, которое направил тот же самый папа в июле королю дону Альфонсо с посланцем Арнальтом.
665. О соборе, который собрал король дон Альфонсо в городе Овьедо.
664. О том, как король дон Альфонсо освятил церковь в Сантьяго.
665. О соборе, который король дон Альфонсо созвал в городе Овьедо.
666. О том, как восстали против короля дона Альфонсо его сыновья и Нуньо Фернандес.
667. О том, как король дон Альфонсо передал королевство своему сыну дону Гарсия, и о его конце.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА ГАРСИИ,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ В ЛЕОНЕ ТРИНАДЦАТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО, НАЧИНАЕТСЯ

668. О том, как король дон Гарсия правил в Леоне, как он сразился с маврами и одержал над ними победу.
669. О смерти короля дона Гарсии.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА ОРДОНЬО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ В ЛЕОНЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО, НАЧИНАЕТСЯ

670. О том, как правил король дон Ордоньо, и о сражениях, которые он вел.
671. О смерти Абдаллаха, властителя Кордовы, и о том, что делал Абд ар-Рахман, став королем.

672. О том, как король дон Ордоньо победил мавров у Сан-Эстебан-де-Гормас.
673. О том, как король дон Ордоньо совершил набег на область Лусены и заложил в Леоне епископскую церковь в самом центре города.
674. О битве короля дона Ордоньо и Абд ар-Рахмана, короля Кордовы.
675. О том, как король дон Ордоньо был побежден в долине Хункера во время битвы с Абд ар-Рахманом, королем Кордовы.
676. О том, как король дон Ордоньо совершил набег на землю мавров, разрушил там множество замков и убил кастильских графов.
677. О том, как король дон Ордоньо захватил Нахеру и взял в жены дочь короля Наварры, и о том, как он умер.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА ФРУЭЛЫ ВТОРОГО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ЧЕТЫРНАДЦАТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО, НАЧИНАЕТСЯ

678. О том, как правил король дон Фруэла, и о том зле, которое он совершил; а также о том, как кастильцы избрали двух судей, и о роде Лаина Кальво.
679. О роде Нуньо Расуэры, откуда произошел граф Фернан Гонсалес.
680. О конце и смерти короля дона Фруэлы.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСО ЧЕТВЕРТОГО,
ШЕСТНАДЦАТОГО ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

681. О том, как правил король дон Альфонсо и как он оставил трон и отдал его своему брату дону Рамиро, а сам принял постриг.
682. О том, как король дон Альфонсо отдал престол своему брату дону Рамиро, а сам принял постриг.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ РАМИРО ВТОРОГО
И СЕМНАДЦАТОГО ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

683. О том, как взшел на престол король дон Рамиро и как пленил своего брата дона Альфонсо, который передал ему королевство.
684. О том, как кастильские магнаты провозгласили графом Фернана Гонсалеса.
685. О том, как король дон Рамиро пленил своих племянников и своего брата и ослепил их.
686. О том, как король Леона дон Рамиро и кастильский граф Фернан Гонсалес сразились с маврами и победили их.

687. О том, как граф Фернан Гонсалес осадил замок Карасо и взял его.
688. О том, как граф Фернан Гонсалес созвал своих вассалов на совет, и о том, что сказал ему Гонсало Диас.
689. О том, как граф Фернан Гонсалес воодушевлял своих рыцарей на битву.
690. О том, как брат Пелайо говорил с графом Фернаном Гонсалесом и сказал ему, что он победит в битве.
691. О том, как граф воодушевлял свои войска, охваченные ужасом из-за рыцаря, который провалился под землю, и как он сразился с Альмансором и победил.
692. О том, как король дон Рамиро выступил против Сарагосы и сделал Ибн Хашима, короля этого города, своим вассалом.
693. О том, как король дон Рамиро победил Абд ар-Рахмана, короля Кордовы.
694. О том, как граф Фернан Гонсалес отправил послание королю Наварры, чтобы тот возместил нанесенный ущерб, иначе он бросает ему вызов.
695. О том, как кастильский граф Фернан Гонсалес сразился с королем Наварры Санчо и убил его в сражении.
696. О том, как граф Фернан Гонсалес сразился с тулузским графом и убил его.
697. О том, как король Леона дон Рамиро пленил двух магнатов, которые восстали против него, и изгнал мавров из своего королевства.
698. О том, как Альмансор пришел с великим войском в Кастилию, и о том, что монах св. Пелагий и св. Эмилиан сказали Фернану Гонсалесу.
699. О том, как граф Фернан Гонсалес в первый день битвы изгнал мавров из их лагеря.
700. О том, как граф Фернан Гонсалес сразился с Альмансором и одержал победу.
701. О славных деяниях короля Леона дон Рамиро.
702. О смерти короля дон Рамиро.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА ОРДОНЬО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ В ЛЕОНЕ ВОСЕМНАДЦАТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО,
НАЧИНАЕТСЯ

703. О том, как король Наварры и граф Кастилии пошли против короля дон Ордоньо, чтобы помочь инфанту дону Санчо занять трон.
704. О том, как король дон Ордоньо отправился в поход на земли галисийцев и прошел их вплоть до Лиссабона.

705. О согласии, которое установилось между королем Леона доном Ордоньо и графом Кастилии Фернаном Гонсалесом, и о том, как граф сразился с маврами и победил их.
706. О смерти короля дона Ордоньо.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА САНЧО ПЕРВОГО,
КОТОРЫЙ ПРАВИЛ В ЛЕОНЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО,
НАЧИНАЕТСЯ

707. О том, что магнаты говорили о короле доне Санчо, и как тот отправился к королю Кордовы.
708. О том, как король дон Санчо вернул себе власть и как бежал дон Ордоньо Злой.
709. О том, как граф Фернан Гонсалес прибыл в Леон на кортесы короля дона Санчо и как его пленил затем дон Гарсия, король Наварры.
710. О том, как инфанта донья Санча навестила графа Фернана Гонсалеса и освободила его из плена.
711. О том, как граф Фернан Гонсалес и инфанта донья Санча убили архиепископа.
712. О том, как кастильцы договорились идти искать графа и как они встретили его по дороге.
713. О том, как король Наварры дон Гарсия пришел войной на Кастилию и как граф Фернан Гонсалес сразился с ним и взял его в плен.
714. О том, как граф Фернан Гонсалес освободил из плена короля дона Гарсию.
715. О том, как граф Фернан Гонсалес пришел на помощь королю Леона дону Санчо в борьбе против мавров.
716. О том, как король Наварры дон Гарсия совершил набег на Кастилию, сразился с графом и был побежден.
717. О том, как король Леона отправил приказ графу, чтобы он прибыл в кортесы или покинул графство.
718. О том, как граф Фернан Гонсалес вышел из темницы.
719. О том, как король поступил с графиней, когда узнал о побеге графа.
720. О том, как граф Фернан Гонсалес отправил требовать долг у короля и как король отдал ему за него графство.
721. О том, как король Леона дон Санчо отправил к королю Кордовы Абд-ар-Рахману требование отдать тело св. Пелагия.
722. О том, как король Леона дон Санчо выступил против восставших галисийцев и усмирил их.
723. О смерти короля дона Санчо Первого, который правил девятнадцатым после короля дона Пелайо.

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ ДОНА РАМИРО, КОРОЛЯ ЛЕОНА,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ДВАДЦАТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО, НАЧИНАЕТСЯ

724. О том, каким был король дон Рамиро в начале своего правления.
725. О том, как мавры захватили несколько деревень у графа Фернана Гонсалеса в Кастилии, а также Самору и Леон у короля дона Рамиро.
726. О том, как народ норманнов прибыл в Испанию и разграбил Галисию, и о смерти короля Кордовы Абд-ар-Рахмана.
727. О том, как граф Гонсало Санчес из Галисии выступил против норманнов, сразился с ними, победил их и свел на нет все их действия, так как они были рассеяны, как рассказывает история.
728. О том, что граф Кастилии Фернан Гонсалес совершил в конце своей жизни и как закончил свой век.

[Фрагмент 3а: Легенда о графине-предательнице]

729. О чуде, которое Бог сотворил с рыцарем графа Гарсии Фернандеса во время битвы с маврами при Сан-Эстебан-де-Гормас, у брода Каскахар.
730. О том, как граф Гарсия Фернандес вступил в брак со своей первой женой из тех двух, что у него были.
731. О том, как французский граф увез донью Аргентину, жену графа Гарсии Фернандеса, и как он отправился их искать.
732. О том, как донья Санча, дочь французского графа, устроила так, что граф Гарсия Фернандес убил ее отца и ее мачеху, донью Аргентину.

[Продолжение фрагмента 3]

733. О том, как король дон Рамиро женился, и о его дурном обращении с графами.
734. О том, как Альмансор был назначен советником при короле Кордовы Хишаме, и о том, что произошло с христианами.
735. О том, как графы Галисии возвели на трон короля дона Бермудо, и о сражении между ним и королем доном Рамиро.
736. О том, как Руй Бласкес из окрестностей Лары ранил своего племянника Гонсало Гонсалеса, а тот — его, и о том, как граф Гарсия Фернандес заставил их простить друг друга.
737. О том, как семь инфантов убили вассала доньи Льямблы.
738. О том, как Альмансор пленил дона Гонсало Густьоса в Кордобе по совету Руя Бласкеса.

739. О том, как Руй Бласкес собрал свое войско и взял с собой семерых инфантов.
740. О том, как Руй Бласкес стал угрожать Муньо Салидо и они вынуждены были сражаться друг с другом.
741. О том, как сразились мавры с христианами, и погибли Муньо Салидо и Фернан Гонсалес, один из семи братьев, и двести рыцарей, что были с ними.
742. О том, как погибли семь инфантов и две сотни рыцарей, что пришли им на помощь.
743. О том, как был освобожден из плена Гонсало Густьос и как отправился он в Кастилию, в Салас, в свои земли.
744. О смерти короля дона Рамиро и о том, как мавры совершили нападение на земли Португалии и Галисии вплоть до Сантьяго и о том, как умерли низкой и постыдной смертью.
744. О кончине короля дона Рамиро и о том, как напали мавры на земли Португалии и Галисии вплоть до Сантьяго, а также о том, как они погибли злой и бесчестной смертью.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА БЕРМУДО,
КОТОРЫЙ ПРАВИЛ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

745. О том, как повздорили архиепископ Сантьяго с королем доном Бермудо, и о чуде, которое Господь явил им в быке.
746. О женах, которые были у этого короля дона Бермудо.
747. О том, как Альмансор сражался с королем доном Бермудо, и победил, и дошел до Леона.
748. О том, как Альмансор осадил город Леон.
749. О том, как Альмансор захватил город Леон и разрушил крепостные башни.
750. О том, как Альмансор совершил набег на землю христиан и захватил Асторгу.
751. О том, как Мударра Гонсалес убил Руя Бласкеса; и о том, как Альмансор взял Коянсу и совершил набег на землю христиан.
752. О том, как Альмансор два раза совершал набег на землю христиан.
753. О том, как Альмансор напал на Кастилию и захватил множество городов.
754. О том, как Альмансор совершил набег на землю христиан и дошел до Сантьяго и унес оттуда колокола.
755. О том, как был побежден Альмансор и о его смерти.

756. О том, как этот Абд аль-Малик, король Кордовы, пошел с набегом на землю христиан и был побежден, и о голоде, который наступил в Испании из-за греха короля дона Бермудо.
757. О том, как послал Бог воду на землю, и о смерти этого короля дона Бермудо.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ В ЛЕОНЕ И ГАЛИСИИ ДВАДЦАТЬ ВТОРЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО,
И ИСТОРИЯ ЕГО ДЕЯНИЙ НАЧИНАЕТСЯ

758. О том, как женился этот король дон Альфонсо, и о смерти Абд аль-Малика.
759. О том, как Абд ар-Рахман стал королем Кордовы и как его убили.
760. О том, как Мухаммад аль-Махди захватил Хишама, короля Кордовы.
761. О том, как король дон Альфонсо отдал свою сестру в жены Абдалле, королю Толедо.
762. О том, как Мухаммад аль-Махди убил всех, кто его окружал.
763. О смерти графа Гарсии Фернандеса и о том, как восстал против него его сын дон Санчо, и о том, как мавры напали на землю христиан.
764. Здесь начинается правление графа дона Санчо, сына графа дона Гарсии Фернандеса, и он был господином Кастилии, как и его отец.
765. О том, как граф дон Санчо совершил набег на королевства Толедо и Кордова.
766. О том, как Сулейман, король Кордовы, убил всех, кто хотел восстать против него, и о том, как сражались граф дон Санчо и Сулейман с Мухаммадом аль-Махди и как победили его.
767. О битве, которая произошла между Мухаммадом аль-Махди и Сулейманом и в которой Сулейман был побежден.
768. О том, как жители Кордовы схватили Мухаммада аль-Махди и во второй раз сделали королем Хишама.
769. О том, как берберы совершили набег на землю Кордовы, и о том, как Хишам был их королем.
770. О договоре, который заключил король дон Санчо с Хишамом, королем Кордовы, за замки, которые тот ему дал.
771. О том, как Сулейман взял Кордову, а Хишам бежал в Африку.
772. О том, как Хайран Альхемари сражался с Сулейманом.
773. О том, как Хайран взял Альмерию, Хаэн, Баэсу и Ариону.
774. О том, как Али был провозглашен королем и убил Сулеймана, и о том, как был побежден Хайран, и о смерти Али.
775. О том, как берберы провозгласили королем Касим, и о смерти Абд ар-Рахмана.
776. О том, как король дон Альфонсо перестроил город Леон и захоронил останки королей.

777. О том, как Касим во второй раз стал королем Кордовы, и как он бежал в Севилью, где его схватил Йахья, и как кордовцы убили своего короля Абд ар-Рахмана.
778. О том, как король дон Альфонсо принял сыновей графа дона Велы себе в вассалы.
779. О том, как жители Кордовы убили своего короля Мухаммада и посадили вместо него Йахью, и о том, как его тоже убили, и о короле Идрисе.
780. О том, как жители Кордовы вручили власть Хишаму.
781. О том, как умер король Леона дон Альфонсо.

НАЧИНАЕТСЯ ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ЛЕОНА ДОНА БЕРМУДО ТРЕТЬЕГО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬИМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ПЕЛАЙО,
И ИСТОРИИ ВРЕМЕН ЕГО ПРАВЛЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

782. О том, как правил король дон Бермудо и о его добрых обычаях, и о том, как он женился на донье Тересе, дочери графа Кастилии дона Санчо.
783. О начале рода королев Наварры.
784. О короле Гарсии Иньигесе и о том, как его сын дон Санчо разбил мавров в Памплоне.
785. Начинается правление короля дона Гарсии Наваррского, которого называют Дрожащим, и его деяния.
786. Правление короля дона Санчо Наваррского, которого называли Великим.
787. О том, как вступил в брак инфант Гарсия и дали ему замок Монсон.
788. О том, как убили этого инфанта Гарсию.
789. О том, как умерли эти предатели, графы, сыновья графа дона Вела.
790. О короле доне Санчо Великом и о роде королев Наварры.
791. О том, как сыновья короля дона Санчо Наваррского Великого поссорились с королевой доньей Эльвирой, своей матерью.
792. О короле доне Рамиро и о роде королев Арагона.
793. О том, как завоевали Уэску.
794. О правлении короля дона Педро, третьего короля Арагона.
795. О раздоре арагонцев и о том, как правил дон Рамиро Монах.
796. О правлении дона Альфонсо, седьмого короля Арагона.
797. О короле доне Пере Арагонском и о его смерти.
798. О короле доне Жауме, и о его сыновьях, и о его магнатах.
799. О том, что произошло у короля дона Санчо в Паленсии с диким кабаном, и о том, как была основана церковь св. Антонина.
800. О женитьбе короля дона Фернандо на сестре короля дона Бермудо.
801. О том, как сразились король Леона дон Бермудо и король Кастилии дон Фернандо и как погиб там король Леона.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА ФЕРНАНДО ПЕРВОГО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ В КАСТИЛИИ
И ЛЕОНЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО, НАЧИНАЕТСЯ

802. Об объединении королевств Кастилии и Леона и о детях короля дона Фернандо.
803. О том, как король дон Гарсия захотел пленить своего брата, короля дона Фернандо, когда тот прибыл навестить его в болезни, и о вражде между ними.
804. О том, как сразились братья король дон Фернандо и король дон Гарсия при Атапуэрке и погиб там король дон Гарсия.
805. О том, как взял король дон Фернандо Сенью и Визеу и прочие замки в Португалии.
806. О том, как король дон Фернандо взял город Ламегу.
807. О том, как король дон Фернандо Великий взял Коимбру.
808. О том, как пошел король дон Фернандо Великий походом в земли мавров и разорил королевство Толедо.
809. О том, как пошел король дон Фернандо походом в Лузитанию и к Гвадалквивиру, и сделал своим вассалом Аббада Аль-Мутадида, короля Севильи.
810. О том, как король дон Фернандо Великий послал за телом святого Исидора Севильского и похоронил его в Леоне.
811. О реликвиях святых, которые король дон Фернандо Великий разделил по своим королевствам.
812. О еще одна глава о благочестивых и святых делах короля дона Фернандо Великого.
813. Глава о том, как король дон Фернандо, точно зная день своей кончины, разделил свои королевства и земли между своими сыновьями и выделил часть дочерям.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА САНЧО ВТОРОГО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО,
И ИСТОРИЯ ДЕЯНИЙ НАЧИНАЮТСЯ

814. О том, что король дон Санчо сделал в начале своего правления.
815. О том, как король дон Санчо собрал войско и пошел на Сарагосу.
816. О том, как король Кастилии дон Санчо Кастильский сразился с королем Арагона доном Рамиро.
817. О том, как Руй Диас Мой Сид дал совет королю дону Санчо о том, что тот хотел сделать против короля дона Гарсии, своего брата.

818. О том, как король дон Санчо послал разорвать отношения дружбы и доверия с королем доном Гарсией, своим братом.
819. О том, как рыцари короля дон Гарсии начали покидать его.
820. О том, как сразились король дон Санчо и король дон Гарсия, и о том, как победил в первый раз король дон Санчо короля дон Гарсию.
821. О том, как король дон Гарсия посоветовался со своими вассалами и отправился к маврам просить помощи против своего брата, короля дон Санчо.
822. О том, как захватил король дон Гарсия короля дон Санчо и освободил его один из его рыцарей, Альвар Фаньес.
823. О том, как король дон Санчо во второй раз сразился с королем доном Гарсией, и пленил его, и заковал в цепи, и бросил в замок Луна.
824. О том, как в первый раз сразились король Кастилии дон Санчо и король Леона дон Альфонсо под Льянтадой, и был побежден король дон Альфонсо.
825. О том, как при Гольпехере сразились во второй раз король дон Альфонсо с королем доном Санчо, и были пленены оба, и пленили они один другого, и о том, как был освобожден король доном Санчо Руем Диасом Моим Сидом.
826. О том, как отправился король дон Альфонсо к Аль-Мамуну, королю Толедо.
827. Об охоте и о знаменьях, явившихся на ней королю дону Альфонсо.
828. О том, как король дон Санчо получил королевство Леон.
829. О том, как король дон Санчо забрал у инфанты доньи Эльвиры, своей сестры, город Торо и половину инфантства, и другую половину у доньи Урраки.
830. О том, как король дон Санчо осадил Самору.
831. О том, как король дон Санчо послал сказать своей сестре донье Урраке, чтобы та отдала ему Самору.
832. О соглашении, которое заключила инфанта донья Уррака с консехо Саморы о том, следует ли отдавать город королю дону Санчо.
833. О том, как король дон Санчо, гневаясь на Сиду, приказал ему покинуть его королевство, и о том, как он послал за ним.
834. О том, как король дон Санчо штурмовал Самору, и о совете, который дал Ариас Гонсало донье Урраке.
835. О том, как король дон Санчо принял в вассалы Вельида Адольфо и сказали ему жители Саморы, чтобы он остерегался его.
836. О том, как Вельид Адольфо убил короля дон Санчо, и о том, что сделал Руй Диас Сид Кампеадор.
837. О том, как Вельид Адольфо был взят под стражу.
838. О смерти короля дон Санчо.
839. О том, как Диего Ордоньес обвинил жителей Саморы, и о том, что ему там сказал дон Ариас Гонсало.

840. О том, как король дон Альфонсо уехал из Толедо.
841. О том, как решено было по праву, что тот, кто вызвал консехо, должен драться на поединке с пятью бойцами, один за другим.
842. О том, как победил Диего Ордоньес Педро Ариаса и убил его.
843. О том, как победил Диего Ордоньес Диего Ариаса и убил его.
844. О том, как победил Диего Ордоньес Родриго Ариаса и убил его.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСО ШЕСТОГО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО,
И ЕГО ИСТОРИЯ НАЧИНАЮТСЯ

845. О том, как леонцы и кастильцы пришли к королю дону Альфонсо и приняли его как своего сеньора, и о клятве, которую взял с него Сид.
846. О добрых делах и добродетелях короля дона Альфонсо.
847. О женах и детях короля дона Альфонсо.
848. О том, как король дон Альфонсо отправился на помощь Аль-Мамуну, королю Толедо, против мавров.
849. О том, как Руй Диас Сид сразился с Аль-Музаффаром, королем Гранады, и с кастильскими магнатами, и победил их.
850. О том, как Сид поссорили с королем доном Альфонсо и изгнали из королевства.
851. О том, как Руй Диас Сид собрал своих родственников и вассалов и ушел с ними из королевства короля дона Альфонсо, своего сеньора.
852. О людях, которые стекались к Сиду, услышав, что он покидает королевство, и о том, как он уехал из монастыря св. Петра и направился в земли мавров.
853. О том, как Сид взял замок Кастрехон.
854. О том, как оставил Сид замок Кастрехон, и пошел дальше, и взял Алькосер.
855. О битве, которая была у Сиды с королями Фарисом и Гальве.
856. О том, как Сид победил короля Фариса и короля Гальве.
857. О том, как Сид ушел из замка Алькосер и встал лагерем у Монреалья.
858. О том, как встретился Альвар Фаньес Минайя с королем доном Альфонсо.
859. О том, что сделал Сид, пока стоял на том холме, подле Монреалья.
860. О том, как Сид совершил набег на земли Альканьиса, и сразился с графом Рамоном Беренгером, и захватил его в плен.
861. О том, как отпустил Сид графа Рамона Беренгера из плена и отправил его в его края.
862. О том, как Сид разбил 150 рыцарей короля дона Педро Арагонского и захватил края Буррианы.

863. О том, как сразился Сид с Али Икбалем, и с графом Барселоны, и с другими графами, и победил их.
864. О том, как король дон Альфонсо пошел на замок Руэда, и убили там инфанта дона Рамиро и графа дона Гонсало.
865. О том, как Руй Диас Сид захватил короля Арагона дона Педро и многих иных магнатов вместе с ним, и отпустил их затем, и о том, как вернулся Сид в Кастилию, к королю дону Альфонсо.
866. О том, как король дон Альфонсо лишил Толедо хлеба и плодов, и о том, как он заселил Эстремадуру.
867. О том, как король дон Альфонсо взял Толедо и все прочие города его округи.
868. О городах и местечках, которые король дон Альфонсо захватил после того, как взял Толедо, согласно тому, как архиепископ дон Родриго перечисляет их по-латыни.
869. О времени, когда город Толедо был взят силой, и о рассудительности короля дона Альфонсо.
870. О даре, который король дон Альфонсо сделал Толедской епархии.
871. О том, как мавританская мечеть в Толедо была сделана христианской церковью.
872. Об отмене толедского церковного ритуала святой Церковью.
873. О том, что сделали клирики Толедской епархии против своего прима-са, и он вернулся с дороги в Рим, куда ехал, и навел порядок в своей епархии, и снова отправился в Рим.
874. О раздоре, из-за которого был низложен Бурден.
875. Об осаде Алькалы и о том, как взял ее примас дон Бернар.
876. О возвращении короля дона Альфонсо в королевство Кастилии и Леона и о смерти короля дона Гарсии и его сестер, доньи Урраки и доньи Эльвиры.
877. О том, как Яхья Аль-Кадир, внук Аль-Мамуна, был принят в Валенсии.
878. Об огромных платежах, которые потребовал с Валенсии внук Аль-Мамуна.
879. О том, как Аль-Кадир, король Валенсии, пошел на Абенмасора, который держал Хативу.
880. О том, как король Валенсии сбежал из-под Хативы, которую держал в осаде.
881. О том, как Альвар Фаньес отправился грабить земли Ибн Худа.
882. О том, как король дон Альфонсо принял к себе сына Абу-Бакра за взнос, который тот давал ему каждый год.
883. О том, почему альморавиды пришли в Испанию, и о смерти Ибн Аббада, короля Севильи.
884. О том, как осадили мавры Уклес, и о смерти инфанта дона Санчо.
885. О том, как король дон Альфонсо осадил в Кордове халифа альморавидов, и о том, как он захватил Абдуллу и приказал сжечь его.

886. О том, как король дон Альфонсо отправился осаждать Сарагосу и снял осаду, чтобы помочь своему королевству, в которое вторглись мавры, так как там не было короля.
887. О битве, которую король дон Альфонсо провел с королем альморавидов, Юсуфом ибн-Ташфином, неподалеку от Бадахоса.
888. О том, как король дон Альфонсо снова пошел в земли мавров.
889. О том, как король Дении и Тортосы осаждал Валенсию.
890. О том, как король дон Альфонсо пошел в поход на земли мавров, а Сид отправился в Сарагосу, а оттуда — в Валенсию, вместе с королем Сарагосы.
891. О том, что сказал Сид королю Сарагосы о Валенсии, и о том, как Сид взял в осаду замок Херику.
892. О том, что послал Сид сказать королю дону Альфонсо, и о том, как пришел сеньор Барселоны осаждать Валенсию, а затем ушел оттуда из-за Сида Руя Диаса.
893. О том, как Руй Диас Сид грабил земли мавров, и о том, как пошел на него граф Барселоны.
894. О посланиях, которыми обменивались граф и Сид.
895. О том, как Сид во второй раз сразился с графом Барселонским и победил его.
896. О замках, плативших дань Сиду, и о том, что он послал сказать королю Сарагосы, и о том, как осадили альморавиды замок под названием Алаедо.

**Фрагмент 4 (E2d) [рассказ о валенсийской эпопее Сида
по сочинению Ибн Алькамы и «Карденской истории»]
(сер. XIV в.)**

897. О том, как Яхья, король Валенсии, вышел из алькасара к альморавидам.
898. О смерти короля Валенсии.
899. О том, как валенсийцы чествовали Ибн Джаххафа после того, как он приказал убить короля.
900. О посланиях, которые Сид направил Ибн Джаххафу.
901. О соглашении, которое Сид заключил с Ибн Разином, и о том, как осадил он замок Хубалья.
902. О том, как Ибн Джаххаф договорился с Сидом о дружбе.
903. О том, как Сид забрал ценности, которые валенсийцы послали за море, и о том, как взял он замок Хубалью, который держал в осаде.
904. О том, как Сид захватил пригород под названием Алькудия, и о том, как альморавиды покинули Валенсию.
905. О том, как прознали мавры Валенсии, что альморавиды возвращаются, и о соглашении, которое заключили между собой Ибн Джаххаф и аделантадо Хативы.

906. О том, как Сид напал на замок Альбарасин и как был тяжело ранен в горло.
907. О том, как Сид и Ибн Джаххаф направили послание аделантадо альморавидов.
908. О том, как Ибн Джаххаф отдал Сиду сад, который находился рядом с Валенсией.
- 908 (а). О том, как Сид Руй Диас приказал разрушить мосты Валенсии, чтобы не смогли альморавиды пройти по ним.
909. О том, как Сид перекрыл входы и выходы из Валенсии и штурмовал ее, сколь возможно часто. И о стихах, написанных одним мудрым мавром о скорби от предстоящей потери Валенсии.
910. О том, как факих Аль-Ваккаши растолковал эти свои слова народу Валенсии.
911. О том, как мавры Валенсии раскаялись в том, что отреклись от своего предводителя, Ибн Джаххафа, и захотели вернуть его обратно.
912. О том, как Ибн Джаххаф не сдержал уговора с Сидом, и о великом раздражении, в котором Сид был на валенсийцев по этой причине.
913. О том, как Ибн Джаххаф послал просить помощи у короля Сарагосы.
914. О том, как король Сарагосы послал своих гонцов к Сиду, и о том, как Ибн Джаххаф захватил Абенвехиба и обезглавил его сопровождающих.
915. О том, как Сид штурмовал Валенсию, и о том, как мавры пришли к решению заключить с ним соглашение о сдаче.
916. О соглашении о сдаче, которое заключил Сид с валенсийцами, и о том, какой срок для нее был назначен.
917. О том, как Сид взял Валенсию, согласно договору, о котором мы сказали.
918. О том, как Сид вступил в знатный город Валенсию, и о многих серьезных и важных вопросах, обсужденных им с маврами.
919. О том, как Сид приказал захватить Ибн Джаххафа, и о соглашениях, заключенных им с маврами Валенсии.
920. О том, как Сид приказал убить Ибн Джаххафа, и о том, как вошел он в город Валенсию и приказал перебить всех, кто был замешан в смерти короля Валенсии.
921. О том, как мавры очистили славный город Валенсию.
922. О том, как Сид победил короля Севильи, и о взятой им богатой добыче, и о том, как поставили епископа в славном городе Валенсии.
923. О том, как послал Сид за своей женой и дочерьми, и о том, как послал он деньги торговцам из Бургоса, чтобы освободить себя от оммажа, принесенного им.
924. О том, как прибыли в Валенсию донья Химена и ее дочери, и о том, как встретил их Сид.
925. О том, как Сид Руй Диас победил короля Марокко Юнуса, который пришел осаждать Валенсию.
926. О богатых дарах, которые Сид послал королю дону Альфонсо, своему сеньору.

927. О встрече, бывшей у Сиды с королем доном Альфонсо, и о том, как обручил он своих дочерей с инфантами каррионскими.
928. О великолепных и ярких свадьбах, которые устроил Сид дочерям с инфантами Каррионскими в славном городе Валенсии.
929. О том, как вырвался в Валенсии лев и о злом деле, что замыслили инфанты Каррионские со своим дядей, Суэром Гонсалесом.
930. О том, как посланец короля Букара прибыл в Валенсию к Сиду, и об ответе, что дал ему Сид, и о том, как устроил он свои дела, чтобы выйти на битву.
931. О том, как победил Сид короля Букара Тунисского и 29 королей с ним на поле Кварто, что подле Валенсии.
932. О том, как каррионские инфанты попросили у Сиды своих жен, чтобы отвезти их в свои земли, и о больших дарах, которые им дал Сид.
933. О том, как инфанты Карриона увезли с собой дочерей Сиды Руй Диаса, и о страшном бесчестии, которое учинили им инфанты в дубраве Корпес.
934. О том, как инфанты Карриона оставили своих жен и как их нашел их двоюродный брат Ордоньо.
935. О том, как Педро Санчес и сто рыцарей, бывшие с ним, спросили инфантов о своих сеньорах, дочерях Сиды Руя Диаса.
936. О том, как Ордоньо позаботился о донье Соль и донье Эльвире и о том, как Альвар Фаньес и Педро Бермудес прибыли к королю дону Альфонсо.
937. О том, как Альвар Фаньес и Педро Бермудес отвезли дам оттуда, где они находились в Молину.
938. О том, как король-мавр Абенканон, который был сеньором Молины и вассалом Сиды, отправился с дочерьми Сиды в Валенсию.
939. О том, как Сид Руй Диас собрался поехать на кортесы в Толедо, и о том, как король дон Альфонсо принял его с большими почестями.
940. О том, как собрались кортесы в городе Толедо во дворцах Галианы.
941. О том, как выступал Сид Руй Диас в кортесах перед королем доном Альфонсо и как отобрал мечи Коладу и Тисону и все прочие драгоценности, которые дал он инфантам каррионским.
942. О том, как обвинил Сид инфантов перед королем доном Альфонсо, и о первом ответе, который они ему дали.
943. Об обвинениях, которые выдвинули люди Сиды, и о том, как определил король, кто будет сражаться.
944. О том, как дочери Сиды были обручены с инфантами Наварры и Арагона.
945. О том, как Сид уехал с кортесов в Толедо и вернулся в Валенсию и как наставлял он своих рыцарей, которые должны были драться, в том, что им нужно было делать.
946. О том, как рыцари, которых оставил Сид, для того, чтобы они сражались по обвинению, которое было выдвинуто на кортесах в Толедо,

- победили инфантов каррионских и дядю их, Суэра Гонсалеса, и вернулись в Валенсию, где был Сид, их сеньор.
947. О весьма необычном и славном подарке, который великий султан Персии послал Сиду Рую Диасу.
948. О долгих речах, что вели между собой альмохариф Сиды и посланец великого султана Персии.
949. О весьма славных и почтенных свадьбах, которые Сид устроил для своих дочерей с инфантами Наварры и Арагона, и о великих дарах, которые он вручил им в городе Валенсии.
950. О том, как инфанты Наварры и Арагона, зятя Сиды, уехали в свои места вместе со своими женами.
951. О том, как Сид Руй Диас обратил в христианство мавра-факиха из Валенсии, и дал ему имя Хиль Диас, и сделал его столь доверенным человеком, что оставил на него все свои дела.
952. О том, как святой Петр явился в видении Сиду Рую Диасу и сказал ему, когда тот должен скончаться, и о беседе, которую имел Сид Руй Диас по этому поводу со своими магнатами.
953. О том, как Сид исповедовался, и о том, как научил он своих людей, что делать им после того, как он умрет.
954. О смерти Сиды Руя Диаса и о его завещании.
955. О том, как король Туниса Букар пришел под Валенсию во второй раз и штурмовал ее каждый день.
956. О том, как Букар и 36 королей мавров были разбиты под Валенсией после смерти Сиды, с помощью апостола Сантьяго.
957. О том, как мавры, жившие в предместье Алькудия, взяли город Валенсию и захватили шатры и все те ценности, что оставил на поле король Букар, когда разбили его люди Сиды.
958. О том, как инфанты Наварры и Арагона приехали почтить Сиды Руя Диаса, и о том, как приняли их люди Сиды.
959. О том, как король дон Альфонсо прибыл почтить Сиды на его похоронах.
960. О смерти доньи Химены, жены Сиды Руя Диаса, и о том, как приехали дочери на ее похороны.
961. О чуде, которое Бог явил через тело Сиды Руя Диаса, и о том, как оно было похоронено.
962. О том, как иудей обратился и стал христианином, и о смерти Хилья Диаса.

***Фрагмент 5 (E2e) [фрагмент «Истории Испании»
по Пространной редакции (хронике) 1289 г.] (XIII в.)***

963. О том, как король дон Альфонсо Шестой, возвращаясь из похода в земли мавров, прибыл в Толедо со всем своим войском; и о том, как донья Уррака, его дочь, вышла замуж за короля Арагона.

964. О смерти короля дона Альфонсо и о чуде, случившемся при его кончине.
965. О том, как разъехались король Арагона дон Альфонсо и королева Кастилии донья Уррака.
966. О том, как король Арагона победил кастильцев и галисийцев, и о смерти дона Гомеса, графа де Кандеспина.

О ПРАВЛЕНИИ СЕДЬМОГО КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСО,
КОРОЛЯ КАСТИЛИИ И ЛЕОНА,
КОТОРЫЙ ЗАТЕМ БЫЛ ИМПЕРАТОРОМ ИСПАНИИ,
И ЦАРСТВОВАЛ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

968. О том, как начал править этот король дон Альфонсо, и о его деяниях.
969. О возникновении рода королей Португалии и их королевства.
970. О выдающихся и знаменитых сражениях, которые дал и в которых одержал победу дон Афонсу, король Португалии.
971. О правлении дона Саншу, второго короля Португалии, и его деяниях.
972. О правлении короля дона Афонсу, третьего короля Португалии, и о событиях его времени.
973. О том, как дон Альфонсо, король Испаний, силой заставил короля Арагона стать его вассалом.
974. О том, как этот дон Альфонсо, король Испаний, короновался и назвал себя императором.
975. О том, как этот император вступил в брак, и о его женах и детях.
976. О том, как император разделил империю между своими сыновьями.
977. О том, как император захватил Кордову.
978. О причине прибытия в Испанию короля Франции.
979. О маврах-альмохадах, о том, как они прибыли в Испанию, и об их названии.
980. О справедливости императора.
981. О том, как император направился в поход и захватил Баэсу и Альмерию.
982. О смерти императора дона Альфонсо.

О ПРАВЛЕНИИ ДОНА САНЧО ТРЕТЬЕГО, КОРОЛЯ КАСТИЛИИ,
СЫНА ИМПЕРАТОРА, И ЦАРСТВОВАЛ ОН ДВАДЦАТЬ ВОСЬМЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

983. Начинается история об этом короле доне Санчо, короле Кастилии, и о его деяниях.

О ПРАВЛЕНИИ КОРОЛЯ ДОНА ФЕРНАНДО,
КОРОЛЯ ЛЕОНА, СЫНА ИМПЕРАТОРА,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

984. О начале деяний дона Фернандо Второго, короля Леона.
985. О начале правления короля дона Санчо и о том, как из Толедо он направился в Кастилию.
986. О том, как магнаты Королевства Леон собрали для короля Кастилии дона Санчо земли, которые держали от своего короля, и как он их им вернул.
987. О том, как Калатрава была передана аббату Фитеро, и о смерти короля дона Санчо.

О ПРАВЛЕНИИ КОРОЛЯ ДОНА АЛЬФОНСО,
СЫНА ЭТОГО КОРОЛЯ ДОНА САНЧО И ВНУКА ИМПЕРАТОРА,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ТРИДЦАТЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

988. О начале правления этого короля дона Альфонсо.
989. О несогласии и раздоре магнатов Кастилии по вопросу об охране малолетнего короля дона Альфонсо, и о том, как он был привезен в Атьенсу.
990. О том, как король Леона дон Фернандо захватил почти всю Эстремадуру.
991. О похвале вере и верности и об изгнании короля.
992. О том, как этот король Леона дон Фернандо вступил в брак, и о городах, которые он заселил.
993. О битве, которую король Леона дон Фернандо вел с жителями Саламанки.
994. О помощи, которую Сьюдад-Родриго получил во время усобицы и о воспрепятствовании его заселению.
995. О другой битве, которую провел Фернандо Руис «Кастилец».
996. О битвах, которые дал дон Фернандо, король Леона, сын императора, и о его смерти.

О ПРАВЛЕНИИ ДЕВЯТОГО ДОНА АЛЬФОНСО,
КОРОЛЯ ЛЕОНА, ВНУКА ИМПЕРАТОРА,
И ЦАРСТВОВАЛ ОН ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫМ ОТ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

997. Об этом короле доне Альфонсо и о рыцарском достоинстве его и его сыновей.
998. О деяниях дона Альфонсо, короля Леона.

999. Об особых достоинствах восьмого дона Альфонсо, короля Кастилии, и о завоевании Куэнки.
1000. О великих деяниях и благочестивых делах этого благороднейшего восьмого дона Альфонсо, короля Кастилии.
1001. О заселении Пласенсии и о войске примаса дона Мартина.
1002. О битве при Аларкосе.
1003. О ссоре королей Леона и Наварры с этим доном Альфонсо, благородным королем Кастилии.
1004. О том, как благородный король Кастилии дон Альфонсо отдал свою дочь в жены королю Леона дону Альфонсо.
1005. О взятии Витории, Гипускоа и Ибиды.
1006. О конфликте с доном Диего де Бискайя и об осаде Эстельи, и о строительстве королевского женского монастыря, который называется Лас-Уэльгас в Бургосе.
1007. О том, как этот король дон Альфонсо основал в Бургосе госпиталь, который называют Королевским, и школы знаний в Паленсии, и захватил Гасконь.
1008. О взятии Сальватьерры, то есть о том, как она была взята и захвачена маврами.
1009. О разговоре относительно битвы и о смерти инфанта дона Фернандо.
1010. О прибытии короля дона Альфонсо в столицу, то есть в Толедо.
1011. О прибытии воинов из-за гор для битвы при Убеде.
1012. О прибытии магнатов и прелатов из Испании, которые явились для участия в этой битве.
1013. О превосходстве в достоинствах и великодушии, которое благородный король дон Альфонсо проявил над всеми остальными.
1014. О выступлении в поход из Толедо и о том, как был взят Малагон.
1015. О том, как была взята Калатрава и как вернулись воины из-за гор.
1016. О том, как христиане захватили гору, откуда их войско выдвинулось для битвы.
1017. О прибытии христиан на место битвы и о выступлении мавров против них.
1018. О построении в колонны в этой битве и о расположении сражающихся в ходе нее.
1019. О том, как войска сошлись и вступили в сражение, и победили христиане, и об истреблении мавров.
1020. О великих деяниях, которые совершили в том походе благороднейший король дон Альфонсо и другие, которым они сопутствовали.
1021. О том, как были захвачены Убеда и Базса и другие тамошние замки, и о возвращении войска из похода.
1022. О том, как этот восьмой благородный король Кастилии дон Альфонсо захватил Алькарас и другие замки, и о соглашении, которое он заключил с королем Леона, а также о том, как этот король Леона захватил Алькантару.

1023. Об осаде Баэсы и о перемирии с арабами, и о заселении Мирагло, и о бедствиях от голода.
1024. О смерти этого благородного короля дона Альфонсо.

О ПРАВЛЕНИИ КОРОЛЯ ДОНА ЭНРИКЕ ПЕРВОГО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ В КАСТИЛИИ ТРИДЦАТЬ ВТОРЫМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО

1025. О том, как король дон Энрике был передан под опеку графа дона Альваро.
1026. О женитьбе короля дона Энрике и инфанты доньи Альмофальи, которая не свершилась.
1027. О смерти представителя королевы доньи Беренгелы и о взятии Монтеалегре и об осаде Вильяльбы.
1028. О смерти короля дона Энрике.

О ПРАВЛЕНИИ ТРЕТЬЕГО КОРОЛЯ ДОНА ФЕРНАНДО,
КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬИМ
ПОСЛЕ КОРОЛЯ ДОНА ПЕЛАЙО В КАСТИЛИИ,
А ПО ПРОШЕСТВИИ ВРЕМЕНИ — В ЛЕОНЕ,
И ЗАТЕМ ЯВЛЯЛСЯ КОРОЛЕМ КАСТИЛИИ И ЛЕОНА

1029. О том, как этот дон Фернандо был провозглашен королем Кастилии.
1030. О погребении короля дона Энрике.
1031. Об избавлении королевы доньи Беренгелы и о пленении графа дона Альваро.
1032. О том, как граф дон Альваро и граф дон Фернандо передали несколько замков королю дону Фернандо.
1033. О смерти графа дона Альваро и графа дона Фернандо.
1034. О похвалах этому королю Кастилии дону Фернандо III и королеве донье Беатрис, его жене.

*Фрагмент 6 (E2f)[фрагмент «Хроники Фернандо Святого»]
(сер. XIV в.)*

1035. О мятеже магнатов Кастилии и о смерти графа дона Гонсало.
1036. О сыновьях короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис, и о первых набегах этого короля дона Фернандо на мавров, и о подвигах, которые он совершал против них в схватках.
1037. О взятии Капильи, и о закладке толедского собора, и о том, как восстал Ибн Худ.

1038. О смерти короля Леона дона Альфонсо, и о том, как затем королевство унаследовал его сын, король Кастилии дон Фернандо, и о королеве донье Беренгеле.
1039. О вступлении в город Леон, и о встрече короля дона Фернандо со своими сестрами, доньей Санчей и доньей Дульсе.
1040. О том, как дон Фернандо, король Кастилии и Леона, выехал из города Леон и встретился с королем Португалии и как он начал объезжать королевство Леон, и как передал Кесаду архиепископу Толедо дону Родриго, и как направил своего сына инфанта дона Альфонсо и дона Альвара Переса де Кастро, по прозвищу «Кастилец», в набег на землю мавров.
1041. О кавалерийском набеге, который совершили на землю мавров инфант дон Альфонсо и дон Альвар Перес, и как со своей добычей они прибыли в Херес.
1042. О том, как Ибн Худ поднял всю Андалусию против инфанта дона Альфонсо и всех христиан.
1043. О колоннах Ибн Худа и о его приказании о христианах, и как дон Альвар Перес приказал обезглавить пленных мавров.
1044. О битве, и об удачном ее исходе для христиан, и о том, как был пленен Ибн Худ.
1045. О том, как король дон Фернандо взял Убеду, и о королеве донье Беатрис.
1046. Об осаде и взятии Кордовы.
1047. О восстановлении и наделении земельными владениями кордовской епархии и о колоколах, возвращенных в Сантьяго.
1048. О короле доне Фернандо и о его женитьбе на королеве донье Хуане, которая стала его второй супругой.
1049. О том, как архиепископ, составивший эту историю вплоть до этого места, отошел от написания труда.
1050. Глава из Хроники королей Испании, которую архиепископ Толедо дон Родриго оставил на этом месте.
1051. О том, как далее продолжались рассказы в хронике вплоть до завершающего, о смерти короля дона Фернандо.
1052. О помощи, которую король дон Фернандо направил в Кордову из-за великого голода.
1053. О помощи, которую король дон Фернандо вновь направил в Кордову и в замки, которые в той местности держал Альвар Перес.
1054. О том, как ибн аль-Ахмар, король Архоны, осадил графиню в замке Мартос.
1055. О третьей волне помощи, которую король дон Фернандо направил в Кордову и в замки, и о смерти Альвара Переса.
1056. О том, как король дон Фернандо направился в Кордову после того, как услышал о смерти Альвара Переса, где историю закончил архиепископ дон Родриго.

1057. О том, как король дон Фернандо умиротворил Кордову и заселил ее, и о мавританском короле, которого он взял в плен, и о завоеваниях, которые он совершил во время этой поездки.
1058. О том, как Диего Лопес де Бискайя поссорился с королем доном Фернандо.
1059. О том, как Диего Лопес де Бискайя явился просить о милости к королю дону Фернандо, и поднял мятеж вновь, и явился к королю с просьбой о милости, и тот его простил.
1060. О том, как король дон Фернандо заболел и как он приказал своему сыну дону Альфонсо идти к границе; и как мавры Мурсии послали к нему с просьбой о заключении соглашения.
1061. О том, как король дон Фернандо выехал из Бургоса и вершил правосудие в своей стране, и о помощи, которую он направил в Кордову и Мурсию.
1062. О том, как инфант дон Альфонсо прибыл в Толедо из Королевства Мурсия и как король дон Фернандо направился в Бургос и надел покрывало на свою дочь донью Беренгелу и послал дону Альфонсо в Мурсию, а сам выехал к границе.
1063. О том, как король дон Фернандо прибыл в Андухар и как затем выступил в кавалерийский набег, и о завоеваниях, им совершенных.
1064. О том, как в период, когда король дон Фернандо находился на границе у Гранады, прибыли гасулы для набега на Мартос, и о помощи, которую туда направил король.
1065. О том, как инфант дон Альфонсо прибыл в Мурсию, и что он там делал, и как взял Мулу.
1066. О том, как король дон Фернандо отправил своего брата дону Альфонсо, чтобы он повернул караван, шедший к Хаэну, и как затем отправился вслед за ним.
1067. О встрече в Посуэло, которая произошла у короля дону Фернандо с его матерью, доньей Беренгелой.
1068. О том, как король дон Фернандо прибыл в Кордову, и о его выступлении в Хаэн и Гранадскую долину.
1069. О том, как король дон Фернандо направился для осады Хаэна, и была она для него очень тяжелой.
1070. О том, как король Гранады явился передать себя под власть короля дону Фернандо, и сдал ему Хаэн, и поцеловал ему руку, и стал его вассалом.
1071. О том, как король дон Фернандо разделил и заселил Хаэн и как ему посоветовали пойти и осадить Севилью.
1072. О том, как король дон Фернандо выехал из Хаэна и направился в Кордову и как прибыл король Гранады, чтобы ему служить, и передал ему Алькала-де-Гуадайра.
1073. О смерти благородной королевы доньи Беренгелы, матери короля дону Фернандо.

1074. О том, как король дон Фернандо приказал королю Гранады вернуться в его страну, и направился в Кордову, а из Кордовы — в Хаэн.
1075. О том, как король дон Фернандо приказал Рамону Бонифасу снарядить флот для осады Севильи, и направился для разорения окрестностей Кармоны, и ему передали Константину и Рейну.
1076. О том, как король дон Фернандо захватил Лору и Кантильяну и Гильену, и передал Лору ордену госпитальеров св. Иоанна.
1077. О том, как дон Фернандо заболел и как он приказал осадить Алькала-дель-Рио и взял ее с боем.
1078. О том, как королю дону Фернандо пришло сообщение о том, чтобы он направил в набег свой флот, что против него вышли флот из Танжера и Сеуты и мавры из Севильи.
1079. О помощи, которую король дон Фернандо направил кораблям своего флота, и о том, как сразились флот христиан с флотом мавров, и последние были побеждены.
1080. О том, как Родриго Альварес разбил мавров Севильи, которые вышли против кораблей христиан, и о том, как король дон Фернандо направил помощь своему флоту.
1081. О том, как магистр дон Пелай Коррея расположился на другом берегу реки, над Аснальфарахе.
1082. О тех, кому король дон Фернандо приказал перейти на другой берег реки, чтобы помочь магистру дону Пелаю Коррея.
1083. О том, как король дон Фернандо остановился в Табладе и как Гомес Руис (де) Ма(н)санедо вместе с мадридцами победили мавров.
1084. О том, как Гарсия Перес де Варгас вернулся за скуфьей в то место, где она с него упала.
1085. О том, как магистры Калатравы и Алькантры и Альканьиса победили мавров.
1086. О том, как магистр Уклеса и магнаты на другом берегу реки разгромили Хельвес и перебили всех мавров, которые там находились, и победили мавров Трианы.
1087. О том, как магистр Уклеса и его люди разбили мавров из Аснальфарахе.
1088. О другом добром бое магистра Ордена Уклеса и его братьев-рыцарей.
1089. О хитрости, которую мавры придумали для того, чтобы сжечь у христиан корабли, и как были побеждены все мавры.
1090. О том, как мавры сдали Кармону королю дону Фернандо.
1091. О мавре, который вышел из города к войску в качестве шпиона и который убил арбалетчика.
1092. О том, как дон Лоренсо Суарес и Ариас Гонсалес Кехада победили Аштафа и отряд из Севильи.
1093. О том, как корабли христиан устроили засаду на мавров и те были разбиты.

1094. О том, как мавры устроили засаду на моряков-христиан и те были разбиты.
1095. О двух бревнах, которые король дон Фернандо приказал оставить в реке для защиты кораблей, и как мавры унесли одно из них.
1096. О том, как Рамон Бонифас направился против мавританских кораблей и пленил у них одну карраку и четыре лодки.
1097. О том, как король дон Фернандо приказал Рамону Бонифасу устроить засаду кораблям мавров и как захватили две сабры и убили находившихся на них мавров.
1098. О коровах, которых мавры угнали у приора госпитальеров, и о бое, который он с ними вел.
1099. О том, как епископы Кордовы и Кории пришли на помощь приору госпитальеров и отбили его у отрядов мавров.
1100. О том, как дон Энрике и магистры Калатравы и Алькантры и дон Лоренсо Суарес и приор госпитальеров разгромили квартал Беналиофар.
1101. О том, как дон Энрике, магистры Калатравы и Алькантры, дон Льересо Суарес и приор госпитальеров разорили квартал Макарена.
1102. О том, как король дон Фернандо поднялся из Таблады и расположился рядом с городом и как дон Альфонсо устроил засаду на мавров и разгромил их.
1103. О том, как Диего Лопес де Аро разбил мавров, которые подошли к ставке его и дона Родриго Гомеса из Галисии.
1104. О том, как все силы севильцев вышли против Диего Лопеса и Родриго Гомеса, и им помог дон Альфонсо, и они сразились с маврами.
1105. О свершениях христиан-альмогаваров и о том, как однажды были разгромлены мавры.
1106. О том, как магистр тамплиеров устроил засаду против мавров и разбил их.
1107. Об атаке, которую дон Лоренсо Суарес предпринял против мавров через мостик на Гвадаире, и об удаче, которая ему способствовала.
1108. О том, как король дон Фернандо приказал Рамону Бонифасу разрушить мост в Триане и как он сделал это с помощью кораблей.
1109. О том, как король всеми силами штурмовал Триану.
1110. О том, как король дон Фернандо приказал сделать подкоп под Триану, но мавры его разрушили.
1111. О том, как мавры Трианы снабдили себя всем необходимым и как король дон Фернандо приказал построить метательные орудия и вести бой с их помощью.
1112. О том, как сказал инфансон, который приказал забрать доспехи у Гарсии Переса де Варгаса, поскольку он носил его знаки.
1113. О том, как архиепископ Сантьяго прибыл во время осады Севильи и как магнаты разбили мавров, которые угоняли овец.

1114. О том, как мавры из Хереса убили Себастьяна Гутьерреса, который направился охранять воинов, искавших пастбища, и как им помогли люди из лагеря христиан.
1115. О том, как мавры из Хереса убили воинов, посланных из лагеря для поиска пастбищ.
1116. О том, как Ориас совещался с маврами о том, чтобы предательски убить дона Альфонсо.
1117. О том, как обстояли дела у архиепископа Сантьяго, и о том, как дон Пелай Коррея направился, чтобы расположиться в том месте, где располагался прелат.
1118. О том, как консехо Кордовы прибыло для участия в осаде Севильи и как мавры были огорчены, поскольку не имели выхода ни в какую сторону.
1119. О том, как король приказал находящимся на кораблях захватить участок суши у Ареналя и контролировать проход в Триану.
1120. О том, как христиане с кораблей перерезали путь Ориасу и другим маврам, которые прошли в Триану и не смогли вернуться в город.
1121. О том, как мавры, находившиеся в Триане, попросили о переговорах и заключении соглашения с королем доном Фернандо.
1122. О соглашениях, которые предложили королю дону Фернандо Аштаф, Раис ибн Шуаиб и мавры Севильи.
1123. О том, каким было соглашение о сдаче мавров Севильи королю дону Фернандо и как ему был передан алькасар.
1124. О сроке, который король дон Фернандо дал маврам, чтобы продать их имущество, и как ему передали ключи от города и как он приказал обеспечить безопасность уходящих.
1125. О том, как король дон Фернандо вступил в Севилью и как он был встречен большой процессией.
1126. О мучениях, которые претерпели этот король дон Фернандо и люди из его войска во время осады Севильи.
1127. О благородстве и изобилии лагеря при Севилье.
1128. О том, сколько времени Севилья находилась в осаде, и о расположении ее достопамятных мест.
1129. О времени, когда был захвачен благородный город Севилья, и о том, как его заселил король дон Фернандо.
1130. О завоеваниях, предпринятых доном Фернандо после того, как он захватил Севилью.
1131. О том, сколько времени король дон Фернандо прожил после взятия Севильи, и перечисление его добродетелей.
1132. О том, сколько времени благороднейший и святой король дон Фернандо правил в королевствах Кастилия и Леон, и о таинстве, которое он совершил.
1133. О кончине святого короля дона Фернандо, которому сопутствовала удача.

1134. О похоронах святого тела благороднейшего короля дона Фернандо.
1135. Чудеса, которые Бог совершил через святого короля дона Фернандо, который похоронен в Севилье, после того как скончался; по какой причине люди не должны сомневаться, что, не будучи святым, утвержденным Богом, он увенчан в небесном хоре в окружении лучших из Его рабов.

ТЕКСТ ПО КОДЕКСУ Y.I.2 ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ЭСКОРИАЛА [E1]

Nobilis Hesperie princeps, quem gracia Cristi
Ultrix perfidie saluauit ab omine triste,
Princeps laudatus, Alfonsus nomine dictus,
Princeps inuictus, princeps semper uenerandus,
Qui meritis laudis superat, qui uindice fraudes
Ferro condempnat, quem fama decusque perhennat,
Hesperie gesta dat in hoc libro manifesta,
Ut ualeat plura quis scire per ipsa futura.

Hinc per preterita quisquis uult scire futura
Non dedignetur opus istud, sed memoretur
Ssepius hoc legere, quia quibit plura uidere
Per que proficient et doctus ad ardua fiet,
Nam sciet an ceptum quodcunque scit id uel ineptum
Finem pretendat, seu finis ad optima tendat,
Per quod peiora fugiens capiat meliora.

Si capis, Hesperia, que dat tibi dona Sophia
Regis, splendescet tibi fama decus quoque crescet.

Rex, decus Hisperie, thesaurus philosophie,
Dogma dat hispanis; capiant bona, dent loca uanis.¹

Благородный правитель Испании, которого милость Иисуса Христа, мстящая за вероломство, спасает от любого печального исхода, правитель, достойный восхваления, именуемый Альфонсо, правитель непобедимый, правитель достопочтенный, заслуги которого выше любых похвал, который карает железом, мстя за обман, все дела которого увековечивает сла-

¹ Славный правитель Гесперии, которого милость Христа, Мстительница за вероломство, спасла от печального предзнаменования, Правитель хвалимый, именуемый Альфонсо, Правитель непобедимый, правитель всегда достойный почтения,

Который своими достоинствами превзошел похвалы, который, мстя за обман, Карает мстящим железом, а слава и красота которого вечны, В этой книге он дал изложение случившегося в Гесперии, Чтобы всякий смог бы посредством него больше узнать о будущем.

Каждый, кто потом захочет через прошлое узнать будущее,

ва, происшедшее в Испании показал в этой книге, таким образом, что благодаря ей каждый может узнать о многих грядущих событиях.

Потому, если через прошлое кто-либо захочет узнать о будущем, не пренебрегайте этой книгой, но держите ее в своей памяти. Ее надлежит прочесть много раз, поскольку сможешь увидеть многие вещи, которые будут тебе полезны и научат тебя, как поступать в трудных ситуациях; чтобы понять, пригодна ли вещь или она бесполезна, прежде обрати внимание на итог, или же пусть этот итог сподвигнет тебя к вещам достойным, и так ты избежишь дурного и обретешь лучшее.

О Испания, если ты возьмешь дары мудрости короля, ты воссияешь, а твои слава и красота возрастут.

Король, который является красой Испании и сокровищницей философии, несет испанцам знание; и пусть лучшие воспримут лучшее, а склонные к суете — суетное.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ИСПАНИИ,
СОЗДАННАЯ БЛАГОРОДНЕЙШИМ КОРОЛЕМ ДОНОМ АЛЬФОНСО,
СЫНОМ БЛАГОРОДНОГО КОРОЛЯ ДОНА ФЕРНАНДО
И КОРОЛЕВЫ ДОНЬИ БЕАТРИС

Пролог¹

Древние мудрецы, те, что жили в изначальные времена и изобрели науки и другие вещи, полагали, что могли быть преуменьшены их дела и их достоверность, и не желали они этого как ради тех, кто шел следом за ни-

Пусть не пренебрегает этим трудом, но пусть не забывает

Почаще его читать, поскольку сможет узнать многое,

Что будет ему полезно, и он будет научен, как вести себя в трудностях,

Ибо он узнает, следует ли достигать чего-либо, или же оно к никчемному

Его приведет итогу, либо пусть сам этот итог сподвигнет его к лучшему,

Благодаря чему, избежав худшего, он обретет лучшее.

Если ты возьмешь, Гесперия, то, что дает тебе в дар мудрость

Короля, воссияет твоя красота и возрастет твоя слава.

Король, краса Гесперии, сокровищница философии,

Дает испанцам знание; и пусть они воспримут добродетельное,

А многословие оставят для суетных.

(Гесперия (лат., каст. *Hesperia* < греч. Ἑσπερία) — одно из наименований Италии («страна заходящего солнца», «западная страна») у греков, которое римляне позднее перенесли на Испанию (лат. *Hesperia Ultima*), страну легендарных Гесперид; ср.: «*Vaetis in Hesperia te quoque lavit ove*» (*Mart. Epigr.* VIII. 28. 6) (прим. перев.)).

¹ Пролог хроники в значительной мере представляет собой перевод-переложение Пролога из «Готской истории» (или «О делах испанских») Родриго Хименеса де Рада.

ми, так и ради себя самих или ради других людей, живших в то время; и осознали они по деяниям Божиим,¹ духовным по своей сути, что знания эти утратятся, стоит лишь умереть тем, кто ими обладал, и не оставят даже следа в памяти; и тогда, дабы не подверглись они забвению, указали они способ, коим прознали бы о них те, кто должен прийти за ними; и чтобы они ознакомились со здравым разумением с делами прежних лет и, изучив и исследовав их с великим тщанием, знали о тех вещах, коим предстоит быть. Ведь небрежение, выказываемое людьми к познанию вещей, как и забвение, которому подвергаются эти вещи после того, как их изучили, приводят к тому, что самым скверным образом утрачивается то, что было удачно найдено и исследовано с большим усердием; а еще надо учитывать и лень, которая является врагом познания и препятствием для тех, кто не обрел знания и не искал путей для овладения им. Были, однако, люди сведущие, ценившие знание больше всех других вещей и полагавшие его тем светом, что может просветить их собственный разум и разум других в поиске путей для обретения и обучения знанию, а случись им найти его, они бы его не утратили. И в этих своих поисках придумали они изображения для букв и, сложив их, создали из них слоги; и из слогов, сложенных вместе, сделали части; сложив затем части, произвели из них речь; и посредством речи овладели знаниями и сумели воспользоваться их помощью, а также смогли научиться так хорошо рассказывать о событиях былых времен, будто это произошло в пору их собственной жизни, затем, чтобы те, кто придет за ними, могли узнать о деяниях, ими совершенных, так достоверно, словно они сами побывали там. И потому наставления по наукам и прочие знания, изобретенные ими ради людей, были сохранены в письменном виде, чтобы они не стерлись из памяти и их узнали те, кто должен прийти следом; чтобы могли также люди постичь науку геометрии, каковая заключена в измерении и в отделении градусов, в длинах расстояний между одной и другой точками; чтобы узнали о пути звезд и движении планет, о расположении знаков и деяниях звезд, которые отыскивали и изучили астрономы, проявляя в этом деле большое рвение и заботу, и по коей причине являются нам темные солнце и луна; а еще какими изысканиями была открыта природа трав и камней и других вещей, свойства которых определены их естеством. Если же ни при помощи записей, то какой человеческой мудростью и каким дарованием ума можно было бы запомнить все дела прошлого, дабы не изобретать их заново, что было бы крайне трудно? Однако поскольку изучение людских дел подвержено самым разнообразным искажениям, то мудрецы древности заранее озаботились этим и записали дела как людей безумных, так и людей му-

Главное заимствование касается темы обоснования письменной истории и основных аргументов ее необходимости (*Rod.Tol. Hist. Goth. Prologus*).

¹ Имеется в виду «по примеру деяний Бога», записанных в Библии и тем самым сохранившихся для потомков.

дых; а также тех, кто был верным закону божескому, и тех, кто не был; а еще оставили записи о священных заповедях и людских законах, о праве духовных лиц и праве мирян; также они описали деяния правителей, как тех, кто поступал дурно, так и тех, кто поступал во благо, чтобы те, кто придет следом, из-за благих деяний стремились бы совершать добро, а из-за дурных воздерживались бы от совершения зла, и тем самым выправились бы ход мира в каждом из элементов, составляющих его порядок. Тем самым, если мы задумаемся над тем, что проистекает из Писаний, то мы поймем, что благодаря им стало нам ведомо о сотворении мира, а также о патриархах и их следовании друг за другом, об исходе из Египта, и о законе, данном Моисею Богом, и о царях святой земли Иерусалима,¹ и об их изгнании; о Благовещении и о Рождестве, о Страстях и Воскрешении, и о Вознесении Господа нашего Иисуса Христа; обо всем этом и о многих других событиях не ведали бы мы ничего, если бы, прежде чем умерли жившие в ту пору, не оставили бы они Писаний, откуда мы узнали об этом; а посему следует нам любить тех, кто устроил так, что мы смогли благодаря им познать то, чего не смогли бы постичь никоим иным образом.

Описали они величественные битвы римлян и других народов, многочисленных и необычайных, которым случилось пребывать в мире и которые оказались бы забыты, если бы о них не оставили записей; а также о событиях в Испании, которая побывала под разным господством и очень много претерпела от этого; ее люди встречали погибель в жестоких битвах и сражениях как от тех, кто ее завоевывал, так и от тех, кто ее защищал. И тем самым утрачивались сведения о делах Испании, и было это из-за того, что при смене господства терялись и уничтожались книги, так что едва ли можно узнать о начале тех, кто населял ее.

И потому Мы, дон Альфонсо, Божьей милостью король Кастилии, Толедо, Леона, Галисии, Севильи, Кордовы, Мурсии, Хаэна, Альгарве, сын благороднейшего короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис, повелеваем объединить все книги об истории, какие только можем обрести и в которых рассказывается что-либо о событиях в Испании; и возьмем хронику архиепископа Родриго,² составленную по приказу короля дона Фернандо, нашего родителя, а также хронику магистра Луки, епископа

¹ Речь идет о еврейских царях Иерусалима, история которых рассказана в книгах Ветхого завета, периода Первого храма (950—586 гг. до н. э.) вплоть до разрушения Иерусалима и Первого Храма вавилонскими войсками Навуходоносора и начала Вавилонского пленения.

² Родриго Хименес де Рада (1170—1247 гг.), архиепископ Толедский, примас Испанский, выдающийся церковный и политический деятель, автор хроники «Готской истории» («О делах испанских») (далее — *Rod. Tol. Hist. Goht.*) (1243 г.), а также ряда малых исторических сочинений, наиболее значимыми из которых являются «История римлян» (далее — *Rod.Tol.Hist. Rom.*) и «История арабов» (далее — *Rod. Tol. Hist. Arab.*).

Туйского,¹ и Павла Орозия,² и Лукана, и св. Исидора-первого,³ и св. Ильдефонса,⁴ и св. Исидора-младшего,⁵ и Идация, епископа Галисийского,⁶ и Сульпиция, епископа Гасконского,⁷ и еще труды Толедских соборов и Иордана,⁸ канцлера святого престола; и сочинение Клавдия Птолемея,⁹ описавшего круг земной лучше, чем любой из мудрецов предшествующих лет; и Диона,¹⁰ написавшего подлинную историю готов; и Помпея Трога¹¹

¹ Лука Туйский (ум. в 1249 г.), церковный деятель и писатель начала XIII в., автор латинской «Всемирной хроники» (*Chronicon Mundi*), на самом деле посвященной почти исключительно испанским событиям.

² Павел Орозий (ок. 385 — ок. 420 гг.) — римский христианский историк испанского происхождения, автор «Истории против язычников» в семи книгах, охватившей всю историю от сотворения мира до начала V в. (возникновение Тулузского королевства вестготов в 418 г.), написание которой его вдохновил Аврелий Августин. В Средние века являлась основным источником по истории Рима.

³ Исидор Севильский (560/70—636 гг.) — политический и церковный деятель, епископ Севильи, богослов и энциклопедист, среди прочего — автор нескольких исторических сочинений — «Хроники» (615—626 гг.) и «Истории королей готов, вандалов и свевов» (619—625 гг.).

⁴ Ильдефонс Толедский (ум. 667 г.) — политический и церковный деятель, а также и писатель, епископ Толедо (ок. 657 — ок. 667 гг.). Его произведения, преимущественно религиозного характера, не используются в «Истории Испании» (далее — ЕЕ).

⁵ Редакторы хроники (ЕЕ) смешали двух Исидоров — святого Исидора Севильского и Исидора Паценского (*Isidoro Pacense*, VIII в.), которому приписывают «Хронику» (*Chronicon de Isidoro Pacense*), также называемую «Мосарабской хроникой 754 г.» и продолжающую «Историю готов» Исидора Севильского. Прямых доказательств использования хроники в ЕЕ нет.

⁶ (Г)идаций Лемийский (ок. 395 — ок. 470 гг.) — епископ Аква-Флавия (современный Чавес) (Галлеция), автор «Хроники».

⁷ Сульпиций Север (ум. в 420 г.) — агиограф и хронист, автор «Священной хроники» (*Chronica sacra*, 410 г.), ставшей главным пособием по истории в Средние века.

⁸ Иордан — историк готского происхождения, написавший ок. 550 г. в Равенне дилогию, включившую сочинения «О происхождении и деяниях римлян» («Романа») и «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»). Последнее, вобравшее в себя материалы из несохранившейся «Истории готов» Флавия Кассиодора, является ценнейшим историческим источником. В Средние века было широко известно, в том числе — и в Испании.

⁹ Клавдий Птолемей (ок. 138 — ок. 180 гг.) — знаменитый географ, математик и астроном, автор сочинения «Математическое собрание в 13 книгах» (*Μαθηματικῆς Συναξίσεως βιβλῆτα ἑνδεκάβιβλος*), переведенного с арабского на латынь в 1160 г. (1175 г.) и ставшего известным в Европе под названием «Альмагест».

¹⁰ Дион Кассий (II—III вв.) — римский историограф, грек по происхождению, автор «Истории Рима» (*Rōmaikē historia*).

¹¹ Помпей Трог — римский историк из Галлии, живший на рубеже н. э. Автор исторического труда, от которого сохранились пролог, перечень глав и извлечения («Эпито-

и другие истории Рима, которые мы можем достать, повествующие о делах Испании; и сложим эту книгу о всех событиях в ней, которые только сумеем отыскать, от времен Ноя до нашего времени. И сделаем это, дабы было ведомо о происхождении испанцев; и о том, от каких народов претерпела Испания; и чтобы стали известны сражения Геркулеса Греческого, устроенные им против испанцев, и многие смерти, учиненные испанцам римлянами; а также дабы узнали о тех разрушениях, которые совершили вандалы и силинги,¹ аланы и свевы, оставившие в живых немногих; а также затем, чтобы показать величие готов, переходивших из одной земли в другую, одержавших победы во многих битвах и захвативших многие земли до тех пор, пока не пришли они в Испанию, изгнав оттуда все остальные народы, и не стали хозяевами ее; и о том, как из-за несогласия готов с королем их доном Родриго и из-за предательства, затеянного графом Ильяном² и архиепископом Оппой,³ пришли люди из Африки и завоевали всю остальную Испанию; и как потом христиане отвоевали обратно свою землю; и о том вреде, который причинило ей разделение королевств, потому что не сумели быстро вернуть ее; о том, как Бог объединил ее; и каким способом, за какое время и какие короли отвоевали землю вплоть до Средиземного моря; и какие деяния совершил каждый из них, а также как следовали они один за другим вплоть до нашего времени.

НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ

1. О том, как Моисей написал книгу, называемую «Бытие», и о потопе

Моисей написал книгу, называемую «Бытие», поскольку рассказывается в ней про то, как Бог создал небо и землю и все остальное, что на них есть; и как из-за грехопадения человека, нарушившего Божий за-

ма»), составленные в III в. М. Юнианом Юстином. В Средние века этот текст был важен как источник о походах Александра Македонского и его отца Филиппа II («История Филиппа»).

¹ Восточногерманское племя, относящееся к группе вандалов и завоевавшее, по сведениям Идация, современника эпохи переселения вандальских племен, Бетику, римскую провинцию на юге современной Испании.

² Речь идет о вестготском графе Хулиане, или Юлиане, губернаторе Сеуты, которому предание приписывает роковую роль в завоевании Испании маврами. Написание имени свидетельствует об арабских источниках истории.

³ Архиепископ Толедо (или Севильи) Оппа (брат Витицы) принял сторону мусульман и накануне битвы при Ковадонге пытался уговорить христиан во главе с королем Пелайо сдаться маврам, однако Пелайо отверг его предложения и победил в битве; сам Оппа попал в плен.

вет, он был изгнан из рая; а также про то, как из-за вины и величайших прегрешений, совершенных потомками этого рода, Бог устроил на земле великий потоп и убил им всех так, чтобы не оказались среди них Ной и его жена, и трое его сыновей — Сим, Хам и Иафет, и их жены, общим числом восемь. И еще рассказывает он в той же самой книге, что род, который от них произошел, принялся строить громадную башню, дабы главенствовать над всеми землями, однако, поскольку были они слишком горделивы, не знали и не боялись Бога, то были они уничтожены, и случилось это так: Господь наш испортил их язык таким образом, что одни не понимали других, и посему они прекратили делать эту работу; и оказались разделены не только в языках, но и в устремлениях, так что не захотели жить одни с другими. Все это поведал Моисей в вышеупомянутой книге, которая стоит в начале Библии. Но поскольку он не рассказал, в каких землях расселились разделенные народы, мы хотим — согласно найденному нами в древних писаниях — рассказать об этом в нашей истории; и поведем речь так:

2. Как мудрецы поделили земли

Мудрецы, описавшие все земли, поделили их на три части: одну, наибольшую, назвали Азия; другую — Африка; третью — Европа. Об Азии и Африке, сколь велики и каковы они, вы можете узнать из других книг, мы же хотим здесь говорить о Европе, ибо она имеет отношение к истории Испании, о которой мы желаем рассказать. А потому поведем речь так: после того, как люди бросили строить башню и расселились по миру, дети Сима, старшего брата, унаследовали Азию, но не всю; дети Хама, среднего брата, унаследовали всю Африку; а дети Иафета, младшего брата, получили в наследство земли от Амана и Тавра, каковые суть два хребта на том месте, что зовется Киликией,¹ и до Большой Сирии (обе они — хозяева Азии), а также унаследовали кроме них почти всю Европу, от великого моря, которое окружает всю землю и зовется по-гречески Океаном, до другого моря, называемого Средиземным, поскольку протекает оно в центре земли и разделяет Европу и Африку; и заканчивается Европа окончанием Испании в Калисе,² который называют островами Геркулеса и где объединяются оба этих упомянутых моря. Итак, эти три рода, после того как они поделили землю так, как мы рассказали, не согла-

¹ Так называли в древности юго-восточную область Малой Азии. С 103 до н. э. Киликия входила в состав Римской империи.

² В тексте: Calis. Название Калис, повсеместно используемое в *EE* вместо Кадиса, по-видимому, было официальной формой; испанский Кадис обозначался на средневековых картах под именем Caliz.

сились удовольствоваться тем, что они имели, и принялись отнимать земли одни у других; и было между ними много войн, из-за которых произошло много раздоров, битв и смертей. И хотя сыновья Хама и Иафета захватили силой кое-что в Азии, мы не хотим рассказывать о других родах, а только лишь о детях Иафета, поскольку они стоят у начала заселения Испании; а для того, чтобы знать точнее, сколькими землями они владели, следует первым делом сказать, сколь велика Европа и какие еще земли заключены в ней.

3. Как Европа была заселена сыновьями Иафета

Европа начинается по реке, что носит имя Танаис,¹ и с одной стороны ее окружает Средиземное море, а с другой — море, именуемое Океан. Эта река Танаис рождается в Рифейских горах² и является межой между Азией и Европой. В великом море Океане, в северной его части, лежит много островов, как, например, Англия, именуемая по-старому Большой Бретанью; есть Иберния, которую называют Ирландией, а также Скотия и Скандия, которую называют Нурвегия, еще есть Тисия и другой остров, который называют Тиле. Все они находятся в северной части, одни напротив запада, другие напротив востока. Есть и другие острова, малые, принадлежащие Европе, которые расположены в Средиземном море, если начинать с западной его части и двигаться к восточной, имена их таковы: Майорка, Менорка, Ибица, Форментера, Корсида, Сардиния, Сицилия, Мителена, город Венеция, Крит, Патмос, Понт и Курфо, а еще множество островов, расположенных вблизи Константинополя, и он сам принадлежит Европе. Все земли, попавшие в эти границы и названные нами, унаследовали семь сыновей Иафета: первый носил имя Гомер, второй — Магог, третий — Мадай, четвертый — Иаван, пятый — Тубал,³ шестой — Мосох, и седьмой — Фирас. У Гомера было два сына, одного звали Асенех,⁴ а другого — Фогорма.⁵ Потомки Асенеха заселили первыми

¹ Древнегреческий картограф Птолемей дал координаты истока и устья Танаиса, согласно которым имеется в виду Северский Донец, доведенный по нижнему течению нынешнего Дона до Азовского моря; таким образом, Гиргис (Дон) считался им притоком находящегося ближе к тогдашнему цивилизованному миру Танаиса (Северского Донца) (Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: «Наука», 1979).

² Северные горы в греческой мифологии, отождествляются с Уралом.

³ Более распространен в русском языке вариант Фувал, мы, однако, сохраняем, как и в других случаях, более испанское написание имени, поскольку этот вариант играет особую роль в топонимических этимологиях хроник.

⁴ Или Аскеназ.

⁵ Или Фогарма, Тогарма.

верховье реки, именуемой Рено,¹ и потому звали их долгое время регины, а потом заселили Калабрию; от этого самого Асенеха произошли те, кто населил Пулу, землю, которую они называли Лация, и ее жители потом стали зваться латинами. От Асенеха произошли пафлагонцы, отчего их земля называлась Пафлагония, и от них произошли те, кого именуют лигурийцы и эмилийцы. От другого брата по имени Фогорма пошли фригийцы, давшие имя земле Фригии; а от Иавана, еще одного сына Иафета, произошла Элиса, куда потом пришли греки, которых называли эолиды;² и киликийцы, заселившие Киликию. От Гомера, сына Иафета, пошли те, кто населил Галацию, и потому стали называть их галлогреками. От Магога, еще одного брата, пошли скифы и готы, и вандалы, и свевы, и аланы. От Мадея, сына Иафета, произошли меды, населявшие Медию. От Иавана, сына Иафета, произошли илионы, населившие часть Греции, а потом Трою, потому и дали они имя Илион крепости, где жил царь; и после разрушения Трои остались два брата, одного звали Приамом, а другого — Антенором; они морем приплыли в Венецию, устроились там и жили там долгое время, пока не умер Антенор; Приам, его брат, похоронил его в Падуе, городе в Ломбардии. После того как он похоронил его, обрел Приам большую власть и силой завоевал землю, которой из любви к брату дал имя Германия³ и которая сейчас зовется Тевтония из-за Меркурия, именуемого Тевтом,⁴ однако все остальные называют ее Алеманией по имени протекающей по этой земле реки Леман.⁵ Алемания является одной из самых больших стран мира, и она поделена на множество отдельных земель, которые называются так: Лотарингия, она же Лорения; другая Брабент; еще Вестфалия; еще Фризия, которую сейчас зовут Фриза; еще Торингия; другая Саксония, именуемая Сансония; еще Свевия, ее называют сейчас Свава; еще одна Баввалия⁶ и другая Французония, другая Каринфия и еще Австрия, которая сейчас зовется Астаррика; и древняя Франция тоже была частью Алемании, ей потому и дали имя Франция, что хотели сказать, что эта земля была отделена и откололась⁷ от Алемании. Бретань заселил Брут, ведущий род от троянцев, и отсюда у нее такое имя, хотя раньше ее называли Сильвария, а потом дали ей название Англия, так как хоте-

¹ Неясно, имеется в виду Рено, река в северной Италии, или германский Рейн. У них одно происхождение и одна и та же этимология.

² У Иосифа Флавия — эоляне.

³ Авторы хроники производят название «Германия» от латинского *hermanus* — брат.

⁴ Лукан приравнивает египетского Тевта (Тота) к Марсу и Меркурию, Цицерон пишет о Меркурие-Тоте.

⁵ Этимология Лукана (*Luc.* I. 396).

⁶ Имеется в виду Бавария.

⁷ Одна из географических этимологий хроники, объясняющая происхождение топонима «Франция» (*Francia*) от глагола «раздроблять, дробить» (*frannir, frangir*).

ли сказать, что это земля чудес.¹ Потомки Мосоха, сына Иафета, заселили Каппадокию, землю большой величины, и первый город, ими основанный, назвали Масака² от имени Мосоха. От еще одного сына Иафета, по имени Тирас, пошли тирасийцы, и они заселили землю, которую назвали Тирасия; однако те, кто пришел туда позднее, дали ей имя Трасия.³ Еще от пятого сына Иафета, который звался Тубал, пошли испанцы; потомки его рода разошлись по многим землям в поисках места для поселения, которое бы им подчинилось; и пришли они наконец на запад, к высоким горам, называвшимся Пирении и отделявшим большую часть Испании от меньшей; эти горы начинаются у великого моря около города под названием Байона, и от этого моря, от его северной части пересекают всю землю до Средиземного моря и оканчиваются у города, что зовется Колибре.⁴ И люди, о коих мы ведем речь, нашли эту землю и стали заселять эти горы, и стали крупными их поселения, и звались они сетубалы, что можно понимать как сотоварищи Тубала. Они расселились по равнине и дошли до реки под названием Эбро: они держались звезды, которую называли Эсперо, и поскольку она была на западе, назвали эту землю Гесперия;⁵ а потом пошли вдоль большой реки, которая шла на восток, рождаясь в море и впадая в море, и дали ей имя Эбро. А поскольку воды ее им очень приглянулись, то они поселились близ нее и даже изменили имя, которое раньше у них было; и как их сначала звали «товарищи Тубала», так потом их стали именовать «народ с Эбро», а ту землю называли Кельтиберия. И эта земля идет в длину вдоль большого моря, с севера и до Средиземного моря, а в ширину от Пиренейских гор до конца Эбро, вглубь к долине, и вся она зовется Карпетания; там они возвели четыре города: один зовется Ока и находится он на горе, называемой Монте д'Ока, другой основали близ Эбро в восточной части и назвали Калаорра, еще один возвели дальше по Эбро, дав ему имя Тараскона, потом заложили четвертый город на той же самой реке и назвали его Аврипа; однако потом, когда император Цезарь Август захватил его силой, он сменил имя и назвал город Колония Цезаравгуста, теперь его зовут Сарагоса. Затем эти народы разошлись по всем землям, и заселили всю Испанию, и назвали заселяемые ими земли собственными именами: так аланы поселились на земле, которую теперь зовут Алава, от реки Эбро до великого моря в Байоне;

¹ В тексте: *Inglaterra — tierra de maravillas*. Возможно, хронисты отталкивались от интерпретации Англии как «ангельской земли».

² Масака, или Евсевия, или Цезария, столица древней Каппадокии.

³ Имеется в виду Фракия.

⁴ Возможно, имеется в виду совр. Камбрильс, город недалеко от Барселоны.

⁵ Предложенная хронистами иберийская этимология названия Гесперии сохраняет происхождение слова, но не географического топонима (древние наименования Италии и Испании).

а силинги, заселившие другую землю близ реки, где она рождается и впадает в море, которую они называли Силь; другие, кого называют галлаки,¹ заселили Галисию, которая в древности располагалась между водами Сеа и портом Гайа.² Затем морем пришли валлийцы, изгнанные из своей земли; они высадились в месте, которое сейчас зовется Пуэрто, и заселили большую часть пустых земель Галисии между двух рек, Дуэро и Миньо, и дали ей имя Португалия. Были там и другие народы, которые звались вандалы, они заселили Андалузию; она в ширину простирается от реки, называемой Гвадиана, и до Средиземного моря, а в длину от моря Океан до реки Хукар, впадающей в Средиземное море. Была еще земля, именуемая Лусена, что лежит между Гвадианой и Тахо, и дали ей это имя люди, которых звали лусийцы; однако некоторые полагают, что это название получено от деяний, совершенных Геркулесом, когда он одолел Герiona, о чем вы услышите позже. Внутри Андалузии располагается другая земля, называемая Бетика, потому что по ней протекает река, раньше именуемая Бетис, а теперь — Гвадалквивир; простирается она от места, где рождается эта река в Сегурийских горах, до места, где она впадает в великое море на юго-западе рядом с островом Кадис. Все вышеуказанные земли были заселены так, как мы рассказываем, и были там многие вожди, которые стали властителями этих земель и вели между собой крупные войны; но поскольку события эти не являются очень значительными, чтобы рассказывать о них в этой истории, вернемся к рассказу о Геркулесе; он был тем человеком, который совершил много выдающихся деяний в Испании в ту пору: первым он был в завоевании земель и в заселении их.

4. О трех Геркулесах, существовавших в этом мире, и почему они носили это имя

Выше вы слышали рассказ о том, как разделились языки в великом Вавилоне во времена Фалека,³ из колена Ноя. И от этого Фалека до Гедсона,⁴ который был судьей Израиля, прошло 1243 года. Во дни этого Гедсона жил Геркулес, тот, который совершил множество диковинных дел, особенно в Испании, о чем вы услышите⁵ дальше в этой истории. Этот Гер-

¹ Или галлеки.

² Имеется в виду португальский город Гайа, а не каталонская Гайя.

³ Быт. 10:25

⁴ Суд. 7—8

⁵ «como adellant oyredes en esta estoria» – традиционная формула текста, отсылающая к будущему подробному рассказу о том или ином событии и свидетельствующая о продолжающейся практике устного зачитывания текста на публике.

кулес умер во времена Гедеона, и со дня его смерти до второго захвата Трои¹ прошло 13 лет; и от этого захвата Трои до Ромула, который основал Рим, прошло 442 года;² и от Ромула до эпохи римских консулов минуло 241 год; потом правили цари Рима: от первого царя и до последнего, который звался Тарквиний Гордый и утратил царство из-за этого,³ после чего народ вернулся к управлению консулами, как было вначале, минуло 443 года. Так было до той поры, когда к власти в Риме вновь пришли императоры, а именно в эпоху Юлия Цезаря, который правил после этого четыре года и шесть месяцев. Однако в то время, когда еще были консулы и до правления Юлия Цезаря, а оно длилось 107 лет, был из них один, коего звали Сципион, и он разрушил Африку и Испанию, поскольку они восстали против Рима. А за добрых сто лет до этого был основан город Толедо, возведенный двумя римскими консулами — одного звали Толемон, а другого Брут,⁴ и название, которое они дали, было взято из их имен.

Согласно древним историям, более всего миру были известны три Геркулеса. Первый⁵ жил во времена Моисея, хотя родился раньше его, и он совершил великие и добрые дела, но о нем не говорится в историях; происходил он из Греции, из той ее части, что напротив Персии. Второй Гер-

¹ Под первым падением Трои, видимо, имеется в виду, разрушение Гераклом Трои после ссоры с царем Лаомедонтом, отцом Приама, при котором происходит события Троянской войны. Указания на второй захват Трои в хронике Родриго Хименеса де Рада нет, в остальном текст совпадает почти дословно.

² Хронология заимствована целиком из хроники Родриго Хименеса де Рада, который в свою очередь взял расчет лет из «Хроники» Евсевия / Иеронима (*Rod. Tol. I. 3*)

³ Луций Тарквиний Гордый, седьмой царь Древнего Рима в 534—509 гг. до н. э.

⁴ Согласно предложенной этимологии, название Toledo (лат. *Toletum*) образовано от слогов имен **Tholemon** и **Bruto**. Основание г. Толедо с этими именами связывает Родриго Хименес де Рада, хотя сама этимология в его хронике специально не оговорена. Хотя в кастильской *EE* название Толедо пишется по-кастильски уже через *d*, но предполагается, что все знают римское название города. Брутом считают Д. Юния Брута, римского консула 138 г. до н. э., проконсула Дальней Испании (одной из двух испанских провинций), совершившего успешный поход в Галлецию. Реальный прототип для Толемона не найден. Оба имени вместе упоминаются Исидором Севильским в «Истории готов, вандалов и свевов» (*Historia gothorum, wandalorum, sveborum*), в «Посвящении «историй» Исидора Сисенанду», где сообщается, что однажды, за 108 лет до Юлия Цезаря, Испанию уже завоевывали римские консулы Брут и Толемон.

⁵ Первый Геркулес, Греческий, заимствован, по мнению Р. Менендеса Пидалья, из «Хроники» Евсевия / Иеронима, а также из «Филипповой истории» Помпея Трога, где сказано, что «в Фивах рожден Геркулес, от которого ведет начало род Эакидов, в Фивах же провел свое детство отец царя — Филипп» (Филиппова история. XI. 4). У Помпея Трога, однако, нет указания на разных Геркулесов, с Фивами традиционно связано рождение Геркулеса, сына Алкмены, т. е. третьего в номенклатуре *EE*.

кулес тоже из Греции,¹ и он был знаменит больше своими знаниями, чем другими вещами; был он родом из города под названием Феникс: назван так, потому что он такой необычный, что нет второго такого в мире, подобно птице феникс, которая одинока и не имеет пары. Город этот основал Феникс,² сын Агенора, который был царем над двумя большими городами, один назывался Тир, другой — Сидон; и он был отцом Европы, той, что была похищена царем Юпитером, и Кадма, основавшего Фивы, те, что в Европе. Этого второго Геркулеса звали по его прозвищу Санао,³ и жил он тоже во времена Моисея, за шесть лет до того, как Моисей вывел народ Израиля из Египта. Еще был Геркулес третий, который совершил самые великие подвиги, о которых все говорят. Был он высоким, ловким и очень смелым, более, чем любой другой человек; о нем рассказывали все мудрецы, которые сочиняли истории и собирали их в великие книги, повествующие о великих деяниях, совершенных им по всему миру. Говорили, что мудрецы Греции узнали благодаря своему искусству, что родится некто, что будет ему имя Геркулес и что совершит он великие и чудесные деяния;⁴ они думали, что каждый из первых двух

¹ Речь идет о финикийском Мелькарте, отождествляемом с Гераклом. Характерно, что смешение их происходит как во всех источниках «Истории Испании», так и в данном контексте, где сказано, что Геркулес этот родом из Греции, а точнее из Феникса, столицы Финикии.

² Феликс, сын Агенора, брат Кадма и Европы, стал основателем Финикии согласно версии Псевдо-Аполлодора; параллель уникальности города и птицы феникс дана, видимо, по созвучию имен. Вместе с тем существовали древние истории о птице Феникс, позволявшие связать имя птицы с названием страны Финикии, как, например, в эпической поэме IV века н. э. «Песнь о Фениксе» (*De Ave Phoenice*), приписываемой Лактанцию, умирающая птица летит в Египет, по дороге сделав остановку в Финикии (Vv. 65—66).

³ Исп. «llamaronle por sobrenombre Sanao». Непонятное прозвище Геркулеса взято из Евсевия/Иеронима. Искраженная форма Sanao в рукописи EE, по-видимому, ошибка писца, поскольку в рукописи «Великой и всеобщей истории» в этом месте написано, как и у Иеронима, Desanao. У Евсевия Геркулес Критский назван именем Диодас (*Diodas*), а в латинском переводе Иеронима он звучит как Десанаус (*Desanaus*); так его называли в последующем и все европейские источники от испанских хроник до ренессансных комментаторов Евсевия (Вивес, Скалигер). Возможно, это имя у Иеронима появляется из-за отождествления его с индийским Гераклом (у Плиния он назван Дирсанер, а у Гезихия — Дорсанер). По мнению И. Фернандес-Ордоньес, различие в хрониках Альфонсо связано с независимой обработкой источников в двух мастерских (одна по созданию EE, другая — «Великой и всеобщей истории»), происходящей по сути одновременно. См. *Fernández-Ordóñez Inés. La historiografía alfonsí y post-alfonsí en sus textos. Nuevo panorama // Cahiers de linguistique hispanique médiévale. N°18—19. 1993. Pp. 101—132.*

⁴ Источник рассказа о предвидении рождения Геркулеса древними мудрецами неизвестен. Возможно, таким образом оказалось переосмыслено предсказание будущей судьбы героя Тиресием.

Геркулесов мог быть тем самым человеком и давали ему это имя, которое происходит из греческого и составлено из двух частей: из *her* и из *cleos*, что означает «прославленный воин» или «славный силой и боем».¹ Этот третий Геркулес происходит из величайшего рода, ибо он был сыном царя Юпитера Греческого и царицы Алкмены, которая была женой царя Амфитриона. Царь Юпитер, его отец, отдал его на воспитание царю Еврисфею, и сделал это по совету своей жены доньи Юноны, которая желала ему много зла, потому что была его мачехой. Эта Юнона договорилась с тем Еврисфеем; он был ее соседом и имел с ней соглашение о небольшом наделе земли, за который он ей платил, чтобы тот входил в его земли; и тогда она отдала ему надел за воспитание этого отрока с таким условием, что когда он вырастет, то будет делать то, что она ему повелит. И так они договорились меж собой; мальчик вырос и стал юношей, был он ловок и очень смел, больше, чем кто-либо другой на свете, и не знала она такого дела трудного и опасного, на которое бы не приказала его послать; и царь Еврисфей все исполнял, следя за тем, чтобы юноша сделал все хорошо. И как рассказывается в истории этого Геркулеса,² убил он огромного вепря в горах Аркадии; убил Критского быка, который был очень злой и яростный; также убил руками трех львов — одного с горы Парфений и двух в Немейских лесах;³ и убил огромную змею в Лернейской лагуне, с семью головами; он преследовал воров Кремоны, что в Ломбардии, и убил царя, который был их хозяином;⁴ преследовал гарпий, дочерей Фи-

¹ Итальянский правовед Угуччо (Гугучий) Пизанский (?—1210 г.) в своем сочинении «Книга производных» дает три этимологии имени Геркулеса: 1. «славный раздором»; 2. «славный воин»; 3. «слава Геры». Характерно, что редакторы выбирают именно эту этимологию, поскольку она более всего отвечает эпическому характеру героя и его роли в ЕЕ. ([1] CLEOS idest gloria. [2] Inde per compositionem hic Ercules quasi eris cleos, idest lite gloriosus, ab eris quod est lis et cleos, vel quasi heros gloriosus, ab heros et cleos, vel quasi here, idest domine, scilicet Iunonis, gloria, ab hera et cleos; unde herculeus a um herculinus a um) // Uguccone da Pisa. Derivationes / Edizione critica princeps a cura di E. Cecchini, G. Arbizzoni, S. Lanciotti, G. Nonni. M. G. Sassi, A. Tontini. Firenze, 2004. P. 279.

² Последующий рассказ о подвигах Геркулеса представляет собой прекрасный пример историзации мифологического рассказа, где все мифические противники Геркулеса / Геракла обретают правдоподобный и лишенный всякой фантастики облик и статус. Этому способствует и выбор подвигов, преимущественно сосредоточенный на поединках и воинских победах Геркулеса. Единственный, кто сохраняет чудесность, — это змея о семи головах (Лернейская гидра).

³ Источник сведений о трех львах, с которыми сражается Геркулес, неясен. Возможно, один — это Киферонский лев, убитый Гераклом в юности; Немейский лев, иначе называемый иногда Клеонейским львом.

⁴ Источник этого деяния Геркулеса неясен; поздние хроники полагали Геркулеса основателем Кремоны. По легенде, он убил там некоего гиганта и основал город.

нея,¹ которого они ослепили за то, что он хотел лишить их наследства; он был с Язоном в его походе за золотой бараньей шкурой с острова Колкос;² и разрушил Трои в первый раз, ведь он был первым, кто вошел в Трои силой, затем он вернулся в битву, где со своими людьми был царь Лаомедонт, и убил его своими руками, а потом была разрушена Троя и все ее земли; после этого он убил царя Диомеда из Фракии; также убил он одиннадцать сыновей царя Нелея, сына царя Сатурна; и победил в битве Ахелоя и женился на Деянире; победил царя Несса в бою один на один; еще убил он Бусириса, царя Египта, и Антея, царя Ливия и Африки; достал яблоки хранильниц Гесперид; и так хорошо владел наукой звезд, что мудрецы говорили, будто он держит небо на своих плечах.

5. Как Геркулес основал Кадис, и о делах, которые он совершил

Совершив все эти деяния, Геркулес взял десять кораблей и вышел в море, и отправился из Африки в Испанию, взяв с собой весьма ученого в науке астрономии человека по имени Атлас,³ каковое имя он получил, потому что провел много времени на очень высокой горе Атлант, наблюдая звезды; эта гора находится близ Септа, у прохода в землю Африки. Геркулес, когда перешел из Африки в Испанию, поднялся на остров, где Средиземное море впадает в океан; и так как показалось ему, что место это очень необычно и что именно тут начинается запад, построил он высоченную башню⁴

¹ Гарпии преследовали ослепленного богами Финея, которому они не давали есть, и были убиты сыновьями Борея во время похода аргонавтов. Возможно, спутаны со Стимфалийскими птицами, которые после того, как их прогнал Геракл, улетели на о. Дию, откуда были изгнаны грохотом щитов по совету Финея (Гигин. Мифы. 20). Ни те, ни другие не были дочерьми Финея.

² Имеется в виду Колхида.

³ История об Атланте (Атласе), обучающем астрологии Геракла, появляется еще у Диодора Сицилийского (Историческая библиотека. Diod. 27. 3). Знание астрологии является у многих персонажей ЕЕ одним из признаков мудрости и учености. «Наука о звездах» еще в прологе причисляется к древнейшему и важнейшему знанию. В высокой оценке астрологического знания сказываются и собственные предпочтения Альфонсо X, автора знаменитых «Альфонсовых таблиц». Разведением и путаницей имен Атласа и Атланта редакторы ЕЕ обязаны своему основному источнику — хронике Родриго Хименеса де Рада, где сказано, что звездочета, брата Прометея, звали Атлант, а гора называлась Атлас, но так как Геркулес почитал Атланта сверх меры, то поэт (Овидий) спутал их имена. В ЕЕ объяснение исчезло, но имена поменялись местами, Атянт стал горой, а Атлас (что подсказано самим именем) — звездочетом.

⁴ О строительстве башен Геркулесом упомянуто у Родриго Хименеса де Рада (*Rod. Tol. Hist. Goth. I. 4*). Точный источник рассказа о статуе на башне неизвестен, но упо-

и водрузил наверх медную статую, очень искусную, которая смотрела на восток и держала в правой руке большой ключ, как если бы хотела отпереть дверь, а левая рука была поднята и протянута в сторону востока, и на ее ладони было написано так: «Это межевые столбы Геркулеса». А поскольку на латыни они называются «столбы Гадеса», дали острову имя «Гадес Геркулес», который в наши дни зовется Кадис. После того как Геркулес совершил это, он собрал свои корабли и поплыл морем к тому месту, куда приходит река Бетис, сейчас называемая Гвадалквивир, и двинулся по ней вверх до места, где теперь находится многолюдная Севилья; они все время плыли, осматривая берега, и обнаружили хорошее место, где можно было бы возвести большой город, и не нашли другого такого же хорошего, как то, где сейчас стоит многолюдная Севилья. Тогда обратился Геркулес к Атласу-звездочету с вопросом, надо ли ему делать здесь город, тот ответил, что здесь будет великий город, но другой человек его возведет, а не он; когда это услышал Геркулес, то опечалился сильно и спросил, кто будет тот человек, который его возведет; тот же ответил, что будет это человек достойный и очень могущественный, как и он, и столь же великих деяний. Услышавши это, Геркулес сказал, что он оставит здесь памятный знак, чтобы тот, кто придет после, узнал это место и основал тут город.

6. Как Юлий Цезарь основал Севилью по обнаруженным им на том месте знакам Геркулеса

И он поставил там шесть каменных колонн, очень высоких, и положил наверх громадную мраморную плиту, исписанную очень большими буквами, которые гласили следующее: «Здесь будет основан великий город». Сверху ее поставили каменную статую, она протягивала руку на восток, и на ладони ее была надпись: «Досюда дошел Геркулес»; а другая рука была опущена вниз, указывая пальцами на надпись на плите. Позже, во времена римлян, когда они будут владеть всем миром, случится ссора между Юлием Цезарем и Помпеем, которые были свекром и зятем и оба были императорами; было решено в Риме послать Помпея на восток, а Юлия Цезаря — на запад, чтоб завоевать тех, кто не подчинился Риму; и положили им срок вернуться в Рим через пять лет, а тот, кто не выполнит условия, никогда более не станет императором. Помпей за эти пять лет завоевал

минание о ней встречается в «Кодексе Каликста» (Liber Sancti Jacobi «Codex Calixtinus» XII), см. Vigo Trasancos Alfredo. Tras las huellas de Hércules. La estoria de espanna, la torre de Crunna y el pórtico de la gloria // Quintana N°9 2010. ISSN 1579—7414. Pp. 217—233. Р. Менендес Пидаль предполагает, что история о статуе на башне в Кадисе заимствована из «Истории мусульманских династий в Испании» Аль-Маккари, автор которой ссылается, в свою очередь, на «Хронику мавра Расиса». И в латинском, и в арабском источнике нет отсылки к Геркулесу.

всю восточную часть, а Юлий Цезарь за эти пять лет не завоевал ничего, кроме Лериды, города в Испании, в области, именуемой Каталония. Согласно Лукану, записавшему эту историю, когда истекли эти пять лет, римляне послали передать ему, чтобы он возвращался, так как в противном случае они не примут его в качестве императора. Он, досадуя от того, что не хотел так делать, ответил им, что, поскольку он является императором, то возьмет еще пять лет, дабы закончить начатое; и затем в течение этих пять лет завоевал всю Испанию; а когда он пришел в то место, где изначально был основан город Италика, посчитал он, что город этот располагается не в правильном месте, и отправился искать такое, где бы он мог возникнуть заново. И когда он пришел в то место, где стояли колонны, на которые Геркулес поставил статую, то увидел мраморную плиту, разломанную на куски; увидев буквы, повелел он собрать плиту воедино и прочитал там, что здесь должен быть основан великий город. Тогда Юлий Цезарь перенес из того места город и поставил там, где он сейчас находится, и дал ему имя Испалис, которым он назывался изначально, когда был расположен на деревянных сваях в месте, именуемом Альмедина, близ Кадиса. Как рассказывает Лукан, после того как город был основан, Цезарь отправился в Кадис, который был крупным городом, и обнаружил там большой храм, основанный язычниками в честь Геркулеса; среди многих изображений он нашел статую короля Александра: все полагали, что была она на него очень похожа, и ростом, и обликом; когда Цезарь ее увидел, то принялся рассматривать очень внимательно, а затем сказал, что если Александр был таким маленьким и таким некрасивым, но совершил такие великие и добрые дела, то почему же он, такой высокий и такой красивый, не может совершить такие же великие дела или даже еще более. Размышляя об этом, он отправился в свой лагерь, и приснилось ему этой ночью, что он овладел матерью;¹ на другой день он вызвал своего лучшего звездочета и рассказал ему о своем беспокойстве и о сне, который ему приснился. Звездочет раскрыл ему сон и сказал ему, что мать — это земля, а он, покрывая ее собой, таким образом овладевает ею, подобно этому, он покроем всю землю своею властью и станет господином всего. Тогда двинулся он в путь, вернулся в Рим и стал затем владыкой всего мира, как рассказывает о том история. Сейчас, однако, возвратимся к рассказу о Геркулесе, чтобы поведать о делах, совершенных им в Испании.

¹ Речь о сне Цезаря, рассказанном Светонием; в последующем такого рода сон-предсказание станет традиционным топосом, символически отражающим идею единоличного правления будущего монарха. Цезарю приснилось, будто он насилует свою мать, что его очень смутило. «Толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого».

7. Как Гераклес сразился с царем Герионом и убил его

Геркулес, о котором вы слушаете рассказ, поставив две статуи в Кадисе и в Севилье, пожелал увидеть всю землю, называемую Гесперией. Он вторгся на морское побережье и дошел до места, где сейчас расположен город Лиссабон; и было оно заселено после второго разрушения Трои, и начал возводить город внук Улисса,¹ носивший то же самое имя; поскольку же он не сумел его закончить до своей смерти, то повелел он своей дочери по имени Буэна, чтобы она завершила его; она так и сделала и дала городу имя Лиссбона, сложив имена своего отца и свое. Когда Геркулес пришел в это место, он узнал, что правит в Гесперии могущественный царь и владеет он землями от Тахо до Дуэро, а поскольку господствовал он над семью провинциями,² то в древних сказочках³ было сказано, что был царь о семи головах.⁴ И был это Герион, гигант, очень сильный и быстрый, так что он по праву сильного захватил всю землю и заставил людей отдавать ему половину того, что они имели, также их сыновей и дочерей, а тех, кто не хотел отдавать, убивал. А потому все люди очень не любили его, однако не осмеливались идти против него, потому что не было никого, кто бы мог их защитить; когда же они узнали, что пришел Геркулес, то послали сказать ему, чтобы он, совершивший столько добрых дел и спасший столько людей от дани и дурного господства, поспешил к ним и что они отдадут ему все царство. Когда услышал об этом Геркулес, он обрадовался и отправился туда; и хотя был он из рода гигантов⁵ и очень сильный, он не был из-за того ни жестоким, ни дурным хозяином, наоборот, был он милосерден к хорошим людям, смел и силен со злыми;

¹ Для имени Улисс существовало две равнозначные латинские формы — *Uliisses* и *Ulixes*; соответственно, возводимое к его имени старое наименование Лиссабона писали *Lisssbona* или *Lixbona*. Греки связывали с Одиссеем дороманское название города *Olissipo* (финик.). Этимология, предлагаемая в *EE*, более правдоподобно связывает основание города не с самим Улиссом, а с его потомками.

² По-видимому, имеется в виду деление Тарраконской Испании на семь судебных округов: Таррагона, Новый Карфаген, Цезаравгуста, Клуния, Лукус Аугусти, Астурика Аугусти и Бракара Аугусти.

³ Исп. *fabliellas* означает рассказ, содержащий фантастические (т. е. недостоверные) элементы.

⁴ Топографическое объяснение многоголовой внешности Гериона заимствовано из хроники Родриго Хименеса де Рада (*Rod. Tol. Hist. Goth.* I. 5), однако вместо трех голов в *EE* появляется семь.

⁵ Причисление Геркулеса к роду гигантов (при рассказанном выше происхождении Геракла от царя Юпитера) объясняется стремлением подчеркнуть легендарную силу героя. Таким же гигантом назван и его противник Герион. Характерно, что у Родриго Хименеса де Рада ни тот, ни другой не называются гигантами.

потому, узнав о бедах этих людей, пожалел их и отправился к ним. Когда Герион об этом прознал, он отправился со своими войсками туда, где потом было основано поселение под названием Круния, которое тогда было пустошью. Геркулес послал сказать Гериону, что незачем людям ни убивать друг друга, ни ранить, а лучше, чтобы сразились они вдвоем, один на один; а тому, кто победит, и будет принадлежать вся земля. Герион, полагавшийся на свою храбрость и на то, что был он здоровее, согласился. Они бились три дня, и никто не мог победить, но в конце победил Геркулес и отрезал ему голову. И повелел построить в этом месте большую башню¹ и положил в основание ее голову Гериона, а также приказал он заложить большой город; он велел записать всех мужчин и женщин, которые придут в нем жить. Первым жителем, пришедшим туда, стала женщина по имени Круния, поэтому ее именем и назвали город. Большая часть людей, которых Геркулес привел с собой, была из Галасии,² и он приказал им селиться здесь, поэтому эта земля получила название Галисия. После того как Геркулес заселил Галисию, он двинулся на юг берегом моря до реки под названием Ана, которое по-гречески значит то же, что и *топо*:³ она уходит, прячась, под землю, а потом выходит наружу; это название никогда не менялось до нынешнего Гвадиана. Так как земля эта показалась ему очень хорошей для выращивания скота, а также для охоты, то он прожил там долгое время и устроил там игры, выказывая великую радость от победы над Герионом и захвата всей земли, которой тот владел. Говорят некоторые, что из-за этих игр, им устроенных там, он дал той земле имя Лузитания, что на романском⁴ означает «игры при Ане».⁵ После того как это было сделано, он двинулся к Гвадалквивиру, к месту, где велел он сделать статую; обнаружил ее стоящей на месте и сильно обрадовался.

Затем он двинулся дальше по берегу моря, заселяя места, которые казались ему пригодными для поселения, пока не дошел до Картахены, и

¹ Речь идет о так называемой Башне Геркулеса в Ла-Корунье; в главе 9 будет сказано, что племянник Геркулеса Испан «завершил строительство башни-маяка, которую начал Геркулес, рядом с Круней; будучи человеком умным, он очень мудро повелел построить огромное зеркало, чтобы издалека видеть приближение кораблей по морю, и поместил его в центр этой башни; и сделал он это с тем, чтобы предостеречься от чужого народа, если тот придет войной с моря» (ЕЕ. Сар.9). Римский маяк в Ла-Корунье в Средние века именовался Башней Бригантии (*Орозий. История против язычников. Oros. I, 69*).

² Имеется в виду Галатия (Анатолия). Этимология топонима заимствована в хронике Родриго Хименеса де Рада (*Rod. Tol. Hist. Goth. I. 4*).

³ Испанское *топо* — крот происходит от вульгарно-латинского *talpum*.

⁴ Слово «романский» (*romanz*) в средневековом испанском служит основным обозначением для «кастильского».

⁵ Испанское слово *juegos* подразумевает лат. *lusus*; характерно, что этимология топонима заимствована из хроники Родриго Хименеса де Рада (*Rod. Tol. Hist. Goth. I. 5*).

произошло это название от Карфагена Великого, расположенного в Африке и основанного царицей Дидоной; некоторые говорят, что из-за вреда, который содеяли те, кто населял ту землю, ушли они морем в Испанию и основали другой город, который называли Картахена, а по-старинному называли его Картахена Эспартера,¹ так как вся окрестная земля, покрытая эспартой и теперь именуемая Монтарагон,² входит в его владения. А царем ее был человек громадного роста и очень сильный, которого звали Как и под властью которого находились земли, именуемые Кельтиберией и Карпентаной; и когда он услышал, что пришел Геркулес, он не захотел подчиниться ему, как другие, а собрал свою рать и пошел сразиться с ним; и был побежден Как, и ушел он на самую высокую гору, какая только есть в Кельтиберии, и дал ей свое имя, поэтому теперь говорят, что Как дал ей имя Монкайо.³ Это было место очень хорошее для обитания, так как было оно очень здоровым, и он держал неподалеку свои стада, поэтому он и ушел туда, постаравшись там укрыться. Когда же он узнал, что Геркулес идет по его следам, то не осмелился ждать его там и двинулся к землям Рима, к холму, называемому Аветинским и расположенному близ города, который именуют Лавина;⁴ там, как нам рассказывают, он решил укрыться и спрятался в очень глубокой пещере, запер ее огромным каменным жерновом и прикрепил его изнутри четырьмя большими железными цепями. Когда же пришла ночь, Как вышел и причинил, сколько мог, зла этой земле, а потом вернулся туда снова и запер дверь пещеры; а поскольку был он более ловким и хитрым, чем любой другой человек, и забирал головы людей и животных, которых убивал, и подвешивал их на дверь с внешней стороны, то полагали, что он съедал тела людей так же, как тела животных, а потому говорили, что он наполовину человек и наполовину зверь.⁵ Он благополучно обитал в этой пещере, пока не пришел Геркулес и не убил его там, как рассказано в его истории. Но поскольку это не имеет отноше-

¹ Carthago Spartaria (Carthago Spartia) — наименование Картахены в период византийского владычества с конца VI в. до 622 г. Этимология названия от «эспарто» (esparto — травянистое растение, разновидность ковыля, пригодное для плетения и изготовления бумаги) добавлена редакторами *EE*.

² Название Монтарагон некоторые связывают с греческим *arrago*, что означает «эспарто». См.: *Cebrián Abellán A. Recursos patrimoniales del sureste de Castilla-La Mancha: Monte Ibérico-Corredor de Almansa (Albacete) // Papeles de geografía, 2006. № 44. P. 5—22*

³ Мифологическая этимология названия г. Монкайо взята у Родриго Хименеса де Рада (*Rod. Tol. Hist. Goht. I. 5*).

⁴ Т. е. Лавиния.

⁵ Как описан полузверем-получеловеком, изрыгающим дым и пламя, у Вергилия (*Aeneid. VIII. 193—267*). Эвгемеристическая трактовка Кака, представленного вождем варваров, побежденных Гераклом, появляется у Дионисия Галикарнасского (*Dio. Римские древности. I 42. 2*).

ния к событиям в Испании, перестанем и мы говорить об этом, а вернемся к Геркулесу и к тем делам, которые он совершил в Испании после победы над Каком.

8. О городах, которые Геркулес основал в Испании

Вы уже слышали, каким образом был побежден Как и что Геркулес последовал за ним к горе Монкайо, где тот обитал; когда же Геркулес бродил, разыскивая его по той земле, так она ему так понравилась, что в конце концов он основал город у подножья горы Монкайо. Среди тех, кто пришел с ним из Греции, одни люди были из земли под названием Тир, а другие — из той земли, что зовется Авсона,¹ и потому он дал городу имя Тирасона,² нынче же его называют Тарасона. Совершив это, начал он завоевывать всю эту землю, пока не подошел к месту, которое показалось ему удобным для поселения, тогда он основал там крепость и дал ей имя Урхель,³ что на латинском значит «принуждение», так как он завоевал всю эту землю скорее силой, нежели любовью. Сделав это, Геркулес оставил один корабль из тех десяти, что он привел с собой, в Кадисе, а остальные увел в Галисию; и затем повелел, чтобы восемь кораблей расположилось там, а он поведет дальше девятый. То место, в которое он прибыл, показалось ему пригодным для поселения, и он приказал построить там город и дал ему имя *Barca nona*, что означает «девятая ладья», сейчас он зовется Барселона.⁴ После того как Геркулес завоевал всю Гесперию и обустроил ее под своей властью, пожелал он пойти дальше по миру и совершать великие дела там, где их находил, так как не хотел, чтобы существовала такая земля, где бы не было его потомков; ведь если он оставлял там своих людей, то становилось известно, что он завоевал те земли; поэтому заселял он их теми людьми, которых привез с собой из Греции, и в каждом оставил своих потомков. Кроме того, он дал власть своему племяннику, которого растил с малолетства, по имени Испан;⁵ он так поступил, потому что тот выказал себя очень отважным и благоразумным; и, желая изменить название земли, раньше называемой Гесперия, дал ей имя Испания.

¹ Имеется в виду Авзония, древнее название Италии.

² Лат. *Tirasona*; этимология из хроники Р. Хименеса де Рада (*Rod. Tol. Hist. Goth. I. 5*).

³ Этимология заимствована из хроники Р. Хименеса де Рада (*Ibid.*).

⁴ Этимология заимствована из хроники Р. Хименеса де Рада (*Ibid.*).

⁵ Считается, что впервые имя Испан (*Hispalō, Hispan*) упоминается у Помпея Трога (см. о нем ниже), затем повторено кратко в «Этимологиях» Исидора Севильского (*Isid. Etym. XIV. 4. 28*).

9. О деяниях короля Испана
и о том, как он заселил остров Кадис

Испан, племянник Геркулеса, ставший владыкой Испании, прошел по этой земле и сделал ее населенной и благоустроенной, так она была сильно разбитой и разрушенной великой войной, учиненной Геркулесом; и поскольку он был человеком мудрым и разумным, то смог завладеть ей и устроил выходы в море и горные поселения, так как полагал, что может быть причинен ей вред со стороны других народов; основал там большие и красивые города, совершив там чудесные деяния. Одним из них был город, который теперь зовется Сеговией, он дал ему это имя, потому что город был заложен около скалы, которую называли Говия;¹ и там построил чудесное сооружение для доставки воды в город, как оно выглядит и поныне. А также завершил строительство башни-маяка, которую начал Геркулес, рядом с Круней; будучи человеком умным, повелел он очень мудро построить огромное зеркало, чтобы издали видеть приближение кораблей по морю, и поместил его в центр той башни; и сделал он это, чтобы предостеречься от чужих народов, если они придут войной с моря. Так как был он человеком, почитавшим справедливость и закон и делавшим добро людям, то любили его очень сильно, так что можно сказать, что если Геркулес завладел этой землей силой, то Испан завоевал ее любовью. И после того, как вся она была заселена и усмирена, он выбрал себе для жизни Кадис, остров Геркулеса; и сделал это в память о своем воспитании и о добре, что содеял ему Геркулес. А поскольку в поселении не было никакого сооружения, кроме построенной Геркулесом башни, ему пришлось расположиться в палатке, пока он не построил небольшой город, где и поселился.

10. Как был заселен остров Кадис, как он был окружен,
построен мост и сделаны мостовые²

У этого короля Испана была красавица дочь по имени Либерия, и была она очень сведуща в астрологии, так как тот, кто ее обучал, был самым большим мудрецом в Испании в ту пору, был он звездочетом Атласа, и за это его высоко ценил Геркулес, потому испросил Испан ее одобрения для основания Кадиса. Ведь это место было опасным по трем причинам:

¹ Затемненная этимология: из текста ясно, что Сеговия произошла от лат. *secus Cobiā*.

² Источник этой главы Р. Менендесом Пидалем не установлен. Возможно, сюжет о сватовстве взят из устной традиции и в данном фрагменте смешаны два фольклорных сюжета — испытания при сватовстве; сватовство и обман inferнального персонажа для урбанистических целей (строительство моста, акведука, дворца).

во-первых, не было там в изобилии воды; во-вторых, из-за пролива, который надо было переплывать на кораблях; в-третьих, потому что земля там была такой глинистой, что не могли туда зимой попасть люди, иначе как с большой опасностью для себя и своей поклажи. Поэтому он спросил совета у своей дочери, каким образом можно было бы обустроить это место. Она ответила, что даст ему совет, если только он согласится выдать ее замуж лишь за того, кто ей понравится; и он, доверяя ей, а также потому, что и сам так считал, пообещал ей это. Не было у Испана сына или дочери, которые могли бы наследовать ему, кроме нее; из других земель приходили просить ее руки короли и высокородные юноши, прежде всего, потому что была она очень красива и очень умна, к тому же должна она была получить и королевство в придачу. Многие, таким образом, приходили сватать ее, но она не хотела этого, и продолжалось это столь долгое время, что отец ее начал стариться; и люди той земли испугались, что он может умереть, и просили его, милости ради, выдать дочь замуж, чтобы в случае его смерти не остались они без господина. Он сказал им, что они доставят ему много радости, если пойдут и попросят ее. Они пошли к ней и просили ее, чтобы она, милости ради, вышла замуж; она согласилась и сказала, что поскольку дала зарок, что пойдет замуж лишь за того, кто ей понравится, то если сейчас появится кто-то, кто ей подойдет, то она пойдет за него замуж; так они и порешили. После этого пришли свататься к ней три королевича, очень богатых и с превеликим добром: один из Греции, другой — из Скандинавии, третий — из Африки. Когда об этом узнал ее отец, то возрадовался сильно, так как все они были очень красивы, статны и благоразумны, к тому же знал он, что они все были богаты; поэтому он принял их очень радушно и выказал им много чести. Затем он поговорил с каждым из них, они попросили руки его дочери; он сказал им идти к ней и в кого из них она влюбится, тому он будет рад и тому отдаст ее в жены. Они поступили так, как он им советовал, и пошли к ней, и после того, как каждый из них произнес речь, она сказала им прийти на другой день и тогда она даст ответ всем троим одновременно. Они подивились тому, что она велела им прийти всем одновременно, и посчитали это насмешкой, однако так и поступили; когда же они пришли к ней на другой день, она спросила их, кто из них любит ее больше; и каждый ответил, что именно он. Тогда она ответила, что верит, что каждый из них любит ее, но хотела бы убедиться в том: пусть они сделают для нее то, что она им повелит, и за того, кто раньше всех закончит, она и выйдет замуж; попросили они ее сказать, что она хочет, и они непременно это сделают. Тогда она сообщила, что место это более всего любимо ее отцом и он хочет сделать его главой всего королевства, и три вещи следовало бы совершить: первую — поставить город, крепко обнесенный стенами и башнями, и пусть там будут богатые дома для него и для того, за кого она выйдет замуж; вторую — поставить там мост, по которому заходили бы в город люди и поступала бы вода; третью — так велики хляби зимой,

что люди не могут войти туда, а потому пусть сделают мостовые, чтобы люди все же могли ходить вопреки этому; каждый из них пусть возьмет на себя одну из этих трех задач, и тот, кто первым справится, возьмет ее в жены и станет владыкой всей земли. Столь сильно желал каждый из них жениться на ней, что, услышав это, ответили они, что выполнят все. Послали они за многими мастерами и при помощи привезенного добра так споро начали, что спустя недолгое время все было почти закончено. Первым закончил тот, кто был из Греции, по имени Пирус; он построил мост и трубу для того, чтобы проходила вода; и пришел он к госпоже и сказал, что работа его завершена. Она очень обрадовалась и обещала, что выйдет за него замуж, однако просит его не разглашать весть об окончании работы, пока другие не подойдут близко к завершению своих трудов, и тогда они поженятся и вместе легко закончат начатое строительство. Он так и сделал и подождал то тех пор, пока их работа не была почти закончена; после этого он позвал короля и показал ему завершенное сооружение, открыл трубу и дал воде течь в город. Король возрадовался и женил его на своей дочери, а двум другим дал превеликие дары и отправил их оттуда, заплатив так много, как только мог. Таким образом, был обустроен город Кадис и остров, ставший одним из самых благородных в Испании. Так любил его король Испан, что поставил там свой трон и там короновался, сделав город главной всей своей земли, и так было при его жизни. После этого правил король Испан недолго, был очень любим по всей Испании, и много было хороших лет и благополучия при его жизни. Он умер в двадцатый год после второго разрушения Трои, и великий плач случился среди испанцев, так что многие убили себя из-за этого, а другие не желали больше никогда ни смеяться, ни веселиться, ни носить цветных платьев. И был он погребен в Кадисе.

II. О том, как Пирус основал Осуну и Гранадю, и о короле Рокасе

После того, как король Испан был похоронен в Кадисе, как вы о том слышали, был коронован и взошел на престол Пирус, его зять, о котором мы рассказывали, и его дочь Либерия; далее они долгое время без усталости исследовали провинцию Кадис и обустроивали эти земли. Пирус, бывший человеком молодым, любил странствовать и не сидеть на одном месте, и взял он свою жену и двинулся по берегу моря на восток. Он был большим любителем охоты и обнаружил в горах множество медведей, тогда он устроил великую охоту и убил многих из них, а место это назвал поле Урсино; и потом основал там, у подножья горной гряды, город и дал ему имя Урсина, по случаю охоты на медведей; сейчас мы называем его Осуна. Далее двинулись они по этим горам на восток до тех пор, пока не подошли к высоченной горе, и Пирус спросил населявших эту землю

людей, что это за место; они ответили ему, что ее называют Солнечной горой, потому что там всегда лежит снег; он же, увидев, какие там плодородные долины и многочисленные обильные реки, решил, что земля эта будет пригодна для хлеба, и основал там город, назвав его из любви к своей жене именем Либира, так зовется он и по сей день. Оставив там свою беременную жену, Пирус двинулся в то место, где позже появится город Толедо, а тогда была очень высокая гора, но там были две башни: одна есть и поныне, там сейчас алькасар,¹ другая — башня святого Романа. Башни построили два брата, сыновья короля по имени Рокас;² был он родом из мест, лежащих в восточной части того места, которое называется Эдемом — там, как рассказывают истории, находится рай, где был сотворен Адам; этот король имел большое пристрастие к наукам, потому оставил свое королевство и все свое имущество и пошел из одной земли в другую, задумываясь над разными вещами, чтобы овладеть большими знаниями. Таким образом он нашел в одной стране, между востоком и севером, семьдесят колонн: тридцать были из латуни, а сорок из мрамора, они лежали на земле, на них были начертаны буквы, с помощью которых там были записаны все сведения и свойства вещей и как их обрабатывать. Рокас же, когда их увидел, то изучил и перевел все, а также сделал книгу, которую носил с собой; по ней он предсказывал многое из того, что происходило. И совершал такие великие диковинные дела, что видевшие это верили, будто он творит чудеса; в конце концов, пошли к нему все люди и так стали докучать ему, что он ушел от них. Так он шел, скрываясь, из одной страны в другую до тех пор, пока не пришел в Трою еще до первого ее разрушения; и он увидел, что свершаются там великие и благороднейшие труды и начал смеяться; когда же его спросили, почему он смеется, то он ответил, что если бы они знали о том, что их ждет, то не строили бы ничего. Тогда его схватили и привели к королю Леомедону;³ и король спросил его, почему он вел такие речи; тот ответил, что сказал правду, ибо людей предадут мечу, а все здания сожгут огнем. Когда услышали это троянцы, захотели убить его, однако король воспротивился, считая, что он сказал это в безумии; в конце концов, его схватили и заковали в железо, дабы посмотреть, успокоится ли он, король же поставил людей охранять его. Рокас, опасаясь смерти, сумел устроить так, что его охранники уснули, затем подпилит оковы и совершил побег. Он отправился в то место, где был впоследствии основан Рим, и написал на мраморе четыре буквы в одно слово, которое произносилось как «Roma»; потом их обнаружил Ромул, когда основал там город, и возрадовался сильно, что надпись совпала с его именем, и назвал город Римом.

¹ Укрепленный замок или дворец — имеется в виду королевский дворец в Толедо, тогдашней столице Испании.

² Источник легенды о короле Рокасе неизвестен.

³ Легендарный царь Лаомедонт, отец Приама.

12. О том, как Рокас пребывал в пещере, и что произошло с Таркусом

После того как Рокас сделал это, он отправился на запад и шел до тех пор, пока не пришел в Испанию и обошел ее всю кругом, как все горы, так и все моря, что ее окружали; и затем он пришел туда, где нынче расположен Толедо, увидел, что место это, как никакое другое, расположено в самом центре Испании и есть там высоченная гора, и понял, благодаря своим знаниям, что следует там быть большому городу, но не он станет его основателем. Он нашел там пещеру, вошел в нее, а там жил гигантский дракон, и когда он увидел его, то очень испугался и попросил его, чтобы не делал дракон ему ничего дурного, ведь все они божьи творения. Дракон так полюбил его, что притаскивал ему часть своей добычи, когда охотился; и так укрывался он долгое время. Затем случилось так, что один благородный человек из тех мест по имени Таркус, родом из Авилы, поднялся на эту гору, обнаружил там медведя и шел за ним, пока не дошел до этой пещеры. Медведь залез в пещеру, Рокас же, увидев его, испугался, но тотчас стал задабривать его и просить, чтоб не делал ему зла, так же как просил и дракона; после этого медведь стал смирным и припал к его коленям, и тот стал чесать ему голову. Между тем пришел туда тот рыцарь, что преследовал медведя, и вошел в пещеру; и когда он увидел их обоих в таком положении, то очень подивился, и более удивился он Рокасу, нежели медведю, потому что тот был с длинной бородой и весь покрыт волосами до земли, и он понял, что перед ним был храбрый человек, тогда он вложил стрелу в лук и приготовился выстрелить. Тот же взмолился именем Бога, чтобы он не убивал его; тогда Таркус, услышав его голос, спросил его, кто он такой и откуда пришел. Рокас ответил, что не скажет ему ничего, пока он не примирится с ним и с медведем, который зашел в его жилище. Таркус заключил с ними мир, и тогда Рокас рассказал ему все им совершенное. Когда тот услышал, что он король и благородный человек, то очень опечалился и стал просить его не предаваться своим занятиям здесь, в опасности, а пойти и жениться на его единственной дочери с тем, чтобы по окончании своего срока он все оставил ему; Рокас согласился так сделать. Пока они вели эту беседу, появился дракон, Таркус же, увидевши его, сильно испугался и хотел бежать оттуда. Рокас просил его не делать этого и говорил, что устроит так, что не будет ему вреда; затем Рокас пошел к дракону и принялся задабривать его, дракон положил перед ним половину принесенного быка, так как вторую половину съел сам, и Рокас спросил Таркуса, не хочет ли он съесть быка. Таркус отказался и ответил, что хочет пойти обедать со своими товарищами. Рокас сказал так: «Я веду такую жизнь, но терплю невзгоды из-за своей любви к знаниям». Тогда Таркус молвил: «Выходи отсюда и пойдем, ибо это место не для тебя». Тогда Рокас сказал дракону: «Друг, я хочу покинуть тебя, поскольку уже долго прожил с тобой». Вышли они оба из пещеры и отправились каждый в свою сторону, и никто никогда больше не встречал там дракона.

13. *О том, как Рокас ушел с Таркусом и о великой засухе в Испании*

Рокас пошел с Таркусом и взял в жены его дочь, и имел от нее потом двух сыновей: одного звали Рокас, как отца, другого — Сильвио. Затем умер Таркус, и отошло все, что он имел, Рокасу, однако было у него всего больше, чем было ему нужно, он же не мог забыть пещеру, вспоминая, как жил там с драконом; и построил он над пещерой башню и долго жил там. После его смерти ею стали владеть два его сына, однако случилась между ними распря, тогда один из них поселился в той башне, а второй построил другую, где теперь расположена церковь Святого Романа. Так жили они долгое время, пока не пришла великая засуха, длившаяся двадцать шесть лет, когда не было в Испании дождей, из-за чего пришлось уйти из этой земли всем людям, и тогда умерли оба брата. И не было в Испании реки, которая бы не пересохла, кроме Гвадалквивира и Эбро, но и они текли очень слабо; вся земля была заброшена и бесплодна, так что ничего нельзя было посадить в нее. Все люди перешли через Пиренейские горы, которые являются воротами в Аспу, и стали искать убежища в других землях. И слагали по всей Испании песни-плачи¹ о том, что прогневался Бог на эту землю. И случилось так, что на исходе засухи начался ветер, такой сильный, что он вырвал все деревья, потому что они были сухими; и так много было пыли, которую поднимал ветер, что похоже было на дым; видели, что горела вся земля, а потом пришло время, когда три года не было ничего, кроме дождя, так что вся земля покрылась водой и напоминала море, а все, что было загублено, восстановилось. Люди, которые были родом из этой земли, хотя и устроились в другом месте, не могли успокоить сердце, пока не возвратились в Испанию, узнав, что улучшилась их земля. Не нашлось во всей земле ни одного зеленого дерева, лишь немного у берегов Гвадалквивира и Эбро — были это оливы и гранатовые деревья; люди начали заселять те места, что были заселены раньше; а так как говорили они, что зло, пришедшее в Испанию, было подобно прокаже, то первый заново построенный ими город между западным побережьем и Гвадалквивиром называли они Лепра;² сейчас он носит имя Ньебла. Так заселялись они, пока не пришли к башням двух братьев, но не решились они поселиться там, поскольку показалось им это место очень нелюдимым; тогда оставили они эти башни стоять как есть, пока не пришел король Пирус, тот, что был зятем короля Испана, как вы недавно слышали. Когда он увидел эти башни, то повелел там построить две мощные крепости и поселил там людей, которые их возводили; там они и оставались, пока римляне не завоевали Испанию. После того как Пирус

¹ В тексте: «cantares de llantos».

² Вестготы называли его Элепла (Elepla), а мусульмане переименовали его в Леблу (Lebla), испанцы называли его Ньебла. Город и тайфа стали христианскими после завоевания в 1262 г. Альфонсо X.

сделал это, он ушел к большим горам Аспы и полюбил ту землю, так как была она здоровой и богата дичью, он основал там много поселений и оставался там до самой смерти. Эти горы, которые сначала назывались Сетубалы от имени Тубала, стали называть Пиренеи от имени Пируса.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ГОСПОДСТВА, КОТОРОЕ ОБРЕЛИ В ИСПАНИИ АЛЬМУХУСЫ

14. Как альмухусы завоевали Испанию и стали ее владыками

После смерти короля Пируса случилось так, что Испания оказалась под властью греков, и так продолжалось до тех пор, пока не появился другой народ, носивший имя альмухусов.¹ Закон их состоял в почитании огня: так что, когда у них рождались дети, они зажигали костер из сухих дров, чтобы пламя было очень чистым и без дыма, и проносили сквозь него нагое дитя в четыре стороны, на манер креста, с востока на запад и с севера на юг; и было это у них вроде крещения. А еще они делали так: когда человек становился настолько старым, что уставал от земной жизни и желал отправиться в рай, его сжигали на огне, и считалось, что он уходит прямо к богу. Эта секта² впервые появилась в Халдее; там они и жили, пока не пришли туда мудрецы и императоры, во всем более сведущие, такие, как Навуходоносор и Ксеркс, которые ее уничтожили, поскольку полагали их своего рода безумцами, и убили всех тех, кто не хотел отступить. Часть из них ушла на холодные острова, такие как Норвегия, Дакия и Пруссия,³ и поселились там, и они завоевали все земли вокруг и завладели ими; и принялись они строить корабли, стало их в конце концов так много, что сделались они очень могущественными на море. Затем порешили они отправиться завоевывать другие земли, те, что лежали у самого моря, и первым делом захватили Англию со всеми ее островами: Шотландией, Ирландией, Уэльсом;⁴ а затем двинулись они морем, пока не приплыли в Испанию, в место, где сейчас находится Байона. Прознали они о зеркале, что находилось на башне в Крунии⁵ и сквозь которое можно было видеть корабли, приходящие с моря, и стали измышлять, как бы им

¹ Предполагается, что наименование альмухусы (*almujuces*) могло произойти от искаженного мосарабского *al magus*.

² Исп. *secta*.

³ Хронисты называют многие из материковых земель островами, по-видимому, имея так и острова, и полуострова, а также любые земли, граничащие с морями.

⁴ В тексте: Gals, ср. фр. Pay de Galles.

⁵ Имеется в виду Ла-Корунья.

его разрушить. Взяли они два корабля и укрыли их стоящими зелеными деревьями, так что они стали походить на острова, и расставили там по кругу очень мощные баллисты. Те же, что были в башне и сторожили зеркало, когда их заметили, решили, что это маленькие острова; тогда те другие, что на кораблях, подошли к очень большой горе и встали у ее подножья, обстреляли башню из баллист и разрушили зеркало. Затем послали сигнал тем, кто ждал на других кораблях, подошли и взяли город силой, убив всех тех, кого там обнаружили. Совершив это, эти люди разделились на две части, одни взяли половину кораблей и отправились в Кадис. В сам город двинулась лишь малая их часть, остальные же засели в засаде; люди из Кадиса выскочили к ним и победили их; тогда те побежали и убежали до тех мест, где скрывалась засада, и вышли те, которые укрылись в засаде, проникли вслед за жителями в город и перебили там всех. Вторая половина кораблей, которая осталась в Ла-Корунье, проделала то же самое с Лиссабоном. И такой великий страх ощутили все в Испании перед этим народом, что остальные бежали, забросив свою землю. Прибывшие на кораблях собрали совет, дабы решить, как поступить, и нашлись среди них те, кто предложил им вернуться в свои земли; другие же настаивали, что надо осесть здесь, поскольку эта земля показалась им хорошей; однако решили, что не могут они так поступить и поселиться тут, пока не договорятся с местными жителями. С тем и послали они им свои грамоты и заверения в мире. Испанцы этому очень обрадовались и позволили тем людям над собой господствовать, дабы они дали им жить в мире. Таким образом, они завладели Испанией, и оставались альмухусы владыками этой земли в течение сорока лет; и основали они там множество городов, таких как Памплона, Сигуэнса, Кордова и много других мест, названия которых не были записаны, и самый главный — Толедо. И построили они внизу в долине город, потому что не хотели селиться наверху, где находились замки; они сделали из него столицу королевства и возвели там огромный храм, где поклонялись огню; они никогда не меняли его название и именовали его Дос-Эрманос.

15. Как пришедшие из Фландрии и Англии разрушили Испанию

По всем землям распространились вести, как эти люди завоевали Испанию, и все, кто жил на островах, услышав об этом, возжелали всем сердцем совершить то же самое и снарядили огромные корабли, и отправились в Испанию, войдя в нее с четырех сторон. Те, что вошли через Кадис, поплыли вверх по Гвадалквивиру и достигли Италики;¹ жители го-

¹ Римская колония, основанная в 206 г. до н. э. Сципионом Африканским.

рода вышли им навстречу и бились с ними, но были побеждены. Чужаки, преследуя их, вошли в город, убили всех и захватили город. Остальные же вошли через другие части, и не нашлось никого, кто бы мог им противостоять; они завоевали всю землю и убили всех, кого обнаружили, в том числе и альмухусов, а тех, кто проживал там еще раньше, оставили в качестве рабов. И длилось это господство до тех пор, пока не пришли люди из Африки и не завоевали Испанию.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ВЛАДЫЧЕСТВА В ИСПАНИИ ТЕХ, КТО ПРИШЕЛ ИЗ АФРИКИ

16. Как захватили власть в Испании народы, пришедшие из Африки

Существует четыре части света, как гласят наименования, данные древними мудрецами: Восток, Запад, Север, Юг.¹ Согласно им, четыре империи господствовали над миром: первым был Вавилон на Востоке во времена Нина; вторым, в южной части, в Африке — Карфаген Великий, во времена королевы Дидоны; третьей — Македония на Севере во времена Александра; четвертым — Рим на Западе во времена Юлия Цезаря. В их историях рассказывается о том, как каждая из них завоевывала земли; мы же сейчас хотим поведать о том, как Карфагенская империя, расположенная на Юге, захватила власть в Испании.

После смерти Геркулеса случилось так, что в городе Кадисе, который Испан заселил людьми из азиатского Тира, люди услышали, что Геркулес умер в другом месте, и получили предсказание от своих богов, что, если они отправятся туда и принесут что-то из его костей и останков, это всегда будет служить во благо городу, ведь язычники почитали Геркулеса как святого. И получив такой совет, они отправились туда и принесли из его останков все, что там обнаружили. То, что его останки были привезены в Кадис, узнали во всей Испании, которая вся была языческой; и такое великое началось паломничество, что очень быстро был заселен город и сделался он очень большим. Люди начали завладевать окрестными землями, и это вызвало такую зависть у их соседей, что те принялись пугать их ужасно, угрожая пойти на них войной все разом, чего жители Кадиса не смогли бы выдержать. И стали они держать совет, откуда могла бы прийти к ним помощь, чтобы защититься, и не нашли они другого места, где могли бы получить помощь, кроме Карфагена в Африке, принадлежащего Дидоне. И решили они так, потому что жители Карфагена были выходца-

¹ Для обозначения севера использовалось название Большой Медведицы — *Septentrio*, юг же обозначали словом «полдень» — *Mediodia*.

ми из земель Тира, откуда они сами были родом, и их поселил там Карфон,¹ царь Тира, отец царицы Элиссы Дидоны,² и поэтому его имя дали Карфагену. Жители Кадиса, полагая, что тамошние жители и они связаны родственными узами и что те посочувствуют им в их беде, послали просить их, дабы они помогли им освободиться от тревоги, связанной с их недругами в Испании. Когда об этом узнали в Карфагене, то сильно огорчились из-за причиняемого им вреда и выслали морем великую помощь, так что с их помощью жители Кадиса разбили своих врагов и отомстили за нанесенные обиды. Но после того, как карфагеняне помогли и поддержали жителей Кадиса, они принялись воевать с остальными, завоевав таким образом большую часть этой провинции; а поняв, что дела их идут успешно, отправили они послание в Карфаген, чтобы карфагеняне пришли к ним, ибо в таком случае можно было бы завоевать всю Испанию; те же передали его своему императору Гамилькару. Он спросил своих идолов, сложится ли благополучно этот поход, и они дали ему ответ, что если он отправится туда, то завоюет ее. Когда тот услышал ответ, он, устроив все наилучшим образом, отправился в Испанию и высадился там, где высадились и другие, и принялся захватывать землю и завоевывать ее, побеждая во многих сражениях и беря силой города и замки.

17. О смерти императора Гамилькара

Император Гамилькар, завоевав всю землю и управляя ею как своей, отправился в Сигуэнсу, жители которой оказывали ему неповиновение своей дружбой с римлянами с тех пор, как прознали, что он подошел к их землям и окружил их. Из Сигуэнсы послали за друзьями и соседями, и они поняли, что их просят о помощи; и пришла к ним великая помощь от тех и от других, которые обитали там намного дольше, чем римляне. Жители Сигуэнсы, узнав наверняка, что им послали помощь и что те, отлично оснащенные, уже подошли близко, послали сказать им, что сами выступят против войска Гамилькара и начнут биться с ним, и чтобы те приходили без всяких сомнений и напали на войско с другой стороны, и таким способом они победят его. Так они и поступили. Одни вышли из Сигуэнсы и ударили по войску пришедших из Африки, а тут внезапно стали наступать и другие. Так они одержали победу и убили императора

¹ Карфон (или Каргон), искаж. Муттон, имя отца Дидоны по Помпею Трогу; изменено хронистами, чтобы дать непротиворечивую этимологию названию города.

² Согласно древним историкам, первое имя Дидоны — Элисса, было дано ей от рождения. Как у многих мифологических героев, второе имя легендарной царицы — Дидона («блуждающая») — связано с ее судьбой и деяниями. Оно было присвоено ей то ли ливийцами, то ли карфагенянами уже после смерти царицы.

Гамилькара,¹ а все остальные из его войска были либо убиты, либо взяты в плен; так был возмещен тот огромный вред, который был причинен Испании выходцами из Африки.

18. О деяниях, совершенных Гамилькаром до его смерти

Этот император Гамилькар, о котором мы ведем рассказ, был человеком, совершившим величайшие деяния: он побывал в Италии, оказывая помощь Таренту, Апулии и Сардинии и всем другим, кто воевал с римлянами. И так он желал причинить им вред, что не стал соблюдать мирный договор, который был заключен между ними; он нарушил его и сразился с ними, был побежден и вернулся побежденным и потерпевшим неудачу в Африку. У этого Гамилькара было четыре сына: первого звали Ганнибал, второго — Гасдрубал, третьего — Магон, четвертого — Аннон, а также была у него дочь, которая была замужем за кем-то из его родичей тоже по имени Гасдрубал. Когда Гамилькар вернулся из Италии в Африку, как вы о том слышали, его сыновья были еще маленькими, и даже старшему из них, Ганнибалу, было не более девяти лет; однако, невзирая на это, так велика была нелюбовь, которую император Гамилькар испытывал к римлянам из-за поражения, ими нанесенного, что заставил поклясться перед алтарями этого своего сына Ганнибала, хоть он и был еще ребенком, что он никогда не заключит с ними мира. И когда он отправился в Испанию, как вы о том слышали, то оставил его и остальных сыновей, так же, как и всю империю, на попечении своего зятя Гасдрубала. И когда стало известно, что Гамилькар мертв, а сыновья его еще слишком малы, дабы идти мстить за него, отправился туда его зять Гасдрубал.² Он пришел в Испанию с большими силами и поднялся вверх в Картахену, сделал ее своим городом; и оттуда стал ходить походами по всей стране и усмирять тех, кого захватил Гамилькар, и стараться завоевать их вновь. И однажды, когда он перемещался таким образом по стране, желая добраться до того места, где был убит Гамилькар, его свекор, чтоб отомстить за него, случилось ему убить на дороге, по злому умыслу, высокородного испанца; тогда один из людей убитого, очень горя о смерти своего сеньора, отважился проникнуть к нему и убил его.³ Так погибли в Испании свекор и зять. Когда об этом прознали в Африке, то сильно опечалились из-за этого

¹ Битва при Сигуэнсе произошла в 228 г. до н. э.

² Исторический Гасдрубал очень успешно завоевывал Испанию и даже 8 лет был, по сути, ее единоличным правителем.

³ Гасдрубал был убит в 221 г. до н. э. рабом-кельтом. Данная интерпретация близка версии, изложенной Полибием во «Всеобщей истории».

и захотели пойти и отомстить за него; но Ганнибал, их правитель, пока был так мал, что решили они, что еще не пришло время, когда он мог бы совершить подобное, и до тех пор, пока не исполнилось ему 20 лет, не было между ними ни войны, ни мира. Однако в течение этого времени люди из его рода помогали ему управлять королевством и обучали его тому, как он должен поступать, когда придет ему время править, и как отомстить за отца. Возможно, они не воевали с народами Испании потому, что так была велика ненависть их к римлянам, что они беспрестанно воевали с ними и причиняли им столько бед, сколько могли.

19. О том, как Ганнибал пришел в Испанию и разрушил Сигуэнсу

Как рассказывают истории Африки,¹ когда Ганнибалу исполнилось двадцать лет, он вспомнил о смерти своего отца и о том, как поклялся ему, что никогда не допустит мира с римлянами, и посчитал он, что, отправившись в Испанию, осуществит сразу две вещи: отомстит за отца и завоюет страну, лишив римлян великой помощи. Порешив так, он собрал большое войско и вторгся в Испанию; поднялся вверх до Картахены и затем двинулся прямо на Сигуэнсу; те же испанцы послали сообщение об этом римлянам, беспокоясь о том, чтобы им выслали помощь. Когда римляне об этом прознали, они очень разгневались и послали передать Ганнибалу, чтобы он снял осаду с города, а также послали сказать африканцам, что советуют им сняться и уйти оттуда, не причиняя городу большого вреда. Однако он не пожелал так сделать и так долго держал окружение, что довел их до того, что у них совсем не осталось пропитания. И когда осажденные поняли, что никоим образом не смогут вынести этого, то приняли согласное решение, что лучше умертвить своих друзей, чем видеть, как их убьют и пленят враги. Тогда они убили своих родителей, своих детей, своих жен, своих друзей, то есть всех тех, кто не мог помочь с оружием в руках, и подожгли город. Из города вышли все защитники и нанесли войску огромный урон, в итоге все они там погибли. Ганнибал вошел в город, разрушил его до основания и весь его уничтожил.

20. О чуде, случившемся в Сигуэнсе

История рассказывает о чуде, которое случилось в Сигуэнсе перед этим и вследствие чего горожане поняли, что нападающие разрушат их город; там жила одна женщина, которая родила, и дитя, которое уже вы-

¹ Осада Сагунта (исп. Сигуэнсы, 218 г. до н. э.) Ганнибалом подробно описана Ливием в «Истории Рима от основания города» (*Liv.* 21).

шло из тела матери, развернулось другим концом и влезло вовнутрь; и этот знак так сильно напугал жителей города, что поняли они, что будут они все уничтожены.

21. О деяниях Ганнибала в Испании

События в Сигуэнсе, о которых вы слышали, произошли в 535 год от основания Рима и в 290 год от начала правления консулов, в то время, когда обязанности консулов исполняли Корнелий и Минуций. Тогда и произошло так, что город был лишен поставок продовольствия и взят через восемь месяцев после начала осады. После того как Ганнибал совершил это, великий страх охватил всех испанцев; он же послал во все крепости и города требования и угрозы, дабы они сдались ему, и большинство из них так и поступило. А он, решив, что уже отомстил за смерть своего отца, вспомнил о данной им клятве никогда не иметь мира с римлянами и, не желая более задерживаться в Испании, поставил наместниками над ней своих братьев: одного звали Гасдрубал, а другого — Магон. Испанцы очень обрадовались этому, поскольку был он человеком сильным и смелым и очень сильно желал разрушить их землю, однако они очень огорчились из-за его братьев, оставленных им, но, так как никто не мог ничего поделаться, им лишь оставалось терпеть. А Ганнибал, наставив своих братьев, как управлять этой страной, взял всех тех, кого привел с собой из Африки, и испанцев, сколько мог, и выступил против римлян.

22. О сражениях Ганнибала с испанцами и римлянами до его возвращения в Африку

С того момента, как Ганнибал ушел из Африки, и до его возвращения туда он дал пятнадцать сражений. Первое из них произошло в Испании, когда он разрушил Сигуэнсу, как вы о том слышали. Второе он дал, переходя через Пиренеи, когда сразился с французами и победил их. Третье сражение случилось близ реки Тицин, когда он бился со Сципионом, консулом Рима, и победил его, и был там разбит Сципион и погиб бы, если бы не спас его сын, Сципион Младший, которому был тогда 21 год.¹ Четвертая битва произошла с этим самым Сципионом на реке Треббии, и Ганнибал победил в ней. Пятая битва произошла на той же реке с другим

¹ Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235—183 гг. до н. э.) — римский политический военный деятель. Активный участник Второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) в Испании и Африке, победитель Ганнибала. О его жизни хроника сообщает довольно подробно (см. ниже гл. 28—40).

консулом по имени Семпроний, и, хотя Ганнибал победил, он был ранен в глаз, так что потом после бедствий, перенесенных в Апеннинах из-за великой стужи и сильной бессонницы, он его потерял. Шестое сражение случилось около Тразименского озера, близ реки под названием Сарно, с другим римским консулом по имени Фламиний, и в нем победил Ганнибал; и это была знаменитая битва, поскольку там погибло 25 тысяч римлян, шесть тысяч захвачено в плен и был убит сам консул. Это была такая кровавая битва, что там погибло более 12 тысяч воинов, пришедших с Ганнибалом. Седьмое сражение произошло в районе Канн, расположенных в Аппулии; оно было с римскими консулами Эмилием и Варроном, и там одержал победу Ганнибал, погибли консул Эмилий и еще двадцать знатных мужей; а также из тех, кого называли сенаторами, было убито и взято в плен тридцать человек, из знатных воинов — триста, из рыцарей — три тысячи и одиннадцать тысяч отлично вооруженных пехотинцев. Варрон же бежал в Венецию с 500 рыцарями. После двух этих битв и других, в которых, как вы слышали, одержал победу Ганнибал, он послал в Африку три мойо¹ колец из золота, снятых с пальцев убитых сенаторов и других знатных римлян, поскольку в те времена никто не мог носить золотого кольца, если он не был человеком высокородным и главным над рыцарями. Так были напуганы римляне этой последней битвой, что немедленно собрались покинуть Рим и Италию и готовы были отправиться искать землю, где могли бы жить, однако Сципион Младший, о котором вы уже слышали, убедил их не делать этого. Восьмая битва была с Клавдием Марцеллом, консулом Рима; войско Ганнибала было разбито, но он не ушел отсюда. Девятое сражение произошло в Италии с Центением Пенулой, который был предводителем² ста рыцарей и просил римлян передать ему власть, дабы пойти сразиться с Ганнибалом; ему дали восемь тысяч рыцарей, и он пошел биться с ним, но Ганнибал победил его, убив его самого и всех его рыцарей. Десятая битва была с римским полководцем Гнеем Фульвием, и победил Ганнибал; Гней потерял там все свое войско и сам едва спасся бегством. Одиннадцатое сражение произошло с тем же Гнеем и трибунами Рима, победил Ганнибал и погиб там Гней и с ним одиннадцать военачальников. Двенадцатая битва была в Ломбардии с консулом Марцеллом: в первый день не победил никто, во второй — победил Ганнибал, в третий — был побежден он сам. Тринадцатая битва случилась в Италии с Клавдием Марцеллом, и победил Ганнибал, а Клавдий Марцелл и все его войско погибли. Четырнадцатое сражение состоялось в Италии с Марцеллом и Криппинном, консулами Рима; Ганнибал убил

¹ Исп. *тоуо* — мера емкости для измерения веса, производная от модия (модиус) — римской меры сыпучих и жидких тел.

² Кастильские хронисты убирают, видимо, вполне осознанно римскую должностную гражданскую и военную терминологию, сохраняя лишь некоторые термины, как, например, консул. В данном случае имеется в виду «центурион», глава отряда из ста воинов.

обоих. Пятнадцатое — с консулом Семпронием, Ганнибал одержал победу, и Семпроний бежал в Рим. Однако сейчас история прекращает свой рассказ об этом и возвращается к повествованию о том, как в Испании установилась власть римлян.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ГОСПОДСТВА, КОТОРОЕ ОБРЕЛИ В ИСПАНИИ РИМЛЯНЕ

23. Как власть римлян утвердилась в Испании

Древние истории рассказывают, что римляне стали хозяевами всей страны благодаря трем вещам: во-первых, благодаря знанию, во-вторых, потому что у них были хорошие правители, в-третьих, из-за терпения. Дело в том, что это были люди, обладавшие многими знаниями и прекрасно ими пользовавшиеся; у них хватало мудрости объединять большие владения, дабы управлять ими так, как им нужно; они научились узнавать о вещах раньше, чем они случались; они делали свои дела с разумением и великим успехом; они также были лучшими правителями в мире и теми, кто лучше всех мог возглавить своих людей и повести их за собой; если случалась война, то они могли переносить бедствия лучше других народов; вот поэтому они умели завоевывать земли и устанавливая там свою власть. Поначалу они не стали захватывать Испанию силой оружия, а делали это узами дружбы, которыми связали себя с некоторыми из ее народов. В год, когда была разрушена Сигуэнса, как об этом было сказано выше, консулом Рима был один человек по имени Корнелий Сципион, отец Сципиона Младшего, которого потом называли Африканским, как вы услышите позже. Это прозвание имели все мужчины этого рода, и были они самыми могущественными людьми в Риме, поэтому, каким бы другим именем они ни звались, их все равно называли этим прозвищем «Сципион», вот почему все их звали Сципионами. Старшим в этом роду был тот, имя которого было Корнелий Сципион, консул Рима; у него было два брата и сын, юноша двадцати одного года, и когда он был побежден Ганнибалом, именно этот сын вынес его из битвы; и также произошла еще одна битва с ним, почти три года спустя, в сражении около реки Треббии, где он был очень хорош; также славно он бился в другом сражении, когда римляне были побеждены в землях Апулии в районе Канн, где погибло столь много достойных римлян, что проживавшие там приняли решение покинуть свою землю и уйти из нее, согласно тому, как рассказывает история, чего так и не сделали из-за этого Сципиона Младшего. Он же хотел было снова двинуться в Испанию против африканцев, когда пришло сообщение римлянам о том, что Ганнибал не желает снять осаду с Сигуэнсы; он уже двинулся туда с большим количеством всадников и пришел бы быстро им на помощь, если бы не встретились ему на пути посланники, поведавшие,

как Ганнибал разрушил Сигуэнсу и как она пала. После этого они решили вернуться, поскольку поняли, что Ганнибал ведет с собой такие огромные силы африканцев и испанцев, что стоило бы лучше обратить против него всю мощь Рима целиком, нежели по частям. Посему они повернули обратно, а потом произошли те сражения, о которых вы слышали, однако со всем этим они не забывали о разрушении, учиненном Сигуэнсе. А в Испанию послали другого Сципиона, старшего брата консула Корнелия; другой же его брат пошел с ним, возглавляя рыцарей, посланных из Рима.

24. О деяниях, совершенных двумя братьями Сципионами

Как-то войско римлян, где служили военачальниками два Сципиона, о коих мы ведем речь, должно было пересечь земли, которыми владела Франция, но ее люди отличались столь великой силой, что дерзнули сразиться с Ганнибалом и всей его мощью, а затем вступили в большую войну с римлянами, причинив им такой великий вред, что те не решились послать свои силы в Испанию; однако все же они не смогли помешать этим Сципионам пройти по французским владениям. Перейдя через Пиренеи близ горы Аспе и войдя в земли Верхней Испании, они спустились в долину у берегов Эбро. И тогда принялись они улаживать местных жителей посулами и добрыми делами, чтобы они пошли с ними, и таким образом переубедили большую их часть; тем, с кем получилось уладить дело дружбой, они не хотели причинить зла, а остальных поубивали и изничтожили, скольких смогли.

25. Как Сципионы сразились с Магоном, братом Ганнибала, и как они пленили его

Спустя 537 лет от основания Рима Сципионы вошли в Испанию во главе римских войск. В то время правителями страны были Гасдрубал и Магон, братья Ганнибала, оставившего их вместо себя, когда он ушел отсюда, как вы слышали раньше; узнав о том, что римляне вошли в Испанию, Гасдрубал, бывший старшим из правителей, послал своего брата Магона, властителя Картахены, которая в то время была крупным городом, с большими войсками из Африки и Испании, сразиться со Сципионами в землях Кельтиберии, что рядом с Эбро. Римляне, придя туда в большом гневе из-за разрушения Сигуэнсы и прочих бед, причиненных им Ганнибалом, преисполнились отваги и сражались с большим мужеством; и одержали победу над африканцами и испанцами, пленив Магона; многие были там убиты и захвачены в плен, остальные же бежали. Так римляне завладели большей частью страны.

26. Как Гасдрубал сразился с римлянами и был побежден

До Гасдрубала, брата Магона, дошли новости о том, что римляне победили того и пленили и что многие из его людей были перебиты; он, услышав об этом, сильно огорчился, собрал большие силы из африканцев и испанцев и пошел на них; они бились много дней, потому что никак не могли одолеть друг друга. Наконец римляне поняли, что неоткуда им ждать помощи и что они находятся в чужой стране, и преисполнились их сердца желания либо победить, либо умереть; и так отменно они сражались, что был побежден Гасдрубал, убиты 35 тысяч человек из его войска, а сам он скрылся по счастливой случайности и спрятался в самой глупи Испании. Римляне же начали захватывать земли, одни — миром, другие — силой. Так, например, они нашли на берегах Эбро много отменных рыцарей, и подчинили их себе, и сделали им много добра; к тому же те поняли, что разумней иметь дело с римлянами, каковые есть часть Европы, нежели с теми, кто пришел из Карфагена, что находится в Африке. В конце концов, римляне, сделав их своими сторонниками, двинулись оттуда дальше и вошли в Испанию, вернули Сигуэнсу и другие места, ранее утраченные, а также завоевали еще и другие, которые ранее не завоевывали.

27. Как были разбиты римляне и убиты оба Сципиона

Гасдрубал со своей стороны не прекращал подготовку к сражению с ними и вновь послал в Африку за огромным войском и собрал воедино испанцев, которыми правил и которых было великое множество, и таким манером двинулся против римлян; и сумел это проделать с таким коварством, что никто не прознал о приказе, пока он не подошел к ним. Меж тем у Сципионов не было их людей рядом, так как они разошлись по всей стране в одну и в другую стороны; однако они и те, кто остался, не могли избежать боя, иначе бы их заподозрили в трусости; и, хотя их было намного меньше, чем людей Гасдрубала, они не стали из-за этого отказываться от сражения с ним. До того, как произошла эта битва, Сципионы обратились к римлянам, дабы напомнить им о принятом у них соглашении, согласно которому ни один римлянин, вступивший в битву, не должен попасть в плен, а во всех случаях либо победить, либо погибнуть. И те, сражаясь, бились так стойко, что зачастую битва словно бы застыла в равновесии и многие погибали и с той, и с другой стороны. Однако Гасдрубал, увидев, что его люди превосходят тех числом, послал окружить их всех и перебить, так что никто не смог выбраться, и оба Сципиона пали там. Остальные римляне, рассеянные по стране, прознав об этом, не решились объединиться, чтобы биться с ними, а предпочли попрытаться по замкам и крепостям, завоеванным ими и бывшими на их стороне,

сообщив Риму о бедствиях, которые им выпали, и прося прислать им помощь и полководца. В тот момент, когда их послание отправилось в Рим, Магон вышел из темницы и сделались они с Гасдрубалом хозяевами этой земли; принялись они перемещаться по Испании и разорять всю землю, подобно тому как саранча уничтожает все плоды, и тем самым забрали всю страну под свое господство больше силой, нежели миром. Однако сейчас история прекращает свой рассказ о них и возвращается к повествованию о том, как римляне послали в Испанию Сципиона Младшего.

28. О совете, который Сципион Младший дал римлянам

По прошествии 540 лет от основания Рима Ганнибал одержал победу в Апулии, в районе Канн, и так велика была погибель среди римлян, что было бы очень тяжело вести рассказ о том, как погиб там весь цвет рыцарства;¹ оставшиеся же пали духом, опасаясь, что не смогут защитить свою землю, и приняли решение оставить ее и поискать другую землю, где они могли бы поселиться. Когда все согласились с этим решением, поднялся Сципион Младший, сын Корнелия Сципиона, консула, и вытащил свой меч, вскричав громким голосом, что все, кто принял такое решение, совершают предательство, ибо не может Рим остаться без защиты, и поскольку все другие его не защищают, то с этого момента и впредь он берет на себя всю заботу и ответственность по его защите. Римляне, услышав это, обрадовались, поскольку восприняли это как исходящее от Бога, и не нашлось там никого, кто бы воспротивился; и тогда он заставил всех дать клятву, что они помогут ему защищать Рим и его власть и что они будут подчиняться ему во всяком деле; также сам он дал клятву, что либо защитит их, либо умрет за них, а всякому, кто захочет воспротивиться сказанному, он в этом самом месте снесет голову этим самым мечом. Таким образом римляне, частью из-за большой тревоги по поводу зла, причиненного им Ганнибалом, и дурных вестей, что пришли из Испании о смерти обоих Сципионов, частью из-за того, что увидели проявленные им пыл и бесстрашие в стремлении оберегать их, согласились со всем, что он пожелал. Он же задумался о тех великих войнах, которые угрожали Риму с пяти сторон: одна — со стороны Греции, с Филиппом, королем Македонским,² вторая — со стороны острова Сардинии, третья — с острова Си-

¹ В тексте: *toda la flor de la caualleria*; здесь и далее хронисты используют понятие *caballeria* не только для обозначения римских всадников и конницы (исп. *caualliero* — это всадник и рыцарь, с которым он отождествляется по своей функции), но и в средневековом значении «рыцарства».

² Филипп II (382—336 гг. до н. э.) — царь Македонии в 359—336 гг. до н. э., отец Александра Македонского.

цилия, четвертая — с Ганнибалом, которого они никак не могли изгнать из своей страны, и пятая — в Испании с Гасдрубалом и Магоном, которые убили Сципионов и великое число римских рыцарей, а также захватили всю оставшуюся часть страны; и показалось ему очень тяжким бременем в момент, когда власть их так пошатнулась, собрать пять огромных армий, дабы послать их воевать в каждое из этих мест. В итоге повелел он собрать всех римлян, чтобы устроить им смотр и понять, каковы они числом, а увидев, поделил их на пять частей, назначил военачальников и принудил каждого из них тянуть жребий, как это было у них заведено, чтобы определить, кто куда пойдет; но никто не отваживался идти в Испанию. Жребий, выпавший самому Сципиону, велел ему идти сражаться против македонцев, однако, когда он увидел, что никто не отваживается идти в Испанию, сказал всем следующее: из-за тяжелого положения в связи с тем, что никто не желает идти в Испанию, туда отправится он сам и поступит таким образом, во-первых, из-за данного им обещания защищать их, во-вторых — дабы отомстить за смерть своего отца и своих дядьев. Римляне, услышав это, возблагодарили его, так как поняли, насколько возросли в нем такие добродетели, как превосходство и честь. Однако, оценив все, в чем они нуждались, поняли, что им не хватает трех вещей: первое — не было у них по подсчетам достаточного изобилия в людях, которых они хотели отправить; второе — не хватало для них оружия; и третье — не было у них средств для платы рыцарям и другим служилым людям, там собравшимся. Тогда Сципион сказал, что даст им совет, если они все ему доверяют и, в свою очередь, исполнят все, что он им скажет. И повелел он им привести столько рабов, сколькими они владеют и сколько достигло взрослого возраста, отобрал из них тех, кто был пригоден воевать, и отпустил их на волю. И сказал им, что опускает их на волю с умыслом — отомстить за Рим или умереть за него. Так же поступил он со всеми, кто был изгнан из Рима, и с разбойниками на дорогах — всех их он простил и собрал вместе; таким образом, он набрал столько людей, сколько им требовалось. Что же до оружия, которого им недоставало, то повелел он взять все, что найдется, в храмах и в домах людей старых и немощных, и это было выполнено. Для платы рыцарям он приказал забрать все сокровища из храмов, а также все предметы из золота и серебра, какие найдутся в домах горожан, так что у них не осталось ничего, кроме нескольких украшений из унций золота и фунтов серебра для их жен и дочерей или брошей с их гербами, которые они носили на груди. Так войска Рима были снабжены людьми, имуществом и оружием и всем, в чем они нуждались. Сципиону было 24 года, когда он дал римлянам советы, о которых вы слышали; у римлян же был обычай, которым они пользовались всегда, когда посылали кого-либо завоевывать какую-либо землю: если человек этот имел почетную должность и они видели, что он заслуживал большего, то повышали его в должности, если же не имел вовсе, то ему давали ее. Когда этого Сципиона посылали в Испанию, он был трибуном,

и тогда, поняв, что он годится для большего, его сделали проконсулом и дали ему командовать войском, которое он повел, и велели им подчиняться ему как своему господину.

29. Как Сципион уничтожил флот Ганнибала

После того как Сципион завершил все приготовления, он задумался, каким образом можно было бы причинить больше вреда врагам Рима. Он обнаружил, что африканцы владели портом, занятым их флотом так, что никто не мог подойти к городу морем, и еще охраняли его с помощью дозорных и разведчиков так, что едва ли мог кто-либо приблизиться к нему и навредить; увидев это, он понял, что нельзя взять эти корабли никак иначе, нежели хитростью. Он приказал вырыть ходы под землей, чтобы они выходили наверх около кораблей, дабы в нужный момент напасть на них и разрушить их, прежде чем на кораблях схватятся. Как он повелел, так и сделали. В тот день по его приказу изготовились те, кто должен был идти подземными ходами, он же с рыцарями двинулся по суше и с рассветом они напали на флот, так что убили и захватили всех в плен, а корабли взяли себе. А поскольку флот был снаряжен всем необходимым, Сципион поставил над ним адмирала, капитанов и еще других людей, сколько он полагал необходимым; когда все было улажено, дал им указания, в какой день надлежит им прийти морем в Картагену, куда сам он прибудет по суше. Осуществив все это, Сципион вернулся в Рим и разделил всех пленников и всю добычу, им захваченную, таким образом, что все получили плату и с превеликим удовольствием пошли с ним и служили ему. Уладив это дело, он вышел из Рима и взял путь на Испанию и прошел по владениям Франции столь бесстрашно, что никто не решился ни преградить ему путь, ни сразиться с ним. Подойдя к Пиренейским горам, он сумел очень быстро перейти их.

30. Как Сципион пришел в Испанию и о его делах там

В год 545 от основания Рима Сципион Младший, наделенный властью Рима, вошел в Испанию и, перейдя через реку Эбро, взял путь прямо на Картагену и пришел туда в оговоренный с флотилией день, также и они пришли туда к нему. Но Магон, брат Ганнибала, бывший правителем Картагены, имел при себе множество рыцарей из африканцев и испанцев, ибо слышал разговоры о том, что придут римляне с большим войском; а поскольку он слышал, что они придут совсем скоро, то послал за еще большей силой, и приехали к нему рыцари из разных мест.

Как только войска его соединились, он выставил своих воинов против римлян, расположившихся близ Картахены; произошла битва, и было это сражение очень кровавым, длилось оно больше половины суток, однако в итоге победили римляне, а Магон был захвачен в плен. Сципион же в сопровождении остальных двинулся в сторону города, и, когда он пришел туда, подошли те, кто прибыл с флотом, и они все вместе ворвались в город, поубивали и пленили всех, кого могли, и захватили бывшие там великие сокровища, принадлежавшие всем императорам из Африки: золото, серебро, драгоценные камни и другие предметы, достойные того, чтобы захватывать и защищать страну. После того как все это было завоевано, прибавилось жалование и довольствие у всех, кто находился там с ним; Магон вместе с другими знатными людьми, захваченными в бою и в городе, был под охраной отправлен в Рим; также отправили им их имущества, что было там захвачено, и еще послали туда высокородных и прекрасных дам, так что, когда об этом прознали в Риме, то возвеселились очень сильно, придя от этого в восхищение. Однако насколько их это обрадовало, настолько же огорчило Ганнибала, когда он узнал об этом, ибо очень огорчился из-за своего плененного брата и потому что показалось ему, что он потерял Испанию. К тому же Сципион, который жаждал завоевать Испанию и забрать ее у врагов, принялся перемещаться по ней, сколько мог, и тогда стали сходиться к нему остальные римляне, бежавшие из того сражения, в котором погибли его дядья Сципионы, и укрывшиеся в крепостях городов и в замках его сторонников. Также присоединились к нему рыцари из Кельтиберии, те, что прежде имели дружеские связи с его дядьями; он встретил их очень тепло, положил им большое жалование и сделал для них много другого. Дабы выказать большее расположение к испанцам, Сципион взял всех местных пленников и вернул их родственникам даром; а остальных, родом из Африки, кои не были отправлены в Рим, приказал всех продать. Среди пленников родом из Испании была одна юная девушка, отличавшаяся красотой и знатностью рода, и так как она должна была выйти замуж, отец, мать и другие ее родственники стремились вернуть ее и обещали Сципиону дать за нее большой выкуп, и он согласился на это. После того как выкуп был отдан, он послал за тем, кто должен был жениться на ней, а был это человек очень высокого рода, и он был обручен с ней еще до ее пленения; когда же собрались вместе ее отец, мать, жених и остальные родственники, он отдал им девицу и устроил так, чтобы они там сразу же обвенчались, а весь выкуп, полученный за нее, подарил им обоим на свадьбу и, кроме того, оказал им немало почестей во время свадьбы. Благодаря тому, как он поступил с ними, все родственники жениха и невесты устроили дело так, чтобы еще больше лучших людей Испании перешли к нему и оставили Гасдрубала, а также сделали так, чтобы к нему вернулись многие города и замки и все остальное на этой земле: часть в битве, но большая часть полюбовно.

31. Как Гасдрубал сразился со Сципионом и был побежден

Гасдрубал, коему принадлежала большая часть Испании, когда прознал о поражении и пленении своего брата Магона, был сражен этим известием в самое сердце и сумел собрать великую силу, дабы отомстить за него, рассчитывая, что все произойдет так же, как в тот другой раз, когда он сразил Сципионов; ведь он знал, что их двое, как и тех прежде, и что старшего зовут Корнелий Сципион, как и его отца, и в конце концов отважился выступить против них. Однако Сципион, страстно желавший встретиться с ним, не успокоился, пока не оказался рядом с ним. А потому его войска встали повсюду, наилучшим образом сообразуясь между собой, и вступили в бой; и произошла великая битва¹, поскольку каждый из вождей бился изо всех сил до победы; в последний же момент римляне и воевавшие на их стороне испанцы собрали все свои силы и африканцы были разбиты. Гасдрубал бежал с поля боя, и были убиты многие из его войска, а другие были взяты в плен, так что лишь немногие смогли спастись бегством; и была там взята богатая добыча, не считая тех, кого захватили в плен. Обо всем этом Сципион послал известие в Рим, а также отправил им очень щедрое подношение из захваченного там.

32. Как Гасдрубал отправился к своему брату Ганнибалу, а Сципион стал правителем Испании

Поскольку случилось так, что Гасдрубал, как вы о том слышали, был побежден в сражении, он не смог в силу этого покинуть земли Испании, но принялся защищать ее всеми возможными силами. Но Сципион, который был больше сведущ в военном деле и в обращении со своими людьми, сумел сделать так, что его любили, а Гасдрубала — нет; и ровно так же, как Сципион дал знать в Риме о выигранной битве и послал им многие дары и пленников, так и Гасдрубал дал знать своему брату Ганнибалу о случившемся с ним несчастье и как он был побежден; потому горечь, испытываемая Ганнибалом, была не меньшей, чем радость, охватившая римлян. И хотя мало было таких, кто мог победить Клавдия Марцелла в битве, уничтожить и разгромить войско римлян, а также сразить консула Семпрония и двух других консулов — Марцелла и Криспина, но, несмотря на это, все остальные удачи не значили для него ничего, столь велика была его скорбь из-за брата Магона, отправленного пленником в Рим, и из-за Гасдрубала, который правил Испанией как ее господин и потерял большую часть страны. И еще горевал он так сильно, так как был

¹ Имеется в виду битва при Бекуле в 208 г. до н. э.

одинок и никого из его братьев не было рядом с ним, поскольку младший его брат по имени Ганнон¹ был в Африке.

В конце концов посчитал он более уместным, чтобы кто-то из них был рядом для оказания ему помощи, а не были они разбросаны по разным местам и оказалось бы все сделанное ими под угрозой потери. Кроме того, узнал он, что все в Испании возлюбили Сципиона и разлюбили Гасдрубала и разыскивали его, дабы причинить ему зло; посему показалось ему наилучшим послать за ним, чтобы он пришел на помощь, поскольку другой брат не сочтет правильным покинуть Африку, сохраняя империю такой, какой тот ее оставил. Тогда он послал письма Гасдрубалу, своему брату, с наказом взять с собой как можно больше провизии и приехать к нему. Тот, однако, не пожелал поступить таким образом, так как стремился вновь померяться силами со Сципионом; а поскольку он никак не мог с ним сразиться, то мешал ему сколько возможно, воюя против него и докучая ему с тем, чтобы люди не возвращались к нему. Однако в итоге он не сумел преуспеть, так как Сципион всегда побеждал и завоевывал земли либо миром, либо войной. А еще прибыло туда огромное войско его брата Луция, который двигался со своей стороны, завоевывая земли, так что в тот год захватили они семьдесят из самых лучших городов Испании. И когда Гасдрубал увидел, как тем самым увеличились их владения, и никоим образом не удавалось ему справиться с ними, он собрал самое большое войско, какое смог, и двинулся к своему брату.

К тому же и африканцы, будучи близкими соседями Испании и зная о ежедневных невзгодах Гасдрубала, послали ему письма с наказом, чтобы он выполнил то, что повелел ему брат, и шел к нему; они выслали ему большие дары в виде слонов и всяких других вещей, которыми он мог располагать нужным способом. Взяв множество людей из Африки и Испании, он отправился в путь; когда он проходил по французским владениям, то забрал и этих людей, сколько смог. И таким образом Гасдрубал покинул Испанию и выступил с войском к своему брату.

33. Как римляне преградили дорогу Гасдрубалу, сразились с ним и убили его

Сципион, который был хорошо осведомлен о том, что Гасдрубал собирается объединиться со своим братом, дал знать об этом римлянам, сообщив, сколько людей он ведет и каковы его запасы, и посоветовал им перехватить его по пути, ибо, если он будет напуган, его будет легче по-

¹ Ошибка хрониста: Ганнон не был братом Ганнибала, а наоборот, являлся яростным критиком Баркидов.

бедить. И римляне, услышав это, послали двух консулов: одного по имени Клавдий Нерон и другого по имени Марк Ливий; они вышли к нему через горы в Ломбардии, называемые Альпы, и когда тот спустился в долину, вышли навстречу его войскам. Гасдрубал выставил свои войска, и они сошлись в битве; и было это сражение очень кровавым. Так как римляне не могли прорваться в ряды Гасдрубала из-за слонов, которые пугали лошадей, они собрались на совет, дабы изыскать способ, каким они могли бы помочь делу, чтобы одолеть своих недругов. Они собрали отряд рыцарей, которых отобрали заранее и которые были легкими и очень смелыми юношами, а поскольку на латинском они назывались *velocitas*, стали называть этих воинов велитами, и помощь от них происходила следующая: когда надо было вступать в битву, их вооружали и сажали позади себя на коней, и, выехав на место, они спускали их на землю, и те убивали лошадей другой стороны,¹ и таким способом римляне одержали победу. Так в тот день они победили Гасдрубала, потому что велиты убили слонов, все его войско вынуждено было спастись бегством, и сражение было выиграно. Эти конники-велиты несли при себе оружие, нарочно изготовленное для убийства слонов; оно было таким длинным, что могло ранить их между ушами в таком месте, что они умирали очень быстро, когда были ранены, или пугались столь сильно, что не отваживались двигаться вперед. Нанеся удар им таким образом, они убивали их, остальные же поворачивали назад. Вот так был побежден Гасдрубал, и пал он в этой битве, произошедшей близ реки под названием Метавр;² в том сражении из войска Гасдрубала погибло 58 тысяч человек, захвачено в плен 5 тысяч 400 человек; римские войска потеряли 8 тысяч убитыми, а когда поле было освобождено, обнаружили римляне, что осталось в их рядах четыре тысячи славных рыцарей. И тогда они испытали величайшую радость от того, что преумножили честь этим своим деянием, а еще более того обрадовало их, что, будучи числом невелики, одержали победу над теми, кого было множество. Затем они взяли голову Гасдрубала, отмыли ее и устроили так, чтобы подбросить ее к палаткам его брата Ганнибала. И когда тот увидел голову Гасдрубала и признал ее, испытал он великую боль, так как понял, сколь несчастливы теперь те, кто пришел с ним из Африки и из Испании. По этой причине вышло так, что он не стал сражаться против римлян целый год, а они с ним; а также по причине большой смертности от недугов в обеих армиях. Однако сейчас история прекращает свой рассказ о них и возвращается к повествованию о деяниях Сципиона в Испании, пока он не ушел оттуда.

¹ Хронисты дают собственную версию рассказа Орозия, согласно которой велиты пугали слонов, а убивали их наездники быстрым ударом долота между головой и шеей (*Oros.* 10—12).

² Битва на реке Метавр в Северной Италии произошла в июне 207 г. до н. э.

34. Что делал Сципион в Испании после гибели Гасдрубала

Сципион прошел по Испании, завоевывая ее, как о том поведала история, выиграл многие сражения, совершил множество завоеваний как он сам, так и его брат Луций; также заключил договоры о дружбе с теми, кого завоевал, дабы наилучшим образом могло окончиться это дело; и все тяжбы, которые у него случились, разрешил наилучшим образом. Однако тогда правил страной король (история не говорит нам его имени), который не пожелал подчиниться Сципиону; он собрал большое войско и пошел воевать со Сципионом; произошла великая битва; однако Сципион одержал победу, и заключили они между собой договор,¹ в который тот король вступил, посчитав его за благо, и Сципион принял его под свое покровительство и сделал его своим сторонником. И хотя был у римлян такой обычай, что когда они побеждали кого-либо и затем заключали договор, то брали знатных заложников из врагов, чтобы те не нарушили то, о чем они условились, столь велика была любовь, выказанная Сципионом к этому королю, что не захотел он их брать, хотя тот и желал их дать. Все это он совершил, увидев с его стороны полную преданность, ибо понял, что тот был таким человеком, с которым он сможет разделить власть над страной и иметь ее в подчинении. Как рассказывают истории, Сципион был первым правителем, доверившимся слову своих врагов и не взявшим у них заложников. Таким способом Сципион завоевал всю Испанию, от Пиренейских гор до моря на западе, и отдал всю ее под власть римлян; после того как он завершил все дела и страна успокоилась, собрал он величайшие кортесы² и заключил с ними соглашения, согласно которым они должны были жить дальше по обычаю Рима. И пребывали они в мире и согласии до тех пор, пока Сципион не ушел из страны, как вы о том сейчас услышите.

35. Как Сципион ушел из Испании и отправился в Рим

После того как Сципион совершил все эти деяния в Испании, как вы о том слышали, римляне приняли решение послать за ним; во-первых, потому было у них принято, что, когда кого-то посылали завоевывать земли, он, завоевав их, должен был вернуться, поскольку им не нравилось, что он

¹ В тексте — *adobo*.

² Очередной пример переноса средневековых реалий на политическую жизнь древности; имеется в виду собрание представителей всех сословий страны. Кортесы (*cortes*) впервые начали собираться в 1137 г. в Кастилии.

оставался там, после того как выполнил дело, ради которого был послан; а еще потому, что почитали его очень отважным и гораздо более разумным, чем кого-либо другого меж ними; и так как не было никого другого среди них, кто мог бы отомстить Ганнибалу, их самому главному врагу, от коего они получали более всего вреда, причиняемого им ежедневно. После того как Сципион получил наказ от римлян возвращаться, он, подготовившись наилучшим образом, отправился в дорогу, и вышло так, что на протяжении всего пути не нашлось никого, кто бы ему воспрепятствовал. Когда же он прибыл в город Рим, то был встречен с таким радушием и почетом, что было бы трудно это описать.

36. Как Сципион пошел в Африку, и о деяниях, им там совершенных

За несколько дней до того, как Сципион пришел в Рим, римляне собрали совет по поводу того, как бы им изгнать из страны Ганнибала, содежавшего им много дурного; и порешили они, что нет у них другой возможности, кроме как послать его воевать в Африку, ибо со своей заботой о ней он будет вынужден отправиться туда. И избрали они для этой задачи Сципиона, назначили его консулом и наказали ему, что делать дальше; он так и поступил, собрал превеликое войско и пересек море. Как только он ступил на африканскую землю, вышел к нему Ганнон, младший брат Ганнибала, который был оставлен стеречь страну во время его отсутствия; он сразился со Сципионом, был побежден и все его войско разбито, так что одни были захвачены в плен, а другие убиты. Совершив это, он прошел еще дальше вглубь Африки к стране, которая называлась Нумидией,¹ правил ею некий король по имени Сифас,² к которому на помощь подошел еще один, звавшийся Гасдрубал, оставленный Ганнибалом,³ дабы помогать поддерживать империю его брату Ганнону. Те имели при себе великое множество народа, однако все равно были напуганы новостями, которые рассказывали о Сципионе, победившем Ганнона и все его войско. Сципион, зная об этом, поджег несколько поселений, находившихся поблизости от города Утики, где он расположился и построил себе лагерь. Те, кто был в Утике, увидев огонь, подумали, что он загорелся сам по себе, поскольку не подозревали, что Сципион находится так близко от них; и тогда они, кто в чем был, вышли тушить его; и когда они его тушили, Сципион вышел из своего укрытия, напал на них, победил и убил многих

¹ Нумидия — древняя область в землях Северной Африки.

² Имеется в виду Сифакс, который женился на невесте Масиниссы и стал союзником Гасдрубала.

³ Испанский полководец Гасдрубал, сын Гискона.

из них. Однако там погибла также и часть римлян: как рассказывает история, с одной и другой стороны были убиты 11 тысяч человек. Также было захвачено в плен больше 5 тысяч африканцев, Гасдрубал бежал, он сам и его люди были ранены и получили очень тяжкие ожоги от огня; они бежали в Карфаген. Там они собрали очень большие силы, снова двинулись на римлян и вступили в бой со Сципионом. Они были побеждены и разбиты, и потеряли там убитыми и ранеными большую часть войска, приведенного с собой. А Сифас, король Нумидии, тот, о коем мы ведем речь, бежал и скрылся с двумя другими королями Нумидийского королевства, которые покинули Сципиона и пришли ему на помощь; одного из них звали Леллий, а другого — Масинисса. Когда же увидели, что они бежали, то захватили их в плен и привели к Сципиону закованными в тяжелые цепи; и Сципион отправил их потом в Рим вместе с другими пленниками и многими богатейшими дарами, которые он взял в добычу в этих землях. Так они были радушно встречены и так радовались тем, кто их доставил, что все просто диву давались. Теперь, однако, история оставляет свой рассказ об этом и возвращается к повествованию о том, как Ганнибал вернулся в Африку и как он встретился со Сципионом.

37. Как Ганнибал вернулся в Африку и как он встретился со Сципионом

В африканских землях все очень огорчились из-за двух сражений, в которых победил Сципион, как вы о том слышали, и поняли, что они не смогут справиться с ним, избежав поражения, и могут потерять свою землю. Тогда они приняли решение послать за Ганнибалом, разъяснить ему, как обстоят дела, и просить его вернуться; так они и поступили, отправив ему свое послание. Он же, увидев его, огорчился сверх меры, во-первых, из-за великого вреда, причиненного африканцам, во-вторых, из-за необходимости покинуть это место, где он мог причинять вред римлянам, самым большим врагам, которые у него когда-либо были. Однако понимая, что решение было верным, он его исполнил; но прежде чем уйти из страны, он обратился с просьбой к италийским рыцарям, бывшим его вассалами, чтобы они отправились с ним. Они же отказались так сделать, и тогда он приказал обезглавить их всех, дабы они не могли оказать помощь его врагам. Исполнив это, он покинул страну в слезах и печали; когда он плыл по морю, то велел моряку, чтобы он следил, не появится ли где-то земля, а когда он ее увидит, пусть бы сообщил это; тот так и поступил, и сообщил, когда увидел землю, тогда Ганнибал приказал ему залезть на верхушку мачты и хорошенько рассмотреть, что за землю он видит или какого она вида. Тот ответил, что он видит камень, врытый в землю наподобие могильного. Когда Ганнибал услышал об этом, то посчитал это дурным предзнаменованием и сильно был огорчен этим и повелел напра-

вить корабль к другому месту. Они пристали рядом с замком, именуемым Лептин; там Ганнибал и расположил свои войска. Собрав их все при себе, он двинулся к Карфагену. Африканцы, узнав об этом, сильно обрадовались, вышли к нему и проводили его в Карфаген; взяв там огромное войско, он пошел на Сципиона.

38. Как Ганнибал сражался со Сципионом, и как он был побежден

В то время как африканцы послали за Ганнибалом, они договорились со Сципионом о том, что будут выплачивать Риму ежегодно 500 тысяч фунтов серебром и освободят всех пленников, подвластных Риму, и ограничат свой флот на море тридцатью кораблями. А так как Сципион им ответил, что не может договариваться об этом до тех пор, пока ему не предоставят такое право римляне, то они согласились, что за срок в сорок пять дней, необходимый ему для того, чтобы посланники могли съездить в Рим и вернуться, они дадут ему 30 тысяч фунтов серебром. После того как они заключили договор и скрепили его подписями, прибыл Ганнибал, и, узнав о том прошении, которое они подали, повелел им не исполнять договор, сказав, что заключит с ним лучшее соглашение, нежели то. Они поверили ему и послали предложить Сципиону другое соглашение. Когда он о том услышал, то сильно разгневался и сказал, что никогда не выполнит условия первого соглашения, если ему не выплатят 100 тысяч фунтов в добавление к обещанному ранее. Они обсудили это на совете и сказали Ганнибалу, что более подходящим было бы отважиться и сразиться с ним, а не выплачивать ему выкуп; ведь если они станут сражаться, то может случиться, что они одержат победу, а если отдадут ему выкуп, то окажутся, как понятно, побежденными и принужденными пребывать в рабстве и отдавать все, что они имеют. Также африканцы порешили, чтобы о наказе, данном Ганнибалу, он самолично сообщил Сципиону. История рассказывает, что когда он ему сообщал о решении, то они были наедине, и никого другого там не было; и когда Сципион услышал эти слова и понял, что они не соблюдают первый договор и не желают выполнять второе соглашение, то страшно разгневался и очень долго смотрел на Ганнибала, а тот — на него, так что, выйдя оттуда, они разошлись врагами. Затем Ганнибал послал трех всадников к войскам Сципиона, дабы разузнать, сколько у него сил и что он задумывает совершить против него. В то время у Сципиона находился король Нумидии, которого звали Масинисса и который пришел к нему на помощь; он схватил этих трех рыцарей, посланных Ганнибалом за сведениями, пленил их и привел к Сципиону. Когда он их увидел, то обрадовался им сильно и повелел провести их по всему войску, чтобы они все хорошо рассмотрели и оценили; после того как это было сделано, он велел им как следует поразмыслить и отправил их обратно

к Ганнибалу, наказав сказать ему всю правду об увиденном; так они и поступили. И хотя они описали Ганнибалу, сколь велика мощь римлян, тот не прекратил из-за этого сражаться с ними; и произошла на следующий день столь великая битва,¹ что, согласно рассказанному в историях, никогда прежде не случалось такого сражения, и многие там были убиты, так как длилась она с утра и до вечера. И хотя Ганнибал со своими сильно сопротивлялся, в конце концов они были разбиты; и оказалось там убитыми из его войска 20 тысяч и пятьсот человек. Столь великие усилия приложили римляне, чтобы одержать победу в этом сражении, что обнаружилось там захваченными в плен или убитыми восьмьдесят слонов Ганнибала; а также осталось от его войска 20 тысяч фунтов серебра, 80 тысяч фунтов золота, остальных же драгоценностей там нашли столько, что трудно было бы описать. Кроме того, сам Ганнибал, который бежал из битвы, будучи большим знатоком военного дела, всегда занятый им и прошедший множество походов, удачных и нет, хорошо знал, что отныне и впредь не суждено ему больше никогда выступить против римлян и отомстить им за причиненный ему ущерб. В конце концов, отчаявшись, он бежал один, не захотев взять с собой более четырех конников. Сбежав таким образом, он той же ночью прибыл в город под названием Гадрумет,² в одном дне пути от Карфагена. И случилось так, что в день, когда он пришел в Карфаген, ему исполнилось тридцать шесть лет от роду, ушел же он оттуда двадцати лет от роду; и он был очень огорчен тем, что, выходя, он был знаменит тем, что рядом с ним были самые доблестные рыцари, много людей именитых и из разных народов, а возвратился побежденным и с четырьмя всадниками. Когда же те, кто остался в Карфагене, спросили его, что им делать, он ответил, что не видит другого выхода, кроме как заключить мир с римлянами и договориться с ними; так и поступили. И пришли они к соглашению на основе того последнего договора, который Сципион требовал от них перед битвой. После того как мирные соглашения были подписаны, африканцы выплатили римлянам выкуп, о котором уже слышали, и сожгли затем на их глазах более пятисот кораблей, чтобы не было у них больше кораблей, с которыми они могли бы воевать, и так они оказались в подчинении и управлении римлянами, попав под их владычество. Так Сципион завладел Африкой, завоевал ее и обратил ее под власть римлян, чего не бывало никогда прежде. Совершив все это, он оставил страну на попечение хороших военачальников для ее защиты, взял самых родовитых из тех людей, что были взяты в плен, а также другое имущество и многие диковинные богатства и забрал все это с собой. А кроме того, взял он с собой еще нечто, чем сильно порадовал граждан Рима: и был это философ по имени Теренций, который сочинил много хороших книг и, особенно, ту, где рассказывается об «Андриянке»,

¹ Битва при Заме (19 октября 202 г. до н. э.)

² Нынешний Сус, а тогда один из крупнейших городов карфагенской империи.

и другую — об «Адельфах».¹ После такого удачного похода консул Сципион возвратился в Рим. И так его там хорошо принимали, что нигде в мире не могли бы сделать это лучше; и за его удачный поход стали его в дальнейшем звать Сципионом Африканским. Однако теперь история прекращает рассказ о нем, чтобы поведать о том, как Испания поднялась против Рима после того, как он покинул ее.

39. Как Испания поднялась против Рима после того, как Сципион покинул ее

Раньше вы слышали, как Сципион ушел из Испании, после того как отдал всю ее под власть римлян, и отправился в Рим; однако, как только испанцы узнали о произошедшем в Африке, порешили они, что никогда более он не возвратится к ним. А так как другие римляне, которые жили у них, не выказывали им ни чести, ни расположения подобно Сципиону, они отделились от них, и снова восстали, и принялись с ними воевать. Когда о том прознали римляне, они послали в Испанию своего судью² по имени Марк Фульвий,³ который сразился с ними и победил их, пленил их короля и правил в стране так, что в ней надолго воцарился мир. По прошествии некоторого времени опять восстали обе Испании,⁴ и римляне послали против них двух судей, одного звали Фламиний, а другого — Фульвий.⁵ Они сразились с испанцами в больших битвах и победили их, убив многих, чтобы силой заставить Испанию оставаться под властью римлян. Было это во времена Публия Корнелия Сципиона и Марция Ацилия Глабриона, римских консулов. После это восстали в Испании жители Лузитании,⁶ тогда римляне послали против них Луция Эмилия,⁷ проконсула;⁸ он сразился с ними, и была очень тяжелой битва, наконец, победили

¹ Особая любовь Средневековья к комедиям Теренция объяснялась живым, разговорным языком его пьес. Благодаря этому пьесы Теренция с комментариями Доната входили в обязательный набор чтения по дисциплинам тривиума.

² Слово «*juex*» больше соотносится с испанскими реалиями и имеет в виду назначение консула наместником с долженствованием вершить справедливость. В этой роли выступали легендарные судьи Кастилии IX в. Нуньо Расура и Лаин Кальво, о которых пойдет речь дальше в этой хронике.

³ Видимо, Марк Фульвий Нобилиор, консул 159 года до н. э.

⁴ Речь идет о *Hispania Exteior* и *Hispania Ulteior*.

⁵ Маний Ацилий Глабрион, римский политический деятель первой половины II в. до н. э.

⁶ В тексте — *Luzenna*.

⁷ Луций Эмилий Павел Македонский, консул 182 и 168 гг. до н. э.

⁸ Имеется в виду предоставление проконсульского империя.

испанцы и убили Луция¹ и всех тех, кто пришел с ним, так что не осталось никого в целом мире, кто мог бы доставить сообщение в Рим. И как повествуют истории, римляне не знали об этом до тех пор, пока им не отправили послания от Марцелла.²

40. О смерти Сципиона Африканского и Ганнибала

Вы уже слышали прежде в этой истории о великих деяниях, которые совершил Сципион в Испании и Африке на службе и во имя чести римлян, за что его очень почитали и боялись во всех странах; и такова была его слава, что люди не говорили ни о ком, кроме как о нем. Однако судьба, которая никогда не оставляет события неизменными, повернулась так, что римляне, то ли из зависти, то ли по какой иной причине, случившейся там, изгнали его из страны, и он долго жил изгнанником. В год, когда были консулами Марсий Клавдий Марцелл и Квинт Флавий Лабион, этот Сципион ушел в свой замок в Лицерне; живя там в изгнании, он заболел и умер — так закончил свою жизнь Сципион Африканский. По-другому было с Ганнибалом, императором Африки; спустя некоторое время после того, как он стал вассалом Рима, там случились войны, и послали за ним, чтобы он явился в войска и впредь стал командовать ими, и он, не имея возможности отказаться, отправился туда. Но едучи туда с великой скорбью в сердце, он свернул со своего пути и отправился к королю Вифинии по имени Прусий; находясь у него, он так страшился того, что римляне отыщут его, что принял яд, от которого и умер. Так закончили свои дни Сципион и Ганнибал, величайшие люди, совершившие столь великие деяния, как вы о том слышали. Однако теперь история прекращает рассказ о них, чтобы поведать о том, как испанцы поднялись против Рима, и об упорнейших схватках между ними вплоть до прихода готов.

41. О величайших схватках между испанцами и римлянами

После того как в Испании узнали о смерти Сципиона Африканского, им стало ясно, что Рим не сможет послать на его место другого такого же мужа, с которым они могли бы хорошо ладить; и так велика была неприязнь их ко всем другим, им посланным, что они совсем отчаялись, опа-

¹ Битва при Ликоне (191 г.) закончилась поражением римлян, но Луций Эмилий не был убит; в 189 г. до н. э. он сумел успешно подавить лузитанский мятеж.

² Видимо, Марк Клавдий Марцелл, наместник Цизальпинской Галлии, консул 183 г. до н. э.

саясь, что от Рима может исходить для них только дурное; и посему начали восставать против него. И первой восстала некая земля в Испании; а поскольку история не называет, какая именно, мы полагаем, что это одна из тех, что расположена в центре. Итак, римляне послали против нее некоего Тиберия Семпрония Гракха; он взял силой сто пятьдесят замков и тем самым установил власть над страной, вернув ее всю под господство Рима, и было так долгое время. И по прошествии 600 лет от основания Рима испанцы поднялись против него; и столь великим было это восстание, что никто из римлян не отважился идти туда, ни ради завоевания их, ни для передачи приказаний: так сильно боялись они испанцев. Тогда поднялся один из рода Сципионов¹ и сказал, что он пойдет туда: и римляне отправили его, послав с ним множество всадников; он явился в Испанию и после многих величайших битв одержал там победу. И был он из тех, кто очень по-дружески относится к людям, обретая тем самым их любовь, и из-за этого его свойства многие пришли ему на помощь. Случилось, однако, так, что некто, пришедший из Берберии, провозгласил себя вождем испанцев и послал сказать римлянам, что сразится один на один с их вождем, и тот, кто окажется побежден, подчинится победителю. Сципион бился с ним и победил его, и подчинились ему все жители страны, называвшейся Кельтиберия. Пока Сципион участвовал в той войне, те, что в Риме, подумали, что он не сможет самостоятельно властвовать над всей Испанией, и отправили к нему судью по имени Сергей Гальба:² он проник в Испанию так глубоко, что дошел до провинции Лузитании, и там произошла великая битва с теми, кто населял ее; он был побежден и разбит столь скверным образом, что все его люди были взяты в плен и убиты, так что ему и очень немногим с ним едва удалось бежать с поля боя. В тот момент, когда этот Сергей Гальба пришел в Испанию, случилось в Риме так, что они порешили выстроить театр для пения, создав его как богатейший памятник и величайшее диво; и все жители Рима страстно желали закончить его, однако один из них по имени Сципион Назика, бывший из того же рода, что и другие Сципионы, выступил перед всеми и сказал, что не

¹ Сципион Африканский Младший (185—129 г. до н. э.) — римский политический деятель, второй сын Л. Эмилия Павла, вступивший в род Сципионов после усыновления Публием, сыном Сципиона Африканского. Известный полководец. Активный участник Третьей Пунической войны (149—146 г. до н. э.) со 147 г. до н. э.; сумел значительно укрепить римское войско и в конечном итоге взять штурмом Карфаген в 146 г. до н. э. В 134—133 г. до н. э. воевал в Испании, разгромил кельтиберов и взял штурмом укрепленный город Нуманция (что объясняет значительное внимание к нему хронистов). Противник братьев Гракхов, несмотря на родство с ними (являлся зятем обоих). Это вызвало недовольство им в среде римского плебса и, возможно, стало причиной его неожиданной гибели (считалось, что его убийцей являлся Папирий Карбон). Обстоятельства смерти Сципиона изложены в хронике весьма пристрастно (см. ниже гл. 70).

² Имеется в виду Сервий Сульпиций Гальба, претор в 151 г. до н. э.

к добру это, ибо занятие это — враг войны, а те, кто им занимается, забыли о военном деле из-за стремления его завершить; к тому же превратятся они в людей медлительных и ленивых для битвы, слишком уж большую страсть вкладывают они в эту работу. И так убеждал он их своими доводами, что римское общество посчитало за единственное благо прекратить это строительство и даже полностью его убрать.

42. О предательстве, которое содеял Сергей Гальба лузитанам

Вы уже слышали выше, как лузитаны победили Сергия Гальбу, судью¹ из Рима, и он, потерпев неудачу, сильно опечалился и решил собрать самое большее войско, какое мог, и вновь отправился биться с ними. Однако люди из той земли, увидев, с чем он пришел, решили, что если они изменятся по отношению к нему, то обретут его любовь; и, в конце концов, явились под его правление. Он же, когда они пришли, помятуя о них, как о мятежниках, а также о том величайшем вреде, который они ему нанесли, призвал их всех ко двору,² уверив их, чтобы приходили без боязни; когда же они оказались в его власти, он убил их всех, не оставив ни одного живого. Подобная несправедливость стала известна по всей Испании, и потому обозлились все испанцы против Рима больше, чем когда-либо прежде. А поскольку у них не было такой большой силы, чтоб изгнать их всех из своих земель, они чинили препятствия таким образом, что, когда в одних землях было спокойно, восставали другие, так что всегда было за кем наблюдать.

43. О том, как восстал разбойник Вириат

Столь велика была ненависть, испытываемая испанцами к римлянам, что не только знатные мужи восставали против них, но также и молодые рыцари и пехота. Так и случилось во времена Гнея Корнелия Лентула и Луция Муммия, консулов Рима — а был тогда 606 год от основания города, — когда восстал в Испании один очень воинственный человек, которого звали Вириатом, и был он родом из Лузитании; первоначально он был пастухом, а затем разбойником на дорогах; он собрал очень большое число людей и принялся открыто творить бедствия по всем землям, грабя их и разрушая все. Когда об этом прознали в Риме, послали против него судей и консулов; он победил одних и убил других, а некоторых из них заставил пе-

¹ Имеется в виду римский претор.

² Сервий Гальба и правда нарушил договор с лузитанами, но уничтожил их не при дворе, а в лагерях переселенцев, за что был упрекаем современниками и судим в Риме.

рейти в свое подчинение. Тем временем прибыл из Рима для борьбы с ним один судья, которого звали Гней Вецилий, нашел его и сразились они; Вириат истребил большую часть войска, и судья ушел лишь с немногими. После этого из Рима послали еще одного судью по имени Гней Плавций; много раз бились они между собой, но никак не могли победить, однако, в конце концов, судья был побежден и многие его люди убиты; он бежал с поля боя. Затем послали из Рима еще одного, которого звали Клавдий Униман; он привел с собой огромное войско и явился специально, дабы отомстить за других римлян. Когда же об этом прознал Вириат, то сразился с ним и победил его, и принес ему больше бедствий, чем прочим, так как оставил там Клавдий всех своих людей, кого убитыми, а кого плененными. Этот Вириат был человеком ловким и большим храбрецом, а все богатства, какие он захватывал, прятал в горах в пещерах. В то самое время, когда это произошло, случилось так, что триста рыцарей из Лузитании сразились с тысячей римлян, и произошла в горах битва, в которой победили лузитаны, и погибло там 330 из римлян и 70 из них. Когда в Риме узнали об этом, послали против лузитан и против Вириата консула по имени Фабий;¹ когда он прибыл в Испанию, Вириат держал в осаде одну крепость, которая тогда называлась Букция;² узнав о прибытии консула, он снял с нее осаду и ушел оттуда. А Фабий занял эту крепость и много других в Испании.

44. О том, как Самора восстала против римлян, и о смерти Вириата

На следующий год после того, о котором мы рассказали, послали из Рима консула Публия Корнелия против тех, кто был в Нумансии,³ теперь называемой Саморой;⁴ и понес он там великую потерю, потому что были убиты многие из знатных мужей, коих он привел. Так ушел из-под Саморы Вириат, тот разбойник, о котором вы слышали прежде; он воевал с римлянами четырнадцать лет, разбил много войск и убил у них многих знатных мужей. В конце концов, его предательски убили свои, те, кому он больше всего доверял; они надеялись получить от римлян вознаграждение, но те не пожелали дать его за предательство, совершенное ради убийства их господина.

¹ Видимо, имеется в виду Фабий Эмилиан. Вириат был остановлен Фабием Эмилианом в 144 г. до н. э.

² Аугуста Гемела Тусси, город в верховьях Гвадалquivира (*Oros.* 5. 4. 12).

³ Исчезнувшее поселение кельтиберов в провинции Сории, отождествление с Саморой ошибочно. В римской транскрипции название звучит как Нуманция, однако мы сохраняем испанское написание, поскольку сюжет о Нумансии станет одним из величайших трагических сюжетов испанской литературы.

⁴ Ошибка хронистов. На самом деле речь идет о г. Сория.

45. *О том, как жители Саморы снова восстали против римлян*

После того как умер разбойник Вириат, как вы о том уже слышали, в Самору прибыл римский военачальник с огромным войском, звавшийся Помпилий,¹ а за ним прислали консула по имени Манцин.² Последний после прибытия взял войско того другого, Помпилия, и вместе со своим, им приведенным, расположился близ Саморы, и так дурно провел он поход против них, что пришлось ему заключить с ними такой договор, что не было в нем чести для римлян. Узнав об этом, направили римляне знатных посланников, чтобы уничтожить это соглашение, поскольку оно было заключено без их приказаний; и повелели также, чтобы они взяли Манцина и отдали его во власть жителей Саморы, дабы те совершили над ним такой суд, какой хотели. Они так и поступили, и выдали его им; жители Саморы схватили его, связали ему ноги и руки сзади и поставили его в воротах города; и простоял он так до ночи, меж тем ни саморцы не причинили ему более зла, ни в римском войске никто не обращал на него внимания. Они поступили так, потому как полагали, что никто из мужей не обладает в должной мере четырьмя вещами: справедливостью, верностью, смелостью и милосердием. Однако в данном случае, как рассказывает история, более ими обладали жители Саморы, нежели те другие: во-первых, потому что они осуществили всю полноту власти,³ поступив по справедливости и проявив верность; во-вторых, остались верны договору, который заключили с римлянами, и не пожелали изменить ему; а также выказали большее милосердие, нежели те, когда им отдали его для суда, и не пожелали убить его, имея на то полное право. И поскольку они обладали всеми этими четырьмя качествами, то оставались в мире с римлянами какое-то время.

46. *Как Брут пришел из Рима и разрушил Галисию*

Вскоре после этого из Рима явился в Испанию военачальник по имени Брут,⁴ и пришел он с явной целью разрушить Галисию за ту помощь, которую она оказала лузитанам, когда они разбили Сергия Гальбу, о чем вы уже слышали прежде. Поскольку галисийцы не были подготовлены к войне и не имели времени собрать всадников и вооружение, они вышли к ним такими, какими были, а было их до 60 тысяч пехоты, и сразились

¹ Марк Помпилий Лената, консул 139 г. до н. э.

² Гай Гостилий Манцин, консул 137 г. до н. э.

³ В тексте — *guardaron naturaleza de sennorio*.

⁴ В 137 г. до н. э. в Галисию пришел Децим Юний Брут Каллаик, консул 138 г. до н. э., наместник Верхней Испании и завоеватель Лузитании и Галлеции.

они с римлянами, и была эта битва особенно кровавой. В итоге галисийцы были разбиты, погибло из них 50 тысяч, а шесть тысяч было взято в плен, так что смогло спастись не более четырех тысяч, которые бежали. Таким образом, Брут завоевал всю Галисию и отдал ее во власть Рима.

*47. О том, как жители Саморы восстали
в другой раз против римлян, за что были разгромлены*

Римляне испытывали великий стыд из-за договора, заключенного Манцином с Саморой, о чем вы уже слышали прежде. Первым делом, потому что полагали этот договор великим для себя бесчестьем, из-за чего над ними насмеялись все люди; к тому же они никогда не сражались с ними, а значит, как бы они могли отомстить им? Так все и было, пока не исполнилось 620 лет от основания Рима, когда сделали консулом некоего человека по имени Сципион, который был внуком того славного Сципиона Африканского, рассказ о котором вы уже слышали прежде, и послали его в Испанию нарочно, чтобы завоевать и захватить Самору. И рассказывают истории, что на тот момент в городе было не более четырех тысяч хорошо вооруженных рыцарей, готовых сражаться; однако были они так умелы в обращении с оружием и в битвах, как никакие другие мужи; поэтому Сципион не пожелал идти прямо на них, но дал пройти августу, осени и зиме и начал сражаться с ними по пришествии лета. Сделал он так затем, чтоб римляне получили новые плоды от земли, а врагов своих лишили их; по этой причине он пришел и осадил город в такое время года. Горожане, увидев их так близко, вышли сразиться с ними, и была эта битва кровавой с той и с другой стороны; но в конце концов римляне понесли такие потери, что начали отступать. Когда Сципион это увидел, то встал перед ними, обрушился на них с нападками и со злостью призвал их вернуться, угрожая им, что если они не сделают так, то все умрут из-за этого; а с другой стороны, восхвалял их и сулил им великие блага, если они не станут отступать. Говоря такие речи, он так воодушевил их, что вынудил развернуться, и в конечном счете саморцы были разбиты и загнаны внутрь города. Сципион, увидев это, очень обрадовался; и счел, что Бог оказал ему великую милость и содеял великое добро, как никому другому из тех, кого посылали против Саморы. Потому он решил, что будет благоразумно сохранить свою честь, и не пожелал, чтобы его войско стало сражаться за город, а окружил весь город целиком и наблюдал за ним отовсюду, а также вырыл рвы в тех местах, где, по его мнению, они могли вылезти и причинить вред его войску. Ров был десять шагов в ширину и двадцать — в глубину; а вокруг него он поставил ограду вроде стены и небольшие узкие башенки, где расположились арбалетчики и стражники, так что, если из города захотят напасть на них, то всегда получат отпор, а если воины захотят совершить что-то в отношении тех, кто внутри, то смогут делать это

безопасно и наилучшим для себя способом. Когда все было сделано, оказались те, кто в городе, так зажаты, что ниоткуда они не могли выйти и войти и получить продовольствие. А поскольку они очень долго оставались в осаде, то очень ослабли от голода, так что не могли более выносить это. Они обратились с прошением к римлянам, что готовы сдаться, если будут уверены, что им окажут добрую милость; а если нет, то сразятся с ними равными силами, или если римлян будет больше и они победят, те оставят город в покое, а если нет, то снимут с него осаду и уйдут. Однако Сципион, прекрасно осведомленный в военном деле и осознающий все преимущества, коими они владели, и что они очень близки к тому, чтобы завоевать их, не желал принимать никакого предложения, к которому его склоняли, но, наоборот, стремился навредить им, чем мог. Саморцы, осознав в отчаянии, что римляне не хотят заключать с ними никаких соглашений, а с другой стороны, будучи очень встревожены голодом, отыскивали путь, коим они могли бы выбраться, дабы поступить по закону со своими врагами или умереть достойно от оружия, а не от голода. Они сумели приготовить напиток, называемый *celia*, взяв это название из латинского, где оно означало нечто горячее. Сделав его, они пили напиток несколько дней, а затем выходили биться с римлянами; и в один день завязалась между ними такая тяжелая битва, что римляне уже не могли больше сопротивляться и были близки к поражению. Но Сципион, их вождь, принялся бранить их со злостью и поносить, говоря им, что они не мужчины, так как убегают от побежденных, которых уже считали мертвыми. Бросая им эти слова и много других и воодушевляя их, он принудил их вернуться и напасть на саморцев, так что они убили всех лучших мужей и тех, кто лучше всех владел оружием. Однако все остальные бросились обратно в город, но не беспорядочно, а все вместе; при этом они не пожелали забрать с собой тех, кто погиб там, отдавая себе отчет в том, что отчаялись и готовы к смерти. Оказавшись внутри, они заперли за собой ворота и предали весь город огню; одни убили себя оружием, другие выпили яд, а третьи сожгли себя в огне. Таким образом они покончили с собой, что никто не уцелел из них, как и все те дорогие вещи, которые были в городе и сторели; тем самым не обрели там римляне даже следа чего-либо, что можно было бы отослать в Рим, а лишь уверенность в том, что никогда не причинят им никакого вреда в этом месте, поскольку все было разрушено.

48. О том, что совершил Сципион в Испании после того, как разрушил Самору, как он вернулся в Рим и там умер

После того как испанцы слышали о том, что Самора была разрушена, как вы о том слышали, испытали они великий страх, так что никто более не решался восстать против римлян; а те, кто уже поднялся, ушли из своих земель и оставили их без присмотра. Сципион успокоил тех, кто

остался, и заключил с ними мир. Тогда он имел дело с королем, правителем страны, которая звалась Кельтиберия, по имени Тиресий;¹ и спросил его Сципион, прося его говорить правдиво, почему вышло так, что была разрушена Самора и не могла себя дальше защищать. И тогда король, человек здравого ума, ответил ему несколькими словами, сказав так: «Раздорами теряются вещи, а согласиём укрепляются». Хотя тот король сказал это прежде всего о Саморе, римляне приняли эти слова на свой счет. После того как король Тиресий дал такое объяснение Сципиону по поводу Саморы, как вы слышали, из Рима пришел приказ, чтобы он возвращался как можно скорее, поскольку весь город охвачен раздором, так как одни выступали за город, а другие — против;² и если же он не вернется, то это может обернуться большой опасностью и господство Рима над этими местами будет утрачено. Сципион был человеком благоразумным и отважным, его называли Африканским, так же как и его деда, поскольку, прежде чем отправиться в Испанию, он воевал в Африке, когда она восстала в третий раз против римлян; и в том походе он сжег и разрушил великий город Карфаген, так что никогда более он не был населен так, как раньше. Дабы показать это наиполнейшим образом, мы хотим рассказать, как впервые был основан Карфаген и каковы были те, кто его основал.

49. О том, как город Тир был заселен и как рабы предали своих господ³

После кончины Моисея, который был вождем израильского племени, о чем рассказывается в Библии, пришел на его место Иосиф, правивший долгие годы еврейским народом;⁴ к тому моменту минуло уже 604 года, как правил Нин,⁵ король великой Вавилонии, и прошло 562 года с тех пор, как явился на свет Авраам. Тогда же из Фив, что в Египте, отправились в путь Кадм и Феникс, дети короля Агенора,⁶ приказавшего разыскать их сестру Европу, что была силой похищена Юпитером. В честь своей возлюбленной Юпитер и дал имя третьей части суши — Европа. Оттуда искавшие ее бра-

¹ Античные хроники сообщают о некоем знатном кельтиберце Тиресии, который одолел Метелла (V al. M ax., III. 2. 21), хотя не называют его королем.

² Речь идет о конфликте римлян и италиков по поводу земель.

³ Ср. *Luc. Tud.* I. 30, *Euseb.-Hieron. Chron.* 32—33, *Pomp.Trog.* XVIII.3. 2—6; 5,12; *Isid. Etym.* XV. 1. 28; *Huguc. Etym. lat.*, sub voce “tyro”.

⁴ Считается, что Моисей умер ок. 1272 г. до н. э. Преемником он назначил Иисуса Навина. Возможно, ошибка копииста.

⁵ Нин — легендарный основатель ассирийского царства (ок. 2000 или ок. 1273 г. до н. э.), супруг Семирамиды.

⁶ Агенор — царь Тира в Финикии, сын Посейдона и Ливии.

тъя переправились в Африку и прибыли в Сирию.¹ Тот, кто звался Феникс, основал город и назвал его Финикией, а жители соседних земель именовали новых обитателей финикийцами. Спустя некоторое время произошло страшное землетрясение, погубившее многих жителей города, вследствие чего народ вынужден был оставить его и искать новое пристанище. Скитаясь по землям Сирии, наткнулись они на огромный водоем, простиравшийся во все стороны, местные жители именовали его Сирийским озером.² И прожили там скитальцы некоторое время. Но в поисках лучшего крова добрались они до моря и обнаружили прекрасное место, пришедшееся им по душе, и остались они там и основали город. А поскольку прибрежные воды изобиловали различными видами рыбы, на местном наречии именованной словом «сидон», то и город стал называться Сидоном.³

Спустя 184 года с момента основания этого города восстал против него король земель под названием Эскалона⁴ и пошел войной на Сидон. И был он столь силен, что не могли справиться с ним жители; и большая их часть вынуждена была сесть на корабли и отправиться прочь по морю; иплыли они, пока не увидели спокойную гавань, очень им приглянувшуюся. А поскольку гавань эта была расположена в скалах, то они сочли ее весьма надежной и пригодной для защиты от тех, кто вздумает на них напасть. Потому и основали они там город. А поскольку на их языке скала обозначалась словом «тирон», отсюда и название города — Тир. И город этот был основан годом ранее, чем была разрушена впервые Троя. А так как Тир быстро разрастался и жители его богатели, то соседи начали им завидовать, и особенно персы. Поэтому и пошли они войной друг на друга. Персы, многочисленные и прекрасно подготовленные, нападали на тирийцев как с суши, так и с моря. И долго длилась эта война, но в итоге персы были повержены. Тирийцы сумели отстоять город и защититься от врага: победили неприятеля и прогнали его со своих земель, оставшись с честью и победой. И наступил мир, и столь разросся их город, что не стало хватать всем места; тогда наиболее смелые юноши сообщили остальным о своем желании покинуть родные края и отправиться на поиски новых земель. Жители города дали им корабли и прочие нужные вещи ипустили, наказав отправиться в Африку и основать там город-союзник Тира, дабы таким образом защищать друг друга и дабы никто ни из

¹ Сирия — историческая область, охватывавшая территорию от Евфрата до Средиземного моря, захваченная римлянами в 64 г. до н. э.; делилась на провинции Келесирия, Сирия-Финикия и Сирия-Палестина.

² Сирийское озеро — либо так называемое Ассирийское море на территории древней Сирии, либо Кинеретское озеро.

³ Сидон — один из древнейших городов Финикии, крупный торговый центр Древнего мира.

⁴ Эскалона — возможно, искаженное название местности Ашкелон (Ashkelon), расположенной на побережье Средиземного моря.

Африки, ни из Азии не смог бы причинить им вреда. И отправились юноши, как им было велено, и основали город в указанном месте и назвали его Утика, что означает «страж». Поселение это быстро росло и делалось процветающим и богатым, и были у него свои короли. И столь прекрасен был этот город, что, когда королева Дидона решила пересечь море, чтобы поселиться в Африке, она первым делом послала своих разведчиков разузнать об этих двух городах. Вернувшись оттуда, они поведали, что города эти очень богаты и в них живет много народу, а поскольку один охраняет другой, то у врагов почти не остается возможности напасть на них; и было это истинной правдой до той поры.

50. О том, как рабы из Тира убили своих господ

Судьба ничто не оставляет неизменным, а потому если тирийцы и сумели защититься от врагов извне, то вот от внутренних уберечься не смогли. В городе было много рабов, и, хотя хозяева не освобождали их от неволи, но делали им много добра и сильно их избаловали; меж тем число рабов настолько увеличилось, что они объединились и решили убить своих хозяев и завладеть Тиром и всей остальной страной. Решение это было принято в великой тайне; и порешив так, сделали они следующее — убили всех в один день: не осталось ни мужа, ни ребенка, ни старика, не тронули лишь девиц на выданье. Учинив расправу, рабы завладели городом и всеми другим землями вокруг; и таким образом те, кто раньше был невольником, стали господами благодаря содеянному предательству. Среди тех жестоких рабов, о коих мы вам рассказываем, был один (чье имя история не сохранила), у которого был старый хозяин по имени Стратон,¹ был он из царского рода и имел маленького сына; и этот достойный человек всегда любил того, кто служил ему, и делал тому много добра. И вот, когда тот увидел, как другие убивают своих хозяев, очень ему стало жалко Стратона и сына его: один был уже в преклонных годах, а другой совсем ребенок; а потому не захотел раб их убивать, но спрятал в отдаленном месте и стал служить им и делать добро. После случившегося, по прошествии нескольких дней, собрали рабы совет, дабы выбрать нового правителя, поскольку без одного невозможно поддерживать порядок; и возникли между ними большие споры, так как каждый хотел обладать властью. Но было среди них несколько разумных людей, придумавших выход из сложной ситуации, поскольку не хотели они новых столкновений; и порешили они отправиться за пределы города на расстояние десяти дней пути и встать лицом на восток: тот, кто увидит первые лучи восходяще-

¹ Стратон — старец, который во время восстания рабов в Тире был спасен своим верным рабом и впоследствии сделался царем. Его род существовал до времен Александра Великого и даже после взятия Тира Александром удержал за собой царскую власть.

го солнца, и будет царем, поскольку таким образом Бог явит знак свыше и укажет на того, кто люб ему более других. Побывав на том собрании и узнав о принятом решении, отправился тот раб к своему хозяину, все ему поведал и испросил совета — как поступить в этой ситуации, ведь он сам был членом того собрания. И ответил ему хозяин следующее, вот что он посоветовал: когда все соберутся, чтобы наблюдать за восходящим на востоке солнцем, то пусть раб обратит свой взгляд на западные стены, на башни и на самые высокие холмы, ибо сначала именно там можно будет увидеть первые лучи, и таким образом он обретет царскую власть. Выслушав сказанное, обрадовался раб; когда же настал день, в который они собрались, все устремили свои взоры на восток, он же, напротив, смотрел на запад. Все подивились его поведению, ведь считали его разумным человеком; и решили, что только безумный ожидает восхода солнца с запада, ибо это противно законам природы, и рассмеялись. Но, несмотря ни на что, раб продолжал смотреть в ту сторону до тех пор, пока не появилось солнце над холмами и башнями города. Тогда закричал он, что видит солнце и сообщил об этом всем остальным, указав на те места, что озарили солнечные лучи. Услыхав его крики, все обернулись и, увидев свет солнца, пришли в изумление; тогда сказали они, что сей разум и рассудительность не могут отличать раба, не иначе как кто-то из свободного населения дал ему такой совет; и стали рабы настаивать, чтобы он раскрыл им правду; и согласился он лишь при условии, что они его не схватят. Те его заверили самыми прочными клятвами и обещаниями.¹ Тогда раб рассказал, как поступил со своим хозяином и как получил от него совет, благодаря которому и увидел первым восход солнца. Выслушав его, даровали рабы ему прощение; они поняли, что свободные люди добиваются всего умом и добром, тогда как рабы — враждой и предательством. И послали они верного раба за хозяином, прося у Бога защиты для того, кто будет властвовать над ними. И приняли рабы его как повелителя и поставили его царем Тира и всех земель. Так Стратон стал царем Тирским, а после его смерти сын, внуки и остальные прямые потомки продолжили дело родоначальника, до тех пор пока не прибыл в те земли царь Александр и не повелел тирийцам подчиниться ему; но не пожелали это сделать жители Тира. Александр приказал узнать, что за народ там обитал, а когда ему сообщили о расправе, учиненной рабами над своими хозяевами, он сильно удивился, и повелел возвести замок на берегу моря, прямо перед самим городом (как гласит история), дабы никто не мог ни войти, ни выйти из города. Осадил он их также с суши и не ушел до тех пор, пока не взял Тир. И приказал Александр найти тех, кто был из рода Стратона, и следить, чтобы никто не причинил им зла, и чтобы они и далее наследовали царскую власть. А остальных — происходивших от тех рабов — часть обезглавить, а других убить в великих мучениях, чтобы никого не осталось

¹ В тексте — *por yuras e por pleytos*, устойчивое выражение.

в живых. И так покарал Господь рабов Тира за содеянное предательство по отношению к хозяевам; а вместо свободы и избавления от неволи были они убиты и уничтожены. И еще одно великое чудо явил Господь: уберег Александр царских отпрысков от смерти и отомстил за предательство рабов, и суждено ему было стать отныне царем Тира. Но теперь наша история оставляет этот рассказ и возвращается к повествованию о том, как Дидона вышла замуж за Асерба, своего дядю.

51. О том, как Элисса Дидона вышла замуж за своего дядю Асерба и как по приказу короля был убит ее брат

В год 810 от рождения Авраама правил городом Тиром некий король Карфон, добрый правитель, при коем все жили в мире и согласии. И был он уже в преклонных годах, когда смерть настигла его. Осталось у него двое маленьких детей: сын и дочь. Мальчика звали Пигмалионом,¹ а девочку — Элиссой, по прозвищу Дидона. После кончины отца сын, несмотря на то, что был младшим, стал королем Тира, а дочку отдали на воспитание брату отца, короля Карфона, являвшегося первосвященником² храма Геркулеса, где хранились реликвии, ему посвященные, и которого звали Асербом. И так условились с ним жители Тира: когда девушка достигнет возраста на выданье, он и возьмет ее себе в жены. А поступили они так по нескольким причинам. Во-первых, священнослужители в то время обладали значительной властью и весьма почитались среди знати. Так что наиболее уважаемым занятием в обществе (от низших сословий и до короля) считалось именно жречество. Во-вторых, Асерб был добрым и разумным человеком, а в довершение ко всему приходился девушке дядей. Его происхождение нисколько не запятнает ее рода, к тому же владел он великими богатствами, так что, учтя все перечисленные обстоятельства, союз этот должен был пойти на благо как королю, так и всему государству; так и поступили. После того как сыграли свадьбу, испугался первосвященник, что племянник станет претендовать на его богатства, а потому приказал спрятать их; приближенные же, знавшие об этом, рассказали все королю и показали ему их, поскольку он был в большой ссоре со своим дядей-первосвященником. По приказу и с согласия короля Асерба убили,

¹ Пигмалион — персонаж античной мифологии, образ которого восходит к реальному царю Тира, которому принадлежит надпись из Норы (Сардиния). По Менандру Эфескому, отец Дидоны, правил 47 лет, с 820 по 773 гг. до н. э. Согласно «Эпито́ме Помпея Трога», приходился братом Дидоне. По Вергилию, царь Тира, убивший Сихея, чтобы овладеть его сокровищами.

² В тексте — *obispo* (епископ). Как и в случае с обозначением римских должностей (консул, претор и т. п.), хронист использует современные ему реалии.

с тем чтобы все богатства перешли к королю, но он так и не получил их, хоть и желал страстно обладать ими. Сестра же его Элисса Дидона осталась вдовой.

52. О том, как Дидона уехала из Тира и отправилась в Африку

Столь сильно невзлюбила Дидона своего брата Пигмалиона, короля Тирского, за убийство мужа, что не представляла более спокойной жизни рядом с ним; и, наконец, придумала, как убежать из родных земель так, чтобы брат не схватил ее. Обдумывая свой план, она обнаружила, что среди благородных жителей города были такие, кто также не любил короля и желал уехать из страны, если бы нашли с кем. Тогда она поговорила с ними об этом, и они договорились отправиться в чужие края вместе с ней. Опасаясь, что король узнает об этом и прикажет схватить их, они решили написать ему, так как король находился далеко от их земель. Вот письма, которые отправила королю Дидона: «Господин и царствующий брат, до тех пор пока я буду жить в стране и в доме, где умер мой муж, не покинет меня печаль и тоска. Каждый раз, как я вспоминаю, как он лежал мертвым, когда его убили, просыпается во мне боль, и я принимаюсь плакать, и с каждым разом скорбь моя становится все сильнее. Вот почему я решила покинуть сии земли и направиться к Вам, в надежде на Вашу милость и вверяясь Вашей воле». Когда король Пигмалион получил письма, то обрадовался им сильно: во-первых, видя, что сестра его хочет забыть скорбь из-за мужа, а к тому же он полагал, что, уезжая, она привезла бы все те богатства, которые раньше принадлежали первосвященнику, а теперь достанутся ему; а посему послал сказать ей, чтобы она приезжала, а также направил к ней своих людей, с тем чтобы они ее охраняли и сопровождали, однако велено было им следить, чтобы она не спрятала имущество тайком от них. И отправились они в Тир и передали известия от брата. Встретившись с посланниками, Дидона сделала вид, что рада им, хотя на самом деле это было не так, ибо прекрасно понимала, зачем они сюда прибыли; потому сообщила им, что хочет ехать по морю, так как это позволит легко перевезти все ее вещи. Она отдала приказ подготовить суда, а имевшиеся ценности положить вместе с остальным скарбом, да так, чтобы никто об этом не узнал, за исключением тех, кому было велено все это устроить. По совету своих помощников Дидона приказала изготовить небольшие кожаные мешки, которые набили песком и украсили снаружи должным образом, чтобы каждый, кто взглянет на них, понял, что хранятся в них великие богатства. Сделав это, она велела положить эти мешки отдельно от остальных вещей, давая всем понять, что они были ей особенно дороги. За всем этим внимательно следили и наблюдали приближенные короля, принимая за чистую монету обманные действия

девушки. После того как все вещи были погружены на корабли, вошла и сама Дидона в окружении своих приближенных; потом прибыли магнаты, которые должны были сопровождать, охранять и заботиться о ее чести вплоть до самой встречи с братом. Выйдя в открытое море, Дидона приказала людям короля, ее брата, и своим переложить мешки с одного корабля на другой, объяснив, что так будет надежнее. В то же время в строжайшей тайне она поручила своим приближенным при передаче устроить так, чтобы люди короля не смогли их удержать и все мешки упали в море. Они исполнили все в точности, как было велено: и мешки эти оказались погребены в море. Когда известие о случившемся достигло ушей Дидоны (хотя она прекрасно знала об истинных причинах несчастья), закричала она во весь голос и зарыдала, взывая к мужу своему Асербу, говоря при этом: «Здесь оказались все твои богатства и блага, что оставил ты для детей своих, так прими же их как жертву, очищающую твою грешную душу, ведь из-за них ты принял смерть». Повторяя эти слова и причитая от скорби, обратила она свой взор к людям короля и сказала им: «Супруг мой, Асерб, мертв, и я думаю, что он находится с Господом нашим. Те же, кто лишил брата моего и короля сих богатств, не должны избежать великих кар и великих казней». Слуги короля, услышав это, преисполнились страха, так как помнили, что именно из их рук упали мешки в море. Увидав, как они сильно испугались, Дидона поняла, что они с радостью бы сбежали, если бы могли. Тогда приказала дать им корабль, идущий в отдалении от остальной флотилии, выказывая таким образом тем, кто лишил короля столь ценного груза, что не желает быть с ними рядом. Узнав об этом, обрадовались придворные, понимая, что смогут сбежать; и приняли решение, что, когда наступит ночь, они убегут; так и поступили. Вот так Дидона избавилась от слуг короля, своего брата, заставив их поверить в то, что вместо песка были сокровища, и так напугав их, что они решились бежать и оставить ее. После произошедшего Дидона приказала поднять паруса и направить флотилию в другую сторону, оставляя все дальше родные берега. На борту корабля находился первосвященник из Тира, который должен был охранять храм Юпитера, где он занимал место ее супруга Асерба; и увез он с собой реликвии Геркулеса. И дали боги знать, что надлежит им вместе проделать путь и что все будет благополучно, вот почему он плыл с ними; кроме того, пообещала ему Дидона, что, где бы они ни оказались, она выстроит храм в честь Юпитера, где сможет служить сам первосвященник и все, кто будет ему наследовать; и он очень обрадовался этому. Однако король Пигмалион, узнав о бегстве сестры, испытал великую печаль и захотел броситься вслед за ней, но было две причины, по которым он не мог этого сделать: во-первых, мать не позволила ему сделать этого; а во-вторых, боги дали ему знать, что, если он двинется в погоню, то настигнет его несчастье. Теперь же наша история оставляет рассказ о короле Пигмалионе, чтобы поведать вам о судьбе Дидоны: о том, как она прибыла в Африку, и о том, что там с ней произошло.

53. *О том, как королева Дидона прибыла в Африку,
и о том, что там с ней произошло*

Выше мы уже рассказали о том, как Дидоне при помощи хитрости и обмана удалось сбежать из-под власти брата. Когда она оказалась в открытом море, вдали от родных земель, то очень обрадовалась, Бог же послал ей хорошую погоду; и прибыли они весьма быстро в Африку, в бухту на берегу моря. Оказавшись там, она сочла себя в безопасности, а это место показалось ей удобным портом, и решила, что если бы даже брат последовал за ней, то здесь приближенные смогут лучше ее защитить; и вроде бы она казалась довольной, но ничто не могло вырвать из ее сердца воспоминание о смерти мужа.

Бросив якоря в том месте, царица приказала созвать капитанов всех кораблей и сказала им, что, кто бы ни пришел к ним из местных, пусть они продают им из тех вещей, что привезены ими с собой, и пусть выказывают расположенность, так как вновь прибывшие в долгу у здешних. Так они и сделали: любому, кто приходил, продавали и отдавали из того, что привезли; и так местным пришлось по душе королева со своими людьми, что пришли они просить ее остаться у них. Она ответила, что примет их предложение, если сможет; и на следующий день она спросила их, что они готовы сделать, чтобы она осталась у них навсегда. Ответ их был — на все. Тогда она сказала, что целью ее было найти новые земли для жизни, а вовсе не торговля. Тогда они попросили ее остаться у себя и пообещали дать ей столько земли, сколько она захочет; и сдержали они свое слово, ибо у здешнего населения не было ни короля, ни правителя, у которого надобно было бы испрашивать разрешения, к тому же так им была любя королева, что они готовы были дать ей все, чего ни пожелает. Но Дидона была женщиной рассудительной, а потому не стала просить ничего, что принесло бы вред или ущерб местным жителям; она сочла разумным попросить сначала немного, чтобы потом попросить чуть больше, чем сразу потребовать многого, а затем от чего-то отказываться. В итоге она сказала, что займет столько места в порту, сколько сможет покрыть одна бычья шкура. Местные с радостью согласились, сочтя ее запрос весьма непритязательным. Тогда приказала Дидона отыскать бычью шкуру невиданных доселе размеров, растянуть ее, нарезать из нее тонкие полоски и сшить их между собой так, чтобы казались они одним большим ремнем. Затем приказала опоясать им территорию, и, когда все было сделано, оказался у нее большой участок земли. К удовольствию всех местных жителей она сошла на берег со своими людьми и осталась жить в том самом месте, что огородил ремень из бычьей шкуры. Поскольку недалеко от этого места имелась высокая скала, местные жители называли ее Бирсой, поэтому и все поселение стало называться Бирсой, что означало «город у скалы». По мере того как город разрастался, решила Дидона дать ему другое имя, чтобы впредь каждому было понятно, что ос-

нован он был приезжими из Тира; для этого к прежнему названию было добавлено «Тир» — получилось Тибирса, что означало «город, основанный жителями Тира».

54. О том, как Тибирса была переименована в Карфаген

Поселение Тибирсы росло день за днем и быстро развивалось, так что вскоре тот участок земли, что был отмерен при помощи ремня, стал слишком мал для его жителей. К тому же число вновь приехавших из других земель было столь велико, что необходимо было расширить первоначальную территорию. И хотя у Дидоны и ее людей были дома для жилья, новым жильцам приходилось жить в хижинах; одно и другое вместе занимало очень много земли. Но королева сумела завоевать расположение африканцев и так им понравиться, что они с радостью готовы были дать ей столько земли, сколько ей будет угодно, чтобы заселить город; она же не захотела взять то, что ей предлагали, и, дабы выказать свою любовь к местным жителям, приказала всем желающим там обустроиться покупать участки земли под строительство домов. Кроме того, Дидоне выпала еще одна удача, которая очень ее обрадовала: обитатели Утики, жившие там и являвшиеся тирийцами по происхождению, узнав о прибытии Дидоны, своей сеньоры по рождению, решили выразить ей свою признательность и отправить богатые дары и дорогие подарки. Принесшие их передали, что жители Утики, ее подданные, будут рады служить и помогать королеве, когда ей это понадобится; и если ей будет угодно, то ряд жителей Утики с радостью бы переехал в ее новые земли, так как они будут рады жить с нею вместе в этих местах, столь щедро наделенных различными благами. Очень обрадовалась Дидона дарам и вестям из Утики и наказала отблагодарить за столь приятные послания, а также согласилась принять жителей Утики, которые хотели переселиться в ее нынешние края; так они и сделали. Отправили к ней большое число людей, чтобы те помогли ей обнести стенами поселение и осталось бы там жить столько из них, сколько она захочет; африканцы также остались довольны и помогли ей во всем, чего бы она ни пожелала. Как только она поняла, что земли ее теперь готовы для основания города, то приказала прорыть фундамент для будущей крепостной стены; когда делавшие это люди достигли довольно большой глубины, ими был найден бычий череп, который тут же доставили к Дидоне. И она и ее люди подивились, как череп мог оказаться так глубоко под землей и кто мог его туда положить, если земля в том месте была нетронутой, так как на ней никогда ничего не строили. Жившие там мудрецы высказали много предположений по поводу того, чем могла являться и что означала сия голова; изучив все как следует, мудрецы пришли к Дидоне и сказали, что город, который она собирается там возвести, будет жить в достатке, и что люди с радостью придут в не-

го жить, но будут они находиться под властью других: подобно тому как бык очень полезен в работе, но всегда управляем человеком и служит ему. Когда Дидона услышала это, то сильно опечалилась, поскольку сочла это явным знамением, и даже заверения в благополучии города не убедили ее; и только лишь из-за возможности оказаться в подчинении она не пожелала устраивать город в этом месте, а приказала копать поодаль. Продолжив работы и углубившись в землю, строители нашли голову лошади; и, как и в случае с бычьей, отнесли ее Дидоне. И если в первый раз все подивились находке, то теперь пришли в еще большее изумление; и на этот раз приказала королева предсказателям и звездочетам выяснить, что означает эта голова. И они сказали ей, что жители города, пока он будет существовать, будут могущественными и хорошими воинами. Услышав такое толкование, Дидона, хоть и была женщиной, обрадовалась куда больше, чем в первый раз; она желала, чтобы народ города прежде всего был независим, пусть даже и с меньшими богатствами, нежели находился бы в подчинении и жил в изобилии; вот почему повелела она основать там город. По мере того как он разрастался и становился все больше, решила королева сменить его название и дать более подходящее; и памятуя о найденной сначала голове быка в том месте, где она собиралась устроить город, и о том, как была отмерена земля при помощи ремня из бычьей шкуры, а так как *carthon*¹ на местном языке и значит «шкура», то окрестила Дидона сей город Карфагеном; это и был великий Карфаген в Африке, о котором вы уже слышали.

55. О том, как Дидона основала Картахену в Испании

После того как Дидона основала великий Карфаген в Африке, о чем вы уже слышали, она приказала обнести его высокими башнями и надежными стенами, с глубоким рвом вокруг и прочими укреплениями для большей защиты; к тому же она снабдила крепость оружием и кораблями в такой мере, что все остальные африканские поселения дрожали при одном упоминании Карфагена; да и прочие города Азии и Европы, находившиеся на Средиземном море, испытывали трепет. И все из-за большого флота, который она приказала соорудить и который держал всех в страхе, так что одни были вынуждены платить ей дань, другие поддерживать ее, и почти не было тех, кто бы осмелился восставать против нее. А так как все это стоило Дидоне великих трат, то показалось ей разумным, что жители города и окрестных земель должны были ей в этом помочь: поскольку все сокровища, привезенные ею, принадлежали некогда ее мужу, теперь

¹ Эта версия происхождения названия Карфагена расходится с той, что высказана в главе 16: там Карфаген образовался от имени царя Карфона, отца Дидоны.

большей частью были растрчены, а оставшуюся она не хотела расходовать, чтобы не впасть в нищету. А посему послала она за добрыми людьми по всей стране и попросила ей помочь в этом. Прибывшие вместе с нею из Тира с радостью согласились, но местные африканцы, а их было гораздо больше, не захотели помогать; они сказали, чтобы те уходили жить в свои земли и что они не собираются платить ей дань, чтобы увеличивались ее богатства. И были они столь решительно настроены против Дидоны, что она и ее люди до смерти испугались; тогда она собрала совет и часть других своих советников, и решили они покинуть эти земли и отправиться в новые. Некоторые же попытались ее убедить, что не стоит оставлять основанный ею город, где они уже прижились, по крайней мере до тех пор, пока не станет ясно, куда ехать; она сочла подобное рассуждение разумным и решила прежде втайне отправить одного своего слугу по имени Карфон,¹ человека хорошего и разумного, и которому она доверяла; она снабдила его кораблями и всем необходимым, дабы он отправился на поиски подходящего места, она же ему окажет милость и оплатит добром за это. Боги указали Карфону на Испанию, ибо именно там сможет он найти желаемое; так он и поступил; как установилась благоприятная погода, он поднял паруса и отправился туда, где позже была основана Картахена. Когда он увидел то место, оно ему очень понравилось; также и окрестная земля, по которой он прошелся, пришлась ему по душе; люди были малочисленны и слабы, так что показалось ему, что они не будут возражать против того, что он соберется там делать. И с этим он вернулся к королеве и все ей рассказал. Когда она это услышала, то почувствовала великую радость и решила немедленно отплыть туда; однако те, кто был сначала против отъезда в неизвестном направлении, теперь посоветовали ей прежде послать того же Карфона с тем, чтобы он сам основал город в так приглянувшемся ему месте, а уж затем отправляться ей самой, если она захочет. Тогда королева дала Карфону корабли и все необходимое для того, чтобы он отправился основать город, за что, в свою очередь, обещала его вознаградить. И выполнил он все, как было велено, и основал город, большой и достославный, но не стал никак его называть до тех пор, пока королева сама этого не сделает. После того как он все это устроил, отправился за Дидоной; когда она снова его увидела и узнала обо всем, что он сделал, то сильно обрадовалась и решила выполнить данное ею обещание вознаградить раба, а потому даровала ему свободу и удостоила еще большей чести — назначила его хранителем своей казны, поскольку сочла, что он умеет правильно распоряжаться вверенными ему деньгами. А так как по-латыни свободнорожденного обозначают словом *ingenuo*, а слугу звали Карфоном, то нарекла королева новый город Картахеной. Затем она взшла на корабль, дабы отплыть в новые земли. Когда об этом узнали мест-

¹ Происхождение названия Картахена от имени слуги Карфона составляет аналогию этимологии Карфагена от имени отца царицы, также Карфона (см. Гл. 16).

ные жители, они пришли в уныние, поскольку подумали, что она покидает их из-за какой-то их измены. И пришли они все вместе к ней в великом плаче и в траурных одеждах, умоляя остаться и не лишать их защитницы; а если она не согласится, то они опустошат здешние земли и уедут вместе с ней, так как не желали оставаться опороченными. И так они слезно просили ее милости, моля ее остаться. Вняв им, Дидона отправила Карфона с людьми и кораблями стеречь тот город; он так и сделал — отправился в Картагену и завоевал все соседние земли, подчинив их себе. Теперь же наша история перестает рассказывать об этом и переходит к повествованию о смерти королевы Элиссы Дидоны.

56. *О том, как умерла королева Дидона,
согласно некоторым историям*

С тех пор как Дидона осталась со своими людьми в Карфагене, а они были готовы совершить все, что она пожелает, он весьма разросся, сделался богатым и сильным, так что те, кто невзлюбил королеву, страшно ей завидовали. Так король некоего народа по имени макситаны,¹ слышавший много доброго о Дидоне, захотел сделать ее своей во что бы то ни стало; говорили о ней, что помимо того, что она была вдовой, она к тому же была весьма рассудительна и очень богата; потому он и захотел жениться на ней, если она согласится. Однако опасаясь, что, если он прямо выкажет свое намерение, она может вдруг не захотеть, стал искать способ встретиться с ней; и решил он, что не остается ничего иного, как начать войну с Карфагеном, когда же дело дойдет до заключения мирного договора, тогда он и объявит о своем намерении взять ее в жены. Затем король отправил своих послов к ней, наказав твердо отстаивать свои интересы так, чтобы в конце концов их выгнали из Карфагена, дабы таким образом, появился повод для начала войны. И отправились послы в Карфаген и предстали пред Дидоной. Они бы с радостью раскрыли намерения своего правителя, да опасались, поскольку им было не велено; а потому выбрали они иное поведение и начали вести с ней беседу, выискивая различные поводы, чтобы добиться того, зачем прибыли. И говорили о своем восхищении королевой, ее рассудительностью, статью, тем, как она заботилась о том, чтобы ее народ не нуждался в еде, достойно одевался и хранил свои обычаи, а так как она была дамой и не могла притеснять народы, то следовало ей найти какого-нибудь короля, который бы занялся этим; сами они, однако, не знали ни одного короля, который бы согласился покинуть

¹ В тексте — *maxitanos*; максии (позднее макситаны), племя, обитавшее в области Карфагена. Имеется в виду Ярба, царь берберов, посватавшийся к Дидоне и из-за ее отказа начавший войну с Карфагеном.

свои земли и поселиться среди чужих, живущих будто дикие звери. Когда Дидона услышала это, то ответила им следующее: если им образ жизни ее и ее людей не по душе и если они хотят дать хороший совет как для нее, так и для ее страны, то она не возражает, чтобы их люди женились на женщинах из других земель. Посланников обрадовал ответ королевы, поскольку они добились именно того, зачем приехали; и сказали ей, что если женщины из ее страны могут выходить замуж за чужестранцев, то ей в первую очередь следовало бы дать всем пример. Услышав подобный ответ, Дидона пожалела о своих словах, ибо в те времена считалось, что высказанное правителем суждение было сродни закону, а потому не было способа отказаться от своих слов. Поэтому посланники ждали с нетерпением, что она исполнит обещанное. Поняв, что попалась в их ловушку, Дидона испросила у них отсрочку на три месяца. После чего обратилась за помощью к совету и рассказала о своем разговоре с послами; она думала, что, сдержав слово, поступит неправильно, так как человек, за которого она выйдет замуж, не мог равняться с ней в знатности происхождения; и они бы в таком случае оказались обманутыми поступающими так по принуждению. С другой стороны, если она откажется, то отступится от своих слов перед послами, при этом честь ее и доброе имя будут попраны и она станет меньше любима и уважаема, чем ранее. А потому она предпочла умереть, чем поступить как-то иначе. Когда истекли отведенные три месяца и настало время дать ответ тем посланникам, она взошла на высокую башню, выстроенную по ее приказанию в крепости, а у подножия башни велела положить достаточно дров; приказала созвать всех достойных мужей и народ Карфагена и рассказала им о беседе, которая была у нее с посланниками, как вы уже слышали раньше, а также о решении, которое она вынуждена принять, и по каким причинам. И сообщив все это, завещала королева им жить в мире и справедливости, защищаться от неприятеля, так как они были хорошо подготовлены с ее помощью. Завершив свою речь, Дидона приказала убить и принести в жертву много коров и баранов; сама же тем временем расхаживала по башне, рыдая и взывая к своему умершему мужу Асербу с такими словами: «Вот жертвы, что я тебе приношу, прими их и меня — я снова буду супругой твоей». И сказав это, вонзила себе в грудь меч; и упала в пламя у подножия башни и сгорела. Достойные мужи города и первосвященник, приехавший некогда с ней, собрали остатки ее костей и прах, что смогли найти, и отвезли их в храм Эскулапа,¹ возведенный ею для того первосвященника из Тира. Там устроили ей достойное захоронение, где она упокоилась, и стали почитать как богиню до тех пор, пока стоял Карфаген. Другие же сказывают, что королева Дидона покончила с собой из-за Энея, своего супруга, который ее оставил. Об этом сейчас вы и услышите.

¹ Древнеримский вариант Асклепия, бога врачевания.

*57. О том, как Эней прибыл в Африку и женился
на королеве Элиссе Дидоне*

В то время как могущественная и всеми уважаемая королева Дидона правила Карфагеном (как вы уже слышали), Эней бежал из разрушенной Трои со своим отцом Анхисом¹ и сыном Асканием;² и хотел он отправиться в Италию: сначала достиг Сицилии, где скончался и был похоронен его отец Анхис. Затем он снова вышел в море, чтобы направиться в Италию вместе со своим сыном. В дороге попали они в сильный шторм — почти все корабли затонули, спасся лишь он сам с сыном и небольшой командой; им удалось достигнуть берегов Африки, небольшого порта недалеко от Карфагена; выбрались они на берег и весь день восстанавливали там силы. С наступлением ночи, прежде чем заснуть, стал он думать о том, как им добраться до Италии; с тем и уснул; во сне же ему было сказано, что он прежде женится на королеве Дидоне, а затем отправится в земли, о коих мечтает. Проснувшись, Эней решил, что это было видение от Бога, и очень обрадовался; и отправился в путь, чтобы увидеть ее. Она же, в свою очередь, узнав о прибытии Энея и обо всем с ним произошедшем, сочла необходимым выйти к нему навстречу. Позабывшись о своем виде и взяв с собой многих знатных дам и мужей, с великими дарами и драгоценными подарками, она вышла встречать его с множеством людей. Эней же, узнав о ее намерении встретить его и желая показать себя тем, кто всегда занят войной, взял немногочисленных воинов и вышел ей навстречу; также с ним рядом был его сын Асканий, безоружный, но на диво красивый. Встретившись, они радушно приветствовали друг друга. Увидев Аскания, Дидона подивилась его красоте и подумала, что у столь чудесного сына должен быть не менее красивый отец, а поскольку Эней прибыл в вооружении, то она не смогла увидеть его лица, зато она рассмотрела его статную фигуру и в итоге влюбилась в Энея. Прибыв в город, он снял доспехи и отправился повидать ее; когда Дидона его увидела, то смогла убедиться в правдивости своих предположений и весьма обрадовалась, еще больше, чем прежде; он тоже обрадовался, так как она показалась ему очень красивой и статной. И вели они долгую беседу, в итоге речь зашла о женитьбе, и пообещали они друг другу стать мужем и женой; по этому поводу были произнесены клятвы, согласно обычаю благородных людей; затем сыграли свадьбу, пышную и богатую; и Эней сделался королем и властителем Карфагена и всех окрестных земель.

¹ Анхис — герой из рода дарданских царей, возлюбленный Афродиты, отец Энея. Согласно Вергилию, Анхис был вынесен из горящей Трои своим сыном Энеем, так как был стар и немощен, и умер во время остановки на Сицилии.

² Асканий (Юл) — сын Энея, которому вместе с отцом удалось спастись из захваченной греками Трои.

58. *О том, как Эней бежал из Африки
и оставил королеву Дидону*

Все складывалось благополучно у Энея в Африке с королевой Дидоной: во-первых, жена его была женщиной красивой и рассудительной, а во-вторых, у него во власти находился Карфаген и окрестные земли, все ему подчинялись и исполняли его приказы; еще добавилось и богатства от брака; все это сделало Энея сильным, богатым и могущественным. Так благополучно прошли три года. Но переменчивая судьба не позволяет человеку долго пребывать в одном состоянии, а потому ей было угодно лишить Энея всего, как мы вам сейчас о том и поведаем. В Карфагене был большой храм в честь Эскулапа, выстроенный по приказу Дидоны вскоре после основания города; дабы жители с еще большим удовольствием ходили туда и молились, королева приказала расписать его многими сценами великих событий, случавшихся в мире, в частности сценами из Троянской войны, воспоминания о которой были еще весьма свежи. Изображения эти были так прекрасны и богато украшены, что лучше и представить было невозможно; при этом каждая роспись представляла собой отдельный сюжет. А поскольку изображение Троянской войны было сделано позже всех остальных, то его нанесли на внешние стены галереи, находившейся как бы поодаль; несмотря на то что Эней часто приходил в храм и видел все прочие росписи, никогда не видел тех троянских. Однажды случилось так, что королева, его супруга, отвела его туда и показала весь храм, богатства, в нем хранившиеся, и росписи на стенах; затем она показала Энею то место, где была изображена троянская история. Когда он увидел ее, то очень опечалился. Во-первых, потому, что столь благородный город был разрушен и погибло много хороших людей; а во-вторых, ему не хотелось, чтобы местные жители знали о его родной земле то, чего не следовало; он покинул храм в великой тоске, но сумел это скрыть ото всех, твердо решив для себя покинуть Карфаген и больше никогда не возвращаться. Он стал думать, как сообщить об этом своей жене так, чтобы она не сильно огорчилась, и вот какие доводы он ей привел: после смерти отца на Сицилии он поклялся воздать должные почести его могиле и помянуть его душу, когда совет сочтет это возможным. В тот момент он не смог этого исполнить; теперь же, имея достаточно средств и возможностей, он во что бы то ни стало должен исполнить свое обещание и отправиться обратно на Сицилию; Эней просил понять его, поскольку это был его долг. Услышав его слова, не выдержала Дидона и разрыдалась перед ним, умоляя его не делать этого; она говорила, что ему не следовало плыть ни в какие земли, чтобы воздать хвалу отцу, так как это можно сделать и здесь, где он является правителем; что ни в каком другом месте он не найдет такого города, как этот, и не возведет нового подобного; что ни одна другая женщина не будет его любить так, как она; и что нигде ему не воздадут столько почестей, как здесь. В довершение ко всему она напомнила ему о клятвах и договоре, за-

ключенных во время женитьбы, и обещании никогда не покидать ее. Но ни эти мольбы, ни многие другие, ни пролитые слезы, ни стенания не могли заставить Энея отказаться от намерения уехать, хотя он и обещал ей вернуться. Поверив его словам, утешилась Дидона и приказала как следует снарядить супруга в дорогу, ибо по-другому не мог он покинуть Африку, кроме как с ее согласия, ведь она была королевой Карфагена и прилегающих земель. Попрошавшись с женой, Эней не захотел сразу отправиться по морю, но решил проделать часть пути по суше, с тем чтобы достойные мужи, желавшие попрощаться с ним, могли это сделать, а также, чтобы найти порт, из которого он бы мог быстрее достичь Италии.

59. Письмо, отправленное королевой Дидоной Энею

Когда королева Дидона узнала, сколь долгий путь предстоит проделать Энею, то почувствовала, что он вряд ли собирался к ней когда-либо возвратиться; наконец, в слезах и великой скорби, обеспокоенная более, чем когда-либо, она отправила послание, и вот о чем там говорилось после приветствия:¹

«Эней, супруг мой! Слова, что я тебе пишу, подобны лебединой песне, что разносится над травой в росе, песнь эта порождает скорбь в тот час, когда ей суждено умереть. Я знаю, что мои доводы не вернут тебя и не заставят сделать то, о чем я прошу, ведь бог не пожелал, чтобы я воссоединилась с тобой. Вместе с твоим уходом оказались запятнаны моя честь и доброе имя, которые я заслужила своими поступками, также потеряла я свои тело и чистоту, которую я так бережно и строго хранила. Эней, я знаю, что ты решил уйти и никогда не возвращаться сюда; как же может быть, что ты уезжаешь и покидаешь несчастную Дидону в скорби и печали навсегда? Ветер надует тугие паруса на твоём корабле и унесет тебя по морю, этот же ветер унесет с собой и твою веру. И выйдешь ты в открытое море и отдашься на волю волнам, разорвав тем самым наш договор. Ты отправляешься на поиски королевств Италийских, которые ты прежде никогда не видел и не знаешь, где они; неужели ты не вспомнишь ни о благородном городе Карфагене с его стенами и башнями, что растут и украшаются день ото дня, ни о моей власти, что я отдала в твои руки? Ты бежишь от завершённых трудов и стремишься к несовершенным. Искал ты землю по миру, и здесь ты нашел ее, теперь же оставляешь ее и идешь на поиски иной, и кто знает, какой ты найдешь ее. И предположим, что тебе повезет, и ты найдешь землю — чему радоваться? Кто согласится отдать тебе свои владения, как это сделала я, несчастная? Кто вверит незнакомцу своих подданных, как это сделала я, злосчастная, помешавшись на любви к тебе? Станешь искать там

¹ Далее следует прозаический перевод 7-й Героиды Овидия.

новую любовь и другую, что тебе поверит и полюбит, а затем окажется обманутой, как и я. Как скоро сумеешь ты возвести город, подобный Карфагену, с такими же башнями, с которых сможешь оглядеть всю твою страну? Предположим, что все будет не так, как я говорю, но как ты себе представляешь; но когда отыщешь ты женщину, что полюбит тебя так же как я, умирая нынче из-за тебя? Страшный огонь сжигает мое сердце, подобно тому как пламя сжигает все вокруг себя, даже самый твердый камень; не проходит ни дня, ни ночи, чтобы я не вспомнила о тебе, — это моя всегдашняя печаль. Я прекрасно понимаю, что все это — пустая трата времени и потеря моих лет, ведь знаю, что ты не услышишь меня и не вернешься, сколько бы я ни молила. Ты обратился против меня, и, если бы не мое безумие, я не должна была любить тебя, ибо такое зло ты мне причиняешь. Лишь одно меня утешает: чем больше ты мне причиняешь боли, тем сильнее я тебя люблю. И хотя я виню тебя в предательстве, любовь моя не становится из этого слабее, но растет с каждым днем. А потому я молю Венеру, твою мать, и Купидона, твоего брата, всесильных в делах любовных, чтобы они сжалились надо мной и внушили твоему сердцу ту же любовь, что я испытываю к тебе. И, если это невозможно, пусть они сделают так, чтобы я тебя разлюбила, как ты разлюбил меня. Ради бога, Эней, великие несчастья постигли меня: ведь я считала, что ты сын Венеры, в тебе же не оказалось ни жалости, ни любви. Ты, скорее, порождение диких зверей из густых лесов или с крутых скал, ибо в сердце твоём столько жестокости по отношению ко мне, что даже в такую непогоду ты спешишь покинуть меня по разбушевавшемуся морю. О, несчастный! Куда же ты бежишь? Разве ты не видишь, что и зимнее ненастье тебя не пускает? И если прочие мои доводы не могли удержать тебя, то сама природа мне в этом помогает. Постой, куда злой ветер вздымает волны! Ради бога, не пускайся в путь! И коль тебе не угодна моя любовь, позволь мне возрадоваться волнам, что тебя сдерживают, и отблагодарить их за твою задержку, если бы ты сам помедлил, то я была бы тебе признательна. Но даже если ты и уезжаешь, то я не могу желать тебе смерти, хоть ты этого и заслуживаешь, ибо это было бы проявлением ненависти — а ты ее ценишь даже превыше собственной жизни. Подумай, ведь морские ветры, хоть порой и бушуют гневно, в другое время миролюбивы: посмотри, как успокоились волны, а морская гладь так спокойна и тиха, что бог морей мог бы скакать по ней на своем коне, если бы пожелал; так и мне бы хотелось, чтобы твое сердце переменилось, подобно морю и ветрам. Твоя же жестокость крепче самих дубов, что растут в горах, ведь даже зная об опасности бушующих волн, чью силу ты уже испытал однажды на себе, не сумел ты извлечь урок из содеянного и вновь отдаешься на волю стихии. Остерегайся моря, ведь лишь с виду оно кажется тихим — никогда не знаешь, что ожидает тебя вдали от суши. И не бойшься ли ты, что клятвы, тобою нарушенные, навлекут на тебя несчастья, ибо Бог не захочет тебе помочь? Неверность более всего в этом мире заслуживает наказания, а тем более в любви, которая движима доверием и доброй волей. Кроме того, тебе

известно, что Венера, почитаемая у нас как богиня любви, вышла из моря и имеет власть над этой стихией и нередко карает лживых возлюбленных и тех, кто ее бесчестит, какого бы рода и происхождения они ни были. А потому я опасуюсь, что, когда она потеряет тебя, то пожелает она, чтобы ты утратил еще больше: жалость ко мне заставит богиню обрушить свою ярость на твой корабль и разбить его, чтобы ты погиб в море. Хотя я и лишилась тебя, но предпочту, чтоб ты жил. Пусть лучше я умру, так как ты оставил меня, и ты будешь виновником моей смерти, а не я твоей. Но скажи мне: случись так, что поднимется страшная буря на море, хотя лучше бы этого не было, и смерть уже будет готова настичь тебя, чего ты пожелаешь в твой последний час? Чего тебе захочется, вспомнив, как жестоко ты меня предал, когда срывались с уст твоих лживые обещания? И тогда, возможно, придет тебе на память образ жалкой и несчастной жены твоей, что была так коварно тобой предана и брошена. Будет же она тебе столь мила, как раньше, теперь, стоя пред тобой окровавленная и с растрепанными волосами? Тогда ты признаешь, что заслужил свои несчастья и беды. Скажу тебе больше — каждый раз как молнии будут низвергаться с небес на землю, ты будешь вздрагивать, опасаясь, что они сразят тебя за причиненное мне зло. Молю же тебя, дай морю утихнуть и пройти непогоде, ведь лучше помедлить, а затем смело отправляться в путь. А если ты не готов сделать это ради меня, то подумай о сыне своем, малолетнем Юле, которого берешь ты с собой. Довольно будет и моей смерти. Зачем ты хочешь подвергнуть и его жизнь опасности? Да и чем заслужил Асканий, второй твой сын,¹ погибели в море? А все те святыни богов, что ты спас от огня в Трое, и им суждено сгинуть в пучине? Все твои слова суть ложь: не спасал ты от пламени святыни, не чувствовал на плечах своих тяжесть отца, как ты бахвалишься. Ничего, кроме лжи, не сходит с уст твоих, только и знаешь, что обманывать. И я не первая, кого ты ввел в заблуждение и предал, дав лживые клятвы. Одно утешение есть у меня — когда люди спросят, что случилось с матерью² прекрасного Юла? Ответят те, что знают правду, как она погибла; что Эней, ее жестокий супруг, бросил ее одну на погибель. Клянусь богом, не о том мы с тобой говорили в былые времена, да и не думала я никогда, что придется такое нам пережить. Обиду, тобой нанесенную, не скрыть ни от кого, сама заслужила ее, выбрав тебя; а потому кара, меня ожидающая, будет меньше, чем моя вина. Но вряд ли боги сжалятся надо мной и вернут мне тебя, где бы ты ни находился — на море или на суше; семь лет ты про-

¹ В хронике происходит явная путаница с сыновьями Энея. Традиционно Асканий (или в другом варианте — Юл) является старшим сыном Энея, который покинул вместе с ним Троию. Он уже упоминался ранее в хронике при появлении Энея в Африке. Здесь же второй вариант его имени использован для именованья второго, младшего, сына, которого, согласно ряду версий, звали Сильвий, и он появился на свет уже в Италии.

² Имеется в виду Креуса; интересно, как Дидона ставит Энею в вину факт случайного исчезновения его жены (см. песнь II «Энеиды»).

вел в скитаниях, пока не оказался в моем порту, где я тебя нашла, несчастного и обессиленного; и взяла я тебя в мужья и отдала тебе мои земли, положив к твоим ногам все мои владения. Едва услышав твое имя, вручила я тебе все, что имела, и, не зная точно, кто ты, доверила все свои богатства, которые не так уж малы. И было угодно Богу, чтобы я отдала тебе все и даже больше, если бы мое тело не оказалось в твоей власти, ведь я так хранила свою честь и берегла свое доброе имя. В недобрый час встретила я тебя тогда: сильный ливень настиг нас в дороге и вынудил спрятаться под своды пещеры, где и поклялся ты впервые взять меня в жены. Ах, я несчастная! Помню, что в тот миг услышала я голоса, взывавшие, как казалось, прямо с небес: и приняла я их за пение юных дев, порой походившее на крики; тогда поняла я, что не были то звуки радости, но адские песни, которые принадлежат, как говорят благородные люди, разъяренным фуриям, вселяющим в людские сердца смертельную тоску. Уверена, то было предостережение мне, весть о грядущей судьбе. О, добродетель, мной сокрушенная, осуди и покарай меня! А ты, Асерб, законный муж мой, приди и отомсти за меня, раздели со мной свои страдания! Ах, несчастная и бесстыдная! В моем мраморном храме хранятся твои святыни, покрытые зелеными ветвями и белой шерстью. Оттуда четыре раза звали меня голоса, и услышала я знакомый голос мужа: «Элисса, приди ко мне». И я, несчастная Дидона, не стану медлить — иду к тебе, супруг мой, исполняя свой истинный долг жены. А если и медлю я, то лишь потому, что хочу отомстить за ошибку, что против тебя совершила. Но ты должен простить меня, ведь я вышла замуж за благородного мужчину и к тому же сына богини. На руках у него был старый отец, добрый и порядочный человек, и дети — вот почему я сочла его надежным спутником. Верила я, что исполнит обещанное и что останется он со мной — ведь стали супругами мы. И если ошиблась я, то только потому, что поверила обещаниям его никогда меня не оставлять; и были столь убедительны его заверения, и клялся он всеми богами, что никогда меня не обманет. Но злой рок, преследующий меня со времен моего первого брака с равным мне по крови мужчиной, не хочет оставить меня в покое. А потому привел к союзу с другим мужчиной, чужестранцем, узы с которым может порвать только смерть. Ах, несчастная! Сколько бед выпало на мою долю в этом мире! Убили супруга моего Асерба пред алтарем прямо у меня на глазах — и сделал это король, мой брат; а затем мне пришлось отправиться в изгнание из страны моего отца, где я родилась и выросла и где оставила останки моего мужа; и отправилась в трудный морской путь, преследуемая войсками врагов, и оказалась в чужих краях, среди людей мне незнакомых; и не угодно было Богу, чтоб я погибла от рук моего брата или от бурь, и привел он меня к этим берегам, и вручил мне эту страну, что тебе отдала я, неверный Эней. И купила ту землю я за свои богатства, и основала на ней знатный город, и окружила его стенами и башнями, и такое начала строительство, что позавидовали мне все соседи, вовлекшие меня в войны со множеством битв; и от всех отбивалась успешно, хотя чужестранка и жен-

щина я; и напали они столь мощно и внезапно, что едва успела я поставить ворота в городе, дабы защититься от врагов. Великое дело, Эней, женщине одной защититься от стольких врагов и не устоять перед твоим лживым языком. Тысячам мужчин более знатного происхождения я пришлось по душе, и просили они моей руки, но ни к одному не захотела я повернуть головы, за это теперь я так нелюбима, и еще более оттого, что выбрала тебя среди всех и назвала своим мужем чужестранца, не зная, кто он. Эней, отчего тебе доставляет такое удовольствие терзать меня; почему не отдал меня Ярбу, королю гетульскому,¹ который бы с радостью предал меня смерти, так как я предпочла тебя ему; или в руки моему брату Пигмалиону, королю Тира, которому также было бы приятно убить меня, поскольку сбежала я из страны родной без его разрешения и увезла богатства моего супруга. Эней, оставь богов и святыни, что держишь, ты оскверняешь их своим лицемерием, и тебе должно быть известно, что тот, чьи руки грязны, не может почитать святыни; я же считаю, что если это и впрямь святыни, то им не угодно было, чтоб ты их спасал из огня Трои: они скорее бы позволили сгореть там. Лживый, ненавистный, ко всему тяжкой ты оставляешь Дидону и должен уразуметь ты, что если сейчас я умру, то и ребенок² погибнет со мною вместе; неужели не больно и не жалко тебе губить нас обоих? И даже если я заслуживаю всего того зла, что ты мне желаешь, но чем заслужил его еще не рожденный брат Юла? И кажется мне, что хочешь двоих нас заставить страдать, лишив в одночасье жизни. Эней, силой того бога, что велит тебе уехать отсюда, хотела бы я, чтоб обладал другой, который бы сделал так, что ты никогда бы сюда не являлся, не видел бы твой род Тевкров³ земли африканской. Но я молю того бога, который привел тебя из стольких стран и что вел тебя сквозь сильные бури по морю, столь враждебного к тем, кто пускается в путь, чтобы он дал мне право на тебя. Ради бога, Эней, даже если теперь Троя была бы столь великой, как и при Гекторе, неужели пожелал бы ты ее завоевать и бросить меня и то, что я тебе дала, и отправиться на поиски чужого, в неведомые места. Уже не вспоминаешь ты реку Симоис, что в Трое, откуда ты родом, и отправляешься на поиски вод Тибра? И если достигнешь их, то будешь там пришельцем, и куда ни прибудешь — повсюду ты будешь чужим; пусть тебе сопутствуют добрые ветра в море, и пусть будут легки весла твоих кораблей, но лишь стариком достигнешь ты той страны, куда хочешь направиться, когда уже будет тебе это не в радость.

¹ Ранее Ярба был назван королем макситанов, что, скорее всего, свидетельствует о компиляции ряда источников и, как следствие, несогласованности ряда событий / имен.

² Дидона преувеличивает вину Энея, представляя его убийцей не только ее, но и ее будущего ребенка.

³ Тевкры — согласно древнегреческой мифологии, народность, населявшая древнюю Трою.

А потому, Эней, лучше останься и возьми то, что уже имеешь, и не ищи неведомого; прими эти народы как приданое — я даю тебе то, что ты мне должен был дать; и несмотря ни на что, я сделаю тебя хозяином великого сокровища, что я увезла из страны короля Пигмалиона, моего брата; и если все говорят, что был ты весьма удачлив в Трое, то теперь еще большее счастье ждет тебе в Карфагене Тирийском, заселенном нами, тирийцами; будешь жить с почестями, как подобает королю, тебе будут принадлежать все святыни и власть над страной. А если вдруг ты бежишь в поисках битв, чтоб порадовать сына твоего Аскания, который так любит сражаться; не оставляй меня лишь поэтому, так как я предоставлю тебе поприще, на котором найдешь с кем сразиться: пусть станут мои враги и тебе врагами, ведь нажила я их из-за тебя; в здешней стране довольно найдется места и миру, и войне, чего захочешь; а также праздному времени и военному делу; в любом случае, здесь ты найдешь в избытке все, в чем нуждаешься. Потому молю тебя душой твоего отца и стрелами Купидона, твоего брата; и добрыми людьми, что тебя сопровождают в бегстве; и богами Трои, чьи святыни ты везешь; пусть ждут вас победы и помогает вам Марс, бог войны, во всех военных делах, и будет он всегда на вашей стороне; не понесешь ты вреда от неприятелей, но выйдешь победителем; живите долгие годы в счастье ты и сын твой Асканий; пусть кости твоего отца Анхиса покоятся с миром и честью в твоей стране и никогда оттуда не увозятся — сжался надо мной и пощади дом, что так легко был отдан в твою власть. К тому же нет у тебя повода меня не любить, если как следует ты поразмыслишь, единственной моей ошибкой было то, что полюбила тебя; но я не Елена, что родом из греческих Микен, я не смешивала любовь к мужу и другому мужчине, как поступила она с любовью к Менелаю, своему мужу, и чувством к Парису; такого бы я не сделала ни в коем случае, поскольку с того момента, как полюбила тебя, другой любви не испытывала, не испытаю, пока жива. А потому я или буду жить во грехе с тобой, или приму ужасную смерть. Если стыдишься меня, красивую жену твою, пусть буду сожительницей или даже хозяйкой, только б остался ты, а я была бы твоей — и этим буду довольна. Эней, мне хорошо знакомы морские воды, что бьются об африканские берега, и знаю я, что есть времена спокойные для навигации, а другие — опасные; поэтому прошу тебя и советую остаться и дожидаться погоды, тогда ждет тебя лучшая дорога, и сможешь быстрее добраться туда, куда стремишься; ты же видишь — когда разыграется море, то поднимает и волны и песок, а ведь они весьма затрудняют путь кораблям; потому не пускайся в плавание в эту пору, грозящую погибелью; пошли за мной — я усмирю непогоду; если поступишь так, то позже уедешь отсюда. И хотя я тебе это говорю, понимаю, что причиной явилась погода; не позволю тебе отдохнуть до тех пор, пока не уплывешь; сейчас же тебе этого делать не советую. По меньшей мере, не принуждай рыцарей и других твоих спутников, ведь они хотят переждать здесь зиму; к тому же флот в плохом состоянии, прежде следует подготовить корабли. Потому молю тебя — задержись, ради того,

что я сделала для тебя или могу еще сделать, так как заслужила, чтобы ты дал мне еще немного времени, о котором прошу; в такую погоду никому не следует пускаться в море, только если он откажется и решится умереть или сгинуть. Ты должен так поступить, чтобы выказать мне хоть немного любви; пока успокоится море, чтоб могла я успокоить сердце, полное любви к тебе; меж тем буду учиться, как справляться с грустью и печалью; укреплю сердце мое, чтобы могло оно вынести страдание. Если ж и это неугодно тебе и желаешь, чтоб я в любом случае умерла, скажу тебе, что недолго сможешь терзать меня своей жестокостью, так как хочу немедля избавиться от долгих терзаний. Ах, Эней! Если бы ты мог вообразить или представить сейчас мой образ: как я пишу это письмо, держа на коленях меч, что ты дал мне, привезенный тобою из Трои; и слезы мои льются прямо на него; но вместо слез вскоре падут на него капли моей крови, если не дашь твоего совета в этой беде моей. Ради бога, Эней, как созвучен этот меч подарку, что ты мне вручил, будто и правда похоже, что дал ты мне его, чтобы я заколола себя им. Пусть так и будет, если я тебе не дорога, устрою все так, чтобы в краткий срок исполнить все сказанное. И не думай, что сердце мое лишь теперь было впервые пронзено, всегда оно было ранено с той поры, как впервые тебя увидела, ранено сильной любовью. Анна, сестра моя! Сестра моя Анна, ты знаешь обо всем случившемся, есть ли вина в том моя; и когда я умру, возьмешь мое тело и сожжешь на костре погребальном, согласно обычаю среди людей знатного происхождения; но на каменной урне, куда положишь мой прах, не пиши — здесь покоится Элисса, жена Асерба Сихея; но выбей на мраморе слова, что гласят:

Prebuit Eneas et causam mortis et ensem

Ipsa sua Dido concidit icta manu,

что на кастильском означает следующее:

Смерти обрек Дидону Эней, и меч ей вручил он, —

Но поразила она собственной сердце рукой.

60. О том, как умерла королева Дидона

Таким было письмо, как вы сейчас слышали, отправленное Дидоной Энею; но так как он не захотел вернуться и не прислал ей ответа, которому бы она могла обрадоваться; столь велико было ее горе, что в итоге приказала собрать всю свою свиту из достойных мужей и весь остальной народ; и как только все собрались, взошла она на вершину самой высокой башни, что приказала возвести на скале, называемой Бирсой; и оделась в самые пышные одеяния, согласно местному обычаю, и распустила косы и растрепала волосы; и разорвала одежду у себя на груди, и начала звать своего первого супруга Асерба и произносить те слова, что вы уже слышали раньше в истории. И произнеся все это множество раз, взяла меч,

данный ей Энеем, и вонзила себе в грудь так, что пронзил он ее насквозь; и упала она с той башни в огонь, о котором вы уже слышали. Теперь же история оставляет свой рассказ о ней и возвращается к повествованию о том, что делали жители Карфагена после ее смерти.

61. О том, что делали жители Карфагена после смерти королевы Дидоны

Вот так, как мы вам рассказали, и погибла королева Дидона, убив себя мечом, что дал ей Эней, из-за великого горя по нему, оставившему ее и уехавшему; в этом сходятся и все прочие истории, которые рассказывают об этом. И когда она погибла, то подняли о ней великий плач все в ее землях, а жители Карфагена собрали останки и прах, что смогли отыскать, и с большими почестями поместили в храм Эскулапа как святыню; и пока стоял Карфаген, всегда ей поклонялись и почитали как богиню, веря, что ее святость помогает им во всех делах; и поэтому устраивали большие празднества каждый год в день ее смерти. Но если страна и оставалась без правителя, то потому, что королева Дидона не оставила сына — ни от Энея, ни от другого мужа, который бы смог ей наследовать; а если таковые и имелись, то были уже мертвы; поэтому жители Карфагена, как люди преданные, приняли в качестве правительницы Анну, ее сестру; она вышла с большими почестями замуж за некоего короля, чьего имени история не сохранила, и был у них сын, которого нарекли Мазеем;¹ он-то и унаследовал империю Карфагена вслед за своей матерью. За Мазеем во главе империи стал его сын Магон,² а его потомки стали называться магонидами. Этот Магон так преумножил власть, возвысил ее честь, что стал почитаться одним из великих правителей в мире; так что никто из имеющих много богатств и обладающих сильной властью никогда не прекращал воевать против него: как с остальными соседними народами, так и между собой. Так что правдивыми оказались слова мудрецов о голове коня, что там была найдена: месту этому всегда суждено пребывать в состоянии войны. И хотя все у них складывалось удачно в остальных делах, все же неудача их ждала, когда стали они воевать с римлянами. Как повествуют те, кто написал истории Африки и Рима, причиной этой

¹ Мазей — искаженное римскими историками имя Малх. Малх (ум. ок. 535 г. до н. э.) — карфагенский полководец, при котором у Карфагена появились заморские колонии. Казнил своего сына, за что потом был казнен сам.

² Магон Великий (ок. 535—520 гг. до н. э.) — правитель Карфагена, полководец, реформировал армию, укрепил мощь государства, при нем Карфаген расширил свои границы и увеличил свою военную славу. В испанском оригинале оно заменено на *Pago*, от которого возникло название народа — *paganos*. Этимология основана на *Oros. IV. 23. 4.*

войны была, скорее, зависть, нежели какая-либо иная вещь: они хотели выяснить, какой из двух городов — Рим или Карфаген — лучше. В ходе той войны было много битв и сражений, в которых побеждали то одни, то другие. Вся же война состояла из трех этапов: первый начался во времена консулов Аппия Клавдия¹ и Квинта Фабия,² через четыреста шестьдесят шесть лет от основания Рима, и длился двадцать три года;³ и так были опечалены жители Африки этой войной, что вынуждены были заключить перемирие с римлянами на двадцать лет; по этому соглашению африканцы отдавали римлянам острова Сицилию и Сардинию, которые завоевали и считали своими. Это двадцатилетнее перемирие было подписано во времена Лутация,⁴ римского консула; дабы устрашить жителей Карфагена, близ города Эрикс было убито около двух тысяч лучших людей, что там были, и было заключено перемирие, о чем вы уже слышали.

Вторая война африканцев против римлян началась в 534-м году от основания Рима, в консульство Гая Корнелия Сципиона первого и Марка Клавдия Марцела; и начал эту войну император Карфагена Гамилькара, а закончилась она во времена императора Ганнибала, его сына, когда в Африке его победил юный Сципион, как вы уже слышали. И если в первую войну состоялось много битв и сражений, в которых погибло много достойных мужей, то еще больше было их во время второй и еще более значительные потери и утраты понесли римляне, так как после этой войны Ганнибал отправил в Карфаген три мойо золотых колец, как вы уже ранее слышали, дабы показать, сколько бед он причинил римлянам. Но в итоге африканцы так сильно были разбиты в ходе этой второй войны, что вынуждены были перейти под власть римлян и подчиниться им, а также отдать много добра, о чем мы уже выше рассказали. Мир после этой второй войны продлился пятьдесят шесть лет. Третья война разра-

¹ Аппий Клавдий Кавдика (*caudex* — чурбан, болван; получил это прозвище за неудачный штурм Сиракуз). Во время первой Пунической войны командовал римской эскадрой у берегов Сицилии. В битве при Мессане разбил войско карфагеняи; захватил несколько важных крепостей на Сицилии.

² Коллегой Аппия Клавдия Кавдики был Марк Фульвий Флакк — древнеримский политический деятель из плебейского рода Фульвиев. Квинтом Фабием его называет Орозий (IV. 7. 1). Во время первой Пунической войны Фульвию выпало командование в войне с этрусским городом Вольсинии, последней общиной Италии, не подчинявшейся Риму. Марк Фульвий взял город, а его защитников распял на крестах. За эту победу он получил триумф.

³ Первая Пуническая война между Римом и Карфагеном (264—241 гг до н. э.)

⁴ Гай Лутаций Катул — римский консул 242 г. до н. э. Один из так называемых «новых людей». Во время своего консульства он занимался постройкой нового римского флота. Возглавил новый флот в битве у Эгадских островов, где римляне разбили карфагенский флот Гамилькара Барки. Эта победа положила конец первой Пунической войне.

зилась в консульство Луция Цензорина и Марка Манилия,¹ и было это, когда исполнилось 602 года от основания Рима; война эта продлилась всего четыре года, но была гораздо тяжелее для карфагенян, чем две предыдущие. А началась она следующим образом: карфагеняне, неспособные жить в мире, восстали против римлян, хотя прекрасно поняли после двух предшествующих войн, что не сумеют совладать с ними. Римляне страшно разозлились на карфагенян — во-первых, потому что они пожелали сравняться с ними в величии города, силе и деяниях, а во-вторых потому, что те всегда нарушали соглашения, которые заключались с ними; карфагеняне хотели поднять не только жителей Африки, но и испанских и всех остальных, которые им поверят в том, что они сносят ежедневно от римлян великие беды; тогда римляне собрали свой совет, чтобы решить, должен ли Карфаген быть разрушен раз и навсегда, либо они его сохранят на определенных условиях. Так, одни говорили, если его разрушить, то впредь не с кем будет вести войну, что тот народ начнет ссориться промеж себя, так, что они сами друг друга уничтожат, поэтому сила Рима уменьшится и он придет в большой упадок и подвергнется нападению со стороны врагов; а потому, если разрушить Карфаген из благих помышлений, решение это принесет лишь вред. Другие же говорили, что Карфаген был решительно настроен идти войной против Рима и причинить ему как можно больше бед, чтобы сравниться или даже превзойти его в мощи и славе; они это знали по многим бедам и большим потерям, которые отсюда происходили, это сулило потерю друзей и родных, которые у них были, а также великих богатств в большом количестве, так что они окажутся в бедности, как это уже было раньше. И что хуже всего — африканцы придут в Рим и выстроят войска перед городом, и кровь римлян прольется по его землям; а потому они считали, что его нужно разрушить и вырвать из сердец воспоминание о Карфагене навсегда, так, чтобы, кто бы ни услышал о нем, не осмелился бы никогда подняться против власти Рима.

Эти доводы горячо отстаивались одними и другими; но в итоге, и была на то воля Божья, решили достойные люди из римского совета, что Карфаген должен быть разрушен в любом случае; а Рим будет отомщен за великие злодеяния, что от него претерпел. После того как было принято такое решение, они собрали очень большое войско, командующими поставили Луция Цензорина и Марка Манилия, римских консулов, и отправили вместе с ними Сципиона, внука другого Сципиона, Африканского, о котором вы уже слышали. Этот Сципион в ту пору был трибуном и очень смелым воином, а также сильно желал положить конец тому делу, из-за которого его туда посылали. Когда войско отправилось из Рима, они вышли на своих кораблях в Средиземное море и прибыли в Утику, бывшую тогда одним из главных городов во всей Африке. Жители ее очень хорошо

¹ Луций Цензорин и Маний Манилий были избраны консулами в 149 г. до н. э. (605 г. от основания Рима).

встретили римлян, и тогда они сошли на сушу, разбили палатки, расположили войско, как было условлено, и отправили послание карфагенянам, чтобы те явились туда, где они их ждали.

*62. О совете, на котором карфагеняне решали,
как дать отпор римлянам*

Когда карфагеняне узнали о том, как римляне прибыли в Африку, то очень испугались: во-первых, потому, что это произошло очень неожиданно, а во-вторых, потому, что те представляли собой большую силу. Также они поняли, что римляне сделали это только затем, чтобы уничтожить их; поскольку было обычным делом для Рима, когда они желали разбить какую-либо страну, то тайком собирали свое войско, так что об этом едва ли могли узнать те, против кого они собирались выступить, ни заподозрить это. Карфагеняне еще больше испугались, когда узнали, что римляне захватили земли в Африке, а жители Утики приняли их с миром и не оказали сопротивления. Потому было решено созвать совет только из жителей Карфагена, так как не было времени посылать за другими представителями королевства, и вот что они сказали: «До сегодняшнего дня мы находились в мире с римлянами, как всем об этом известно; и если мы сделали что-то, что заставило их выступить против нас, то об этом еще никого не известили; вот они подумают, почему встретили римлян миром жители Утики, которые нам как братья и заодно с нами; и нам стоит опасаться, что и жители других земель поступят так же. Потому следует поступить так, чтобы избежать тех великих бед, которые они могут нам принести; и решить, как нам поступить в этой ситуации». По этому поводу было высказано много различных мнений, но в итоге все согласились встретиться с римлянами, чтобы те дали знать, зачем пришли и чего хотели. Тогда собрались лучшие люди Карфагена и отправились на встречу. Когда они прибыли к римскому войску, то были встречены весьма плохо; они спросили римлян, почему те выступили против них; тогда карфагеняне привели им много причин, по которым они это сделали; в итоге римляне потребовали от них отдать все оружие, что у них имелось, а также корабли. После этого добрые жители Карфагена удалились с тем, чтобы держать совет, и сказали так: «Если на этой встрече нам будет причинено зло, а мы этого не хотим, поскольку нас мало и мы плохо вооружены и всего лишь желаем отстоять наше право, нам не остается более ничего, как выполнить то, о чем просят римляне. В противном случае мы окажемся в плену, или нас убьют, или нанесут оскорбление, так что пусть лучше мы умрем. Если же сейчас мы уступим, то может случиться так, что в итоге потеряем Карфаген и все королевство. Поэтому нам не остается ничего другого, как отдать римлянам то, о чем они просят». После этого они отправились к римлянам и сказали им, что отдадут то, о чем они просят, и подчинятся им; римляне ответи-

ли, чтобы карфагеняне отдали оружие и корабли, а после они сделают то, что должны сделать. Тогда жители Карфагена послали за оружием в город и, как рассказывают истории, принесли его так много, что им можно было бы вооружить всех жителей Африки. Как только римляне его получили, то приказали жителям Карфагена направиться к городу, но не входить в него, а держаться на расстоянии в десять тысяч шагов; они также назначили срок передачи кораблей, после чего карфагеняне вернулись к себе в город. По дороге они стали совещаться, и вот о чем они говорили: «Римляне нам дали понять, что у них недобрые намерения против нас; с одной стороны — они забирают у нас оружие и корабли, с другой — велют, чтобы мы не входили в город; посему, как только мы прибудем в Карфаген, следует созвать совет, чтобы решить, как поступить прежде, чем случится что-то хуже того, что уже произошло». Так они и поступили; прибыв в город, знатные мужи собрали совет со всеми остальными жителями и сказали, что подобно тому, как честь включает в себя все благо мира, так и бесчестие — все зло, а посему более достойна славная смерть, нежели жизнь в бесчестии. Тогда посланники рассказали обо всем, что произошло с ними у римлян, об оружии и кораблях, отданных им, и о том, что им было велено не входить в город; и столь велико было это бесчестие, что никогда не будет отомщено. А потому будет лучше, если их убьют, когда они будут защищаться, чем остаться под дурной властью римлян; кроме того, у них надежный и укрепленный город, в котором они смогут обороняться до тех пор, пока не придут на помощь другие жители королевства. И хотя они отдали римлянам оружие, у них все же осталась некоторая его часть, и они прикажут сделать еще больше, чтобы потом защищаться. Если Богу будет угодно, чтобы они были удачливы против римлян и одолели их, то они и их город обретут свободу, ибо свобода — это одно из наивысших благ в мире, поскольку нет ничего, что бы могло с ней сравниться и быть равной. А если им случится проиграть, потерпев поражение и потеряв город, как это часто случается в ходе войны: победить одних, затем других, а они оказываются побежденными: те, которые некогда были хозяевами и почитались, потом попали в рабство и утратили почести, а другие стали их господами; и это естественная вещь, которая была и будет в мире всегда. А посему не страшитесь смерти, ибо это лучше, нежели жить обесчещенными. Когда те посланцы, что побывали у римлян, произнесли эти слова, то весь народ Карфагена согласился со сказанным ими и счел это добрым советом; затем они отправились в город, вошли в него и провозгласили вождями двоих людей с одинаковым именем Гасдрубал,¹ происходивших из рода других императоров, о котором история уже рассказывала, и поклялись исполнять все, что они прикажут. Затем они послали сообщить всему королевству о том, как узнали, что рим-

¹ Гасдрубал Баркид (убит в 221 г. до н. э.) — карфагенский полководец, сыгравший важную роль во Второй Пунической войне, зять Гамилькара Барки. Второй Гасдрубал — Гасдрубал Гискон (умер ок. 206 г. до н. э.), брат Ганнибала.

ляне пришли в Африку, дабы уничтожить ее и обратить навсегда в рабство; а потому карфагеняне советуют и увещевают всех восстать, запастись всем необходимым в городах и замках и защищать их так хорошо, как только смогут, а также быть готовыми прислать им подмогу, ибо жители Карфагена встанут щитом на защиту всей страны. После того как письма были разосланы, они собрали все оружие, что имелось, и поняли, что его не достает для большого числа горожан, а потому приказали кузнецам и мастерам, работающим с другими металлами¹ изготовить оружие так быстро, как только они смогут; собрав все железо, имевшееся в городе, и сделав оружие, они поняли, что им будет его мало, а потому сказали, что любой металл, который найдется, сгодится, чтобы ранить и убивать врага; поэтому они повелели делать оружие из меди и латуни. А после того, как и этого не хватило, они стали использовать серебро и золото, так что им удалось обеспечить оружием весь город.

63. О том, как римляне осадили Карфаген и ушли оттуда

Когда римские консулы узнали о решении, принятом жителями Карфагена, и том, что они подняли восстание, не желая исполнять заключенного между ними соглашения, то поднялись с места и расположились лагерем близ Карфагена; после того как войско отдохнуло, они напали на город. Находившиеся внутри очень хорошо защищались, часто совершали вылазки к римлянам, нанося большой вред и убивая их. Но римлян было множество, они были отлично вооружены и имели различные приспособления для того, чтобы разрушать города и замки; они уже разрушили часть крепостной стены и сделали в ней большую брешь, сквозь которую хотели проникнуть в город. Когда оборонявшиеся увидели это, то решили, что лучше выйти и сражаться с ними, чем обороняться до тех пор, пока они не ворвутся силой. Все согласились в этом с одним из предводителей — Гасдрубалом, поскольку другой отправился в королевство Тегазу,² чтобы привести подмогу; они выскочили очень слаженно и все как один бросились на римское войско; чудесным образом им удалось убить многих, другие были разбиты и пустились в бегство в таком беспорядке, что все в итоге там и погибли, никто не сбежал, кроме Сципиона,³ поставившего свое войско между армиями кар-

¹ Русскому слову «кузнец» соответствует старокастильское «ferrero», восходящее непосредственно к слову «ferrum», железо. Поэтому для работ привлекаются мастера, работающие с другими, в том числе драгоценными, металлами.

² Тегаза — город в северной Африке, основанный в X в. рядом с соляными копиями. В Средние века был населен берберами.

³ По-видимому, речь идет о Сципионе Младшем Африканском Нумантийском, о подвигах которого будет рассказано в главе 65.

фагенян и римлян; но так боялись его африканцы и все из рода Гасдрубалов, что никогда бы не осмелились прийти туда, где он остановился. Поэтому, когда они увидели, что он и его люди бросились в атаку, они побежали внутрь и стали искать убежища в городе; и так он их напугал, что силой заставил войти через городские ворота и запереться там. Таким образом Сципион защитил римлян, которые бы были окончательно разбиты, если бы не он. Но все же римское войско не могло там оставаться и вынуждено было сняться, поскольку к карфагенянам пришла великая помощь со стороны жителей Африки и Испании; жители Картахены пришли им на выручку и учинили великий вред римлянам; и хотя большая часть Испании находилась во власти Рима, жители Картахены никогда не желали ему подчиниться и всегда поддерживали африканский Карфаген, памятуя о своем происхождении и чувствуя себя в долгу перед ним; ведь ранее вы уже слышали, что оба они были основаны королевой Дидоной.

64. О том, как римляне оставили Карфаген и Сципион направился в Рим

Поскольку африканцы пришли на помощь Карфагену, то римляне, державшие его в осаде, решили возвратиться в Рим и получше подготовиться, чтобы еще раз пойти на него; из этого было ясно, что у них сократилось число людей по сравнению с тем, что они привели вначале, и к тому же им не хватает продовольствия, к тем же каждый день прибывала помощь и все, в чем они нуждались. Поэтому они посчитали, что лучше будет вернуться; был на том совете и трибун Сципион. Один из консулов, по имени Цензорин, прямоком направился в Рим,¹ другой же консул, которого звали Манлий, не пожелал ехать туда, поскольку счел, что столь внезапный уход более напоминает поражение, нежели что-то иное, и посему решил не покидать эту страну до тех пор, пока не совершит какое-нибудь деяние, дабы возвратиться в Рим с честью и славой. Тогда взял он войско и отправился на поиски Гасдрубала, того, что собирал народы Африки в помощь Карфагену; а так как он не нашел его в городе Тегаза, где, как он полагал, тот должен был быть, то напал на этот город, взял его силой, убил там двенадцать тысяч человек, пленил семь тысяч, разграбил все, что смог найти, и отправился с этим в Рим. Однако трибун Сципион, после того как войско ушло из Карфагена, и прежде чем отправиться другой дорогой, узнал о том, что умер нумидийский король Масинисса,² было ему чуть более шестидесяти и был он добрым другом римлян; а также о том, что он оставил свои владе-

¹ Цензорин возвратился в Рим осенью 149 г. до н. э. для проведения выборов.

² Масинисса (ок. 149 до н. э.) — первый царь Нумидии, наиболее известный своим участием в качестве римского союзника в битве при Заме во Второй Пунической войне.

ния Сципиону, близкому как ему, так и его сыновьям, коих было около сорока; и поступил он так потому, что доверял ему более, чем любому другому достойному человеку, пришедшему из Рима. Поэтому, как только Сципион получил известие об этом, то отправился туда, приказал собрать всех сыновей того короля, выбрал трех из них, которые, как он полагал, были способны управлять королевством, и разделил его между ними.¹ Также велел им заботиться об остальных детях короля, как мальчишках, так и девочках, с тем, чтобы они жили в чести и достатке, как и подобает королевским детям. После того как Сципион все уладил с согласия знатных людей той страны, он собрался, взял так много людей, как мог, и снова вернулся к Карфагену. Один из Гасдрубалов, избранный жителями Карфагена предводителем, был племянником того короля Масиниссы, и он сумел наконец устроить встречу со Сципионом близ города; эти переговоры помогли римлянам, а этого Гасдрубала убили свои же люди за предательство. После того как это произошло, Сципион вернулся в Рим и рассказал всем об удручающем положении в Африке, и особенно в Карфагене, говоря, что нужно направить туда все силы, чтобы завоевать и навсегда сокрушить всю страну. И столь убедительные доводы он им привел на этот счет, что они пришли к выводу послать туда его самого, так они и сделали.

65. О том, как Сципион осадил Карфаген

Этот Сципион направился с большим войском прямо к Карфагену, настолько скрытно, что карфагеняне даже не заподозрили этого. Когда же они прознали об этом наверняка, то были очень удивлены: во-первых, поскольку римляне не раз бывали разбиты и побеждены здесь и карфагеняне думали, что те никогда более не осмелятся двинуться против них; и даже если бы они захотели это сделать, то не нашлось бы никого, кто решился это предпринять — так карфагеняне их проучили. Но и без того, даже если бы римляне привели бы сюда множество воинов, они не смогли бы вступить в битву: насколько были воодушевлены осаждаемые, считавшие, что ни один человек не способен нанести ущерб их городу, поскольку городские стены были на удивление высоки. А как говорят истории, которые повествуют об этих событиях, городская стена имела протяженность в 22 раза по тысяче шагов, с другой же стороны его по всей протяженности прикрывало море, не считая рвов шириной в три тысячи шагов. Городская стена имела тридцать шагов в ширину и сорок шагов в высоту, и, помимо этого, там стоял алькасар, возведенный королевой Дидоной на очень высокой скале, называемой Бир-

¹ Масинисса умер в 148 г. до н. э., оставив после себя сорок четыре сына. Сципион разделил власть между тремя сыновьями: Миципсой, Гулуссой и Мастанабалом.

сой,¹ и крепость именовалась так же, как и скала; она имела в окружности две мили и была выложена из обтесанных камней превосходной отделки. С одной стороны к ней примыкала городская стена, которая тянулась вплоть до скалы, где находился алькасар. С другой стороны ее защищало море, так что с самой вершины крепости можно было издали видеть приходящие корабли. Та часть моря, которая достигала цитадели, заполняла ров, и скалы были настолько высоки — как с той, так и с другой стороны, что ни ветры, ни бури не могли навредить этой цитадели; и был это порт, считавшийся лучшим во всей Африке, ведь корабли здесь стояли весь год, не опасаясь бури. Порт, расположенный между двумя валами, был устроен на манер языка — очень узкий на конце, он расширился у основания там, где он входил в город. И настолько хорош был этот порт, что город был основан и заселен, прежде всего, благодаря своему расположению, чем по какой-то иной причине. И поэтому карфагеняне, полагаясь на эту крепость и на свое преимущество против римлян, считали, что никто и никогда не сможет причинить им вред, по этой причине не пожелали обзавестись ни припасами, ни людьми для того, чтобы противостоять натиску врага, тогда как излишняя уверенность зачастую приводит людей к смерти или к великому ущербу, поскольку они не заботятся о себе и не защищаются так, как должно. Так и произошло с карфагенянами, поскольку из-за своей беспечности они были уничтожены навсегда — так, как вы сейчас услышите.

*66. Как Карфаген был разрушен таким образом,
что никогда не возродился вновь*

Павел Орозий рассказывал в своей истории, что римляне всегда были настолько воинственны, что никогда не пребывали в мире, не ведя войны либо с внешними врагами, либо между собой, и всегда сражались ради славы и возвеличивания имени их города, и поэтому Рим приобрел такую власть и снискал такую известность, что о нем говорит весь мир.² И когда римляне увидели, что карфагеняне их разбили, так, как об этом было рассказано выше, то, хотя они горевали из-за нанесенного им ущерба, но гораздо более сокрушались из-за доброго имени, обретенного карфагенянами, и что сделались они равными им так, что, когда одни прославляли Рим, другие воздавали хвалу Карфагену, и это равенство уязвляло их, как ничто другое, поскольку равный не имеет власти над равным. Поэтому они реши-

¹ Бирса (созвучно с греч. βύρσα — бычья шкура) — карфагенская цитадель, возведенная на одноименной возвышенности (как и сообщает хронист). Именно с нее началось строительство Карфагена. Сохранившиеся руины относятся к римскому времени. Легенду об основании Карфагена, объясняющую созвучие, см. выше в гл. 53.

² См., например: *Oros.* II. 4. 1.

ли разрушить Карфаген любыми способами, ибо утверждали, что, если он останется на месте, то все приложенные прежде усилия потеряют смысл; ранее они уже потеряли своих родных и свое имущество, а там, где они желали стяжать славу, обрели бесчестие. И потому они твердо решили вернуться туда и уничтожить его. Думая о том, как консулы лучше всего проявили себя в войне с ними, они пришли к выводу, что лучшим был Сципион, сын другого Сципиона, Африканского, который некогда уничтожил Самору,¹ и считали его человеком отважным и рассудительным; а, кроме того, этот самый Сципион, даже не будучи консулом, уберег римлян, уцелевших от разгрома, когда карфагеняне захватили в плен консулов Цензорина и Манилия.² И поэтому весь римский сенат пришел к согласию, что он примет консульское достоинство, выступит против Карфагена и уничтожит его. И он ответил им, что это очень серьезное дело — идти на столь прославленный город с крепостью и войском, и к тому же расположенный так далеко от земли римлян; но дабы почтить их и дать понять, что он знает, как осуществить означенное великое дело, он согласился его исполнить и принял консулат. Затем сенат снабдил его в достатке всем, в чем он нуждался, так что он собрал многочисленное войско и флот. Это произошло в шестьдесят второй год от основания Рима, а от второй войны до этой, уже третьей, прошло пятьдесят лет, и были тогда консулами в Риме Гней Корнелий Лентул и Луций Мумий.³ И случилось так, к несчастью карфагенян, что, насколько римляне оказались проворны в своем желании пойти на них войной и уничтожить их, настолько же сами они были медлительны и беззаботны, не сделав ничего для того, чтобы защититься. И Сципион, зная об этом, пошел на них немедленно и окружил город с суши и с моря. И когда карфагеняне увидели это, они вышли за стены, надеясь, что все у них закончится так же, как в прошлый раз, и вступили в великую битву, которая длилась целых шесть дней и шесть ночей, в течение которых войны отдыхали крайне мало, так что, почти не переставая, поражали и убивали друг друга. А затем карфагеняне, так как они не были ни подготовлены, ни обеспечены оружием и всем остальным, необходимым в таком случае и к ним не пришло ни подкрепление, ни помощь от тех, кто, по обыкновению, к ним являлся, поскольку они никому не дали об этом знать; а также, поскольку погибли многие наиболее достойные из них люди, и, видя все свои невзгоды, они предпочли отбиться и запереться в городе, надеясь на то, что римляне заключат с ними перемирие, как они делали это раньше. Но консул Сципион, у которого не было на уме иной цели, кроме как унич-

¹ Кельтиберский город Нуманция (находившийся рядом с современной Сорией, а не Саморой, как ошибочно утверждают хронисты) был взят и разрушен Сципионом Младшим в 134 г. до н. э. Описание в хронике см. выше в гл. 44.

² В консульство Л. Марция Цензорина и Манья Манилия (149 г. до н. э.) римляне предприняли безуспешную попытку овладеть Карфагеном.

³ Консулы 146 г. до н. э.

тожить их, не давал им ни дня, ни ночи передышки от битв, не говоря, однако, что хочет их уничтожить, дабы они не приложили больших усилий, чтобы защитить себя, и, не открывая истинных замыслов, между тем, брал одно укрепление за другим и приказывал убивать столько людей, сколько в них находили римляне. И увидев это, карфагеняне послали к нему своих, чтобы сказать ему, что они подчинятся ему на тех условиях, которые тот захочет. И пока шли эти переговоры, карфагеняне не стали предпринимать ничего против римлян, дабы угодить им. Сципион же действовал противоположным образом, ибо не переставал убивать их и разрушать их поселения. Впоследствии случилось так, что горожане настолько упали духом, что послали сказать ему, что готовы отдать себя в рабство, лишь бы их оставили в живых. Он же ответил, что не хочет заключать с ними никакого соглашения, пока все жители — женщины и мужчины, — не покинут город, и то же самое он приказал им сделать вновь, когда они не пожелали так поступить. И карфагеняне, которые уже так сильно пали духом и поняли, что ничего не могут поделать, согласились на это, надеясь таким образом избежать смерти; кроме того, они надеялись, что он предложит им соглашение лучшее, чем это. Затем начали выходить женщины, и из самых почтенных вышло 25 тысяч, и были они измучены и опечалены, с расцарапанными лицами¹ и обессилевшие; за ними вышли и мужчины, наиболее почтенные, числом тридцать тысяч, одни израненные, другие больные и все настолько измученные, что хуже быть не могло. Из двоих мужчин, носивших одинаковое имя Гасдрубал и бывших полководцами, как мы об этом слышали раньше,² один был убит своими же из-за предательства, и, говорят, что это было сделано по наущению римлян; другой, который оставался, когда увидел все зло, выпавшее его городу, и понял, что не может оставаться в безопасности никоим образом, предал себя во власть Сципиона; то же сделали и все его воины, и так же поступили все остальные горожане от мала до велика. Однако множество воинов Гасдрубала, бывших там, когда отделившиеся от Сципиона римляне в прошлый раз подошли к Карфагену и вторглись в город, не захотели выйти к римлянам, как те другие, из-за позора, который пал бы на них из-за такого проступка, и не пожелали сдаться в плен, но спрятались внутри храма Эскулапа, который располагался в городе и был очень хорошо укреплен, и попытались там обороняться. Однако римляне, войдя в город, окружили храм со всех сторон и подожгли его. Те же, помыслив, решили остаться внутри, предпочитая скорее сгореть, нежели пасть от руки римлян. Королева, жена короля Гасдрубала, находилась со своими маленькими сыновьями на вершине башни, которую воздвигла другая королева, Дидона; и так как она не хотела ни выйти с другими дамами, ни сдаться в плен, а римляне, войдя в город, подожгли эту башню, то королева, осознав, что она не сможет спа-

¹ В знак траура.

² См. выше гл. 62.

стись, взбежала на самый верх башни вместе с двумя своими сыновьями, и, показавшись между зубцов стены, громко возопила и обратилась к римлянам: «Я королева этого города, и, как первая королева, которая сожгла себя на этом месте, так и я хочу умереть, ибо я последняя». И сказавши это, она прыгнула в огонь вместе с обоими сыновьями. Римляне, которые стояли внизу, окружив башню, побежали, чтобы вытащить их, но не смогли добраться так быстро, чтобы те не успели умереть. И Сципион, так сильно жаждавший уничтожить это место, дабы преумножить славу римского имени и отомстить за понесенный по вине карфагенян великий ущерб, приказал поджечь город со всех сторон. И длился пожар 17 дней, и, наблюдаяшие это римляне много рассуждали о том и приводили множество причин, согласно которым вещи в мире переходили из одного состояния в другое, а также о том, насколько тяжело было это построить и как легко разрушить, как это и произошло с Карфагеном, городом столь благородным, столь могущественным и столь богатым. И хотя римляне его уничтожили, некоторых из них это огорчало, так как не стало того, с кем они воевали бы с таким рвением, как с Карфагеном. И еще много рассуждали о природе людей и о том, что трудно помнить лучшее и что поэтому уничтожаются и изменяются все их деяния. И хотя они говорили и рассуждали об этом промеж себя, но не переставали сокрушать город так, как только могли, одно разрушая, а другое сжигая в огне, пока все не обратилось в пепел. Множество золота и серебра и драгоценных камней, все что было в храмах и во дворцах правителей, все было уничтожено и потеряно. Римляне хотели убить огромные толпы мужчин и женщин, вышедших из города, так, как вы уже слышали, но Сципион, дабы оказать им милость, поскольку вышли они, поверив его слову, не счел это правильным, а потому приказал всех их продать, за исключением предводителей, которых не пожелал равнять с остальными; одних из них Сципион оставил в Африке, которая стала римской провинцией, других же взял с собой, чтобы дать им имущество и прославиться благодаря им.¹

67. О том, как определили те, кто писал истории, время, когда был заселен Карфаген

Некоторые говорили, что город Карфаген был основан в правление царя Соломона, а другие — что во времена Давида, его отца. Еще говорят некоторые, что Карфаген был заселен во время Иаира,² судьи Израильско-

¹ Возможная аллюзия на известный факт великодушия Сципиона, относящийся, правда, к Сципиону Старшему и касающийся истории взятия Нового Карфагена (совр. Картахена). См. Об этом: *Liv.* XXVI. 50.

² Иаир из Галаада. См. о нем: Суд. 1 0:3 (и далее).

го, за несколько лет до того, как Парис, сын короля Трои, привез из Греции Елену, жену короля Менелая. С этим согласны и другие, кто сообщал об этом в означенных историях, и похожим способом вычисляется и дата бракосочетания Дидоны и Энея, которое имело место после разрушения Трои; и поэтому точно устанавливается, что город Карфаген был населен спустя 20 лет после судейства Иаира, и спустя триста и 22 года после того, как Моисей вывел свой народ из земли египетской, а от правления Нина в Вавилоне — восемьсот сорок один год, а с момента разделения языков, что было в Сеннаарской долине, где была Вавилонская башня, и со времени Нимрода,¹ первого короля, бывшего в мире, о котором рассказывают истории и в чье время произошло разделение языков, прошли тысяча и четыре года, и тысяча сто десять лет прошло после потопа, бывшего во времена Ноя, и с начала мира, когда был сотворен Адам, прошло четыре тысячи сто сорок восемь лет.²

68. О времени, когда был разрушен Карфаген³

Карфаген, этот великий город, о котором мы вам рассказали, с того дня, когда он был основан, до того дня, когда он был разрушен, имел семьсот лет, и был в это время Иаир судьей над Израилем, и правил Теутан⁴ в Африке, и Полифид⁵ в Сикионии,⁶ что в стране северного ветра, и правил Атрей⁷ в королевстве Микенском, что в Греции, отец короля Агамемнона и короля Менелая и Фиеста, его брата, и король Аменемхет⁸ в Египте. Все они были сеньорами и правили в своих землях, когда был разрушен Карфаген.

¹ Нимрод — легендарный герой, охотник и царь. См. о нем: Быт. 10:8 (и далее).

² По традиции, Карфаген был основан в 826/825 гг. до н. э. или в 824/823 гг. до н. э.

³ *Euseb.-Hieron. Chron.* 50—51, *Oros.* IV. 23. 6.

⁴ Теутан — идентифицировать персонаж не удалось; возможно, также связан с античной мифологической традицией.

⁵ Полифид (Полифрейд) — сын Мантия, прорицатель из рода Мелампа — мифологический персонаж, фигурирующий в «Одиссее» (XV. 249, 252); двадцать четвертый легендарный царь Сикиона, к которому прибыла кормилица с Агамемноном и Менелаем; по другой версии — современник Троянской войны.

⁶ Сикион (Сикиония) — область в северной части Пелопоннеса, граничила с севера с Коринфским заливом, к западу — с Ахеей и Аркадией, к югу — с Клеонами и Флиасией, к востоку — с Коринфией.

⁷ Атрей — в древнегреческой мифологии царь Микен, сын Пелопса и Гипподамии, брат Фиеста, муж Аэропы, отец Агамемнона и Менелая.

⁸ Аменемхет (каст. *Agamenemes*, правильнее — *Ammanemes* (*Ammenemes*)) — это имя в разное время носили шесть фараонов XII—XIII династий. В данном случае, четко определить, о ком из них идет речь, невозможно.

69. *О причинах, которые указали мудрецы,
почему был разрушен Карфаген*

У древних мудрецов было в обычае искать причины, почему в мире произошли великие события, и поэтому они много говорили о раздоре, бывшем между Римом и Карфагеном, и много рассуждали, по какой причине это произошло; и причина, которая более всего приводилась, была следующей: что город Карфаген был освоен и заселен раньше, чем Рим, и что он был одним из четырех главных владычеств мира, как вы об этом слышали раньше, и поскольку Рим был основан и заселен позднее людьми, происходившими из рода Энея, они сражались с теми, кто позднее пришел основать этот самый город Рим, чтобы не было ни одного города, который был бы ему равным.¹ И поскольку Карфаген, более чем какое-либо другое место, оттенял славу Рима, римляне стали бороться за то, чтобы возрастал их город, а другой, наоборот, был принижен. И, хотя две предыдущие войны с карфагенянами произошли из-за злодеяний, ими совершенных, и из-за несоблюдения заключенных договоров, эта, третья, велась лишь для того, чтобы разрушить город и чтобы при этом и восстановить честь Рима, и унижить достоинство Карфагена, чтобы от него не осталось ничего, кроме одного только названия; поскольку каждый, кто рассмотрел бы порядок вещей, убедился бы в том, что Карфаген не заслуживал участи быть уничтоженным до основания. И поэтому римляне разделились между собой во мнениях; одни говорили, что уничтожат город навсегда, так что он никогда более не причинит им зла и не поднимется на них войной, поскольку ничто в мире не было для них главнее, чем соперничество с ним, и даже равенство с карфагенянами не придавало чести Риму, и даже без этого всего карфагеняны всегда подозревались в желании оспорить власть у Рима, и поэтому эта часть римлян говорила, что лучше было бы уничтожить Карфаген совершенно. Другие же полагали, что город не следует уничтожать, поскольку он помогает Риму возрастать в мощи и в умножении славы, заставляя римлян всегда быть способными и готовыми к войне, в чем римляне нуждаются, и этому есть три причины: согласно первой, римляне всегда будут учиться тому, чтобы быть хорошо подготовленными, вторая состоит в том, чтобы использовать оружие, а третья — чтобы не вступать в войну друг с другом; и даже помимо этого, когда Рим добьется мира, то те, кому они платили дань,² должны будут сами пре-

¹ Так в тексте; очевидно, хронисты имели в виду уходящую корнями в далекое прошлое вражду потомков Дидоны (легендарной основательницы Карфагена) и Энея (как предка римлян), согласно версии, вложенной Вергилием в уста несчастной карфагенской царицы. См.: *Virg. Aeneid. IV. 625.*

² Малопонятное место. В оригинале: «*aquellos a qui ellos dauan e pechauan, se aurien depues a tornar pecheros.*»

вернуться в данников, и поэтому не следовало бы разрушать Карфаген. И хотя эти доводы очень различались между собой, в конечном итоге все свелось к одному: учитывая свою природу и любовь по отношению к Риму¹ и жажда чести для своего города больше, чем всего прочего, а также то, что безопасность и покой Рима для них были гораздо важнее всех великих трудностей, которые они должны были перенести, все сошлись на единственном верном и здравом решении, что Карфаген должен быть уничтожен любым способом. И все прочие доводы они оставили в стороне, кроме вот этого одного, а потому и разрушили город. И некоторые люди говорили об этом до того, как Карфаген был уничтожен, будто бы произнося пророчество, и говорили: «Почему римляне разрушат Карфаген? Ведь сделав это, они потеряют в его лице отражение и отблеск Рима, а также то самое "точило", благодаря которому они всегда бы оставались "заточенными" на войну и подготовленными к ней». И хотя многие люди высказывали множество здравых доводов в пользу этого, ни один из них не перевесил уже выбранного, и так как должно было свершиться общее намерение, то Карфаген в дальнейшем был уничтожен так, как вы об этом уже слышали, и таким способом, что он никогда более не был так населен, как ранее.

*70. О том, как Сципион отправился в Рим после того,
как был уничтожен Карфаген, и затем в Испанию
и как он умер после этого*

Сципион, после того как был уничтожен Карфаген, так, как вы об этом ранее слышали, приказал продать в рабство и выселить тех, кто находился в городе. Как было сказано выше, он повелел найти среди различных ценных вещей (изъятых в Карфагене перед тем, как город был сожжен) те, которые были захвачены² в других завоеванных ими городах; все это он повелел собрать воедино; раздал богатые дары тем из Сицилии и Италии, кто явился ему на помощь. Затем в Африке он устроил представительные кортесы, на которые приказал явиться всем народам окрестных земель, и когда они узнали, что все в Карфагене принадлежит ему, он приказал выдать им все эти вещи.³ И поэтому он завоевал

¹ В тексте — «la naturaleza y ell amor»; в понятийной системе кастильского права эпохи Альфонсо X этими терминами описывались отношения между населением и королем как «вассалами по рождению» (*vasallos naturales* (вар.: *por naturaleza*)); последние были обязаны проявлять «любовь» (*amor, buen amor*) по отношению к своему «сеньору по рождению» (*sennor natural*). Ср.: *Partid.* IV. 24. preamb.

² Карфагенянами.

³ Ранее захваченные у них карфагенянами.

всеобщую любовь и репутацию (*nombradia*), даже большую, чем была у Сципиона, прозванного Африканским. И с того момента он также был прозван Африканским, как и его дед. И после того, как вся земля была усмирена и приведена в состояние мира, он отправился в Рим, и там ему пришло известие о восстании Саморы в Испании, и римляне направили его туда, и он уничтожил весь город.¹ Но до того, как он туда явился, у него сложились плохие отношения с римлянами, и было это по причине зависти, нежели из-за чего-либо еще, им заслуженного. Узнав об этом, он явился в Рим и созвал совет самых важных мужей, называемый сенатом, и рассказал ему обо всех своих трудах, которые он совершил на службе Риму и во имя пользы и чести их самих. И по ответу, который они ему дали, он понял, что заговор против него затевается очень большой, вплоть до угрозы смерти, ибо он был очень хорошо осведомлен в самых разных вещах. Однако и помимо всего этого между ними начался великий раздор, и Сципион в тот же час ушел от них, поскольку большинство² было за него, и остальные не могли совершить ничего вопреки его воле, а потому день закончился как бы примирением сторон. И он отправился домой, и когда была ночь, улегся на свое ложе спать. А на следующий день утром, когда все его слуги встали, чтобы прислуживать ему как обычно, его нашли мертвым. И за это весь мир порицал римлян из-за того, что человек, который сослужил им такую службу и был настолько могущественным в Риме, что никто не осмеливался сделать что-либо вопреки его приказу, умер такой смертью. Но были и те, кто порицал его жену по имени Семпрония, которая происходила из Греции, и родители ее были из Греции, но жили в Риме, и желали ей зла, а потому подозревали, что она его убила либо была сообщницей убийц.³ Но как бы то ни было, Сципион умер такой смертью, совершив при этом великие деяния, о которых вы уже слышали. И было это во время Семпрония Тудитана и Марка Ахилия Капитона, которые были консулами в Риме, и произошло это на шестьсот двадцать седьмой год со времени основания Рима.⁴ Но теперь история прекращает повествование об этом

¹ События 134 г. до н. э. см. выше гл. 44, 66.

² Сенаторов.

³ Павел Орозий (*Oros. V. 10. 9*) сообщает о версиях смерти Сципиона Младшего, но связывает возможное участие Семпронии с ее родством с семейством Гракхов, противников политика. Мнимое греческое происхождение жены Сципиона является вымыслом и отражает скорее антивизантийские (эллинофобские) настроения, характерные для Запада после IV Крестового похода, весьма ощутимые в хронике и в ряде других мест (см., например, ниже гл. 504 и др.).

⁴ 129 г. до н. э. Хронисты ошибаются: коллегой Тудитана в этом году был Маний Аквилий.

и обращается к другим консулам, жившим в последующие времена, чтобы сообщить о каждом поименно и о некоторых странных событиях, которые произошли в ту пору, с тем чтобы прямо подойти к рассказу о тех, кто явился в Испанию, и показать, по какой причине они там появились, и о деяниях, которые они совершили вплоть до эпохи императоров. Но сначала мы расскажем о странных событиях, которые произошли в это время.

*71. Об извержении вулкана Этна
и о произошедшем на острове Липара
в консульство Марка Эмилия и Луция Ореста*

Когда шел шестьсот и 25-й год со времени основания Рима, в консульство Марка Эмилия и Луция Ореста,¹ стала сотрясаться гора Этна, находящаяся в Европе, в земле Ломбардии,² и было это сотрясение настолько мощным, что гора открылась в нескольких местах и стали извергаться потоки огня, которые гора исторгала из себя, подобно тому, как источники источают воду. На следующий год примерно в это же время, в консульство тех же самых консулов, начала кипеть вода во многих местах у острова, называемого Липара,³ и лежит эта земля прямо у подножия горы Этна, и причиной этого кипения стала огромная сила огня, огромный жар, от которого забурлило море вокруг, и вода стала подниматься, бурля и испуская такой ужасный жар, что сожгла скалы, располагавшиеся вокруг, так что они расплавились, подобно тому как плавится раскаленный камень, бросаемый в воду и превращающийся в известь и пыль; и расплавилась смола всех тех кораблей, которые там стояли, и даже сожжены были доски,⁴ и погибло много рыбы и сварило ее, так что она вареной выскакивала на поверхность; а тех людей, которые не смогли убежать, вода настигла и убила испускаемым ею паром — настолько она была горячей.⁵

¹ 126 г. до н. э.

² Хронисты ошибочно помещают сицилийский вулкан в Ломбардии.

³ Липари — вулканический остров в Тирренском море, самый крупный и населенный из архипелага Липарских островов. Остров расположен в 44 километрах к северу от Сицилии.

⁴ Доски, из которых эти корабли были построены, и смола, которой они были осмолены.

⁵ Даже в самых фантастических деталях хронисты следуют рассказу Орозия: *Oros. V. 10. 11.*

72. *О полчищах саранчи,
которые были в консульство Марка Плавция
и Марка Фульвия Флакка*

Когда шел 626 год со времени основания Рима¹ и консулами в Риме были Марций Плавций и Марк Фульвий Флакк, возникли по всей Африке такие тучи саранчи, что они съели всю траву, а когда она закончилась, взлетели на деревья и сожрали также и всю листву, дойдя до последних соцветий, а затем обгрызли и их, и всю нежную часть деревьев, вплоть до корня. Затем налетел ветер, поднял их и унес в Африканское море, и умерли они там, и понесли их волны, и выбросило их на противоположный берег моря, в глубине суши, тогда как побережье было заселено. Поскольку это случилось там, где не было людей, как в земле песков,² и не нашли они там ни дерева, ни какой-либо другой зелени: ведь вся земля по ту сторону была сплошным песком, пески же неплодородны, так что на них не растет зелени. И возникли кучи³ размером с большие холмы земли; и говорили, что по мере их разложения противный запах портил воздух по всему побережью; и таковым было загрязнение воздуха, и настолько глубоко оно пропитало почву, что убило целые стада скота и диких животных там, куда проникло, и так было еще долго. И загрязнение воздуха вместе с разложением мертвого скота усилилось настолько, что стало причиной смерти людей. История сообщает, что они умирали в земле Нумидия, где правил король Миципса,⁴ погибло восемьсот раз по тысяче голов скота, а людей — шестьдесят тысяч; а на побережье Карфагена и в городе Утика — тридцать тысяч рыцарей, которые были наготове, чтобы охранять вход в Африку с этой стороны, так что, как говорят, ни один из них не остался в живых в той стране и что за один день через одни из городских ворот Утики внесли тела тысячи пятисот умерших рыцарей.⁵

¹ 125 г. до н. э.

² Т. е. в пустыне.

³ Мертвой саранчи.

⁴ Миципса (ум. 118 год до н. э.) — царь Нумидии, старший из законнорожденных сыновей Масиниссы. Впервые упоминается в 151 г. до н. э., когда ездил с братом в Карфаген договариваться о возвращении в город пронумидийски настроенных граждан. Нападение сторонников Гамилькара на сопровождавших Миципсу воинов привело к войне с Нумидией, которая скоро переросла в Третью пуническую войну, закончившуюся разрушением Карфагена.

⁵ *Oros.* 11. 1—5. Все фантастические детали заимствованы отсюда.

73. О событии, которое произошло с римлянами в консульство Луция Цецилия Метелла и Квинта Тита

В год 627 от основания Рима, в консульство Цецилия Метелла и Квинта Тита Фламинина,¹ сенаторы и все сообщество² римлян во главе с консулами договорились снова заселить Карфаген в Африке. И по прошествии двадцати двух лет с момента его разрушения собрали большие группы жителей города и его окрестностей,³ чтобы заселить его, и направили их туда. И случилось в процессе заселения такое событие: те, кто делил землю, взяли большие деревянные столбы и установили их в разных местах для обозначения границ, но ночью пришли волки и погрызли дерево настолько, что они повалились. Римляне, придя на следующий день и увидев, что сделали волки, засомневались и подумали, не хотят ли им таким образом дать понять, что после восстановления Карфагена произойдет его война с Римом. Но они заселили его и восстановили весь без исключения силами римлян-поселенцев.⁴

74. О Нумидийской войне

В год 631 от основания Рима, в консульство Мателла и Гая Мария,⁵ сенаторы Рима в согласии с общиной города пошли войной против Югурты,⁶ короля Нумидии. Этот Югурта был пасынком Миципсы, короля этой страны, и стал наследником вопреки кровным сыновьям этого короля; он

¹ 123 г. до н. э.

² В тексте — *comun*, коммуна. В Кастилии и Леоне так назывались объединения бюргеров-налогоплательщиков, создававшиеся начиная с XIII в. для защиты своих интересов от привилегированных сословных групп городского населения — рыцарей, оруженосцев, духовенства. Широкое распространение движение комунеров получит в XIV—XV вв. В данном случае под этим термином подразумеваются все горожане Рима в противовес сенату и магистратам (консулам).

³ В тексте — «*de la çibdat et de su tierra*»; подобное выражение использовалось в документах для обозначения кастильских и леонских территориальных общин-консехо, юрисдикция которых распространялась не только на сам город (*çibdat, uilla*), но и на пригородную (порой — весьма значительную) территорию (*término, tierra*).

⁴ Фантастические детали полностью заимствованы у Орозия (*Oros. V. 12. 1*); о заселении Карфагена см. также: *Eutop. Brev. IV. 21*.

⁵ У Орозия — П. Сципион Назика и Л. Кальпурний Бестин (*Ibid.*). Причины ошибки неясны, т. к. другой важный источник — «Бревиарий» Евтропия — дает те же имена консулов, что и Павел Орозий (*Eutop. Brev. IV. 26. 1*).

⁶ Югурта (160—104 гг. до н. э.) — царь Нумидии с 117 г. до н. э., который вел с римлянами Югуртинскую войну. Незаконнорожденный сын одного из сыновей Масиниссы.

убил одного из них по имени Гиемпсал и победил в битве другого, которого звали Адгербал, изгнав затем его из Африки. И когда он стал очень могущественным в своей стране, пошел против него консул Кальпурний.¹ Этот король Югурта был очень мудрым и, считая, что в конце концов он не сможет навредить консулу и римлянам, проявил свое умение² и вышел, чтобы принять консула; и настолько хорошо обошло его приняло и столько он дал ему из имущества, что тот предоставил ему договор о мире на таких условиях, на каких сам он хотел.³ И рассказывает история, что это был позорный поступок для сената и всего римского народа. Но таков был этот договор, что Югурта придет в Рим, и так он и поступил. И когда он явился, то одним даровал несметные богатства, а других, наоборот, вверг в великие раздоры, так что все были в это вовлечены. И когда все было сделано, он отбыл в Нумидию, и, отправляясь из Рима, бросил такие слова: «О продажный город! Он очень скоро погибнет от того, что найдется покупатель, который его купит!» И, спустя год, так как он хорошо изучил желания римлян, он уже не был для них таким, как они хотели. Был некий Авл Постумий, сын консула Постума,⁴ который с сорока тысячами вооруженных людей подошел к одному из городов этого Югурты, который называется Калама,⁵ где были собраны сокровища короля. И вышел Югурта к нему, и завязалась битва, и победил Югурта, и в этот раз он расширил владения в Африке в ущерб римлянам. Вслед за тем вышел против него консул Метелл,⁶ и сразился с ним два раза, и победил его, и разгромил всю его землю, и нанес ему тяжкий ущерб. Югурта увидел, что у него нет надлежащей защиты, и пошел на заключение договора с целью возместить ему все расходы и весь ущерб, в том числе три тысячи из перебежавших и присоединившихся к нему во время войн; а сверх этого выдал римлянам триста заложников из числа своих людей. Этот договор не устроил ни се-

¹ Луций Кальпурний Бестия — консул Римской республики 111 г. до н. э., участник Югуртинской войны.

² В оригинале — *trexo su maestia*.

³ Согласно версии Саллюстия, Югурта заключил мир с консулом Луцием Кальпурнием Бестией при помощи взяток.

⁴ Имеется в виду Авл Постумий Альбин. В январе 109 г. до н. э. он повел свои войска к Сутуле, где вместе с немалой нумидийской сокровищницей укрепился Югурта. В свойственной ему манере Югурта притворился, будто он боится Авла и готов заключить с ним мир. Заманив Авла в засаду якобы для проведения переговоров, Югурта с помощью подкупленных им солдат провел свою армию в лагерь Авла и с боем занял его, заставив римлян бежать на близлежащий холм, бросая оружие. После этой победы Югурта навязал Авлу унижительный договор, по которому римляне должны были немедленно покинуть Нумидию. В текстке Хроники наблюдается некоторое нарушение хронологической последовательности, соблюденной у Саллюстия.

⁵ Современная Гуэльма (Алжир).

⁶ Консул 109 г. Квинт Цецилий Метелл.

нат, ни народ Рима, и в конце концов явился консул Марий, который знал толк в хитрости не меньше Югурты, и этот консул нанес ему сокрушительное поражение и вступил по дороге, которую сумел проложить, в город, называемый Капсой,¹ расположенный у самого моря. И как рассказывает история Павла Орозия, его заселил Геркулес.² И были там собраны все сокровища королей этой земли. Отчаявшись, Югурта завязал дружбу с Бокхом,³ королем мавров, и дал ему этот король множество рыцарей и великую власть. И сразились Югурта и этот консул у города, называемого Циртой;⁴ там находился алькасар и дворец короля Масиниссы и столица всего королевства; и направил Югурта туда семьдесят тысяч рыцарей. Павел Орозий рассказывает, что ни одна битва в Африке не наводила на римлян большой страх,⁵ но и не было более подходящего повода отомстить врагам; и говорит он, что таковы были облака пыли, поднявшиеся от быстрого передвижения воинов и животных, что померкло небо и стало темно, как ночью. И было применено столь много метательных орудий, что из-за темноты, наступившей из-за клубов пыли, рыцари почти ничего не видели перед собой, и не видели даже воинов, с которыми они сражались, так что ни один человек и ни одно животное не осталось без ранения. Также говорится, что рыцари ничего перед собой не видели — ни того, был ли напротив враг, чтобы ранить его, ни как поразить его оружием, так как не было тех, кто не был бы поражен. Римляне же были в большом волнении. В этой обстановке пришла ночь и разделила их. На следующий день битва возобновилась, и римляне не смогли подступиться к нумидийцам из-за тесного кольца оружия, которое их окружало, не осмелились они и прорваться из-за множества следовавших за ними рыцарей.⁶ И так в тот день их вновь разделила ночь. На третий день отчаялись уже римляне; однако консул Марий выбрал путь, чтобы осуществить замысел против врагов, и поступил следующим образом: он приказал всем собраться в один отряд и действовать на поле битвы так, чтобы держаться вместе и не расходиться, пока он не отдаст такого приказа. Они так и поступили;

¹ Современная Гафса в Тунисе.

² У Павла Орозия — Геркулес Финикийский (*Oros.* V. 15. 8).

³ Бокх I — царь Мавретании с 118 по 91 г. до н. э., пытавшийся в начале Югуртинской войны наладить союзные отношения с Римом. В 106 г. до нашей эры под влиянием своего зятя Югурты вступил в войну на стороне Нумидии, но потерпел несколько тяжелых поражений в битвах с армией Гая Мариа. В 105 году до н. э. последний вынудил его выдать Югурту римлянам, за что Бокх был вознагражден уступкой части Нумидии.

⁴ Со времени правления императора Константина Великого и до настоящего времени город носит название Константина.

⁵ *Oros.* V.15. 11: “numquam ulla Romano militi tumultuosior pugna et terribilior fuit...”. Далее хронисты столь же четко следуют тексту Орозия.

⁶ Так в тексте.

и пришли враги, и окружили их, и убили их в большом количестве, и несколько раз их разъединяли, и это длилось вплоть до середины дня. И таков был натиск врагов, и такова была палящая сила солнца, что вызывала у римлян большую жажду, и были они на волосок от смерти и поражения, но Бог сотворил им такую милость: спустя некоторое время он послал им тучу, которая излила на них столько влаги, сколько у них было нужды. У нумидийцев же в дротики и метательные копья были продеты кожаные ремни, с помощью которых можно было лучше достичь цели, и, как рассказывают истории, эти ремни и древки дротиков и копий вымокали, от чего ремни портились, а древки размякали, так что нумидийцам не было от них никакого проку. А это было наиболее употребляемое здесь оружие. И поскольку Нумидия и страна короля Бокха — это земли, где очень редко идет дождь, тамошние жители используют щиты, обитые слоновьей кожей, ибо слоновья кожа по природе такова: она хорошо растягивается, становится очень жесткой и легкой для транспортировки, но при этом хорошо впитывает влагу и становится подобной губке. То же самое случилось с нумидийцами во время этого ливня: слоновья кожа, которой были обиты щиты, намокла, и поэтому щиты стали такими тяжелыми, что их невозможно было поднять, а потому нумидийцы вынуждены были их бросить и сделались как будто безоружными. Римляне это поняли и начали их ранить и сокрушать; одних убивали, а других захватывали. Югурта и Бокх бежали. И, как рассказывается в историях,¹ Югурта и Бокх потеряли со своей стороны девяносто тысяч вооруженных людей. И таким образом, этот ливень поспособствовал благу римлян и разгрому нумидийцев. И все то, что случилось с щитами и оружием, люди сочли за чудо.

*75. О чуде с молнией, которое также произошло
в год тех же самых консулов*

Также в год этих консулов произошло другое чудо с одним из римских рыцарей, имя которому было Луций Гельвий. Взявши свою жену и дочь, юную девицу, он поехал вместе с ними из Рима в Апулию, и настигла их в пути страшная буря с громом и молниями, и таков был страх от грома, что дочь рыцаря впала в беспамятство. Ехали они на повозках по обычаю той страны, и рыцарь, чтобы добраться быстрее до селения, оставил повозки и посадил жену и дочь на вьючных животных, и начал двигаться вместе с ними, сколько мог. И вдруг вспыхнула молния и поразила их, и рухнула девица словно без чувств, и упали с нее одежды, не разорвавшись и не претерпев вреда, и ожерелье, которое было у нее на груди, и браслеты с рук, и обувь — все было разбросано вдалеке, и осталась она

¹ *Oros.* V.15.18.

обнаженной, в чем мать родила. И так она лежала без чувств на земле. Также и идущая рядом лошадь потеряла седло и сбрую — узду, нагрудный ремень, подпругу, — все это развязалось и упало в одну сторону, лошадь — в другую, и так лежала на земле без чувств. И это было сочтено большим чудом.¹

76. О некоторых знамениях, которые произошли в консульство Секста Юлия Цезаря и Луция Марка

В год 658 от основания Рима, в консульство Секста Юлия Цезаря и Луция Марка,² однажды ранним утром, когда только взошло солнце, с северной стороны возникло огромное сияние, образующее скопление, подобное холму, и с небес донесся громкий звук, и изошло огненное свечение и распространилось на все земли, так что его могли видеть все люди. Также и в земле аретинцев случилось нечто в то же самое время и по всей их земле — когда люди садились за трапезу, внезапно из хлебов показалась кровь, как будто из раны, и потекла, словно из тела живого существа. Также в той земле в те же самые дни пошел с неба град из настоящих камней, с кусками обожженной черепицы и комьями земли, и жестоко побил всю эту область, и нанес большой ущерб. Также в стране самнитов в те дни разверзлась земля, и оттуда вырвался огромный столб пламени, и поднялся до небес, и видно это было во всех землях. Еще в то же самое время показалось римлянам на небе нечто большое³ золотистого цвета, и оно опускалось с небес, пока не легло на землю, и сделалось еще больших размеров, и снова поднялось на небо, пока не достигло солнца. И настолько большим оно было, что закрыло собой солнце. Вслед за этим в то же самое время у домашних животных всех возможных пород случилось такое буйство, что они выбежали из своих хлевов и загонов и других мест, где находились все лошади и другие вьючные животные, а также овцы, коровы и другой пастбищный скот, лошади ржали, а овцы и коровы блеяли и мычали, словно испытывали боль, и все убежали в леса, в горы и в пустынные места. И даже собаки, которые по природе своей не могут жить иначе, нежели среди людей, стали громко выть и взобрались на горы и бродили из стороны в сторону, как это делают волки. В это же самое время, несколько позднее, Помпей Великий⁴ по

¹ Рассказ заимствован у Орозия (*Oros. V. 15. 20—21*) и, как и у него, представлен вне контекста.

² 91 г. до н. э.

³ В тексте — *montón*, буквально — «куча, груда». В источнике (*Oros. V. 18. 6*) — шар («*globum coloris aurei*»).

⁴ На самом деле речь идет о Гнее Помпее Страбоне (135—87 гг. до н. э.), древнеримском государственным и военным деятеле, ораторе, консуле 89 г. до н. э., отце Гнея Помпея

приказу сената выступил против пиценов,¹ и боролся с ними, и был побежден. Также и Юлий Цезарь сразился с самнитами, и они победили его, и погибла большая часть его войска.² Также и консул Рутилий³ сразился с марсами, и они убили его, а также и многих нобилей Рима. Помимо этого, авестины⁴ и те же марсы устроили засаду Цепиону,⁵ консулу Рима, и убили его и все его войско. Но сейчас оставим эти события и обратимся к другим, имеющим отношение к нашей истории Испании.

77. О войне Сертория и Помпея Великого в Испании

После смерти Сципиона Младшего,⁶ в год 673 от основания Рима,⁷ разразилась в Испании другая война, о ходе которой вы здесь сейчас услышите. Вышел из мариевой земли в Африке,⁸ некий муж по имени Серторий,⁹

Великого. Ниже речь идет о событиях т.н. «Союзнической войны» (91—88 гг. до н. э.) Рима со своими итальяскими союзниками.

¹ Пицены — итальяское племя, населявшее область Пицен на восточном побережье Апеннинского полуострова, от Асконы на севере до Гельвина на юге. Речь идет о событиях, связанных с битвой при Фалероне (90 г. до н. э.). Помимо пиценов, в событиях итальянской войны, как в источнике (*Oros. V. 18. 8 etc.*), фигурируют и другие итальяские племена — самниты, вестины, марсы, пелигны, марруцины, луканцы.

² Речь идет о битве при Эвернии (самнитском городе в Средней Италии), в котором во главе римского войска стоял Луций Юлий Цезарь (ум. в 87 г. до н. э.), консул 90 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь (отец знаменитого диктатора) приходился Л. Юлию Цезарю троюродным братом (впрочем, эта точка зрения не является общепринятой).

³ Имеется в виду консул 90 г. Публий Рутилий Луп, во время Союзнической войны получивший смертельное ранение от марсов и других италиков во главе с Веттием Скатоном.

⁴ На самом деле речь идет о вестницах.

⁵ Бывший легат Публия Рутилия Лупа, претор 91 г., казнен италиками. В данном случае автор Всеобщей хроники вкратце перечисляет основные эпизоды Союзнической войны, следуя, судя по всему, латиноязычному краткому компендию Аппиана.

⁶ Сципион Младший — Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский (Младший) Нумантийский (185—129 гг. до н. э.), римский полководец и государственный деятель; наиболее известен как разрушитель Карфагена.

⁷ Война Рима с Серторием 80—72 гг. до н. э.

⁸ В данном случае речь идет о Мавретании, к которой, после окончательной победы римского полководца Г. Мариа (156—86 гг. до н. э.), лидера партии популяров, над нумидийским царем Югуртой (после 160—104 гг. до н. э.), в конце II в. до н. э. была присоединена западная часть Нумидии.

⁹ Квинт Серторий (123—72 гг. до н. э.) — древнеримский военачальник, сторонник Мариа и Цинны, участник войн с кимврами и тевтонами, Югуртинской войны. Во время противостояния сената и Цинны с Марием (87—86 гг. до н. э.) Серторий примкнул

который был очень отважен в своих деяниях, исполнен хитростью и мятежным духом. И явился он к Сулле,¹ который тогда был консулом Рима; и сумел этот Серторий получить под командование множество воинов и большое войско, но поссорился с Суллой и ушел, как будто бы бежал. И, оставив Африку, он послал в Испанию соглядатаев к испанцам, чтобы они вместе с ним восстали против римлян, обещав, что защитит их от римлян, и они полностью освободятся от их власти. Испанцы так и поступили и восстали вместе с ним. И Серторий поставил во главе своего войска командующего по имени Гиртулей,² римляне же направили туда другого военачальника по имени Манлий.³ Говорили, что он был проконсулом Галлии, которая являлась страной, находившейся под сеньориальной властью Франции.⁴ Затем этот Манлий явился из Франции в Испанию и привел с собою три легиона и еще тысячу пятьсот человек рыцарей. Легионом же называется дружина, насчитывающая шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть бойцов. После этого римляне поставили еще двух других военачальников, из которых одного звали Метеллом,⁵

к Марию и помог ему овладеть Римом, в благодарность за что получил должность претора и управление испанскими провинциями (83 г. до н. э.). С приходом к власти Суллы против него были направлены два легиона, и Серторий бежал в Мавретанию, откуда вернулся в Испанию в 80 г. до н. э. Эпизоды восстания Сертория, непосредственно связанные с Испанией, уже в эпоху Высокого Средневековья заняли значимое место в исторической памяти испанцев. Начало этому положил именно рассказ в «Истории Испании».

¹ Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.) (в оригинале — Silla) — римский военачальник, лидер партии оптиматов, консул с 88 г. до н. э. В 83 г. до н. э. ввел войска в Рим, устроив жестокую расправу над марианцами, и провозгласил себя диктатором. В 79 г. до н. э. сложил с себя полномочия.

² Луций Гиртулей (ум. 75 г. до н. э.) — римский политик и военачальник. Как правило, его отождествляют с квестором 86 г. до н. э. В период серторианской войны — активный сподвижник Сертория. В 79 г. победил Домиция, а в 78 г. Мамилия. Точно так же в 76 г. он разбил войско Помпея, но в 75 г. пал в кровопролитном сражении под Италикой на реке Бэтис (Гвадалквивир).

³ В оригинале — «Manilio». Речь идет о Луции Лоллии (?) Манлии (ум. после 78 г. до н. э.), римском политике и военачальнике, проконсуле Нарбоннской Галлии. В 78 г. до н. э. он был разбит Гертулеем и бежал в Илерду. Соответствующие сведения полностью заимствованы у Орозия. См.: *Oros. V. 23. 4*; см. также: *Pujades J. Crónica universal del principado de Cataluña. T. 1. Barcelona: Imprenta de José Torner, 1829. P. 160.*

⁴ Так в тексте. О соотношении понятий «Франция» и «Галлия» в хронике см.: Est. Esp. 1011. В описании событий, предшествовавших битве при Лас-Навас-де-Толоса, в этом месте автор ввел подробный рассказ о «четырех Галлиях» — *Gallia Comata, Gallia Belgica, Gallia Cisalpina, Gallia Gotica.*

⁵ В оригинале — «Matello». Имеется в виду Кв. Цецилий Метелл Пий (ум. ок. 64 г. до н. э.) — римский политик и военный деятель, сторонник популяров. В 88 г. до н. э.

а другого Домицием,¹ и приказали им немедленно двинуться против Сертория и всех, кто был на его стороне. И сразился Манлий с Гиртулеем; и Гиртулей победил его и разбил все его войско, и пленил столько, скольких тот привел с собой, и не осталось там никого; и с Манлием почти никого не осталось, и они укрылись в Лериде.² После этого Гиртулей много раз бился с Метеллом, и тот изнурил его в сражениях. Но сам Метелл со своим войском так долго перемещался по стране, и всегда по бездорожью, что также лишился сил, пока не вышел к войскам Помпея, который был великим римским полководцем и по этой причине прибыл в Испанию. Тогда разместил Помпей свое войско в городе, который тогда называли Палантией.³ И Серторий уже был в Испании, и когда прибыл Помпей, он держал в осаде город, именованный Лаврон.⁴ Помпей направился туда, чтобы защитить этот город и оттеснить его оттуда, но Серторий сразился с ним, и Помпей бежал, а Серторий взял город и разрушил его до основания; и всех жителей, которые остались и не погибли, он пленил и увел в Лузитанию, причинив им много горя. И пошла о нем молва как о весьма удачливом муже, и он очень прославился, поскольку победил Помпея, этого великого полководца у римлян и наиболее сильного из них; и против него отправили не одного консула, но нескольких.⁵ И говорит Гальба в своей истории,⁶ что в войске Помпея было

разбил италийских союзников и захватил Ветузию, но в 86 г. до н. э. отказался взять на себя командование, как того требовали солдаты, в войне против Мария; распустив войско, удалился в Африку. С 83 г. до н. э. — сторонник Суллы, на стороне которого в 82 г. до н. э. разбил приверженцев Мария; после победы при Фавенции занял всю Северную Италию. В 80 г. до н. э. — коллега Суллы по консульству. Именно на этот период пришлось его пребывание в Испании и ведение войны против Сертория. После победы над последним, в 72 г. до н. э. вернулся в Рим и получил триумф. Последняя значимая государственная должность — великий понтифик.

¹ Марк Домиций Кальвин (ум. после 79 г. до н. э.) — римский политик и военачальник; претор 80 г. до н. э., пропретор 79 г. до н. э. в Ближней Испании, легат проконсула Луция Манлия.

² Лерида (рим. *Илерда*, каст. *Lerida*) — современная Льейда, центр одноименной провинции в Каталонии.

³ В оригинале — «Palancia»; ныне — Паленсия, центр одноименной провинции. Древняя Палланция — изначально город ваккеев, основанный на р. Писузгра, притоке Дуэро.

⁴ Лаврон — город в Испании на расстоянии четырехдневного пути от Гадеса. Развалины Лаурона (по др. версии — Эдеты) расположены в местечке Льяно-де-Арко (Пла де ль'Арк), в границах современного г. Лириа (пров. Валенсия).

⁵ Так в тексте. Вероятно, хронист не учитывал, что больше двух консулов одновременно быть не могло.

⁶ Замечание заимствовано у Орозия (ср.: *Oros.* V. 23. 9). Трудно понять, какого конкретно Гальбу и какое сочинение имел в виду римский историк. Установить источник

тридцать тысяч пеших воинов и восемьдесят тысяч рыцарей.¹ После этого Гиртулей, который был сообщником Сертория, сразился с Метеллом в провинции² Гвадалquivир, близ города, который тогда назывался Италика;³ говорят, что это — старая Севилья, место, где был основан город, который теперь и называется Севильей, и что он находится от нее в одной лиге.⁴ И потерял Гиртулей двадцать тысяч человек рыцарей⁵ и был там побежден, и бежал вместе с ними в Лузитанию. А затем Помпей взял Бельгиду,⁶ знаменитый город в Кельтиберии. После этого Серторий еще раз сразился с Помпеем, и у Помпея было теперь много воинов, и Серторий одержал победу на одном из флангов, и убил там десять тысяч рыцарей Помпея. Но на другом фланге победил Помпей Сертория и убил почти столько же его воинов. После этого между ними произошло еще множество сражений. Со стороны Помпея погиб Мемий, его шурин, муж его сестры, который имел все права на империй,⁷ а со стороны Сертория погибли братья Гиртулея, а также полководец по имени Перпенна,⁸

Орозия не удалось. Возможные варианты (если следовать выводам К. Цангемайстера, издателя сочинения Орозия, относительно источников главы *Oros. V. 23*) — сочинения Т. Ливия, Л. Аннея Флора или Евтропия; см.: Pauli Orosii Historiarum adversus paganos libri VII... / Rec. C. Zangemeister. Vindobonae: *Apud G. Geroldi filium Bibliopolam Academicam*, 1882 (CSEL. Vol. 5). P. 690, 693, 695.

¹ Ср.: «Fuisse tunc Pompeio triginta milia peditum, mille equites Galba scribit, Sertorium autem sexaginta milia peditum, octo milia equitum habuisse commemorat» (*Oros. V.23.9*). Очевидно, что хронист просто «подогнал» данные Орозия под привычные ему масштабы соотношения численности конницы и пехоты.

² Так в тексте (*прим. перев.*).

³ Италика — город в 12 км к северу от современной Севильи, развалины которого находятся недалеко от местечка Сантипонсе. Был основан Сципионом на земле турдетанов, у р. Бетис (современный Гвадалquivир). Уроженцами Италики являлись римские императоры Траян и Адриан.

⁴ Весь рассказ о возникновении Италики является плодом фантазии хрониста.

⁵ У Орозия: «uiginti milia militum» («двадцать тысяч воинов») (*Ibid.*).

⁶ Бельгида — совр. Бельхида, ок. 100 км к юго-западу от Валенсии; город возник как укрепленное кельтиберское поселение племени контестанов. См.: *Cortés y López M. Diccionario geográfico-histórico de la España Antigua Tarraconense, Bética y Lusitana...* Madrid: Imprenta Real, 1836. P. 226.

⁷ В тексте — «imperiū», т. е. военную власть.

⁸ Марк Перпенна (или Перперна) Вентон (ум. в 71 г. до н. э.) — римский полководец. Изначально являлся сторонником Мария; после его поражения занял Сицилию и сохранял ее за собой до 82 г., когда Помпей вынудил его оставить остров. После этого повел часть войска, склоненную к мятежу Эмилием Лепидом, в Испанию, где, принужденный солдатами, в 77 г. до н. э. объединился с Серторием. Находился при нем до его гибели в 72 г. (являлся одним из участников заговора). После этого принял на себя командование оставшимися войсками, но был разбит Помпеем и казнен им.

прибывший к Серторию. И провел этот последний множество военных кампаний против римлян, и сражался с ними много раз, так что нанес им огромный урон, и длилась эта война добрых десять лет, а на десятый год его убили свои, как вы слышали о том, что мы рассказывали о Вириате,¹ что из Испании. И говорит Павел Орозий, что это послужило к весьма малой славе для римлян.² И после римляне уничтожили часть войска этого предводителя Перпенны. После смерти Сертория все города и вся страна Испания отошли к Помпею за исключением двух городов, из которых один назывался Уксама,³ другой — Калаорра.⁴ Уксама — это то, что сейчас называется Осма,⁵ ее уничтожил Помпей. Из Калаорры потом вышел Афраний,⁶ он окружил ее и, держа в кольце, взял измором, и убил всех жителей, и сжег город. И тогда в Испании прекратились войны, она была умиротворена и передана Помпеем под сеньориальную власть римлян. Что же касается смысла завоевания Испании, то начал проявляться следующий факт: с течением времени сеньориальная власть Рима изменилась; все королевства были сведены воедино, а сеньории оказались в руках одного сеньора. И то, благодаря чему это стало очевидным, впервые начал осуществлять Помпей Великий, исполнил Юлий Цезарь, а укрепил — Цезарь Август. А сейчас, поскольку Испанию⁷ в свое время были разделены обоими названными правителями, поговорим немного об их деяниях, рассказывая истории об Испаниях и о тех местах, где деяния произошли, и упомянем наименования сеньорий,⁸ и имена, которые носили обладавшие ими сеньоры, и как они властвовали в Испаниях, каждый в свое время.

¹ Вириат (ум. в 139 г. до н. э.) — вождь племени лузитанов, бывший пастух, который в 147—139 гг. до н. э. руководил восстанием против владычества римлян. Был разбит лишь Фабием Максимом. Убит в результате заговора людьми из своего ближайшего окружения. В хронике рассказ о Вириате помещен в гл. 43—44.

² *Oros. V. 23. 13*: «...Romanisque uictoriam sine Gloria dedit».

³ В тексте — «Охама».

⁴ Калаорра (римский Калагуррис) — город в современной автономной области Лариоха.

⁵ Бурго-де-Осма, в современной провинции Сория.

⁶ Луций Афраний (ум. в 46 г. до н. э.) — римский полководец и политик, участник кампаний против Сертория, затем — против Митридата. В 60 г. до н. э. — избран консулом при поддержке Помпея. Активный участник гражданской войны против Цезаря на стороне Помпея, а затем (после его гибели) — его сына Секста Помпея. Попал в плен к Цезарю вместе с другими вождями помпеянцев. Казнен или самовольно убит солдатами.

⁷ Т. е. испанские провинции.

⁸ Т. е. сеньориальных юрисдикций.

78. О том, как Помпей был принят в Риме, и о зависти Юлия Цезаря

Умиrotворив Испанию, Помпей разделил их между старшими из своего окружения, оставил сеньорами в этих землях двух своих сыновей — Гнея Помпея¹ и Секста Помпея.² Их он подчинил военному командованию в лице Лабиена³ и Аттия Вара⁴ и других знатных римлян. И оставив народы завоеванных земель жить, как они хотели — с ними, и с другими римлянами; сделав это, он затем удалился в Рим, весьма счастливый и довольный. История рассказывает о том, как был принят Помпей, говоря следующее: в этот раз Помпей возвратился в Рим, прославленный завоеванием Испании, и эта слава проявилась в большом расколе, который произошел у римлян; о том, как это было, мы еще здесь расскажем. Консулы, равно как и цезари, и императоры, и те, кого они посылали в другие земли, имели такой обычай: когда они приходили в страну, которая им доставалась, и обращали ее в свою сеньориальную власть, то в качестве гарантии своих прав на эту землю они всегда привозили в Рим различные диковины, которые там находили и которых не было в Риме. Так, рассказывают истории, были завезены львы и слоны, буйволы и другие звери, еще более диковинные, чем эти, и таковые, о которых было бы слишком долго рассказывать. И даже, как говорил Плиний, они имели птицу под названием феникс; при этом подразумевается, что такая птица была только одна.⁵

¹ Гней Помпей Младший (ок. 75—45 г. до н. э.) — старший сын Г. Помпея Великого; римский военачальник и государственный деятель. После смерти отца боролся с Цезарем сначала в Африке, затем — в Испании. Потерпел поражение в битве при Мунде (45 г. до н. э.) и был убит.

² Секст Помпей Магн (ок. 67—35 г. до н. э.) — младший сын Г. Помпея Великого, римский военачальник и государственный деятель. После гибели отца стал одним из лидеров противников Цезаря. После гибели последнего вскоре вступил в конфликт со Вторым триумвиратом (43 г. до н. э.). В 44—36 г. контролировал Сицилию и занимался пиратством. В 35 г., потерпев поражение от Агриппы, бежал в Малую Азию, но был схвачен и казнен.

³ Тит Аттий Лабие (ум. в 45 г. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. Участник галльских кампаний Цезаря. В 49 г. из честолюбия перешел на сторону Помпея. Участник всех важнейших событий гражданской войны, вплоть до битвы при Мунде (45 г. до н. э.), одним из виновников поражения помпейцев в которой он являлся. Был убит, а голова его — выдана Цезарю.

⁴ Аттий Вар (в оригинале — *Asio Varo*) (ум. в 45 г. до н. э.) — римский военачальник и государственный деятель, сторонник Помпея. В 51 г. — пропретор в Африке. Погиб в битве при Мунде.

⁵ Подробному описанию этой птицы посвящена особая глава в «Естественной истории» Плиния Старшего; правда, в ней не сообщается о поднесении феникса в качестве дара. См.: *Plin. X. 2.*

И все это делалось ради чести и благородства сеньориальной власти города Рима и его сеньоров. И для того, чтобы содержать этих диких животных, заботиться о них и устраивать состязания между ними и чтобы приходил народ посмотреть на них, правители Рима соорудили большой круглый загон, называемый по-латыни театром, и это сооружение было возведено так: внутри по кругу было много помещений со сводчатыми перекрытиями, отведенными для каждого животного по отдельности, и там они были распределены по своему виду, а по всей окружности театра были сделаны сидения, где могли находиться люди, если они хотели посмотреть на ристалища с животными в праздники, либо когда они принимали своих правителей в качестве сеньоров,¹ либо когда хотели оказать им почести. И это самое слово «театр», в соответствии со значением греческих слов *theoros*, то есть «видеть», и *an* — «вокруг», означает как бы место для обозрения, сделанное в виде круга, это и был театр.² И по тому же самому подобию были сделаны впоследствии другие театры в городах, которые были столицами королевств. И когда некий римский правитель возвращался после завоевания, им совер-

¹ Имеется в виду процедура публичного принесения оммажа, который кастильские короли принимали от своих вассалов, объезжая города, замки и крепости после вступления на престол. Совершение этой процедуры означало признание законности и легитимности прав правителей на занятие престола. Со своей стороны, последние признавали владельческие и иные права своих вассалов. Ср.: *Partid*. II.13. 20—24.

² Ср: «Theatrum autem ab spectaculo nominatum, apo tou theorias, quod in eo populus stans desuper atque spectans ludos scenicos contempleretur. Amphitheatrum vero vocatum quod ex duobus sit theatris compositum. Nam amphitheatrum rotundum est, theatrum vero ex medio amphitheatrum est, semicirculi figuram habens» (*Isid. Etym.* XV. 2. 34—35); «Theatrum est quo scena includitur, semicirculi figuram habens, in quo stantes omnes inspiciunt. Cuius forma primum rotunda erat, sicut et amphitheatri; postea ex medio amphitheatro theatrum factum est. Theatrum autem ab spectaculo nominatum, apo tes theorias, quod in eo populus stans desuper atque spectans ludos contempleretur» (*Ibid.* XVIII. 42. 1). Связь рассказа хрониста с этими фрагментами, на которой настаивал Р. Менендес Пидаль, хотя и присутствует, но носит далеко не однозначный характер. С одной стороны, предлагаемая хронистом этимология латинского слова «theatrum», возводимая к греч. θέατρον (место для осмотра), является вполне корректной (ср.: *Bréal M., Bailly A. Dictionnaire étymologique latin.* Paris: Hachette, 1906. P. 395; *Beekes R., Beek L. van. Etymological Dictionary of Greek.* Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2010. P. 536), причем она заимствована вовсе не у Исидора, допускающего ошибку в использовании артикля в *Isid. Etym.* XV.2.34. С другой стороны, фрагмент из исидоровых «Этимологий» цитируется хронистом явно по памяти, следствием чего стало ошибочное приписывание театру одного из свойств амфитеатра (круглая форма). Возможно, в этой ошибке звучит отголосок слов не только Исидора, но и Витрувия: “Ipsius autem theatric conformatio sic est facienda, uti, quam magna future est perimetros imi, centro medio conlocato *circumagatur linea rotundationis...*” (*Vit.* V. 6. 1) (здесь и далее выделено нами — комм.).

шенного, его выходили встречать с многими другими диковинами, и в том числе с этими зверями, из которых одни были в железных клетках, а другие содержались по-иному, так что их могли выпускать перед прибывающим правителем. Так сделали и с Помпеем Великим, но, как рассказывают истории, тогда он был еще очень юн; однако все это делали вследствие многих войн, на которые он был послан, и вследствие великих битв, в которых он одержал победу, и вследствие земель, которые он привел под римское владычество,¹ а также из-за Испаний, которые восстали, и те, кто туда направился, претерпели такие тяготы из-за нанесенного им ущерба, что не находилось того, кто отважился бы выступить в эти земли, а Помпей в тот раз захватил их все, за исключением немногих мест, которые были настолько укреплены, что он не смог овладеть ими; и это отвоевание Испаний, им совершенное, и то, что он вернул их под римское господство,² стало одним из тех оснований, за которые римляне ценили его более всего, и приняли его весьма радушно, со всеми этими чудными вещами, о которых мы уже говорили, и провозгласили его Воителем. В то самое время, когда этот консул Помпей отвоевал Испанию, вся полнота власти в Риме находилась в руках трех правителей — у Помпея Великого, у Юлия Цезаря и у Марка Красса.³ И римские правители всегда проявляли наибольшую алчность в том, чтобы обрести власть более, чем какую-либо другую вещь, другие же жадно желали захватить имущество, тогда как третьи — и того, и другого. И Юлий Цезарь, видя прием, оказанный Помпею, и то, как он выдвинулся среди других римлян, обретя консульскую власть, испытал великую зависть и опечалился в сердце своем. И возникли между ними великие раздор и соперничество, но до поры до времени это было еще сокрыто; и хотя, по указанным причинам, все это между ними уже начиналось, никто из них еще не мог претерпеть ущерба. Лукан так рассказывает об этом в книге, написанной им об этой истории:⁴ из этих правителей никто не должен был пострадать по вине другого — ни Цезарь из-за Помпея, который был первенствующим во власти, ни Помпей из-за Цезаря, который являлся его партнером. И их раздор и соперничество, вспыхнувшие между ними прежде и пребывавшие подспудно, с этого времени начали становиться явными, ибо впоследствии они стали воевать между собою,

¹ В оригинале — «so el sennorio de Roma» (под сеньориальную власть Рима).

² В оригинале: «al sennorio de Roma».

³ Речь идет о т. н. Первом триумvirате, заключенном между Цезарем, Помпеем и Крассом в 60 или 59 г. до н. э. Действие договоренности прекратилось в 53 г. до н. э., после гибели Красса в битве при Каррах.

⁴ *Luc. Phars. 1.84—100.* Ср.: «Temporis angusti mansit Concordia discors, //Paxque fuit non sponte ducum...» (Ibid. I. 99—100).

как мы об этом расскажем далее. Каждый из них имел долг друг перед другом, поскольку это зло и эта нелюбовь не могли появиться иначе, нежели из-за ненависти и гордыни, победивших все остальное, над чем они имели власть, и в итоге произошли такие события, как те, о которых пойдет речь.

79. О родстве, существовавшем между Помпеем и Юлием Цезарем

Помпей и Юлий Цезарь приходились друг другу свекром и зятем, так как Помпей был женат на Юлии, дочери Юлия Цезаря,¹ и имел от нее детей. Поэтому между ними была столь большая степень родства, что, казалось бы, между ними ни в коем случае не должно было бы произойти то, о чем вы услышите дальше и что действительно произошло.² И помимо того, что эти военачальники происходили из весьма знатного рода, они были весьма великодушны и отважны на полях сражений, и сумели многократно одержать победы; и были они настолько могущественны в Римской сеньории, превосходя других римских военачальников своего времени, а также уроженцев других земель, что каждый из них желал быть полновластным сеньором. Ведь с возникновения консульской власти и до их времени всегда совместно правили два или три человека; и, как мы об этом расскажем далее, в соответствующем месте. Но сейчас мы расскажем о деяниях, которые эти военачальники совершили в дальнейшем, и о том, из-за чего между ними началась война и многократно вступали в сражение и они сами, и из-за них другие граждане Рима; и мы расскажем кое-что и о том, что они сделали в других странах: прежде всего, потому, что оба были в разное время сеньорами Испаний, а кроме того, поскольку здесь приведены доводы, на основании которых всякий, кто

¹ Юлия (ок. 76—54 гг. до н. э.) — дочь Юлия Цезаря от его первой жены Корнелии Цинны; единственный ребенок Цезаря, рожденный в законном браке. Стала четвертой женой Помпея. Умерла при родах. Ее ребенок тоже не выжил.

² На самом деле, у Помпея не было детей от Юлии: как уже говорилось, единственный ребенок (вероятно, дочь) умер через несколько дней после смерти матери. Хронист, явно выходя за пределы информации своих весьма лапидарных источников, позволяет себе свободную интерпретацию фактов, подгоняя ее под общий стиль повествования о братоубийственной усобице; именно поэтому прочность личных уз, соединяющих Цезаря и Помпея, значительно преувеличивается. И это притом, что оба источника, установленные еще Р. Менендесом Пидалем, весьма лапидарны: «*Nam pignora iuncti // Sanguinis et diro ferales omine taedas // Abstulit ad manes Parcarum Iulia saeva // Intercepta manu*» (*Luc. Phars. I. 111—114*); «...*C. Iulius Caesar eius (Помпея — О. А.) gener...*» (*Rod. Hist. Roman.10*).

пожелает, сможет увидеть примеры бедствий.¹ И, рассказывая обо всем этом, начнем с тех событий, которые произошли в Испании, обо всем по порядку.

*80. О разбойниках, наводнивших различные земли,
и о том, как их разгромил Помпей*

Как рассказывает «История» Павла Орозия,² в то же самое время, немного лет спустя после этих войн Помпея и испанских войн, которые произошли в то время, восстали в различных землях, принадлежащих к сеньории римлян, всякого рода разбойники — и из тех, кто происходил из числа знати и иного рода, а также из корсаров, которые разбойничали на море. Эти последние всходили на корабли и совершали набеги на все порты по всему морю, другие же поднимались на горы и удерживали дороги в своих руках. Убедясь, что никто не оказывает им сопротивления, они начали действовать уже открыто, в самых разных землях, всячески притесняя людей и нанося огромный ущерб. И эти разбойники, как сухопутные, так и морские, договорившись о том, чтобы действовать как бы совместно, как об этом рассказывают истории, грабили острова и провинции и собирались в такие большие шайки, что из-за чинимого ими зла и из страха перед ними многие земли сдавались им. И это коснулось стольких земель, что уже ощущалось и в Испании, но там были сыновья и военачальники Помпея. И с одной стороны — из-за причиненного разбойниками великого ущерба, с другой — потому что они желали отдать им многие земли и подняться с ними против римлян из-за совершенных последними притеснений и злодеяний, об этом дали знать в Риме; и тогда послали за Помпеем, поскольку почитали его наиболее приспособленным из других предводителей, бывших в Риме. Поэтому Помпей собрал большое войско и многочисленные боевые отряды настолько быстро, насколько сумел, и поскольку пираты совершали набеги на суше и на море, то и он на них напал,

¹ В тексте — «castigos», что может быть переведено и как наказание. Вероятно, в данном случае хронист использует игру слов, подразумевая как бедствия, которые стали следствием усобицы, так и кару за них, которая (пусть и в разное время) обрушилась как на Помпея, так и на Цезаря, погибших насильственной смертью.

² *Oros.* VI. 4. 1. Его сведения очень лапидарны и лишь в малой степени дополняются столь же краткими сведениями Флора (*Flor. Epit.* I. 49). Скудность сведений, находившихся в распоряжении хрониста, можно осознать, лишь сравнив эти краткие рассказы с подробным описанием кампании Помпея против пиратов, содержащейся в соответствующей биографии и Плутарха (*Plut. Rom.* 24—28). Хронист, явно незнакомый с сочинением Плутарха, выстроил свой рассказ почти вне всякой связи со своими источниками.

и сделал это столь неожиданно, что одни не успели предупредить других, и разбил он их, и перебил многих и, дойдя до Испании, уничтожил всех и освободил от них и сушу, и море. После этого он перешел море и отбыл в Азию.

81. О том, как консул Лукулл¹ пошел войной на Митридата

Когда Помпей освободил моря и земли от этих разбойников и вояк, Митридат,² который был королем острова Понт и Малой Армении, еще задолго до этого восстававший против римлян, обратился против королевства Никомеда Вифинского,³ который был другом римлян. И хотя первенствующие в сенате и римской общине посылали к нему, чтобы сказать, чтобы он этого не делал или хотя бы действовал в союзе с ними, он, тем не менее, не захотел отказаться от этого и от других великих дел, которые он впоследствии совершил против других стран, принадлежавших римлянам. И лишил он Никомеда королевства, и, разгневанный, вторгся на землю Каппадокии, сбросив с престола Ариобарзана,⁴ который был ее королем, и предал всю страну огню и мечу; то же самое учинил он и Вифинии, а вслед за этим — и Пафлагонии, поступив так же с королем ее Пилеменом.⁵ Затем он направился в Эфес и приказал там бросить клич по всей Азии, чтобы были обезглавлены все граждане Рима, найденные на подвластной ему земле, и чтобы сделано все было в один день. И как рассказывает Павел Орозий в своей истории,⁶ столько тогда погибло римлян, что подсчитать было невозможно. И послал он Архелая, своего командующего, и вместе с ним сто двадцать тысяч человек пехоты и рыцарей

¹ Лучий Лициний Лукулл (117—57/56 гг. до н. э.) — римский консул 74 г. до н. э. Участник Третьей митридатовой войны (74—67 гг. до н. э.), о событиях которой идет речь в главе.

² Митридат VI Евпатор — царь Понта (120—63 гг. до н. э.). Расширил свои владения, подчинив Колхиду, Боспор, Пафлагонию, Каппадокию и Галатию. После этого он переключил свое внимание на Вифинское царство, которое было последним независимым соседом Понта, стоявшим на страже интересов Рима. Евпатор трижды воевал с Римом, столкнувшись с величайшими полководцами той эпохи: Суллой, Лукуллом и Гнеем Помпеем.

³ Речь идет о Никоমেде IV Филопаторе — последнем царе Вифинии (94—74 гг. до н. э.); перед смертью он завещал свое царство римлянам.

⁴ Ариобарзан I Филороман — царь Каппадокии с 95 по 63 или 62 год до н. э. Был сторонником римлян в войне Митридата с Римом; и в 63 году до н. э. отказался от престола в пользу своего сына Ариобарзана II.

⁵ Пилемен IV — царь Пафлагонии 65—51 гг. до н. э.

⁶ *Oros.* VI. 2. 3.

в греческую Ахайю, и завоевал он Ахайю и всю Грецию. Эти сражения и завоевания, о которых мы рассказали, и многие другие, о которых мы здесь говорить не будем, совершил этот Митридат, король Понта и Армении, и многое другое он совершил впоследствии. При этом Испании оставались в условиях мира, под властью Рима. И римляне, покончив с войнами в Испании и в других землях, не могли более терпеть этого короля Митридата, и послали против него своих военачальников. И среди этих римских военачальников был один по имени Лукулл, и после многих битв, которые он вел с Митридатом, явился этот Митридат, чтобы окружить город Кизик,¹ который принадлежал римлянам, и направился к нему этот Лукулл и попытался окружить его там или удержать в осаде другие города, чтобы те вышли сразиться с ним, но при всем этом ни Лукулл не смог выйти в город, ни горожане — выйти к нему в присутствии Митридата, который имел при себе большие силы. А осаждал он город со стороны залива. И тогда этот консул Лукулл начал искать хитрый способ, как вы об этом услышите, чтобы сообщить горожанам, что он явился к ним на помощь, чтобы они крепились и держались, поскольку он заставит Митридата уйти оттуда — либо дав сражение, либо измором, как случилось потом. И тогда Лукулл приказал своему войску — и рыцарям, и другим своим отрядам, — что, если среди них есть те, кто желает пойти на риск, пусть отправятся до города вплавь и исполнят то, что он хотел. И когда остальные усомнились, отвечивал ему один рыцарь и произнес: «Сеньор, я хочу решиться сделать то, о чем ты говоришь, дабы сослужить тебе службу». И пообещал ему консул большую милость и большое вознаграждение за это дело. И водное пространство, которое он должен был пересечь, имело в ширину семь тысяч шагов, что соответствует примерно трем с половиной лигам. И чтобы этот рыцарь смог выполнить обещанное, консул приказал принести два надутых воздухом бурдюка, связал их и сделал так, чтобы можно было плыть между ними, помогая руками и ногами в плавании. И вышло все очень хорошо, и передал рыцарь горожанам все, что велел консул. И Митридат, видя, как отважны горожане, как они держатся, и что римляне обложили его с другой стороны, и поскольку его воины были плохо подготовлены, то он решил сняться с того места и уйти. И потерял он многих из своих отрядов, которые умерли от голода и болезней, более трехсот тысяч человек, как об этом рассказывают истории.² Но при этом настало сильное войско и настолько обширна была подвластная его сеньории земля, и настолько силен и отважен был сам король, что римляне никак не могли ни убить его, ни пленить в битве, ни вынудить его смириться с завоеванием. Между тем, подошло к концу

¹ Кизик — город в Малой Азии, в исторической области Мизия.

² Орозий сообщает о 15000 убитых (*Oros. VI. 2. 14*), Евтропий не сообщает никаких цифр (*Eutop. V. 5—6*). Таким образом, в данном случае речь идет о вымысле.

консульство Лукулла, и римляне вручили власть Помпею, и послали к нему сказать, чтобы тот отправился в Азию против Митридата, завоевать те земли, что ранее было поручено Лукуллу. Помпей же, когда пришел этот приказ, оставив Испанию умиротворенными, как мы уже об этом сказали, вместе со своими сыновьями и военачальниками поторопился отправиться в Азию. И при виде всех этих успехов Помпея у Юлия Цезаря только умножились зависть и смелость выступить против него. А сейчас мы расскажем о том, что сделал Помпей, когда римляне послали сообщить ему о Митридате и о землях Азии.

82. О том, как Помпей пошел войной в Азию против Митридата

Итак, когда пришел Помпею приказ римлян, как мы сказали выше, уже были разгромлены корсары и другие разбойники, и он отправился в Азию и прибыл в Малую Армению воевать против Митридата. Последний же, узнав о том, что явился Помпей, вышел с большим войском и выступил против него. И встали они оба вместе со своими войсками у горы Дастрак,¹ что находилась в той стране. И когда они стояли друг против друга, но не вступали в сражение, Помпей сравнил свою армию с войском Митридата, и изучил все места той страны, и разделил свои отряды, которых у него было множество, выстроил свои бастиды² вокруг расположения войск Митридата, и поставил над ними своих военачальников, и тем самым как бы взял войско Митридата в осаду. Последний же, видя, как Помпей разделил свои войска, сообразил, что небольшие подразделения способны на меньшее, нежели сведенные воедино, и послал узнать, где расположился сам Помпей, и, узнав об этом, договорился со своими военачальниками и самыми достойными и мудрыми людьми своего войска, и оставался с ними, пока они не вооружились и не двинулись против Помпея ночью, внезапным натиском, чтобы они смогли, застигнув его с небольшими группами войск, разбить и изгнать его со своей земли, так они и поступили. И отдал он приказ своим колоннам, и начали они выходить к тому месту, где расположился Помпей. Последнему же, поскольку был большим знатоком военного дела, было по сердцу узнать о рвении своих

¹ Имеется в виду сражение между войсками Помпея и Митридата на реке Лик, совпавшее с вручением Помпею консульской власти (66 г. до н. э.). После поражения в этой битве Митридат бежал в Пантикапей, где и покончил с собой. Помпей же основал на месте битвы город, названный Никополем («городом победы»).

² Бастида — в данном случае, деревянная постройка в виде двух- или трехэтажной башни, применявшаяся при осаде. См. подробнее: Военная энциклопедия. Т. 4. СПб.: Тов-во И. Д. Сытина, 1911. С. 410.

врагов, и он разведal по слухам и через своих соглядатаев обо всех приготовлениях Митридата, но не захотел сам выступить против него, а наоборот, ждал, пока тот не сдвинется со своего места. И пока тот готовился к внезапному нападению, Помпей направил приказ командирам своих бастид, чтобы с наступлением ночи они прибыли к нему настолько скрытно, насколько смогут, чтобы об этом не прознал Митридат. И все прибыли и увидели, что он снаряжает еще одно войско в том месте, где расположился; Помпей же приказал, чтобы все вооружались, опасаясь, как бы не ускользнул Митридат, и выстроил свои отряды, и указал, к чему им следует быть готовыми, поскольку сам желал двигаться вслед за ними. И выступили войска с обеих сторон, ступая осторожно, и двинулись навстречу, пока не увидели друг друга, насколько это было возможно сделать ночью.

83. О том, как Помпей победил Митридата, и при каких обстоятельствах

В эти дни была полная луна, из-за которой сделалась очень ясной та ночь, и она светила римлянам в спины так, что тени, отбрасываемые людьми и животными, простирались далеко вперед. И армяне, следя за тенями людей и животных, начали метать в них оружие, но, думая, что они стреляют в людей и животных, на самом деле поражали тени. И бились они таким образом до тех пор, пока не израсходовали все свое метательное оружие. И когда Помпей это увидел, то понял, что воины Митридата были обмануты тенями, и приказал своим отрядам передать другим, что следует молчать, не выдавая своего присутствия, не стрелять и не метать никакого оружия. И увидев, что армяне не подают боевого клича и не мечут оружия, он понял, что они уже использовали его. Тогда он приказал своим людям стрелять, и римляне обрушили на них стрелы и дротики с еще большим рвением, и победили их без особого труда, как об этом рассказывает Павел Орозий.¹ И было армян среди убитых и взятых в плен сорок тысяч человек; около тысячи римлян было ранено, а погибших среди них было не более сорока. И бежал Митридат, и сохранила его ночь, так что не был он ни пленен, ни убит. А Помпей бросился преследовать его, но не догнал. И бежав, Митридат дошел до мест настолько тяжелых для подъема и непроходимых, что ему пришлось слезть с коня и вести его в поводу. И как повествуют истории про это, до того безлюдья, куда он дошел, не доносится ни птичий крик, ни шум ветра, так что здесь он не страшился врага. И тогда Помпей сказал своим спутникам: «Друзья, запомните, что ясная луна, светя нам в спину, поможет

¹ *Oros.* VI. 4. 4: «Romani ueluti inermes postea adgressi sine labore uincerunt».

нам, как солнце».¹ И Помпей, устремившись вслед за Митридатом, перешел в этот раз на Востоке реку Евфрат, которая является одной из четырех величайших рек в мире и течет между Сирией и Арменией. И эта река Евфрат, и другая, называемая Араксом, берут начало у одной и той же горы каждая в своей части и текут каждая по отведенному ей месту. И Помпей основал между этими двумя реками город; в месте, отличающемся чистым воздухом и здоровым климатом, и дал ему имя Никополь. И чтобы проявить свое великодушие и сослужить службу Богу, он заселил этот город больными, старыми и слабыми людьми, поскольку место это было очень подходящим, чтобы жить в добром здравии среди подобных им спутников, и жить дольше, чем в какой-либо другой части Сирии и Армении. Вслед за этим Помпей победил в битве Тиграна,² короля Тигранакерта,³ и Орода, короля Албании,⁴ и завоевал их земли.⁵ И устремился далее, как только было в его силах, в город Арминию,⁶ и в этот раз покорил его. Кроме того, он завоевал остров Колхов,⁷ и Каппадокию,⁸ и Сирию, и остров Понт,⁹ и город Экбатану,¹⁰ который был столицей королевства Турция,¹¹ и шел он из Понта к ней пятьдесят дней, что, как говорили, было долгим путем. И пришло туда известие, гласящее, что кое-кто собирается поднять восстание в Испании, на западе, против сеньориальной

¹ Эта фраза — полный вымысел хрониста.

² Тигран II Великий — царь Великой Армении (95—55 гг. до н. э.), видный полководец и завоеватель эпохи эллинизма.

³ В тексте: «Tigrano, rey de Tigrano». Тигранакерт — один из четырех городов, основанных Тиграном II; ныне — г. Диярбакыр в современной Турции.

⁴ В тексте *Oroth*, царь Кавказской Албании. Судя по всему, имеется в виду Ород II Парфянский, правивший в 57—37 до н. э., при нем Парфия достигла максимальных границ, пробившись на короткий период к Средиземному морю.

⁵ См.: *Oros.* VI. 4. 7; *Flor.* I. 40. 27—28 (частично).

⁶ В оригинале: «*çibdat de Armino*»; ошибка хрониста (на самом деле Орозий имел в виду Армению: «*inde, cum Armeniam Colchos Cappadociam et Syriam ordinatis rebus coposuisset...*» (*Oros.* VI. 4. 9)).

⁷ Колхида — древнее государство, располагавшееся на территории современной Западной Грузии.

⁸ Каппадокия — историческая область в восточной части Малой Азии, простиравшаяся от р. Галис (Кизиль-Ирмак) на западе и Черного моря на севере до гор Тавра на юге.

⁹ Понт — область на северо-западе Малой Азии; выражение «остров Понт» — одно из свидетельств ограниченности знаний хрониста о географии региона.

¹⁰ В данном случае речь идет, вероятно, о Хамадане, городе на территории современного Ирана, не имеющем никакого отношения к государству турок-сельджуков (см. ниже).

¹¹ Вероятно, имеется в виду Румийский (Конийский) султанат, последнее из государств турок-сельджуков в Малой Азии, просуществовавшее до начала XIV в.; с середины XII в. столицей султаната являлся г. Конья (греч. Иконийон), не имеющий никакого отношения к древней Экбатане.

власти Рима, и он, снарядившись, столь быстро, сколь это было возможно, двинулся в эту землю. Но теперь мы прекращаем рассказ о Митридате и обратимся к повествованию о том, как Помпей направился в Испанию, и о завоеваниях, там им совершенных.

84. О завоеваниях Помпея в Испании и о смерти короля Митридата

В 689 год от основания Рима, в консульство Марка Туллия Цицерона и Гая Антония,¹ пока Помпей Великий пребывал в землях Азии, как мы сказали, в Испании на берегах реки Эбро восстал правивший там король, и имя ему было Артакс.² И, поскольку не смогли с ним справиться сыновья Помпея и другие люди, которых Помпей оставил вместо себя, он направился туда в очень большой спешке. Король Артакс очень старался начать с ним войну и дать ему бой; однако, поразмыслив, решил, что даже более опытные военачальники, чем он, и обладавшие большими силами, не смогли справиться с Помпеем, и он понял, что и ему не удастся довести дело до конца; и он согласился на меньший для себя ущерб, и сдался Помпею со всей своей страной, вверил себя его благоразумию. И Помпей принял его, но не оставил ему королевства.³ Пока Помпей находился там, ему пришло известие о том, что умер Митридат, король Армении, который столько времени тягался с римлянами. Поэтому мы расскажем еще немного об этом короле и о его смерти. Этот король Митридат, как рассказывают историки,⁴ был человеком большого ума и восприимчивым к советам других, поэтому при нем всегда находились философы и мудрецы в качестве советчиков. И был этот король весьма великодушен и отважен, и прожил он семьдесят два года, а правил шестьдесят лет, сорок из которых посвятил он войне против Римской держа-

¹ 63 г. до н. э.

² В оригинале — «Artaz»; у Орозия — «Artacem regem Hiberiae». У Орозия это лицо упоминается лишь однажды (*Oros.* VI. 4. 8). Плутарх упоминает об Артаксе (Арташесе I (189—161 гг. до н. э.)), основателе г. Артаксы в Армении, в биографии Лукулла (*Plut.* Лис. 31). Вероятно, Орозий совершил ошибку, смешав это лицо с каким-либо правителем кавказских иберов. Средневековый хронист дополнил эту ошибку своей собственной, отождествив правителя кавказской Иберии с царем Иберии пиренейской. Все рассказанное ниже об Артаксе — плод фантазии одного из создателей хроники.

³ Ср.: *Eutop.* VI. 13.

⁴ Ср.: *Oros.* VI. 5. 7—10. Среди прочего, Орозий приписывает Митридату разочарование в язычестве и осознание существования Бога в его христианском понимании. См. также: *Eutop.* VI. 12. 3.

вы.¹ Мы не находим, чтобы столько же сделали против римлян ни африканцы, которые занимают четверть мира, ни греки, ни испанцы, ни жители других стран, сколько сделал этот король, и кто продержался бы столько же лет, сколько он. При этом римляне не смогли ни убить его, ни взять в плен, ни завоевать его страну. Он умер на Босфоре. И те немногие из множества рассказов, относящихся к самому королю, мы приводим здесь ради Помпея, сеньора Испаний, который боролся с ним; а еще — из-за мудрости, силы и храбрости этого короля Митридата, чтобы в его лице показать надлежащий пример, ибо он столько времени провел в войнах и битвах, и всегда — против римлян, которые были столь могущественны и удачливы, но, тем не менее, этот король умер в своем королевстве. И Помпей, после того как ему пришло известие о том, как умер этот король, спешно закончил дела в Испании наилучшим из возможных образов, и отправился далее в Пафлагонию,² захватил у итуреев³ Деси,⁴ а оттуда выехал в Аравию, привезя туда свои богатые дары, как вы об этом услышите. Он отдал Тиграну его королевство в Тигранакерте, королю Ороду его королевство в Албании, а королю Артаксу в Испании вернул его королевство, но со всеми заключил соглашения на своих условиях. И Малую Армению он отдал Дейотару,⁵ королю Галатии, чтобы он держал от него⁶ эту землю, поскольку вступил в битву с Митридатом, который был против Помпея; и последний сделал это, поскольку там король проявил себя очень хорошо и он вознаграждал его за это. Атталу⁷ Помпей дал Пафлагонию, а королем острова Кол-

¹ В тексте — «imperio de Roma».

² Приморская область в Малой Азии, на южном берегу Черного моря, между Вифинией и Понтом.

³ Итуреи — население области Итурея, на севере современного Ливана, к северо-востоку от Галилеи. В древности была населена арабскими или арамейскими кочевыми племенами.

⁴ Идентифицировать это место не удалось.

⁵ Дейотар — царь Галатии, области в центральной части Малой Азии (в районе Анкиры), правивший в середине I века до н. э. С началом войн Рима с царем Понта Митридатом VI, Дейотар предоставлял значительные услуги римлянам. В 65 г. до н. э. Помпей передал ему царство Малая Армения, восточный Понт с городом Фарнакия, земли у Трапезунда. Вместе с этим Дейотар получил от Помпея еще и значительную часть Галатии. С этого времени он стал верховным тетрархом этой малоазийской области. В дальнейшем Дейотар был опорой римлян в Малой Азии. С началом гражданской войны между Цезарем и Помпеем Дейотар поначалу поддерживал последнего, однако после поражения Гнея Помпея при Фарсале в 48 г. до н. э. и его бегства в Египет Дейотар начал искать пути для примирения с Цезарем. Смог получить помилование за поддержку Помпея.

⁶ Как вассал от сеньора.

⁷ Аттал I, сын Пилемеена III, правил в 65—48 гг. до н. э. и в 47—40 гг. до н. э.

хов¹ сделал Аристарха. Он освободил от податей город Селевкию в Сирии, которая граничит с Антиохией, поскольку они не приняли у себя Тиграна против него самого. Он вернул антиохийцам заложников, которых взял из числа горожан. Он отдал жителям Дамаска огромные наследственные владения, засеянные хлебом, чтобы отблагодарить таким образом эту область. Захватил Помпей и другую Сирию, и Келесирию,² и Финикию. И усмирил он итуреев и аравийцев, которые восстали против римской власти, и взял их город, называемый Петрой, которая была столицей их королевства.³ Далее он направился в Иудею и пришел в город Иерусалим, который был столицей этой земли, но впереди себя послал войско своего военачальника по имени Габиний,⁴ и сам пошел вслед за ним. А двинулся он туда ради Иоанна Гирканского,⁵ у которого его брат Аристобул отнял сан первосвященника,⁶ чтобы получить взамен его имущество. Когда Помпей вошел туда, его благосклонно приняли старейшины и другие добрые люди,⁷ и захотели, чтобы он принял город.⁸ Но простой народ восстал против него и не позволил вступить в город, и выдворили из него тех его людей, которые уже вошли. И он воевал с ними, и атаковал город, и длилось это три месяца, и истребил из их числа 14 тысяч;⁹ остальные же заключили с ним соглашение о сдаче. И разрушил он стены Иерусалима, и обезглавил из числа старейшин тех, кто был заодно с простолюдинами, и вручил сан епископа¹⁰ Иоанну Гирканскому, и пленил Аристобула, и увез его плененного.

¹ «Остров Колхов» — результат ошибки хрониста: у Евтропия, откуда заимствованы эти сведения, — «Colchis» (*Eutop.* VI. 14. 1); на это обратил внимание уже Р. Менендес Пидаль (см.: *Menéndez Pidal R. Las fuentes...* P. LXXXII).

² В тексте — Colen, т. е. винительный падеж на греческий манер прилагательного Κοίλη от словосочетания ἡ Κοίλη Συρία, как называлась область на юге Сирии между хребтами Ливан и Антиливан. Р. Менендес Пидаль считал, что такое написание заимствовано из «Смешанной хроники»; см.: «Syria Cylen» (*Langolfus. Add. VI. 100*).

³ Вероятно, имеется в виду осада Петры войсками Эмилия Скавра, в результате которой набатейский царь Арета III (ок. 85—60 гг. до н. э.) подчинился Риму.

⁴ Проконсул Сирии Авл Габиний (ум. в 47 г. до н. э.) — римский военный и политический деятель, консул 58 г. до н. э., верный сподвижник Помпея.

⁵ Правитель и одновременно первосвященник Иудеи (76—40 гг.), на котором преклалась легендарная династия Маккавеев.

⁶ В тексте буквально — «епископат» (*obispado*).

⁷ В тексте — «omnes buenos»; в Кастилии и Леоне таким образом именовали видных горожан, получивших право представлять сограждан в конкретных делах, затрагивающих интересы города.

⁸ Подразумевается ритуал признания победителя сеньором города, которому предшествовала его символическая сдача. См. выше прим. 39.

⁹ Евтропий дает цифру 12 тысяч (*Eutop.* VI. 14. 2); Орозий — «тринадцать тысяч» (*Oros.* VI. 6. 3); откуда взялась цифра «XIII mil» — неясно.

¹⁰ Разумеется, речь идет о сани первосвященника Иерусалимского храма.

85. *О том, как Помпей отправился в Рим
и завоевал любовь многих римлян*

После того как Помпей завершил все деяния, о которых мы рассказали, усмирив весь Восток и даже всю Азию, приведя их под сеньориальную власть Рима, он отправился в Рим. В этом месте рассказывает история римских королей,¹ что ни в те времена, ни прежде, ни теперь — никогда с возвращением какого-либо другого рыцаря либо предводителя, никто не смог снискать такую любовь в Риме, и никто не был принят с более высокой степенью почета, как этот Помпей; ведь в тот раз он направлялся разгромить корсаров, и завоевать Азию, и усмирить Испанию. И перед его колесницей прошли сыновья короля Митридата, сыновья короля Тиграна и Аристокбул, король иудеев.² И привез он оттуда несметные богатства в золоте и серебре, которые, как говорят, не было возможности подсчитать. Также в этом месте рассказывает история римских королей, что во времена этого Помпея Великого ни в одной части мира никто не мог начать войну из-за страха перед ним. Там доложил Помпей другим старшинам сената и народа обо всех своих подвигах, ради совершения которых его посылали, и рассказал он им о течении событий в восточных странах, о том, как он дрался на поле боя с двадцатью двумя королями и как всех их победил, не считая пиратов, и замирения Испаний, и других деяний, совершенных им в Европе. И возблагодарили его сенат и народ римский, и восхвалили за его благодеяния, совершенные им ради служения Риму и прославления его. И как рассказывает Евсевий в своей истории,³ именно там его впервые называли императором. Это наименование никогда не присваивалось никому из римских военачальников кроме Лукулла, того самого консула, о котором мы говорили и который первый пошел против Митридата; но в этом звании он пробыл столь недолго, что так и не вошел в список императоров.⁴ При всем этом, провинции Испании оставались замиренными под сеньориальной властью римлян, как и было ранее. Таким образом, это была причина, чтобы рассказать о Помпее; в первую очередь — ради Испании, где он был сеньором, теперь же расскажем о деяниях Юлия Цезаря и об этом Помпее Великом.

¹ Под этой «историей» может подразумеваться только сочинение Евтропия: лишь в нем содержится описание триумфа Помпея (*Eutop.* VI. 16). Возможно, хронист путает этот текст с сочинением Секста Аврелия Виктора «О цезарях».

² Аристокбул II — сын иудейского царя Александра Яная (103—176 гг.). Сверг своего брата Гиркана; однако Помпей признал власть последнего, а Аристокбула взял в плен.

³ *Euseb.-Hieron. Chron.* 135: «*Pompeius imperator appellatus*».

⁴ *Ibid.*: «*Lucius Lucullus primus imperator appellatus est*».

В 700 год от основания Рима, когда Юлий Цезарь увидел, с каким почетом принимают Помпея при римской курии¹ после его возвращения по завершении завоеваний, им овладела такая зависть, что, как рассказывают историки,² начал он злоумышлять против него, не скрывая своих помыслов. Он был способен поступить таким образом, будучи еще более разгневанным на курию за то, что та воздала Помпею столько раз и за столькие подвиги, отдавая ему предпочтение перед Цезарем. И Юлий Цезарь имел при дворе множество помощников, которые встали на его сторону, и вошли в число его сторонников, и открыто были заодно с ним, и он приложил немало усилий, — как сам, так и при посредстве своих друзей, — чтобы воспрепятствовать действиям Помпея. И были консулами³ в тот год Юлий Цезарь и Луций Бибул.⁴ И противостояние между Цезарем и Помпеем достигло таких масштабов, что, если бы они обернулись друг против друга, то Рим был бы разрушен. Но некий сенатор по имени Ватин,⁵

¹ В оригинале — *cort.* Довольно приблизительно представлявший себе политическую организацию римской Республики, хронист, вероятно, ассоциировал это учреждение с современной ему Римской курией, а ее членов (сенаторов), насколько можно понять, считал подобием составлявших ее кардиналов (которые порой и сами были не против подобных сравнений). При этом, наряду с курией, ниже фигурирует и собственно сенат — *senado*. Соотношение этих понятий хронист не объясняет.

² В данном случае единственным источником хрониста стала фраза из «Истории римлян» Родриго Толедского: «Iulius autem cum multis fautoribus abundaret, coepit Pompei propositum impedire & saeculi singular dominium procurare, sed moderation aliqua mediante» (*Rod. Hist. Rom.* 10). Однако в своей трактовке причин вражды между Цезарем и Помпеем хронист идет гораздо дальше своего источника. Возможно, неприятие фигуры Цезаря следует объяснить перипетиями борьбы Альфонсо X за престол Священной Римской империи, финальная часть которых пришлось на то же время, что и создание этой части хроники (1270-е гг.).

³ Налицо расхождение в датировке: в начале главы автор относит события к 700 г. от основания Рима, что соответствует 53/54 г. до н. э., однако Юлий Цезарь и Луций Бибул были консулами в 59 г. до н. э. В следующей главе он относит их консульство к 698 г. от основания Рима.

⁴ На самом деле, коллегу Цезаря по эдилству 65 г. до н. э., претуре 62 г. до н. э. и консульству 59 г. до н. э. звали Марк Кальпурний Бибул (ум. в 48 г. до н. э.). Видный оптимат и сторонник Помпея, он безуспешно пытался воспрепятствовать политике Цезаря в период их совместного консульства. В 52 г. в качестве промагистрата являлся наместником Сирии. Луцием звали сына М. Кальпурния — Л. Кальпурния Бибула (ум. в 32 г. до н. э.), также являвшегося сторонником оптиматов. Ошибка хрониста — результат следования за Орозием, который первым перепутал двух политиков (*Oros.* VI. 7. 1).

⁵ Публий Ватиний (ум. после 45 г. до н. э.) — плебейский трибун 59 г. до н. э., консул 47 г. до н. э., сторонник Цезаря. Неверная транскрипция номена политика связана с ошибкой в интерпретации притяжательной формы в выражении «lege Vatina» (*Oros.* VI. 7. 1).

дабы избежать этого великого противостояния и столь великого зла, вынес как бы постановление, чтобы вся курия передала Цезарю три следующие провинции: Галлию до Альп, что напротив Испании, и Галлию по ту сторону Альп, и Иллирик, то есть Шотландию и Британию,¹ и совместно ему их пожаловала. А после сенат добавил еще одну Галлию, называемую Косматой.² Называлась так она от «косм» (*coma*), как латиняне называли волосы, потому что все мужчины в этой провинции носили длинные волосы. И чтобы Юлий Цезарь завоевал эти провинции и обладал ими на правах держания в течение 5 лет своего консульства.³ И дали ему семь отрядов, называемых легионами, снабженных всем необходимым для завоевания. И Юлий, приняв все это, посвятил себя этому делу. Помпей также добивался от сената и курии, чтобы ему была дана императорская власть на Востоке, и на его стороне находился консул Марцелл,⁴ который имел большое влияние в курии, и позаботился, чтобы сенат присудил ему империй, и дал ему войско, и послали его затем в землю Лицирия,⁵ чтобы воспользоваться своими полномочиями. И дела Помпея шли очень хорошо, и власть его возрастала, как гласят истории.⁶ Но теперь настало время закончить говорить об этом и рассказать о том, как шли дела у Юлия Цезаря в завоеванных землях, которые были за ним закреплены.⁷

¹ Ошибочное смешение Иллирика с Британией и др. обусловлено следованием ошибке Евтропия, приписавшего Цезарю власть над Иллирией, а также неверной трактовкой последующих слов римского историка, который, прямо вслед за перечислением провинций, переданных Цезарю, говорит о его походе в Британию (*Eutop.* VI. 17. 1).

² Ср.: «*comata, ae, quaedam Gallia, scilicet Lombardia, quod comas soleat nutrire*» (Hug. Etym. Lat.) (прим. Р. Менендеса Пидалья).

³ Пассаж, наглядно показывающий степень непонимания хронистом римских реалий I в. до н. э. Передача Цезарю в управление перечисленных провинций трактуется как аналог феодального держания, полученного им в качестве вознаграждения за исполнение определенных властных функций (в данном случае, предполагаемых должностью консула).

⁴ Видимо, имеется в виду Гай Клавдий Марцелл Старший (ум. в 43 г. до н. э.) — консул 49 г. до н. э. Был избран главным образом из-за того, что находился в оппозиции Цезарю. Марцелл и его коллега поддержали решение предыдущих консулов Марцелла Младшего и Эмилия Лепида, передающее право командовать римской армией Помпею без санкции римского сената.

⁵ По всей видимости, хронист неверно интерпретировал упоминание Орозием г. Лукерии (Апулия) (*Oros.* VI. 15. 1). Столь же оторван от данных источников и рассказ о действиях Помпея в период пребывания Цезаря в Галлии.

⁶ Вероятно, едва ли не основным источником для такого вывода стала «Фарсалия». См., например: «*Interea totum Magni fortuna per orbem //Secum casuras in proelia moverat urbes*» (*Luc. Phars.* III. 169—170).

⁷ Далее следует рассказ о галльских войнах Цезаря, основанный на свидетельствах Орозия (*Oros.* VI. 7. 3—12. 8), который в данном случае есть смысл опустить.

87. О том, что сделал Юлий Цезарь на землях,
которые были ему присуждены по праву завоевания,
о короле Оргенте, об Ариовисте, о Крассе и об Испании

Пока Юлий Цезарь готовил свои войска, чтобы идти на эти выше-
означенные земли, восстал против Галлий, несмотря на владычество
римлян, некий правитель по имени Оргент,¹ и был он королем очень мо-
гущественного и доблестного племени под названием гельветы,² и вме-
сте с этими гельветами, которые ему подчинялись, призвал король к себе
в помощь племена тулингов, латобогиев, раураков и бойев.³ И они выш-
ли с женщинами и своими отрядами, и образовали столь большое войско,
что историки⁴ насчитывают в целом сто и пятьдесят раз по тысяче чело-
век. И этот король, видя, что все — и мужчины, и женщины — вышли
с ним и покинули свою землю, прежде заставил их сжечь свои города
и все поселения, которые у них были, чтобы они не надеялись вернуть-
ся туда и жить в благополучии. И прошли столь, что достигли реки Тибр
в Риме. И Юлий Цезарь устремился туда, и сразился с ними дважды, и
убил у них 67 раз по тысяче человек, а остальные, те, кто остался в жи-
вых, заключили с ним договор, и отослал он их в их земли, ими же сами-
ми и разрушенные, чтобы они заселили их вновь и находились под сеньо-
риальной властью Рима. Вслед за этим Юлий Цезарь выступил против
другого короля Германии, по имени Ариовист,⁵ так как он вторгся в Гал-

¹ Имеется в виду Оргеториг (Оргеторикс) (ум. в 60 г. до н. э.), вождь племени гельветов, призвавший их переселиться в Галлию в 61 г. до н. э. Цезарь успешно воспрепятствовал его приготовлениям в первый период галльской войны. Вскоре Оргеториг погиб, вероятно, покончив жизнь самоубийством.

² Гельветы (в тексте — *elucios*) — кельтское племя, проживавшее между Альпами и реками Майн и Неккар. В 58 г. до н. э. вторглись в южную Галлию, однако были вытеснены оттуда Юлием Цезарем. В дальнейшем их территория была романизирована. Упоминания о гельветах исчезают со II в. н. э.

³ Перечень галльских племен прямо заимствован у Орозия (*Oros. VI. 7. 5*), который, в свою очередь, опирался на свидетельство Цезаря, сообщавшего о рауриках, тулингах, латобригах и боях как союзниках гельветов (*Caes. BG. I. 5, 25 etc.*). Бои — в древности населяли Ломбардию, Тироль и Богемию между р. По и Эльбой; раурики (раураки, равраки) — проживали от устья Аара до Базеля (впоследствии — до Брейзаха), к северо-западу от гельветов; земли тулингов располагались между территориями раураков и гельветов; латобриги (латобогии) — жили у истоков Рейна или в верховьях Дуная, также недалеко от раураков и гельветов.

⁴ *Oros. VI. 7. 3*. Сам Цезарь называет иные цифры: 263 000 гельветов, 36 000 тулингов, 14000 латобригов, 23 000 раураков, 32 000 бойев; из этого числа воинов было около 92 000, в целом — 368 000; после войны домой вернулось 110 000 человек (*Caes. BG. I. 29*).

⁵ Ариовист (ум. после 58 г. до н. э.) — вождь германского племени свевов. В 72 г. до н. э. попытался утвердиться на территории Галлии, за Рейном. В 58 г. галльское

лии. И этот король привел с собой следующие племена: арудов, маркомедов, трибоков, вангионов, неметесудов и свевов,¹ и сражались они близ реки Рейн, которая разделяет посередине границы Франции и Германии, и победил их Цезарь, но с большой опасностью для своего войска. После этого восстало против Юлия племя белгов, которое владело третью Франции.² И явились на помощь из числа белгов: свессиионы, нервийцы, которые были племенем настолько сильным, что не позволяли ввозить на свою территорию продовольствие, из-за которого человек мог впасть в порок или совершить злодеяние либо утратить любовь к военному делу; а с ними были и атребаты, амбианы, морины, менапии, галеты, велокассы, вероманды, адаутуки, кондурсы, эбуроны, керосы и кеманы.³ И было их всего двести восемьдесят два раза по тысяче чело-

племя эдзев обратилось за помощью к Цезарю. Тот разгромил свевов при Везонцио. Раненый Ариовист с остатками войска переправился через Рейн в Германию, где вскоре умер.

¹ Этот перечень племен заимствован Орозием (*Oros. VI. 7. 7*) у Цезаря (*Caes. BG. I. 51*). Гаруды — германское племя, происходившее из северной Ютландии, а позднее переселившееся в область между р. Неккар и Боденским озером. Маркоманы — изначально одно из племен в составе союза свевов, позднее осевшее в Богемии; маркоманы являлись центром союза племен под управлением Маробода (нач. I в. н. э.); позднее, в 166—180 гг., принимали активное участие в Маркоманских войнах. С конца III в. н. э. перестает упоминаться в источниках. Трибоки — германское племя, проживавшее в верхней Германии, в районе современного г. Страсбурга. Вангионы — германское племя, изначально расселенное на правом берегу Рейна в его среднем течении, а позднее перешедшее на левый берег реки, в земли кельтского племени белгов; их столицей являлся г. Боргетомаг (современный Вормс). Неметы — германское (по мнению некоторых исследователей — кельтское) племя, проживавшее в районе современного г. Шпейера. Эдусы (седузии) — германское племя, упоминаемое только Цезарем. Наконец, свевы — группа племен, в I в. до н. э. расселились от Западной и Южной Германии до Центрального Дуная. Тацит именовал «Свевским» Балтийское море, связывая с ними все племена между Дунаем и Балтийским морем. Об истории свевов в эпоху Великого переселения народов в хронике говорится ниже (см. Гл. 365 и далее).

² Белги (в тексте — *belgicos*) — группа кельтских племен (белловаки, спессиионы, ремы, атребаты, морины, менапийцы, адаутуки, эбуроны, треверы, нервийцы), заселявшая северные области Галлии между Рейном и Сеной и составлявшая треть ее населения (*Caes. BG. I. 1, II. 1; Oros. VI. 7. 11*). В Галльской кампании Цезаря белги выступили против него единым военным союзом, хотя в мирное время не составляли военно-политического единства.

³ Свессиионы (*suesones*), нервийцы (*neruos*), атребаты (*atrabatos*), амбианы (*ambianos*), морины (*morinos*), менапии (*menapios*), галеты (*caletos*), велокассы (*uelocassos*), вероманды (*ueromandos*), адаутуки (*adauticos*), кондурсы (*condursas*), эбуроны (*eborones*), керосы (*cerosos*), кеманы (*cemanos*) — кельтские племена, составлявшие племенной союз белгов. Перечень приводит Орозий (*Oros. VI. 7. 11*), воспроизводящий информацию Цезаря (*Caes. BG. II. 4*).

век,¹ и все они были хорошо вооружены. И воины Юлия Цезаря, когда увидели такое сильное войско, поняли, что налицо огромное неравенство сил, и не захотели, чтобы Юлий Цезарь вступал с ним в сражение. Однако внезапно на них двинулся сам Ариовист, и они не смогли избежать боя и вступили в битву; и римляне были уже почти побеждены, так как было убито много их воинов, так, что даже сам Юлий Цезарь, видя это, лично бросился в гущу схватки и стал укреплять своих воинов словом, и тогда были побеждены воины Ариовиста, и разил их Юлий Цезарь, пока не разбил, так что очень немногие из них остались в живых. Тогда, несмотря на победу, одержанную в этом сражении, Юлий Цезарь позаботился о том, чтобы подчинить все народы Франций,² и усмирить их под своей властью; и начал он другую войну и вступил в битву, не менее великую, с жителями Венеции³ и соседних областей, которые восстали против римлян и задержали направленных к ним посыльных. С жителями Венеции были осисмы, лексовии, наметы, амбивариты, морины, диаблинты, менапии,⁴ из Британии им присылали огромную помощь от каждой земли. Юлий Цезарь, хотя и был опытен и испытан в войнах, и понимал, сколь серьезным было это предприятие, весьма тяготился этой войной; но, поскольку другие племена не осмелились принять участие в этом предприятии, он не мог избежать похода против них и решил сразиться с ними на суше. Но это ему не удалось, так как у них вся страна была окружена болотами и разделена посередине лиманами, которые вытекали из моря и были очень длинны. И поэтому он приказал спешно построить большие корабли, с помощью которых сразиться на воде, и отдал несколько кораблей Бруту,⁵ который командовал этой битвой на воде, используя означенные корабли. У венетов же с их стороны были порты с хорошо оснащенными кораблями. И Брут, увидев, что корабли врагов очень хорошо оснащены (как это обычно бывает у варваров), и многие другие приготовления с их стороны, понял, что бой неравен, и сил у него недостаточно для того, чтобы атаковать их, и, не имея другого замысла, стал искать способ, который помог бы ему в войне против них. Тогда он приказал доставить

¹ Цифра заимствована у Орозия (*Oros.* VI. 7. 15), который вывел общую численность, опираясь на данные Цезаря (*Caes.* BG. II. 4).

² В данном случае хронист употребляет слово во множественном числе, подразумевая под ним все галльские провинции Рима.

³ Речь идет о венетах, галльском племени, проживавшем в северо-западной Галлии, в устье Луары. Возможно, венеты северной Италии являлись другой ветвью того же индоевропейского племени.

⁴ В том же порядке племена перечислены у Цезаря (BG. III. 9) и воспроизведены у Орозия (*Oros.* VI. 88).

⁵ Децим Юний Брут Альбин (ок. 84—43 гг. до н. э.) — римский военачальник, легат Юлия Цезаря во время Галльской и Гражданской войн, один из убийц Цезаря.

очень острые серпы, которые, привязав к веревкам, бросали на канаты кораблей венетов. До того времени они не использовали эти серпы для кораблей и даже не знали о них. И послал он людей, которые тянули серпы за веревки, и они цеплялись за корабельные канаты и срезали их, и падали паруса, и корабли более не могли двигаться и оставались неподвижными, и некоторые из тех, кого не настигли эти серпы, пытались бежать и даже имели попутный ветер, однако застряли на месте и также не могли сдвинуться, и все их захватили римляне. И таким образом, посредством этого хитрого способа Юлий Цезарь вторгся в эту страну и захватил ее. И за посланников Рима, которых они захватили, он подверг суровой казни всех представителей местной знати, которые подняли восстание и руководили им, а остальных продал в рабство. Вслед за этим в эти же самые дни захотели поднять восстание против Юлия Цезаря самуны,¹ авлерки, эбуровики и ликсибии, но он убил предводителей их знати, точно так же, как он поступил с венецианцами. После этого Юлий Цезарь направился воевать против германцев, а Публий Красс прибыл в Испанию.

88. *О том, как римляне послали Публия Красса в Испанию, которые подняли мятеж*

В 698 году от основания Рима, в консульство Юлия Цезаря и Луция Бибула, римляне направили в Испанию своих посланников, чтобы получить платежи с той земли, как это было заведено. И поскольку уже некоторое время испанцы не вели никаких войн, кое-кто начал жаловаться и говорить, что им ничего не дадут. Сенаторы, зная об этом, послали за Публием Крассом,² который был консулом. И тот направился в землю Аквитанскую, которую теперь называют Гасконью,³ и нашел ее замиренной и находящейся под властью римлян, которую они приняли как должно. Но

¹ У Орозия (*Oros.* VI. 8. 18) (*Caes.* BG. III. 17) племя самунов (*samunos*) не фигурирует. У Цезаря говорится о венелах, к которым позднее примкнули три другие перечисленные в тексте народа, но Орозий сведения о нем опускает. Вопрос об источнике информации остается открытым.

² Вероятно, имеется в виду Публий Лициний Красс (86 или 82—53 гг. до н. э.) — древнеримский полководец, сын Марка Лициния Красса. Служил под началом Юлия Цезаря в Галлии с 58 по 56 гг. до н. э. Он отличился как командир в кампаниях в Арморике и Аквитании. По возвращении в Рим Публий женился на Корнелии Метелле и начал политическую карьеру как монетарий и начальник сил безопасности по время второго консульства его отца. Погиб в битве при Каррах.

³ Здесь и далее под «Гасконью» в хронике понимается не только соответствующая область Франции, но и населенные басками (*gascones*) северо-восточные области Испании. Отличия фиксируются лишь контекстом.

навстречу ему выступило множество рыцарей и пехотинцев, чтобы сразиться с ним до того, как римляне вступят на эту на землю. И длилась эта война некоторое время, но не смогли они победить римлян, и были побеждены все, кто был в составе этого войска, а затем устремились в город, ныне называемый Ош.¹ Римляне окружили их там и сразились с ними, и разбили их настолько, что те были вынуждены принять соглашение о сдаче оружия в обмен на право безопасно уйти восвояси. Другие же области той земли были столь сильно затронуты войной, что отозвали свои войска и послали просить помощи у народов основной части Испании. И тех, кого к ним прислали испанцы, они сделали предводителями — тех, кто вместе с Серторием участвовал в его войнах в Испании. И они поступили так, поскольку те были наиболее опытными в военном деле и испытанными в сражениях. А затем к ним присоединились люди из Гасконий,² и из области Кантабрия в западной Испании, и с берегов реки Эбро, которые явились к ним на помощь, чтобы окружить Публия Красса в городе, где он сам подверг осаде своих противников. И когда войско разместилось, не будучи подготовленным³ и не предполагая, что может произойти что-то подобное, Публий Красс неожиданно выступил и обрушился на них, и из пятидесяти тысяч человек, которые были в этом войске, он убил тридцать восемь тысяч, а остальные бежали. И он вернул эти земли под сеньориальную власть римлян и после этого отбыл в Рим.

89. О завоеваниях, которые совершил Юлий Цезарь, и об Испании

Поскольку Юлий Цезарь всем сердцем стремился пойти войной против Помпея, то не мог дожидаться часа, когда закончит завоевания, которые должен был совершить. И таким образом он победил германцев у реки Рейн, которые пошли завоевывать Францию, и из четырехсот десяти тысяч человек, которые были в их войске, Юлий Цезарь убил всех, и почти никто не избежал этой участи, если только очень немногие. И он вторгся вглубь Германии, обладая значительными силами, через мост на реке Рейн, который приказал построить. И освободил он там сугамбров и убиев,⁴ которых удерживали в осаде⁵ свевы, поскольку они были очень сильным и могущественным народом, и вся Германия была весьма напу-

¹ Вероятно, имеется в виду нынешняя столица Гаскони Ош (*Aush*).

² Так в тексте.

³ К вражеской атаке.

⁴ Сугамбры (в тексте — *sicambrios*) — германское племя, обитавшее между реками Зигом и Рейном. Убии (в тексте — *utibios*) проживали в бассейне Рейна.

⁵ Об этом ни у Цезаря (*Caes. BG. IV.16*), ни у Орозия (*Oros. VI. 9. 1*) не говорится.

гана их появлением. И оттуда он отправился назад во Францию, и приказал разрушить мост. И двинулся он на морское побережье, чтобы идти в Британию, и понес огромный урон от бриттов, поэтому в тот раз он не достиг Британии, которая ныне зовется Англией. И вернулся он снова во Францию, и приказал снарядить шестьсот кораблей и в ту весну вновь отправился в эту Британию и потерял большую часть флота, но зато победил британцев. И оттуда он вышел на реку под названием Тамесин, ныне же называемую Темзой, что в Британии, где, как говорят, только в одном месте был брод. И объединились народ и власть той земли до того, как явился Юлий Цезарь, и укрепили они на дне брода очень острые колья, направленные вперед и скрытые в воде, чтобы воины не могли от них уберечься, и погибло там много людей и вьючных животных со стороны римлян, но в конце концов Юлий Цезарь прошел это место. И бритты устремились к горам и там закрепились. И тогда выступил глава города тринофантов, впоследствии называемых тринобантами,¹ а их город ныне называется Лондоном.² Это было самое большое и могущественное племя на этой земле, и они сдались Юлию Цезарю. И также ему сдалось множество городов, поскольку их жители увидели, что произошло с Лондоном; и взял Цезарь силой Верулу,³ о которой говорится, что это была крепость, наиболее хорошо укрепленная и богатая из тех, которые были в обеих Британиях.⁴ И завоевал он всю эту землю, и сделал британцев данниками Рима, чего никогда не было до этого времени. Далее он вернулся во Францию, и восстал там против него король Амбиориг,⁵ который был очень сильным и могущественным, и убил очень многих римлян, и взял в плен многих воинов из войск, посланных Юлием Цезарем; других же он осадил в том месте, где они восстали. И спросил этот король плененных им римлян, что бы он сделал с теми, кого удерживал в осаде. И они, из-за

¹ Тринованты — кельтское племя, состоявшее в союзных отношениях с Римом. Во время межплеменной стычки с бриттами, в ходе которой бриттский вождь Кассивелаун убил вождя триновантов Мандубракия, сын последнего, Мандубракий Младший, обратился за помощью Цезаря, который, в свою очередь, снарядил против бриттов военную экспедицию, в ходе которой Кассивелаун сдался и стал данником Рима.

² Автор «Хроники» допускает ошибку — столицей триновантов был Камулудун (современный Колчестер).

³ У Цезаря (*Caes. BG. V. 21*) — вождь одного из племен бриттов Кассивелаун (его народ проживал к северу от р. Темзы), имя которого у Орозия (*Oros. VI. 9. 8*) превратилось в топоним: крепость Кассовеллана.

⁴ Имеются в виду провинции Верхняя и Нижняя Британия, на которые остров был разделен ок. 197 г. В правление Диоклетиана был создан диоцез Британия, разделявшийся сначала на три, а затем (с конца IV в.) — на четыре провинции. У Орозия выражение встречается лишь однажды и в другом фрагменте (*Oros. VII. 28. 1*: место смерти Констанция Хлора).

⁵ Амбиориг (Амбиорикс) — соправитель племени эбуронов.

насилия, испытываемого в заключении, а также из-за страха смерти, посоветовали ему, чтобы он обнес их рвом. У них же не было ни железных орудий, ни чего бы то ни было другого, чем это можно было сделать, но настолько многочисленны были люди короля, что, как рассказывают истории, они, копая землю ножами и выбрасывая землю с помощью подколов своих одежд, за три дня выкопали ров в десять футов шириной, в пятнадцать высотой и окружностью в одну милю; а также воздвигли сто двадцать очень высоких башен. И сражались с ними семь дней и семь ночей. И на седьмой день неожиданно поднялся сильный ветер, и приказал тогда король Амбиориг взять небольшие сосуды, наподобие кастрюли вытянутой формы, наполнить их глеуэтом углями и горючей смесью¹ и метать их из катапульты в сторону палаток римского войска. И из-за ветра занялся огонь в палатках, что нанесло весьма значительный ущерб. Римляне же были изнурены от ран и из-за этого огня, а также от невозможности поспать и поесть, так что множество из них умерло при этих обстоятельствах, но, при всем этом, оставшиеся в живых не теряли сил и хорошо держались, ожидая помощи от Юлия Цезаря, которого послали известить о бедственном положении, в котором они оказались. И был у них военачальником один человек по имени Цицерон. И Юлий Цезарь, как только об этом узнал, прибыл туда как можно скорее с рыцарями в количестве одиннадцать тысяч триста тридцать два человека, и история гласит, что и этого казалось мало. Чтобы добиться от них такого результата, как если бы их было много, он своим решением разделил их: одних взял с собой, других отправил со своими военачальниками на помощь тем, кто был окружен; сам же он устроил засаду и приказал тем, кого послал против нападавших, чтобы они всем своим видом показывали и говорили, что с ними Юлий Цезарь, дабы король Амбиориг, поскольку он был весьма великодушен и обладал большим войском, выступил против них, и чтобы сначала они сразились с ним, а затем притворились побежденными и двинулись туда, где находилась засада. Так и произошло, и, когда они проходили мимо него, выступил Юлий Цезарь, и обрушился на основные силы, и убил из них шестьдесят тысяч; другие же рассеялись и бежали. Вслед за этим была другая битва с Индутиомаром, королем треверов,² и победил его Цезарь, и разбил в пух и прах. Также он победил менапиев,³ страна которых отличалась могуществом, и завоевал их, а после них — и треверов, и, таким образом, он завоевал Францию, и простер над нею свою власть. И затем, возвращаясь в Италию, он спустился к Испании вплоть до того, что вступил в Нарбоннскую провинцию, чтобы понять, что он может сделать против сыновей Помпея и против войск, которые они имели. И когда

¹ В тексте — *alquitrán*.

² Индутиомар (ум. в 53 г. до н. э.) — вождь племени треверов в 54—55 гг.

³ Менапии — галльское племя, жившее между реками Массом и Шельдой.

об этом узнали в Галлиях, восстал король Верцингеториг,¹ который был весьма сильным и могущественным правителем. А оттуда Юлий Цезарь вернулся в Испанию, и победил их, и убил столько, что невозможно подсчитать, и разгромил их так, что никто из них не осмелился больше восстать. И после этого он направился в Италию, а потом — в Рим.

90. О том, как Юлий Цезарь потребовал от римлян дать ему еще одно консульство, которым уже обладал Помпей, и о пожаре, разгоревшемся в городе Рима

В 699 год от основания Рима разгорелся пожар в городе Рима, и никто не знал, откуда он взялся, и уничтожил столь большую часть города, что никто не знает подлинные размеры разрушения, и говорили, что это будет предзнаменованием потрясений, которые Рим и его держава должны были испытать вследствие борьбы этих двух предводителей. В эти дни Юлий Цезарь пришел завоевать те земли, о которых мы уже сообщили, и ему сообщили, что у Помпея на востоке дела шли хорошо, и Цезарь очень опечалился из-за вражды, которая существовала между ними, и постарался, как только мог, чтобы сенат и курия² лишили его противника той власти, которую ему дали. И при этом Помпея там не было. А Юлий Цезарь, видя свои завоевания, совершенные им в обеих Британиях и обеих Франциях, и, подсчитав, насколько были многочисленны и сильны завоеванные им племена и насколько мощными оказались силы его войска в тех землях, которые были им завоеваны и оставлены для охраны крепостей, понял, что, располагая огромной силой, способен на великий подвиг. И, будучи одним из двух консулов, когда он прибыл, то очень настойчиво потребовал у курии, чтобы ему отдали консульство, каковым уже обладал Помпей. И просил он об этом с тем, чтобы остаться единственным сеньором над всей Римской державой; и это было то, чего он желал и к чему стремился. Но против этого предложения выступил консул Марцелл,³ друг Помпея. Этот муж-консул был знатоком права и выступил по этому поводу перед сенатом, и объяснил, что никоим образом не должно произойти так, чтобы Помпей оказался под его командованием у него на службе. И сенат, видя, как Помпей действует во имя державы, всех них и собственной чести, решили, что консул рассуждает разумно и согласно праву, и что им придется плохо, если они поступят таким образом,⁴ и ответили

¹ Верцингеториг (ум. в 46 до н. э.) — вождь кельтского племени арвернов в центральной Галлии, противостоявший Юлию Цезарю в Галльской войне.

² В оригинале — *cort*; вероятно, имеется в виду народное собрание.

³ Марк Клавдий Марцелл — консул 51 г. до н. э.

⁴ Как предлагает Цезарь (*прим. перев.*).

они Юлию Цезарю, что не сделают этого, поскольку нет ни разумных оснований, ни понятных фактов для исполнения его требований. И помимо этого, они увидели гордыню и жадность, которые ему были присущи, а также возможное разделение на группировки и беды, которые последуют, если это случится. И кроме того, решили сенаторы и курия, чтобы Юлий Цезарь, если пожелает явиться в курию, придя в город, оставил свое войско в другой земле, вдали от города, и чтобы пришел он лишь с немногими людьми, и таким образом смог вступить в Рим, когда захочет, поскольку понимали, что, если он явится туда иным образом, возникнут беспорядки в народе, что неминуемо приведет к несчастью. Когда Юлий Цезарь услышал о решении, вынесенном сенатом и курией относительно консульства, и о том, что ему было приказано не вступать в город с войсками, то был очень разгневан. И когда он это понял, то заявил об этом резкими речами, и выразил бы это еще сильнее, если бы при нем находилось все его войско. И таковы были доводы, выдвинутые друг другу сенаторами, курией и Юлием Цезарем, что пути назад не было, и случилось там затем страшное бедствие. И потому сенаторы и курия объединились и заняли сторону Помпея. Но соперничество Юлия Цезаря и Помпея и всех остальных зашло уже слишком далеко, а потому впоследствии они должны были сразиться в битве на Эмасийских полях,¹ как мы расскажем далее. И по этой причине произошло множество раздоров в среде римских граждан, как об этом рассказывают истории, и поэтому власть в Римской империи была очень расшатанной и неустойчивой. Об этом приращении и сокращении римской державы говорит «История» Орозия² следующим образом: римская держава объяла собою великое море, которое никогда не увеличивается и не уменьшается, а римская держава всегда увеличивалась или уменьшалась в размерах, но никогда не пребывала в одном и том же состоянии. Этому Орозий дает примеры и говорит так. Когда Помпей завоевал Испанию, а консул Лукулл и тот же Помпей — Азию, и Юлий Цезарь — Францию, то размеры римской державы возросли до пределов земли, и немного Риму оставалось, чтобы объять весь мир своей сеньориальной властью. Об уменьшении он говорит также, что территория римской державы сильно уменьшилась, когда убили Марка Красса в Турции, влив ему в уста расплавленное золото и говоря ему: «Если жаждешь золота — так пей же золото!» И еще, когда сражались между собой Юлий Цезарь, Помпей и другие граждане, в этих битвах погибло столько народа, что невозможно сосчитать, и пал из-за этого Помпей, который был весьма высокопоставленным военачальником, и другие военачальники, и почтенные мужи из Рима и многих других земель, находившихся под его

¹ Емасия (*Иматия*) — область в северной Греции, следовательно, под этой битвой подразумевается битва греческого этапа Гражданской войны — битва при Фарсале (ср. гл. 104).

² Здесь и ниже в той же главе ссылка на *Oros. VI. 14. 1—4.*

властью. И таким образом, расширялась и сокращалась римская держава до тех пор, пока она не пришла к такому состоянию, в котором находится сейчас. Но в этих усобицах римских военачальников и их сограждан, которые происходили в то время, Испании оставались безопасными и умиротворенными под начальством сыновей Помпея и их военачальников, и лишь за ее пределами была небольшая смута, учиненная Юлием Цезарем по приезду в Нарбоннскую Галлию, о чем мы уже сообщали. Далее мы расскажем об усобицах и сражениях, бывших между Цезарем и Помпеем, и о тех силах, которые они собрали.

91. Как Юлий Цезарь обнаружил в себе неприязнь к Помпею

По прошествии 601 года и семи месяцев от основания Рима Помпей являлся великим сеньором Испаний по праву, предоставленному ему римской курией¹ за их завоевание. И в то время, как мы сказали, верховную власть в Риме стяжали три предводителя, которые были более выдающимися, нежели другие — тот же Помпей Великий, Юлий Цезарь и Марк Красс.² И поэтому они были освобождены от всех обязанностей по отношению к Риму и его державе, но в соответствии с тем, что сочли во благо сенат и консулы. И когда возникала у них нужда, те направляли их для ведения дел, таких, как если восставали ранее завоеванные большие и могущественные земли, чтобы вернуть их под власть Рима, или если они предназначались для завоевания, чтобы захватили их и присоединили к римской державе. Помпей был женат на Юлии, дочери Юлия Цезаря, и имел от нее детей, Юлия была достойной дамой, а Помпей — достойным предводителем, пользовавшимся уважением римского народа, и большим сторонником мира. Марк Красс же также являлся выдающимся мужем. Но в этом месте говорит Лукан: «Суждено так, что высшие власти не могут

¹ Под курией (*corte*) применительно к описанию политического устройства Рима в «Истории Испании» в большинстве случаев подразумевается народное собрание (комиции), которое представлялось хронистам неким аналогом современных им *кортесов* (*cortes*), сословно-представительного учреждения, роль которого постепенно возрастала в правление Альфонсо X. Как и другие подобные им учреждения на латинском Западе, средневековые кастильские *кортесы* сложились в результате постепенного расширения за счет представителей местного рыцарства и бюргерства состава *королевской курии* — совета высших архиереев и светских магнатов, без поддержки и учета мнения которых королевская власть не могла функционировать как институт власти. При этом роль королевской курии *stricto sensu* как совета с появлением *кортесов* не только не сокращалась, но и возрастала. Именно поэтому под *corte* в ряде контекстов в хронике подразумевается совет правителя, хотя наиболее распространенным термином для его обозначения выступает *consejo*.

² Речь идет о первом триумвирате 60/59—53 гг. до н. э.

выстоять долгое время в своей высоте».¹ И Юлий Цезарь был таким человеком, что в мирное время, когда он не ходил в походы и не участвовал в больших волнениях и конфликтах, он не унимался и не находил себе места — настолько он был жаден до власти, и эта жадность — если не в то же самое время, так потом — нанесла ему ущерб, так что из-за нее он умер, как мы расскажем об этом ниже. И, движимый этим вкусом к власти, он сражался со всем знанием и мощью, чтобы обойти других военачальников и стать главным в державе. Помпей же, наоборот, был настолько удачлив во многих войнах, совершенных им для завоевания земель и принуждения к договору королей, чтобы привести их под власть своей державы, и захватить их, и, прежде себя, доставить их, уже взятых в плен, в Рим, и настолько ему не была свойственна алчность, что он всегда держал себя на равных по отношению к гражданам и стремился разделить с ними добычу, которую захватывал в своих завоеваниях, и предоставлял им все права и поддерживал у них мир, и те, кто находился в его распоряжении, любили его настолько, что никогда не хотели ни отделиться от него и уйти под власть другого военачальника, ни завидовали его власти из-за больших полномочий. И воспылал к нему Юлий Цезарь огромной завистью, и опечалился весьма, и возненавидел он Помпея в сердце своем, как только мог, и уже желал ему смерти за то, что тот до конца понимал его суть, и начал искать способ сделать это. И Помпей это понял. Но, как мы сказали, была еще Юлия, дама настолько благородная и настолько расположенная ко всему благому, что находилась в мире со всеми, так что никто² не враждовал против другого и даже не осмеливался проявить своих замыслов, пока она была жива. Красс же не разделял этой ненависти и был как бы посредником между ними, как рассказывает Лукан.³ Но вот его послали в Азию, и убили его турки в Турции, как мы уже сказали, и умерла также Юлия, и теперь выступили вперед злоумышленники, и злые советчики ощутили власть, и Юлий начал действовать против Помпея открыто. Юлий Цезарь находился в Равенне с большими силами, с войском из завоеванных им земель Севера и Франций; и было два трибуна, которых Помпей и сенат изгнали из страны — Курий и Целий,⁴ а другие, занявшие сторону Юлия Цезаря, находясь при курии, действовали

¹ Завуалированный пересказ следующих строчек «Фарсалии»: «Судеб завистливых ряд, не дающих великому долго / Выстоять; тяжкий распад от его непомерной громады» (*Luc. Phars. I. 20* (пер. Л. Е. Остроумова).

² Из сторонников Цезаря и Помпея.

³ *Luc. Phars. I. 100—105.*

⁴ Хронисты допускают ошибку. На самом деле, народными трибунами, которых коснулась санкция сената, являлись Марк Антоний и Квинт (у Орозия — Публий) Целий. Сенаторы Курий (Гай Скрибоний Курион) и Целий (Марк Целий Руф) являлись их сторонниками; но именно они (как и сказано в тексте) прибыли в лагерь Цезаря. См.: *Oros. VI. 15. 2.*

в его пользу. И пришли эти трибуны к Юлию Цезарю, и рассказали ему, как Помпей и сенат изгнали их из курии и отняли землю, и, таким образом, открыто склонили его к тому, чтобы начать эту гражданскую войну римского народа.

*92. О видении, которое было Юлию Цезарю,
и о его походе на Рим*

Юлий Цезарь, таким образом, нашел предлог, чтобы пойти против Помпея и сената, а именно — из-за тех трибунов, которые заняли его сторону и которых изгнали из страны и курии. И выступил он из Равенны с большими силами и ожесточенным, и начал свой путь на Рим; затем поспешил перейти через Альпы, и дошел до реки, называемой Рубиконом. И эта река является границей между Францией и Италией и весьма невелика, но в то время она была полноводной из-за сильных дождей, поскольку была зима и в тот период три месяца шли дожди, как рассказывает об этом Лукан.¹ И вынашивал Юлий Цезарь в своем сердце планы, как совершить все задуманное против Помпея и тех, кто примет его сторону, и сразиться с ними, и убить Помпея или взять его в плен, или изгнать из страны. И когда он пришел на берег той реки Рубикон, то, пока его отряды искали брод, было ему видение. Согласно словам Лукана, возникла перед ним фигура женщины, которая как бы олицетворяла собой величие римской державы.² И хотя это было днем, казалось, что наступила темная ночь; но призрак женщины был виден при этом весьма отчетливо; и лик ее был очень грустен, и голова возвышалась, подобно башне; седые волосы ее были распущены и растрепаны и как будто обрезаны, руки — обнажены, а сама она стонала. И говорила она с трудом, как будто из-за тяжести и слабости: «Мужи, идете ли вы от этого места далее и куда еще несете вы мои знамена? Если вы идете по праву и являетесь моими гражданами, вам положено идти с оружием лишь до этого места и не далее». Это видение нагнало на Юлия Цезаря столько страха, что волосы его встали дыбом, и такая напала на него слабость, что стоял он недвижимо на берегу реки, не имея сил пошевелиться. Когда видение пропало, оцепенение его оставило, и обратился он к богам с такой речью: «Юпитер, обозревающий окрестности великого города Рима и посылающий лучи со своей высокой башни, которая именуется Тарпеей, и вы — дворцы и развалины Трои, и вы, чьи корни в народе троянском и в роде Юла, и вы, тайны Ромула Тарквиния, вознесенного богами на небеса, будто похищенного, и ты, Юпитер, восседающий в вышнем городе Альбе в Италии, и вы, священные огни очага храма святой богини Весты, и ты,

¹ *Luc. Phars. I. 214—219.*

² *Luc. Phars. I. 185—204.*

Рома,¹ подобие высочайшего божества, — все вы поддержите меня и будьте со мной в этом моем начинании! Рим, я не иду против тебя с оружием и в сумасшествии, но дай мне выйти победителем здесь, ибо я победил и на суше, и на море, и позволь мне стать твоим рыцарем, и пусть будет злоумышленником против тебя тот,² кто делает меня твоим врагом». ³ И произнеся это, он увидел, что его войска колеблются, перейти ли им реку из-за того, что она слишком широко разлилась, и тогда Цезарь пришпорил своего коня и первым пересек эту реку и вступил на другой берег. И тогда все перешли вслед за ним. И говорит здесь Лукан, что шел туда Юлий Цезарь, как лев против охотника, который, разгневавшись, без сомнений хватается за оружие. И перейдя реку и оказавшись на другом берегу реки, уже в Италии, он произнес эти слова, обращаясь к своим рыцарям и войскам: «Здесь я отбрасываю мирные соглашения и права, погранные в отношениях между нами, и здесь же прекращаются действия договоров, заключенных между мной, Помпеем и другими римлянами, и родственные связи, и дружба, и полагаться я буду на удачу, и вручаю себя провидению. И то недоброе, что было между нами, пусть разрешится битвой; и впредь я обращаюсь к действию». ⁴ Высказав эти доводы, он направился в сторону города Аримина,⁵ который держал сторону сената и общины Рима, и там не захотели его принять, и тогда он объявил им войну с большим рвением, и взял его и оттуда послал за подкреплениями. Но здесь мы закончим говорить о нем и расскажем о народах, которые пришли к нему на помощь.

93. О народах, которые пришли на помощь Юлию Цезарю

У Юлия Цезаря были большие отряды конницы, как мы об этом уже сказали, и они были рассредоточены во многих местах, где он приказал им встать на постой. Но когда стало известно о его действиях и он на-

¹ Рома — богиня-покровительница города Рима.

² Помпей.

³ Ср. у Лукана (*Luc. Phars.* 195—203): «О Громовержец! — он рек, — озирающий с выси Тарпейской // Стены столицы своей, о пенаты фригийские рода // Юлиев, ты, о Квинрин, вознесенный тайно на небо, // Ты, обитающий в Альбе крутой — Юпитер Латинский, // Весты святой очаги, о подобие высшего бога, — // Рим, — покровительствуй мне; не тебя преследую ныне // Буйным оружием я; победитель на суше и море, // Всюду я — твой солдат, если быть им дозволишь и ныне. // Тот будет впредь виноват, чрез кого я врагом твоим стану!» (пер. Л. Е. Остроумова).

⁴ Ср. у Лукана (*Luc. Phars.* I. 225—227): «Здесь нарушаю я мир и врагом оскверненное право; // Счастье, иду за тобой; да не будет отныне законов! // Ныне вверяюсь судьбе, война да предстанет судьбою!» (пер. Л. Е. Остроумова).

⁵ Современный г. Римини.

чал войну, то послал за ними и за другими народами, которые были им завоеваны, и за своими военачальниками, и за другими народами, проживающими в пограничье, которым приказал явиться к себе на помощь. И пришли туда следующие народы, как об этом рассказывает Лукан:¹ люди с берегов реки Вогез, лингоны, которые были хорошими воинами, а из Франции следующие: люди с берегов реки Исары, рутены, люди с берегов реки Апар, с берегов реки Уар на границе с Италией, люди с морского побережья у Геркулесовых Столпов. А также народы с берегов другого моря, которое на время накрывает землю и затопляет деревни, и иногда покрывает их до самого верха, говорят, что это — Сирт. И люди с земли Менето, с берегов реки Сатир, от реки Тарболликон вплоть до ее впадения в море, и говорят, что это — земля под названием Тальябург, а также люди из Сентонжа, из Битура, из Санса, где все свободно владеют оружием; из Лемузена, из Реймса, где все хорошо обращаются с метательным оружием; люди с берегов Сены, которая протекает через Париж, а также белги, которые в бою отлично умеют сражаться с повозок; жители Альвернии, которых называют братьями тех, кто живет в Италии; а также нервии и вангионы, батавы, отличающиеся храбростью; и люди с берегов реки Синги, и с Родана — начиная с его истоков у реки Арарис и до впадения в море, а также жители города Севенны, населяющие все горы земель, прилегающих к этому городу; горы эти очень высоки, и на них всегда много снега; жители города Трира; лигуры, носившие когда-то длинные волосы, но ныне их стригущие; также — те, кто совершают кровавые человеческие жертвоприношения планете Меркурий и которых в тех землях называют тевтонами; и те, кто приносит такие же жертвы Езу, который такой же бог, как и Марс, и те, кто приносит жертву Юпитеру, называемому у них Танарисом, и те, кто поклоняется Луне — а это в землях Скифии, находящейся на севере; и люди там жестоки, как дикие звери.² Также пришли сюда

¹ Перечень народов см.: *Luc. Phars.* I. 395—464.

² Вогез (ныне Вогезы) — горный хребет в области лингонов в Кельтской Галлии; Исара — галльская река в области аллоброгов (ныне Изэр), впадающая в «славнейшую реку», т. е. в Родан (нынешнюю Рону); рутены — народность в Кельтской Галлии; Вар (Уар) — река в Трансальпийской Галлии, впадающая в море у нынешней Ниццы; «земля Менето» — ныне Монако; Атур (Сатир) — река в Аквитании, в области тарбеллов (отсюда — «река Тарбеллион), ныне Адур; Апар (Арарис) — ныне Саона, река с очень медленным течением; арверны — народность в Кельтской Галлии (отсюда — «Альверния»); нервии — народность в Бельгийской Галлии; вангионы — германское племя, жившее между Рейном и нижним течением Мозеллы (нынешнего Мозеля); батавы — германское племя, жившее между устьями Рейна и Мааса; Севенны (антич. Кебенны) — горный хребет во Франции, часть Центрального горного массива; тревиры — германское племя, жившее между Рейном и Маасом; лигуры — италийское племя, жившее между приморскими Альпами и Апенниннами; земля Тальябург — область кельтского народа тарбеллов (или аквитанов); Сентонж — историческая область во Франции с центром в г. Сент, входившая

барды, которые владели искусством некромантии и очень хорошо его знали, а также владели другими тайными знаниями, как рассказывает Лукан; а также хавки с берегов реки Кайка,¹ а также живущие на берегах Рейна; но и многие другие народы, здесь не названные.

*94. О том, как отправился Юлий Цезарь в Рим,
и о том, как он взял казну города,
которая была там с незапамятных времен*

Когда Юлий Цезарь увидел эти огромные военные силы, пришедшие ему на подмогу, в его сердце только укрепилось решение совершить еще более великие дела, чем те, о которых до этого он лишь сокровенно помышлял; и, прибыв в Италию, он разделил свои войска и повел их по стране, и разошлись они, чтобы пройти ее всю. Римляне же из другого лагеря, когда узнали о том, что совершил Юлий Цезарь, боялись его, особенно когда он находился поблизости и становилось известно, что он уже занял большинство земель своим огромным войском и направляется прямо на Рим. И здесь истории рассказывают, что войска наконец объединились на полях, называемых Меванийскими,² и в его арьергарде шли люди с земель между рекой Рейн и горами, называемыми Альпами; также шли войска и с северной стороны. Там их объединил Юлий Цезарь с другими многочисленными силами, и пошел вместе с ними на Рим против Помпея и против сената, чтобы сразиться с ними и установить свою власть как враг против врагов. Помпей и сенат хорошо знали, что затевает Юлий Цезарь; но когда до них дошли известия,³ при них еще не было войска, и устрашились того, что не смогут сдержать его в Риме, бежали оттуда все — и Помпей, и сенат, и оставшиеся там рыцари, и прибыли они в Кампанию. Юлий Цезарь явился в Рим со всеми своими силами, и когда никого там не застал, то весьма опечалился, и вступил в город, и забрал всю

в состав Аквитании; Битур — область битуригов, кельтского племени из Аквитании; Лемузен — историческая область с центром в г. Лиможе, на юго-западе центральной части Франции; река Синка — река в Испании, приток р. Сегре, в свою очередь, впадающей в р. Эбро (Ибер); бог Ез — кельтское божество, отождествлявшееся римлянами с Марсом; бог Танарис (у Лукана — Таранис) — кельтское божество, отождествлявшееся с Юпитером. Указания на жестокость скифов — распространенный в античной литературе топос, выраженный и у Орозия. См., напр., знаменитую легенду об убийстве царя Кира скифской царицей Тамирис (*Oros.* II. 7. 6).

¹ Барды — народные певцы у кельтов; хавки — германское племя, жившее между нынешними реками Эмсом и Лабой (Эльбой).

² Мевания — город в Умбрии.

³ О численности и составе сил Цезаря.

казну, которая находилась в общем хранилище и которая накапливалась там трудами римских старшин со времен начала завоеваний, которые римляне совершили вплоть до этого дня. Но сейчас история заканчивает рассказ об этом и обращается к сообщению о том, как он вернулся в Испанию, и о том, что он совершил там в этот раз.

*95. О том, как Юлий Цезарь вышел из Рима
и отправился в Испанию и как он взял Марсель*

Когда Юлий Цезарь забрал римскую казну, то, видя, каковы были Испания, завоеванные Помпеем, а также им самим, и, зная, что испанцы весьма храбры и хорошо владеют оружием, посчитал, что, если они перейдут на его сторону, Помпей не сможет выступить из Италии на запад и можно будет настигнуть его в Италии или, позднее, в какой-либо земле на востоке. И потому он не стал более наступать на Помпея и сенат, а двинулся в Испанию. И первое столкновение, выпавшее на его долю, произошло у города Марселя. Жители Марселя происходили из одной земли Греции под названием Фокея, и из-за частых войн, которые бушевали на их земле, ушло оттуда много отрядов добрых людей, и явились туда, и основали город, когда Геркулес пришел в Испанию. Осознавая себя греками, они заняли сторону Помпея, как и другие греки, что были в Греции. И когда они узнали, что пришел Юлий Цезарь, они послали своих посланников с просьбой оставить их в покое, а они в свою очередь дадут ему пройти и не будут чинить никаких препятствий в этом походе. Но Юлий Цезарь, твердо решивший в сердце своем не оставлять никого из сторонников Помпея, ответил им, что зря они все это говорят и что он даже слышать об этом не желает, если только они не примкнут к нему и не встанут на его сторону и не примут его. Но они не захотели этого делать до тех пор, пока не испытают сами, каково иметь его своим союзником. И он, поняв, что иным образом у него не получится перетянуть их на свою сторону, двинулся прямо на город и, подойдя, увидел, что городские ворота закрыты, а перед ними — мощные заграждения, и что на стенах города стоят добрые отряды и много оружия. И, когда это увидел Юлий Цезарь, то он осадил Марсель¹ и начал исследовать местность вокруг, чтобы построить свои бастиды там, где это будет возможно. Однако он подумал, что, если пожелает остаться здесь и начать осаду города до тех пор, пока тот не сдастся, то задержится надолго в ущерб тому, что собирался совершить в Испании, и что было куда более важным, и чего он жаждал всем своим сердцем. Поэтому Цезарь решил разделить войска и оставил там некото-

¹ Осада Массалии продолжалась семь месяцев, с 19 апреля до конца лета 49 г. до н. э.

рую их часть, поставив во главе военачальника по имени Брут,¹ оставил их для осады и дал им указания установить бастиды там, где решил это сделать, и вырыть ров вокруг города, и изготовить осадные орудия, с помощью которых вести боевые действия. И объяснив им все это, он взял с собой оставшихся воинов и направился в Испанию. После этого Брут сразился с большим рвением у города вместе со своими людьми, и погибло много воинов Юлия Цезаря, и в этой битве они потерпели поражение, когда атаковали со стороны суши. И тогда Брут стал действовать со стороны моря, и он так активно и столь разными способами атаковал осаждающих с помощью осадных орудий, что победил их и взял город. Но сейчас мы закончим говорить об этом и вернемся к тому, что связано с Юлием Цезарем и с Испанией.

96. О войне Юлия Цезаря с Афранием и Петреем² в Лериде

В то время как Брут был в Марселе, как мы об этом уже сказали, Юлий Цезарь направился в Испанию, которые являются крайней землей на западе, сражаясь, завоевывая и закрепляя за собой новые земли и народы, стараясь при этом убивать как можно меньше, насколько это было в его силах. И, как рассказывают о нем истории, здесь, как ни в одной другой стране, ему не стоило столько труда завоевать ее, чтобы усмирить, ибо здесь все еще оставались противостояние и вражда; а также он показал себя храбрым и жестоким, чтобы заставить себя бояться, и хотел, чтобы так было всегда — чтобы все страшилось его, поскольку никакой правитель не сможет держать свой народ в повиновении согласно нормам права и наказывать, если его не будут бояться. Но он стал вести себя по-другому в ходе похода в Испанию и вложил в свое сердце мысль о том, что любовью и согласием он сумеет подчинить себе столько, сколько не сможет достичь войной, смертью и кровопролитием. И как только он вступил на эту землю, он старался, насколько это было возможно, миром привлечь на

¹ На самом деле, осада Массалии была поручена полководцу Гаю Требонию (ум. в 43 г. до н. э.).

² Марк Петрей и Луций Афраний — легаты Помпея, командовавшие его войсками в Испании в 54—49 гг. до н. э. Под их началом в Илерде (Лериде) находилось пять легионов. Марк Петрей (ок. 104—46 гг. до н. э.) — римский военный деятель, участник подавления мятежа Катилины в 62 г. до н. э. и Гражданских войн на стороне Помпея в Испании, на Балканах и в Африке. Луций Афраний (ум. в 46 г. до н. э.) — римский военный и политический деятель, консул 60 г. до н. э. Участник Серторианской и Третьей Митридатовой войн, в гражданской войне на стороне Помпея воевал в Испании, на Балканах и в Африке.

свою сторону города, замки и народ, раздавая одним щедрые дары, а другим — обещания. И говорят, что так он действовал с населением Испаний, о котором он знал, что оно очень отважно в войне, а земля его хорошо укреплена и трудна для завоевания. Ведь, если бы он захотел подчинить эту землю иным образом и завладеть ею путем сражений, вряд ли удача была бы на его стороне, а даже если бы это было и так, то это не было бы так скоро, и он бы задержался там так надолго, что не смог бы вернуться к своей войне с Помпеем и сенатом так, как он бы этого хотел, а ведь это было то, чего он желал более всего и ради чего делал все возможное. И, направляясь вглубь Испании, он привлекал к себе народы своей мудростью, так что у него не было ни с кем никаких столкновений. И говорит история в этом месте, что в таком деле предводители должны хорошо понимать, если бы они взвешивали все должным образом, что здесь и в других землях само стечение обстоятельств приводило к успеху и ускоряло ход дела и что это принесло Юлию Цезарю больше, чем военная сила. Тогда Испании держали от Помпея Афраний и Петрей, которых тот поставил вместо себя для надзора над страной, и объединились они меж собой так, что у них была одна сеньориальная власть на двоих, и поэтому управляли они землей сообща как бы один за другого, и очень успешно распоряжались своими людьми. И помимо рыцарей, которые были приведены из Италии, при них находились воины-горцы из района Испании, который назывался Астурией, а также другие, называемые веттонами;¹ все они являлись бойцами ловкими и отважными; другое большое войско, которое бежало из земли Франции из-за бушевавших там войн и из-за враждебного к себе отношения, перебралось в Испанию и уже находилось там какое-то время. И хотя оно состояло из французов, но, поскольку они заселили берега реки Эбро, то стали называться кельтиберами, как именовались и жившие там изначально. И Лукан, чтобы показать нам это место таким, каким оно было до прихода Юлия Цезаря в Испанию, когда там случилось первое сражение, говорит следующее: в Большой Испании вырос небольшой холм из тучной земли, и так возникло это место и вознеслось оно ввысь с ровной возвышенностью на самом верху, и говорит он, что на этом холме и этой возвышенности был воздвигнут и заселен город, который по-латыни именовался Илерда, а теперь называется Лерида, и через него протекает река под названием Сикорис на латыни, а на языке этой местности — Сегре; и сообщает также Лукан, что там был очень большой каменный мост с большим пролетом, который соединял оба берега, даже зимой, когда река выходит из берегов; рядом с ним находился утес, на котором

¹ Веттоны — совокупность племен кельтского происхождения, населявшая территорию современных провинций Авила, Саламанка и Касерес, а также (частично) Саморы, Толедо и восточные области Португалии. С севера их союзниками являлись ваккеи, с северо-востока — астуры, на востоке — карпетаны, на юге — оретаны, турдулы и кельты, на северо-западе — лугитаны.

Помпей соорудил хорошо укрепленный замок и где его люди держали оружие, а также и знамена с инсигниями Помпея.¹ И когда Юлий Цезарь прибыл туда и увидел крепость и хорошо вооруженных воинов, он понял, что это не позволит ему избежать большого сражения, и стал искать подходящую местность вокруг города, и нашел там другую возвышенность, подобную по высоте той, на которой обосновались люди Помпея, и засел там.² И протекала между этими возвышенностями и лагерями обоих войск река Серре. У подножия этих возвышенностей начинались обширные поля, которые уходили вдаль, и простирались они так далеко, что никто не мог издали увидеть эти горы, и в окрестностях также протекала другая река под названием Синга, и она впадала не в море, а в реку Эбро. И там, на этих полях, рядом с городом Леридой, были собраны военные силы Юлия Цезаря и Афрания с Петреем, военачальников Помпея, друг против друга, и, хотя они сошлись там для сражения, история рассказывает, что, по прибытию Цезаря, никакого сражения не было, но выстроили³ боевые порядки и приводили в порядок войска, которых было очень много, и определяли силы, поскольку с каждой стороны они были весьма велики. И поскольку римляне рассмотрели друг друга и поняли силу противника, ведь с обеих сторон стояли многочисленные войска, их весьма опечалила начавшаяся между ними вражда и то, что им пришлось сойтись ради этого; ибо осознали они, что это гражданская война, и даже больше, чем гражданская, поскольку все они приходились друг другу родственниками. И больше всего они устыдились именно из-за Испании, которая уже принадлежала сеньориальной власти Рима, но они ей нанесли ущерб, и все законы, соглашения и привилегии, которые испанцы заключили с Помпеем, были расторгнуты римлянами, и поэтому они воздерживались от сражения. Но хотя это и печалило римлян, находившихся по обе стороны, Юлию Цезарю не изменила его решимость, и, как только наступила вторая половина дня, он приказал как можно скорее вырыть ров вокруг его боевого порядка, и это было сделано, чтобы боевое охранение бодрствовало и несло караул, и говорят, что этим ограждением он ввел врага в заблуждение. И установил он на этом ограждении свои знамена, и окружил своими рыцарями, и расставил каждого по порядку, и наказал, чтобы они

¹ *Luc. Phars. IV. 10—17. Ср.: «Галлии старой поля, смешали с иберами род свой. // Между пологих равнин невысоким холмом вырастает // Тучная почва тех стран; на холме залегают Илерда, // Древней рукой создана; а рядом струею спокойной // Катится тихий Сикор — не последний из рек гесперийских // Каменный мост чрез него перекинулся аркой, способной // Зимние воды сдержать. Вот тут-то, на скалах соседних, // Знамя Помпей водрузил...»* (пер. Л. Е. Остроумова).

² Боевые действия при Илерде между Цезарем и помпеянами продолжались с 20 июня до 2 августа 49 г. до н. э. Но в описании хронистов эти события заняли гораздо больше времени (см. ниже).

³ Военачальники с обеих сторон.

тщательно охраняли каждый свое знамя и своего командира. На следующий день утром, едва забрезжил рассвет, он приказал своим войскам, чтобы те как можно скорее поднялись на возвышенность, которая находилась между ними и городом, чтобы противник не смог взять ее под свой контроль. Но Петрей и Афраний решили сделать то же самое, что и Юлий Цезарь, поскольку они хорошо знали эту землю и прибыли туда раньше, и собрались у возвышенности прежде, чем рассвело, и раньше, чем кто-либо об этом узнал, и поднялись туда и заняли ее. Люди Юлия Цезаря пытались завладеть возвышенностью броском и силой оружия, в то время как люди Петрея пытались защищаться, поскольку они уже контролировали это место, не говоря уже о том, что им принадлежала эта земля — и как сеньорам, и как военачальникам. Воины Юлия Цезаря были хорошо вооружены, и поэтому не оставляли попыток подняться наверх по утесу; пока они не оказались на вершине. Но настолько крутой была та гора, что многие из них падали назад, так что под тяжестью оружия уже не могли подняться без тех, кто шел вслед за ними, подставляли щиты и, таким образом, поддерживали их и помогали встать. И не существовало между ними никакого свободного пространства, так что не было возможности помочь себе ни копьем, ни другим колющим оружием, поскольку они вынуждены были смотреть, и вонзать их,¹ и на них опираться. И пока они держались за видимые им камни или корни растений, то старались удержаться и не упасть, и сила заставляла их прекращать бой с врагом, пробивать себе дорогу мечом и, таким образом, подниматься. И Юлий Цезарь, видя, что они находятся в таком печальном положении, и, понимая, что он потеряет здесь многих из своих воинов, приказал им прекратить восхождение и спускаться один за другим, и сделал он это для того, чтобы не потерять их и сохранить для битвы. Они так и поступили, и возвратились в свой лагерь, в то время как противники не осмелились ни идти против них, ни бросить раненых, ни действовать иным образом, но закрепились на своей вершине, которую взяли, и удерживали ее. И прекратился бой между ними, и не сражались они несколько дней, и затем они также не сражались из-за стихийного бедствия, как вы сейчас услышите.

*97. О стихийном бедствии, застигшем Юлия Цезаря в Лериде,
и как ушли оттуда Петрей и Афраний*

Юлий Цезарь прибыл в Лериду к концу осени, но не сражался с Петреем и Афранием до наступления весны, и это случилось по причинам, о которых мы уже говорили.² Зимой ему пришлось остановиться из-за очень

¹ В склон.

² Так в тексте. На самом деле, причины задержки излагаются ниже.

плохой погоды, часто вызывавшей гололед и обильные снегопады. С наступлением весны из-за таяния снега образовалось много воды, и разлив был такой силы, что и поля, и долины, — вплоть до вершин холмов, — все было покрыто водой и стало походить на морской залив, и длилось это много времени. А войска Юлия Цезаря оставались окруженными этими водами и не могли никуда выйти с этого места, и у них иссякала провизия, и в войске нарастал голод, так они потеряли большое количество людей и животных. А когда уровень воды спал, а реки вошли в берега, Юлий Цезарь увидел, что настало время сражаться с врагами; и приказал он собрать по берегам реки ивовые прутья, сплести из них небольшие лодки и покрыть коровьей кожей. На другом берегу реки находилась гора, и поскольку через нее он решил идти против Петрея и Афрания, то приказал своим войскам сесть на эти лодки и идти к этой горе и привезти туда много древесины; и сделали они мосты и другие места для прохода, чтобы в случае повторного разлива реки не было большого ущерба, вода была разведена по многим каналам, и, таким образом, река утратила свою силу, и они могли пользоваться возможностью прохода столько, сколько могли. Когда Петрей увидел, как Юлий Цезарь поглощен своим предприятием и насколько добросовестно он этим занимался и насколько хорошо шли у него дела, то устранился он и усомнился, стоит ли ему идти против Цезаря. И покинул он Лериду, хотя был хорошо защищен высотой той горы, а также мог бы успешно удерживать город, — по крайней мере, в течение долгого времени, и иметь лучшие условия для заключения соглашения. И двинулся он оттуда, чтобы идти во внутренние области Испании в сторону запада, чтобы поднять народы всех тех земель, которые держали он и Афрания и которые всегда были хорошо защищены и жили в мире, и не знали ни принуждения, ни жестоких войн с врагами, и были сильными воинами, и страстно желали сражаться, если было против кого. И когда Петрей выступил из Лериды, была ночь. На другой день Юлий Цезарь, взглянув на возвышенности, где находились Петрей и Афрания со своими войсками, увидел, что все ушли, и нашел местность обезлюдившей, и тогда он приказал своим войскам взять оружие и пересечь реку, и бежать как можно быстрее вдогонку за теми, кто ушел так, чтобы они не искали мосты или брод, но прямо устремлялись вплавь, там, где в этом была нужда. А затем он спешно послал рыцарей, чтобы они пересекли реку вброд и по заболоченным местам, как у кого получится, и, как говорит история, настолько был опасным этот путь, что должно было быть очень страшно пересекать ее тому, кто бежал и кто должен был меньше вглядываться в нее, чем тому, кто бежал вслед за ним, чтобы убить его; но рыцари Юлия Цезаря действовали без сомнений. И, переходя через реку, они все вымокли, а когда переправились на другую сторону, им было очень холодно из-за воды, через которую они прошли, ибо река сильно

разлилась, и вода в ней стала еще холоднее. Но, обсохнув, они схватили оружие и помчались с еще большей скоростью, с какой только могли, вслед за другим войском, как им приказал Юлий Цезарь, и на следующий день вплоть до полудня они только и делали, что скакали, и разгорячились от большого веса своего оружия. И, прибыв, они дождались отставших, так что те не переставали бежать. При всем этом Петрей и его люди, которые заботились о том, чтобы спокойно уйти, увидев, что их преследует Юлий Цезарь, стали сомневаться, продолжать ли им движение или развернуться для сражения. И там, где их настигли воины Юлия Цезаря, была обширная равнина, а посередине возвышались две скалы и над ними несколько возвышенностей; и они сделали усилие, чтобы подняться и затеряться таким образом среди гор: с той стороны казалось, что эти горы представляют собой единое целое, поскольку они располагались одна подле другой, и туда вело несколько дорог, которые, извиваясь, вели то в одну, то в другую сторону, скрываясь в горах и за скалами. Когда об этих местах узнал Юлий Цезарь, он рассудил, что если Петрей и Афраний придут туда раньше, чем он и его люди, и займут естественные укрепления, то они удержатся там и, кроме того, объединят вокруг себя народы этой земли и тех, кто к ним примкнет, а вслед за ними — и другие народы к западу, многочисленные и весьма храбрые. И если это будет так, то, во-первых, из-за укрепленности местности, а во-вторых, из-за множества воинов, которые казались очень мощными, битва пойдет не так, как шла бы теперь; кроме того, эта область изобиловала замками и была очень трудна для прохода, и при промедлении войско Цезаря вряд ли смогло бы ее занять, и поэтому то, что оставалось завоевать, казалось наиболее для этого сложным. И сказал он своим войскам: «Идите ныне, не заботясь о строе или правильности шага и думая лишь о его быстроте, и настойчиво стремитесь настичь тех, кто обратился в бегство; а когда догоните их, проявите себя настолько смелыми, чтобы их объял страх и чтобы под вашим натиском они должны были обратиться к вам лицом; и, чтобы они, пусть даже этого желают, не погибли в бегстве, словно трусы, ибо это слишком постыдная смерть как для тех, кто ее принимает, так и для тех, кто ее причиняет; ведь тот, кто принимает на себя постыдную гибель, получает ее слишком легко, а тот, кто убивает таким образом, не получает за это достойной славы, и поэтому пусть удары принимаются лицом к лицу, и это будет лучшей платой и для них, и для вас». Как только Юлий Цезарь произнес эти слова, они воодушевились его приказом и не ждали от него других указаний и тотчас же ринулись вперед, насколько это было в их силах, и стали преследовать по пятам этих людей Петрея и Афрания, которые бежали, чтобы первыми взобраться на эти горы и подняться всем туда, поскольку видели, что Юлий Цезарь идет за ними тем же путем. И поднявшись, они двинулись дальше так, как приказал им Юлий Цезарь. И два войска стояли так близко, что хо-

рошо видели друг друга, так что многочисленные римляне, явившиеся туда с обеих сторон, узнавали друг в друге брат брата, отец — сына, и каждый — своего родственника. И, узнавая друг друга и понимая, сколь велик между ними долг,¹ они осознали, что это была битва граждан, и даже больше, чем гражданская, и что на такую вражду с другими гражданами Рима их подвигли гордыня и алчность. И хотя все они явились, чтобы совершить то, что им приказал Цезарь, но стали сомневаться, как они смогут это сделать, поэтому оставались там еще какое-то время, ничего не предпринимая. И в конце концов тронуло их родственное чувство, которое было в каждом, и начали они подавать друг другу жесты приветствия, махая мечами в знак дружелюбия. И такова была родственная любовь между ними, что они нарушили законы и приказ своих предводителей, которые послали их в сражение, и не стали биться. И был тогда закон среди римлян, чтобы друг не проявлял любви к другу, а родственник — к родственнику, пока они находятся в войске, направив оружие друг против друга, и проявляли благочестия в битве. Но рыцари с обеих сторон были побеждены великой любовью, и стали подходить друг к другу, хотя находились в своих войсках для того, чтобы сражаться и убивать, и приняты они были очень хорошо — как близкие родственники и граждане одного города. И начали они беседовать друг с другом о верности и говорить о том, что между родственниками столь великая вражда невозможна без злодейства и нарушения верности родственным узам и что этого не произойдет, если они смогут отвести.² Но как только они расселись для совместного отдыха, тотчас же стали беседовать о многих вещах, вплоть до того, что стали рассказывать о своих битвах и сообщать о ранениях, нанесенных друг другу, и рассказывать о большой добыче и многом другом, ими полученном. И, пока они рассказывали о прошедших битвах, их души снова были охлаждены стремлением к битве, для которой они сошлись в этом месте, и, оставив все доводы против, они снова ощутили желание сражаться, и так суждено было случиться тому, что было предсказано о Римской державе. Кроме того, это очень тяжкое дело — расставаться с человеком, к которому привык, ибо им надлежало биться друг против друга; и такова была сила привязанности, что воины не могли расстаться друг с другом. Но вместе с любовью к сражениям во имя наживы в их сердцах возросла вражда, чему суждено было случиться: ведь великая жажда добычи многократно заставляла забыть о любви и родственных чувствах, и так это произошло и с римлянами.

¹ Родства.

² Эту беду.

98. О том, как Петрей разделил римлян, утешавших друг друга,
и как он заставил их пойти на битву

Петрей, видя, как римляне переходили от одного войска к другому, как знакомились друг с другом и находили родственников среди одних и близких друзей среди других, весьма опечалился, страхась из-за теплого приема, который оказывали друг другу воины, и большой взаимной любви, которую они проявляли. Он опасался, что, если этому не поставить предел, их стремление к миру настолько упрочится, что они не пожелают сражаться, объединятся вместе и перейдут на сторону Юлия Цезаря, тогда как сам он и его люди будут обмануты и как будто побеждены, он и Афраний лишатся сеньориальной власти над Испанией, а Помпей, их сеньор, претерпит ущерб из-за их упущений и по их вине. И так он решил, но не стал, выйдя вперед, заискивать перед воинами и обращать их к себе своей любовью, чтобы призвать их к оружию и заставить сражаться. Ему удалось воздействовать словами так, что там, где находились римляне из обеих войск, утешая друг друга, Петрей заставил одних поражать других (а воины из другого войска были безоружны¹). И проходя в полном вооружении и поражая врагов в сердце, он разделял их всюду, где находили или заставляли их утешающими друг друга, обрушивая сильные удары меча (так что все вокруг было залито кровью), чтобы, насколько это было в его силах, разрушить и разорвать установившееся² между ними перемирие. Страшно разгневанный (поскольку видел, что такое положение дел навредит его сеньору Помпею, а также и ему самому), Петрей начал громогласно взывать к своим воинам, приводя им доводы, о которых мы скажем ниже и которые весьма способствовали их вовлечению в битву; и говорил им он так: «О, рыцари без сердца, забывшие о своей стране, о своих знаменах и обо всем, что принадлежит праву, и вы, воины других отрядов, находящиеся здесь со мной! Неужели вы не можете принять доводы сената, который есть наше спасение, и наше благополучие, и наша свобода,³ и стать на его сторону? Ежели вы не хотите этого сделать, то действуйте хотя бы ради вас самих, чтобы Юлий Цезарь был побежден, а вы вышли победителями, освободив вашу землю от принесенного им рабства? Если же нет иных причин, вы должны стараться ради вашего благородства и пользы. А эту дружбу, которую вы ныне проявляете по отношению друг другу и которой, похоже, готовы руководствоваться и впредь, отбросьте сейчас же, и сражайтесь, и защитите самих себя и вашу землю! Если же вы хотите быть побеждены (чего Бог не желает!), в конце концов можете сделать и

¹ В тексте — *desarmados*; возможный вариант: «не успели (не были готовы?) поднять оружие».

² Стихийно.

³ Точнее — вольность (*franqueza*).

это, и пусть тогда вам будет хорошо, когда все увидят, что вами не сделано ничего из того, что вы были обязаны совершить. Сейчас же, когда вы находитесь в войске и при оружии, и сомневаетесь в исходе сражения, — кто победит или будет побежден, — обратитесь на себя и сражайтесь, как подобает верным мужам! И если вам выпал жребий сражаться, будьте хозяевами¹ сами себе и своей земле, а если вас ждет другая участь, тогда, отбросив стыд, идите к Юлию Цезарю и смело просите у него открыто того, чего желаете, и пусть он сохранит вам жизнь, но вы уже не² будете хозяевами своей жизни и своей земли. Что же касается Юлия Цезаря, то, если бы он был хорошим и расчетливым военачальником, то ему доставило бы радость видеть вас столь воодушевленными и он должен был бы воздать вам за это, поскольку все достойные предводители воинов, к которым с другой стороны являются сильные и добрые бойцы (если они по какой-либо причине могут получить их в свое распоряжение и получают), ценят их еще больше и жалуют им за это еще больше имущества. И если вы сделаете так, как я вам сказал, и покажете себя с хорошей стороны, если вы не посрамите свершений ваших сограждан, то никогда не умрут слава вашего подвига, ваша верность и ваше³ имя. И свобода⁴ не продается за все золото мира, поскольку лучшим является то, что выше⁵ ценится. И вы сражайтесь за нее и защищайте ее, поскольку для этой защиты сияют золото и серебро, обретают ценность и сберегаются для битв лучшие кони, и на море собираются самые большие флоты, и берутся в осаду города, а на суше возводятся мощные замки и другие укрепления. И, как я уже сказал вам, сражайтесь ради свободы, ради вашей земли и ради вас, ибо похоже, что наши враги поклялись сохранять вражду к нам, и лишить нас власти, и обратить нас в рабство. И вы, римские рыцари, если вы уже поклялись Юлию Цезарю, что будете вместе с ним, то это повлечет за собой большой ущерб для вашей земли, ваших близких и, в конце концов, для вас самих. И если вы так поступаете для того, чтобы сохранить вашу верность и при этом захватить города, не думайте, что так и будет, и не поступайте таким образом, поскольку такая верность, когда человек превращается в раба, оборачивается низостью и бесчестием для тех, кто хранит ее. И если вы будете сражаться за нашего сеньора Помпея и за сенат, то право будет на вашей стороне, и это будет дело, которое не сделает вас

¹ В тексте — *sennores*, что полностью соответствует манере хронистов, активно использующих понятия из сферы вассально-сеньориальных отношений.

² В издании Р. Менендеса Пидалья отрицание опущено, что соответствует рукописи из скриптория Альфонсо X (см.: Ms. Y-i-2, fol. 47r). Однако его отсутствие, несомненно, является следствием ошибки писца, поскольку в противном случае фраза теряет смысл.

³ Доброе.

⁴ Точнее — вольность (*franqueza*).

⁵ Всего.

виновными, если вы будете поступать так, как должно, и даже в случае поражения вас будут ждать прощение и покровительство». А кроме того, Лукан, который написал эту историю, указал,¹ что соглашения у римлян были очень жесткими и суровыми, равно как и договоры о дружбе; а потому соглашение, оборачивающееся великим позором и бесчестьем для человека, не должно было соблюдаться. Кроме того, Петрей выдвинул еще один довод относительно своего сеньора Помпея и сказал так: «О ты, Помпей Великий, что привел в движение воинов в разных странах, и собираешь войска в боевые порядки, и призываешь королей и других предводителей, и все они являются по твоему приказу со всех концов света! Немногого знаешь ты о том, какая судьба тебе уготована. Они пообещали тебе успех и удачу за то, что мы совершаем здесь, но, когда я гляжу на то, что делают твои сторонники, мне кажется, что все будет иначе; и те усилия, которые ты тратишь на нас, лучше бы тебе употребить в тех землях, куда ты пойдешь, ибо здесь, среди нас, уже не осталось той верности ни в сердцах тех, кто хранил бы ее;² так что, как ты говоришь, чем дальше ты от их глаз, тем дальше и от их сердец». Так рассуждал Петрей перед римскими и испанскими рыцарями и отрядами пехоты, которые были с ним, одно — относительно их самих, другое — относительно Помпея, как мы уже об этом сказали. Когда они услышали столь убедительные доводы, а связующие их узы верности вновь укрепились, то решились идти в бой, как если бы в их сердцах воцарилась уверенность в победе. И многие из них начали разить противника, и чем больше они поражали врага, тем более чувствовали стремление к этому. Здесь история приводит пример подобия этой схватке и говорит следующее: они воспламенялись этим так, как дикий зверь, которого уже приручили, но однажды дали убить какое-нибудь животное, и, напиваясь крови, тот зверь напоминает о свойственной ему от природы свирепости, так что тот, кто его охраняет, думает, что этот зверь убьет его или сожрет, если только будет такая возможность.³ И так поступили римляне Петрея, которые ни о чем другом не думали в отношении людей Юлия Цезаря. И, после того, как все воедино они делили свою любовь и утешали друг друга, одни — обратившись к своим делам, другие — принимая пищу, противники Цезаря стали убивать

¹ Содержание главы имеет единственным источником текст Лукана (*Luc. Phars. IV. 205—259*). Однако замечание об отношениях римлян к договоренностям, сопряженным с позором и бесчестьем, в оригинале отсутствует.

² Беззаветно.

³ Ср.: *Luc. Phars. IV. 237—242* («Так, позабывши леса, приручаются в запертой клетке // Дикие звери они, склоняя свирепые морды, // Терпят покорно людей; но лишь малая капелька крови // Брызнет в их лютую пасть, возвращаются злоба и ярость, // И распалаяются вновь, отведавши крови, их глотки; // Гнев закипает — и вот чуть не гибнет, дрожа, укротитель...») (пер. Л. Е. Остроумова).

врагов — безоружных. И хотя погибли там и некоторые воины Петрея и Афрания, но из людей Юлия Цезаря погибло гораздо больше, и умертвили их отнюдь не достойным образом.¹

99. О том, как Афраний и Петрей вступили в сражение с Юлием

Как рассказывают истории,² не была ни доброй, ни достойной битва, развязанная Петреем и Афранием между римлянами, которые были едины во взаимной любви. И о том, что все это произошло вопреки закону, также рассказывает история, которая позитивно оценивает причины сражений Юлия Цезаря, которые он вел с Помпеем. В этой битве Юлий Цезарь потерял большую часть своих рыцарей, но это не убавляло в нем решимости, и так помог ему Бог, что ни в последующем сражении на Эмасийских полях,³ ни в морском сражении при Марселе против греков,⁴ ни в морском сражении на Фаросе, что близ Александрии Египетской,⁵ не было у него лучшего успеха, чем в тот раз в Лериде, где он сражался с наибольшим рвением и победил. И после победы каждая из сторон была предоставлена самой себе. Люди Петрея и Афрания не дерзнули совершить иных действий против Юлия Цезаря, но обратились в бегство, чтобы вернуться в город; однако воины Юлия Цезаря не оставили их в покое и заставили бежать через долину, располагавшуюся между двумя возвышенностями. И эта долина не имела ни выхода с другой стороны, ни каких-либо источников воды. И Юлий Цезарь, видя, что противник отрезан, решил взять его в кольцо, чтобы у него не было возможности выйти ни к реке, ни к другим удобным источникам воды рядом с долиной. Цезарь разделил свои войска на части, взял командование одной из них на себя и поставил воинов вокруг источников воды для их охраны; другую же часть людей он расположил у выхода к реке так, что воины Петрея и Афрания лишились доступа к воде и начали изнемогать от жажды, так что и без сражения он

¹ Ср.: *Luc. Phars.* IV. 243—254.

² Несмотря на множественное число («истории»), в данном случае, насколько можно понять, единственным источником также являлась «Фарсалия» Лукана (*Luc. Phars.* IV. 254—336 *passim*).

³ Битва при Эмальсийских (правильнее — Эмальфийских) полях — битва при Фарсале между Цезарем и Помпеем 9 августа 48 г. до н. э.

⁴ См. выше прим. к гл. 95.

⁵ Битва при Фаросе (или битва при Ниле) (февраль 47 г. до н. э.) — сражение между Цезарем и его союзницей царицей Клеопатрой и египетским царем Птолемеем XIII (ранее — царицей Арсиной IV), победа в котором позволила Цезарю деблокировать римскую армию, запертую в Александрии в январе 47 г. до н. э.

смог бы добиться желаемого. Люди Афрания, видя, что они окружены и отрезаны, так что у них не было возможности нигде взять воду, устрашились того, что могут погибнуть из-за ее нехватки; и страх, который у них был, обернулся исступлением, и в таком состоянии они лишь нанесли себе большой вред. Видя, что их лошади не могут преодолеть узкую долину и не в силах более принести им пользу, они просто убили их. И, как об этом рассказывает история, они приняли решение не искать никакой помощи, не ждать подходящего момента, не делать что-либо, полагаясь на везение, которое их выведет из безвыходного положения.¹ И в конце концов они уже настолько были измождены жаждой, что большинство воинов отчаялось и разуверилось в возможности спасти себе жизнь; и они решили бежать, если им повезет. Но одного не учли люди Юлия Цезаря: им едва ли пошло на пользу, несмотря на все совершенное, то, что начальствующие в войске противника презрели бегство и решили, что лучше выйти и погибнуть в бою, чем умереть от жажды. Таким образом, все вышли сразиться с Юлием Цезарем. И когда Юлий Цезарь обратил на это внимание и увидел, что они вышли на смерть, как будто слепо ее жаждали, он понял, что это не к добру, и опечалился, и сказал своему войску следующее: «Вооружитесь как следует, и встаньте в боевой порядок лицом к ним, и крепче держите оружие, как подобает тем, кто намеревается разить врага прямо в сердце; но следите, как уклониться от оружия тех, кто вслепую идет навстречу смерти и уже ни о чем не задумывается, ибо я не хочу, чтобы в этот раз во всей Испании произошла хоть одна кровавая бойня, и я попытаюсь избежать ее, насколько это в моих силах. И мы должны понимать, что не является побежденным достойно тот, кто с открытым горлом в гневе бросается на врага — так же, как и этот враг бросается на нас самих. И тот, кто, таким образом, беззащитным движется навстречу гибели, как действует наш противник, не сражается как подобает воину; и какова же цена победы, достигнутой над тем, кто не вступает в бой? И эти юнцы, которые бегут так несоразмерно и, похоже, устали от жизни, как будто забыв об осторожности и нисколько себя не ценя, идут на свою погибель, но это будет в ущерб также и мне. Они не получают ни одного ранения с нашей стороны, и не изведуют нашего меча, и не получают нашего оружия для своей крови, которая его оросит. Вы же все позаботьтесь об этом, поскольку, хотя они и желают умереть подобным образом, я не желаю, чтобы они погибли так, как жаждут, потому что это не будет поставлено в заслугу ни им, ни нам. Ибо бой является правым и приносит славу только тогда, когда обе стороны действуют в равных усло-

¹ *Luc. Phars. IV. 260—272; особенно см.: Ibid. IV. 267—270* («Страх перешел в неистовый гнев, когда увидали // К смерти открывшийся путь. Отбросив на бегство надежду, // Люди убили коней — осажденным ненужную помощь — И понеслись на врага, поневоле к себе призывая // Гибель...») (пер. Л. Е. Остроумова).

виях».¹ Так Юлий Цезарь наставлял своих воинов против Петрея, Афрания и их войска, и они поступили именно так, как он приказал. А Петрей с Афранием, увидев, что Юлий Цезарь выстроил своих воинов в боевой порядок, но никто из них не вырывается вперед в атаку и никто не начинает ни разить их, ни изливать на них своей гнев, стали слабеть и поняли, что Юлий Цезарь наказал своему войску, находящемуся в боевой готовности и в полном вооружении, не рваться в бой. И они начали атаковать сами, но понемногу и слабо, и Юлий Цезарь сдерживал их почти до захода солнца. И тогда Афраний и Петрей поняли, что им не позволяют вступить в битву так, как им этого хочется, и смирили свой гнев, и укротили свои стремления. И говорит Лукан, что так случилось с Юлием Цезарем и его гневом: подобно тому как один ранит другого в битве, чтобы утвердить свою власть над ним, то оставляет его истекать кровью, пока тот не ослабнет; и, видя его вконец обессилевшим, в конце концов оказывается способен одержать вверх с большей уверенностью,² и побеждает; и именно такой прием использовал Юлий Цезарь против Афрания и Петрея. И, видя, что гнев их оставляет и что они как будто укрощены, приказал он своим, чтобы те вышли к ним, сохраняя боевой порядок, и вынудили бы их вернуться в долину, из которой они вышли. И они силой были вынуждены вернуться в ту же долину; и, видя, что они отрезаны от всего и абсолютно лишены воды, пришли в отчаяние, и стали жаловаться на жажду, и начали копать в первом попавшемся месте, чтобы найти воду; и такова была сила их жажды, что рыцари стали рыть землю при помощи своих мечей, и копали еще во многих местах, но нигде не смогли найти влагу, поскольку вся почва была сплошным камнем и вода изнутри не била. И когда они увидели, что их усилия напрасны, еще больше возросла их жажда; и из-за отсутствия воды они также перестали есть, ибо не видели в этом пользы. И рвали они с деревьев листья, почки и кору, и растирали их и пережевывали во рту, чтобы убедиться, не выделится ли из них сок, который просочился бы на язык, и сосали вымя выючных животных. И было видно, как они желают смерти, поскольку они начали проклинать свою несчастную участь и завидовать тем, кто уже погиб в предыдущих римских войнах, и обращали они к ним такие слова: «Блаженны были вы, которым Митридат, варварский король и ваш враг, отравил источники воды, убегая от вас, и убил вас этой водой;³ но зато ее вы имели в достатке, и не умерли, нака-

¹ Ср.: *Luc. Phars. IV. 273—280.*

² Ср.: «Так в изъязвленной груди горит еще дух неослабший // В час, когда рана свежа и горячая кровь напрягает // Жилы движеньем живым, и кожа к костям не присохла: // Если же, длань задержав, остановится вдруг победитель, // Чуж вонзившийся меч, — тогда охладевшие члены // Оцепененье скует и силы отнимет у духа // После того когда кровь, запекшись, рану затянет» (пер. Л. Е. Остроумова) (*Luc. Phars. IV. 285—291*).

³ Установить, о какой кампании царя Понта Митридата VI идет речь, не удалось. Лукан, касаясь этого казуса, не упоминает его имени: «О, как блаженны те, кого убегающий

занные жаждой, подобно той каре, которую претерпели мы; ныне также произошло бы и с нами, если бы Юлий Цезарь приказал бросить разлагающиеся трупы животных и другие смертельные яды в реки и источники так, чтобы мы не прекращали ходить к ним брать воду для питья, и не было бы у нас иных препятствий». И их настолько замучила жажда, что и люди, и животные начали падать замертво там, где стояли; и все, кто там находился, были обречены на погибель.

100. Как Афраний и Петрей сдались Юлию Цезарю

Афраний и Петрей, поняв, что могут потерять всех своих воинов, и, будучи не в силах сопротивляться и не видя пользы в проявлении храбрости, признали себя побежденными и сложили оружие. Афраний, который действовал активнее, чем Петрей и любой другой военачальник своего войска, смирился и первым из всех запросил мира. И проклиная себя за то, что он ввязался в это дело и втянул в него других, явился со своим войском прямо к Юлию Цезарю; а придя, предстал перед ним вместе со своими воинами, которые выглядели глубоко отчаявшимися и как бы потерянными, и многие из них умерли от великой жажды, которую перенесли и которую еще испытывали. И поскольку пришли они побежденными и усмирненными, как предводители, так и все остальные воины, Афраний не переставал совершать поступки, способствовавшие авторитету его власти как сеньора и проявлять себя как¹ полководца, и, начав приводить свои доводы, сказал следующее: «Юлий Цезарь, если судьба распорядилась, чтобы меня победил недостойный враг, то моей силы и моих рук хватило бы, чтобы убить себя, чтобы меня не убил он. Но мы сошлись с тобой; ты — благороден, и поэтому мы просим тебя о милости, чтобы ты сохранил нам жизнь, и мы полагаем, что ты должен сделать это, поскольку Помпей поставил нас здесь сеньорами² этой земли, чтобы мы ее хранили и защищали; и коль скоро ты пришел захватить ее, мы, в силу своего положения, не можем делать иного, кроме как защищать ее от тебя, насколько это в наших силах. И поскольку тебе было предначертано победить нас, то теперь вся Испания — твоя, и ты без опаски можешь идти дальше. И худшее из сделанного нами то, что мы позволили тебе победить; при этом мы проявили себя неудачниками, лишенными³ сердца и дурными:⁴ так прости

недруг — // Варвар в полях распростер, отравив источники ядом!» (пер. Л. Е. Остроумова) (*Luc. Phars. IV. 319—320*).

¹ Достойного.

² Дословно — «вождями», «предводителями» (*cabdiellos*).

³ Отважного.

⁴ Людьями.

нас за это». Все эти доводы и другие, о которых рассказывает история,¹ излагал Петрей² — и за себя, и за Афрания, и за своих людей. И весьма угодил он Юлию Цезарю, и радостно улыбнулся, и принял все, что они говорили, и заставил себя простить их, а потому не задержал их надолго. А что касается условий прощения, то они вступили в переговоры о мирном соглашении, и заключенная договоренность для стороны Афрания и Петрея и их людей была такова: впредь они обязывались не чинить препятствий Юлию Цезарю и сдать ему оружие, которое имели; что касается Юлия Цезаря, то он обещал даровать мир их земле и не принуждать их участвовать в войнах против Помпея, поскольку они никоим образом этого не хотели, да им и не следовало отказываться всеми силами защищать последнего. Юлий Цезарь принял это соглашение и забрал у них оружие, и освободил их от битв и от войны, и оставил их с миром в этой области. И когда договор между ними был заключен и скреплен, Юлий Цезарь приказал убрать бастиды, и снять боевое охранение, выставленное против противника, а еще — чтобы с побежденными обращались так же, как с теми, с кем он уже заключил мир прежде и кто находится на его стороне, и чтобы поверженные могли уйти туда, куда пожелают, так они и сделали. И как только побежденные были освобождены, то, как говорят, и рыцари, и другие воины войска Афрания и Петрея бегом бросились к рекам, к другим источникам воды и вообще туда, где, скорее всего, можно было найти воду. И они испытывали столь великую жажду, что равные не думали о равных себе, а младшие не считались со старшими, но вновь и вновь все возвращались, чтобы — как пешие, так и конные, — погрузиться в воду там, где это у них получалось и где они находили ее прежде всего. И таково было скопление народа, и настолько они торопились, что река стала мутной, но они бросались к мутной воде так же, как и к чистой. И поскольку их много дней мучила жажда и их члены иссохлись, то они припадали к воде настолько, что даже не могли вздохнуть вплоть до насыщения, так что валились на землю. И многие из них, перед тем как отдохнуть, пили так, что у них перекрывались дыхательные пути и из-за нехватки воздуха они падали замертво. Другие же, оставшиеся в живых, утоляли жажду, но не теряли жадность, с которой пили, и даже переполнив нутро водой, жаждали все больше. Затем, наевшись, они возвращали свою ослабшую мощь и обретали телесную силу, однако, большинство восстанавливалось не в полной мере. И об этом говорил Лукан, порицая тех, кто предавался военному делу и посвящал себя походам, и восклицал он так: «О, чрезмерный расточитель вещей, который не может удовольствоваться малым количеством пищи, и ты, прожорливый голод, который не может насытиться

¹ Речь Афрания: *Luc. Phars. IV. 344—363.*

² Ошибка хронистов: на самом деле, как указано выше, эту речь произнес Афраний, что полностью соответствует и тексту Лукана.

тем, что ты находишь на суше и на море, и ты, изысканный стол, полный столькими яствами, которые только может потребовать пирующий; что будет с твоей природой, с твоими делами и с твоим положением в обществе? Поймите же вы, рыцари и другие воины, что жаждете собрать много яств и вложить их в себя, живущие стремлением насытить все ваши вкусы! Знайте же, что слишком мало дел вам суждено совершить за вашу жизнь в войске и столь же мало того, чего от вас требует благая натура, ибо как сказано мудрыми, что есть и пить нужно для того, чтобы жить, но не следует жить для того, чтобы есть и пить».¹ И тогда рыцари и другие воины Петрея и Афрания, отказываясь от противостояния, в котором они участвовали, не требовали более ни золотых, ни серебряных сосудов, ни иных ценных вещей, но, довольствуясь той мутной водой там, где сумели ее обнаружить, и, не имея ничего, из чего можно было бы ее пить, кроме земли, все равно считали себя вознагражденными, и вернулись к жизни, и обрели пристанище, и получили хлеб и воду так, как будто это были лучшие из всех яств, которые только есть в мире. Здесь Лукан перестает говорить об этом, и история сообщает, что, когда был подписан договор с Юлием Цезарем и сдано оружие, раздались причитания от того, что в столкновении с ним они заняли противную ему сторону; а также из-за противостояния и страшной жажды, которую они претерпели, и из-за многих праздников и жертвоприношений, которые они совершили для своих богов, но не получили от них помощи, и к концу событий им стало гораздо хуже, чем было вначале. Но, утешая себя, они говорили так: поскольку по условиям договора впредь они не обязываются участвовать в конфликте, то они не претерпят большого ущерба от своего поражения, а те, кто их победил, не получили от них какой-либо выгоды; ведь война тянется столь долго, и они вынуждены пройти через такие битвы, чтобы исполнить то, чего желал Юлий Цезарь, что прежде, чем все это закончится, те, кто находится с ним, будут убиты. Кроме того, некоторые из них рассуждали, что удачлив был бы тот, кто мог бы знать место, где можно было находиться, пока это разрушение мира не прекратится. Но другие отвечали им, что только измученным и глупым свойственно уходить из своей земли; им лучше было не идти в войска и не внимать призыву взять оружие, а находиться на своих местах и держать поселения на правах вассалов по рождению. Кроме того, они разошлись к своим военачальникам, и восхвалили Помпея, вспоминая, как прежде он являлся их полководцем в сражениях, и рассуждая, как Юлий Цезарь даровал им жизнь и оставил в добром здравии. И находились они в таком положении, и, по причинам, изложенным выше; военачальники Афраний и Петрей и все их люди впредь не принимали участия в этих сражениях римских граждан и не привлекались более ни для какого дела. Ведь столь великую вражду ощущали они в период этой войны и в сражениях, в которых вынуждены

¹ Ср.: *Luc. Phars. IV. 373—389.*

были участвовать из-за алчности и гордыни, что чувствовали себя людьми удачливыми, получив основание впредь не иметь отношения ко всему этому.

101. О том, как Юлий Цезарь пошел воевать против Помпея

Здесь мы поговорим о тех причинах, которыми, как мы видели, Лукан¹ объяснял действия Юлия Цезаря в Испании, а далее расскажем о том, что на этот счет сообщают другие истории. Помпей Великий, поскольку Испания была уже завоевана, оставил там за старших своих сыновей — Гнея Помпея и Секста Помпея,² а в качестве военачальников — Петрея,³ Афрания⁴ и Марка Варрона.⁵ Когда началась распря между римскими гражданами, Гней Помпей и Секст Помпей, выждав некоторое время, отбыли к своему отцу Помпею. Юлий Цезарь же, после того как уже был заключен мир с Петреем и Афранием, как мы уже сказали,⁶ отправился дальше в Испанию воевать против Марка Варрона. Сам же Марк Варрон, зная, что сделали Петрей и Афраний, и чувствуя, что он не сможет тягаться с Юлием Цезарем, коль скоро он наголову разбил всех остальных, не осмелил-

¹ *Luc. Phars.* III. 298—762 (осада Цезарем Массилии и вступление в Испанию).

² Гней Помпей Младший (ок. 75—45 гг. до н. э.) — римский политик и военачальник, старший сын Гнея Помпея Великого. После смерти отца боролся с Цезарем сначала в Африке, потом в Испании. Во главе тринадцати легионов он выступил против Цезаря, но был разбит наголову при Мунде (45 г. до н. э.) и убит. Секст Помпей Магн Пий (ок. 67—35 гг. до н. э.) — римский военачальник и государственный деятель, сын Помпея Великого. После гибели отца сражался против Цезаря в Африке. После битвы при Мунде бежал на Сицилию. После убийства Цезаря в 44 г. до н. э. по предложению Марка Антония принял командование римским флотом, однако затем вступил в конфликт со вторым триумвиратом, захватил Сицилию и занялся пиратством. В 43 г. до н. э. был объявлен вне закона. Неоднократно побеждал армию Октавиана, но в 36 г. до н. э. его флот был разбит Агриппой. В 35 г. до н. э. бежал в Малую Азию, но был схвачен в Милете легатом Октавиана и казнен.

³ Марк Петрей (ум. в 46 г. до н. э.) — римский военный деятель. Служил под началом Помпея в Испании с 54 по 49 гг. до н. э. Вместе с Афранием он сначала успешно сражался со сторонниками Цезаря, но затем был разбит последним и заключил с ним договор. Покончил жизнь самоубийством в Африке, куда направился после смерти Помпея.

⁴ Луций Афраний — см. выше прим. 30.

⁵ Марк Терренций Варрон (116—27 гг. до н. э.) — выдающийся римский писатель, видный политический и военный деятель. Сподвижник Помпея. Участник кампании против пиратов (67 г. до н. э.). В 49 г. до н. э. — сражался против Цезаря в Испании. Не сумев удержать за собой Дальнюю Испанию, направился в Грецию; в битве при Фарсале не участвовал, т. к. в это время находился в Диррахии. После победы Цезаря получил прощение и занимался устройством публичной библиотеки.

⁶ *Est. Esp.* Cap. 100.

ся состязаться с ним, и как только явился Юлий Цезарь, пришел к нему со всем войском, которое только смог привести с собой, и вверил себя его власти и его благоразумию; привел же он с собой два отряда-легиона, которые включали тринадцать тысяч тридцать два рыцаря.¹ И были Испания взволнованы приходом Юлия Цезаря, случившимся столь неожиданно, и его великими деяниями, совершенными там, о чем вы уже слышали.² Но при всем этом сенаториальные полномочия Помпея по-прежнему оставались в силе, о чем вы услышите позже — в связи с тем, как в другой раз пришел туда Юлий Цезарь после победы в сражении при Эмасии с сыновьями Помпея.³ И Юлий Цезарь, не желая более медлить, взял с собой многочисленные конные войска и другие воинские подразделения для битвы, в которую он намеревался вступить, и начал свой поход против Помпея, насколько это было в его силах. И уже оттуда, из Испании, он отправил своих военачальников в другие земли: Куриона⁴ — на Сицилию, изгнав оттуда Катона,⁵ который был в числе сторонников Помпея, удерживал Сицилию благодаря ему и укрепил свою власть там; Валерия⁶ Цезарь направил в Сардинию, а следом за ним — Котту;⁷ Вар(р)она — в Африку, разгромив там Туберона⁸ и захватив эту землю. После этого Юлий Цезарь прибыл из Испании в Массилию; и вынудил горожан — за то, что они когда-то сделали против него, — пойти на соглашение с условием, что он оставит им возможность покинуть город, не беря ничего с собой, и завладел всем движимым и недвижимым имуществом, которое им принадлежало. И, разрешив это дело, он вступил в землю Италии, чтобы найти Помпея и сенат или хотя бы кого-либо из них, что можно было найти.

¹ На причины этой ошибки в цифрах указывает Р. Менендес Пидаль. См.: Menéndez Pidal R.: Las fuentes... P. LXXXIV.

² *Est. Esp.* Cap. 95—100.

³ Цезарь сражался с сыновьями Помпея в битве при Мунде в Испании (45 г. до н. э.). Автор, по-видимому, смешивает эту битву с битвой при Фарсале, потому что далее (гл. 104) он будет говорить, что в битве при Эмасии сошлись Цезарь и Помпей.

⁴ Гай Скрибоний Курион (ум. 46 г. до н. э.) — сторонник Цезаря, хотя изначально придерживался стороны оптиматов. Участник военных действий в Испании и Африке. Погиб в сражении против царя Юбы I.

⁵ Катон Утический (ум. в 46 г. до н. э.) — знаменитый римский полководец и политик, сторонник Республики, враг Цезаря, покончивший с собой после поражения помпеянцев в битве при Тапсе.

⁶ Марк Валерий Мессала Руф — римский политический и военный деятель, консул 53 г. до н. э., враг Помпея и сторонник Цезаря.

⁷ Луций Аврелий Котта — римский политический и военный деятель, консул 65 г. до н. э., сторонник Цезаря.

⁸ Квинт Элий Туберон (в тексте — *Thiberon*) — римский политический и военный деятель, историк, юрист, друг Цицерона. Участник битвы при Фарсале. Был помилован Цезарем.

И к моменту, когда они вступили в эти распри, обе Испании уже пребывали в состоянии мира — в той мере, в какой это было возможно; однако вы уже слышали, как Цезарь вернул их к этому. Теперь же история перестает повествовать об этом и обращается к рассказу о сражениях, в которых сошлись Юлий Цезарь и Помпей. Но, поскольку мы упомянули о народах, которые пришли на выручку к Юлию Цезарю, мы хотели бы рассказать и о тех, кто помогал Помпею, — в таком порядке, в котором излагает Лукан.¹

102. О народах, которые пришли на помощь Помпею против Юлия Цезаря

Когда Помпей услышал о том, что Юлий Цезарь совершил в Испании, начал он бороться за то, чтобы приготовиться должным образом, и вот те народы, которые пришли к нему на помощь. Это войска греков — из Амфисы, с горы Парнас, из Нисы, из Кирры; военачальники из Беотии, где столица — Фивы; с берегов реки Кефис; потомки Дирки и Кадма; писеи; с берегов реки Амфиз, из Сикании, с горы Менап; рыцари с горы Этны и с горы Эта, где был сожжен Геракл;² теспроты; потомки короля Дриопа, люди с горы Хаон, с острова Дельфы,³ принадлежащего Фебу Аполлону, с острова Саламин; и все эти люди приплыли по морю на своих кораблях; с острова Крита, где сто городов; из Кносса, где живут хорошие лучники, из Гортины, что в востоке Крита и где также живут великолепные лучники; с Орика, что в Дардании, с горы афаманов, из Энхелии, из Колхиды,⁴ с берегов Адриатического моря, из Абсирга, с берегов реки Пеней, из Фессалии, из Иолка, земли Эмонийской, с острова колхов, с горы Гем во Фракии, с горы Фолоя, с берегов реки Стримон, из Коны, что в земле варваров,⁵ с острова Певка, с берегов реки Истра, из Мезии, с берегов реки Каик, с горы Ида, из Арисбы, из Питаны, из Келены, с берегов реки Марсий, с земли, где добывается золото в Азии, с берегов реки Пактола, с Илиона Троянского; народы Сирии; с берегов реки Оронт, из Миноса, Дамаска, Газы, Идумеи, Тира и Сидона. А еще и эти народы, которые мы сейчас перечислим, пришли на помощь Помпею морским путем из земли Киносура: финикийцы, жители Мемфиса, что в Египте, с горы Тавра, из Тарса, что в Персии,⁶ из Малла,

¹ *Luc. Phars.* III. 169—297.

² Имеется в виду версия о смерти Геракла, прозвучавшая в трагедии Эсхила «Гераклиды», согласно которой Геракл был сожжен сыновьями на склонах горы Эта.

³ Так в тексте.

⁴ В тексте — *Cochis*.

⁵ В тексте — *Barbaria*.

⁶ Автором «Хроники» допущено ошибочное переосмысление (тем более, что территория города Тарса входила в державу Ахеменидов вместе с другими малоазийскими са-

что близ Корики, с гор Киликии,¹ дальних пределов Востока, с берегов реки Ганг и с реки Инд, что в землях Индии, с реки Гидасп, что впадает в Инд, и там были народы с некоей земли, являющейся частью Индии, где производится много сахара, и другие народы с других земель, чьи имена история не сохранила, и народы Халдеи, которые поклоняются огню. Ради этой битвы съехались туда народы Каппадокии, с суровой горы Аман, и с реки Нифат, что в Армении, и из лесов Коатра.² Там же к этой битве присоединились жители Аравии, и оресты — племя, живущее на самом краю Востока, и военачальники карманийцев, живущих там, где дует юго-западный ветер. Туда пришли люди, живущие рядом с устьем реки Евфрат и с берегов реки Тигра; также там были и турки, которые являются хорошими лучниками, и народы Скифии, и с реки Бактр, которая закрывает эту землю с моря и которая зимой сковывается льдом; а также из дремучих лесов Гиркании, из Лакедемона; также племя гениохов, и из Сарматии, и мохи, народ жестокий, и с острова Колхов,³ и с берегов реки Фасис, с реки Алис, где убили короля Креза, с реки Танаис, где начинаются Рифейские горы, разделяющие Европу и Азию, из Сидонии, с берегов реки Аримасп; сарматы, массагеты, гелонны; из Ливии — племена, населяющие земли бога Амона, он же Юпитер; и из пустынь Африки. Из тех земель пришли народы, которые называются мармариками; и из земли западных мавров, что простирается через Ливию вдаль вплоть до Сиртов Паретонийских и заканчивается у берегов Восточного моря — все были там. И столько королей и других военачальников, подобных тем, о которых мы уже сказали, пришли к Помпею Великому, чтобы помочь ему в этой битве. Ни королю Киру в битве против Тамирис, королевы амазонок,⁴ ни королю Ксерксу в войне с Грецией, ни Менелаю в его войне против Трои — никому из них не помогало такое количество народа, и нигде более в мире не собиралось такое количество войск в одном месте, как там; и в том месте по прибытии они были разделены по лицам, одежде и обычаям; по этим признакам они были объединены вновь.⁵

трапиями, что, возможно, и обусловило ассоциацию с Персией); на самом деле этот город связан не с Персией, а с Персеем (ср.: *Luc. Phars.* III. 225).

¹ В тексте — *Silix*.

² Автор «Хроники» принимает этноним (хоатры) за топоним; ср. у Лукана: *Luc. Phars.* III. 246.

³ Вероятно, из-за невнимательности автор «Хроники» упоминает сначала Колхиду, а затем два раза «остров Колхов».

⁴ См. Об этом: *Rod. Hist. Goth.* I. 13.

⁵ Амфисса — главный город Озольской Локриды, на северо-западе от Дельфов. Кирра — на северном берегу Коринфского залива, гавань Дельфов. Парнас — гора в Фокиде (на север от Дельфов), с которой стекает река Кефис. Дирка — источник у Фив, основанных, по преданию, Кадмом. Алфей — река в Элиде. По легенде, Алфей, впадая сначала в Ионийское море, снова выходил из-под земли в Сицилии. Менал — гора в Аркадии. Феспроты (теспроты) — жители Феспротии, области Эпира, между Хаонией и

Об этом история изрекает следующее слово: «Фарсалия дала возможность Юлию Цезарю победить весь мир, поскольку он, как удачливый полководец, одержал там победу с первого раза». Далее мы поговорим о битвах, в которых сошлись Помпей Великий и Юлий Цезарь, и было их две. И расскажем мы об этом, опираясь на те сведения, которые мы нашли у Павла Орозия,¹ и в истории римских правителей,² и в других историях, которые согласны с ними.

103. О первой битве между Помпеем Великим и Юлием Цезарем

Помпей выбрал город Диррахий, находящийся в Греции на морском побережье, — как самый укрепленный, где можно было сражаться с Юлием Цезарем. Помпей имел в своем распоряжении огромные военные силы,

Амбракийским заливом. Дриопы — одно из фессалийских племен. Селлы — эпирское племя. Аполлония в Эпире была занята несколькими судами Помпея. Саламин — остров у берегов Аттики. Кносс и Горгина — города на Крите. Орик — город в Эпире (ныне Эрико). Афаманы — эпирское племя. Энхелия — город в Иллирии. Пеней — река в Фессалии. Иолк — фессалийская гавань, откуда отплыли в Колхиду Аргонавты. Стримон — река во Фракии. Певка — остров в устье Истра. Мисия (Мезия) — часть северо-западного угла Малой Азии. Каик — река в Идалии (у горы Иды) — южной части Трояды. Арисба — город в Трояде. Питана — город в Мезии. Келена — город во Фригии, место мифического музыкального состязания Аполлона с сатиром Марсием. Марсий — приток Меандра (река во Фригии и Карию). Илион — Троя. Оронт — река в Сирии. Газа — город в Палестине. Идумея — страна к югу от Палестины. Тир и Сидон — важнейшие города Финикии. Киносура — созвездие Малой Медведицы. Тавр — горный хребет в Малой Азии, начинающийся в Ликии и разделяющийся у Ликаонии и Киликии на два отрога: один — идущий через Армению до Кавказа, другой — образующий горный проход в Киликии и проходящий через Каппадокию. Тарс — город в Киликии, основанный, по преданию, мифическим героем Персеом. Корик — город в Киликии. Инд и Гидасп — реки в Индии. Аман — гора в Киликии. Нифат — название реки и горы в Армении. Хоатры (отсюда Коатр) — скифское племя, жившее у Меотийского болота (Азовского моря). Кармания — область у Персидского залива. Бактр — река, на которой стояли Бактры (ныне Балк), главный город Бактрианы, одной из восточных областей Персидского царства. Гиркания — область в северо-восточной части Иранского плоскогорья, к северу от Парфии. Гениохи — дословно: возницы, всадники — одно из кавказских племен. Мосхи (мохи) — скифское племя, жившее между нынешними Черным и Каспийским морями у южных отрогов Кавказского хребта. Галис (Алис) — главная река Малой Азии (ныне Кизил-Ирмак), на которой был разбит в 548 г. до н. э. лидийский царь Крез персидским царем Киросом. Танаис — Дон. Аримаспы — скифское племя. Гелоны — скифское или сарматское племя, жившее по берегам Борисфена (Днепра).

¹ *Oros.* VI. 15. 18—21.

² См. выше прим. 92.

однако еще не прибыли все народы, которые двигались ему на подмогу. И Юлий Цезарь, узнав, что Помпей и его сенаторы находятся в этом городе, объединился там вместе со своими отрядами — из тех, которые там уже были и которые он привел с собой дополнительно, и направился в Грецию непосредственно для того, чтобы окружить Помпея в том городе Диррахии. По прибытии он расположился в непосредственной близости от города. Но Помпей уже заблаговременно выкопал ров вокруг поселения длиной в пятнадцать тысяч шагов и с другой стороны выходящий к морю. Так что Юлий Цезарь не смог ему причинить никакого вреда. И Помпей, укрепив город таким вот образом, оставил Юлия Цезаря осаждать его, а сам отбыл морем и скрылся в замке, находившемся на берегу, и держал его военачальник по имени Марцеллин,¹ который был из сторонников Юлия Цезаря и сразился с ним, и захватил его, и разгромил все его войско, и убил многих его людей, и добрался до тех, кто был на другой стороне. Юлий Цезарь же, когда об этом узнал, покинул то место и отправился на осаду другого замка, который удерживал военачальник по имени Торкват,² который был на стороне Помпея, и с ним находилось войско из рыцарей и других вооруженных людей количеством в шестьсот шестьдесят шесть человек, что составляло целый легион. И начал Юлий Цезарь сражаться с ними с большим рвением, и они оказались загнанными в угол.³ Известие дошло до Помпея; ему доложили об опасности, в которой оказался его военачальник со своим войском, и Помпей поспешил туда вместе со своими отрядами на подмогу. И Юлий Цезарь, узнав, что Помпей с большими силами, чтобы освободить замок и его гарнизон, снял осаду, выступил против него. И этот военачальник Торкват, в свою очередь, увидев, что осада снята, выступил и ударил в спину войскам Юлия Цезаря. Помпей же и Юлий Цезарь, находясь друг напротив друга и видя расположение своих войск, остались каждый на своем месте и пребывали там целый день. На следующее утро оба военачальника отдали распоряжение своим войскам приготовиться, и с обеих сторон были выставлены большие военные силы, и начали они сражаться, и была битва очень жестокой и кровавой, и длилось все это до наступления ночи. Но, в конце концов, победил Помпей, и Цезарь бежал, но Помпей не пожелал его преследовать, так как уже настала ночь. И настолько были разбиты силы Юлия Цезаря, что если бы Помпей его тогда настиг, то наверняка убил бы его или пленил. Как говорят истории, сам Юлий Цезарь сказал об этом: «Ни Помпей не умеет побеждать, ни Юлий Цезарь — быть побежденным, и

¹ Публий Корнелий Лентул Марцеллин (ок. 79 — после 48 г. до н. э.) — римский политический и военный деятель; ок. 50 г. — монетарий, квестор 48 г. до н. э. Сторонник Цезаря.

² Луций Манлий Торкват (ум. в 47 г. до н. э.) — римский политический и военный деятель, ветеран войн Суллы, сторонник Помпея. Консул 65 г. до н. э.

³ В тексте — *arrequexados* от глагола *arrequexar*, являющегося каталонизмом и соответствующего кастильскому *arrinconar*, *marginar*.

он не сумел бы добиться своего ни в каком другом месте, кроме этого».¹ Но так как он бежал оттуда, то в тот раз признал свое поражение, ибо это действительно было так. И убил Помпей в этой битве четыре тысячи рыцарей Юлия Цезаря. И таково было количество погибших римских рыцарей с обеих сторон, что других воинов сосчитать было невозможно. Из двух сражений Юлия Цезаря и Помпея, в которых они оба принимали участие, это было первое; и произошло оно в Греции, на земле, принадлежавшей городу Диррахию, у той самой крепости Торквата.² А сейчас поговорим о другой битве, которая оказалась самой главной и на которой закончилось противостояние этих двух предводителей.

104. О второй битве между Юлием Цезарем и Помпеем и о гибели Помпея

Однако, хотя Юлий Цезарь в тот раз потерпел такую неудачу, он не пал духом, понимая, что это — одна из превратностей судьбы в этом мире, и, подобно тому как он был побежден в тот день, также сможет в другой раз победить, если Бог поможет ему и ниспошлет удачу. И вместе со своими войсками он как можно быстрее направился к земле Эпира, и явился в Фессалию, где, как рассказывают истории,³ в распоряжении Помпея находились многочисленные войска. И тот выступил ему навстречу с многочисленными и хорошо вооруженными людьми. И там они вступили в сражение у Эмасийских полей, и была эта битва знаменита тем, что прославила обоих, поскольку после того они уже не вступали в сражения между собой. В этом сражении сошлись самые многочисленные войска, которые до того времени где-либо сходились, и не было такого ни во времена Геркулеса, ни во времена Александра Великого. Количество всех вооруженных людей, сражавшихся в этой битве, и расположение колонн было следующим: Помпей привел для этого сражения восемьдесят восемь легионов, каждый из которых включал в себя шестьсот шестьдесят шесть конных воинов. Из них Помпей сформировал три больших колонны, разделив каждую из них на три части. Пехотинцев было сорок тысяч человек. На левом фланге встало шестьсот рыцарей из числа наиболее опытных, на правый фланг — пятьсот; сверх того — короли, сенаторы и множество других римских рыцарей.⁴

¹ *Eutop.* VI. 20. 3. Слова Цезаря — вольное изложение краткого замечания Евтропия: «...dixitque Caesar, nec Pompeium scire vincere et illo tanquam die se potuisse superari».

² Битва при Диррахии — 48 г. до н. э.

³ *Oros.* VI. 15. 22; *Eutop.* VI. 20. 4; *Rod. Hist. Rom.* 10 etc.

⁴ Это описание, как и аналогичное описание войска Цезаря, явно воспроизводит образ феодальной рати, состоящей из отрядов, приведенных вассалами короля, и собственных вассалов.

И это — без учета незнатных и легковооруженных, чье количество было неисчислимо. В авангард он поставил отряды, приведенные сенаторами и другими наиболее высокопоставленными и знатными рыцарями Рима, которые прославили себя многими великими битвами и победами в них; и вся слава Востока принадлежала им. А Юлий Цезарь также привел восемьдесят отрядов рыцарей, таких же, какие, как мы уже сказали, были у Помпея, но их было на восемь меньше; он также сформировал три колонны и разделил их на три части, и пехоты было у него до тридцати тысяч человек, и это было на десять тысяч меньше, чем на стороне противника, и других рыцарей — около тысячи. Об этом истории говорят следующее: «И все, кто там был, увидели римские войска, сошедшиеся на полях Фарсалии, чтобы убивать друг друга. И это были такие силы, что, если бы между ними не было никакого раздора, никакие другие народы, короли или предводители, пусть даже собравшись вместе, не смогли бы противостоять им ни в открытом поле, ни в ходе осады».¹ И после первых ударов были поражены рыцари Помпея на левом фланге, и колонны, находившиеся там, лишились прикрытия. И резко атаковали друг друга колонны в других частях фронта, и убивали друг друга, так что в течение большей части дня было неясно, кто же победит; и, когда все находились в состоянии этой неопределенности, Помпей обратился к своим воинам, чтобы они хорошо сражались, но, насколько возможно, воздерживались от убийства сограждан. Но Юлий Цезарь не делал этого, и перед битвой он пообещал своим людям, что тех из них, кто не являлся на тот момент рыцарем, но хотел бы им быть, он снарядит и посвятит в рыцарский статус, а другим даст много имущества, и чтобы, поэтому, все они хорошо сражались, объясняя им, что лицо рыцаря, который хорошо проявляет себя в действии, должно быть подобным железу.² Далее, как рассказывают некоторые истории,³ ход битвы повернулся следующим образом, и говорят так: в тот день два предводителя снова сошлись и начали сражаться, и готы, которые были с Помпеем, проявили наибольшую силу в этой битве, и бились они с большим рвением, чем другие союзные народы, которые были там; и в немалой степени потеснили войско Юлия Цезаря и обратили вспять.⁴ И благодаря силе и крепости этих воинов Юлий Цезарь был на-

¹ Вольная передача слов Евтропия: «Numquam adhuc Romanae copiae in unum neque maiores neque meliores ducibus convenerant, totum terrarium orbem facile subacturae, si contra barbaros ducentur» (*Eutop.* VI. 21. 1). См. также сходное замечание у Орозия: *Oros.* VI. 15. 25.

² Вновь вольный пересказ, на этот раз — слов Орозия: «...Pompeius inter hortandum diceret “parce civibus” nec tamen faceret, ex alia vero Caesar hoc faceret quod urgeret dicens miles, faciem feri» (*Oros.* VI. 15. 26).

³ Ibid.

⁴ Это замечание, важное в контексте восприятия Королевства вестготов как начала испанской средневековой государственности, заимствовано у Родриго Толедского: *Rod. Hist. Goth.* I. 9. 62.

столько изумлен и испуган, что решил бежать, если бы не настала ночь и не дала ему совета против страха.¹ В тот раз два войска разошлись. На следующий день все снова сошлись в битве, но настолько все уже были измучены и утомлены с обеих сторон, что страх вселился во всех, и на второй день они не решились уже сойтись в битве и сражаться, и весь следующий день прошел таким образом. И те, кто рассказывал об этих событиях, упоминали, что, если учитывать сражение, произошедшее в тот день и три дня спустя, то при подсчете будет всего три сражения, где Помпей и Цезарь сошлись друг против друга. Но, хотя мы рассказали о битве, которая ранее имела место перед этими двумя, основываясь на других историях, архиепископ дон Родриго² говорит следующее о том, как объясняет Юлий Цезарь внезапное бегство в первый день второй битвы, сказавши, что Помпей не может победить, а Юлий Цезарь — быть побежденным, потому что, если бы он мог побеждать, зачем ему было полагаться на храбрых и сильных мужей, которые были среди готских войск и которые одержали победу над Юлием Цезарем. И те, кто подсчитывает количество битв таким образом и говорит, что была еще одна битва вслед за этой: Юлий Цезарь, который ранее страстно желал быть полновластным владыкой всего мира, не смутился в своем сердце и решил внезапно и стремительно двинуть свои войска, и, хотя он уже был разбит и атакован Помпеем, но развернулся и начал сражаться снова. И Помпей чувствовал себя настолько уверенным в исходе своих битв с Юлием Цезарем, что он не позаботился о себе должным образом, хотя и мог подготовиться, и поэтому был побежден вместе со всем своим войском; и оно бросилось врассыпную и без угрызений совести; а войска Юлия Цезаря били и преследовали их, как могли. И настолько далеко они зашли в своем рвении, что в той битве среди воинов Помпея погибло сорок тысяч рыцарей, а центурионов, то есть сеньоров рыцарских сотен — 33 человека. И это был конец битвы, и произошла она на полях возле того места, которое называется Палеофарсал.³ И Юлий Цезарь победил в этой битве и удостоился почестей. Что касается Помпея, то, когда он понял, что он и его войска побеждены, он бежал в порт Пенетанис,⁴ где находился его флот, и спешно сел на корабль вместе с теми, кого взял из числа сподвижников, прибывших вместе с ним, и направился в Азию, а оттуда — минуя Кипр, устремился в Египет к королю Птолемею Дионису,⁵ который получил власть, будучи мало-

¹ Так в тексте: «diol conseio al miedo».

² См. Об этом выше.

³ *Oros.* VI. 15. 27.

⁴ Таким образом хронист передает латинское «in ostio Penei» (*Oros.* VI. 15. 27): «в устье реки Пеней». См. также у Лукана: «Peneius amnis» (*Luc. Phars.* VIII. 33).

⁵ Птолемей XIII (тронное имя: Птолемей Теос Филопатор; вероятно, Дионис — искаженное Теос) — царь Египта (51—47 гг. до н. э.). Сын Птолемея XII Авлета, младший брат Клеопатры VII. После бегства Помпея в Египет окружение Птолемея XIII сначала

летним, после смерти своего отца, и был поручен заботе и защите Помпея, а затем его передали сенату и курии; и направился Помпей к нему с просьбой о помощи, поскольку в сердце своем он затаил мысль о том, чтобы собрать войско и вновь потягаться с Юлием Цезарем, и сразиться с ним. И как только он достиг берегов Египта, его радушно приняли по приказу того короля Птолемея Диониса, который, будучи юным, являлся человеком неугомонным и склонным к конфликтам. И король весьма утрастился того, что, если он предоставит помощь столь великому предводителю, и тот сможет выйти из столь отчаянного положения, в котором оказался, то Помпей сумеет впоследствии настолько набраться сил, что потом это сможет обернуться уничтожением его королевства, а сам он будет изгнан. Ведь, как рассказывают истории, римляне часто обращали в рабство тех, с кем прежде устанавливали дружественный союз. И так случается множество раз: когда на человека обрушивается одна беда, следом за ней приходят и другие, и примерно то же самое произошло с Помпеем, так как этот египетский король, чтобы обезопасить себя от возможного конфликта с Помпеем, чего он очень боялся, решил попросту убить его и стал действовать, дабы совершить это. И чтобы сделать все это насколько возможно скрытно, дабы об этом не узнал ни сам Помпей, ни кто-либо другой, он подозвал двух своих евнухов, которые, как рассказывают истории,¹ были старшими при дворе, и чтобы создать впечатление того, что Помпей по прибытии будет принят хорошо и с большим почетом, и чтобы ему понравилось у него, король приказал, чтобы те двое сели в лодку и поплыли в морскую даль в сторону корабля Помпея, где бы они взойшли на корабль; поскольку, как говорят, гавань была очень трудна для прохода из-за стоящих там больших кораблей; и чтобы Помпей спустился в лодку и они бы его отвезли туда, где можно было бы сойти на землю без всякого труда, и чтобы его не сопровождал никто из его войска и, таким образом, чтобы он полностью оказался бы в их власти, чтобы потом они отрезали его от своего флота и обезглавили. Из этих евнухов одного звали Потин,² а другого — Ахил-

обещало изгнаннику помощь, а потом приняло решение убить его, в надежде заслужить этим благосклонность Цезаря. В конце сентября 48 г. до н. э., когда Помпея перевозили в лодке с корабля на берег, он был убит; его голову и перстень царь переслал Цезарю.

¹ Возможный источник этих сведений, по мнению Р. Менендеса Пидалья, — сочинение Цезаря «О гражданской войне» (*Caes. BC. De bello civil. III. 108*): «*Erat in procuratione regni propter aetatem pueri nutricius eius, eunuchus nomine Pothinus*» (etc.).

² Потин (ум. в 48 или 47 г. до н. э.) — евнух, воспитатель Птолемея XIII, регент и фактический правитель Египта в период его царствования. Один из инициаторов убийства Помпея.

ла.¹ И пошли они, и сделали так, как приказал король. И, как рассказывает Лукан,² Помпея обезглавили его же собственным мечом, и это видели с корабля его жена Корнелия³ и сын Секст Помпей, а также его воины, бывшие вместе с ним. В связи с этим Корнелия объявила долгий траур, поскольку не было более великого мужа, который сделал бы ради своей жены столько, сколько, по словам Лукана, сделал ее муж.⁴ Обезглавив его, а перед этим множество раз ударив мечом, люди короля бросили его тело в море, оставив себе голову и перстень, как приказал король. И, сделав это, Потин и Ахилла как можно скорее поспешили к Дионису и показали ему, как они выполнили его приказ, и вручили ему перстень и голову, и рассказали ему о Корнелии и всех его людях — все так, как они запомнили. И Дионис, понимая, как масштаб содеянного, так и то, что против Помпея настроен Юлий Цезарь, который явится сюда за ним и его людьми; и когда он придет к нему, король преподнесет ему в дар голову и перстень Помпея, чем засвидетельствует свою любовь, и, таким образом, не будет сделано ничего плохого ни ему самому, ни его людям; и более того, если он сможет этого достичь, то обретет защиту и поддержку благодаря любви Юлия Цезаря, и сможет сделать с ним то же самое, что и с Помпеем; что и попытался впоследствии исполнить король Птолемей, если бы это стало возможным, как мы об этом расскажем далее, повествуя о деяниях Юлия Цезаря. Корнелия же и сыновья Помпея, увидев гибель своего сеньора, зная, что они не могут ни сделать что-либо, чтобы предотвратить это, ни дать подходящий совет, бежали от войск этого короля так далеко, как только смогли. Таким образом, сыновья Помпея прибыли в Испанию. Дионис же, после того как узнал о смерти Помпея, послал свои войска вдогонку за уплывающим флотом, и его люди убили всех, кого догнали, и изрубили их тела на куски, и бросили в море. И поскольку мы сообщили о гибели Помпея Великого и разгроме его войска, скажем о времени, когда он жил, и о сотворенных им великих подвигах. Так по обыкновению говорят обо всех великих людях, когда заканчивается их жизнь: с одной стороны, чтобы воздать им почести, с другой стороны — чтобы усилить стремление к совершению тех же подвигов у высокопоставленных военачальников и всех других добрых людей, чтобы они слушали рассказы об этих подвигах; и чтобы они вложили в свои сердца стремление совершать лучшее.

¹ Ахилла — египетский полководец и опекун Птолемея XIII. Один из организаторов, непосредственный свидетель и (если верить Лукану: *Luc. Phars. VIII. 675—678*) исполнитель убийства. Позднее сам пал от руки наемного убийцы.

² *Luc. Phars. VIII. 596—711.*

³ Корнелия Метелла (ум. после 48 г. до н. э.) — римская матрона. Была женой П. Лициния Красса, после его гибели — Помпея.

⁴ *Luc. Phars. VIII. 637—662.*

Плиний говорит о природе человеческой доблести в 27-й¹ главе седьмой книги «Естественной истории», замечая, что причина восславить благородные деяния Помпея Великого и Юлия Цезаря² заключается уже в том, что еще большей славе для Рима, чем его восхваления, способствует рассказ об этих двух предводителях и даже лишь об одном из них; поскольку чем больше будет в Риме таких замечательных полководцев, тем славнее будет и сам Рим. А кроме того, он отмечает, что, хотя Юлий Цезарь был столь великим мужем и совершил столько деяний, о которых мы рассказали и еще расскажем, но названный Помпей Великий управлял Римом еще до того, как Цезарь стал сеньором Римской империи, и не было до его времени ни одного столь великого государя, как он. И что он завоевал большую часть самых обширных стран мира, и подчинил их сеньориальной власти Рима, и стал их сеньором от имени Города. И настолько великим мужем он являлся и столько великих и достопамятных деяний совершил, что, как говорит Плиний, если начать рассказывать обо всех сражениях, в которых он одержал победу, обо всех его великих деяниях и добродетелях, то не только общее количество войн и завоеваний Александра Великого, но и подвиги Геркулеса и Либеры-отца,³ завоевавшего Азию и ставшего ее сеньором, — все, вместе взятое, не превысит количества подвигов этого Помпея Великого. Поскольку он завоевал королевство Сицилия,⁴ потерянное ранее Римом, а также Африку и передал ее под власть римлян — то, что не сделал ни один полководец до него; затем, он прибыл в Испании, и сражался с испанцами, и победил их; и взял силой восемьсот семьдесят шесть городов и больших замков,⁵ и завоевал эту страну и ее народы, и вновь вернул в тот раз Испанию Римской империи. Также он поступил с Альпами, вплоть до самых отдаленных земель Запада. Он же разбил корсаров, которые грабили порты и земли и держали в страхе целые моря. И все это оставил Плиний в своем описании. И являлся этот Помпей Великий одним из самых умеренных⁶ и наиболее совершенных по своим добродетелям правителей среди

¹ *Plin. Nat. Hist.* VII.26.

² Параллельное восхваление Цезаря и Помпея введено хронистом: у Плиния оно лишь намечено: *Plin. Nat. Hist.* VII. 25. Свойственная этой части хроники тенденция к возвеличиванию Помпея в противовес Цезарю достигает здесь своего апогея.

³ О легендарном Либере см.: *Oros.* I. 9. 4.

⁴ Непосредственное следование Плинию проявляется лишь с этого места; все содержание главы до этого места является лишь плодом фантазии хрониста.

⁵ У Плиния — 846 (*Plin. Nat. Hist.* VII. 26). Впрочем, неясно, откуда взята и эта, более «умеренная» цифра.

⁶ Об умеренности Помпея см.: *Oros.* VI. 5. 13.

тех, которые были до его времени во всем мире, как об этом рассказывает «История» Орозия.¹ И всегда был он везуч и удачлив в сражениях, пока его не победил Юлий Цезарь, как вы об этом услышали. Теперь история завершает рассказ о нем и возвращается к повествованию о том, что совершил Юлий Цезарь в дальнейшем, вплоть до своей смерти.

106. О том, как Юлий Цезарь прибыл в Александрию Египетскую и убил короля, который обезглавил Помпея, и передал землю королеве Клеопатре

Когда Юлий Цезарь победил Помпея и заставил его бежать, он закрепил за собой землю Фессалии, — настолько поспешно, насколько мог, — и восстановил в ней мир под властью Римской державы, частью которой она являлась. И оставил он ее упорядоченной, чтобы земля жила согласно его постановлениям так, как это было до его прибытия; более он не задерживался там ни на минуту, а направился за Помпеем, чтобы не дать ему собрать силы, поскольку хорошо знал, что тот попытается сделать это, если он не явится. И, добравшись до морских владений Египта и зная, что Помпей направился туда, чтобы просить помощи у короля Диониса, который был его воспитанником,² Юлий Цезарь собрал большой и хорошо оснащенный флот, вышел в море и поспешил к городу Александрия, считая, что там находится король и что туда к нему направится и Помпей. Король Дионис, узнав о прибытии Юлия Цезаря, велел приготовить войска и послал встретить Юлия Цезаря, и приняли его очень хорошо. Вслед за этим король распорядился принести отрубленную голову и перстень Помпея и, стараясь угодить тем самым Цезарю, преподнес все это в качестве дара, надеясь, что Цезарю это понравится. Но, увидев это, Юлий Цезарь, наоборот, весьма опечалился в сердце своем, поскольку не желал подобного зла для Помпея и не хотел, чтобы столь великий муж умер подобным образом. Тогда Цезарь задумался о состоянии этого мира и о том, сколь ничтожны люди, которые живут в этом мире и умирают; и он зарыдал так, что слезы падали ему на грудь и на подол одежды, и лились они рекой. Король Египта, увидев, как повел себя Юлий Цезарь, раскаялся в сердце своем о содеянном и начал говорить о том, как это произошло, и о причине, по которой он поступил таким образом, стремясь любым способом, насколько это было в его силах, вывести Юлия Цезаря из состояния глубокой печали и сильного гнева, но у него ни-

¹ На самом деле, Орозий об этом прямо не говорит, если не считать упомянутого выше замечания об «умеренности» Помпея.

² Воспитанник (*criado*) — как правило, сын вассала, взятый в семью сеньора и воспитанный там; факт воспитания рождал личную зависимость воспитанника от воспитателя, соотносимую с вассальной, хотя и не смешивавшуюся с последней.

чего не получалось — ни извлечь выгоду для себя, ни погасить вражду, которая уже возникла. Юлий Цезарь же, не прислушавшись к его словам, оставил его, и, встав, пошел во дворец и заперся в своих покоях. Когда король Птолемей Дионис увидел, что Юлий Цезарь не принял дар, который он ему преподнес и о котором он позаботился, понял, что причинил Цезарю много печали. Он осознал, что все, что было им предпринято, не увенчалось успехом, и начал замышлять против него то, что сделал с Помпеем.¹ Но собирався он совершить это позже — во-первых, потому, что он уже не сделал этого на море, встречая Юлия Цезаря, когда стража последнего не была особенно велика, а во-вторых — потому, что Юлий Цезарь уже преисполнился духом вражды, ибо ему рассказали, каким образом был обманут Помпей и как он был убит, не будучи в силах защитить себя от них. И Юлий Цезарь слышал из рассказов о деяниях о том, что удачлив тот, кого опасность со стороны чужаков заставляет держаться наготове, быть мудрым, наставлять себя и беречь себя, и стал осторожен из-за того, что случилось с Помпеем. А король Птолемей Дионис, преисполненный хитрости, старался воздать ему великие почести и отвести его в сторону во время пира или же действовать иным образом, чтобы захватить его и осуществить задуманное предательство. Но Юлий Цезарь был настолько бдителен и осторожен, что не хотел отделяться от своих людей, чтобы его не могли как-нибудь захватить, и Птолемей так и не смог этого добиться. А когда король понял, что таким образом у него ничего не выйдет, то стал искать другой путь, а именно — возмутить против него народ. И приказал он тем, кто сторожил храмовые и царские сокровища, чтобы те тайно вынесли их оттуда так, чтобы об этом никто не узнал, и спрятали их в безопасных местах. Потом он велел, чтобы они вызывали войска и окружили дворец Юлия Цезаря, громко и негодуяюще крича и вопя, что это именно он велел забрать храмовые и царские сокровища, чтобы таким образом возмутить жителей города и всего королевства, и все взбунтовались бы против него; таким образом король и поступил. Руководил же всем Ахилла, военачальник Птолемея, который находился со своим огромным войском за городской чертой; это был тот самый человек, который обезглавил Помпея, вместе с другим человеком, которого звали Пофин; и послал к нему король известить через народ,² чтобы тот оставил там свое войско и явился с немногими воинами, поскольку король хочет устроить праздник в честь Юлия Цезаря и воздать ему великие почести. Тайно же приказал ему, чтобы он прибыл должным образом снаряженным, чтобы совершить то, о чем вы услышите далее. И приготовился он, и двинулся в путь, но не так, как если бы он поехал, чтобы воздать почести на празднике, но чтобы сражаться и убивать. Он привел с собой войско, в котором находилось двадцать тысяч вооруженных воинов. И когда он уже находился недалеко от города, то выстроил их в бое-

¹ У Орозия этот замысел приписывается полководцу Ахилле (*Oros. VI. 15. 30*).

² Так в тексте: «por pueblo».

вой порядок, отдал приказ и отчаянно атаковал город с той стороны, где остановился на постой Юлий Цезарь. Он поступил так, чтобы сам он снаружи, а собравшиеся горожане — изнутри города могли вступить в бой с воинами¹ и либо заставить Цезаря сдаться по своей воле, либо силой ворваться в дом и захватить его. А флот короля Птолемея находился в той части города, где разместились на постой Юлий Цезарь. И Птолемею настолько пришлось по душе замысел завершить то, чего он желал, что он не посчитался с потерями и отдал приказ Ахилле, чтобы тот поджег корабли и направил их на городскую стену, дабы пламя распространилось и на городские постройки и перекинулось на место пребывания Юлия Цезаря, лишь бы — так или иначе — в результате погибли и Цезарь, и его люди. И Ахилла так и поступил, и воспламенилась большая часть города, и пламя уже невозможно было погасить. И как говорится об этом в «Истории» Павла Орозия,² в нескольких дворцах там хранится сорок тысяч книг, где были описаны все деяния и подвиги королей других благородных мужей из Египта и многих военачальников из других стран; и из этих книг одни описывали деяния, произошедшие в этой стране; другие же книги короли приказали привезти из других стран, где смогли их приобрести. И хотя множество построек было уничтожено огнем, говорят, что книги не сгорели именно по той причине, что в них содержалось множество достославных назиданий и примеров, и поскольку знание о древностях является весьма благородным делом, и Бог не захотел, чтобы оно было утрачено. Юлий Цезарь, видя это, опечалился, в спешке покинул город и направился к своему флоту; затем он захватил расположенный неподалеку остров, который в той стране назывался Фарос. Туда же прибыл против Юлия Цезаря воевавший на стороне Птолемея полководец по имени Акила, с большим отрядом рыцарей, именовавшихся гальбиниянами,³ и они были весьма искусны во владении оружием. И сражались они, и была эта битва очень жестокой, и погибло в ней множество рыцарей из войска Юлия Цезаря, поскольку они были измотаны трудностями долгого пути из Александрии; сами же они, в свою очередь, убили всех, кто был причастен к смерти Помпея. И положение Юлия Цезаря было настолько тяжелым, что он был вынужден, применив силу, спасаться бегством, и сел в пинас,⁴ и из-за веса всех его людей, которые находились вместе с ним, корабль затонул и ушел под воду, так что Юлий Цезарь очутился в море без средств передвижения. Схватив несколько писем и держа руку

¹ Цезаря.

² *Oros.* VI. 15. 31. Орозий пишет о 400 000 книг, уничтоженных огнем.

³ Выражение неясно; вероятно, оно является производным от лат. *galbinus* — бледно-желтый.

⁴ Пинас (*pinaça*) — небольшое быстроходное парусно-гребное судно, изготовленное из сосны (*pino*). Впервые упоминания о пинасе содержатся в «Семи Партидах» Альфонсо X (*Part.* II. 24. 7).

с ними над водой, он проплыл двести шагов и доплыл до одного из своих кораблей, и его люди поспешили к нему на помощь и подняли на свой нао.¹ И, добравшись до своего флота, он взял его под свое командование и направился против Птолемея, который выступил против него, и они сразились, и победил Юлий Цезарь, и взял короля в плен. Узнав об этом, жители Александрии стали просить за своего короля, умоляя, чтобы римляне выдали его им; и поэтому Юлий Цезарь отпустил его, и отдал его александрийцам, строго-настрого наказав сохранять мир с римлянами и не вступать с ними в войну. Но Птолемей не поверил ему и, как только освободился, снарядился и снова пошел против него войной; и вновь победил Юлий Цезарь, и все войско короля было наголову разбито; в той битве у него погибло двадцать тысяч человек, сдалось в плен двенадцать тысяч, вместе с несколькими большими кораблями, построенными на манер галер,² на которых они передвигались; и было этих кораблей семьдесят. У Юлия Цезаря погибло около пятисот человек.³ Птолемей бежал с места сражения, сел в пинас и поплыл, но вес его людей, севших вместе с ним, был столь значителен, что корабль пошел ко дну, и он утонул, и его тело выбросило на берег. На нем была золотая кольчуга; и те, кто нашел его на берегу, принесли тело к Юлию Цезарю. И он узнал правду от тех людей, которых взял в плен, что это был король Птолемей, поскольку, кроме него, такой золотой кольчуги ни у кого в Египте не было. И приказал Юлий Цезарь снять с него кольчугу и отправил ее жителям Александрии, которая была столицей Египта, и горожане поняли, что их король убит или пленен, и отдали Цезарю свою землю.⁴ И он

¹ Нао (*naf*) — крупный по размерам одномачтовый корабль с квадратным парусом и корпусом почти округлой формы и с симметричными по размерам носовой и кормовой частями. Наряду с другими типами боевых кораблей, упоминается в «Семи Партидах» Альфонсо X (*Part. II. 24. 7*).

² *Галера* — парусно-весельный, как правило — одномачтовый (хотя известны и двух- и даже трехмачтовые версии) корабль, число гребцов на котором в рассматриваемый период могло достигать от 90 до 140 человек (по 2—3 гребца на каждое весло). Парус имел квадратную форму, в кормовой части помещались надстройки. В носовой части имел высокий форштевень, в кормовой — треугольный руль. В текстах XIII—XV вв. выделяются 3—4 типа галер. Наряду с другими типами боевых кораблей, упоминается в «Семи Партидах» Альфонсо X (*Part. II. 24. 7*).

³ Все цифры взяты у Орозия (*Oros. VI. 16. 1*).

⁴ «Отдали ему свою землю» («*dieron le la tierra*») — т. е., в рамках понятийной системы кастильского феодального права, признали его своим сеньором, убедившись в гибели предыдущего (который, между прочим, не оставил законных наследников). Соответственно, Цезарь согласился на это и принял сеньориальную власть, которую позднее (уже в качестве сеньора Египта) передал Клеопатре. Наконец, последняя была фактически поставлена в положение вассала, но, будучи женщиной, не могла скрепить этот статус оммажем. Вероятно, этот оммаж принес за нее кто-то из ее приближенных, однако хронисты не сообщают об этом факте, вероятно, относя его к разряду сугубо технических.

принял последнюю, встретился с королевой Клеопатрой,¹ которая являлась сестрой того короля Птолемея, ей Юлий Цезарь и передал королевство Египет и сделал ее королевой. После этого он отправился в страну Сирию.

107. О том, что Юлий Цезарь совершил в Азии

Сирия — это страна, являющаяся частью Азии, Юлий Цезарь настолько успешно продвигался со своим большим войском, что прошел ее и другие земли Азии так, как пожелал, не встречая никаких препятствий. Из Сирии он направился к острову Понт, месту весьма известному, и сразился там с королем Фарнаком,² сыном короля Митридата, и победил его, и обратил в свою власть. А оттуда он вернулся в Рим, где был хорошо и чудесно принят, как это было в прошлый раз и с Помпеем, как вы уже об этом слышали. И сделали его в тот приезд диктатором, и присудили ему консульство Помпея, которого он домогался ранее. Вслед за этим римляне присуждали полномочия командующим рыцарями и иными отрядами так, как это было у них в обыкновении; но никому впредь они не воздавали почестей, сравнимых с теми, которые получил Юлий Цезарь. И вследствие его сеньориальной власти над империей, которую он получил всю и которую он весьма преумножил, он провозгласил себя Цезарем Августом.³ На нем прервались и прекратились все наименования должностей предводителей,⁴ которые до этого времени в римской курии получали лишь рыцари; при Цезаре же изменилась система управления империей и наименование правителя. И провозгласили его Цезарем Августом, и от него это наименование восприняли и императоры, бывшие после него, и назывались Цезарями Августами.⁵ Но теперь история прекращает рассказ об этом, и обращается к повествованию о римских рыцарях и их предводителях. Ведь ввиду того, что из деяний римлян многие произошли именно в Испании, мы не можем уйти от сообщения об этом. Поэтому, рассказав о том, почему появилось наименование Цезарь, мы хотели бы сообщить и о других властителях Рима, каждый из которых именовался таким же образом.

¹ Клеопатра VII Филопатор (69—30 гг. до н. э.) — последняя царица эллинистического Египта из династии Птолемеев (Лагидов) (51—30 гг. до н. э.).

² Фарнак II (97—47 гг. до н. э.) — младший сын царя Митридата VI Евпатора, царь Боспорского царства в 63—47 гг. до н. э. Пытался отвоевать Понтийское царство, но 2 августа 47 г. до н. э. был разбит при Зеле Цезарем, сообщившим об этой битве Сенату словами «veni, vidi, vici».

³ Очевидная ошибка хрониста; выяснить ее источник не удалось.

⁴ В тексте — *principados*; возможно, имеются в виду республиканские магистратуры.

⁵ Хронисты включают в это число и своих современников — императоров Священной Римской империи, за престол которой Альфонсо X боролся в 1256—1275 гг. (т. н. *fecho del imperio*).

108. О наименованиях римских правителей и их должностей

Наименования римских правителей и предводителей Рима, а также их сеньориальной власти изменялись самым разным образом по тем причинам, к которым мы здесь и обратимся. Рим был основан и заселен в 5081 году от сотворения мира и от Адама. Сначала там правили короли. Первое поселение на месте Рима приросло множеством кварталов и названо было Валенсией.¹ И Ромул, который стал первым правившим там королем, присоединил эти кварталы к городу, переименовал Валенсию и назвал ее Римом в честь самого себя. Иные рассказывают в древних историях Испании, что, когда король Рокас путешествовал по миру в поисках знаний, как рассказывается в начале этой «Истории Испании»,² он пришел в те места, где впоследствии был основан Рим, и написал на двух мраморных плитах четыре буквы: две над одной и еще две на другой, и все вместе образовывало слово ROMA, и их впоследствии нашел Ромул, когда основал город, и ему оно очень понравилось, так как было созвучно его имени, и назвал город Римом.³ И, видя, как умножаются деяния его, Ромул, имея большое желание преумножить его славу, выбрал из народа сто старцев из числа самых мудрых, которых он там нашел, и поставил их в качестве наблюдателей за событиями в городе и в общине, и распорядился, чтобы они благодаря своим действиям сообща и исходя из здравого смысла управляли городом под руководством королей; и всем им одновременно было присвоено наименование «сенат», а каждый по отдельности стал называться «сенатором». И дали им это имя от латинского слова *senes* — «пожилые», что также показывает, что все они мудры и сохраняют хороший рассудок, как и должно быть. Этот принцип до сих пор используют и среди мавров и иудеев, так что те,

¹ Парадоксальное утверждение о том, что Рим будто бы изначально именовался «Валенсией» (*Valencia*), основано на замечании позднеантичного комментатора вергилиевой «Энеиды» Мария Сервия Гонората (кон. IV в.) к словам пророчества Сивиллы о будущем основании Рима, излагаемым в поэме Энеем. В числе других версий о происхождении названия Города Сервий приводит рассказ знаменитого римского юриста и писателя Гая Атея Капитона (ум. в 22 г. до н. э.): «*Ateius adscript Romam ante adventum Euandri diu Valentiam vocitatum, sed post graeco nomine Romen vocitatum*» (*Serv. Ad Aeneid. I. 273*) («Атей утверждает, что Рим до прибытия Эвандра долго назывался Валенсией, но потом стал называться греческим именем Роме» (пер. Н. А. Федорова)). Отмечу, что сын Гермеса Эвандр, выходец из аркадского города Паллантия, считался основателем поселения на Палатине (само название этого холма, если верить традиции, произошло от наименования родного города Эвандра). За помощь в составлении этого комментария выражаем благодарность профессору, д. и. н. А. М. Сморгкову.

² См. о нем выше в гл. 11—13.

³ По мнению Р. Менендеса Пидалья (см. издание 1955 г., Р. LXXV), источник этого утверждения неизвестен; возможно, речь идет об арабском тексте.

кто управляет своими общинами, находясь в зависимости от короля, пусть они и являются юными, именуются «старцами», а потому эти римляне назывались «сенаторами», а весь состоящий из них совет — «сенатом». Но эти сенаторы не были включены в число сеньоров, поскольку были назначены лишь наблюдателями и советниками. После этого Ромул обдумал, какими способами следует охранять и оборонять этот город и как можно расширить его власть, и взял из общины тысячу юношей, о которых знал, что они владеют оружием лучше всех, и вооружил их, и посвятил в рыцари, и разделил их по воинским подразделениям, и наделил их знатным достоинством, чтобы они были добрыми воинами и храбро сражались за город. И назвал он их *milites* — от слова *mil* (тысяча), потому что их количество было таковым.¹ Вслед за этим короли потеряли свою власть, и случилось это в правление короля Тарквиния, прозванного Гордым, который был самым последним в ряду всех королей; и это произошло из-за его сына, который изнасиловал одну римскую даму, и из-за других совершенных им поступков.² Сенаторы и община, поскольку они уже не хотели иметь над со-

¹ Непосредственный источник — фрагмент из «Истории римлян» Р. Хименеса де Рада (*Rod. Hist. Rom.* 5): «После этого, чтобы прекратить войны, возникавшие из-за нападений соседних народов, он избрал тысячу из числа наиболее славных людей из народа, и поскольку изначально их была тысяча (*a millenario inceperunt*), тех, кто предназначался для этой службы, назвали воинами (*milites*)» (пер. О. В. Аурова). Источник этого фрагмента установить легко — это один из фрагментов «Этимологий» Исидора Севильского: «Воин (*miles*) говорится, поскольку раньше тысяча (*mille*) составляла единое подразделение, либо поскольку он избран один из тысячи (*mille*). Ромул же первым отобрал воинов из народа и дал им название» (пер. О. В. Аурова). Сам же Исидор (скорее всего, опосредованно) ориентировался на сочинение римского юриста Ульпиана, фрагмент которого вошел в «Дигесты Юстиниана» (*Dig.* 29. 1. 1. 1 (*Ulpianus libro quadragesimo quinto ad edictum*)): «Слово же «воин» образовано от военной службы (*militia*), то есть лишений, которые (воин) претерпевает ради нас, или от (слова) «множество» (*multitudo*), или от (слова) «зло» (*malum*), которое военные обычно сдерживают, или от числа в тысячу человек (*mille*), по образцу греческого слова, происходящего от «тагма», — ведь греки называют множество в тысячу человек словом «тагма», имелся в виду каждый тысячный человек (*millensimus*)...» (пер. М. Д. Соломатина). Ср. также аналогичное объяснение происхождения слова «рыцарь» в начале титула о рыцарстве в «Партидах» Альфонсо X: *Partid.* II. 21. 1.

² События 510/509 гг. до н. э., связанные со свержением царской власти и установлением республиканского строя. Главный источник рассказа о государственном строе республиканского Рима — две главы упоминавшейся выше «Истории римлян» Р. Хименеса де Рада (*Rod. Hist. Rom.* 5—6). Однако использованы и др. источники, наиболее значимым из которых является «Бревиарий» позднеримского историка Евтропия (вторая половина IV в.) (*Eutrop. Brev.*: I. 2. 1 (создание сената), I. 9. 1 (учреждение консулата), I. 12. 1 (учреждение диктатуры), I. 13 (учреждение трибуната), I. 18 (децемвиры)). Наиболее интересными в этом экскурсе представляются не только специфические трактовки, но и показательные лакуны в описании римских магистратур (в частности, отсутствуют описания преторов, эдилов, квесторов и т. д.), по тем или иным причинам

бой королей, договорились между собой, чтобы поставить в качестве старшин нескольких добрых людей из своей среды, которые были бы им советчиками в управлении городом, командовании войском и во всех делах; и выбрали тех, кто казался им наиболее подходящим, и наделили их преимуществом и властью на манер сеньориальной, но лишь в том, что касалось представления совета и ничего более; и вручили власть двум из них, чтобы, если у одного получилось бы дурно, то у другого — хорошо, и он исправил бы дурное совершением доброго. И поставили их главами советов, и назвали их «консулами», а препорученные им властные полномочия — консулатом. Поэтому само наименование «консулы» значит «советники», а консулат — «совет». А затем было установлено, что никто из этих консулов, каким бы достойным он ни был, не наделялся консулатом более, чем на год, а на следующий год полномочия переходили к другим. Но если консул справлялся со своими обязанностями успешно, то ему оказывали честь и возводили в консульское достоинство и в следующий раз, но и в этом случае он вступал в полномочия сроком не более, чем на один год. Между сенаторами и консулами существовало следующее различие: сенаторы осуществляли свои полномочия в пределах города, в то время как консулы — как в городе, так и¹ над войском, и выступали в качестве военачальников, имеющих власть над всеми. Впоследствии консулы выступали в поход во главе римского войска как военачальники, либо тогда, когда их посылали сенаторы и римская община. Консулы, пользуясь властью над войском, полученной ими от курии, стали совершать большее — то, что не входило в их обязанности и не было им поручено; кроме того, иногда они совершали подобное в пределах города. Тогда сенат и община, считая это злом, приняли решение против этого и решили поставить над ними предводителя, который всегда находился бы с ними и в городе, и в военных походах, и везде, где в этом будет нужда; и когда консулы переходили границы дозволенного им права, те предводители говорили им, чтобы они этого не делали и чтобы использовали данные им права ради того, чтобы народ жил в мире; если же они все-таки не хотели отказаться от этого, то, дабы народ не страдал, этот предводитель и община налагали запрет на эти действия. Этому начальнику присвоили наименование «диктатор», а его власти — «диктатура». И, согласно нашей латыни и риторическому искусству (которое является умением говорить внятно), «диктатор» (*dictator*) означает то же, что «говорящий» (*dezidor*), который говорит (*dize*) много и внятно. Но в случае этой власти и этого достоинства римляне устроили так, что диктатор выступает как поручитель, а диктатура — как поручение; мы видим это в истории королей Рима, и это соответствует «распорядителю» и «распоряжению». После этого ввели другую властную должность — в тот же год, когда был уч-

либо непонятные хронистам, либо не соответствовавшие их представлениям о римской истории.

¹ За городской чертой.

режден пост диктатора; и этих предводителей называли «магистрами», а их власть — «магистратурой».¹ Эти магистры отдавали приказы и командовали отрядами рыцарей. Они не имели столько власти, как диктаторы, поскольку находились у них в подчинении. Однако иное было в случае с консулами: такой властью они обладали в городе, и с ними ее делили сенаторы. А поскольку народ страдал от злоупотреблений в судебных делах, рассматривавшихся консулами и сенатом, они были вынуждены являться к консулам также, как когда-то к королям; и посчитали они во благо ставить из своей среды в каждой группе родственников, которые станут их особыми алькальдами,² и к которым они смогут являться со своими тяжбами, и которые защитят их от сената и консулов.³ И поскольку по-латыни *tribus* означает «родство», и были те, кто избирался в предводители из своей группы родственников, поэтому они посчитали приемлемым тех, кто рассматривал дела, назвать «трибунами» от этого слова *tribus*.⁴ Но что касается других предводителей, то консулы не переставали совершать в городе все, что казалось им приемлемым и чего они желали. Тогда народ, видя это и не в силах совладать с ними иным образом, отнял у них эту власть и не захотел, чтобы они были облечены этим достоинством, и лишил их его. И выдвинули они десять добрых мужей, которые, как все полагали, подходили для этой цели, и поставили их на месте консулов, чтобы они давали советы, — то, что ранее делали консулы, — и с тем, чтобы они занимались всеми городскими делами. И распорядились, чтобы их называли «десять мужей»,

¹ Как становится понятно из дальнейшего текста, хронисты явно путают римских магистратов (должностных лиц, избираемых народным собранием) и магистров — обладателей высших военных званий (магистр армии, магистр конницы, магистр обоих родов войск) в период Поздней империи.

² Т. е. судьями.

³ Источник фрагмента: *Eutrop. Brev. I. 13*. Однако опущено сообщение о восстании римских граждан, следствием которого стало учреждение должности народных трибунов.

⁴ Рассуждения о латинской этимологии слова «трибун» у Евтропия отсутствуют. Они введены самими хронистами, на что указывает сопоставление представленной здесь псевдоэтимологии слова *tribus* и *tribunus* с более корректными с точки зрения современного исследователя замечаниями Исидора Севильского (*Isid. Etym. IX. 3. 29 (tribunus)*; *IX. 4. 7 (tribus)*; *IX. 4. 18 (tribunus)*). Впрочем, за исключением псевдоэтимологических рассуждений, в остальном фрагмент *Isid. Etym. IX. 4. 18* содержит практически идентичную версию возникновения трибуната: «Трибуны именуется так потому, что для народа они определяют (*tribuunt*) права и рассмотрение дел. Введены же они на шестой год после упразднения царской власти. Когда народ испытывал злоупотребления со стороны сената и консулов, тогда он ввел для себя трибунов как собственных судей и защитников, которые заботились бы о его свободе и защищали их от противоправных действий со стороны знати» (пер. О. В. Аурова). Думается, что главной целью этимологических нововведений авторов «Истории Испании» являлось стремление связать статус народного трибуна с современными хронистам представлениями о статусе судьи-алькальда.

как называли сто сенаторов. Одного из них звали Аппий Клавдий. В первый год они добросовестно выполняли свою работу; но во второй год римляне пошли со своим войском против латинян; и, когда их войско находилось на горе под названием Альгид, тот самый Аппий Клавдий изнасиловал в городе молодую девушку, дочь одного из рыцарей, бывшего там. Рыцарь же, узнав об этом, явился в город и убил эту свою дочь, потому что никто из тех десяти не осмелился совершить подобный поступок, а после этого он вернулся на войну, чтобы выслужить свою сольдаду,¹ тем самым взволновав все войско, так что все выступили против этих десяти, а затем лишили их должности; а история даже говорит, что они были осуждены.² После этого стали думать, кому передать полномочия для ведения городских дел, и учредили вместо них и вместо консулов другую власть, облеченную иными полномочиями. Сеньориальная власть этого лица заключалась в том, чтобы командовать отрядами рыцарей, и этим рыцарям, в свою очередь, должны были поручаться все дела в городе; и стали они решать, кто был бы пригоден для этого; и согласились на следующем: поскольку они были разделены на группы и выбирали трибунов в качестве судей и предводителей, отдельно для каждой группы, то чтобы община разделилась на четыре части, и каждая такая часть выдвигала бы род, откуда избирали предводителя, о чем заботилась бы вся эта четверть.³ И выбрали четырех из лучших мужей, бо-

¹ Денежный фео́д, предоставлявшийся рыцарям.

² Весь фрагмент более-менее точно следует Евтропию (*Eutrop. Brev. I. 18*), утверждающему, что первых децемвиров осудили на изгнание.

³ Источник этого фрагмента обнаружить не удалось. Скорее всего, хронисты видели в этом институте аналог современных им квадрильеро — должностных лиц из числа местных рыцарей, назначавшихся для раздела военной добычи, а также для распределения завоеванных земель между воинами-участниками похода; среди прочего, они упоминаются и в «Семи Партидах» Альфонсо X. См.: «Там есть и другие должностные лица, которые именуются квадрильеро; и они должны быть выбраны, когда на четыре части будут разделены войско или отряд, участвующий в кавалерийском набеге, и из каждой четверти будет выдвинут один добрый человек, который будет способен бояться Бога и иметь чувство стыда. А помимо всего этого, древние считали во благо, чтобы каждый из этих квадрильеро обладал тремя качествами. Первое — чтобы он был верным. Второе — чтобы он имел способность к хорошему пониманию ситуации. Третье — чтобы он был терпеливым. Поскольку верность оберегает от преступления, вызванного алчностью. Способность к хорошему пониманию ситуации позволяет им воздавать каждому по его праву. А терпение — тому, что они не впадут в гнев и не предадутся печали из-за многих причин, и разными способами, которые люди именуют чрезмерными. Потому они и именуются «квадрильеро», чтобы каждый из них знал о компенсациях, полагающихся воинам из его четверти, сколько их есть, в соответствии с долей, которую они должны получить от будущей добычи. И поэтому с них надлежит брать клятву после того, как они будут отобраны, что все перечисленное они будут исполнять хорошо и верно. И поскольку их должность, как и должность охранников, о которых мы уже говорили, непроста, поэтому они должны быть

лее всего для этого пригодных, и возвысили их до предводителей, и поставили двоих из них вместо одного консула, и получилось четверо вместо двух консулов. И этих предводителей, наделенных такой властью, вновь поставленных, назвали «трибунами», а их власть — «трибунатом», и этой властью их наделили на манер других трибунов, которых избирали в каждой родственной группе. Тех первых назвали «трибунами родственных групп», а этих четверых главных стали именовать «трибунами конных отрядов» или «трибунами рыцарей». Но четверо главных из них, которые были поставлены вместо консулов, занимали свои посты лишь краткий период, и то же время существовали их должности. Высшие должности в Городе оставались в то время вакантными четыре года, а по их истечении вернулись к избранию консулов, которых имели ранее. В конечном итоге появились цезари, а остальные должности прекратили существование. Далее появились императоры, наряду с цезарями. При этом двояком правлении цезарей и императоров, с момента его появления, продолжалась власть Римской империи вплоть до нашего времени. Теперь же, по указанным выше причинам, вы должны узнать, каковы причины и способы разделения власти императоров и других предводителей, которые в свое время получали власть над отрядами рыцарей и ими командовали. И были они выдвинуты для занятия своих должностей одни после других, как значится ниже:

109. О порядке занятия должностей в Риме

Короли, консулы, диктаторы, магистры, трибуны, десять добрых мужей¹ и вновь трибуны и консулы, цезари, императоры.

Все эти должности и высшие посты возникли каждый в свое время следующим образом: короли города Рима изначально действовали единолично; и было это по прошествии 5081 года от начала мира и от сотворения Адама. Консулы появились на 243 году от основания Рима; диктаторы и магистры — спустя девять лет после появления консулов; трибуны родственных групп — спустя семь лет после диктаторов и магистров; десять добрых мужей — спустя сорок два года после этих трибунов; другие главные трибуны, которые были поставляемы вместо консулов, — пятьдесят восемь лет спустя после десяти мужей; затем на незначительное время во главе были поставлены консулы после главных трибунов; но здесь мы не досчитываемся нескольких лет; затем после консулов и диктаторов появились цезари,

вознаграждены тем, что им обещали, прежде чем будет совершен раздел. И если кто-либо из них совершит преступление, совершив сознательную кражу или обман при исполнении обязанностей, он должен возместить это трижды в двойном размере. И это для того, чтобы из-за них не был запрещен раздел. А если ему будет нечем заплатить, его должны убить, как человека, который совершил подлог» (пер. О. В. Аурова) (*Partid.* II. 27. 12).

¹ Децемвиры.

а также и заодно с ними, которые в течение определенного времени не имели никакого разделения в обязанностях, поскольку в случае Юлия, который являлся первым цезарем, мы видим, что он именовался также и консулом, и диктатором, что было ему пожаловано римской курией, но осуществлял полномочия в одиночку, не имея при себе товарища. Истории также говорят, что Октавиан Август в начале своей карьеры также назывался диктатором.¹ Императоры поначалу составляли одно целое с цезарями, и одни из них назывались цезарями, а другие — императорами, а те, кто хотел, брал себе оба наименования. И те, о которых мы здесь говорим, являлись правителями Римской империи и всего мира, и таково было устройство рыцарства и должностей начальствующих над ним, и таковым являлось положение правителей, и их должностей, и рыцарства в Риме, как рассказывают историки.² После упорядочения римского рыцарства, правителей и занимаемых последними должностей, о которых мы рассказали, добрые люди римской курии увидели, что настала необходимость произвести устройства должностей нижестоящих, без которых не могли бы успешно отправлять свои полномочия вышестоящие. И поскольку консулы и другие правители не могли присутствовать в каждом месте империи, было решено передать некоторые из этих мест лицам, поставленным в провинциях и городах, в качестве владений, чтобы эти лица удерживали бы народ в справедливости, и охраняли его права, и защищали бы свою сеньориальную власть. И поскольку те, кого избрали для назначения, уже продвинулись в своих делах более, чем другие мужи в соответствующих землях, по-латыни их назвали *presides* или *prefectos*,³ что на нашем языке означает «аделантадо»,⁴ каковыми явля-

¹ Между тем, сам Август решительно отрицал этот факт (Rg.DA. 5. 1): «Дик[тат]уру, дававшуюся мне и в мое отсутствие, [и в моем присутств]ии и наро[дом, и се]на[том], когда консулами были М<арк> Марцелл и Л<уций> Ар[рунций], [я не при]нял» (пер. И. Ш. Шифмана). Противоположная информация встречается нечасто и лишь у второстепенных авторов — Аннея Флора (*Flor. Hist.* II. 34. 65) и Луция Ампелия (его «Памятная книжка») датируется периодом от II до IV вв.) (*Amp. Lib. memo.* 18. 21). Вероятно, именно эти сочинения и следует понимать под упомянутыми в тексте «историями». Показательно, что хронисты отдадут им явное предпочтение перед другими источниками, в первую очередь — перед сочинением Орозия, откуда берется большая часть информации о событиях римского времени. Причины таких предпочтений неясны и должны стать объектом отдельного исследования.

² Основной из возможных источников этого утверждения — «Этимологии» Исидора Севильского (*Isid. Etym.* IX. 3. 12, 14). Из числа других возможных «историй», упомянутых в этом фрагменте, можно назвать лишь Орозия (*Oros.* VII. 2. 14), да и то отчасти.

³ *Praesides, praefecti* — должностные лица императорской эпохи, наделенные административными, судебными и военными функциями. В период Поздней империи часто представляли императорскую власть на местах (префект Рима и т. п.).

⁴ Аделантадо — должность наместника в пограничной провинции, поставленного во главе особого округа — аделантамьенто. Аналогичными округами во внутренних райо-

лись Афраний и Петрей, и Лабие и Аттий Вар, и многие другие. Но поскольку среди аделантадо, о которых идет речь, одних называли «президами», а других — «префектами», мы полагаем, что они различали их; впредь «президами» именовали тех, кто надзирали за провинциями и областями, и были они кем-то вроде защитников, а потому слово *presidium* по-латыни используется для обозначения как должности аделантадо, так и охраны. Префектами же называли тех, кого ставили в городах, такими, как мерино,¹ альгуасилы² или алькальды.³ Вслед за ними назначили советников правителей, порученцев и посланников, при помощи которых давали знать в разных областях, что хотят правители, и с ними же получали ответы оттуда. Также учредили должности сборщиков платежей и блюстителей⁴ прав, и собирателей дани, и имущества, которое находилось на этих землях. А для того, чтобы великие деяния как других народов, так и их собственного, и чудеса, случившиеся в разных землях, не были преданы забвению из-за того, что их некому было описать, то назначили они писцов, чтобы те описывали события и включали эти описания в римские «истории».⁵ Их всех называли по-латыни *necessarios*;⁶ советников же королей и иных правителей именовали *assecretis*,⁷ посланников называли *arrespon-*

нах королевства (мериндадах) управляли королевские наместники, именуемые мерино. Несмотря на то что «Семь Партид» противопоставляют эти категории наместников держателям на феодальном праве, по сути они мало отличались от последних, также получая территории на управление на правах держания (*tenencia*).

¹ Мерино (лат. *maiorinus*, каст. *merino*) — должностное лицо, представляющее власть сеньора в городе и его округе, либо возглавлявшие округа-мериндады. Непосредственным предшественником мерино эпохи Раннего Средневековья был управляющий раб-виллик.

² Альгуасил (от исп.-араб. *alwazir*, восходящего к класс. араб. *wazir*) — в мусульманский период — помощник первого министра, наместник города или провинции. В христианский период — должностное лицо судебной системы; известны и др. значения термина.

³ Алькальд (от исп.-араб. *alqá.*, восходящего к класс. араб. *qā q* — «судья») — должностное лицо с судебными полномочиями, как правило, действовавшее в составе коллегии. Помимо судебных, алькальды, как правило, наделялись также административными и военными полномочиями. Впервые упоминаются в XII в. К XIII в. выделялось несколько категорий алькальдов — алькальды территориальных общин-консехо, королевские алькальды (действовавшие как на местах, так и в составе королевских судебных учреждений и др.).

⁴ В тексте — «*cogedores et recabdadores*»; эти должностные лица вносили фискальные платежи, а также штрафы, залоги и др. В Кастилии и Леоне в Средние века в большинстве случаев назначались из числа иудеев и мусульман по принципу откупа (заранее внося назначающему условленную сумму, затем выбывая из плательщиков столько, сколько будет возможно), что вызывало неизбежные злоупотребления и недовольство плательщиков.

⁵ Т. е. исторические сочинения.

⁶ Дословно — «близкими», «необходимыми».

⁷ Дословно — «поверенными».

sis,¹ а также и легатами; сборщиков платежей и блюстителей прав именовали *questores*,² а тех, кто писал истории, — *ystorigraphos*.³ *Necessarios* называли так потому, что они являются приближенными королей и иных правителей.⁴ Но далее мы не будем говорить об этих сеньориальных и начальственных должностях, а сообщим лишь о самих правителях, чьими деяниями держался Рим. И благодаря тому, что порядок высших должностей, правителей и предводителей, о которых мы говорим, был здесь обозначен очень ясно, то история их деяний будет усваиваться лучше, так что мы расположим их в том порядке, в котором они правили один после другого. Изначально первенствующими были короли, а затем — консулы, которые пришли им на смену; а наряду с консулами — диктаторы и магистры отрядов рыцарей; а затем и трибуны — так, как одни должности возникали в дополнение к другим; и наконец — императоры. Расскажем сначала о королях, которые были первыми.

110. О первых королях Рима, когда город получил свое имя

Начиная с короля Ромула, который основал и заселил город, как мы сказали, и изменил имя, которым он ранее именовался, и назвал его Римом, прежде первых консулов там правили семь королей. И имена королей и количество лет, сколько они были у власти, суть следующие: Ромул правил тридцать девять лет, Нума Помпилий — сорок один год, Тулл Гостилий — тридцать два года, Анк Марций — двадцать три года, Тарквиний Древний — тридцать семь лет, Сервий Туллий — тридцать три года, Тарквиний Гордый — тридцать пять лет.⁵ Общее число лет, которое правили все эти короли, вместе взятые, составляет двести сорок лет, как рассказыва-ет «История Римских цезарей».⁶ Сейчас мы вам расскажем о консулах.

¹ Дословно — «ответственными».

² Дословно — «квесторами» (магистраты с фискальными полномочиями).

³ Дословно — «историографами».

⁴ Вся эта информация получена из 3 и 4 титулов девятой книги «Этимологий» Исидора Севильского.

⁵ Годы правления римских царей согласно современным представлениям: Ромул (?) (753—716 гг. до н. э.), Нума Помпилий (715—674 гг. до н. э.), Тулл Гостилий (673—642 гг. до н. э.), Анк Марций (642—617 гг. до н. э.), Луций Тарквиний Приск (Древний) (616—579 гг. до н. э.), Сервий Туллий (578—535 гг. до н. э.), Луций Тарквиний Гордый (535—509 гг. до н. э.).

⁶ Вероятно, под этим сочинением подразумевается «Краткая история от основания Города» (Бревиарий) Евтропия (*Eutrop. Brev. I.8.3*). Ср.: «Итак, царская власть в Риме насчитывала семь правителей и продолжалась 243 года, и тогда Римское государство простиралось не более, чем на пятнадцать миллиариев» (пер. О. В. Аузова). Однако различия в циф-

III. О консулах первого года

Здесь мы перечислили имена королей и периоды их правления, опираясь на «Историю римлян»;¹ но имена консулов, диктаторов и других предводителей и правителей мы приводим так, как это сообщает Павел Орозий, на тех основаниях, исходя из которых их деяния и их имена излагает его «История».² Оттуда мы черпаем наши сведения, хотя и добавляем к ним то, что написано в других «историях» и что, по нашему разумению, подходит для этой «Истории Испании». Но о консулах первого года мы расскажем так, как о них говорится в «Истории римлян»,³ нежели как их распределяет любая другая «история». И было их пять: Луций Юний Брут,⁴ Тарквиний Коллатин,⁵ Луций Валерий Попликола,⁶ Спурий Лукреций⁷ Триципитин, Гораций Пульвилл.⁸ Этих консулов первого года (которых было принято поставлять в количестве не более двух человек в год) было пять, как было упомянуто, и мы должны сообщить вам, на каком основании это произошло. Один из двух первых консулов был впоследствии изгнан из Рима, по-

рах ставят эту версию под сомнение (тем более, что на протяженность царского периода в 243 года указывает и Орозий (*Oros.* II. 4. 13)). В издании Р. Менендеса Пидала в качестве дополнительного источника предлагается «Римская история» Павла Диакона (*Paul. Deac.* I. 1—11), однако по структуре изложения материала она ничем не напоминает «Историю цезарей», а в своей хронологии Павел Диакон ориентировался на Орозию. Ясно лишь, что известное под этим названием сочинение Секста Аврелия Виктора («О цезарях») не является источником этого фрагмента, поскольку описывает лишь события от правления Августа.

¹ По всей видимости, речь идет о сочинении Евтропия.

² История республиканского Рима (вплоть до второго консульства Юлия Цезаря и его убийства) изложена Орозием в следующей части его сочинения: *Oros.* II. 5—VI. 17.

³ *Eutrop. Brev.* I. 9—11.

⁴ Луций Юний Брут (ок. 550—509 гг. до н. э.) — один из основателей Римской республики, возглавивший восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого в 509 г. до н. э. Один из двух первых римских консулов.

⁵ Луций Тарквиний Коллатин (ум. после 509 г. до н. э.) — один из двух первых консулов Древнего Рима, племянник царя Тарквиния Древнего и двоюродный племянник Тарквиния Гордого. Лукреция была изнасилована Секстом Тарквинием, сыном Тарквиния Гордого, что привело к восстанию и свержению царской власти.

⁶ Публий Валерий Публикола (Попликола) (ок. 560—503 гг. до н. э.) — четырежды избирался консулом (последний раз — в 504 г. до н. э.), в том числе был консулом-суффектом в первом году существования Республики.

⁷ Спурий Лукреций Триципитин (ум. в 509 г. до н. э.) — римский политический деятель, член сената при Тарквинии Гордом и «хранитель города». Сохранил свой статус и после установления республиканского строя. После гибели первого консула Брута Триципитин был назначен консулом-суффектом, но скончался через несколько дней после вступления в должность.

⁸ Марк Гораций Пульвилл (ум. после 507 г. до н. э.) — консул в 509 и 507 гг. до н. э.

тому что его звали Тарквинием,¹ как короля Тарквиния Гордого, которого лишили королевской власти и изгнали, ибо никто не хотел, чтобы в городе кто-либо имел первенство или какую-либо власть, либо вообще оставался и пребывал гражданин с этим именем. Другие два консула из этих пятерых умерли прежде, чем закончился год. Первым из них был Брут, который был ранен в сражении с Аррунтом,² сыном того самого короля Тарквиния Гордого, и который пошел войной на Рим за то, что его отца лишили королевской власти, ибо он хотел, чтобы ему вернули королевскую власть. И в этой битве Брут и Аррунт убили друг друга. Спурий Лукреций умер от болезни до окончания года его консульства, и вместо него поставили другого человека по имени Горацій. Таким образом, как мы сообщили, в первый год было пятеро консулов, а сейчас перечислим имена остальных.

*112. О консулах и других римских правителях поименно,
как они приходили к власти один за другим³*

Луций Юний Брут. Тарквиний Коллатин. Луций⁴ Валерий Попликола. Спурий Лукреций Триципитин. Горацій Пульвилл. Ларгий, диктатор. Спурий Кассий, магистр. Марк Валерий, диктатор. Тит Гесоний,

¹ Речь идет о Тарквинии Коллатине.

² Аррунт Тарквиний (ум. в 509 г. до н. э.) — сын Тарквиния Гордого, основатель колонии Цирцея на побережье Тирренского моря, неоднократно направлялся отцом в качестве посла с важными миссиями. В битве у Арсийского леса (28 февраля 509 г. до н. э.) командовал конницей войска Тарквиния Гордого. Погиб в единоборстве с Брутом.

³ По мнению комментаторов издания Р. Менендеса Пидалья, в основу списка положены данные, почерпнутые в сочинениях Евтропия и Павла Диякона (*Eutrop. Brev.* I. 9—12; *Paul Deac.* I. 12). Если же верить предыдущим замечаниям хронистов, в основу этой главы легла обобщенная информация, содержащаяся в труде Павла Орозия (*Oros.* II. 5—VI. 17). Однако это по меньшей мере не совсем так, поскольку список включает целый ряд имен, не упоминаемых в труде Орозия. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что хронисты параллельно пользовались каким-либо готовым перечнем, недостатки которого (нарушение хронологии, неточности в написании отдельных имен и др.) автоматически перешли в текст хроники. В наибольшей степени на эту роль подходят т. н. «Фасты (Г)Идация», перечень, включенный в хронику испанского епископа (Г)Идация Лемикийского, составленную ок. 468 г. (*Consularia Constantinopolitana* // MGH: AA. *Cronica minora.* Vol. 1. Berolini, 1892. P. 197—247). Однако полного совпадения с перечнем (Г)Идация также не отмечается. Очевидно, что для коррекции и дополнения перечня Идация использован также материал «Хроники Евсевия-Иеронима», в свою очередь, продолженной (Г)Идацием и воспринимавшейся в XIII в. как часть единого текста, вместе с ее позднеантичными и средневековыми продолжениями ((Г)Идация, Иоанна Бикларского, Исидора Севильского и др.). В целом, вопрос об источниках главы, а также методах историописания, примененных при ее составлении хронистами, требует дальнейшего исследования.

⁴ На самом деле — Публий.

консул.¹ Публий Минуций. Марк Фабий. Гней Манилий. Квинций Цинциннат, диктатор. Эмилий Терций, диктатор. Камилл, диктатор. Камилл, трибун. Тит Квинций Цинциннат, трибун. Фабий, консул. Манилий Торкват. Тит Квинций, диктатор. Гай Сульпиций, диктатор. Гай Марций, консул. Марк Валерий. Манилий Торкват. Деций Мур. Клавдий Марцелл. Валерий Флакк. Ветурий. Постум. Папирий. Фабий Максим, пять раз. Деций Мур, три раза. Папирий. Фабий Гургит. Курий. Долабелла. Эмилий. Левин. Фабий Гургит, второй раз. Гай Генуций Клепсина. Семпроний. Аппий Клавдий. Квинт Фабий. Гней Корнелий Асина. Гай Дуилий. Гай Аттилий Флор. Луций Сципион. Катилина. Дуилий, второй раз. Манилий. Регул. Гней Эмилий Павел. Фульвий, самый благородный. Сервилий Сципион. Семпроний Заика. Луций Цецилий Метелл. Гай Коммод. Фурий Плацид. Аттилий Регул. Манилий Вульс.² Клавдий. Гай Юний. Лугаций. Квинт Лугаций Катул. Манилий. Тит Семпроний Гракх. Гай Валерий Фалькон.³ Тит Манилий Торкват. Гай Атилий Бубульк. Фульвий. Постум. Луций Эмилий Катул. Гай Атилий Регул. Манилий Торкват. Фульвий Флакк. Фламиний. Клавдий. Корнелий. Минуций. Публий Корнелий Сципион, он же Ганнибалов Сципион. Публий Семпроний по прозвищу «Длинный». Сципион, первым пришедший в Испанию. Фламиний. Луций Эмилий Павел. Публий Теренций Варрон. Юний, диктатор. Семпроний Гракх, консул. Фабий Максим. Клавдий Марцелл. Гней Фульвий. Публий Сципион. Сципион, проконсул. Марцелл, консул. Фабий Максим. Криспин. Клавдий Нерон. Марк Ливий Салинатор. Сципион Африканский. Лициний Красс. Гай Корнелий Лентул. Публий Элипей.⁴ Семпроний Тудитан. Фабий. Луций Валерий Флакк. Марк Порций Катон. Публий Сципион, другой «Африканец». Тит Семпроний Лонг («Длинный»), второй раз. Марк Ацилий Галабрион. Марк Клавдий Марцелл. Квинт Фабий Лабен. Лепид. Марций. Публий Лициний Красс, второй раз. Гай Кассий Лонгин. Луций Лициний. Авл Постум Альбин. Сципион Назика. Луций Цензорин. Марк Манилий. Гней Корнелий Лентул. Луций Мумий. Аппий Клавдий. Квинт Цецилий Метелл. Луций Цецилий Метелл, пять раз. Фабий Максим Сервилиан. Марк Эмилий Лепид. Гней Гостилий Манцин. Манцин. Брут. Сервий Фульвий Флакк. Квинт Кальпурний Пизон. Сципион Африканский. Пизон. Рут依лий. Публий Лициний Красс. Перпена. Гай Семпроний Тудитан. Марк Ацилий Капитон. Сципион Африканский — во второй раз, тот самый, кто уничтожил Самору. Марк Эмилий. Луций Орест. Марк Плавций. Марк

¹ Тит Гесоний (Tito Gesonio) — лицо идентифицировать не удалось.

² Манилий Вульс (Manilio Uulso) — лицо идентифицировать не удалось.

³ Гай Валерий Фалькон (Gayo Valerio Falcon) — лицо идентифицировать не удалось.

⁴ Публий Элипей (Publio Elipeo) — лицо идентифицировать не удалось.

Фульвий Флакк. Луций Цецилий Метелл. Квинт Тит Фламиний. Опиций. Гней Домиций. Фабий. Квинт Марций. Публий Сципион Назика. Луций Кальпурний Бестия. Авл Постум. Марий. Луций Кассий. Кассий. Гай Манилий. Квинт Фабий Максим. Марий, четвертый раз. Марий, пятый раз. Катул. Публий Метелл. Марий, шестой раз. Метелл Нумидийский. Марий, седьмой раз. Луций Апулей Сатурнин. Сауфей. Лабиев. Гней Долабелла. Луций Гигант.¹ Катон. Помпей. Рутилий. Секст Юлий Цезарь. Луций Марк. Сулла. Гней Помпей — второй раз. Порций Катон. Гней Помпей — снова. Сулла — седьмой раз. Сульпиций. Цинна, третий раз. Марий, восьмой раз. Серторий. Гней Карбон. Октавий. Цинна, четвертый раз. Сулла, вновь. Квинт Сцевола. Гай Карбон. Луций Домиций. Публий Антистий. Квинт Метелл. Гней Помпей, еще раз. Лукулл. Квинт Катул. Сципион Лелий. Марк Марий. Гай Марий. Публий Сервилий. Аппий Клавдий. Метелл Домиций. Помпей Великий, вновь. Юлий Цезарь, вновь.

Из этих консулов многие находились на своем посту два, три, а то и четыре раза; мы находим даже тех, кто был консулом семь раз, поскольку они прославились своими деяниями во славу города и общины. Консулы управляли наряду с диктаторами и другими предводителями, должности которых были учреждены вместе в течение четырехсот тридцати восьми лет. И было количество лет, согласно этому порядку, от основания Рима и до воцарения Юлия Цезаря шестьсот минус один. А сейчас мы расскажем о цезарях, и об их деяниях, и о других событиях, случившихся в Испании в это время. И были это цезари пятого периода² — Юлий Цезарь, диктатор и консул, и Октавиан Цезарь, диктатор и август. Сейчас мы расскажем об их деяниях. Но, поскольку мы часто употребляем слово «Цезарь», и нам также придется весьма часто упоминать его впредь в этой истории, то, в первую очередь, надлежит разъяснить, откуда взялось это странное слово, и почему этот Юлий был им наречен. Еще мы скажем, почему император называется «императором» и откуда было взято это слово, а потом вернемся к объяснению деяний, которые совершил впоследствии Юлий Цезарь, а потом и другие правители, которые пришли позже и также владели Испаниями.

¹ Луций Гигант (Lucio Gigan) — идентифицировать не удалось.

² Имеется в виду средневековая периодизация истории человечества, согласно которой эта история подразделялась на шесть периодов, последний из которых начинался с Рождеством Христовым и непосредственно предшествовал Страшному Суду. Эта периодизация была предложена Исидором Севильским, однако повсеместное распространение получила с появлением трудов Беды Достопочтенного. См. ниже гл. 117. См. также: *Luc. Tud. Chron. I. 93.*

113. От какого слова произошло это имя — Цезарь,
и по каким причинам оно было принято;
кого так называли впервые и кого — потом;
и что оно значит¹

Мудрецы приводят пять оснований, по которым было воспринято имя Цезарь и почему так называли Юлия, который первым его получил. Первое объяснение состоит в том, что, как рассказывают, мать Юлия, будучи беременна и находясь уже на сносях, никак не могла разродиться и уже умирала; и те, кто смотрел за ней, понимая, что она неизбежно умрет, рассекли ей чрево и извлекли наружу дитя. Латинский глагол *cedere* означает «резать», «рассекать», «бить прутом или другой подобной вещью». И поскольку ребенок был извлечен из чрева матери путем рассечения, то, как рассказывает Угучий,² поэтому он и был назван Цезарем. Согласно второму истолкованию, этот ребенок родился с волосами, причем одна прядь волос была гораздо длиннее, чем остальные волосы. По-латыни *caesaries* означает «прядь волос», «шевелюра» или «поросли волос», и от этого слова *caesaries* произошло и имя Цезарь, поскольку ребенок был так назван от поросли волос, с которой родился. И согласно этому истолкованию, Цезарь мог получить свое имя как от пряди волос, так и от щетины, небольшой поросли, щетины или локона, поскольку все это называется *caesaries*. Третье объяснение заключается в том, что с момента сотворения человека и до того времени у всех был обычай отращивать волосы как можно длиннее, и Юлий был первым, кто велел их состричь. И поскольку на латыни *caesaries* означало шевелюру и всякие длинные волосы, то Юлия стали называть Цезарем, поскольку он был первым, кто состриг волосы. Четвертое объяснение, как рассказывает история, состоит в том, что Юлий в раннем отрочестве якобы сражался со слоном один на один; затем одержал победу и убил его, что было проявлением невиданной мощи, так как эти животные велики по размеру и весьма отважны; и поскольку греки называли слона словом *ceson*, то мудрецы взяли слово «Цезарь» и нарекли им Юлия, поскольку он один сделал все это без посторонней помощи, ибо не

¹ Комментаторы издания Р. Менендеса Пидалья указывают на труд Угучия Пизанского как на главный источник (*Huguc. Etym. lat. sub voce «cedo», «augeo»*) (на который прямо ссылаются хронисты в гл. 113 и 114), а также на биографию Элия Вера из позднеримского сборника «Писатели истории августов». Вероятно, к этому перечню надо добавить также фрагмент девятой книги «Этимологий» Исидора Севильского (*Isid. Etym. IX.3.12*).

² Угучий Пизанский (ок. 1140—1210) — филолог, лексикограф, правовед и богослов, выпускник Болонского университета; в 1190—1210 гг. — епископ Феррары, автор ряда трудов по теологии и каноническому праву, а также латинского этимологического словаря «Книга о происхождении слов» (Книга дериваций) (ок. 1200 г.), на который ссылаются хронисты в настоящей главе.

знали они вплоть до того времени, что человек способен убить в одиночку слона. Пятое истолкование следующее: как об этом говорят истории,¹ был сделан выбор в пользу Юлия, потому что до последнего времени он был единственным военачальником, который наиболее храбро сражался и поражал врагов своими руками; и им было совершено больше всего полевых сражений; а поскольку по-латыни, как вы уже слышали, слово *cedere* означатет «бить» или «ранить», то было решено взять слово «Цезарь» и назвать им этого Юлия. Согласно этому решению, выходило, что слово «Цезарь» означало «сокрушитель врагов» или «воитель». Отсюда видно, что по одной из этих причин (а может, по всем сразу) Юлия нарекли этим именем «Цезарь». И поскольку держава в его руках приумножалась, то называли его и Августом, что означает «приумножающий». И этот Юлий Цезарь был императором Рима и властелином мира, поскольку все перечисленные здесь причины могут быть истинными. И этим именем «Цезарь», которым нарекли Юлия, стали называть впредь и других цезарей, которые пришли к нему на смену и оказались у власти в Риме, как затем «августами» стали называть по Октавиану Августу, племяннику Юлия Цезаря, сыну его сестры, который правил после Юлия и был признан первым приумножателем Империи.

114. Откуда взялось слово «император» и что оно означает²

В латыни употребляется глагол *parare* в значении «приготовлять», и это слово *parare*, как рассказывает Угудий, в соединении с *in* дает *imperare*. А *imperare* переводится на наш язык как «повелевать другими», так и «властвовать». И от этого *imperare*, означавшего «повелевать», родилось слово *imperator*, то есть «повелитель», потому что сам импе-

¹ Имеются в виду «Книга дериваций» Угудия Пизанского, «Этимологии» Исидора Севильского (*Isid. Etym.* IX. 3. 12), также фрагмент жизнеописания императора Элия Вера, написанный Элием Спартианом из сборника «Писателей истории августов» (*Aelius*. II. 3—4: «И так как истолкование имени Цезаря, по моему мнению, должно быть приведено именно в жизнеописании Вера — ведь он получил только это имя, — я скажу, что самые ученые и образованные люди считают, что тот первый, кто был так наречен, получил это имя от названия слона (который на языке мавров называется *цезай*), убитого им в битве, или потому, что родился от мертвой матери и был вырезан из ее чрева, или потому, что он вышел из лона родительницы уже с длинными волосами, или потому, что он имел такие блестящие серо-голубые глаза, каких не бывает у людей» (пер. С. П. Кондратьева)).

² Источники этимологий, приведенных в этой главе, практически те же: «Книга дериваций» Угудия Пизанского (*Huguc. Etym. lat. sub voce* «rago») и девятая книга «Этимологий» Исидора Севильского (*Isid. Etym.* IX. 3. 14).

ратор является повелителем,¹ который повелевает и который властвует над другими, в том числе над королями.² С другой стороны, выходит так, что это слово *imperare* также показывает, как можно отделиться от других и обозначить собственное неравенство по отношению к другим, и дает понять, что император не уподобляется другим и не является равным другим правителям. Также *imperare* означает «приготовиться против тех, кто восстает против тебя»; по крайней мере, так пишут ученые в своих трудах по поводу слова «император». Но теперь закончим говорить об этом и обратимся к другим предметам нашей истории, и расскажем о том, что Юлий Цезарь совершил впоследствии и как он завершил свои деяния.

*115. О том, как Юлий Цезарь пошел в Африку
и сражался с королем Юбой и со Сципионом и победил их,
и о том, что произошло с ним в дальнейшем³*

Как только Юлий Цезарь урегулировал свои дела в Риме, как мы об этом уже рассказывали, он спешно покинул Город и прибыл в Африку и сразился там с королем Юбой⁴ и с другим правителем⁵ этой земли по имени Сципион, которому досталось это имя в наследство от благородных римских Сципионов, некогда, как мы уже сообщали, совершивших множество деяний в Африке,⁶ ведь некоторые утверждают, что он происходит именно из этого рода, и произошла та битва у города Тапса. И убил там Цезарь множество их людей, и были разбиты войска обоих правителей — и короля Юбы, и того Сципиона; и захватил Юлий Цезарь в этой битве пятьдесят слонов, а из всего прочего взял столько, что невозможно исчислить. И эти правители, а также некоторые другие в Африке, когда поня-

¹ Дословно — сеньором.

² Реалия, связанная с политической организацией Священной Римской империи.

³ В рукописи из скриптория Альфонсо X (Эскориал, Y-i-2) заглавие этой главы отсутствует (см.: Y-i-2. fol. 57v).

⁴ Царь Нумидии и Гетулии Юба I (ум. в 46 г. до н. э.), сын нумидийского царя Гиемпсала. Покончил с собой вместе с Петреем, бывшим помпеянским полководцем.

⁵ Здесь и далее в этой главе в тексте — *prinçep* (*правитель*), хотя в большинстве случаев речь идет о военачальнике. Этот термин используется наряду с *caudi(e)llo* (предводитель, вождь) и *senior* (повелитель, властитель, сеньор) для обозначения лиц, облеченных публичной властью.

⁶ Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика — консул 52 г., полководец Помпея, сын претора Публия Корнелия Сципиона Назики, погибшего в Испании в 93 г., и пасынок великого понтифика Квинта Цецилия Метелла Пия.

ли, насколько плохо у них идут дела, покончили с собой, и вот кто это был: правитель Катон,¹ убивший себя в городе Утике, а тот самый король Юба пожаловал имущество тому, кто его обезглавил; а отец этого короля сам убил себя, заколовшись мечом. Сципион же сел на корабль и бежал в Испанию, надеясь там получить военную помощь против Юлия Цезаря; но когда он двигался туда по морю, подул встречный ветер и вернул его корабль обратно в Африку, где ему и пришлось сойти. Поняв это, он заявил следующее: «Это сотворил не сам Юлий Цезарь, а лишь сопутствовавшая ему удача вкупе с моим невезением, но в этот раз да не будет так, и никакая сила не заставит меня сдаться живым под его власть и на его милость», — и перерезал себе горло собственными руками, находясь на том корабле. Так же погиб их правитель Торкват. И вслед за этим Юлий Цезарь взял в плен внуков Помпея Великого и дочь его Помпею, а вместе с ними — Фаусту, Суллу² и Афрания с Петреем, правителей и предводителем Помпея, и приказал убить их, и после этого отбыл в Рим. И он высокомерно проследовал через те земли, которые были им завоеваны и присоединены к его владениям, как об этом уже было сказано; узнав об этом, римляне, хотя он от рождения и был предназначен быть первым повелителем Рима, как мы далее об этом скажем, решили, что его высокомерие было лишь следствием его везения, которое не могло бы пойти на пользу ни им, ни ему самому; потому что он не признает милости, даруемой ему Богом; и поэтому при нем сохранялись группировки, возникшие среди горожан, и был нанесен большой ущерб как им, так и его Городу, и пошатнулась его власть; и поэтому было приказано соорудить огромную и высоченную лестницу и приладить ее к городским воротам, через которые Цезарь будет вступать, когда прибудет, и было у них четверо смысленных юношей, и сказали им, чтобы, когда Цезарь войдет, они поднялись на эту лестницу и громко произнесли слова — три раза каждое: *notis olitos, notis olitos, notis olitos*. Это — греческие слова, которые означают то же самое, что и по-латыни «*recognosce te ipsum*», а на нашем языке — «познай самого себя».³ А сказали они ему это вот по какой причине: чтобы он осознал, что, прежде всего, он человек, и хотя он одержал победы в стольких битвах, пусть не теряет голову от гордыни так, как это случается у людей, ибо он, являясь ныне победителем, в будущем сам может быть

¹ Марк Порций Катон Младший (он же — Утический), правнук Марка Порция Катона Старшего. Противник Цезаря. После самоубийства в 46 г. до н. э. стал символом непримиримого защитника республиканских ценностей.

² Видимо, дочь Помпеи от брака с Фаустом Корнелием Суллой, чье двойное имя автор ошибочно принял как указание на двух дочерей.

³ В действительности, выражение лишено смысла и представляет собой искаженную греческую фразу *γνώσθι σεαυτόν*, которая, по традиции, была начертана на фронтоне Дельфийского храма.

побежден, поскольку Тот, кто дарует всю власть в этом мире, способен как дать ее, так и забрать. И впредь римляне установили у себя обычай, в соответствии с которым, когда каждый император или другой могущественный правитель возвращался после битвы или завоевательного похода, юноши всегда выкрикивали ему эти слова, взобравшись на ту самую лестницу у городских ворот.

*116. О том, как Юлий Цезарь прибыл в Испанию,
в город Сигуэнса, и сражался там с двумя Помпеями,
сыновьями Помпея Великого,
и с военачальниками Лабиемом и Аттием Варом,
которые были там с ними¹*

Уладив в тот раз в Риме то, что было одобрено сенатом, направился Юлий Цезарь в Испании, обратив оружие против Помпеев, сыновей Помпея Великого, и со дня, когда он выступил из Рима, минуло семнадцать дней, когда он прибыл в Сигуэнсу Испанскую, чтобы посрамить своих врагов; и пошел он войной против двух Помпеев и двух других военачальников — Лабиена² и Аттия Вара,³ которые были вместе с ними. Они провели множество битв с Цезарем то одновременно, а порой то с одними, то с другими. Последняя битва, в которой они сошлись, состоялась у реки Мунды,⁴ и настолько велики были их объединенные силы, и настолько огромным с обеих сторон было их желание сражаться, и столь велики потери убитыми, что весьма опечалился Юлий Цезарь, видя бегство многих из тех, кто находился с ним с давних времен, и потеряли всякую совесть, притом что его воины погибали и слабли. Лишенный всякой поддержки, он уже приготовился к смерти — в страхе от ожидаемого бесчестья в случае поражения. Находясь в столь затруднительном положении и в нерешительности, он внезапно двинулся на Помпеев, и те обратились в бегство. Произошло это не потому, что у Юлия Цезаря было преимущество в ору-

¹ В рукописи из скриптория Альфонсо X (Эскориал, Y-i-2) заглавие этой главы отсутствует (см.: Y-i-2. fol. 58r).

² Тит Лабием (ум. 45 г. до н. э.) — римский политик и полководец, сподвижник Юлия Цезаря, участник похода в Галлию, где выполнял функции легата. Народный трибун (63 г. до н. э.), претор (59 г. до н. э.). Отказался нарушить присягу и перейти Рубикон; в Гражданской войне выступал на стороне Помпея. Погиб в битве при Мунде.

³ Публий Аттий Вар (ум. в 45 г. до н. э.) — римский военачальник и политический деятель. Претор (ранее 49 г. до н. э.), пропретор Африки (ок. 49 г. до н. э.), легат (49—45 гг. до н. э.). Погиб в битве при Мунде.

⁴ Мунда (совр. Мундо) — река на юго-востоке Испании, приток р. Сегура. Имеется в виду битва при Мунде 17 марта 45 г. до н. э.

жи, но лишь по причине его везения, а также невезения других; точно так же, как вы уже слышали, это случилось с Юлием Цезарем и Помпеем Великим в час битвы при Диррахии;¹ если бы Помпей знал о положении дел Юлия Цезаря тогда, когда тот был на короткий момент побежден, и направился бы туда, то там и был бы наголову разбит Юлий Цезарь; но Помпей не узнал об этом и не поступил так, и Юлий Цезарь не потерпел поражения. Также и в этой битве в Испании: если бы Помпеи, сыновья Помпея Великого и его военачальники, знали о бедственном положении, в котором оказался Юлий Цезарь, то они победили бы, а Юлий Цезарь оказался побежден, и было бы в Испании навсегда уничтожено его войско. Но то, что устроено властью Божией, невозможно разрушить, если не будет на то Его воли. И состоялась эта битва в тот же час и в тот же день, что и битва при Диррахии, и в некоторых историях² говорится, что в этот самый день Помпей-отец бежал из города Рима в стремлении найти защиту и помощь в войне против Юлия Цезаря. Вернув все земли Испании под власть Рима и свою собственную, Юлий Цезарь явился в провинцию Гвадалквивир и изменил имя Севильи, дав ей новое имя Юлия Ромулеа.³ Оттуда, проходя по другим областям Испании, он ради умножения благородства и славы своего имени повелел проложить в провинции Гвадалквивир и в Андалусию дороги, которые ныне называются арресифы.⁴ И прибыл он в Галисию в местность, называемую Крунья,⁵ и обновил там башню маяка, которую построил Геркулес и которая почти обрушилась. И впредь он совершил множество благих деяний для этих земель, а после отбыл в Рим. Дллись эти войны Цезаря с Помпеем, а после и с союзниками Помпея четыре года, и это время никогда не оставалось в неизвестности, поскольку о них звучала молва во всем мире, и большинство народов в мире должны были это видеть. Здесь история заканчивает говорить о консулах и обо всех этих сеньорах, которые правили в Риме до того года, как Юлий Цезарь был провозглашен императором, и начинает наилучший из всех и наиболее полный рассказ об императорах, которые начались с него, и об их власти над землями.

¹ Битва при Диррахии (на северо-западе Балканского полуострова), состоявшаяся в июле 48 г. до н. э. и предшествовавшая битве при Фарсале.

² Замечание такого рода удалось обнаружить лишь у Орозия: *Oros. VI. 16. 8*;

³ Цезарь основал близ Севильи колонию римских граждан — *Colonia Iulia Romula Hispalis*, что стало началом нового этапа в истории города. Об акте основания колонии сообщает Исидор Севильский (*Isid. Etym. XV. 1. 71*): «Севилью (Гиспал) основал Юлий Цезарь, который по имени своему и города Рима назвал ее Юлиа Ромула» (пер. О. В. Ау-рова).

⁴ Арресифы (аррасифы) (от исп.-араб. *ḥarāšif*, восходящего к араб. *ḥarāšif* множественное число от *ḥaršaf*) — дороги с твердым покрытием.

⁵ Римский Бриганций, современная А-Корунья (Ла-Корунья).

После того как Цезарь, доведя Помпея до смерти и расправившись с врагами, завоевал народы и земли и завершил все эти дела, о которых вы уже слышали, римляне провозгласили его императором, и было это в 5152 году с того времени, когда были сотворены мир и Адам и началась первая эпоха¹ в истории человечества; и в 2910 году со времени потопа и спасения Ноя на ковчеге, и когда началась вторая эпоха в истории человечества; и в 1968 году после того, как родился Авраам, а король Нин и королева Семирамида правили в Египте,² и началась третья эпоха; и в 1803 году после того, как Бог дал свои обетования Аврааму и в первый раз говорил с ним; и в 1608 году с тех пор, как началось в Афинах царствование Кекропа, который правил там первым; и в 1468 году с того времени, когда Моисей вывел народ Израилев из рабства в земле Египетской, и в 1134 году после разрушения Трои, и в 1068 году от начала эпохи королей в Иудее, и в 1028 году после того, как Давид был наречен ее королем и началась четвертая эпоха в истории человечества; и в 964 году после того, как Соломон начал строительство храма в Иерусалиме, и в 728 году после того, как был начат отсчет времени по Олимпиадам во второй год правления Эсхила, короля Афин,³ и в 704 году со времени основания и заселения Рима и когда в нем стал править его первый король Ромул; и в 542 году с тех пор, как король Навуходоносор привел плененный израильский народ в Вавилон во время царствования Седекии, короля Иудеи,⁴ с которого началась пятая эпоха в истории человечества; и в 455 году после того, как Александр Великий, сын короля Филиппа, начал править в Греции; тогда-то от начала империи в Риме шел год, ставший первым годом правления Юлия Цезаря, и девятнадцатым годом правления Александры,⁵ королевы Иудеи, и третьим годом царствования Клеопатры в Египте.⁶ И после того, как Юлий Цезарь был провозглашен императором в Риме, в Испании и других землях, единолично и без какого бы то ни было напарника, он правил еще пять лет без трех месяцев. И, как рассказывается в первой книге «Истории двенадцати цезарей»,⁷ был Юлий Цезарь высок ро-

¹ Из шести периодов, согласно периодизации истории Исидора Севильского — Беды Достопочтенного.

² На самом деле — в Ассирии.

³ Разумеется, трагик Эсхил не был царем Афин. Истоки этой ошибки неясны. Во всяком случае, имя Эсхила было знакомо хронистам уже потому, что о нем упоминает Лука Туйский (*Luc. Tud. Chron. I. 72. 6*).

⁴ Седекия (Цедекия) — царь Иудеи в 597/6—587/6 гг. до н. э.

⁵ Саломея Александра, царица Иудеи в 76—67 гг. до н. э.

⁶ 45 г. до н. э.

⁷ Разумеется, речь идет о знаменитом сочинении Светония «Жизнь двенадцати цезарей» (см.: *Suet. Div. Iul. 45, 53, 55, 57, 60, 61, 62, 67, 68, 71, 72, 74.2, 75*). Однако ниже

стом, кожа его была белой на всех членах тела, рот чуть более широк, чем обычно; ему повезло всегда иметь отменное здоровье, разве что иногда его подводило сердце; для него было обычным часто просыпаться в страхе посреди ночи. Лысина его несколько обезображивала, и было известно, как много раз над ним насмеялись его товарищи, и поэтому он привык зачесывать волосы на лоб. Он пил очень мало вина, и об этом говорили не только его друзья: это утверждали и его враги. Кроме того, он был неприхотлив и в еде и был рад всему, что ему приносили; однажды так случилось, что один его гостеприимец¹ подал на стол масло в чашках вместо другого изысканного кушанья, и все рыцари и пешие воины, которые были там, испытали отвращение и не захотели его есть, но Юлий Цезарь, хотя и ощутил то же самое, успешно скрыл свои ощущения, чтобы не показать себя невежей или крохобором, сделал вид, что это — вкусная вещь, в которой он знает толк и, превозмогши свою волю, начал с упорством это есть. Он был мужем, предрасположенным к тому, чтобы творить чудеса, так что тех людей, которые были прославлены более всех в его время и до него и о которых более всех говорили — с ними он в конечном итоге сравнился или победил всех их. Также он написал замечательные книги о своих деяниях, о которых философ Цицерон говорит, что люди должны удостоить высшей похвалы эти сочинения, поскольку он постарался сделать их простыми и правдивыми, а не мудреными и без изысканных словес. Весьма умелым Юлий Цезарь был во владении оружием и в верховой езде, а всевозможные тяготы претерпевал настолько стойко, что невозможно было поверить. И где бы он ни ездил верхом, по дороге или по городу, он всегда передвигался один на своей лошади впереди всех и всегда с непокрытой головой — и в солнечную, и в дождливую погоду. Все дальние переходы он проделывал за столь короткое время, что представлялось невероятным, как, например, всего за семнадцать дней он прошел путь от Рима до Мединасели, которая тогда называлась Сигуэнсой,² но никого это не должно удивлять, поскольку, как рассказывают составители историй,³ был он настолько неприхотлив к тяготам и дотошен в делах, что, когда он отправлялся в дорогу, то обгонял всех своих посланников, которых посылал

становится ясно, что хронисты знали текст Светония лишь в пересказе, содержащемся в «Зерцале историй» Винсента из Бове (*Belovac. Spec. Hist. VI. 38—39*).

¹ В тексте — гость (*huesped*). Очевидно, что на самом деле имеется в виду гостеприимец (т. е. хозяин).

² Странная ошибка хронистов в географии Испании: Мединасели (рим. Окцилис) — город в современной провинции Сория; Сигуэнса (рим. Сегонция) — город в современной провинции Гвадалахара. Этот и следующий пассаж до конца фразы почерпнуты из «Истории римлян» Родриго Хименеса де Рада (*Rod. Hist. Rom. 10*).

³ Под таковыми в данном случае подразумеваются Плиний Старший (см. *Plin. Nat. Hist. VII. 25*), Павел Орозий, Родриго Хименес де Рада, а также, возможно, Винсент из Бове и Павел Диакон.

вперед, и прибывал первым; если на его пути попадались реки, он пересекал их вплавь, но если реки были слишком широки и бурны и он не осмеливался их пересечь, то он доставал надутые бурдюки, ложился на них и в таком положении переплывал: в его свите были очень немногие, кто мог бы вот так держаться вместе с ним. Когда во время битвы было видно, что сражение ему дается тяжело и что победить ему не удастся, он заставлял всех спешиться и прежде всего соскакивал со своей лошади, и делал он это для того, чтобы воины оставались на поле битвы поневоле и добывались победы, видя, что у них нет возможности убежать. У него всегда был с собой добрый конь, быстроногий и храбрый под его властью; для этого он вырастил его, взяв еще жеребенком, потом объездил его, причем он не хотел, чтобы жеребец объезжал кто-либо другой, поэтому он приучил его, чтобы жеребец не позволял садиться на себя никому другому. Много раз происходило так, что, когда его войско почти терпело поражение, он один поворачивал все вспять, и, идя наперерез тем, кто уже приготовился бежать, хватал их за бороды, бил по затылку, против воли одного за другим он всех вынуждал повернуться к врагу и силой заставлял выполнить свой долг — таким образом, он мог побеждать врагов, уже сам будучи почти побежденным ими. Со злодеями обращался милосердно и прощал их, если их вина не была слишком большой; тех же, кто не хотел ему повиноваться и сбивался в шайки, он разыскивал и жестоко пытал. И когда он одерживал победу в великой битве, он освобождал своих рыцарей от всех обязанностей и повинностей, которыми они были обременены, и, разрешая их от поста, позволял отдохнуть в радости и разврате, и никогда их не называл «рыцарями» или «вассалами», но ласковее — «друзьями» и «соратниками».¹ Он заботился о том, чтобы его воины всегда были хорошо снаряжены и отменно выглядели, поэтому он наделял их дорогим оружием, покрытым золотом и серебром, и делал он это для того, чтобы в битвах, через которые они проходили, им не только доставляло удовольствие держать это оружие, но также чтобы они боялись это оружие потерять, потому что оно было очень ценным. В битве, произошедшей при городе Диррахии, потеряв глаз в результате полученного удара, а также получив тяжелое ранение в ногу, которой он не мог двигать, и в плечо, со щитом, пробитым ста двадцатью ударами, ему удалось в одиночку задержать врагов, не подпуская их к воротам замка, который ему выпало охранять.² В другой раз, во время морской битвы при Марселе, схватил³ неприятельскую лодку, и тому, кто ее держал, отрубили руки; но он бросился в эту лодку и перебил щитом всех, кто пытался ему воспрепятствовать, и, от-

¹ Ср.: *Suet. Div. Iul.* 67.2 («На сходках он обращался к ним не “воины!”, а ласковее: “соратники!”») (пер. М. Л. Гаспарова)).

² У Светония это сообщение касается центуриона Кассия Сцевы и приводится как пример героизма воинов Цезаря (*Suet. Div. Iul.* 68. 4).

³ У Светония речь идет о подвиге воина Гаия Ацилия (*Suet. Div. Iul.* 68. 4).

бросив всех, перепрыгнул с лодки на свой корабль. Настолько он был добр и так честен со всеми, кто ему служил, что все его зависимые люди¹ никогда не переставали служить ему и его оберегать. Со своими друзьями он всегда был великодушен и благороден и, как рассказывают истории,² однажды, когда он шел по горам, вместе с ним находился друг по имени Гай Опимий,³ и в свой час заболел этот друг, и Цезарь остался при нем. Поскольку то место было пустынным, то был там только один уголок, где бы человек мог лечь в закрытом помещении; и хотя Юлий Цезарь был сенатором, он уступил это место Гаю Опимию, а сам лег на жесткой земле на открытом воздухе. Тех, кто сеял раздор по отношению к другим, он не желал даже слушать, и желал им за это зла, и лишал их почестей, имея на это основания. Хотя он и внушил страх всем своим врагам во время войны, чтобы получить единоличную власть и отомстить за свое бесчестие и оскорбления, которые ему нанесли в преизбытке, но от рождения был неосторожным и легкомысленным, ибо, зная, что Публий Клодий действительно спал с его женой Помпеей, он не пожелал сделать ему ничего плохого, а лишь развелся с ней и отдалил ее от себя. Но были и другие в числе его друзей, которые обвинили Публия Клодия перед сенатом за нарушение постановлений его законов в отношении брака, и сенат распорядился вызвать в суд Юлия Цезаря, а также его мать Аврелию и сестру Юлию, которые явились для того, чтобы сообщить правду об этом деле, и — хотя мать и сестра изложили так, как это было, что Публий Клодий действительно спал с Помпеей, — но прежде Юлий Цезарь не пожелал говорить и все отрицал, заявляя, что ничего об этом не знает. Когда сенаторы спросили его, почему он с ней разводится, ведь это его жена, он ответил: «Не хочу, чтобы мои друзья и родственники подозревали ее или же совершили против нее дурное, и поэтому я ее оставляю». Обо всем этом вплоть до данного момента рассказывает Светоний, и далее он говорит в своей истории,⁴ что Юлий Цезарь был одним из лучших рыцарей в мире, и что никогда не было мужа, который одержал бы больше побед, и не было никого, кто убил бы больше врагов; в пятидесяти битвах на открытом поле он всегда выходил победителем. Он победил Марка Марцелла, одержавшего верх в тридцати девяти битвах, и всегда сражался одним и тем же способом, и всегда побеждал он, не будучи никогда побежденным. Но, тем не менее, у Юлия Цезаря не было слишком много войн и походов, чтобы отвратить его от чтения и от учения, которому он предавался и днем, и

¹ В тексте — *mançebos*; дословно — «юноши», но также и зависимые люди.

² Вероятно, имеются в виду сочинения Светония и Винсента из Бове.

³ У Светония — Гай Опий (*Suet. Div. Iul. 72*).

⁴ На самом деле, далее события излагаются не по Светонию, а по «Естественной истории» Плиния Старшего (*Plin. Nat. Hist. VII. 25*) и Павлу Диакону (*Paul. Deac. VI. 25*). Это замечание четко указывает на тот факт, что текст Светония был известен хронистам лишь в переложении.

ночью, и от самозабвенного занятия образованием, причем он усвоил столько текстов на греческом и латыни, что стал философом. Не было никого, кто писал и читал бы быстрее него. У него было четыре писца, которые писали быстро, как только могли; и он одновременно диктовал им четыре письма на изысканном латинском языке, заставляя их работать настолько быстро, насколько они только могли. Также он очень хорошо умел складывать стихи, делая это изысканно и очень быстро. Истории говорят, что, путешествуя по Испании, он написал следующее стихотворение:¹

*Trabs² puer astricto glacie dum ludit in Ebro
frigore concretas pondere rupit aquas,
dumque ime partes rápido traerentur ab amne,
percussit tenerum lubrica testa capuit.
Orba quod inuentum mater dum conderet urna,
'hoc peperit flammis, cetera', dixit, 'aquis'³*

Здесь говорится, что река Эбро один раз в год покрывается льдом, и некий ребенок по имени Трабс шел по кромке льде и играл, и в одном месте лед проломился, и мальчик пошел ко дну, но голова его застряла в проруби, и потоки воды завертели его тело во все стороны, а голова оказалась отрезана; много дней спустя его мать, придя наполнить водой большой кувшин, достала из воды и обхватила голову своего сына и, узнав ее, сказала: «Только это я оставила для огня, все же остальное — для воды». Так она сказала потому, что все остальное тело было потеряно в воде, а то, что она нашла, — сожгла и затем тщательно собрала пепел, согласно существовавшему обычаю у языческих народов сжигать умерших и собирать для захоронения пепел. Но сейчас история заканчивает говорить об этом и сообщает о том, как Юлий Цезарь дал свое имя месяцу июлю.

¹ В действительности это стихотворение (эпиграмма) в разных версиях называется «О мальчике, убитом льдом» (*De puero glacie perempto*), либо «О мальчике, который погиб на льду» (*De puero qui in glacie extinctus est*); оно атрибутируется либо Германику (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.), племяннику (позднее — усыновленному сыну) императора Тиберия, либо Юлию Цезарю, либо Августу; первый вариант, в частности, предпочитает А. Рейзе, издатель «Латинской антологии» (*Anth. Lat.* 709) (представленная там версия текста содержит две дополнительные строки). Эпиграмма была включена Павлом Диаконом (ок. 720—ок. 799) в его собственное стихотворение (см.: *Poetae latini aevi Carolini*. Т. 1. Berolini: Apud Weidmannos, 1881. P. 49—50).

² В оригинале — Тракс (Trax).

³ Мальчик Трабс, зажатый льдом, когда он играл на реке Эбро // Своим весом проломил воды, скованные льдом // И когда члены (тела) были унесены быстрой рекой в глубину // Подобно гладкому черепку, эта река отрезала голову мальчика. // Голова была обнаружена матерью, потерявшей сына, когда та наполняла кувшин, // (И) сказала она: «это остается пламени, остальное же — водам» (пер. О. В. Аурова).

118. О том, как Юлий Цезарь дал свое имя месяцу июлю,
и о причинах, по которым остальные месяцы получили
те названия, которые носит каждый из них

Юлий Цезарь, уже будучи императором и сеньором всей земли и видя, какую славу и известность он приобретает во всем мире благодаря своим великим битвам, которые он провел и выиграл во многих землях, пожелал, чтобы его имя осталось в памяти навсегда, и постановил это в своем декрете, и его зачитали во всех храмах; поскольку он родился в месяце под названием «квинтиль» и в этом же месяце победил Помпея в Фессалии, а также сыновей Помпея Великого — Гнея и Секста Помпеев, — в Испании, то этот месяц он назвал «июлем» по своему имени.¹ И хотя месяцы расположены сообразно двенадцати знакам зодиака, они не усвоили их названия, в отличие от дней недели, которым присвоили названия планет.² Дело в том, что язычники, поклонявшиеся Солнцу, назвали в честь Солнца воскресенье — первый день недели, и присвоили ему название *domingo*³ («Господнего дня»). Те же, кто молился Луне, назвали в честь нее следующий за воскресеньем день — *lunes* («лунный день»). Третий день был назван *martes* («Марсовым днем») в честь Марса теми, кто поклонялся этому богу. Следующий день был назван *miercoles* («днем Меркурия») в честь бога Меркурия; вслед за ним шел *uueues*⁴ («день Юпитера») в честь Юпитера; следующий день назывался *uiernes* («Венериным днем») в честь Венеры. Далее шла суббота, называвшаяся тогда в честь Сатурна.⁵ Но те, кто соблюдал истинный закон, зная, что первый день учредил Господь, Который тогда же и начал сотворение мира, нарекли этот день воскресеньем («Господним днем»), потому что именно в этот день он начал творить; другие же дни назвали будни,⁶ что означает «рабочие дни», и назывались они таким образом ради воспоминаний о делах, сотворенных Господом нашим в эти дни. Последний день был наречен *sabbado*⁷ (субботой), то есть «отдыхом», поскольку в этот день почил наш Господь от дел Своих, которые Он совершил в предыдущие шесть дней. Одна-

¹ Источник замечаний о происхождении месяца июля — «Книга дериваций» Угуция Пизанского (*Huguc. Etym. lat.* «Julius»).

² Дальнейшие рассуждения о происхождении названий дней недели почерпнуты из «Этимологий» Исидора Севильского (*Isid. Etym. V. 30. 5—12*).

³ Лат. *dies Domini*.

⁴ Лат. *dies Jovi*.

⁵ Ср. англ. *Saturday*.

⁶ В тексте — *ferias*.

⁷ Старокастильское слово *sabbado* (исп. *sábado*) (как и русское суббота) имеет следующую этимологию: позднелат. *sabbatum* < греч. среч. *um* (*sábbaton*) < др. евр. *šabbāt* < аккад. *šabattum* (отдых).

ко с месяцами все получилось иначе,¹ поскольку мудрецы, разделившие один месяц на четыре недели, составили год из десяти месяцев, а другие — из двенадцати, по двенадцати знакам Зодиака. Те, кто подразделял год на десять месяцев, начинали годовой круг с марта, когда солнце входило в созвездие Овна, знаменуя переход от долгого холодного зимнего периода к долгой летней жаре. Нума Помпилий, второй римский король, и остальные, кто был согласен с ним, разделили год на двенадцать месяцев по аналогии с двенадцатью знаками Зодиака, поместив начало года на январь, потому что в это время совершается переход от летнего сезона к периоду зимних холодов. Но как одни, так и другие называли одни месяцы именами королей, а другие — по порядковым номерам. Те, кто поместил начало года на январь, назвали так этот месяц по имени Януса, который был весьма знаменитым и могущественным королем; на картинах его изображали с двумя головами, потому что на нем заканчивался предыдущий год, и с него начинался год следующий; одним лицом он взирал на уходящий год; а другое вглядывалось в грядущее. Следующему месяцу присвоили наименование «февраль», поскольку *februa* по-латыни означает «очищение», ибо в этот месяц язычники приносили жертвы за себя и за своих близких, находящихся в военных походах, — как за погибших, так и за тех, кто остался на земле; за живых, чтобы боги помогли им в бою против неприятеля, и за усопших, чтобы их души сподобились милости. Те, кто начинал год с марта, присвоили этому месяцу такое название в честь Марса, которому язычники поклонялись как богу войны. Тот месяц, который приходит на смену марту, назвали апрелем (*abril*), потому что в это время земля начнет как бы открываться (*abrirse*) и породить из себя то, что ранее в ней было сокрыто и что идет на пользу миру; апрель же считался вторым месяцем по счету, поскольку следовал он после марта, с которого начинали отсчет года. Третьему и четвертому месяцам, которые шли следом, присвоили названия «май» и «июнь» соответственно, поскольку военачальники, формируя войско, распределяли народ по группам, направляя зрелых мужчин в одну сторону, а молодежь — в другую. Более старшим отдавали приказ являться в походы и вести войну в третьем месяце, в его конце, находясь там, где, как они понимали, в этом была необходимость; а молодежь ходила в походы в четвертом месяце. Поскольку более старшие сражались в третьем месяце, то он получил свое название от слова *mayores*, т. е. «старшие», и стал называться *маем* (*mayo*); а учитывая, что «самые молодые» по-латыни будет *juniores*, то взяли это слово *juniores* и назвали *июнем* (*junio*) четвертый месяц, в котором сра-

¹ Источник рассуждений о месяцах года и их названиях — «Этимологии» Исидора Севильского (*Isid. Etym.* III. 71. 23—32; *Ibid.* V. 33. 2—11; *Ibid.* V. 36. 3) и «Книга derivаций» Угуция Пизанского (*Huguc. Etym. lat. sub vocibus* «jam», «februa», «mas», «afros», «magnus», «julius», «augeo»), с дополнением данных из «Хроники» Евсевия-Иеронима о календарной реформе Нумы Помпилия (*Hieron.* 714 a.Chr.).

жалась молодежь. А этот Юлий Цезарь же, о котором повествует история, ради умножения своей славы назвал *июлем* следующий месяц — квинтиль, как вы об этом слышали выше. А шестой месяц, называемый секстилем, Октавиан Цезарь назвал в честь себя *августом*, как об этом сообщает история.¹ Следующий месяц назвали сентябрем, поскольку он был седьмым по счету после марта. За ним шел октябрь, потому что это был восьмой по счету месяц. Вслед за ним был ноябрь, как девятый месяц. Последний месяц был назван декабрем, поскольку он был десятым по счету после марта, однако так же он является двенадцатым после января, с которого начинался год. На этом история заканчивает говорить об этом и возвращается к рассказу о Юлии Цезаре и о знаменьях, которые появились накануне его смерти.

119. О знаменьях, которые были явлены миру накануне убийства Юлия Цезаря

В четвертом году до начала эры, в пятом году империя Юлия Цезаря, когда шел двадцать четвертый год правления Александры, королевы Иудеи, и седьмой год правления Клеопатры, королевы Александрии, случилось так, как рассказывает его история, что незадолго до смерти Юлия Цезаря начали появляться по всему миру разные знаменья, по которым он мог предугадать свою смерть и как-нибудь избежать ее. Поскольку за несколько месяцев до его убийства в земле Колонии² земледельцы, которые были свезены туда для заселения деревень, при строительстве фундаментов для возведения домов обнаружили множество могил и большое количество древних предметов, среди которых они нашли роскошную медную доску, на которой было написано: «Капий, основавший город Капую, лежит здесь, погребенный». Затем они вскрыли могилу и обнаружили среди костей усопшего медную доску, на которой было написано как по-гречески, так и по-латыни: «Когда будут раскопаны кости Капия, родственники убьют происходящего из рода Юла и он будет отомщен многими бедями, которые обрушатся на землю Италии». Было абсолютно очевидно, что речь шла о Юлии Цезаре, являющемся потомком Юла, сына Энея. Также случилось так, что табун лошадей, которых он посвятил богам после перехода через реку, носившую название Рубикон, а затем оставил их продолжать путь самим, без какого бы то ни было надзора, перед его смертью стал отказываться от еды и кони ничего более не делали, как плакали навзрыд. А однажды Юлий Цезарь совершал жертвоприношение богам;

¹ *Isid. Etym. V. 33. 10.*

² Имеется в виду Капуя: «*colonia de Capua*»; см.: *Suet. Div. Iul. 81.* Дальнейший рассказ до определенного момента также восходит к содержанию той же главы сочинения Светония, известной хронистам в пересказе Винсента из Бове (*Belovac. Spec. hist. VI. 41*).

идол дал ему ответ и сказал следующее: «Берегись опасности, которая будет подстерегать тебя вплоть до двенадцатого дня марта». Горные птицы, гнездившиеся рядом с его дворцом, слетелись все в его сад и начали цапать и терзать друг друга с большим остервенением. А в ночь накануне убийства приснилось ему, что он летает под облаками и что Юпитер пожал ему десницу своей рукой. Кальпурния, жена его, увидела во сне, что обрушилась одна из башен его дворца и погребла под собой ее супруга. В ту же самую ночь окна во дворце, где спал Юлий Цезарь, открылись сами собой — настолько зловеще, что устрашили все, находившиеся в тот момент в стоящих рядом домах; и ворота дворца также сами собой распахнулись.¹ Также за сто дней до его смерти молния ударила в его стацию на рыночной площади,² и откололась первая заглавная буква «Ц» в надписи.³ Но, несмотря на все эти знаки, Юлий Цезарь не смог избежать смерти.

120. О том, как Юлий Цезарь был убит в результате предательства на Капитолии

В том же самом году, когда произошли все описанные выше знамения, случилось так, что однажды Юлию Цезарю пришлось прийти на Капитолий в курию, чтобы согласовать ее проведение с римским сенатом, и, когда он вышел рано поутру, на дороге к нему подошла незнакомая старая женщина, и говорят, что она незаметно вложила ему в руку запечатанное письмо и сказала, чтобы он это письмо прочел, но так как он очень спешил, то не захотел его читать, решив, что там — очередная жалоба, и что с этим он разберется потом, и направился дальше к Капитолию, войдя туда без оружия, как обычно делал ранее. Засевшие там два магната, одного из которых звали Брут, а другого Кассий,⁴ заранее организовали заговор с двумястами шестьдесятю римскими рыцарями,⁵ чтобы предательски убить Юлия Цезаря, и у каждого из них под плащом был спрятан эсток,⁶ стоял Юлий Цезарь так, что все они могли наносить ему удары.

¹ До этого места источником является Светоний в передаче Винсента из Бове. Далее информация почерпнута из «Всемирной хроники» Луки Туйского (*Luc. Tud. Chron.* 1.97).

² Т. е. на форуме.

³ На постаменте (?).

⁴ Убийство Юлия Цезаря в мартовские иды (15 марта) 44 г. до н. э. явилось результатом заговора группы сенаторов, возглавляемых Гаем Кассием Лонгином и Марком Юнием Брутом.

⁵ О численности участников заговора: *Paul. Deac.* VI. 25; но там говорится о «шестидесяти или более» заговорщиках.

⁶ Эсток (*estoque*) — длинный узкий меч с острием, предназначенный для пробивания кольчуг, а затем (после их появления) — рыцарских лат; длина — более метра, лезвие —

И когда он понял, что при нем нет никакого оружия, чтобы защититься и что нет никакой возможности избежать гибели, ему не пришло в голову ничего другого, кроме как достойно пасть на землю мертвым, чтобы не выглядеть уродливо после принятия смерти. Поэтому он взял правой рукой рукав одежды, которая была на нем, и покрыл ей голову, а левой рукой подобрал полы своего одеяния и не выказал ни единой жалобы, только лишь простонал один раз после нанесения первой раны. Предатели нанесли ему двадцать четыре ранения, и случилось это незадолго до того, как исполнилось бы пять лет его единовластного правления и пятьдесят шесть лет со дня его рождения. И когда об этом узнал римский народ, воцарилась великая печаль, и хотели даже сжечь Капитолий вместе с зачинщиками распри,¹ но нашлись те, кто отговорил их от этой затеи. Но никто из тех, кто состоял в заговоре, не смог избежать возмездия, и смерть постигла их в течение трех лет; некоторые из них были убиты тем же оружием, которым совершили свое убийство.² И когда весь народ предстал в великой печали перед телом Юлия Цезаря, то тогда все обнаружили, что лежал он в такой позе, будто был готов принять смерть, и увидели, что в его руке было зажато письмо от той доброй женщины, и прочли его, и говорилось там следующее: «Берегись, Юлий Цезарь, не ходи на Капитолий, ибо там замышляется заговор против тебя, и идешь ты навстречу своей смерти».³ И подняли его тело с большим почтением, и предали его сожжению на площади, сложив костер из кресел почтенных сенаторов, согласно обычаю язычников-римлян, и поместили его прах в золотое яблоко, и соорудили удивительно высокую колонну из красивейшего и крепкого камня, и водрузили урну на вершину этой колонны, и дали этой колонне имя Юлия в честь Юлия Цезаря, и теперь она называется «Римской иглой».⁴

трех- или четырехгранное. Появился в XIII в., изначально — во Франции. Как правило, прикреплялся с правой стороны седла. Предназначался для уколов в случае потери или поломки пики. В данном случае каст. *estoques* (эстоки) передает лат. *pugiones* (кинжалы) (см.: *Suet. Div. Iul.* 82. 2); как и выше, текст Светония (*Suet. Div. Iul.* 81—84, 89) использован в пересказе Винсента из Бове (*Belovac.* VI. 41—42). Отдельные детали уточнены с учетом других источников (см. ниже).

¹ О реакции народа: *Oros.* VI. 17. 3.

² *Suet. Div. Iul.* 89 через посредство *Belovac.* VI. 42.

³ Источник этого фрагмента неизвестен.

⁴ Источник: *Luc. Tud. Chron.* I. 97, хотя текст подвергся редакции: «Его тело было сожжено на форуме римским народом; и поставили ему колонну из нумидийского камня, над которой он был погребен в позолоченном саркофаге и которая стала называться Юлиевой» (пер. О. В. Аурова). Упоминания о «Римской игле» и «золотом яблоке» восходят к другому источнику — анонимной хронике XII в. «Описание золотого города Рима» (*Graphia aureae urbis Romae*): «... рядом с которой находится колонна в память о Юлии Цезаре, то есть игла, где его прах блистательно покоится в саркофаге; поскольку как при его жизни ему подчинялся весь мир, так и после смерти ему будут воздавать до конца времен. В его память

На этом прекращает история повествовать о Юлии Цезаре и начинает говорить о других императорах, которые пришли ему на смену, и первый из них — Октавиан Цезарь Август. Так как Юлий Цезарь был первым императором, то именно с него история отсчитывает имена всех остальных владык Рима. Здесь она сообщает имена всех императоров, которые были в Риме вплоть до времени наступления владычества варваров и готов в Испании.

121. Об именах римских императоров¹

Юлий Цезарь. Октавиан Цезарь Август. Тиберий Цезарь. Гай Калигула. Клавдий Цезарь. Нерон.² Веспасиан. Тит Цезарь. Домициан. Нерва. Траян. Адриан. Антонин Пий. Марк Антонин Вер.³ Луций Аврелий Коммод.⁴ Коммод Цезарь. Элий Пертинакс.⁵ Север.⁶ Антонин Каракалла.⁷ Маркрин.⁸ Аврелий Антонин. Александр.⁹ Максимин. Гордиан.¹⁰ Филипп. Де-

ниже была установлена медная доска, подобающим образом украшенная позолоченными буквами; выше же, на яблоке, украшенном золотом и драгоценными камнями, начертано: «Цезарь был таковым, как Земля // Потому его не скроешь в небольшом гроте» (пер. О. В. Аузова) (см.: *Ozanam A. F. Documents inédits por servir a l'histoire littéraire de l'Italie depuis le VIII-e siècle jusqu'au XIII-e. Paris: Jacques Lecoffre et Cie, éditeurs, 1850. P. 161*). Сообщения об этом встречаются и у других авторов, в частности — в «Схоластической истории» Петра Коместора (ум. в 1179 г.) (*Petr. Com. Hist. Schol. // PL. Vol. 198. Col. 1531*).

¹ Источником перечня являются «Хроника Евсевия-Иеронима» (*Euseb.-Hieron. Chron. aa. 43 a. Chr. — 316 p. Chr.*) (период до Диоклетиана), дополненная сведениями из перечня, содержащегося во «Всемирной хронике» Луки Туйского (*Luc. Tud. Chron. I. 100*). Для более позднего периода использована «Римская история» Павла Дякона (*Paul. Deas. X—XIV*), четырнадцатая книга которого завершается описанием событий периода правления восточного императора Маркиана (450—457 гг.).

² Пропущены: Гальба (68—69 гг.), Отон (69 г.), Вителлий (69 г.).

³ Так в тексте. Правильно — Марк Аврелий.

⁴ Так в тексте; правильнее — Луций Вер (161—169 гг.), хотя до усыновления он именовался также Луций Цейоний Коммод Вер (впоследствии — Луций Элий Аврелий Коммод Вер), т. е. ошибки нет.

⁵ Далее отсутствует Дидий Юлиан (193 г.).

⁶ Септимий Север (193—211 гг.). Далее отсутствуют Клодий Альбин (193—197 гг.) и Песцений Нигер (193—194 гг.).

⁷ Далее отсутствует Гета (209—212 гг.).

⁸ Далее отсутствуют Диадумениан (218 г.), Гелиогабал (218—222 гг.). В то же время Аврелий Антонин — лишний в перечне.

⁹ Александр Север. Следующий далее перечень солдатских императоров отличается вполне объяснимой неполнотой.

¹⁰ Хронисты соединяют Гордиана I и Гордиана II (оба — 238 г.). Далее отсутствуют Бальбин и Пупиен (оба — 238 г.), а также Гордиан III (238—244 гг.).

ций. Галл.¹ Волузиан.² Валериан. Галлиен. Клавдий.³ Аврелиан. Тацит.⁴ Проб. Кар. Карин. Нумериан. Диоклетиан. Максимиан.⁵ Галерий.⁶ Константин.⁷ Констанций.⁸ Констант. Константин.⁹ Юлиан. Иовиниан.¹⁰ Валент.¹¹ Валентиниан.¹² Грациан. Валентиниан Младший.¹³ Аркадий. Гонорий.¹⁴ Феодосий.¹⁵ Маркиан.

*122. О правлении Октавиана, племянника Юлия Цезаря,
и затем — о событиях, произошедших
в первый год его царствования*

Когда умер Юлий Цезарь, как вы об этом уже слышали, то, поскольку он не оставил после себя сына, который мог бы унаследовать его власть, то римляне провозгласили властителем вместо него Октавиана, дабы он стал сеньором Рима и всех земель, которые ему повиновались. Октавиан был племянником Юлия Цезаря, сыном его сестры; и начал он править в 710 год от основания Рима, и правил пятьдесят шесть лет, и шесть месяцев, и десять дней. В начале своего правления Октавиан был еще юношей, но уже заявил о себе как о благородном и целеустремленном человеке во всех своих деяниях, и некоторые из них он совершил еще при жизни своего дяди. И как только он начал править, римляне называли его Цеза-

¹ Требониан Галл.

² Далее пропущен Эмилиан (253 г.).

³ Клавдий II Готский. За ним пропущен Квинтилл (270 г.).

⁴ Пропущен Флориан (276 г.).

⁵ Отсутствует Констанций I Хлор (293—305 гг.).

⁶ Далее отсутствуют имена правителей, не получивших повсеместного признания периода борьбы за власть, последовавшего за отходом от дел Диоклетиана.

⁷ Константин I. Далее упоминаются имена только августов; имена цезарей, а также узурпаторов опущены.

⁸ Констанций II.

⁹ Константин II (317—337 гг.), сын и соправитель Константина.

¹⁰ Так в тексте. Правильно: Иовиан.

¹¹ Валент II (364—378 гг.).

¹² Так в тексте. Правильно: Валентиниан (I).

¹³ Валентиниан II. Далее отсутствует Феодосий I Великий (379—395 гг.).

¹⁴ Пропущен соправитель Гонория Констанций III (421 г.). Из западных преемников Гонория не названы: Валентиниан III (425—455 гг.), Петроний Максим (455 г.), Авит (455—456 гг.), Майориан (457—461 гг.), Либий Север (461—465 гг.), Прокопий Антемий (Анфимий) (467—472 гг.), Олибрий (472 г.), Глицерий (473—474 гг.), Юлий Непот (474—475 гг.), Ромул Августул (475—476 гг.).

¹⁵ Феодосий II Младший (402—450 гг.), император Востока.

рем в честь Юлия, поскольку было видно, что он унаследовал не только его власть, но и его благородство. И поэтому историки¹ говорят, прославляя его на все лады, что Октавиан перенял по наследству и власть, и имя Юлия Цезаря, своего дяди. И во время его императорского правления произошло множество знамений по всему миру, и в первый год его правления, сразу после убийства Юлия Цезаря, как рассказывает Павел Орозий,² случилось так, что Октавиан, держа путь из города Аполлонии в Рим, увидел, что в третьем часу,³ когда небо было чрезвычайно ясным, вокруг солнца образовалось кольцо такого же цвета и такого же вида, как и радуга, которая появляется в небе после дождя. И говорит Павел Орозий, что все это означало, что Октавиан будет весьма могущественен в этом мире, и во всей Земле он будет признан высочайшим и светлейшим, и что в его время явится в мир Тот, Кто создал солнце и все сущее, и кто все это поддерживает.⁴ В том же самом году в земле римлян появились три солнца со стороны востока; они приближались друг к другу, пока не слились, образовав собой одно солнце. И толкуют историки⁵ это так, что из этого можно извлечь два смысла — первое, что после смерти Юлия Цезаря власть в Риме была в руках у трех сенаторов — Луция Антония,⁶ Марка Антония и Октавиана, а потом власть оказалась в руках одного сенатора, и так позже и случилось, что властью стал обладать этот Цезарь Октавиан, так как знайте, что сразу после смерти Юлия Цезаря Октавиан был провозглашен сенатором Рима, а Луций Антоний и Марк Антоний были возвышены до правителей областей, которыми они стали управлять по приказу Юлия. Другое же (и более важное) толкование состояло в том, что во время правления этого императора Октавиана должен был родиться Иисус

¹ В первую очередь имеются в виду следующие сочинения, ставшие источниками для написания глав, посвященных правлению Августа: «Зерцало истории» Винсента из Бове (пересказ биографии Августа в сборнике Светония: *Belovac. Spec. hist. VI.41—VII.3*), «История против язычников» Павла Орозия (*Oros. Hist. VI.18—VII.3*), «Римская история» Павла Диакона (*Paul Deac. VII. 1—10*), а также «Хроника Евсевия-Иеронима» (*Euseb.-Hieron. Chron. aa. 43 a. Chr. — 13 p. Chr.*). Для освещения отдельных фактов привлекались и другие сочинения (см. ниже).

² *Oros. VI. 20. 5.*

³ Приблизительно между семью и восемью часами утра по современному исчислению времени суток.

⁴ О Рождестве Христовом и его значении для истории человечества см. у Орозия: *Oros. VI. 22. 9—VII. 3.*

⁵ Об этом сообщают Павел Дьякон, Винсент из Бове (в опоре на Петра Коместора), Лука Туйский и др. авторы (*Paul Deac. VI. 25. 2; Petr. Com. Hist. Schol. // PL. Vol. 198. Col. 1532* (в пересказе Винсента из Бове: *Belovac. Spec. hist. VI. 41*); *Luc. Tud. Chron. I.97*).

⁶ Луций Антоний (81—39 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец из рода Антониев, брат близкого сподвижника Цезаря, триумвира Марка Антония (83—30 гг. до н. э.).

Христос, который явит миру Троицу, пребывающую в единой сущности и едином Боге. Также случилось так, что на одном земельном участке рядом с Римом пахарь вспахивал землю упряжкой быков; он сильно ругался на них, и тогда обратился к нему один из них, и произнес: «Напрасно жалуешься, ибо скоро погибнут люди и не будет хлеба», и это указывало на огромное количество смертей, которые Октавиан вынужден был причинить по отношению к группам тех, кто участвовал в заговоре с целью убийства Юлия Цезаря, его дяди, и других, которые восстали против власти Рима.¹ Ибо после смерти Юлия Цезаря Октавиан остался в Риме во главе группы своих сторонников и, получив императорскую власть, как вы об этом слышали, весьма стремился прийти на западные земли; и чтобы сделать это беспрепятственно, он приложил много усилий для разгрома своих врагов, убивших его дядю, чтобы занять и привести в порядок земли, которые они держали. И сражался он с ними пять раз:² в первый раз — при Мутине с Марком Антонием,³ во второй — на Филиппийских полях с Брутом и Кассием;⁴ в третий раз — в Перузе с Луцием Антонием,⁵ в четвертый раз — в Сицилии с Секстом, сыном Помпея Великого,⁶ в пятый — в Аттике, что в Греции, с Марком Антонием.⁷ И победил он их всех и присоединил их земли к своим владениям, но не мог их убить: прежде он должен был сразиться с ними вновь, как мы расскажем далее. И знайте также, что в первый год правления Октавиана⁸ умер философ Цицерон⁹ и родился Овидий,¹⁰ и в этот же год трибун Фальцидий выдвинул закон, согласно которому никто не должен указывать в своем завещании сумму, превышающую четвертую часть того, чем владеет, а остальное надлежало оставить наследникам.¹¹

¹ Сообщения об этом знамении дают «Хроника Евсевия-Иеронима» (*Euseb.-Hieron. Chron.* а. 44 а. Chr.), «Римская история» Павла Диакона (*Paul. Deac.* VI. 25. 2) и некоторые другие.

² Перечень гражданских войн и основные события кампаний: *Oros.* VI. 18. 1—2. Источник дополнений: *Eutrop.* Brev. VII. 2. 1.

³ 44 г. до н. э. В результате Антоний отступил, но оба консула, воевавшие с ним, погибли.

⁴ 42 г. до н. э.

⁵ Перузинская война 41—40 гг. до н. э.

⁶ 36 г. до н. э.

⁷ 32 г. до н. э.

⁸ Другие события первого года правления Августа изложены по: *Euseb.-Hieron. Chron.* а. 42 а. Chr.

⁹ 43 г. до н. э. Был убит по указанию Августа.

¹⁰ 43 г. до н. э.

¹¹ Т. н. «Фальцидиева четверть». Закон Фальцидия 40 г. до н. э. установил, что наследнику, назначенному в завещании, во всяком случае должна была быть оставлена четверть наследства без обременения ее легатами (т. н. *quarta Falcidia*).

123. *О событиях второго года
правления императора Октавиана Цезаря,
когда он победил Антония, а после подружился с ним
и взял в жены его сестру*

В 711 году от основания Рима и во второй год правления императора Августа¹ случилось так, что в местечке под названием Таверна Меритория, что рядом с Римом и по ту сторону реки Тибр, забил источник оливкового масла, и вытекал весь день, и достиг Тибра, и потек в воду, и забил из него полноводный ручей. Мудрецы толковали это так, что наступит время, когда Рим станет главой христианства благодаря помазанию, совершаемому бальзамом и оливковым маслом, и что от Рима примут это помазание все народы мира.² В том же году Октавиан сразился³ с Антонием, который являлся аделантадо области Египет и возвысился благодаря ей, и битва была жестокой, и убил Антоний множество людей Цезаря, но в конечном итоге победил Октавиан. И Антоний оправдался от подозрений в участии в убийстве Юлия Цезаря и в том, что принимал в нем участие и был в сговоре, и тогда простил его Октавиан Цезарь, и женил его на своей сестре,⁴ и поставил его аделантадо всей этой области. Но до того, как они рассорились, они объединились и сразились против Брута и Кассия в Македонии, что в Греции, и разгромили их. Но затем Брут и Кассий разгромили войска Цезаря и Антония; позднее же рыцари последних снова разгромили Брута и Кассия, и снова после этого последние были вынуждены сражаться с Октавианом и Антонием. Из-за страха быть побежденными они перебили всех своих прежде, чем вступили в битву.⁵

¹ 42 г. до н. э.

² Источник: *Euseb.-Hieron. Chron.* а. 41 а. Chr.; *Oros.* VI. 18. 34; VI. 20. 6—7.

³ События гражданской войны изложены по: *Oros.* VI. 18. 3—16; *Flor. Hist.* II.14.4.

⁴ Рассказ о женитьбе Октавиана на сестре Антония изложен по: *Vel. Paterc.* II.78.1; Орозий и Павел Диакон говорят о женитьбе Октавиана не на сестре, а на дочери Антония (*Oros.* VI. 18. 17; *Paul Deac.* VII. 6). Светоний же уточняет, что речь идет о падчерице Антония по имени Клавдия, с которой Октавиан вскоре расстался (*Suet Div. Aug.* 62. 1).

⁵ Речь идет о битве при Филиппах 42 г. до н. э. Когда Антоний, Лепид и Октавиан заключили триумвират, Кассий и Брут вместе двинулись на защиту республики в Македонию со сотысячным войском. Заняв выгодную позицию при Филиппах, они дали бой триумвирам. Брут одержал верх над Октавианом, но Кассий, командовавший другим крылом, был оттеснен Антонием и, не зная о победе Брута, покончил с собой, что и повлекло за собою полное поражение республиканцев. Тело Кассия было погребено на острове Фасос.

124. О событиях третьего года¹

В третий год правления этого Октавиана Цезаря, что соответствовало 712 году от основания Рима,² случилось так, что Антоний, осмелев, поскольку был деверем Цезаря, стал принимать на себя больше полномочий; и поэтому они рассорились и вступили в сражение у подножия горы, называемой Левка, и победил Октавиан, и в этот раз они расстались врагами, но впоследствии сенат их помирил. И после Октавиан вернулся в Рим.

125. О событиях четвертого года правления Октавиана Цезаря

В четвертый год правления Октавиана, что соответствовало 713 году от основания Рима,³ случилось так, что он, будучи в Риме, приумножил земли на Востоке; и ему также подчинялись все земли на Западе; и захотел он узнать и о других землях, которые существовали под главенством Римской империи, но жили на самообеспечении и по своим фуэро, чтобы они признали его как сеньора Рима и чтобы он, бывая там каждый год, привозил оттуда доходы, которые свидетельствовали бы об этом признании.⁴ В конечном итоге он решил поступить весьма мудро: он распорядился подсчитать и записать, сколько королевств и сколько провинций имеется во всем мире и в каждом королевстве, и сколько городов и поселений в каждой провинции, и сколькими деревнями обладает каждый город и каждое поселение,⁵ и сколько людей имеется в каждом из указанных поселений, которые являются домовладельцами или проживают единолично.⁶ И разослал он грамоты со своими посланцами по всем областям с тем, чтобы все, кто проживает даже в самых маленьких селениях, явились в города и деревни, к которым они относятся,⁷ и предстали лично, и каждый назвал свое имя,

¹ События войны между Октавианом и Антонием изложены по: *Euseb.-Hieron. Chron.* а. 41 а. Chr.; *Flor. Hist.* II. 21. 4 (в последнем случае ошибочно обозначено место битвы).

² 41 г. до н. э.

³ 40 г. до н. э.

⁴ Очевидно, что власть римского императора описывается с помощью понятийной системы феодальной эпохи.

⁵ Речь идет о деревнях, расположенных на территории каждой территориальной общины (консехо), центром которой являлось городское поселение. Т. о. территориально-административное устройство Римской империи описывается в понятиях системы власти в Кастилии и Леоне в правление Альфонсо X.

⁶ Описание переписи, проведенной Августом, изложено по: *Luc. Tud. Chron.* I. 100. 1—10.

⁷ Т. е. к округе (*término, alfoz*), к которой они принадлежат административно.

и сказал, где он родился, и какого он рода, и где проживает, и будет внесен в описи. Все так и поступили; и как только их имена были внесены в описи и стало известно их количество, те, кто собирал эти данные, имея при себе грамоты Октавиана Цезаря,¹ ради признания его власти как сеньора потребовали, чтобы записавшиеся каждый год, когда к ним явятся писцы, вносили платежи Риму золотой или серебряной монетой с каждого, что соотвествовало десяти монетам, ходившим в то время в стране, которыми люди принимали плату за свои товары. И поскольку каждая такая монета была равна десяти, ей дали название денарий, что означает «десяток»,² и отсюда пошел обычай называть денарием всякую находящуюся в обращении в стране монету, используемую для розничной торговли, из какого бы металла она ни была; раньше же такие монеты называли «нумой» по имени Нумы Помпилия, который был вторым римским королем после Ромула, который был первым, как мы вам выше рассказали об этом в настоящей истории; Нума Помпилий был первым королем, который начал чеканить монету. И поскольку людям свойственно коверкать слова и изменять их на свой лад, то, что ныне именуется «монетой», должно называться «нумедой» по имени того короля; а по-латыни *numisma* называется по буквам на монете, что также было сделано в честь Нумы.³ Деньги, которые он выпускал, были сделаны из больших кусков меди, и теперь, находя некоторые из них, люди называют их «деньгами Цезаря» и, искажая слово, именуют их «момами» вместо «номов», как должны называть от имени Нумы. До правления этого короля у людей не было никакой монеты с какими-либо знаками; и вещи, в которых была нужда, они просто обменивали на другие. После этого в течение долгого времени различные королевства выходили из-под римского владычества, и короли начинали чеканить свои монеты, и уменьшали их стоимость, и приказывали ставить на них свои знаки, и присваивали наименование монетам либо по именам сеньоров, либо по названию городов, где они чеканились, как, например, ныне в Кастилии мараведи⁴ именуется

¹ Т. е. документы, подтверждающие полномочия их предъявителей.

² Денарий (*dinero*) — средневековая монета, восходящая к римскому денарию, изначально равному десяти ассам.

³ Здесь и далее рассуждения о происхождении монеты и ее названиях изложены по: *Hugut. Etym. Lat. sub vocibus «Num», «deca»*. О названии Нума рассуждает также Родриго Хименес де Рада в «Истории Римлян» (*Rod. Hist. Rom. 5*).

⁴ Мараведи (от араб.-исп. *murabidu* («имеющий отношение к альморавидам») < араб. *mitqāl murabiau* (золотой динар)) — золотая (позднее — серебряная) монета, чеканившаяся в средневековых королевствах Пиренейского полуострова по образцу золотого динара, который начал чеканить халиф Абр ар-Рахман III (912—961 гг.), но который получил широкое распространение (в том числе — в христианских королевствах полуострова) начиная с альморавидской эпохи (что отразилось в названии монеты), времени появления качественного альморавидского динара, чеканившегося с 1087 г. Из христианских правителей золотые мараведи первым начал чеканить португальский король Афонсу I Энри-

«Альфонсовым» по имени короля дона Альфонсо, который захватил Толедо у мавров,¹ поскольку он стал чеканить их первым. «Бургосские» монеты названы так по городу Бургос, потому что там их начали чеканить раньше, чем в других местах;² монеты, выпускавшиеся в Леоне, называли «леонскими», и точно так же в других областях.³ Монеты для внесения платежей Риму было приказано давать серебряные или золотые, поскольку серебро хранилось в доме Цезарей, а золото накапливалось в сокровищнице, которой распоряжались сеньоры, когда имели в этом особую нужду, чтобы поддерживать империю в хорошем состоянии и выплачивать сольдады⁴ ры-

кеш. В Кастилии собственные мараведи появились при Альфонсо VIII (1158—1214 гг.). «Альфонсовы мараведи» (или «белые мараведи») — серебряные мараведи, чеканившиеся со времен Альфонсо X, возобновившего чеканку этой монеты после перерыва, но превратившего ее в серебряную. В 1258 г. 1 мараведи содержал 22 г серебра, затем доля драгоценного металла постепенно сокращалась (1271 г. — 9 г, 1286 г. — 3 г, 1303 г. — 1,91 г). 1 серебряный мараведи был равен 15 солидам (*sueldo*) или 180 денариям (*dinero*), но это соотношение постоянно менялось. В качестве основной золотой монеты в правление Альфонсо X место мараведи занял золотой дублон (*dobla de oro*).

¹ Альфонсо VI (1043—1106 гг.) — король Леона, позднее — Кастилии и Леона (1065—1106 гг.), захвативший у мусульман Толедо в 1085 г. (см. о нем в гл. 845—964). В его правление в Кастилии и Леоне началось хождение золотого альморавидского динара; чеканить же собственные монеты с таким названием (состав — 3,85 г золота) стали лишь при его правнучке Альфонсо VIII (между 1172 и 1215 гг., после чего чеканка мараведи в Кастилии и Леоне временно прервалась); к этому времени и относится появление термина «Альфонсовы мараведи». Тем не менее, именно с Альфонсо VI традиционно связывают начало кастильско-леонской чеканки.

² В числе «бургосских монет» в XIII в. наиболее известными были «бургосский мараведи» и «бургосский солид». «Бургосский мараведи» — монета из беллона (сплава серебра и меди), чеканившаяся в Бургосе по приказанию Альфонсо X и составлявшая треть от стоимости серебряного мараведи. «Бургосский солид» — крупная серебряная монета, чеканившаяся в XII—XIII вв.; она соответствовала 12 динариям или 48 меахам, а также 30 1/8 мараведи, чеканившихся из вельона (сплава серебра и меди). При этом 3 бургосских солида соответствовали 1 золотому мараведи. При Альфонсо X бургосские солиды чеканились в 1252—1258 гг. и составляли 30 1/5 золотых мараведи за 90 солидов.

³ При Альфонсо X существовали следующие центры чеканки монеты (по основным историческим областям): Кастилия (Толедо, Бургос, Авила, Куэнка, Сеговия (до 1256 г.), Паленсия (спорадически), Авила), Леон (Леон, Саламанка (спорадически), Самора (спорадически)), Галисия (Сантьяго-де-Компостела (до 1256 г.), Ла-Корунья, Луго (спорадически)), Андалусия (Севилья (с 1263 г.), Мурсия). Этот список неполон: число центров, где монета чеканилась хотя бы эпизодически, достигало 20.

⁴ Сольдада (от каст. *sueldo* < лат. *solidus*) в Кастилии и Леоне XIII в. — рыцарский денежный феодал, фиксированная сумма денег, которую рыцарь-вассал ежегодно получал от своего сеньора в качестве вознаграждения за вассальную верность. Сольдада (лат. аналог — *stipendium*) выступала в качестве альтернативы или дополнения по отношению к земельному держанию феодального типа. Денежные феодалы получили широкое распро-

царям. И приказал Октавиан, чтобы каждый вносил эти деньги аделантадо своей области, который поставлен там Цезарем, а аделантадо пусть отправят эти деньги вместе с другими платежами в Рим. И поскольку золото, серебро и другие металлы по-латыни называются *era*,¹ и те, у кого не было ни золота, ни серебра, давали сборщикам этого платежа другие металлы, которые по стоимости соотносились с ними как один к десяти, поэтому с тех пор слово «эра», которое означало любой металл, стали применять для обозначения года, в котором был изобретен этот платеж, и называть его «годом эры».² И с того момента сеньоры и все остальные люди перестали отсчитывать годы по Олимпиадам и от основания Рима, по которым отсчитывали годы вплоть до того времени, и приняли за начальную точку отсчета этот самый «год эры», и с этим годом начали соизмерять события императоры, короли и все остальные люди.³ Сама

странение в южных регионах латинского Запада (Италия, пиренейские христианские королевства, Прованс и др.); как и другие феодалы, они могли передаваться по наследству (разумеется, с определенными ограничениями). См., например, фрагмент привилегии Альфонсо X рыцарям г. Куэльяра: «...считаем во благо, чтобы рыцари, которых посвятим мы либо наш сын и наследник, получали по пятьдесят солидов; и это по причине рыцарского статуса, полученного от нас либо от нашего сына, который будет править после нас... И пусть получают жены рыцарей по пятьдесят солидов, а когда эти женщины овдовеют, пусть получают по пятьдесят солидов, пока сохраняют статус вдовы. А если такая вдова выйдет замуж за рыцаря, которого посвятим не мы, и не наш сын и наследник, пусть она потеряет пятьдесят солидов и более их не получает» (пер. О. В. Аурова) (Doc. n. 21 (a. 1264, Sevilla) // Colección diplomática de Cuéllar / Ed. por A. Ubieta Arteta. Segovia, 1961 (Publicaciones históricas de la Exma. Diputación provincial de Segovia, VI). P. 64).

¹ Лат. *aes* (pl. *aera*) — медь.

² Вопрос о реальном происхождении датировки по «испанской эре» (*aera Hispanica*) довольно сложен. Несмотря на то что начало летоисчисления по «испанской эре» (38 г. до н. э.) формально соответствует периоду Второго триумvirата, когда испанские провинции находились в сфере влияния Октавиана Августа, однако, скорее всего, реальное утверждение этой системы относится к гораздо более позднему периоду. Во всяком случае, первые (эпиграфические) упоминания об «испанской эре» появляются лишь в конце III в., изначально — лишь в астурийско-кантабрийском регионе. Оттуда это летоисчисление по «испанской эре» постепенно проникло в соседние области — Мериду (конец IV в.), Лузитанию, Бетику и Галлецию (к концу V в.) и, наконец, в западную часть Картагенской провинции (к середине VI в.). Вплоть до начала Реконксты датировок по «испанской эре» не встречается в Арагоне и Валенсии (где в дальнейшем они использовались достаточно часто); на территории Каталонии даже в поздний период такие датировки встречаются лишь эпизодически. Летоисчисление «по испанской эре» сохранялось в средневековых королевствах центральной и западной Испании вплоть до конца XIV в., даже тогда, когда стала нормой датировка от Р. X. (приводившаяся параллельно).

³ Ср. у Исидора Севильского (Etym. V. 36. 2): «Эра отдельных лет установлена Цезарем Августом, когда в первый раз он составил опись римского мира, проведя перепись населения. Означенная эра же называется так, поскольку от всего круга земель требуют

перепись населения называется по-латыни *description*,¹ что означает «полное описание», поскольку описывалось все, что касалось человека — его имя, откуда он, из какого рода и где живет. И распорядился Октавиан Цезарь, чтобы эту перепись провели аделантадо по всей стране, и первым провел ее Квириний,² аделантадо Сирии в городе Иерусалиме; и ее совершали каждый год, и посылали вырученные средства в Рим, как было приказано.³ И, как рассказывает Евангелие,⁴ спустя тридцать восемь лет после начала «эры», Иосиф и Мария отправились в Вифлеем, чтобы записаться и внести этот платеж. И знайте, что год, когда это произошло впервые, был 5161 от сотворения мира и Адама и начала первой эпохи, и 2916 после потопа и спасения Ноя в ковчеге и начала второй эпохи в истории человечества, и 1845 пятый после рождения Авраама и начала третьей эпохи, и 805 после воцарения короля Давида и начала четвертой эпохи, и 714 от основания Рима, и 421 с того времени, как король Седекия и народ Израилев были уведены в Вавилон и началась пятая эпоха; также это был четвертый год правления Октавиана Цезаря, как мы уже сказали об этом выше. И хотя вплоть до названного года римская история отсчитывалась от даты основания Рима, отныне она стала исчисляться тремя способами: во-первых, согласно вышеозначенной эре, во-вторых — от даты основания Рима, в-третьих, от года, в котором родился наш Господь Иисус Христос, то есть от Его рождения.

126. О событиях пятого года

В пятый год правления Октавиана Цезаря, который пришелся на 714 год от основания Рима и на второй год эры,⁵ случилось так, что появился некий предводитель по имени Менеkrat,⁶ рыцарь Помпея, и при-

платить государству медь (*aes*)» (пер. О. В. Аурова). См. также: *Luc. Tud. Chron.* I. 101; *Hugust. Etym. lat. sub vocibus «es», «scribe».*

¹ Лат. *descriptio* — список, опись, описание и др.

² Публий Сульпиций Квириний — консул 12. г., римский наместник в Сирии (ок. 4 г. до н. э. — 1 г. н. э.). В годы его правления по приказу императора Августа в империи проводилась перепись населения, что и заставило Иосифа и Марию отправиться в Вифлеем.

³ О проведении переписи: *Luc. Tud. Chron.* I. 101 (почти буквальный перевод).

⁴ *Luc.* 2:1—4.

⁵ 39 г. до н. э. Ниже датировки по «испанской эре» («эре Цезаря») даются лишь с указанием слова «эра».

⁶ Основные события излагаются согласно истории Орозия: *Oros.* VI. 18. 21—22. Менеkrat (в хронике — Менеград) — вольноотпущенник Помпея Великого, которому сын последнего, Секст Помпей, поручил собранный им флот и приказал крейсировать в море около Италии. Менеkrat сверг другого вольноотпущенника Помпея, Менодора, бывшего

готовил Цезарь Октавиан свои войска и свои многочисленные и самые лучшие корабли, и пошел на него, и сразились они на море, и победил его Цезарь, но поднялась огромная буря, которая разбила его флот. Такова была битва в тот раз.

127. О событиях шестого года¹

В шестой год его правления, пришедшийся на 715 год от основания Рима и на третий год эры Августа,² восстали против Рима персы, турки и жители земли сирийской. Узнав об этом, Октавиан Цезарь собрал и снарядил свои многочисленные отборные войска и направился против этих земель, а затем — против персов, и победил их. Оттуда он пошел на турок, которые убили Красса, и из-за этого он был на них страшно разгневан и смертельно желал отомстить, и Октавиан Цезарь сразился с ними и поразил в битве короля Турции,³ причем в тот же день, когда турками был убит Красс. Далее он пошел на сирийцев и, сразившись с ними, победил их и, таким образом, присоединил эти три земли к Римской державе.

128. О событиях седьмого года⁴

В седьмой год правления Октавиана, который был 716 годом от основания Рима и четвертым годом эры,⁵ Октавиан Цезарь сразился в Тавромене с Секстом Помпеем, сыном Помпея Великого. И была эта битва очень кровавой и тяжелой, и разбил Секст Помпей войска Октавиана, и бежал в этот раз Цезарь в Италию со своими воинами, чтобы собраться с силами и снова выступить против него.

в такой же милости. Менодор перешел к Октавиану, получил также главное начальство на море, и при Кумах оба флота вступили в бой. Корабль Менекрата был взят, а он сам бросился в море.

¹ Военные действия изложены с большим искажением по сравнению с оригиналом (*Oros.* VI. 18. 23), поскольку речь там идет о войне не против турок, а против парфян, а во главе римской армии выступает не сам Август, а его полководец Публий Вентидий Басс. См. также: *Eutrop.* Brev. VII. 9.

² 38 г. до н. э.

³ Из источника этого места становится ясно, что речь идет о погибшем в битве у Гиндара парфянском царе Пакоре I из династии Аршакидов (51—38 гг. до н. э.).

⁴ Источник: *Oros.* VI. 18. 27.

⁵ 37 г. до н. э.

В восьмой год, который был 717 годом от основания Рима и пятым годом эры,² Октавиан великолепно снарядил свои войска в Италии, а затем отправился на Сицилию и привез с собой сорок восемь легионов рыцарей, и пошел он на Мессину против Лепида, магната, происходившего из Африки, который находился там, явившись с двадцатью легионами, которые включали в себя сто тридцать три тысячи двести вооруженных воинов, и к тому, что было, присоединились впоследствии все рыцари Сицилии и других приграничных территорий, которые пришли к ним на подмогу, и были они в таком большом количестве, что их было больше, чем у Цезаря. И вышли они против него, и сразились, но, несмотря на это, Цезарь разбил и победил их, и взял он в плен столько рыцарей, что их все равно было много,³ и разоружил тридцать тысяч из них, так что они никогда больше не были рыцарями и не имели ни привилегий, ни знатного рыцарского достоинства,⁴ поскольку они дерзнули выступить против него. И обнаружил там еще тридцать тысяч, которые оказались рабами; их он повелел возвратить хозяевам. Завершив все эти дела, Октавиан Цезарь с радостью вернулся в Рим, и приветствовала его вся городская община, и приняли его с большим почетом, и пожаловал ему сенат в этот раз власть трибуната и связанные с этим права, и вручили ему их вместе с привилегией, дабы он мог пользоваться всем этим впредь и всегда, что ранее не было позволено никому. Знайте также, что в тот год умер Саллюстий,⁵ который написал много хороших книг по истории Африки и о правителях, которые там были.

В девятом году мы не находим никаких записей о событиях, которые были бы достойны рассказа.

¹ Основной источник информации: *Oros.* VI. 18. 28—34; явно преувеличена цифра разоруженных рыцарей (30000 вместо 20000 в оригинале).

² 36 г. до н. э.

³ Несмотря на убитых, раненых и бежавших.

⁴ Сохранение рыцарских привилегий было возможно лишь при условии регулярной службы в коннице; лишение крайне дорогостоящего вооружения, снаряжения и боевых коней делало эту службу невозможной, а потому лишало соответствующих прав и привилегий.

⁵ Гай Саллюстий Крисп (ок. 86—35 гг. до н. э.) — выдающийся римский историк, автор «Истории» (от нее сохранились незначительные отрывки), а также сочинений «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война». Источник сообщения о его смерти — «Хроника Евсевия-Иеронима» (*Euseb.-Hieron. Chron.* а. 36 а. Chr.).

В десятый год, который был 719 годом от основания Рима и седьмым годом эры, с восставшими евреями сразился Антигон,¹ король Иудеи, и был убит.² Затем было разорено Иерусалимское королевство, королем которого более никогда не являлся ни еврей, ни человек еврейской веры. Римляне назначили туда в качестве аделантадо Ирода Аскалонита,³ который был уроженцем замка Аскалон, откуда он и получил это прозвание, и был он сыном Антипатра⁴ и Киприды Аравийской,⁵ и не по родству, ни по рождению он не имел отношения к Иудее. Мудрецы пришли к согласию между собой и провозгласили, что таким образом исполнилось пророчество Даниила: «cum venerit Sanctus Sanctorum cessabit unctio vestra»,⁶ что означает: «Когда придет Святой из Святых, кончится помазание ваше». Это означает: когда более не станет короля из их рода, родится Христос Мессия, которого они ожидали. Так и случилось: в правление этого императора Он и родился, как мы вам далее об этом расскажем.

¹ Антигон II — последний царь династии Хасмонеев (40—37 гг. до н. э.). Был вывезен в Рим вместе с другими членами царской семьи после взятия Иерусалима Помпеем в 63 г. до н. э. После убийства Цезаря Антигон несколько раз пытался захватить Иерусалим, но был разбит и казнен в Антиохии по приказу Марка Антония.

² Основные источники этого сообщения — «Хроника Евсевия-Иеронима» и «Хроника Сульпиция Севера *Euseb.-Hieron. Chron.* а. 39—37; *Sulp. Sever. Chron.* II. 27.

³ Ирод I Великий (ок. 74/73—4 гг. до н. э.) — сын Антипатра, римского прокуратора Иудеи; царь Иудеи (40—4 гг. до н. э.), основатель династии Иродиадов.

⁴ Антипатр Идумеянин (ум. в 43 г. до н. э.) — идумеянин, правитель Идумеи (области в Иудее). В борьбе Помпея и Цезаря поддержал последнего, за что был назначен прокуратором Иудеи. Отец Ирода I.

⁵ Кипра (Киприда) — принцесса Набатейского царства, существовавшего до 106 г. до н. э. на территории современных Иордании, Израиля, Сирии и Саудовской Аравии (столица — г. Петра). Вероятно, являлась дочерью царя Арета III Филэллина, правившего в 84—62/61 гг. до н. э.

⁶ Вероятно, эта цитата взята не из «Вульгаты» (латинского перевода Библии Евсевия Иеронима), а из старолатинского библейского текста. Эта же цитата встречается в сочинении Псевдо-Августина «Проповедь о символе веры против иудеев, язычников и ариан» (*[Pseudo-Augustini] Sermo de symbolo contra iudeos, paganos et arianos* // PL. T. 42. Paris, 1845. Col. 1124). Ср.: «Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой святых» (*Дан. 9:24*).

131. О том, что произошло в одиннадцатый год

В одиннадцатый год,¹ когда минули 720 лет от основания Рима, и в восьмой год эры,² случилось так, что Октавиан Цезарь возжелал отправиться в провинции Испании, чтобы усмирить их под властью Рима еще более, чем они были усмирены до того, и чтобы дать им свои законы и обычаи,³ и сделать так, чтобы они все жили в соответствии с законами римлян; и начал он готовить как можно лучше рыцарей и остальное войско, а также все необходимое для этого похода. И знайте еще, что в тот год жители Рима нашли решение относительно направления движения луны, которое долго искали и никак не могли в нем разобраться.

132. О событиях двенадцатого года

В двенадцатый год, который пришелся на 721 год от основания Рима, когда шел девятый год эры,⁴ случилось так, что Октавиан Цезарь, снарядив войско и все необходимое для сражения, решил двинуться в Испанию; но в то время восстали Иллирик, Паннония и часть Италии, и дошли до него вести об этом. И так как он весьма хорошо подготовился для похода в Испанию, тотчас, как услышал об этом, выступил из Рима и отправился туда, и сразился с ними, и победил их, и вошел во все те земли, и вернул их под власть римского владычества.

133. О том, что произошло в тринадцатый год

Относительно тринадцатого года, когда минули 722 года от основания Рима и шел 10 год эры,⁵ мы нашли запись, что Антоний влюбился в Клеопатру, царицу Египта, столь сильно, что оставил свою жену Октавию, сестру Октавиана Цезаря, и женился на Клеопатре, и отдал ей землю всей Аравии. После того как под власть Рима были возвращены Иллирик, Паннония и Италия, Октавиан Цезарь повернул в Испанию все свои войска, как он и задумывал. Когда же он вступил туда, дошла до него весть о том, что Антоний оставил его сестру, и тогда он повернул назад, и пошел на него, и сразились они на море у города Акций.⁶ И сошлись в этой битве одни из самых

¹ Правления Августа.

² 33 г. до н. э.

³ В тексте fueros.

⁴ 32 г. до н. э.

⁵ 31 г. до н. э.

⁶ Знаменитое сражение у мыса Акций в северо-западной Греции, имевшее место в 31 г. до н. э.

сильных на свете армий, и была она самой великой и самой многочисленной среди всех, что до этого вели между собой римляне; и нужно принять в расчет, что одни не могли одолеть других с пятого часа дня по седьмой, и в гуще сражения обе стороны причинили друг другу большой урон. Клеопатра тоже присутствовала при той битве; и к ночи воины Антония пали духом и пришли в изнеможение, и как только стемнело, он и Клеопатра бежали на кораблях, которые они держали наготове, и Октавиан Цезарь вышел победителем. И после этого выигранного им сражения его впервые назвали императором, как это было и с Помпеем за все его завоевания, о чем вы уже слышали.

134. О событиях четырнадцатого года

В четырнадцатый год, который пришелся на 723 год от основания Рима, когда шел 11 год эры,¹ Антоний принялся, насколько мог, готовиться к походу против Октавиана, весьма скорбя и печалась о том, что тот столько раз его побеждал. Когда же он подготовился, то дал знать об этом Цезарю, и сошлись друг против друга два войска стройными рядами, когда же они смешались, то нанесли друг другу множество ран, и победил Цезарь.

135. О том, что произошло в пятнадцатый год

В пятнадцатый год, когда минули 724 года от основания Рима и шел 12 год эры,² произошли и другие сражения Октавиана Цезаря и Антония, но в конце концов Антоний был побежден, так как его покинули его приближенные, равно как и все прочие, которые не были ему обязаны по праву и не питали к нему расположения, и перешли к Октавиану. Антоний тотчас отправился в Александрию, которая была столицей Египта, а Октавиан последовал за ним. Когда Антоний узнал об этом, то убил себя, но прежде чем умереть, он приказал отнести себя к королеве Клеопатре, которая находилась там. А она всегда была весьма мужественной; и, увидев, что муж ее умер у нее на глазах и что враги рвутся во дворец, она в страшном отчаянии приложила к своей груди змею, которую называют аспидом; та укусила ее и отравила, и таким образом, согласно Орозию, она умерла.³ Другие же говорят, что она приложила ее к левой руке. Когда же Октавиан вошел в город и нашел Антония и Клеопатру мертвыми, то весьма опечалился, так как не хотел для них такой злой судьбы. А когда он узнал, как умерла Клеопатра, он приказал найти заклинателей змей, которых в том краю очень много, так

¹ 30 г. до н. э.

² 29 г. до н. э.

³ *Oros.* VI. 19. 16.

как там водится множество змей разной природы, в том числе злых, и поэтому против них очень нужны заклинатели. Когда же они явились, он велел им заговорить змею, что укусила Клеопатру, и заставить ее выползти и выплюнуть весь яд. А сделал он это, надеясь, что королева вдруг вернется к жизни. И заклинатели показали свое искусство, и вышла змея, но не вернулась к жизни Клеопатра, поскольку лишилась жизненной силы духа.

Тогда же император Цезарь покорил город Александрию, который в ту пору был одним из самых богатых городов мира, и так пало Египетское королевство, ведь он завоевал всю землю и сделал ее провинцией Рима. И совершив это, он стал готовиться к походу на Испанию, но восстала провинция Сирия, и он отправился туда и завоевал ее в бою. Оттуда он прошел в Азию против восставшей провинции, которая тоже называлась Азией, как и третья часть света, и победил ее в сражении, и усмирил ее под властью своего владычества. И все эти завоевания в тот год он совершал с такой спешкой, чтобы пойти на Испанию и без всяких помех продвигаться по ней. Затем он пошел на Грецию и завоевал ее всю оружием, пока не добрался до порта Брундизий. И когда эти три завоевания завершились и эти три провинции были завоеваны, и он подчинил всю землю на Востоке и усмирил ее под властью римлян, тогда он отправился в Рим; и вошел он в город в восьмой день января месяца, и встречали его в тот раз с таким великим почетом, как было рассказано выше в истории, когда речь шла о Помпее-старшем. В Риме были ворота, называвшиеся воротами Януса, через которые всегда выходило римское войско, когда против него восставала какая-то страна, и римляне выступали против нее; и они никоим образом не закрывались, пока какие-то страны воевали против владычества Рима, и в итоге среди римских правителей никогда не находилось человека столь самонадеянного, чтобы их закрыть, этого не сделал даже Юлий Цезарь, который был владыкой всего мира, по той причине, что всегда находились страны, которые выступали против Рима. Но император Октавиан Цезарь, после того как на этот раз въехал в город, приказал их закрыть, поскольку в тот год были закончены и завершены миром все битвы и сражения, которые в то время возникали после убийства Юлия Цезаря между враждующими группировками римских граждан или по иной причине. И начиная с этого вступления римляне звали Октавиана Цезаря Августом, говоря каждому, кто проходил мимо него и мимо кого проходил он: «Да хранит тебя бог, Август», что означает «приумножающий». И никогда прежде этого имени не носил другой правитель из тех, что были в Риме, и никто не осмеливался назвать себя так, хотя все они, кто больше, кто меньше, увеличили власть Рима. И с этого императора все прочие, кто правил потом в Риме, получили имя «августов», так же, как по имени Юлия Цезаря стали называться «цезарями». И в этом месте говорят Павел Орозий¹ и другие, кто писал истории, и утверждают они, что власть над миром стала принадлежать только одному человеку, и вся совокупность

¹ *Oros.* VI. 20. 8.

вещей и владений оказалась под одним владыкой, и был это император Октавиан Цезарь Август, и его власть была той, что греки называют *monarchia*, что означает, что один человек является владыкой всего мира. И знайте, что в тот день, когда Октавиан вступил в Рим и его впервые назвали Августом, у христиан произошла Эпифания или Богоявление, что означает то же самое, что «проявление», потому что в этот день Господь Наш явился перед королями-волхвами в Вифлееме, как вы услышите дальше. И в этом месте говорит Павел Орозий и утверждает, что это сосредоточение власти над миром, которое началось в столь знаменательный день, когда Октавиан был назван Августом, дает понять, что это совершил Господь Бог Наш для того, чтобы родиться в его время, и что когда он родился, он нашел, что весь мир находится под властью одного владыки и готов принять Его веру и закон.¹

А месяц август до того назывался секстилем, и Октавиан, вспомнив, что в тот месяц он победил Антония в битве при горе Левке,² которая стала одним из первых многочисленных сражений, которые он провел, дал этому месяцу имя «август», каковое затем римский народ дал и ему. Римляне и все жители других земель стали его так и называть в честь Цезаря и в честь того, что он приказал или заставил сделать, и в память о том великом событии, которое свершилось в этом месяце. От двадцати девяти дней, которые были в феврале (о чем рассказывалось выше) они отняли один и передали его августу; и стало в феврале двадцать восемь дней и не больше, и только в високосный год ему дается еще один день, и в тот год в нем двадцать девять дней. И в тот год были сосчитаны граждане Рима, и оказалось, что их тысяча раз по пятнадцать сотен и шестьдесят четыре,³ и это привилегированные⁴ граждане. В тот же год были разрушены египетские Фивы. А сейчас мы закончим рассказ об истории того, что случилось в Риме и на Востоке, и вернемся к рассказу о том, что происходило в Испании.

136. О событиях шестнадцатого года

В шестнадцатый год, который пришелся на 725 год от основания Рима, когда шел 13 год эры,⁵ случилось так, что император Октавиан Цезарь Август, после того как завершил все завоевания, о которых говорилось выше, и усмирил провинции на Востоке и уверился в них, снарядил большое войско для великого боя и приказал открыть ворота Януса, которые он же закрыл, и выступил через них со всеми своими рыцарями, и отправился

¹ *Oros.* VI. 20. 8.

² Левка — город, расположенный к югу от Акция, взят Агриппой.

³ В «Хронике» Евсевия-Иеронима приводится цифра 4164000.

⁴ В тексте — *mayorales*.

⁵ 28 г. до н. э.

в Испании.¹ В то время там не было единых установлений;² и когда Октавиан прибыл туда и узнал об этом, он нашел, что это неправильно, и посчитал, что все должны жить по обычаю и установлениям единого закона. И войдя в западные провинции и узнав, что там делали повелители Рима до его времени, он нашел, что сделано за двести лет до него было очень мало, раз уж жителям Кантабрии и побережья, которые являются двумя самыми сильными на всей территории Испании, разрешалось пользоваться собственными законами и установлениями, поскольку они до сих пор отделены от других людей; они же поддерживали это отделение, чтобы вести себя надменно, применять силу в отношении соседей и наносить им обиды, а не жить в мире и справедливости. А в то время Кантабрия и Астурия были частью провинции Галисии, и начиналась она (эта часть — *прим. пер.*) с горных перевалов Аспы, недалеко от второго моря с севера. И оба этих народа Кантабрии и Астурии были весьма настроены не только на то, чтобы защищать обычаи и установления, по которым они жили, а также свои границы, но и чтобы забирать у соседей все, что возможно; и поэтому они все дни грабили и приносили разрушения племенам, которые называются ваккеями, тумаргами и автригонами. Когда же пришел император Октавиан, он стянул свои войска под городом Сегиссама и разделил их на три отряда; и были они столь многочисленны, что он окружил всю Кантабрию так, что для полного окружения не хватило совсем чуть-чуть. Кантабры и астурийцы вышли к ним и дали такое сражение на протяжении столь долгого времени, что Октавиан и все его войско находились в большой опасности. Но в конце концов (этого ни кантабры, ни астурийцы не могли предвидеть или предположить) Октавиан приказал флоту и большому войску своих сподвижников повернуть вниз от испанского моря к берегу моря-Океана, и вторглись они в землю Кантабрии; они думали зажать их с двух сторон: те с моря, а Цезарь — с суши. Но кантабры прознали об этом и выступили против них неподалеку от гор, что в местечке, называемом Атикой, и дали в том поле бой, великий и грандиозный, однако кантабры были побеждены и бежали вверх на гору столь крутую, что Октавиану было не добраться. Однако он держал их там в осаде до тех пор, пока они не потеряли от голода большую часть своих. И после того, как император победил в том месте кантабров, он отправился назад, чтобы осадить замок,³ носящий название Рацилий. Обитатели этого замка сопротивлялись ему очень долго, но в конце концов он вступил в него, и захватил замок, и полностью его разрушил. И совершив такое, он отправил Антистия и Фирмия, двух своих лега-

¹ Речь идет о Кантабрийских войнах (29—19 гг. до н. э.), проходивших на территории современных испанских провинций Кантабрия, Астурия и Леон в заключительный период завоевания Иберийского полуострова римлянами. Противниками Рима выступали местные племена астуров и кантабров.

² В тексте — *fuero*.

³ В тексте *castiello*. У Павла Орозия (VI. 21. 5) *oppidum*.

тов,¹ к последним рубежам Галисии, которая находится на краю Испании, где Испания завершается большим морем-Океаном; а жители Галисии не захотели при этих легатах передать себя под власть Цезаря, и начали с ними войну, и случились у них друг с другом множество жестоких битв, и в конце концов легаты Октавиана победили жителей Галисии. И когда те были побеждены, поднялись на гору под названием Медулий, где берет начало река Миньо. А еще у нас есть свидетельства историй, которые говорят, что гора Медулий находилась рядом с городом Мендоньедо. Антистий и Фирмий вырыли вокруг этой горы огромный ров, который, по словам Орозия, в длину был сорок пять тысяч шагов.² Народ той земли по природе был очень жесток и охоч до злодеяний, и когда они увидели, что они окружены и осаждены и что нет никакой возможности им продержаться в этой осаде, и их не так много, чтобы осмелиться выйти на бой с врагом, испугавшись, что они могут попасть в рабство, они предпочли убить себя сами, чем сдаться в плен осаждавшим; и все поспешили покончить с собой, одни с помощью огня, другие — мечом, третьи — ядом, пока никого не осталось в живых.

137. О том, что произошло в семнадцатый год

В семнадцатый год, когда минули 726 лет от основания Рима и шел 14 год эры,³ случилось так, что император Октавиан, победивший тех кантабров и астурийцев, о чем вы уже слышали ранее, отправил трех своих легатов с тремя⁴ легионами, в каждом из которых было по шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть рыцарей, против других областей Кантабрии и Астурии, а также против земель, соседних с ними. Они были разделены натрое и каждый стоял во главе своей части. И когда те народы уверились в том, что на них идут римляне, они собрались вместе, и составили огромное войско, и встали лагерем у горы Астуры в том краю. И хотя римлян было очень много, верх одержали бы кантабры, астурийцы и те народы, что помогли бы им победить и разбить их, если бы не военное искусство, которое помогало римлянам побеждать, и не предательство своих же. Так что римляне одолели их, и победили их, и уничтожили большую часть их войска. Те же, кто выжил, спешно бежали назад, и стали собираться в отряды, и стало их великое множество; и выступил против них Каризий (Карий),⁵ один из полководцев римлян, и сразились они, и потеряли римляне мно-

¹ В тексте *mandadero*. У Павла Орозия (VI. 21. 5) *legati*.

² *Oros.* VI. 21. 7.

³ 27 г. до н. э.

⁴ В тексте *sennas legiones*. Перевод дан по тексту Орозия.

⁵ Публий Каризий — легат Августа, командовал римским войском во время Кантабрийских войн 29—22 гг. до н. э. В 22 г. произошло крупное восстание астурийцев, и в помощь Каризию был отправлен Гай Фурний, который впоследствии его сменил.

гих, однако победил Каризий; часть же тех, кто спасся, бежала, и собрались они в городе, который тогда назывался Эланкой. Тот полководец Каризий вместе со своими рыцарями отправился вслед за ними и осадил их в том городе, и рыцари Каризия попытались поджечь город, чтобы сжечь его и его жителей, но Каризий запретил им это делать, и они потушили огонь. Тогда те, кто был в городе (истории называют их «варварами», что значит «чужой народ»), и все прочие жители той земли передали себя во власть императора и признали себя отныне его людьми. И здесь рассказывают и утверждают истории, что это по приказу Октавиана Каризий спас город от огня, поскольку тот послал ему сказать, что город должен остаться целым и невредимым, чтобы можно было его оставить как свидетельство сражений и завоеваний, что шли в ту пору в Испании. И говорит Орозий,¹ что таким образом почтил Цезарь битву с кантабрами, которая была весьма тяжелой и славной и в которой победили его войска; а почесть состоит в том, что, когда он узнал, что его воины победили, он не захотел, чтобы этому городу был нанесен ущерб и чтобы с ним сделали что-то плохое, а еще потому, что битва, которая проходила неподалеку, была столь славной, что город был оставлен в хорошем состоянии и в блеске в память об имени и о почести, оказанной Цезарем; ведь все римские предводители, жаждавшие богатств и власти, всегда хотели получить награду за свои деяния.

138. О том, что произошло в восемнадцатый год

В восемнадцатый год его правления, который пришелся на 728 год от основания Рима, когда шел 15 год эры,² случилось так, что Октавиан Цезарь, увидев, что подчинены Кантабрия, Астурия и Галисия, усмирил их, насколько это возможно, так что был в них уверен, отправился после этого в город Таррагону, который находился на востоке Испании. А когда в Испаниях происходило то, о чем вы уже слышали, его полководцы вели многие другие битвы и завоевания во всем мире, и покорили многие народы, и завоевали для него многие земли. Так что в тот год, когда он был в Таррагоне, прибыли к нему послы из Индии, что на Востоке, а также послы из Скифии, послы из Ликийи, послы с восхода, то есть востока, прибыли к нему эфиопы и борейцы, что живут на севере, и принесли ему множество даров и дорогих подарков, и каждая страна, что отправила посольство, просила его милости, чтобы он заключил мир с их землями, так как все они хотели принадлежать ему и быть под его властью. Октавиан Август весьма обрадовался этой новости и очень хорошо принял посланников, оказал им великие почести и одарил, и принял от них оммаж в письменной форме и в форме даров, которые они принесли из своих земель; и так установил с ними то, за чем они приехали, и отправил их

¹ *Oros.* VI. 21. 10—11.

² 26 г. до н. э.

в их страны. Павел Орозий¹ говорит об этом, будто бы Восток вернул Западу те почести, которые получил раньше, ведь к Александру в Вавилон (который является частью Востока) было направлено посольство французов и испанцев (которые из Европы, что является частью Запада), чтобы просить его о мире и признать его господство; так и посланники народов Востока и Севера за тем же самым прибыли к Цезарю в Испанию, находящуюся на краю Запада.

139. О событиях девятнадцатого года

В девятнадцатый год, когда минуло 728 лет от основания Рима и шел 16 год эры,² император Цезарь Октавиан даровал свои законы жителям обеих Испаний и приказал, чтобы все жили по одним законам и обычаям. В тот же год он через своих легатов вернул податные земли Калабрии и Франции. Затем Марк Лоллий³ сделал Галатию римской провинцией.

140. О том, что произошло в двадцатый год

В двадцатый год, который пришелся на 729 год от основания Рима, когда шел 17 год эры,⁴ Октавиан Цезарь подчинил всю Испанию с Востока до Запада владычеству Рима, тогда война с Кантабрией, Астурией и с другими областями Галисии продолжалась пять лет; ведь, как вы уже слышали, она началась в шестнадцатый год⁵ и продолжалась до двадцатого.⁶ И здесь рассказывают истории, что тогда испанская земля пребывала в мире, успокоенная властью Цезаря и что в тот раз эти мир и спокойствие продолжались в Испании восемь лет. После того как Октавиан это совершил и получил вассальные подати с тех земель, он отправился в Рим. Проходя через Лион, который расположен на реке Рона, он увидел, как рассеяны деревушки и приказал в тот же год собрать их воедино и построить город.

Прибыв в Рим, он был принят там с великими почестями, и люди искренне радовались ему; и если раньше при его вступлениях в город они давали ему имя: сначала Цезарь, потом император и Август, так и в этот раз они захотели назвать его «властелином (сеньором) всего мира», поскольку

¹ *Oros.* VI. 21. 20—21.

² 25 г. до н. э.

³ Марк Лоллий (ум. во 2 г. н. э.) — римский полководец, консул 21 г. до н. э. Отличался непомерным корыстолюбием.

⁴ 24 г. до н. э.

⁵ Правления Августа.

⁶ Неверная хронология. Кантабрийские войны продолжались с 29 по 19 гг. до н. э. Однако с 25 г. в войну вступили астуры; возможно, это стало причиной путаницы.

он подчинил своей власти Испании и другие земли. Однако он не позволил сделать этого, и мы сейчас расскажем вам почему. Случилось в тот год так, что однажды, когда он отдыхал, один из хугларов, бывших при нем, сочинил кантигу на языке римлян, и среди прочего поместил в ней строчку, которая на нашем языке значит следующее: «О, сколь праведен и сколь прекрасен властелин (сеньор) Октавиан Цезарь Август, властелин (сеньор) всего мира». И бывшим там приближенным это очень понравилось, и они стали хвалить кантигу хуглара, но Октавиан, увидев это, сделал всем знак рукой и лицом, чтобы они замолчали, и запретил им возносить ему подобные хвалы и почести, поскольку со временем они изменятся и обесценятся. И на другой день, как бы пророчествуя, он приказал возвестить всему городу, что каждый, кто назовет его «властелином (сеньором) всего мира», вызовет его гнев и будет лишен жизни, однако если кто-то захочет его так называть, пусть называет «сеньором — вместо властелин мира». И так он приказал делать их детям и потомкам, чтобы они звали так императоров, которые будут после него.

О годах правления с двадцатого по двадцать третий мы не нашли в записях ничего, что достойно упоминания, и это из-за мира, который воцарился повсюду.

141. О том, что произошло в двадцать четвертый год правления

В двадцать четвертый год,¹ когда исполнилось 733 года от основания Рима и когда шел 21 год эры,² согласно историям, восстали жители Армении. У Октавиана Августа был тогда племянник, сын его сестры, Тиберий, и был он весьма рыцарственным юношей, и стремился служить своему дяде всеми возможными способами. Тогда Октавиан Август усыновил его и отправил в Армению; и он покорила ее с большой силой, вошел туда и подчинил власти Рима.

142. О том, что произошло в двадцать пятый год правления

В двадцать пятый год, когда исполнилось 734 года от основания Рима и шел 22 год эры,³ в Брундизии умер Вергилий,⁴ но его тело оттуда похитили и отнесли в Партенопю, в Неаполь,⁵ и на его могильном камне начертали эпитафию, которая по-латыни звучит так:

¹ Правления Августа.

² 20 г. до н. э.

³ 19 г. до н. э.

⁴ Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.).

⁵ Партенопя — древнее название Неаполя.

На нашем языке это означает: «Я был рожден в Мантуе, меня похитили жители Калабрии. Я написал три книги стихов, которые говорят: одна о природе, скотине и пастбищах, другая — о земледельческих трудах, третья — о вождах Трои и Италии, как Эней и многие другие».¹ В том же году Ирод заселил Самарию, которая была разрушена, и назвал ее в честь Августа — Августа Севастия. В том же самом году из-за землетрясения на Кипре погибли и погрузились под воду многие города.

О годах правления с двадцать пятого по двадцать девятый включительно мы рассказывать не будем, ибо ничего не произошло.

143. О событиях, которые произошли на тридцатый год правления

В тридцатый год,² когда исполнилось 739 лет от основания Рима и шел 27 год эры,³ случилось так, что император Октавиан Цезарь Август приказал Варию и Тукке, двум мудрецам,⁴ отредактировать книгу Вергилия об Энее и других рыцарях Трои и предостерег их, чтобы они не добавляли ничего от себя. И потому в той книге много стихов, которые имеют лишь начало, другие — середину, третьи — конец, ведь мудрецы отредактировали книгу в том смысле, что убрали оттуда все, что делало ее хуже, но не добавили ничего от себя, как и приказал им император.

В тот же год Август усыновил Гая Агриппу⁵ так же, как сделал это с Тиберием. А еще в тот год Тиберий по приказу императора победил вандалов, которые жили близ Фракии, и сделал их земли провинцией Рима.

В тридцать первый год правления не случилось ничего, о чем бы стоило рассказывать.

¹ Перевод неточный. В латинской эпитафии: «Мантуя меня родила, калабрийцы похитили, теперь вот держит Партенопей. Я воспел пастбища, поля и вождей».

² Правления Августа.

³ 14 г. до н. э.

⁴ Евсевий называет их «поэтами, друзьями Вергилия и Горация».

⁵ Гай Юлий Цезарь Випсаниан, урожденный Гай Випсаний Агриппа, часто — Гай Цезарь (20 г. до н. э. — 4 г. н. э.) — внук и приемный сын Октавиана Августа, консул, один из наиболее вероятных наследников власти Августа, римский военачальник. Погиб от раны, полученной в сражении в Армении.

144. О событиях, которые произошли в тридцать второй год правления

В тридцать второй год его правления, когда исполнился 741 год от основания Рима и шел 29 год эры, Гай Агриппа (тот, о котором мы вам рассказывали выше, что его усыновил император) взял город Босфор, о котором говорят, что он расположен на берегу пролива Святого Георгия и Эвксинского Понта. Это море между Азией и Европой; и этот город, и пролив, и гавань получили имя Босфор от Ио, египетской богини, о которой рассказывается в сказках язычников, будто бы она переплыла его в виде коровы.¹

145. О том, что произошло в тридцать третий год правления

В тридцать третий год, когда исполнилось 742 года от основания Рима и шел 30 год эры,² случилось так, что римляне, которые прекрасно понимали, что Цезарю нужно воздавать всевозможные почести за многие добродетели, которые были в нем, после того как он не разрешил им называть себя господином мира, стали звать его «великим понтификом», что означает того, кто наблюдает за другими, заботясь о них и поддерживая; так поступал и Октавиан, ведь он заботился о том, чтобы управлять миром и поддерживать его. В тот год впервые в Риме стала читаться латинская риторика.

Ирод заселил башню Стратона и в честь Цезаря назвал ее Кесарией, а также построил множество чудесных зданий в других городах Сирии, которые были его. И еще знайте, что из-за великого мира во всем мире, установленного под властью Октавиана, римляне построили в Риме великолепный храм и назвали его «богиней мира» так же, как Луна называется «богиней чистоты», а ее мать Церера «богиней жатвы» и другие богини разных вещей. И когда этот храм был построен и освящен, они отправили многочисленных и весьма знатных послов к идолу Солнца, который находился на краю острова Делос рядом с песками, и принесли они ему жертвы, и спросили его о том храме: будет ли он стоять всегда или когда же ему настанет конец. И идол ответил им, что будет стоять, пока не родит

¹ Ио — в древнегреческой мифологии дочь речного бога Инаха, возлюбленная Зевса. Разгневанная Гера превратила Ио в белую корову и послала овода, который должен был непрерывно жалить Ио. Тщетно Ио бежала от него, сначала попав в Додону и достигнув моря, которое с тех пор носит название Ионического, затем на север, через Босфор Киммерийский, который и получил от этого свое название (Βόσπορος — коровий брод), в Азию. Вернула разум в Канобе (Египет).

² 11 г. до н. э.

дева. В этом месте истории говорят, будто бы духи идола, обычно лживые, часто говорят правду под давлением духа истины, который заставляет их это делать; так было и в случае с этим храмом, о котором вы услышите далее.

146. О том, что произошло в тридцать четвертый год правления

В тридцать четвертый год,¹ когда исполнилось 743 года от основания Рима и шел 31 год эры,² случилось так, что восстали жители Паннонии и император Август отправил против них своего племянника Тиберия, и победил он их с большим войском и вернул под власть империи. Затем он вернулся в Рим и был принят с большими почестями своим дядей и всеми римлянами. А за то, что он завоевал эти земли, его тоже стали звать Цезарем и сделали его консулом, и поэтому в дальнейшем все императоры именовались Цезарями и Консулами.

147. О том, что произошло в тридцать пятый год

В тридцать пятый год, когда исполнилось 744 года от основания Рима и шел 32 год эры,³ мы находим в историях, что умер Горацій,⁴ человек весьма образованный и удивительно рассудительный, написавший много хороших книг, наставляющих и просвещающих.

148. О том, что произошло в тридцать шестой год

В тридцать шестой год,⁵ когда исполнилось 745 лет с основания Рима и шел 33 год эры,⁶ случилось так, что восстала земля Германии и император послал туда своего племянника Тиберия. А так как он всем сердцем стремился услужить дяде и всем римлянам вместе, то за короткое время разрушил ее всю и затем вернулся в Рим. И уж если в первый раз его встречали очень хорошо, то в этот раз его встретили гораздо лучше, и Ок-

¹ Правления Августа.

² 10 г. до н. э.

³ 9 г. до н. э.

⁴ Квинт Горацій Флакк (65—8 гг. до н. э.) — римский поэт эпохи «золотого века» римской литературы.

⁵ Правления Августа.

⁶ 8 г. до н. э.

тавиан согласился, чтобы его назвали императором, так его и стали называть. И с того года следующие двенадцать лет он был императором вместе с Октавианом, и правили они вместе наравне до самой смерти Октавиана.¹

С тридцать шестого по тридцать девятый годы мы не находим ничего, о чем бы стоило рассказать.

149. О том, что произошло в тридцать девятый год

В тридцать девятый год, когда исполнилось 748 лет от основания Рима, и шел 36 год эры, а Ирод правил 29 год,² император Октавиан Цезарь Август вынес приговор своей дочери Юлии, совершившей преступление, но не захотел казнить ее за это и отправил в ссылку.³

О сороковом годе правления мы не нашли записей, которые описывали бы что-то стоящее.

150. О том, что произошло в сорок первый год правления

В сорок первый год,⁴ когда исполнилось 750 лет от основания Рима и шел 38 год эры, а Ирод правил 31 год,⁵ этот Ирод убил очень многих своих домочадцев и уничтожил знатоков и толкователей Ветхого Завета. В тот же год священнослужителю Захарии в храме явился ангел и сказал ему, что его жена Елисавета родит. А он отказался верить в это, ибо они оба были уже очень старыми и не могли иметь ни сына, ни дочери; и за то, что он не поверил ангелу, он лишился речи и оставался немым девять месяцев. А Елисавета зачала, как и предсказывал ангел, и, когда она родила, тот (Захария — *прим. пер.*) обрел дар речи, о чем вы услышите далее.⁶

¹ Тиберий стал соправителем Августа с 13 г. до н. э.

² 5 г. до н. э.

³ Юлия Старшая (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — дочь Октавиана Августа, единственный его родной ребенок, рожденный от брака со Скрибонией. Юлия же отнюдь не отличалась нравственным поведением, она была замужем трижды и заводила многочисленные романы. В итоге ее обвинили в разврате и предательстве, а также в покушении на отцеубийство, за что полагалась смертная казнь, но Август помиловал дочь и заменил смертную казнь на ссылку на остров Пандатерия.

⁴ Правления Августа.

⁵ 3 г. до н. э.

⁶ Речь идет о родителях Иоанна Крестителя.

151. *О событиях, которые произошли на сорок второй год правления*

В сорок второй год, когда исполнился 751 год от основания Рима и шел 39 год эры, а Ирод правил 32 год,¹ император Октавиан Цезарь Август владел многочисленными народами от Востока до Запада и от Севера до Юга, которые жили в мире и на своей территории и под его властью. И владел он всем побережьем Океана, который омывает всю землю, и все жили по обычаю и законам, которые он даровал. И тогда Октавиан приказал закрыть в Риме ворота Януса, которые всегда были открыты во время войны и закрыты на время мира, как мы рассказывали выше. В то время мир находился в согласии и спокойствии под одним господином (сеньором), чего ни раньше, ни после никогда не бывало. И длился этот мир при Цезаре Августе четырнадцать лет, когда ни один народ не осмеливался пойти войной или поднять мятеж против Рима, уже гораздо позже, когда он состарился, восстали жители Афин и Дакии. И пока весь мир пребывал, таким образом, в согласии, император Октавиан издал множество законов, чтобы им подчинялись провинции и чтобы люди жили в мире, и пожелал он, чтобы весь род человеческий постигал знания, почитал образованность и был уважаемым за это.

И знайте также, что в тот год, в восьмой день июня родила Елисавета и появился на свет святой Иоанн Креститель, как и предсказывал ангел его отцу Захарии. И тогда Захария обрел дар речи, который потерял. На этом закончился Ветхий Завет и начался Новый. В тот же год в восьмой день марта ангел Гавриил явился святой деве Марии и передал ей весть о зачатии, и зачала она от Святого Духа. И девять месяцев спустя, ровно через полгода после рождения святого Иоанна, в восьмой день декабря появился на свет Господь Наш Иисус Христос, а она осталась девой, какой и была раньше. И знайте, что в то время, когда родился Господь Наш Иисус Христос, по всему миру было явлено множество знамений и чудес, и потом той ночью, как рассказывает Евангелие, некие пастухи увидели на горе сонм ангелов, которые пели в честь рождения Господа Нашего. И в то время над Иудеей на весь мир засияла огромная яркая звезда, видимая как днем, так и ночью, и она вела трех волхвов, как вы услышите дальше. И когда родила дева, в Риме рухнул большой храм, который был посвящен богине Мира, как и предсказал зловредный дух, обитавший в идоле на острове Делос. А еще мы нашли в историях, что в тот час, когда родился Иисус Христос, в полночь над Испанией появилось облако, столь светлое, столь яркое и столь сияющее, как солнце в полуденный час, когда находится в зените. И рассудили об этом мудрецы, и сказали они, будто бы это означает, что после Иисуса Христа в Испанию пребудет его по-

¹ 1 г. до н. э.

сланник проповедовать среди язычников, пребывающих в слепоте, и что он просветит их светом веры Христовой; а был это святой Павел. Другие говорили, что в Испании родится христианский правитель, который будет властелином (сеньором) всего мира и будет прославленное всех людей, и осветит всю землю до самых ее пределов светом этого облака. И знайте, что в тот год, когда родился Господь Наш Иисус Христос, закончилась пятая эра и началась шестая. Но поскольку до сего момента в этой книге не находилось повода поговорить об эрах, теперь история расскажет о них здесь и объяснит, что такое эра и сколько их.

Святые отцы, короли и великие мудрецы поделили время по тем событиям, когда случается что-то великое и небывалое, которое никогда еще не случалось, и назвали эрой прошедшее время и то, которое должно наступить. А времена, разделенные таким образом, они называли эрой не за то, что они были одинаковы по годам, ведь они такими не были, потому что в одних лет было больше, в других — меньше, но за то, что каждая эра продолжалась долгое время и содержала в себе великие деяния и знаменья. И таких великих событий до года рождения Господа Нашего было пять, поэтому и прошло пять эр. В начале первой был сотворен мир и Адам; во время второй случился потоп, связанный с Ноем и ковчегом, на котором он спасся; во время третьей отделился народ, который молился Богу и совершал обрезание, и это бы народ Авраама; во время четвертой они получили помазанного и посвященного короля, и это был король Давид; во время пятой весь народ был пленен, а земля — пустынна, и королевство потеряно, и было это при короле Седекии; а в начале шестой эры родила святая Мария, бывшая девой до родов, во время и после них, и это было одно из самых больших чудес, которое только могло случиться. Но относительно начала шестой эры спорят многие авторы историй и некоторые мудрецы: одни говорят, что она началась в день рождения Господа Нашего, другие — в день Его крещения, из-за той силы, которую Он вдохнул в воды, в которых был крещен, и наделил их силой давать нам второе рождение и уничтожать первородный грех, с которым рождаемся мы все и который наследуем от Адама, но теряем во время крещения. Третьи же говорят, что она началась в день страстей, потому что были открыты врата на небо для тех, кто удостоится войти туда. Но что бы кто ни говорил, большинство сходится на том, что начало этой эры относится ко дню рождения Господа Нашего, и Церковь рассказывает обо всех великих деяниях и о вещах, о которых нужно рассказать, именно с этого момента. И еще эта история помещает этот рассказ здесь, среди деяний каждого года вместе с другими, о которых вы уже слышали. И знайте, что в тот год, когда родился Господь Наш Иисус Христос и когда началась шестая эра, шел 5099 год от основания мира, сотворения Адама и начала первой эры; 2255 год от потопа и спасения Ноя на ковчеге; 1983 от установления закона, который начался с обрезания Авраама; 943 от начала правления короля Давида; 469 с того момента, когда король Седекия был уведен плен-

ником в Вавилон со всем народом Израилевым и началась пятая эра; а от начала правления Октавиана и Ирода, и от начала эры¹ столько, сколько вы слышали в начале этой главы.

152. О том, что произошло в сорок третий год

В сорок третий год правления Октавиана, когда исполнилось 752 года от основания Рима, и шел 40 год эры, и второй год от рождения Господа Нашего и начала шестой эры, а Ирод правил тридцать три года, случилось так, что три волхва с Востока увидели звезду, о которой вы слышали, ту, что появилась во время рождения Иисуса Христа; и благодаря искусству читать по звездам они поняли, что это знак, что родился король, который будет господином над королями всего мира. Но поскольку они не могли знать определенно, Бог это или человек, они взяли в подарок три вещи: золото, смирну и ладан; золото — потому что знали, что он был королем, смирну — если окажется человеком, и ладан — если Богом. А чтобы идти быстрее, они сели на дромадеров, горбатых верблюдов, которые передвигаются быстрее всех животных в мире. И вела их эта звезда, и на третий день от рождения Христа прибыли они в город Вифлеем, в место, где находился младенец с матерью, и принесли ему золото, смирну и ладан. А потом они пошли по другому пути, чтобы их не нашел король Ирод, который хотел убить младенца.

О сорок четвертом годе мы не нашли ничего, о чем стоило бы рассказать.

153. О том, что произошло в сорок пятый год

В сорок пятый год, когда исполнилось 754 года от основания Рима и шел 42 год эры, а от рождения Господа Нашего — четвертый, а Ирод правил тридцать пятый год, Ирод Аскалонит приказал принести всех детей до двух лет, которые были в земле иудейской, ради совершения злодеяния и приказал их убить, чтобы убедиться, что среди них он убьет того, о котором волхвы сказали, что он будет королем этой земли, ведь он боялся, что он будет из враждебного рода. Ведь по времени, когда Ирод узнал от волхвов о рождении Иисуса Христа, он хорошо понимал, что тому не исполнилось полных два года, и поэтому убил младенцев, рожденных в то время, но не нашел Его среди них, поскольку Иосиф с Ним и с матерью Его уже бежал в Египет по велению ангела.

В сорок шестой год не случилось никакого великого деяния, о котором стоило бы рассказать.

¹ Испанской.

154. *О том, что произошло в сорок седьмой
год правления*

В сорок седьмой год правления, когда исполнилось 756 лет от основания Рима и шел 44 год эры, а Господу Нашему было шесть лет, а Ирод правил тридцать семь лет, случилось так, что король Ирод занемог от серьезной и очень странной болезни, относительно которой врачи не могли дать никакого совета (ведь она была послана Господом Нашим), и умер от нее. Император Октавиан поставил на его место его сыновей: Архелая,¹ Ирода Антипу,² Лисия и Филиппа — и разделил между ними земли отца и сделал Архелая королем Иудеи. В тот же год явился Иосифу в Египте ангел и сказал ему возвращаться домой с ребенком и его матерью, поскольку король Ирод мертв и вместо него правит другой. Тогда Иосиф исполнил повеление ангела и вернулся назад.

О годах правления с сорок седьмого по пятьдесят четвертый мы не нашли ничего записанного, что стоит рассказать.

155. *О том, что произошло в пятьдесят четвертый
год правления*

В пятьдесят четвертый год правления, когда исполнилось 763 года от основания Рима и шел 51 год эры, а Господу Нашему — тринадцатый, а Архелай правил семь лет, император Октавиан Август и император Тиберий Цезарь посчитали все города, которые находились под властью Рима, и нашли там девяносто раз по триста тысяч и, сверх того, еще семьдесят тысяч.

В пятьдесят пятый год правления не случилось ничего выдающегося, о чем бы стоило рассказать.

156. *О том, что произошло в пятьдесят шестой
год правления*

В пятьдесят шестой год правления Октавиана, когда исполнилось 765 лет от основания Рима, когда шел 53 год эры, а Господу Нашему — пятнадцатый, а Архелай правил девять лет, случилось так, что Тиберий

¹ Ирод Архелай (23 г до н. э. — 18 г. н. э.) — этнарх Самарии, Иудеи и Идумеи, сын Ирода I, который по завещанию назначил Архелая наследником своего царства, а другим своим сыновьям (Ироду Антипе и Ироду Филиппу II) выделил меньшие области (тетрархии). Август утвердил это распоряжение. Тем не менее впоследствии из-за жестокого обращения с подданными император сместил Архелая, а его владения были включены в состав провинции Сирия.

² В тексте *Herodes Antipatro* — очевидно, автор «Хроники» перепутал Иродов.

Цезарь, который был весьма жадным, о чем вы услышите далее, отобрал у Архелая Иудейское королевство, потому что тот не дал ему, сколько он просил, и сделал королем Ирода Тетрарха.¹ А еще знайте, что в тот год императору Октавиану Цезарю Августу исполнилось семьдесят семь лет от роду и пятьдесят лет, шесть месяцев и десять дней его правлению, включая те двенадцать лет, что они правили вместе с Тиберием. И тогда Октавиан, будучи довольно старым, но достаточно хорошо себя чувствующим, заболел и умер в Кампании, в Капуе, и его доставили в Рим и похоронили на Марсовом поле, то есть на поле битв. И здесь закончилась история об Октавиане и начался рассказ о Тиберии, который правил после него.

*157. О правлении Цезаря Тиберия²
и о событиях, происшедших в первый год*

В то самое время, когда умер Октавиан Август, Тиберий Цезарь без всяких междоусобиц стал властелином всего мира и случилось так по двум причинам: во-первых, он приходился ему (Октавиану — *прим. пер.*) племянником, сыном его сестры, был им усыновлен и стал его наследником; а во-вторых, поскольку он уже правил вместе с ним двенадцать лет, и ему уже будто бы доверили власть над всеми землями. И правил Тиберий двадцать три года, и в первый год его правления исполнилось 766 лет от основания Рима, когда шел 54 год эры, а Господа Нашего — шестнадцатый,³ а Ирод Тетрарх правил первый год. И случилось в тот год так, что император Тиберий с самого начала правления показал себя весьма умеренным, так что он казался господином (сеньором) не более, чем любой другой человек; и из всех почестей, что хотел ему оказать народ, он принимал лишь самые малые и незначительные: он не хотел, чтобы его звали императором, и его звали «отцом страны»,⁴ и он на этом настаивал; он не хотел носить венец на голове, подобно императору, не желал слушать похвалы ни в каком виде. Однажды один рыцарь из консульского рода решил исправить свою ошибку, состоящую в том, что он преклонил колени перед Тиберием, и просил, чтобы тот простил его, он бросился к Тиберию в ужасе от той чести, которая ему была оказана, и упал навзничь.⁵ И если по какому-то поводу произносили льстивые речи, он не чурался

¹ Имеется в виду Ирод Антипа (20 г. до н. э. — после 39 г. н. э.) — правитель Галилеи и Переи, сын царя Ирода Великого.

² Тиберий правил с 14 по 37 гг.

³ Неточная хронология. Август умер в 14 г. н. э.

⁴ Показательное нежелание использовать лат. *patria* — отечество; в тексте — *tierra* (страна, земля).

⁵ См. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий. 27 и примечание. *Suet. Tib. 27*

возражать и приводить обратный пример. И когда кто-то из граждан злословил о нем, или придумывал какие-то порочащие слухи, или сочинял злую песню о нем и о его домочадцах, он нисколько не стремился наказать их, напротив, он говорил, что в свободном государстве должны быть свободны и языки, и воля людей говорить все, что они пожелают. Обращаясь к другим и хваля их, он отходил от манеры господина — настолько почтительно он обращался ко всем. Он всегда являлся на суд не иначе как один; а если выносили приговор против его воли, никогда не подавал жалобу. Всегда вставал при появлении консулов и, когда встречал их на пути, всегда уступал дорогу. И когда некоторые наместники посоветовали ему увеличить налог с провинций, он отвечал им, что хороший пастух должен стричь шесть, а не сдирать шкуру. Он снизил цены, которые народ платил за игры и дары, и приказал, чтобы эти деньги были потрачены с пользой. Одного сенатора, бывшего квестором, он лишил этой должности, потому что тот женился и уже на третий день развелся с женой. Он изгнал из Рима всех предсказателей и заклинателей, но они попросили у него милостивого прощения и обещали никогда не заниматься этим искусством, и он простил их и вернул в город. В битвах он был очень славным рыцарем. А поскольку он очень любил вино, то хуглары в насмешку прозвали его Тиберием Нероном, «*biberio nero*», что значит «любитель выпить вина».

Вместо того чтобы наказывать других, что и должен делать правитель, он однажды провел два дня и ночь запертым с Помпонием (Помпеем) Флакком¹ и Луцием Пизоном,² и не делал ничего, только ел и пил с ними; и будучи там, он отдал одному провинцию Сирия, а другого сделал наместником Рима. А должность квестора он однажды отдал чужеземцу, не желая отдавать ее тем, кто был достоин ее по происхождению. У него была привычка за ужином задавать учителям вопросы по тому, что он прочел днем; а грамматик Селевк расспросил слуг императора, и они ему рассказали, какие книги он читает каждый день, и он находил в них вопросы и потому отвечал очень быстро, когда его спрашивали. Но Тиберий узнал об этом, исключил того из числа своих приближенных и в конце концов заставил заплатить за это жизнью. Он убил рыцаря из преторского рода за то, что тот стащил павлина из его сада. Пока он правил, не проходило и дня, даже праздника, когда бы он никого не убивал, и он запрещал родственникам и друзьям убитого оплакивать его. Кто бы что ни доносил, он всему верил; и любое слово, даже незначительное, могло стать преступлением, за которое приговаривали к смерти. Один грамматик прочел текст, где плохо говорилось об Агамемноне, а один хронист прочитал историю, в которой говорилось, что Брут и Кассий были худшими из рим-

¹ Луций Помпоний Флакк — консул 17 г.

² Луций Кальпурний Пизон, римский префект, консул 27 г.

ля; и оба они были подвергнуты обвинению. И хотя они доказывали, что эти тексты написали не они и что они были созданы давно и читались еще при Октавиане Августе, это не возымело действия: он бросил их в тюрьму, а потом запретил им преподавать и сочинять. Однажды он приказал созвать и привести к себе для разбирательства большую группу людей; некоторые из них, зная, что умрут, убили себя дома, другие, чтобы избежать бесчестья и несправедного суда, выпили яд. Когда же об этом узнал Тиберий, он приказал перевязать им раны и, полуживых, бросил в темницу. Он не позволял умереть тем, кто желал этого, поскольку находил, что это слишком безболезненно. Так что, когда однажды он захотел казнить человека по имени Карнулл, а тот убил себя раньше, Тиберий, узнав об этом, воскликнул с досадой: «Карнулл ускользнул от меня!» В другой раз случилось так, что тот, кого он собирался казнить, стал просить о милости убить его как можно быстрее, и он ответил: «Ты не друг мне, чтобы я поступил так с тобой».

И знайте, что Тиберий был широк телом, очень силен и выше, чем это подобает; он был широк в плечах и в груди, и все остальные члены до пят были соответствующие. Левая рука была у него легче и ловчее, чем правая, и кости рук были очень крепкие, так что он мог взять свежее зеленое яблоко, надавить на него пальцем и проткнуть насквозь. Глаза у него были очень большие и, что удивительно, столь светлые, что он видел ночью в сумерках, хотя и недостаточно. У него был крепкий затылок, а лицо — длинное и наклоненное. Большую часть времени он молчал, поскольку речь его была очень медлительна, а посему молчал он даже со своими друзьями, и, разговаривая, он делал странные жесты пальцами. Он ни разу не болел за время своего правления. Он уделял большое внимание приметам, так как считал, что они предсказывают судьбу. Чрезмерно боялся грома: каждый раз, когда видел тучи на небе, надевал на голову лавровый венок, поскольку ему объяснили, что молния никогда не попадает в лавр. Он усердно изучал семь свободных искусств. Еще он был очень жаден, и из алчности к богатству он послал за многими королями многих земель, и призывал их в Рим, и не отпускал их, покуда они не отдали все, что он хотел. А поскольку он отнял королевство Иудейское у Архелая, то в память об этом сменил название местного города с Масаки на Кесарию, поскольку его прозывали Цезарем.

О годах правления Тиберия с первого по пятнадцатый мы не нашли ничего интересного: настолько прочной оставил дядя ему власть над миром. И поэтому истории не рассказывают ничего, что случилось в те годы, кроме того, что в то время был первосвященником в Иудее Иосиф, и это тот, кого евангелисты называют Каиафой.¹ И тогда Тиберий назначил

¹ Каиафа — первосвященник Иудеи с 18 по 37 год. Именно в его доме была решена судьба Иисуса Христа.

Понтия Пилата¹ наместником всей земли иудейской, и в то же время Ирод Тетрарх основал город и назвал его Тиберией именем Тиберия в его честь. А еще в то время Луцилл, золотых дел мастер, весьма искусный в своем деле и удивительно умелый, и настолько он познал природу вещей, что молотом обработал стекло (как обрабатывается серебро или другой металл), и сделал прекраснейшую и искуснейшую вазу, и преподнес ее императору Тиберию, надеясь получить вознаграждение за сделанную с таким славным искусством вещь. Но поскольку Тиберий был весьма алчным, а ему в руки попала такая драгоценность, он подумал про себя, что, если столь благородный и необычный металл будет использоваться в мире, то его золото и серебро ничего не будут стоить и он, таким образом, утратит все свое великое богатство. Наконец он подозвал мастера и спросил, не делал ли он еще одной похожей вазы и умеет ли какой-нибудь другой мастер в мире изготавливать подобное, и тот ответил, что нет. Тогда Тиберий приказал разбить вазу, которую тот создал, а мастера убить.

А еще в тот год в Риме сыграли злую шутку с Паулиной, высокородной дамой, обладавшей удивительной красотой. Влюбился в нее один сеньор из рыцарей по имени Мунд, и ни лестью, ни обещаниями не мог он добиться ее расположения. И он был настолько печален и несчащен, что решился на необычный поступок: он пошел к жрецам храма Исиды и дал им столько из своих богатств, что они согласились поступить, как он скажет. А он попросил их пойти к Паулине и сказать ей, что бог Анубис будет ждать ее в храме Исиды и приказывает ей прийти туда той же ночью, ведь так радовался он ее целомудрию, что должен сказать ей несколько слов в чистом месте. Жрецы передали ей эти слова; услышав их, она очень обрадовалась и рассказала об этом мужу, утверждая, что она не может послушаться приказа бога; муж на это согласился. В ту же ночь она отправилась в храм Исиды, а жрецы позаботились, чтобы в храме никого не оставалось, и спрятали Мунда за алтарем. Паулина же отпустила всех своих служанок и легла на ложе, которое она приказала изготовить, ожидая, когда во сне к ней явится бог. Мунд выждал большую часть ночи, чтобы она заснула, поскольку собирался ее обмануть, когда она уснет. Тогда он облачился в одежды Анубиса и принялся изо всех сил подражать ему; приблизился к тому месту, где лежала Паулина, и, обнаружив ее спящей, стал обнимать и целовать ее; когда же она проснулась и спросила, кто он, он ответил, что он — бог Анубис. Она сочла большой удачей, что удостоилась его посещения, и попросила его сделать милость и сказать, могут ли соединиться бог и смертная женщина. Он привел ей в пример союз Юпитера и Алкмены и многие другие союзы, от которых рождались боги, и сказал, что у нее тоже родится бог. Тогда Паулина позволила ему совершить все, что он захочет, и на другой день очень довольная явилась

¹ Понтий Пилат — римский всадник, префект Иудеи в 26—36 гг.; это время ознаменовано массовым насилием и казнями.

к мужу и рассказала, как бог возлег с ней и что, по его словам, у нее родится бог; и муж очень обрадовался, услышав о таком заблуждении супруги. И однажды Мунд как бы случайно встретил эту даму и сказал ей: «Счастливая Паулина, которая удостоилась возлежать с богом Анубисом, научись дарить свое тело мужчинам, как ты делала это с богом, ведь боги все равно дадут им (мужчинам — прим. пер.) то, в чем ты им отказываешь, и тогда им (богам — прим. пер.) не придется давать мужчинам свои имена и свой облик, как поступил бог Анубис, которого звали Мунд и который возлег с тобой и заставил тебя потерять двадцать тысяч мораведи, которые я тебе дал». Услышав это, Паулина поняла, что ее обманули и сыграли злую шутку, и рассказала об этом мужу, и они пожаловались императору. И дабы отплатить за насмешку над благородным рыцарем, Тиберий приказал схватить всех жрецов и пытаться их, пока они не скажут правду, а потом приказал всех убить. Идола Исиды он приказал сбросить в Тибр, а Мунда отправил в изгнание, поскольку его побудила так поступить любовь к прекраснейшей даме, и тут он был не очень виноват.

Когда происходили эти события, император Тиберий из-за своей алчности сильно увеличил налоги землям, так что многие провинции восстали против владычества Рима и после того уже никогда ему не принадлежали.

158. О том, что произошло в пятнадцатый год

В пятнадцатый год царствования Тиберия, когда исполнилось 780 лет от основания Рима и шел 68 год эры, а Господу Нашему — тридцатый, и правил Ирод Тетрарх пятнадцатый год, тогда закончился Ветхий Завет и начался Новый, ведь в тот год Иоанну Крестителю и Иисусу Христу исполнилось по тридцать лет — возраст, когда в человеке полностью формируется его разум. И тогда Иоанн Креститель вернулся из пустыни, пришел на реку Иордан и стал проповедовать крещение и крестить народ, и окрестил он Господа Нашего Иисуса Христа в пятый день января, в тот же самый день, когда в Вифлеем прибыли волхвы двадцать девять лет назад. И когда Иисус Христос принимал крещение, снизошел на Него Дух Святой в виде голубя, и раздался глас с неба: «Это есть возлюбленный сын мой».

159. О том, что произошло в шестнадцатый год¹

В шестнадцатый год правления, когда исполнился 781 год от основания Рима и шел 69 год эры, а Господу Нашему — тридцать первый, а Ирод правил шестнадцать лет, случилось так, что Иисус и его мать были

¹ Описывается знаменитый брак в Кане Галилейской.

приглашены на свадьбу Архитриклина¹ и там не хватило вина, и тогда Господь Наш по просьбе матери обратил вино в воду. Это было в пятый день января, в тот самый день, когда он был крещен годом ранее, и когда волхвы принесли ему дары тридцать лет назад.

160. О том, что произошло в семнадцатый год

В семнадцатый год, когда исполнилось 782 года от основания Рима и шел 70 год эры, а Господу Нашему — тридцать второй, а Ирод правил семнадцатый, Господь Наш Иисус Христос совершил самые великие чудеса из тех, что описаны в Евангелиях. В тот же год Ирод приказал обезглавить Иоанна Крестителя в замке Махеронт в Аравии, что недалеко от реки Иордан. И тело его похоронено в Палестине, в городе Севастия, а голова — в Иерусалиме, рядом с дворцом Ирода.

161. О том, что произошло в восемнадцатый год

В восемнадцатый год правления, когда исполнилось 783 года от основания Рима и шел 71 год эры, а Господу Нашему — тридцать третий, а Ирод правил восемнадцатый, Господь Наш Иисус Христос был распят в городе Иерусалиме, чтобы спасти весь род человеческий и исполнить все, что предсказывали пророки много лет назад. И подобно тому, как при Его рождении были явлены великие знамения и случились великие чудеса, так и на время Его страстей пришлись грандиозные события. И знайте, что, когда Его распяли, Его поместили на крест голым, как будто только что вышедшим из утробы Девы, так что не оставили Ему никакого лоскута, ни большего, ни малого. И когда Его мать увидела, что срам Его не прикрыт, она весьма опечалилась и озаботилась; и тогда она сняла с головы льняное покрывало и сказала: «Ах, мужи, какой славный это был бы поступок, если бы нашелся среди вас кто-либо, кто взял бы это покрывало, поднялся бы к моему сыну и прикрыл бы его!» Несмотря на эти ее слова, не нашлось никого, кто взялся бы за это или озаботился бы этим. Тогда святая Дева, опечаленная, подошла с покрывалом к кресту и поднялась земля настолько, что она спокойно смогла прикрыть Его, и прикрыла Его наготу так, как сейчас изображают те, кто вырезает или рисует Распятие. Другие же говорят, что не мать накрыла Его этим покрывалом, но иная женщина другим платом, тем, что она отерла Его лицо, когда Его схватили; ведь у него выступил такой пот, что капли крови падали на землю, и такой то был пот, что на ткани во веки веков отпечатался Его лик.

¹ Вообще, архитриклин по-гречески — распорядитель стола.

Эта ткань находится в Риме, и называется она плат Вероники. А еще знаете, что Господь Наш испустил дух, и затем в Иерусалиме пошел трещинами храм, и разорвалась на несколько частей завеса, отделявшая комнату со священными предметами от другой, где пребывали священники и остальной народ. В тот же час, как рассказывает Иосиф, священники почувствовали, как заходила и задрожала земля, и услышали они глас, подобный колоколу, который исходил из той удаленной комнаты храмового святилища, и сказал он: «Давайте отодвинем эти камни». И вдруг отворились многочисленные каменные саркофаги в Иерусалиме, и в тот час восстали святые, которые уже умерли к тому времени, и пришли они в город Иерусалим, и явились многим, как рассказывают об этом Евангелия. И в тот же час случилось затмение солнца, и всю землю накрыла тьма, так что люди видели только то, что близко и рядом, и показались на небе все звезды, как будто бы была полночь. Тогда святой Дионисий,¹ бывший тогда еще язычником и известным философом, обучавшимся в Афинах, благодаря науке о звездах понял, что не должно было померкнуть светило, и, увидев это, сказал: «Или бог, создатель природы, страдает от действия какой-то силы, или этот мир сейчас падет и закончится». Затем он начертал рукой эти слова и потом показал их апостолу Павлу, который пришел к нему вскоре после этого и который проповедовал ему и обратил в веру Христову.

162. О том, что произошло в девятнадцатый год

В девятнадцатый год,² когда исполнилось 784 года от основания Рима, когда шел 72 год эры, а год Господа Нашего — тридцать четвертый, а Ирод правил девятнадцатый год, апостолы избрали епископом Иерусалима святого Иакова младшего, сына Алфея, который также прозывался братом Христа, поскольку очень на Него походил.³ И был он первым в мире христианским епископом, и продолжалось его епископство двадцать девять лет, и иудеи почитали его святым и называли праведником, и он входил в *Sancta Sanctorum*, куда не осмеливались вступать прочие священники.

О двадцатом годе правления мы не нашли никаких записей.

¹ Дионисий Ареопагит — согласно церковному преданию, являлся учеником апостола Павла, обращенным после проповеди в ареопаге, и первым епископом Афин. Считается, что в 95 г. был послан апостолом Климентом в Галлию, где проповедовал и погиб в гонение Домициана ок. 96 г.

² Правления Тиберия.

³ Один из двенадцати апостолов, избранных Иисусом во время Его земного служения. Брат апостола Иуды Иаковлева.

163. *О том, что произошло в двадцать первый год*

В двадцать первый год его (Тиберия — прим. пер.) правления, когда исполнилось 786 лет от основания Рима и шел 74 год эры, а год Господа Нашего — тридцать шестой, а Ирод (Антипа — прим. пер.) правил двадцать один год, Ирод Агриппа¹ прибыл в Рим и Тиберий принял его с большими почестями, ведь у него уже прошла боль от гибели его сына Друза,² так что он прогнал первого, дабы он не являлся перед ним, так как он был его (Друза — прим. пер.) слугой. И приказал он, чтобы Ирод охранял Тиберия, сына Друза. Но Ирод, человек мужественный, поступил по-своему и стал поддерживать Гая, сына Германика,³ брата императора Тиберия,⁴ потому что любил его больше. И от этого Тиберий разгневался на него. В тот год Тиберий сместил наместника Иудеи Пилата, отправил его в изгнание и велел ему отправиться в Лион что на реке Родан, откуда тот был родом, чтобы он там проживал, презираемый и осуждаемый своими за то, что приказал казнить Иисуса Христа и совершил много жестокостей по отношению к христианам. И жил он там в большой бедности и в позоре и в конце концов убил себя своей рукой.

О двадцать втором годе правления истории ничего не рассказывают, и не случилось ничего выдающегося, о чем стоило бы рассказывать.

164. *О том, что произошло в двадцать третий год правления*

В двадцать третий год, когда исполнилось 788 лет от основания Рима и шел 76 год эры, а год Господа Нашего — тридцать восьмой, а Ирод Тетрарх правил двадцать три года, случилось так, что император Тиберий, гневавшийся на Ирода Агриппу за то, что тот не захотел поддержать его внука Тиберия, приказал схватить его и бросить в темницу. И пока он там находился, тюремщик оказывал ему большие почести, потому что он был другом Гая; однажды Ирод сидел, прислонившись к зеленому дереву, на вершину которого прилетел филин, и приблизился к нему один старый рыцарь из Греции, который тоже находился в том плену, и сказал Ироду:

¹ Ирод Агриппа I (10 г до н. э. — 44 г. н. э.) — сын Аристокбула и внук Ирода Великого, царь Иудеи в 37—44 гг.

² Тиберий Друз Клавдий Юлий Цезарь Нерон — римский военачальник и политический деятель, консул 15 и 21 гг. Был отравлен своей женой Ливиллой.

³ Будущий император Калигула.

⁴ Германик Юлий Цезарь (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.) — римский военачальник и государственный деятель, консул 12 и 18 гг., прославившийся своими масштабными германскими кампаниями. Приходился Тиберию приемным сыном, а не братом.

«Не беспокойся, я не собираюсь льстить тебе, но хочу сказать, что мне открыли боги». А этот рыцарь был большим знатоком примет и сказал: «Знай, что скоро ты выйдешь отсюда и возвысишься настолько, что тебе будут завидовать твои друзья, и так ты будешь проживать счастливо и оставишь твоё наследство сыновьям, но, как только еще раз увидишь эту птицу, через пять дней умрешь». И пока Ирод был в темнице, император Тиберий заболел в городе Капри и, поняв, что приближается смерть, послал за всей римской знатью, и за своим внуком Тиберием, и за племянником Гаем, и совершил молитву богам, и попросил их явить милость и передать правление наиболее достойному, и тогда он решил по жребию передать власть тому, кто на другой день войдет к нему раньше, однако он дал знать внуку, что хочет, чтобы это был он. И на другой день Тиберий-внук собрался завтракать, а племянник Гай рано утром отправился к дяде. Увидев его, император очень опечалился, но скрыл это и сказал: «Сын мой, ты будешь императором, хотя Тиберий имеет на это больше прав, однако такова воля богов и ты более достоин этого». И тотчас он созвал всех магнатов и представил им его как их правителя (сеньора), и когда он уладил все остальные дела, то умер. И во время всего его правления Испания жила в мире под властью Рима, какой ее и оставил его дядя император Октавиан. А сейчас история оставит рассказ о нем и приступит к рассказу о Гае Калигуле.

*165. О правлении Гая Калигулы и о тех событиях,
которые произошли в первый год его правления*

Гай Калигула, сын Германика, брата Тиберия, был поставлен императором Рима после смерти своего дяди.¹ Он перевез тело Тиберия с Капри в Рим и похоронил его с большими почестями. Очень скоро он освободил из тюрьмы своего друга Ирода Агриппу и передал ему два владения на его землях, то есть одно Филиппа, а другое — Лисия; и короновал его, и отправил его с большими почестями в качестве короля в его страну. Гай правил неполных четыре года, и первый год его правления пришелся на 789 год от основания Рима, когда шел 77 год эры, а год Господа Нашего — тридцать девятый, а Ирод Тетрарх правил двадцать четыре года. С того года он стал весьма кротким, искренним и добрым, так что все люди радовались этому. Сразу после начала своего правления он приказал вернуть всех изгнанников и простил их за все зло, что они сотворили в прежнее время. Он не захотел принять написанную книжицу, в которой рассказывалось о его процветании. Он всегда показывался всем сразу, и, когда его спросили, зачем он это делает, он ответил, что никогда не совершает

¹ Гай Калигула — император Рима в 37—41 гг.

ничего такого, чего нельзя было бы показать. Лыстецам он говорил, что у него нет ушей, чтобы их слушать. Всем наместникам и тем, у кого были должности и звания, он разрешил свободно пользоваться привилегиями, чтобы никто из них не смог восстать против него. Многим из тех, кто потерял имущество в пожаре, он его полностью возместил.

И знайте, что тело Гая было очень грузное, а цвет кожи желтоватый, однако был он некрасив, шея и ноги были очень худыми, а скулы и глаза впалые, лоб широкий и хмурый, волосы редкие, на макушке же волос не было, а те, что были, были взъерошены. Поэтому, когда он проходил мимо, никто не осмеливался взглянуть на него сверху или случайно произнести слово «коза», ведь за это следовала смерть. Лицо его от природы было страшным и отталкивающим, и он еще больше делал его таким, кривляясь перед зеркалом и стараясь соорудить еще более страшную гримасу. Он не был здоров ни телом, ни душой; часто просыпался по ночам, так что никогда не спал более трех часов за ночь, с раздражением после отдыха он ходил по переходам и призывал день. Одевался и обувался он не в римский костюм и не по-мужски, но носил какие-то раскрашенные одежды, расшитые драгоценными камнями, пальцы были унизаны кольцами, а запястья — золотыми браслетами, и порой он так и выходил к народу, а в другой раз появлялся весь в шелках и в женских туфлях. Он хорошо разбирался в науках и был на удивление разумен, любил петь и танцевать, так что, когда хуглары пели и выступали в театрах, он делал вид, что управляет их, показывая движения, которые они должны были совершать.

В тот же год святой Петр победил Симона Мага¹ в Антиохии и стал первым епископом этого города, и епископство его длилось семь лет. А еще тот год был последним годом Ирода Антипатра, и после него правил Ирод Агриппа.

Во второй и в третий год правления Гая не происходило ничего благодаря миру, который установился во всем мире.

166. О том, что произошло в четвертый год правления

В четвертый год правления, который пришелся на 792 год от основания Рима, когда шел 80 год эры, а Господа нашего — сорок второй, а Ирод Агриппа правил три года, Гай² оставил ту доброту, которую он выказывал в начале своего правления, и стал человеком весьма развратным и столь жестоким по отношению к людям и столь дурным, каким не был ни один

¹ Симон Маг или Симон Волхв — уроженец самарийского местечка Гиттон, современник апостолов, по преданию, основатель существовавшей до III в. гностической секты симониан, или еленгиан (по имени его спутницы Елены).

² Калигула.

правитель до него, так что он жаловался, что в его правление ни на Рим, ни на народ не обрушилась чума, чтобы его время запомнили. Во все время его правления Испании пребывали в мире и были подчинены власти римлян. В его время святой Матфей составил книгу Евангелия.

И разврат Гая был столь безграничным, что он переспал со всеми своими сестрами, а потом убил их, объявив им, что они спят с другими и замышляют убить его. Столь велико было его стремление смотреть на богатства и держать их в руках, что он часто разувался и ходил босиком по горам золота и серебра, которые были у него, а иногда он рассыпал их и, обнажившись, катался по ним. Он заставил людей молиться ему как богу и называл себя братом Юпитера; так и свою дочь он часто сажал на колени Юпитера и говорил, что она — дочь их обоих. Он часто посещал храм Кастора и Поллукса и садился между ними, и позволял всем входящим молиться ему как богу, и было весьма удивительно, что он так мало почитал богов. Когда он слышал даже незначительные раскаты грома, его охватывал сильный страх, и он накрывал голову плащом, а когда слышал сильные раскаты, вскакивал с постели и прятался под кровать. Когда-то у него был золотой идол, и он приказал каждый день одевать его в ту одежду, в которую бывал одет он сам. Когда ночью он видел полную луну, он громко звал ее, чтобы она спустилась в его объятья и возлегла с ним.

Он нанес своей бабке Антонии столько обид и оскорблений, что она от этих унижений умерла, правда, другие говорят, что умерла она от яда, который он ей дал; а ее похороны не были устроены с должными почестями. Он подослал к своему брату Тиберию, спокойно жившему и не ожидавшему ничего подобного, военного трибуна, который и убил его в его же доме на глазах Калигулы. Своего тестя Силана он довел до того, что тот вынужден был перерезать себе горло и покончить с собой. Дочь Юлию он считал своей по той причине, что она была столь свирепа, что царапала ногтями лица и глаза тех, кто с ней играл. Он часто придерживал хлеб и делал так, чтобы народ терпел лишения и великий голод. Он приказывал, чтобы отцы присутствовали на казни сыновей, а тому, кто однажды извинился и сказал, что он болен, он послал свои носилки, чтобы доставить его. Однажды он вызвал некоего человека, бывшего в ссылке, и спросил его, что он делал, когда был в изгнании. Тот ответил, что молился о смерти Тиберия, который отправил его в ссылку, и о том, чтобы Калигула стал королем. И хотя он сказал это для того, чтобы польстить, Калигула испугался, что о его смерти молятся все, кого он отправил в изгнание, и приказал убить их всех на тех островах, где они находились. Он часто похвалялся и говорил, что нет на свете ничего более приятного, чем лишиться стыда. И его злодейство дошло до того, что он приказал изобразить себя в виде бога, и разослал эту статую по всему миру, и приказал, чтобы ему поклонялись все народы. Так поступили все, кроме иудеев, которые никоим образом не хотели этому изображению поклоняться. И поэтому случилось так, что в городе Александрии начались столкно-

вения язычников и иудеев, и среди них много было как сторонников, так и противников императора Гая. И помимо прочих обвинений иудеев язычники выдвинули вот какое: что те не желают поклоняться статуе императора. Гай узнал об этом первым и послал приказ Петронию, наместнику Сирии, чтобы тот поместил его статую в Иерусалимском храме и более ничего другого там не совершал. Петроний уже отправился было поместить его туда, но к нему вышли иудеи и стали умолять его не делать этого и говорили, что скорее позволят себя убить, чем вынесут такое. А так как Петроний был человеком добрым, он их пожалел и сказал им, что делает это не по своей воле, а по приказу Гая. А так как он понимал, что для императора станет большим убытком лишиться налогов, выплачиваемых за это иудеями, он сказал, что рискнет не помещать туда статую в ближайшее время, а они между тем пусть пошлют просить Гая о милости, он же поможет им, насколько это в его силах. Иудеи отправили прошение, а тогда в Риме вместе с императором был король Агриппа, который приходился тому близким другом. И иудеи попросили его помочь им, а он должен был сделать это, потому что одна из подвластных ему сеньорий была земля иудеев (это была сеньория Галилея), так что он сделал это весьма охотно. И вот на следующий день он пригласил императора Гая к себе пообедать, и, когда они оба сидели за столом, Гай подивился столь обильным и необычайным яствам и столь прекрасному обеду, подаваемому Агриппой, и, пребывая в благодушном настроении, стал напоминать тому, сколько страданий он претерпел в тюрьмах и в других местах при Тиберии, а в конце сказал, чтобы Агриппа просил, чего пожелает, и что он даст ему это. Тот же ответил, что ему достаточно его любви. Однако Гай принялся увещевать его разными способами, чтобы он попросил что-нибудь, и тогда Агриппа попросил его не ставить в Иерусалимском храме его статую. Услышав об этом, Гай очень рассердился, но, подумав о том, насколько великодушен Агриппа, что не стал просить ни богатств, ни подвластных земель, он согласился на это и отправил Петронию письмо, чтобы, если статую в храм до сих пор не поместили, впредь и не помещать. А он и не ставил ее, поскольку тянул время в ожидании ответа. Затем Гай раскаялся в том, что согласился на это, и, досадуя, послал Петронию письмо следующего содержания: «Раз ты презрел приказ императора и предпочел принять подарки от иудеев, выбирай, какой смертью ты хочешь умереть, чтобы все увидели, что презирать приказы императора — дело гибельное». Но когда Гай отправил это, Бог рассудил по-иному: ведь прежде, чем вестники с письмами пришли к Петронию, до него дошла новость о смерти императора. А случилось так потому, что император Гай совершил много злодейств и собирался совершить еще более страшные, ведь он собирался идти в Александрию, а прежде в Риме перебить всех старейших и украшенных заслугами мужей всех сословий и любой службы. Это доподлинно известно, поскольку после его смерти в его сундуках нашли две книги: в одной из них судьей, следящим за исполнением этого, был по-

ставлен Клавдий, а в другой — Перугий, а в них были вписаны имена всех, кого он приказал убить. А еще нашли у него огромный ларь, полный разных ядов.

Однако прежде, чем император Гай смог бы исполнить все, что он задумал, рыцари курии составили против него заговор, чтобы убить его. И среди заговорщиков был Кассий Херея, трибун когорты дворцовых судей,¹ и, хотя он был очень стар и слаб, Гай часто над ним издевался, и в конце концов, побуждаемый злобой, попросил у заговорщиков разрешения первым нанести удар, и они ему это позволили. И когда однажды Гай возвратился с больших игр, которые римляне ему устроили подобно тем, что устраивались и для других императоров, Кассий Херея подошел к нему сзади и нанес ему в затылок страшную рану мечом, а с другой стороны подошел Корнелий Сабин, один из заговорщиков, и нанес ему удар кинжалом в грудь. От этих ран Гай упал на землю, и, желая ему смерти, вокруг него собрались остальные и нанесли ему тридцать ударов, и так он погиб. Его друзья тайно унесли его тело в сады и в спешке предали огню, и, сожженного наполовину, они погребли его очень бедно, так что едва покрыли. А садовников на протяжении многих ночей после этого преследовал страх, им являлись тени и страшные видения, в доме же, где он испустил дух, никто не мог находиться или переночевать, не испытывая великого страха, до тех пор пока он не сгорел и не исчез полностью. Его жену тоже закололи мечом, а дочь разбили об стену.

И знайте, что перед смертью Гая были явлены многочисленные предзнаменования. Так, накануне гибели ему снилось, что он находится на небе рядом с тронном Юпитера и что Юпитер толкает его пальцем правой ноги, так что он низвергается с небес на землю. В то же самое время он приказал разобрать статую Юпитера в Олимпии и доставить ее в Рим, и тогда бог издал смех столь раскатистый и содержащий издевку, что машины, предназначенные для разбора, сломались, а мастера разбежались. И так умер император Гай Калигула после того, как процарствовал четыре года. Теперь же история оставит рассказ о нем и перейдет к Клавдию, который правил вместо него.

*167. О правлении Клавдия²
и о том, что произошло в первый год*

После того как погиб император Цезарь Гай, в городе Риме началось противостояние двора, рыцарей и народа. И знайте, что двором назывались сенаторы и консулы, которые были свидетелями великой жестокости

¹ В оригинале «tribuno de companna de los juezes».

² Римский император в 41—54 гг.

императоров и того урона, который из-за этого потерпели все, и не желали они больше императора в Городе, но хотели, чтобы Город вернулся к тому положению, что было до Юлия Цезаря, и чтобы все управление было у них в руках. Однако рыцари и народ, опасаясь алчности сенаторов и с благодарностью вспоминая о тех многочисленных дарах, коими одарили их императоры, провозгласили императором Клавдия, дядю Гая, брата его матери, человека весьма кроткого и благочестивого. Увидев это, Ирод Агриппа отправился к сенаторам и представился их другом (хотя он желал им зла из-за смерти Гая) и посоветовал им отправить кого-нибудь из них к Клавдию и попросить его бросить все, что он начал, и не возвращаться в Город. Сенаторам это понравилось, и они попросили Агриппу пойти вместе с ними, он же согласился весьма охотно. Он отобрал из них самых достопочтенных, и они отправились к Клавдию. И пока сенаторы стояли позади, Ирод изложил Клавдию, зачем они пришли, так, чтобы сенаторы это услышали, однако же на ухо сказал, чтобы тот ни в коем случае так не поступал, ведь тогда он сможет привлечь на свою сторону большую часть лучших из них. Затем он вернулся к сенаторам и объявил им, что Клавдий ни при каких обстоятельствах не желает бросить все дело, и принялся увещевать их не выступать против него, поскольку они все равно не смогут ему препятствовать, и в конце концов он всех их переубедил. И так Клавдий, не встретив другого сопротивления, был провозглашен императором Рима и правил четырнадцать лет.

Первый год его правления был в 793 год от основания Рима, когда шел 81 год эры, а год Господа нашего — сорок третий, а Ирод Агриппа правил четыре года. Затем по совету Ирода Клавдий Август убил всех, кто участвовал и кто допустил гибель Гая. После этого Агриппа попросил его о милости, чтобы он отменил декрет Гая, разосланный по всему миру, по которому предписывалось поклоняться его статуе, ведь это дело было дурное и неблагочестивое. Клавдий согласился на это и разослал по всему миру свои письма, в которых запретил поклоняться идолу и приказал, чтобы в земле иудейской это письмо поместили бы в каждом городе на самое высокое место, чтобы все видели и восхваляли благочестие Клавдия. Все это Ирод Агриппа выполнил. И как рассказывает Светоний в пятой книге своей истории, после того как император Клавдий утвердился во власти, он простил всех, кто причинял ему зло или говорил что-либо против него.

Этот Клавдий был весьма скромен сам по себе и держался по-приятельски с остальными, он не хотел, чтобы его называли императором, и не желал принимать многочисленные почести, которые ему стремились оказать. Когда он выслушивал и разбирал дела, его характер чудесным образом изменялся: порой он был весьма внимательным и мудрым, а порой — весьма опрометчивым и безрассудным, как будто бы не имел никакого рассудка. И большим, и малым он одинаково казался жестоким от природы и склонным убивать людей; и все потому, что он убил Аппия

Силана,¹ своего тестя, и двух своих племянниц, каждую из которых звали Юлией, одна из них была дочерью Друза, а другая — Германика, которые были братьями. Он казнил их, даже не будучи уверенным в правдивости того, в чем их обвинили, и не дав им возможности оправдаться. И также легко и безжалостно он приказал убить Гнея Помпея, мужа своей старшей дочери, и Луция Силана, супруга младшей, и тридцать пять сенаторов и триста римских рыцарей, и все были ошеломлены этим деянием и сочли его великим злодейством. Когда же к нему пришел центурион и сказал, что исполнил все, что он повелел, тот стал отрицать и говорить, что он ничего ему не приказывал. А из тех, кто сражался на играх в амфитеатре,² устроенных им или другим, он всегда приказывал добивать тех, кто был побежден, пусть и случайно, чтобы посмотреть в лицо умирающим. И так ему нравилось смотреть травлю зверей, которых убивали в амфитеатре в полдень, что он отправлялся туда на рассвете, а в полдень, когда весь народ отправлялся обедать, он оставался там. Он был столь пуглив и так мало доверял людям, что в начале своего правления не осмеливался приходить во дворец, где должен был обедать, кроме как без стражи, вооруженной копьями и мечами, которые стерегли его, пока он принимал пищу. Каждый раз, когда он отправлялся проведать больного, он не приближался к нему, пока не осматривал все тюфяки и покрывало, чтобы удостовериться, что нет никакого оружия. А еще у него всегда были стражники, которые подвергали обыску всех, кто приходил его приветствовать и приближался к нему. И он так страшился тех, о которых говорили, будто они готовятся его убить (хотя это не было правдой), что много раз хотел оставить трон. Однажды, когда он находился в храме и приносил жертву, рядом с ним обнаружили человека, у которого был нож, и тогда он через глашатаев приказал явиться всем сенаторам, и, когда они пришли, он встал перед ними и, плача, начал такую речь: «Ах, сколь несчастна моя судьба, ведь нигде я не могу быть в безопасности!» Затем он закрылся в своем дворце, где оставался взаперти много дней и не выходил в те места, где его могли бы увидеть люди. Из-за какого-то ничтожного человека, который сказал ему, чтобы он кого-то опасался, или же из-за какого-то подозрения он окружил себя стражей и карал со всей полнотой власти. Из всех присущих ему привычек люди больше всего удивлялись его забывчивости: так, однажды он убил свою жену Мессалину, а через некоторое время он расположился за столом в доме, где обычно обедал, и стал спрашивать, почему не идет императрица. А еще он много раз в один день каз-

¹ Гай Аппий Юний Силан (ум. в 42 г.) — римский политический деятель, пропретор Тарраконской Испании. Одно время находился в ближнем окружении императора, но навлек на себя ненависть его жены Мессалины, потому что отказался стать ее любовником. Обвинен в подготовке покушения на Клавдия и казнен.

² У Светония в соответствующем месте речь идет о гладиаторских играх (*Suet. Claud.* 34).

нил людей, а на следующий, находясь в совете или играя в кости,¹ спрашивал их и посылал своих гонцов сказать им, что они сонливцы и лентяи.

Затем, вопреки праву, он женился на Агриппине,² дочери своего брата. Был он едоком и выпивохой, он пил и ел в том месте, где ему этого захочется; и всегда задавал роскошный пир, но принимал пищу в самом просторном и открытом месте, которое находил, так много раз вместе с ним пировали до трехсот рыцарей. Спал он очень мало и так, что просыпался много раз за ночь, и поэтому иногда он дремал в тех местах, где разбирали тяжбы, так что ораторы едва могли его разбудить, хотя, прекрасно зная об этом, повышали голос.

Относительно его телосложения знайте, что был он человеком, которому идет власть, ведь он был весьма статен, стоя или сидя, в особенности же когда спал. Он был очень представительен, тело его было большим и хорошо сложенным, голова — седой и прекрасной, шея — толстой; колени же у него были слабыми, так что при ходьбе они часто ему отказывали. Он смеялся больше, чем это подобало, и было это отвратительным, когда же он гневался, лицо его становилось безобразным, на губах появлялась пена, из носа текло, голова тряслась.

168. О том, что произошло на второй год его правления

Во второй год его правления, когда исполнилось 794 года от основания Рима и когда шел 82 год эры, а год Господа нашего — сорок второй, а Ирод Агриппа правил пять лет, случилось так, что Ирод Агриппа, увидев, что Клавдий упрочил свою власть, попросил его о милости — разрешить ему вернуться в его страну. И Клавдий разрешил ему это и дал ему четвертую сеньорию — Иудею. И так Ирод Агриппа стал сеньором всего королевства, каким был Ирод Аскалонит до того, как разделил его на четыре владения, сеньории. Затем он прибыл в Иудею, и приняли его иудеи с большими почестями, ведь он сделал для них в Риме много хорошего и помог им во многих делах против императоров. А так как он прибыл незадолго до иудейской пасхи — праздника опресноков, то, согласно иудейскому обычаю, он отправился в Иерусалим очиститься от грехов, чтобы встретить праздник чистым. В ту пасху Ирод убил в Иерусалиме святого Иакова, сына Зеведеева,³ брата апостола Иоанна-евангелиста; а вместе

¹ В оригинале *tablas*. Возможно, имеются в виду игральные карты, тогда перед нами анахронизм.

² Юлия Августа Агриппина (ум. в 59 г.) — дочь Германика и Агриппины Старшей, сестра Калигулы, последняя жена Клавдия, мать Нерона.

³ Иаков Зеведеев, Иаков Старший — апостол, упоминаемый в Новом Завете. Родился в Палестине и был убит в 44 г. в Иерусалиме. Старший брат Иоанна Богослова.

с ним он убил и того, кто стерег его в темнице, за то, что святой Иаков его обратил.

О годах правления с первого по четвертый мы не нашли никаких записей, о которых можно упомянуть, кроме того, что на третий год святой евангелист Марк стал проповедовать Евангелие.

169. О событиях четвертого года

В четвертый год, когда исполнилось 797 лет от основания Рима, когда шел 84 год эры, а Господа нашего — сорок седьмой, а Агриппа правил семь лет, случилось так, что в праздник опресноков Ирод схватил в Иерусалиме святого Петра. А так как по закону в эти дни никого нельзя было убивать, он приказал бросить его в темницу и велел охранять его четырьмя сеньяорам из рыцарей в придачу к тем, кто охранял его в темнице. А сделал он это для того, чтобы после праздника выдать его народу, чтобы они убили его, а не он; не так, как он убил святого Иакова, ведь от этого они почувствуют себя более достойными, поскольку он был главой апостолов. Однако в ночь перед тем, как Ирод намеревался выдать его народу, в темницу явился ангел Господа нашего и освободил его. Он бежал к своим товарищам и рассказал им, как его освободил ангел, а на другой день он отправился в другое место, опасаясь Ирода и иудеев. Когда Ирод Агриппа стал спрашивать о нем, и не обнаружил его, и не смог узнать у стражей, что же произошло, он приказал привести их всех к нему, чтобы наказать, однако он не сделал этого благодаря вмешательству Господа нашего, который не хотел, чтобы побег святого Петра причинил кому-либо вред.

А случилось это потому, что тогда был занят Ирод великим делом, и нужно было ему выступить из Иудеи в Кесарию Палестинскую, и пошел он на Тир и Сидон, чтобы причинить зло жителям этих городов, так как весьма гневался на них. Тогда они пришли к Бласту, прислужнику Ирода, который сторожил его казну, и сделались его друзьями, он же обеспечил любовь и мир между ними и своим господином (сеньяором). А сделали они это потому, что не могли выносить враждебность со стороны соседнего короля. И в тот день, когда этот мир был заключен, Ирод нарядился в роскошные одежды, весьма подобающие королю, и говорил перед всем народом и хвалил его, люди же превозносили его так, как скорее подобает превозносить бога, нежели человека. Он же, чувствуя, что это лесть, но, не запрещая ее, взглянул наверх и увидел над собой филина, вестника скорой смерти. И тогда он склонил голову перед теми, кто стоял там и восхвалял его, и сказал им: «Горе мне, вашему богу, ибо я умираю». Ведь он хорошо помнил то, что сказал ему в Риме греческий предсказатель, когда он был в плену: что через пять дней после того, как он еще раз увидит филина рядом с собой, он умрет. Так и случилось, ибо поразил его ангел Господа

нашего, и послал отмщение за казнь святого Иакова. Пять дней преследовали его боли в животе, грызли черви его внутренности, и он постепенно умирал, а скончался на пятый день в седьмой год своего правления. Он оставил сына по имени Агриппа, который тогда был в Риме подле Клавдия, о чем вы услышите дальше.

В тот же год святой Павел и святой Варнава¹ пришли из Антиохии в Рим на суд святого Иакова, сына Алфея, святого Петра и других апостолов относительно спора между теми христианами, что прежде были иудеями, и теми, которые были язычниками.² Иудеи хотели, чтобы язычники делали обрезание и придерживались того, что заповедано Ветхим Заветом. По совету остальных святой Иаков рассудил так, чтобы те, кто обратился из язычников, воздерживались от почитания идолов, от разврата, от употребления в пищу падали и крови, ведь эти четыре действия были весьма в ходу. И еще знайте, что в тот же самый год святой апостол Петр прибыл в Рим из Антиохии, где был епископом семь лет, а после него епископом сделали святого человека, которого звали Овидием (Еводом).³ И с тех пор как святой Петр пребывал в Риме, он стал проповедовать веру в Иисуса Христа, и христианство стало распространяться, и благодаря этому город также приобрел большее значение. Итак, святой Петр двадцать пять лет был римским папой.⁴

170. О том, что произошло в пятый год

В пятый год, когда исполнилось 798 лет от основания Рима и шел 85 год эры, а Господа нашего — сорок седьмой, а Агриппа правил первый год, случилось так, что Агриппа, сын Ирода Агриппы, о котором мы рассказывали прежде, жил в Риме подле императора Клавдия. И он не назывался Иродом, как его отец или дед, но звался просто Агриппой. А пока он пребывал в Риме, в земле Иудейской был прокуратор, который хотел захватить силой власть, назначать первосвященника в Иерусалиме и менять его, когда ему вздумается. Иудеи же, увидев, что никак не могут ему противодействовать, отправили в Рим послов и письма к Агриппе, чтобы тот им помог. И он понял, какое у них дело, и решил помочь им, чем может, и

¹ Апостол Варнава (ум. в 61 г.) — апостол от семидесяти, основатель Кипрской церкви. Один из первых левитов, принявших христианство и поддерживавших известное апостольское учреждение: «общение имений» (Деян. 4:32—37).

² Речь идет об Апостольском соборе, имевшем место не в Риме, а в Иерусалиме (49 г.).

³ Евод — апостол от семидесяти, был первым после святого апостола Петра епископом в Антиохии Сирийской. Погиб при императоре Нероне.

⁴ По версии хрониста, апостол Петр являлся римским папой с 49 по 64 гг.

стал просить милости к ним у императора Клавдия. Император Клавдий согласился со всем, что он хотел, и отправил письма прокуратору, чтобы тот от этого дела устранился. Тогда иудеи отправили испросить милость у императора Клавдия, чтобы он отправил к ним Агриппу, и чтобы тот стал над ними королем и господином. Императору это понравилось, и он отправил его в Иудею, однако он не пожелал отдать ему всю землю его отца, но дал ему только Галатию и власть назначать первосвященника в Иерусалиме, которую он отобрал у прокуратора. И знайте, что это был тот самый Агриппа, о котором говорит глосса на Евангелие от Матфея, что в его правление ангел покарал христиан в Иерусалиме, поскольку скоро произошло его разрушение.

О годах правления с пятого по четырнадцатый мы не нашли никаких записей о деяниях, которые совершили короли или другие знатные мужи.

171. О том, что произошло в четырнадцатый год

В четырнадцатый год, когда исполнилось 807 лет от основания Рима и шел 94 год эры, а Господа нашего — пятьдесят шестой, а Агриппа правил десятый, императору Клавдию исполнилось шестьдесят четыре года, и он заболел в своем дворце в Риме. Он до такой степени находился во власти своей жены Агриппины и ее любимчиков, что делал только то, что они хотели и приказывали. Наконец, по совету своей жены он лишил власти над Римом своего сына Британика,¹ а наследником и императором сделал Нерона, мужа своей дочери Октавии; вот так он предпочел зятя сыну, чего по праву быть не должно. И после этого распоряжения император Клавдий умер, и вместо него стал Нерон. Во время правления Клавдия Испании находились в мире и под властью Рима, как это было и во времена его племянника Гая.

172. О правлении Нерона² и о событиях, которые произошли в первый год его правления

После смерти Клавдия зять его Нерон стал императором Рима и всей империи. В начале правления ему было восемнадцать лет, а правил он тринадцать лет и восемь месяцев. Первый год его правления был в 808 год от основания Рима, когда шел 95 год эры, а Господа нашего — пятьдесят

¹ Тиберий Клавдий Цезарь Британник (41—55 гг.) — сын императора Клавдия, сводный брат императора Нерона. В результате интриг Агриппины, супруги императора, был лишен права наследования в пользу Нерона.

² Нерон правил с 54 по 68 гг.

седьмой,¹ а Агриппа правил одиннадцатый год. Этот Нерон роста был среднего — ни большой, ни маленький, но весь он был покрыт пятнами и дурно пах. Волосы у него были рыжие, а лицо скорее красивое, чем приятное, у него был мутный взгляд, и видел он плохо. Шея у него была худая, живот — обвисший, ноги же весьма тонкие. Когда он был мальчиком, он обучился всем семи свободным искусствам, и когда он закончил обучение, то весьма умело мог сам слагать новые произведения, и весьма охотно и без принуждения сочинял стихи. Он рисовал с удивительным искусством и заново копировал много чужих картин.

В начале своего правления он показал себя весьма благочестивым, сказав, что правит не сам по себе, но по приказу Клавдия Августа; наконец, он не прощал никого, кто был неискренен, неблагочестив и недружелюбен, и поначалу он сам был таким для всех. Что касается чрезмерных налогов, которыми были обременены провинции, то он отменил или уменьшил бóльшую их часть. Всем знатным сенаторам, которые впали в нищету, он назначил ежегодное пособие, чтобы они могли жить с присутствием им достоинством. Когда кого-то приговаривали к смерти, и ему говорили, чтобы он поставил на приговоре свое имя, как это обычно делали другие императоры, он отвечал: «Боже, как бы я хотел не знать никаких букв!» Когда сенаторы благодарили его за что-то, что он им обещал, он говорил: «Поблагодарите меня, когда я это заслужу». А еще по его приказу в городе было запрещено подавать² что-либо, кроме фруктов, овощей и других дешевых продуктов. И знайте, что среди всех прочих наук, что изучил император Нерон в детстве, музыку он знал превосходно: и из всех вещей, которые прodelьывают музыканты, чтобы поддерживать голос и сохранять его высоким и чистым, он не пренебрегал ни одной, но прodelьвал и использовал каждый день. Так, он часто брал свинцовый лист, ложился на землю и клал его себе на грудь, так и держал этот большой лист; и ради умения петь он часто очищал себе желудок и не всегда подобающими способами; воздерживался употреблять в пищу яблоки и другие плоды, которые ухудшают голос. Однажды он пел в театре, и вдруг затряслась земля, задрожал весь театр, так что все, кто был там, сильно испугались, но он так хотел петь, что, несмотря на великий страх, не покинул театр, пока не закончил кантигу. Это бесстыдство — петь в театрах, как хуглар, — мало-помалу захватывало его, ведь сначала он пел скрытно, на играх, устраиваемых в его частном кругу, вместе со своими близкими и певцами своего дома, затем он стал делать это в театрах перед народом, он победил всех хугларов в различных певческих состязаниях. Он часто проезжал в своей колеснице, чтобы его видели люди. Ему недостаточно было показывать свое искусство пения только в Риме, он

¹ Неверная датировка.

² В харчевнях.

делал это и в ахейских гаванях, и во всех городах, где был обычай устраивать состязания в пении или в стихосложении. Учителя пения и игры на инструментах, чтобы сделать приятное Нерону, решили между собой отправить ему все свои венки и песни, с которыми они победили и были увенчаны венком, и тотчас же сделали это. Ему было так приятно их получить, что он наделил великими почестями тех, кто принес их ему, так что он посадил их рядом с собой обедать там, где не обедал никто, кроме самого Нерона и нескольких его близких. Никто не осмеливался уйти из театра, пока он пел там, или же уйти по какому-то делу в другое место. Но он делал это так долго и так настойчиво, что некоторым из тех, кто находился там, было так противно его слушать и хвалить из страха, что, поскольку ворота замков или города были закрыты,¹ они тайком перебирались через стены и притворялись мертвыми, чтобы их вынесли. Вернувшись однажды из Греции в Рим, Нерон вступил в город в той самой колеснице, на которой Октавиан Август выиграл свои сражения, и везли его белые кони, а одет он был в пурпурные ткани, расшитые золотыми звездами, на голове его была корона такая же, как на статуе Юпитера, а в правой руке — другая, как у Пифона. Перед ним шли толпы хугларов, распевая кантиги, рассказывая истории, как он всех победил, и перечисляя места, в которых все происходило. Позади него шло множество людей, выражавших бурную радость, рыцари и знатные люди называли его своим победителем и рассыпали по дороге шафран, и пройдя довольно большое расстояние, они принесли разные жертвоприношения. Он приказал изобразить себя в статуях на манер хуглара, играющего на кифаре и других инструментах. А когда он однажды проиграл одному хуглару,² то очень тяжело ранил его. Он столько сил прикладывал для того, чтобы беречь голос (о чем мы рассказывали выше), что ради его сохранения, когда ему необходимо было подозвать какого-либо рыцаря, другой делал это за него, а то, что ему было нужно сообщить, он произносил очень тихо. В местах игр он никогда не делал ничего, если там не было учителя пения, который поправлял бы его и не давал бы ему напрягать связки.

Он многим обещал свою любовь за то, что его сильно восхваляли; кому-то он пообещал ее как бы тайно, потому что его хвалили не так, как он хотел. Был он прозорливым, развратным и весьма алчным, но сделавшись он таким постепенно и незаметно, так что люди сперва полагали, что все это — заблуждения юности, но по мере того, как он предавался порокам, стало очевидным, что все эти черты заложены в него от природы. Когда темнело, он надевал на голову шапку или накладные волосы, взяв

¹ Вслед за Светонием хроника сохраняет сравнение театрального сооружения с городом и добавляет слово «замок».

² В поэтическом состязании.

с собой одного или двоих слуг, отправлялся на большую часть ночи гулять по улицам, которые были рядом с его домом. Он заходил ради игры во все кабаки и многим встреченным на улицах причинял зло: ведь всем идущим домой ужинать, с которыми он сталкивался, он наносил тяжелые раны, а если они пытались защищаться, убивал их и бросал в сточные канавы. Он грабил таверны и постоялые дворы. В таких делах он много рисковал потерять глаз или принять смерть, так и случилось однажды, когда он стал приставать к замужней женщине, а ее муж не посмотрел на то, что он император, и нанес ему такую рану, что он чуть не умер. После этого он не осмеливался прогуливаться в эти часы без большой свиты из вооруженных сенаторов, которые шли поодаль от него, одни спереди, другие сзади. И под покровом ночи он настолько привык творить эти дела, что привычка к злодеяниям в нем возобладала, и он потерял всякий стыд, так что начал творить днем в открытую еще более гнусные вещи; так, его обед длился с полудня до полуночи.

Зимой он часто купался в горячих источниках, летом приказывал доставлять снег, разбавлял его холодной водой и купался в ней. Иногда он ел прямо на улицах, и ему прислуживали продажные юноши и женщины. Было у него страстное желание возлечь со своей матерью, но чтобы не выглядеть слабохарактерным из-за того, что он поддался любви к женщине в столь необычных обстоятельствах, он смирил свое желание. И взял он в подруги проститутку, о которой все знали, что она очень похожа на его мать, и сделал ее равной всем остальным своим женщинам. Он был уверен, что ни один мужчина не может жить без женщины и что все, кто кажется целомудренным, совершают это тайно, скрывая грех разврата. Он спрашивал многих, так ли это, и тем, кто соглашался с ним и открывал правду, он прощал все остальные совершенные ими злодеяния.

В отношении имущества он говорил, что самое лучшее — растратить его, и что те, кто тратит деньги, считая их, — мерзкие скряги, а те, кто плохо обращается с имуществом и тратит его, раздавая всем подряд и проигрывая, — люди благородные и лучшие; так что не знал он меры и тратил, сколько мог. Он ни разу не надевал никакое платье дважды, даже очень дорогое. Однажды он проиграл в кости (карты) четыреста золотых марок. Он никогда не отправлялся в путь менее, чем с тысячей повозок, и у всех его мулов были серебряные подковы. Ни в одном другом деле он не был более расточителен, чем в постройках, ведь он построил огромный и просторный дворец, портик которого был в тысячу миль длиной, а позади — пруд столь большой, что напоминал море, на берегах его — дома как в городе, а позади он построил отдельные усадьбы на манер деревенских, где росло множество виноградников, было много полей, лугов, цветников и гор, где водились все виды замечательных животных; стены же были все покрыты золотом и драгоценными камнями. В местах, предназначенных для ужина, потолки были из слоновой кости, где были сделаны

отверстия, через которые рассеивались различные благовония; а главное и самое почетное место, где он ужинал, было круглым и вращалось день и ночь на манер вращения мира. Когда он много растрачивал и ему переставало хватать денег, он начинал нападать на людей и отбирать у них все, как разбойник. Он забирал из храмов все драгоценные вещи, что были там: он расплавил все золотые и серебряные статуи, чтобы потратить эти золото и серебро. Он стал убийцей своих родственников и других людей, и началось это со смерти императора Клавдия, которого он хотя и не убивал, однако известно, что это было сделано по его приказу. Все эти дурные привычки, о которых мы рассказывали, были присущи ему с детства, и начал он им следовать с первого года своего правления, хотя и скрывал это до тех пор, пока не прошли пять лет. По истечении пяти лет, как рассказывает история, он обнаружил их все и даже еще более гнусные.

О втором годе его правления мы не нашли ничего содержательного, о чем можно было бы рассказать, настолько спокоен был мир под властью Рима.

173. О событиях третьего года

В третий год, который был в 810 год от основания Рима, когда шел 97 год эры, а Господа нашего — пятьдесят девятый, а Агриппа правил тринадцатый, случилось так, что земли, подчинявшиеся Риму, начали мятеж и восстание против римского владычества из-за великих и безмерных жестокостей императора Нерона; и первой из всех восстала Испания.¹ Император Нерон собрал войска и двинулся на нее, и не было числа жестокостям и дикостям, которые он творил. Когда народ это увидел, то, чтобы избежать большего разорения, отдал ему всю землю, за исключением города Кордовы, который управлялся советом мудрецов и не пожелал сдаваться. Нерон двинулся на нее и осадил, но не смог ее взять иначе, чем на тех условиях, которые ему выставили жители. Когда же они сдались ему, он не принял их сдачу по-доброму, но спросил, как это они отважились пойти на то, на что не пошла остальная Испания, и попросил, чтобы они указали тех, из-за которых случилось так, что они восстали. И они тотчас же ему ответили, что сделали это по совету мудрецов и философов, и что из-за них они предприняли то, что предприняли, и что они опять предпримут то же самое, если решат им довериться. Тогда Нерон послал за этими кордовскими мудрецами, чтобы они пришли к нему, а когда они явились, решил сжечь их всех, дабы преподнести урок всем жителями города, чтобы они впредь не решились на восстание. Однако прежде Нерон

¹ Вообще, крупное восстание в Галлии и Испании относится к 68 г., и о нем рассказывается в 178 гл. «Хроники Евсевия-Иеронима». Неясно, о каком восстании идет речь здесь.

посоветовался с теми мудрецами, которых привез с собой, а также с военачальниками и знатными людьми из своей свиты. И они сказали ему так: «Цезарь, тот, кто воздвиг здесь поселение, хорошо понимал природу этого места; а мы, пребывая здесь, видим, что, даже если ты казнишь этих мудрецов, скоро в Кордове появятся другие. Ведь мы знаем и понимаем, что природа этой земли, ее расположение, воздух, пища этого места, звезды наверху придают им силы; вот почему ты не должен так поступать, ибо причинишь скорее вред, чем пользу». Услышав эти доводы, Нерон, хотя и был в других делах весьма жесток и необуздан, на этот раз принял данный ему совет и отменил сожжение мудрецов. Он отправился в Рим и взял с собой Сенеку¹ и его племянника Лукана,² которые были великими философами и мудрецами. Об этом рассказывает Лукан в своей книге, где говорит:

Corduba me genuit, rapuit Nero, prelia dixi.

Что означает следующее: «Я родился в Кордове, Нерон силой привез меня в Рим, и я написал книгу о сражениях римлян». И пока они были в Риме, Цезарь очень хорошо с ними обращался, а Сенеку сделал своим учителем и дальше прислушивался к ним, и пока он так поступал, империя пребывала в мире и спокойствии. Однако поскольку нелегко изменить то, что дано природой, Нерон уже не мог быть таким, как прежде, и вышел он из-под влияния мудрецов, и снова стал бесчинствовать, как раньше, о чем расскажет история дальше. А еще знайте, что в тот самый год, когда Нерон усмирил всю землю Испании, в Риме случилось землетрясение и солнечное затмение.

174. О том, что произошло в четвертый год

В четвертый год, который был в 811 год от основания Рима, когда шел 98 год эры, а Господа нашего — шестидесятый, а Агриппа правил четырнадцатый год, случилось так, что из-за своей порочности и гордыни император Нерон приказал всем называть себя богом. Он приказал изготовить позолоченную сеть, а веревки, с помощью которых ее будут забрасывать — из пурпура и шелка; проплывая по реке на своих кораблях и отдыхая, он ловил ею рыбу. В тот же год он убил своего брата, а из-за то-

¹ Луций Анней Сенека (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — выдающийся римский философ, поэт и государственный деятель, воспитатель Нерона, впоследствии приговоренный им к смерти.

² Марк Анней Лукан (39—65 гг.) — римский поэт, автор поэмы «Фарсалия», посвященной гражданской войне между Цезарем и Помпеем, крайне широко известной в Средние века.

го, что мать порицала его за это больше, чем за остальные злодеяния, которые он говорил и делал, он лишил ее всех почестей и имущества, лишил своего общества, изгнал из дворца и не оставил ей ничего, что она могла бы потратить. Она стала серьезно угрожать ему, а он, испугавшись ее угроз, стал думать, как бы ее убить. Трижды он пытался убить ее с помощью яда, но каждый раз оказывалось, что она заранее ела то, что предотвращало отравление. В конце концов, над ее спальным местом он приказал устроить стропила так, чтобы они рухнули и убили ее, но она узнала об этом и остереглась. Увидев, что ничего из этого не подействовало, он приказал убить ее. И мы узнали, что он пошел взглянуть на ее мертвое тело, он полностью обнажил его и стал осматривать все члены, некоторые он хвалил за красоту, другие бранил, потому что они были некрасивы, а затем он велел вскрыть ее, чтобы увидеть место, где он помещался прежде, чем был рожден. После этого он убил свою жену Агриппину, сестру своего отца, и женился на другой — по имени Октавия. Из желания спать с женщинами он купался в горячих и холодных благовониях. Он возлег со своей сестрой, а потом убил ее. Кроме того, он убил многих сенаторов и потерял много провинций, подчинявшихся власти Рима.

О годах его правления с четвертого по десятый мы не нашли записей ни о каких деяниях, кроме того, что в шестой год в Иерусалиме казнили святого Иакова младшего, сына Алфеева, который был там епископом, а в седьмой перед столом Цезаря Нерона ударила молния, а в восьмой умер евангелист святой Марк.

175. О том, что произошло в десятый год

В десятый год, который был в 817 год от основания Рима, когда шел 104 год эры, а Господа нашего — шестьдесят шестой, а Агриппа правил двадцатый год, император Нерон пожелал увидеть пожар Трои и поэтому приказал поджечь город Рим, сказав, что его очень раздражают старые и тесные дома. Город горел шесть дней и семь ночей, а люди из страха перед этой катастрофой бежали в пещеры, находившиеся за городом. Нерон же стоял на вершине башни, наблюдая за пожаром, и говорил, что очень рад видеть красоту огня. Он сочинял песни и распевал их, одетый как трубадур. А чтобы суметь всех ограбить, он запретил хозяевам домов выносить из них вещи, которые остались там, чтобы они сгорели.

В то время при нем находился мудрец по имени Симон Маг, который с помощью своих чар показывал разные невиданные чудеса и говорил Нерону, что он сын Бога. У него вышел спор о вере со святым Петром. И святой Павел, который некоторое время назад вернулся с Востока, участвовал в споре о том же самом с Симоном Магом. И знайте, что Нерону понравился святой Павел, потому что он был весьма разумным, и он разрешил ему проповедовать христианство и пойти проповедовать на Запад.

И он отправился туда, и проповедовал в Испании, и обратил многих в веру в Иисуса Христа.

Об одиннадцатом годе правления истории не рассказывают ничего, поскольку не произошло ничего, о чем следовало бы рассказать.

176. О событиях двенадцатого года

В двенадцатый год, который был в 819 год от основания Рима, когда шел 106 год эры, а Господа нашего — шестьдесят восьмой, а Агриппа правил двадцать второй год, случилось так, что римский сенат, увидев, как Цезарь Нерон ведет империю к гибели и неправильно тратит на свои дурные нужды все доходы и имущества, что у него есть, решил ограничить его траты. И постановили они повышать их только для того, чтобы это шло на пользу государству, когда в том будет необходимость, и чтобы он не имел власти тратить больше определенного, хотя бы и захотел, и в конце концов положили ему ежегодно сто раз по сто тысяч монет.

А еще истории рассказывают, что в тот же год он много раз думал задушить Октавию, но ему это не удалось; тогда он прогнал ее от себя, приписав ей болезнь бесплодия. И весь народ плохо отнесся к этому разводу и никоим образом не хотел больше терпеть его гнусность, так что заставил его силой вернуть ее. И тогда он отправил ее в ссылку, а в итоге предъявил ложное свидетельство в прелюбодеянии и казнил ее. После смерти Октавии он женился на другой женщине по имени Поппея, которую любил и которой восхищался, но однажды так сильно ударил ногой ее, беременную и больную, что она умерла. После смерти Поппеи он захотел жениться на Антонии, дочери императора Клавдия, но она не согласилась, и за это он ее убил, обвинив в том, что она помышляла ввести в римском государстве новые порядки, что можно не желать брака и презирать его выгоды. Своего пасынка, который даже еще не вошел в возраст, он, когда рыбачил, приказал слугам бросить в море за то, что, как говорили, он, играя, представлял, что у него есть богатства и власть; слуги бросили его, и так он погиб. Сына своей кормилицы он отправил в ссылку за то, что тот принимал ванну, когда пришел Нерон, и не вышел его встречать. Наместнику города, у которого болело горло, он пообещал дать то, что его вылечит: и дал ему яд, от которого тот умер. Всех своих вольноотпущенников он убил, видя, что они старые и очень богатые,¹ хотя они управляли его поместьем и принесли ему пользу; одним он подмешал отраву в вино, другим — яд в пищу. Он убил тетю, сестру матери, и до того, как она умерла, вошел во владение всем ее имуществом; он спрятал ее завещание, чтобы ничто из ее вещей не досталось тем, кому она их завещала.

¹ Согласно римскому праву, имущество вольноотпущенника после его смерти перешло патрону.

177. О том, что произошло в тринадцатый год

В тринадцатый год, который был в 820 год от основания Рима, когда шел 107 год эры, а Господа нашего — шестьдесят девятый, а Агриппа правил двадцать третий год, случилось так, что император Нерон в своей злобе приказал схватить святого Павла и бросить его в темницу, и сделал он это, во-первых, по совету Симона Мага, который почти полностью подчинил себе Нерона, а во-вторых, потому что Павел был из иудеев, к которым Нерон был настроен очень враждебно, так как они восставали против императорской власти. Пока святой Павел находился в тюрьме, он обратился в веру Христову многих из свиты Нерона, и посредством писем, которые они отправляли друг другу, завел дружбу с Сенекой из Кордовы, учителем Цезаря. Когда об этом узнал Нерон, он приказал убить Сенеку и его племянника Лукана. В тот же год он убил всех знатных римских сенаторов, а их сыновей изгнал из города и заставил умереть от яда или от голода. А еще мы нашли записи о том, что в его доме жил египтянин, который привык есть сырое мясо и все, что перед ним положат; и Нерон из жестокости бросал ему живых людей, которых он убивал у него на глазах и пожирал. И знайте, что в тот же год он отправил будущего императора Веспасиана, который был предводителем рыцарей, усмирить иудеев, которые подняли мятеж и восстали против его власти, чтобы он покорил их и заставил платить налог, который они выплачивать не хотели. А еще знайте, что, когда Нерону нужно было возглавить войско, первое, о чем он позаботился, — подготовить телеги, чтобы вести свои музыкальные инструменты и все, что необходимо для пения, а также нарядить своих наложниц в мужское платье и показать им, как воевать секирой и особенно как метать дротики на манер амазонок. И еще мы обнаружили, что Нерон весьма желал, чтобы его имя осталось на века, но делал он это неумно и неосторожно: из этого стремления он отменял прежние названия вещей и городов и давал им новые, свои: так, апрель он приказал назвать нерони-ем, а Рим — Нерополем.

178. О том, что произошло в четырнадцатый год

В четырнадцатый год его правления, который был в 821 год от основания Рима, когда шел 108 год эры, а Господа нашего — семидесятый, а Агриппа правил двадцать четвертый год, император Нерон приказал святым Петру и Павлу принять участие в споре с Симоном Магом о вере. Симон похвалялся, что на их глазах взлетит на небо и этим докажет могущество Бога. Благодаря его уловкам, подхватили его демоны и стали поднимать в воздухе и подняли его уже очень высоко. Святой Павел молился, святой Петр заклинал этих злых духов во имя истинного Бога, и тогда они отпустили Симона; и подул ветер вниз, и упал он у

храма Ромула, и переломал себе все кости. Нерон весьма опечалился потере столь мудрого человека, который показывал столь невиданные чудеса, и приказал за это распять святого Петра за городом, в местечке, где изготавливали бочки. А раньше там учили и читали свои произведения мудрецы, и поэтому этот пригород назвали Ватиканом.¹ А святого Павла он приказал предать более почетной смерти, поскольку тот бы гражданином Рима, и его обезглавили в месте, называемом Катакомбами. И так при одном императоре в одном городе в один день погибли славнейшие и первые апостолы христианства. Тогда же при Нероне начались первые из двенадцати самых крупных христианских гонений. А земли, которые были под властью Нерона, увидав, какие злодеяния он творит, восстали все: сначала Франция, потом Британия и вся Армения. Он собрал корабли и пошел на Армению и Британию, и взял их; и после этого он стал считать себя самым удачливым из людей, потому что потерю в море многих драгоценных вещей, которые вез с собой, он ни во что не ставил и всем говорил, что ему вынесут их рыбы. А вот что его гораздо больше огорчало — то, что он состарился для пения и не мог уже делать это так хорошо, как он хочет; и он часто спрашивал своих людей, видели ли они когда-либо кого-то, кто делает это так же хорошо.

Когда ему сказали, что восстали Франции, он столь спокойно собирался идти их усмирять, что всем, кто был там, это очень понравилось, и они возжелали этой войны, чтобы во время нее чинить грабеж и злодеяния. И он так мало заботился об этом, что в своей беспечности отправился смотреть на состязания двух борцов на арене. И все сочли это неправильным. Когда это случилось, восстала еще и Испания. Римские сенаторы, видя, что цезарь настолько плох, неосторожен и у него такие дурные привычки и что они не могут ничего с этим поделать, они решили сделать все, что могли, чтобы не потерять могущество и славу империи. Они собрали большое войско, хорошо вооружили его и поставили военачальником Гальбу,² весьма могущественного и прославленного римлянина, и отправили его в Испанию, чтобы он усмирил народ и провинцию и охранял право. И когда Гальба прибыл в Испанию, он очень хорошо обращался со своим войском и с жителями этой земли, которые принимали его с почестями, чтобы избежать еще большего зла, как народ, имевший ранее горький опыт войны с римлянами. Он же начал править на этой земле к радости испанцев, творя суд над злодеями; так, однажды случилось так, что один знатный человек перед смертью передал своего маленького сына

¹ Этимология топонима «Ватикан» заимствована из произведения Луки Туйского, однако хронист, по-видимому, ее не понял, поэтому и не сохранил. См. *Luc. Tud. Chron.* 108: «Ob cuius necem Petro precepto Neronis in Vaticano, in uico scilicet, qui extra ciuitatem, ubi fiebant dolia, crucifigitur, ubi quondam uates studuisse dicuntur».

² Будущий император. См. Гл. 179.

под опеку своего друга с условием, что, если мальчик умрет, тот, кто его опекал, унаследует все его богатства. А дурной человек из алчности и желания наследства убил его с помощью яда. И эта тяжба предстала на суд Гальбы, и он приказал пытать его. Тот сказал, что он римский гражданин и хочет быть судим по римским законам. А сказал он это в надежде как-то сохранить жизнь. Услышав это, Гальба приказал изготовить огромную дыбу, всю побеленную, а остальные маленькие поставить позади для других злодеев, а эту огромную — для него, поскольку он римский гражданин. За это и за другое подобное испанцы желали Гальбе добра. Увидев это и сознавая слабость Нерона, он старался преумножить свое богатство и укрепить свое положение, так что вместе со своими войнами решил поднять мятеж в Испании, чтобы стать императором, раз уж Нерон так плохо обращался с государством. Бывшие с ним римляне с радостью это сделали, дали ему этот титул и заключили союз с испанцами с условием, что, после того как он будет принят римлянами, испанцы тоже примут его как императора. Испанцы, зная, что римляне отправят его,¹ дадут ему власть и будут довольны всем, что он делает, не стали им возражать, а признали его императором. Когда Нерон услышал весть о том, что восстала Испания и Гальба вместе с ней, он чуть не умер и пал духом настолько, что потерял всякую надежду на лучшее, так он и лежал, как мертвый, в большой комнате и молчал, когда же он опомнился, то разодрал одежды и долго бил себя по голове, причитая: «Несчастный! Что же со мной будет?!»

И знайте, что до своей смерти Нерон видел некоторые ее предзнаменования. Как-то он увидел сон, в котором плыл по морю, управляя кораблем, и выпал у него из рук штурвал, и увлекла его жена, к тому времени мертвая, в какой-то темный сумрак, где его всего покрыли летучие муравьи. А еще однажды сам по себе открылся мавзолей и громкий голос позвал его по имени. Когда Нерон был в Риме с той бедой (восстание Гальбы — *прим. пер.*), к нему пришло известие, что отложились все остальные войска в других провинциях. Посланники положили письма на стол, где он обедал, а он с горя перевернул стол и разбил два самых дорогих кубка. Тогда он взял яд и спрятал его в ларчик. Некоторых своих самых доверенных вольноотпущенников он отправил в Остию готовить корабль для бегства. Затем он начал спрашивать одного из своих трибунов и центурионов, хотят ли они бежать с ним. И одни вовсе не хотели отвечать и отходили, другие открыто говорили, что не хотят, и тогда один завопил: «Как долго будет длиться это несчастье, что хуже смерти?!»² Нерон стал придумывать способы, как бы ему не покоряться Гальбе, и подумывал выйти на

¹ В Рим.

² В данном случае хронист вновь следует за текстом Светония. У него эта фраза звучит как: «Так ли уж горестна смерть?» — и это слова Турна из «Энеиды» (*Ovid. Aeneid. XII. 646*).

городской форум,¹ встать посреди толпы и просить всех явить милость и простить его за все злодеяния, что он совершил до сего дня. Однако он испугался, что если выйдет, то его разорвут прежде, чем он дойдет до рынка, и поэтому оставил эту тревогу до следующего дня и отправился спать. Посреди ночи он проснулся и отправил вестников в дома всех своих друзей, чтобы они их разбудили и сказали, что он просит их прийти к нему. Но ни друзья не пришли, ни вестники не вернулись. Увидев это, он поднялся и, взяв с собой нескольких людей, обошел дома всех своих друзей, но никто не желал отворить ему, и в великой тревоге он вернулся домой, но не нашел там никого из стражи, ведь все разбежались; ведь как он никому не верил, так никто не доверял и ему. Больше всего он доверял двум людям низкого происхождения, одного из которых звали Нимфидием, а другого — Гемелием; они уже возненавидели все его жестокости и, видя, как он убил многих своих друзей, решили, что он так поступит и с ними, и по совету тех, кто хотел его убить, они покинули его. Когда Нерон понял, что все его покинули, он пошел в свой дворец, ища кого-либо, кто бы убил его, но никого не нашел. Тогда он сказал: «Нет у меня ни друга, ни недруга». И как был, босой и в исподнем, со всех ног побежал топиться в Тибре, но, когда добежал туда, одумался и, как и был, в спешке вернулся назад, решив найти укромное место, где он мог бы собраться с мыслями. Он надел одежду поверх исподнего, покрыл голову и прикрыл лицо платком, и босой вскочил на коня, и было с ним только четыре спутника. И когда он прибыл в место, куда хотел (а оно находится на расстоянии одной лиги и мили от города), он пустил коня по зарослям ежевики и деревьев, а сам пошел пешком по тропинке к незаметному домику в укромном и скрытом месте. Эта тропинка была полной колючек, так что он вынужден был разодрать свою одежду и бросить ее на колючки, ведь он был босым, и пополз по ней на четвереньках; он разорвал всю свою одежду и с большим трудом добрался до домика, пробираясь через камни и ямы. Он так устал, что бросился спать на убогое ложе, где была тощая подстилка и старое, дырявое покрывало. На другой день утром его спутники стали советовать ему уйти и не терпеть этого позора, но он желал убить себя и приказал вырыть перед ним могилу в его рост, а когда она была готова, приказал принести воду, которой его обмоют, и приготовить костер, на котором его сожгут. Нерон плакал и скулил, что с ним случилась такая беда, и повторял: «Какой великий артист погибает!» Но он опоздал с этим, ведь в это место прибыл гонец из Рима, который объявил, что весь римский сенат вынес ему приговор как врагу всех римлян и приказал найти его, чтобы казнить. Услышав это, он очень испугался, достал два кинжала, которые носил с собой, и стал смотреть, какой из них острее, затем вернул их в ножны, сказав, что его смертный час еще не пришел. Иногда

¹ В оригинале *mercado* — рынок. Хронистом XIII в. форум вполне закономерно воспринимался прежде всего как место торговли.

он принуждал своих спутников оплакивать его и начинать по нему плач, иногда — привести ему примеры самоубийц, чтобы ободрить его сердце, дабы он мог убить себя, порой он бранил свою нерешительность. Пока он этим занимался, в то место прискакали рыцари, которых послали вслед за ним римляне, чтобы они схватили его и доставили живым. Поняв это, он выхватил кинжал и вонзил его себе в сердце, правда, с помощью одного из своих спутников, который надавил на кинжал. У него, умирающего, глаза выкатились и были столь страшны, что все, кто смотрел, пришли в ужас. И так умер император Нерон, тридцати двух лет от роду, и с ним закончилась и пресеклась династия Цезаря Августа, к чьему роду он принадлежал. И как рассказывает Евсевий, дом, в котором умер Нерон, принадлежал его вольноотпущеннику и стоял между виа Салария и дорогой в Нуманцию. Когда в Риме узнали о его смерти, весь народ так обрадовался, что все стали ходить по городу с гирляндами на головах, празднуя, что они вышли из-под власти столь дурного господина.

В его правление приняли мученическую смерть святой Трофим,¹ святой Прокесс,² святой Мартиниан,³ святой Гервасий, святой Протасий,⁴ святой Назарий,⁵ святой Кельсий,⁶ святой Савиниан, святой Потенциан, святой Эодальд, святой Альгим,⁷ святой Серотин, сорок святых воинов, святой Феликс,⁸ святой Онисим,⁹ святой Эпафрас,¹⁰ святой Евод, святой Приск, святой Тимофей,¹¹ святой Аполлинарий, святой Гермагор и святой Фортунат.¹²

¹ Апостол Трофим — апостол от семидесяти, ученик и спутник апостола Павла.

² Прокесс Римский (ум. ок. 67 г.), христианский мученик, темничный страж, ученик апостола Петра.

³ Мартиниан Римский (ум. ок. 67 г.), христианский мученик, темничный страж, ученик апостола Петра.

⁴ Святые Гервасий и Протасий — раннехристианские мученики, казненные в Медиолане.

⁵ Назарий — христианский мученик, посещавший Гервасия и Протасия в тюрьме.

⁶ Кельсий (Цельсий) — христианский мученик, пострадавший во время Нероновых гонений. Умер в Медиолане.

⁷ Савиниан, Потенциан, Эодальд, Альгим — галльские мученики, их мощи ныне хранятся в Сансе.

⁸ Видимо, святой Феликс из Гераклеи, пострадавший вместе с Януарием.

⁹ Апостол Онисим — апостол от семидесяти, по преданию — епископ Византийский (54—68 гг.).

¹⁰ Эпафрас (Епафрас) — апостол от семидесяти, был епископом города Колосс и Церквей Лаодикии и Иераполя (Малая Азия).

¹¹ Тимофей (ум. ок. 80 г.) — апостол от семидесяти, ученик апостола Павла, первый епископ Эфесский.

¹² Гермагор считается первым епископом города Аквилеи (северная Италия). По одному из преданий он был возведен в сан епископа святым апостолом Петром и поставлен

Но теперь история оставит рассказ о Нероне и вернется к рассказу о Гальбе, который тогда в Испании был провозглашен императором, и об Отоне и Вителлии, которые правили после него. И об их деяниях история расскажет коротко, не ставя год эры и без счета лет их правления, во-первых, потому что они не входят в перечень императоров, ибо правили мало и как разбойники, а не так, как подобает, а во-вторых, потому что большая часть их деяний и правлений приходится на год смерти Нерона.

179. Об императоре Гальбе

Когда Гальба¹ в Испании был провозглашен императором и узнал, что Нерон Цезарь мертв, он заключил договор с испанцами, что они будут жить в мире под властью империи, но добился власти с помощью мятежа: так он хотел идти на Рим. Он собрал большую силу из отрядов римлян, которых он привел с собой, и набранных испанцев и двинулся на него. Он взял к себе в свиту Марка Фабия Квинтилиана,² испанца и достойного восхищения мудреца, чтобы показать его в Риме. Тот был первым человеком, у кого была школа, и за это он получал жалование из императорской казны. И когда Гальба прибыл в Рим, его признали властелином, и правил он шесть месяцев и шесть дней. Как рассказывает Светоний, император Гальба был хорошо сложен, ни большой, ни маленький, голова была совершенно лысой, глаза голубые, нос крючком. Ноги у него очень болели из-за сосудов в пальцах. Он очень много ел, а зимой вкушал пищу еще до рассвета.

Во всех своих действиях он придерживался совета трех людей, которые из-за близости с ним завели дурные привычки, так что он, следуя им, иногда был очень жесток, иногда — очень добр, а порой настолько беспечен, каким не подобает быть правителю. Он плохо относился ко всем условиям и должностям в Риме. Он очень хотел, чтобы у него были добрые рыцари, и тогда один отряд, ожидая, что он даст им, сколько они попросят, поклялся не служить ему до тех пор, пока он не увеличит им жалование. Его майордомы советовали ему так и поступить, но он не пожелал пойти на это и сказал, что обычно отбирает рыцарей, а не покупает. После этого он стал настолько жадным и мелочным, и так тяжело было ему расстаться с понравившимися вещами, что он всех оставил без жалования.

святым апостолом Марком на служение жителям тех краев. Гермагор и его диакон Фортунат вели проповедь, но были схвачены Севастием, представителем императора Нерона. Их подвергли пыткам, а затем обезглавили. По другой версии, они погибли во время Диклетиановых гонений.

¹ Гальба правил с 6 июня 68 г. по 15 января 69 г.

² Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 — ок. 96 гг.) — выдающийся римский ритор, автор «Наставлений оратору» (*Institutio oratoria*), самого полного из известных учебников ораторского искусства.

А когда он увидел, что все желают ему зла, он усыновил Пизона, весьма высокородного римского юношу, ведущего хорошую жизнь, и стал править вместе с ним.

Но в то время в Риме жил весьма могущественный человек по имени Отон, и многие желали сделать его императором. Однажды этот Отон послал большой отряд рыцарей убить Гальбу, который шел на форум. Рыцари палками разогнали толпу и увидели вдалеке Гальбу, они испугались его вида и ненадолго замерли, но был там тот, кто воодушевил их. Они поскакали к Гальбе, и все, кто был с ним, разбежались, и они убили его. Весьма удивительно то, что не пожелали прийти к нему на помощь те, кого он звал, и не помогли ему те, кто был с ним. Отоновы рыцари, убившие его, оставили лежать его посреди площади и уехали. Так и лежал Гальба мертвым до тех пор, пока мимо не прошел рыцарь Грегарий, который шел забрать хлеб; увидев его, он положил поклажу на землю, подошел к нему, отрезал голову, поддел ее большим пальцем за челюсть и так принес императору Отону. Он отдал ее водоносам и глашатаям, а они надели ее на острие копья и так и носили, крича и потешаясь, пока не достигли границ Города и оставили ее там. А на том самом месте, где погиб Гальба, Отон приказал убить Пизона, приемного сына Гальбы. И тогда возобновились стычки отрядов римских горожан, как это было во времена Юлия и Помпея; и было это потому, что, как рассказывает Павел Орозий,¹ Господь наш не желал хранить этот город в память о святом Петре, который принял там мученичество.

180. Об императоре Отоне

После того как умер Гальба, подобно разбойникам, провозгласили себя императорами Отон² в Риме, Вителлий в Германии и Веспасиан в Сирии. Но Отон называется императором потому, что стал им в Риме, столице империи, и правил он три месяца. И, как рассказывает Светоний, был он маленького роста, ноги у него были безобразные, был он лысым. Он тщательно брился, как если бы хотел походить на женщину: так что, умывая лицо, он всегда растирал его моченым хлебом, и потому как только начинал появляться первый пушок, у него была привычка сбривать его, и часто протирать, чтобы щетина не появлялась вовсе. С самого раннего возраста, как он стал что-то понимать, он был распущенным и наглым. У него была привычка бродить ночью по улицам, и если он встречал кого-то слабее себя или подвыпившего, он бил его или засовывал в мешок и бросал в канаву. Когда он был юношей, в доме у императора Нерона жила

¹ *Oros.* VII. 8. 2.

² Марк Сальвий Отон — римский император с 15 января по 16 апреля 69 г.

женщина, бывшая рабыней и ставшая вольноотпущенницей, удивительно старая; и так как она была очень близка к Цезарю, Отон притворился влюбленным в нее и выказывал страстную любовь. И она ввела его в ближний круг Нерона, так что через несколько дней он стал одним из самых близких его друзей, а случилось это потому, что привычки обоих очень совпадали; и Отона всегда звали на все советы в частном кругу. В тот день, когда Нерон сообщил о намерении убить свою мать, Отон был на совете, и, чтобы отвести подозрения народа, он пригласил их обоих к себе и отобедал с ними. Нерон испытывал к нему такое благоволение, что поговаривали, будто он оставит ему власть; когда же этот слух дошел до Отона, он ничего не предпринял, потому что понял, что люди будут ему благодарны, если он этого не сделает. И вот, тех, кто приходил обедать к нему, он приглашал столько же раз, сколько приглашал на пир в свой дом императора, и выставлял для них все золотые и серебряные кубки. Из-за этого и из-за других его поступков не осталось в мире никого, кто не говорил бы, что только Отон достоин унаследовать власть в Риме. И слухи эти продолжались до тех пор, пока Гальба не усыновил Пизона; и когда он увидел, что Пизон уже является аделантадо в его империи и что он не сможет получить ее миром путем наследования, то употребил все силы, чтобы захватить ее силой, и убил их обоих так, как было рассказано выше в истории.

Поддерживавшие его рыцари называли его императором, простолюдины называли его Нероном, и это ему очень нравилось как проявление любви к нему. И в своих письмах, которые он посылал наместникам провинций, он называл себя Отоном Нероном. Все статуи Нерона он приказал вернуть туда, куда тот их поместил и откуда римляне повелели их убрать. Всех его управителей и вольноотпущенников он вернул на те должности, которые они занимали при Нероне.

И пока Отон занимался этим в Риме, Вителлий, который провозгласил себя императором в германской земле и который был сыном Луция Вителлия и трижды консулом, собрал великое войско и явился в Рим, чтобы сразиться с Отоном, и сошлись они при Бетриаке.¹ И когда Отон увидел, что его воины побеждены, он сам убил себя.

181. Об императоре Вителлии

Как только Вителлий² узнал, что Отон погиб, он устремился к Риму, дерзко полагая, что возьмет его, и вошел в город. Поскольку его поддерживало много людей, его приняли как императора, и правил он восемь

¹ Ок. Г. Кремона.

² Авл Вителлий — римский император с 17 апреля по 22 декабря 69 г.

месяцев. И, как рассказывает Светоний в девятой книге своей истории, что Вителлий ребенком и юношей постоянно жил у наложниц Тиберия, а когда он стал постарше, то преисполнился всех пороков. Однако при императорском дворе он прославился больше других: ведь он заслужил любовь Гая тем, что хорошо умел править колесницами; добился привязанности Клавдия потому, что играл в кости¹ (карты), а уж Нерон полюбил его пуще своих предшественников и осыпал почестями, во-первых, за все то же самое, во-вторых, он это заслужил благодаря тому, что доставил Нерону удовольствие — и послушайте, какое. Нерон приказал всем трубадурам явиться в театр и велел им давать представление и играть на инструментах, чтобы по обычаю увенчать венком победителя. Нерон же, будучи большим мастером в этих искусствах (как об этом рассказывала выше история), очень хотел выйти на сцену, чтобы одержать победу над трубадурами, и народ, зная об этом его желании, стал его просить, но он из смущения не решался и, когда они стали настаивать, вышел из театра. Вителлий вышел вслед за ним и сказал, что его послал народ попросить Нерона вернуться в театр и победить всех трубадуров, и тем самым оказать всем великую милость, за которую они всегда будут служить ему. Услышав это, Нерон вернулся в театр и исполнил их волю, и поэтому он стал очень хорошо относиться к Вителлию и осыпал его подарками. Но когда Нерон умер, Вителлию пришлось несладко из-за неприязни, которую к нему испытывал император Гальба, и он дошел до такой нищеты, что едва мог найти пропитание. Однажды — скорее ради унижения, чем из любви — отправил его Гальба начальником над войском в Нижней Германии, а он, хоть и желал отправиться туда, не имел возможности обеспечить пропитанием жену и детей, да и денег на дорогу у него не было. Из большой нужды он отделил в своем доме место, где он обычно обедал, и определил его местом проживания для жены и детей, а остальной дом сдал внаем до конца года, и эту арендную плату оставил им на пропитание. Он пошел к матери, взял у нее серьги, которые она носила, и заложил их, чтобы выручить денег на дорогу в Германию. И пришли к нему многие, кому он был должен, и стали просить его отдать причитающееся им и препятствовали его отъезду, и, когда он увидел, что не сможет уехать, упросив их, он обошелся с ними дурно и пригрозил им, и не осталось им ничего, кроме как уйти без денег.

Когда он прибыл к войскам в Германию, рыцари с большим воодушевлением приняли его как предводителя, ведь людям всегда нравится все новое. И всех, кто вышел его встречать, он обнял и поцеловал. Когда он вышел к войскам, он не отказал никому ни в одной просьбе. Тем, кто был оклеветан каким-то наветом, дал свои письма, которые восстановили их добрую славу; тех, кто был повинен в каком-то проступке, простил; освободил приговоренных к смерти. И за все это рыцари так его полюбили,

¹ В оригинале *tablas*.

что несколько дней спустя после его приезда в Германию пришли к нему, вытащили из спальни и, как он был в исподнем, в котором ходил дома, так и провозгласили его императором и пронесли его по самым главным улицам города, а потом — по всем городам Германии, и они радовались так, как будто победили в великом сражении. По рекам плыло много кораблей, а на них стояли люди в разнообразных гирляндах и венках. Никто ни из рыцарей, ни из других отрядов войска не был наказан, и все творили, что хотели; так что, если бы они учинили разбой или другое злодеяние, это сочли бы за игру. Однажды Вителлий ехал через поле, где проходила страшная битва, и рыцари сбежали из-за запаха мертвых тел, Вителлий громко поклялся, что хорошо пахнет поверженный враг, но еще лучше — римский гражданин. На празднике, когда он пировал при большом скоплении народа, один трубадур запел кантигу из числа сочиненных Нероном, и Вителлий сначала обрадовался, а потом заплакал из жалости к нему.

А когда он утвердил свою власть в Риме, он стал предаваться обжорству и жестокости. Он всегда ел по три или четыре раза в день, часто закатывал роскошные обеды и ужины и все съедал, потому что, когда хотел, принимал рвотное. Одному человеку он говорил, что на другой день у него пообедает, и другому говорил то же самое, и так в один день обедал у обоих, один раз у одного, другой — у другого, и ни один пир не стоил меньше, чем четыреста тысяч в монете, которая тогда ходила. Но самый знаменитый пир устроил однажды его брат и пригласил его; и вот перед ним поставили две тысячи самых больших рыб, которые только водятся в морях и реках, и семь тысяч птиц, маринованных различным способом. А однажды, когда он посвятил храм Патины,¹ он устроил другой пир, еще более роскошный, где подавалось много фазанов и павлинов, удивительно приготовленных, а еще птица и рыба, которую только можно найти, и молоко со всех земель от Парфии до Испанского пролива. Вителлий был таким обжорой, что никак не мог выносить голод, и даже когда участвовал в храмовом жертвоприношении, ел жареных цыплят, лежавших на телеге.

Он убивал весьма охотно и по любому поводу. Людей знатных, одного с ним возраста и происхождения, которые учились вместе с ним, он убивал с помощью каких только мог уловок; так, когда один из них был в горячке и попросил попить холодной воды, он подал ее своей рукой и положил туда яд, от которого тот умер. Как только о ком-то говорили, что он совершил злодеяние, он тотчас казнил его, лишь только услышав; а кроме того, все подозревали, что он был замешан в убийстве своей матери.

¹ У Светония в аналогичном месте сказано о серебряном блюде — *patina* — необычайной величины, из которого ел Вителлий (*Suet. Vitell. 13. 1—3*). Светоний употребляет выражение *dedicatio patinae*, а так как слово *dedicatio* (посвящение) часто используется для описания религиозных посвящений, его позднейшие читатели неверно истолковали малоупотребительное слово *patina* как имя богини.

А пока в Риме происходили такие дела, Веспасиан с большим войском вел очень успешные войны и завоевал всю иудейскую землю. И вот до войска дошли известия о стычках римских граждан и о том, как погибли Гальба и Отон, и о том, что императором стал Вителлий, который оказался еще хуже, чем они. И тогда старые и прославленные рыцари стали рассуждать промеж себя и говорить с горечью, что всегда они были первыми как в опасных и отчаянных ситуациях, так и в наградах, и что всегда они были господами над теми, кто ниже их; и, кроме того, в их войске находится такой знатный человек, как Веспасиан, которого нужно провозгласить императором, ведь он достаточно много пожил, чтобы принимать решения, но в битвах сильнее юношей. И поэтому они обратились к Веспасиану и попросили его взять власть в Риме, который катился к гибели. Он же не хотел соглашаться, говоря, что не подобает ему этого. Но предводители и рыцари так просили его, что он, скрепя сердце, согласился. Однако сначала он предпочел позаботиться об управлении, а потом уже — о славе, которую дает власть; и решил выступить на Рим, прошел через Каппадокию и Фригию; сына своего, Тита, он отправил наместником в Сирию, чтобы он сражался с Иудеей. Вителлий же, который тогда находился в Риме, совершенно позабыл о великой чести и власти, которая была у него, и предавался пороку обжорства в каждом доме.¹ И вот до него дошла весть, что против него выступил Веспасиан; он же, желая как можно лучше устроить свои дела, запер на Капитолии брата Веспасиана Флавия и тех, кто был на его стороне, и сжег их. Когда об этом узнал Веспасиан, он еще больше укрепился в желании идти против него. Вителлий же передал всю власть Цецине, начальнику своих рыцарей, и отправил его против Веспасиана; а сам он остался в Городе, потому что был очень слаб из-за неумеренного разврата; он пил целыми днями, ожидая, что когда его враг придет, то найдет его пьяным, и он не почувствует смерти. Веспасиан и Цецина сошлись в битве на подступах к Городу, и все, кто был за Вителлия, оказались побеждены и убиты. Узнав об этом, он заперся в малюсеньком неприметном домишке рядом с дворцом, но, когда Веспасиан вошел в Город, он выгнал Вителлия оттуда; и связали ему руки за спиной, надели петлю на шею, разодрали одежды и полуголого потащили на форум, чиня ему оскорбления словом и делом. Как преступнику, ему оттянули за волосы голову и под подбородок подставили меч, так что он не мог наклонить голову и скрыть лицо, голова была поднята, и ее видели все. Одни швыряли в него грязью, другие — навозом, его называли «кочергой в очаге», потому что он ел прямо из печи, и «патинарием» из-за роскошного пира, который он устроил на посвящении храма Патины; чернь указывала ему на его болезни и телесные недостатки, о которых она знала: бранили его телосложение, поскольку он был одутловатым, с ли-

¹ Светоний говорит, что император напрашивался на угощение к своим друзьям (*Suet. Vitell. 13. 1*).

цом опухшим, цвета красной глины из-за выпитого им вина, с толстым животом и больным бедром. Его забили камнями и прикончили мелкими ударами и, зацепив железным крюком, сбросили в Тибр, так что тело его не было ни сожжено, ни погребено. Веспасиан же не раскаялся в своей жестокости, потому что ненавидел того, кто убил его брата.

*182. О правлении императора Веспасиана
и о том, что произошло в первый год*

После того как компания тех, кто провозгласил себя императором, была разбита и уничтожена, Веспасиан сделался императором Рима¹ спокойно, мирно и без всякого противодействия. И первый год его правления был в 802 год от основания Рима, когда шел 109 год эры, а Господа нашего — семьдесят первый, а Агриппа правил двадцать пятый год. Веспасиан правил девять лет, одиннадцать месяцев и двадцать два дня. И, как рассказывает Светоний, был он человеком доброго нрава, ведущим порядочную жизнь. В правление Нерона, будучи одним из его приближенных, он не мог выносить его гнусности; когда тот пел или играл на музыкальных инструментах, он или засыпал, или в раздражении удалялся. И поэтому Нерон не любил его и сильно гневался, так что изгнал его из своей свиты и запретил ему когда-либо там появляться. Веспасиан удалился в маленькое имение, которое было расположено в глуши вдалеке от дороги, и там жил в ожидании смерти, пока ненависть Нерона к нему не исчезла, он не сделал его предводителем рыцарей и не послал завоевывать провинцию Иудею, как история рассказывала выше.

И вот, уже став императором, он как-то сделал наместником какой-то провинции некоего высокородного юношу и приказал написать об этом указ. А юноша пришел к нему поблагодарить его (что и нужно было сделать по отношению к господину) и явился к нему, умащенный благовониями, которые удивительно хорошо пахли; и когда Веспасиан услышал этот запах, он отвернулся и начал громко браниться, а еще приказал разорвать указ, сказав, что мужчина, который умащается, как женщина, не предназначен ни для войны, ни для управления провинцией. Он обновил высшие сословия, которые всегда были в Риме, и вписал туда рыцарей, потому что сословия эти состарились, уменьшились и были измучены казнями людей знатных и добрых сеньоров, а также междоусобицами; он же вернул их в прежнее состояние. Он произвел точную перепись сенаторов, военачальников и рыцарей и лишил статуса тех, кто ему едва соответствовал, поставив на их места других, которые, по его мнению, больше заслуживали этого своей порядочностью. В течение всей своей жизни он

¹ Веспасиан правил с 69 по 79 гг.

вел себя как воспитанный и благочестивый человек. Он никогда не возводил себя к роду более высокому, чем тот, к которому он на самом деле принадлежал; он всегда говорил, что принадлежит к общине не высокого и не низкого происхождения, а иногда говорил согражданам, что они лучше него. Он никогда не заботился о роскошном убранстве своего наряда; всегда очень кротко выслушивал речи друзей и насмешки философов. Он скоро забывал причиненные ему огорчения и вражду, так что не наказывал и не мстил за них. Он никогда не причинял никому зла из подозрения или из страха, будто причинили ему; так, однажды его друзья посоветовали ему остерегаться одного рыцаря, о котором говорили, будто бы он из императорского рода, как бы он не загорелся рискованным стремлением лишить его власти. Услышав об этом, Веспасиан послал за ним и заставил его пообещать, что тот всегда будет помнить об тех благодеяниях, что оказал ему Веспасиан; и рыцарь охотно пообещал ему это, а император сделал его консулом. Затем он выдал замуж дочь Вителлия, своего врага, за благородного, и дал ей удивительно большое приданое, и оказал великие почести.

И пока в тот год Веспасиан пребывал в Риме, его сын Тит был в Иудее, всю ее разорил и очень славно завоевал Иерусалим.¹

183. О событиях второго года

Во второй год, который был в 803 год от основания Рима, когда шел 110 год эры, а Господа нашего — семьдесят второй, а Агриппа правил двадцать шестой год, случилось так, что Тит Цезарь, осаждавший Иерусалим, разорил всю землю иудейскую; и сделал он это, во-первых, для римлян, а во-вторых, из-за войн и восстаний, которые учиняли жители этой земли. Те, кто оставался в Иерусалиме, разделились на три группы и, не ведая меры, убивали друг друга, сражаясь днем и ночью. Римляне тоже сражались изо всех сил, так что у несчастных не было на отдых ни часа; они убивали себя сами, их убивали чужеземцы, много было мертвых, кровь текла рекой, так что она заполняла все и проникала даже в самые потаенные места храма. Вот так — от огня, от меча или от голода — погибли все защитники города; не осталось ни одного безопасного места, никто не мог бежать, со всех сторон были страшные разрушения; радовались те, кто был при смерти, и отчаивались живые, так что по праву можно было назвать несчастными тех, кто остался в живых, и удачливыми — умирающих, и воскликнуть, обращаясь к Иерусалиму: «Как же ты жестоко обманулся, город, полный людей, сражаясь своими собственными войсками! Раньше ты побеждал без войск, раньше ты без

¹ Во время Первой Иудейской войны (66—71 гг.).

боя наносил раны своим врагам — ангелы сражались за тебя; волна морская, земля открывалась и смыкалась над недругами твоими, лучи солнца убивали их. Ныне ты пал и, плененный, спрашиваешь себя: понимаешь ли ты, что жив Варрава и мертв Иисус Христос, ведь в тебе правит разлад и погребен мир, так что погибель твоя будет жестокой и разрушат тебя чужеземцы». Так точь-в-точь и случилось; ибо вместо умащений и благовоний, вместо масел, чудесных пряностей и цветов, в изобилии бывших когда-то в храме, там лежали мертвые тела, ожидающие погребения, и разлагал их дождь, и жег их огонь, и раскаляло, и высушивало их солнце, ибо не было никого, кто имел бы время похоронить их, особенно же тех, кто умирал в храме или на площадях, ведь из-за войны заботились прежде всего о том, чтобы убить или ранить, а не о том, чтобы похоронить. Однако среди них (жителей Иерусалима — прим. пер.) нашлась большая группа разбойников, которые умели проворно наносить раны, а запах мертвых тел они воспринимали без отвращения, в отличие от остальных людей; и вот они брали тела и выбрасывали их вниз со стен. Сын Веспасиана, Тит, увидев, что канавы и рвы вокруг города полны мертвыми телами и что кровь течет сверху и растекается во все стороны, принялся громко стенать и плакать, и воздел он руки к небу и сказал: «Господь Бог, не должен ты наказывать меня за это жестокое деяние, ведь я бы с радостью простил их, если только они перестали бы убивать друг друга и попросили меня о мире, я готов был сохранить им жизнь и здоровье, если бы они только прекратили бой». Когда Тит говорил это, рядом с ним находился иудей по имени Манней, сын Лазаря, он бежал из города, и прибыл к римлянам, и поклялся, что из одних ворот города, которые ему доверяют охранять, из города вынесут пятнадцать тысяч восемьсот восемьдесят мертвых, и будут они погребены на средства общины, так что никто, кто хоронил своих родственников, не будет платить. Как рассказывает Егесипп,¹ погребение это не обошлось без того, чтобы бросать тела с высоты городских стен. Было еще много других высокопоставленных иудеев, которые тоже бежали из города и прибыли к Титу, и говорили они, что вынесут из городских ворот ровно шестьсот тысяч мертвых иудеев, а остальных, кого невозможно вынести из-за большого количества погибших, столько, что их невозможно сосчитать. И знайте еще, что злодеи учиняли такой страшный разбой и столь велики были страдания от голода, что все, кто мог сбежать, сдались римлянам. Тит Цезарь приказал всем своим войскам продавать им все, в чем у них будет нужда, и чтобы никто не осмелился причинить им зло. Ни один иудей в городе не решался держать золото или какое добро, кроме воров и разбойников, которые обыскивали всех и, если

¹ По всей видимости, имеется в виду Егезипп (вар.: Гегесипп, Эгесипп), раннехристианский автор еврейского происхождения. По свидетельству Евсевия Кесарийского, жил в правление императора Адриана (117—138 гг.).

что-то находили, убивали за это. В конце концов те, кто бежал к римлянам, по кусочкам проглатывали золото, чтобы его не нашли, а когда они находили еду у войска, они нащупывали это золото во внутренностях и доставали его. Об этом узнал некий сириец и так, один за другим, все узнали, что тот народ (иудеи — *прим. пер.*) очень жаден и горазд на всякие хитрости и что из-за желанья обладать нет для них ничего ни слишком жестокого, ни слишком грязного, чего они постыдились бы сделать. А от сирийцев об этом узнали жители Аравии, люди не менее алчные, чем иудеи, но гораздо более жестокие и лишенные всякого благочестия, и стали они говорить друг другу: «Эти иудеи, выходящие из города, откормлены золотом». И вот, вопреки праву, закону и приказу Цезаря, который запретил кому бы то ни было причинять им зло, они стали убивать всех, кого могли; и когда они еще дышали, вспарывали им живот и искали там золото, однажды ночью так убили две тысячи иудеев. Кроме этого, случилось с бежавшими к римлянам иудеями и другое несчастье, от которого они почти все умерли, и заключалось оно вот в чем. Пока они были в городе, им нечего было есть, и у них усохли сосуды и те органы, через которые пища попадает в тело, они утратили навык питания, челюсти их ослабли так, что они не могли жевать пищу, а голод в них все рос, и они сбегались к пище с остервенением, будто голодные и неразумные животные. Много было тех, кто, увидев еду, умирал от радости; другие ели столько, сколько их желудки не могли вынести, становились похожими на больных водянкой и от этого умирали. Некоторые же спаслись, потому что ели маленькими порциями, пока не вернули себе навык питания.

Война велась с обеих сторон столь ожесточенно, что римляне разрушили часть домов, окружавших Храм, а иудеи разрушили его, ведя войну друг с другом. Они разобрали ворота Храма, и он как будто бы закрыл свое лицо. Голод был чудовищным, и люди гнались друг за другом, чтобы ухватить что-нибудь съестное; там, где, по слухам, была еда, там разгоралась битва, ведь за нее убивали друг друга родственники и друзья; они обыскивали мертвых, ища, не припрятано ли у них что-то съестное; из одного места в другое все ходили, страшно голодные, с открытыми ртами, подобно бешеным псам, а когда ничего не находили, брали кожу и ели ее, ели обувь и не стыдились снять ее с ноги и положить в рот. Они искали и быстро хватали старые соломинки, выброшенные давным-давно в мусорную кучу, и те, кто их находил, вынуждены были очень быстро их есть. А еще знайте, что в то время жила в городе одна знатная госпожа по имени Мария, и происходила она из земли за рекой Иордан. И вот в самом начале войны она переехала со всем своим имуществом в Иерусалим, чтобы быть там в большей безопасности, а так как она была очень богата, то привезла с собой много вещей; однако все это у нее украли враги, и если она и купила что-то из еды на свои деньги, все это вырвали у нее из рук. Так у нее пропало все, и ей нечего стало есть, а так как она была женщиной, воспитанной в роскоши, она не могла есть солону или сырую жест-

кую кожу, и голод ее был настолько сильным, что порой она теряла сознание. А был у нее маленький сын, которого она кормила грудью, но так как она ничего не ела, у нее не было для него молока, и мальчик плакал от голода, а у Марии, слышавшей это, разрывалось сердце, и не знала она, что ей делать с собой и с ним. И видя, какие жестокости и злодеяния творят разбойники, осатанев от голода, она утратила естественную материнскую любовь к сыну и, повернувшись к нему, сказала так: «Что мне делать с тобой, малыш, что делать? Ты окружен жестокими явлениями; окружают тебя война и голод, огонь и разбойники и прочие опасности; да и я скоро умру. Кому мне отдать тебя и как оставить тебя в живых, маленькое существо? Я ждала, что ты вырастешь и буду я под твоим покровительством, как мать, и что ты похоронишь меня, когда я умру; а теперь что мне делать, несчастной? Ведь не вижу никакой подмоги, с которой ты и я могли бы выжить. Для кого я сохраню тебя или в какой могиле похороню, чтобы не сожрали тебя ни собаки, ни птицы, ни дикие звери? Сладкое нутро и тельце, дающее радость, прежде чем голод совсем вас уничтожит, верните мне то, что взяли у меня; вернитесь в ту темную комнату, где получили дух жизни, ибо там и будет для вас желанная могила. Сын мой, горе тебе, так как я не могу поддержать тебя любовью и обращаться с тобой так, как ты в том нуждаешься; я напитая свои члены и не понарошку, а настоящей едой. До сей поры мы поступали благочестиво, а теперь сделаем так, как нам подсказывает голод. Но твоя участь лучше и благочестивее моей, ведь я, как мать, должна тебя воспитывать, а не убивать или есть, подобно дикому зверю; а ты, который должен слушаться, будешь повелевать своей матерью». Сказав это, Мария отвернулась и обезглавила его, а сделав это, разрезала его на кусочки и поставила на огонь, чтобы приготовить; она съела только одну часть, а другие припрятала, чтобы, если кто-то придет, не нашел бы их. Однако запах жареного дошел до начальников, удерживающих город, и пошли они на запах, пока не дошли до ее дома, и вошли они внутрь, и стали грозить Марии убить ее за то, что она решилась поесть, когда они сами были голодны, и за то, что она не поделилась с ними пищей, которую нашла. А она сказал им: «Ваша часть от того, что ела я, вас дожидается; не пренебрегайте ею, ведь я накормлю вас своими внутренностями; но садитесь, ведь скоро я накрою для вас стол». Сказав это, она достала приготовленное тело, поставила его перед ними для еды и сказала: «Вот мой обед, а это — ваша часть, убедитесь, что я вас не обманываю: вот детская рука, вот нога и половина тела. И не беспокойтесь, что это чужой ребенок, но знайте, что это — мой сын. Никогда ты, сын мой, не был столь сладок для меня. Тебя я должна благодарить за то, что до сих пор жива, сладость твоя поддерживает мою душу и отдаляет от твоей несчастной матери день ее смерти. Пришли те, кто хотел меня убить, а у меня было на что их пригласить; и им тоже нужно благодарить тебя, потому что они съедят свою часть». Она увидела, какой испуг объял иудеев при виде поступка, столь дикого, и сказала им: «Что же вы медлите, почему

же вы ненавидите всем сердцем такую вкусную пищу и почему не едите то, что я, мать, ела? Попробуйте и убедитесь, как сладок мой сын, не ищите быть благочестивее матери и слабее женщины. Эту пищу приготовила я, но вы сделали так, чтобы я стала обедать таким образом. Я страдала, и горе одолело меня». Когда она такое сказала, пришедшие вышли вон, и тут же по всему городу пронеслось известие об этом великом грехе и злодеянии; всех объял страх, и никто не хотел даже слушать разговоров о такой страшной пище. Скоро об этом узнали и римляне, ведь многие из иудеев, объятые страхом от такого дела, бежали к ним. Когда об этом услышал Тит Цезарь, он проклял скверну этой несчастной земли, воздел руки к нему и стал говорить так: «Мы пришли на войну, но мы сражаемся не с людьми, а с дикими животными, однако даже звери любят своих детей и защищают их, даже когда очень голодны, защищают их от других животных и никогда не едят своих сородичей. И поэтому наивысшая жестокость — когда мать убивает и ест тело, которое она родила. Я не запятнан этой скверной, и поэтому взываю к тебе, могущественный Бог на небесах, кем бы ты ни был; ибо, Господь, ты хорошо знаешь, что я больше всего желаю мира, и мне не стыдно признаться в том, что я, победитель, много раз говорил им, что хотел бы простить их. Но что мне делать с теми, кто сражается против меня и жестоко обращается со своими? Много раз они умоляли нас с высоты стен, чтобы мы их завоевали, дабы их не убивали так жестоко свои же. Я много раз бросал оружие, чтобы не навредить им, и брал его снова, чтобы с боем отбить их и освободить от гораздо большего зла, которое они причиняют друг другу; и каждый раз, когда я со своими войсками подходил к городу, они силой заканчивали междоусобную войну и устремлялись на нас». Сказав это, Тит приказал подвести к стене, стоящей перед Храмом, устройства, которые по латыни называются *arietes*, что означает «баран», потому что они таранят стену, как обычно это делают бараны, а на испанском они называются *bozones* (тараны), потому что на конце бревен, которыми они дырявят стену, есть железный накопечник, и они очень ловко, как будто бы одним ударом, делают в стене дырку. А еще Тит приказал поджечь Храм; увидев его в огне, все иудеи бежали оттуда, а Цезарь приказал поместить позади него римские воинские знаки; они стали совершать жертвоприношение напротив восточной двери и громким голосом называть Тита императором. Священнослужители, жившие рядом с Храмом, страдая от недостатка воды и от жара огня, который полыхал недалеко, умирали от жажды и просили у римлян милости сохранить им жизнь. Но Тит Цезарь приказал их всех убить, сказав, что те священнослужители были слабы сердцем, если любили жизнь больше, чем свой Храм и своего Бога. А Иоанну, Симону и другим военачальникам,¹ которые просили даровать им милость и простить их, он от-

¹ Иоанн Гискальский (Ионахан из Гуш Халава) (ум. ок. 70 г.) и Симон, сын Гиоры (Шимон бар Гиора) (ум. в 70 г.) — предводители восставших в период Первой Иудейской

ветил так: «Злые люди, уже поздно прощать вас, ведь я не нашел в городе ничего, что можно было бы сохранить. Я предлагал вам мир, но вы его не приняли; я хотел простить вас, но вы мне не дали этого сделать; я продолжил войну, и вот вы мне покорились. А теперь народ погиб, Храм пылает, а чем вооружены вы? Бросьте оружие и признайте себя побежденными, и я сохраню вам жизнь, а не то все умрете». И Тит Цезарь, хоть и был очень разгневан, не переменял решения в сердце своем помиловать их, обратив мысли к доброте и благородству, которыми должен быть наделен король; и принял он всех бежавших к нему. Римляне так устали убивать и так им надоело продавать пленных, что они согласились с тем, чтобы оставить им жизнь. Много было людей на продажу, но мало было покупателей, а получилось так потому, что римляне не хотели иметь рабов-иудеев, которых считали негодными, но не укрылся от них никто, кого можно было бы продать. Случилось так, что кто-то купил сразу тридцать за одну монету, по этой цене многие из них и были проданы. И как рассказывают Иосиф и Егесипп, всего во время осады Иерусалима умерло сто тысяч человек, а пленников было девяносто семь тысяч. А так много иудеев находилось в то время в Иерусалиме потому, что они пришли на праздник опресноков, а у них был закон собираться там со всей иудейской земли. Тит приказал поджечь город в восьмой день апреля, и так он весь его разрушил. А Господь наш Бог пожелал, чтобы это разрушение случилось в дни этого праздника потому, что в то время как раз распяли Иисуса Христа, спасителя мира, так что за это они и потерпели разрушение; и как Он был продан за тридцать серебряников, так и их продавали по тридцать за одну (серебряную) монету. И так навеки рухнуло Королевство Иудейское, как предсказывали пророки и говорил Господь наш Иисус Христос в своем Евангелии.

184. О событиях третьего года

В третий год, который был в 804 год от основания Рима, когда шел 111 год эры, а год Господа нашего — семьдесят третий, случилось так, что Тит Цезарь, завоевав иудейскую землю, разрушив Иерусалим и подчинив всю Сирию, вернулся в Рим к своему отцу Веспасиану. Император и сенат вышли ему навстречу и приветствовали с большими почестями, и оба они, отец и сын, в один день въехали в Город как императоры на одной колеснице, чего никогда не случалось у тех, кто был до них. Тит привез с собой из Иерусалима Ковчег Завета, который был в Храме, и подсвечник (менору), и стол, и другие священные вещи, бывшие там; он поместил их в храм, который ныне называют церковью святого Иоанна

войны. Существовала также третья партия — Элезара, сына первосвященника Анании, которого поддерживали священники и служители иерусалимского Храма.

на Латеранском холме.¹ И когда по всему миру разнеслась весть о разрушении Иерусалима, людей объял такой сильный страх, что они сами передали императорам следующие земли: Ахейю, Ликию, Родос, Византий, который ныне называется Константинополем, Самос, Фракию, Киликию, Комагены; и стали они отныне римскими провинциями, чего не случалось никогда прежде во времена других императоров. И вся империя пребывала в мире в течение всего правления Веспасиана, так что ни Восток, ни Испания, ни Запад, ни другая какая земля не поднималась ни на какую войну.

О годах правления с третьего по девятый мы не нашли никаких записей, о которых стоило бы рассказать, по причине того, что все земли пребывали в мире.

185. О том, что произошло в девятый год

В девятый год, который был в сто двенадцатый год эры,² случилось так, что жители провинций и других земель стали недовольны императором Веспасианом, потому что он стал проявлять свою жадность. И алчность его тем более бросалась в глаза, что была она присуща человеку, состоящему из одних только достоинств, в котором не было ничего дурного за исключением ее одной. А показал он ее следующим образом: он взыскивал во всем мире все недоимки, которые император Гальба отменил или уменьшил, и не остановился на этом, но только увеличил их и прибавил к ним другие, новые, а во многих местах удвоил. Кроме того, он приказал распродать все свое имущество — деяние, постыдное даже для тех, кто лишен всякого достоинства, а уж тем более для императора. Он медлил с тем, чтобы передать должности людям знатым, которым нужно было их дать, и очень долго тянул с освобождением заключенных, виновных или невиновных; некоторые полагали, что он делал это из желания получить что-то ото всех. А из тех, кто просил у него что-либо, он ставил на самую высокую и почетную должность того, кто был самым большим вором и больше других выжимал из провинции, чтобы он быстро разбогател и можно было у него что-то взять, ведь потом цезарь забирал у него все. Поэтому в провинциях вспыхнуло недовольство; ведь все говорили, что император Веспасиан использует своих прокураторов как губок: как губка впитывает воду, так и он наполняет своих прокураторов богатством, а затем выжимает их. Из-за этого некоторые

¹ Собор св. Иоанна Крестителя на Латеранском холме; основан на территории поместья Латеранов, по традиции переданного Константином римским епископам. Освящен как Храм Христа Спасителя. Современное название — с X в., после коренной перестройки.

² Так в тексте. Составитель сбился.

говорили, что он алчен от природы, но многие это отрицали и говорили, что он делает это из-за недостатка средств, поскольку казна империи была пустой, ведь всю ее на свои отряды и войны растратили предыдущие императоры. И это похоже на правду, потому что человек, который находил хорошее применение другим дурным вещам, не будет ничего изобретать для того, чтобы пользоваться казной плохо, но будет искать выгоду. А деньги у него были, ведь у него было что дать знатым людям, ведь всех сенаторов он сделал удивительно богатыми, а тем, кто происходил из консульского рода, но был беден, он назначил по пятьдесят монет в год каждому. Многие города в мире, разрушенные огнем или землетрясением, он отстроил еще лучше, чем раньше. Ему очень нравилось поддерживать искусства и науки и возобновлять их, так что он первым назначил каждому их преподавателей риторики на греческом и латинском языке по сто монет в год из императорской казны, а также много платил грамматикам и другим преподавателям, чтобы они являли в Риме свое искусство.

И когда император Веспасиан совершил все эти благодеяния, за год до того, как ему должно было исполниться семьдесят лет, он заболел; и, боясь смерти, он отправился в свой родной город в области Сабина, но болезнь его только усилилась. Однажды, когда он, окруженный свитой своих рыцарей и мудрецов, умно говорил об обустройстве страны и перемежал речь шутками, над которыми они смеялись (а ему это очень нравилось), он вдруг почувствовал такую слабость, что понял, что сейчас умрет; тогда он поднялся на ноги и сказал: «Императору подобает покидать этот мир стоя». Когда он это произнес, отлетела душа его и, чтобы он не упал на землю, подхватили его под руки его вассалы.

В его правление претерпел мученичество Аполлинарий.¹ Теперь история оставит рассказ о Веспасиане и будет говорить о его сыне Тите.

186. О правлении императора Тита и о том, что произошло в первый год его царствования

После смерти Веспасиана его сын Тит Цезарь стал императором Рима;² и первый год его правления был в 806 год от основания Рима, когда шел 113 год эры, а Господа нашего — семьдесят пятый, и правил он три года. И, как рассказывает Светоний в одиннадцатой книге своей истории, на Тита распространялась любовь всех людей, которые жили в то время, ведь он блистал всеми добродетелями, был наделен всеми хорошими ка-

¹ Аполлинарий Равеннский (ум. в 75 г.) — христианский святой, бывший, по преданию, первым епископом Равенны.

² Император Тит правил с 79 по 81 гг.

чествами. Еще ребенком он был очень привлекателен телом и благороден сердцем, а когда он вошел в возраст, его привлекательность и благородство только увеличились, и все люди любили его. Лицом он был столь прекрасен, что всем становилось неловко. Он был очень силен, а памятью с ним никто не мог сравниться. Он обладал удивительными способностями к различным наукам, связанным как с войной, так и с миром; он прекрасно разбирался в оружии и хорошо умел скакать на коне, так что, когда он сражался с кем-либо, ни разу не было такого, чтобы он не ранил своего противника, не убил его и не сбил с коня на землю. А во время Иерусалимской войны он в один из дней своей рукой убил двенадцать вооруженных воинов и еще двенадцать застрелил из лука. Он хорошо знал греческий и латинский языки, мог говорить и вести тяжбу на любом из них, мог писать книги по той теме, которой был увлечен. А еще он был обучен музыке, так что пел искусно и приятно. Он в совершенстве владел искусством верховой езды. И в начале его правления по некоторым признакам, которые он подавал, а люди — внимали, стали подозревать, что будет он жестоким и развратным, алчным разбойником, но в итоге они не смогли этого обнаружить и называли его вторым Нероном, имея в виду, что он на него похож. Но это прозвище послужило императору Титу только на пользу, ведь он обратился к похвальным деяниям, чтобы нельзя было найти в нем никакого постыдного порока, так что люди считали, что ему присущи все добрые нравы. Когда он приглашал гостей, то пиры его были более веселые, чем расточительные. Другьями своими он всегда делал людей добронравных, которые и стали правителями и господами империи после него и которые всегда искали выгоду для римского государства. Он никогда даже не желал отнимать у римского гражданина его имущество и всегда отказывался от любой чужой вещи. Он не желал никаких роскошных палат, и не было никого более чистосердечного, чем он. Он всегда старался угодить всем людям, так что, когда у него что-то спрашивали, он соглашался и не хотел, чтобы кто-то ушел от него без надежды на просимое. Из-за этого его близкие говорили, будто ему доставляет удовольствие обещать гораздо больше, чем он может дать, а он отвечал им, что никому из приходящих к повелителю (сеньору) не подобает уходить от него с печальным лицом. Однажды за ужином ему пришло на ум, что он за целый день никому ничего не дал, и тогда он воскликнул: «Друзья, сегодня я потерял день!», а когда рыцари спросили его почему, он ответил: «Потому что ничего никому не подарил». Он во всем был приятен народу: тем, что соглашался на все, что бы у него ни просили, и тем, что часто советовал просить у него все, что они пожелают. И как рассказывают истории, Тит был настолько добр и кроток в управлении государством, что он никого не засудил; а тех, кто участвовал в заговоре против него, он простил и даже не удалил из своей свиты, и никогда ему не говорили ничего дурного, из-за чего ему пришлось бы отворачиваться. В тот год император Тит построил в Риме амфи-

театр,¹ а по окончании строительства в честь его возведения устроил там празднества и приказал убить там пять тысяч диких зверей.

О втором годе правления мы не нашли никаких записей, которые сохранили бы что-то достойное рассказа.

187. О событиях третьего года

В третий год, когда был 115 год эры, умер Лин,² ставший римским папой после святого Петра, и на его место был поставлен Клет.³ У императора Тита был младший брат, которому он сделал много хорошего, и звали его Домицианом; он изо всех сил размышлял, как убить старшего брата; и чтобы навредить ему, никогда не переставал строить ему козни, какие только мог. И Тит прекрасно знал об этом, но ни разу не подумал о том, чтобы казнить брата или удалить его из своей свиты, и не хотел, чтобы у того было меньше почестей, чем у него самого, напротив, он с первого дня своего правления сделал его равным себе во власти и приказал, чтобы так было и впредь, и много раз заклинал божьим именем, плача по доброте своей, чтобы тот переменял отношение к своему брату и любил его.

В то время гора Везувий раскрылась на самом высоком своем пике и извергла столько огня, что он пожег все земли, города и людей в округе.⁴ А еще случился пожар в Риме, от которого сгорело много домов. Император Тит, совершивший так много благодеяний, о которых вы слышали, заболел в том самом городе, где умер его отец, и сам скончался через несколько дней, но, скорее, на горе всех людей, живущих в то время, чем на горе себе. Как только о его смерти стало известно, все начали его оплакивать, а сенаторы, не дожидаясь приглашения, прибыли во дворец, где он лежал, и нашли двери запертыми. Когда же их открыли, они воздали ему такие почести за все совершенные им благодеяния и так его прославляли, как не делали никогда при его жизни. И во время правления этого императора Тита Испания находилась в мире под властью Рима, и был он (Тит — *прим. пер.*) ее господином так же, как и прочие римские императоры, бывшие до него. Но теперь история оставит рассказ о Тите Цезаре и перейдет к его брату Домициану, который правил после него.

¹ Имеется в виду знаменитый амфитеатр Флавиев — Колизей.

² Лин (ум. в 76/78 г.) — апостол от семидесяти, епископ римский в 64/67—76/78 гг.; католики почитают его как второго папу римского после апостола Петра.

³ Клет (Анаклет) (ум. в 88/90 г.) — римский епископ (папа) в 76/78—88/90 гг.

⁴ Имеется в виду извержение Везувия 79 г., в результате которого были разрушены города Помпеи и Геркуланум и погиб Плиний Младший.

*188. О правлении императора Домициана
и о том, что произошло в первый год*

Когда Тит умер, императором Рима стал Домициан, его младший брат.¹ И первый год его правления был в 809 год от основания Рима, когда шел 116 год эры, а Господа нашего — семьдесят восьмой. И как рассказывают истории, в начале своего правления Домициан показал себя весьма благочестивым; он прекрасно знал право и рассуждал о нем искусно и к месту. Он начал в Риме множество невиданных доселе работ: среди прочего он построил большой и прекрасный храм и назвал его Пантеоном (а теперь это церковь в честь святой Марии и всех святых). И рассказывает Светоний, что у него было в обычае выделять определенные часы в день, когда он оставался в доме совершенно один, и он не делал ничего, только убивал мух и насаживал их на острый стиль. Поэтому-то однажды один из его приближенных на вопрос, кто был с императором, ответил весьма остроумно: «Не было даже мухи», поскольку они были убиты стилем. Во время своего правления он много раз менялся, постепенно замещая в себе добрые нравы дурными до тех пор, пока его добродетели не превратились в пороки. Из-за бедности он стал большим расхитителем, чем это было предназначено ему от природы, а из-за страха — более жестоким. Он восстановил многие обычаи. Запретил кастрировать мужчин. Он приказал лишить силы и вывести из употребления весьма похвальные документы, которые составлял весь народ и согласно которым наследовать должны были ближайшие родственники, одинаково как мужчины, так и женщины; при этом он бранил тех, кто составлял такие документы, потому что не желал, чтобы женщины получали наследство и чтобы мужчины из-за этого были обделены, но желал, чтобы женщинам отписывали что-то, чем они бы и довольствовались. Одного квестора, который слишком предавался танцам и песням, он изгнал из сената. Дурным женщинам запретил пользоваться носилками. В начале правления ему настолько претило убивать кого-либо, что он запретил приносить в жертву быков. Едва ли его можно было заподозрить в алчности или скупости, настолько добросердечно он вел себя по отношению ко всем, кто жил при нем; и первое, за что он очень жестоко наказывал всех, это за совершение какого-либо порочащего поступка. Он не желал принимать оставляемое ему наследство от тех, у кого были дети, но предпочитал, чтобы все получили наследники. Во время своего правления он уменьшил количество клеветников благодаря суровым наказаниям, которым подвергались обвинители, если они не могли доказать свои слова; и часто повторял, что безумен тот властитель, который не наказывает доносчиков.

¹ Тит Флавий Домициан правил с 81 по 96 гг.

Но недолго был он добрым, и еще раньше (чем обнаружил свою жадность — *прим. пер.*) он зверски расправился с многими консулами и сенаторами, вменяя им в вину то, что хотели установить новый порядок в государстве. Остальных же по разным поводам он убил очень подло. Например, Пантония,¹ ученика Париса, еще юного и совсем больного, он казнил потому, что, как говорили, он очень похож на своего учителя, а Сальвия Кокцеяна² приказал казнить за то, что тот устроил праздник в день рождения императора Отона, который приходился ему дядей, братом отца. Он убил Меттия Помпузиана, так как ходили слухи, будто бы у него есть генеалогия³ императоров, а еще карта мира, нарисованная на пергамене, а еще деяния римских королей и полководцев, и за то, что он назвал своих рабов Магоном и Ганнибалом. А еще он убил Юния Рустика, потому что тот написал похвальное слово Поттикрассу⁴ и Гельвидию Приску⁵ и в нем провозгласил их святыми мужами; из-за этого из Рима и Италии были изгнаны все философы. Он убил Флавия Сабина.⁶

Император Домициан обликом был благороден. Лицо его было вдумчивым и скромным, у него были большие глаза, но не слишком острое зрение. Живот у него был толстым, а ноги — худыми, он был безобразно лыс, но очень переживал из-за этого, и если кого-то другого называли лысым в насмешку или из злости или срывали головной убор, он принимал это оскорбление на свой счет. Он никогда особенно не интересовался оружием,⁷ но часто стрелял из лука;⁸ так, он часто при большом скоплении народа стрелял в животных и спрашивал: «Хотите, я сделаю так, что эти стрелы вонзятся ему в голову на манер рогов?» — а после так и делал, и вонзал одну с одной стороны, другую — с другой, ровно в тех местах, где рога и должны быть. А иногда он ставил вдалеке мальчика и приказывал ему держать поднятой руку с растопыренными

¹ У Светония указано, что Парис был пантомимом, здесь его профессия стала именем его ученика.

² Луций Сальвий Отон Кокцеян — римский политический деятель второй половины I в., консул-суффект 82 г. Казнен по приказу императора Домициана.

³ *Linaje de los emperadores*. У Светония — гороскоп императоров (см. *Suet. Domit.* 10. 2)

⁴ У Светония — *Paeti Thraxae* (Фрассея Пет), что трансформировалось в Поттикрасс.

⁵ Гельвидий Приск — философ-стоик, непоколебимый сторонник республики, никогда не скрывавший своих убеждений. Был казнен при Веспасиане. «Похвальные слова Гельвидию Приску» написал не Рустик, а Геренний Сенецион, также казненный; может быть, в тексте Светония его имя выпало случайно (см. *Suet. Domit.* 10. 3 и примечание)

⁶ *Suet. Domit.* 10. 4: «... казнил и Флавия Сабина, своего двоюродного брата, за то, что в день консульских выборов глашатай по ошибке объявил его народу не бывшим консулом, а будущим императором» (пер. М. Л. Гаспарова).

⁷ Вероятно, имеются в виду «тяжелые» предметы вооружения (меч, копье и т. п.).

⁸ В оригинале *ballesta* — арбалет.

ми пальцами, и он стрелял по руке, и все стрелы проходили между пальцами столь мастерски, что не причиняли мальчику зла. В первый год его правления люди не были в нем разочарованы, но в дальнейшем он стал поступать так, что ему желали зла. В тот же год папой римским стал Клет.

О годах правления с первого по пятнадцатый мы не нашли никаких записей, о которых стоило бы рассказать, кроме той, что в двенадцатый год его правления умер папа Клет, а в тринадцатый папой вместо него стал Климент.¹ А Домициан опять изгнал из города Рима всех философов и звездочетов. А в четырнадцатый год он изгнал святого апостола Иоанна и отправил его в ссылку на остров Патмос; там Иоанн записал свои видения, которые открыл ему Господь наш, и собрал их в книгу, которая называется Апокалипсис, то есть Откровение.

189. О событиях пятнадцатого года

В пятнадцатый год, который был в 823 год от основания Рима, когда шел 135 год эры, а Господа нашего — девяносто седьмой, случилось так, что император Домициан впал в такую страшную гордыню и безумие, что приказал называть себя Богом и Господином всего мира. И дошло до того, что однажды, передавая своим прокураторам формулу для составления распоряжений, которые они должны были в качестве указов посылать в провинции, он приказал, чтобы они начинались так: «Господин и бог наш повелевает, чтобы было так...». А когда это вошло в обычай, он своим приказом строго-настрого запретил называть его в письме или на словах иначе, чем бог и господин. Находясь в сенате, он не стыдился говорить, что он передал власть своему отцу и брату, а они ему потом вернули, как это делается в случае с одалживаемой вещью. На Капитолии были установлены его статуи, подобно статуям бога, однако он не желал, чтобы они были из иного материала, кроме золота и серебра определенного веса. Однажды у него случилось сражение с группой римских граждан, и когда он их победил, то стал еще более свирепым и жестоким, чем был раньше. Так, многих из тех, кто был на другой стороне, он подверг новым пыткам за ту ненависть, которая уже давно сидела в них: для одних он приказал поднести огонь к тем частям тела, о которых не принято говорить, другим — отрезать руки; а так как жестокость его была велика, развилось в нем хитроумие, как бы причинить зло тем, кому он его желал. Тогда в Риме был один звездочет по имени Асклетарион, он был удиви-

¹ Климент I (ум. ок. 99 г.) — апостол от семидесяти, четвертый епископ Римский согласно католической традиции (88/90—97/99 гг.), один из т. н. «мужей апостольских» (младших современников апостолов).

тельно мудрым, и Домициан попросил его, чтобы тот, используя свое искусство узнавать будущее по звездам, сказал ему, какой смертью он сам умрет. Асклетарийон ответил: «Скоро меня всего сожрут собаки». И тогда Домициан, желая показать, что это знание ничего не стоит, велел убить его и закопать глубоко в землю, чтобы никто не смог его найти; однако все это не имело смысла, потому что в скором времени случилась страшная буря, открылась земля, и обнажилось тело, и целиком его пожрали собаки. Этот Домициан похищал имущества живых и мертвых с помощью какой-либо клеветы или человека, который их обвинял; также он поступал и тогда, когда ему говорили, будто кто-то сказал или сделал что-то против него, и как только появлялся человек, который говорил: «Некто сделал вас наследником после своей смерти», как тут же он забирал себе все, что оставалось, и не оставлял ничего тем, кто должен был унаследовать. Он убил многих сенаторов, а многих изгнал из страны. Из-за таких страшных дел люди испытывали перед ним ужас и трепет. Но в конце концов его сердце обеспокоилось и затревожилось, потому что он понял, что все его друзья, близкие и вольноотпущенники, а также жена, плетут заговор, чтобы его убить. Долго жило в нем подозрение, что близок год и день его смерти, и потому он всегда выглядел печальным и обеспокоенным, так что из-за любого подозрения приходил в величайшее волнение. А когда он точно удостоверился, что его подозрения не напрасны и что пришло время остерегаться, он приказал сделать на стенах портиков, через которые он обычно выходил прогуливаться, вставки из камня, которые называются *phingites*, камень этот столь прозрачен, что, глядя в него, он видел всех, кто приближался к нему сзади. Вольноотпущенника Нерона, который помог тому надавить на кинжал, когда тот убивал себя, он приказал обезглавить; он наказал своим вольноотпущенникам и домашним, чтобы они не смели даже слушать о том, чтобы приблизить смерть сеньора. Вскоре он убил своего дядю Флавия Клемента из-за какого-то ничтожного подозрения. Этим он ускорил свою смерть. Итак, когда он в Риме расправлялся с сенаторами и народом, а в других землях его войска терпели поражение от местных народов, потому что он плохо ими командовал, собрался сенат, и судили они его, и приговорили к смерти. Они убили его в дворце на Капитолии, а смертельный удар нанес один из его евнухов по имени Парфений, тело же его так и не было погребено. Простой народ не испытывал по поводу его смерти ни большого горя, ни большой радости, однако рыцари были весьма огорчены, а сенаторы так ликовали, что не удовлетворились только его смертью, но нанесли ему множество оскорблений словом и делом и велели снять все его гербы и изображения и разбить их на мелкие кусочки; они приказали сбить его имя отовсюду, где оно было написано, и уничтожить всякую память о нем. А еще сенат постановил возвратить из изгнания всех, кого он туда отправил, и вернуть им их имущество, которое он у них забрал.

В его правление претерпели мученичество святой Нерей, святой Ахиллей,¹ святой Дионисий со товарищи,² святой Евтропий,³ святой Ион, святой Лициан⁴ и святой Евгений, архиепископ Толедо.⁵

190. О правлении императора Нервы и о том, что произошло в первый год его царствования

После того как умер Домициан, императором провозгласили Нерву,⁶ и было это в 824 год от основания Рима, когда шел 136 год эры, а Господа нашего — девяносто восьмой. Нерва был очень стар, и происходил из Испании. А власть ему решили дать двое: наместник Петроний и Парфений, евнух, убивший Домициана, которые были его друзьями. Нерва правил год и шесть месяцев, потом стал править его приемный сын Траян, который тоже был испанцем, и правили они вместе. Как рассказывают истории, Нерва сделал это на пользу государству, так как оставил ему столь прекрасного сеньора, каким был Траян. Нерва был человеком представительным и статным, хотя и старым, а еще весьма добрым, кротким и благосклонным ко всем. И когда он правил, он своим постановлением, которое разослал по всему миру, вернул тех, кого Домициан изгнал из страны и из тех мест, где они жили, и возместил им все их имущество, как это решил сенат, о чем вы слышали выше. Поэтому в тот же год по приказу Нервы евангелист Иоанн, которого Домициан сослал на остров Патмос, вернулся во славе в город Эфес и, когда весь народ вышел его встречать, сказал: «Благословен тот, кто пришел во имя Господа нашего». А еще мудрецы рассказывают, что во времена этого императора были написаны Евангелия и авторов их было много, но выбраны были только четыре, потому что остальные написали не так, как подобало. Эти четыре Евангелия следующие: от святого Матфея, который рассказывает о Воплощении Иисуса Христа; от святого Луки, который говорит о Его страстях; и от святого Марка, который повествует о Его воскрешении; и эти три подтвержде-

¹ Ахиллей и Нерей (IV в.) — святые воины, павшие в период гонений Диоклетиана, а не Домициана, как указывает автор «Хроники». Возможно, эта путаница связана с тем, что мощи святых первоначально находились в катакомбах Домитиллы.

² Дионисий Ареопагит. См. прим. к гл. 161.

³ Вероятно, святой Евтропий из Сента — первый епископ г. Сента во Франции, согласно традиции, был отправлен папой Климентом проповедовать христианство в Галлию (по другой версии — папой Фабианом в III в.).

⁴ Лициан Антиохийский (240—312 гг.) — христианский теолог и мученик.

⁵ Евгений I Толедский (I в.) — христианский апологет и мученик, по традиции — ученик святого Дионисия Ареопагита.

⁶ Нерва правил с 96 по 98 гг.

ны апостолами. А что касается четвертого Евангелия, то епископы Азии попросили написать его святого апостола Иоанна, чтобы у Церкви было четыре столпа, на которых она стояла бы прочно, подобно тому, как прочна любая квадратная конструкция. По их просьбе святой Иоанн написал Евангелие последним из всех и показал в нем божественную природу Господа нашего Иисуса Христа; и апостолы Церкви Божией признали это Евангелие важнейшим, потому что в нем говорится о вещах более важных и значимых, чем в остальных. И говорит Евсевий в своих историях об этих событиях, что из-за разной тематики Евангелий их авторы изображаются по-разному: так, святой Матфей изображается в виде человека, потому что говорит о человеческой природе; святой Марк — в виде льва, ибо рассказывает о воскресении; святой Лука — в виде быка, так как повествует о страстях, а святой Иоанн — в виде орла, потому что рассуждает о божественной природе.

191. О том, что произошло во второй год

Во второй год, который был в 137 год эры, случилось так, что император Нерва исправил в городе Риме и во всем государстве все то дурное, что сделали до него другие императоры, его предшественники, и исправил бы еще больше, если бы дольше прожил, однако он был у власти совсем недолго. Во время его правления Испания пребывала в мире и спокойствии под властью римлян. И в тот год, будучи в Риме, Нерва очень серьезно заболел и умер в Салюстиевых садах. В тот год, когда он скончался, ему исполнилось семьдесят два года от рождения. Все очень грустили и скорбели о его смерти, а поскольку все желали сделать для него великое благодеяние, сенат постановил причислить его к сонму божеств.

В его время приняли мученическую смерть: святой Тимофей, святой Евтихий,¹ святой Викторин, святой Мар и другой святой Викторин, епископ. Но теперь история оставит рассказ о Нерве и перейдет к императору Траяну.

192. О правлении императора Траяна и о том, что произошло в первый год его царствования

После смерти Нервы императором был провозглашен его приемный сын Траян.² Первый год его правления был в 827 год от основания Рима, когда шел 138 год эры, а Господа нашего — сотый. Этот Траян был ис-

¹ Имеется в виду святой Евтихий Мелитинский, мученик I в.

² Марк Ульпий Траян правил с 98 по 117 гг.

панцем, как выше было сказано, уроженцем города Педрасы в Эстремадуре, а называли его Траяном потому, что он происходил из рода тех жителей Трои, которые заселили эту землю; так что его имя было — Ульпий Крипит, а прозвище (когномен) — Траян. Он получил власть и славу правителя в Агриппине, городе во Франции, и правил двенадцать лет. Траян был человеком весьма чистосердечным и хорошим другом, милосердным по отношению к горожанам и достаточно щедрым, чтобы снизить налоги для городов. Так, после страшного разорения римского государства, когда он снова собрал его, люди стали считать, что такой император послан им силой Божьей. Ведь после того, как он получил власть, он завоевал всю Германию за рекой Рейн и победил многие народы за Дунаем, а также захватил земли варваров, живших за реками Евфрат и Тигр, и вернул все римские провинции, а в конце взял Селевкию и Вавилон и дошел до границ Индии, куда не доходил ни один сеньор, за исключением Александра Великого.

С императором Траяном как-то раз произошел вот какой случай: он ехал на войну, вскочил на своего коня и уже выезжал из дворца, когда к нему подошла одна вдова. Она коснулась его ноги, и залилась слезами, и стала просить его о милости, чтобы он осудил людей, убивших ее сына страшной смертью, хотя сын никогда не делал и не замышлял ни для кого ничего дурного, и сказала ему: «Император Август, я страдаю от той же страшной боли, что и он». Траян ответил ей: «Я буду вершить суд, когда вернусь с войны». А она ему: «А если не вернешься, что со мной будет?» А он: «Тот, кто будет императором после меня, все возместит тебе». Тогда вдова сказала: «Разве я могу быть в этом уверенной? Предположим, что так и будет, но какая польза тебе от благодеяния, которое сделает другой? Ведь ты — мой должник и обязательно получишь то воздаяние, которое заслужил. Ты совершишь обман, если не дашь мне то, что должен. А если император, который придет после тебя, будет вынужден творить справедливый суд по запросу истцов, все равно чужой приговор не освободит тебя от долга, но освобождение это будет у твоего наследника». Услышав это, Траян переменял свое решение, он пожалел вдову, сошел с коня и сам выслушал все дело, а потом вынес подобающий приговор.

А еще знайте, что воспитателем и учителем Траяна был великий философ по имени Плутарх,¹ который наказывал ему и увещевал его словами и книгами, чтобы он совершал только добрые дела, чтобы осуществлять благое правление. У этого Плутарха был раб, который был хорошо обучен всем семи свободным искусствам, и однажды за какой-то проступок его господин приказал снять с него одежду и принялся сильно сечь его вожжами. Раб стал все отрицать и говорить, что он не совершал того проступка, в котором его обвиняют; а когда понял, что это не помогает, но

¹ Плутарх из Херонеи (ок. 45 — ок. 127 гг.) — греческий философ, биограф, моралист, автор «Сравнительных жизнеописаний».

секут его еще сильнее, стал просить у господина о милости, чтобы тот его простил, и начал шутить так, что тот засмеялся, и тогда раб сказал: «Сегодня Плутарх не таков, каким должен быть философ, раз столь ничтожная вещь приводит его в гнев, в особенности же его, человека, которому столько раз случалось рассуждать о плохих последствиях гнева и который написал такую замечательную книгу о том, как правильно его переносить. И даже непристойно, когда человек ведет себя в соответствии с теми нравами, против которых он перед всеми выступает, как это делаешь ты, господин, ведь сейчас ты перестал владеть своим сердцем и весь отдался гневу и поэтому так жестоко сечешь своего раба, на котором нет никакой вины». Тогда Плутарх ответил ему мягко и спокойно: «Как, я кажусь тебе гневливым из-за тех ударов, что ты терпишь, и ты считаешь, что я злой, потому что плачу тебе тем, что ты заслужил? Можешь ли ты понять по выражению моего лица, его цвету или по голосу, или даже по словам, что я гневаюсь? Ты прекрасно понимаешь, что нет; ведь ни глаза мои не безумны, ни лицо не перекошено, я не издаю неприятных воплей, лицо не покраснело, нет пены во рту, я не говорю постыдных вещей, которые потом не смог бы повторить, и не трясусь от гнева. А если ты этого не знаешь, то это и есть признаки гнева». Сказав это, он повернулся к тому, кто сек раба по его приказу, и обратился к нему: «Пока мы с ним спорим, делай свое дело; без моего гнева накажи этого мятежного раба, и таким образом ты покажешь, что дурно не признавать совершенное зло и не соглашаться с сеньором».

Это Плутарх сочинил для императора Траяна замечательную книгу наставления в благонравии, где полностью показано, каким должен быть повелитель, и называется она так — «О воспитании Траяна». Книга начинается такими словами: «От меня, Плутарха, тебе, Траяну, привет. Я хорошо знал, насколько ты скромнен и что ты никогда не стремился стать императором, однако ты заслужил это благодаря благородству твоего нрава; и чем меньше ты этого желал, тем больше был достоин. И я очень рад твоей доброте и моей счастливой судьбе, ведь ты удерживаешь по праву то, что заслужил своей добротой. Но если ты будешь поступать по-другому, люди будут плохо говорить и о тебе, и обо мне; о тебе — потому что Рим больше не желает терпеть подлости императоров, а обо мне — потому что людям свойственно поносить учителей, чьи ученики ведут себя низко; так злословили о Сенеке, потому что был злым Нерон, и о Квинтилиане из-за безумия его воспитанников, и Сократа ругали, потому что он был слишком добр к своему сыну, оставшемуся без матери. Ты по праву можешь делать все, что пожелаешь, только не лишай самого себя поддержки и оставайся таким, какой ты есть сейчас, ведь если ты будешь преисполнен благонравия, все свои деяния ты будешь вершить по праву. Знай, что приготовил для тебя эту книгу, в которой написал о воспитании всех добрых нравов согласно мнению предков, живших до нас, и если ты внимательно вчитаешься в нее, то всегда рядом с тобой пребудет Плутарх, будто бы живой, который наста-

вит тебя. А если ты будешь поступать по-иному, эта моя книга послужит доказательством, что ты разрушил империю не по совету Плутарха».

Но как бы хорошо ни наставил Плутарх Траяна, сам он понял это лучше, ведь и в Риме, и в провинциях он всегда был со всеми на равных и никогда не вел себя как управитель. Он часто навещал друзей, если они бывали больны и во время праздников обедал с ними, воодушевляя их таким образом, ведь он не делал никакого разделения за столом, но ел вместе с ними. Он передвигался в тех же повозках и одевался в те же одежды, что и каждый из них, и не только в частной жизни, но и перед всем народом, и он никогда не применял силу большую, чем может применить простой рыцарь. Он всех обогатил, так что все желали ему добра. Он ни разу никого не заставил страдать, и поэтому после его правления в римском сенате был обычай говорить кому-то, желая ему всего наилучшего, «чтобы ты был счастливее Августа и лучше Траяна». А среди многих прекрасных слов, сказанных Траяном, истории доносят следующие. Он был настолько добрым, скромным и дружелюбным и так много сделал для людей, что однажды его близкие и друзья спросили, для чего он это делает, а он ответил, что для тех, у кого нет ни должности, ни власти он хотел бы быть таким императором, которого сам всегда желал себе, пока у него всего этого не было и пока императорами были другие.

О годах его правления с первого по седьмой мы не нашли никаких записей, которые стоили бы упоминания, кроме того, что во второй год в городе Эфесе умер святой апостол Иоанн-евангелист в возрасте шестидесяти девяти лет, а в третий год принял мученичество папа святой Климент, и папскую кафедру получил Эварист,¹ который стал четвертым папой римским, начиная со святого Петра.

193. О событиях седьмого года

В седьмой год, который был в 144 год эры,² случилось так, что против Траяна восстали жители Дакии и Скифии, испанцы и сарматы, жители Осроены и Аравии, Босфора и острова Колхиды, Селевкии и Тесифонта, Вавилона и всей Индии. Жителей Дакии и Скифии он завоевал в бою, изгнал из Дакии короля Децибала и сделал римской провинцией его землю и многие другие окрестные.³ Восстания в Селевкии, Тесифонте и Вавилоне он подавил войной и осадой, силой вошел в них и заставил повиновать-

¹ Эварист — папа римский (ок. 99 — ок. 107 гг.), христианский мученик.

² 105 г.

³ Децибал — предводитель даков в 86—106 гг., возглавил даков в войнах против Рима в 101—102 и 105—106 гг., после разгрома своей армии пронзил себя мечом.

ся империи. А против жителей Индии он послал в Красное море большой флот, чтобы подавить их с суши и с моря, завоевал все их земли и вернул их под свою власть. Жители Сарматии, Осроены, Аравии, Босфора, острова Колхиды и испанской земли сдались ему без боя и принесли ему оммаж, и он принял их как своих вассалов. А чтобы против него больше не восставали ни эти земли, ни какие другие, он снарядил четырнадцать легионов и отправил их по всему миру и приказал им разрушить все города, находящиеся на возвышенностях, и построить их в долине. Два легиона из этих он отправил в Испанию, и они изгнали жителей из двух городов, находившихся на возвышении: один носил имя Сублансия, а другой — Флор. Они основали город Флор в долине, недалеко от того места, где он был раньше, и назвали его Легион, потому что там был расквартирован один из этих двух легионов. И тогда приказал Траян возвести на реке Тахо мост, который назывался бы Алькантара, и вообще он построил в Кастилии много зданий невиданного ранее размаха, потому что он был оттуда родом и для того, чтобы его имя прославилось там на века.

В тот же год в Риме предали земле святого Петра и святого Павла, а святого Андрея в городе Патры в Ахайе в Греции, а святого Иакова, сына Зеведеева, в башне Мармарики, но потом силой Божьей он был перенесен в Галисию, окраинную провинцию Испании. Святой апостол Иоанн был погребен в Эфесе, святой Филипп со своими дочерьми — в Иерополе, святой Варфоломей — в Анарбоне (Альбане), городе в Армении Великой, святой Фома — в Каламине, городе в Индии, святой Иаков младший, сын Алфеев, в Иерусалиме рядом с Храмом, святой Иуда Фаддей — в Бейруте, святой Симон, сын Клеофа, рядом с Храмом в Иерусалиме, святой Варнава — на острове Кипр, святой апостол и евангелист Матфей — в горах Турции, святой Лука — в Вифинии, святой Марк — в Буколу¹ в Александрии, святой Тит, ученик святого Павла, — на Крите.

О годах правления с седьмого по семнадцатый мы не нашли никаких записей, о которых стоило бы упомянуть, кроме той, что в десятый год, как рассказывают истории, римский сенат умолял императора Траяна разрешить язычникам причинять вред христианам, и он, скорбя, вынужден был согласиться на это. И это привело к третьим после Нерона гонениям на христиан. В Иерусалиме был распят Симон, сын Клеофа,² племянник Сантьяго (святого Иакова) младшего, который стал епископом после него, и было ему в момент распятия семьдесят девять лет.

¹ Буколу — скала в восточной части римской Александрии, рядом с которой, согласно преданию, погиб святой Марк Евангелист. Ок. 310 г. именно там была возведена церковь св. Марка. См.: *McKenzie J. The Architecture of Alexandria and Egypt, 300 B. C. — A. D. 700. New Haven, London: Yale University Press, 2007. P. 240.*

² Симон, сын Клеофы, епископ Иерусалима.

194. О деяниях семнадцатого года

В семнадцатый год, который был в 154 год эры,¹ в Антиохии случилось такое страшное землетрясение, которое разрушило весь город, оставив лишь немногие постройки. А еще иудеи, жившие в землях Ливии, жестоко сражались с язычниками и с прочими чужими народами, жившими на той же земле; также поступали жители Египта, Александрии, Кирены и Фиваиды по отношению ко всем язычникам, которые жили там; и в Александрии язычники победили иудеев. А тех, что восстали в Месопотамии и сражались с римлянами, Траян своими указами некоему Квиету из Лисии велел разбить и всех их изгнать из провинции. Квиет собрал своих рыцарей и двинулся на них, и убил многие тысячи из них, а выживших изгнал из этой земли; и за это сделал его император прокуратором всей иудейской земли.

В восемнадцатый год правления не случилось ничего достойного упоминания, так как вся земля пребывала в мире и спокойствии.

195. О событиях девятнадцатого года

В девятнадцатый год, который был 156 год эры,² произошло землетрясение, и были разрушены четыре города в Азии (один из них назывался Элея, другой — Мирина, третий — Питане, четвертый — Кумы), два в Греции и три в Галисии. В тот год император Траян находился в Селевкии, в городе Исавре, и там от удара занемог и скончался семидесяти трех лет от роду. Его останки положили в золотую раку, и доставили в Рим, и похоронили в той же раке в центре форума (рыночной площади), а наверху в качестве памятника сделали удивительно большую и прекрасную колонну ста сорока шагов в высоту. И, как рассказывают авторы историй, только этот император и никакой другой после Юлия Цезаря был погребен внутри городских стен. И сенат постановил причислить его к сонму божеств, поскольку, будучи весьма хитроумным, смелым, а кроме того, очень рыцарственным, он знал, что все это безумие искупается раскаянием, ведь он очень раскаивался во всех проступках, которые они (сенаторы — прим. пер.) совершали. А еще они поставили на форуме, который стал называться Траяновым, его статую, изображающую, как он, собираясь на войну, сошел с коня, и выслушал жалобу вдовы, и издал приговор относительно убийства.³ И еще мы узнали, что много веков спустя папа римский Григорий,⁴ увидев эту статую, очень опечалился, что столь скромный человек умер язычником, а не христиани-

¹ 115 г.

² 117 г.

³ Ее сына.

⁴ Имеется в виду папа римский Григорий I Великий (590—604 гг.).

ном, так что он терпит наказание, а не наслаждается свободой; и Григорий так плакал и сокрушался сердцем, прося Господа нашего о милости для него, что добился того, что душа Траяна вышла из ада и отправилась в рай. И это доподлинно известно, потому что в то время, когда святой Григорий ее спас, жили в пустыне святые люди, и они видели, как его душа поднялась на небо, и ангелы с небес сообщили им, чья она.

Во время императора Траяна приняли мученическую смерть: святой Симон, сын Клеофы, святой папа Климент, святой Игнатий,¹ святой Фока,² святой Сульпиций, святой Сервилиан, святой Марс. Но теперь история оставит рассказ об императоре Траяне и перейдет к Адриану.

*196. О правлении Адриана,
и о том, что произошло в первый год*

После кончины императора Траяна на его место был поставлен Адриан,³ сын его племянницы, который был сенатором и наместником Рима; и его наместничество настолько пришлось людям по нраву, что и сенат, и все остальные единогласно провозгласили его императором. И первый год его правления был в 845 год от основания Рима, когда шел 157 год эры, а Господа нашего — сто девятнадцатый; и правил он двадцать один год. И знайте, что император Адриан был уроженцем Испании, как и его дядя Траян; он хорошо знал греческий и латынь, и не только говорил на них, но и хорошо знал все произведения, написанные на этих языках. В музыке, точнее в искусстве пения, он был большим мастером; физику он знал удивительно хорошо, а еще умел присоединять напев к напеву и слово к слову, так что нельзя было сказать, что не было в нем таланта и учености, но напротив, что они у него складываются благодаря знанию физики, как бывает у мудрецов, знающих звезды. И настолько выдающиеся были его деяния, что сенат дал ему имя Элий, что по-гречески означает «Солнце», а его жену стали звать Августой за ее благородство; и дальше это имя стали носить все императрицы, так же как имя Август — императоры. А потом сенат стал просить его о милости, истово заклиная его, чтобы он назвал своего сына Цезарем Августом. Он же им ответил: «Достаточно уже того, что я правлю против своего желания и не достоин этого; кроме того, власть человек должен получать не по своему рождению, а за свои заслуги,

¹ Игнатий Богоносец (ум. в 107 г.) — один из т. н. «мужей апостольских», мученик, по традиции, третий епископ Антиохийский (ок. 68—107 гг.) после апостола Петра и Евода, ученик Иоанна Богослова. Принял мученическую смерть в 107 г. в Риме.

² Фока Синопский (117 г.) — святой, епископ города Синопы (Малая Азия), почитается как священномученик, казнен в Синопе в 117 г.

³ Публий Элий Траян Адриан — римский император в 117—138 гг.

ведь без пользы правит тот, кто родился королем, но не заслуживает этого. Не сомневайтесь, что не любит своих детей тот отец, который кладет им на плечи бремя столь тяжелое, что они не могут вынести его и задыхаются под ним. А детей нужно отягощать сначала маленькой, а в подходящее время — большой властью, ведь прежде их надо воспитать и наставить в добронравии, а затем пусть они потихоньку принимают почести и власть, и не сразу, но как только заслужат. И не должно отцу передавать это от себя, но должно ждать, когда их пригласят вассалы, чтобы они не гнушались признанием граждан, но всегда понимали, что те оказали им честь».

Этот император Адриан на средства римской общины восстановил город Александрию, которую разрушили римляне. И завидуя славе императора Траяна, он приказал вывести из Ассирии, Месопотамии и Армении (которые он сделал провинциями) все войска, отправленные туда для их охраны. Он ослабил налоги для городов, которые лежали на них тяжким бременем, на глазах всего народа сжег налоговые документы и многих людей навсегда освободил от поборов.

В правление этого императора жил великий философ Секунд, который написал много хороших книг, но ни разу в жизни не пожелал произнести ни слова. И вот послушайте почему. Когда он был ребенком, его отправили учиться читать в школу, и пробыл он там довольно долго, пока сам не стал выдающимся учителем; и там он услышал разговор, будто во всем мире нет ни одной целомудренной женщины. Когда же он закончил обучение философии, он вернулся к себе на родину похожим на странника вместе со своей накидкой, корзиной, с посохом, с длинными волосами и огромной бородой. Он остановился в своем собственном доме, но не узнала его ни мать, ни кто-либо еще. И тогда он решил проверить, правду ли говорили в школе о женщинах; и подозвал одну из служанок, и пообещал ей десять либр, если она устроит так, чтобы его мать легла с ним. Служанка обставила дело так, что мать согласилась и велела ему передать, чтобы ночью он пришел к ней на ложе; девушка так и сделала. И когда госпожа приготовилась к тому, чтобы он возлег с ней, он положил ей голову на грудь и спал рядом с ней всю ночь, как будто бы подле матери, а утром поднялся, чтобы уйти своей дорогой. А она остановила его и спросила: «Ты что, поступил так, чтобы проверить меня?» А он ответил: «Нет, госпожа и мать моя, ведь преступно мне осквернить то лоно, из которого я вышел». Тогда она спросила, кто он, и он ответил: «Я сын твой Секунд». Услышав это, она стала обдумывать его слова, и не смогла снести такой страшный позор, и упала замертво. Когда Секунд увидел, что мать умерла от его слов, он сам наложил на себя наказание и решил больше никогда не произносить ни слова. Он отправился в школу в Афины, жил там, писал хорошие книги, но никогда не говорил. И вот когда император Адриан был в Афинах, он узнал его деяниях, послал за ним и велел ему прийти, и приветствовал его император. Секунд же молчал и не хотел ничего отвечать ему. Тогда Адриан сказал: «Говори, философ, а мы что-то от тебя узнаем». Но так как Секунд не хотел гово-

рить, император приказал позвать одного из своих телохранителей по имени Тирпон и сказал ему: «Мы не хотим, чтобы жил тот, кто не желает говорить с императором; уведи его с собой и накажи так, чтобы он умер». Сказав это, он подозвал телохранителя и сказал ему шепотом: «Скажи ему по дороге, чтобы он заговорил, если не хочет умереть. Если он поверит тебе и ответит, сразу же отруби ему голову, а если не захочет говорить даже из страха перед смертью, вернись с ним ко мне». И тогда телохранитель повел его в то место, где пытаются людей, и сказал: «Секунд, отчего ты упорствуешь в молчании и не хочешь говорить, чтобы жить?». Философ никак не воспринял его совет и, презирая жизнь, молча ожидал смерти. Когда они пришли туда, куда шли, телохранитель сказал ему: «Подставь шею», — и он подставил ее, но говорить не захотел. Увидев это, телохранитель взял его за руку, и отвел к императору, и сказал, что Секунд будет молчать до самой своей смерти. Тогда Адриан очень удивился, как это философ может так упорно хранить молчание, и сказал ему: «Раз ты сам установил для себя закон не говорить, я не могу его нарушить. Возьми же эту табличку и пиши на ней, и так или иначе, но ты будешь говорить, хотя бы с помощью руки». Тогда Секунд взял табличку и написал следующее: «Адриан, я несколько тебя не боюсь, потому что для меня ты — лишь мирской правитель. Ты, конечно, можешь убить меня, но не в твоей власти услышать от меня хоть слово». Взял Адриан табличку, прочел ее и сказал: «Ладно, ты прощен; но я хочу задать тебе вопросы, чтобы ты дал на них ответ. И вот первый: скажи мне, что есть мир?». Философ написал: «Мир — это бесконечный круг, внешность его радует глаз, формы его многообразны (заклучает в себе многообразие форм)». «Что такое большое море?» — спросил Адриан. Философ написал: «Окружает мир, увенчивающий его предел, место впадения всех рек и источник дождей». «Что есть Бог?» — спросил император. И Секунд написал: «Воля, которая никогда не умрет; высота, которую невозможно презирать; форма, в которой заключены многие другие формы; вопрос, который нельзя осмыслить; око, которое никогда не дремлет; сила, которая заключает в себе все явления; свет, которому нет конца». «Что есть солнце?» — «Небесное око, круг жара, ясный свет, который никогда не тускнеет, слава дня, разделитель часов». «Что есть луна?» — «Небесный пурпур, завистница солнца, враг злодеев, помощник путников, путеводитель мореплавателей, знак, по которому рассчитываются праздничные дни, показатель бурь». «Что есть земля?» — «Подставка для неба, ядро всего мира, хранительница и мать всех плодов, навержие преисподней, мать тех, кто рождается, душа тех, кто живет, разрушение всех вещей, сосуд жизни». «Что такое человек?» — «Воплощенная воля, временный образ, ловец жизни, молочный брат смерти, путник на дороге, гость этого места, страдающая душа, живущая в плохие времена». «Что такое красота?» — «Засохший цветок, телесное благополучие, предмет желания людей». «Что такое женщина?» — «Смушение для человека, ненасытный зверь, бесконечная забота, война, которая не останавливается никогда, безмерная опасность для человека». «Кто такой

друг?» — «Очень желанное имя, весьма подходящий человек, помощник в несчастье, благополучие, которое не теряется». «Что есть богатство?» — «Тяжесть золота, слуга тревожных, наслаждение без радости, неутолимая зависть, невыполнимое желание, открытая пасть, алчность, равной которой нет». «Что есть бедность?» — «Отвратительное благо, мать здоровья, дело без ущерба, наследство без клеветы, благополучие без забот». «Что есть старость?» — «Желаемое зло, смерть живых, здоровая болезнь, смерть дыхания». «Сон?» — «Образ смерти, свобода от трудов, предмет стремления больных и желания несчастных». «Что такое жизнь?» — «Радость для людей счастливых, печаль — для несчастных, ожидание смерти». «А что есть смерть?» — «Сон, который длится вечно, страх богатых и желание бедных, случай, который нельзя оправдать, похититель человек, бег жизни, развязка всех вещей». «Что есть слово?» — «Предатель сердца». «Тело?» — «Местопребывание души». «Что такое борода?» — «Отличие мужчин от женщин». «Мозг?» — «Хранитель памяти». «Лоб?» — «Отражение сердца». «Глаза?» — «Поводыри тела, сосуды света, судьбы сердца». «А что есть сердце?» — «Вместилище жизни». «Голова?» — «Узда для ярости». «Желчь?» — «Движение гнева». «Селезенка?» — «Вместилище смеха и радости». «Желудок?» — «Повар, приготавливающий яства». «Что такое кости?» — «Сила тела». «Ноги?» — «Движущийся фундамент». «Что такое ветер?» — «Взволнованный воздух, движение вод, сухость земли». «Реки?» — «Непрекращающийся бег, отдых от солнца, орошение земли». «Что такое любовь?» — «Равенство сердец». «Что есть вера?» — «Удивительная уверенность в чем-то неведомом». «Что не дает человеку отдыхать?» — «Нажива». Все эти вопросы император Адриан задал философу, и он ответил на них, делая записи на табличках. А когда Адриан привел в порядок все дела в Афинах, он вернулся в Рим.

О втором годе правления мы не нашли никаких записей, о которых стоило бы рассказать.

197. О том, что произошло в третий год

В третий год, который был в 159 год эры, по приказу графа Аврелиана принял мученическую смерть святой папа Александр;¹ и на его место был поставлен Сикст.² И узнали мы, что в то время жил выдающийся учитель риторики, права и теологии по имени Акила, и происходил он с острова в Понте,³ и был он вторым толкователем закона Моисеева после семиде-

¹ Александр I — папа римский (105/107—115/116 гг.). Почитается как священно-мученик.

² Сикст I — папа римский в 115/116—125 гг.

³ В тексте «natural de la isla del Ponto». Возможно, следует переводить «из понтийских мест», понимая *isla* (остров) как место, поскольку в Черном море островов нет.

сяти толковников. А еще в то время в Александрии жил мудрый и очень образованный человек по имени Василид,¹ и придумал он ересь, которой сбил с пути многих людей. И когда император Адриан пребывал в Риме, он весьма улучшил положение Города и всей империи.

В годах правления с третьего по тринадцатый мы не обнаружили никаких деяний, которые следовало бы описать или о которых нужно было бы рассказать, поскольку все земли пребывали в мире и подчинялись Риму, не вступая ни в какую борьбу.

198. О событиях тринадцатого года

В тринадцатый год, который был в 169 год, святой папа Сикст принял мученическую смерть, после него римским папой стал Телесфор.² Святой Телесфор был греком из рода Анахотитов, и его апостолат длился одиннадцать лет; он установил пост, начинавшийся с седьмой недели до Пасхи, и повелел, чтобы на Рождество служили ночное богослужение, ведь до этого времени никто не осмеливался служить прежде третьего часа, ведь Господь наш именно в это время был поднят на крест. А еще он постановил, чтобы гимн ангелам, то есть *gloria in excelsis Deo*, всегда пели до того, как священник во время службы будет совершать таинство тела Господа нашего.

Император Адриан, будучи человеком весьма образованным и начитанным в произведениях греческих и латинских авторов (как вы уже слышали выше), когда не вел войны, с большой охотой учился; а так как в то время в Афинах находились школы всяческих наук, он с удовольствием бывал там. И в тот год он отправился туда и жил там всю зиму; и построил там много красивых зданий: он сделал большое и оборудованное место для проведения боев, а еще возвел чудесную и дорогостоящую постройку, чтобы хранить там свои книги, и перевез туда книжные сокровища.

В то же время принял мученичество епископ Афин Публий,³ и после него епископство получил Квадрат (Кодрат), ученик апостолов;⁴ своей большой верой и великой мудростью он ободрил всех христиан, сбе-

¹ Василид — деятель раннего гностицизма, уроженец Александрии Египетской, учивший в 117—138 гг.

² Телесфор — папа римский с 125 по 136 гг.

³ Святой Публий — раннехристианский мученик, по преданию, первый епископ Мальты, с 90 г. — епископ Афин, преемник Дионисия Ареопагита. Ок. 125 г. принял мученическую смерть во время гонений Адриана.

⁴ Кодрат — один из апостолов от семидесяти. Родился, вероятно, во второй половине I в. Стал епископом в Афинах на место погибшего мученической смертью Публия. Умер от голода в темнице ок. 130 г. Один из первых греческих апологетов.

жавших из страха перед гонениями. И пока Адриан пребывал в Афинах, а в другие места он ездил нечасто, жители Элевсина и других городов Греции принялись убивать христиан, не имея на то приказа императора. Увидев это, епископ Квадрат составил весьма полезную книгу Закона нашего, исполненную разума, веры и апостольского учения, и преподнес ее Адриану, и показал в ней, как все происходило в великие дни, чтобы понял император, как сильно страдали многие люди в Иудее во времена Господа нашего Иисуса Христа, и какой страшной смертью они умирали и как потом воскресали из мертвых. И также Аристид, афинский философ,¹ человек весьма разумный и с самого начала объявивший себя последователем Иисуса Христа, в то же самое время, что и Квадрат, написал книгу, в которой обосновал разумность всего, что было сделано в соответствии с верой, и подал ее Адриану в защиту нашего закона. Эта книга дошла до наших дней, и уроженцы Греции приводят ее в доказательство его таланта. И тогда император Адриан своим указом наказал Минуцию Фундану, проконсулу Азии, чтобы ни у кого не было власти убивать христиан, если только их не обвиняют в совершении какого-либо зла, но чтобы это было доказано. Посланный им указ был таким: «Благородный в веках император Адриан шлет приветствие Минуцию Фундану, проконсулу Азии. Я получил те письма, что остались от знатнейшего мужа Серения Граниана, бывшего проконсулом до тебя,² и я не хочу, чтобы они остались без ответа, чтобы потерпели наказание невиновные и чтобы злодеи смогли ускользнуть. Так что знай, что, если жители провинции захотят обвинить христианина в каком-либо злодеянии, пусть кто-либо из обвинителей приведет его в суд и докажет то, в чем его обвиняет; и я желаю, чтобы они поступали именно так. Однако я никоим образом не потерплю, чтобы они подавали против них иск просто так или ради забавы, и голосовали против них, если они не сделали ничего плохого. Ибо вполне соответствует праву, чтобы, когда кто-то желает обвинить другого, ты бы выслушал дело и вынес приговор; так что, если истец докажет, что христиане совершают нечто противоречащее римским законам, ты должен покарать их в соответствии с тем злом, которое они совершили. Но в любом случае соблюдай вот что: если кто-то будет их обвинять и приводить в суд по навету, а не по праву, и не докажет то, в чем их обвиняет, накажи истца самым суровым наказанием из тех, что заслуживали бы христиане, если бы это совершили».

О годах правления с тринадцатого по восемнадцатый мы не нашли никаких записей, достойных упоминания.

¹ Аристид Афинский (II в.) — афинский философ, один из первых христианских апологетов, автор «Апологии».

² Серений Граниан написал, что несправедливо предавать смертной казни людей, не уличенных ни в каком преступлении, только за то, что они — христиане.

199. О том, что произошло в девятнадцатый год

В девятнадцатый год, который был в 174 год эры, император Адриан поставил в Иерусалиме, разрушенном Титом, свою статую, в том самом месте, где раньше был Ковчег Завета, потому что там еще оставались многие признаки города, а иудеи, рассеянные по другим областям, стали прибывать в святое место для совершения тайной молитвы. И поднялся у них предводитель по имени (Бар-)Косиба,¹ и пришли иудеи из многих поселений, по которым они были рассеяны, и он жестоко убил всех воинов, которые не хотели поддержать его против римских войск, и тогда все иудеи стали за него и уничтожили статую Адриана в Иерусалиме. Он узнал об этом, когда был там, и разрушил все, что напоминало об этом городе, так что не оставил там даже камня на камне. Об этом разрушении, которое произвел император Адриан, можно понять из пророчества Даниила, который сказал, что, когда увидят иудеи в Храме статую Цезаря, тогда и будет разрушен Иерусалим. А того предводителя иудеев звали Бар-Косибой, что означает «звезда», и хотя он был очень жестоким и враждебным, он заставил подлых иудеев поверить в то, что такое имя у него потому, что он послан небесами, подобно звезде, которая осветит плененный народ иудеев, блуждающий в потемках и заблуждениях. А еще ему поверили потому, что был он ловок во всяческих ухищрениях, так что много раз в споре с другим мудрецом, Руфином, изрыгал изо рта зажженную солому, так что казалось, что он дышит пламенем. Император Адриан убил его и разбил иудеев, и изгнал их навсегда со всей этой земли. И в тот год исполнились слова Господа нашего Иисуса Христа, что будут они лишены родины и уведут их в плен по всему миру.

О годах правления с восемнадцатого по двадцать первый нам не попало ничего, о чем нужно было бы написать или рассказать; и было это так благодаря миру во всем мире, а особенно в Испании, потому что император, происходивший оттуда, был для них очень хорош, вот они и не восставали против него в течение всей его жизни.

200. О том, что произошло в двадцать первый год

В двадцать первый год его правления, когда шел 177 год эры, случилось так, что император Адриан отстроил заново город Иерусалим и назвал его Элией, так как его звали Элием Адрианом. Из-за этой застройки получилось так, что священные места (такие как гора Голгофа, где умер

¹ Шимон Бар-Кохба (имя при рождении — Шимон Бен-Косиба) — предводитель иудеев в восстании против римлян при императоре Адриане, в 131—135 гг. н. э.

Господь наш, место, где он был погребен и откуда воскрес), которые раньше были за городской чертой, теперь оказались в ней; а больше всего этих мест у южной стены. Император постановил, чтобы ни один иудей не осмеливался входить в тот город Элию, и приказал его весь заселить христианами, а они затем сделали епископом Марка. Он был первым иерусалимским епископом, происходившим из языческой семьи, ведь до этого было четыре епископа, и все происходили из иудеев, и, даже будучи христианами, они блюли обрезание; теперь же он запретил впредь ставить епископа из обрезанных. И пока император Адриан совершал все эти деяния, о которых вы слышали, он очень сильно занемог, и случилась у него водянка; и отправился он в город Байи, где и умер.

В его правление приняли мученичество святой папа Александр, святой Эвенций, святой Феодул, святой Фаустин, святой Калосериус, святой Иовит,¹ святой Гетулий,² десять тысяч святых воинов, святой Секунд,³ святой Марциал, святой Элевтерий⁴ со святой Тассией, святой Тимофеей со святой Маврой,⁵ святой Квирич,⁶ святой Гермес,⁷ святой папа Сикст, святой Перегрин Антисидорский,⁸ святой Таурин,⁹ святой Евстафий.¹⁰ Но теперь история оставит рассказ об Адриане и приступит к рассказу об Антонине Пие.

¹ Согласно преданию, два брата, Фаустин и Йовит, переносили пытки с таким терпением, что язычник по имени Калосериус в изумлении воскликнул: «Как велик Бог христиан!» За что был немедленно арестован и приговорен к таким же пыткам.

² Гетулий — мученик из Тиволи, принял смерть в 120 г. Муж святой Симфорозы, согласно Римскому мартирологу, до обращения был офицером римской армии.

³ Секунд — мученик Астийский, патриций, младший офицер Римской армии, был обезглавлен во времена императора Адриана за исповедание христианской веры в 119 г.

⁴ Элевтерий — епископ Иллирийский. Он был арестован за то, что обратил ко Господу императорского служащего. В 121 г. святой Элевтерий был до смерти забит палицами, а его мать Антия была обезглавлена.

⁵ Тимофей (чтец в церковном клире в Фиваиде Египетской) и его супруга Мавра пострадали за веру во время гонения императора Диоклетиана.

⁶ Квирич Нойский (Квирич Римский; ум. в 115 г.) — римский трибун, почитается как мученик.

⁷ Гермес — грек по происхождению, пострадал в Риме в 120 г. Его мощи были обретенны Григорием Великим.

⁸ Перегрин (Пилигрим) Осерский (261—ок. 304 гг.) — первый епископ г. Осера (в древности — *Antisidoro*), построил в этом городе собор. Пострадал во время гонений Диоклетиана.

⁹ Таурин (убит ок. 210 или 410 г.) — первый епископ Эвре.

¹⁰ Евстафий (до крещения — Плакида) — римский военачальник, казнен императором Адрианом за то, что не захотел поклониться римским богам (118 г.)

*201. О правлении Антонина Пия
и о событиях первого года*

После того как умер Адриан, императором Рима стал Тит Антонин,¹ его зять, которого тот усыновил и сделал наследником государства. И первый год его правления был в 866 год от основания Рима, когда шел 178 год эры, а Господа нашего — 140; и правил он двадцать два года. Этот император Тит Антонин был от природы очень добрым, удивительно ученым и настолько благочестивым по отношению к людям и к делам, что ему по праву дали прозвище (когномен) Пий, что означает «благочестивый». Он ни во что не ставил суету этого мира и не выставял себя гордецом, как это делали другие императоры. Так что чужеземные народы, такие как жители Индии, Бактрии и Гиркании, узнав о великом благочестии и справедливости этого благородного императора, отправили ему свои посольства с богатыми дарами и драгоценностями и вместе с договорами и клятвами верности в том, что они будут его вассалами и будут подчиняться его сеньориальной власти.

В тот же год умер папа Телесфор, святой и почитаемый Церковью.

202. О том, что произошло во второй год

Во второй год папой римским стал Гигин,² и был он восьмым, и длился его апостолат четыре года. В тот же год император Антонин за свои великие заслуги получил титул отца отечества.³

203. О том, что произошло в третий год

В третий год, когда на папском престоле был Гигин, в Рим прибыли два предводителя одноименных еретических сект: одного звали Валентином,⁴ а другого — Кердоном, и он был учителем Маркиона.⁵

¹ Антонин Пий правил со 138 по 161 гт.

² Гигин — римский папа со 136 по 140 гт.

³ 139 г.

⁴ Валентин (II в.) — философ-гностик, основал в Риме школу валентиниан, одно из направлений докетизма.

⁵ Маркион (ок. 85 — ок. 160 гт.) — гностик, основатель школы маркионитов.

В четвертый год его правления, который был в 181 год эры, умер папа Гигин. Философ Иустин¹ написал книгу о нашем законе, над которой очень много потрудился за веру Иисуса Христа; и преподнес ее императору Антонину Пию; и когда император ее прочел, он проникся ко всем христианам любовью и стал относиться к ним хорошо. Этот Иустин, хотя и был христианином, ходил всегда одетым на манер философа, ведь он был одним из главных философов всей земли; а был он уроженцем города Флавиа Неаполис в Палестине и сыном Криспа Вакхия. Он не стыдился сносить насмешки над собой, потому что верил в действие креста. Еще раньше он сочинил много книг против язычников и преподнес их императору Антонину и его сыновьям в римском сенате; написал книгу в защиту нашего закона, которую преподнес Марку Антонину Веру и Луцию Аврелию Коммоду, которые правили после Антонина Пия. Кроме того, мы нашли еще одну его книгу, также написанную против язычников, в которой речь идет о природе дьяволов. Он написал и многие другие, о которых долго говорить, но мы знаем, что он так боролся за закон христианский, что за любовь к Господу нашему Иисусу Христу удостоился мученичества. А та книга, которую он преподнес Антонину Пию и его сыновьям в сенат города Рима, начиналась так: «Цезарю Августу Антонину Пию, Веру, философу и его сыну, Луцию, сыну Цезаря и философу, Пию, его приемному сыну, любителю мудрости, а также священному сенату и народу я, Иустин, сын Криспа Вакхия, уроженец города Флавиа Неаполис в Палестине, посылаю вам, чтобы просить милости за всех заключенных всего человеческого рода, которые жестоко страдают от ненависти к ним язычников и терпят то, что не должны. Ведь я точно знаю, что один из тех, против кого я сражаюсь за истину, измышляет против меня какое-то злодейство и предательство, и я хорошо понимаю, что ударят меня палкой или дубиной. И это замышляет не истинный философ, но какой-то *филопомп* (что обозначает человека, который не любит мудрость и кичится этим), ведь нельзя назвать философом человека, который публично обсуждает и признает то, чего не знает, и который говорит, что у христиан нет никакого Бога, что они жестокие; а говорит он это для того, чтобы понравиться тем, кто и так заблуждается, и ввести их в еще худшее заблуждение». И в той книге он говорит о многих разных вещах, которые здесь в истории не упоминаются. А еще знайте, что этот Иустин написал книгу, в которой привел вкратце все истории, написанные Помпеем Трогом, уроженцем Испании, составившим двадцать

¹ Иустин (Юстин) Философ (Иустин Великий, Иустин Римский, Иустин Мученик) (ок. 100—165 гг.) — раннехристианский мученик и апологет; считается первым христианским философом.

четыре книги о выдающихся событиях, которые произошли во всем мире со времен Нина, короля ассирийцев, и до правления Цезаря, властелина всего мира.

205. О том, что произошло в пятый год

В пятый год, который был в 898 году от основания Рима, когда шел 182 год эры, а Господа нашего — 144, папой римским стал Пий.¹ Происходил он из Италии, был сыном Руфина, братом Пастора из города Аквилеи; и был он папой одиннадцать лет. И вот в правление этого Антонина, в консульство Клара и Севера, когда папой был Пий, Герма написал книгу, в которой изложил все, что приказал ему ангел, когда явился ему в образе пастыря.² Он повелел, чтобы отныне Пасха всегда справлялась в воскресенье, ведь до этого ее праздновали в любой другой день, на который она выпадала. Папа Пий постановил, чтобы каждый иудейский закон, заимствованный Церковью, соблюдался бы после обсуждения. И знайте, что этот Герма, о котором мы говорили выше, был человеком очень святым, ведь святой апостол Павел упоминает о нем в посланиях, говоря: «Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев».³ И узнали мы, что этот Герма написал книгу, которая называется «Пастырь», которую читали вслух в греческих церквях, и она, без сомнения, была очень полезной: многие древние писатели почерпнули отсюда свидетельства для своих писаний, однако она очень плохо известна среди латинян.

206. О шестом годе

В шестой год седьмым епископом Александрии был провозглашен Марк, и длилось его епископство десять лет.⁴

О годах правления с восьмого по девятый мы не нашли никаких упоминаний о вещах значительных, за исключением того, что ересиарх Валентин причинил своей ересью много зла, а на Крите жил человек, которого звали Мезомед, и был он одним из лучших знатоков музыки и мастеров игры на инструментах.

¹ Пий I — римский епископ (папа) в 142—154/155 гг.

² «Пастырь» Гермы (Эрмы, Эрма Римского) — раннехристианское сочинение, датированное II в. До начала IV в. иногда включалось в состав Новозаветного канона (например, в Синайском кодексе).

³ Рим. 16:14.

⁴ Святой Марк II (Маркиан) являлся епископом Александрии в период ок. 144—149/154 гг.

В десятый год, который был в 903 году от основания Рима, когда шел 187 год эры, самыми мудрыми философами из всех были Аполлоний из Халкидона¹ и Василид из Скифополя,² и были они истинными наставниками Цезаря императора. А еще был Тавр из Бейрута, весьма известный философ, принадлежащий к школе Платона.³ И мы обнаружили записи о том, что, когда этот Тавр жил в Афинах и содержал там школу, пришли проведать его и узнать, как он поживает, наместник Крита и его (наместника — *прим. пер.*) отец. Тавр очень им обрадовался и стал настойчиво приглашать их отобедать, и отца он пригласил первым. Отец сказал: «Я не занимаю никакой должности, так что первым должен быть мой сын, у которого есть власть, данная ему римлянами, и который здесь наместник». Услышав это, Тавр ответил: «Не желая огорчить твоего сына, все же я бы хотел, чтобы ты сел первым, пока мы спорим, кому надлежит сделать это раньше: тебе ли, потому что ты отец, хотя и не занимаешь должность, или твоему сыну, который занимает должность наместника». И когда отец уселся, он приказал принести для сына точно такое же кресло и предложил ему разместиться в нем; а затем начал Тавр рассуждать об этом перед всеми и среди прочего сказал такие слова: «На площадях, в театрах и в общественных местах, куда собираются люди для суда или для торговли, в дарах Господа, в народных подарках не нужно соблюдать природное почтение, которое должно быть у сына по отношению к отцу. Если сын занимает какую-либо должность, отец должен стерпеть и уступить почести сыну. Но в частных домах, как здесь, где собираются поесть и поговорить, следует оставить все это внешнее почтение отца без должности по отношению к сыну, который эту должность занимает, и соблюдать то, что предписывают природа и право, т. е. чтобы сын почитал отца».

В то время жил знаменитый физик Гален,⁴ знаток медицины, как об этом в своей истории рассказывает Евсевий. И узнали мы, что он написал книгу по алхимии и назвал ее «Книга о замороженном яблоке». Святой Иероним говорит о нем: «Гален, самый мудрый толкователь Гиппократы, приводит доказательство, основанное на физике, что люди, называемые атлетами, которые постоянно едят жирную пищу, не могут жить долго

¹ Аполлоний Халкедонский — философ-стоик, наставник Марка Аврелия.

² Василид — философ-стоик из Скифополя (в Палестине), учитель императоров Луция Вера и Марка Аврелия.

³ Луций Кальвизий Тавр из Бейрута (II в. н. э.) — философ-платоник. Стоял во главе платоновской школы в Афинах («Академии»). Среди его учеников — знаменитый римский антиквар Авл Геллий (ок. 130 — ок. 170 гг.).

⁴ Гален (129/131 — ок. 200/217 гг.) — римский врач греческого происхождения, автор многих медицинских сочинений.

и быть здоровыми, и еще души их настолько переполнены кровью и настолько тяжелы, что никоим образом не могут размышлять ни о чем тонком и воздушном, но заботятся только о своем теле, о питье и о насыщении».

О годах правления с десятого по семнадцатый мы не нашли никаких записей, достойных упоминания.

208. О событиях семнадцатого года

В семнадцатый год, который был в 910 год от основания Рима, когда шел 194 год эры, епископом Александрии был провозглашен Келадион, и его епископство продолжалось четыре года.¹ В то же время жил и философ Кресцент,² считавший себя наимудрейшим из всех; а так как святой философ Иустин, о котором мы вам уже рассказывали, часто спорил с ним, уличал в эпикурействе и называл его сплетником, тот инициировал гонения против него; и так Иустин принял мученичество во имя любви к Господу нашему Иисусу Христу.

Тогда же умер папа Пий, и был он погребен рядом с местом захоронения святого Петра в Ватикане в одиннадцатый день месяца июля. После него папой был провозглашен Аникет.³ В его апостолат в Рим прибыл епископ Смирны святой Поликарп, он отвратил многих от еретических заблуждений и вернул их к истинной вере.⁴

209. О том, что произошло в восемнадцатый год

В восемнадцатый год, когда шел 195 год эры, папой римским был провозглашен святой Элевтерий,⁵ а епископом Антиохии — святой Максим.⁶ В тот же год Антонин сделал своего сына Коммода соправителем Империи, равным себе.⁷ И вот тогда он победил всех своих врагов, ведь уже три года он держал в городе Карменте многочисленные и хорошо обученные войска,

¹ Келадион — епископ Александрии в 154—164/167 гг.

² Кресцент — греческий философ-киник II века. Обвинитель мученика Иустина-философа перед императором Антонином Пием.

³ Аникет — епископ римский в 154/155—165/166 гг.

⁴ Епископ Поликарп Смирнский (ок. 70—156 гг.) — ученик апостола Иоанна, епископ Смирны, один из первых христианских мучеников.

⁵ Элевтерий был преемником папы Сотера (165/166—174/175 гг.), о котором автор умалчивает; римский папа в 174/175—189 гг.

⁶ Максим (Максимин) — митрополит Антиохии в 188—192 гг.

⁷ 177 г.

и оттуда-то они и выступили и сражались с врагами до тех пор, пока не победили их. И знайте об этих императорах, что они сделали много хорошего для всех, одарили всех великими дарами, провинциям простили все недомыслие и на римском форуме сожгли налоговые документы. А чтобы не оставалось никакого благодеяния, которого они бы не совершили, они отменили все прежние дурные законы и заменили их новыми, хорошими.

О девятнадцатом годе правления мы не нашли никаких записей, достойных упоминания, за исключением того, что император Антонин стал называться Августом, а в городе Смирне случилось землетрясение, и был он весь разрушен, так что императоры простили ему налоги на десять лет вперед, чтобы он был отстроен заново.

Ни в двадцатый, ни в двадцать первый год не произошло ничего примечательного, кроме того, что епископом Иерусалимским стал Кассиан.¹

210. О том, что произошло в двадцать второй год

В двадцать второй год, когда шел 199 год эры, император Антонин стал еще добрее, и все люди его прославляли, он же заботился больше о том, чтобы защитить и сохранить государство, а не о том, чтобы его расширить. Он оказывал очень большие почести людям, на его взгляд, порядочным, а дурным он мягко и доброжелательно говорил, что они не могут быть друзьями императора из-за того, что они совершили. И за все это его очень почитали люди, которые не боялись его; также многие чужеземцы, если у них возникали конфликты друг с другом, приходили к нему до того, как развязать войну, чтобы выслушать его доводы и чтобы он рассудил их спор. И знайте, что до того, как стать императором, этот Антонин был очень богатым человеком, владел он огромными богатствами, но все их разделил между своими рыцарями и друзьями; а после его смерти государственная казна оказалась полной. Пребывая в тот год на своей вилле, которая называлась Лирий и находилась в четырех лигах от Рима, он заболел и умер.

В период его правления Испания жила в мире под его властью: во-первых, благодаря его доброте, во-вторых, благодаря распространявшемуся и усиливавшемуся христианству, в-третьих, потому, что испанцы были научены горьким опытом предыдущих правителей Рима. Итак, в течение своего правления он был господином (сеньором) Испании и всех других земель, пребывающих в мире.

После его смерти языческие жрецы поставили в его честь много храмов и причислили его к своим богам; сенаторы же воздали ему величайшие почести.

¹ Годы епископства неизвестны.

И мы узнали, что во времена этого императора Антонина приняли мученичество святой Птолемей, святой Луций и святой Папий, епископ Иераполя.¹ Но теперь история закончит рассказ о нем и перейдет к рассказу о его сыновьях, правивших после его смерти.

*211. О правлении Марка Аврелия Антонина Вера
и Луция Аврелия Коммода, а также о событиях,
происшедших в первый год их правления*

После кончины императора Антонина Пия правили его сыновья Марк Аврелий Антонин Вер² и Луций Аврелий Коммод.³ И первый год их правления был 917 год от основания Рима, когда шел 200 год эры, а Господа нашего — 160; и правили они девятнадцать лет и один месяц. И знайте, что император Марк Антонин Вер унаследовал империю по праву, так как он был старшим сыном Антонина Пия, однако из-за большой любви к своему брату Луцию Аврелию он сделал того соправителем. И были они первыми римскими императорами, которые оба правили империей совместно и на равных, ведь до сих пор всегда был только один или же, даже если и было двое, один был старше.

Этот Марк Аврелий был настолько кроток и спокоен, что с самого раннего детства никогда не менял выражения лица из-за печали или радости. Мы считаем, что он был истинным философом, гораздо более мудрым, чем казался. Оба императора одарили Рим богатыми дарами, отменили многочисленные налоги в провинциях и на площади посреди Города приказали сжечь все долговые книги, где было записано, кто должен им. Они отменили для римлян жестокие и дурные законы, исправили их и дали другие, которые всем пришлось по нраву. Они также совершили много других благодеяний, как и их отец; ведь все это они делали для того, чтобы походить на него, дабы после их смерти люди говорили бы о них так же хорошо.

212. О втором годе

Относительно второго года их правления мы нашли, что Луций Аврелий Коммод пребывал в Афинах и устроил там грандиозные жертвоприношения; и видел, как на небе с запада появился огонь и полетел на восток.

¹ Папий Иерапольский или Гиерапольский — раннехристианский святой, писатель, один из т. н. «мужей апостольских»; умер в Смирне в 155 (165) г.

² Марк Аврелий — римский император в 161—180 гг.

³ Луций Элий Аврелий Коммод — римский император в 177—192 гг.

213. О том, что произошло в третий год

В третий год, который был в 202 год эры, против Рима поднял восстание король Парфии Вологез.¹ Он разграбил римские провинции, окружавшие его владения, а также Армению, Каппадокию и Сирию. Узнав об этом, Марк Аврелий приготовился выступить против него.

214. О том, что произошло в четвертый год

В четвертый год, который был, когда шел 203 год эры, в Риме жил знаменитейший и славнейший ритор Фронтон,² который обучал Марка Антонина Вера латинской грамматике.

А когда Марк Антонин и его брат Луций Аврелий приготовились выступить против короля Парфии Вологеза, они отправили против него свои войска и военачальников и разбили его. Они вошли в Селевкию, город в Сирии, и там взяли в плен четыреста тысяч человек. И вернулись они радостными победителями.

В тот же год жил в Пизе философ по имени Перегрин,³ знаток всех свободных искусств. Однажды, поняв, что скоро в мире будет очень много болезней, приготовил для себя большой погребальный костер, развел огонь, бросился в него и сгорел.

Относительно пятого года мы не нашли никаких событий, о которых стоило бы рассказать.

215. О том, что произошло в шестой год

В шестой год, когда шел 205 год эры, девятым епископом Александрии был провозглашен Агрипин. Императоры начали страшные гонения на христиан по всей земле Азии и Франции; и многие святые приняли различные страшные мученичества, о которых вы услышите дальше в рассказе о деяниях последнего года их правления, а также история приведет имена тех, кто претерпел мученичество в их время.

¹ Вологез III — царь Парфии из династии Аршакидов (148—192 гг.). В 161—165 гг. вел войну с Римом. По договору 166 г. к римлянам отошла вся северо-западная Месопотамия с городами Эдесса, Карры, Нисибис и Дура-Европос.

² Марк Корнелий Фронтон (ок. 100—170 гг.) — римский грамматик, ритор и адвокат.

³ Имеется в виду Перегрин Протей (ум. в 165 г.), философ-киник, родившийся в начале II в. в Парионе (Мезия). Он вел скитальческую жизнь, впоследствии жил в Афинах, где в числе его слушателей был Авл Геллий. Покончил с собой путем самосожжения, на которое пошел, не желая нарушить обещание, данное приверженцам.

216. О событиях седьмого года

В седьмой год, который был в 206 год эры, случилось так, что из-за императорских гонений на христиан во всей земле началась страшная эпидемия чумы, которая опустошила многие провинции, а особенно обезлюдела Италия, так что понемногу стали бесплодными все луга и поля, ведь там никто не жил. А еще ни одну область не обошла война: ведь шли жестокие войны за Восток, за Иллирик, Италию, а еще за Францию. Во всех областях были землетрясения, которые разрушили многие города. И разлились реки, и нанесли они серьезный ущерб многим поселениям. А саранча была такой, что уничтожила весь хлеб и урожай.

217. О том, что произошло в восьмой год

В восьмой год, который был в 913 год от основания Рима, когда шел 207 год эры, а Господа нашего — 169, случилось так, что прочие народы прознали о чуме в Риме и о катастрофах в империи; и восстали против императора макроманны, квады, вандалы, сарматы, свевы и все жители Германии. И император Марк Антонин приготовился идти на них войной, но, когда заглянул в казну, не нашел там ничего, чем можно было бы заплатить рыцарям. Однако, несмотря на это, он не пожелал увеличивать налоги, но собрал все свои богатства, дорогие ткани, одежды, украшенные золотом, подаренные драгоценные камни, обувь, всю золотую утварь из своего дома и приказал все это продать на рынке. И два месяца его управители только и делали, что занимались продажей и записывали, кто что купил. Этими деньгами он заплатил рыцарям и отправился в бой. А его брат Аврелиан взял рыцарей, которые у него были в земле, называемой Карнунтом, и они оба выступили против тех народов. Когда они прибыли в землю квадров, все жители этих провинций объединились и пошли на них. И тогда Луций Аврелий из страха перед смертью бежал вместе со всем своим войском, ведь, во-первых, врагов было много и сражались они ожесточенно, а во-вторых, не было воды, нечего было пить ни людям, ни животным, и они погибали от жажды. И как рассказывает Евсевий, в войсках Аврелия было много христиан, и оставили они ярость, и взмолились от всего сердца Господу нашему Иисусу Христу, чтобы Он сжалился над ними и послал бы им воду для питья и дал бы им отомстить врагам. Добрый Господь, который никогда не оставляет своих, сжалился над ними и послал дождевые тучи, водой которых напились их животные. А на другое войско Он послал горячие лучи солнца, которые убили и сожгли большую часть из них. Подкрепив свои силы водой, которую послал им Господь наш, воины Цезаря бросились на них и одних убили, других взяли в плен, а третьи бежали, так что все они были побеждены. И знайте, что об этом чуде рассказывают истории язычников как греческие, так и

латинские, но они не упоминают, что оно произошло после молитвы христиан, а говорят, что в результате молитвы императора, который был язычником. Однако все мудрецы нашей веры, повествующие об этом, говорят, что это случилось благодаря христианам, и это, без сомнения, было так. Однако хотя император и был язычником, в силу своего благоразумия он вместе с христианами стал просить милости Господа нашего. И после этого он разослал своим друзьям в Рим и в другие земли письма следующего содержания: что благодаря силе Иисуса Христа он и его люди избежали гибели от жажды, и он с маленьким отрядом победил огромные войска тех народов. А затем оба императора в большой радости вернулись в Рим как победители. А на средства от большой добычи, полученной в этой войне, Марк Антонин приказал выкупить его собственные вещи, и каждому давал ту цену, которую он заплатил, а если кто-то не хотел возвращать, он его не принуждал и не держал на него зла. В тот же год одиннадцатым папой римским был провозглашен Сотер,¹ а епископом Антиохии стал Феофил,² написавший множество прекрасных сочинений.

218. О событиях девятого года

В девятый год, который был в 208 год эры, случилось так, что император Луций Аврелий, ехавший на колеснице вместе со своим братом, императором Антонином, умер от апоплексического удара, болезни, которая лишает человека дыхания, между городами Конкордия и Альтино. И его брат приказал похоронить его сколь возможно роскошно.

А епископом Сардинии в Азии был тогда Милет, человек праведный и большой мудрец. Он много потрудился, защищая наш закон, написал книгу против язычников, где показал разумность нашего закона, и преподнес ее императору Марку Антонину.

219. О событиях десятого года

В десятый год правления, что пришелся на 209 год эры, мы находим запись о том, что Аполлинарий³ являлся епископом Иераполя,⁴ города в Азии; и был он человеком весьма праведным и знатным; и сильно укре-

¹ Сотер был римским папой прежде Элевтерия, в 165(166)—174 (175) гг.

² Феофил Антиохийский (ум. в 180/181 г.) — христианский апологет II в., епископ Антиохии, автор ряда значимых сочинений.

³ Аполлинарий Клавдий (ум. ок. 179 г.) — христианский писатель, богослов, апологет, противник и обличитель ереси Монтана, епископ Иераполя в Азии.

⁴ Иераполь (также Иераполис) — город, развалины которого находятся в 17 км от современного г. Денизли (Турция).

пил веру христианскую: с одной стороны, благодаря своим добродетелям, с другой — обращая многих своими проповедями и книгами, которые писал. Тогда же жил другой святой — Дионисий,¹ епископ Коринфа, человек, преисполненный благочестия и совершенный в духовной жизни. И был в те времена один мудрец на Крите, которого звали Пинит,² человек весьма рассудительный, но начавший ложно пророчествовать и в итоге сбившийся с пути. Тогда же возникла ересь, распространявшаяся людьми, называемыми фригийцами; и объявились трое мудрецов, стоявших у ее истоков: одного звали Монтан,³ а двух других — Присцилла и Максимилла.⁴

С десятого до девятнадцатого года правления мы не находим никаких записей, достойных нашего рассказа; только то, что в одиннадцатый год был один еретик по имени Татиан,⁵ положивший начало ереси татиан, входивших в его секту. И другой человек — Бардесан,⁶ также распространивший ересь. Император Марк Антонин сделал своим соправителем сына Коммода,⁷ так как брат его уже скончался, и некому было возглавить войско.

220. О том, что произошло в девятнадцатый год

В девятнадцатый год правления, что пришелся на 933 год от основания Рима, когда шел 218 год эры, а от Рождества Христова это был 180 год, случилось так, что император Марк Антонин прибыл в Испанию; однако мы не находим достоверных записей о том, поднялся ли мя-

¹ Дионисий Коринфский — епископ Коринфа с 170 г.; написал восемь посланий — к лакедемонянам, афинянам, никомидийцам и проч., которые пользовались в свое время большой распространенностью. Все они потеряны, и только отрывки из них сохранились у Евсевия.

² Пинит (ум. ок 180 г.) — епископ г. Кносса (Крит).

³ Монтан (ум. ок. 175 г.) — основоположник монтанизма, религиозного движения II в., признанной ересью уже современниками. Главные идеи монтанистов — скорое приближение конца света и проповедь крайнего аскетизма, что привлекло в их ряды некоторых видных церковных деятелей, в частности — Тертуллиана.

⁴ Присцилла и Максимилла — женщины-пророчицы, сопровождавшие Монтана.

⁵ Татиан (112—185 гг.) — христианский писатель-апологет, сириец по происхождению, соединивший все четыре Евангелия в единое повествование («Диатессалон», дословно — «через четыре»), существенно повлиявший на становление канонического текста Нового Завета.

⁶ Бардесан (Бар-Дайсан, Вардесан) (154—222 гг.) — сирийский философ, богослов гностического направления; поэт, один из создателей сирийского литературного языка.

⁷ Луций Элий Аврелий Коммод (161—192 гг.) — римский император с 177 по 192 гг.

теж в Испании и он прибыл с войском, чтобы его подавить, или же он это сделал, желая увидеть страну; но другие истории говорят, что прибыл он затем, чтобы и посмотреть на нее, и привести в порядок ее дела. А по возвращении оттуда он пожаловал римлянам многие вольности: разрешил магнатам иметь такие же владения, как у него, а также чтобы они поступали со своими людьми так, как он сам это делал, а дела владений пусть поручают управляющим, подобно тому как это было заведено у него. И знайте, что император Марк Антонин был столь добр с малых лет, что император Адриан, видя большие его достоинства, решил оставить его наследником императорской власти. Поэтому наследовал ему Антонин Пий, его зять, которого он усыновил, дабы тот правил после него. И никогда величие власти не заставило Марка Антонина изменить своим добродетелям, но он еще более укрепился в них. И был он столь щедр в дарах и столь велик в делах своих, что однажды во время праздника,¹ устроенного в честь победы в одной из битв, привели туда сто львов, которых он приказал убить. Укрепив порядок в Римской империи, он скончался в Паннонии² от внезапно постигшей его болезни; в ту пору ему исполнилось шестьдесят один год. Во времена этих императоров Марка Антонина Вера и Луция Аврелия Коммода были преданы мучениям³ святой Поликарп,⁴ святой Пионий,⁵ святой Юстин;⁶ в Вьенне: святой Санкт, святой Ат-

¹ Имеются в виду гладиаторские бои.

² Паннония — римская провинция.

³ Здесь и далее удалось идентифицировать не все имена мучеников. Большинство из них (особенно применительно к истории наиболее массовых Дециевых и Диоклетиановых гонений) известно лишь по именам. Сведения об их мученичествах и (намного реже) отдельных деталях их биографий содержатся, главным образом, в церковных календарях и/или пассионариях, упоминаются в гимнах и некоторых других текстах, как правило, составленных в позднейший период. Применительно к Испании главным источником такого рода является т. н. «Испанский Пассионарий», собрание актов мучеников, самые ранние из которых относятся ко времени Дециевых гонений, а поздние — гонений Диоклетиана и его преемников. Большая часть этих актов связана с испанскими мучениками; помимо них присутствуют также *passiones* восточных, африканских, галльских и италийских мучеников. Самые ранние версии этой компиляции происходят из скрипториев монастырей св. Петра в Карденье и св. Доминика в Силосе и датированы X в. Речь идет о рукописях, ныне хранящихся в Библиотеке Британского музея (Brit. Mus. Add. 25. 600) и Национальной библиотеке Франции в Париже (BNF. Nouv. Acq. Lat. 2.180).

⁴ См. выше гл. 209.

⁵ Святой Пионий (ум. в 250 г.) — христианский мученик из Смирны. Известного своей мудростью и способностями к проповеди святого Пиония понуждали принести языческую жертву. После отказа совершить жертвоприношение его подвергли ужасным мучениям, прежде чем сжечь в печи.

⁶ См. выше прим. к гл. 204.

тал, святой Понтик; святой Понтиан,¹ святой Флоцел, святой Виктор² со святой Короной,³ святой Конкордий,⁴ святой Марсилией, святой Валериан, святой Александр, святой Гай; святой Эпиподий, святой Александр. Теперь же история заканчивает рассказ об этих императорах и поведает об императоре Луции Аврелии Коммоде, который был сыном Марка Антонина и правил после него.

221. О правлении Луция Аврелия Коммоды, и о том,
что произошло в первый год

После смерти Марка Антонина императором стал Луций Аврелий Коммод, его сын. Первый год его правления пришелся на 935 год от основания Рима, когда шел 219 год эры и 180 год от Рождества Христова. В тот год Юлиан был провозглашен десятым епископом Антиохии и занимал престол десять лет.⁵ Знайте же, что этот император Коммод был мужем весьма дурных наклонностей, и не было в нем ничего хорошего, что было в его отце. Мы находим записи о том, что не совершил он ничего значительного, как некогда его отец, разве что один раз удачно сразился с германцами и победил их. Он был большим любителем женщин, даже сверх меры; а среди прочих его привычек выделялась та, что любил он выступать с оружием в качестве меченосца⁶ и чемпиона; он выходил на арену сражаться против диких животных и быков и убивал их, подобно обычному воину; все эти поступки не подобают ни императору, ни королю, ни другому правителю, ни любому благородному человеку. В самом начале правления он поступал верно; на латыни *Comodus* означает — полезный, поэтому и прозвали его Коммодом. Но затем сотворил столько зла, что Павел Орозий в своей истории говорит: «Император Коммод, имеющий "полезное" имя, причинил много вреда всем вокруг».⁷

¹ Святой Понтиан (ум. в 169/175 г.) — христианский мученик из Сполето.

² Виктор Дамасский (II в.) — раннехристианский святой, почитается как воин-мученик.

³ Святая Корона (ум. ок. 170 г.) — сирийская мученица. По преданию, приняла мученичество вместе со св. Виктором.

⁴ Святой Конкордий (ум. ок. 175 г.) — мученик, сын пресвитера Гордиана.

⁵ Патриаршество Юлиана относится к 466–474 гг.

⁶ Вместо слова *gladiator*, которое есть у Павла Орозия (*Oros. Hist. VII. 16*), хронист употребляет *esgrimidor*.

⁷ *Oros. Hist. VII. 16. 1.*

222. *О том, что произошло во второй год правления*

Во второй год его правления, пришедшийся на 220 год эры, загорелся в Александрии храм Сераписа,¹ очень богатый и почитаемый; и сгорели там все книги, и все одежды, и все сосуды из золота и серебра, при помощи которых совершались жертвоприношения в храме, а также другие богатства, имевшиеся там.

223. *О происшедшем в третий год*

В третий год правления, что пришелся на 221 год эры, Феодотион,² мудрый учитель из города Эфес, закончил перевод Библии, записал и свел в единый текст, который в таком виде уже считался утерянным; и объединил труд семидесяти толковников.³ В ту же пору жил Ириней, епископ Лионский с Роны,⁴ человек праведный и благородный, восхваляемый всеми за свою добродетель и великое знание, коим он обладал.

224. *О происшедшем в четвертый год*

В четвертый год, что пришелся на 222 год эры, построил император Коммод в городе Риме очень большие бани, обощедшиеся немалой ценой, и назвал их «термы Коммода», что также означает бани Коммода. И сменил название сентябрю, и назвал его коммодом в честь самого себя; но поскольку он был плохим человеком и дурных нравов, люди вы-

¹ Серапис — эллинистическое синкретическое божество, сочетающее в себе черты Зевса и Осириса. Его культ сложился в Египте в IV в. до н. э. как символ примирения греческой и египетской религий.

² Феодотион (Теодотион Эфесский, ум. ок. 200 г.) — сведений о его жизни не сохранилось. Главной его заслугой явился перевод Писания на греческий язык, как полагают, примерно в 150 г.

³ Речь идет о знаменитой «Септуагинте» (Перевод семидесяти толковников) — переводе комплекса иудейских священных текстов на греческий язык, выполненном в III—I веках до н. э. в Александрии для нужд местной иудейской общины. Часто обозначается как «LXX» (число семьдесят, записанное римскими цифрами). Важность «LXX» для христиан объясняется тем, что произведения, вошедшие в этот перевод, составили наиболее пространную версию христианского Ветхого Завета.

⁴ Ириней Лионский (ок. 130—202 гг.) — один из первых отцов Церкви, ведущий богослов II века и апологет, второй епископ Лиона. Принадлежал к малоазийской богословской школе. Его сочинения способствовали формированию учения раннего христианства. Считается, что он был учеником Поликарпа Смирнского. Самое известное сочинение Иринея Лионского «Adversus Haereses» («Против ересей») представляет собой полемику с гностицизмом.

казали недовольство и не захотели, чтобы месяц звался в его честь; и не повезло ему как Юлию или Октавиану, и осталось у месяца прежнее название.

225. О происшедшем в пятый год

В пятый год правления, что пришелся на 223 год эры, люди сочли, что из-за великих пороков императора Коммода все бедствия, пришедшие в страну, случились по его заслугам. И среди прочего произошло так, что в тот год молния попала в Капитолий в Риме, начался пожар¹ и возник столь сильный огонь, что сгорели все книги, в которых были записаны все деяния язычников; а также были уничтожены все дома вокруг Капитолия. Тогда Максим был провозглашен епископом Иерусалима, шестнадцатым по счету, вслед за Иаковым-младшим.²

226. О шестом годе

В шестой год правления, что пришелся на 224 год эры, Димитрий был рукоположен в сан епископа Александрийского;³ и стал он одиннадцатым по счету вслед за святым Марком, и был он человеком достойным, вел праведный образ жизни и был в высшей степени образован. И стоял он во главе епископата на службе Богу сорок три года.

227. О седьмом годе

В седьмой год правления, что пришелся на 225 год эры, император Коммод приказал убрать фигуру, стоявшую на вершине Колизея, и поставил другую — сделанную по его образу и подобию.

228. О том, что произошло в восьмой год

В восьмой год правления, что пришелся на 226 год эры, Серапион был рукоположен в сан епископа Антиохийского. И как рассказывает Павел Орозий в своей истории,⁴ злодеяния этого императора Луция Коммода

¹ Это произошло в 188 г.

² Годы епископата неизвестны.

³ Епископ Димитрий — епископ Александрийский (189—231 гг.), первый, о котором сохранились достоверные сведения. История Димитрия Александрийского тесно связана с историей его противника — знаменитого богослова и философа Оригена.

⁴ *Oros. Hist.* VII. 16. 1.

обернулись против жителей Рима: он убил всех сенаторов, которые казались ему людьми знающими и мудрыми во всех делах, стремились к знатности и высокому положению; таким образом, он собрал вокруг себя людей негодных и с дурными нравами, и они-то и были его друзьями и доверенными лицами.

С восьмого по тринадцатый годы правления мы не находим никаких записей о достойных делах, о которых стоило бы рассказать.

229. О событиях тринадцатого года

В тринадцатый год, что пришелся на 947 год от основания Рима, когда шел 231 год эры, 193 год от Рождества Христова, случилось так, что занялся пожар¹ в городе Риме и сгорел дворец и все святилища Весты, богини, которую римляне почитали более всех других. В тот год скончался папа Элевтерий,² а на его место взошел святой Виктор,³ и длилось его папство десять лет. Тогда же император Коммод отправился в названный храм Весты, и был задушен там; так он и умер. И хотя он был дурным человеком, во все время его правления Испания оставались под властью Рима, и был он их властителем, подобно другим императорам до него. И известно, что в его время были преданы мучениям следующие мужи: святой Евсевий,⁴ святой Викентий,⁵ святой Пилигрим, святой Потенциан, святой Юлиан-сенатор, святой Антолин, святой Аполлоний-сенатор.⁶ Теперь же история заканчивает рассказ об этом императоре Марке Аврелии Коммодe и поведает о Гельвии Пертинаксе, который правил после него.

230. Об императоре Гельвии Пертинаксе, и о событиях, происшедших во время его правления

В 948 год от основания Рима, когда шел 232 год эры и был 194 год от Рождества Христова, случилось так, что после смерти императора Коммода был созван весь Римский Сенат, и было решено волей и поста-

¹ Этот пожар случился в 189 г.

² Елевферий (Элевтерий) (ум. в 189 г.) — епископ Рима в 174/175—189 гг.

³ Виктор I (ум. в 199 г.) — епископ (папа) Рима с 189 по 199 гг.

⁴ Возможно, имеется в виду Евсевий (ок. 283—371/372 гг.) — первый епископ Верчелли, который, однако, пострадал значительно позже.

⁵ Возможно, Викентий Сарагосский (род. в 304 г. в Валенсии) — раннехристианский мученик периода Диоклетиановых гонений. Возможно также, автор имеет в виду Викентия Коллиурского (291 или 304 г.) или Викентия Аженского (300 г.)

⁶ Аполлоний Римский — римский сенатор, мученически погибший за веру при императоре Коммодe.

новлением,¹ что власть перейдет к Гельвию Пертинаксу.² Он же не желал быть императором никоим образом, так как был стар, и было ему более шестидесяти лет от роду. Но вынужден был принять власть против воли, и стал он шестнадцатым императором после Октавиана и правил шесть месяцев. На шестой месяц, несмотря на хорошее к нему отношение, сенаторы отказали императору в том, чтобы присвоить его жене титул Августы, а его сыну — Цезаря, дабы их тем самым признали равными ему по власти. И он им ответил, что был провозглашен императором против своей воли. Спустя шесть месяцев некто по имени Юлиан,³ человек могущественный и преисполненный ненависти, законник, устроил так, что император Гельвий был убит во дворце на Капитолии. После смерти Гельвия, поскольку тот Юлиан был влиятельным и имел много сторонников, он попытался захватить власть силой и сделал это, правда, всего лишь на семь месяцев. И так как он захватил власть без согласия сенаторов и народа Рима, то не был включен в число императоров и не был провозглашен таковым; а стал им человек по имени Север,⁴ который также был очень могущественным. И чтобы отомстить за Гельвия Пертинакса и отобрать власть, сразился с тем Юлианом и убил его. И знайте, что во времена императора Гельвия Пертинакса, первое, потому что он был доброго нрава, а второе, потому что правил недолго, никто не был предан мучениям. На этом история заканчивает рассказ о нем и продолжает повествование об императоре Севере.

231. О правлении императора Севера и о его первом годе

После того как Юлиан был убит Севером, тот завладел всей властью в Риме. Первый год его правления пришелся на 949 год от основания Рима, когда шел 233 год эры и был 195 год от Рождества Христова; и правил он восемнадцать лет. Знайте же, что Север был родом из Африки, из провинции под названием Триполитания, что в Берберии, а еще точнее — из города Лептис;⁵ и никогда ни раньше, ни потом у римлян не было африканского императора, за исключением этого. В честь Пертинакса, что правил до него, и так как он отомстил за предшественника, убив Юлиана, Север также взял себе имя Пертинакс. И был он человеком жестоким по при-

¹ В тексте — *por fuerça et por sentencia*.

² Публий Гельвий Пертинакс — римский император с января по март 193 г.

³ Марк Дидий Сальвий Юлиан Север — римский император (28 марта — 1 июня 193 г.).

⁴ Луций Септимий Север — римский император с 193 по 211 гг.

⁵ Лептис-Магна — город в области Сиртика (позже называлась область Триполитания) на территории современной Ливии.

роде, и удерживал власть силой. Он удостоился чести управлять империей после ряда прежде занимаемых им должностей: сперва он был тем, кто оглашал приказы императора; затем стал военным трибуном; так, переходя от должности к должности, от почести к почести — до тех пор, пока не стал императором. И удерживал власть с большим трудом. И хотя он был отличным воином и смелым в сражениях, никогда не переставал учиться: он и ранее слыл весьма образованным человеком и знатоком законов, философом, искушенным во всех областях философии.

232. О втором годе

Во второй год его правления, что пришелся на 234 год эры, был священником Александрийской церкви Климент,¹ и жил Пантен-философ,² оба мужи праведные и знающие в церковных делах и в законах. О третьем и четвертом годах не находим мы никаких записей, достойных упоминания, разве что святой Нарцисс, епископ Иерусалимский;³ святой Феофил, епископ Кесарийский;⁴ святой Поликарп, епископ Смирнский; и святой Вакхил, епископ одной из провинций в Азии,⁵ споспешествовали в ту пору принятию христианской веры как можно большим числом людей; многие же подвергались мучениям и опасностям ради нее.

233. О пятом годе

В пятый год, что пришелся на 237 год эры, в землях Азии разгорелся спор среди епископов и священников, что там находились, о том, следует ли им праздновать Пасху согласно закону Моисея в четырнадцатый день

¹ Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215 гг.) — христианский апологет и проповедник, выдающийся писатель, основоположник Александрийской богословской школы, возглавлявший ее до Оригена.

² Пресвитер Пантен (ум. между 200 и 202 гг.) — христианский богослов, глава Александрийской богословской школы.

³ Нарцисс I — патриарх Иерусалима в 185—211 гг. При нем в Иерусалиме был созван первый Поместный Собор (190 г.), на котором решался вопрос о праздновании Пасхи. Был оклеветан противниками и удалился в пустыню.

⁴ Феофил (II в.) — епископ Кесарии Палестинской, участвовал в споре о праздновании Пасхи.

⁵ Вакхил (II в.) — епископ Коринфа, христианский писатель. Собрал и провел церковный собор в Коринфе, на котором он был председателем, на соборе также постановили праздновать Пасху в воскресенье после 14 нисана, согласно мнению Нарцисса Иерусалимского и Феофила Кесарийского.

месяца.¹ Святой Виктор, являвшийся папой Римской церкви, святой Нарцисс, епископ Иерусалимский, святой Поликрат,² святой Ириней и святой Вакхил, епископы своих церквей, договорились и пришли к тому, что сочли наилучшим, и сделали о том запись. И принятое ими решение действует и по сей день: как они завещали, так мы и празднуем Пасху.

234. О том, что произошло в шестой год

В шестой год, что пришелся на 238 год эры, восстали против Римской империи евреи из Иудеи, а также все жители Самарии, и развязали большую войну; но император Север выступил против них и всех их победил.³ Также восстал в Египте и Сирии Песценний Нигер,⁴ он повел тяжелейшую войну против Рима; но Север выступил против него и убил его в местечке под названием Кизик.

235. О том, что произошло в седьмой год

В седьмой год, что пришелся на 239 год эры, восстали парфяне, арабийцы и адиабены,⁵ и не захотели они ни подчиняться Риму, ни выплачивать налоги и вносить платежи, что были обязаны делать; и повели большую войну против римлян.

¹ Споры о дате празднования Пасхи касались вопроса о том, стоит ли праздновать ее в тот же день, что и иудеи — в 14-й день лунного месяца нисана. Именно в Риме были впервые разведены две эти даты, и позднее эта норма утвердилась повсеместно. Кроме того, параллельно нарастала степень торжественности празднования Пасхи, которая, помимо поста и крестного хода, стала включать иные, все более сложные и пышные ритуалы, окончательно утвердившиеся после победы христианства в IV в.

² Поликрат Эфесский (ранее 131—196 гг.) — митрополит Эфеса и его провинции. Известен своим спором по поводу дня празднования Пасхи с епископом Рима Виктором I.

³ Об этом восстании сообщает Павел Орозий (*Oros. Hist. VII. 17. 3*). Дион Кассий (*Dio. LXXV. 2*) говорит о том, что это восстание поднял некий разбойник Клавдий, который во главе многочисленного отряда овладел Иудеей и Сирией и едва не захватил в плен самого императора. Существуют и некоторые другие краткие сведения, не позволяющие, однако, составить целостного впечатления о событиях.

⁴ Песценний Нигер — римский император в 193—194 гг. В 193 г., будучи легатом Сирии, Песценний Нигер провозгласил себя императором. Однако вскоре он потерпел поражение во время гражданской войны с другим претендентом на императорский престол Септимием Севером и погиб.

⁵ Жители древней Адиабены, государства на Востоке, входившего в состав Римской империи под названием провинции Ассирии.

236. *О происшедшем в восьмой год*

В восьмой год, что пришелся на 240 год эры, император Север собрал свои войска и пошел против всех тех, кто восстал, и сразился с ними, и победил их всех. И с тех пор всегда звался в издаваемых законах и в посланиях, рассылаемых по странам, и в письмах народа к нему Парфянским, Аравийским и Адиабенским, потому как победил парфян, аравийцев и адиабенов и заставил их подчиниться власти Рима.¹

О девятом годе мы не находим никаких записей, достойных рассказа.

237. *О том, что произошло в десятый год*

В десятый год, что пришелся на 242 год эры, построил император Север замечательные бани: одни в Антиохии, а другие в Риме; и все они носят его имя — «термы Севера». Также осуществил он ряд выдающихся и дорогостоящих работ в Риме. В ту пору святой Зефирин² занял апостольский престол в Риме, став четырнадцатым по счету после святого Петра, и управлял церковью тринадцать лет.³

238. *О том, что произошло в одиннадцатый год*

В одиннадцатый год, что пришелся на 243 год эры, император Север начал гонения на христиан, пятые после Нерона, и были они яростными и очень тяжелыми; и были замучены в ту пору святой Леонид, отец Оригена,⁴ и многие другие мученики, как вы дальше услышите. Тогда же восславили святого Александра⁵ за его стойкость в вере Господа нашего Иисуса Христа.

О двенадцатом годе мы не находим никаких записей, достойных упоминания.

¹ Поход, предпринятый после 198 г. и возвративший Риму Месопотамию и Аравию. В ходе второго похода были взяты Селевкия и Ктесифон.

² Св. Зефирин — епископ (папа) Рима в 199—217 гг.

³ Согласно «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (*Euseb. Hist. Eccl. VI. 21*), Зефирин был епископом 18 лет и умер в первый год правления Гелиогабала (218—222 гг.), что с учетом приведенных там датировок предыдущих и последующих епископов соответствует 201—218/219 гг.

⁴ Убит в 202 г.

⁵ Александр Иерусалимский (конец II в.—251 г.) — христианский мученик, соправитель епископа, а позднее епископ Элии Капитолины (Иерусалима).

239. О том, что произошло в тринадцатый год

В тринадцатый год, что пришелся на 245 год эры, святой Климент Александрийский сочинил много достойных и весьма благих писаний. И находим также, что тот год отмечался как юбилейный для нашего закона, как это было заведено еще у иудеев, и приходился он на каждый пятидесятый год.¹ В тот год исполнилось 202 года с того момента, как была основана Антиохия.

240. О четырнадцатом годе

В четырнадцатый год, что пришелся на 246 год эры, составил Мусан, человек больших знаний, очень ценные записи о создании нашего Закона.²

241. О том, что произошло в пятнадцатый год

В пятнадцатый год, что пришелся на 247 год эры, случилось так, что титул Цезаря Галлии получил некто по имени Клодий Альбин,³ сторонник Юлиана, убившего Гельвия Пертинакса. Клодий пошел войной на императора Севера, дабы отомстить за Юлиана, и сразились они близ Лиона, и одержал победу император, и убил Альбина, и подчинил все те земли власти Рима.

242. О событиях шестнадцатого года

В шестнадцатый год, что пришелся на 247 год эры, случилось так, что жители Британии восстали против императора; и пришли о том вести Северу, находившемуся в Галлии; он собрал свои войска, пошел на британцев и одержал победу в великой и славной битве, и завоевал сначала часть острова, а вскоре и весь, отобрав его у варваров, людей смелых, которых нужно было усмирить и которые жили вокруг того острова.⁴

¹ Юбилейный год — год, наступающий по прошествии каждых 49 лет, берет свое начало в Книге Левит Ветхого Завета.

² Т. е. христианства.

³ Клодий Альбин (ок. 150—197 г.) — римский император, провозглашенный британскими и испанскими легионами после убийства Пертинакса.

⁴ События 211 г. Несмотря на победу, именно в ходе этого похода император заболел и вскоре скончался.

243. О том, что произошло в семнадцатый год

В семнадцатый год, что пришелся на 248 год эры, приказал Север окружить те земли от моря до моря валом,¹ и был тот вал длиной в тридцать две тысячи шагов; вокруг он возвел крепкие стены и башни так, чтобы варвары не смогли причинить им никакого вреда.

244. О том, что произошло в восемнадцатый год

В восемнадцатый год, что пришелся на 966 год от основания Рима, когда шел 249 год эры, и был это 220 год от Рождества Христова, жил Тертуллиан,² сын проконсульского центуриона, человек очень знатный, образованный и знаток всего, что касается церковных наук. В то же время учился Ориген,³ который был одним из самых ученых мужей на свете. В тот год император Север жил в Британии, там заболел он в городе Йорке и умер, оставив двух сыновей: одного звали Бассиан,⁴ а другого — Гета.⁵ Этот император Север провел пятые гонения на христиан, как уже было сказано, в ходе которых были преданы мучениям святой Ириной, епископ Лионский с Роны; святой Филипп, епископ Александрийский;⁶ святой Андеол;⁷ святой Виктор (папа); святой Василид; святой Ревокат⁸ и его сторонники. Теперь же история оставляет рассказ о Севере и поведает о Бассиане, его сыне, правившем после него.

¹ Известен как вал Адриана.

² Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155/165—220/240 гг.) — выдающийся богослов и церковный деятель, первый латинский христианский писатель.

³ Ориген (ок. 185 — ок. 254 гг.) — выдающийся богослов и писатель, один из виднейших представителей Александрийской школы, начало которой положил его учитель Климент Александрийский. В VI в. на христианском Востоке его сочинения были признаны еретическими. На Западе его главный труд «О началах» сохранился в латинском переводе Руфина Аквилейского.

⁴ Будущий император Каракалла.

⁵ Публий Септимий Гета — римский император с 4 февраля по 26 декабря 211 г.

⁶ Годы епископата неизвестны.

⁷ Андеол (ум. в 208 г.) — христианский мученик, пострадавший в Галлии, родом из Смирны. Иподиакон, товарищ святого Поликарпа, святой Андеол был послан им вместе со святым Венигном в Галлию. Септимий Север, проезжая там, приговорил святого к казни.

⁸ Казнен вместе со святой Перпетуей, святыми Сатиром, Филицитатой, Саторнилом и Секундом в Карфагене ок. 203 г.

245. О правлении Антонина Каракаллы, звавшегося Бассианом, и о том, что произошло в первый год

После смерти Севера собрались все сенаторы и жители Рима и вынесли приговор против Геты, сына Севера; его объявили врагом всего народа и в итоге убили, возведя в императоры Бассиана. Первый год его правления пришелся на 967 год от основания Рима, когда шел 250 год эры, и был это 213 год от Рождества Христова. Правил он в течение шести лет и стал восемнадцатым императором после Октавиана Августа. Этот Бассиан известен также под именем Марка Аврелия Антонина, по прозвищу Каракалла, возникшему от названия одежды, введенной им в Риме и получившей его имя.¹ Одежду эту также называли «Антонинова», по его имени. И был он столь неводержанным, что взял себе в супруги Юлию, жену своего деда.² Он был отважнее своего отца, но обладал еще более ужасным нравом.

О втором годе мы не находим никаких записей, достойных рассказа.

246. О том, что произошло в третий год

В третий год, что пришелся на 252 год эры, епископом Антиохийским стал Асклипад;³ а Александр — епископом Иерусалимским, хотя еще и был жив святой Нарцисс, бывший епископом в ту пору. А сделали они так потому, что святой Нарцисс был уже стар и ему нужна была помощь в управлении церковью.⁴

247. О том, что произошло в четвертый год

В четвертый год, что пришелся на 253 год эры, император Антонин провел много важных работ в городе Риме: и среди всего прочего построил там очень красивые и дорогие бани, которые назвал «Антониновы термы»,⁵ в свою честь.

О пятом годе мы не находим никаких записей, достойных рассказа.

¹ Каракалла — прозвище императора Бассиана, из-за его пристрастия к длинному галльскому плащу с капюшоном, в котором он часто появлялся в общественных местах.

² Евтропий (а вслед за ним и Орозий) называют ее мачехой. На самом деле, у Каракаллы мачехи не было, он был сыном Юлии Домны, последней жены Септимия Севера.

³ Асклипад — епископ Антиохии в 212—220 гг.

⁴ По другой версии, он удалился в пустыню из-за наветов клеветников.

⁵ Термы Каракаллы в Риме.

248. О том, что произошло в шестой год

В шестой год, что пришелся на 972 от основания Рима, когда шел 255 год эры, и был это 218 год от Рождества Христова, восстали против власти Рима Турция, Эдесса и Карры. Как только император узнал об этом, он собрал войска и пошел на них. В бою враги оттеснили его от войск, а когда увидели, что он окружен, то убили. И было ему тогда сорок три года от роду. Народ с почестями устроил ему могилу, где он и был похоронен. Теперь же история оставляет рассказ о нем и поведает об императоре Макрине.¹

249. О правлении императора Макрина

В 973 году от основания Рима, когда шел 256 год эры, и был это 219 год от Рождества Христова, случилось так, что после смерти Марка Антонина аделантадо² в Риме служил человек по имени Макрин, его и провозгласили императором и вместе с ним его сына Диадумена. И правили они один год, и удерживали власть скорее силой, нежели искали расположения у римлян. А потому так недолго длилось их правление, и никто их не поддерживал; они не совершили никаких достойных дел, о которых стоило бы рассказать. В год их правления против них восстали вассалы и убили обоих в один час и в одном месте под названием Архелиада. В тот год десятым епископом Антиохийским стал Филет.³ А также возник пожар в римском амфитеатре. В ту пору в Эдессе правил, как об этом рассказывает Африкан,⁴ Абгар,⁵ король большой святости. Некоторые полагают, что именно его излечил апостол Фома по наказу Иисуса Христа, но это не так, поскольку тот другой жил раньше, но происходил из того же рода.⁶

¹ Марк Опеллий Макрин (208—218 гг.) — римский император, номинальный соправитель своего отца Макрина.

² В тексте — *adelantado de los juices*, имеется в виду должность префекта претория.

³ Епископ Антиохии с 220 по 232 гг.

⁴ Секст Юлий Африкан (ок. 160 — ок. 240 гг.) — раннехристианский грекоязычный писатель, один из первых христианских историков.

⁵ Луций Элий Абгар IX Великий — представитель сирийской царской династии, царь Осроены в 177—212 гг. Во времена правления Абгара IX Великого христиане пользовались покровительством царя. По одной из версий, этот факт привел к появлению апокрифического текста, свидетельствующего о переписке Иисуса Христа с Абгаром V Уккамой, предком Абгара IX. Легенда связывала его с Абгаром V, современником Иисуса Христа, и перенесла события II века, связанные с принятием Абгаром IX христианства, к началу нашей эры.

⁶ Абгар V — царь Осроены в 4 г. до н. э. — 7 г. н. э. и 13—50 гг. по прозвищу Уккама или Ухомо, то есть «черный». Известен благодаря своей апокрифической переписке с Иисусом Христом.

*250. О правлении Марка Аврелия Антонина,
а также о событиях первого года*

После смерти Макрина императором Рима стал Марк Аврелий Антонин.¹ Первый год правления пришелся на 973 от основания Города, когда шел 256 год эры, и был это 220 год от Рождества Христова. Правил он четыре года и был двадцатым после Октавиана Августа. Во времена своего правления он был первосвященником храма Гелиогабала;² люди же считали его сыном Антонина Каракаллы, но точно этого не знали. И был он очень плохим императором, дурных наклонностей, и оставил о себе плохую память. Введенный в Рим сенаторами и рыцарством, он совершил все дурные поступки, какие только возможно.

251. О происшедшем во второй год

Во второй год его правления, что пришелся на 257 год эры, святой Каликст³ был провозглашен четырнадцатым епископом Рима. Он управлял церковью в течение четырех лет весьма праведно, ко всеобщему удовольствию христиан.

252. О событиях третьего года

В третий год его правления, что пришелся на 258 год эры, жил в землях Палестины Юлий Африкан, муж весьма ученый и сведущий, написавший много хороших историй о событиях, происходивших во всем мире. А так как он был очень умным и рассудительным, то отправили его палестинцы в качестве посла к императору, дабы он устроил так, чтоб город Эммаус был восстановлен после разрушения. Император согласился и приказал возвести его там, где указал Африкан, и дал ему имя Никополь.⁴ Еще в тот год император Марк Аврелий перестроил храм Гелиогабала и сделал его еще более почитаемым, чем прежде, поскольку получил власть, являясь его первосвященником.

¹ Марк Аврелий Антонин Гелиогабал (204—222 гг.) — римский император в 218—222 гг.

² Гелиогабал — финикийский бог Солнца, ставший когноменом императора.

³ Каликст I — епископ римский 217—222 гг.

⁴ Эммаус или Никополь — с III по VII в. город в Иудее, находившийся приблизительно в 30 км к западу от Иерусалима, на границе между горами Иудеи и долиной Аялон.

253. О том, что произошло в четвертый год

В четвертый год его правления, что пришелся на 977 год от основания Рима, когда шел 259 год эры, и был это 223 год от Рождества Христова, случилось так, что императора Марка Аврелия Антонина из-за всего дурного, что в нем было, и всяких непристойностей, бесстыдно им творимых, невзлюбили все войска, восстали против него и убили его в городе Риме вместе с матерью по имени Созмия,¹ которая оказалась рядом и бросилась к нему, пытаясь защитить; так была она убита, хотя и не за злодеяния, как того заслуживала. Теперь история прекращает рассказывать о нем и обращается к императору Александру.

254. О правлении Аврелия Александра, и о том, что произошло в первый год

После смерти Марка Аврелия Антонина править стал Аврелий Александр.² Первый год его правления пришелся на 978 год от основания Рима, когда шел 260 год эры, и был это 224 год от Рождества Христова; правил он тринадцать лет. В момент, когда ему досталась власть, он был еще совсем юн; сенат и легионы приняли единогласное решение и возвели его в императоры, сочтя его заслуживающим этого; поскольку все говорили, что он слывет человеком справедливым и кротким и таковым себя проявит в правлении. Мать этого императора звалась Мамея,³ была очень набожной и вела жизнь праведную; она была сострадательной и доброй, еще будучи язычницей; и за ее великую доброту сын Александр получил прозвище от ее имени — Александр, сын Мамеи. И был этот император милосерден ко всем и любим за дела свои; однако при всем том он был столь суровым и строгим блюстителем рыцарского устава,⁴ что есть свидетельства о том, что некоторые легионы рыцарей, устроивших разбирательства между собой, были целиком лишены рыцарских привилегий.

¹ Юлия Созмия — мать римского императора Гелиогабала и правительница Римской империи в период его несовершеннолетия.

² Марк Аврелий Север Александр (208—235 гг.) — римский император с 222 по 235 гг., последний из династии Северов. Был усыновлен Гелиогабалом.

³ Мамея — дочь Юлии Месы, племянница императора Септимия Севера и Юлии Домны, мать и соправительница императора Александра Севера.

⁴ В тексте — «orden de caualleria».

Во второй год правления, что пришелся на 261 год эры, император Александр отправился воевать с Ксерксом,¹ королем Персии, восставшим против Рима. Сражение было тяжелым и удивительным, и столь силен был сам император и все его войско, что победили они персов. И была воспе-та та битва, поскольку непросто было одержать в ней победу. И обнаруживаем мы, что в мученичестве апостола Фомы записано, что, возвращаясь с той войны, попросили люди Александра о милости: пусть бы он написал послание королям Индийской земли с тем, чтобы ему отдали тело апостола Фомы, дабы потом захоронить его в Эдессе, полностью христианской. Император так и поступил, и короли отдали ему тело. После этого жители Эдессы перенесли его с великими почестями и положили в серебряную погребальную урну, подвешенную на серебряных цепях; и с тех пор как тело было там размещено, ни один еретик не смог жить в том городе, ни иудей, ни человек, поклоняющийся идолам, и ни один варвар туда не вошел. И со времен, когда Господь наш Иисус Христос направил королю Абгару письмо, написанное собственной рукой, считалось это милостью, явленной городу; как только кто-то из чужестранцев приходил, брали они крещеного ребенка, который умел читать, ставили его на городских воротах, давали ему то письмо, и он его читал. И в тот же самый день, когда оно читалось, варвары либо заключали мир, либо в страхе бежали. Все это благодаря милости Господа нашего и молитвам апостола святого Фомы.

Со второго по третий год мы не находим никаких значительных сведений, о которых стоило бы рассказать; только лишь то, что в третий год правления святой Урбан² стал папой римским, шестнадцатым после святого Петра, и благочестиво управлял церковью в течение девяти лет. В четвертый год советником императора Александра по судебным делам был Ульпиан,³ человек выдающийся и очень ученый, знаток права, составивший много важных законов. В пятый год император Александр построил известные бани в Риме и назвал их в свою честь «Термы Александра». В шестой и седьмой год жили святой Гемин,⁴ епископ Антиохийский, Ипполит,⁵ Берилл, епископ Ара-

¹ Речь идет о войне с новообразованным государством Сасанидов (231—232 гг.), проигранной Римом. Ксеркс — Артаксеркс-Ардашир (он же — Ардашир Папакан) (224—241 гг.), родоначальник династии Сасанидов и основатель Новоперсидского царства.

² Урбан I — епископ Рима с 222 по 230 гг.

³ Домиций Ульпиан (170—228 гг.) — римский юрист, сторонник естественного права. В 426 г. сочинениям Ульпиана была придана обязательная юридическая сила.

⁴ Гемин (III в.) — пресвитер церкви в Антиохии, христианский писатель.

⁵ Ипполит Римский (ок. 170 — ок. 235 гг.) — один из самых плодovitых раннехристианских авторов, мученик, первый антипапа (217/218—235 гг.).

вии,¹ Бострен,² мужи знающие и праведные, написавшие много хороших книг о нашем Законе. В восьмой год Зевин³ стал епископом Антиохийским, одиннадцатым после святого Петра. В девятый год в Александрии жил Ориген, прославленный написанными им книгами; а чтоб он не уставал их писать, было у него семь писцов-мальчиков и семь девочек, которые умели хорошо писать; и когда одни уставали писать, то это делали другие. А дабы у людей не осталось подозрений относительно его намерений в отношении девиц-переписчиц, он приказал себя оскопить. В десятый год святой Иракл⁴ стал епископом Александрийским, двенадцатым по счету, и возглавлял церковь шестнадцать лет. В одиннадцатый год записано, что император Александр так слушался свою мать, почитал ее и жил по ее завету, отдавал и дарил ей все, чего бы она ни пожелала, что народ его сильно возлюбил. В двенадцатый год Ориген переехал из Александрии в Кесарию, ту, что в Палестине, по приказу Мамеи, матери императора; там услышала она проповедь его самого и других праведников и с тех пор стала еще более истовой христианкой; из-за этого, как рассказывают некоторые, и убил ее собственный сын.

256. О том, что произошло в тринадцатый год

В тринадцатый год, что пришелся на 990 год от основания Рима, когда шел 273 год эры, и был это 237 год от Рождества Христова, жил в Риме один мудрец по имени Альпин,⁵ почитаемый всеми жителями, поскольку был великим знатоком законов и права. Тогда же скончался папа Урбан, а после него взошел на апостольский престол святой Понтиан⁶ и управлял церковью в течение пяти лет. В ту пору император жил в землях Франции, и, хотя он сделал много всего хорошего для Рима, рыцари восстали против него и убили в некоем месте под названием Могонтиак.⁷ Также находим сведения о том, что в его правление жили следующие мученики: святой Тибурций, святой Валериан,⁸ папа святой Каликст, святой Калеподий и многие

¹ Берилл — епископ Бострийский в Аравии; учил, что Иисус Христос не существовал до рождения как личность и имел бытие только в мысли Божественной, как predetermined Искупитель. Против Берилла состоялся собор в Бостре, на котором присутствовал и Ориген. Берилл отрекся от своих взглядов.

² Неизвестное лицо.

³ Зевин — епископ Антиохии в 232—240 гг.

⁴ Епископ Иракл — епископ Александрийский (231—248 гг.), богослов. Первый епископ Александрии, которого письменные источники называли папой.

⁵ Неизвестное лицо.

⁶ Понтиан — епископ Рима с 230 по 235 гг.

⁷ Город в Галлии, совр. Майнц.

⁸ Святой Валериан — муж святой Цецилии Римской, принявший христианство под влиянием жены. Святой Тибурций (Тивуртий) — его брат.

другие,¹ папа святой Урбан и его сторонники, святые Килик и Иулитта² и прочие мученики. Теперь же история оставляет рассказ об этом императоре и обращается к императору Максимино, правившему после него.

257. О правлении Максимино и о том, что произошло в первый год его царствования

После смерти Александра случилось так, что один магнат, именуемый Максимином,³ был послан с большим войском в Германию, которая восстала против власти Рима; и сразился с ними, и победил их чудесным образом, и его очень восхваляли за это сражение; и по этой причине рыцари провозгласили его императором. И первым годом его правления стал год 991 от основания Рима, и шел 275 год эры, а от Рождества Господа нашего 237 год; и правил этот император Максимино три года. А поставили его рыцари, не посоветовавшись с сенаторами и без их приказанья; и был он первым из рыцарей щита и копья, кто, не имея никаких других достоинств, поднялся вопреки сенату и другим властям Рима и сделался императором.

258. О том, что произошло во второй год

На второй год его правления, который пришелся на 275 год эры, случилось так, что император Максимино, вопреки императору Александру,⁴ который, как подозревалось, умер христианином, и к негодованию Мамеи, окружившей себя христианами, устроил на христиан шестое гонение со времен Нерона и истребил множество клириков, имена которых нам неизвестны, и еще многих изгнал. И в то время был отправлен в изгнание святой папа Понтиан,⁵ и он умер там, о чем вы услышите впоследствии. А также содеял Максимино много зла Оригену, который был клириком, рукоположенным в сан.

¹ Каллеподий (умер в 232 г.) — христианский мученик из Рима. По преданию, вместе с ним пострадали консул Палматий, его жена, дети и челядь, сенатор Симплиций с шестьюдесятью пятью родственниками и слугами, Феликс и жена его Бланда.

² Кирик и его мать Иулитта (ум. ок. 305 г.) — христианские мученики эпохи Диоклециановых гонений.

³ Максимино I Фракийец (173—238 гг.) — первый «солдатский» император.

⁴ Александр Север.

⁵ Святой Понтиан — римский епископ (230—235 гг.), умер на острове Таволара, в ссылке. Провел собор в Риме, который подтвердил осуждение Оригена Александрийским собором. Продолжал раскол, начатый при Калликсте I; в ссылке примирился с антипапой Ипполитом, поскольку Максимино сослал их обоих.

На третий год, который пришелся на 993 год от основания Рима, когда шел 277 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 239 год, восстал в Аквилее один магнат по имени Аквилегия Пупиен; и отправился Максимин сразиться с ним, и убил его Пупиен. И захватили власть Пупиен и его брат Максимин.¹ А потом рыцари убили их во дворце. Но на этом история оставляет рассказ об императоре Максимине и начинает повествование об императоре Гордиане.

260. *О правлении Гордиана, а также о том, что произошло в первый его год*

После смерти Максимиана римляне сделали императором Гордиана,² который был дивным юным отроком; и случилось это в 994 году от основания Рима, когда шел 278 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 240 год; и правил он шесть лет. И как только его провозгласили императором, жители Персии восстали против власти Рима; и Гордиан, узнав об этом, повелел отворить ворота храма Януса,³ и двинул свои войска, и пошел против этих людей, и победил их всех, и вернул их под власть империи. И мы нигде не нашли записи о том, кто открыл эти ворота после того, как Веспасиан и Тит открыли их; но мы точно знаем, что Гордиан открывал их. В тот год умер в муках святой папа Понтиан в земле Сардинии, на островке, именуемом Буциана,⁴ куда его сослал император Александр в консульство Севера и Квинциана;⁵ и он умер на второй день октября; и святой Фабиан⁶ со всем клиром привез его тело на корабле, и похоронили его на кладбище Каликста на Аппиевой дороге.⁷ И после это-

¹ Пупиен и Бальбин — императоры-соправители (апрель-июль 238 г.), избранные сенатом; убиты солдатами, провозгласившими императором Гордиана III.

² Речь идет о Гордиане III (238—244 гг.), провозглашенном императором в тринадцатилетнем возрасте, внуке Гордиана I, правившего вместе с сыном Гордианом II, пока Максимин сражался в Паннонии. Оба были убиты соратниками Максимиана ранее в 238 г.

³ Плутарх в жизнеописании римского царя Нумы Помпилия указывает, что ворота храма Януса были открыты во время войны и закрывались в период мира, хотя последнее случалось крайне редко.

⁴ По традиции, Понтиан умер на острове Таволара, в древности называвшемся Гермей (*Hermea*) или Буциана (*Buciana*). Последнее название зафиксировано в F. Vico. *Historia general de la isla y reyno de Sardeña: Diuidida in siete partes*, 1639.

⁵ Консульство Севера и Квинциана — 236 год.

⁶ Святой Фабиан (200—250 гг.), папа римский (236—250 гг.), унаследовал римскую кафедру после мученической смерти святого Антера, казнен во время гонений Деция.

⁷ Христианское кладбище, основанное папой св. Каликстом I у Аппиевой дороги. В катакомбах св. Каликста хоронили христиан во II—IV вв. В имеющейся там папской крипте было похоронено несколько римских епископов.

го главой Святого престола стал святой Антер,¹ но по истечении месяца управления церковью он принял жестокую мученическую смерть, в то время, когда консулами в Риме были Максимин и Африкан, через десять дней после наступления ноября. И после них папой был избран святой Фабиан, и он управлял церковью тринадцать лет.

Мы не находим ничего для рассказа об императоре Гордиане с первого до шестого года его правления, кроме того, что он воевал в Персии, пока не умирил ее и не восстановил там власть империи.

261. О том, что произошло в шестой год

На шестой год его правления, который пришелся на 999 год от основания Рима, когда шел 283 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 245 год, случилось так, что император Гордиан умирил все те народы и в большой радости возвратился в Рим, потому что победил в очень тяжелых сражениях. И Филипп, рыцарь-аделантадо, который возглавлял все суды в городе,² сговорился с горсткой рыцарей императора, чтобы они предательски убили того неподалеку от Рима. А другие его рыцари, которых опечалила его гибель, устроили ему достойную гробницу в двадцати милях³ от Цирцессия,⁴ крепости, расположенной на берегу Евфрата, полагая, что оттуда видно реку, а значит, и земли, принадлежащие Риму. И похоронили его, и стали поклоняться ему как божеству. И мы уже рассказали, что в это время приняли мученическую смерть святой Понтиан и святой Антер. На этом история заканчивает рассказ о нем и начинает повествование об императоре Филиппе, а также о событиях первого года его правления.

262. О правлении Филиппа, а также о событиях первого года

После смерти Гордиана императором стал Филипп. Первый год его правления пришелся на 1000 год от основания Рима, когда шел 284 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 246 год. И сделал Филипп своего сына равным себе,⁵ и они вместе правили семь лет. Когда же они начали свое правление, то были язычниками, но вскоре обратились в хри-

¹ Святой Антер (Анфир) — папа римский (235—236 гг.).

² Филипп Араб — назначен Гордианом III префектом претория в Риме. С помощью интриг настроил солдат против молодого императора, и те в результате убили его. Филипп I Араб правил в 244—249 гг., убит вместе с сыном в битве при Вероне.

³ В тексте — *migeros*, староиспанское обозначение римской мили.

⁴ См. *Eutrop. Brev.* IX. 2. 1

⁵ Филипп II Младший, сын и соправитель Филиппа I (247—249 гг.), родился в 237 г.

стианскую веру и стали первыми христианскими императорами из тех, что были в Риме. А теперь послушайте, каким образом они обратились. Задолго до того, как они начали править, в Риме жил сенатор по имени Марк, человек весьма могущественный и почтенный, а жена его носила имя Юлия. И случилось однажды так, что она понесла, и это весьма обрадовало ее и ее мужа, и они принесли жертвы в храмах; и вошли в храм Юпитера, и случайно заговорили со священнослужителем, который стоял перед алтарем в плаще с капюшоном,¹ дабы возносить молитвы, как это было принято. И как только вошла госпожа, дьявол овладел священнослужителем, и он начал срывать покров с головы и плащ, который окутывал его, и издавать громкие вопли на весь храм, и кричать: «Эта женщина носит во чреве нечто, что разрушит до основания этот великий храм и принесет беду всем богам, обитающим тут». И он произнес так много раз. Марк и Юлия, его жена, услышав это, ушли ни живы, ни мертвы, и вошли в один из домов, находившийся ближе всего к храму, и Юлия взяла белый камень, и нанесла себе множество ударов в бок, чтобы убить ребенка, и кричала громким голосом: «Несчастливая! Ни за что не будет в моем чреве младенца, из-за которого такой прекрасный храм будет разрушен, а боги преданы поруганию! Пусть лучше я умру и со мною вместе плод моего чрева». И когда пришел срок ей разрешиться от бремени, родила госпожа здорового ребенка без какого-либо изъяна, хотя они все надеялись, что он родится мертвым из-за ран, которые она себе нанесла, или же с изъяном, несовместимым с жизнью. И едва только он родился, мать захотела убить его, но отец сказал: «Оставь его, не причиняй ему зла, и если Юпитеру будет угодно, он станет его врагом; а если нет, то пусть не мы будем его убийцами». И так избежал младенец смерти. И назвали его Понтием, потому что это было его родовое имя, и стали оберегать его, чтобы он никогда не заходил в храм, где были идолы. Но когда он вошел в разум, его отправили учиться к лучшим учителям, и он добился весьма больших успехов в семи искусствах² и в способах всех прочих наук; и все выученное он сохранял в сердце своем. И однажды утром, когда он шел в школу, он проходил мимо места, где были заперты христиане, и услышал, как они читают свои часы³ — а был это святой Понтиан, владыка апостольский и главенствующий над всеми, — и прислушался Понтий к тому, что они говорили. А они как раз читали два стиха из псалмов, где говорится: «Господь Бог наш

¹ *Casula* (каст. *casulla*) — жреческий плащ с капюшоном, который надевали для вознесения молитв. Позднее — элемент облачения христианских священнослужителей.

² В тексте — *siete artes*; имеются в виду семь свободных искусств (тривиум и квадривиум), которые, как принято считать, составляли основу системы образования эпохи Позней Античности и Средневековья.

³ В тексте — *dizien sus horas*. Богослужебные часы — молитвы, совершаемые в определенное время суток.

на небе, и все, что хотел Он сотворить, — сотворил; изображения язычников — золото и серебро, и предметы, сотворенные руками людей».¹ И когда Понтий услышал это, воспламенилось его сердце от благодати Духа Святого, расплакался он и воздел руки к небу, и воскликнул: «Истинный Бог, ниспославший эти слезы, дай мне познать Тебя». Сказав это, он постучал в дверь. И святой Понтиан, владыка апостольский, бывший внутри, немедленно узнал обо всем благодаря Святому Духу и молвил: «Откройте дверь отроку, ибо их есть Царствие Небесное». Понтий оставил на улице всех, кто сопровождал его в школу и следил за ним, и вошел в дом с товарищем, который учился вместе с ним, по имени Валерий; и стали расспрашивать о молитве, которую они услышали. И святой Понтиан научил их и рассказал обоим о сути нашей веры. И они каждый день приходили к нему с большой радостью. На третий день спросил отец Понтия, чему он научился у своих наставников, и тот ответил, что никогда не узнавал столько, сколько в последние дни; и мало-помалу рассказал ему все об Иисусе Христе и привел его к святому Понтиану, чтобы тот еще лучше научил его. И святой Понтиан обратил Марка и всех его домочадцев, и они втроем уничтожили всех идолов, которые были в доме и которыми он владел. А потом умерли отец и мать святого Понтия. И когда святой Понтиан и святой Антер приняли мученическую смерть, апостольским владыкой стал святой Фабиан, как вы уже слышали, и тогда рыцари схватили Понтия, и привели его ко двору императора, и против его воли сделали его сенатором вместо отца. Он же ничего не делал, не посоветовавшись со святым владыкой Фабианом. Святой Фабиан наставлял его во всем, как если бы это был его сын. А святой Понтий был весьма дружен с Филиппами. И в тот год, о котором мы говорили, когда они сделались императорами, однажды они послали за ним и сказали: «Пойдем и принесем жертву великим богам, которые позволили нам дожить до этого времени и сделали так, что в этом году мы стали господами в Риме, которому в этом году исполнилась тысяча лет со дня основания». И святой Понтий стал придумывать всяческие отговорки; но поскольку он был их близким другом, они без устали упрашивали его. А он, увидев, что Господь Бог наш проложил для него путь, чтобы творить добро, сказал: «Благочестивые императоры, поскольку Бог поставил вас во главе всех, почему вы не повинуетесь Тому, кто даровал вам такую большую честь, и не возносите Его и не приносите жертв лишь Ему?» Тогда ответил старший Филипп: «По этой самой причине я и желаю принести жертвы великому богу Юпитеру, который наделил меня этой честью и властью». А святой Понтий, услышав это, улыбнулся и сказал: «Ты не ошибся, император, в том, что тот, кто единым словом своим сотворил это, находится на небесах, и Он сотворил все это благодатью Святого духа». Благодаря этим словам и многим другим уверовали императоры и обратились. И пришел святой Фаби-

¹ Ср.: Идолы язычников — серебро и золото, дело рук человеческих (Пс. 135:15).

ан, владыка апостольский, и окрестил их обоих. После этого по их приказанию разрушили святой Фабиан и святой Понтий большой храм Юпитера и сожгли всех идолов. И много людей обратились в истинную веру и с великой радостью приняли крещение. Императоры устроили в тот год большой праздник по случаю тысячелетия города Рима, и в большом цирке было убито так много зверей различных пород, что невозможно их сосчитать. На Марсовом поле, которое служило театром, где устраивались бои, прошло множество различных игр, которые длились три дня и три ночи, и люди не спали, а смотрели их. И все это совершалось по воле Господа нашего Иисуса Христа, пожелавшего устроить этот огромный праздник в честь тысячелетия города Рима, которому предстояло стать столицей христианства и где император стал христианином. Эти императоры были такими хорошими христианами, что отец покаялся в своих грехах перед всем народом; когда он пришел в церковь помолиться во время пасхальной службы, папа святой Фабиан поставил его среди тех, кто должен был исповедоваться, и не позволил ему причаститься, пока тот не исповедовался перед всеми весьма охотно. Младший же император был такой нелюдимый и такой застенчивый по натуре, что никогда не смеялся. А отец был человек очень веселый, и, когда устраивали игры, он смеялся много, без смущения; а сын был печален, и часто грустил, и предавался искоренению пороков. Таковы они были — одно имя и одна вера, но такие разные характеры.¹

С первого года и до седьмого мы не находим записей о важных делах, которые совершили бы эти императоры и о которых следовало бы рассказать, если не считать того, что на четвертый год сгорел театр Помпея; а на пятый основал император Филипп город во Фракии, который назвал в свою честь Филиппидой; а на шестой год святой Дионисий был возведен в сан епископа в Александрии, и стал тринадцатым по счету, и хранил эту церковь в святости девятнадцать лет.

263. *О событиях седьмого года*

В седьмой год, который пришелся на 1006 год от основания Рима, когда шел 290 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 252 год, случилось так, что эти императоры, отец и сын, двинули свои войска в землю Сирии, и усмирили всех мятежников, и возвратились в Италию, и все их люди с ними, целые и невредимые. Но хотя и отец, и сын были очень добры ко всем, их рыцари взбунтовались против них и убили обоих сразу — отца убили в Вероне, а сына — в Риме. Предательство, их погубившее, устроил один могущественный магнат в Риме по имени Деций,² он-

¹ О характере см. у Павла Диакона: *Paul. Hist. Langobard.* IX. 3

² Деций Траян — император в 249—251 гг.

то и стал императором после них. А поскольку оба эти императора были христианами, мы знаем, что при них ни один человек не погиб мученической смертью. Но теперь история перестает рассказывать о них и принимается рассказывать о Деции, правившем после них.

264. О правлении Деция и о событиях первого года

После смерти Филиппа-старшего и Филиппа-младшего начал править император Деций в 1007 году от основания Рима, когда шел 291 год эры, и от рождения Господа нашего это был 253 год; и правил он год и три месяца. Деций был уроженцем Паннонии, из самых простых людей провинции Далмация.¹ И после того, как он получил власть над империей, вопреки императору Филиппу и его сыну и против них, ведь они были христианами, он устроил величайшее гонение против христианства; так что мы можем сказать, что во все время его правления не было других событий, кроме убийства христиан. В тот год загорелись постройки и чердаки в римском амфитеатре, и все они сгорели. Тогда же родился святой Антоний-отшельник.² И были замучены: святой Александр, епископ Иерусалимский в Кесарии Палестинской, святой Вавила в Антиохии; и были убиты в своих краях Мазавани Фабий.³ В тот год принял мученическую смерть папа святой Фабиан,⁴ и на его место пришел апостольский владыка святой Корнелий.⁵ И был у Деция консул по имени Аврелиан,⁶ он был очень жесток к христианам как из-за своего злодейства, так и из-за приказов императора Деция. И оба они истребили в разных местах множество христиан без числа. Из-за того зла, что они чинили, начался страшный мор во всей Италии и еще больше в Александрии и в Египте, о чем рассказывают святой Дионисий и святой Киприан⁷ в книге о людской смертности.⁸ А после того как Деций

¹ Так в тексте.

² Антоний Великий (ок. 251—356 гг.) — основатель монашества, «Отец монахов».

³ Идентифицировать этих мучеников не удалось.

⁴ Святой Фабиан (ок. 200—250 гг.) — христианский мученик Дециевых гонений, папа римский в 236—250 гг.

⁵ Корнелий — римский папа в 251—253 гг.

⁶ Аврелиан — возможно, речь идет об императоре Валериане I (253—260 гг.), одном из преемников Деция, возобновившем в 258 г. гонения против христиан.

⁷ Святой Киприан Карфагенский (Фасций Цецилий Киприан) (ок. 210—258 гг.) — один из наиболее почитаемых Отцов Церкви, выдающийся христианский писатель и богослов, мученик, епископ Карфагена в 248—258 гг.

⁸ Речь идет о сочинениях христианских писателей Дионисия Александрийского (ум. в 265 г.) (послания которого сохранились в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского)

стал императором, он сделал своего сына соправителем, и тот помогал ему мучить христиан. Деций устроил в Риме бани и дал им свое имя — «Дециевы термы».¹ И после того как процарствовали эти два императора, Деций и его сын, один год и три месяца, случилась битва с готами в варварских землях, и утонул Деций в глубоком болоте, и никто не нашел его тела; а сын его был убит в бою. И это случилось по суду Божьему за то зло, что они принесли христианам, ибо мы знаем, что в то время приняли мученическую смерть папа святой Фабиан, святой Александр, епископ Иерусалимский,² святой Метран,³ святой Серапион,⁴ святой Юлиан, страдавший подагрой,⁵ святой Немезиан, египтянин,⁶ святой Аммон,⁷ святой Зенон,⁸ святой Птолемей, святой Инген,⁹ святой Агафадор,¹⁰ святой Феофил,¹¹ святой Херимон-епископ,¹² святой Трифон,¹³ святой Секундин, святой Вериан, святой Марцеллиан,¹⁴ святой Нестор-епископ, святой Маркиан,¹⁵ святой Иаков-диакон, святой Калоцер, святой Парфемий, святой Аудакс,¹⁶ святой Асклепий, епископ Антиохий-

и Киприана Карфагенского (210—258 г.) («Книга о падших»).

¹ Термы в Риме, на Авентине.

² Александр (ум. в 251 г.) — епископ Иерусалима, мученик эпохи Дециевых гонений.

³ Идентифицировать не удалось.

⁴ Возможно, христианский мученик Серапион, пострадавший за Христа при императоре Севере (193—211 гг.).

⁵ Идентифицировать не удалось.

⁶ Немезиан с товарищами (погибли ок. 257 г.) — мученики гонений Деция и Валериана. Были приговорены к работам на месторождении мрамора в Сигуме (или Сигнуме) и скончались от непосильного труда. В группе были девять епископов из Нумидии, помимо прочего духовенства и мирян.

⁷ Святой Аммон (294—357 гг.) — преподобный, живший в Египте в IV веке; один из видных представителей египетского монашества, в самую цветущую пору его развития. Провел 22 года в пустыне, где и скончался.

⁸ Идентифицировать не удалось.

⁹ Идентифицировать не удалось.

¹⁰ Идентифицировать не удалось.

¹¹ Идентифицировать не удалось.

¹² Святые мученики Гай, Фавст, Евсевий и Херимон (вторая половина III в.) являлись александрийскими диаконами, учениками Дионисия Александрийского. Евсевий и Херимон после изгнания своего учителя из города посещали заключенных единоверцев, погребали тела мучеников и прожили до эпохи Дециевых гонений.

¹³ Трифон (ум. ок. 250 г.) — мученик эпохи Дециевых гонений.

¹⁴ Секундиан, Марцеллиан и Вериан — мученики эпохи Дециевых гонений, казнены в 250 г. в г. Чивитавеккья.

¹⁵ Возможно, имеется в виду Маркиан, епископ из Тортоны, христианский мученик, казненный ок. 120 г.

¹⁶ Аудакс Римский, погиб при Деции.

ский,¹ святой Герман, святой Феофил, святой Кесарий,² святой Виталий, святой Серапион, святой Агафон, святой Герон, святой Арсений, святой Исидор,³ святой Диоскор, семеро спящих,⁴ святой Пергентин, святой Лаврентин,⁵ святой Агафий, святой Исидор, святой Вавила с тремя отроками,⁶ святой Левкий, святой Фирс,⁷ святой Каллиник,⁸ святой Никифор,⁹ святой папа Корнелий, святой Кирилл, двадцать святых рыцарей,¹⁰ святой Полихроний, епископ Вавилонский. Однако на этом история заканчивает рассказ об императоре Деции и начинает повествование о Галле и Волузиане, которые правили после него.

*265. О правлении Галла Гостилиана и Волузиана, его сына,
и о событиях первого года*

После смерти Деция императорами стали Галл Гостилиан и его сын Волузиан,¹¹ и начали они править в год 1008 от основания Рима, когда шел 292 год эры, а от Рождества Господа Нашего это был 254 год; и царствовали они два года. В первый год их правления умер святой папа

¹ Асклепий (Аскла) Антиохийский — мученик, пострадавший во время Диоклетиановых гонений. Никогда не был епископом.

² Кесарий Африканский (III в.) — христианский мученик из Террачины.

³ Исидор Хиосский (ум. в 251 г.) — христианский мученик. В 249 г. по указу императора Деция был зачислен на военную службу в полк военачальника Нумерия. Будучи христианином, Исидор отказался принести жертвы языческим богам и принял мученическую смерть.

⁴ Семеро спящих эфесских отроков были замурованы в пещере при Деции, но, по преданию, чудесным образом проснулись через двести лет.

⁵ Пергентин (ум. ок. 250 г.) — мученик эпохи Дециевых гонений из Ареццо. Пострадал вместе со своим братом Лаврентином, которому отрубили голову.

⁶ Вавила Антиохийский — епископ Антиохии (237—253 гг.), христианский мученик, пострадавший в гонения императора Деция. Был казнен вместе с тремя своими учениками — родными братьями.

⁷ Фирс Кесарийский (Вифинский) — мученик Дециевых гонений.

⁸ Каллиник — мученик, пострадавший в период Дециевых гонений. Сначала был языческим жрецом, но, видя мужество мученика Фирса, уверовал во Христа.

⁹ Никифор Антиохийский — мученик, пострадавший во время гонений Валериана и Галиена.

¹⁰ Вероятно, речь идет о 20 (по другой традиции — о 200) воинах, посланных Децием за св. Христофором, но обратившихся под его влиянием в христианство и принявших за это мученическую смерть.

¹¹ Гостилиан — сын Деция, остававшийся в Риме, в то время как его отец сражался с готами, и стал императором после смерти отца. Умер от чумы в 251 г., ему на смену пришли Требониан Галл и его сын и соправитель Волузиан (251—253 гг.).

Фабиан, и вместо него стал папой святой Корнилий, и хранил он церковь в святости два года. И напали в тот год великий мор и болезни на язычников во всем Римском государстве; ведь, как рассказывает Гуго из Флери,¹ если раньше Римская империя была всеми почитаема и дела в ней шли хорошо благодаря молитвам, которые возносили за нее христианские святые, то с тех пор, как злые властители стали учинять против них гонения и всячески мучить их, настали злые времена для империи. В тот год не было в Риме ни одной провинции, ни одного города и ни одного дома, которых не коснулся бы мор, и ничто живое не избежало его. И в тот год пришел в Рим Новат, священник святого Киприана; а поскольку его не пожелали сделать папой, так как святой Корнилий управлял Церковью намного лучше, чем управлял бы он, Новат основал ересь, которая по его имени стала называться ересью новациан.²

266. О том, что произошло во второй год

Во второй год их правления, который пришелся на 1009 год от основания Рима, когда шел 293 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 255 год, случилось так, что был в Риме весьма влиятельный военачальник по имени Эмилиан;³ был он человеком низкого происхождения, но мятежным и уверенным в своих поступках; и он пожелал изменить порядок в империи и поднять мятеж против императоров, если отыщется повод. Галл и Волузиан, узнав об этом, собрали свое войско и пошли против него; и было великое сражение, и оба императора погибли в нем. И захватил Эмилиан власть в империи против воли римлян, и стал императором на три месяца, вопреки всем. А по истечении трех месяцев убили его рыцари, и его не считали среди других императоров. В тот год принял мученическую смерть святой папа Корнелий, а первосвященником вместо него сделали святого Луция.⁴ Тогда же святой Деметриан стал епископом Александрийским. Во времена этих двух императоров не было других му-

¹ Гуго Флерийский (ум. ранее 1118 г.) — бенедиктинский монах из монастыря Флери (св. Бенедикта-на-Луаре), автор ряда сочинений, в числе которых — «История королей французов, написанная в Сен-Дени», «Деяния современных королей французов» и некоторые другие. В данном случае, скорее всего, имеется в виду его «Церковная история в шести книгах» (ок. 1110 г.), доведенная до 855 г.

² Новат, прибывший из Карфагена, присоединился к ереси Новациана, который придерживался мнения о необходимости полного отлучения от Церкви совершивших смертный грех.

³ Эмилиан — префект претория Мезии и Паннонии. Стал императором при поддержке солдат.

⁴ Легенда о мученической смерти Корнелия считается позднейшей. На самом деле в изгнании умер Луций I (253—254 гг.).

чеников, за исключением святого папы Корнилия. И на этом история заканчивается рассказывать о них и переходит к повествованию о Галлиене и Валериане,¹ которые правили после них.

267. О правлении Валериана и Галлиена, и о событиях первого года

После смерти Галла и Волузиана рыцари его войска провозгласили Августом Валериана,² который был военачальником в Реции; а сенаторы провозгласили Цезарем Галлиена, который находился в Риме. Итак, они оба стали императорами и начали править в 1010 году от основания Рима, когда шел 294 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 256 год; и правили они пятнадцать лет. В первый год их правления случилось так, что Валериан показал себя очень добрым и мягким по отношению к христианам, как рассказывает Евсевий;³ он был так благочестив и так чудесно относился к ним, что дом его напоминал церковь. Но в Рим пришел дурной учитель, который стоял во главе всех кудесников Египта, и отвратил его от веры, и заставил учинить гонения на христиан. Это гонение было восьмым со времен Нерона; оно было таким жестоким и безжалостным, что за эту жестокость сурово отомстил Господь наш Иисус Христос Римской империи — правление двух этих императоров сопровождалось неудачами и разрушениями по всей земле. А какую великую резню они устроили среди христиан, вы услышите позже. В тот год, о котором мы сейчас говорим, умер папа святой Луций⁴ и апостольским владыкой вместо него стал святой Стефан,⁵ и он управлял церковью в святости четыре года, три месяца и три дня.

От первого года правления этих двух императоров и до седьмого мы ничего не говорим, потому что не произошло ничего, о чем стоило бы рассказать, ибо все их устремления заключались в том, чтобы убивать христиан везде, где распространялась их власть, кроме того, что умер святой папа Стефан, а вместо него апостольским владыкой стал святой Сикст,⁶ и он управлял церковью два года, одиннадцать месяцев и шесть дней, а святой престол пустовал двадцать два дня.

¹ Трибониан Галл отправил военачальника Валериана против восставшего Эмилиана, но войска провозгласили императором самого Валериана (253—260 гг.), который назначил соправителем своего сына Галлиена (253—268 гг.). Валериан умер в персидском плену.

² Валериан I (Публий Аврелий Лициний Валериан) — римский император в 253—260 гг.

³ *Euseb. Hist. Eccl. VII. 10.*

⁴ Луций I — римский папа в 254—257 гг., мученик Диоклетиановых гонений.

⁵ Стефан I — римский папа в 253—254 гг., мученик Диоклетиановых гонений.

⁶ Сикст II — римский папа в 257—258 гг., мученик Диоклетиановых гонений.

268. О том, что произошло в седьмой год

В седьмой год их правления, который пришелся на 1016 год от основания Рима, когда шел 300 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 262 год, случилось так, что восстал против Рима Сапор,¹ король Персии, и пошел со всеми своими войсками войной на провинции, принадлежавшие римлянам. И когда узнал об этом Валериан, то собрал большое войско и отправился сразиться с ним; и было их сражение жестоким и безжалостным, и волею Господа нашего Иисуса Христа, который пожелал отомстить императору Валериану за все зло, которое он причинил Его слугам, тот проиграл это сражение, хотя привел туда большие силы. И увел его король Сапор в Персию. Хотя Валериан был еще отроком,² он состарился и умер в неволе,³ находясь в услужении у королей той земли, одного за другим, и так всю свою жизнь и не смог вырваться оттуда. А служба, которую он нес, была такова: в знак бесчестия своего и всей Римской империи всякий раз, когда король персидский садился на коня, Валериан должен был опуститься на землю, и король ставил ноги ему на плечи и вскакивал в седло, а тот таким образом помогал ему взбираться в седло.⁴ Так он и умер в рабстве и бесчестии.

269. О событиях восьмого года

В восьмой год, который пришелся на 301 год эры, умер святой папа Сикст и вместо него стал апостольским владыкой святой Дионисий.⁵ И снова пошел Сапор, король Персидский, войной на римские провинции, и сокрушил всю Сирию, и Киликию, и всю Каппадокию. А поскольку Валериан был в плену, то сеньором империи стал Галлиен.⁶ И устрася того, что случилось с его соправителем Валерианом, и не желая следовать по его стопам, он поостерегся делать зло христианам, и на некоторое время оставил их в покое, и никто не осмеливался их мучить, и не заставлял поклоняться идолам против воли. В тот год Павел из Самосаты стал епископом Антиохийским.⁷

¹ Шапур (лат. *Sapor*) I — персидский царь из династии Сасанидов (240/243—272/273). Вел успешные войны с римлянами и захватил в плен императора Валериана, войско которого было окружено под г. Эдесса (260 г.).

² На самом деле к моменту вступления на престол Валериан был уже женатым взрослым человеком.

³ На самом деле Валериан умер насильственной смертью, описания которой различаются у разных писателей (Лактанций, Секст Аврелий Виктор).

⁴ Об этом сообщает Лактанций в сочинении «О смертях гонителей» (*Lact. De mort.* 5).

⁵ Дионисий — римский папа в 259—268 гг.

⁶ Галлиен (Публий Лициний Эгнаций Галлиен) — римский император в 253—268 гг.

⁷ Павел Самосатский (ок. 200—275 гг.) — епископ Антиохии (260—268 гг.), основатель секты павлиан, отрицавших божественную природу Христа. Был осужден на Антиохийском соборе (268 г.).

270. О событиях девятого года

В девятый год, который пришелся на 302 год эры, случилось так, что император Галлиен предался пороку и стал придерживаться всевозможных дурных обычаев, и не заботился о состоянии империи, которое стало всячески ухудшаться, и многие земли восстали против власти Рима, и отказались вносить ренты и платежи, и не желали повиноваться. Первыми взбунтовались жители Германии, которые не удовлетворились тем, что перестали повиноваться империи, но принялись разрушать все земли Италии и предавать их разграблению; разрушили Рецию, перешли через Альпы, пока не дошли до Равенны. А кроме того, начались беспорядки и столкновения в самом городе Рима, и множество римлян гибло там повсеместно. А пока Галлиен упорствовал в своем злодействе и не обращал внимания на все это, восстал могущественный военачальник по имени Примигений,¹ дабы отнять у него власть, и облекся в пурпур, чтобы продемонстрировать свое владычество, потому что такое одеяние не смел носить никто, кроме императора. Когда же люди увидели его дерзость, ведь они знали, что римляне не делали его императором по своему совету и приказанию,² то они убили его неподалеку от места под названием Мирса. После этого власть в империи захватил очень почтенный человек по имени Постум.³ А так как он видел, что Галлиен предался пороку и ни о чем не думал, то постарался удержать власть, частично силой, частично — к удовольствию людей. Но, как бы то ни было, он хорошо управлял, особенно в городе; выступил против всех врагов и отвоевал провинции, потерянные для Рима, и заставил их платить налоги, которые они платили раньше. Но, в конце концов, он рассорился с рыцарями, и его убили те же самые люди, что поддерживали его, после того как он долгое время находился у власти.

271. О событиях десятого года

В десятый год, который пришелся на 303 год эры, восстали алеманны⁴ и не удовлетворялись только лишь защитой своих земель, но собрали большое войско и разорили земли Франции. А готы напали на Грецию,

¹ Речь идет о восстании Ингенуя (у Орозия — Генуй (*Oros. Hist. VII. 22. 10*)), наместника Паннонии. Мятеж подавлен Авреолом в городе Мурса в Паннонии. Тем самым испанские хронисты дают совершенно иную этимологию его имени.

² В тексте — «*por conseio ni por mandamiento*».

³ Полководец Постум в 258 г. восстал против сына Галлиена Салонина, который был наместником императора в Галлии. Убив Салонина, Постум провозгласил себя императором «Галльской империи». Его власть сохранялась до 274 г.

⁴ Алеманны — германский племенной союз, сложившийся в начале III в., позднее оттесненный франками на территорию современной Баварии (раннесредневековой Алемании).

и на Македонию, и на Понт, и на Азию, и все их разрушили. А квады¹ и сарматы напали на земли Паннонии, то есть Фризию,² и опустошили их. Алеманны, те, что ближе к западным землям, вторглись в Испанию и захватили ее. Турки³ захватили Месопотамию и Сирию и разгромили много других провинций. О вторжении алеманнов в Испанию, как рассказывает Павел Орозий,⁴ можно понять по разрушению Таррагоны, ведь они разрушили ее целиком; в его время еще можно было увидеть следы разрушения, и как она была велика, и какие части ее были заселены. В том же году святой Максимин стал епископом Александрийским⁵ и был на этом месте четырнадцатым, и управлял церковью восемнадцать лет.

С десятого до пятнадцатого года не произошло никаких важных событий, о которых следовало бы рассказать, разве только что святой Сикст стал римским первосвященником, и был он на этом месте четырнадцатым, и управлял церковью двенадцать лет в большой святости к радости христиан. Когда римляне увидели, что во всех краях все идет плохо и они лишаются своей власти, принялись собирать в Риме рыцарей самых разумных и хорошо владеющих оружием и давать им должности и посты, благодаря которым они усмирили бы земли; и среди прочих некоего пальмирца,⁶ рыцаря, имевшего лишь щит и копье, сделали *декурионом*, то есть сеньором над десятью рыцарями. А он, считая это для себя честью и желая добиться большего, стал служить на общее благо Рима как можно лучше, он объединился с теми немногими рыцарями, что у него были, собрал вокруг себя большую толпу крестьян и батраков, выступил против Персии и сразился с персами, которые восстали против империи; и убил там столько людей, что, к их несчастью, дошел со своим войском до места, именуемого Ктесифон.⁷ В ту пору епископом Иерусалимской церкви был Именей.⁸ И тогда случилось

¹ Квады — германское племя, родственное свевам.

² Ошибка составителей хроники: историческая Фризия (Frisia) не имеет отношения к римской провинции Паннония.

³ Так в тексте (*turcos*). Возможно, речь идет об отголосках событий, связанных с гибелью Парфянского царства и становлением государства Сасанидов.

⁴ *Oros.* VII. 22. 8.

⁵ На самом деле речь идет св. Максиме (Максимиане), епископе в 264/265—282 гг.

⁶ В тексте — *un Palmireno*. Имеется в виду царь Пальмиры Оденат (260—267 гг.) и его персидский поход 262 г. Ниже в хронике он будет назван своим именем. Хотя хронисты, по-видимому, не поняли, что речь идет об одном и том же человеке.

⁷ Ктесифон — один из крупнейших городов поздней Античности, располагался недалеко от современного Багдада.

⁸ Именей — епископ Иерусалима в 260—298 гг.

так, что Павел Самосатский, епископ Антиохийской церкви, который был очень мудр, разошелся в представлениях о проповеди со всеми другими святыми и восстал, возродив ересь Артемона.¹

272. О событиях пятнадцатого года

В пятнадцатый год, который пришелся на 1024 год от основания Рима, когда шел 308 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 270 год, случилось так, что после смерти Постума, о коем мы вам уже рассказывали, императорскую власть силой захватил некто по имени Марий, но его потом убили.² Затем на его место взошел некий Викторин,³ и его избрали императором Франций, где он в то время жил, но очень скоро его тоже убили. Тогда власть перешла к другому человеку, которого звали Тетрик⁴ и который в ту пору жил в Испаниях, в районе Гаскони, куда его отправили римляне, дабы хранить эту землю и законное право в ней. Там у Тетрика случились разногласия с рыцарями, и Франций восстали против него. А когда римляне увидели, что так плохи дела в тех землях, то отправили туда свои войска, и убили Тетрика, и захватили весь тот край. В это же время на востоке восстали люди, жившие в горах, которые называли Пальмирскими, и сплотились под началом своего предводителя, которого звали Оденат Пальмирский,⁵ и с победоносными боями прошли до Сирии, заняв город, называемый Ктесифон. Когда это случилось, и пока различные места восставали то тут, то там, императором оставался Галлиен; но он столь отдался пороку и безумствам, что и не думал защищать свои владения. В итоге он отправился в Милан, и являл столь дурные нравы, и поступал, как ему вздумается, не наказывая восставших за мятежи и беды, происходившие в стране, что там его и убили. И скажем еще, что во времена Валериана и Галлиена приняли мученическую смерть следующие святые мученики:⁶

¹ Артемон — законоучитель ереси динамитов, отрицавших божественную сущность Христа.

² Марий захватил власть после того, как Постума, незадолго до того разгромившего римское войско во главе с Лелианом, убили его собственные солдаты.

³ Викторин — третий император Галльской империи (269—271 гг.), сподвижник Постума.

⁴ Тетрик I — четвертый император Галльской империи (271—274 гг.), наместник Аквитании при Викторине. В 274 г. потерпел поражение от Рима, и Галльская империя была присоединена к Империи.

⁵ Оденат — правитель Пальмирского царства (260—267 гг.), с 262 г. соправитель Галлиена на Востоке. Завоевал обширные территории в Междуречье. Убит двоюродным братом.

⁶ Часть имен идентифицировать не удалось.

святой Приск, святой Александр, святой Малх,¹ святой Марин,² святой Астерий,³ святой папа Луций, святой папа Стефан, святой Фруктуоз, святой Авгурий, святой Евлогий,⁴ святой Киприан, епископ Карфагенский, святой епископ Приват, святой Прот, святой Иакинф,⁵ святой Понтий,⁶ сорок святых воинов, святой Иовин, святой Василий, святой Зенон, епископ Веронский,⁷ святой епископ Агапий, святой епископ Секундин, святой рыцарь Эмилиан, тридцать святых мучеников, именуемых «белой массой»,⁸ святой Полихроний, епископ Вавилонский, святой Пармений-епископ, святой Авдон, святой Сеннис, святой Олимпий, святой Максим,⁹ святой папа Сикст, святой Лаврентий,¹⁰ святой Ипполит с товарищами, святой рыцарь Роман. Но на этом история заканчивает рассказывать о Галлиене и начинает повествование о Клавдии,¹¹ который правил после него.

¹ Приск (погиб в 260 г.) — христианский мученик из Кесарии. Претерпел мучения вместе со святыми Малхом и Александром. Они были брошены на съедение диким зверям в амфитеатре во времена гонений, начатых императором Валерианом.

² Святой Марин (ум. в 366 г.) — считается основателем старейшей существующей до сих пор в мире республики — Сан-Марино (301 г.).

³ Вероятно, Астерий Урбан (II или III век) — христианский писатель.

⁴ Святой Фруктуоз, епископ Таррагоны, и его диаконы Авгурий и Евлогий были схвачены по приказу наместника Эмилиана и сожжены на костре в амфитеатре в 259 г.

⁵ Прот и Иакинф — рабы святой Евгении Римской, ушедшие вместе со своей госпожой в монастырь.

⁶ Понтий — мученик III в., сын римского сенатора, растерзан дикими зверями на цирковой арене.

⁷ Зенон Веронский (ум. в 370/371 г.) — епископ Вероны, латинский богослов и писатель. Прославился борьбой с арианской ересью в период правления императоров Констанция и Валента.

⁸ Белая масса (каст. *la massa blanca*) — наименование 30 сарагосских мучеников Дециевых гонений. Обманом выманенные из города, они были растерзаны, а их тела, чтобы исключить почитание единоверцами, были смешаны с трупами казненных преступников из городской тюрьмы и сожжены в общем погребальном костре, дабы нельзя было различить останки. Однако вскоре после этого пепел, оставшийся от сожженных мучеников, побелел, отделившись от черного пепла (того, что осталось от нехристиан). См.: *España Sagrada*. Т. 30. Madrid: En la Imprenta de Don Antonio de Sancha, 1775. P. 282.

⁹ Имеется в виду либо Максим из Авеи (ум. в 250 г.) — христианский мученик, диакон из Авеи (нынешняя Фосса, регион Аbruццо, Италия), либо Максим из Малой Азии, богатый купец (ум. в 250 г.). Оба пострадали при Деции.

¹⁰ Лаврентий Римский (ум. в 258 г.) — архидиакон римской христианской общины, казненный во время гонений, воздвигнутых императором Валерианом. Часто изображается с решеткой — орудием своей казни.

¹¹ Клавдий II (268—270 гг.), умер от чумы.

*273. О правлении Клавдия,
и также о событиях первого года*

После смерти Галлиена Клавдий стал римским императором, и он начал править в 1025 году от основания Рима, когда шел 309 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 271 год, и правил он один год и девять месяцев. Его избрали императором рыцари и весь римский сенат. Клавдий был мужем весьма умеренным во всех своих поступках, а также тем, кто преотлично показал себя в управлении империей. К тому году, когда он начал править, готы уже пятнадцать лет опустошали Иллирию и Македонию; и пошел император Клавдий против них с великими войсками, и была жестокая битва, и император победил их. А потом он пошел на алеманнов, которые также восстали против империи, и триста тысяч воинов прошли, опустошая всю землю; он сразился с ними возле озера Бенак;¹ и хотя их было множество, он убил так много, а едва ли половина осталась в живых.

274. О событиях второго года

Во второй год, который пришелся на 310 год эры, случилось так, что из-за великих битв, выигранных императором Клавдием, римский сенат даровал ему золотой щит, который выставили при дворе вместе с прочими, и также отлили золотую статую по его подобию и поставили ее на Капитолии среди прочих. Однако никакая из этих почестей не продлила дней императора Клавдия; вскоре он отправился в город, именуемый Сирмий,² там заболел и умер от той болезни на десятый месяц второго года правления. У этого Клавдия был брат по имени Квинтилл,³ чьи поступки всегда были очень добры, так что люди любили его больше, чем брата. После смерти Клавдия его сделали императором в одной из провинций, где он тогда находился с войском. Но, как бы он ни был добр, через семнадцать дней после того, как он стал императором, его убили в Аквилее. И поскольку его правление продолжалось так недолго, его не включили в перечень императоров. А во времена императора Клавдия погибли мученической смертью следующие мученики: святой Квирин, святой Марий, святой Авдифакс, святой Аввакум, святой Цезарий, святой Юлиан, святой Феликс-епископ, святой Евсевий-монах, святой Валентин-епископ, двести сорок святых мучеников, святой Кирин, святой Феликс-папа, шестьдесят шесть воинов-мучеников, которые охраняли Кириллу, дочь Деция, святой

¹ Бенак — озеро в Северной Италии, неподалеку от Вероны.

² Сирмий — город в Римской Паннонии, место рождения и смерти Клавдия II.

³ Квинтилл (270 г.) — срок его правления по разным источникам расходится от семнадцати дней до нескольких месяцев.

Киприан, святой Феодосий. Но на этом история заканчивает рассказывать об императоре Клавдии и обращается к императору Аврелиану, который правил после него.

275. О правлении Аврелиана, и о событиях первого года

После смерти Клавдия императором стал Аврелиан,¹ который начал править в 1027 году от основания Рима, когда шел 311 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 273 год; и правил он пять лет и шесть месяцев. Он был человеком очень мудрым и решительным в бою и знал множество способов победить врага; он сразился с готами, которые опустошали его земли, и без труда одолел их. И как рассказывают истории, он всегда напоминал своими поступками великого Александра и Юлия Цезаря, поскольку он усмирил все земли, восставшие против Рима, и установил власть империи повсеместно, и она расширилась до прежних границ.

276. О событиях второго года

Во второй год его правления, который пришелся на 312 год эры, случилось так, что во Франции поднялся Тетрик, сын другого Тетрика, о котором мы уже говорили,² и Аврелиан пошел против него, и победил его в местности, именуемой Каталаунами,³ и пленил его войско, и захватил всю землю. В то время в земле Востока жила владычица по имени Зенобия, жена Одената, человека весьма могущественного; после его смерти она захватила всю власть на Востоке, завоевывала и опустошала всю землю. Император Аврелиан двинул свои войска против нее и настиг ее в Тимасе,⁴ местечке недалеко от Антиохии, и состоялось между ними несколько сильных сражений, но в конце концов он ее победил. В той битве участвовал удивительный человек по имени Помпеян, который совершил немало добрых дел и нанес немало славных ударов.⁵ Евсевий рассказывает в этом месте, что в его времена в Антиохии было много достославных людей, которые возводили свой род к этому рыцарю, и что из этого рода вы-

¹ Аврелиан (270—275 гг.) — присоединил Галльскую империю и Пальмирское царство, подавил восстания нескольких варварских племен.

² На самом деле Тетрик II лишь помогал отцу.

³ Дурокаталаун, совр. Шалон-ан-Шампань. Место будущей битвы при Каталаунских полях 451 г.

⁴ Имеется в виду Иммах близ Антиохии, где произошла первая битва с войсками Зенобии. Второй была битва при Эмесе.

⁵ Известен только как военачальник при Аврелиане и участник войны с Зенобией.

шел священник Евагрий, его добрый друг. После того как император Аврелиан победил в двух этих сражениях, он на радостях двинулся в Рим, и все римляне вышли, чтобы встретить его с почестями; он выпустил перед собой Тетрика и Зенобию, чтобы люди видели их и полюбовались, каких пленников он привел. Но поскольку Тетрик был человек весьма достойный, римляне вознаградили его и сделали наместником в Лукании. А Зенобия жила в большой славе в Риме до конца своих дней и состарилась в почете, и из ее рода, продолжавшегося долгое время, вышло множество рыцарей, и их звали потомками Зенобии. В то время епископом Лаодикийским стал Евсевий — муж, весьма почитаемый Церковью.¹

277. О событиях третьего года

В третий год, который пришелся на 313 год эры, император Аврелиан провел три великих сражения в Италии и победил во всех. В тот год провозгласил себя императором в Далмации некий могущественный муж по имени Септимий; но он не продержался долго, потому что его очень скоро убили его собственные люди. Это время было весьма удачным для церкви благодаря доброте императора, который пекался об улучшении положения в империи и не принимал дурных советов преследовать христиан; и тогда епископы созвали в Антиохии преславный собор против Павла Самосатского² — епископа, поддержавшего ересь Артемона, о чем вы уже слышали, и победили его, и вынесли ему приговор, и объявили его еретиком. Это случилось по обвинению Малхиона, антиохийского священника,³ сердце коего горело искоренением той ереси. Малхион был человеком очень мудрым и образованным, и все епископы, собравшиеся на совет, поручили ему вести диспут с Павлом и позвали писцов, дабы они записывали все, что те говорили друг другу. Малхион одержал победу, Павла отлучили и лишили его епископского сана. Но поскольку в своем городе он был могущественным, то не захотел покидать епископский дворец по доброй воле; и тогда епископы и все прочие христиане просили императора, чтобы он удалил его оттуда

¹ Идентифицировать не удалось.

² Антиохийский собор 269 г., главным образом посвящен осуждению Павла Самосатского.

³ Малхион Антиохийский — священник из Антиохии, живший в период царствования императоров Клавдия II и Аврелиана. Малхион был уважаем за свое знание христианских трудов, кроме того, он был главой антиохийской школы греческой литературы. Известен тем, что участвовал в третьем Антиохийском соборе (269 г.) и сыграл определяющую роль в осуждении и низвержении Павла Самосатского, епископа Антиохии. В ходе дискуссии с Павлом Малхион открыто обвинил того в ереси и добился его низложения.

силой, и император приказал своим наместникам и жителям города, чтобы они изгнали его. Они повиновались, и вместо него епископом этой церкви стал святой человек по имени Домн.¹

278. О событиях четвертого года

На четвертый год его правления, который пришелся на 314 год эры, приказал император Аврелиан изготовить роскошную золотую корону, и возложил ее на голову, и облачился в одежды, расшитые золотом и драгоценными камнями; в Риме же не привыкли к такому, и ни один император не делал этого ранее. В тот год завершил он возведение крепких и высоких стен вокруг города Рима, и воздвиг величественный храм в честь Солнца, и разместил в нем столько золота и драгоценных камней, что и не счесть; он устроил в театре великий праздник в честь Солнца,² где провели много игр и благородных забав;³ и установил день для ежегодного устройства этих игр; и это были первые игры, учрежденные в честь Солнца. Он стал первым императором, который обучил римский народ есть свинину и многим другим вещам, ранее непривычным для них. В тот год он снова как следует снарядил войска и послал их частью на восток, а частью на запад; и он ходил во многие земли и усмирил всех, так что никто не дерзал восстать против империи.

279. О событиях пятого года

В пятый год его правления, который пришелся на 1027 год от основания Рима, когда шел 315 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 277 год, вернулся император Аврелиан в Рим весьма довольный и с превеликой радостью, как тот, кто обрел полную власть над всем Западом и Востоком, и все встречали его с большими почестями. А он, исполнившись безмерного высокомерия, осмелел и убил многих знатных людей города и еще многим вынес смертные приговоры, и убил своих племянников, и проявлял большую жестокость, убивая людей, и все его разлюбили. Тогда он уехал из города и принялся странствовать по земле; однажды, когда он ехал по дороге, молния ударила рядом с ним и его рыцарями. Один его раб, который видел, что все рыцари желают ему зла, задумал предательство с целью убить его; а заговор был такой: он показал им грамоту, где его рукой были написаны имена многих из тех, кого он хотел

¹ Домн — епископ Антиохии с 270—273 г.

² Возможно, речь идет о празднике в честь персидского Митры, бога солнца.

³ В тексте — «*muchos juegos et muchas noblezas*».

убить. И когда те узнали об этом, они убили его на пути между Константинополем и Гераклеей. И так же как он начал чинить зло римлянам, так же стал он жестоким и весьма безжалостным к христианам и учинил против них девятое гонение. Так мы обнаруживаем, что в его времена были убиты следующие святые мученики: святой Сабиниан, святой Патрокл,¹ святой Бенигн, святой Приск,² святой Феликс, святой Фортунат, святой Андохий, святой Тирс, святой Симфориан,³ многие другие святые мученики, святой Ревериан-епископ,⁴ святой Павел-епископ,⁵ десять святых мучеников, святой Ириней-диакон, святой Тертуллиан, святой Евтихиан, святой Квирин, святой Конон, святой Спевсипп, святой Элевсипп, святой Неон,⁶ святой Трифон,⁷ святой Магдал, святой Капразий, святой Мамес, святой Агапит. Но на этом история заканчивает говорить об императоре Аврелиане и начинается повествование об императоре Таците, который правил после него.

280. О правлении Тацита

После смерти Аврелиана императором в Риме стал Тацит,⁸ в тот год, когда сравнялось 1028 лет от основания Рима и шел 316 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 278 год; и правил он шесть месяцев. Тацит был человеком премудрым в деле управления империей, весьма благородным и образованным; но мы не расскажем ни о каком крупном событии, которое случилось бы во время его правления. И все потому, что, когда он начал странствовать по земле и делать добрые дела, рыцари убили его

¹ Патрокл — мученик, живший в г. Трикассине и погибший во времена Аврелиана.

² Приск (погиб в 272 г.) — мученик галльский. Был офицером в римских легионах, стоявших в Галлии. Вместе со своим товарищем Коттом он бежал от гонений из Безансона, но был схвачен в Осере и там казнен вместе с несколькими младшими чинами и местными жителями.

³ Симфориан и Феликс — миряне, согласно преданию, чудесным образом исцеленные святым Севастианом, пострадавшим при Диоклетиане.

⁴ Ревериан (ум. в 273 г.) — христианский мученик, епископ Отонский. Был обезглавлен вместе со своим другом Павлом и десятью товарищами во времена императора Аврелиана.

⁵ Павел Нарбонский (III век) — святой епископ Нарбонский, или сотоварищ епископа Ревериана.

⁶ Святые мученики Спевсипп, Елевсипп, Мелевсипп и бабка их Леонилла и с ними Неон, Турвон и Иовилла пострадали в Галлии (по другому сказанию, в Каппадокии) во II веке, во время гонения Марка Аврелия (161—180 гг.).

⁷ В тексте — *Tripol*.

⁸ Тацит (275—276 гг.) — назначен императором сенатом в возрасте 75 лет. Скончался в Тиане (Каппадокия), по некоторым версиям был убит, по другим — от болезни.

на острове Понт через шесть месяцев после начала правления. Мы находим, что иначе его звали Хасинкто.¹ После его смерти сделали императором другого, по имени Флориан. И через два месяца и два дня после начала правления его убили в городе Тарс.² А поскольку период его правления был так короток, то нигде не произошло никаких важных событий, о которых стоило бы рассказать; и поэтому его не считают в перечне императоров. Но на этом история заканчивает говорить о Таците и Флориане и начинает рассказывать о Пробе, который был императором после него.

281. О правлении Проба, и о событиях первого года

После смерти Тацита и Флориана римским императором стал Проб.³ Первый год его правления пришелся на 1029 год от основания Рима, когда шел 316 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 279 год. И этот император Проб был человеком весьма достойным к управлению империей, добрым и прямодушным и во многом напоминал императора Аврелиана. В тот год восстали против него варвары с многочисленным войском и начали опустошать всю Францию. Узнав об этом, император Проб собрал множество хорошо снаряженных рыцарей и пошел на варваров; и провел много больших и кровопролитных сражений, и совершил много добрых дел, потому что он был хорошим рыцарем и его немало восхваляли за это; в конце концов, он победил варваров и убил многих из них, а оставшихся изгнал за пределы страны и установил свою власть во Франции, усмирил восставших и вернул их на свои места, и оставил эту землю в мире, подвластной Риму. В тот год избрали святого Феликса первосвященником римским,⁴ и он был двадцать пятым после святого Петра; и управлял церковью пять лет в святости, к удовольствию христиан. И мир вошел в такую эпоху, когда восставали повсюду, и среди прочих восстал некто по имени Мани⁵ — он происходил из персов и был человеком незаурядного ума и сильно отличался от варваров своей жизнью и нравами — а поскольку на его языке Мани означает «посланник», а он носил это имя, то он обезумел и назвался Параклетом, что также означает «посланец Святого Духа». И так он положил начало ереси манихеев, и начал проповедовать в разных странах, и учить людей, что у вещей есть два на-

¹ В тексте — *Jacincto*, видимо, результат неверного прочтения имени *Tacitus*.

² Флориан.

³ Проб (276—282 гг.) — легионер незнатного происхождения; провозглашен императором солдатами, недовольными Флорианом, выбранным сенатом в Риме.

⁴ Феликс I (269—274 гг.), активный участник полемики с Павлом Самосатским.

⁵ Мани (216—277(?) гг.) — его имя означает «дух». Другое имя — Параклет (греч. «утешитель»).

чала: доброе начало и злое начало; светлое начало и темное начало; и что добро создано светом, а зло — тьмой. И эти его слова — большая ложь и великая неправда, ибо Бог есть начало всех вещей, которые были и которые будут, и Он создал все добрым, а если что и есть злое, как, например, дьявол и все зло в мире, то они стали таковыми сами, ибо Бог создал их добрыми; и так было со всеми вещами, хотя они и испортились потом на земле.

282. О том, что произошло во второй год

Во второй год его правления, который пришелся на 318 год эры, случилось так, что ересь манихеев, о которой мы говорили выше, разрослась и распространилась по всему миру, и стала вредить всему роду человеческому, и святые своими проповедями не могли истребить ее ни тогда, ни еще много лет спустя.

283. О том, что произошло в третий год

В третий год, который пришелся на 319 год эры, даровал император Проб французам в Паннонии разрешение разбивать виноградники и владеть ими, потому что до этого времени не было у них таковых, а также позволил своим рыцарям разводить виноград в то время, когда нет войны, в местности, именуемой Альма, и по всей горе Аурея.¹ После того как они были обустроены, он отдал их обрабатывать местным людям.

284. О том, что случилось в четвертый год

В четвертый год, который пришелся на 320 год эры, Кирилла возвели в сан епископа Александрийского, и он был восемнадцатым на этой кафедре.² Тогда же Сатурнин, полководец над римским войском, начал заселять город, которому дал имя Антиохия Новая,³ и стал звать себя императором, и хотел захватить власть силой, и стал мало-помалу продвигаться. В конце концов его убили в городе, именуемом Апамея.⁴

¹ Альма — гора близ Сирмия в Паннонии, Аурея — в Верхней Мезии (см. Vict., XXXVII)

² Кирилл Александрийский (376—444 гг.) — епископ Александрии в 412—444 гг. Святой. Один из наиболее почитаемых Отцов Церкви. Известен своей жестокой политикой по отношению к иноверцам. В частности, в 414—415 гг. инициировал изгнание иудеев из Александрии. Кроме того, с его согласия была убита женщина-философ Гипатия (415 г.). В 431 г. инициировал созыв III Вселенского собора и добился осуждения ереси Нестория.

³ Монеты узурпатора Сатурнина чеканились в Антиохии, которую он восстановил (Prosopographia. P. 808)

⁴ Апамея — город в Сирии на р. Оронт, современный Калат аль-Мудик.

285. О пятом годе

На пятый год, который пришелся на 321 год эры, избрали в Риме апостольским владыкой Евтихиана,¹ и он был на этом месте двадцать шестым, но его папство длилось не более восьми месяцев. А после него избрали папой Гая,² который был двадцать седьмым первосвященником со времен святого Петра, и его понтификат продолжался пятнадцать лет.

286. О том, что произошло в шестой год

В шестой год, который пришелся на 1038 год от основания Рима, когда шел 322 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 274 год, случилось так, что император Проб, хотя и был весьма прямодушным и благородным во всех своих поступках и во многом, как мы уже говорили, напоминал императора Аврелиана, был человеком с твердым сердцем, и не терпел чванства и небрежения в рыцарях, и часто их притеснял, о чем вы уже слышали, когда история рассказывала, как он заставил их выращивать виноград в то время, пока нет войны; и после того как он выиграл бесчисленное число сражений и усмирил земли, находившиеся под его властью, он сказал, что в скором времени для рыцарей не будет работы в его землях. Из-за этих огорчений и из-за пожалований они все восстали против него и убили его в Сирмии в железной башне.³ Но на этом история прекращает говорить о Пробе и расскажет об императоре Каре и его сыновьях, которые правили после него.

287. О правлении Кара и его сыновей, Нумериана и Карина

После смерти Проба императором стал Кар. И первый год его правления пришелся на 1039 год от основания Рима, когда шел 323 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 285 год. И после того как он получил империю, он сделал равными себе по власти своих сыновей Нумериана и Карина,⁴ которые помогали ему править. И правили они согласно два го-

¹ Евтихий или Евтихиан (275—283 гг.) — на самом деле восемь лет, а не восемь месяцев. Хронист ошибается.

² Гай (283—296 гг.), родственник императора Диоклетиана, умер мученической смертью.

³ Согласно «Истории Августов», Проб хотел скрыться от солдат в железной башне, но они настигли его там.

⁴ Кар (282—283 гг.), правил вместе с сыновьями, которые стали его преемниками: Карин (283—285 гг.), Нумериан (283—284 гг.).

да. Император Кар был уроженцем Нарбона, города, расположенного во Франции на западе, и был он человеком великодушным, рыцарственным и даровитым военачальником. Он собрал свое войско и отправился воевать с сарматами, которые были очень беспокойными и восстали против империи и сражались очень смело. А в то время, пока он воевал с ними, пришли вести о том, что началось волнение среди персов и они восстали против власти Рима. И тогда он двинулся туда и пошел на Персию со всеми своими силами и взял с собой Нумериана, своего сына, который был юношей достойным во всех поступках, разве что имел пристрастие мучить христиан. И когда оба они, отец и сын, пришли туда, то вступили в яростное сражение с персами; и, хотя Кар был человеком великодушным, он убил многих из них, и захватил Кокен¹ и Ктесифон — самые известные города во всей той земле.

288. О том, что произошло во второй год

Во второй год, который пришелся на 324 год эры, случилось так, что император Кар, войска которого находились в месте, именуемом Тигр, был поражен ударом молнии и убит ею. А у его сына Нумериана в то время сильно болели глаза, и, когда его отца похоронили, он повелел отвезти себя в Рим. И его привезли туда больного на носилках. Когда он так вернулся, то был тайно убит своим тестем Апром, а как именно — никто не знает; и тот спрятал его тело на какое-то время, чтобы захватить власть. Но его преступление открылось, когда стали допрашивать тех, кто нес его, и рыцари, которые сопровождали носилки, нашли его гниющий труп. Когда же это случилось, его брат Карин, который был младше и оставался править Иллирией и Италией, пока отец был в Персии, стал совершать много дурного и убивать безвинных, и казнить по всяким поводам, и разрушил множество почтенных семейств, и насиловал женщин, а тех, кто упрекал его в бесчестии, считал злодеями, хотя они были правы, и в конце концов убивал. Из-за таких поступков он потерял власть и впоследствии не считался императором.² И знайте, что во времена этих трех императоров, Кара и его сыновей Нумериана и Карина, были замучены следующие святые мученики:³ святой Мавр-монах, святой Хрисанф,⁴ святой Клавдий,⁵

¹ Кокен — «знаменитейший город в Персии» у Евтропия (*Eutrop. Brev. IX. 18. 1*).

² Убит в сражении с Диоклетианом. Посмертно предан «проклятию памяти» как запятнавший себя.

³ Удалось идентифицировать лишь часть имен.

⁴ Хрисанф и Дария Римские (III в.) — христианские святые мученики.

⁵ Клавдий (убит ок. 270 г.) — мученик Интерамнский.

святой Иасон,¹ святой Мавр,² сорок святых воинов, святой Диодор, святой Мавриан, святой Юст, святой Абундий, святой Никифор, святой Викториан, святой Клавдиан, святой Диоскор, святой Серапион, святой Папий. Но на этом история заканчивает говорить об императоре Каре и сыне его Нумериане и начинает рассказывать о Диоклетиане и Максимиане, которые правили после них.

289. О правлении Диоклетиана и Максимиана

После смерти Кара и Нумериана рыцари, которые были с ними в Персии, а также те, кто уже вернулся оттуда, сделали императором рыцаря по имени Диоклетиан.³ И первый год его правления пришелся на 1041 год от основания Рима, когда шел 325 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 287 год; и правил он двадцать лет. Император Диоклетиан происходил из Далмации, и был он человеком такого низкого происхождения, что никто не мог сказать наверняка, кем был его отец, и некоторые считали его вольноотпущенником сенатора Ануллина, а другие — сыном писца; а истина состоит в том, что он был сыном писца и вскормленником Ануллина. Но, несмотря на все это, он был человеком очень мудрым и очень искусным, и придерживался добрых обычаев, и обладал большим умом; однако был чрезмерно свиреп и многожды проявлял жестокость по отношению к людям, которым завидовал; и многих из них он убил, а многих лишил их владений; но, несмотря на такие его поступки, люди сильно любили его, и он очень заботился об укреплении господства Рима. И когда рыцари дали ему власть над империей, они заставили его поклясться перед всей курией,⁴ что он не причастен к смерти Нумериана, и он поклялся. Поклявшись в том, он, дабы еще больше снять с себя всю вину, взял в руки нож и напал на бывшего там Апра, который убил Нумериана, и зарезал его перед всеми своей рукой. И, как мы сказали, он был первым императором, давшим подобную клятву. В это время Карин шел с большим войском и делал много зла и чинил много бед. Диоклетиан снарядился и пошел против него, и между ними состоялась великая битва в местности, именуемой Марга, и Карин потерпел поражение и погиб.

¹ Иасон — мученик из круга святых Хрисанфа и Дарии, убит в 282 г.

² Мавр (III в.) — христианский мученик Парнетийский, первый епископ Пореча (Хорватия).

³ Диоклетиан (Гай Аврелий Валерий Диоклетиан) (245—313 гг.) — римский император в 284—305 гг. Выдающийся реформатор. Гонитель христиан (303—311 гг.).

⁴ В тексте — *corte*.

290. *О том, что произошло во второй год его правления*

На второй год правления Диоклетиана, который пришелся на 326 год эры, случилось так, что во Франции все крестьяне восстали против империи и поставили над собой двоих — одного по имени Аманд и другого по имени Элиан — и дали им имя багаудов, и начали они опустошать землю. Когда узнал об этом император Диоклетиан, он поставил Цезарем достойнейшего рыцаря по имени Геркулий Максимиан,¹ так как знал, что он очень хороший воин, проявивший себя в бою, и приказал ему сразиться с ними. И собрал Максимиан большое войско, и пошел на этих земледельцев во Франции, и победил их, и убил многих из них, и усмирил эту землю, и вновь сделал ее подвластной Риму. В этом походе были убиты святые воины Фиваидского войска, и погибли там святой Маврикий со всеми своими товарищами за то, что они были христиане и не желали приносить жертвы идолам.² И Максимиан в великой радости вернулся к Диоклетиану, и тот принял его с большим почетом; и поскольку ранее тот был Цезарем, теперь провозгласил его Августом и сделал своим соправителем и равным себе по власти. И оба они вместе правили с того момента еще восемнадцать лет, не считая двух лет, которые Диоклетиан уже процарствовал. Максимиан был очень жесток и страшен; и суровость его духа и храбрость сердца видны были на его лице, отражавшем жестокость и беспощадность; но, несмотря на это, он обуздывал свою природу и свое сердце, и во всех советах придерживался того, что Диоклетиан считал правильным.

291. *О событиях третьего года*

В третий год, который пришелся на 327 год эры, случилось так, что некий рыцарь по имени Караузий,³ человек невероятно дурной, начал обращаться с рыцарями так сердечно и хорошо, что они превозносили его, и он приобрел большую славу среди них. Тогда император Диоклетиан послал его из Болоньи с большим римским войском охранять моря у берегов Бел-

¹ Максимиан (Марк Аврелий Валерий Максимиан Геркулий) — соправитель Диоклетиана (285—305 гг.), управлявший западом Империи; узурпатор в 306—308 и 310 гг.

² Фиваидский легион — базировался в Египте, откуда был отправлен на подавление мятежа багаудов. Максимиан устроил большое жертвоприношение в честь победы, в котором легион, возглавляемый Маврикием, отказался участвовать, за что все солдаты были казнены.

³ Караузий (ум. в 293 г.) — галл, участник войны с багаудами, провозгласил себя императором и укрылся в Британии.

гики и Арморики, и все побережье Океана и великого моря, потому что там все время случались нападения французов и саксов. И когда он прибыл туда, то сразился с ними, и пленил их, захватил всю их добычу, а самих отпустил и получил от них множество богатств; и не вернул добычу туда, откуда она была захвачена, и не отослал ее императорам; и тогда они заподозрили, что эти люди совершали набеги на земли и грабили по его наущению и что они отдавали ему всю добычу; и так он весьма обогатился. Когда же узнал об этом император Максимиан, то приказал убить его. Эта новость дошла до Караузия, и он захватил Британию и завладел ею; и облекся в пурпурные одежды, которые были знаком императоров, и никто не осмеливался надевать их, кроме императоров, императриц и цезарей.

292. О том, что произошло в четвертый год

В четвертый год, который пришелся на 328 год эры, дела в Римской империи пошли плохо и восстали против нее люди по всей земле. И как Караузий восстал в Британии, также восстал и магнат Ахиллей в Египте;¹ и в Африке восстали рыцари, именовавшиеся пентаполитанцами,² и сражались, и нанесли много вреда земле, потому что местные жители не хотели поддерживать их; а на Востоке также разгорелась кровопролитная война из-за короля Персии по имени Нарсес.³

293. О событиях пятого года

В пятый год, который пришелся на 329 год эры, увидели императоры Диоклетиан и Максимиан, что власть их пошатнулась, и они не могут сами вести войны повсюду. А потому они сделали цезарями Констанция⁴ и Галерия Максимиана,⁵ двух магнатов, которых очень почитали рыцари. Констанций был внуком императора Клавдия, сыном его дочери; а Галерий Максимиан родился в Дакии, неподалеку от города Серди-

¹ Ахиллей — корректор Египта, один из зачинщиков мятежа при узурпаторе Домиции Домициане. Унаследовал титул от него. Казнен по приказу Диоклетиана в 298 г.

² Пентаполитанцы — жители Пятиградия в Киренаике.

³ Нарсес (Нарсе) — сын Шапура I, царь Персии (293—302/303 гг.), проиграл войну Риму ок. 298 г. Царю удалось бежать, но в руки императора Галерия попали его жены, сестры и дети, а также казна и другая добыча.

⁴ Констанций Хлор (250—306 гг.) — римский император: цезарь в 293—305 гг. (при Максимиане), август в 305—306 гг.

⁵ Максимиан Галерий (250—311 гг.) — император в 293—311 гг., цезарь Диоклетиана.

ка.¹ И императоры, дабы быть более уверенными в них и привязать к себе родственными узами, заставили Констанция развестись с женой Еленой,² от которой у него был сын Константин, впоследствии ставший императором, и женили его на Феодоре, родственнице императора Геркулия Максимиана; и у него родилось от нее шестеро детей, братьев и сестер Константина. А Галерия Максимиана также заставили оставить свою жену и женили на Валерии, дочери Диоклетиана. И после того, как свадьбы были сыграны, все четверо двинули свои войска против Караузия в Британию и сразились с ним; но он отразил их нападение. И увидев, что тщетно бороться с таким хорошим воином, как Караузий, который был мудрым военачальником, они примирились с ним; и отдали ему в управление Британию, которая раньше была римской провинцией. И он оставался ее господином на протяжении семи лет, в том числе три года до этой войны и четыре года после нее. А они разошлись со своими войсками в разные стороны: император Диоклетиан пошел в Египет против Ахиллея, император Геркулий Максимиан — в Африку против пентаполитанцев, цезарь Галерий Максимиан пошел против Нарсеса, короля Персидского, а цезарь Констанций — во Францию против алеманнов, которые опустошали ее, и каждый из них сражался изо всех сил.

От шестого года, который пришелся на 330 год эры, мы не нашли записей о важных событиях, о которых надо было бы рассказать, кроме того, что восстали против Рима два города — один Бусирис, а другой Коптос;³ и отправили туда императоры свои войска и разрушили их до основания.

294. О том, что произошло в седьмой год

В седьмой год, который пришелся на 331 год эры, одержал император Диоклетиан победу над мятежниками, именуемыми карпами,⁴ а также теми, что называются бастернами,⁵ и над сарматами, которые восстали против империи на Востоке. И чтобы они больше не устраивали мятежей, он их прогнал с их земель и увел в плен в Рим.

¹ Ныне — София (Болгария).

² Елена (Флавия Юлия Елена Августа) (ок. 250—303 гг.) — мать императора Константина, христианка. Известна своей деятельностью по распространению христианства, а также раскопками в Иерусалиме, в ходе которых, согласно христианской традиции, были обретены Гроб Господень, Животворящий Крест и другие реликвии. Почитается как Елена Равноапостольная.

³ Оба города в Египте.

⁴ Карпы — фракийское племя, обитавшее в нижнем течении Дуная.

⁵ Бастарны — племя, обитавшее в нижнем течении Дуная (*Eutrop. Brev. IX. 25*).

295. *О событиях восьмого года*

В восьмой год, который пришелся на 332 год эры, Диоклетиан заставил поклоняться себе, как богу, и украсил драгоценными камнями свои одеяния и сандалии; и он был первым императором, который поступил так, потому что другим императорам люди так не поклонялись и приветствовали их, как судей, и те не украшали одежду драгоценными камнями, а самым большим отличием в одежде от других людей у них был пурпур, который они носили в знак своей власти, и никто другой не осмеливался носить его, кроме императора, императрицы и цезарей, как уже рассказывала история.

296. *О том, что случилось в девятый год*

В девятый год, который пришелся на 333 год эры, исполнилось семь лет с тех пор, как Караузий захватил власть над Британией и оборонял ее с помощью доброго рыцарства от всякого, кто пытался напасть. Но у него был сопровитель по имени Аллект,¹ которому он очень доверял, а тот предательски убил его; и после его смерти захватил власть в Британии и удерживал ее силой три года, и был господином всей этой страны. В тот же год избрали святого Марцеллина² папой в Риме, и он был двадцать восьмым и управлял церковью девять лет.

297. *О событиях десятого года*

В десятый год, который пришелся на 334 год эры, случилось так, что император Диоклетиан, который завоевал и покорил весь Египет, окружил Ахиллея, который восстал против него, в Александрии; и захватил его через восемь месяцев после начала осады, и убил его, и покорил всю эту землю, и учинил там множество зверств, повсюду убивая всех, кто задумывал восстать, а многих других изгнал или угнал в плен в другие страны.

От одиннадцатого года, который пришелся на 335 год эры, не записано никаких важных событий, о коих следовало бы рассказать, кроме того, что Замвду³ рукоположили в епископы Иерусалимские, и он наследовал тридцати семи другим епископам.

¹ Был казначеем при Караузии; убил Караузия после того, как тот проиграл битву при Булоне.

² Марцеллин (296—304 гг.) — во время гонений отрекся от веры, но потом раскаялся и был казнен.

³ Замвда — епископ Иерусалимский в 298—300 гг.

298. О том, что произошло на двенадцатый год

На двенадцатый год, который пришелся на 336 год эры, исполнилось три года с тех пор, как начал Аллект управлять Британией после убийства Караузия, своего соправителя; и в тот год напал на него с большим войском Асклепидот, наместник римский, и убил его, и вновь сделал Британию провинцией империи, которой она не повиновалась уже десять лет. В то же время Констанций Цезарь весьма успешно воевал с алеманнами; и как-то в один день претерпел он обе превратности войны, ведь в один день он сумел как победить, так и потерпеть поражение. Послушайте, как это было: он был осажден в городе со своими людьми, и туда, в центр города, ворвалось войско алеманнов, и они убили всех, кто находился внутри; так что сам Констанций едва смог скрыться с немногими людьми, которые сбросили веревки со стены. Оказавшись за пределами города, он собрал другое войско, ожидавшее там, и в тот же день напал на алеманнов, и убил их шестьдесят тысяч человек, и освободил Францию, и установил в ней мир.¹

299. О событиях тринадцатого года

В тринадцатый год, который пришелся на 337 год эры, цезарь Галерий Максимиан дважды бился с Нарсесом, королем Персидским, между двух городов, один под названием Каллиник, а другой — Карр, и потерпел поражение в обоих сражениях, и потерял всех своих людей и все, что принес с собой; но это не потому, что Галерий был плохим рыцарем² или трусом, а из-за дурного совета, полученного им, привести мало людей против многочисленного противника. И поскольку он потерпел поражение в этом городе Карре и не смог сдержать персов, то он отправился за императором Диоклетианом в Египет. И, как рассказывают истории, там его приняли с таким презрением за понесенное поражение, что он как был, одетый в пурпурные одежды, как и подобает Цезарю, принужден был несколько миль бежать за колесницей Диоклетиана. Когда Галерий Максимиан увидел это, то повернул назад в Иллирию³ и Мезию⁴ и через год привел оттуда большое и хорошее войско, дабы снова сразиться с Нарсесом; так он и поступил, как расскажет история ниже.

¹ У Евтропия (*Eutrop. Brev. VII. 23*) все наоборот: Констанций проникает в город, залезая туда с помощью веревки.

² В тексте — «*caullero de armas*».

³ Провинция на северо-западе Балканского полуострова.

⁴ Провинция на северо-востоке Балканского полуострова.

300. О том, что произошло на четырнадцатый год

На четырнадцатый год, который пришелся на 338 год эры, Ветурий, начальник римского войска, начал убивать христиан за то, что они не хотели поклоняться идолам; и так мало-помалу началось гонение, самое суровое из тех, что были ранее и потом. А также мы находим запись, что в этом году отправил Галерий Максимиан свои войска туда, куда он соби-рался.

301. О том, что произошло на пятнадцатый год

На пятнадцатый год, который пришелся на 339 год эры, Галерий собрал свои войска и отправился в Персию сражаться с королем Нарсесом, который был дедом Ормизда и Сапора¹ — двух королей, которые правили после него. Он повел войну гораздо разумнее, чем раньше, и большими силами; так что в день, когда началась битва, он с тремя рыцарями подошел к сторожевой башне Нарсеса и захватил ее; когда увидели это дозорные противника, завязали бой, и те стали теснить их и победили. И Нарсес бежал, а Галерий сокрушил все персидское войско и захватил жен, сестер и детей короля Нарсеса и все удивительные великие сокровища Персидского королевства, и преследовал Нарсеса до самых границ его владений. Оттуда он вернулся со всей добычей и отправился к императору Диоклетиану, который в то время проживал в Месопотамии, тот принял его очень хорошо и с большими почестями и даровал ему все, что он захватил, и оба стали добрыми друзьями. После этого они вдвоем выиграли множество сражений и завоевали множество земель. В то время с Диоклетианом находился Константин,² сын Констанция Цезаря и Елены, и он вырос весьма пригожим и разумным юношей доброго нрава, и люди очень любили его; и по этой причине император Диоклетиан по наущению Галерия Максимиана решил убить его из зависти и из страха, что тот отнимет у него власть. Но поскольку все желали добра Константину, он узнал об этом и бежал. И Господь наш Иисус Христос возжелал сохранить его ради Себя и уберег его от зла; и он вернулся живой и невредимый к своему отцу Констанцию, который находился тогда во Франции.

302. О том, что случилось на шестнадцатый год

На шестнадцатый год, который пришелся на 340 год эры, император Максимиан в тяжелых сражениях победил пентаполитанцев, на которых он пошел со своими войсками, и усмирил их, и восстановил власть Рима

¹ Гормизд II (302—309 гг.), Шапур II (309—379 гг.).

² Константин I (Флавий Валерий Аврелий Константин) (272—337 гг.) — римский император в 306—337 гг., выдающийся реформатор, покровитель христиан.

над всей Африкой, и построил в Карфагене, который был столицей этой земли, бани, названные «термами Максимиана»; и оттуда он отправился в Рим. А Диоклетиан также повелел воздвигнуть в Риме бани и дал им свое имя, и они стали называться «термами Диоклетиана».

А про семнадцатый год, который случился в 341 год эры, мы не нашли записей о важных событиях, о которых стоило бы рассказать; разве только о смерти Феоны,¹ епископа Александрийского, и о том, что после него рукоположили в епископы святого Петра; и он был семнадцатым и принял мученическую смерть на девятый год гонений.

303. О событиях восемнадцатого года

На восемнадцатый год, который пришелся на 342 год эры, римские императоры Диоклетиан и Максимиан в великой радости от завоевания многих земель по всему миру и восстановления своей власти над империей, вернулись в Рим; и устроили великие празднества в память об этих победах. Они ездили по всему городу на колеснице, а перед ними вели всех жен, сестер и детей Нарсеса, короля Персии, и несли все драгоценности и все богатства, захваченные в Персии и во всех прочих странах.

304. О событиях девятнадцатого года

На девятнадцатый год, который пришелся на 343 год эры, приключилось ужасное землетрясение в Сидоне, и пало много прекрасных башен и дворцов, и погибло много людей. В тот год Диоклетиан и Максимиан втайне начали десятое гонение на христиан, которое длилось десять лет² и было самым жестким и самым страшным из всех; так, в пасхальные дни они повелели снести все церкви, сколько их было в мире, и сожгли все книги, где говорилось о вере в Иисуса Христа, и казнили столько христиан, сколько могли, желая полностью изничтожить их.

305. О событиях двадцатого года

В двадцатый год, который пришелся на 344 год эры, увидел император Диоклетиан, что он сильно постарел и не может хорошо управлять империей, и привел своего соправителя Геркулия³ Максимиана, и заклю-

¹ Феона — епископ Александрийский (282—300 гг.)

² Диоклетиановы гонения 303—311 гг., приостановленные Галерием, но окончательно прекращенные только с изданием Миланского эдикта Константина-Лициния (313 г.).

³ Максимиан принял прозвище «Геркулий», поскольку представлялся воплощением Геркулеса.

чил с ним договор, что они оба откажутся от власти в пользу более молодых, которые лучше справятся с этим, чем они. И Максимиан против своей воли согласился и сильно опечалился. И потому оба они в один день отказались от власти и почестей: Диоклетиан — в Риме, а Максимиан — в Никомедии. И они выбрали себе места, дабы прожить остаток дней в уединении и без помех; Максимиан предпочел поселиться в Лукании, а Диоклетиан — в деревне неподалеку от города Салона; и там они провели свою старость в мире и без треволнений. И знайте, что во времена этих двух императоров приняли мученическую смерть следующие святые мученики:¹ святой Ансан,² святой Сабин-епископ, святой Григорий из Сполето,³ святой Хрисогон, святой Секунд, святой Анфим,⁴ святой Виктор Медиоланский,⁵ святой Марцеллин, святой Петр,⁶ святой Эразм, святой Луперкул, святой Прим, святой Фелициан, святой Виктор, святой Александр, святой Лонгин, святой Вит, святой Модест,⁷ святой Вериссим, святой Кириак, святой Сатурнин, епископ Тулузский, святой Марсилий Леонский, святой Серван, святой Герман, святой Факунд, святой Примитив,⁸ святой Эметерий, святой Селедоний,⁹ святой Фаустин, святой Януарий,¹⁰ святой Марциал, святой Клавдий, святой Руперт, святой Викторик, святой Роман, святой Исихий,¹¹ святой Аполлоний с товарищами, множество мучеников без счета, святой Ацискл, святой Адриан с товарищами, святой

¹ Часть имен мучеников Диоклетиановых гонений идентифицировать не удалось.

² Ансан (Ансан Креститель, Ансан Сиенский) (ум. в 304 г.) — мученик Диоклетиановых гонений, христианский святой, небесный покровитель Сиены.

³ Григорий (ум. в 304 г.) — мученик из Сполето; обезглавлен по приказу Диоклетиана.

⁴ Анфим (ум. в 303 г.) — мученик из Рима.

⁵ Виктор Мавр (ум. ок. 303 г.) — мученик из Милана, почитается как святой воин.

⁶ Петр и Маркеллин (Марцеллин) (казнены в 304 г.) — мученики из Рима.

⁷ Модест, Крискентия (Крискенция) и Вит (умерли в 303 г.) — мученики Диоклетиановых гонений. Модест являлся воспитателем Вита, а Крискентия была его кормилицей. Когда Гилас, отец Вита, попытался отвлечь сына от христианской веры, они тайно увели его из родительского дома. Модест и Вит предстали перед судом, были осуждены и заключены в темницу, где подвергнуты пыткам. Крискентия, выйдя из толпы зрителей, объявила о своей христианской вере и была подвергнута такому же мучению.

⁸ Факунд и Примитив — христианские святые времен Диоклетиана, почитаемые православной и католической церквями в лике мучеников.

⁹ Эметерий и Селедоний — мученики Диоклетиановых гонений, почитаются как святые покровители столицы Кантабрии Сантандера и поселения Калаорра (в Ла-Риохе), недалеко от которой они приняли смерть.

¹⁰ Януарий — мученик Диоклетиановых гонений, почитается как святой покровитель Неаполя.

¹¹ Исихий (ум. в 302 г.) — сенатор из Антиохии, мученик.

Косьма, святой Дамиан,¹ святой Феликс, епископ Картагенский, святой Кукуфат,² святой Феликс Геронский,³ святой Панкратий, святой Виктор Марсельский,⁴ святой Панталеон, святой Себастьян, святой Транквиллин, святой Никострат, святой Тибурций, святой Кастул, святой Марцеллиан, святой Марк, святой Юлиан, святой Цельс с товарищами, святой Викентий-диакон,⁵ святой Юст, святой Пастор,⁶ святой Винцентий Авильский, святой Маврикий с товарищами, святой Валерий, святой Тибурций, святой Максимин, святой Кассий, святой Флорентий, семеро святых товарищей, святой Гереон, его триста восемнадцать святых товарищей, святой Виктор, его тридцать святых товарищей, триста шестьдесят святых мучеников, святой Клавдий, святой Никострат, святой Симфориан, святой Касторий, святой Симплиций,⁷ четверо коронованных святых, чьи имена: святой Север, святой Севериан, святой Карпофор, святой Викторин; святой Мина, святой Петр, святой Дорофей, святой Горгоний с товарищами, святой Анфим-епископ,⁸ святые мученики никомедийские и мелетенские, святые мученики палестинские, святые мученики египетские, святой Филеас-епископ, святой Филором, святой Адмикт со многими другими, святой Феликс Тубисцинский,⁹ святой Петр из Аулано, святой Винцентий, святой Оронтий, святой Виктор-диакон, святой Гемин, святой Блас, двое святых младенцев, святой Агрикола, святой Виталий, святой Аскла, святой Филимон, святой Аполлоний, святой Ариан, четверо святых защитников, святой Иринея, епископ Сирмийский, святой Домн, святой Януарий, епископ Бенавентский, святой Фест-диакон, святой Дезидерий-чтец, святой Сабин, епископ Ассизский, святой Марцелл-диакон, святой Венустиан, трое святых сыновей Феодоты, святой Флориан, святой Прим, свя-

¹ Косьма (Козьма) и Дамиан — христианские святые, почитаемые как бессребреники, врачеватели и чудотворцы, жившие, согласно церковной традиции, во второй половине III — начале IV вв.

² Кукуфат — мученик Диоклетиановых гонений, живший на рубеже III и IV вв.; почитается как один из святых покровителей Испании.

³ Феликс Жеронский (ум. в 307 г.) — диакон, христианский мученик.

⁴ Виктор Марсельский (ум. в 303 или 304 г.) — мученик Диоклетиановых гонений, погибший в Марселе.

⁵ Викентий Сарагосский (ум. в 304 г.) — мученик Диоклетиановых гонений, погибший в Сарагосе.

⁶ Юст и Пастор (ум. в 304 г.) — мученики Диоклетиановых гонений, погибшие в Комплудуме (ныне — Алькала-де-Энарес).

⁷ Симплиций (IV в.) — первый епископ Ольбии (о. Сардиня), мученик Диоклетиановых гонений.

⁸ Анфим Никомидийский (ум. в 302 г.) — епископ Никомедии, мученик Диоклетиановых гонений.

⁹ Феликс (ум. в 303 г.) — епископ Тиббуки, мученик Диоклетиановых гонений.

той Фелициан, святой Альб, святой Сергей, святой Вахх, святой Фирмин Амбианский,¹ святой Феликс, святой Адавкт, святой Симплиций, святой Фаустин,² святой Феодор, житель Амасии Геллеспонтской, святой Анцея, король варваров, двенадцать святых мучеников, святой Сильван, святой Тираннион, святой Пелей-епископ, святой Лин-епископ, святой Зиновий-священник со многими другими без счета, святой Викторик-рыцарь, святой Марцеллин-папа, святой Клавдий, святой Сирион, святой Апропиан, святой Папий, святой Мавр, множество святых мучеников, святой Генезий, святой Киприан, святой Викентий-диакон, святой Валерий, епископ Сарагосский,³ святой Квинтиллиан, святой Кассиан,⁴ десять святых мучеников и с ними еще шестеро, именуемых «белой массой»,⁵ святой Георгий,⁶ святой Капразий, святой Квинтин, святой Фускиан, святой Викторик, святой Гентиан, святой Юст-младенец, святой Крисп, святой Криспиниан, святой Руфин, святой Валерий, святой Димитрий Фессалоникийский,⁷ святой Наркисс-епископ, святой Евлазий, святой Матурин, святой Платон, святой Максим, святой Клавдий, двое его святых сыновей, святой Феликс, святой Фортунат, брат его, святой Иоанн Никомедийский,⁸ святой Элевферий, множество святых мучеников без счета, святой Карпофор-священник, святой Абундий-диакон, тридцать святых мучеников, двадцать святых мучеников, святой Антер-папа, святой Квирион-епископ, святой Гавин, святой Агай-папа, святой Мариан, святой Иаков, святой Виктор, святой Урс, святой Тарак, святой Проб, святой Андроник, святой Эсихин. Но теперь история заканчивает рассказ об этом и начинает повествование об императоре Галерии Максимиане, который правил после того, как Диоклетиан и Максимиан оставили власть.

¹ Погиб в Амьене.

² Симплиций, Фаустин и Беатриса (ум. в 302 или 303 г.) — мученики Диоклетиановых гонений, погибли в Риме.

³ Валерий Сарагосский (ум. в 315 г.) — епископ Сарагосы в 290—315 гг. В 313 г. участвовал в соборе в Эльвире (Иллиберис, современная Гранада). Его учеником и другом являлся святой Викентий, сарагосский диакон. Оба были арестованы в Валенсии во время гонений и подвергнуты пыткам. Валерий Сарагосский был сослан в город Аннет (ныне — Ане), где и скончался. Почитается как святой покровитель Сарагоссы.

⁴ Кассиан (ум. в 303 или 305 г.) — епископ Имолы, мученик Диоклетиановых гонений.

⁵ См. выше прим. к гл. 272.

⁶ Георгий (почитается как Георгий Победоносец) — римский центурион, мученик Диоклетиановых гонений. В 303 или 304 г. был обезглавлен.

⁷ Димитрий Солунский (Фессалоникийский) (ум. в 306 г.) — по традиции, римский чиновник, наместник провинции Мезия. Мученик Диоклетиановых гонений.

⁸ Иоанн Никомедийский (ум. в 303 г.) — римский аристократ, публично разорвавший эдикт Диоклетиана о запрещении христианства; мученик Диоклетиановых гонений.

306. *О правлении Галерия Максимиана, и о том, что произошло в первый год его царствования*

После того как Диоклетиан и Максимиан отказались от власти, Галерия Максимиана и Констанция, которые были цезарями, провозгласили августами и сделали императорами, и они разделили между собой империю на две части — чего никогда не делали другие императоры — и Галерий взял себе Иллирию и Азию и весь Восток, а Констанций — Францию, Италию, Испанию и всю Африку. Но поскольку Констанций был человек добрый, умеренный и очень мирный, то он, не желая лишнего, отдал Галерию в управление Италию и всю Африку и остался владеть Франциями и Испаниями, и сказал, что не желает брать титул императора, а вполне довольствуется именованьем августа; и поэтому он не считается в перечне императоров. А Галерий Максимиан стал императором всего Рима и правил два года. И первый год его правления пришелся на 1061 год от основания Рима, когда шел 345 год эры, а от Рождества Господа нашего это был 307 год. Император Галерий, который был человеком весьма доброго нрава и искусным в рыцарском деле, увидев, что под его управлением оказались Италия и Африка, сделал цезарями двух весьма достойных рыцарей, одного по имени Север,¹ а другого — Максимин.² И Север стал наместником всей Италии, а Максимин — Востока. А сам он остался в Иллирии.

307. *О событиях второго года*

Во второй год его правления, который пришелся на 346 год эры, пребывал Констанций Август³ в Британии, и там был с ним Константин, сын его и Елены. И, как рассказывала выше история, Констанций был очень хорошим господином доброго нрава, хотя он и был язычник и любил обогащать своих вассалов и людей во всей земле; а платежи, которые собирались, он одни отменил, а доходы от других стал распределять среди своих людей. И чем дальше, тем больше обогащались его люди, и он раздавал им богатства, которые держал в крепостных башнях и замках. А поскольку он все раздавал, казна истощалась; так что каждый раз, когда он принимал гостей на праздниках, он всегда брал взаймы кувшины, кубки и блюда. И хотя он был язычник, он никогда не причинял вреда христианам, и не разрушал церкви, и не запрещал им молиться, подобно прочим

¹ Флавий Север II (Флавий Валерий Север) — римский император, цезарь в 305—306 гг., август — в 306—307 гг.

² Максимин II Даза (Гай Галерий Валерий Максимин Даза) (273—313 гг.) — римский император в 305—313 гг.

³ Констанций Хлор. См. прим. к гл. 293.

императорам. И многие в его окружении были христианами, а те, кто хотел приносить жертвы богам, подобно ему, могли делать это в домах и на службе; и он творил им много добра и милостей; а те, кто не хотел приносить жертв, могли спокойно придерживаться христианства у себя в доме, и они благодарили его, что он не велит убивать их. И многие приносили жертвы, чтобы не потерять почести и богатства мира сего, хотя и не желали отставлять христианской веры, коей они придерживались. Тогда Констанций прогнал от себя тех христиан, кто приносил жертвы, и не пожелал держать при себе таковых, потому что говорил, что не может служить сеньору и хранить верность императору тот, кто лжет и предаст своего Бога. И за эту доброту императора Констанция Господь наш даровал ему такого хорошего сына, который правил после него. И ведя такую жизнь, как вы слышали, заболел Констанций в Британии тяжелой болезнью и, увидев, что он скоро умрет, сделал императором Константина, сына своего от Елены, и оставил его наследником над Британией и над всей прочей землей, которой он владел. И затем отошла душа его от тела. И по этой причине закончилось в тот год правление Галерия Максимиана, который правил с Констанцием, потому что с тех пор императором считался Константин за его великую доброту. И знайте, что во времена этого императора Галерия приняли смерть следующие мученики: святой Секунд,¹ святой Кириак,² святой Ларг, святой Смарагд, святой Крискентиан и с ним еще семнадцать мучеников, святой Марцелл, папа.³ Но на этом история заканчивает рассказ о нем и начинает повествовать об императоре Константине, сыне Елены.

¹ Известны разные христианские мученики, носившие это имя. В данном случае, вероятно, речь идет о мученике Диоклетиановых гонений, почитаемом в ряду «двух тысяч святых мучеников» (Гликерия, Зинона, Феофила, Дорофея, Мардония, Мигдония, Индиса, Горгония, Петра, Евфимия, Никострата, Агафия, Домны, Феофила, Антония и др.).

² Кириак (ум. ок. 309 г.) — мученик Диоклетиановых гонений, римский диакон, почитаемый в Западной Церкви в числе «14 святых помощников». Принял мученичество наряду с папой Маркелом (Марцеллом) I, диаконом Сисинием, мучениками Сатурнином, Ларгом, Смарагдом и др. Считается, что они погибли от истязаний.

³ Марцелл I — римский папа в 308—309 гг.

RESUMEN

Estoria de España es una de las obras maestras de la historiografía medieval castellana y una de las primeras crónicas de la Europa occidental escrita en lengua vulgar (en castellano medieval). *Estoria de España* fue compuesta por la iniciativa y bajo la tutoría del rey de Castilla y León Alfonso X el Sabio (1252—1284) y abarca desde el periodo del legendario Hércules (el poblador de España) hasta la muerte del rey Fernando III el Santo (1217—1252), padre del Rey Sabio. El primer tomo de la presente edición incluye artículos introductorios y la parte inicial del texto de la crónica dedicada al periodo desde la población de la Península y hasta el reinado del emperador romano Constantino el Grande. El libro está destinado a investigadores medievalistas, especialistas en la cultura e historia de España, estudiantes así como a todos los interesados en la historia e historiografía de la Edad Media occidental.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Presentación</i> (C. Iglesias Cano). Представление (К. Иглесиас Кано)	6
<i>Presentación</i> (I. Fernández-Ordoñez Hernández). Представление (И. Фернандес-Ордоньес Эрнандес)	12
Вступительные замечания	16
Сведения об участниках проекта	27

«ИСТОРИЯ ИСПАНИИ»: ВРЕМЯ, ТЕКСТ, КОНТЕКСТ

<i>Глава 1.</i> Альфонсо X Мудрый, его эпоха и его «История Испании» (О. В. Ауров)	31
<i>Глава 2.</i> Альфонсо X, король Кастилии и Леона: к истории одного неудавшегося политического проекта (Ж. де Айяла Мартинес)	95
<i>Глава 3.</i> Эволюция церковной политики Альфонсо X: ключи к интерпретации (Х.-М. Ньето Сория)	135
<i>Глава 4.</i> «История Испании» как литературный памятник (И. В. Ершова)	148
<i>Глава 5.</i> Кастильский язык в эпоху создания «Истории Испании» (Н. А. Пастушкова)	167
<i>Глава 6.</i> «История Испании»: история текста и рукописная традиция (И. Фернандес-Ордоньес Эрнандес)	177

Miscellanea

<i>Глава 7.</i> Альфонсо X Мудрый в зеркале хронистики конца XIII—начала XIV веков (А. В. Марей)	249
<i>Глава 8.</i> Альфонсо X проклинает своего сына (Ж. Мартен)	280

<i>Глава 9.</i> «Ересиарх» и «лжепророк»: образ Мухаммада в «Истории Испании» (<i>Е. С. Марей</i>)	311
<i>Глава 10.</i> « <i>Traición de los judíos</i> »: «аллегорические» евреи «Истории Испании» (<i>Л. В. Чернина</i>)	325

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ
Комментированный перевод

Перечень глав в кодексах Y. 1.2 и X. 1.4 из Королевской библиотеки монастыря св. Лаврентия в Эскориале	345
Текст по кодексу Y. 1.2 (XIII в.) [E ₁]	394
Resumen	759

ÍNDICE GENERAL

<i>Presentación (C. Iglesias Cano). Представление (К. Иглесиас Кано)</i>	6
<i>Presentación (I. Fernández-Ordoñez Hernández). Представление (И. Фернандес-Ордоњес Эрнандес)</i>	12
Notas introductorias	16
Información sobre intérpretes y colaboradores.	27

“ESTORIA DE ESPAÑA”: ÉPOCA, TEXTO, CONTEXTO

<i>Capítulo 1. Alfonso X el Sabio, su época y su “Estoria de España,, (O. Aurov)</i>	31
<i>Capítulo 2. Alfonso X, rey de Castilla y León: la construcción de un proyecto político frustrado (C. de Ayala Martínez)</i>	95
<i>Capítulo 3. Claves interpretativas de la política eclesiástica de Alfonso X (J. M. Nieto Soria)</i>	135
<i>Capítulo 4. “Estoria de España,, como monumento literario (I. Ershova)</i>	148
<i>Capítulo 5. El castellano medieval de la época de la creación de “Estoria de España,, (N. Pastushkova)</i>	167
<i>Capítulo 6. La transmisión textual y la tradición manuscrita de la “Estoria de España,, (I. Fernández Ordoñez)</i>	177

Miscellanea

<i>Capítulo 7. Alfonso X el Sabio en el espejo de las crónicas desde los fines del siglo XIII hasta los comienzos del siglo XIV (A. Marey)</i>	249
<i>Capítulo 8. El rey maldice a su hijo: Alfonso X y Sancho IV (G. Martin)</i>	280

<i>Capítulo 9.</i> «Heresiarca» y «pseudoprofeta»: imagen de Mahoma en la “Estoria de España,, (<i>E. Marey</i>).	311
<i>Capítulo 10.</i> «Trayción de los judíos»: judíos «alegóricos» de la “Estoria de España,, (<i>L. Chernina</i>)	325

ESTORIA DE ESPAÑA
Traducción comentada

Lista de capítulos según los códices Y. I.2 и X. I.4 de la Real Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial	345
Texto según el código Y. I.2 (siglo XIII) [<i>E</i> ₁].	394
Resumen	759

Научное издание

Альфонсо X Мудрый и сотрудники

**ИСТОРИЯ ИСПАНИИ,
которую составил благороднейший король дон Альфонсо,
сын благородного короля дона Фернандо
и королевы доньи Беатрис. Т. 1**

Редактор издательства *О. В. Пржигодзкая*

Художник *П. Палей*

Корректор *Л. А. Галаганова*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Компьютерная верстка *А. Л. Селяниновой*

Подписано к печати 18.01.2019.

Формат 70 × 90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 56.2. Уч.-изд. л. 54.7.

Тираж 300 экз. Тип. зак. № 62.

Издатель: Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

naukaspb.com

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»

(Типография «Наука»)

121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039690-6

9 785020 396906